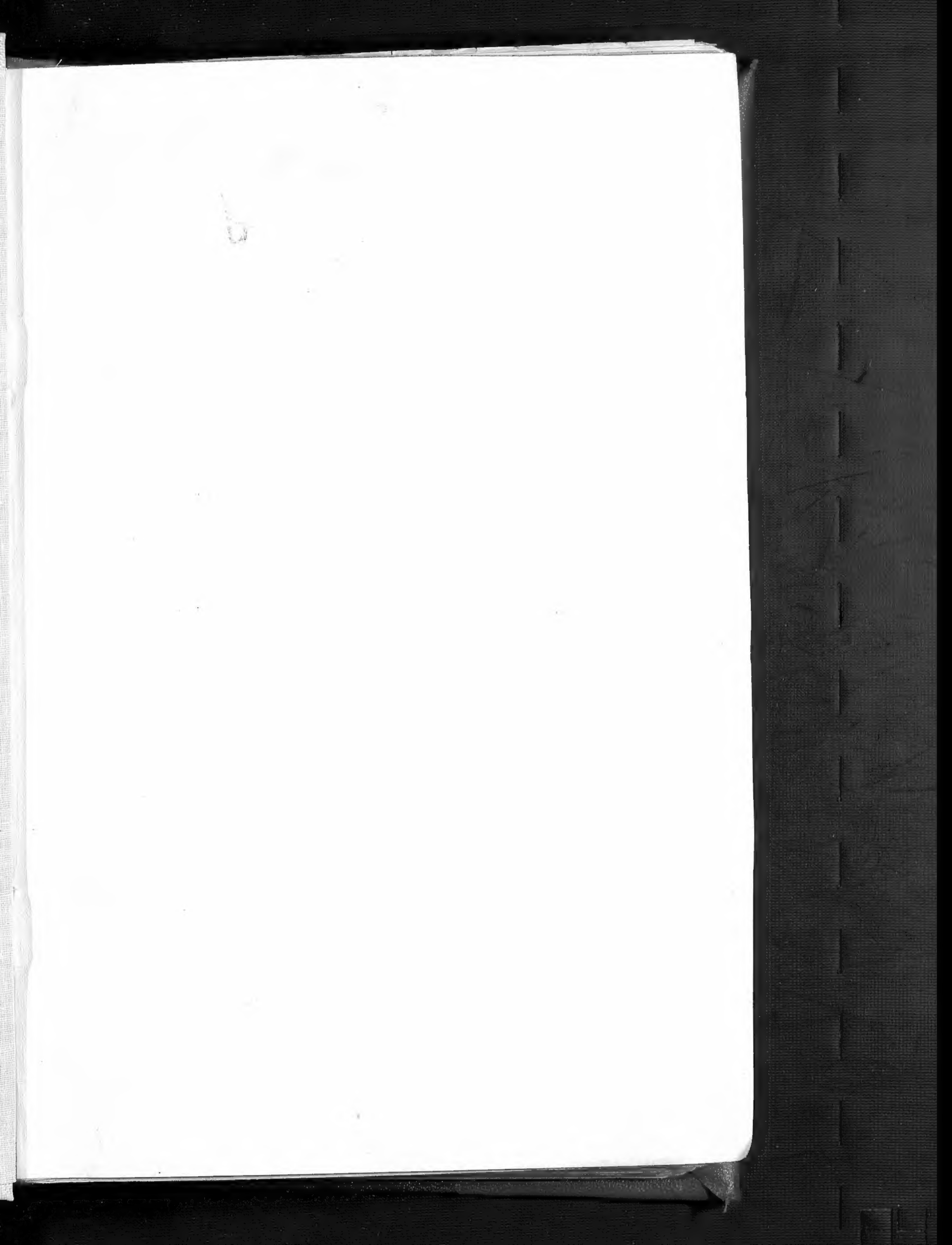
КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

Ю
Щ-64
-1-



НО
4464

ИСТОРІЯ
КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО
ВОЙСКА.

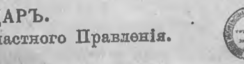
Томъ I.

Исторія края.

Составилъ членъ-корреспондентъ Императорской Академіи наукъ и почетный членъ Кубанскаго Областного Статистическаго Комитета

Ф. А. Щербина.

ИНСТИТУТ
ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, МЕДИЦИНСКОЙ СТАТИСТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ
680



ЕКАТЕРИНОДАРЪ.
Типографія Кубанскаго Областного Правленія.
1910.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
М 23982-95

Оглавленіе.

Стран.

ОТЪ АВТОРА . . . . I—V.

ВВЕДЕНІЕ . . . . VII—XV.

Глава I. **Естественно-историческія условія края и первобытный человѣкъ.**

Общій характеръ края. Образованіе Кавказскаго хребта. Горные перевалы. Горныя долины. Геологическія образованія поверхности. Ископаемыя богатства. Воды. Черное море. Азовское море. Рѣки. Озера. Топографическое дѣленіе области на четыре части. Климатъ. Почвы. Флора. Фауна. Первобытный человѣкъ . . . . 1—124

Глава II. **Мифологическая исторія.**

Прометей. Людоѣды. Амазонки . . . . . . 125—165

Глава III. **Богатырскіе памятники и древнѣйшіе народы Кавказа.**

Сказанія о богатыряхъ. Дольмены или богатырскія хаты. Строители дольменовъ. Мѣстонахожденіе арійцевъ. Киммерійцы. Скифы . . . . . 166—248

Глава IV. **Босфорское царство.**

Археологическія изслѣдованія о Босфорскомъ царствѣ. Топографія Босфорскаго царства. Города. Греки и скифо-меотійскія народности. Цари и архонты Босфорскаго царства. Культурное значеніе грековъ въ исторіи Босфорскаго царства . . . . . 248—303

Глава V. **Кочевники завоеватели и пришельцы Сѣвернаго Кавказа.**

Кочевники завоеватели. Готы. Тетракситы. Гунны. Болгары. Хазары. Печенѣги. Торки. Половцы. Русское и Тмутараканское княжества. Монголы. Легенда о Тамерланѣ. Генуэзцы. Татары и турки . . . . 303—336

Глава VI. **Борьба русскихъ войскъ и казачества съ горцами и татарами.**

Тяготѣніе русскихъ къ Кавказу. Дѣйствія русскихъ на Сѣверномъ Кавказѣ при Петрѣ I и послѣ него. Участіе калмыковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ горцевъ и татаръ. Военныя дѣйствія русскихъ подъ командою генерала де-Медема. Ногайскіе татары. Дѣйствія Суворова на Кубани. Командованіе кавказскими войсками генералъ-поручика Потемкина. Походы генерала Текеллія за Кубань. Военныя дѣйствія за Кубанью отряда генерала Бибикова. Взятіе Анапы русскими войсками подъ командою гр. Гудовича . . . . . 336—420

Глава VII. **Исторія казачества.**

Вопросъ о происхожденіи казачества. Связь вѣчевого устройства съ организаціей казачьихъ общинъ. Запорожская Сичь и ея организація. Донское казачество . . . . 420—466

Глава VIII. **Возобновленіе запорожскаго казачества за Бугомъ.**

Разрушеніе Запорожской Сичи въ 1775 году. Война Россіи съ турками въ 1787 г. и образованіе изъ бывшихъ запорожцевъ волонтерныхъ командъ. „Войско черноморскихъ вѣрныхъ казаковъ". Участіе Черноморскаго войска въ турецкой войнѣ. Заселеніе черноморцами земель между Бугомъ и Днѣстромъ. Стремленіе казаковъ къ переселенію на Кубань и посылка депутатовъ въ Петербургъ съ ходатайствомъ о пожалованіи войску „Тамани съ окрестностями оной" . . . . 466—506

Глава IX. **Переселеніе черноморцевъ изъ за Буга на Кубань.**

Естественныя условія и состояніе Кубанскаго края во время переселенія черноморцевъ на Кубань. Передвиженіе войска изъ за Буга на Кубань четырьмя партіями. Характеристика главныхъ дѣятелей казачества: Головатаго, Чепиги и Котляревскаго. Составленіе ими основного акта по управленію войскомъ—„Порядка общей пользы". Отличительныя черты этого акта. Разселеніе войска въ Черноморіи. Возникновеніе гор. Екатеринодара . . 506—557

Глава X. **Хозяйственный бытъ и внутренняя жизнь черноморцевъ.**

Натуральный характеръ казачьяго хозяйства. Хутора и скотоводство. Лѣса. Солепромышленность. Рыболовство. Винная монополія. Войсковая казна. Натуральныя повинности: дорожная, почтовая и поставка топлива регулярнымъ войскамъ. Торговля и мѣновые дворы. Чума 1796 года. Классовое дѣленіе войска на старшину и казаковъ. Духовное казачье сословіе. Екатерино-Лебяженская пустынь. Семейный бытъ казаковъ. Судъ и судебныя формы . 557—601

Глава XI. **Сосѣди черноморцевъ, военная служба, походы и волненія казаковъ.**

Некрасовцы. Черкесы и мирныя въ первое время отношенія ихъ къ казакамъ. Плѣненіе Безкровнаго и черкесскіе грабежи. Попытки организаціи кордонной службы. Черноморская гребная флотилія. Походъ казаковъ въ Польшу. Персидскій походъ. Побѣги казаковъ въ Персіи изъ Черноморскаго отряда. Персидскій бунтъ . . . . 601—654

Глава XII. **Заселеніе Старой Линіи.**

Заселеніе Линіи донцами. Историческія волненія казачества на Дону. Побѣги донскихъ полковъ съ Кубани и бунтъ казаковъ подъ предводительствомъ Бѣлогорохова. Бунтъ 5-ти казачьихъ станицъ. Побѣги казаковъ изъ Тавріи. Водвореніе донцовъ на Кубани . . . . 655—670

Рисунки:

1. Видъ Эльбруса съ Бермамута 4
2. Продольный профиль Кавказскаго хребта въ предѣлахъ Кубанской области 6
3. Видъ Эльбруса со стороны Терской области 10
4. Видъ Эльбруса со стороны Кубанской области 11
5. Грязевой вулканъ „Сопка Блевака" около Тамани 14
6. Зубры 18
7. Рѣка Псекупсъ и Волчьи ворота 32
8. Реставрація неандертальскаго типа 111
9. Находки каменнаго и бронзоваго вѣка въ Кубанской обл. . 119
10. Прикованный Прометей 128
11. Освобожденный Прометей 131
12. Полифемъ требуетъ вина 144
13. Амазонка 154
14. Русскіе богатыри 167
15. Пшадскій дольменъ у шоссе 181
16. Пшадскій дольменъ у шоссе 182
17. Джубгскій двойной дольменъ 183
18. Дольменъ съ каменною втулкою на Дегуакской полянѣ . . 187
19. Большой дольменъ на Богатырской дорогѣ близъ ст. Царской 188
20. Полукруглый дольменъ нъ р. Жане 194
21. Каменныя гробницы по р. Кефаръ, въ 15 верстахъ отъ ст. Сторожевой 197
22. Схема арійскихъ народностей 203
23. Битва кимровъ съ амазонками 216
24. Убѣгающій отъ врага скифъ 223
25. Сцена перевязки раны съ Кульобской вазы 242
26. Военный совѣтъ съ Кульобской вазы 243
27. Зубной врачъ съ Кульобской вазы 244
28. Каменная баба 312
29. Курганъ 326
30. Планъ г. Темрюка въ 1778 г. 373
31. Планъ крѣпости Тамани въ 1778 г. 385
32. Карта Кубанской линіи и укрѣпленій, построенныхъ Суворовымъ 387
33. Евстафій Дашковичъ 424
34. Народный пѣвецъ 434
35. Поступленіе въ Сичь 436
36. Запорожскій казакъ 441
37. Запорожская Рада 444
38. Запорожцы, сочиняющіе отвѣтъ турецкому султану Магомету IV 457
39. Турецкій Запорожецъ 459
40. Послѣдняя Запорожская Рада передъ разрушеніемъ Запорожской Сичи 467

41. Полковникъ Афанасій Колпакъ 471
42. Черноморскій казакъ конца XVIII столѣтія 476
43. Черноморцы, участвовавшіе въ Войсковой Радѣ 1906 г. . . 552
44. Древній храмъ въ Зеленчукскомъ ущельѣ 581
45. Старый войсковой соборъ въ гор. Екатеринодарѣ . . . 591
46. Войсковая Рада Кубанскихъ казаковъ въ 1906 г. . . . 654
47. Донской казакъ (по Ригельману) 655
48. Казакъ верхнихъ донскихъ станицъ (по Ригельману) . . 656
49. Донская казачка верхнихъ станицъ (по рис. Ригельмана) . 657

Источники въ концѣ книги . . . . I—V.

Отъ автора.

Появленію въ печати настоящаго труда по Исторіи Кубанскаго войска предшествовала своя собственная маленькая исторійка.

Еще въ 1901 г. наказный атаманъ Кубанскаго казачьяго войска Я. Д. Малама предложилъ профессору Д. И. Эварницкому составить Исторію Кубанскаго казачьяго войска. Въ ноябрѣ того-же года профессоръ условно отвѣтилъ, что онъ могъ-бы взять на себя этотъ трудъ, но не раньше, „какъ черезъ 2 года“. Въ 1902 г. было повторено предложеніе профессору. На этотъ разъ Д. И. Эварницкій, ссылаясь на неотложность своихъ собственныхъ работъ, рѣшительно отказался отъ составленія Исторіи Кубанскаго казачьяго войска.

Освободившись въ это время отъ постоянныхъ занятій въ Воронежскомъ земствѣ, я переѣхалъ на Кубань, и Я. Д. Малама предложилъ мнѣ, какъ кубанскому казаку, составить исторію родного войска. Предложеніе это было принято мною.

Нужно было выработать условія, на которыхъ могли-бы вестись работы по исторіи.

Письмомъ отъ 10 января 1903 года начальникъ штаба Кубанскаго казачьяго войска Г. О. Богдановичъ установилъ два слѣдующихъ положенія для предложеннаго мнѣ труда.

Первое, чтобы исторія войска была составлена согласно указаніямъ военнаго министра по этому вопросу.

И второе, «что-бы историческому изслѣдованію о возникновеніи Кубанскаго казачьяго войска было предпослано изслѣдованіе о народностяхъ, населявшихъ территорію нынѣшняго Кубанскаго войска».

Исходя изъ этихъ положеній, я составилъ программу Исторіи Кубанскаго казачьяго войска и записку о постановкѣ предстоящихъ работъ, преимущественно въ первой ихъ стадіи—при подготовкѣ матеріаловъ для исторіи.

По вопросу о программѣ я всецѣло раздѣлялъ точку зрѣнія бывшаго военнаго министра генерала Куропаткина. Указывая на общіе вопросы, долженствующіе лечь въ основу исторіи казачьихъ войскъ, генералъ Куропаткинъ высказался въ томъ смыслѣ, что составители исторіи отнюдь не должны были стѣсняться перечисленными имъ вопросами, но повести дѣло шире, сообразно съ мѣстными условіями каждаго ка-

зачьяго войска. Предложенной мною для «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска» программѣ я придалъ въ своей запискѣ „характеръ лишь условнаго, вспомогательнаго, а не предрѣшающаго все документа", такого акта, который «не связывалъ бы самостоятельности составителя исторіи ни въ подготовительныхъ работахъ, ни, тѣмъ болѣе, при самомъ составлении исторіи.» Существенныя трудности, по моему мнѣнію, должны были заключаться въ подготовительныхъ для исторіи работахъ.

На ряду съ многочисленными печатными источниками, главная масса матеріаловъ для исторіи Кубанскаго войска и казачества хранилась въ пыльныхъ связкахъ архивовъ 1) Сѣвернаго Кавказа—въ Екатеринодарѣ, Ставрополѣ, Владикавказѣ, Георгіевскѣ, Кизлярѣ и др., 2) Закавказья—въ Тифлисѣ и 3) цѣлаго ряда городовъ Россіи—въ Одессѣ, Астрахани, Новочеркасскѣ, Екатеринославѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ и пр. Въ отдѣльныхъ архивахъ дѣла исчислялись десятками и даже сотнями тысячъ, а каждое дѣло заключало въ себѣ отъ нѣсколькихъ листовъ до тысячи и болѣе. Особенно много матеріаловъ хранилось въ Кубанскомъ областномъ архивѣ, въ которомъ числилось приблизительно до 100,000 дѣлъ, въ среднемъ около 100 листовъ въ каждомъ, т. е., по крайней мѣрѣ около 10,000,000 листовъ, написанныхъ большею частью старинным или плохо разборчивымъ почеркомъ.

Такимъ образомъ, чтобы дать основательный по исторіи трудъ, какъ требовали того военный министръ и мѣстные представители Кубанскаго войска, предстояло исполнить колоссальную, непосильную для одного лица, работу. При обширной программѣ, обнимавшей исторію и предъисторію края, притомъ края такого чреватаго событіями въ прошломъ, какъ Сѣверный Кавказъ, требовалось затратить непомѣрное количество труда прежде всего на чтеніе и извлеченіе архивныхъ документовъ. „Трудъ этотъ, категорически заявлено было мною въ запискѣ 15 марта 1905 г., положительно непосиленъ ни для единичныхъ лицъ и частныхъ начинаній, ни для конкурса". Требовалась цѣлая группа лицъ, чтобы общими усиліями извлечь возможно быстрѣе архивные матеріалы и подготовить ихъ для составленія исторіи.

Опытъ организованной такимъ образомъ работы былъ уже въ моей практикѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, подъ моимъ руководствомъ, группою въ шесть лицъ были извлечены изъ 14 архивовъ Воронежской губерніи матеріалы для Исторіи Воронежскаго земства и, на основаніи этихъ матеріаловъ, составлена была исторія свыше 60 печатныхъ листовъ, удо-

стоенная Императорской Академіей наукъ полной преміи имени Императора Александра II. Вотъ этотъ-то опытъ, одобренный высшимъ ученымъ учрежденіемъ, я предложилъ повторить и при составленіи «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска».

Предложеніе мое было принято войсковымъ начальствомъ, соображенія, изложенныя въ моей запискѣ отъ 15 марта 1903 г., были просмотрѣны и утверждены послѣдовательно Кубанскимъ Областнымъ Правленіемъ, Войсковымъ Атаманомъ въ Тифлисѣ, Главнымъ Управленіемъ казачьихъ войскъ и Военнымъ Совѣтомъ.

Пока шла переписка о смѣтныхъ назначеніяхъ, мнѣ выданъ былъ авансъ изъ войсковыхъ суммъ и я приступилъ къ работамъ, приглашая на первый разъ такихъ лицъ, изъ которыхъ, ко времени утвержденія смѣты, можно было бы составить организованную партію работниковъ.

Само собою разумѣется, что, въ видахъ наибольшей успѣшности дѣла, необходимо было, чтобы одни и тѣ же лица произвели выборку въ архивахъ матеріаловъ, что называется, отъ начала до конца, съ первыхъ годовъ каждаго событія и до послѣднихъ его дней. Въ противномъ случаѣ неизбѣжно должны были произойти въ работахъ упущенія, ошибки и замедленія.

Чтобы парализовать неблагопріятныя въ этомъ отношеніи условія, я пригласилъ для работъ нѣсколько лицъ, съ разсчетомъ на постоянное участіе ихъ, какъ въ извлеченіи архивныхъ матеріаловъ, такъ и въ подготовкѣ послѣднихъ для составленія исторіи.

Къ сожалѣнію, мои разсчеты не оправдались. Я упустилъ изъ виду, что условія для работъ, сложившіяся въ земскихъ учрежденіяхъ, могли не повториться въ данномъ случаѣ. Работы въ земскихъ архивахъ шли по разъ заведенному порядку, заранѣе было разсчитано, когда, сколько дней и въ какихъ архивахъ придется работать. Когда начаты были работы въ Кубанскомъ областномъ архивѣ, то дѣло, казалось, шло съ неменьшимъ успѣхомъ. Но такъ какъ здѣсь архивныхъ матеріаловъ оказалось вдвое больше предположеннаго количества, то Кубанское Областное Правленіе составило дополнительную денежную смѣту на продолженіе работъ. Однако, не смотря на своевременное представленіе смѣты по начальству, произошли совершенно неожиданныя осложненія.

Представленіе смѣты на дальнѣйшія работы безъ замедленія прошло черезъ Кубанское Областное Правленіе и утверждено было Главноначальствующимъ на Кавказѣ; но когда оно попало въ Главное Управленіе казачьихъ войскъ, то здѣсь осталось на долго безъ движенія.

1*

Вышло досадное недоразумѣніе. Въ дѣлопроизводствѣ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ смѣшано было изданіе „Исторіи Кубанскаго казачьяго войска" съ особымъ изданіемъ „Историческихъ матеріаловъ"; оказались неправильно учтенными произведенные уже расходы и невѣроятныя предположенія о новыхъ смѣтныхъ назначеніяхъ. Дѣло перешло на канцелярскую почву. Кубанское Областное Правленіе своевременно дало объясненія и указало на допущенныя въ Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ ошибки, но смѣтныя представленія войска продолжали лежать въ этомъ учрежденіи безъ движенія. Журналъ Кубанскаго Областного Правленія по этому предмету былъ направленъ въ Главное Управленіе казачьихъ войскъ 15 апрѣля 1905 г., а отвѣтъ на него полученъ былъ 12 августа 1906 года, т. е. черезъ 16 мѣсяцевъ.

Въ теченіе этого времени налаженныя работы почти прекратились. За отсутствіемъ средствъ, отказано было въ занятіяхъ сначала нѣсколькимъ лицамъ, потомъ еще нѣсколькимъ; осталось только два опытныхъ сотрудника, изъ которыхъ вскорѣ одинъ ушелъ. Когда получены были средства на продолженіе работъ, то, по необходимости, пришлось измѣнить весь прежній планъ составленія исторіи.

Новымъ работникамъ нельзя было поручить начатыя по отдѣльнымъ архивамъ работы. Чтобы ускорить изданіе исторіи, потребовалось, вслѣдствіе недостатка опытныхъ работниковъ, вести извлеченіе матеріаловъ не въ строго-хронологическомъ порядкѣ, какъ это дѣлалось раньше, а по отдѣльнымъ періодамъ, съ перерывами въ разныхъ архивахъ. На каждомъ шагу происходили затяжки; были средства, но не было прежнихъ, знакомыхъ съ дѣломъ работниковъ. И только въ концѣ 1908 г. оказалось возможнымъ приступить къ изданію I тома „Исторіи Кубанскаго казачьяго войска." Лично мнѣ пришлось выполнить громадное количество черныхъ работъ, не входившихъ въ мои разсчеты по тому плану, который былъ предложенъ мною войсковому начальству. Въ довершеніе неудачъ, въ самый разгаръ печатанія исторіи, умеръ послѣдній мой сотрудникъ, участвовавшій въ работахъ съ самаго начала ихъ—П. Ф. Немолякинъ. Произошла новая, хотя и временная, но самая тяжелая задержка въ работахъ. Потребовалось приложить особыя усилія, чтобы выйти изъ затрудненія.

Таковы тѣ причины и обстоятельства, благодаря которымъ произошла задержка въ изданіи «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска». По списку источниковъ, на основаніи которыхъ былъ составленъ настоящій трудъ, можно отчасти су-

дить, какую массу матеріаловъ печатанныхъ и писанныхъ пришлось использовать въ данномъ случаѣ. Смѣю думать, что отвѣтъ на одну изъ поставленныхъ мнѣ основныхъ задачъ «о народностяхъ, населявшихъ территорію нынѣшняго Кубанскаго войска,» мною данъ въ предлагаемомъ изданіи.

При составленіи настоящаго труда многимъ и многимъ обязанъ я цѣлому ряду лицъ, сочувственно относившихся къ дѣлу. Иниціатива и самыя горячія заботы о лучшей постановкѣ его принадлежатъ всецѣло Я. Д. Маламѣ. Вначалѣ, при организаціи работъ дѣятельную помощь оказалъ мнѣ В. В. Скиданъ. Все время я пользовался содѣйствіемъ со стороны совѣтниковъ Кубанскаго Областного Правленія и младшаго помощника наказнаго атамана И. Г. Лебедева. Многимъ обязанъ я также нынѣшнему Наказному Атаману М. П. Бабычу.

Наиболѣе дѣятельными сотрудниками по работамъ были С. Петлюра, А. А. Павловъ и особенно покойный П. Ф. Немолякинъ. Послѣдній, въ теченіе 5 слишкомъ лѣтъ, затратилъ массу труда, знаній и самаго горячаго отношенія къ дѣлу.

Въ заключеніе считаю долгомъ помянуть добрымъ словомъ умершаго выдающагося дѣятеля по собиранію историческихъ матеріаловъ Е. Д. Фелицына. Можно сказать, что покойный Е. Д. всю свою жизнь посвятилъ этому кропотливому и неблагодарному, но въ высшей степени полезному и благородному дѣлу. Неоднократно совершали мы съ Фелицынымъ совмѣстныя экскурсіи съ этою цѣлью, неоднократно дѣлились свѣдѣніями и матеріалами, но, къ крайнему сожалѣнію, смерть похитила Е. Д. Фелицына въ тотъ моментъ, когда я приступалъ къ составленію «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска». Въ настоящемъ изданіи использованы мною двѣ значительныя категоріи свѣдѣній, собранныхъ Е. Д.—о дольменахъ и о волненіяхъ на Дону при переселеніи казаковъ на Кубань.

Все изложенное выше я позволилъ себѣ опубликовать, чтобы снять съ себя отвѣтственность въ замедленіи выхода въ свѣтъ «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска».

Ф. Щербина.

Введенiе.

Въ наукѣ принято подраздѣлять прошлое человѣчества на два отдѣла—на исторію и предъисторію. Первая обнимаетъ жизнь людей со времени появленія о нихъ письменныхъ источниковъ, вторая касается первобытнаго человѣка. Но историческій и первобытный или доисторическій человѣкъ одинаково вращались въ естественной обстановкѣ, среди природы въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Историческія условія, вытекавшія изъ взаимоотношенія людей, тѣсно переплетались, поэтому, съ условіями естественно-историческими, составлявшими обстановку природы. Эта точка зрѣнія была положена авторомъ въ основу утвержденной военнымъ министромъ программы по «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска».

Исторія казачества была бы не полна и не планомѣрна безъ исторіи края, безъ знакомства съ естественною обстановкою и условіями, при которыхъ пришлось жить и дѣйствовать казаку.

Настоящій первый томъ «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска» обнимаетъ собою собственно исторію края и заселенія его казачествомъ.

Кубанскій край, раздѣленный рѣкою Кубанью на двѣ части—горную и степную, отличается разнообразіемъ и богатствомъ естественныхъ условій. Благодаря этимъ условіямъ и выгодному положенію края, здѣсь обиталъ человѣкъ съ незапамятныхъ временъ и сюда всегда тяготѣли народы, проходившіе мимо Кавказа.

Есть основаніе предполагать, что, въ самую отдаленную отъ насъ эпоху—въ палеолитическій періодъ каменнаго вѣка, жилъ уже здѣсь дилювіальный человѣкъ. Существованіе первобытнаго человѣка на Кубани въ слѣдующій неолитическій періодъ каменнаго вѣка подтверждается многочисленными данными доисторической археологіи.

Аналогичныя указанія по этому предмету кроются и въ основѣ кавказскихъ мифовъ. Прометей, давшій огонь людямъ, несомнѣнно былъ представителемъ ихъ въ самыя отдаленныя отъ насъ времена. Въ мифахъ объ одноглазыхъ великанахъ сохранились слѣды людоѣдства, характернаго для людей каменнаго вѣка. Сказанія объ амазонкахъ обнимаютъ ту часть предъисторіи, когда у людей существовали коммунальныя брачныя отношенія, перешедшія потомъ путемъ

эволюціи въ позднѣйшія формы семьи и брака. Наконецъ, въ легендахъ о богатыряхъ воплощена героическая эпоха первобытныхъ людей, создавшихъ сложныя и близкія уже къ историческимъ формы жизни. Нѣкоторые богатыри, какъ Редедя, были завѣдомо историческими личностями.

Къ представленіямъ о богатыряхъ народъ пріурочилъ многочисленные исторические памятники, встрѣчающіеся въ Кубанской области и Черноморской губерніи. Это дольмены или богатырскія хаты, представляющія собою гробницы людей неолитическаго періода, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ археологическія находки—костяки людей, способы погребенія и предметы домашней обстановки.

Вѣроятными строителями дольменовъ были киммерійцы, обитавшие на Кубани и по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей. Объ этомъ народѣ, какъ и о древнихъ скифахъ, остались въ исторіи смутныя воспоминанія. Несомнѣнно, однако, что обѣ народности принадлежали къ одному и тому же корню арійцевъ.

Колыбелью арійцевъ принято считать Азію, но въ Азіи оказалась только одна отрасль арійцевъ—индо-иранцы, небольшая по численности и незначительная по культурному развитію группа. Между тѣмъ, въ Европѣ установлено шесть арійскихъ группъ, многочисленныхъ, высококультурныхъ и связанныхъ между собою сходствомъ языка: греки стоятъ по языку ближе всѣхъ къ итальянцамъ, итальянцы къ грекамъ и кельтамъ, кельты къ итальянцамъ и германцамъ, германцы къ кельтамъ и литвѣ, литва къ германцамъ и славянамъ, но между славянами и греками какъ бы выпало одно лингвистическое звено, которымъ замыкался бы общій кругъ арійскихъ нарѣчій. Такой языкъ, близкій, съ одной стороны, къ славянскому, а съ другой, къ греческому, оказался у древнихъ индусовъ, потомки которыхъ—индо-иранцы, обитаютъ въ Азіи. Очевидно, что именно предки индо-иранцевъ вышли изъ Европы въ Азію, такъ какъ трудно предположить, чтобы отъ маленькой индо-иранской народности, жившей будто бы въ глубинѣ Азіи въ Бактріанѣ, отдѣлилось цѣлыхъ шесть мощныхъ народовъ, прошедшихъ Азію и занявшихъ всю Европу.

Данныя Кубанской предъисторіи усиливаютъ выводъ о колыбели арійцевъ въ Европѣ. До Р. Х. не было ни одного случая передвиженія народовъ изъ Азіи на сѣверъ Кавказа. Прародитель грековъ Прометей находился на Кавказѣ у Эльбруса, а его сынъ Девкаліонъ съ женою Пиррою ушли отсюда къ юго-западу въ Грецію и возстановили здѣсь, послѣ потопа, родъ человѣческій. Такимъ образомъ, въ легендѣ

этой какъ бы кроются намеки на то, что когда-то одна часть арійцевъ осталась на Кавказѣ, а другая подвинулась отсюда на югъ. Съ тѣхъ поръ остались указанія, что съ сѣвера, съ Кавказа, ходили люди на югъ, въ Азію, а не наоборотъ. Древніе писатели и пророкъ Іезекіиль передаютъ, какъ народъ Гогъ или скифы дѣлали набѣги на обитателей Малой Азіи, какъ скифы преслѣдовали въ томъ же направленіи киммерійцевъ, какъ вообще Сѣверный Кавказъ и Кубанская область считались странами, имѣвшими своихъ коренныхъ обитателей.

Такою страною, удобною для колонизаціи и торговыхъ сношеній съ мѣстными народами, признали Кавказъ и древніе греки. Въ IV в. до Р. Х. они основали рядъ торговыхъ колоній по Черноморскому побережью—на Кавказѣ и въ Крыму. Въ ряду этихъ колоній скоро пріобрѣло первенствующее значеніе Босфорское царство, расположенное по обѣимъ сторонамъ Таманскаго пролива и существовавшее почти цѣлое столѣтіе. Средоточіемъ торговыхъ сношеній и военныхъ силъ служилъ собственно Таманскій полуостровъ, съ греками во главѣ; а главную массу населенія составляли скифо-меоты, обитавшіе обособленными группами въ нынѣшней Кубанской области.

Первою по времени исторически извѣстною народностью, пришедшей на Кубань извнѣ, были готы, также арійцы, жившіе раньше въ Швеціи и на берегахъ Балтійскаго моря. Они были предшественниками и единоплеменниками варяговъ, основавшихъ Русь, и жили на Сѣверномъ Кавказѣ съ III по VI вѣкъ. Готы принесли на Кубань христіанство и одновременно съ мѣстными народностями были покорены гуннами.

Собственно готовъ нельзя считать новою расою, такъ какъ они были арійскаго происхожденія. Чуждая арійцамъ народность явилась въ первый разъ на Кавказѣ въ лицѣ гунновъ, принадлежавшихъ къ монгольской расѣ, а за ними уже слѣдовали въ смѣшанномъ порядкѣ тюрки и монголы.

Гунны появились на Кубани въ концѣ IV стол., вышли изъ глубины Монголіи въ 372 г., разбили, въ своемъ стремительномъ натискѣ, на Кавказѣ алановъ, предковъ нынѣшнихъ осетинъ, и прошли отсюда дальше въ Западную Европу, слившись съ аланами и скифами. Это было первое нашествіе азіатскихъ кочевниковъ на коренное населеніе Кавказа и Европы.

За гуннами, въ VII вѣкѣ, слѣдовали хазары, вышедшіе также изъ восточной Азіи и занявшіе Сѣверный Кавказъ, Таманскій полуостровъ и Крымъ. Особенно усилились они въ VIII стол.; съ IX стол. власть ихъ ослабѣла и они были

частью покорены, а частью вытѣснены новыми кочевниками восточной Азіи—печенѣгами. Въ это время появилась на Кубани третья народность—торки. Всѣ эти народности были тюркскаго происхожденія. Сначала хазары, въ союзѣ съ торками, вытѣснили печенѣговъ съ Сѣвернаго Кавказа обратно за Волгу; но позже печенѣги покорили хазаръ и, въ теченіе X столѣт., были господствующимъ племенемъ въ южнорусскихъ степяхъ и Кубанской области, а въ началѣ XI ст. ихъ вытѣснили сначала на Дунай и затѣмъ на Балканскій полуостровъ торки.

Торки не долго оставались въ Кубанской области и вообще въ южной Россіи; они были покорены половцами.

Послѣдній натискъ тюркскихъ народностей изъ Азіи черезъ Кавказъ на Европу представляло нашествіе половцевъ. Занявши югъ Россіи, половцы сосредоточили свои главныя силы въ устьяхъ Дона и степяхъ, примыкавшихъ къ нему со стороны Кавказа и Волги. Здѣсь, въ 1184 г., они разбили русскихъ въ извѣстной битвѣ на р. Калкѣ, а 40 лѣтъ спустя, въ свою очередь, были побѣждены и почти уничтожены монголами.

Въ то время, когда изъ Азіи черезъ Сѣверный Кавказъ шли въ Европу полчища кочевниковъ — сначала гунны, за гуннами авары и венгры, далѣе печенѣги, торки и половцы, аборигены края продолжали оставаться на мѣстахъ. Часть ихъ ютилась въ горахъ Сѣвернаго Кавказа, а часть подавалась сѣвернѣе—къ южно-русскимъ степямъ. Такъ уцѣлѣли на Сѣверномъ Кавказѣ, съ одной стороны, потомки киммерійцевъ—черкесы, а съ другой, потомки скифовъ—славяне.

Послѣдніе, славяне, получившіе уже названіе русскихъ, прочно были связаны съ Кубанскими мѣстами еще съ конца X вѣка. Въ 965 г. русскій князь Святославъ, ходившій походомъ на Донъ и въ Крымъ, пробрался къ берегамъ Кубани и, побѣдивши здѣсь черкесскія племена—яссовъ и коссоговъ, овладѣлъ Таманскимъ полуостровомъ или Тмутараканью. Русскіе господствовали здѣсь до 1127 г., когда половцы овладѣли Босфорскимъ царствомъ. Столѣтіемъ позже русскіе вмѣстѣ съ половцами подпали подъ власть монголовъ.

Монгольскимъ игомъ, точно туманной пеленой, покрываются страницы Кубанской исторіи. Что дѣлалось въ эту эпоху въ Кубанской области и на Сѣверномъ Кавказѣ—трудно сказать. Но впослѣдствіи оказалось, что киммеро-черкесы остались на своихъ мѣстахъ. Болѣе того. Когда пала Золотая орда и обезсилѣли монголы,—черкесы объединились съ татарами.

Но въ это время на аренѣ Кубанской исторіи появляется

новая народность, явившаяся сюда съ запада. Это были генуэзцы. Пора владычества кочевниковъ проходила. На смѣну шла культура, принесенная западно-европейскими мореплавателями и торговцами. Генуэзцы заняли бывшее Босфорское царство и вошли въ близкое соприкосновенie съ черкесами, насаждая между ними христiанство и развивая торговыя сношенiя.

Въ перiодъ расширенiя торговой и культурной дѣятельности генуэзскихъ колонiй въ Крыму и на Кавказѣ, началось влiянie турокъ на кавказскiя народности. Покоривши татаръ, они повели дѣятельную пропаганду ислама между ними и черкесами. Въ теченie 275 лѣтъ, начиная съ 1479 г., когда крымскiй ханъ Менгли-Гирей принялъ протекторатъ Турцiи, и оканчивая 1774 г., когда, по Кучукъ-Кайнарджiйскому договору, Кубанскiя степи перешли во владѣнie Россiи, турки номинально и фактически были властителями Сѣвернаго Кавказа и Кубанской области.

Вотъ въ эту-то эпоху, по крайней мѣрѣ въ теченie двухъ столѣтiй съ половиной, между русскими войсками и воинственными народностями Сѣвернаго Кавказа начинаются длительныя кровавыя столкновенiя. Россiя шагъ за шагомъ подвигалась къ Кавказу. Передовыми бойцами въ этой продолжительной борьбѣ были казаки.

Казачество къ тому времени сформировалось уже во многихъ мѣстахъ—на Днѣпрѣ, на Дону, на Уралѣ и по Тереку. Прототипомъ этихъ казачьихъ войскъ послужила запорожская казачья община. Запорожская Сичь состояла изъ товарищества равноправныхъ воиновъ, объединенныхъ совмѣстною жизнью и защитою русской народности и религiи. Въ основѣ ея лежало выборное начало, и несложная внутренняя жизнь казачества подъ непосредственнымъ контролемъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины.

Въ 1775 г., подъ влiянiемъ стремленiя къ централизацiи русскаго правительства, послѣднимъ была разрушена Запорожская Сичь, какъ свободный союзъ вольнаго казачества. Одна часть обездоленныхъ запорожцевъ перешла въ Турцiю, основавши въ устьяхъ Дуная турецкiй Запорожскiй Кошъ, а другая разбрелась по разнымъ мѣстамъ южной Россiи. Когда же въ 1787 г. возникла война Россiи съ Турцiей, тому-же русскому правительству потребовались для военныхъ цѣлей лучшiе развѣдчики и знатоки мѣстныхъ военныхъ условiй—запорожцы. Бывшимъ запорожскимъ старшинамъ — Сидору Бѣлому, Антону Головатому и Захарiю Чепигѣ, Потемкинъ поручилъ собирать сичевиковъ въ «волонтерныя команды». Казаки дружно откликнулись на этотъ призывъ. Въ теченie 6 мѣся-

цевъ, съ 20 августа 1787 г. по 31 января 1788 г., собравшiеся запорожцы составляли уже настолько внушительныя силы, что князь Потемкинъ, главный виновникъ разрушенiя Запорожской Сичи, немедленно, однимъ почеркомъ пера, обратилъ «волонтерныя команды» въ «казачье войско», замѣнивши первое названiе вторымъ. И также естественно, подъ давленiемъ живой дѣйствительности, Потемкинъ сразу допустилъ появленiе у войска традицiонныхъ кошевого атамана, войскового управленiя, старшины и обычнаго у запорожцевъ военнаго строя изъ конницы, артиллерiи, пѣхоты и гребной флотилiи. Такимъ образомъ, по своей внѣшней организацiи, войско напоминало Запорожскую Сичь; не доставало ему самаго главнаго—собственныхъ земельныхъ владѣнiй.

Призванные на службу запорожцы принимали самое дѣятельное участiе въ войнѣ съ турками, заявивъ себя цѣлымъ рядомъ выдающихся подвиговъ и неутомимою службою передового развѣдочнаго отряда. Войско получило названiе «Войска черноморскихъ вѣрныхъ казаковъ», въ отличiе отъ „невѣрныхъ" казаковъ, перешедшихъ въ Турцiю. Черноморцамъ временно была отведена земля между Днѣстромъ и Бугомъ, и во время войны они начали уже устраиваться на указанныхъ земляхъ. Но урокъ, данный запорожцамъ разрушенiемъ Сичи въ 1775 году, и щедрая раздача правительствомъ земель представителямъ военно-административнаго мiра, заставили казаковъ искать такихъ мѣстъ, гдѣ можно было бы закрѣпить за войскомъ землю навсегда. Въ этихъ видахъ черноморцы задумали перейти съ Буга на Кубань.

Разъ намѣтивши эту цѣль, войско съ замѣчательною послѣдовательностью провело задуманный планъ. На собранной по этому поводу радѣ казаки постановили просить земли на Фанагорiи или въ Тамани «съ окрестностями оной». Въ этомъ духѣ написано было прошенiе на Высочайшее имя и выработана инструкцiя депутатамъ, избраннымъ для посылки въ Петербургъ. Во главѣ депутацiи стоялъ войсковой судья А. А. Головатый. Этотъ замѣчательный дѣятель съумѣлъ осуществить желанiя войска, какъ они выражены были на Войсковой Радѣ, въ прошенiи и въ инструкцiи. Формула о пожалованiи войску земли въ Тамани «съ окрестностями оной» внесена была цѣликомъ въ жалованную грамоту войску отъ 2 iюля 1792 г. На Черноморское войско, подчиненное въ отношенiи управленiя таврическому военному губернатору, возложена была охрана границъ Россiи по р. Кубани «отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ».

Заселенiе края производилось въ теченiе двухъ лѣтъ—1792 и 1793 г.г. Войско и войсковое населенiе были подраз-

дѣлены на четыре части и каждая часть передвинута была изъ за Буга на Кубань особо. Но самое разселеніе войска на новыхъ мѣстахъ было соединено съ большими затрудненіями.

Вмѣсто того, чтобы предоставить способы размѣщенія переселенцевъ всему войску, въ лицѣ избранныхъ имъ для этого представителей, войсковое начальство произвело разселеніе по личному своему усмотрѣнію. Три лица — кошевой атаманъ Чепига, войсковой судья Головатый и войсковой писарь Котляревскій, приняли на себя самозванную роль учредителей и законодателей порядковъ войска, роль, не предоставленную имъ ни Высочайше пожалованной грамотой, ни другимъ какимъ либо законодательнымъ актомъ, ни полномочіями отъ войска. Уничтоживши совершенно традиціонныя формы самоуправленія Запорожской Сичи, высшія казачьи власти составили и преподнесли войску свой законодательный актъ, подъ именемъ «Порядка общей пользы». Этимъ актомъ войско лишено было выборнаго начала и общественнаго контроля надъ дѣйствіями властей. Оставлены были лишь внѣшнія формы запорожскаго устройства и учрежденій, и изъята была душа ихъ—Войсковая Рада.

Тяжелую годину пережило Черноморское войско въ это время. Вслѣдствіе неудачнаго выбора войсковыми правителями пунктовъ разселенія, казакамъ пришлось по нѣсколько разъ переносить съ мѣста на мѣсто цѣлыя куренныя селенія. Требовалось все завести и создать заново. Экономическая жизнь и хозяйственныя начинанія выразились, поэтому, въ самыхъ скромныхъ и примитивныхъ формахъ. Войсковыя средства и повинности, внутренній и семейный бытъ, судебныя установленія, религіозныя нужды, умственныя потребности—все это лишь зарождалось, оформлялось и росло или чахло, въ зависимости отъ окружающихъ условій и внѣшняго разрушенія старинныхъ казачьихъ порядковъ. Подъ вліяніемъ «Порядка общей пользы», казачья старшина явно выдѣлилась въ особый классъ, захвативши въ исключительное пользованіе лучшія войсковыя земли и угодья, всячески эксплоатировала прислужилыхъ казаковъ и куренное населеніе, не въ мѣру преслѣдуя сословные интересы въ ущербъ интересамъ всего казачества.

На почвѣ экономическаго слабосилія казачьей массы и суроваго угнетенія ея правящей старшиной возникъ такъ называемый персидскій бунтъ. Казаки, похоронившіе въ персидскомъ походѣ половину своихъ товарищей, голодные, ничего неимущіе и обобранные старшиной, выразили свои претензіи въ письменной жалобѣ войску. Но эти справедливыя

требованія казаковъ войсковой атаманъ Котляревскій и старшина искусственно раздули въ бунтъ. Это былъ заключительный актъ казачьихъ вольностей, похороны казачьяго самоуправленія и стариннаго народнаго уряда. Старшина окончательно свела счеты съ рядовымъ казачествомъ, занявши мѣсто правящей администраціи.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи велась колонизація и Старой Линіи, примыкавшей къ Черноморіи съ востока. Сюда шли не вольные казаки, какъ это было у черноморцевъ, а вопреки исконнымъ казачьимъ обычаямъ и порядкамъ, служилые полки, отбывшіе, сверхъ срока, очередную военную службу на Линіи. Эта несправедливая мѣра взволновала всю Донщину.

Волненія донцовъ начались пятью годами раньше персидскаго бунта у черноморцевъ, но, выразившись въ болѣе рѣзкой формѣ, по общему своему характеру они поразительно напоминаютъ волненія черноморцевъ. Казаки отстаивали свои старинныя права и привиллегіи, вѣрили въ высокую правду Петербурга, послали посланцевъ къ Царицѣ и крѣпко стояли за свои казачьи порядки. Когда же ожиданія казаковъ не оправдались, исконные казачьи порядки были поломаны и правда, съ точки зрѣнія казака, была поругана,—дѣло перешло въ открытый бунтъ и вооруженныя сопротивленія. До кровопролитія, однако, не дошло; казаки смирились; зачинщики были наказаны; но и правительство ограничилось переселеніемъ на Кубань трети предназначеннаго для этого казаковъ, оставивши остальныя двѣ трети ихъ на родинѣ на Дону.

Волненіями двухъ войскъ—Донского и Черноморскаго, заканчивается собственно исторія края. Казаки, потерявшіе свои вольности, осѣли на мѣстахъ тѣхъ самыхъ аборигеновъ, отъ которыхъ, быть можетъ, произошли. Въ предлагаемой Исторіи Кубанскаго края проведена общая связующая нить смѣны однихъ народностей другими, смѣны, восходящей къ отдаленнымъ временамъ первобытнаго человѣка и предъисторіи. Какъ послѣднее звено въ этомъ непрерывномъ рядѣ народовъ, казаки заняли край при иныхъ историческихъ и международныхъ условіяхъ сравнительно съ условіями жизни предшествовавшихъ имъ народностей. Казакамъ предстояло, поэтому, заново, примѣнительно къ измѣнившейся исторической обстановкѣ, создать позднѣйшія формы жизни. Характеристикѣ этихъ формъ будетъ посвященъ II томъ «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска»; а здѣсь, въ исторіи края, прошлое его многочисленныхъ обитателей ставитъ наукѣ грандіозную задачу широкихъ историческихъ изслѣдованій.

Богатый естественными дарами Кубанскій край обиленъ

и историческими памятниками пребыванія въ немъ людей. На обширныхъ его пространствахъ природа и люди оставили много неизвѣданныхъ еще тайниковъ старины. Но, съ одной стороны, динамическіе законы природы, непрерывно то созидающіе, то разрушающіе естественную обстановку всего живущаго, а съ другой, дерзкая рука человѣка хищника потревожили уже драгоцѣнныя богатства этихъ тайниковъ. Одни изъ нихъ совершенно разрушены, безвозвратно утеряны для людей, другіе сильно повреждены, обезцѣнены для науки. Казачество, извѣдавшее, въ силу исторической необходимости, всѣ муки борьбы, кровопролитія, насилій и разрушенія, умѣло, однако, созидать лучшія по времени формы соціальной жизни и проявлять творческія способности въ области мирной дѣятельности. И теперь, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, оно можетъ бороться съ хищничествомъ и вандализмомъ, разрушающими памятники старины. Время не ждетъ и исторія родины говоритъ своимъ дѣтямъ: пощадите мои памятники, сберегите мои сокровища!

ГЛАВА I.

Естественно-историческія условія края и первобытный человѣкъ.

Кубанская область занимаетъ сѣверо-западную часть Кавказа и расположена въ такихъ естественныхъ границахъ, которыя придаютъ краю въ высшей степени своеобразный характеръ. Съ одной стороны величественный Кавказскій хребетъ, а съ другой морскіе берега рѣзко отграничиваютъ ее отъ сосѣднихъ мѣстъ съ двухъ сторонъ. Сливаясь затѣмъ въ остальныхъ своихъ частяхъ съ тою обширною равниною, которая тянется съ сѣвера на югъ къ Азовскому и Каспійскому морямъ и вклиняется между ними вплотную до горныхъ кряжей, область охватываетъ самыя разнообразныя мѣстности. Въ нее входятъ и широкія степи, воспѣтыя поэтами, и приморскія низменности, издавна служившія притонами для казачьей вольницы, и обширныя рѣчныя долины, обремененныя дарами горъ и водъ—тучными почвами, и красивыя предгорья, приковывающія глаза причудливыми очертаніями и обиліемъ древесной растительности, и роскошныя плато съ видами безпредѣльныхъ горныхъ перспективъ съ нихъ, и грандіозныя, бѣлѣющія снѣгами вершины Кавказскаго хребта съ великаномъ Эльбрусомъ во главѣ. Здѣсь начинается таинственный, грозный и поэтическій Кавказъ. Здѣсь, по сказаніямъ грековъ, былъ прикованъ богами къ Эльбрусской скалѣ Прометей, похитившій огонь съ неба и тѣмъ нарушившій права боговъ, но сдѣлавшій добро людямъ. Здѣсь, по другимъ сказаніямъ, была колыбель Кавказской расы, господствующей нынѣ надъ всѣмъ земнымъ шаромъ. Здѣсь же прошелъ въ длинной смѣнѣ цѣлый рядъ народностей, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ многочисленныхъ историческихъ памятникахъ.

Такимъ образомъ, тутъ чудеса природы слились съ загадками исторіи таинственныхъ народностей. Дѣло ума человѣческаго разгадать то и другое, перевести чудесное и поэтическое на простую красоту истины и выяснить неразрывную связь между человѣкомъ и природою.

Если, поэтому, исторія собственно Кубанскаго казачества не связана преемственно непрерывною нитью съ исторіей предшествовавшихъ казачеству народовъ, то она во всякомъ случаѣ не можетъ быть, безъ нарушенія исторической перспективы и требованій науки, ни разсматриваема изолирован-

но отъ естественно-историческихъ условій края, ни оторвана отъ историческаго прошлаго обитавшихъ здѣсь людей.

Природа всюду и всегда налагала яркій отпечатокъ на дѣянія людей, а на Кавказѣ, съ его мощною горною обстановкою и безконечнымъ варьированіемъ естественно-историческихъ особенностей, вліяніе ея на человѣческую жизнь и взаимоотношенія было тѣмъ ярче и опредѣленнѣе.

Какъ извѣстно, важнѣйшіе естественно-историческіе признаки каждой мѣстности составляютъ: ея положеніе, рельефъ, геологическія особенности, почва, климатъ, воды, флора и фауна. Въ этомъ отношеніи естественно-историческая обстановка казачества отличается рѣдкимъ сочетаніемъ такихъ факторовъ, которые имѣли вліяніе какъ на общій складъ жизни, такъ и на отдѣльныя выдающіяся ея событія.

На самомъ дѣлѣ Кубанской области присуща прежде всего одна въ высшей степени важная особенность, обусловливаемая положеніемъ края. Самая крайняя сѣверная часть области—Ейская коса—находится подъ 46° и 46′ сѣверной широты, а самая южная—гора Гвандра, расположенная въ 35 верстахъ къ юго-западу отъ Эльбруса, на 43° и 12′ той же широты. Точно также самая западная оконечность области—коса Тузла, глубоко вдающаяся въ Керченскій проливъ, лежитъ подъ 54° и 19′ восточной долготы, а противоположная точка съ восточной стороны, тамъ, гдѣ границы области соприкасаются съ границами Ставропольской губерніи и Терской области, опредѣляется 60° и 25′ в. д.

По этимъ признакамъ можно, конечно, судить о громадныхъ размѣрахъ площади, находящейся подъ областью. Область охватываетъ пространство 83,896,1 кв. верстъ или 8,739,185 десятинъ и оказывается больше такихъ государствъ, какъ Греція, Португалія или Швейцарія.

Но не въ этомъ кроется ея отличительная особенность. Несравненно важнѣе ея относительное положеніе по широтѣ земного шара. Средняя широта области совпадаетъ съ 45°, т. е. приходится по линіи, дѣлящей на двѣ равныя части сѣверную половину земного шара отъ полюса до экватора. По общепринятому мнѣнію, положеніе очень выгодное, предполагающее наличность умѣреннаго климата, фактора, безусловно благопріятствующаго успѣхамъ цивилизаціи и прогрессивнымъ пріобрѣтеніямъ человѣка въ области культуры. Если прибавить къ этому, что при умѣренномъ климатѣ эта часть Кавказа превосходно обезпечена и другими естественными условіями, тогда выгоды географическаго положенія станутъ тѣмъ понятнѣе и очевиднѣе.

Несомнѣнно, что въ географически выгодномъ положеніи края надо искать разгадку того, почему къ Сѣверному

Кавказу всегда такъ льнули различные народы, давно сошедшіе съ исторической сцены. Кавказъ, очевидно, былъ не только мѣстомъ, чрезъ которое или мимо котораго проходили восточные народы изъ глубины Азіи въ Европу, но и служилъ приманкою для нихъ, благодаря своему выгодному географическому положенію и отличнымъ естественнымъ условіямъ. Не даромъ и Черноморцы такъ охотно промѣняли свои земли за Бугомъ на кубанскія мѣста, оставили родину и историческій край, напоминавшій имъ лучшія времена Запорожской Сичи, съ энергіей добивались пожалованія земель на Кубани и, получивши ихъ, немедленно же переселились сюда съ имуществомъ, пенатами, войсковымъ урядомъ, регаліями и правительствомъ.

Край былъ дѣйствительно чудный, богатый, полный заманчивыхъ надеждъ и обѣщавшій довольную и независимую жизнь. Идти было куда и зачѣмъ. Черноморцы не ошиблись въ одномъ—въ разсчетѣ на богатую природу, и когда, послѣ долголѣтней и упорной борьбы съ горцами, ихъ потомкамъ и другимъ представителямъ казачества пришлось передвинуться въ горы, Кавказъ, какъ интересная книга, раскрылъ передъ ними страницы своего величія и недоступности.

Если взглянуть съ высоты птичьяго полета на Кубанскую область, то невольно рисуется слѣдующая картина горообразованія и постепеннаго превращенія края въ настоящій видъ. Когда то, давнымъ давно, «во мракѣ временъ», какія-то невѣдомыя силы могучимъ напоромъ выдвинули вверхъ, къ небу, высокій и величественный Кавказскій хребетъ. Земная кора при этомъ поломалась, треснула и уложилась въ гигантскія складки съ массою морщинъ, отчего образовались самыя причудливыя очертанія горъ. Посрединѣ длиннаго хребта его вершины гордо подняли свои макушки къ небу, а по краямъ—къ Черному и Каспійскому морямъ—расположились младшія ихъ сестры, понижавшіяся и мельчавшія по направленію къ морямъ. У Чернаго моря, тамъ, гдѣ горныя вершины совсѣмъ присѣли къ землѣ, начинаются степныя равнины. Катаклизмъ, исковеркавшій земную кору, сюда не достигъ; но отъ него какъ бы отхлынула слабая и широкая волна земной коры, разсыпавшаяся при движеніи въ гладкую рябь равнинной поверхности. Присутствовавшее при этомъ море покорно отступило на западъ. Наиболѣе пострадавшія части земной коры, стиснутыя, изломанныя и исковерканныя, точно заплакали отъ жгучей боли, и ихъ слезы, въ видѣ горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, слившись въ одномъ общемъ потокѣ рѣки Кубани, потекли къ родственнымъ водамъ отброшеннаго моря. Благодаря этому, и весь Кубанскій край получилъ изуродованную физіономію:

по лѣвому берегу Кубани южная сторона области, точно ужасной оспой и нарывами, изборождена горнымъ рельефомъ, а по другому, сѣверному, остались очертанія гладко выбритаго казачьяго лица, съ громаднѣйшимъ наростомъ выше лба. Наростъ этотъ — Эльбрусъ.

За этой общей схемой рельефа Кубанской области кроются указанія науки, какъ произошло все это. Наука эта — геологія, то есть та же исторія, но только не людей, а земли, и вотъ что гласитъ Кубанская геологія.

Кавказскій хребетъ тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ Чернаго и Азовскаго морей къ Каспійскому. На протяженіи около 1100 верстъ по прямой линіи, болѣе трети хребта, около 400 верстъ, находится въ предѣлахъ Кубанской области.

Съ запада на Таманскомъ полуостровѣ, омываемомъ, съ одной стороны, Азовскимъ, а съ другой — Чернымъ морями и слегка повышенномъ надъ уровнемъ моря, идетъ лишь нѣсколько параллельныхъ хребтовъ съ вершинами отъ 300 до 400 футовъ надъ уровнемъ моря Керченскій проливъ какъ бы разрываетъ эти невысокія горы съ продолженіемъ ихъ на Крымскомъ полуостровѣ. Рельефъ дна въ проливѣ, въ видѣ миніатюрныхъ кряжей, указываетъ на то, что такая связь Таманскаго съ Крымскимъ полуостровомъ видимо существуетъ, какъ результатъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же причинъ природы.

Таманскія угорья, прорѣзанныя устьями рѣки Кубани, переходятъ далѣе къ юго-востоку въ главный хребетъ, тянущійся мимо Анапы и Новороссійска. У послѣдняго кряжъ, извѣстный подъ именемъ Маркотха, достигаетъ уже свыше 2000 футовъ надъ уровнемъ моря.

На дальнѣйшемъ протяженіи хребта линія отдѣльныхъ его вершинъ постепенно повышается и у Гойтхскаго перевала повышеніе это возрастаетъ еще на 1000 футовъ. По другую сторону того же перевала хребетъ начинаетъ сразу и круто подниматься вверхъ, такъ что на протяженіи какихъ-нибудь 30 или 40 верстъ по прямой линіи высота главнаго хребта удваивается. Находящаяся здѣсь вершина горы Аутль имѣетъ свыше 6000 футовъ, и затѣмъ отсюда еще круче, у вершинъ Оштена и Фишта, хребетъ переходитъ въ область вѣчнаго снѣга.

Если не считать снѣжныхъ тайниковъ, прячущихся въ углубленіяхъ и котловинахъ на высотѣ 7000 и даже 6500 футовъ, то постоянная снѣжная линія начинается здѣсь на высотѣ 9000 футовъ надъ уровнемъ моря, собственно съ Оштена, вершина котораго имѣетъ 9360 футовъ. Дальнѣйшее повышеніе главнаго хребта къ юго востоку идетъ медленно, но постепенно до самаго того мѣста, гдѣ, рядомъ съ главнымъ хребтомъ красуется великанъ Эльбрусъ. Повышается не только хребетъ, но и полоса вѣчнаго снѣга, границы которой вблизи Эльбруса начинаются на высотѣ 10000 футовъ надъ уровнемъ моря.

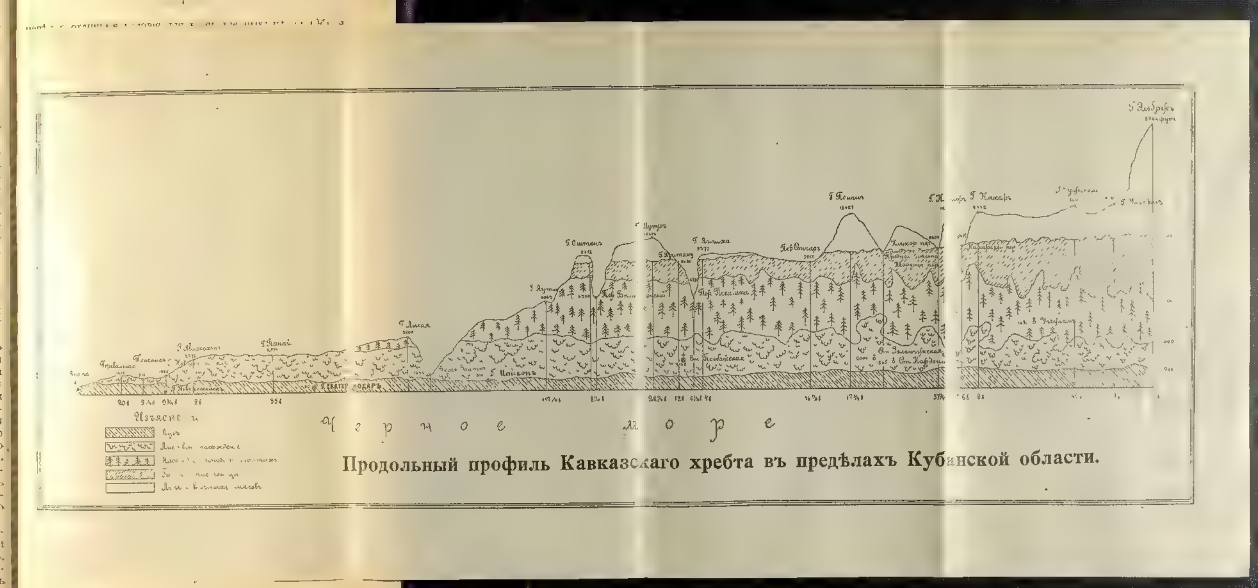
Подобно тому, какъ поднимается главный Кавказскій хребетъ отъ Азовскаго и Чернаго морей къ серединѣ перешейка, такъ же онъ спускается потомъ далѣе къ морю Каспійскому.

Такимъ образомъ, главный Кавказскій хребетъ представляетъ собою слабо изогнутую дугу, съ наибольшею выпуклостью вверхъ у Эльбруса и Казбека и съ пониженными концами у Чернаго и Каспійскаго морей.

Въ связи съ этою особенностью въ строеніи главнаго хребта находятся и своеобразныя очертанія горъ, указывающія на строгую зависимость между объемомъ горъ и ихъ высотою. На этотъ счетъ существуетъ мнѣніе, что ширина горъ прямо пропорціональна ихъ высотѣ. У Эльбруса, гдѣ главный хребетъ достигаетъ высоты въ 11 и 12 тысячъ футовъ, ширина горъ 150 верстъ, а около Новороссійска, при 2 тысячахъ футовъ высоты, ширина горъ не превышаетъ 40 верстъ. Массивы главнаго хребта, тянущагося длинною, непрерывною грядою, характеризуются крутыми скатами, особенно къ югу, узкими вершинами, отсутствіемъ обширныхъ плато, большихъ котловинъ и вообще значительнаго горизонтальнаго протяженія. Въ такомъ видѣ горы представляютъ рядъ грандіозныхъ башенъ природы, высокихъ и крутыхъ съ южной стороны и болѣе пологихъ съ сѣвера, и это, какъ увидимъ ниже, имѣетъ существенное значеніе для гидрографіи края и водныхъ источниковъ, дающихъ жизнь и красоту природѣ.

Параллельно, всего въ тридцати верстахъ отъ главнаго хребта, тянется другая линія горъ. Это такъ называемыя Черныя горы, получившія такое названіе отъ присутствія на нихъ, преимущественно по склонамъ, чернѣющаго издали лѣса. По своей формѣ Черныя горы мало чѣмъ отличаются отъ горъ главнаго хребта. Онѣ идутъ въ одномъ направленіи съ главнымъ хребтомъ, иногда дѣлятся на отдѣльныя звенья и чаще даютъ отъ себя контрфорсы въ сторону, но въ общемъ ихъ связываетъ съ главнымъ хребтомъ единство происхожденія и характеръ залеганія составныхъ частей. Имъ свойственна, поэтому, та же, хотя и далеко въ меньшей степени, черта сильнаго подъема по вертикальной линіи, въ ущербъ горизонтальному протяженію, тѣ же крутые и обрывистые скаты къ югу и болѣе пологіе бока къ сѣверу, что и главному хребту,

Въ промежуткѣ между Черными горами и главнымъ хребтомъ находятся долины, имѣющія то же направленіе, что и смежные два хребта. Эти продольныя пространства имѣютъ, однако, при значительной высотѣ сосѣднихъ горъ, относительно, пологіе скаты, а самыя площади ихъ представляютъ



Продольный профиль Кавказскаго хребта въ предѣлахъ Кубанской области.

тельно, пологие скаты, а самыя площадки ...

нерѣдко отличныя условія для хозяйственныхъ цѣлей. Общія очертанія долинъ получились вмѣстѣ съ образованіемъ горъ, въ видѣ наиболѣе пониженнаго уровня между главнымъ Кавказскимъ и побочнымъ хребтами. Вѣками и тысячелѣтіями скатывались сюда наиболѣе подвижныя наслоенія и поддающіяся разрушенію горныя породы, образовавшія съ теченіемъ времени превосходный почвенный покровъ. Продольныя долины отличаются, поэтому, богатствомъ растительности, чудными лѣсами и превосходными пастбищами. Встрѣчающіяся въ этихъ долинахъ рѣки характеризуются медленнымъ, задерживаемымъ равниннымъ характеромъ долинъ, теченіемъ.

Инымъ характеромъ отличаются долины поперечныя, прорѣзающія Черныя горы перпендикулярно къ главному хребту и служащія мѣстами для прохода горныхъ рѣкъ. Происхожденіе этихъ долинъ вызвано какими-нибудь могучими геологическими переворотами, и въ ихъ образованіи, во всякомъ случаѣ, участвовали рѣки и бурные потоки воды. Поперечныя долины, поэтому, носятъ въ большинствѣ случаевъ характеръ узкихъ пропастей съ высокими и скалистыми боками, глубокими каньонами рѣкъ и съ самыми причудливыми видами горной природы, образовавшимися отъ разрыва горныхъ массивовъ. Здѣсь ужъ нѣтъ мѣста для жизни не только человѣку, но часто дикимъ животнымъ. Подъ бурнымъ и бѣшеннымъ напоромъ горныхъ рѣкъ тутъ идетъ непрерывное и грозное разрушеніе горныхъ скалъ и уступовъ. И только по выходѣ изъ горныхъ тѣснинъ поперечныя долины пріобрѣтаютъ характеръ правильныхъ равнинъ.

Такимъ образомъ, при нѣкоторомъ однообразіи въ расположеніи Кавказскихъ горъ и тѣсной связи между ними, то въ видѣ горныхъ узловъ, то въ формѣ переваловъ и долинъ, соприкасающихся съ разъединенными массивами, Кавказскій хребетъ, высоко вздымающійся надъ степными равнинами, даетъ по отношенію къ послѣднимъ постепенные уклоны, по которымъ съ горъ бѣгутъ рѣки, распространяются почвенные покровы и развиваются всевозможные виды растительности. Жизнь и оживленіе природы идутъ какъ бы съ юга на сѣверъ, отъ горъ къ равнинамъ.

Есть одна въ высшей степени характерная особенность Кавказскихъ горъ, налагающая особый отпечатокъ на весь горный рельефъ. Уже сами по себѣ горы представляютъ собою такіе придатки земной коры, которыми исключается достаточное количество равнинныхъ пространствъ. Но Кавказскимъ горамъ эта черта присуща въ большей мѣрѣ, чѣмъ другимъ. Ихъ вершины не только высоки, но и узки. Часто горы переходятъ буквально таки въ остроконечныя гребни всего въ нѣсколько шаговъ ширины. Площадь горныхъ плато

не велика, обширныя котловины почти отсутствуютъ, террасы по скатамъ не многочисленны. Благодаря этому, на Кавказскихъ горахъ очень мало такихъ мѣстъ, гдѣ могъ бы скопляться снѣгъ и образоваться ледники, что налагаетъ особый отпечатокъ на гидрографію Кавказа и внѣшній видъ горъ. При малыхъ площадяхъ и недостаточномъ количествѣ ледниковъ, въ Кавказскихъ горахъ совсѣмъ нѣтъ горныхъ озеръ, а это въ свою очередь, съ одной стороны, лишаетъ горы красоты, придавая имъ мрачный колоритъ, а съ другой—не благопріятно отражается на экономіи водныхъ источниковъ и на распредѣленіи влаги. Снѣгъ и дождевыя воды плохо держатся по крутымъ скатамъ горъ и, низвергаясь внизъ, образуютъ бѣшеные потоки, переходящіе въ горныя рѣки, быстрыя, шумныя и разрушительныя при внезапномъ наводненіи, и тощія, слезящіяся сквозь обнаженные выступы русла при отсутствіи достаточнаго притока къ нимъ водъ.

Таковъ горный Кавказъ по своимъ внѣшнимъ и наиболѣе выпуклымъ очертаніямъ. Горы—великаны, какъ бы подставивъ свои громадныя, изогнутыя подъ тяжестью временъ, спины, дали толчекъ безконечнымъ комбинаціямъ въ поступательномъ историческомъ движеніи природы. Въ связи съ этими комбинаціями, изо дня въ день здѣсь происходятъ одновременно разрушительные и созидательные процессы. Разрушаются горы, ихъ утесы, скаты и слабо связанныя части; созидаются причудливыя скалы и утесы, рѣчные бассейны и каньоны, мрачныя ущелья и долины, съ одной стороны, и отложенія измельченныхъ горныхъ породъ, дающія пищу для богатой горной растительности, съ другой.

Такъ слагалась исторія горнаго Кавказа, но у нея, подобно тому, какъ были войны и государственные перевороты въ исторіи людей, происходили свои катаклизмы, стихійныя пертурбаціи, нарушавшія регулярное теченіе длительныхъ процессовъ земли. Въ этомъ отношеніи исторія нынѣшней Кубанской области можетъ быть подраздѣлена на двѣ части—на отдѣлъ внезапныхъ или грандіозно-одновременныхъ переворотовъ и на отдѣлъ постепеннаго воздѣйствія на горный рельефъ опредѣленныхъ динамическихъ законовъ природы.

Строеніе Кавказскихъ горъ показываетъ, что основу всего хребта составляютъ кристаллическія породы, которыя въ свою очередь покоятся на гранитѣ. Присутствіе этихъ древнихъ геологическихъ образованій свидѣтельствуетъ о томъ, что прежде чѣмъ возникли Кавказскія горы, въ земной оболочкѣ произошли здѣсь измѣненія, соединенныя съ образованіемъ земной коры и съ постепеннымъ ея охлажденіемъ.

Какъ извѣстно, по гипотезѣ Лапласа, земля когда-то представляла огненный шаръ, постепенно охлаждавшійся. По

мѣрѣ того, какъ происходило это охлажденіе, снаружи шара образовалась земная кора, которая, подчиняясь обычнымъ законамъ теплоты, постепенно сжималась, съеживалась и морщилась отъ уменьшенія шара вслѣдствіе охлажденія находящейся внутри его огненно-жидкой матеріи. Иногда это сжатіе коры порождало ея изломы, складки и сопровождалось разрушительными катастрофами. И вотъ, въ одну изъ такихъ катастрофъ, когда земная кора на нынѣшнемъ Кавказѣ была еще относительно тонка, произошло нарушеніе ея съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Кора сжалась, треснула, и образовалась громадная складка на всемъ протяженіи Кавказскаго хребта, съ массою морщинъ и съ изломомъ съ юга на сѣверъ. Благодаря тому, что кора подломилась именно съ юга, получились тѣ крутые, почти перпендикулярные скаты, которыми характеризуется съ юга Кавказскій хребетъ вдоль Чернаго моря и далѣе, и болѣе пологіе скаты по направленію къ сѣверу, къ области равнинъ. Вотъ почему, чѣмъ выше здѣсь горы, тѣмъ древнѣе оказываются породы, образующія ихъ. Эльбрусъ и всѣ горные великаны, встрѣчающіеся на западъ отъ него вплоть до Оштена, состоятъ исключительно изъ такихъ древнихъ породъ, какъ граниты, гнейсы, сіениты, діориты или же метаморфическіе сланцы - слюдяные, тальковые, хлоритовые и т. п. Очевидно, разъ возникнувши, всѣ эти горныя вершины, сложившіяся изъ древнихъ крѣпкихъ породъ, остались слабо тронутыми еще разрушеніемъ и уцѣлѣли въ то время, когда тутъ же рядомъ успѣли уже сложиться новыя, болѣе позднія формаціи земной поверхности.

Но между образованіемъ собственнаго Кавказскаго хребта и возникновеніемъ Эльбруса была существенная разница. Между тѣмъ, какъ Кавказскія горы были результатомъ сжатія земной коры и образовались въ видѣ длинной, приподнятой по срединѣ и незначительной по обѣимъ концамъ складки съ безчисленными морщинами, — Эльбрусъ обязанъ своимъ возникновеніемъ чисто вулканическимъ процессамъ и сложился въ царящую надъ всемъ Кавказомъ громаду, съ особымъ контрфорсомъ и отрогами, независимо отъ главнаго Кавказскаго хребта и его побочныхъ вѣтвей. Если не считать Таманскія сопки, то на Кавказѣ нѣтъ дѣйствующихъ въ настоящее время вулкановъ, да и вулканическіе процессы здѣсь вообще были слабо распространены. Самый Эльбрусъ представляетъ собою одинъ изъ древнѣйшихъ вулкановъ, давно погасшій и отдѣленный отъ послѣдующихъ преобразованій въ горахъ цѣлою геологическою эпохою. Строеніе его показываетъ, что основаніе Эльбруса, состоящее изъ кристаллическихъ сланцевъ, было внезапно прорвано огне-вулка-

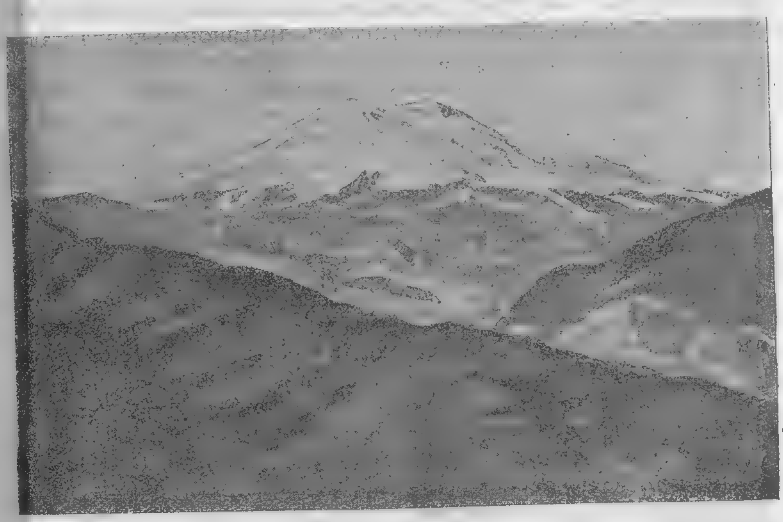
ническими породами, каковы, напр., порфиры и трахиты. Громадный конусъ Эльбруса, возвышающійся надъ эльбрусскимъ пьедесталомъ на $8^1/_2$ тысячъ футовъ, весь сложился изъ трахитовъ путемъ изверженій и долговременнаго накопленія трахитовой лавы. Общая же связь между составомъ Эльбруса и составомъ остальныхъ горъ, встрѣчающихся въ

Видъ Эльбруса со стороны Терской области.

области снѣговой линіи, заключается въ томъ, что всюду на этомъ пространствѣ выходятъ наружу первозданныя и древнія кристаллическія породы. «Сѣдовласый Шатъ» оказывается, такимъ образомъ, если, быть можетъ, и не сверстникомъ своихъ согбенныхъ стариковъ сосѣдей, то во всякомъ случаѣ близкимъ ихъ родственникомъ по организаціи.

Тамъ, гдѣ оканчиваются границы распространенія древнихъ кристаллическихъ породъ, начинаются горы, лежащія внѣ линіи постоянныхъ снѣговъ. Къ западу, югу и юго-западу отъ Оштена нѣтъ уже ни одной снѣжной вершины. Самый Оштенъ рѣзко отличается по строенію отъ остальныхъ горъ снѣжнаго хребта. Въ его составѣ кристаллическія породы не имѣютъ уже главнаго опредѣляющаго значенія. Оштенъ сложился изъ известняковъ, которые вклиняются въ кристаллическія породы и вытѣсняютъ всѣ другія. Благодаря известнякамъ, корпусъ Оштена разорванъ, расчлененъ, образовалъ массу трещинъ и углубленій и получилъ мѣстами тотъ характеръ строенія горъ, который извѣстенъ въ геоло-

тіи подъ именемъ карстовыхъ отложеній. Благодаря такому рыхлому, скелетообразному строенію, Оштенъ въ обиліи поглощаетъ воды, которыя образуютъ внутри горнаго массива цѣлые ручейки и рѣки, выходящія гдѣ-нибудь наружу по скатамъ или у подошвы горы.



Видъ Эльбруса со стороны Кубанской области.

Отъ Оштена на западъ и рядомъ съ главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, внѣ области снѣговой линіи, горы какъ по строенію, такъ и по внѣшнему виду, носятъ особенности, которыми онѣ рѣзко отличаются отъ главнаго кряжа Тутъ ужъ кристаллическія породы покоятся глубоко подъ основаніями горъ, а самыя горы состоятъ изъ известняковъ и песчаниковъ, образовавшихся путемъ осадочныхъ отложеній позднѣйшихъ геологическихъ системъ—юрской и мѣловой *). Такова главная масса Черныхъ горъ приблизительно до 2000

*) Геологическое строеніе земли состоитъ изъ ряда наслоеній, отлагавшихся на внѣшней ея оболочкѣ съ тѣхъ поръ, какъ, согласно гипотезѣ Лапласа, огненное ядро настолько остыло, что на поверхности его образовалась твердая кора. Полагаютъ, что прошли милліоны лѣтъ, въ теченіе которыхъ разные факторы—вулканическія силы, теплота, свѣтъ, воздухъ, вода, механическія воздѣйствія и пр. придали землѣ настоящій ея видъ. Главные геологическіе процессы сводились, такимъ образомъ, къ медленному, но постепенному отложенію въ видѣ осадковъ и наслоенія разныхъ твердыхъ породъ. На ряду съ неорганическими породами, каковы камни, сланцы, глины, металлы и пр., въ эти отложенія попали и органическіе продукты—животныя и растенія Главнымъ образомъ по расположенію въ разныхъ слояхъ земли различныхъ окаменѣлостей животнаго и растительнаго міра, геологи всю земную кору подраздѣлили на четыре больших группы: 1) архейскую, 2) палеозойскую, 3) мезозойскую и 4) кенозойскую. Въ свою очередь группы подраздѣляются на системы, системы—на отдѣлы, отдѣлы—на ярусы, ярусы—на подъярусы

футовъ надъ уровнемъ моря. Съ этихъ же горъ начинается собственно настоящая жизнь въ растительномъ и животномъ царствахъ. Наиболѣе высокія части Черныхъ горъ покрыты лишь альпійскою растительностью, т. е. горными пастбищами и хвощами, низкими древесными кустарниками. Лѣса еще нѣтъ. Но для животныхъ есть уже роскошныя жизненныя условія, въ видѣ обильныхъ запасовъ травяного корма. Далѣе, за альпійской растительностью начинается область хвойныхъ лѣсовъ, которые тянутся примѣрно до высоты около 2500 футовъ надъ уровнемъ моря и очень часто вперемежку съ лиственными породами. Наконецъ, за полосою хвойной растительности начинаются роскошные лиственные лѣса.

Настоящую красоту Сѣвернаго Кавказа, полнаго жизнью и оживленіемъ природы, составляютъ собственно Черныя горы. Горныя пастбища здѣсь состоятъ изъ чудной травяной растительности, тучной, сочной, блещущей яркими цвѣтами, пестрящей безконечнымъ сочетаніемъ красокъ. Цвѣтовъ бываетъ такъ много и они такъ разнообразны, что горы часто напоминаютъ собою величественные разноцвѣтные ковры горной природы. Красива и величественна далѣе и область горныхъ лѣсовъ. Хвойные лѣса, преимущественно ели и пихты, состоятъ изъ великановъ, имѣющихъ болѣе сажени въ діаметрѣ и около сотни аршинъ высоты. Стройные и прямые, какъ колоссальныя свѣчи, чинары также достигаютъ поразительной высоты. Дубъ разростается до необычныхъ размѣровъ, и его густая сплошная листва буквально таки образуетъ собою горы и пригорки земной растительности. И всюду масса звѣря—оленей, кабановъ медвѣдей, альпійскихъ сернъ, козъ и т. п.

Еще ниже, начиная съ вершинъ въ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря, горы снова мѣняются по строенію и составу. Тутъ ужъ прекращается отложеніе юрской и мѣловой формацій и начинается еще болѣе поздняя система отложеній — третичная. Мощныя залежи третичной системы отъ 500 до 700 футовъ толщины, состоятъ изъ известковыхъ песковъ, песчаниковъ и глины. Нижнія части, такъ называемыхъ сре-

---

и пр. Такъ, архейская или, какъ ее называютъ еще, Эозойская группа состоитъ изъ самыхъ древнѣйшихъ отложеній лаврентьевской и гуронской системъ. Къ палеозойской группѣ относятъ кембрійскую, силлурійскую, девонскую, каменноугольную и пермскую системы. Мезозойская группа подраздѣляется на тріасовую, юрскую и мѣловую системы. Наконецъ, кенозойская группа обнимаетъ третичную и послѣтретичную системы, изъ которыхъ первая подраздѣляется на четыре отдѣла: 1) эоценъ, 2) олигоценъ, 3] міоценъ и 4) пліоценъ, а міоценъ на два яруса—средиземный и сарматскій; вторая же—на дилювій или постъ-пліоценъ, причемъ нѣкоторые геологи, какъ М. Неймайръ, относятъ дилювій къ четвертичной системѣ,—и на аллювій или современныя отложенія. По времени образованія каждое изъ отмѣченныхъ выше дѣленій земной коры предшествовало послѣдующему, такъ что лаврентьевская система и аллювій послѣ третичной системы являются крайними звеньями—самою древнѣйшею и самою позднѣйшею формаціями земля.

диземнаго и сарматскаго ярусовъ этой системы, характеризуются плотными водоупорными глинами, а верхнія—рыхлыми песчаниками и известковыми песками. Благодаря такому строенію, на глинахъ между рыхлыми песчанистыми отложеніями скопились обильные запасы артезіанской воды, которая оказывается тѣмъ ближе къ поверхности, чѣмъ меньшей толщины третичныя и послѣтретичныя отложенія. Такимъ характеромъ отличаются третичныя отложенія Ставропольской возвышенности, представляющей собою конечное удлинненіе Эльбрусскаго контрфорса и горъ какъ главнаго, такъ и второстепеннаго хребтовъ, непревышающихъ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Но въ предгорьяхъ къ западу отъ Оштена встрѣчаются, помимо упомянутыхъ породъ, мощные доломитовые известняки, служащіе источниками нефти. По внѣшнему виду эти предгорья и самыя низкія звенья горъ, переходящихъ въ степныя равнины, отличаются весной особеннымъ обиліемъ растительности. Сплошные густые лѣса покрываютъ горы отъ основанія до вершинъ, скалы и голыя обнаженія встрѣчаются очень рѣдко, а горныхъ луговъ или совсѣмъ нѣтъ, или они размѣщены лишь незначительными клочками на нѣкоторыхъ горныхъ вершинахъ. Только тамъ, гдѣ горы подходятъ къ степнымъ долинамъ, да по обширному Ставропольскому плоскогорью, прекращается сплошной покровъ лѣса, и онъ переходитъ въ отдѣльныя ленты и островки, замѣняясь, наконецъ, травяною растительностью.

Самыя западныя части третичной системы, съ незначительными возвышенностями на Таманскомъ полуостровѣ, также характеризуются присутствіемъ нефтяныхъ источниковъ, извѣстныхъ съ самой глубокой древности. Небольшія конусобраныя или равномѣрно округленныя вершины Таманскаго полуострова, извергающія грязи, называются здѣсь сопками. Это грязевые вулканы. Время отъ времени въ нихъ происходили и чисто вулканическія изверженія, давшія древнимъ грекамъ поводъ заключить, что здѣсь находится «область Аида». Сюда именно Цирцея посылала Одисея для посѣщенія въ преисподней тѣней греческихъ героевъ и тѣни знаменитаго прорицателя Тирезія. Поводомъ для такихъ представленій, очевидно, служили вулканическія изверженія Таманскихъ сопокъ. Такія изверженія были, напр., въ 1818, 1853 и 1881 годахъ.

Подробное и отчетливое описаніе сохранилось объ изверженіи 1853 года. Началось оно 6 августа, съ 6½ утра и продолжалась въ теченіе трехъ часовъ. На вершинѣ горы Карабетки, находящейся въ трехъ верстахъ отъ Тамани, сразу показалось вспыхнувшее пламя съ густыми клубами черного

дыма. Вслѣдъ затѣмъ были выброшены огромныя массы земли. Слышались вмѣстѣ съ тѣмъ взрывы. Изверженія поднимались отъ 15 до 20 саженей надъ поверхностью горы, повторялись съ перерывами и постепенно слабѣли. Въ результатѣ гора оказалась изрытою глубокими трещинами и покрытою густою и черною грязью; трава на ней была обожжена и продолжала горѣть послѣ того, какъ пересталъ дѣйствовать вулканъ.

Грязевой вулканъ „Сопка Блевака", около Тамани.

Итакъ, слѣдовательно, судя по составу и строенію горъ, тѣ измѣненія, результатомъ которыхъ является современный намъ видъ Сѣвернаго Кавказа, начались на почвѣ грандіозныхъ геологическихъ переворотовъ и шли потомъ въ теченіе безконечнаго ряда тысячелѣтій медленнымъ путемъ долгаго и сложнаго горообразованія. Начиная съ высочайшихъ горныхъ вершинъ и направляясь къ сѣверу и сѣверо-западу, къ степнымъ равнинамъ, геологическія напластованія слѣдуютъ отъ болѣе древнихъ къ позднѣйшимъ. Древнія породы расположены на вершинахъ главнаго хребта въ области снѣговой линіи, скрываются при дальнѣйшемъ пониженіи горъ подъ юрскими пластами, юрскіе, въ свою очередь, подъ позднѣйшими мѣловыми, мѣловые—подъ совсѣмъ поздними третичными, а надъ третичными, въ полосѣ уже степныхъ равнинъ, нагромоздились самыя позднія послѣтретичныя образованія—дилювій и аллювій.

Трудно представить себѣ, какъ безконечно долго шли тѣ процессы, которымъ обязаны Кавказскія горы своимъ настоящимъ внѣшнимъ видомъ. Первый по времени и самый грандіозный земной катаклизмъ, произведшій длинную складку земной коры на протяженіи всего Кавказскаго хребта, не

далъ окончательнаго очертанія нынѣшнимъ горамъ. Послѣ него были такъ называемые сдвиги и сбросы, довершившие образованіе горъ; а съ другой стороны, вода и атмосферныя воздѣйствія дѣлали свое дѣло, размывая тѣ же горы, слизывая и сглаживая ихъ очертанія и разрушая самый составъ ихъ подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ химическихъ, физическихъ и механическихъ процессовъ. Такъ шла исторія Кавказскихъ горъ, которая, конечно, сначала предшествовала исторіи людей, а потомъ слилась съ нею.

Кавказскія горы представляютъ живой примѣръ того, какъ постепенно зарождалась жизнь на землѣ. По какому то странному капризу природы, катаклизмъ, давши первый и самый могучій толчекъ образованію горъ, какъ бы отгородилъ Кубанскую область отъ благодатнаго юга, придавши горамъ высокій и крутой подъемъ съ южной стороны. Но здѣсь именно, на высочайшихъ вершинахъ и сохранились слѣды сѣдой старины. Здѣсь царятъ еще голыя скалы и безплодныя обнаженія, какъ вышли онѣ изъ нѣдръ матери земли. Тутъ нѣтъ еще мѣста ни человѣку, ни животному, ни даже растительностии, за исключеніемъ лишаевъ. Вотъ какъ описываетъ путешественникъ Тепцовъ одно изъ такихъ мѣстъ, нетронутыхъ органическою жизнію, въ мрачныхъ трущобахъ между Эльбрусомъ и главнымъ хребтомъ.

«Мертва природа на вершинѣ гребня и его отроговъ. Неподвижныя сѣрыя скалы громоздятся другъ на друга и склоняютъ свои утесы надъ голубыми глетчерами. Бѣлоснѣжныя вершины замерли въ своемъ величіи. Мертвая тишина окружающаго наводитъ уныніе, а трескъ въ ледникахъ и неожиданные обвалы—страхъ и трепетъ на душу. Ни кустика, ни травинки. Мертвыя снѣговыя поля, грозныя скалы и вершины—и ничего болѣе! А внизу, у подножія гребня, природа ликуетъ въ своемъ роскошномъ убранствѣ».

Да, тамъ внизу широко развернулась жизнь органическаго міра, но тамъ уже изъ неорганическихъ породъ земли образовались почвы, которыя, при посредствѣ тепла и влаги, дали жизнь растительности, животнымъ и человѣку. По мѣрѣ того какъ опускаются горы и приближаются къ равнинамъ, мѣняется и жизнь природы во всемъ ея разнообразіи органическихъ формъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ позднѣйшимъ геологическимъ образованіямъ земли. Жизнь органическаго міра, слѣдовательно, двигалась съ горъ къ равнинамъ, постепенно разрастаясь и ширясь, какъ эти послѣднія.

Съ юга Кавказскія горы мѣшаютъ живой связи сѣверной органической природы съ южной. По крайней мѣрѣ такимъ характеромъ отличается главный Кавказскій хребетъ

на значительномъ протяженіи. На своемъ крайнемъ восточномъ предѣлѣ, не вдалекѣ отъ Эльбруса, онъ образуетъ два перевала—Нахарскій, имѣющій 9617 футовъ высоты, и Клухорскій—9600 футовъ надъ уровнемъ моря. Благодаря этому, оба перевала подходятъ подъ самые ледники и захватываютъ часть снѣжныхъ полей. Перебраться черезъ нихъ на югъ къ Черному морю можно только съ трудомъ, и нужно будетъ затратить громадные капиталы и приложить не мало техники, чтобы сдѣлать здѣсь удобными сообщенія сѣвера съ югомъ. Оба перевала соединяютъ долину р. Кубани съ сѣвера съ долиною рѣки Кодора съ юга.

Слѣдующій Марухскій перевалъ лежитъ также на высотѣ 8000 футовъ и проходитъ въ области самаго громаднаго ледника въ Кубанской области. Главный хребетъ здѣсь покрытъ обледенѣлыми снѣжными полями, по которымъ торчатъ черныя, остроконечныя зубчатыя скалы, съ камнями и рыхлыми осыпями, готовыми въ каждую минуту ринуться внизъ. Перевалъ этотъ соединяетъ рѣку Марухъ, текущую въ Кубанской области, съ рѣкою Кодоръ.

Еще далѣе къ западу, въ поясѣ уже лѣсовъ, находится перевалъ Псеашхо, возвышающійся однако до 6870 футовъ и соединяющій систему рѣки Лабы съ сѣвера съ системою рѣки Мзымты въ Закавказьѣ. Немногимъ ниже оказывается слѣдующій Бѣлорѣченскій перевалъ, лежащій на высотѣ 6300 фотовъ надъ уровнемъ моря.

Но затѣмъ по ту сторону Оштена, далѣе къ западу, тамъ, гдѣ горы покрыты уже непрерывно тянущимся съ сѣвера и юга лѣсомъ, расположенъ Гойтхскій перевалъ, всего на высотѣ 1643 футовъ. Тутъ ужъ не только сѣверная природа слилась съ южной, но и люди находятся въ сообщеніи, благодаря проложенному черезъ перевалъ шоссе изъ Майкопа въ Туапсе.

Еще далѣе къ юго-западу, по направленію къ Геленджику и его прекрасной бухтѣ, расположенъ самый низкій и удобный для соединенія Кубанской области съ Черноморскимъ побережьемъ перевалъ Адербіевскій или Бабича, названный такъ по имени извѣстнаго казачьяго генерала, довершившаго покореніе Западнаго Кавказа. Выходя въ такъ называемыя «Вольчи ворота», расположенныя въ Адербіевскомъ ущельѣ, перевалъ этотъ почти соединяетъ верховья рѣкъ, текущихъ, съ одной стороны, на сѣверъ въ Кубанскую область, а съ другой—на югъ въ Черное море.

Наконецъ, у самой конечности главнаго хребта, между Анапскими горами и Таманскимъ полуостровомъ, долина р. Кубани съ ея истоками и лиманами лежитъ уже на уровнѣ

степей. Окончательное соединеніе сѣвера съ югомъ природа произвела какъ бы окружнымъ путемъ.

Таковы важнѣйшіе изъ переваловъ черезъ Кавказскій хребетъ. Общее число ихъ далеко значительнѣе, но многіе изъ нихъ, перевалы второстепенные, не имѣютъ того значенія въ строеніи горъ и въ сношеніяхъ людей, какъ отмѣченные.

Собственно съ переваловъ начинается образованіе и долинъ. Каждый перевалъ представляетъ собою ту брешь въ горныхъ великанахъ, которая, превращаясь при быстромъ паденіи въ глубокія ущелья съ крутыми и обрывистыми боками, переходитъ потомъ въ долину. Трудно описать все разнообразіе тѣхъ измѣненій въ горныхъ долинахъ, какимъ характеризуются даже важнѣйшія изъ нихъ въ своемъ постепенномъ движеніи отъ горъ къ степямъ. Но въ общемъ характеръ этихъ измѣненій понятенъ самъ собою. Долины несутъ съ собою все больше и больше жизни, чѣмъ ниже онѣ опускаются и шире занимаютъ площадь; а это въ свою очередь значитъ, что развитіе ихъ всецѣло сводится къ накопленію тучныхъ почвъ, служащихъ источникомъ жизни для растительности, а слѣдовательно, для животныхъ и людей. Тамъ, гдѣ долины лежатъ уже въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ, гдѣ окружающая природа покрыла ихъ путемъ продолжительныхъ динамическихъ процессовъ богатыми почвенными покровами, гдѣ достаточны затѣмъ притокъ тепла и запасъ влаги, чтобы оживить эти покровы, и окружающія горы не заграждаютъ ихъ частыми и разрушительными обвалами, а текущія рѣки не уродуютъ ихъ бурными напорами наводненій,—тамъ появляется обыкновенно органическая жизнь во всемъ своемъ блескѣ и разнообразіи, долины покрываются тучными травами и роскошными лѣсами, ставя тѣмъ въ наилучшія условія и животный міръ.

Такимъ благопріятнымъ сочетаніемъ естественныхъ условій отличаются уже нѣкоторыя изъ продольныхъ долинъ, расположенныхъ высоко надъ уровнемъ моря между главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и Черными горами. Къ числу этихъ долинъ принадлежитъ Иркизъ, находящійся въ верхнемъ теченіи рѣки Большого Зеленчука. Окруженная дикою горною обстановкою, долина Иркизъ представляетъ чудную мѣстность по своей роскошной природѣ и красотѣ горныхъ видовъ.

Еще оригинальнѣе и эффектнѣе въ этомъ отношеніи оказывается долина Загданъ, пріютившаяся высоко у главнаго хребта, въ ущельѣ рѣки Большой Лабы, всего въ 15-ти верстахъ отъ ея верховья. Сюда нѣтъ дорогъ, люди могутъ про-

бираться лишь по едва замѣтнымъ и трудно проходимымъ тропинкамъ, да и этотъ путь доступенъ не во всякую пору года. Ущелье рѣки Б. Лабы, окружающее Загданъ, расширяется здѣсь до $2^1/_2$ верстъ, долина тянется на разстояніи 30 верстъ и отличается дикими, не поддающимися описанію видами горныхъ красотъ. Окруженная цѣлымъ лабиринтомъ огромныхъ скалъ, причудливыхъ пиковъ и величественныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ бѣлыми пятнами снѣга даже въ лѣтнюю пору, по самой своей серединѣ она прорѣзается рѣкою Лабой, несущей здѣсь чистыя, какъ кристаллъ, воды въ относительно медленномъ и величавомъ движеніи. Рѣка имѣетъ до 70 шаговъ въ ширину и до 2 аршинъ глубины. Но особенно замѣчательны здѣсь лѣса. Деревья достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ. Ели и пихты выглядятъ какими-то сказочными великанами до сажени въ діаметрѣ и около 100 аршинъ въ высоту. Лѣсъ и окрестности полны дикими животными. Здѣсь водятся кабаны, медвѣди, олени, джайраны или альпійскія серны, куницы и проч.; но, что особенно замѣчательно, здѣсь сохранились еще бобры и зубры. Зубры являются тутъ въ полномъ смыслѣ слова дикими жи-

Зубры.

вотными: за ними не ходятъ люди и не подкармливаютъ ихъ казенные сторожа сѣномъ, какъ дѣлается это въ Бѣловѣжской пущѣ. Да въ Загданѣ и сѣна никто не приготовля-

етъ. Природа дѣвственна и не тронута рукою человѣка. Съ могучими лѣсами соперничаетъ роскошная травяная растительность. Къ довершенію оригинальности Загдана, на его полянахъ растетъ дикая рожь. Какъ и когда она появилась здѣсь—неизвѣстно, но она заполняетъ сплошнымъ образомъ поляны и отличается высокимъ ростомъ и такою чистотою, точно горные духи явились сюда со сказочными сохами, заботливо взрыхлили землю, еще заботливѣе засѣяли ее рожью и задѣлали сѣмена боронами, а затѣмъ уже природа довершила все остальное.

Но область продольныхъ долинъ незначительна, и ихъ дикая и оригинальная красота, выражающаяся въ рѣдкомъ сочетаніи чудесъ неорганической и органической природы, такъ рѣзко выдѣляется на общемъ фонѣ Кавказскихъ горъ потому только, что ихъ не коснулась еще рука человѣка. Сюда еще не проникъ тотъ мощный потокъ въ движеніи человѣчества, который носитъ названіе колонизаціи, мѣняющей съ теченіемъ времени внѣшній обликъ природы. Такое соприкосновеніе человѣка съ природой началось уже всюду на поперечныхъ долинахъ горъ, тамъ, гдѣ, благодаря дѣятельной работѣ рѣкъ, воды и другихъ физическихъ факторовъ, раздвинулись горы, давъ мѣсто для поселенія и культуры.

Площадь поперечныхъ долинъ въ Кавказскихъ горахъ неизмѣримо велика сравнительно съ долинами продольными. Важнѣйшую изъ поперечныхъ долинъ представляетъ равнина Кубани, къ которой падаютъ и скатываются съ горъ всѣ остальныя долины вмѣстѣ съ текущими по нимъ притоками этой рѣки. Кубанская долина, родившись высоко у Эльбруса, бросилась сначала съ сѣвера на югъ и, какъ бы желая поскорѣе выбраться на просторъ, прорѣзала глубоко мощные бока горныхъ великановъ и захватила въ своемъ стремительномъ потокѣ часть Эльбрусскаго контрфорса; но, не будучи въ состояніи осилить его, уклонилась сначала съ юго-востока на сѣверо-западъ и затѣмъ, встрѣтившись съ степями, круто повернула прямо на западъ и образовала громаднѣйшую въ нѣсколько сотъ верстъ длиною полосу. Такимъ образомъ, Кубанская рѣчная равнина одною своею стороною соприкасается уже съ равнинами степными, и только крутой правый берегъ Кубани длинною и причудливо вьющейся линіей отдѣляетъ ее отъ степей. Всѣ остальныя поперечныя горныя долины, направляясь въ горахъ съ юга на сѣверъ, примыкаютъ потомъ своими широкими конечностями къ Кубанской равнинѣ сбоку, большею частью почти порпендикулярно къ ней. Благодаря этому, по общей своей схемѣ, поперечныя долины напоминаютъ собою громаднѣйшій вѣеръ, раскрытый въ одну сторону, съ рядомъ

зубчатыхъ частей, узкихъ и острыхъ по концамъ и съ изгибомъ въ верхушкѣ къ Эльбрусу. Горная природа слилась съ степными равнинами въ такомъ причудливомъ сочетаніи горно-рѣчныхъ долинъ, примыкающихъ съ одной лишь стороны къ рѣкѣ Кубани, какъ къ рукояткѣ этого грандіознаго вѣера.

Въ общемъ всѣ поперечныя долины характеризуются одними и тѣми же чертами строенія и развитія. Каждая долина можетъ быть подраздѣлена въ этомъ отношеніи на двѣ части—на горную и предгорную.

Въ горныхъ своихъ частяхъ долины отличаются всѣми признаками горной природы. Близость горныхъ вершинъ, крутые скаты, гигантскія скалы, глубокія ущелья и пропасти составляютъ неизбѣжную ихъ обстановку. Здѣсь долины почти недоступны человѣку. Но тамъ, гдѣ при пониженіи мѣстности, онѣ становятся доступными человѣку, красота ихъ и природы выражается въ самыхъ яркихъ формахъ и краскахъ, какъ напр., въ урочищѣ Умпырь, которое одинъ изъ изслѣдователей С. Кавказа называетъ «Земнымъ раемъ». Красивое само по себѣ, это урочище представляетъ мѣсто, съ котораго открываются самые живописные по всѣмъ направленіямъ виды.

Мѣстами дикіе и причудливые виды горъ образуютъ такъ называемыя «Чертовы» или «Волчьи ворота», черезъ которыя издали видны недоступныя ущелья и пропасти. Мѣстами по скатамъ и изгибамъ склоновъ долинъ вьются чуть замѣтныя дорожки и «мышиныя тропы», позволяющія любоваться дикими красотами горныхъ долинъ. Мѣстами, по мѣрѣ пониженія горъ и образованія отлогостей, въ долинахъ появляются глубокія рѣчныя каньоны,—темныя, зіяющія пропасти, которыя часто бываютъ со столь близко сходящимися между собою боками, что черезъ нихъ легко сдѣлать сообщеніе. Тутъ сама природа иногда образуетъ такъ называемые «каменные мосты». Достаточно свалиться съ горъ большому камню къ тому мѣсту, гдѣ особенно близко сходятся боковыя скалы каньона, чтобы образовался естественный «каменный мостъ». Чаще сами люди перебрасываютъ деревянные мосты въ такихъ мѣстахъ, и эти мосты называются «каменными». Они есть на р. Кубани у Каменномостскаго аула, на р. Большомъ Зеленчукѣ, около станицы Исправной, по рѣкѣ Большой Лабѣ, на р. Бѣлой у Каменномостской станицы и проч. Съ выходомъ изъ горныхъ тѣснинъ, долины начинаютъ сопровождаться отлогими скатами и сами принимаютъ постепенно равнинный характеръ. Причудливыя картины горъ исчезаютъ, природа становится мягче, доступнѣе человѣку.

Предгорныя части долинъ представляютъ самые выходы ихъ изъ горъ. Здѣсь уже не бываетъ горныхъ загражденій, нѣтъ ни дикихъ скалъ, ни узкихъ ущелій, ни глубокихъ каньоновъ. Долины превращаются въ стелящуюся равнину. Главную, преобладающую надъ всѣмъ черту составляютъ отложенія тѣхъ разрушенныхъ и измельченныхъ горныхъ породъ, которыя смываются съ горъ водами и рѣками, какъ самый плодородный слой для растительности... Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и вся внѣшняя обстановка. Горы отдалены, сплошные горные лѣса, покрывавшіе скаты горъ, принимаютъ иной видъ и по составу породъ, и по расположенію; рядомъ съ ними все болѣе и болѣе мѣста отвоевываетъ себѣ роскошная травяная растительность. Мѣстами долины заболачиваются, мѣстами скоплены нагроможденія песку, гравія и галыша, мѣстами изрѣдка появляются небольшія озера. Но на всемъ этомъ ярко отпечатлѣвается уже присутствіе человѣка и его дѣятельности, мѣняющей внѣшній обликъ природы. Чаще встрѣчаются человѣческія жилища, замѣтнѣе распашками земли пестрѣетъ долина, а скошенное сѣно, сложенное въ копны и стога, придаетъ долинѣ видъ хозяйственной планировки. Мѣстами рѣжетъ глаза нерасчетливое и безобразное истребленіе лѣсной растительности, мѣстами явно проглядываетъ хищничество человѣка... Здѣсь, однимъ словомъ, видна рука человѣка и его близкое прикосновеніе съ природою.

Къ наиболѣе важнымъ по своему культурному значенію поперечнымъ долинамъ принадлежатъ, кромѣ Кубанской равнины, долины Зеленчуковъ, Урупа, Лабы, Бѣлой, Пшиша и Псекупса. Но дальше за ними, чѣмъ ближе приближаются долины къ устью Кубани, тѣмъ онѣ короче, уже и малозначительнѣе, что зависитъ, конечно, отъ пониженія Кавказскаго хребта, уменьшенія площади горъ и приближенія ихъ въ такомъ видѣ къ Кубани. Слѣдуя по теченію Кубани, всю площадь выходящихъ къ ней поперечныхъ долинъ можно, поэтому, подраздѣлить на двѣ части: 1) одну отъ изгиба Кубани съ Баталпашинска до рѣки Бѣлой и 2) другую отъ рѣки Бѣлой до устья Кубани. На картѣ громаднымъ бѣлымъ пятномъ выдѣляется первая часть. Главный хребетъ наиболѣе удаленъ отъ этой равнинной области предгорій. Тутъ слились вмѣстѣ такія обширныя долины, какъ Зеленчукскія, Урупская и Лабинская, давъ мѣсто для поселенія цѣлаго ряда казачьихъ станицъ въ видѣ такъ называемой Новой Линіи. Послѣ впаденія рѣки Бѣлой въ р. Кубань, послѣдняя все ближе и ближе прижимается къ главному хребту, площадь долинъ замѣтно сокращается и здѣшнія долины, какъ и текущія по нимъ рѣки, становятся все менѣе и менѣе значительны. Онѣ какъ бы поглощаются широкою

Кубанскою поймой, изобилующей болотами, непроходимыми камышами и мощными наслоеніями наносовъ.

Непосредственно къ правому берегу Кубани примыкаютъ степныя равнины. Роскошныя степи, по выраженію Кольцова, здѣсь широко «пораскинулись» и къ морю «понадвинулись» Въ этомъ образномъ выраженіи народнаго поэта заключается какъ бы, спеціальная характеристика Кубанскихъ степей. Степи тянутся, понижаются, раскидаются и надвигаются съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Ставропольской возвышенности къ Азовскому морю.

Ставропольская возвышенность представляетъ обширное плоскогоріе, составляющее какъ бы послѣднее звѣно Эльбрусскаго контрфорса. Высота его у г. Ставрополя рявняется 1929 футовъ надъ уровнемъ моря. Отсюда на западъ, сѣверъ и сѣверо-западъ оно правильно, но замѣтно понижается въ направленіи къ степямъ. Только нѣсколько казачьихъ станицъ—Новомарьевская и Каменнобродская и станицы прикубанскія, начиная съ Баталпашинска и до Григориполисской, расположены на высокой волнообразной части Эльбрусскихъ отроговъ и Ставропольской возвышенности. Далѣе къ сѣверо-западу возвышенность теряется, сливается съ степями и уже станица Успенская, окруженная типичными прикубанскими степями и находящаяся верстахъ въ 90 отъ Ставрополя по прямой линіи, лежитъ на высотѣ лишь 378 футовъ надъ уровнемъ моря.

Еще сѣвернѣе къ морю степи понижаются сначала до 300 футовъ, потомъ до 200, далѣе до 100 футовъ и оканчиваются у Азовскаго моря почти на одномъ съ нимъ уровнѣ. На земляхъ станицы Терновской. расположенной въ центрѣ степей и вблизи Владикавказской желѣзной дороги, Терновскій курганъ имѣетъ еще высоту 335 футовъ, но по самой желѣзнодорожной линіи уже у станціи Крыловской высота степей равняется 210 футамъ и Кисляковской—203 футамъ, а станица Пластуновская по Екатеринодарской вѣтви лежитъ на высотѣ лишь 131 фута и г. Екатеринодаръ 93 фута. Ближайшія къ Азовскому побережью мѣста понижаются еще болѣе. Такъ, станція Кущевская, расположенная въ 70-ти верстахъ отъ моря по прямой линіи, имѣетъ еще 51 футъ высоты, станица Славянская, отстоящая въ 40 верстахъ отъ моря, находится на высотѣ лишь 33 футовъ, а станицы Полтавская и Староджереліевская, расположенныя на границѣ болотистой приазовской низменности, имѣютъ всего 19 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Самая низменность лежитъ почти на одномъ уровнѣ съ моремъ.

Въ общемъ пониженіе степи въ указанномъ направленіи не отличается, понятно, систематическою правильностью. По-

виженіе это идетъ какъ бы полукругами, въ видѣ изогнутой линіи съ наибольшимъ изгибомъ къ юго-востоку и съ концами полукружья къ юго-востоку и сѣверо-западу. Наиболѣе низкія мѣста степей, поэтому, оказываются по Азовскому побережью между Таманскимъ полуостровомъ и прикейскою возвышенною частью степи. Сообразно съ такимъ направленіемъ степей, они, начавшись съ области узкою, относительно, полосою на востокѣ, расширяются постепенно къ западу, и въ такомъ видѣ область по общему своему очертанію напоминаетъ равнобедренный треугольникъ съ основаніемъ у Азовскаго моря.

Что касаетея внѣшняго физическаго вида степей, то рельефъ ихъ лишь слегка мѣняется прорѣзывающими прикубанскую равнину степными рѣчками и оврагами. Легкія повышенія въ предѣлахъ средняго протяженія степей, замѣчаются по правому крутому берегу Кубани. Затѣмъ, чѣмъ восточнѣе поднимаются степи, тѣмъ, понятно, болѣе волнистый видъ принимаютъ онѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при этомъ условіи, тѣмъ чаще начинается встрѣчаться образованіе овраговъ. Тамъ, гдѣ степи переходятъ въ волнистыя очертанія Ставропольской возвышенности и Эльбрусскихъ отроговъ, овраги являются характерною чертою рельефа мѣстности. Поэтому, всѣ станицы, расположенныя по правому крутому берегу Кубани, какъ Невинномысская, Барсуковская, Николаевская, Убѣженская, Прочноокопская и Григориполисская, лежатъ въ области сильнаго развитія овраговъ, рѣзко мѣняющихъ равнинный характеръ мѣстности и своими почворазрушеніями причиняющихъ много вреда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Значительно развиты овраги также въ станицѣ Каменнобродской, Новомарьевской, Сенгилѣевской и Рождественской. Однимъ словомъ, присутствіе овраговъ и ихъ дальнѣйшее развитіе неразрывно связаны съ характеромъ равнинъ.

Степныя рѣки и главнѣйшіе овраги имѣютъ то же направленіе, въ какомъ идетъ пониженіе степей, то есть съ юго-востока на сѣверо-западъ. Незначительное количество овраговъ и слабое ихъ развитіе въ степяхъ объясняется общими условіями залеганія степей. Равнинный характеръ мѣстности даетъ лишь незначительные уклоны степи, вслѣдствіе чего скатъ водъ не отличается быстрымъ и разрушительнымъ паденіемъ ихъ. Отъ этого въ степяхъ не бываетъ ни сильныхъ размывовъ поверхности, ни правильнаго, систематическаго переноса наиболѣе растворимыхъ въ водѣ частей почвы по скатамъ. Тучная почва степей бываетъ въ обиліи покрыта растительностью, а тамъ, гдѣ она не тронута плугомъ или гдѣ земля обращена въ залежь, почва, кромѣ того, скрѣп-

ляется такими корнеобильными растеніями, какъ пырей. Взмученныя въ водѣ частицы почвы, поэтому, при маломъ уклонѣ степи, задерживаются ея густою растительностью. Покровы поверхности, такимъ образомъ, не разрушаются, и образованіе овраговъ или крайне замедляется, или совсѣмъ не имѣетъ подходящихъ условій тля того. Точно также и степныя рѣки, при медленномъ и едва замѣтномъ теченіи, почти не вліяютъ на переносъ съ мѣста на мѣсто продуктовъ разрушенія почвы и не способствуютъ образованію овраговъ, какъ побочныхъ придатковъ рѣки, такъ какъ сами текутъ въ равнинныхъ пологихъ берегахъ, носящихъ лишь слабые признаки чутъ замѣтныхъ уклоновъ съ боковъ. Но въ тѣхъ частяхъ степей, гдѣ эти условія замѣняются другими, способствующими быстрому образованію овраговъ, почтворазрушеніе и ростъ овраговъ идетъ поступательно и дѣятельно.

Сообразно съ такимъ двойнымъ рельефомъ прикубанскихъ степей, разнятся и геологическія напластованія поверхности. Въ юго-восточной горной возвышенности они сложились изъ болѣе древнихъ образованій, чѣмъ въ сѣверо-западной степной. Высота первой области колеблется между 400 и 2000 футовъ надъ уровнемъ моря, а высота степей между 5 и 400 футами. Въ юго-восточной части области, на высотѣ отъ 1500 до 2000 футовъ залегаютъ еще третичныя образованія. Отроги Эльбруса и Ставропольская возвышенность по своему геологическому строенію ни чѣмъ не отличаются здѣсь отъ всѣхъ горъ и предгорій Кавказскаго хребта той же высоты. Наиболѣе древнія отложенія, средиземный ярусъ, встрѣчаются на земляхъ ст. Сенгилѣевской; слѣдующій, болѣе поздній по образованію ярусъ, сарматскій, залегаетъ въ границахъ станицъ Каменнобродской, Рождественской, Новомарьевской, Новотроицкой, и мѣстами—Прочноокопской и Григориполисской. Затѣмъ, далѣе на западъ отъ этой относительно незначительной по пространству полосы сарматъ уже покрывается сверху новѣйщими послѣтретичными образованіями дилювія и аллювія, и чѣмъ ближе расположена мѣстность къ морю, тѣмъ глубже прячется сарматскій ярусъ подъ этими новѣйшими образованіями.

Такимъ образомъ, третичныя образованія, выступая наружу высоко на Ставропольской возвышенности, понижаются по направленію къ берегамъ Азовскаго моря, подобно тому, какъ понижаются степи. Съ своей стороны и ярусы послѣтретическихъ образованій растутъ въ томъ же направленіи, достигая до 800 и 1000 футовъ толщины. Такое заключеніе, впрочемъ, можно сдѣлать на основаніи лищь аналогичныхъ сопоставленій въ строеніи сосѣднихъ съ Кубанской областью мѣстностей. Буренія степи съ цѣлью полученія артезіанской

воды не проникали глубже 210 футовъ. На этой глубинѣ послѣтретичныя наслоенія идутъ въ такомъ порядкѣ: на самой поверхности лежитъ тучный слой чернозема отъ $3^1/_2$ до $4^3/_4$ ф. толщины, далѣе на глубинѣ отъ 50 до 70 футовъ залегаютъ лесовидныя глины, еще ниже до предѣловъ произведенныхъ буреній идутъ въ перемежку глины и пески, съ преобладаніемъ первыхъ, при чемъ всѣ породы глинъ и песковъ очень схожи между собою, на какой глубинѣ они не были бы взяты, и, за единственнымъ исключеніемъ, въ области буренія не найдено никакихъ окаменѣлостей.

Такъ какъ послѣтретичныя образованія, благодаря своему строенію и рыхлости залегающихъ породъ, водопроницаемы, то скопленія артезіанской воды происходитъ ниже ихъ въ третичныхъ образованіяхъ на водонепроницаемой подкладкѣ изъ глинъ въ сарматскомъ и средиземномъ ярусахъ. Поэтому, чѣмъ выше въ степяхъ надъ уровнемъ моря лежитъ мѣстность, тѣмъ ближе къ поверхности должна быть артезіанская вода, по той понятно причинѣ, что ближе къ поверхности поднимаются третичныя образованія, при меньшей толщѣ послѣтретичныхъ наслоеній. Вотъ почему чѣмъ ближе мѣстность расположена къ Ставропольской возвышенности, тѣмъ лучше источники питьевой воды. Въ возвышенной части области встрѣчаются на самой поверхности ключи и родники превосходной воды, далѣе къ западу по Ставропольской возвышенности можно достать артезіанскую воду въ неглубокихъ колодезяхъ, а въ степяхъ, въ особенности вблизи Азовскаго побережья, при крайне неудовлетворительной питьевой водѣ, пропитанной солями, находящимися въ верхнихъ слояхъ аллювія, попытки добыть артезіанскую воду не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ вслѣдствіе особой мощности послѣтретичныхъ образованій.

Разнообразіе геологическихъ породъ, начиная съ древнихъ первозданныхъ и оканчивая позднѣйшими рыхлыми отложеніями аллювія, служитъ уже нѣкоторымъ показателемъ минеральныхъ богатствъ Кубанской области. Каждой геологической системѣ свойственны тѣ или другія минеральныя образованія. Поэтому самое распредѣленіе минеральныхъ богатствъ по области находится въ тѣсной связи съ распредѣленіемъ геологическихъ пластовъ.

Сами по себѣ нѣкоторыя первозданныя породы дають превосходный строительный и подѣлочный матеріалъ. Таковы кавказскіе граниты, сіениты и порфиръ. Промышленность и техническая обработка не успѣли еще коснуться этихъ крѣпкихъ и красивыхъ горныхъ породъ; самая доступность ихъ для этихъ цѣлей и установленіе качественныхъ разновидностей—вопросы еще будущаго, но фактъ широкаго распро-

странеія ихъ въ возвышенныхъ частяхъ хребта не подлежитъ ни малѣйшему сомненію потому уже, что съ нимъ связаны цѣлыя площади соотвѣтственныхъ геологическихъ отложеній.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти гранитныя и порфирныя породы перемежаются съ кристаллическими сланцами, залегаютъ и металлическія руды. Особенно богаты такими залежами верховья Кубани Здѣсь, между Кубанью и р. Худесомъ, находятся серебро-свинцовыя руды. Кубанско-худесскіе рудники въ свое время разрабатывались акціонернымъ обществомъ «Эльбрусъ», которое однако потомъ ликвидировало свои дѣла. Но прекращеніе работъ едва ли обусловливалось недостаточностью залежей или низкимъ качествомъ руды. Кромѣ Кубани и Худеса серебро-свинцовыя руды того же состава и качества, что кубанско-худесскія, встрѣчается по другимъ рѣкамъ верхней части Кубанскаго бассейна—по Учкулану, Доуту, Джаланколу, Индышу и проч. По опредѣленію Барбота-де-Марни, мощность кубанско-худесскихъ рудъ слагается изъ 16,8 пуд. серебра, 53 пудовъ цинковой обманки и 282 пудовъ чистаго свинца на 1 куб. саж. руды. Таково среднее содержаніе руды, но есть руды, заключающія въ одной кубическ. саж. до 830 пудовъ одного свинцоваго блеска. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ количествомъ цинковой обманки превышается количество свинцоваго блеска, и тогда руда переходитъ въ цинково-серебряную. Въ незначительныхъ количествахъ серебро-свинцовыя руды сопровождаются мѣднымъ и сѣрнымъ колчеданами и еще рѣже мѣдною синью, мѣдною зеленью и малахитомъ. По рѣкѣ Уллуколу встрѣчается сѣра, въ верховьяхъ Теберды—магнитный железнякъ.

Съ Оштеномъ связаны сказанія о живой водѣ или ртути, оставшіяся отъ горцевъ. Со стороны Чернаго моря на этой горѣ дѣйствительно встрѣчаются признаки киновари или ртутной руды Нѣтъ ничего невозможнаго, что и со стороны Кубанской области есть мѣсторожденія этого рода рудъ.

Но ниже Оштена, въ верховьяхъ р. Бѣлой и также по верховьямъ Лабы, встрѣчается нѣсколько видовъ металлическихъ рудъ. Такъ, выше бывшей станицы Псеменской по Лабѣ и станицы Самурской въ верховьяхъ рѣки Цеце, притока рѣки Пшехи, установлены признаки серебро свинцовыхъ рудъ. По Цеце остались еще слѣды завода со временъ черкесскаго владычества, и черкесы разсказывали, что заводъ этотъ былъ устроенъ англичанами и что англичане добывали здѣсь серебро и увозили его отсюда въ видѣ желѣзныхъ подковъ, чтобы избѣжать ограбленія. Тамъ же, въ нагорной полосѣ, между Бѣлой и Лабой, найдены желѣзныя руды. Залежи желѣза встрѣчаются здѣсь въ известнякахъ мѣловой фор-

маціи и отличаются богатымъ, до 66°/₀, содержаніемъ окиси желѣза. Признаки желѣзныхъ рудъ найдены затѣмъ и во многихъ другихъ мѣстахъ по всей нагорной полосѣ.

Еще ниже по теченію рѣки Бѣлой, между Даховской и Каменномостской станицами, находится желѣзный купоросъ, встрѣчающійся также на водораздѣлѣ между рѣками Большимъ Зеленчукомъ и Урупомъ, верстахъ въ 15 выше станицы Исправной. По р. Бѣлой желѣзный купоросъ выходитъ наружу и тянется по поверхности длинной и узкой полосой на значительномъ протяженіи. Жители города Майкопа и казачьи писаря раньше набирали обыкновенно здѣсь купоросъ, какъ песокъ, въ мѣшечки и затѣмъ употребляли для приготовленія чернилъ. Наконецъ, въ руслѣ рѣки Бѣлой у Хамышковъ и даже у Даховской станицы попадаются красиво отшлифованные кусочки малахита. Очевидно, что гдѣ-то въ этой области должны находиться залежи этого цѣннаго камня, указывающаго, быть можетъ, и на присутствіе мѣди.

Каменный уголь встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ нагорной полосы. Наиболѣе обильныя залежи его находятся опять таки въ долинѣ верхней Кубани и ея притоковъ. Область его распространенія начинается со станицы Красногорской и оканчивается за 18 верстъ до устья рѣки Теберды, но въ небольшомъ количествѣ онъ попадается и выше этихъ мѣстъ, въ границахъ кубанско-худесскихъ рудныхъ залежей. Здѣшній уголь чернаго цвѣта съ незначительною примѣсью сѣрнаго колчедана и гипса, на ощупь жиренъ, но при горѣніи, вмѣстѣ съ яркимъ пламенемъ, даетъ много копоти. Залегаетъ онъ въ наслоеніяхъ юрской формаціи тонкими пластами отъ 1 до 12 вершковъ толщины. Хотя по окраскѣ уголь этотъ принадлежитъ къ разряду черныхъ, но по количеству углеводовъ и др. свойствамъ относится къ бурымъ углямъ. Онъ считается прекраснымъ матеріаломъ для отапливанія машинъ, добывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ незначительныхъ количествахъ, да и площадь его залежей не велика.

Каменный уголь встрѣчается затѣмъ въ бассейнѣ рѣки Бѣлой и ея притоковъ. Возлѣ Хамышковъ, въ крутомъ, почти отвѣсномъ берегу Бѣлой, выступаютъ полувертикальные пласты его, толщиною около 4 верш.; такой же толщины и тоньше вымыты залежи угля въ нѣсколькихъ мѣстахъ по рѣкѣ Дахо, вблизи Даховской станицы. Въ 12 верстахъ отъ той-же станицы, въ Сохрайской лѣсной дачѣ найдены залежи чистаго и блестящаго угля въ 8 верш. толщиною, а у ст. Отважной на р. Харнухтѣ, притокѣ Лабы, даже пласты до 2 саж. толщины. Большіе куски въ пудъ, два и свыше вѣсомъ, находимые въ руслѣ р. Бѣлой, вымываются вѣроят-

но этой рѣкою изъ Хамышейскихъ залежей. Разработка каменнаго угля во всѣхъ этихъ мѣстахъ не производится. Казаки часто собираютъ его по русламъ рѣкъ, преимущественно Бѣлой, наваливаютъ на подводы и отвозятъ на продажу въ г. Майкопъ или просто кузнецамъ по заказу.

На глубинѣ каньона Бѣлой въ полуразрушенныхъ ея берегахъ встрѣчается кавказскій мраморъ. Образцы мрамора, взятые съ береговъ этой рѣки возлѣ Каменномостской станицы, въ обдѣлкѣ на доски для тумбъ и столиковъ дали при отшлифовкѣ красивыя плиты съ узорчатыми, дымчатыми разводами. Изъ другихъ полезныхъ камней въ области встрѣчается алебастръ между рѣками Ходзомъ и Малой Лабой, въ окрестностяхъ Михайловскаго монастыря и на Таманскомъ полуостровѣ, на берегу Чернаго моря. Добывается и перерабатываетса алебастръ только въ одномъ Михайловскомъ монастырѣ, но дѣло поставлено здѣсь широко и ведется образцово. Гипсъ попадается по Кубани въ ст. Усть-Джегутинской. Всевозможные известняки, какъ строительный матеріалъ, находятся въ очень многихъ мѣстахъ: 1) цѣлыя горы бѣлаго известняка между рѣками Малой Лабой и Ходзомъ, 2) сѣрый, очень твердый и не вывѣтривающійся известнякъ около Майкопа, 3) такой же известнякъ, идущій на приготовленіе катковъ и жерновов̀ъ близъ г. Анапы, ст. Каладжинской, Хадыженской и др., 4) раковистый известнякъ на Таманскомъ полуостровѣ и около Анапы. Мѣстами разработка известняка ведетея въ значительныхъ размѣрахъ. Такъ, изъ ст. Абадзехской жителями вывозится известняка и извести до 70000 пудовъ въ годъ. Наконецъ, возлѣ станицы Верхнебаканской и, въ особенности по ту сторону хребта, возлѣ Новороссійска, Кабардинки, Геленджика и проч. тянутся громадныя залежи цементнаго камня въ видѣ такъ называемаго портланда и романчика. Въ Новороссійскѣ существуетъ два цементныхъ завода и въ Геленджикѣ одинъ, ведущіе широко дѣло по переработкѣ этихъ видовъ камня въ цементъ двухъ видовъ—портландскій и гидравлическую известь.

Въ горахъ очень распространены признаки присутствія нефти. Она встрѣчается на огромномъ, по крайней мѣрѣ въ 200 верстъ въ длину, пространствѣ, начиная съ Таманскаго полуострова и берега Чернаго моря и до рѣки Бѣлой. Всюду по русламъ рѣкъ, по склонамъ овраговъ, въ углубленіяхъ и вообще тамъ, гдѣ можетъ застаиваться вода, выступаетъ обыкновенно и нефть, то въ видѣ блестящаго налета, то тонкой пленки, заволакивающей верхній слой воды, то бураго или рыжеватаго осадка, слегка окрашивающаго илъ и подстилку лужъ и ямъ. Болѣе или менѣе замѣтные естественные выходы нефти извѣстны въ окрестностяхъ станицъ

Нефтяной, Ширванской, Кабардинской, Хадыжинской, Пенвенской, Калужской, Азовской, Холмской, Ильской, Ахтырской, Абинской, Варениковской, Гостагаевской, селенія Витязевскаго и города Анапы, по рѣкамъ Кудако и Псебесъ и на Таманскомъ полуостровѣ.

Но всѣ эти естественные выходы нефти и даже попытки примитивныхъ и усовершенствованныхъ способовъ добыванія ея изъ земли нигдѣ не дали столько матеріала, чтобы сдѣлать прочныя промышленныя предпріятія. Одно время французское общество «Русскій Стандартъ», во главѣ съ предпріимчивымъ директоромъ—американцемъ Туэдли, широко поставило дѣло добычи нефти у станицы Ильской. Здѣсь былъ устроенъ цѣлый заводъ съ надлежащими приспособленіями и буровыми вышками, а впослѣдствіи проложенъ даже нефтепроводъ отсюда и до гор. Новороссійска, куда перекачивалась нефть. Но въ концѣ концовъ общество ликвидировало свои дѣла за убыточностью.

Еще раньше, въ 60-хъ годахъ пробовали организовать добычу нефти на Таманскомъ полуостровѣ англичане, но опять таки безуспѣшно. Въ 1886 году обнаруженъ былъ при буреніи на рѣкѣ Кудако фонтанъ, бившій съ глубины 183 футовъ на высоту 40 футовъ и дававшій отъ 3 до 5 тысячъ ведеръ нефти въ сутки. Скоро, однако, здѣшніе фонтаны изсякли и промыслы прекращены. Только на Тамани и въ нѣкоторыхъ закубанскихъ станицахъ казаки продолжаютъ пользоваться дарами природы такъ, какъ дѣлали это еще вновь поселенные запорожцы на Тамани сто лѣтъ тому назадъ. Изъ неглубокихъ колодцевъ, а иногда и прямо изъ ямъ нефть вычерпывается обыкновенно бадьями или черпаками, наливается въ бочки и боченки и развозится потомъ по станицамъ, какъ смазочный для неуклюжихъ казачьихъ экипажей матеріалъ. Иногда казакъ набираетъ этотъ матеріалъ прямо въ свою классическую «мазницу» и расходуетъ его, пока не потребуется наполнить ее заново.

За немногими исключеніями, добываемая нефть вообще низкаго качества. При добычѣ прямо изъ естественныхъ выходовъ получается обыкновенно мазутъ, густой и тягучій матеріалъ, совершенно непригодный для освѣщенія, по обилію даваемой имъ копоти при горѣніи и годный лишь для отопленія и на смазку. На Ильскихъ источникахъ общество часть добываемой нефти перерабатывало также въ мазутъ, употреблявшійся на смазку и отопленіе, изъ тяжелой нефти бураго цвѣта, густой и насыщенной сѣроводородомъ. Другой видъ нефти легкой, извлекавшейся изъ большой глубины, напоминалъ по своему составу и качествамъ бакинскую нефть и насыщенъ былъ углеводородными горючими газа-

ми, которые общество употребляло для освѣщенія завода. На Кудако получалась нефть также хорошаго качества. Очень хорошій матеріалъ даютъ Таманскія мѣсторожденія нефти. Здѣсь получилась легкая, свѣтлая и годная для освѣщенія нефть, но источники, по мнѣнію геологовъ, малонадежны.

Впрочемъ, какъ и добываніе нефти, научно практическія обслѣдованія ея мѣстонахожденій ограничиваются не многими случаями. Выходы нефти наблюдаются въ третичныхъ образованіяхъ по склонамъ долинъ. Горныя рѣки, размывая пласты этихъ образованій, выносятъ на поверхность и нефть. Развѣдки буровыми скважинами производились лишь на Таманскомъ полуостровѣ, на рѣкѣ Кудако и возлѣ станицы Ильской. Разсказываютъ, что американецъ Туэдли, на основаніи своихъ личныхъ опытовъ и развѣдокъ въ качествѣ директора «Русскаго Стандарта», составилъ цѣлую схематическую карту мѣсторожденій нефти и имѣлъ какую то свою теорію подземнаго ихъ распространенія, но, по свойственной всѣмъ промышленникамъ осторожности, унесъ съ собою эти свѣдѣнія. Работами на Ильскихъ источникахъ обнаружены три нефтяныхъ яруса. Первый ярусъ, состоявшій на глубинѣ отъ 300 до 350 футовъ изъ доломитоваго известняка, давалъ наибольшее количество нефти, но это была нефть съ тяжелымъ удѣльнымъ вѣсомъ, годная лишь для переработки въ мазутъ. Два другихъ яруса, расположенные ниже глубины около 800 до 1200 футовъ, насыщены были легкой нефтью, но давали ее значительно меньше, чѣмъ первый верхній ярусъ. Эти отрывочныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, конечно, объ одномъ, что въ будущемъ предстоитъ еще разрѣшить сложную задачу установленія благонадежности нефтяныхъ источниковъ на обширной площади Закубанья.

Въ послѣднее время, преимущественно въ 1908 году, начались развѣдки нефти и заявки, придавшія дѣлу чисто спекулятивный характеръ. Ближайшее будущее покажетъ, какъ велики нефтянныя богатства въ Кубанской области.

Въ пяти верстахъ около станицы Хадыжинской, въ такъ называемой Восковой горѣ, обнаружены были твердые продукты минеральныхъ маслъ въ видѣ озокерита или горнаго воска, темноватаго и напоминавшаго собою обыкновенный темный воскъ. Залежи озокерита были въ слояхъ темносиней сланцеватой глины въ видѣ прослойковъ и гнѣздъ и признаны на столько благонадежными, что приступлено было къ возведенію сооруженій для разработки горы, но предпріятіе въ самомъ началѣ рухнуло вслѣдствіе какихъ-то чисто побочныхъ причинъ,

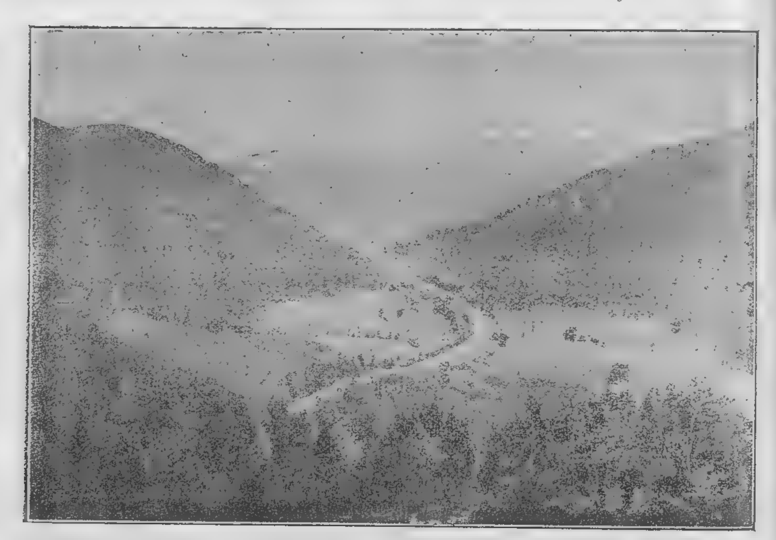
Изъ минеральныхъ грязей наиболѣе извѣстныя Бугазскія и Тузлянскія при одноименныхъ соляныхъ озерахъ. Та-

кія же грязи находятся на Ясенскихъ соляныхъ озерахъ. Пользованіе этими грязями производится самымъ примитивнымъ образомъ. Больные, преимущественно ревматики, въ лѣтнюю жаркую пору, при добываніи соли, «валяются», по мѣстной терминологіи, «въ грязи» и «грѣются» или «сушатся на солнцѣ». Никакихъ приспособленій для этого нигдѣ не устроено, если не считать конечно зданія, занимаемаго смотрителемъ соляныхъ озеръ съ командой, или импровизированнаго куреня, устроеннаго на живую руку солепромышленниками. Къ числу минеральныхъ грязей принадлежитъ и полужидкій илъ грязевыхъ сопокъ, которымъ издавна пользуется казачье населеніе, какъ лечебнымъ средствомъ отъ ревматизма и другихъ болѣзней. Въ прежнее время возлѣ Темрюка, у Гнилой горы, войско содержало даже небольшой госпиталь. Сопочный илъ брался въ полужидкомъ видѣ, подогрѣвался до извѣстной температуры и въ такомъ видѣ употреблялся для леченія, дававшаго хорошіе результаты, если судить по тому, что войско поддерживало довольно долго здѣшнее госпитальное отдѣленіе и посылало сюда больныхъ изъ военныхъ частей казачьихъ и регулярныхъ войскъ.

Большимъ богатствомъ и разнообразіемъ отличаются выходы минеральныхъ водъ. Минеральные источники находятся во многихъ мѣстахъ горъ и предгорій, начиная съ верховьевъ Кубани и до береговъ Чернаго моря. По Кубани въ верховьяхъ рѣки Учкулана находится углекислый источникъ, на лѣвомъ берегу рѣки Индыша углекислощелочный источникъ; такіе же источники есть затѣмъ на рѣкѣ Марѣ и на самой Кубани, въ 6 верстахъ къ востоку отъ Джаланкольскаго моста. Въ верховьяхъ Малой Лабы, не далеко отъ урочища Умпырь, обнаруженъ источникъ съ кислой водой, и въ четырехъ верстахъ отсюда, около станицы Царской—желѣзистый ключъ. Вблизи станицы Ширванской есть два холодныхъ источника—сѣрнощелочный, дающій въ минуту отъ 12 до 15 ведеръ, и углекисложелѣзистый, просачивающій до 10 стакановъ воды въ минуту, а въ трехъ верстахъ дальше по направленію къ станицѣ Нефтяной—минеральный источникъ неизвѣстнаго состава. По верхнему теченію рѣки Убина, выше поселка Азовскаго, находится щелочный источникъ неизвѣстнаго также состава. Черкесы пользовались этимъ источникомъ и онъ былъ ими обдѣланъ въ срубъ. Выселившіеся горцы забили и завалили нечистотами этотъ источникъ, расчищенный казаками и возобновленный впослѣдствіи. Такой же неизвѣстнаго состава, раздѣланный въ видѣ бассейна черкесами, источникъ находится вблизи Геленджика у Михайловскаго перевала, повидимому въ немъ преоблада-

ютъ сѣрныя воды. Ревматики излечиваются водами этого источника.

Но самыя цѣнныя минеральныя воды находятся по рѣкѣ Псекупсу, въ 54 верстахъ отъ Екатеринодара, близъ станицы Ключевой. Источники эти извѣстны подъ названіемъ Псекупскихъ минеральныхъ водъ, и рядомъ съ ними возникло мѣстечко Горячій Ключъ, представляющее въ настоящее время лечебный курортъ. Псекупскія минеральныя воды распадаются собственно на двѣ группы, находящіяся въ трехъ различныхъ мѣстахъ. У самаго Горячаго Ключа сосредоточено до 10 горячихъ сѣрнистыхъ и сѣрнисто-щелочныхъ источниковъ. Это лучшія воды, отличающіяся очень малымъ содержаніемъ углеизвестковыхъ солей, понижающихъ обыкновенно качество сѣрнистыхъ водъ, и особеннымъ обиліемъ сѣроводорода. Одинъ изъ этихъ источниковъ, Александровскій, считается самымъ богатымъ въ Европѣ по содержанію сѣроводорода. Всѣ источники горячи и имѣютъ температуру отъ 41,5 до 52,5° по Цельсію. Кромѣ большого содержанія сѣроводорода, при значительномъ обиліи сѣрно-натровыхъ и натровыхъ солей, имѣющихъ важное лечебное значеніе, Псекупскія мине-



Р. Псекупсъ и Волчьи ворота.

ральныя воды даютъ превосходные результаты по излеченію всѣхъ видовъ ревматизма, хроническихъ сыпей и язвъ, сифилиса, застарѣлой золотухи и проч. При этомъ здѣшняя мѣстность отличается превосходными климатическими усло-

віями, живописными окрестностями и красивыми видами, съ роскошными лѣсами и растительностью. При наличности всего этого, Горячему Ключу несомнѣнно принадлежитъ блестящая будущность въ ряду другихъ Кавказскихъ курортовъ.

Вторая группа источниковъ находится въ ущельѣ Псекупса, въ двухъ верстахъ отъ Горячаго Ключа. Это соленоіодисто-щелочные источники. Отличительная особенность этихъ источниковъ заключается въ особенномъ разнообразіи солей, а главное достоинство—въ богатомъ содержаніи брома и іода. Источники эти мало приспособлены для лечебныхъ цѣлей, но дали уже благопріятные результаты

Третью группу составляютъ желѣзистые источники, расположенные еще выше по Псекупскому ущелью у выхода къ нему рѣки Псычіако. Это совершенно еще не разработанные источники. Размытые дѣйствіемъ воды, они пробиваются чрезъ толщину глины и покрываютъ прилегающую почву гидратомъ окиси желѣза.

Таковы минеральные вообще источники и богатства Кубанской области. Они всѣ почти находятся въ горахъ и предгорьяхъ Кавказскаго хребта и представляютъ въ большинствѣ случаевъ естественные дары природы. Сама природа, при помощи рѣкъ и водъ, открыла на нихъ глаза человѣку.

Воды вообще имѣли рѣшающее вліяніе на внѣшнюю поверхность края. Начиная съ самыхъ высокихъ горъ и оканчивая приморскими низинами, онѣ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и тысячелѣтій, были главнымъ факторомъ, придавшимъ нынѣшній рельефъ странѣ. Онѣ служили въ этомъ отношеніи механическимъ двигателемъ, переносившимъ съ мѣста на мѣсто части поверхности, и способствовали физическимъ и химическимъ процессамъ, мѣнявшимъ тѣ же верхніе слои земли.

Когда-то въ отдаленныя времена, въ пору такъ называемой юрской эпохи, вся нынѣшняя Кубанская область была покрыта обширнымъ моремъ, извѣстнымъ въ геологіи подъ именемъ Сарматскаго. Въ эту эпоху началъ образовываться Кавказскій хребетъ и по мѣрѣ того, какъ его мощные великаны выступали надъ поверхностью воды, Сарматское море отодвигалось отъ нихъ. Въ слѣдующія за тѣмъ эпохи—мѣловую и третичную—Сарматское море покрывало еще большую часть нынѣшней Кубанской области, горообразованіе на Кавказѣ продолжалось, и къ концу первой половины третичной эпохи Кавказскій хребетъ занималъ нынѣшнюю свою площадь, за исключеніемъ крайней складки сѣверныхъ предгорій, бывшихъ еще подъ водой. Такимъ образомъ, въ срединѣ третичной эпохи Сарматское море замѣтно измѣнило свой видъ, оно съузилось, а позже затѣмъ распалось на двѣ

части—на Черное и Каспійское моря, обратившіяся въ обособленные бассейны. Въ концѣ третичной эпохи, въ то время, когда на Кавказѣ существовалъ ледниковый періодъ, Черное море однако снова соединилось съ Каспійскимъ при помощи Манычскаго пролива, а позже, когда южная часть Каспія опустилась и море значительно понизилось, Манычскій проливъ сталъ также опускаться и высыхать, пока не обратился наконецъ въ современную намъ низменность, покрытую эоловыми отложеніями и рѣчными наносами. Вслѣдствіе этихъ процессовъ Черное и Каспійское моря снова обособились въ отдѣльные морскіе бассейны, получивши настоящій свой видъ. Въ періодъ образованія главнаго Кавказскаго хребта были положены условія для обособленія въ особый морской бассейнъ и Азовскаго моря. Продолженіемъ этого хребта въ Крыму была образована гряда горъ, отдѣлявшая Азовское море отъ Чернаго; но оба бассейна долго еще соединялись между собою не только чрезъ Керченскій проливъ, но и чрезъ низменную часть Перекопскаго перешейка. Въ настоящее время Азовское море является какъ бы придаткомъ Чернаго, отдѣленнаго отъ послѣдняго полосой воды между Крымскимъ берегомъ со стороны Керчи и Кавказскимъ—со стороны Тамани. Каждое изъ трехъ названныхъ морей—Азовское, Черное и Каспійское—имѣло и имѣетъ прямую или посредственную, какъ бассейнъ для истока рѣчныхъ водъ, связь съ Кубанской областью, но значеніе этихъ огромныхъ водныхъ пространствъ было для края очень различно.

Наименьшее значеніе для Кубанской области имѣетъ Каспійское море. Къ бассейну этого моря относится очень незначительная полоса области, именно клочекъ ея крайней юго-восточной части, гдѣ проходитъ верховье рѣки Кумы, впадающей въ Каспій и имѣющей лишь одинъ незначительный притокъ—рѣку Дуньку, при которой расположена Воровсколѣсская станица. Но Каспійское море имѣетъ другую, болѣе важную связь съ Кубанской областью—климатическую, и въ этихъ видахъ необходимо, поэтому, дать хотя бы самую общую характеристику этого воднаго бассейна.

По размѣрамъ Каспійское море немногимъ больше Чернаго моря. Подъ нимъ считается 377,236 кв. верстъ, то есть въ $4^1/_2$ раза больше площади Кубанской области. Оно составляетъ также только незначительную часть когда-то обширнаго Арало-Каспійскаго моря и съ теченіемъ времени продолжаетъ съуживаться и мелѣть. Въ такомъ видѣ Каспій представляетъ собою нѣчто въ родѣ громаднѣйшей величины ямы, которая на 85 футовъ лежитъ ниже уровня океана, при чемъ уровень этотъ подвергается рѣзкимъ ежегоднымъ

и періодическимъ колебаніямъ, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ половодья рѣкъ, особенно Волги. Глубина моря въ средней его части колеблется между 398 и 516 саженями и въ этомъ отношеніи дно его можетъ быть подраздѣляемо на три части,—1) сѣверную самую мелководную, 2) среднюю и 3) южную. Средняя часть отдѣляется отъ южной подводнымъ кряжемъ, покрытымъ въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ водою на 110 саженей глубины и представляющимъ собою продолженіе Кавказскаго хребта. Наконецъ, средняя соленость водъ въ Каспіи равняется 1,4%, немного меньше, чѣмъ въ Черномъ, но она сильно колеблется въ разныхъ мѣстахъ: близъ устья рѣки Волги равняется лишь 0,14%, по серединѣ моря 1,4%, у Мертваго Култука 3% и въ Кара-Бугазѣ 28,5% Въ этомъ заливѣ вода перенасыщена солью, и соль отлагается на днѣ.

Черное море примыкаетъ къ Кубанской области также на очень незначительномъ пространствѣ—отъ косы Тузлы до города Анапы съ прилегающими къ ней землями Кубанской области. Но Черноморское побережье на протяженіи нынѣшней Черноморской губерніи входило раньше въ составъ Кубанской области. Здѣсь былъ образованъ Шапсугскій казачій баталіонъ изъ Кубанскихъ казаковъ и другихъ выходцевъ, населеніе котораго было потомъ обращено въ поселянъ. Такимъ образомъ, между Кубанской областью и Черноморскою губерніею существуетъ историческая связь.

По размѣрамъ Черное море близко къ Каспійскому и занимаетъ 372,571 кв. версту, то есть опять таки почти въ 4½ раза превышаетъ площадь Кубанской области и на 4.665 кв. верстъ меньше Каспійскаго моря. Въ древности Черное море было извѣстно подъ именемъ Понта Евксинскаго и съ тѣхъ поръ оно не потерпѣло существенныхъ измѣненій. Черное море не замерзаетъ зимою и принадлежитъ къ числу очень теплыхъ морей на земномъ шарѣ; теплѣе его только Красное, Средиземное и тропическія моря. Черезъ такія громадныя рѣки, какъ Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Кубань и др., въ него вливается масса прѣсной воды, и если бы не было обмѣна водъ черезъ Константинопольскій проливъ и Мраморное море, то оно обратилось бы въ прѣсноводный бассейнъ. Поэтому, соленость воды въ немъ равняется 1,77%, тогда какъ въ океанѣ считается до 3% солей.

Такое свойство Черноморской воды объясняется тѣмъ, что, кромѣ притока въ море прѣсныхъ рѣчныхъ водъ,—съ одной стороны черезъ Босфоръ, а съ другой—черезъ Керченскій проливъ происходитъ двойной обмѣнъ водъ. Болѣе теплая, но и болѣе плотная соленая вода Мраморнаго моря поступаетъ нижнимъ теченіемъ въ Черное море, а болѣе хо-

лодная и менѣе плотная вода Чернаго моря течетъ въ верхнихъ слояхъ въ Мраморное море. Обмѣнъ этотъ совершается постоянно и очень дѣятельно. Онъ установленъ контръ-адмираломъ Макаровымъ, вычислившимъ, что притокъ соленой воды равенъ 200,000 куб. футамъ въ секунду. Если исчисленная А. В. Клоссовскимъ поверхность Чернаго моря равняется 381500 кв. километрамъ, а средняя глубина $1^1/_2$ куб. километра, то количество воды, приносимой нижнимъ теченіемъ Босфора наполнило бы весь боссейнъ моря въ 3080 лѣтъ.

Такой же обмѣнъ водъ совершается и черезъ Керченскій проливъ. Нижними слоями поступаетъ изъ Чернаго моря въ Азовское болѣе соленая вода, а сверху течетъ обратно болѣе прѣсная вода Азовскаго моря, и теченіе иногда, особенно весною, бываетъ на сколько сильно, что напоминаетъ обширную рѣку. Такимъ образомъ, избытокъ прѣсной воды, приносимой рѣками и Азовскимъ моремъ, постоянно замѣняется болѣе соленою водою Мраморнаго и Средиземнаго морей.

Но особенно замѣчательную особенность Чернаго моря составляетъ то, что воды его, начиная съ глубины 200 саж. и ниже, пропитаны сѣроводородомъ. Послѣдній убиваетъ на такой глубинѣ органическую жизнь и, слѣдовательно, нижнія глубокія части моря безжизненны и пустынны; только одни прибрежные и верхніе слои воды, составляющіе по приблизительному исчисленію $^1/_{12}$ всей ея толщи, населены водорослями, рыбами и низшими организмами. Существуетъ предположеніе, что въ ближайшую къ намъ эпоху произошелъ геологическій переворотъ, въ результатѣ чего Черное море соединилось съ Средиземнымъ и когда, такимъ образомъ, почти прѣсныя воды его превратились въ соляныя, то часть фауны, именно низшіе морскіе организмы должны были погибнуть. На глубинѣ отъ 200 до 400 футовъ образовались громадныя скопленія полуископаемыхъ створокъ dreissena cardium и micromelania, которыя, разлагаясь, выдѣляютъ сѣроводородъ. Послѣдній, убивая на глубинѣ моря органическую жизнь, выдѣляется на поверхность, и когда бываютъ туманы, то насыщаетъ мельчайшія частицы этой водяной пыли, весною же, во время цвѣтенія деревьевъ, сѣроводородъ, пропитывающій морскіе туманы, убиваетъ и портитъ нѣжные цвѣты садовыхъ, декоративныхъ и лѣсныхъ произрастеній. Цвѣтокъ вянетъ, рыжѣетъ, чернѣетъ и напоминаетъ собою, въ концѣ концовъ, какъ бы прижженныя чѣмъ-то ткани. Явленіе хорошо извѣстное по Черноморскому побережью.

Глубина Чернаго моря очень значительная и растетъ отъ береговъ къ срединѣ съ замѣчательною правильностью,

такъ что по глубинѣ моря можно судить о разстояніи до берега съ точностью до одной версты. Наибольшая глубина моря опредѣлена въ 1227 саженей, то есть почти $2\frac{1}{2}$ версты. Приближаясь къ Азовскому морю, а слѣдовательно и къ Кубанской области, дно Чернаго моря замѣтно мелѣетъ лишь при сліяніи съ водами Азовскаго моря. Къ сѣверу отъ косы Тузлы, служащей въ этомъ отношеніи раздѣльной линіей, глубина пролива около 14 футовъ, а къ югу отъ той же косы она быстро возрастаетъ, какъ и вообще вдоль Черноморскаго побережья. Есть указанія, что дно Чернаго моря со стороны Кавказскаго берега медленно опускается. Строенія древнихъ поселеній у Новороссійска и Сухума находятся уже у береговъ въ морѣ покрытыми водою.

Въ предѣлахъ собственно Кубанской области, тамъ, гдѣ впадаетъ Кубань, берега Чернаго моря низки, но на очень незначительномъ протяженіи. Къ сѣверу отсюда, отъ Бугаскаго гирла или рукава Кубани и до косы Тузлы, берега значительно поднимаются надъ водой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь встрѣчаются опасные каменные рифы. Къ югу отъ того же пролива берега еще выше, а съ Анапы и далѣе они превращаются въ рядъ отвѣсныхъ скалъ и крутыхъ горъ, красиво окаймляющихъ воды Чернаго моря. На всемъ вообще протяженіи Черноморской губерніи главный Кавказскій хребетъ близко подступаетъ къ морю, и это объясняется отмѣченнымъ уже выше геологическимъ процессомъ образованія Кавказскихъ горъ.

Сообразно съ этимъ распредѣляются какъ внутреннія, прилегающія къ морю воды, такъ и морскія выемки въ видѣ бухтъ или подобія ихъ. При устьѣ Кубани расположена цѣлая группа лимановъ, образованныхъ этою рѣкою. Кубанскіе лиманы носятъ различныя названія въ разныхъ мѣстахъ и въ частности извѣстны подъ именемъ — Бугазскаго, Кизилташскаго, Покуровскаго и Витязевскаго лимановъ. Первый изъ этихъ лимановъ или, вѣрнѣе, меньшая часть лимана, отдѣляется косою Джеметель отъ большей части (Кизилташскаго лимана) и соединяется съ моремъ Бугазскимъ гирломъ, которое и представляетъ собственно Черноморское устье рѣки Кубани. Ширина гирла около 300 саженей, а глубина отъ 8 до 13 футовъ. Отъ моря лиманы отдѣляются узкими, низкими и песчаными наносами, такъ называемыми «пересыпями». Въ прежнее время въ лиманахъ вода была совершенно прѣсная, и они изобиловали разными видами красной и бѣлой рыбы. Но по мѣрѣ того, какъ мелѣлъ Черноморскій рукавъ Кубани и, слѣдовательно, уменьшался притокъ прѣсной воды, вода въ лиманахъ становилась все болѣе и болѣе соленою, лиманы начали мелѣть, а количество рыбы за-

мѣтно убывать, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали падать рыболовные промыслы.

Далѣе къ югу отъ названныхъ лимановъ почти отсутствуютъ внутреннія, прилегающія къ морю водные бассейны. Только между Анапою и Новороссійскомъ находится Абраускoе озеро, довольно значительное по своимъ размѣрамъ и красиво окаймленное прилегающими къ нему горами. Озеро это наполнено превосходною прѣсною водою и въ обиліи населено рыбою. Рѣкъ хотя и много, но онѣ незначительны, въ родѣ Цемеса, Адербія, Джанхота, Пшады и проч. Важнѣйшая изъ нихъ Бзыбь.

Бухтами берега моря бѣдны. Въ предѣлахъ Черноморской губерніи встрѣчается собственно всего лишь двѣ бухты—Новороссійская и Геленджикская. Лучшею бюхтою оказывается Новороссійская Эта прекрасная бухта имѣетъ 15 верстъ въ длину и отъ 3 до 8 верстъ въ ширину; средняя глубина бухты при входѣ въ нее равняется 15 саж. или 105 футамъ; у города же Новороссійска она колеблется между 42 и 60 футами. Благодаря этому, въ Новороссійскую бухту могутъ заходить всевозможныя суда до великановъ броненосцевъ и океанскихъ пароходовъ включительно. Въ древности бухта врѣзалась въ материкъ далеко глубже и занимала ту болотистую мѣстность, по которой протекаетъ рѣка Цемесъ, обмелѣвшая и покрывшая своими наносами эту часть бухты. Существенный недостатокъ Новороссійской бухты составляетъ нордъ-остъ или, такъ называемая, „бора“. Когда свирѣпствуетъ этотъ ужасный вѣтеръ, Новороссійская бухта превращается въ кипящій бассейнъ, цѣлыя облака водяной пыли высоко поднимаются надъ его поверхностью въ видѣ громадныхъ столбовъ, а затѣмъ обдаютъ брызгами противоположный берегъ и городъ съ его строеніями, превращая зимою все это въ обледенѣлую массу. Бывали случаи, что „борою“ выбрасывались на берегъ крупныя суда и пароходы, или же обледенѣлые корпусы ихъ шли на дно. Тѣмъ не менѣе, благодаря устройству пристани, набережныхъ и портовыхъ загражденій, суда почти безпрепятственно входятъ въ бухту, свободно отстаиваютъ періодъ усиленнаго нордъ-оста и дѣятельность порта, за немногими исключеніями, не останавливается.

Другую превосходную бухту представляетъ Геленджикскій заливъ. По формѣ эта бухта похожа на ковшъ, съ относительно съуженнымъ входомъ и овальными расширеніями внутри бухты. Полукруглая Геленджикская бухта имѣетъ отъ 3 до 4 верстъ въ поперечникѣ и отъ 18 до 72 футовъ глубины. У береговъ бухта мелководна и годна только для каботажныхъ судовъ, но въ центральной и входной своихъ

частяхъ въ нее свободно заходятъ броненосцы и большіе океанскіе пароходы. Сравнительно съ Новороссійскою бухтою здѣсь значительно слабѣе дѣйствуютъ нордъ-осты и направленіе ихъ таково, что даже парусныя суда большею частью свободно входятъ въ бухту и выходятъ изъ нея въ то время, когда дуетъ «бора». Со стороны моря бухта хорошо защищена отъ вѣтровъ сближающимися берегами у ея входа, и только при нѣкоторыхъ направленіяхъ дѣйствуетъ съ замѣтною силою „морякъ" или, вѣрнѣе, сѣверо-западный вѣтеръ. Геленджикская бухта имѣетъ то преимущество, что въ нее не впадаетъ ни одна рѣка, которая могла бы засорять ее и дѣлать заносы дна. А купанья въ этой бухтѣ не имѣютъ себѣ равныхъ по всему Черному морю, въ особенности для слабогрудыхъ и дѣтей. Благодаря близости Адербіевскаго ущелья, низкаго и удобнаго для сообщенія, здѣсь легко провести желѣзную дорогу, и тогда Геленджикская бухта можетъ превратиться въ одинъ изъ удобнѣйшихъ и дѣятельныхъ портовъ. По изысканіямъ, произведеннымъ Владикавказскою желѣзною дорогою, провести желѣзнодорожную вѣтвь на Геленджикъ всего удобнѣе отъ станціи Абинской, Новороссійской вѣтви, черезъ Адербіевскій перевалъ, тѣмъ болѣе, что разстояніе между Абинской станицей и Геленджикомъ оказывается всего около 42 верстъ.

Такъ называемыя бухты у Анапы, Туапсе, Сочи и Адлера представляютъ собою лишь незначительныя выемки въ берегахъ, открытыя всѣмъ вѣтрамъ, дующимъ съ моря. Естественныя загражденія тутъ отсутствуютъ, и чтобы сдѣлать доступными для судовъ берега, необходимы искусственныя и дорого стоющія сооруженія. Такихъ, съ меньшимъ, впрочемъ, размѣромъ выемокъ, полу-бухтъ, можно найти много по побережью. Такъ, между Новороссійскомъ и Геленджикомъ есть небольшая, но глубокая бухточка у урочища Марьина Роща, южнѣе Геленджика такая же бухточка находится у имѣнія Джанхотъ и т. п. И тутъ, при незначительныхъ затратахъ, можно устроить такія приспособленія, которыя позволятъ заходить и останавливаться въ непогоду маленькимъ судамъ и сдѣлаютъ возможнымъ правильное пароходное сообщеніе

Самое же важное и ближайшее отношеніе къ Кубанской области и ея исторіи имѣло Азовское море. Въ древности это море называлось Меотійскимъ болотомъ, благодаря, конечно, своему мелководью и небольшой площади, сравнительно съ другими морями. Подъ Азовскимъ моремъ находится всего 33.000 кв. в. Такимъ образомъ, оно въ 11 разъ меньше Чернаго моря и въ $2^1/_2$ меньше площади, занимаемой Кубанской областью. При средней глубинѣ въ 33 фута, въ

сѣверовосточной части—къ Ростову, Ейску и Таганрогу—море значительно мельче, съ глубиною всего въ 12 футовъ; наибольшая же глубина моря не превышаетъ 44 футовъ. Уровень воды вообще часто мѣняется подъ вліяніемъ атмосфернаго давленія и господствующихъ вѣтровъ. При сильныхъ и продолжительныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ уровень понижается на 1 и 1½ фута, при юго-западныхъ вѣтрахъ, наоборотъ, онъ повышается отъ 1 до 3 футовъ. Въ исключительныхъ случаяхъ колебанія эти бываютъ еще значительнѣе. Въ сентябрѣ 1850 года уровень моря понизился до 10 футовъ и суда, бывшія даже въ морѣ, очутились какъ бы на мели; а въ ноябрѣ 1849 года уровень поднялся у Таганрога на 18 футовъ.

При относительно незначительной площади и мелководьѣ, Азовское море сильно опрѣсняется впадающими въ него рѣками—Кубанью и Дономъ. Соленость воды въ немъ вдвое меньше, чѣмъ въ Черномъ морѣ, а въ сѣверо-восточной части, въ особенности при сѣверо восточныхъ вѣтрахъ, вода бываетъ на столько прѣсна, что ее пьютъ, и моряки запасаются ею, какъ рѣчной, даже противъ Таганрога и у Ейска. Съ тѣмъ же притокомъ рѣчныхъ водъ въ море приносится масса рѣчного ила, и море въ этихъ мѣстахъ замѣтно мелѣетъ. На ряду съ этимъ, дно моря засаривается всюду выбрасываніемъ баласта съ судовъ, особенно съ иностранныхъ пароходовъ. Наконецъ, открытое со всѣхъ сторонъ и не защищенное естественными преградами въ видѣ горъ, Азовское море изъ года въ годъ заносится атмосферною пылью, которую несутъ сюда, главнымъ образомъ, степные вѣтры съ востока и которая отлагается на днѣ, разъ прикоснувшись къ водѣ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ Азовское море замѣтно сокращается въ размѣрахъ и мелѣетъ, что подтверждается историческими данными за послѣднія полторы тысячи лѣтъ. Слѣды основаннаго въ древности греками города Танаиса на берегу моря, у устья Дона, оказываются теперь на сушѣ, въ 10 верстахъ отъ морского берега; глубина сѣверо-восточной части моря у Таганрога со временъ Петра Великаго уменьшилась на полтара фута, а наибольшая глубина моря въ 48 футовъ, опредѣленная въ 1803 году, съ того времени уменьшилась на цѣлыхъ 4 фута. Замѣчено вообще, что подводныя мели, обратившіяся съ теченіемъ времени въ такъ называемыя косы, удлинняются и врѣзываются въ море все дальше и дальше, и что противоположные берега моря сближаются между собою.

Очень характерные для Азовскаго моря придатки представляютъ, поэтому, косы. Косами по Азовскому побережью

называются узкія и низменныя повышенія (выше уровня воды) морского дна, тянущіяся длинными полосами далеко въ море почти въ перпендикулярномъ направленіи къ берегу. Онѣ сложены большею частью изъ ила, песка и ракушекъ, съ незначительной примѣсью органическихъ веществъ, образовавшихся отъ гніенія растительности и разложенія животныхъ организмовъ. Въ разныхъ мѣстахъ косы образовались различной величины и расположены въ различныхъ направленіяхъ. Ейская коса, находящаяся у города Ейска, имѣетъ 7 верстъ въ длину, тянется въ сѣверо-восточномъ направленіи и отдѣляетъ отъ моря Ейскій лиманъ. Конецъ косы раздвоенъ въ видѣ полукруга, отчего образовалась естественная бухта, которую по проектамъ нѣкоторыхъ инженеровъ, предполагалось оборудовать для города, проведя къ ней желѣзнодорожную вѣтвь. Коса Долгая у станицы Должанской направляется въ море къ сѣверо-западу и, при ширинѣ въ полъ версты, тянется на 15 верстъ въ длину, оканчиваясь длинною, въ 9 верстъ, подводною мелью, покрытою на 2 фута водою и выступающей наружу въ видѣ небольшихъ островковъ при сильныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ.

Далѣе по берегу, у станицы Камышеватской, расположена въ юго-восточномъ направленіи Камышеватская коса въ видѣ широкой и мѣстами сильно заросшей камышами полосы. Еще южнѣе Ясенская коса, составляющая какъ бы продолженіе низкаго морского берега, отдѣляетъ море отъ Бейсугскаго лимана. Точно также южнѣе Ясенской косы Ачуевскою косою отдѣляется отъ моря Ахтарскій лиманъ и цѣлая масса болѣе мелкихъ лимановъ и озеръ. Наконецъ, въ Керченскомъ проливѣ расположены почти подъ прямымъ угломъ одна къ другой двѣ длинныя косы—Чушка, отдѣляющаяся отъ сѣверной части Таманскаго полуострова въ юго-западномъ направленіи, и Тузла, замыкающая южную часть того же полуострова въ сѣверо-западномъ направленіи. Косы, такимъ образомъ, встрѣчаются всюду по Азовскому побережью какъ у высокихъ береговъ Ейскаго и Таманскаго полуострововъ, такъ въ расположенной между этими полуостровами приазовской береговой низменности.

При обиліи косъ въ Азовскомъ морѣ почти совсѣмъ нѣтъ острововъ. Въ $15^1/_2$ верстахъ къ сѣверу отъ города Ейска встрѣчается группа небольшихъ и низменныхъ островковъ. Съ сѣвера у Таманскаго полуострова, при изверженіи сопокъ, были случаи образованія небольшихъ острововъ вулканическимъ путемъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1881 году, когда поднялся такой островъ въ морѣ вблизи Ахтанизовской станицы, изъ котораго извергались дымъ и пламя и даже выброшены были на берегъ нѣсколько кусочковъ шла-

ка; но островокъ этотъ такъ же быстро осѣлъ, какъ и возникнулъ. Точно также по всему Азовскому побережью совсѣмъ не встрѣчается бухтъ. Суда и пароходы становятся просто на рейдѣ въ морѣ, напр., у Ахтарей, Ачуева, Темрюка и Тамани. Но и такихъ, удобныхъ для стоянокъ судовъ, мѣстъ очень мало. Со стороны Кубанской области глубина моря очень медленно увеличивается отъ береговъ къ срединѣ его. Мѣстами нужно отойти отъ берега цѣлыя версты, пока получится глубина 5 или 7 футовъ. Подходъ судовъ къ берегамъ въ такихъ мѣстахъ совершенно не возможенъ.

При такомъ характерѣ Азовскаго побережья, въ немъ обильно расположены внутренніе прибрежные бассейны водъ въ видѣ лимановъ, озеръ и болотъ. У города Ейска лежитъ въ видѣ собственно морского залива Ейскій лиманъ, имѣющій до 20 верстъ въ длину и 10 верстъ въ ширину и принимающій въ себя рѣку Ею. Лиманъ этотъ довольно мелокъ, глубина его мѣстами доходитъ до полутора фута и только въ проливѣ, соединяющемъ его съ моремъ, она около 12 футовъ.

Другой лиманъ Бейсугскій, отдѣляемый отъ моря Ясенскою косою, также представляетъ собою морской заливъ, соединяющійся съ моремъ узкою полосою воды—Ясенскимъ гирломъ. Это самый обширный въ области лиманъ, имѣющій, при 10 верстахъ ширины, до 30 верстъ въ длину. Онъ также мелководенъ, но глубина его тѣмъ не менѣе доходитъ до 12 и 14 футовъ и парусныя суда легко заходятъ сюда съ грузами. Въ Бейсугскій лиманъ впадаетъ самая большая степная рѣка Бейсугъ, которая на разстояніи 50 верстъ по прямой линіи внутрь области образуетъ прѣсноводный лиманъ Лебяжій.

Почти рядомъ съ Бейсугскимъ лиманомъ, къ сѣверу отъ него, находится большое соляное озеро Ханское и цѣлый рядъ мелкихъ Ясенскихъ соляныхъ озеръ, а еще далѣе къ сѣверо-востоку полукругомъ расположены сладкіе и горько-соленые лиманы—Сладкій, въ который впадаетъ степная р. Челбасы,—Горкій, Кущеватый и Круглый, образующій нѣчто въ родѣ придатка рѣки Албаши. Лиманы эти, за исключеніемъ Сладкаго и Круглаго, какъ и соляныя озера, періодически то обводняются, то совершенно высыхаютъ.

Особенно развита система лимановъ и озеръ между Ахтарями и Темрюкомъ. У самыхъ Ахтарей, въ видѣ настоящаго морского залива, находится Ахтарскій лиманъ, соприкасающійся на югѣ съ болѣе обширными лиманами Рянымъ и Кирпильскимъ. Съ разныхъ сторонъ всѣ три лимана окружены цѣлою сѣтью соляныхъ озеръ и небольшихъ лиманчиковъ. Такіе же небольшіе лиманы и мелкія озера тянутся

длинною и широкою полосою по берегу между рѣкою Протокою и городомъ Темрюкомъ. Послѣдній лежитъ при Курчанскомъ лиманѣ, имѣющемъ, при 7 верстахъ ширины, до 18 верстъ длины съ глубиною отъ 1/2 до 7 футовъ.

Съ другой стороны, на западъ отъ Темрюка находится Ахтанизовскій лиманъ, довольно значительный также по размѣрамъ. При 25 верстахъ длины и отъ 1 до 10 верстъ ширины, лиманъ этотъ отличается отсутствіемъ отмелей, которыми изобилуютъ другіе лиманы. Южнѣе расположены уже Кубанскіе лиманы, примыкающіе къ Черноморскому побережью. Какъ эти послѣдніе, такъ и Ахтанизовскій съ Курчанскимъ лиманы питаются истоками рѣки Кубани. Главную массу своихъ водъ эта рѣка несетъ въ Азовское море черезъ Ахтанизовскій и Курчанскій лиманы. Тѣмъ не менѣе, благодаря близости Чернаго и Азовскаго морей, въ нѣкоторыхъ лиманахъ, какъ въ Курчанскомъ и Кубанскомъ, вода бываетъ временами соленою и всюду въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются также совершенно соленыя озера.

Послѣднее звено въ описанной системѣ водъ представляетъ Керченскій проливъ, извѣстный у древнихъ грековъ подъ именемъ Боспора Киммерійскаго. Часть этого пролива образуетъ довольно значительный Таманскій заливъ, имѣющій отъ 5 до 10 верстъ въ ширину и до 30 верстъ въ длину. Длина Керченскаго пролива считается въ 38 верстъ и такою же оказывается его наибольшая ширина по Таманскому заливу до города Керчи. Косы же, особенно Тузла, подходятъ такъ близко къ Керченскому берегу, что ширина пролива въ этихъ мѣстахъ колебается между 2 и 5 верстами, и особенно благодаря тому, что коса Тузла идетъ далеко въ море въ видѣ естественныхъ отмелей и искусственныхъ заграждений; для судовъ въ этомъ мѣстѣ оставленъ самый узкій проходъ. Керченскій проливъ, начиная съ Тузлы, ежегодно замерзаетъ на небольшихъ пространствахъ, а временами и весь. Все Азовское море, особенно у сѣверо-восточной своей части, промерзаетъ по берегамъ верстъ на 18 и 25 въ глубь. Ледъ, однако, не прочно и не долго держится, и случаи уноса въ море льдинами рыбаковъ повторяются очень часто.

Такими-то общими особенностями характеризуется Азовское побережье. Все отмѣченное выше ясно указываетъ на то, что побережье это предназначено природою не для судоходства. Бухтъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, заливы и лиманы мелки, мѣстами, какъ между Ачуевомъ и Темрюкомъ, берега такъ низменны и на столь большихъ пространствахъ заболочены, что здѣсь совсѣмъ негдѣ устроить поселенія и даже временныя пристаница. При такихъ условіяхъ каботажъ возможенъ

только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а крупные грузовые пароходы, перевозящіе грузы между Россіей и странами, омываемыми Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, совсѣмъ не могутъ заходить въ мелководное Азовское море.

Но всѣ его косы, лиманы, озера, и проч. имѣли тѣмъ не менѣе для населенія громадное историческое значеніе. Они служили колыбелью промышленной живни казачества. Азовское море изобиловало красными и бѣлыми породами рыбы. Рыбой буквально таки кишѣли когда-то лиманы и устья Кубани и степныхъ рѣкъ. Богатая рыбная добыча, поэтому, всегда служила здѣсь приманкою для казака. Запорожцы и Донцы проникали въ эти мѣста далеко ранѣе, чѣмъ была колонизована казаками нынѣшняя Кубанская область, заводя здѣсь рыбные заводы и хутора. Съ поселеніемъ Черноморскаго войска, казаки и войско также дорожили рыболовствомъ и добычею соли, разселяясь отъ морского побережья вверхъ по Кубани и степнымъ рѣчкамъ. Если, поэтому, боевая исторія Кубанскаго казачества совершилась у береговъ Кубани и въ горахъ по ту сторону ея, при столкновеніи съ горцами, то промышленная и экономическая жизнь казака зародилась у морского побережья и вдоль рѣкъ. Водные источники играли въ этомъ отношеніи громадное значеніе, особенно въ первые годы заселенія края. Они поставляли казаку рыбу, разные виды дичи и соль, а въ этомъ да въ скотѣ въ ту пору состояло все богатство казака.

Въ высшей степени важную роль играли, поэтому, рѣки какъ въ физической исторіи края, такъ и въ исторіи народностей, въ разное время обитавшихъ здѣсь. Въ теченіе длиннаго ряда тысячелѣтій рѣки бороздили здѣшнюю природу, рѣзали горы, разрушали ихъ неприступныя твердыни и мѣняли вообще физіономію страны. Работа гигантская, но ея объемъ и характеръ всецѣло обусловливались особенностями природы.

Въ геологіи существуетъ предположеніе, что въ доледниковый періодъ все пространство между главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и Черными горами представляло собою длинный и обширный водный бассейнъ, образовавшійся между высоко поднятыми горами въ видѣ озеръ. Переполненныя чрезъ края водою озера начали сбывать излишекъ ея въ наиболѣе низкихъ перемычкахъ хребтовъ. Воды ринулись съ страшной силой съ высоты внизъ и образовали такимъ образомъ тѣ узкія и глубокія поперечныя ущелья, которыя составили выходы и начало рѣкъ. Когда затѣмъ вода изъ озеръ вылилась вся внизъ чрезъ углубившіеся выходы, на мѣстѣ бывшихъ озеръ образовались продольныя долины. Таково предположеніе объ образованіи первыхъ рѣкъ въ Кав-

казскихъ горахъ, а дальнѣйшее ихъ развитіе и направленіе всецѣло опредѣлилось особенностями горъ.

Разъ вода начала скатываться по горному уклону, она неминуемо должна была проложить свой ходъ, свое русло, и затѣмъ безпрерывно двигаться, выполняя роль механическаго агента. «Рѣка, говоритъ геологъ Неймайръ, дѣйствуетъ, какъ пила, зубцами которой служатъ уносимыя водой твердыя частицы» Чѣмъ круче уклонъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе этой пилы, и чѣмъ мягче горная порода, тѣмъ глубже забираетъ ее рѣка. Поэтому, «направленіе рѣкъ, форма и исторія ихъ находятся въ зависимости отъ строенія горъ». Тоже было и на Кавказѣ.

Кавказскій хребетъ направляется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, постепенно поднимаясь. Воды понятно должны скатываться въ противоположномъ направленіи—на сѣверъ и сѣверо-западъ. Рядомъ съ наиболѣе высокими горами поднимается еще болѣе высокій Эльбрусъ, отбросившій свои отроги прямо на сѣверъ почти перпендикулярно къ главному хребту. Благодаря этому загражденію, воды, во-первыхъ, должны были направляться въ Черноморско-Азовскій бассейнъ, а во-вторыхъ—мѣнять при теченіи свое направленіе, поворачивая съ юга къ сѣверу и западу. Такимъ образомъ, горный великанъ Кавказъ, устремившійся своею богатырскою грудью—Эльбрусомъ на сѣверъ, какъ бы далъ могучимъ движеніемъ своего лѣваго плеча толчекъ рѣкамъ, направивъ ихъ на западъ въ Черное и Азовское моря, а движеніемъ праваго плеча спустилъ другія рѣки на востокъ—къ Каспію. Затѣмъ уже въ предѣлахъ Кубанской области горныя загражденія и скаты опредѣлили теченіе рѣчныхъ водъ, ихъ направленіе, высоту паденія, площадь питанія и объемъ уносимой воды

Рѣки Кубанской области можно раздѣлить на двѣ рѣзко отличныя между собою группы: на горныя и степныя. Первыя даетъ горный Кавказъ, вторыя—степныя равнины. Количество горныхъ рѣкъ, необъятная масса уносимой ими воды, стремительность движенія водъ, самое ихъ качество—все это положительно несоизмѣримо съ малочисленностью тихихъ и маловодныхъ рѣкъ степи. И тѣмъ не менѣе, несмотря на это, тѣ и другія, горныя и степныя, рѣки имѣютъ нѣкоторыя общія имъ черты. Явленіе понятное. Ихъ породила одна и таже природа Кавказа, а законы геологической динамики общи, одинаковы.

Сходство горныхъ и степныхъ рѣкъ выражается прежде всего въ общности схемы ихъ направленія. Всѣ рѣки не только текутъ въ Черноморско-Азовскій бассейнъ, но и описываютъ по опредѣленному направленію свой путь. Всѣ вер-

ховыя рѣки имѣютъ одинъ и тотъ же изгибъ съ юга на сѣверъ, а при дальнѣйшемъ направленіи на западъ, причемъ, чѣмъ менѣе возвышена мѣстность, тѣмъ болѣе преобладаетъ послѣднее направленіе Объясняется это отмѣченнымъ выше характеромъ залеганія горъ, при которомъ наибольшая площадь горныхъ скатовъ и равнинныхъ уклоновъ имѣетъ паденіе съ юга на сѣверъ и съ юго-востока на юго-западъ. Такимъ образомъ, всѣ горныя рѣки, направляясь первоначально съ юга на сѣверъ, дѣлаютъ всѣ вмѣстѣ съ Кубанью поворотъ на западъ, а всѣ степныя рѣки, благодаря равнинному характеру мѣстности, то же направленіе описываютъ по менѣе извилистому пути—съ юго-востока на сѣверо-западъ

Благодаря тому же направленію горныхъ скатовъ, равнинныхъ уклоновъ, возникающія рѣки, дѣлая напоръ къ правому берегу, образуютъ водораздѣльные завалы и возвышенія рядомъ съ крутымъ правымъ берегомъ. Отъ этого всѣ притоки впадаютъ съ лѣваго берега, а по правому берегу рѣкъ вода поступаетъ уже въ слѣдующую сосѣднюю рѣку также съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, всѣмъ кубанскимъ рѣкамъ свойственна одна и та же общая черта: обиліе притоковъ съ лѣвой стороны и почти совершенное отсутствіе ихъ съ правой. Особенно рѣзко бросается это въ глаза на теченіи Кубани и слабѣе на теченіи важнѣйшихъ ея притоковъ—всѣ они принимаютъ побочныя рѣки преимущественно съ лѣвой стороны и вѣтвятся направо и налѣво только при самыхъ истокахъ, образуясь изъ нѣсколькихъ ручьевъ Но и здѣсь истоковъ, текущихъ справа, бываетъ меньше и они короче, чѣмъ истоки, приносящіе воду слѣва

Наконецъ, очень многія рѣки оказываются парными въ своихъ верховьяхъ. Такъ, Кубань образуется какъ-бы изъ Кубани и Большой Лабы, Лаба—изъ Большой и Малой Лабы, Бѣлая—изъ Бѣлой и Пшехи, точно также и степныя рѣки: Ея образуется изъ Еи и Кугоеи, Бейсугъ—изъ Бейсуга и Бейсужка, Кирпили—изъ Кирпилей и Кочетеи и т. п. Несомнѣнно, что въ основѣ и этого явленія лежатъ указанныя выше особенности залеганія горныхъ скатовъ и возвышенностей, которыми обусловливаются какъ одинаковость направленія рѣкъ, такъ и извѣстный параллелизмъ ихъ при этомъ условіи. Почему, важнѣйшія рѣки, сливаясь вмѣстѣ являются какъ-бы близнецами.

Но затѣмъ этими тремя общими чертами и исчерпывается сходство горныхъ и степныхъ рѣкъ. Далѣе горныя и степныя рѣки не только рѣзко отличаются между собою по силѣ теченія, количеству воды и размѣрамъ разрушительной и созидательной дѣятельности, но нѣкоторыя изъ нихъ, такъ сказать, индивидуализируются въ этомъ отношеніи.

Источниками горныхъ рѣкъ служатъ ледники горъ, ключи или родники, снѣга и дождевая вода. Въ дѣйствительности нѣтъ такихъ рѣкъ, которыя питались бы исключительно однимъ какимъ-либо способомъ; многія изъ нихъ черпаютъ свои воды со всѣхъ отмѣченныхъ источниковъ, но многія только изъ двухъ послѣднихъ—отъ выпадающей атмосферной, въ видѣ снѣга и дождя, влаги. Ледниками питаются немногія только главнѣйшія изъ рѣкъ—Кубань, два Зеленчука, Большая лаба и Бѣлая. Въ образованіи другихъ рѣкъ участвуютъ залежи снѣговъ въ горныхъ оврагахъ и защищенныхъ отъ солнца лощинахъ, какъ напр. въ образованіи Урупа, Малой лабы, Курджипса и Пшехи. Роль горныхъ родниковъ и ключей очень ограничена, потому что ихъ мало, а горныя озера отсутствуютъ. Главнымъ же поставщикомъ рѣчной воды служатъ дожди и тающіе въ обычное время снѣга.

По своему теченію всѣ горныя рѣки могутъ быть подраздѣлены на три части—на верхнюю, среднюю и нижнюю. Въ верхнемъ своемъ теченіи горныя рѣки представляютъ самыя величественныя явленія въ природѣ. Берега ихъ бываютъ высоки, круты и отвѣсны, паденіе громадное и часто въ видѣ каскадовъ съ уступа на уступъ, сила напора воды ужасная. При половодьѣ здѣсь рѣки ревутъ, стонутъ, рвутъ цѣлыя скалы и разбиваютъ ихъ на отдѣльныя части и валуны. И въ обстановкѣ, и въ самомъ движеніи рѣкъ здѣсь царитъ дикая и могучая красота горной природы.

Прорвавшись черезъ крутизны горъ и головокружительные скаты, горныя рѣки становятся спокойнѣе и текутъ медленнѣе. Ложе ихъ изобилуетъ еще камнями, но камни встрѣчаются уже въ измельченнномъ видѣ, въ видѣ валуновъ, кругляковъ и галыша. Берега понижаются, примыкающія къ нимъ горы спускаются отлогими скатами, появляются отложенія глины, образуются залежи чернозема и чистая горная вода, пропитанная этими мягкими примѣсями, мутнѣетъ, теряетъ свою кристаллическую чистоту. По мѣрѣ того, какъ понижающіяся горы отодвигаются дальше отъ рѣки, расширяются и рѣчныя долины, рѣки еще болѣе замедляютъ свою прежнюю стремительность, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ красивую горную обстановку. Таковы горныя рѣки въ среднемъ своемъ теченіи

Въ нижнемъ же теченіи всѣ горныя рѣки совсѣмъ теряютъ красоты. Берега становятся низки, илисты и рыхлы, камни и галышъ постепенно исчезаютъ, дно все болѣе и болѣе покрывается то смѣсью песка съ иломъ, то просто однимъ иломъ, помутнѣвшая уже вода становится совсѣмъ мутной, грязноватой съ желтобурой окраской. При рыхломъ

сложеніи береговъ, рѣки часто мѣняютъ русло, образуютъ острова и мели, оставляютъ „старицы“ и вообще заболачиваютъ прилегающую мѣстность. Камыши, плавни и топи сопровождаютъ затѣмъ горную рѣку въ самомъ нижнемъ ея теченіи — въ устьяхъ.

Переполненіе горныхъ рѣкъ водою и паденіе уровня ихъ водъ если и не отличается извѣстною правильностью, то во всякомъ случаѣ характеризуется періодичностью. Половодье рѣкъ бываетъ три раза въ году: 1) раннее весеннее, когда съ обычнымъ наступленіе весны снѣгъ сразу и дружно таетъ въ равнинахъ и въ области невысокихъ предгорій, 2) позднее весеннее, когда, преимущественно во второй половинѣ мая или въ іюнѣ, начинается особенно усиленное таяніе снѣга въ области постоянной снѣжной линіи; и 3) осеннее, происходящее въ періодъ осеннихъ дождей. Наибольшее паденіе уровня водъ въ рѣкахъ и обмелѣніе ихъ происходитъ въ самую жаркую лѣтнюю пору — въ концѣ іюля и въ августѣ. Бываютъ конечно наводненія и обмелѣніе рѣкъ и въ необычное время, но отмѣченную періодичность во всякомъ случаѣ можно считать общимъ явленіемъ.

Въ ряду горныхъ рѣкъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Кубань. Всѣ остальныя рѣки несутъ свои воды въ ея берега, и самое названіе области дано по имени этой рѣки. По величинѣ бассейна и обилію уносимой съ горъ въ море воды, Кубань принадлежитъ къ числу первостепенныхъ рѣкъ въ Европейской Россіи. Общая площадь, находящаяся подъ бассейномъ Кубани, исчисляется отъ 48906 кв. верстъ. Бассейнъ Кубани охватываетъ, слѣдовательно, болѣе половины области, именно 58,7% ея, и въ $1^1/_2$ раза больше площади Азовскаго моря. При 680 верстахъ протяженія, Кубань несетъ воды съ высоты 8720 футовъ, т. е. съ паденіемъ почти въ 13 футовъ на версту. Этимъ объясняется конечно быстрота теченія въ Кубани, но быстрота эта въ разныхъ мѣстахъ весьма различна: въ верхнемъ теченіи, при уклонѣ 38 футовъ на версту, быстрота головокружительна; въ среднемъ теченіи между Невинномысской и Кавказской станицами, при паденіи въ $3^1/_2$ фута на версту, скорость теченія ея равняется отъ 5 до 7 фотовъ въ секунду, а это скорость теченія бурныхъ горныхъ рѣкъ; еще ниже, послѣ впаденія въ Кубань Лабы, при паденіи въ 1 футъ на версту, скорость теченія колеблется между $2^1/_2$ и 3 футами въ секунду, скорость теченія опять таки горной рѣки и такою рѣка остается до самаго своего устья. Масса воды въ Кубани, понятно, увеличивается по мѣрѣ движенія рѣки впередъ и увеличенія числа притоковъ. У ст. Прочноокопской Кубань имѣетъ 54 сажени въ ширину, а у г. Екатеринодара 120 саженей и, при

глубинѣ отъ 10 до 28 футовъ, она несетъ до 60 кубическихъ саженей воды въ секунду при среднемъ нормальномъ уровнѣ рѣки. Верстахъ въ 60-ти ниже Екатеринодара Кубань дѣлится на части, образуя дельту, и общее количество воды распредѣляется, слѣдовательно, между этими истоками.

По этимъ общимъ даннымъ можно судить, какой безконечно громадный запасъ силы издержала Кубань въ теченіе тѣхъ тысячелѣтій, какъ бороздитъ она горы Кавказа и прилегающія къ нимъ равнины, и на сколько должны быть грандіозны тѣ измѣненія, какія она произвела въ физіономіи края. Кубань въ древности называлась греками Гипанисомъ, (отсюда испорченное Кубань) и Антикетесомъ, и съ тѣхъ поръ какъ сохранились о ней свѣдѣнія, т. е. со времени образованія Боспорскаго царства за IV вѣка до Рождества Христова, она совершенно измѣнилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ устьяхъ. Такъ, существуетъ предположеніе, что раньше Кубань впадала въ Шимарданскую бухту или въ юго-восточную часть нынѣшняго Таманскаго залива и направлялась сюда прямо черезъ Ахтанизовскій лиманъ, дѣля Таманскій полуостровъ на двѣ почти равныя части. Тогда же находилось здѣсь и другое русло,—проходившее тамъ, гдѣ расположенно теперь, между ст. Ахтанизовской и Голубицкими хуторами, Пересыпское гирло.

Но если Кубань была такою 23 столѣтія тому назадъ, то какимъ измѣненіямъ она подвергалась въ теченіи цѣлаго ряда тысячелѣтій? Было время, когда рядомъ съ главнымъ хребтомъ возникъ Эльбрусъ, но пока Эльбрусъ былъ дѣйствующимъ вулканомъ, Кубань не могла еще существовать. Эльбрусъ погасъ въ концѣ третичной эпохи и, слѣдовательно, Кубань имѣла въ ту пору протяженіе всего отъ вершины Эльбруса и примѣрно до того мѣста, гдѣ расположенъ теперь Баталпашинскъ. Нужны были еще цѣлыя тысячелѣтія, чтобы изъ подъ водъ Сарматскаго моря освободились Кавказскія горы въ нынѣшнемъ своемъ видѣ и Кубань могла принять направленіе, близкое къ нынѣшнему.

Нѣкоторыя представленія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ жизни самой Кубани, даютъ особенности того пути, по которому проложила русло эта рѣка.

Кубань беретъ начало съ вершины Эльбруса, среди дикой, угрюмой и лишенной органической жизни природы, изъ подъ ледниковъ на юго-западномъ скатѣ Стараго Шата. Она образуется изъ двухъ рѣчекъ Уллукама и Учкулана, послѣ соединенія которыхъ и называется уже Кубанью. Каждый изъ этихъ источниковъ получается въ свою очередь отъ сліянія нѣсколькихъ ручьевъ и рѣчекъ, вырывающихся бурно, съ ревомъ и клокотаньемъ изъ подъ ледниковъ. Лед-

никъ, дающій главную массу воды истокамъ Кубани, называется также Уллукамъ. Вершины его упираются въ ослѣпительныя, бѣлоснѣжныя поля вѣчныхъ снѣговъ Эльбруса; ниже ледника отъ дѣйствія водъ образовалось ущелье рѣки Уллукама, отличающееся дикою и причудливою обстановкою горной природы. Низины ущелья загромождены камнями, попавшими сюда при образованіи моренъ поднявшагося вверхъ ледника; а выше и по сторонамъ ледника разбросаны выдѣляющіяся на общемъ бѣлоснѣжномъ фонѣ причудливыя вершины въ видѣ замковъ, храмовъ, башенъ, шпицевъ, столбовъ и др. фантастическихъ очертаній. Бока ущелья круты, отвѣсны и падаютъ сверху внизъ почти вертикально. Въ ущелье Уллукама впадаетъ другое такое же ущелье, образованное водами большого ледника Кичкинекола. Другой истокъ Кубани—р. Учкуланъ беретъ начало изъ-подъ ледниковъ вершинъ Гвандра и Нахоръ и, проходя по горнымъ стремнинамъ, уступамъ и крутымъ скатамъ, сливается съ Уллукамомъ у высокаго и красиваго мыса, образовавшагося въ промежуткѣ между двумя ущельями. Таковы первые шаги Кубани, отпечатлѣнные на скатѣ Эльбруса въ видѣ недоступныхъ горныхъ ущелій.

Послѣ слiянія Уллукама и Учкулана Кубань принимаетъ массу притоковъ съ обѣихъ сторонъ, но притоки съ правой стороны болѣе коротки, чѣмъ съ лѣвой, и текутъ перпендикулярно къ Кубани; а притоки съ лѣвой стороны по длинѣ и направленію напоминаютъ уже собою обычный характеръ горныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Кубань исключительно съ лѣвой ея стороны. Одинъ изъ этихъ притоковъ, мало уступающій Кубани по протяженію, по обилію своихъ собственныхъ притоковъ и по объему водъ, составляетъ р. Тиберда, протекающая по красивѣйшему на Кавказѣ ущелью, съ чудными видами, превосходными климатическими условіями и роскошною растительностью. Но и принявши Тиберду, Кубань продолжаетъ свое бурное теченіе среди все той же дикой и причудливой обстановки горныхъ видовъ. Такою она остается до Хумаровъ, а отсюда и до Усть-Джегуты она, какъ-бы остепенившись, начинаетъ сдерживать свои стремительные порывы, и у Баталпашинска хотя и продолжаетъ еще нести бурно воды, но становится уже рѣкой, вышедшей изъ рамокъ горной обстановки. Высокое плоскогорье, тянущееся отъ Хумаровъ, оканчивается у Баталпашинска. Отсюда берега рѣки становятся отлогими и слегка холмистыми. Справа еще сърѣютъ угорья Эльбрускаго контрфорса, перешедшаго въ Ставропольскую возвышенность, но слѣва стелятся уже нижнія части долинъ р. р. Большаго Зеленчука, Малаго Зеленчука и Урупа. Тѣмъ не менѣе Кубань продол-

жаетъ еще быть бурнымъ потокомъ до ст. Невинномысской, гдѣ она совершенно выходитъ на плоскость и оканчивается ея верхнее теченіе. Здѣсь у желѣзнодорожнаго моста уровень водъ Кубани находится еще на высотѣ 1087 футовъ надъ уровнемъ моря, но дальнѣйшій уклонъ ея русла не превышаетъ въ среднемъ 3½ футовъ на версту, т. е. въ десять разъ меньше, чѣмъ уклонъ въ верхнемъ теченіи. Горная рѣка продолжаетъ быть горной, но становится болѣе спокойной.

Верхнее теченіе Кубани несомнѣнно есть самая древняя часть этой рѣки. Здѣсь долина ея даетъ превосходные естественные разрѣзы напластованій, по которымъ геологъ, какъ по живой книгѣ природы, можетъ читать прошлое великой рѣки Сѣвернаго Кавказа. Отъ ледниковъ до сліянія Кубани съ Тибердой, на дневную поверхность выступаютъ еще древніе кристаллическіе сланцы. Воды сдѣлали въ нихъ глубочайшіе разрѣзы и трещины, но продолжаютъ отмывать тѣ напластованія земли, которыя образовались здѣсь въ столь отдаленную историческую эпоху, что уму человѣческому даже представить ее трудно. Отъ Тиберды и до Усть-Джегутинской станицы или, точнѣе, за 5 верстъ выше ея по теченію Кубани, древніе кристаллическіе сланцы скрываются подъ пластами юры, сверстницы также страшно сѣдой старины. Съ Усть-Джигуты и до Баталпашинска юрская формація покрывается новѣйшей формаціей мѣловой, опять таки, при всей своей молодости сравнительно съ двумя первыми, настолько древней, что въ эпоху ея не существовало еще самой Кубани. Наконецъ, отъ Баталпашинска и до станицы Невинномысской мѣловыя образованія скрываются подъ третичными, наслоеніе которыхъ длилось въ теченіе долгаго ряда тысячелѣтій. Геологи полагаютъ, что лишь въ концѣ третичной эпохи потухъ вулканъ Эльбрусъ, и только послѣ этого, конечно, могли окутать его вершину вѣчные снѣга, образоваться ледники и подъ ними родиться рѣка Кубань. Ниже станицы Невинномысской третичная система уступаетъ мѣсто мощнымъ залежамъ системы послѣтретичной; сначала идетъ дилювій или, такъ называемыя, постъ-пліоценовыя образованія, а потомъ аллювій, тѣ отложенія, которыя совершаются на поверхности земли и въ наше время.

Сообразно съ такою строгою послѣдовательностію геологическихъ отложеній, мѣняется и характеръ ихъ залеганія. Чѣмъ ниже опускается Кубань, тѣмъ правильнѣе становятся разрѣзаемые ею пласты разныхъ системъ и, слѣдовательно, болѣе пологими самые ихъ уклоны. Рѣзкія, почти вертикальныя въ верхнемъ теченіи паденія пластовъ, принимающихъ часто характеръ исковерканныхъ и нарушенныхъ образованій, переходятъ ниже по теченію постепенно въ полугори-

зонтальныя, и у ст. Невинномысской становятся совершенно горизонтальными. Выходитъ, такимъ образомъ, что въ верхнемъ теченіи бурлила не только Кубань, но и сама природа, когда поднимала горы. Кубань своимъ долгимъ механическимъ воздѣйствіемъ водъ на земную поверхность лишь обнажила тѣ особенности геологическихъ образованій, которыя творила природа.

Отъ станицы Невинномысской и до г. Екатеринодара считается среднее теченіе Кубани. Отсюда рѣзко мѣняется и рѣка, и мѣстность, по которой она протекаетъ. Рѣка становится самою многоводною, болѣе спокойною и величественною. Съ правой ея стороны тянется высокій берегъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ и водораздѣломъ для степныхъ рѣкъ, а далѣе отъ этого высокаго берега широко раскинулись степныя равнины. Слѣва же къ Кубани примыкаютъ долины ея главныхъ притоковъ: Урупа, Лабы, Бѣлой, Пшиша и Псекупса. Сначала лѣвый берегъ, до впаденія въ Кубань Лабы, настолько приподнятъ надъ уровнемъ рѣки, что чрезъ него не переливается Кубань во время половодья; но всюду онъ, на пространствѣ отъ одной до двухъ верстъ широты, изрѣзанъ многочисленными старыми и новыми протоками Кубани. Благодаря этому, тутъ встрѣчается множество озеръ и острововъ, болотъ и камышевыхъ площадей, перемежающихся съ древесными, низкорослыми и разбросанными зарослями. Въ лучшую пору здѣсь можно пробираться по примитивно устроеннымъ гатямъ, въ періодъ дождей тутъ царитъ невылазная грязь, а во время половодья Кубань по своимъ побочнымъ рукавамъ посылаетъ сюда массу воды, которая покрываетъ всю эту полосу вплоть до бокового перевала, образовавшагося изъ наносовъ между главнымъ русломъ и названной полосой. Ниже устья Лабы лѣвый берегъ Кубани на столько понижается, что на пространствѣ отъ 4 до 10 верстъ въ ширину образуется сплошная пойма и обычные ея спутники—болота, камыши, топи и трясины. Ширина поймы тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже спускается Кубань. У Екатеринодара разливы Кубани образуютъ громадныя камышевыя болота или такъ называемыя плавни, въ которыхъ когда-то въ обиліи водились дикія свиньи, козы и фазаны, а теперь остались лишь миріады лягушекъ, комаровъ да мошекъ. На всемъ своемъ среднемъ протяженіи Кубань проходитъ по такимъ геологическимъ отложеніямъ, которыя можно считать ея сверстниками по возрасту, а самый бассейнъ собственнаго русла рѣки явился продуктомъ ея безконечно долгой работы. Тутъ нагромождены чисто рѣчныя образованія Кубани и ея притоковъ въ видѣ, главнымъ образомъ, песчанистыхъ глинъ, или же наносовъ то чистаго

песка, то глинистаго ила, то того и другого вмѣстѣ. Естественно, что строеніе всего лѣваго берега Кубани, гдѣ капризно пролагала она русло, мѣняя его сотни разъ и въ сотняхъ мѣстъ, отличается крайнею рыхлостью и непрочностью. Берега слабо держатся, сами собою обваливаются и при малѣйшемъ напорѣ воды смываются и мѣняются. По той же причинѣ Кубань дѣлаетъ массу излучинъ и поворотовъ, точно гигантская змѣя, которой крайне тѣсно двигаться на пространствѣ, охваченномъ старыми и новыми направленіями ея русла. Замѣчено вообще, что Кубань отличается особенно извилистостью, такъ что длина ея по извилинамъ въ два раза больше длины по прямой линіи.

Отъ Екатеринодара до устья Кубани тянется нижнее теченіе рѣки. И опять рѣка мѣняется. Сначала рѣзко выдѣляется лишь та черта рѣки, что наносы ея по лѣвому берегу въ сильнѣйшей степени расширили область болотъ и камышей, по которой, ниже впаденія рѣки Афипса, не могутъ уже проложить свое русло притоки, теряясь въ безсиліи въ вязкихъ отложеніяхъ и массѣ ериковъ, озеръ и старицъ. Но уже къ западу отъ станицы Марьинской, всего въ 25 верстахъ отъ Екатеринодара по прямой линіи, мѣняется и правый берегъ рѣки, становясь на столько низкимъ, что при половодьи Кубань посылаетъ воды не только влѣво по своей обширной поймѣ, но и вправо по степной равнинѣ. Обстоятельство, указывающее на то, что Кубань здѣсь образовалась далеко позже, чѣмъ въ своемъ среднемъ теченіи, являясь какъ бы сверстницею тѣхъ приморскихъ низинъ, на которыхъ остались также слѣды позднѣйшаго образованія. Кубань приближается къ своей дельтѣ

Отличительную особенность Кубани въ нижнемъ ея теченіи представляетъ, поэтому, та черта, что Кубань сначала, отбрасывая лишь въ періоды половодья въ разныя стороны лишнія воды, образуетъ, такъ называемые, ерики, то есть, узкіе потоки то вьющіеся по низинамъ лѣваго берега, то прорѣзающіе справа на значительныхъ пространствахъ степныя равнины, а затѣмъ дѣлится на части, вливающіяся въ Азовское и Черное моря, при чемъ эти части также даютъ отъ себя побочные потоки или ерики.

Наиболѣе замѣчательные ерики Кубань даетъ въ правую сторону. Первый по порядку отдѣленія отъ Кубани и важнѣйшій изъ нихъ Ангелинскій ерикъ беретъ начало между ст. Новомышастовской и Краснымъ лѣсомъ. Отсюда онъ направляется прямо на сѣверъ, а затѣмъ, давши рядъ извилинъ, идетъ столь же извилистымъ путемъ на сѣверо-западъ и вливается въ сѣверо-западномъ направленіи въ Протоку около станицы Новонижестебліевской или Гривенной. Въ

15 верстахъ выше своего устья Ангелинскій ерикъ даетъ отъ себя ерикъ Глубокій, прорѣзающій степь на сѣверъ по направленію къ Ахтарскому лиману. Еще ниже по теченію Кубань отдѣляетъ два новыхъ ерика—Сухой, у котораго расположена станица Полтавская, и Казачій, а къ западу отъ Протоки остались слѣды ерика Калаусъ. Теперь этотъ ерикъ почти высохъ и его окружаютъ со всѣхъ сторонъ пашни и земледѣльческая культура; но въ 1821 году здѣсь было на голову разбито казаками скопище черкесовъ, и въ водахъ Калауса потопленъ былъ цвѣтъ черкесскихъ удальцовъ и молодежи. Тамъ же въ треуголникѣ между Кубанью и Протокой находятся слѣды высохшаго также ерика Курки. Когда-то этотъ ерикъ наполнялъ своими водами обширный Курчанскій лиманъ, получившій отъ него и самое названіе.

Что касается главнаго русла Кубани, то въ 60 верстахъ ниже Екатеринодара оно дѣлится на двѣ почти равныя части—на Кубань, текущую въ разъ принятомъ направленіи на западъ, и Протоку, сначала направляющуюся на сѣверъ на протяженіи около 50 верстъ, а затѣмъ, сдѣлавшую здѣсь у ст. Новонижестебліевской поворотъ подъ прямымъ угломъ на западъ, вливающуюся въ Азовское море у Ачуева. Собственно Кубань, не доходя верстъ на 8 до начала Ахтанизовскаго лимана, дѣлится снова на двѣ части—на Переволоку, идущую прямо на западъ въ Ахтанизовскій лиманъ, и на Старую Кубань или Джигу, направляющуюся на юго западъ къ Черному морю через Кубанскіе лиманы. До 1819 года Переволоки совсѣмъ не существовало. Въ этомъ году жители станицъ Старотитаровской, Ахтанизовской и Темрюкской прорыли въ этомъ направленіи искусственный каналъ, чтобы опрѣснить воды Ахтанизовскаго лимана. Въ томъ же году въ другомъ мѣстѣ, ниже возвышенной части Темрюкской горы, у нынѣшняго города Темрюка, былъ прорытъ другой искусственный каналъ, извѣстный подъ именемъ Темрюкскаго гирла, которымъ были соединены Ахтанизовскій и Курчанскій лиманы. Благодаря тому, что уклонъ Кубанской равнины падаетъ отъ горъ на сѣверъ къ Азовскому морю, и слѣдовательно, равнина здѣсь оказалась значитено ниже, чѣмъ на юго-западъ къ Черному морю, предпріятіе Черноморскихъ казаковъ дало блестящіе результаты: оба лимана превратились въ прѣсные, но вмѣстѣ съ тѣмъ иначе стали распредѣляться и воды Кубани. Въ настоящее время главная масса Кубанской воды направляется чрезъ Ахтанизовскій и Темрюкскій лиманы въ Азовское море, а Старая Кубань или Джига даетъ все меньше и меньше воды Черному морю.

Таковы въ общихъ чертахъ развѣтвленія Кубани въ нижнемъ ея теченіи, образующія ея дельту. На всемъ про-

тяженіи Кубанская дельта носитъ однѣ и тѣ же черты, свойственныя вообще большимъ рѣкамъ въ ихъ устьяхъ. Чѣмъ ближе обыкновенно подвигается къ морю та или другая часть Кубани, и чѣмъ ниже, слѣдовательно, мѣстность, тѣмъ сильнѣе заболачивается при половодьяхъ послѣдняя. Особенно рѣзко бросается это въ глаза въ устьяхъ Протоки, которая впадаетъ въ море чрезъ цѣлый лабиринтъ лимановъ, озеръ и болотъ. Далѣе, оба главныхъ русла Кубани—Протока у Ачуева и Кубань ниже Темрюка—образуютъ естественныя загражденія или рѣчныя бары въ видѣ наносныхъ отложеній, осѣвшихъ въ болѣе спокойныхъ уравновѣшенныхъ водахъ моря. Оба бара служатъ серьезными препятствіями для судоходства и не благопріятно вліяютъ, въ связи съ другими условіями, на естественное размноженіе рыбы. Наконецъ, всѣ части Кубанской дельты, неся свои воды и упираясь однимъ изъ своихъ береговъ, преимущественно правымъ, въ самые слабыя естественныя преграды, образуютъ рѣчныя наносы или такъ называемыя у казаковъ «гривы», которыми съ теченіемъ времени отдѣляются отъ главнаго русла прилегающія къ гривѣ низменныя части. Такія гривы образуютъ и Кубань, и Протока, и многочисленные Кубанскіе ерики, и всюду получается одна и та же картина заболачиванія мѣстности: вода, разъ попавши при половодьи въ промежутокъ между русломъ и гривой, остается здѣсь и застаивается. Появляется цѣлая масса болотъ и топей, мѣстность заростаетъ камышами и болотными растеніями, развиваются лихорадки и другія болѣзни, и нерѣдко даже удобныя раньше земли превращаются въ непригодныя для культуры пространства.

Въ общемъ, такимъ образомъ, непрерывная дѣятельность Кубани въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, какъ самаго крупнаго фактора природы въ Кубанской области, выражалась главнымъ образомъ въ механическомъ воздѣйствіи на поверхность встрѣчавшихся ей на пути пластовъ. Въ своемъ верхнемъ теченіи рѣка разъединяла и рвала на части эти пласты, перенося съ мѣста на мѣсто цѣлыя глыбы вмѣстѣ съ измельченными осколками. Чѣмъ ниже спускалась рѣка, тѣмъ слабѣе становилась ея разрушительная дѣятельность. Каменныя глыбы начали превращаться въ валуны, галыши и песокъ. Еще ниже, благодаря меньшимъ уклонамъ и инымъ условіямъ залеганія геологическихъ породъ, встрѣчается лишь песокъ и галька, а потомъ уже одинъ лишь песокъ. Вмѣстѣ съ пескомъ къ водамъ Кубани всюду прибавлялись взмученныя частицы глины, чернозема, сгнившихъ растительныхъ и органическихъ веществъ. Прозрачныя и безукоризненныя на вкусъ воды становились, по мѣрѣ прохожденія Кубани

въ области послѣтретичныхъ отложеній, все болѣе и болѣе мутными и загрязненными, вслѣдстіе чего сладкая Кубанская вода пріобрѣтала худыя качества отъ значительныхъ примѣсей. Тѣмъ не менѣе Кубань принадлежитъ на сѣверномъ Кавказѣ къ числу самыхъ чистыхъ по качеству воды большихъ рѣкъ. Въ нижнемъ теченіи она, при низкой водѣ, заключаетъ въ своихъ водахъ около 4% по вѣсу, а при высокой водѣ до 16% ила. Вообще воды Кубани считаются въ 15 разъ чище водъ рѣки Терека. Всюду онѣ имѣютъ сладкій вкусъ и подвержены замерзанію. Кубань замерзаетъ позже всѣхъ рѣкъ Европейской Россіи, въ среднемъ около половины января, и вскрывается также ранѣе ихъ, черезъ мѣсяцъ—въ половинѣ февраля. Бывали суровыя зимы, когда льды сковывали Кубань въ теченіе трехъ и четырехъ мѣсяцевъ, съ декабря и по мартъ, но это были исключенія. Кубань не любитъ зимнихъ оковъ.

Характерныя особенности Кубани, какъ горной рѣки, повторяются затѣмъ съ большими или меньшими варіаціями и на главнѣйшихъ ея притокахъ, текущихъ съ лѣвой стороны.

Какъ уже замѣчено выше, съ правой стороны Кубань почти не принимаетъ притоковъ, за исключеніемъ мѣста своего образованія. Единственный дѣйствующій правый притокъ Кубани представляетъ рѣка Барсуки, берущая свое начало на высотѣ 1612 футовъ надъ уровнемъ моря съ водораздѣла между Кубанью и рѣками Каспійскаго моря, но рѣка эта все таки весьма не значительна. Въ другихъ мѣстахъ, какъ у станицы Григориполисской, остались полувысохшія русла небольшихъ рѣчужекъ—Терноватой и Камышеватой. Рядъ глубокихъ овраговъ, впадающихъ справа въ Кубань и идущихъ вверхъ по направленію къ Ставропольской возвышенности, указываетъ, что здѣсь были когда-то, если и небольшія, то многоводныя рѣчки, исчезнувшія съ теченіемъ времени, когда исчезли питавшіе ихъ источники послѣ оголенія горной плоскости отъ лѣсовъ.

Но зато съ лѣвой стороны, съ горъ въ Кубань несутся многочисленные горные притоки различной величины и среди различныхъ горныхъ условій. Въ порядкѣ слѣдованія отъ верховья Кубани къ ея истокамъ, къ числу важнѣйшихъ притоковъ принадлежатъ: Малый Зеленчукъ, Большой Зеленчукъ, Урупъ, Лаба и Бѣлая. Это самые большіе и многоводные притоки. Нѣсколько ниже по теченію Кубани впадаютъ въ нее еще три значительныхъ притока—Пшишъ, Псекупсъ и Афипсъ. Но затѣмъ между ними и послѣ нихъ до самаго моря слѣдуютъ многочисленныя, но незначительныя горныя рѣчки. Такимъ образомъ, только тамъ, гдѣ Ку-

бань, выйдя изъ горъ, дѣлаетъ громадную излучину отъ Баталпашинска, съ прямымъ угломъ у станицы Темижбекской, и почти до Екатеринодара, и гдѣ, слѣдовательно, она отклоняется на самое дальнее растояніе отъ самыхъ высокихъ горъ, образовались и самые значительные притоки ея.

Первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи рѣка Лаба. Площадь ея бассейна равна 8134 кв. верстъ, а длина около 250 верстъ. Образуясь изъ двухъ самостоятельныхъ рѣчекъ—Большой Лабы и Малой Лабы или Лабенка, собственно Большая Лаба беретъ начало подъ небольшими ледниками, находящимися у вершины Абыцха—Ахапырь. Отсюда до соединенія съ Лабенкомъ она принимаетъ массу притоковъ и между ними справа Пхію, короткую горную рѣчку, берущую однако начало, на высотѣ 10600 футовъ, выше, чѣмъ Лаба, и слѣва рѣку Заканъ, протекающую по Иркизу, одной изъ красивѣйшихъ продольныхъ долинъ Кавказа. Ниже Пхіи на 15 верстъ и сама Лаба прорѣзаетъ еще болѣе красивую долину—Загданъ. Малая Лаба беретъ начало на вершинахъ Аишха и Псеашха и принимаетъ въ себя слѣва притокъ Уруштенъ, почти неуступающій ей по величинѣ. Обѣ Лабы до сліянія разрѣзаютъ горы и бороздятъ ихъ скаты съ силой, хотя и уступающей силѣ паденія верховьевъ Кубани, но весьма значительной. Особенно бурнымъ и капризнымъ характеромъ отличается теченіе Лабенка. Между тѣмъ какъ паденіе Большой Лабы равняется $24^1/_2$ футамъ на версту, паденіе русла Лабенка выражается въ 37 футахъ на версту, т. е. Лабенокъ почти также стремителенъ, какъ и Кубань въ верховьяхъ. Ниже селенія Бурнаго Лабенокъ прорѣзаетъ красивѣйшее Шахгиреевское ущелье.

Вотъ какъ описываетъ теченіе Лабенка одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ изслѣдователей природы Сѣвернаго Кавказа: «Лабенокъ течетъ очень быстро, особенно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе его, имѣющее въ среднемъ аршинъ 50 въ ширину, суживается до 12—15 арш. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода въ немъ напротяженіи саженей ста бѣла, какъ серебро, и, какъ будто бы, кипитъ ключемъ, съ огромной силой ударяясь о скалы и камни, рѣчка здѣсь прыгаетъ и мечется изъ стороны въ сторону, какъ какое-нибудь чудовище. Въ другихъ мѣстахъ теченіе ея гораздо тише и спокойнѣе, и вода уже не блеститъ серебромъ, а имѣетъ чудный зелено-голубой цвѣтъ и отличается прозрачностью».

Вообще верховья Большой и Малой Лабы изобилуютъ красивыми горными видами. Но послѣ сліянія обѣихъ рѣкъ, Лаба теряетъ горныя красоты и по мѣрѣ того, какъ приближается къ Кубани, напоминаетъ все болѣе и болѣе эту послѣднюю по своимъ берегамъ и даже характеру заболачива-

нія мѣстности. Русло Лабы, поэтому, въ верхнемъ своемъ теченіи каменистое; въ среднемъ покрыто галькой и глиной съ пескомъ, а въ нижнемъ илистое. Лаба довольно многоводна. У ст. Темиргоевской, гдѣ Лаба собираетъ всѣ свои воды въ одномъ руслѣ, она имѣетъ отъ 20 до 30 саженей ширины и до 12 футовъ глубины, но при этомъ въ нижней своей части теченіе Лабы равняется отъ 6 до 8 футовъ въ секунду, т. е. значительно быстрѣе, чѣмъ теченіе Кубани въ средней и нижней ея частяхъ.

Притоками Лаба небогата и всѣ они не особенно значительны. Справа она принимаетъ, хотя и длинный, но чахлый, маловодный Чамлыкъ, который обводняется водами Лабы посредствомъ искусственнаго канала, прорытаго въ 1873 году между станицами Лабинской и Родниковской жителями станицы Константиновской. Съ лѣвой стороны въ Лабу впадаютъ—Ходзъ, самый красивый изъ притоковъ Лабы, Чохракъ, отличающійся богатыми лугами въ нижнемъ своемъ теченіи, и Фарсъ, самый длинный и обильный водою притокъ. Затѣмъ ниже этихъ чисто горныхъ рѣчекъ, въ предѣлахъ уже Бѣлорѣченско-Лабинской долины, Лаба принимаетъ лишь маленькія чисто степныя рѣчки—Грязнуху, Уль и Гіагу, протекающія по глубокому и самому тучному чернозему въ области.

Второй послѣ Лабы по величинѣ бассейна притокъ составляетъ рѣка Бѣлая. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и самая красивая на Сѣверномъ Кавказѣ рѣка. Начало она беретъ въ вершинахъ двухъ снѣговыхъ горъ—Шугуса и Оштена. Послѣ слиянія обѣихъ истоковъ Бѣлая проходитъ узкою долиною до Хамышковъ, а ниже этого селенія она клокочетъ въ глубокомъ каньонѣ. Здѣсь самыя красивыя мѣста Бѣлой. Прежде чѣмъ скрыться въ тѣсныхъ берегахъ каньона, красавица Бѣлая разсыпается рядомъ каскадомъ по красному порфирному ложу. Глазамъ представляется чудное зрѣлище. Темнокрасные отливы отшлифованнаго водой порфира перемежаются съ цѣлыми потоками брызгъ и бѣлой пѣны; длинныя и прозрачныя отъ солнца ленты чистой воды съ шумомъ стремятся съ уступа на уступъ, и тамъ, гдѣ они падаютъ, рѣка бурлитъ и клокочетъ, какъ въ котлѣ, отбрасывая вверхъ и въ разныя стороны цѣлые столбы тонкой водяной пыли; мѣстами рѣка, точно играя, бросаетъ то вправо, то влѣво свои бѣлыя волны, и кажется, будто тамъ, подъ этими волнами, какъ-бы нарочито производитъ эти искусныя эволюціи, чтобы еще рѣзче оттѣнить красивый порфиръ, подстилающій рѣку и разбросанныя по ней его причудливыя глыбы. Но вотъ рѣка Бѣлая—бѣлая, бурная и пѣнящаяся,

куда-то совершенно скрылась, и только слышно, какъ оглушительно шумитъ и клокочетъ она гдѣ-то невидимая и таинственная.

То начался Бѣлорѣченскій коньонъ. Высокіе, каменистые берега такъ сблизились между собою, что даже на близкихъ розстояніяхъ глазъ не можетъ уловить, гдѣ собственно пролагаетъ свое русло Бѣлая. Вмѣстѣ съ тѣмъ берега эти такъ круто, такъ глубоко и совершенно вертикально падаютъ, что на днѣ между ними темнѣетъ лишь сумрачная рѣчная пучина и часто, свѣсившись съ береговаго утеса, не видишь стонущей тамъ воды. Мѣстами глубина каньона достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ саженей; мѣстами его берега отстоятъ всего на 3 или 4 сажени одинъ отъ другого, такъ что если нельзя просто перепрыгнуть съ берега на берегъ, то легко перебросить бревно и перейти по немъ черезъ рѣку, которая выше каньона имѣетъ отъ 15 до 30 саженей ширины

Такой мостъ находится у станицы Каменномостской. Около моста уцѣлѣла небольшая и живописная площадка, о которой сохранилось нѣсколько преданій. Разсказываютъ, что на этой площадкѣ мѣстные черкесы, а иногда представители разныхъ племенъ собирались для обсужденія своихъ политическихъ и домашнихъ дѣлъ. Тутъ же горцы творили судъ и расправу, сбрасывая преступниковъ въ зіяющую пропасть коньона. Аллахъ каралъ и миловадъ ихъ по своему усмотрѣнію. Какъ то черкесскіе судьи сбросили здѣсь на дно рѣки горца, совершившаго очень тяжкое преступленіе. Ударившись руками объ одинъ берегъ, преступникъ оттолкнулся къ другому, пришелся здѣсь спиной, еще разъ стукнулся о другую скалу и благополучно такъ пропутешествовалъ до самаго дна рѣки. Будучи превосходнымъ плавцомъ, онъ поплылъ внизъ по теченію и свободно вышелъ въ нижней части коньона на свѣтъ Божій Тогда судьи признали, что осужденный ими преступникъ прощенъ самимъ Аллахомъ. Здѣсь же, по преданію собиралъ совѣщанія и производилъ судъ извѣстный горскій агитаторъ Могометъ-Аминъ. А теперь, когда казакъ съ нагруженнымъ возомъ переѣзжаетъ черезъ трехсаженный мостъ Бѣлую, лишь однѣ волны ея на глубинѣ каньона рокочутъ и передаютъ на своемъ непонятномъ языкѣ о томъ, что когда-то происходило здѣсь.

Ниже города Майкопа рѣка Бѣлая, вырвавшись изъ горъ, даетъ правый высокій берегъ, отъ котораго тянется на востокъ обширная чисто степная равнина съ замѣчательно плодородною почвою; къ низкому же лѣвому берегу продолжаютъ еще на протяженіи верстъ 30-ти подступать горы, послѣ чего и лѣвобережье Бѣлой осѣдаетъ и сливается съ

заболоченною равниною Кубани. Ширина рѣки здѣсь до 40 саженей, но и здѣсь стремительная горная красавица еще не унимается, а съ быстротою и шумомъ передаетъ свои волны Кубани.

Съ лѣвой стороны Бѣлая принимаетъ два значительныхъ притока—Курджипсъ, отличающійся крутыми и недоступными берегами, возвышающимися въ верховьяхъ до 60 саженей надъ водою, и р. Пшеху, широкую и столь же длинную и многоводную, какъ и Бѣлая. Пшеха, какъ и Бѣлая, беретъ начало подъ небольшими ледничками Оштена и проходитъ большую часть своего 123 верстнаго пути по просторной и широкой долинѣ, отличаясь болѣе спокойнымъ, чѣмъ Бѣлая, теченіемъ. Но въ двухъ мѣстахъ рѣкѣ были положены преграды, и спокойная рѣка, прорвавъ горныя тѣснины, образовала здѣсь «волчьи ворота», раскрытыя настежь буйными потоками горной рѣки.

Слѣдующій притокъ Кубани—Урупъ, протекающій 180 верстъ, длиннѣе Бѣлой, имѣющей всего 165 верстъ протяженія, но онъ уступаетъ послѣдней и по величинѣ бассейна, и по обилію воды, и по красотѣ горной обстановки. Его верховья связаны съ западными склонами хребта Абишира-Ахуба и проходятъ близъ Лабы. Притоками Урупъ крейне бѣденъ, чѣмъ и объясняется его маловодье. Только съ послѣднихъ отроговъ Черныхъ горъ, съ Джелтимесскихъ высотъ, къ Урупу спускаются двѣ небольшія рѣчки—Большой Тегень и Малый Тегень.

Два Зеленчука—Большой и Малый—образуются почти на одной высотѣ, текутъ параллельно одинъ съ другимъ и впадаютъ въ Кубань также въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Большой Зеленчукъ беретъ начало на склонахъ снѣговой горы Псышъ, причемъ притоки его касаются западныхъ склоновъ Марухскаго Ледника и южныхъ склоновъ хребта Абишира-Ахуба, съ вершины котораго спускается рѣка Кяфаръ, не уступающая по своей величинѣ Зеленчуку и сливающаяся съ нимъ у станицы Зеленчукской. Малый Зеленчукъ образуется отъ слiянія двухъ рѣчекъ—Маруха и Аксаута, берущихъ начало изъ одного и того же источника—обширныхъ ледниковъ горы Маруха. Въ верхнемъ теченіи р. Марухъ образуетъ красивый водопадъ. Здѣсь попадаетъ она въ тѣсную и глубокую расщелину, всего въ $4^1/_2$ аршина шириною, и падаетъ на двѣ черныя скалы съ такой высоты, что попавшія въ водопадъ бревна раскалываются при паденіи на мелкія щепки. Сверху, съ нависшихъ надъ водопадомъ скалъ, можно наблюдать картину паденія водопада. Летящая вода, ударившись о черныя скалы, превращается въ цѣлыя облака брызгъ и водяной пыли, которая

при солнечномъ освѣщеніи окрашивается красивой радугой. Вода въ Зеленчукахъ чистая и вкусная, но мѣстами, гдѣ, какъ на Большомъ Зеленчукѣ, рѣка течетъ среди обильной зелени, прозрачныя струи рѣки отдаютъ также слабыми зелеными оттѣнками.

Тамъ, гдѣ Кубань дѣлаетъ свою громадную излучину отъ устья Урупа у Армавира и до Устья Лабы, на протяженіи 150 верстъ, Кубань не принимаетъ ни одного горнаго притока. Только вблизи устья Лабы въ Кубань впадаетъ два небольшихъ притока, называющіеся также Большой и Малый Зеленчуки, но неимѣющіе ничего общаго съ горными Зеленчуками, а представляющіе собою чахлыя степныя рѣчужки, загнивающія и заболачивающіяся въ лѣтнюю пору.

Ниже устья рѣки Бѣлой и до самаго моря притоки Кубани многочисленны и текутъ вблизи другъ друга, такъ что разстояніе между ними въ среднемъ не превышаетъ нѣсколькихъ верстъ. Все это горныя рѣчки съ прекрасною водою, но благодаря тому, что Кавказскій хребетъ близко подходитъ къ Кубани, значительно понижается и занимаетъ все меньшую и меньшую площадь, — онъ даетъ лишь короткія рѣчужки и какъ бы разбрасываетъ ихъ въ такомъ безпорядкѣ, что часто рѣчки эти переплетаются между собою, и воды одной мѣшаются съ водами другой. Только три притока — р. р. Пшишъ, Псекупсъ и Афипсъ — замѣтно выдѣляются въ этомъ отношеніи.

Первый, берущій начало на западномъ склонѣ горы Шесси, у Гойтхскаго перевала, принимаетъ на своемъ стоверстномъ протяженіи въ числѣ другихъ притоковъ многоводную Цеце.

Псекупсъ, близко подходящій верховьями къ верховьямъ Пшиши и пополняющій воды лѣвыми притоками съ горъ Зарубки и Чистой, течетъ сначала до выхода на плоскость по узкой и покрытой лѣсомъ долинѣ. Оставивъ затѣмъ за собою горы, между хребтами Кохтъ и Пшафъ, онъ образуетъ красивое ущелье, въ которомъ находится мѣстечко Горячій Ключъ и минеральные источники. Далѣе до Кубани Псекупсъ, сопровождаемый незначительными хребтами, протекаетъ по плодородной равнинѣ. Это — черкесскій «Массиръ», то есть, Египетъ, названный такъ потому, что это была когда-то у горцевъ цвѣтущая и густо населенная мѣстность.

Послѣдній значительный притокъ Кубани Афипсъ своими верховьями близко подходитъ къ верховьямъ рѣкъ, текущихъ на югъ съ Кавказскаго хребта къ Черному морю. Афипсъ охватываетъ еще значительное пространство горъ, принимаетъ справа Шебшъ съ Безепсомъ, а слѣва рѣку Убинъ, но многоводнымъ бываетъ лишь въ періоды разливовъ.

Всѣ остальные затѣмъ притоки, бурные и стремительные въ верховьяхъ, оказываются совершенно слабосильными въ нижнемъ теченіи. Ни одинъ изъ нихъ не достигаетъ Кубани по ясно выраженному руслу; ихъ поглощаетъ заболоченная Кубанская долина, въ трясинахъ, камышахъ и болотахъ которой они и теряются. Всѣ эти притоки важны не столько по своему гидрографическому значенію, сколько по именамъ, съ которыми связана была боевая жизнь казака. Къ числу этихъ незначительныхъ притоковъ принадлежатъ: Марта и Пчасъ, находящіеся между бассейнами Пшиша и Псекупса, Чибій и Супсъ, текущіе въ границахъ между бассейнами Псекупса и Афипса. На западъ отъ Афипса бѣгутъ съ горъ рѣки: Иль, Азипсъ, Хабль, Антхырь, Бугундырь, Сухой и Мокрый Аушецы, Абинъ и Адагумъ съ притоками Псифъ и Псебебсъ. Еще ниже текутъ въ Черное море небольшія рѣчужки—Гостагай, впадающій въ Витязевскій лиманъ, и рѣка Анапка или Бугуръ, образующая болото около города Анапы. Всѣ эти рѣки бѣдны водою, но съ ними соединены богатыя кровавыми эпизодами воспоминанія многолѣтней борьбы казаковъ и русскихъ войскъ съ черкесами.

Такимъ образомъ, притоки Кубани также мельчаютъ и какъ бы замираютъ, какъ и самый Кавказскій хребетъ, по мѣрѣ того, какъ приближаются къ своему конечному пункту —къ проливу, соединяющему Черное и Азовское моря. Но въ общемъ горныя рѣки, связанныя съ Кубанью, какъ дѣти съ матерью, представляютъ одну грандіозную и величественную, какъ и самый Кавказъ, картину. Обыкновенно Кубань принято сравнивать съ громаднымъ деревомъ, вершиной своей касающимся Эльбруса, а корнями упирающимся въ Черное и Азовское моря, причемъ справа у этого дерева совершенно отрублены вѣтви, а слѣва онѣ уцѣлѣли. Сравненіе, дающее, конечно, извѣстное образное представленіе о дѣйствительныхъ явленіяхъ; но, при наличности послѣднихъ, дерево оказывается уродливо изогнутымъ и отличающимся наиболѣе громадными вѣтвями какъ разъ на мѣстѣ своего болѣзненнаго изгиба.

Несомнѣнно, что такими условными образами нельзя дать сколько нибудь яснаго представленія о томъ положеніи и значеніи, которое имѣла Кубань въ исторіи страны и людей. Макушка этого неуклюжаго дерева-гиганта, его громадныя и мелкія вѣтви, его изогнутый стволъ—все это прежде всего лишь продуктъ безконечно двигавшейся механической силы горныхъ водъ и затѣмъ систематически развивавшихся законовъ геологической динамики. Природа сдѣлала свое дѣло. Люди пытались довершить его, приспособляя даровыя силы къ требованіямъ своей жизни, но успѣли сдѣлать въ этомъ

отношеніи очень мало или, пожалуй, почти ничего. Пароходству по Кубани и Лабѣ предстоитъ еще развиться въ будущемъ; къ урегулированію теченія Кубани и ея притоковъ приложены лишь слабыя попытки людей; пользованіе водами Кубани и ея притоковъ, какъ даровымъ механическимъ двигателемъ, выразилось лишь въ устройствѣ однихъ водяныхъ мельницъ съ ихъ жалкими механизмами; обводнительныя работы исчерпываются прорытіемъ двухъ—трехъ каналовъ съ слабыми затратами труда и капитала; осушка заболоченныхъ мѣстностей совсѣмъ не коснулась еще рѣчныхъ равнинъ; а объ орошеніи, могущемъ превратить не только Закубанье, но и большую часть прикубанскихъ степей въ цвѣтущую страну, и мечтать пока преждевременно. Все это лишь задачи будущаго людей. Пока же волны Кубани и ея притоковъ омываютъ тѣ мѣста, которыя занимали люди, пытавшіеся устроить свою жизнь на счетъ даровыхъ силъ природы и заводившіе многочисленныя войны и распри изъ-за этихъ мѣстъ.

Съ Кубанью и ея притоками тѣсно соединена, слѣдовательно, исторія людей, и тотъ, кто хочетъ ее знать, долженъ имѣть ясныя представленія о Кубани и ея спутникахъ — горныхъ рѣкахъ. Кубань была свидѣтельницей и древней, и новѣйшей исторіи, и того времени, когда проходившіе изъ Азіи въ Европу народы, покоряя и уничтожая другъ друга, заставляли прятаться въ горы менѣе счастливыхъ своихъ соперниковъ, и времени колонизаціи казачествомъ области, и борьбы русскихъ съ черкесами. На берегахъ Кубани происходили сотни и тысячи одиночныхъ и массовыхъ кровавыхъ столкновеній и стычекъ, начиная съ плѣненія черкесомъ казачки или ребенка и оканчивая такими грандіозными эпизодами, какъ разгромъ турецко-черкесской арміи Баталъ-Паши русскимъ генераломъ Германомъ. И прежде, чѣмъ русскіе заняли горы, тамъ, все по тѣмъ же горнымъ рѣчкамъ, какъ по естественнымъ путямъ, лились потоки крови и погибали въ неравной борьбѣ соперничающія народности. И только позже, когда замолкли пушки и заржавѣло старое оружіе, началась здѣсь мирная, культурная и творческая жизнь поселенца. Однимъ словомъ, по горнымъ рѣкамъ съ ихъ долинами, какъ по доступнымъ наиболѣе мѣстамъ, раньше завязалась исторія людей и шире потомъ она выразилась въ сложной сѣти ихъ взаимныхъ отношеній.

На равнинѣ, по правую сторону Кубани, находятся исключительно степныя рѣки. Онѣ расположены здѣсь почти правильно, съ извѣстными промежутками, линіями, текутъ въ одномъ и томъ же направленіи и вообще отличаются поразительнымъ сходствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. И это

понятно. Очень ужъ однообразны условія, создавшія степную рѣку. Равнинный характеръ мѣстности, слабый уклонъ, однообразное геологическое строеніе поверхности, питаніе рѣкъ исключительно атмосферными осадками и общность климатическихъ условій—придали имъ характеръ такого сходства, какое замѣчается, положимъ, между деревьями одного и того же вида. Всѣ рѣки берутъ начало къ сѣверу отъ Кубани и текутъ отсюда въ сѣверо-западномъ направленіи. У всѣхъ рѣкъ верховья состоятъ изъ относительно крутыхъ овраговъ или балокъ, которые переходятъ все въ болѣе и болѣе отлогіе, по мѣрѣ приближенія рѣки къ среднему теченію, и почти сравниваются съ степными равнинами къ устью, удерживая лишь слегка повышенный правый берегъ. Всѣмъ рѣкамъ свойственно слабое, едва замѣтное теченіе. Во всѣхъ рѣкахъ вода отличается плохимъ вкусомъ и переполнена солями. Наконецъ, всѣ рѣки одинаково заболачиваются, свѣжѣютъ и оживаютъ съ весны, когда наполняются прекрасною снѣговою водою, и мелѣютъ, высыхаютъ, покрываются плѣсенью, водорослями, тиной и камышами въ жаркую пору года. Тогда рѣчная вода, затхлая и застоявшаяся, становится малопригодной не только для людей, но и для животныхъ, и распространяетъ заразныя болѣзни между тѣми и другими.

Слѣдуя отъ Кубани, степныя рѣки расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Понура, Кочети, Кирпили, три Бейсуга, Челбасы, Албаши, Ясени и Ея. Важнѣйшія изъ нихъ Ея, Челбасы и Бейсугъ.

Ея—самая длинная изъ степныхъ рѣкъ, имѣетъ до 220 верстъ протяженія, т. е., за исключеніемъ Лабы, длиннѣе любого изъ притоковъ Кубани. Начинается она около станицы Новопокровской, въ юго-восточной части степей и тутъ же принимаетъ небольшой притокъ Карасунъ. Ниже въ Ею впадаютъ болѣе значительные притоки—справа Кавалерка и Кугуея, а слѣва длинный, въ сто верстъ, Сасыкъ. Впадаетъ Ея въ Ейскій лиманъ и еще недавно считалась одною изъ самыхъ многоводныхъ степныхъ рѣкъ, изобиловавшихъ рыбою.

Слѣдующія двѣ рѣки—Ясени и Албаши—текутъ почти параллельно на небольшомъ протяженіи по приейской слегка возвышенной степи. Ясени впадаютъ въ соляное Ханское озеро, а Албаши оканчивается небольшимъ круглымъ, въ видѣ головы, лиманомъ, который связанъ съ другими лиманами, расположенными дугообразно по направленію къ истокамъ рѣки Челбасы.

Челбасы по своей 200 верстной длинѣ не многимъ уступаетъ Еѣ. Рѣка эта беретъ начало у станицы Темижбекской, расположенной на самомъ поворотѣ большой излучины Ку-

бани, и своими верховьями близко подходитъ къ этой послѣдней. Справа р. Челбасы принимаетъ рѣку Тихенькую, а слѣва Среднія и Малыя Челбасы. Устье Челбасъ образуетъ Сладкій лиманъ, отъ котораго тянется цѣлый рядъ другихъ лимановъ - Горькій, Кущеватый и Долгій.

Бейсугъ начинается къ сѣверу отъ станицы Казанской и течетъ по степи на протяженіи 160 верстъ. Недалеко отъ устья, около станицъ Брюховецкой и Переясловской, въ него впадаютъ два Бейсужка, образующіе здѣсь вмѣстѣ съ Бейсугомъ довольно большой лиманъ Лебяжій, напоминающій своею фигурою лебедя и изобиловавшій когда-то массою лебедей. Изъ Лебяжьяго лимана Бейсугъ тянется чрезъ широкія плавни и впадаетъ въ Бейсугскій лиманъ у ст. Бриньковской. По своему рѣчному бассейну, охватывающему почти всю центральную часть степи, Бейсугъ занимаетъ первое мѣсто между степными рѣками. Когда-то это была повидимому самая многоводная рѣка, на что указываетъ и ея татарское названіе—Беева, князева вода, или быть можетъ правильнѣе, главная, важнѣйшая рѣка.

За Бейсугомъ слѣдуетъ рѣка Кирпили съ притокомъ Кочети. Рѣка эта въ свое время служила излюбленнымъ мѣстомъ казачьей старшины, устраивавшей здѣсь хутора. На самомъ дѣлѣ въ Кирпиляхъ лучшая изъ всѣхъ степныхъ рѣкъ вода, рѣка мало загрязнена и окружена мѣстами обиліемъ зелени, рощами и даже лѣсомъ. Въ устьѣ Кирпили образуетъ Кирпильскій лиманъ, окруженный другими лиманами, изъ которыхъ черезъ лиманъ Рясный воды Кирпилей попадаютъ въ Ахтарскій лиманъ.

Наконецъ, ближайшая къ Кубани рѣчужка Понура тянется на незначительномъ 50-ти верстномъ разстояніи по степи и заканчивается также своимъ собственнымъ лиманомъ, который соединяется весною, при половодьѣ Кубани, съ Ангелинскимъ ерикомъ и чрезъ него съ Азовскимъ моремъ.

Какъ показываютъ названія степныхъ рѣкъ, прежде чѣмъ казаки заняли степи, здѣсь обитали татары, оставившіе послѣ себя за рѣками татарскія названія. Такъ, Карасунъ означаетъ черная вода, Сасыкъ—вонючій, Ея—Иванъ, Албаши—красная голова, Челбасы—ковшъ воды, Бейсугъ—беева или князева вода, Кирпили—мостовая. Еще въ недавнее время, на памяти казачьяго населенія, степныя рѣки были болѣе многоводны и не такъ, какъ теперь, загрязнены. Въ нихъ водилась въ обиліи рыба, которая проходила чрезъ ихъ устья вверхъ по рѣкамъ для метанія икры. Тѣмъ, понятно, многоводнѣе и обильнѣе рыбой степныя рѣки были въ татарскій періодъ и въ болѣе отдаленныя времена. У Страбона рѣка Ея называется Большой Ромбитъ, что означало рѣку богатую камбо-

лой. Теперь камболы здѣсь въ поминѣ нѣтъ, и населенію едва ли извѣстно самое названіе этой рыбы. Лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ въ Еѣ, особенно у станицы Старощербиновской, въ обиліи ловились тарань, сула (судакъ), карпъ и другія породы бѣлой рыбы, но тогда Ея была настолько многоводной, что давала возможность заходить въ нее цѣлымъ милліонамъ рыбы для метанія икры. Рыба поднималась высоко по рѣкѣ до ст. Кущевки и далѣе. То же замѣчалось и по другимъ рѣкамъ. Точно также рѣку Бейсугъ Страбонъ называетъ Малымъ Ромбитомъ, т. е. опять таки рѣкой, изобиловавшей камболой. Фактъ, указывающій на такое обиліе въ Бейсугѣ воды, что онъ имѣлъ постоянное общеніе съ моремъ, при какомъ условіи только и мыслимо было присутствіе камболы въ степной рѣкѣ. Очень можетъ быть, что, согласно татарскому названію, это была не просто беева вода, а важнѣйшая, главенствующая рѣка вслѣдствіе своего многоводья и значительности.

На обмелѣніе и ухудшеніе степныхъ рѣкъ указываютъ и сопутствующіе ихъ овраги и балки. Многіе изъ нихъ носятъ характеръ притоковъ и періодически наполняются водою. Генералъ Попка, написавшій первый по времени и самый талантливый историческій очеркъ «Черноморскіе казаки», дѣлаетъ относительно балокъ крайне рискованное предположеніе, похожее скорѣе на научный курьезъ, чѣмъ на серьезную попытку объяснить темныя явленія. Отмѣчая обиліе кургановъ, сопровождающихъ балки по степямъ, почтенный историкъ пришелъ къ мысли, что курганы и балки дѣло рукъ человѣческихъ, что первые были насыпаны, а вторые вырыты и вырыты съ цѣлями орошенія степей и осушки низинъ. Страннымъ кажется, зачѣмъ это требовалось кочевникамъ и ихъ полудикимъ предшественникамъ, оставившимъ въ курганахъ каменные ножи, топоры, молотки и вообще такія орудія труда, которыми едва ли можно было бы произвести столь грандіозныя работы, какъ прорытіе балокъ на протяженіи сотенъ верстъ,—работы колоссальной даже для современной намъ техники? Правильнѣе, конечно, предположить, что балки, какъ это утверждаютъ геологи, представляютъ собою или первыя стадіи образованія рѣкъ, или ихъ усохшіе притоки. Мало вѣроятнымъ сказывается и другое предположеніе относительно самыхъ степныхъ рѣкъ, какъ рукавовъ Кубани.

Незначительный перевалъ въ видѣ праваго берега Кубани, близость къ этой послѣдней верховьевъ степныхъ рѣкъ, одинаковое почти расположеніе ихъ и направленіе отъ Кубани, нахожденіе въ устьяхъ рѣкъ значительныхъ водохранилищъ въ видѣ лимановъ, черезъ которые рѣки продолжа-

ютъ сообщаться съ моремъ,—все это взятое вмѣстѣ наводитъ на мысль, что степныя рѣки были въ прежнее время лишь отдѣльными рукавами и ериками Кубани. Въ такомъ видѣ онѣ какъ бы составляли вмѣстѣ съ Кубанью одну большую ея дельту. Предположеніе, носящее характеръ нѣкоторой, такъ сказать, наглядной доказательности. Трудно, однако, представить себѣ рѣку, у которой рукава были бы длиннѣе самой рѣки и, притомъ, разбросаны на площади значительно большей, чѣмъ верхній бассейнъ той же рѣки. Какой запасъ воды должна была имѣть прежняя Кубань и какую безконечно долгую эпоху предстояло пережить такой мощной по объему воды и короткой по протяженію рѣкѣ прежде, чѣмъ образовала она свои длинные рукава и затѣмъ разобщилась съ ними. Отмѣченныя выше особенности степныхъ рѣкъ и близость верховьевъ къ Кубани указываютъ лишь на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ Кубани можно было бы провести воду черезъ верховья степныхъ рѣкъ для обводненія степи.

Предположеніе же о прежней роли степныхъ рѣкъ, какъ рукавовъ Кубани, противорѣчитъ основнымъ началамъ геологіи. Перемѣщеніе руслъ рѣкъ происходитъ вслѣдствіе обусловливаемаго движеніемъ земли закона Бэра, по которому рѣки, текущія въ меридіональномъ направленіи, въ сѣверномъ полушаріи подмываютъ правые берега, а въ южномъ—лѣвые. Такія перемѣщенія русла дала, напр., Аму-Дарья, прорѣзавшая нѣкоторыми рукавами возвышенности, состоящія изъ породъ болѣе древнихъ, чѣмъ новѣйшія рѣчныя образованія. Слѣдовательно, и степныя рѣки могли бы быть результатомъ перемѣщенія русла Кубани, а не разобщенія и атрофіи послѣдняго. На этомъ основаніи русскіе переводчики классическаго труда Неймайра „Исторія земли" говорятъ: „То же наблюдается и въ дельтѣ Кубани: самый восточный изъ ея рукавовъ, Ангелинскій ерикъ, не составляетъ границы плавней, а прорѣзываетъ своимъ русломъ и возвышенную степь, которая, такимъ образомъ, не имѣетъ никакого рѣзкаго разграниченія съ дельтой. Отсюда видно, что крайніе рукава рѣки нельзя считать границами ея устьевыхъ образованій; эти границы могутъ быть опредѣлены только посредствомъ тщательнаго геологическаго изслѣдованія мѣстности". Степи же, въ особенности въ верховьяхъ рѣки, представляютъ болѣе древнія образованія, чѣмъ устьевыя плавни Кубани

На востокѣ Кубанской области Ставропольская возвышенность даетъ р. Егорлыкъ, которая, пройдя по степямъ области 100 верстъ, поворачиваетъ потомъ на сѣверовостокъ и впадаетъ въ Манычъ. Въ своихъ верховьяхъ это чисто гор-

ная рѣка съ быстрымъ теченіемъ. Другая рѣка—Кума, берущая начало на высотѣ 6679 футовъ надъ уровнемъ моря съ Эльбрусскихъ отроговъ, представляетъ настоящую горную рѣку, бурную и многоводную. Въ началѣ она служитъ пограничною чертою между Кубанскою и Терскою областями, а затѣмъ, послѣ пересѣченія земель станицъ Бекешевской и Суворовской, поворачиваетъ къ Каспію, хотя и не достигаетъ его, а теряется въ прилегающихъ къ нему пескахъ и болотахъ. Въ предѣлахъ Кубанской области въ Куму впадаютъ справа р. Дарья, а слѣва Тамлыкъ.

Чтобы закончить общую характеристику гидрографическихъ условій въ Кубанской области, необходимо коснуться еще нѣсколько внутреннихъ водъ. Выше уже было отмѣчено расположеніе внутреннихъ водъ по Азовскому и Черноморскому побережьямъ. Внутри области почти отсутствуютъ болѣе или менѣе значительныя водовмѣстилища. Горы ими крайне бѣдны. Только у истоковъ р. Теберды есть два озера, изъ которыхъ одно называется Туманлыколъ, а другое не имѣетъ даже названія; при истокахъ р. Урупа и въ разныхъ мѣстахъ Черныхъ горъ встрѣчаются мелкія озера, не превышающія десятковъ саженей въ окружности и имѣющія отъ 1 до 2 саж. въ діаметрѣ, и лишь у ст. Самурской находится озеро съ площадью около 60 десятинъ.

Чаще озера расположены по рѣчнымъ долинамъ, но и эти озера отличаются крайнею незначительностью и находятся въ сообщеніи съ образовавшими ихъ рѣками. На равнинахъ совершенно замкнутыя озера встрѣчаются только въ двухъ мѣстахъ—въ степяхъ Еи и Кугоеи и три небольшихъ озера возлѣ ст. Баталпашинской. Всѣ эти озера принадлежатъ къ соленымъ и въ Баталпашинскихъ озерахъ добывается глауберовая соль. Большинство остальныхъ озеръ, или такъ называемые лиманы, не потеряли еще своихъ связей съ устьями впадающихъ въ нихъ рѣкъ. Такъ какъ они расположены преимущественно на приморскихъ низинахъ, то одни изъ нихъ находятся въ связи съ моремъ, а другія во всякомъ случаѣ расположены въ мѣстахъ со слабо выщелоченными почвами, изобилующими солями. Собственная вода озеръ, поэтому, соленая или горькосоленая и опрѣсненіе ихъ происходитъ на счетъ рѣкъ.

Въ трехъ мѣстахъ, у самыхъ морскихъ береговъ, находятся настоящія соляныя озера, т. е. такія, которыя даютъ соль, служащую предметомъ добывающей промышленности. Лучшія изъ нихъ Таманскія озера, состоящія изъ двухъ группъ—Тузлянской и Бугазской, изъ которыхъ первая расположена у косы Тузлы, а вторая у Бугазскаго гирла. Озера эти соединяются временами съ моремъ и наполняются его

водами. Такимъ образомъ, собственная соленость воды усиливается здѣсь примѣсями морскихъ солей, и добываемая съ Таманскихъ озеръ поваренная соль считается лучшею по качеству въ области. Второе мѣсто по качеству соли занимаетъ группа Ясенскихъ соляныхъ озеръ, состоящая изъ большого Ханскаго озера, имѣющаго около 50 верстъ въ окружности, и трехъ небольшихъ озеръ. Ханское озеро отдѣляется узкою косою отъ Бейсугскаго лимана и, несмотря на свою близость къ этому морскому заливу и къ самому морю, находится въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ него попадаютъ прѣсныя воды трехъ степныхъ рѣкъ—Ясеней, Албашей и Челбасъ, частію самостоятельно, какъ изъ Ясеней, а частію черезъ лиманы, въ которые несутъ свои воды Албаши и Челбасы. Въ прежнее время, поэтому, Ханское озеро считалось однимъ изъ лучшихъ озеръ по количеству и качеству добываемой соли, а теперь становится все болѣе и болѣе непроизводительнымъ. Къ худшимъ въ области солянымъ озерамъ относятся группы—Ахтарская и Петровская. Тѣ и другія не имѣютъ непосредственной связи съ моремъ, получаютъ соленую воду при посредствѣ лимановъ и въ обиліи прѣсную воду при разливѣ рѣкъ.

Во всѣхъ четырехъ группахъ получается такъ называемая самоосадочная поваренная соль, образующаяся путемъ испаренія воды и кристаллизаціи изъ сгустившагося отъ этого соляного розсола. Въ періоды сильнаго разлива рѣкъ и обильныхъ дождей поваренная соль осѣдаетъ, поэтому, далеко не во всѣхъ соляныхъ озерахъ. Часто нѣкоторыя озера, какъ напр. у Ахтарей, на столько опрѣсняются, что въ нихъ разводится рыба. Вообще урожаи соли находятся въ тѣсной связи съ тѣми колебаніями, какія замѣчаются на уровнѣ лимановъ и озеръ. Чѣмъ ниже этотъ уровень, тѣмъ урожайнѣе бываютъ озера, и наоборотъ.

Но такое колебаніе водъ представляетъ повидимому общее явленіе въ области и находится въ тѣсной зависимости съ періодическими колебаніями подпочвенныхъ водъ. Старожилы и наблюдательные хозяева подмѣтили эти явленія и одни опредѣляютъ эти періодическія колебанія десятилѣтними періодами, а другіе тридцатилѣтіями. Въ 1881 году наблюдалось наибольшее повышеніе уровня подпочвенныхъ водъ всюду по области. Въ Ейскомъ отдѣлѣ замѣчено было, что вода въ колодезяхъ поднялась на аршинъ и что въ глубокихъ погребахъ, устроенныхъ лѣтъ 30 и 25 тому назадъ, также мѣстами появилась никогда не бывавшая раньше въ нихъ вода глубиною отъ 1/2 до 1 аршина. Такія же явленія замѣчены были въ другихъ мѣстахъ степей и въ закубанскихъ станицахъ. Въ тотъ же годъ были совершенно пере-

полнены лиманы и озера водой и во многихъ мѣстахъ соленыя воды превратились въ прѣсныя, и самоосадочной соли совсѣмъ не было въ нихъ.

Если бросить въ заключеніе общій взглядъ на гидрографическія условія края, то окажется, что главнымъ и наиболѣе могучимъ факторомъ были рѣки. Съ точки зрѣнія исторіи людей рѣки важны потому, что по нимъ, какъ по естественнымъ путямъ, разселились люди. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще удерживается дѣленіе Кубанской области на тѣ части, которыя образовались по времени колонизаціи ея русскимъ населеніемъ—на Черноморію, Старую Линію, Новую Линію и Закубанье. Въ основу ихъ образованія положены были главнымъ образомъ рѣки, хотя, конечно, при этомъ имѣли значеніе и другіе естественные признаки разграниченія мѣстностей.

Первую по времени заселенія и самую большую по пространству часть составила Черноморія. Такъ названа была сѣверозападная часть нынѣшней Кубанской области по имени первыхъ колонизаторовъ—Черноморцевъ, потомковъ Запорожскаго казачества. Черноморцы заняли исключительно одни степи и при томъ нижнюю часть до того повышенія ихъ, съ котораго начинается подъемъ къ Ставропольской возвышенности. Это пространство степныхъ рѣкъ и ихъ бассейновъ. Границами Черноморіи, поэтому, были приняты: съ юга р. Кубань, съ запада Черное и Азовское моря, съ сѣвера р. Ея, а съ востока или, правильнѣе, съ юго-востока была проведена межевая линія отъ Изряднаго источника на Кубани, ниже ст. Воронежской, до земель ст. Колниболотской, расположенной въ верховьяхъ р. Еи. Такимъ образомъ, въ этомъ направленіи какъ бы обрѣзаны были верхушки степныхъ рѣкъ, а нѣкоторыя, какъ Понура, Кочеты, Албаши и Ясени, вошли цѣликомъ въ границы Черноморіи. Черноморія, слѣдовательно, можетъ быть названа райономъ степныхъ рѣкъ.

Почти одновременно, два года спустя, занята была казаками Старая Линія. Первыя станицы были заселены исключительно по одной Кубани, почему эта мѣстность и получила названіе «линіи», прирѣчной Кубанской полосы. Впослѣдствіи количество станицъ по Кубанской линіи было увеличено на пространствѣ между станицами Баталпашинской и Воронежской. Частію одновременно также, а частію позже занята была задняя часть этой прикубанской полосы, въ видѣ образованія новыхъ казачьихъ станицъ и обращенія крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы, съ границами съ юго-запада у Черноморіи, а съ сѣверо-востока у нынѣшнихъ Ставропольской губерніи и Терской области. Та-

кимъ образомъ, благодаря направленію и громаднѣйшей излучинѣ Кубани, Старая Линія получила въ высшей степени своеобразныя очертанія по фигурѣ: она представляетъ такую же дугу, какъ и Кубань, съ концами у ст. Воронежской, съ одной стороны, и у станицъ Баталпашинской и Бекешевской—съ другой. При относительной узкости этой дугообразной полосы и полномъ отсутствіи самостоятельныхъ рѣкъ на ней, Старая Линія, слѣдовательно, въ свою очередь можетъ быть названа райономъ Прикубанья по преимуществу.

Сорокъ слишкомъ лѣтъ спустя послѣ возникновенія Черноморіи и Старой Линіи была образована Новая или Лабинская Линія. Казаки перешли Кубань и заняли наиболѣе доступную для колонизаціи мѣстность—самую излучину Кубани, ту обширную равнину, которая раскинулась между теченіями двухъ важнѣйшихъ горныхъ рѣкъ—Кубани и Лабы. Сначала казачьи станицы были расположены опять таки линіей по р. Лабѣ, а потомъ заняты станицами и промежуточныя между Лабою и Кубанью пространства. Кубань и Старая Линія утратили свое прежнее стратегическое значеніе, центръ тяжести пограничной охраны и службы казака былъ перенесенъ на Лабу и, такимъ образомъ, вся эта мѣстность можетъ быть названа райономъ Лабы. Казаки такъ и называютъ ее Лабинской Линіей.

Наконецъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ, въ то время, когда оканчивалось покореніе и былъ совершенно покоренъ Западный Кавказъ, заселено было Закубанье. Этимъ послѣднимъ актомъ была закончена колонизація области казаками и русскимъ населеніемъ. Какъ послѣдній актъ колонизаціи, заселеніе новаго края совпало одновременно и съ упорядоченіемъ его въ этомъ отношеніи. Прежніе засельщики—черкесы были выдворены съ своего стараго мѣстожительства и переселены въ другія мѣста, а новые поселенцы заняли станицами и поселками нижнія части горныхъ рѣчныхъ долинъ, примыкающихъ къ Кубанской равнинѣ, въ границахъ отъ устья Лабы и до Чернаго моря, и поднялись вверхъ по долинамъ въ предгорья Кавказа. Въ горахъ занято было все, что можно было занять даже съ явными неудобствами для хозяйства и въ ущербъ экономическимъ интересамъ переселенцевъ. Закубанье, поэтому, въ указанныхъ границахъ до сихъ поръ пользуется плохою репутаціей неудобной для заселенія мѣстности. Это, слѣдовательно, районъ закубанскихъ горныхъ рѣкъ и тѣхъ предгорій, изъ которыхъ онѣ выходятъ.

За такимъ грубымъ, но съ исторической точки зрѣнія не случайнымъ дѣленіемъ Кубанской области на четыре части, дѣленіемъ, вошедшимъ въ оффиціальный языкъ и въ

обычную разговорную рѣчь, кроется, помимо общности отмѣченныхъ гидрографическихъ особенностей по каждой мѣстности, общность и нѣкоторыхъ другихъ естественно-историческихъ признаковъ. Такъ, различнымъ прежде всего оказывается рельефъ каждаго изъ четырехъ районовъ. Въ Черноморіи преобладаетъ типичный степной рельефъ, въ видѣ громадной равнины съ слабымъ уклономъ и чуть замѣтнымъ расчлененіемъ однообразной поверхности степными рѣчками и оврагами. Старая Линія отличается полустепнымъ рельефомъ, въ формѣ постепенно повышающейся отъ степей къ Эльбрусскимъ отрогамъ плоскости. Рельефъ Новой или Лабинской Линіи характеризуется наличностью рѣчныхъ долинъ, образованныхъ горными рѣками и окоймленныхъ въ верхнихъ своихъ частяхъ отрогами Кавказскаго хребта; а въ Закубаньѣ, при незначительной площади тѣхъ же горно-рѣчныхъ долинъ, къ тому же небольшихъ и узкихъ, господствуетъ чисто горный рельефъ съ горными вершинами, всевозможными скатами, внушительными ущельями и цѣлою сѣтью второстепенныхъ горныхъ кряжей.

Другіе естественно-историческіе признаки, какъ климатъ, по самому своему характеру являются однообразными для одной части районовъ и рѣзко отличными для другой. Въ большей степени варьируютъ затѣмъ, по отдѣльнымъ районамъ, почвы, ископаемыя богатства, растительность и до извѣстной степени животный міръ.

Климатъ Кубанской области можно считать вообще умѣренно-теплымъ и въ извѣстной мѣрѣ влажнымъ, съ значительнымъ количествомъ ясныхъ дней. Весна ранняя, лѣто жаркое, осень тихая и теплая, а зимы умѣренныя. Но эти общіе признаки замѣтно мѣняются по разнымъ мѣстностямъ. Однимъ климатъ бываетъ въ горахъ и другимъ въ степи. Между тѣмъ какъ на вершинѣ Эльбруса температура никогда не спускается ниже 0°, лѣтомъ свирѣпствуютъ снѣжныя бури, и морозы доходятъ даже въ іюлѣ до $-12^1/_2$°; въ степи средняя температура зимы выражается въ -2 или -4°, а средняя температура лѣта $+22$ и 23° по Цельсію. Такія рѣзкія различія однако относятся только къ мѣстностямъ, крайне различнымъ и по другимъ естественнымъ условіямъ. По отдѣльнымъ районамъ однѣ и тѣ же климатическія черты отличаются лишь слабыми варіаціями.

Въ Кубанской области очень мало метеорологическихъ станцій и нѣтъ, поэтому, надлежащихъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно было бы установить точно и научно климатическія особенности районовъ. Такъ, въ общемъ здѣсь преобладаютъ—высокое атмосферное давленіе и восточные вѣтры зимою, а низкое давленіе и западные вѣтры лѣ-

томъ. Но такъ какъ атмосферное давленіе зависитъ и отъ высоты мѣста, то оно замѣтно мѣняется для равнинныхъ и горныхъ мѣстностей. По даннымъ нѣкоторыхъ метеорологическихъ станцій, можно, поэтому, придти къ тому заключенію, что наиболѣе высокое атмосферное давленіе должно быть въ Черноморіи, откуда оно понижается по направленію, съ одной стороны, къ Старой, а съ другой—къ Новой Линіямъ, какъ къ болѣе возвышеннымъ сравнительно съ Черноморіей мѣстностямъ; а наименьшее давленіе окажется, слѣдовательно, въ горномъ Закубаньѣ. На Черноморіи, въ г. Темрюкѣ при 6,1 метра высоты надъ уровнемъ моря, давленіе атмосферы выражается въ 759,7 миллиметровъ; на Старой Линіи, въ ст. Ладожской при 101,9 м. высоты—въ 753,7 м. м.; на Новой Линіи, въ Хуторкѣ при 157,4 м. высоты - въ 748,2 м. м., а въ Михайловскомъ монастырѣ, расположенномъ на 907 метрахъ высоты въ горахъ Закубанья, выше Майкопа, давленіе понижается до 683,3 м. м.

Преобладающими вѣтрами въ Кубанской области оказываются сѣверо-восточные и юго-западные. Но опять таки распредѣленіе и сила вѣтровъ носитъ одинъ характеръ въ степяхъ и совершенно другой въ горахъ. На равнинахъ вѣтры извѣстнаго направленія дуютъ постояннѣе и съ опредѣленною интенсивностью, проходя значительныя пространства. Открытая мѣстность не задерживаетъ движеніе воздуха. Въ горахъ, на оборотъ, почти на каждомъ клочкѣ, отличномъ отъ другого по орографическому положенію, вѣтры подчиняются своимъ мѣстнымъ условіямъ и отличаются вообще большею уравновѣшенностью. Тѣ же отрывочныя метеорологическія данныя показываютъ, что въ Черноморіи господствующими вѣтрами въ теченіе года бываютъ восточные и сѣверо-восточные, а затѣмъ уже слѣдуютъ юго-западные и западные. Такой характеръ удерживаютъ эти вѣтры и въ сѣверозападной, наиболѣе равной и удаленной отъ Ставропольской возвышенности, части Старой Линіи. Но затѣмъ въ остальныхъ частяхъ Старой Линіи начинаютъ преобладать восточные и юго-восточные вѣтры, а за ними слѣдуютъ юго-западные и западные. Тѣ же явленія, но рѣзче выраженныя, замѣчаются и на Новой Линіи, съ тѣмъ отличіемъ, что, если судить по даннымъ метеорологической станціи Хуторка, преобладающимъ вѣтромъ является юго-восточный, а затѣмъ уже слѣдуетъ исключительно западный. Такимъ образомъ оказывается, что движеніе воздуха, идущее съ востока, въ Черноморіи согласуется съ сѣверовосточнымъ теченіемъ, на Старой Линіи сопровождается восточнымъ, взамѣнъ сѣверо-восточнаго, а на Новой Линіи становится уже юговосточнымъ, отодвигая на второе мѣсто теченіе воздуха съ востока. Восточ-

ные вѣтры, слѣдовательно, переходятъ на Ставропольской возвышенности и вблизи горъ въ юго-восточные, а на равнинахъ въ степяхъ—въ сѣверо-восточные. Что касается Закубанья, то въ горныхъ его частяхъ, какъ напр. въ Михайловской пустынѣ, восточные и западные вѣтры почти уравновѣшиваются одинъ другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣчается рѣзкаго отклоненія отъ нихъ и въ другихъ направленіяхъ вѣтра,—однимъ словомъ, здѣшняя роза вѣтровъ отличается своего рода симметричностью въ соотношеніи частей. Вообще въ горахъ больше дней безвѣтренныхъ и сила вѣтра значительно слабѣе, чѣмъ въ степяхъ. И это, конечно, само собою понятно. Горы защищаютъ отъ вѣтровъ и ослабляютъ ихъ силу на прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ, видоизмѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ направленіе.

Въ частности то или другое распредѣленіе вѣтровъ имѣетъ громадное значеніе въ экономіи природы и людей. Послѣ воды и температуры, вѣтеръ является однимъ изъ важнѣйшихъ агентовъ, способствующихъ измѣненію внѣшняго вида земной поверхности. Еще важнѣе вліяніе вѣтровъ на хозяйственный бытъ страны. Господствующіе въ степяхъ и равнинахъ восточные и сѣверо-восточные вѣтры причиняютъ массу вреда въ хозяйствѣ казака. Лѣтомъ они сухи и удушливы, а зимою очень холодны. Лѣтомъ, поэтому, эти вѣтры сушатъ травы и хлѣбъ, понижая ихъ урожайность, и ослабляютъ работоспособность людей и животныхъ, а зимою вымораживаютъ хлѣба и вызываютъ лишніе расходы на жилище, одежду, пищу для людей и кормъ для скота. Вліяніе въ этомъ направленіи такихъ вѣтровъ тѣмъ ощутительнѣе, что они рѣдко ограничиваются двумя или тремя днями, а дуютъ непрерывно или съ малыми промежутками въ теченіе цѣлыхъ недѣль или даже мѣсяцевъ.

Съ этими же вѣтрами въ Кубанской области соединено явленіе, извѣстное подъ именемъ «захвата» или «помхи», приносящее громадный вредъ земледѣльцу. «Захватъ» или «помха» распространена вообще на югѣ Россіи и въ черноземныхъ губерніяхъ, но отъ чего она происходитъ—исключительно ли отъ сѣверо-восточнаго вѣтра или отъ этого вѣтра и хлѣбныхъ вредителей, вопросъ не выясненъ. Тотъ фактъ, однако, что «захваты», совпадающіе съ восточными и сѣверо-восточными вѣтрами, сильно понижаютъ уражаи хлѣбовъ и приносятъ большіе убытки въ земледѣльческомъ хозяйствѣ,—остается во всякомъ случаѣ на лицо.

Какъ бы въ противовѣсъ сѣверо-восточнымъ и восточнымъ вѣтрамъ, вѣтры западные и юго-западные несутъ природѣ и людямъ благопріятствующія условія. Отличаясь вообще умѣренною скоростію, они очень рѣдко принимаютъ

бурный характеръ, но тогда они напоминаютъ швейцарскіе фены, съ ихъ штормовыми порывами и скоростью. Зимою западные и юго-западные вѣтры повышаютъ среднюю температуру на 10° и болѣе, а лѣтомъ несутъ съ собою влагу и умѣряютъ жару.

Очень важную роль, поэтому, играютъ вѣтры въ распредѣленіи по области осадковъ. Чѣмъ болѣе насыщенъ извѣстный вѣтеръ влагою, тѣмъ болѣе оставляетъ онъ ее по пути. Рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ, съ одной стороны, юго-западные вѣтры, а съ другой—восточные. Юго-западные вѣтры, проходя надъ поверхностью Чернаго моря, достаточно насыщаются влагою, но затѣмъ, встрѣчая на своемъ пути Кавказскій хребетъ, они оставляютъ здѣсь, по южную сторону хребта, наибольшее количество влаги, и тѣмъ большее, обыкновенно, чѣмъ выше хребетъ. Въ Новороссійскѣ среднее количество осадковъ въ годъ равняется 701,3 миллиметровъ, въ Туапсе, гдѣ хребетъ выше, 1576,7 м.м., а въ Сочи, противъ котораго Кавказскій хребетъ еще выше, 2071,6 м.м. Такимъ образомъ, чѣмъ ниже хребетъ, тѣмъ больше влаги переносятъ на другую его сторону юго-западные вѣтры съ собою. Такъ какъ, затѣмъ, сѣверные склоны Кавказскихъ горъ покрыты всюду до снѣговой линіи роскошною растительностью, а растительность въ сильнѣйшей степени способствуетъ удержанію влаги въ воздухѣ, то тотъ же юго-западный вѣтеръ снова насыщается водяными парами на такихъ мѣстахъ, разряжаясь попутно дождями или снѣгомъ, и лишь подходя къ снѣговой линіи и Эльбрусу, гдѣ, благодаря отсутствію растительности, воздухъ сухъ и лишенъ влаги,—вѣтеръ теряетъ свою влажность. Тѣ же процессы, но уже въ болѣе ослабленной формѣ, происходятъ и на равнинахъ Здѣсь, благодаря степной растительности, воздухъ также бываетъ влаженъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ на сѣверныхъ склонахъ Кавказскихъ горъ. Юго-западный вѣтеръ, поэтому, бываетъ, хотя и не такъ перенасыщенъ влагой, какъ въ горахъ, но во всякомъ случаѣ въ достаточной мѣрѣ. Такое значеніе юго-западныхъ вѣтровъ подтверждается и прямыми метеорологическими данными. Такъ, въ предгорьяхъ, начиная съ запада, среднее годовое количество осадковъ равняется въ мѣстечкѣ Горячій Ключъ 806,1 м.м., въ Михайловской пустынѣ 802,3 м.м., а въ Баталпашинскѣ, лежащемъ вблизи Эльбруса, только 516,7 м.м., и въ Учкуланѣ, находящемся у самой его вершины, 403,1 м.м. На ряду съ этимъ, количество осадковъ, выпадающихъ на степныхъ равнинахъ, оказывается болѣе или менѣе однообразнымъ для разныхъ пунктовъ, съ замѣтною тенденціей къ повышенію по мѣрѣ приближенія равнинъ къ Ставропольской возвы-

шенности. Въ городѣ Темрюкѣ среднее годовое количество осадковъ равняется 486,1 м. м., въ станицѣ Старонижестеблієвской 506,2 м.м., въ ст. Брюховецкой 507,2, въ станицѣ Ладожской 587,1 м.м., а въ горооѣ Ставрополѣ 719,1 м.м.

Инымъ характеромъ отличаются восточные вѣтры, сухіе и бѣдные влагой. Выходя изъ жаркихъ и сухихъ частей Азіи, эти вѣтры не успѣваютъ насытиться въ достаточной мѣрѣ влагой при проходѣ черезъ узкую полосу Каспійскаго моря. Безплодныя прикаспійскія степи и пески еще болѣе обезсиливаютъ ихъ и, переваливъ Ставропольскую возвышенность, восточные вѣтры являются въ степяхъ тѣми суховѣями, которые такъ губительно дѣйствуютъ на хлѣба и травяную растительность. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ степяхъ эти вѣтры сталкиваются съ пониженною температурою, они разряжаются мелкими обложными дождями. Переходя же въ богатыя растительностью предгорья, юго-восточные вѣтры быстро насыщаются здѣсь влагою и, встрѣтивши холодныя горы, даютъ осадки.

Судя по отрывочнымъ даннымъ о количествѣ выпадающей влаги въ области, въ горахъ и на возвышенныхъ мѣстахъ всегда бываетъ больше осадковъ, чѣмъ на низкихъ степныхъ равнинахъ. По даннымъ 7-ми станцій – въ г.г. Ейскѣ и Темрюкѣ, и въ ст. Старонижестебліевской, Брюховецкой, Павловской, Уманской и Староминской – въ Черноморіи выпадаетъ среднимъ числомъ въ годъ осадковъ около 500 миллиметровъ, на Старой Линіи по даннымъ 5 станцій— въ Тихорѣцкой, Пришибѣ, Ладожской, Казанской и Баталпашинской—около 540 м.м. и въ Закубаньѣ по даннымъ 8-ми станцій – въ ст. Абинской, м. Горячій Ключъ, ст. Бжедуховской и Кабардинской, г. Майкопѣ, Михайловской пустыни и въ ст. Подгорной и Кардоникской—среднее годовое количество достигаетъ до 730 м.м. Данныхъ для Новой Линіи нѣтъ. Такимъ образомъ, если принять за единицу среднее количество осадковъ въ Черноморіи, то окажется, что на Старой Линіи осадковъ выпадаетъ не многимъ болѣе, примѣрно на 8 или 10%, а въ Закубаньѣ больше по крайней мѣрѣ на 45%.

Наибольшими же колебаніями и отличіями характеризуется распредѣленіе температуры по области. Благодаря горамъ, вся область дѣлится въ этомъ отношеніи на двѣ части—на горную и равнинную. Низкая температура, безпрерывно царящая на горахъ въ области снѣжной линіи, постепенно повышается черезъ предгорья къ равнинамъ. Въ то время, когда на высотѣ 10000 футовъ надъ уровнемъ моря въ горномъ Кавказѣ свирѣпствуетъ стужа, сильнѣйшіе морозы и снѣжныя бури, внизу у подножья хребта могутъ

цвѣсти розы и оживлять всю природу чудная, мягкая и теплая весна. При невыносимыхъ лѣтнихъ жарахъ въ степи, въ области снѣжной линіи температура не спускается ниже нуля и бываютъ морозы въ 10 и выше градусовъ. Если прибавить къ этому вліяніе вѣтровъ и влаги, то всю Кубанскую область можно разбить по характеру температуры на три полосы. Самая холодная и самая верхняя полоса, начиная съ линіи постоянныхъ снѣговъ и оканчивая альпійскою растительностью, и лѣтомъ и зимою одинаково отличается холодами, которые убиваютъ органическую жизнь. Только на границахъ этой полосы и слѣдующей за нею температура, въ короткія весну и лѣто, позволяетъ одѣваться землѣ травяною растительностью и допускаетъ произростаніе чахлыхъ хвощей. Въ слѣдующей затѣмъ лѣсной, нагорной и предгорной полосѣ температура становится умѣренною, теплою и во многихъ мѣстностяхъ не отличающеюся рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду или обратно. Наконецъ, въ области равнинъ и степей теплая совершенно температура мѣняется лишь въ той мѣрѣ, какъ мѣняется климатъ, становящійся все болѣе и болѣе континентальнымъ по мѣрѣ отдаленія отъ горъ и приближенія къ степямъ. Въ частности, конечно, колебанія температуры въ сильнѣйшей степени проявляются по отдѣльнымъ мѣстностямъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Метеорологическія данныя указываютъ на то, что весна и лѣто бываютъ суше и теплѣе на равнинахъ, чѣмъ въ предгорьяхъ, осень почти однообразна въ обѣихъ поясахъ, а зимы суровѣе въ степяхъ, чѣмъ въ предгорьяхъ.

Фактъ общеизвѣстный, что степи вообще отличаются зноями и удушливостью въ лѣтнюю пору. Открытая мѣстность и отсутствіе лѣсовъ только усиливаютъ зной и сухость воздуха. Жары здѣсь бываютъ постоянныя и продолжительныя. Часто при вѣтрѣ и полномъ отсутствіи облаковъ, солнце жжетъ невыносимо, а воздухъ отъ обилія носящейся въ немъ пыли превращается въ зловѣщую, темно-багровую мглу. Зимы однако менѣе продолжительны и чаще нарушаются рѣзкими переходами отъ холода къ теплу или обратно. Весной такіе переходы губительно дѣйствуютъ на сады, огороды и растительность. Однимъ словомъ, въ степяхъ колебаніе температуры и распредѣленіе ея по временамъ года сопровождается многими неблагопріятными для природы и людей условіями.

Всѣ эти рѣзкости въ значительной мѣрѣ сглаживаются въ предгорьяхъ и въ особенности въ нѣкоторыхъ ихъ мѣстахъ, поставленныхъ въ исключительно благопріятныя климатическія условія. Въ горахъ температура умѣряется большею влажностью и обиліемъ древесной растительности. При

тихихъ и непродолжительныхъ вѣтрахъ, обиліи ясныхъ дней и достаточной влажности воздуха, погода становится одинаково пріятною во всѣ времена года. Зимою здѣсь теплѣе, чѣмъ гдѣ либо, лѣтомъ прохладнѣе, а весна и осень, при полной тишинѣ и спокойствіи, превращаются въ лучшую пору сочетанія теплаго климата съ роскошною обстановкою горной природы и богатѣйшей растительности. Сѣверный Кавказъ славится такими мѣстами и нѣкоторыя изъ нихъ, несмотря на полное почти отсутствіе культурныхъ удобствъ, считаются лучшими курортными станціями. Таковы—Горячій Ключъ, Михайловская пустынь, дачныя мѣста по Тебердѣ и т. п. Несомнѣнно, что въ будущемъ тутъ разовьются лучшіе на Кавказѣ климато-лечебные курорты и что во многихъ мѣстахъ того же Кавказа найдутся прекрасныя для этого условія, а пока здѣсь царитъ та угрюмая, но величественная, полная дикой красоты, природа, которая одухотворила и облагородила и самый климатъ, теплый, спокойный, здоровый и живительный.

Можно сказать, что вода и климатъ создали внѣшній обликъ Кавказской природы, и если воды обязаны своимъ появленіемъ и распредѣленіемъ главнымъ образомъ горному хребту, то климатъ способствуетъ перенесенію тѣхъ же водъ на хребетъ и потомъ помогаетъ имъ разрушать и видоизмѣнять внѣшній видъ природы. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ такого кругового взаимодѣйствія двухъ названныхъ факторовъ является почва, тотъ внѣшній покровъ земли, на которомъ зарождается органическая жизнь и ея сложныя проявленія.

Кубанскія почвы представляютъ собою результатъ безконечно-долгой работы естественно-историческихъ факторовъ. Воды, воздухъ, температура, механическое воздѣйствіе, физическіе и химическіе процессы, біологическій круговоротъ органическаго міра превратили, путемъ непрерывнаго воздѣйствія, различныя составныя части земной поверхности въ измельченную и мягкую массу съ извѣстной структурой—въ почву. А для этого требовались тысячелѣтія. Чѣмъ выше, поэтому, въ горы и ближе къ болѣе древнимъ геологическимъ образованіямъ, тѣмъ древнѣе почвы. Почвы шли съ горъ въ долины и несли за собою жизнь органической природы по мѣрѣ того, какъ древнія геологическія образованія покрывались позднѣйшими. Въ самыя отдаленныя эпохи земли, какъ только появлялись на такихъ первозданныхъ породахъ, какъ граниты и сіениты, лишаи и мхи, существовали уже эмбріоны почвы въ видѣ не многихъ крупинокъ, давшихъ жизнь этимъ жалкимъ растеніямъ. Съ теченіемъ времени, при содѣйствіи механическихъ, химическихъ и физи-

ческихъ процессовъ, эмбріоны эти развились въ почвенныя наслоенія отъ увеличенія почвенныхъ матеріаловъ. Воды смывали и увлекали на низины эти матеріалы; морозъ и жары способствовали разрыву и разрыхленію ихъ; обвалы, паденія, дѣйствіе тѣхъ же водъ механически усиливали общую работу; одни породы растворяла вода, другія мѣнялись подъ химическимъ воздѣйствіемъ соприкасавшихся съ ними тѣлъ и жидкостей,—въ концѣ концовъ матеріалы росли и росли. Но они были превращены въ своеобразный организмъ почвы лишь при посредствѣ продуктовъ органическаго міра, преимущественно растеній. По мѣрѣ того, какъ къ измельченнымъ неорганическимъ веществамъ примѣшивались органическіе продукты отъ умиравшихъ и сгнивавшихъ организмовъ,—росли и развивались почвы. Безъ этого ингредіента, какъ безъ души, онѣ не могли существовать, какъ нѣчто индивидуальное и дѣятельное, на чемъ держалась и держится органическая жизнь и лучшія красоты земли. Такимъ образомъ, образованіе почвъ, помимо извѣстной подготовки неорганическихъ веществъ, совершалось на счетъ кругового воздѣйствія органическихъ веществъ на неорганическія и обратно. Почва питала прямо и посредственно организмы, а эти послѣдніе, перерабатывая въ своемъ біологическомъ горнилѣ неорганическіе продукты, возвращали ей органическій матеріалъ въ видѣ перегноя или гумуса. Такова общая схема образованія почвъ въ Кавказскихъ горахъ.

Въ Кубанской области встрѣчаются самыя разнообразныя почвы съ сильнѣйшимъ преобладаніемъ чернозема. Но по почвовѣденію здѣсь сдѣлано чрезвычайно мало. Не существуетъ ни классификаціи почвъ, ни свѣдѣній относительно хотя бы самаго общаго географическаго распредѣленія ихъ; не изучены ни залеганія почвъ, ни ихъ мощность, ни структура. Въ химической лабораторіи Петербургскаго университета профессоромъ Докучаевымъ были произведены анализы 43 образцовъ почвы, взятыхъ въ разныхъ мѣстахъ области; но, во первыхъ, образцы были взяты большею частію изъ степной полосы, случайно и независимо отъ распредѣленія типическихъ почвъ по области, а во вторыхъ, анализомъ установлено было лишь количество органическихъ веществъ - перегноя и потери ихъ при прокаливаніи. Полнаго количественнаго анализа кубанскихъ почвъ не сдѣлано до сихъ поръ ни одного. По крайней мѣрѣ въ литературѣ не существуетъ этого рода данныхъ, да и самая литература по мѣстному почвовѣдѣнію слишкомъ бѣдна, чтобы не сказать совершенно отсутствуетъ. Характеристику почвъ по отдѣльнымъ районамъ можно, поэтому, сдѣлать лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Несомнѣнно, что самыя древнія почвы находятся въ Закубаньѣ, хотя и не всюду самыя плодородныя. Прежде всего здѣшнія почвы могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы по залеганію—на долинныя почвы и почвы скатовъ.

Первыя отличаются особенною мощностью и плодородностью. Это въ большинствѣ случаевъ тучный, глубокій, богатый органическими веществами и отличающійся рыхлою структурою черноземъ. Двѣ причины вліяли на такой характеръ этихъ почвъ. Съ одной стороны, онѣ пережили безконечно долгій періодъ образованія, а съ другой—явились продуктомъ наносовъ, форсированныхъ, такъ сказать, условіями горной мѣстности. Въ такихъ долинахъ, какъ Загданъ и Иркизъ, находящихся на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ горами, оказываются и самыя превосходныя черноземныя почвы. Помимо того, что почвообразованіе здѣсь совершалось въ несравнимо долгіе періоды, чѣмъ, напримѣръ, на степяхъ, оно было особенно благопріятно обставлено замкнутостью долинъ и обширностью площади вывѣтриванія горныхъ породъ на скатахъ. Почвы отсюда едвали уносились въ видѣ пыли воздушными теченіями, но все, что разрушалось на окрестныхъ горахъ и смывалось водами, оставалось въ долинѣ, и такъ какъ продольныя долины пологи и съ малымъ относительно уклономъ по теченію рѣкъ, то послѣднія уносили вмѣстѣ съ своими водами меньше почвенныхъ продуктовъ, чѣмъ въ долинахъ поперечныхъ и вообще крутыхъ и покатыхъ. Хорошія черноземныя почвы находятся, поэтому, всюду въ горахъ, гдѣ условія ихъ залеганія приближаются къ условіямъ почвообразованія продольныхъ долинъ какъ напримѣръ, въ горныхъ котловинахъ и по горизонтальнымъ замкнутымъ террасамъ склоновъ.

Еще большею тучностью и глубиною залеганія отличаются почвы въ нижнихъ теченіяхъ рѣкъ. Здѣсь наносы почвъ достигаютъ иногда поразительной толщины. Но тутъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, почвы варьируютъ по своимъ качествамъ, черноземъ перемежается съ глинистыми или сильно щебнистыми и песчаными почвами. Только тамъ, гдѣ рѣчныя долины настолько повысились, что никогда не заливаются ближайшими рѣками при половодьѣ, почвы однообразны до извѣстной степени и отличаются богатою производительностью. Образцомъ этого рода почвъ считаются почвы, покрывающія рѣдкую въ хозяйственномъ отношеніи долину между устьями Бѣлой и Лабы въ нижнемъ ихъ теченіи. Почти отъ Майкопа и до Кубани, въ особенности возлѣ станицы Гіагинской, здѣсь залегаетъ самый тучный и плодородный въ области черноземъ.

Иным характеромъ отличаются почвы скатовъ. Онѣ занимаютъ несравненно большую площадь, чѣмъ долинныя почвы, потому что общая площадь горныхъ скатовъ значительно превышаетъ общую площадь долинъ. Почвы, расположенныя по скатамъ горъ, отличаются далеко меньшею мощностью, чѣмъ долинныя; онѣ залегаютъ тонкимъ слоемъ на каменистыя въ большинствѣ случаевъ основанія подпочвы. Чѣмъ круче обыкновенно скатъ, тѣмъ тоньше почвенный слой. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ такимъ наиболѣе тонкимъ почвеннымъ покровамъ чаще примѣшиваются камень и щебень, какъ продукты разрушенія горныхъ породъ, расположенныхъ выше ихъ. По мѣрѣ приближенія къ вершинамъ горъ, почвы становятся все каменистѣе и каменистѣе, пока не переходятъ въ голыя скалы. Точно также, по мѣрѣ опусканія скатовъ и отлогости ихъ, наростаютъ слои почвъ. Смотря по характеру подстилающихъ почву подпочвенныхъ породъ, чистый черноземъ часто переходитъ то въ суглинистый, то въ щебнистый и хрящеватый, то очень рѣдко въ песчаный. Почвенныя варіаціи въ этомъ отношеніи разнообразны, и наряду съ почвами скатовъ всегда находится масса неудобныхъ земель.

Въ нижнихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ встрѣчаются болотныя и торфяныя почвы. Особенно замѣчательна площадь этого рода почвъ по устьямъ тѣхъ рѣкъ, которыя не доходятъ до Кубани, а теряются на ея поемныхъ пространствахъ. Таковы концы долинъ большинства горныхъ рѣкъ, несущихъ свои воды по направленію къ Кубани на протяженіи между устьемъ рѣки Афипса и Чернымъ моремъ. Но и выше Афипса, до самой Бѣлой кубанская долина изобилуетъ болотными почвами, сильно заросшими, какъ и всюду, камышами, кугой и другими болотными растеніями.

Наконецъ, въ Закубаньѣ есть почвы лѣсныя, богатыя слабо переработанными продуктами органическихъ разложеній. Объ области распространенія этого рода почвъ и характерныхъ ихъ особенностяхъ нѣтъ однако никакихъ данныхъ.

Меньше разнообразія представляютъ почвы Новой или Лабинской Линіи. Благодаря однообразному характеру долинъ, образованныхъ рѣками Лабой, Урупомъ и Зеленчуками, здѣсь болѣе или менѣе однообразны и почвенныя наслоенія. Преобладающею почвою является черноземъ того же типа, что и черноземъ Лабинской долины; но такихъ прекрасныхъ черноземовъ, какъ въ районѣ земель ст. Гіагинской и Келермесской, здѣсь мало, и въ общемъ почвы по своимъ качествамъ ниже, чѣмъ въ названной долинѣ. Здѣшній черноземъ чаще переходитъ въ суглинистый. Мѣстами попадаютъ каменисто-щебнистыя почвы по верхнему теченію

рѣкъ. Еще рѣже встрѣчаются слабо супесчаныя почвы. Подпочва чаще всего состоитъ изъ глинъ и наносныхъ образованій. Рѣже она камениста или наносная изъ щебня и гальки. Но въ общемъ черноземныя почвы Лабинскаго района принадлежатъ къ числу лучшихъ почвъ въ области, дающихъ превосходные урожаи разныхъ хлѣбовъ.

По теченію рѣкъ и въ нижнихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ, при сліяніи ихъ съ Кубанскою равниною, попадаются болотныя почвы съ характерными зарослями камыша и другихъ болотныхъ растеній. Площадь этихъ почвъ однако не велика и распространены онѣ мѣстами, спорадически. Чѣмъ выше мѣстность по теченію рѣки Кубани, тѣмъ рѣже и на меньшихъ площадяхъ встрѣчаются болотныя почвы, но на ряду съ этимъ чаще перемежаются наносныя песчаныя почвы и даже небольшія площадки песковъ.

Но по лѣвому берегу рѣки Лабы, въ нижнемъ ея теченіи, небольшими площадками разбросаны солончаки и почвы съ значительною примѣсью солей.

На Старой Линіи, по правую сторону Кубани, начинается уже область распространенія степныхъ почвъ. Степными почвами называютъ часто и почвы Лабинскаго района. По внѣшнему виду онѣ дѣйствительно очень напоминаютъ типъ степныхъ почвъ. Но въ образованіи почвъ, расположенныхъ по лѣвую сторону Кубани, участвовали такіе могучіе дѣятели, какъ горныя рѣки, и одно уже это обстоятельство должно наложить существенныя различія на степныя почвы и почвы лѣвобережнаго прикубанья. Въ этомъ отношеніи и Старую Линію можно раздѣлить на двѣ части—на степную и возвышенную. Въ первой части, начиная со станицъ Воронежской и Тихорѣцкой и до станицъ Темижбекской и Ново-Александровской, залегаютъ почвы степного типа. Это черноземы чистые и очень рѣдко слегка суглинистые, съ глинистой подпочвой, хорошо задерненныя и скрѣпленныя степными растеніями, и лежащія почти на горизонтальныхъ площадяхъ, съ очень слабымъ уклономъ преимущественно къ сѣверо-западу.

Отсюда, выше ст. Новотроицкой, начинается постепенный переходъ мѣстности въ Ставропольскую возвышенность. Вмѣстѣ съ повышеніемъ мѣстности и измѣненіями геологическими мѣняются и почвы. Здѣсь все чаще и чаще чистый черноземъ переходитъ въ суглинистый. Въ районѣ ст. Рождественской, Каменнобродской, Новомарьевской и Сенгилѣевской довольно распространены щебнистыя и каменистыя почвы. Мѣстами выступаютъ здѣсь на дневную поверхность песчаники третичной формаціи. По крутымъ оврагамъ и рѣчкамъ встрѣчается въ обиліи валунный камень и галька. Та-

кой характеръ удерживаютъ почвы и дальше по направленію къ Барсуковской и Воровсколѣсской станицамъ. Только въ долинѣ между Кубанью и Кумой, у ст. Баталпашинской, Суворовской и Бекешевской, почвы улучшаются, появляется долинный черноземъ и его суглинистыя варіаціи. Тутъ же, преимущественно на Баталпашинскихъ земляхъ, разбросаны солонцы и небольшія площадки сильно солончаковыхъ почвъ.

Наконецъ, по правому крутому берегу, между ст. Ладожской и Кавказской, а также выше и ниже Усть-Лабы, попадаются песчанистыя почвы, часто съ мощными залежами песковъ ниже подпочвы. Это несомнѣнные слѣды дѣятельности Кубани въ отдаленныя историческія эпохи.

Но особенно замѣчательный въ почвенномъ отношеніи районъ представляетъ Черноморія. Обширныя ея равнины, за исключеніемъ Таманскаго полуострова, покрыты исключительно степными почвами, несомнѣннымъ продуктомъ самыхъ позднѣйшихъ образованій. Степныя почвы Черноморіи—глубокій и тучный черноземъ, залегающій всюду болѣе или менѣе равномѣрнымъ по мощности пластомъ. Средняя его глубина отъ $^3/_4$ до 1 аршина, но есть мѣста особенно глубокаго наслоенія, доходящаго до $1^1/_2$ и 2 аршинъ. Такіе глубокіе черноземы примыкаютъ къ правому берегу Кубани. Особенно замѣчателенъ по своей мощности черноземъ на земляхъ ст. Пашковской, г. Екатеринодара и въ самомъ Екатеринодарѣ. Мѣста болѣе тонкаго залеганія чернозема находятся на низинахъ Азовскаго побережья, особенно тамъ, гдѣ явственны слѣды отступившаго моря. Отсюда слой чернозема постепенно наростаетъ и быстро затѣмъ переходитъ въ наслоенія той средней мощности, которою характеризуются степи Черноморіи. Преобладающею или, вѣрнѣе, исключительно однообразною подпочвою на всемъ пространствѣ степей служатъ лессовидныя глины, однообразныя по составу, по строенію и окраскѣ. Онѣ залегаютъ мощными пластами отъ 50 до 70 футовъ, отличаются отсутствіемъ слоистости, легко обваливаются по вертикальнымъ плоскостямъ и изобилуютъ массою мергелистыхъ или песчанистыхъ гнѣздъ неправильной формы, безпорядочно разбросанныхъ по глинистымъ отложеніямъ. Такимъ образомъ, степные черноземы отличаются однообразіемъ, какъ по внѣшнему своему расположенію, такъ и по характеру подпочвы.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти общія черты степныхъ черноземовъ, они мѣняются и варьируютъ по разнымъ мѣстностямъ. Различіе сказывается прежде всего на окраскѣ чернозема. Есть указанія на нѣкоторую схематичность окраски чернозема, общую для всей степи. По этой схемѣ «цвѣтъ чернозема съ глубиною очень скоро переходитъ въ темно-

каштановый, а затѣмъ въ желтоватый и желтый». По мѣрѣ углубленія и строеніе чернозема становится все болѣе и болѣе трубчатымъ. Все это, въ связи съ присутствіемъ въ черноземѣ постороннихъ, большею частью блестящихъ частинекъ, указываетъ на смѣсь чернозема съ эоловыми осадками, т. е., съ пылью, приносимой восточными и сѣверо-восточными вѣтрами изъ Азіи. Если сама по себѣ теорія такого образованія степного чернозема и имѣетъ основанія, то указанная схема окраски его могла бы быть обоснована лишь на массовыхъ изысканіяхъ чернозема, чего не было въ Кубанской области и въ поминѣ. Въ дѣйствительности же наружная окраска чернозема мѣняется въ разныхъ частяхъ Черноморіи, до извѣстной степени обособленныхъ или во всякомъ случаѣ лежащихъ въ различныхъ мѣстахъ. Темные черноземы преобладаютъ въ южной части Черноморіи, свѣтлые — въ сѣверной. Какую-либо общую разграничительную линію въ этомъ отношеніи трудно уловить, но чистые черные черноземы тянутся по направленію къ Кубани, а свѣтлые залегаютъ, главнымъ образомъ, въ прейскихъ степяхъ и по направленію къ городу Ейску.

Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится обычное, существующее въ самомъ населеніи дѣленіе черноземовъ на чистые — «черную землю» и глинистые — «глееватую землю». Приейскія степи и Ейскій полуостровъ считаются у казаковъ областью суглинистыхъ черноземовъ, а прикубанскія мѣста, съ прилегающею къ нимъ широкою полосою степей — районъ чистыхъ черноземовъ. Этого мало. Различіе это населеніе переноситъ и на производительность почвъ. Приейскія степи даютъ менѣе буйную и обильную растительность, чѣмъ прикубанскія. Есть, наконецъ, еще одинъ фактъ, хорошо извѣстный въ хлѣботорговлѣ и очень точный, потому что онъ взвѣшивается на вѣсъ золота. Въ сѣверо-восточной части приейскихъ степей, примѣрно къ востоку отъ Владикавказской желѣзной дороги и по направленію къ Медвѣженскому уѣзду, Ставропольской губерніи, залегаютъ свѣтлые черноземы съ слабыми примѣсями супесчанистыхъ отложеній. По своему внѣшнему цвѣту и по составу черноземы эти замѣтно отличаются отъ чистыхъ прикубанскихъ черноземовъ, но что особенно важно, такъ это то, что тѣ и другіе черноземы, при однихъ и тѣхъ же атмосферныхъ условіяхъ, даютъ какъ различные по качеству хлѣба, такъ и различное количество ихъ. На прикубанскихъ черноземахъ хлѣба родится больше, чѣмъ на приейскихъ, но хлѣба въ первомъ случаѣ всегда бываютъ сороватѣе, чѣмъ во второмъ. А главное, строеніе зерна оказывается на обоихъ видахъ чернозема совершенно различнымъ. Приейскіе хлѣба свѣтлѣе по окраскѣ, кристалличнѣе

по строенію и облекаются въ тонкую кожицу; прикубанскіе хлѣба, на оборотъ, темнѣе или сѣрѣе цвѣтомъ, рыхлѣе по строенію и отличаются большею толстокожестью. Первые хлѣба даютъ, поэтому, болѣе высокаго качества муку, чѣмъ вторые. Сообразно съ этимъ, различно расцѣниваются и на рынкѣ тотъ и другой видъ пшеницъ. При одной и той же натурѣ, приейскія пшеницы всегда бываютъ на 12 и 15% дороже сравнительно съ прикубанскими. Такимъ образомъ, приейскіе хозяева выигрываютъ на качествѣ хлѣба, а прикубанскіе—на количествѣ. Фактъ, во всякомъ случаѣ, указывающій на различіе степныхъ почвъ, находящихся въ различныхъ частяхъ степей.

Таманскій полуостровъ, отличный отъ остальныхъ степей Черноморіи по геологическому строенію, отличается и по характеру почвъ. Тутъ преобладаютъ сильно песчанистыя почвы, переходящія у самой Тамани въ движущіеся пески. Подпочва большею частью также состоитъ изъ песковъ. Супесчаные черноземы Таманскаго полуострова не имѣютъ той мощности, какою характеризуются степныя почвы Черноморіи. Глубина ихъ колеблется между ¼ и ¾ аршина и рѣдко достигаютъ 1-го аршина. Тѣмъ не менѣе составъ Таманскихъ черноземовъ, въ которомъ участвуютъ и илистыя изверженія сопокъ, отличается превосходною производительностью. Полныхъ неурожаевъ здѣсь почти не бываетъ, и легкіе черноземы Тамани для нѣкоторыхъ культуръ, какъ напр., для арбузовъ и дынь, считаются лучшими почвами не только въ области, но и на всемъ югѣ Россіи.

Отъ Тамани и по направленію къ Ейску почти все приморское пространство узкою полосою покрыто песчанистыми сѣрожелтаго цвѣта почвами. Почвы эти связаны морскимъ иломъ и глиною и не даютъ движущихся песковъ. Но тутъ же рядомъ съ этою полосою почвъ, еще на большемъ пространствѣ тянутся почвы солончаковыя, несомнѣный продуктъ отступившаго моря. Слѣды отступившаго моря наблюдаются здѣсь въ рядѣ соляныхъ озеръ и лимановъ, во всевозможныхъ видахъ солонцовъ, начиная отъ голыхъ, лишенныхъ всякой растительности площадокъ и оканчивая круговинками и лентами, густо покрытыми сочно-зелеными солянками, и, наконецъ, въ солончаковыхъ почвахъ, составляющихъ переходъ отъ моря къ степи. Почвы эти до сихъ поръ еще не выщелочены и заключаютъ въ себѣ довольно значительный процентъ солей. Легкіе магнезіальныя соли часто выступаютъ наружу въ видѣ бѣлаго налета. Такія же солончаковатыя почвы встрѣчаются и по Кугоейской степи, т. е. въ мѣстности, ближайшей къ обширнымъ солончакамъ Манычской долины, когдато соединявшей Черно-Азовское и Кас-

пійское моря. Такимъ образомъ, въ образованіи степныхъ почвъ, кромѣ другихъ факторовъ, участвовало и море.

Относительно происхожденія степныхъ почвъ существуетъ предположеніе, отличающееся оригинальностью и имѣющее за собою нѣкоторыя фактическія доказательства. Л. Я. Апостоловъ, авторъ «Географическаго очерка Кубанской области», характеризуя послѣтретичныя образованія степей, пришелъ, на основаніи особенностей строенія верхнихъ лессовидныхъ пластовъ глины, къ тому выводу, „что главнымъ факторомъ, образовавшимъ мощную толщину Кубанскихъ (степныхъ) наносовъ, слѣдуетъ признать атмосферную пыль, приносимую восточными вѣтрами изъ пустынь Азіи". Такой выводъ согласуется съ цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ —съ строеніемъ лессовидныхъ глинъ, съ присутствіемъ подобныхъ же отложеній на днѣ Азовскаго моря, съ преобладаніемъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ надъ западными и юго-западными, съ частыми случаями насыщенія при восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ атмосферы густою пылью на громадныхъ пространствахъ и въ теченіе значительныхъ промежутковъ времени и, наконецъ, съ общими научными основаніями о важномъ значеніи атмосферной пыли въ лессовидныхъ образованіяхъ, блестяще обоснованными профессоромъ Мушкетовымъ. Если исключить нѣкоторыя преувеличенія г. Апостолова, утверждающаго, что „почти каждая частица Кубанской степи принесена изъ Азіи сѣверо-восточнымъ вѣтромъ", то несомнѣнно, что высказанное имъ предположеніе имѣетъ значительную долю вѣроятія, хотя и требуетъ болѣе точнаго и всесторонняго обслѣдованія вопроса. Но въ такомъ случаѣ, допуская, что въ образованіи степныхъ черноземовъ имѣла рѣшающее значеніе атмосферная пыль, этимъ нельзя, конечно, исключать дѣятельности воды, температуры, механическихъ, физическихъ, химическихъ и біологическихъ процессовъ, безъ которыхъ не мыслимо образованіе почвы, какъ извѣстнаго пластическаго соединенія измельченныхъ неорганическихъ веществъ съ продуктами органическихъ разложеній.

Почвы, какъ извѣстно, естественный и единственный, послѣ моря и водъ, проводникъ органической жизни. Безъ нихъ на поверхности земли негдѣ было бы прилѣпиться ни растеніямъ, ни животнымъ организмамъ. И та же исторія земли, геологія, установила прочно фактъ воспріятія почвой растительныхъ организмовъ прежде, чѣмъ появились на ней животные. Разумѣется, Кавказъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Кубанская флора представляетъ поразительное разнообразіе растительныхъ формъ, видовъ и разновидностей. Въ

этомъ отношенiи область можно подраздѣлить прежде всего на двѣ части—на горную и степную. Тамъ и здѣсь это разнообразiе сказывается въ характерѣ господствующей растительности, но горы имѣютъ громадное преимущество. Въ горныхъ мѣстахъ, съ преобладанiемъ лѣсной растительности, встрѣчаются всевозможные виды растенiй горныхъ, долинныхъ и степныхъ. Степи же покрыты исключительно степными травами и растенiями, при полномъ почти отсутствiи лѣса. Такимъ образомъ, настоящимъ царствомъ растительности оказывается собственно горная часть Кубанской области.

Слѣдуя сверху внизъ, отъ вершинъ горъ къ ихъ скатамъ, горныя площади по характеру растительности можно разбить на нѣсколько поясовъ.

Первый верхнiй поясъ—это поясъ вѣчныхъ снѣговъ. Онъ тянется отъ Эльбруса и снѣжныхъ вершинъ смежнаго съ нимъ главнаго хребта до г. Оштена, съ юго-востока на сѣверо-западъ. Въ этомъ же направленiи постепенно спускается и снѣжная линiя. У Эльбруса она доходитъ до 10,000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ верховьяхъ Лабы понижается до 9,200 футовъ, а у Оштена до 9,000 футовъ. Само собою разумѣется, что въ области снѣговъ нѣтъ мѣста ни для какой растительности. Но тамъ, гдѣ соприкасается снѣжная линiя съ линiей таянiя снѣговъ или гдѣ обнажаются вообще горныя вершины, на голыхъ и обнаженныхъ отъ снѣга скалахъ появляется уже и растительность. Достаточно солнцу пригрѣть въ теченiе нѣкотораго времени скалу, образоваться на ней нѣсколькимъ пылинкамъ, могущимъ давать пищу растительности, какъ появляется и эта послѣдняя. Но она еще чахла по виду, не сложна по строенiю, не бросается въ глаза красотою своихъ формъ. Это исключительно мхи и лишаи. Кромѣ ихъ въ снѣжной полосѣ нѣтъ другой растительности, да и сами они являются даже не маленькими оазисами, а пятнами, крапинками на горныхъ великанахъ.

Вторую и слѣдующую за первой полосу представляетъ поясъ альпiйскихъ луговъ. Границы его находятся между линiей вѣчныхъ снѣговъ и ниже до 7090 футовъ высоты надъ уровнемъ моря въ восточной части хребта и до 5,500 футовъ въ части западной. Непосредственно за линiей постоянныхъ снѣговъ по скаламъ вершинъ попадаются лишь мхи и лишаи. Еще ниже появляется тощая крохотная травка, растущая въ теченiе короткаго лѣта, 2 или 2½ мѣсяцевъ. Тутъ уже встрѣчаются подснѣжники и колокольчики, и крошечная растительность украшается съ iюня цвѣтами ихъ. Далѣе слѣдуетъ собственно область луговъ, но обычные спутники луговъ—незабудки, одуванчики, герани, генцiаны и т. п.—не имѣютъ еще надлежащаго роста. Это карлики

даже между травами, дающіе однако обиліе цвѣтовъ. Свѣтло-синіе колокольчики здѣсь растутъ такъ густо, что отъ нихъ цѣлые склоны горъ кажутся окрашенными въ синій цвѣтъ.

Но еще ниже, при большемъ обиліи свѣта и теплоты, при большей продолжительности вегетативнаго періода, растенія получаютъ свой нормальный ростъ, и мѣстность превращается въ роскошные луга. Отсюда и начинается собственно область альпійской растительности, дающей необыкновенно обильный, питательный кормъ животнымъ и блещущей ослѣпительными красками самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Трудно представить себѣ, до чего красивы, художественно живописны бываютъ эти покровы альпійскихъ пастбищъ. Тутъ стелются и сплетаются, чередуются и разсыпаются то длинными лентами и полосами, то круглыми пятнами и зубчатыми площадками «анемоны съ красивыми, круглыми, бѣлыми и розовыми цвѣтами, бѣлыя, розовыя и фіолетовыя примулы, голубыя, крупныя незабудки, лиловые колокольчики, пышные цвѣты бѣлаго и розоваго клевера, фіолетовыя астры, палевыя и блѣдно-голубыя скабіозы, лиловыя фіалки, темно-синіе генціаны, бѣлые, палевые крупно-цвѣтные кавказскіе васильки, желтые одуванчики, розовые полигонумы, желтыя и розовыя буквицы, розовыя и бѣлыя ромашки, лиліи» и безчисленное множество другихъ цвѣтовъ.

Таковы альпійскіе луга, которыми пользовались когда-то горцы и на которыхъ продолжаютъ выпасывать свой скотъ карачаевцы и немногіе оставшіеся на Кавказѣ представители многочисленнаго племени Адиге. Здѣсь же на лугахъ, въ нижнихъ ихъ частяхъ и выше, прочно укрѣпились и представители древесной растительности; но, подобно травамъ въ верхнихъ частяхъ пояса, представители эти чахлы, карликообразны. Можжевельники низкорослы, береза корява и миніатюрна, какъ гдѣ-нибудь на сѣверѣ въ Лапландіи, колючіе астрагалы невзрачны, неказисты, точно неудачники, и лишь одни рододендроны, не теряющіе своей вѣчно-зеленой окраски, напоминаютъ лучшія формы древесной растительности.

За альпійскими лугами начинается область лѣсовъ. Первоначально Кавказскія горы, какъ бы копируя крайній сѣверъ Россіи, даютъ мѣсто хвойной растительности. Это поясъ хвойныхъ лѣсовъ. Границы его находятся между 4000 и 7000 футовъ надъ уровнемъ моря въ восточной части хребта и между 3000 и 5500 футами на западѣ его. Но Кавказъ тутъ проявляетъ свои особенности. Поясъ покрытъ не сплошь хвойными лѣсами, а въ перемежку съ лиственными породами, и хвойныя являются только преобладающими. Начиная съ востока отъ Эльбруса, растетъ исключительно кавказская

сосна; далѣе къ западу сосна начинаетъ постепенно уступать мѣсто ели и пихтѣ; ель распространена главнымъ образомъ въ верховьяхъ Большой и Малой Лабы; еще западнѣе у Оштена и за нимъ тянутся лѣса исключительно пихтовые, ели здѣсь совсѣмъ нѣтъ, а сосна попадается лишь изрѣдка, спорадически. Всѣ виды хвойнаго лѣса представляютъ могучую и величественную растительность, которой, благодаря отдаленности отъ поселеній и недоступности, не коснулась еще рука человѣка. Деревья вообще высокаго роста и отличаются прямизной. Пихты достигаютъ свыше 100 аршинъ роста и имѣютъ три и четыре обхвата въ окружности. Въ долинахъ Иркизъ и Загданъ хвойныя имѣютъ до 330, до 500 и даже болѣе годичныхъ слоевъ. Но здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, между этими великанами протискиваются представители лиственныхъ лѣсовъ—береза и осина, обычные спутники хвойныхъ, и въ другихъ мѣстахъ—ольха, кленъ, вязъ и даже дубъ. Въ чащѣ хвойныхъ лѣсовъ растутъ брусника и малина, какъ бы роднящія эту часть Кавказа съ сѣверными хвойными лѣсами, а также земляника, бузина, жимолость, калина и проч. Изъ 233,735 десятинъ, находящихся въ Кубанской области подъ хвойными лѣсами, 123,735 десятинъ принадлежитъ казнѣ и 110,000 десятинъ войску.

Но настоящія моря древесной растительности начинаются съ пояса лиственныхъ породъ. Это самый обширный поясъ кавказскихъ лѣсовъ. Сверху, отъ хвойной растительности, его границы можно провести приблизительно отъ горы Бермамытъ у восточной части Эльбруса, чрезъ устье рѣки Худесъ, аулъ Джалыкъ, Зеленчукскій монастырь, гору Нахширъ, Шахгиреевское ущелье, по Малой Лабѣ, пониже горы Тхачъ на Хамышки и селеніе Темный лѣсъ, а отсюда къ подножію Оштена чрезъ селеніе Перевальное до селенія Хребтоваго. Нижнія же границы лиственнаго лѣсного пояса образуются переходомъ рѣчныхъ долинъ въ степныя. Приблизительно эта линія тянется отъ города Темрюка, чрезъ Красный лѣсъ, на Екатеринодаръ и отсюда до устья рѣки Бѣлой, гдѣ она поднимается къ Майкопу, дѣлаетъ поворотъ мимо станицы Кужорской на станицу Владимірскую и далѣе чрезъ ст. Отрадную на Баталпашинскъ и ст. Бекешевскую. И ниже этой линіи встрѣчаются еще лѣсныя заросли, даже по правую сторону рѣки Кубани, но это лишь отдѣльныя звѣнья и оазисы, разбросанные на широкомъ пространствѣ травянисто-степной растительности.

По величинѣ роста, качеству матеріаловъ лиственные лѣса понижаются въ цѣнности и рѣдѣютъ по мѣрѣ того, какъ опускаются скаты горъ. Собственно сплошные лиственные лѣса находятся лишь въ верхней части пояса; ниже лѣса пр-

чинаютъ переходить въ лѣсныя заросли и, на ряду съ послѣдними, все чаще и чаще и большими площадями попадаются безлѣсныя поляны, покрытыя травами, а у станицъ переходящія въ пахатныя поля. Такимъ образомъ, между настоящими лиственными лѣсами и лѣсными зарослями тоже существуетъ своя разграничительная черта. Такую линію можно провести отъ станицы Нижне-Баканской и на 10 верстъ южнѣе станицъ Неберджаевской, Ахтырской, Азовской, черезъ ст. Калужскую на Ключевую, Бжедуховскую, Бѣлорѣченскую, г. Майкопъ, ст. Кужорскую, Махошевскую, Баракаевскую, Баговскую, Псебайскую, Андрюковскую, Преградную, аулъ Сенты и р. Яманколъ. Въ послѣднее время и выше этой линіи топоръ съ пилой да предательскія руки человѣка стали нехозяйственно опустошать вѣковые лѣса и низводить ихъ на степень зарослей; но указанная линія составляетъ, такъ сказать, старую историческую границу лѣса съ мелколѣсьемъ.

Сверху лиственные лѣса начинаются величественными и густыми пространствами чинара и кавказскаго бука. Пирамидальные отъ густоты и стройные, какъ свѣчи, стволы чинаровъ достигаютъ 100 и свыше аршинъ высоты. Но лѣса эти не эксплоатируются и только бури, въ обиліи вырывающія съ корнемъ великаны-деревья, время отъ времени разрѣжаютъ ихъ. Въ этой же области, не ниже 2000 футовъ надъ уровнемъ моря, распространены береза и осина, еще ниже растетъ остролистный кленъ, не спускающійся ниже 1000 футовъ, а далѣе ясень, грабъ, берестъ или карагачъ, липа и обыкновенный кленъ, и еще далѣе по низинамъ у водъ—ольха, черноольха, верба, красавица бѣлолистка или серебристый тополь и проч. Но царемъ всей здѣшней растительности является дубъ. Это самое распространенное въ горахъ дерево. Представляя по своимъ строительнымъ качествамъ нѣсколько разновидностей, въ зависимости отъ положенія на высотахъ и въ низинахъ, дубъ образуетъ цѣлые сплошные лѣса, покрывая всѣ предгорья и отроги и спускаясь на низы до уровня моря. При густотѣ деревьевъ дубы превращаются въ высокоствольные великаны, дающіе громадные, болѣе 30 аршинъ, бревна въ 6 вершковъ въ отрубѣ съ верхняго конца. Одиноко растущіе старые дубы образуютъ собою цѣлую рощу кудрявыхъ и далеко въ разныя стороны раскинутыхъ вѣтвей, подъ тѣнью которыхъ могутъ укрыться цѣлыя стада животныхъ.

Къ числу рѣдкихъ и декоративныхъ растеній относится въ этомъ поясѣ кавказская пальма или самшитъ, растущая не ниже 1500 футовъ надъ уровнемъ моря и достигающая аршинъ пяти въ вышину и въ руку толщиною. Здѣсь же

часто встрѣчаются радодендроны, съ очень красивыми темно-лиловыми и красновато-фіолетовыми цвѣтами, попадается затѣмъ падубъ, съ зелено-блестящими и колючими листьями, очень рѣдко лавръ и негной-дерево или восточная туя. Лѣсные жасмины лѣпятся по солнечнымъ каменистымъ мѣстамъ.

Выдающуюся же характерную особенность пояса лиственныхъ лѣсовъ представляетъ необычайное обиліе плодовыхъ деревьевъ. Это частію оставшіеся черкесскіе сады, а частію дары природы. Наиболѣе распространены груша, яблоня, слива. Груши тянутся часто обширными сплошными лѣсами, окружаютъ кольцевидными лентами станицы и быстро распространяются по открытымъ полянамъ. Яблоня и слива, или точнѣе, лыча, желтая черкесская слива, встрѣчается группами и садами. Произрастаютъ также дикая черешня, орѣхъ въ двухъ видахъ—грецкій и лещина, каштанъ, кизилъ, дикій виноградъ, тернъ, мушмула, калина и всевозможныя ягоды—малина, смородина, крыжовникъ, брусника, черника и проч. Цѣлыя рощи каштановъ сохранились по рѣкамъ Гогопсѣ, Бѣлой и Сохраѣ. Въ бассейнѣ р. Бѣлой попадается также цѣлыми рощами и грецкій орѣхъ. Собственно же черкесскіе сады распространены повсюду. Особенно много сохранилось черкесскихъ садовъ въ долинахъ рѣчекъ—Цеце съ Серебрячкой и Гогопса, притоковъ рѣки Пшехи.

Общее количество лѣсовъ въ области занимаетъ громадную площадь въ 1,906,873 десятинъ, изъ которыхъ 1,118,000 десятинъ или 58,7% принадлежитъ войску, 620,879 дес. или 33% казнѣ и 159 994 дес. или 8,3% частнымъ лицамъ и обществамъ.

Что касается травянистыхъ растеній, встрѣчающихся въ поясѣ лиственнаго лѣса, то поляны, оставшіяся послѣ горцевъ въ видѣ роскошныхъ травъ и блещущей цвѣтами дикой растительности, превращены населеніемъ въ пашни, и дикія растенія уступили мѣсто частію хлѣбамъ, а частію бурьяну и сорнымъ травамъ. Отличительная же особенность послѣднихъ заключается въ буйномъ ростѣ и необыкновенныхъ размѣрахъ. Лопухи въ 3 и 4 аршина ростомъ даютъ листья въ аршинъ въ діаметрѣ, папоротники бываютъ въ сажень вышиною, а борщевникъ до 2-хъ саженей и выше, причемъ его пустые внутри стволы имѣютъ до 3 вершковъ толщины въ діаметрѣ. Мѣстами по рѣкамъ сохранились еще превосходные луга, дающіе обильные укосы травъ. Сѣнокосныя мѣста съ чисто степными кормовыми травами попадаются изрѣдка по долинамъ между Бѣлой и Лабой и Лабой и Урупомъ.

Всю остальную часть Кубанской области можно разбить на два пояса—на поясъ собственно степной растительности, самый обширный, и на область растительности болотной.

За степями однако остались одни названія. Прежнихъ степей на Кубани нѣтъ. Онѣ сохранились лишь въ описаніяхъ поэтовъ да въ воспоминаніяхъ старыхъ казаковъ, уходящихъ въ могилы. Безпредѣльныя прикубанскія степи давно уже покрыты хлѣбами и ихъ неизбѣжными спутниками — сорными травами. Тѣмъ не менѣе по старымъ признакамъ и воспоминаніямъ можетъ еще быть возстановлена общая картина степной растительности.

Кубанскія степи на всемъ своемъ огромномъ протяженіи принадлежали къ чистѣйшему типу ковыльныхъ степей, такихъ степей, которыя еще встрѣчаются только въ Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областяхъ. Тучныя почвы степей въ ту пору были покрыты и задернены наиболѣе распространенной подстилкой степной растительности, шелковою овечью овсяникою; всюду, куда достигаетъ глазъ, бѣлѣли своими еще болѣе шелковистыми султанами ковыли, торчала тырса и волновались всевозможныя травы—пырей, горошекъ, «буркунъ» или дикая люцерна, «кашка» или клеверъ, вика, тимофеевка и т. д. Степи производили массу кормовой растительности, давали громадные урожаи травъ и представляли животнымъ неистощимый запасъ пастбищъ. Когда казакъ верхомъ на конѣ выѣзжалъ весною на степной курганъ, чтобы высмотрѣть оттуда лучшія мѣста для сѣнокоса, передъ нимъ буквально таки волновалась во всѣ стороны степь, какъ море, и ея волны шли одна за другою съ такими интервалами и размѣренностью, какъ на гладкой поверхности лимановъ. А когда всадникъ опускался въ эти волны степной растительности, то издали видны были лишь часть туловища всадника и голова лошади. Травы были не только обильны, но и мощны по росту.

Мѣстами степи переходили въ мелкія поросли древесной растительности. Орѣшникъ или дикій миндаль кругами и цѣлыми полянами покрывалъ травы, а при цвѣтеніи превращалъ степь въ горящую нѣжными розовыми колерами и переливами мѣстность. Высокій и колючій терновникъ образовывалъ совершенно непроходимыя заросли своего рода степного лѣса. По балкамъ и низинамъ небольшими площадками проростала дереза желтая и красивая въ періодъ цвѣтенія, и мягкая, зеленая въ остальную пору лѣта. Рѣже на берегахъ рѣкъ и по глубокимъ балкамъ встрѣчались небольшія куртины настоящей древесной растительности. Но здѣсь, какъ и всюду, господствующій покровъ степи составляли всевозможныя травы, которыя то зеленѣли и пестрѣли цвѣтами, то превращались руками человѣка въ многочисленные стога и копны.

Теперь отъ этихъ классическихъ степей почти ничего

не осталось. Только въ глухихъ мѣстахъ, какъ у ст. Суворовской или по Кугоѣ, можно еще наблюдать такъ называемые степные сѣнокосы. Это именно сѣнокосы, а не степи, какими они были во времена заселенія края казаками и преобладанія скотоводства въ хозяйствѣ казака. Въ замѣнъ степной растительности въ настоящее время всюду культивируются хлѣба Направленіе хозяйственной дѣятельности приняло односторонній характеръ. Въ степи все превращается въ зерно. Чрезмѣрныя распашки начинаютъ истощать землю и, рядомъ съ золотистыми хлѣбами, все болѣе и болѣе начинаетъ развиваться сорная, заглушающая все, растительность. Колючій курай сплошнымъ покровомъ покрываетъ нивы послѣ того, какъ съ нихъ снимутъ хлѣбъ. Всевозможные бурьяны—чертополохъ, сычакъ, деревей, лебеда, полынь, блекота, лопухъ, чернобыльникъ и т. п.—вытѣсняютъ кормовую растительность, а осотъ и овсюки мѣстами превратились въ настоящіе бичи полезныхъ растеній, заглушая и вытѣсняя ихъ. Не меньшее зло заключается въ томъ, что отъ частыхъ, не глубокихъ и непомѣрныхъ распашекъ почвы верхнія ея пласты на столько разрыхлены и открыты, что даютъ громадный матеріалъ для пыли, переполняющей атмосферу и покрывающей сплошнымъ налетомъ растительность. Отъ этого послѣдняя еще болѣе ухудшается, и если вѣрна теорія эоловыхъ теченій, то не грозитъ ли Кубанскимъ степямъ отъ такого отношенія людей къ растительности, та печальная участь, какая постигла уже среднеазіатскія степи, обратившіяся въ пустыни?

Болотная ристительность не охватываетъ одной какой-либо опредѣленной мѣстности. Она является какъ бы дополненіемъ степной, травянистой, и появляется на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя при низкомъ уровнѣ или удерживаютъ въ подпочвѣ влагу, или періодически обводняются, или наполнены стоячей водой. Такимъ образомъ, по Кубани, по морскому побережью, усѣянному лиманами и озерами, по степнымъ рѣкамъ, по крутымъ балкамъ и степнымъ падинамъ—всюду непремѣннымъ спутникомъ является и болотная растительность. Преобладающія растенія болотной полосы представляютъ камыши, осока и куга. Камышами часто, какъ по Кубани и лиманамъ, покрыты бываютъ десятки квадратныхъ верстъ, камышами заросли на всемъ своемъ протяженіи степныя рѣки то окаймленныя ими по берегамъ, то закрытыя сплошь, камышами затѣняются степныя балки и падины; и всюду, гдѣ они растутъ, ихъ сопровождаютъ осока и куга. Мѣстами между сплошными зарослями камышей появлются прогалины или плеса, застланныя густою ряскою, колючимъ куширомъ и другими водорослями. Нерѣдко тутъ

же ютятся разные «плоунчики», водяныя лиліи съ большими бѣлыми цвѣтами, касатики съ цвѣтами желтыми и т. п. На болѣе сухихъ мѣстахъ камыши переходятъ въ острецъ и другія болотно-травянистыя растенія. На такихъ мѣстахъ болотная растительность годами то усиливается, то ослабѣваетъ, смотря по тому, снѣжны ли бываютъ зимы и обильны ли дождями весны.

Съ теченіемъ времени, однако, земледѣльческая культура и плугъ освободили эти мѣста отъ камышей и ихъ менѣе упорныхъ спутниковъ. Взрыхленные верхніе пласты когда-то болотной поверхности лишились увлажившихъ ихъ корней болотной растительности, просохшая и перегорѣвшая земля стала производить иную растительность, и часто тамъ, гдѣ шумѣли раньше камыши, волнуются теперь хлѣба. Такой характеръ пріобрѣли многія низменныя мѣста на приейскихъ степяхъ, по берегамъ большихъ лимановъ и пр.

Наконецъ, по морскому побережью, солянымъ озерамъ, косамъ и перисыпямъ растутъ всевозможные виды солончаковыхъ растеній — морская капуста, морской спорышъ, сочно-зеленыя солянки и т. п., а въ прибрежныхъ частяхъ моря камка.

Такимъ образомъ, изъ четырехъ частей или районовъ, на которые обычно дѣлится Кубанская область, только одно Закубанье изобилуетъ лѣсами и представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова лѣсную мѣстность. На Новой и Старой Линіяхъ лѣса встрѣчаются лишь полосами и куртинами, выдѣляющимися на обширныхъ пространствахъ хлѣбной и травяной растительности. Черноморія же всецѣло является представительницею исключительно степной растительности или, правильнѣе, замѣнившихъ ее культурныхъ злаковъ.

Какъ и степи, разные представители животнаго міра становятся также достояніемъ исторіи. Прежде фауна была разнообразнѣе по видамъ животныхъ и обильнѣе количествомъ. Теперь нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напр. дикой лошади, совсѣмъ нѣтъ. По густымъ терновникамъ степей водились раньше тетерева, которые давно уже исчезли безслѣдно. Иныя животныя, какъ олень, дикая коза, фазанъ, дикія свиньи и т. п., встрѣчаясь еще въ однихъ мѣстахъ, совершенно вывелись въ другихъ. Однимъ словомъ, ряды животнаго міра рѣдѣютъ, животныя вымираютъ, уступаютъ все больше и больше мѣста человѣку и его примитивнымъ формамъ культуры. Измѣненія въ животномъ мірѣ являются неизбѣжнымъ спутникомъ измѣненій въ природѣ.

Наиболѣе существенно измѣнилась фауна на Черноморіи. Здѣсь прежде, какъ и теперь, представители животнаго міра дѣлились на три большихъ группы—на болотныхъ жи-

вотныхъ, степныхъ и водныхъ. Въ составъ первыхъ входили преимущественно пернатые и нѣкоторые виды млекопитающихъ. Степныя рѣки, лиманы, озера и приморская полоса переполнены были болотною дичью. Здѣсь водились въ обиліи красавцы лебеди, двухъ видовъ гуси—крупный и казарка („гарькавка"), всевозможные виды утиныхъ — скрекотень (пеструха), красная утка (по мѣстному „гагарка"), кряква („крыжняя"), шилохвость, лопоноска, два вида чирка, затѣмъ лысуха („чертова курица"), нѣсколько видовъ нырковъ, бакланы, „баба-птица" (пеликанъ) и т. п. По болотистымъ берегамъ въ обиліи бродили широконосыя колпицы, красивыя каравайки (ибисъ), цапли и цѣлыя полчища куликовыхъ—шилоклювка, ракатки, турухтаны, татарская сорока и всевозможная мелочь. Мочаги и трясины изобиловали бекасами, гаршнепами и рѣже дупелями. По болѣе сухимъ и открытымъ мѣстамъ водились большіе длинноносые кулики (кроншнепъ), мелкіе болотные журавли, чибисъ или малорусская „чайка", курочка, коростель или дергачъ, а у береговъ озеръ, лимановъ и по приморскимъ низинамъ цѣлыми стаями, буквально таки застилавшими, какъ тучи, солнце отъ охотника, вились бѣлые мартыны разныхъ видовъ и крячки. Теперь трудно представить даже себѣ, какъ велико еще недавно было количество всѣхъ этихъ видовъ болотной дичи. Шумъ, гоготъ, пискъ и пронзительные крики наполняли часто воздухъ и заглушали человѣческій голосъ. А во время перелетовъ мѣстность, казалось, не могла помѣстить на себѣ всѣхъ птицъ, такъ велики были ихъ полчища. Толоки и открытыя мѣста на разстояніи цѣлыхъ квадратныхъ верстъ покрыты были перелетными гусями всплошную, такъ что трудно было уловить, гдѣ начинались и гдѣ оканчивались эти поля пернатыхъ. Такими же сплошными массами занимали берега и прибрежныя низины куликовыя. На степяхъ, точно полки, виднѣлись стаи журавлей въ десятки тысячъ. Рѣки, лиманы, плеса среди камышей чернѣли отъ лысокъ и утокъ и, за ними, безъ преувеличенія можно сказать, не видно было воды. Въ меньшемъ видѣ по камышамъ „въ плавняхъ" водились фазаны, дикія свиньи и козы, но ихъ было все таки много.

Въ настоящее время встрѣчаются еще всѣ эти представители пернатыхъ и млекопитающихъ, но далеко не всюду и въ несоизмѣримо меньшихъ количествахъ. Фазаны, козы и свиньи изрѣдка попадаются еще въ плавняхъ. Протоки и Кубани, но ихъ уже нѣтъ на всемъ пространствѣ отъ Ясеней и Албашей и до Кубани. Лебеди, пеструха, красная утка, колпица, каравайка, пеликанъ, даже гусь и журавль стали рѣдкостью; турухтаны и татарская сорока появляются

только при перелетахъ; бекасы и кроншнепы попадаются лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; а всѣ остальные виды болотной дичи уменьшились въ количествѣ до невѣроятности. И все это произошло подъ вліяніемъ измѣненій въ окружающей природѣ. Человѣкъ съ своимъ хозяйствомъ занялъ больше мѣста, много болотныхъ пріютовъ совсѣмъ исчезло—и птицѣ негдѣ стало водиться.

Степи, пока онѣ существовали въ полной своей неприкосновенности, также изобиловали млекопитающими животными и разнообразными представителями пернатаго царства. Еще въ концѣ пятидесятыхъ или началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Кугоейскихъ степяхъ водились «турпаны» или дикія лошади. Тогда, по разсказамъ старожиловъ, помнящихъ еще это время, было нѣсколько косяковъ дикой лошади. Въ 1868 году наказному атаману графу Сумарокову-Эльстону съ Кугоейки была приведена въ Екатеринодаръ дикая лошадь. Въ большомъ количествѣ встрѣчались въ степяхъ козы, лисицы, волки, барсуки и зайцы. Особенно много было этихъ послѣднихъ. Въ суровыя зимы и глубокія снѣга казаки въ двѣ-три лунныя ночи стрѣляли сотни этихъ грызуновъ «на приманку», разбрасывая небольшія кучки сѣна у «засѣдки», на которыя набрасывались голодныя животныя,— особый видъ охоты-бойни, о которой теперь рѣдко кто изъ казаковъ имѣетъ представленіе. Изъ степной пернатой дичи много было дрофъ или дудаковъ, стрепетовъ, сѣрой куропатки и перепеловъ. Это были постоянные, такъ сказать, спеціальные обитатели степей, безъ которыхъ и самая степь была тогда не мыслима. Дрофы и стрепеты къ осени собирались въ громадныя стаи. Стрепеты въ эту пору высыпали на толоки и окраины степей къ выгонамъ, составляя сборища въ десятки тысячъ особей. Въ воздухѣ растилалась длинная и широкая бѣла пелена, когда поднимались эти стаи и перелетали съ мѣста на мѣсто. На зиму стрепеты улетали, а дрофы, оставаясь въ стаяхъ, часто сотнями становились добычею жаднаго человѣка. Бывали случаи, когда обледенѣвшихъ и не могшихъ летать въ гололедку дрофъ казаки загоняли сотнями со степи къ себѣ во дворы и здѣсь ихъ рѣзали, замораживали и солили. По пустымъ терновникамъ и перелѣскамъ въ нижнихъ частяхъ степныхъ рѣкъ въ обиліи водились фазаны. Въ такихъ же мѣстахъ, тамъ, гдѣ находится теперь станица Поповичевская, обитали тетерева. Сѣрыя куропатки на зиму собирались также въ огромныя стаи, а перепела лѣтомъ буквально таки переполняли степи. Тогда никому не было до нихъ дѣла и не существовало даже охоты на нихъ. Очень много было всегда въ степяхъ мелкой птицы — скворцовъ, щуровъ, ласточекъ, синицъ, овсянокъ, во-

робьевъ, жаворонковъ и т. п. Изъ хищниковъ водились орлы, коршуны, ястреба, соколы, филины, вороны и проч.

Теперь же опять таки многихъ изъ перечисленныхъ животныхъ совсѣмъ нѣтъ, другія сильно порѣдѣли, а третьи наканунѣ исчезновенія. Степная лошадь и тетеревъ исчезли безвозвратно. Козы, дикія свиньи и фазаны вывелись въ степяхъ. Дрофа и стрепетъ стали большою рѣдкостью. Сѣрая куропатка мѣстами вывелась, а мѣстами плодится въ небольшихъ количествахъ. Перепела перестали быть тою сорною птицею, которой срѣзали косари головы косами при сѣнокошеніи и которыхъ давили часто ногами неуклюжіе волы или зашибали кнутомъ ихъ хозяева. Барсуковъ, кажется, скоро не станетъ и въ поминѣ и даже такіе хищники, какъ волкъ, лисица, орелъ, ястребъ, соколъ и т. п., не въ состояніи плодиться за отсутствіемъ мелкаго звѣря и птицы или, что одно и то же, пищи. Плугъ, экстирпаторъ и человѣкъ взрыхлили степи, разорили мѣста обиталищъ для птицъ и млекопитающихъ животныхъ—и степная фауна стала вымирать, уменьшаться и вырождаться. Впрочемъ, земледѣльческая культура, уничтоживши однихъ животныхъ, создала условія для размноженія другихъ. Поля и хлѣбныя злаки пріютили цѣлые миріады разныхъ вредителей хлѣба—сусликовъ, пьявицы, гессенской мухи, хлѣбнаго жука, хлѣбной моли, пильщика и проч. Взамѣнъ почти исчезнувшей саранчи и «пруса» стали плодиться перечисленные выше вредители хлѣбовъ, и годами они приносятъ громадный вредъ краю и хозяйству.

Убылью и обѣднѣніемъ характеризуется и третья группа животныхъ, имѣвшихъ отношеніе, если не къ степямъ, то къ человѣку, который на нихъ жилъ,—группа рыбъ, представителей степныхъ и прилегающихъ къ степямъ водъ. Разсказы и воспоминанія о баснословномъ количествѣ рыбы въ Черноморіи теперь могутъ показаться сказками, вымыслами фантазіи. А между тѣмъ это были факты. Историкъ Попка разсказываетъ, что одинъ «нарочный» казакъ, скакавшій съ нужными бумагами, былъ опрокинутъ вмѣстѣ съ конемъ быстродвигавшимися колоннами рыбы, проѣзжая по низкому, покрытому водою мѣсту у устья рѣки. Анекдотъ это или дѣйствительный случай, но факты переполненія рыбой водныхъ источниковъ въ прежнее время были частыми и не случайными явленіями. Возлѣ нынѣшней Бриньковской станицы въ устьѣ рѣки Бейсуга, при впаденіи ея въ Бейсугскій лиманъ, весною, когда, послѣ половодья, вода спадала по плавнямъ и рѣка входила въ берега, возвращавшаяся обратно, послѣ нереста, рыба, главнымъ образомъ тарань, переполняла рѣку, столпившись въ устьѣ. Рѣка выходила изъ береговъ и по рыбѣ, по разсказамъ старожиловъ, можно бы-

ло переходить, какъ по мосту, съ одного берега на другой. Рыбы при этомъ много душилось и дохло. Въ воздухѣ стоялъ смрадъ отъ гніющей рыбы, а собаки и свиньи бѣсились отъ перенасыщенія ею. Такія же явленія имѣли мѣсто на Черномъ ерикѣ, гдѣ отъ столпившейся рыбы вода выходила изъ береговъ. Въ Сладкомъ лиманѣ у Ахтырей въ одно время, по разсказамъ «забродчиковъ», т. е. рыболововъ, было такъ много мелкой рыбешки, что нельзя было зачерпнуть для питья ковша воды безъ того, чтобы въ него не попала рыбешка. Еще недавно (въ 1881 году) въ плавняхъ Бейсуга, послѣ того какъ отъ сильной жары высыхала въ ложбинахъ вода, дно на палецъ и толще покрывалось мелкой таранкой, оставшейся здѣсь послѣ метанія икры, и такимъ сплошнымъ пластомъ сдохнувшей рыбешки заполнялись десятки квадратныхъ саженей. Рыба шла изъ моря въ лиманы и изъ лимановъ въ степныя рѣки, поднимаясь по нимъ вверхъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, во время половодья, изъ моря и лимановъ къ такимъ мѣстамъ, какъ «гребля» (гать) ст. Новодеревянковской, въ обиліи подходили по р. Албаши не только «сула» (судакъ), тарань, «чебакъ» (лещъ) и карпъ, но даже отдѣльные экземпляры красной рыбы. Въ цѣломъ рядѣ лимановъ, расположенныхъ ниже и рядомъ съ устьемъ этой рѣки, ловилась красная рыба—осетръ и севрюга, а бѣлой рыбы было такъ много, что здѣсь устраивались рыбные заводы, и многочисленныя ватаги рыболововъ имѣли здѣсь «хорошую добычу». Въ р. Еѣ, у ст. Старощербиновской, тамъ, гдѣ теперь находится мостъ, жители ставили сотни вентерей и десятками тысячъ ловили тарань и сулу. Такихъ фактовъ можно было бы перечислить много. Обиліемъ рыбы славилась Черноморія на всемъ югѣ. Сюда, въ ея рыбные заводы въ извѣстную пору года наѣзжали чумацкія ватаги и на сотняхъ возовъ увозили потомъ далеко въ Россію вяленую тарань и сулу, соленый «чебакъ» и «коропъ». Рыба, особенно тарань, добываемая въ Черноморіи, служила однимъ изъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ не только на мѣстѣ въ Черноморіи, но и далеко за предѣлами ея въ цѣломъ рядѣ южныхъ губерній. А рыболовство, какъ промыселъ, считалось самою выгодною отраслью казачьей промышленности,

Нынѣ же всѣ эти «рыбныя богатства» кажутся поистинѣ сказочными. Рыбы почти нѣтъ. Добрая часть населенія совсѣмъ не пробовала красныхъ породъ; многіе не имѣютъ представленія о томъ, что такое икра изъ красной рыбы, которая во время оно продавалась по 10 коп. за фунтъ, а когда лѣтъ 50 тому назадъ цѣны на нее поднялись до 25 коп. за фунтъ, то старые казаки и казачки серьезно задумались,

не означало ли это обстоятельство пришествія антихриста и начала свѣтопредставленія; даже бѣлая рыба вывелась изъ обихода казака; о тарани, которой въ нижнихъ станицахъ рѣдкій казакъ не солилъ и не вялилъ самъ лично для своей семьи, теперь остались одни воспоминанія, и, какъ суррогатъ ея, на мѣстныхъ рынкахъ появилась каспійская вобла; въ постъ Петровскій, въ самую горячую пору работъ, требующихъ обильной и питательной пищи, и въ Спасовку казакъ остается безъ рыбы, на сухоядѣніи, а раньше онъ не только самъ питался ею, но и кормилъ пришлыхъ косарей; самое рыболовство, какъ промышленность, совершенно потеряло свою цѣну за малою доходностью и трудностями конкуренціи. Въ чемъ же кроются причины этого обѣдненія Черноморіи рыбой? И тутъ прежде всего въ измѣненіяхъ естественныхъ условій, измѣненіяхъ, неблагопріятныхъ для рыборазведенія и рыболовства. Но за этими измѣненіями кроется непомѣрное хищничество человѣка, погубившаго естественныя богатства края.

Надо сказать, что западная часть степей всегда была богаче фауной, сравнительно съ восточной. Это замѣчалось уже въ Черноморіи и еще явственнѣе бросалось въ глаза на Старой и Новой Линіяхъ. Послѣдніе два района были поставлены въ худшія въ этомъ отношеній условія, чѣмъ Черноморія. Тутъ совсѣмъ не было ни моря, ни обширныхъ лимановъ и плавней, гдѣ въ изобиліи водилась болотная дичь и рыба.

Въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ стояла Старая Линія. За исключеніемъ Кубани, въ предѣлахъ этой мѣстности всѣ остальныя рѣки проходили только верховьями, и рыба въ нихъ почти не водилась. По самой Кубани рыба заходила также не особенно далеко вверхъ, по крайней мѣрѣ въ значительномъ количествѣ. Красная рыба ловилась еще у ст. Усть-Лабинской и Казанской, но и здѣсь она была рѣдкостью. Рыбецъ и шамая также не составляли предмета промысла, какъ ниже по Кубани. Но болотная дичь не была такою рѣдкостью, какъ рыба, и на Старой Линіи преимущественно утиныя породы встрѣчались всюду, гдѣ были хотя какія-нибудь болотца, рѣчужки и признаки воды. Разумѣется, здѣсь было значительно меньше, чѣмъ на Черноморіи, даже этихъ птицъ, а нѣкоторыхъ, какъ лебедя, совсѣмъ не встрѣчалось, за исключеніемъ перелетовъ. Но утки и кулики въ степяхъ водились, а степной дичи было не меньше, чѣмъ на Черноморіи. Здѣсь всегда было много дрофъ, стрепетовъ, куропатки и перепеловъ. Водился также и звѣрь, преимущественно лисица и волкъ. Въ настоящее время всего этого мало осталось. Но степной дичи и между

нею дрофъ и стрепетовъ болѣе, чѣмъ на Черноморіи. Сохранилась она лучше здѣсь, благодаря практикуемой староклинейцами системѣ распредѣленія степи на поля или клинья. Оставляя особые клины подъ залежь или даже въ видѣ цѣлины подъ сѣнокосъ, казаки, такимъ образомъ, сохраняли въ извѣстной мѣрѣ степи, а съ ними и наиболѣе благопріятныя условія для размноженія степной дичи. Точно также на Старой Линіи или собственно по станицамъ, расположеннымъ при Кубани, какъ въ Убѣженской и Баталпашинской, дольше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держался красавецъ фазанъ.

На Новой Линіи фауна была разнообразнѣе, чѣмъ на Старой. Хотя рыбой эта мѣстность искони была небогата, но такія рѣки, какъ Кубань съ лѣвымъ ея берегомъ, Лаба, Урупъ и Зеленчуки представляли болѣе благопріятныя условія по крайней мѣрѣ для мелкихъ породъ рѣчной рыбы, чѣмъ на Старой Линіи. На заболоченныхъ мѣстахъ рѣкъ въ большомъ количествѣ и разнообразіи водилась болотная дичь. Разумѣется, тутъ небыло такихъ представителей ея, какъ пеликанъ, каравайка или колпица, державшихся ближе къ морю, но зато вмѣстѣ съ утиными и куликовыми водились дикія свиньи и козы, мѣстами въ значительныхъ количествахъ, благодаря близости горъ и лѣса въ верхней части Лабинской Линіи, и отсюда звѣрь спускался на равнины. Очень много повсюду было фазана. Хорошо водились также степныя породы птицъ—дрофа, стрепетъ и куропатка. Благодаря большему простору угодій, здѣсь эти степные могикане дольше держались большими стадами, чѣмъ на Черноморіи и даже на Старой Линіи, и продолжаютъ водиться мѣстами еще и теперь. Общая же черта, присущая Новолинейному району, та же, какая свойственна Черноморіи и Старой Линіи: количество всѣхъ видовъ дичи въ сильнѣйшей степени уменьшилось. Фауна вымираетъ, лучшіе ея представители выводятся.

Совершенно инымъ характеромъ отличается животный міръ въ Закубаньѣ. Въ этомъ отношеніи между Закубаньемъ и остальными тремя частями области замѣчается такое же различіе, какъ и въ отношеніи растительнаго царства. Какъ въ исключительно лѣсной мѣстности, здѣсь представителями фауны являются, главнымъ образомъ, лѣсные звѣри и при томъ такія породы, какихъ никогда, быть можетъ, не было на степныхъ равнинахъ. Но всегда были также животныя и другихъ группъ, да и теперь еще продолжаютъ встрѣчаться такіе виды, какихъ нѣтъ и въ степяхъ, и на равнинныхъ мѣстностяхъ. Однимъ словомъ, въ Закубаньѣ въ малыхъ дозахъ встрѣчаются всѣ тѣ животныя, что и на

степныхъ равнинахъ, и плюсъ въ большихъ количествахъ свои чисто мѣстные представители.

Примыкая небольшою частью на западѣ къ берегамъ Чернаго моря и къ Кубанскимъ лиманамъ, Закубанье оказывается, такимъ образомъ, сопричастнымъ къ тѣмъ видамъ фауны, которымъ необходимо море и прибережныя воды. Въ морѣ здѣсь въ обиліи попадались издавна осетръ, шипъ, севрюга, бѣлуга, стерлядь и даже лососина, а изъ бѣлыхъ рыбъ: сельдь, кефаль, скумбрія, камбала, игла-рыба, барбулька и хамса, какъ представители Черноморско-побережной водной фауны, и затѣмъ тарань, лещъ, судакъ и карпъ, какъ представители Азовскаго моря и лимановъ; тутъ же въ морѣ въ обиліи періодически посѣщаютъ его берега дельфины (морскія свиньи), тѣ таинственныя морскія животныя, которыхъ въ былое время, когда берега Чернаго моря принадлежали еще черкесамъ, фантазія казака опоэтизировала въ образѣ чудовищъ полулюдей — «фараоновъ». Но съ большинствомъ представителей этой фауны знакомы лишь немногіе прибережные жители. По Кубани, ея плавнямъ, озерамъ и лиманамъ вверхъ до самаго устья р. Бѣлой поднимались раньше только нѣкоторыя породы красной рыбы, преимущественно осетръ и севрюга, а изъ бѣлыхъ — судакъ и карпъ, и на небольшомъ протяженіи тарань. Въ Кубани, однако, всегда были свои мѣстные представители и между ними прожорливый сомъ, любящій глубокія заводи и попадающійся далеко вверхъ по Кубани, и свой Кубанскій «коропъ», большой, до пуда вѣсомъ, желтый отъ обилія жировыхъ отложеній и съ чрезвычайно сладкимъ мясомъ, какъ продуктомъ питанія въ сладкихъ водахъ. Еще черкесы охотились на карповъ во время весенняго нереста и переправляли ихъ для продажи на правую сторону Кубани къ казакамъ, какъ напр., въ Екатеринодаръ. Кубанскій карпъ до сихъ поръ продолжаетъ водиться въ достаточныхъ количествахъ по Кубанскимъ станицамъ и плавнямъ. Кубань же издавна славилась чудными породами рыбца и шамаи, а въ ея верховьяхъ громаднѣйшаго числа горныхъ рѣчекъ водились и продолжаютъ водиться въ обиліи мѣстные представители — усачи и форель. Форелью богаты такія рѣки, какъ верховья Бѣлой у Оштена въ холодныхъ озерахъ и потокахъ, расположенныхъ непосредственно у таящихъ снѣговъ, верховья Лабы, Кубани и пр. Сюда хищникъ-рыболовъ не успѣлъ еще пробраться.

По тѣмъ же мѣстамъ, гдѣ водится рыба, водились и разныя породы болотной дичи. Кубанскіе камыши и плавни издавна славились невѣроятнымъ количествомъ фазановъ, козъ и дикихъ свиней. Тутъ, по выраженію старыхъ охотниковъ, они когда-то «кишѣли». Очень благопріятныя ужъ

условія были въ то время для размноженія этихъ трехъ породъ дичи. Непосредственно къ кубанскимъ плавнямъ примыкали густыя заросли терновниковъ и кустарниковъ, а далѣе начинались лѣса. Свиньи, козы и фазаны, любившіе перекочевывать по всѣмъ этимъ мѣстамъ, водились здѣсь въ громадномъ количествѣ. Этого мало. Въ извѣстной мѣрѣ ихъ размноженіе находилось подъ своего рода охраной въ видѣ особыхъ исключительныхъ условій военнаго времени. Охотничать и стрѣлять въ этихъ мѣстахъ въ ту пору было крайне рискованно. Всякій неосторожный выстрѣлъ могъ привлечь военнаго противника и выдать головой ему охотника. Къ тому же черкесы очень бережливо относились къ пороху и свинцу, которыхъ у нихъ было всегда мало, и поэтому затрата заряда на какого нибудь фазана была равносильна чуть ли не преступленію. А «чушки», свиней, черкесы не могли переносить, какъ магометане, совсѣмъ не охотились на нихъ, и если стрѣляли, то только при охранѣ полей. И вотъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ и при крайне благопріятной мѣстности, свиньи, козы и фазаны, быстро и легко плодящіеся, водились по всему лѣвому берегу Кубани въ «несмѣтномъ количествѣ». Теперь этихъ животныхъ очень мало, а фазанъ совсѣмъ выводится, но въ Екатеринодарѣ вѣроятно еще и теперь найдутся старожилы, которые помнятъ то время, когда на базарѣ фазаны продавались по 10 коп. за штуку, а свинина по копейкѣ за фунтъ.

Степныя птицы попадали за Кубань только пролетомъ. Непосредственно за Кубанской равниной начиналось царство животныхъ. Даже пернатыхъ, за исключеніемъ куропатки сѣрой и горной, тутъ было всегда мало. Фазанъ поднимался лишь по густымъ зарослямъ, окаимлявшимъ рѣки, но такъ какъ тутъ же рядомъ ютились черкесскіе аулы, то ему не было мѣста вблизи людей. Болотной птицы почти не было. Только одни хищные коршуны и орлы да исконные граждане лѣса—филины всегда держались лѣсовъ. Но отсюда и далеко до верховьевъ горныхъ вершинъ главнаго хребта попадались такіе представители горной фауны, какъ козы, свиньи, волки, шакалы, куницы, рысь, дикія кошки, зайцы и лисицы. Тутъ же во всѣхъ полосахъ предгорій и нагорной полосы водился всегда разбойникъ садовъ и вредитель фруктовыхъ деревьевъ—медвѣдь трехъ разновидностей. Выше начинаются мѣста размноженія оленей, которые спускаются съ горъ и на низины, и джайрана или альпійской серны. Наконецъ, на самыхъ вершинахъ Черныхъ горъ, въ области альпійской растительности, держится Кавказкій зубръ, до нельзя дикій, осторожный и хорошо приспособившійся къ Кавказскимъ горамъ, а еще выше, по мало доступнымъ

скаламъ и крутизнамъ, прячась совсѣмъ отъ людей, обитаетъ горный козелъ или туръ, «архаръ» Сибири. Здѣсь же, какъ своего рода Кавказскій раритетъ, водится еще въ верховьяхъ Лабы бобръ, изрѣдка перебирается черезъ горы хищный барсъ и, по разсказамъ, былъ случай посѣщенія Карачая даже тигромъ. Питомецъ Ленкоранскихъ плавней, настоящій королевскій тигръ, большой и стройный, былъ убитъ карачаевскими охотниками на одной изъ горныхъ вершинъ. Изъ птицъ рѣдкостью высшихъ частей нагорной полосы оказываются—горная индѣйка, водящаяся на Эльбрусѣ въ Карачаѣ, и тетеревъ, встрѣчающійся въ хвойныхъ лѣсахъ, тамъ, гдѣ встрѣчаются сѣверная береза и брусника, съ которыми неразлучны косачъ и его желторябая самка на сѣверѣ Россіи и Сибири.

Наконецъ, на неприступныхъ горныхъ вершинахъ, въ области, гдѣ совсѣмъ замерла органическая жизнь, встрѣчается еще одинъ раритетъ животнаго міра. На высотѣ 12,000 футовъ отъ уровня моря, по склонамъ Эльбруса обитаютъ ледниковыя блохи. «Козявки эти вдвое меньше обыкновенной блохи, имѣютъ 4 ноги и 2 щупальца; онѣ вьются, какъ пьявки, прыгаютъ, какъ блохи, и моментально проползаютъ плотно скатанный кусокъ снѣга. При раздавливаніи ихъ получается фіолетовая краска; при таяніи снѣга онѣ въ водѣ быстро умираютъ, равно какъ умираютъ и въ воздухѣ безъ снѣга». Точно нарочито эти представители фауны съ фіолетовой кровью забрались на недосягаемую высоту Эльбруса, чтобы посмѣяться надъ человѣкомъ и крупными хищными животными. Прятаться имъ съ ихъ малыми тѣльцами и отвратительной даже въ такомъ видѣ наружностью было бы не зачѣмъ отъ животныхъ—истребителей.

Но болѣе благородныхъ и рѣдкихъ животныхъ человѣкъ продолжаетъ истреблять съ особымъ рвеніемъ и въ Закубаньѣ то какъ страстный охотникъ, то какъ жадный промышленникъ, то какъ неразсчетливый хозяинъ, мѣняющій горныя мѣста съ помощью плуга, топора, пилы и корчевочной кирки. Тѣмъ не менѣе лѣса и горы Кавказа еще такъ мало доступны человѣку, что животныя продолжаютъ пока водиться по ихъ укромнымъ мѣстамъ въ достаточныхъ количествахъ. Джайраны, по разсказамъ охотниковъ, до сихъ поръ встрѣчаются въ области альпійскихъ пастбищъ, стадами въ 80 и 100 головъ, а иногда даже до 200. Оленя много, но еще больше свиней и медвѣдей. Въ 1881 году, по наблюденіямъ мѣстныхъ охотниковъ, въ Сохрайской лѣсной дачѣ, по Оштену, Фишту и другимъ мѣстамъ, считалось 13 зубровыхъ стадъ отъ 5 до 17 головъ каждое, или всего, слѣдовательно, до 150 головъ. Зубра, какъ извѣстно, вос-

прещено закономъ убивать, да и сами охотники относятся заботливѣе къ охранѣ этихъ дикихъ животныхъ, чѣмъ къ другимъ звѣрямъ горнаго Кавказа. Но свиньи и медвѣди, какъ вредныя животныя, а козы, олени и джайраны, какъ превосходная красная дичь, истребляются и выводятся человѣкомъ дѣятельно, азартно и рѣшительно. Остается надѣяться, что до тѣхъ поръ, пока проникнетъ колонизаціонная волна людей въ нагорную полосу, сами люди перемѣнятся, подъ вліяніемъ культуры и гуманныхъ началъ, сдѣлаются если не друзьями дикихъ животныхъ, то разумными охранителями Кавказской фауны, разнообразной и оригинальной.

Пусть хоть въ будущемъ это послужитъ путеводной нитью, пока существуютъ нынѣшній Кавказъ и Кубанская область въ настоящемъ ихъ видѣ и съ людьми настоящаго времени.

Охватывая однимъ общимъ взглядомъ характеристику естественно-историческихъ условій и важнѣйшихъ процессовъ, производившихъ измѣненія въ нихъ, естественно поставить вопросъ: что же служило наиболѣе характерною чертою ихъ? Несомнѣнно жизнь, какъ проявлялась она въ своемъ поступательномъ движеніи, протекая въ безконечномъ множествѣ процессовъ, происходившихъ въ неорганической природѣ и въ органическомъ мірѣ. Кубанская область мѣнялась въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ и тысячелѣтій, подъ вліяніемъ измѣненій геологическихъ, въ рельефѣ, орографіи, гидрографіи, растительномъ царствѣ и животномъ мірѣ. Конечнымъ результатомъ всѣхъ измѣненій была органическая жизнь во всемъ ея сложномъ и безконечно прекрасномъ разнообразіи, а вѣнецъ всего несомнѣнно человѣкъ.

Когда же и какъ явился впервые въ нынѣшней Кубанской области человѣкъ, съ котораго и начинается собственно исторія?

Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо предварительно выяснить, какіе представители человѣчества и въ какія времена существовали, нужны указанія науки въ этомъ отношеніи. Къ основнымъ положеніямъ науки о доисторическомъ человѣкѣ намъ неоднократно потребуется обращаться въ послѣдствіи.

Въ данномъ случаѣ мы остановимся лишь на людяхъ такъ называемаго каменнаго вѣка.

Добытые наукою факты свидѣтельствуютъ о столь глубокой древности существованія человѣка на землѣ, что уму человѣческому представляется просто непостижимою эта отдаленная эпоха доисторической жизни людей.

Существуетъ мнѣніе, что человѣкъ обиталъ уже въ пліоценовый періодъ. Найдены слѣды этого третичнаго человѣ-

ка, высказаны остроумныя предположенія; но чего-либо точно доказаннаго пока нѣтъ и находки эти можно отнести и къ болѣе позднему времени, къ четвертичной эпохѣ. Что же касается существованія человѣка въ четвертичную эпоху, то это установлено наукою съ неопровержимою доказательностью.

Между тѣмъ, докторъ Кролль и нѣкоторые другіе ученые, на основаніи астрономическихъ данныхъ, вычислили, что въ сѣверномъ полушаріи послѣдняя ледниковая эпоха, обнимающая четвертичный періодъ, началась около 240.000 лѣтъ тому назадъ, продолжалась 160.000 лѣтъ и закончилась за 80.000 лѣтъ до нашего времени.

И въ соотвѣтствующихъ напластованіяхъ земли, образовавшихся за эти 240.000 лѣтъ, ученые изслѣдователи нашли массу неопровержимыхъ указаній на существованіе человѣка— сначала, въ первыхъ по времени отложеніяхъ, въ видѣ человѣческихъ скелетовъ и костей, въ формѣ его примитивныхъ орудій и въ слѣдахъ надрѣзовъ, сдѣланныхъ рукою человѣка на костяхъ животныхъ, а въ послѣднихъ отложеніяхъ земной коры также въ видѣ человѣческихъ скелетовъ и костяковъ и въ цѣлой массѣ предметовъ по обстановкѣ первобытныхъ людей, начиная съ одежды, жилищъ и орудій и оканчивая искусствами и первыми признаками проявленія религіознаго культа.

Установлено два періода существованія человѣка каменнаго вѣка—эпоха древнѣйшаго дилювіальнаго человѣка или палеолитическій періодъ и эпоха аллювіальнаго человѣка или неолитическій періодъ. Люди обоихъ періодовъ умѣли обращаться съ огнемъ и оставили послѣ себя каменныя орудія. Дилювіальный человѣкъ, жившій исключительно охотою и рыбною ловлею, не имѣлъ однако прирученныхъ животныхъ, даже собаки; а человѣкъ неолитической эпохи приручилъ уже нѣкоторыхъ животныхъ и положилъ первые зачатки земледѣлія. Но существенный признакъ, по которому одна древнѣйшая отрасль первобытныхъ людей отличается отъ другой позднѣйшей, представляютъ способы приготовленія орудій и самыя орудія.

Дилювіальный человѣкъ приготовлялъ орудія въ видѣ осколковъ, отбитыхъ отъ твердыхъ каменныхъ породъ, большею частію отъ кремня, не умѣлъ продѣлывать дыры и располагалъ въ сущности лишь нѣкоторымъ подобіемъ орудій, напоминавшихъ ножи, скребки, топоры, молотки и пр. Человѣкъ же слѣдующей эпохи дѣлалъ болѣе разнообразныя и совершенныя орудія изъ камня, умѣлъ продѣлывать въ нихъ дыры и непремѣнно шлифовалъ, придавая имъ видъ внѣшней отдѣлки. По этому признаку и установлены Леббо-

комъ два періода каменнаго вѣка—палеолитическій, древнекаменный или періодъ орудій изъ оббивного камня, и неолитическій, новокаменный или періодъ орудій изъ шлифованнаго камня.

Человѣкъ палеолитическаго періода былъ современникомъ мамонта, носорога и пещернаго медвѣдя, давно исчезнувшихъ въ Европѣ отъ измѣненія климатическихъ условій, но корни которыхъ и теперь еще всюду встрѣчаются и въ особомъ обиліи (кости мамонта) у насъ въ Кубанской области. Сначала этотъ дикарь не зналъ ни одежды, ни жилищъ, жилъ, благодаря мягкому климату, нагимъ и подъ открытымъ небомъ, питался тѣмъ, что давала ему сама природа, располагалъ убогими орудіями въ родѣ овальныхъ кремней для удара ими рукой, но умѣлъ обращаться съ огнемъ и вѣроятно владѣлъ крайне бѣдною членораздѣльною рѣчью.

Послѣдующія измѣненія въ климатѣ и природѣ заставили дикаря одѣться и искать защиты отъ холода и непогоды въ пещерахъ. Человѣку стало труднѣе жить и добывать пищу.

Потребовались новыя орудія для добыванія пищи, одежды и обстановки для жилья, а также усовершенствованіе орудій старыхъ. Овальные кремни, годные для удара рукой, превращены были въ копьевидныя и рѣжущія орудія, появились ножи, скребки, копья, лукъ и стрѣлы. Дикарь сталъ вооруженнымъ охотникомъ.

Сообразно съ этимъ, должна была измѣниться и, такъ сказать, внутренняя жизнь дикаря. Охота и борьба съ мамонтомъ, носорогомъ, пещернымъ медвѣдемъ, зубромъ и пр., въ силу естественной необходимости, объединяла людей; сообщество это, взаимныя отношенія и отношенія къ природѣ расширили человѣческую рѣчь и обогатили ее новыми словами и выраженіями. Дикарь развивался духовно.

Но особенно большой успѣхъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи дилювіальный дикарь проявилъ въ области искусства, въ рѣзныхъ изображеніяхъ на кости и рогѣ. Тутъ дикарь оказался истиннымъ художникомъ, какъ бы сосредоточившимъ весь запасъ своихъ духовныхъ силъ на художественномъ творчествѣ.

Дилювіальный человѣкъ не зналъ однако ни прирученныхъ животныхъ, ни скотоводства, ни земледѣлія, ни ткачества, ни религіи. Всему этому положилъ начало человѣкъ слѣдующаго неолитическаго періода.

Начало неолитической эпохи характеризуется неолитическими стоянками и мастерскими людей. Лѣтомъ и въ теплую погоду человѣкъ продолжалъ жить подъ открытымъ небомъ на опредѣленныхъ стоянкахъ. Сюда онъ тащилъ до-

бычу отъ охоты и рыболовства, весь домашній скарбъ, а въ мѣстахъ, изобиловавшихъ матеріалами для выдѣлки орудій, оставлялъ слѣды своихъ примитивныхъ мастерскихъ.

По берегамъ морей, рѣкъ и озеръ неолитическій человѣкъ оставилъ также слѣды столовыхъ. Это кухонныя кучи, между которыми особенно замѣчательны датскіе кьеккенмеддиги. Въ нагромождавшемся въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій мусорѣ этихъ кучъ человѣкъ сложилъ и собственныя кости и несмѣтныя количества остатковъ отъ своего стола и отъ домашней обстановки.

Въ суровую погоду дикарь продолжалъ укрываться въ пещерахъ, но и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ дилювіальнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ какъ послѣдній пользовался лишь естественными пещерами, неолитическій дикарь устраивалъ уже искусственныя пещеры.

Не довольствуясь искусственными пещерами, онъ сталъ возводить жилища и подъ открытымъ небомъ. На это указываютъ оставленные имъ очаги и отбросныя ямы, надъ которыми устраивались шалаши и жилища на подобіе чумовъ у вотяковъ или юртъ у киргизовъ и калмыковъ. Вмѣстѣ съ орудіями и предметами домашней обстановки, человѣкъ оставилъ здѣсь сосуды съ трупо-сожженіемъ. Люди стали хоронить близкихъ имъ людей. Появилась вѣра въ духовный міръ, въ загробную жизнь, зародились первые проблески религіи.

Это въ высшей степени важный моментъ въ исторической жизни людей. Палеолитическій человѣкъ не зналъ обрядоваго погребенія и не оставилъ никакихъ признаковъ существованія у него религіи, и если въ области духовной онъ проявилъ высокіе образцы искуства, то человѣкъ неолитической эпохи оставилъ его далеко позади своими интеллектуальными потребностями, выразившимися въ созданіи религіознаго культа.

Еще шагъ—и первобытный человѣкъ сталъ устраивать жилища съ явными признаками общественности и сожительства людей цѣлыми группами. Таковы были обносимыя валомъ на неприступныхъ мѣстахъ городища, защитныя или укрѣпленныя сооруженія, въ которыхъ человѣкъ или постоянно жилъ, или укрывался отъ преслѣдованія враговъ, для чего и возводились, главнымъ образомъ, городища при бродячей жизни дикаря, или же, наконецъ, охранялъ священные предметы. Такимъ образомъ, человѣкъ впервые сталъ пріурочивать религіозныя вѣрованія къ своимъ сооруженіямъ.

Такъ называемыя свайныя постройки носили уже ясно выраженный характеръ жилищъ съ общественнымъ, группо-

вымъ сожительствомъ. Изолированно, вдали отъ берега на сваяхъ и общемъ помостѣ устраивался цѣлый рядъ хижинъ, въ которыхъ жили люди. Такимъ образомъ, человѣкъ сталъ не только возводить постоянныя жилища, но и устраивать цѣлыя поселенія.

На мѣстѣ этихъ поселеній, въ культурныхъ слояхъ подъ водой, найдены слѣды болѣе высокой и сложной культуры. Человѣкъ занимался въ эту пору не только охотой и рыболовствомъ, но скотоводствомъ, земледѣліемъ, ткачествомъ и гончарнымъ мастерствомъ. Были найдены кости прирученныхъ животныхъ, обгорѣлыя зерна хлѣбовъ и цѣлыя лепешки, а также грубыя ткани и гончарныя издѣлія.

Около того же времени первобытный человѣкъ началъ возводить совсѣмъ уже грандіозныя циклопическія постройки изъ громадныхъ камней. Получила развитіе собственно строительная техника, но къ этому же времени легенды пріурочиваютъ людоѣдство. Съ незатѣйливыми каменными орудіями, но при помощи рычага и округленныхъ катковъ человѣкъ двигалъ съ мѣста на мѣсто объемистыя и тяжеловѣсныя глыбы камней, чуть ли не цѣлыя скалы, и складывалъ ихъ въ строенія и стѣны.

Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи послѣдующія такъ называемыя мегалитическія постройки и между ними дольмены. Люди, сжившіеся съ мыслью, что человѣкъ или его духъ продолжаетъ жить и послѣ смерти, стали возводить изъ камней строенія и для этихъ невидимыхъ предковъ, погребая останки ихъ въ каменныхъ домахъ.

Итакъ, человѣкъ, начавшій свою доисторическую жизнь съ заботъ исключительно о себѣ, закончилъ каменный вѣкъ заботами объ умершихъ. Сложился чисто религіозный обычай погребенія мертвыхъ въ гробницахъ и могильникахъ, въ мѣстахъ вѣчнаго успокоенія. Людей погребали здѣсь или въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ духъ, или же тѣла ихъ сжигали. Съ обрядомъ трупосожженія первобытный человѣкъ вступилъ въ металлическую эпоху.

Такимъ-то является въ доисторическія времена первобытный человѣкъ по даннымъ науки. Онъ сталъ уже тѣмъ совершеннымъ, въ ряду другихъ животныхъ, существомъ, которому присвоено названіе разумнаго—homo sapiens. По фигурѣ, по осанкѣ, по строенію организма, по гармоническому соотношенію его частей, по мыслительному аппарату, по дару рѣчи и по интеллектуальнымъ способностямъ онъ занялъ первое мѣсто въ ряду другихъ животныхъ, сталъ царемъ природы, но былъ и людоѣдомъ.

Какіе же слѣды оставилъ этотъ царь природы на Кавказѣ и у насъ въ Кубанской области?

Какъ предполагаетъ Зюссъ, Черное море образовалось на мѣстѣ происшедшаго, подъ вліяніемъ какой-то колоссальной катастрофы, провала, но прежде, чѣмъ это случилось, на Кавказѣ, по мнѣнію Моро де Сонне, жилъ уже особой типъ человѣка. Моря, окружавшія Кавказъ, исчезли въ пліоценовую эпоху, и кавказскій островъ оказался соединеннымъ перешейками съ Азіею и Европою. По этимъ перешейкамъ могли проникнуть люди на Кавказъ—изъ Азіи представители смуглыхъ, черноглазыхъ и черноволосыхъ народностей, а изъ Европы представители бѣлыхъ, голубоглазыхъ и бѣлокурыхъ отраслей. На это указываетъ послѣдующая исторія человѣчества. Съ незапамятныхъ временъ Кавказъ представлялъ единственную въ своемъ родѣ мѣстность, около которой проходили и уходили всевозможныя народности. Тоже могло быть и съ первобытнымъ человѣкомъ.

Если вѣрно предположеніе, что первобытный человѣкъ началъ жить и развиваться въ странѣ скалистой и лишенной лѣсовъ, т. е. при условіяхъ, лишавшихъ его возможности лазить по деревьямъ и пріучавшихъ становиться вертикально и ходить на ногахъ, то тогда, конечно, на Кавказъ онъ долженъ былъ перейти изъ другихъ мѣстностей, такъ какъ такихъ условій въ тѣ отдаленныя времена не существовало на Кавказѣ, а были лишь въ Сѣверной Африкѣ. Стало быть, и это соображеніе указываетъ на возможность перехода первобытнаго человѣка на Кавказъ изъ другихъ мѣстъ.

По указанію Зюсса, Моро де Сонне и др. не идутъ дальше голыхъ предположеній. До сихъ поръ спорнымъ является самый вопросъ о существованіи человѣка въ третичную эпоху или въ послѣдній пліоценовый ея періодъ. На Кавказѣ также не найдено слѣдовъ этого предполагаемаго предка людей. Болѣе того. Тутъ не обнаружены еще въ достаточной мѣрѣ слѣды пребыванія дилювіальнаго человѣка въ четвертичную эпоху. Не открыты ни костяки людей, ни ихъ орудія. При обиліи пещеръ, въ которыхъ жили раньше люди, до сихъ поръ не обнаружено пещеръ палеолитическаго періода съ слѣдами дилювіальнаго человѣка. Многіе сомнѣваются даже въ существованіи этихъ древнихъ пещеръ.

Послѣднее предположеніе не выдерживаетъ однако критики. Во первыхъ, пещеры этого періода могли быть еще не найдены на Кавказѣ, во вторыхъ, на мѣстѣ пещеръ палеолитическаго періода могли быть устроены послѣдующими поколѣніями людей жилища иного типа и даже города, чѣмъ заметены, такъ сказать, слѣды древнѣйшихъ пещеръ, а въ третьихъ, древнѣйшія пещеры могли быть въ мягкихъ породахъ—въ рухлякахъ напр., и исчезли современемъ отъ раз-

рушительнаго дѣйствія силъ природы и метеорологическихъ факторовъ.

Наконецъ, на Кавказѣ встрѣчается масса пещеръ позднѣйшаго времени—періода неолитическаго. При недостаточномъ обслѣдованіи этихъ пещеръ, совершенной недоступности многихъ изъ нихъ, очень ограниченномъ количествѣ произведенныхъ въ нихъ раскопокъ, вообще при полномъ почти незнакомствѣ съ ними, весьма возможно, что въ ряды пещеръ неолитическаго періода попали и пещеры періода палеолитическаго. Изслѣдованіями въ западной Европѣ было обнаружено, что въ однихъ и тѣхъ же пещерахъ были слѣды отъ двухъ періодовъ существованія первобытнаго человѣка: въ верхнихъ слояхъ слѣды людей неолитическаго періода, а въ нижнихъ, отдѣленныхъ отъ верхнихъ значительнымъ слоемъ валуновъ и туфа, слѣды существованія людей въ палеолитическій періодъ. Почему бы не быть такимъ явленіямъ и на Кавказѣ?

Итакъ, есть основанія полагать, что необнаруженіе слѣдовъ дилювіальнаго человѣка на Кавказѣ не исключаетъ еще ихъ присутствія. Просто слѣды эти пока не обнаружены, мало было произведено изслѣдованій въ этомъ направленіи и то, что добыто, получено случайно, безсистемно, и обнаружено большею частію не спеціалистами, а любителями старины.

Живые и характерные примѣры въ этомъ отношеніи представляютъ матеріалы палеонтологіи и доисторической археологіи въ Ставропольскомъ и Кубанскомъ музеяхъ. Первые, т. е. остатки ископаемыхъ животныхъ, богаче вторыхъ —памятниковъ человѣка.

Такъ, возлѣ с. Татарки, Г. Н. Прозрителевъ открылъ цѣлый скелетъ мамонта. Возлѣ с. Сѣвернаго обнаружена окаменѣлая икряная рыба, повидимому изъ породы осетровыхъ, но съ широкимъ плоскимъ туловищемъ, что произошло, быть можетъ, отъ сплющенія организма. Возлѣ селенія Кугульты найдена хорошо сохранившаяся голова Bos primigenius, прародителя рогатаго скота. Рога этого животнаго найдены и въ другихъ мѣстахъ. Въ различныхъ также мѣстахъ обнаружены случайно окаменѣлые позвонки тюленей, моржей и другихъ обитателей Сарматскаго моря.

Еще богаче ископаемыми сосѣдняя Кубанская область. Въ Кубанскомъ музеѣ очень много хранится различныхъ частей отъ мамонта. Есть два превосходно сохранившихся бивня—одинъ изъ станицы Убѣженской, а другой изъ станицы Бжедуховской. Можно сказать, что вся верхняя часть Кубанской долины, по правую и лѣвую сторону р. Кубани, засѣяна костями мамонта. По находкамъ и указаніямъ К. Т.

Живило, доставившаго много костей мамонта въ музей, отдѣльныя части скелетовъ мамонта обнаружены въ станицахъ: Убѣженской, Прочноокопской, Расшеватской, Новоалександровской, въ хуторахъ Романовскомъ и Геймановскомъ, въ Усть-Лабѣ, въ ст. Смоленской, Бжедуховской и Новолабинской и у горы Физіабго, близъ Михайловской пустыни. Возлѣ ст. Новолабинской есть мѣстность, представляющая какъ бы кладбище мамонтовъ. Здѣсь, по разсказамъ, ежегодно вымываются изъ крутого берега р. Лабой кости мамонтовъ, которыя частью снова заносятся наносами рѣки, а частью уничтожаются жителями.

Кромѣ костей мамонта въ Кубанскомъ музеѣ хранятся: лобная кость съ рогами Bos primigenius, объемистая челюсть съ внушительными зубами какого-то ископаемаго животнаго и мн др. Въ этомъ отношеніи нужны авторитетныя указанія спеціалистовъ.

Почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ найдены кости ископаемыхъ животныхъ, и во всякомъ случаѣ при одинаковыхъ условіяхъ обнаружены слѣды пребыванія человѣка. Находки эти случайны, необставлены научными доказательствами и требуютъ дополнительныхъ изслѣдованій и провѣрки, но весьма важны въ научномъ отношеніи.

Въ сыпучихъ пескахъ села Петровскаго, образующихъ цѣлую гору, найденъ кусокъ окаменѣлаго дерева съ явными слѣдами искусственнаго надрѣза коры въ радіальномъ направленіи. Кора не только надрѣзана, но часть ея такъ очищена, что получается впечатлѣніе слѣдовъ надрѣза каменнымъ орудіемъ и рукою человѣка. Тамъ же въ пескахъ отысканъ каменный кинжалъ, грубой работы, съ неуклюжей рукояткой и нижнимъ заостреннымъ концомъ. Возлѣ древнихъ Мажаръ, гдѣ нынѣ городъ Св. Креста, въ третичныхъ каменныхъ отложеніяхъ, съ которыхъ былъ снятъ цѣлый рядъ каменныхъ пластовъ, обнаружено два черепа, съ чрезвычайно узкими костями лба и громадными глазными впадинами. Такъ какъ находка эта оказалась въ третичныхъ отложеніяхъ, то, понятно, она пріобрѣтаетъ громадное научное значеніе. Одинъ изъ череповъ г. Прозрителевъ отослалъ для опредѣленія профессору Мензбиру, и

Реставрація Неандертальскаго типа.

хотя не имѣетъ еще полнаго отвѣта, но черепъ признанъ принадлежащимъ человѣку, а не обезьянѣ. Въ Кубанскомъ музеѣ также хранится окаменѣлый мозгъ, принадлежащій, надо полагать, человѣку, но, къ сожалѣнію, нѣтъ указаній въ какомъ именно мѣстѣ Кубанской области найденъ этотъ черепъ.

Но особенно интересную находку представляетъ голова дикой лошади, хранящаяся въ Ставропольскомъ музеѣ. Сдѣлана она изъ песчаника въ натуральную величину и повидимому каменными орудіями. Большая, горбоносая, съ короткими торчащими впередъ ушами, съ глазами навыкатъ. Голова эта поразительно напоминаетъ типъ дикой лошади мадленскаго періода, оставленный дилювіальнымъ человѣкомъ въ видѣ превосходно исполненныхъ рисунковъ на кости. Сходство это до того поразительно, что кажется и рисунокъ головы лошади, и своеобразную скульптурную работу изъ песчанина произвелъ одинъ и тотъ же художникъ-дикарь. Голова лошади была выдернута плугомъ при распашкѣ небольшаго кургана возлѣ селенія Казгулакъ. Какіе то слѣды изъ камня остались еще въ курганѣ. Если въ курганѣ, гдѣ найдена голова дикой лошади, обнаружено будетъ погребеніе или найдены будутъ какіе-либо металлическіе предметы, то тогда, конечно, скульпторъ жилъ въ неолитическую или даже металлическую эпоху. Но если не окажется ни того, ни другого и если найдены будутъ орудія изъ оббивного камня, то фактъ существованія дилювіальнаго человѣка на Эльбрусскомъ контрфорсѣ будетъ на лицо

И въ Кубанскомъ, и Ставропольскомъ музеяхъ хранится довольно значительное количество древнѣйшихъ гончарныхъ издѣлій. Это большею частью сосуды, приготовленные отъ руки, съ очень толстыми стѣнками, плохо обожженные и или безъ всякаго орнамента, или же съ самымъ примитивнымъ орнаментомъ. Такіе сосуды принято относить къ концу палеолитическаго вѣка или во всякомъ случаѣ къ началу неолитическаго.

Вообще нужно замѣтить относительно отмѣченныхъ находокъ, что при находкахъ ни въ одномъ случаѣ не было обнаружено какихъ либо признаковъ металлическихъ предметовъ. Замѣчательно также, что всѣ находки сосредоточены на Эльбрусскомъ контрфорсѣ, т. е. на той части третичныхъ отложеній, которая раньше другихъ освободилась отъ водъ Сарматскаго моря.

Такимъ образомъ, сопоставляя находки палеонтологическаго характера съ находками, указывающими на слѣды человѣка, можно съ нѣкоторой вѣроятностью предположить, что дилювіальный человѣкъ существовалъ на Сѣверномъ Кавказѣ и что пребываніе его повидимому связано съ той

частью этой мѣстности, которая примыкаетъ къ Эльбрусу въ видѣ его контрфорса. Разумѣется, необходимы болѣе тщательныя опредѣленія спеціалистами матеріаловъ, хранящихся въ Кубанскомъ и Ставропольскомъ музеяхъ, чтобы придать силу высказаннымъ нами предположеніямъ, но предположенія эти, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, связаны и съ данными миѳовъ доисторическаго происхожденія.

Присутствіе первобытнаго человѣка на Сѣверномъ Кавказѣ въ слѣдующую неолитическую эпоху подтверждается солидными доказательствами. Правда, и въ этомъ отношеніи мало еще обнаружено и сдѣлать предстоитъ несравнено больше. Такъ, не извѣстно, существовали ли на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Кубанской области неолитическія стоянки и мастерскія, а также слѣды очаговъ и отбросныхъ ямъ, надъ которыми устраивались жилища. Но обиліе естественныхъ убѣжищъ, пещеръ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ нихъ долженъ былъ обитать дикарь неолитической эпохи.

Пещеръ этой эпохи много, но онѣ мало обслѣдованы. По словамъ г. Радде, «естественныя пещеры Кавказа до сихъ поръ (1879 г.) остаются неизслѣдованными, точно такъ же, какъ и вопросы, связанные съ этими памятниками доисторической эпохи». Свѣдѣнія наши о пещерахъ, говоритъ другой изслѣдователь Кавказа, А. П. Берже, весьма скудны. Между тѣмъ пещеры въ Закавказьѣ встрѣчаются, что называется, на каждомъ шагу, а на Сѣверномъ Кавказѣ онѣ находятся по ущельямъ р.р. Терека, Ардона, Баксана, Аргуна, Фіагь-дона, Индійскаго и Аварскаго койсу, Кара-койсу, въ Темиръ-ханъ-Шурскомъ округѣ и вообще по всему Дагестану.

Есть пещерныя жилища и въ Кубанской области. И. А. Владиміровъ, производившій изслѣдованія древняго христіанскаго храма у аула Секты въ Карачаѣ, Кубанской области, говоритъ, что въ этой мѣстности по р.р. Тебердѣ, Амчаты, Шаона, Индышу, Джанджерику и др., на ряду съ разными древними историческими памятниками, сохранились пещеры и «цѣлые пещерные города». Къ югу отъ Сентинскаго храма по ущелью въ отвѣсной скалѣ расположены пещеры для жилья и погребенія. Собственно пещеръ для жилья, расположенныхъ въ этомъ мѣстѣ на югъ и юго-востокъ, г. Владиміровъ насчиталъ восемнадцать.

Пещеры идутъ полукругомъ и по наружной сторонѣ вокругъ скалы къ нимъ продѣланъ былъ ходъ. При очисткѣ мусора, въ одной изъ пещеръ найдены были стекляной браслетъ и каменная буса, въ другой скелетъ, изгрызанный

звѣрями, отъ котораго сохранилась только часть, но уцѣлѣли даже рыжіе волосы. Тутъ же обнаружены были два клыка кабана, деревянная гребенка и два грубыхъ бронзовыхъ браслета. Очевидно, погребеніе имѣло здѣсь мѣсто въ позднѣйшее время, какъ на это указываетъ состояніе головы съѣденнаго звѣрями трупа, но такіе предметы, какъ каменныя бусы и даже грубые бронзовые браслеты могли сохраниться въ мусорѣ съ конца неолита.

Есть также пещеры возлѣ станицы Ключевой и въ скалахъ, окаймляющихъ бассейнъ рѣки Бѣлой, выше города Майкопа. Возлѣ станицы Баракаевской находится пещера, наполненная, по разсказамъ, массою человѣческихъ костей. Навѣрное, еще больше пещеръ совсѣмъ не обнаружено или свѣдѣнія о нихъ не попали въ печать.

Такимъ образомъ, самый фактъ существованія пещеръ съ явными признаками приспособленія ихъ для жилья и погребеній даетъ основаніе утверждать, что здѣсь когда-то существовалъ человѣкъ неолитической эпохи. Будущія изслѣдованія, быть можетъ, дадутъ болѣе опредѣленныя и разностороннія указанія на этотъ счетъ. Но то немногое, что извѣстно о пещерномъ человѣкѣ Закавказья, имѣетъ значеніе и для Сѣвернаго Кавказа. Пещерный человѣкъ жилъ охотою, рыбною ловлею и добываніемъ дикорастущихъ веществъ, составлявшихъ его растительную пищу. Найденный при раскопкахъ уголь свидѣтельствуетъ о томъ, что пещерный человѣкъ умѣлъ пользоваться огнемъ. Кромѣ грубыхъ орудій, у него уже была и грубая глиняная посуда. Расколотая человѣческая теменная кость и кисти руки, съ явными цѣлями извлеченія изъ нихъ мозга, указываютъ на слѣды людоѣдства, которому предавался первобытный человѣкъ.

У древнихъ писателей есть прямыя указанія на жизнь людей въ пещерахъ Сѣвернаго Кавказа и страны Скифіи. По свидѣтельству Страбона, троглодиты или пещерные люди жили въ пещерахъ Кавказскихъ горъ вслѣдствіе господствовавшихъ здѣсь холодовъ. Но изъ словъ тѣхъ же древнихъ писателей можно заключить, что за одну или двѣ тысячи лѣтъ до Р. Хр. пещерныхъ людей на Кавказѣ уже не было, что они существовали здѣсь далеко раньше и что писатели упоминали о пещерныхъ людяхъ, на основаніи лишь циркулировавшихъ разсказовъ, какъ о чемъ-то прошломъ, и писали о нихъ такъ же по слухамъ, какъ объ амазонкахъ, которыхъ не видѣли, но о которыхъ слышали. Слѣдовательно, и свидѣтельство древнихъ писателей указываетъ на отдаленную пору существованія на Кавказѣ пещерныхъ людей и во всякомъ случаѣ въ неолитическую эпоху, такъ какъ конецъ ея опредѣляется отъ 1000 до 1500 лѣтъ до Р. Хр.

Прямыя указанія на существованіе человѣка неолитической эпохи даютъ городища. Кубанская область богата городищами. Онѣ встрѣчаются по р. Кубани, за Кубанью и по степнымъ рѣчкамъ равнинной полосы.

На археологической картѣ Е. Д. Фелицына нанесено 96 городищъ и древнихъ укрѣпленій, изъ которыхъ 59 городищъ находятся по правую сторону Кубани и 37—по лѣвую. Степь вообще богаче городищами, чѣмъ Закубанье, и повидимому степныя городища попали на карту далеко не въ полномъ количествѣ. Главная масса городищъ расположена по правому крутому берегу Кубани, но встрѣчаются также городища по Еѣ и по Бейсугу, и по др. степнымъ рѣчкамъ. За Кубанью они расположены главнымъ образомъ по р. Лабѣ, по Урупу и по Зеленчуку. Вообще районъ древнихъ укрѣпленій и городищъ охватываетъ всю равнинную часть Кубанской области съ рѣчною долиною р. Кубани и упомянутыхъ выше ея притоковъ. И это понятно. Обитатель степныхъ равнинъ нуждался въ городищахъ и защитныхъ укрѣпленіяхъ больше, чѣмъ житель горныхъ мѣстъ.

Но, какъ извѣстно, городища возводились въ два періода - древнія въ неолитическую эпоху и позднѣйшія въ эпоху металлическую. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало или почти ничего изслѣдователями. Намѣчены лишь городища, да и то не всѣ. На единственной картѣ, принадлежащей собирателю историческихъ матеріаловъ по Кубанской области, Е. Д. Фелицыну, не только не отдѣльны древнія городища отъ позднѣйшихъ, но съ ними смѣшаны и укрѣпленія, возведенныя турками и татарами уже совсѣмъ въ позднія времена. Такъ, въ числѣ городищъ и укрѣпленій, расположенныхъ по Азовскому побережью, у Ахтарей и на Таманскомъ полуостровѣ должны быть, безъ всякаго сомнѣнія, татарскія и турецкія укрѣпленія позднѣйшаго времени. Можно, поэтому, сказать лишь одно, что многія изъ городищъ Кубанской области оставилъ послѣ себя человѣкъ неолитической эпохи. Въ нихъ онъ несомнѣнно укрывался отъ враговъ и, стало быть, жилъ здѣсь въ ту пору, когда жили и другія люди группами или племенами, въ сообществахъ, безъ чего не мыслима была бы борьба и не требовалось бы устраивать для защиты укрѣпленныхъ городищъ.

Въ Кубанской области совсѣмъ не найдено свайныхъ построекъ ни неолитической эпохи, ни послѣдующаго затѣмъ времени. Одинъ изъ изслѣдователей Кавказа г. Ф. Байернъ, открывшій свайныя постройки въ 1849 г. въ Закавказьѣ на оз. Гокча, сдѣлалъ предположеніе о возможности существованія свайныхъ построекъ возлѣ Тамани. На эту

мысль навело его накопленіе въ высокихъ берегахъ Таманскаго полуострова значительныхъ культурныхъ отложеній, состоявшихъ изъ черепковъ, посуды, орудій, костей, золы, угольевъ, дерева, раковинъ и др. предметовъ, указывающихъ на жилище человѣка. Смѣшавши культурныя отложенія надъ свайными постройками съ кухонными остатками типа датскихъ «кьеккенмединговъ», г. Байернъ говоритъ, что «хорошее понятіе о подобныхъ остаткахъ даютъ намъ берега Керченскаго пролива, особенно близъ Еникале и Тамани», гдѣ остатки эти находятся въ смѣси съ большими пластами растеній Zos Tera, образующими слой культурной почвы въ 2,3 сажени толщины.

Культурныя отложенія высокихъ береговъ возлѣ Тамани дѣйствительно образовались изъ отбросовъ отъ кухни и обстановки людей, жившихъ здѣсь, но между ними и слѣдами свайныхъ построекъ или кухонныхъ кучъ нѣтъ ничего общаго: это подтверждается изслѣдованіями.

При раскопкахъ Таманскаго берега въ 1852 году Р. К. Бѣгичевымъ, обнаружены были три слоя изслѣдуемыхъ отложеній. «Верхній слой, толщиною до двухъ саженей, представлялъ смѣсь чернозема, камки, золы и всякаго мусора, показывавшаго его недавнее образованіе; средній, почти такой же толщины, состоялъ преимущественно изъ наноснаго ила и отдѣлялся отъ верхняго неправильнымъ слоемъ камня отъ развалинъ бывшихъ на немъ построекъ. Слой этотъ по формѣ сосудовъ, въ немъ найденныхъ во время изслѣдованій, а также по устройству гробницъ, которыя были всѣ земляныя и безъ всякой покрышки, очевидно, турецкаго происхожденія. Почти подъ нимъ лежитъ слой древней насыпи, собственно греческой, отличающійся ровнымъ цвѣтомъ сѣроватой глины, перемѣшанной съ черепками битыхъ сосудовъ греческой работы. Въ этой насыпи мѣстами прорѣзываются тонкіе слои камки, показывающіе присутствіе древнихъ гробницъ».

Такимъ образомъ, культурныя отложенія оказались слѣдами поселеній трехъ народностей, поселившихся на одномъ и томъ же пепелищѣ,—русской, турецкой или вѣрнѣе татарско-турецкой и греческой временъ Боспорскаго царства. Греки, самые древнѣйшіе поселенцы изъ этихъ трехъ народовъ, основали свои колоніи здѣсь за VI вѣковъ до Р. Хр, но не только пережили уже въ тѣ времена каменный вѣкъ, но находились въ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія металлической эпохи. За это время образовался обрывъ въ 10 саж высотою, въ которомъ культурный слой отложеній составлялъ отъ 5 до 6 саженей, а остальная часть была материкомъ

Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о кухонныхъ отбросахъ типа датскихъ «кьеккенмедингов». Такіе прибрежные отбросы заключали бы въ себѣ орудія и посуду каменнаго вѣка, а по характеру остатковъ отъ пищевыхъ матеріаловъ существенно отличались бы отъ верхнихъ наслоеній, такъ какъ слѣды этихъ людей каменнаго вѣка древнѣе даже свайныхъ построекъ. Очень можетъ быть, что «кьеккенмединги» и есть гдѣ-нибудь по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, но они не найдены еще въ Кубанской области.

Не найдены и свайныя постройки, хотя, быть можетъ, онѣ также есть въ Кубанской области. А. П. Берже въ своемъ обзорѣ «Кавказъ въ археологическомъ отношеніи» глухо упоминаетъ, что свайныя постройки на Сѣверномъ Кавказѣ можно предположить въ окрестностяхъ Пятигорска, на равнинѣ Ставрополя и между Екатеринодаромъ и Азовскимъ моремъ, а также на Таманскомъ полуостровѣ. Если относительно возможности существованія свайныхъ построекъ у Пятигорска и особенно на какой-то равнинѣ у Ставрополя, расположеннаго на полуобнаженныхъ холмахъ твердыхъ третичныхъ породъ, на высотѣ почти 2000 футовъ надъ уровнемъ моря, и можно сомнѣваться, то присутствіе этихъ доисторическихъ сооруженій у береговъ Азовскаго моря и по долинѣ р. Кубани кажется совершенно возможнымъ и естественнымъ. Кубань оставила уже громадные наносы песку, глины, деревьевъ и пр., подъ которыми могли быть погребены и свайныя постройки доисторическаго человѣка. Уровень водъ Азовскаго моря также отступилъ далеко на западъ, и на мѣстахъ бывшихъ свайныхъ построекъ также могли быть нагромождены очень значительныя отложенія аллювія, покрывшія мѣста свайныхъ построекъ.

Безусловно точными показателями существованія человѣка неолитической эпохи въ Кубанской области служатъ древнія каменныя сооруженія. Мегалитическія постройки въ видѣ дольменовъ распространены по всей горной части Кубанской области и въ сосѣдней Черноморской губерніи. На археологической картѣ Е. Д. Фелицына, составленной 1882 году, нанесены эти сооруженія доисторическаго человѣка, но въ крайне ограниченномъ количествѣ. Однако, даже въ такомъ видѣ карта даетъ очень характерное указаніе. Оказывается, что въ мѣстахъ, гдѣ отсутствуютъ курганы и городища, начинаютъ появляться дольмены и отсюда они поднимаются выше въ горы. Представители неолитической эпохи какъ бы отграничили одни виды памятниковъ отъ другихъ въ связи съ топографическимъ характеромъ мѣстности. Въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано болѣе подробно о дольменахъ,

но въ данномъ случаѣ важно отмѣтить лишь тотъ прочно установленный въ наукѣ фактъ, что дольмены современны концу неолитической эпохи и что открытыя въ нихъ находки принадлежатъ представителямъ этой эпохи. Слѣдовательно, дольмены строилъ и въ нихъ погребалъ покойниковъ во всякомъ случаѣ человѣкъ каменнаго вѣка въ неолитическую эпоху. Первобытный человѣкъ въ ту пору обиталъ въ горахъ и занималъ мѣста въ Закубаньѣ, начиная съ верховьевъ р. Лабы и оканчивая берегами Чернаго моря и Таманскаго полуострова.

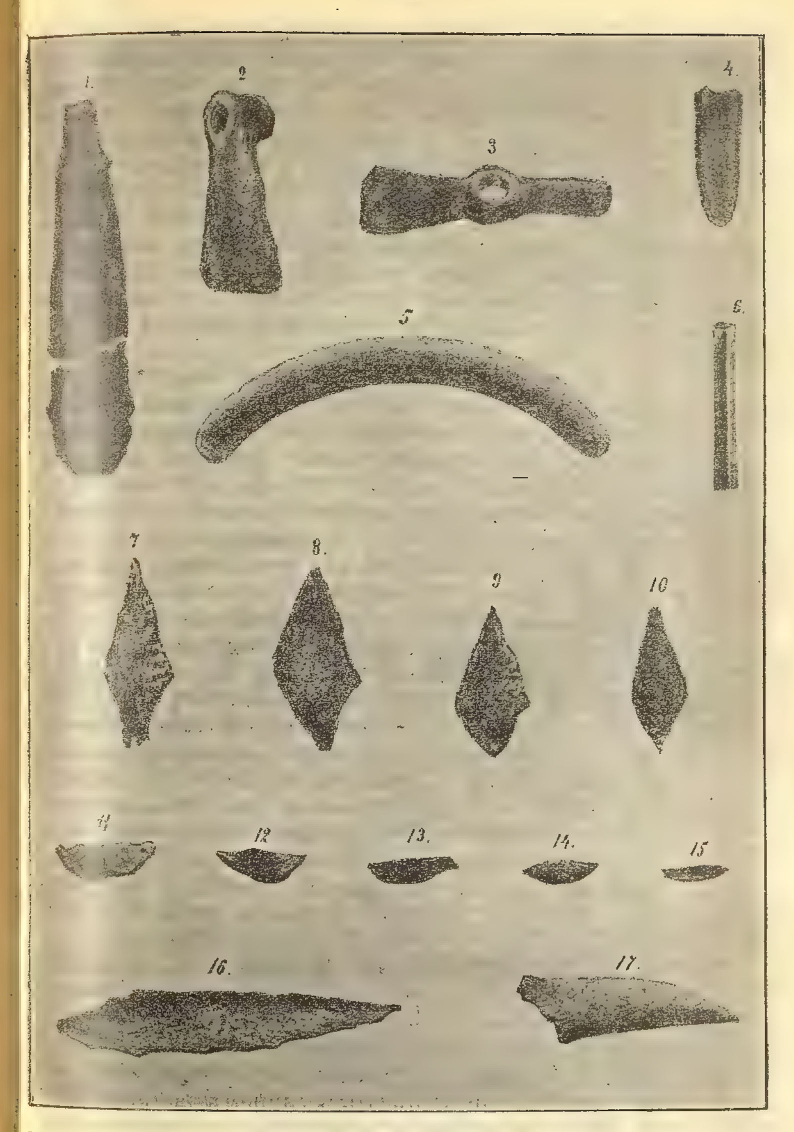
И такъ, въ Кубанской области несомнѣнно существовалъ первобытный человѣкъ неолитической эпохи. Онъ оставилъ послѣ себя пещеры, въ которыхъ обиталъ во времена доисторическія, городища, служившія для него мѣстами убѣжища и защиты, и значительное количество дольменовъ, надгробныхъ памятниковъ надъ похороненными въ нихъ покойниками.

Кромѣ этихъ крупныхъ показателей слѣдовъ неолитическаго человѣка, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области обнаружены были при раскопкахъ, преимущественно кургановъ и могильниковъ, орудія и издѣлія, относящіяся къ каменному вѣку. Въ однихъ мѣстахъ найдены кремневыя орудія— наконечники копій и стрѣлъ, скребки, ножи и пр., въ другихъ—орудія каменныя шлифованныя, преимущественно топоры и молотки, въ третьихъ—костяныя и роговыя издѣлія.

Такъ, профессоръ Н. И. Веселовскій, производившій раскопки кургановъ и могильниковъ Кубанской области въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, открылъ слѣдующіе предметы, имѣющіе отношеніе къ концу неолитической эпохи.

Кремневые наконечники стрѣлъ и копій въ курганахъ г. Майкопа и станицъ Костромской, Царской и Келермесской, въ послѣдней въ одномъ дольменѣ 6 зубчатыхъ кремневыхъ наконечниковъ копій и въ другомъ 7 кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ кремневыми наконечниками, съ одной стороны, найдены и металлическіе предметы, преимущественно изъ мѣди, а съ другой— наконечники изъ кремня оказались въ дольменахъ, гробницахъ неолитической эпохи, то надо полагать, что находки эти принадлежали людямъ конца неолита или переходнаго времени отъ неолитическаго періода къ бронзовому.

Въ курганѣ найдены также и кремневые ножи, скребки и зубила. Въ одномъ курганѣ станицы Новолабинской оказались вмѣстѣ со скелетомъ, похороненномъ въ согнутомъ положеніи головою на югъ, кремень въ лѣвой рукѣ покойника, глиняный горшокъ въ головахъ, тонкій мѣдный стержень, кремневый ножъ и кремневый обломокъ; и въ дру-



Находки каменнаго и бронзоваго вѣка. Найдено близъ Майкопа, Кубанской области: 1) мѣдное оружіе въ видѣ кинжала, 2) мѣдная кирка, 3) мѣдный топоръ съ киркой въ тульѣ, 4) плоскій мѣдный клинъ, 5) каменная точилка, 6) каменная точилка съ пробойчикомъ, 7—10) кремневыя наконечники стрѣлъ ромбовидной формы, 11—15 кремневые наконечники стрѣлъ въ видѣ полулунокъ и, въ станицѣ Костромской, Майкопскаго отдѣла, 16—17) кремневыя наконечники.

гомъ курганѣ этой же станицы, въ головахъ согнутаго также костяка—два мѣдныхъ копья и три кремневыхъ орудія: два скребка и ножъ. Вблизи Армавира въ одномъ курганѣ, при изогнутомъ костякѣ головой на югъ, обнаружены вмѣстѣ съ глинянымъ сосудомъ, мѣдной пряжкой и серебряной серьгой два тонкіе кремневые ножичка, а въ другомъ—у скелета, окрашеннаго темнобурою краскою,—два кремневыхъ ножа и кремневое зубило. Кремневыя орудія могли конечно принадлежать и людямъ палеолитической эпохи, но наличность металлическихъ вещей указываетъ на погребеніе въ концѣ эпохи неолитической, когда вмѣстѣ съ каменными орудіями начали появляться и орудія металлическія преимущественно изъ мѣди.

Изъ другихъ орудій, характерныхъ для неолитической эпохи, оказались въ курганѣ возлѣ ст. Новолабинской полированный молотокъ изъ сіенита вмѣстѣ съ предметами позднѣйшаго времени, а въ курганѣ вблизи Майкопа каменный топоръ въ видѣ плоской лопатки. Въ курганѣ стан. Царской профессоръ Веселовскій нашелъ двойное погребеніе, разновременно произведенное въ дольменахъ, засыпанныхъ землею, и въ числѣ разнообразныхъ предметовъ каменныя орудія и красную краску. Погребенія въ курганахъ станицы Тульской отличались бѣдною обстановкою, но въ одномъ изъ нихъ найденъ каменный браслетъ и мѣдная ручка отъ сосуда. Во многихъ курганахъ встрѣчались также каменныя подвѣски, костяныя бусы, просверленные галыши и т. п. Характерную черту погребеній, обнаруженныхъ профессоромъ Веселовскимъ въ курганахъ Кубанской области, составляло также присутствіе краски то красной, то бурой, то темнобурой, которою были окрашены, а иногда просто залиты кости и предметы. Въ нѣкоторыхъ курганахъ краска—охра или сурикъ—была положена при погребеніи кусками. Присутствіе красокъ указываетъ на то, что древній человѣкъ или окрашивалъ тѣло, или же натиралъ красками кости покойниковъ.

Вообще раскопки профессора Веселовскаго, сосредоточенныя усключительно на курганахъ и отчасти дольменахъ, носили свой спеціальный характеръ. Такъ какъ курганы принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ и преимущественно къ позднѣйшему времени, то древнія погребенія конца неолитической эпохи могли встрѣчаться лишь мѣстами въ видѣ исключеній. Многочисленные и разнообразные предметы изъ мѣди и бронзы, добытые въ большинствѣ кургановъ, характерны для бронзоваго вѣка, а такіе же предметы и обиліе при нихъ золота и золотыхъ украшеній указываютъ на погребенія скифскія. По этому, предметы и издѣлія неолити-

ческой эпохи могли попадать при погребеніяхъ бронзоваго вѣка, какъ остатки отъ прошлаго, или же они относились къ неолитической эпохѣ, какъ на это указываетъ присутствіе ихъ въ дольменахъ и въ нѣкоторыхъ древнихъ могильникахъ временъ неолита.

Нужно замѣтить, что профессоръ Веселовскій сосредоточилъ раскопки исключительно въ закубанской полосѣ и при Кубани. Между тѣмъ степная часть области несравненно богаче курганами, и если между ними встрѣчается много кургановъ позднѣйшаго времени, особенно татарскихъ сторожевыхъ, то есть и курганы болѣе древняго происхожденія, а также городища, изслѣдованія которыхъ могли бы дать указанія о временахъ давно минувшихъ. Жители находятъ иногда случайно предметы неолитической эпохи. Такъ, въ верхнихъ слояхъ большого кургана, находящагося въ станицѣ Брюховецкой, случайно былъ найденъ каменный шлифованный молотокъ, вымытый, надо полагать, водою изъ насыпи.

На картѣ Е. Д. Фелицына стан. Брюховецкая отмѣчена знакомъ находокъ каменнаго вѣка. Такіе же знаки стоятъ у станицъ Ильинской и Темнолѣсской, изъ которыхъ на земляхъ послѣдней находится также цѣлыхъ пять древнихъ городищъ. Связь такихъ историческихъ памятниковъ съ обитаніемъ здѣсь человѣка въ неолитическую эпоху можно считать конечно вполнѣ вѣроятною

В. И. Сизовъ также обнаружилъ предметы неолитической эпохи при раскопкахъ памятниковъ и могильниковъ въ Кубанской области и Черноморской губерніи. Такъ, имъ найдены въ дальменѣ близъ сел. Геленджикъ рукоятка къ топору изъ оленьяго рога, подвѣска изъ камня и четырехгранное костяное шило временъ неолита, на городищѣ Нагай-кале, возлѣ станицы Раевской—остріе изъ кости, топоры-клинья изъ свѣтлозеленаго камня и пр., характерное для той же эпохи.

Въ Кубанскомъ и Ставропольскомъ музеяхъ хранятся предметы неолитической эпохи, въ первомъ—каменный шлифованный молотокъ, каменный полированный топоръ—кирка, добытый изъ городища станицы Воронежской, 6 каменныхъ топоровъ—кирокъ, обнаруженныхъ въ Екатеринодарскомъ городищѣ, и кремневая стрѣла, найденная возлѣ Тамани, и во второмъ—шлифованный молотокъ изъ песченика, найденный на границѣ Кубанской и Терской областей, такой же молотокъ, отысканный возлѣ сел. Св. Нины на р. Кумѣ, и превосходно отпалированный молокъ изъ зміевика, добытый возлѣ Ачукулакской ставки. Въ обоихъ музеяхъ собрано очень много глиняной цѣльной посуды и обломковъ ея, характерныхъ для неолитической эпохи. Очень можетъ быть,

что часть каменныхъ памятниковъ попала въ погребенія позднѣйшаго времени, какъ старинные, носившіе характеръ реликвій, предметы, но несомнѣнно, что многіе изъ нихъ являются показателями пребыванія неолитическаго человѣка на Кавказѣ, особенно остатки древнихъ или глиняныхъ сосудовъ. Замѣчательно, что и въ этомъ отношеніи районъ находокъ совпадаетъ главнымъ образомъ съ мѣстами, входящими въ Эльбрусскій контрфорсъ

Наконецъ, лингвисты, на основаніи сравнительнаго изученія языковъ у мѣстныхъ горскихъ народностей установили тотъ важный фактъ, что Кавказъ былъ обитаемъ во времена самой глубокой древности. Извѣстный кавказскій лингвистъ генералъ Усларъ высказалъ мнѣніе, что кавказскіе горцы представляютъ собою ничтожные остатки множества народовъ, населявшихъ въ доисторическія времена огромныя полосы земли въ Азіи и Европѣ и принадлежавшихъ къ одной расѣ, которая вездѣ исчезла, за исключеніемъ Кавказа. Кавказъ, по мнѣнію этого знатока горскихъ языковъ, былъ не путемъ переселенія народовъ, а убѣжищемъ племенъ, гонимыхъ и истребляемыхъ на равнинахъ. Если первое предположеніе объ исчезнувшей расѣ можно считать рискованнымъ, то второе имѣетъ за собою историческую подкладку, подкрѣпляемую фактами.

Самый же актъ заселенія Кавказа людьми носилъ, по даннымъ мѣстной лингвистики, такой характеръ: Кавказъ заселялся съ двухъ сторонъ—съ сѣвера и юга. Таково мнѣніе Услара. „Уже теперь", говоритъ другой кавказскій языковѣдъ, Л. П. Загурскій, „на основаніи имѣющихся лингвистическихъ данныхъ, можно безошибочно указать, что предки горцевъ Восточнаго Кавказа пришли съ сѣвера и подвигались на югъ, далѣе на то, что они жили въ странѣ низменной и довольно холодной". По мнѣнію г. Загурскаго, на Кавказъ прежде всѣхъ прибыли съ юга народы картвельскіе, предки нынѣшнихъ грузинъ, а съ сѣвера—лезгины, чеченцы и, по всей вѣроятности, абхазцы и черкесскія племена. Къ древнимъ обитателямъ онъ относитъ и осетинъ, а этнографъ Пфафъ считаетъ ихъ самыми древними обитателями Кавказа, занимавшими въ былыя времена и часть Кубанской области подъ именемъ библейскаго народа Гомеръ или Киммерійцевъ.

Позже на Кавказъ явились народы, говорящіе иранскимъ языкомъ. Это были представители персидской культуры—таты и курды, двинувшіеся съ юга на сѣверъ. Наконецъ, еще позже надвинулись на Кавказъ народы тюркскаго племени съ С. В. и съ Ю. В. Эти два послѣдующія переселенія на Кавказъ иранцевъ и тюрковъ какъ бы охватили съ трехъ

сторонъ аборигеновъ Кавказа. Такъ какъ иранцы заняли Кавказъ въ древнѣйшія времена, отмѣченныя библейскою исторіею еврейскаго народа, то, очевидно, аборигены Кавказскаго края жили уже здѣсь со временъ каменнаго вѣка и были представителями людей неолитической эпохи.

Какъ вообще долго и съ какого времени жили эти аборигены или тѣ первобытные люди, которые оставили послѣ себя въ Кубанской области цѣлый рядъ памятниковъ неолитической эпохи, отвѣта на этотъ вопросъ не дали ни языкознаніе, ни доисторическая археологія. Вопросъ этотъ является открытымъ въ антропологіи. Существуютъ лишь догадки и предположенія, безусловно достовѣрныя въ одномъ отношеніи, что люди каменнаго вѣка существовали въ продолженіе громаднаго періода времени.

Представители науки пытались опредѣлить этотъ періодъ—одни по даннымъ астрономіи, другіе по указаніямъ геологіи. Такъ, Кролль, по астрономическимъ даннымъ, принялъ 160,000 лѣтъ для четвертичной эпохи, а извѣстный геологъ Ч. Ляйэль, основываясь на поднятіи и опусканіи нѣкоторыхъ частей Европейскаго материки, опредѣлилъ продолжительность этой эпохи болѣе чѣмъ въ 100,000 лѣтъ. По отложеніямъ нильской дельты, Горнеръ нашелъ, что черепокъ посуды, извлеченный изъ глубины наноса въ 12 метровъ, пролежалъ здѣсь 13,000 лѣтъ. Такія же исчисленія были сдѣланы относительно наносовъ рѣкъ Соны, Роны, Миссисипи и др. Но эти единичныя и обособленныя изслѣдованія не дали какихъ либо общихъ основаній для точнаго исчисленія продолжительности такихъ эпохъ, какъ палеолитическая и неолитическая. Отдѣльныя же мнѣнія ученыхъ очень рѣзко расходятся въ этомъ отношеніи.

Собственно наиболѣе точную дату установили ученые изслѣдователи для одного лишь времени перехода отъ неолитическаго періода къ періоду бронзовому, но и то, разумѣется, съ извѣстными колебаніями. Такъ, для Сѣверной Европы конецъ неолитической эпохи относятъ къ 1500 лѣтъ до Р. Хр., для Франціи, по мнѣнію Картальяка, около 1200 л., а самый поздній предѣлъ за 1000 л. до христіанской эры. Слѣдовательно, относительно Кубанской области можно сказать одно, что до этихъ историческихъ граней жили уже въ ней люди, а какъ долго—это закрыто мракомъ, который предстоитъ еще разсѣять путемъ мѣстныхъ изслѣдованій о людяхъ каменнаго вѣка.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, съ одной стороны, присутствіе въ Кубанской области такихъ доисторическихъ памятниковъ, какъ пещеры троглодитовъ, древнія городища, слѣды циклопическихъ построекъ и обиліе доль-

меновъ, разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ въ горахъ, а съ другой—отмѣченныя выше находки неолитической эпохи и указанія лингвистики, то присутствіе людей этой эпохи въ Кубанской области можно считать не подлежащимъ никакому сомнѣнію фактомъ.

Но кромѣ геологическихъ, археологическихъ, антропологическихъ и лингвистическихъ данныхъ о первобытныхъ людяхъ, которыя въ обиліи могутъ дать дальнѣйшія изслѣдованія въ Кубанской области и на Кавказѣ, есть еще одна область историческихъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что на Кавказѣ очень давно, въ доисторическія времена, существовалъ человѣкъ, какъ разумное существо, о которомъ сохранились у людей воспоминанія. Такія воспоминанія воплощены въ мифахъ и народныхъ сказаніяхъ, обнимающихъ ту часть доисторической жизни первобытныхъ людей, которая началась въ отдаленныя времена палеолитической эпохи, а окончилась во времена историческія.

Но это составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Мифологическая исторія.

Первыя, выраженныя въ человѣческой рѣчи, данныя по исторіи людей заключаются въ народныхъ мифахъ и сказаніяхъ, изображающихъ выдающіеся моменты изъ отдаленнаго прошлаго человѣчества. Въ образахъ мифическихъ героевъ и въ ихъ чудесныхъ дѣяніяхъ воплощаются обыкновенно событія, имѣвшія особенно важное значеніе въ жизни человѣка. Одни мифы, поэтому, касаются сѣдой древности, другіе—временъ позднѣйшихъ. Тѣ и другіе однако всегда скрываютъ въ себѣ дѣйствительныя, но въ замаскированномъ поэтически видѣ, явленія изъ жизни людей.

Такія сказанія существуютъ и относительно отдаленнаго прошлаго Кубанской области. По нимъ могутъ быть воспроизведены, если не исторія опредѣленнаго народа, то во всякомъ случаѣ событія, тѣсно связанныя съ жизнію первобытныхъ людей и съ мѣстной доисторической стариной.

Въ средѣ казачества и теперь еще навѣрное живы воспоминанія о тѣхъ чудесныхъ явленіяхъ, которыми, по разсказамъ старыхъ боевыхъ казаковъ, изобиловали горныя мѣста Кавказа. По обращавшимся въ ту пору въ средѣ населенія сказаніямъ, непосредственно за Кубанью жили черкескія племена, далѣе въ горахъ богатыри, а еще далѣе за горами—«песиголовцы».

Черкесы были хотя и лютыми врагами казака, но такіе же люди, какъ и всѣ.

Богатыри, по разсказамъ бывалыхъ пластуновъ, были настоящіе люди, родственные и похожіе на русскихъ, но отличавшіеся громаднымъ ростомъ и необычайною физическою силою. Казаки увѣрены были, что эти великаны христіане и даже православные. Жили богатыри въ каменныхъ постройкахъ, сложенныхъ изъ громадныхъ тысячепудовыхъ глыбъ. На русскихъ они никогда не нападали и не причиняли имъ ни малѣйшаго вреда. Видѣть богатырей удавалось только въ чрезвычайныхъ случаяхъ; сами богатыри всячески старались не попадаться людямъ на глаза и обставляли свою жизнь таинственностью. По разсказу пластуна станицы Новодеревянковской, разъ цѣлый отрядъ казаковъ видѣлъ богатыря. Произошло это при исключительныхъ обстоятельствахъ. Отрядъ во главѣ съ извѣстнымъ казачьимъ генераломъ Бабычемъ чинилъ розыски въ горахъ и громилъ черкесовъ. И вотъ, ког-

да весь отрядъ занялъ одну изъ горныхъ вершинъ, на другой смежной вершинѣ, въ близкомъ разстояніи отъ отряда, изъ богатырской хаты вышелъ великанъ-мужчина. Высокій, стройный съ широкими плечами, съ „строгимъ поглядомъ" и могучими руками, онъ снялъ покрышку съ своей хаты, громадную плиту вѣсомъ примѣрно въ тысячу пудовъ, положилъ ее на ладонь полусогнутой лѣвой руки, а сверху на эту каменную глыбу посадилъ жену, такую же маленькую и шуструю, какъ и „наши черноморки", и съ этою ношею невозмутимо спокойно, мѣрною поступью отправился въ горы

„Прикажете стрѣлять съ пушки?" спросили артиллеристы-казаки стараго генерала.

„Нѣтъ, отвѣтилъ генералъ, не надо, этого и пушка не возьметъ".

И богатырь, на виду оцѣпенѣвшаго отъ неожиданнаго зрѣлища отряда, „пашовъ, пашовъ и пашовъ прямо въ горы".

Это былъ послѣдній богатырь, котораго видѣли казаки. Какъ только покорены были черкесы и заняты русскими горы, богатыри ушли въ другія мѣста, оставивши свои хаты.

„Песиголовцы" представляли собою получудовищъ людей, съ однимъ большимъ, какъ у вола, песьимъ глазомъ во лбу. Казаки никогда не видѣли „песиголовцевъ", потому что не имѣли никакихъ сношеній съ ними. Посредниками у „песиголовцевъ" были черкесы. Дѣло въ томъ, что песиголовцы были людоѣдами, и черкесы поставляли имъ русскихъ плѣнниковъ для удовлетворенія ихъ ужасной страсти къ человѣческому мясу. Какъ только плѣнникъ попадалъ отъ черкесовъ къ песиголовцамъ, послѣдніе немедленно сажали его въ глубокую яму и кормили здѣсь до отвалу медомъ и жаренными орѣхами. Пища эта будто бы способствовала значительному отложенію жира въ тѣлѣ, плѣнники быстро толстѣли, и песиголовцы имѣли обыкновеніе нарѣзать у нихъ въ видѣ пробы кончики пальцевъ. Если на порѣзѣ показывалась кровь, песиголовцы еще усерднѣе старались откормить плѣнника; если же жира накоплялось такъ много, что, при порѣзѣ пальца, онъ завалакивалъ и удерживалъ кровь, тогда песиголовцы съѣдали плѣнника, при торжественной обстановкѣ, съ жадностью отъявленныхъ людоѣдовъ. Казачье населеніе вѣрило всему этому, хотя казакамъ достовѣрно было извѣстно одно, что черкесы дѣйствительно сажали плѣнниковъ въ глубокія ямы, за неимѣніемъ тюремъ, и затѣмъ нерѣдко перепродавали ихъ въ рабство въ другія болѣе отдаленныя мѣста.

Такъ, еще въ очень недавнее время, народъ объяснялъ себѣ таинственные остатки прошлаго людей въ видѣ исто-

рическихъ памятниковъ и еще болѣе таинственныя, неизвѣданныя мѣста въ горахъ и за горами. И неудивительно, явленія, легшія въ основу сказаній, были необычайны. Если не богатыри, то «богатырскіе хаты», какъ назвалъ народъ дольмены, сохранились до нашихъ дней. Казаки видѣли эти по истинѣ удивительныя сооруженія и фантазія дополнила видѣнное таинственнымъ и чудеснымъ. Для пущей важности разсказчики превратили себя въ очевидцевъ, заставили участвовать въ этомъ популярнаго генерала и т. п.

Все это конечно лишь частности, варьяціи мѣстнаго характера, за которыми отчетливо проглядываютъ болѣе общія идеи, имѣющія широкое значеніе для исторіи людей и тѣсно связанныя съ вопросомъ о древнемъ человѣкѣ. Очень характернымъ въ данномъ случаѣ является то обстоятельство, что казаки воплотили свои сказанія въ мифическія образы людоѣдовъ и богатырей, имѣющіе общеисторическое и общечеловѣческое значеніе. Наша мѣстная Кубанская исторія тѣсно связана съ такими имѣнно общечеловѣческими мифами.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи должно быть отведено сказанію о Прометеѣ. Это несомнѣнно самый древній мифъ, имѣвшій широкое распространеніе въ отдаленное отъ насъ время и у различныхъ народностей. Черту эту поэтически оттѣнилъ великій греческій поэтъ Эсхилъ, жившій между 525 и 456 годами до Р. Хр. «Прометея оплакиваютъ, говоритъ онъ, воинственныя неустрашимыя дѣвы, живущія въ Колхидѣ, и скифы, обитающіе ордами вокругъ Меотійскаго болота, на краю свѣта, и храбрый цвѣтъ арійскаго племени (т. е. мидяне), которые живутъ высоко въ скалистыхъ укрѣпленіяхъ, въ Воротахъ Кавказа, грозное войско, гремящее блестящими копьями».

Такимъ образомъ, по свидѣтельству греческаго поэта, полубогъ Прометей пользовался широкою извѣстностью и у колхидскихъ амазонокъ, обитавшихъ вблизи нынѣшняго Ріона, и многочисленныхъ скифовъ, кочевавшихъ тогда вокругъ Азовскаго моря и смежныхъ береговъ—Чернаго, и у воинственныхъ мидянъ, живущихъ по ту сторону Закавказья. У грековъ и римлянъ мифъ о Прометеѣ составлялъ столь важную и нераздѣльную часть общей ихъ мифологіи, что судьбу Прометея принято связывать съ исторіей одной Греціи и самый мифъ считать неотъемлимою принадлежностью этихъ двухъ классическихъ народовъ. Но Эсхилъ превосходно очертилъ ту область распространенія мифа у другихъ народностей, которая концентрировалась и примыкала къ мѣсту страданій прикованнаго къ Кавказской скалѣ Прометея. Стало быть, уже на зорѣ исторіи Кубанская область входила въ составъ мѣстностей, населеніе ко-

торыхъ чтило полубога Прометея. И дѣйствительно, сказанія о Прометеѣ сохранились до нашихъ дней у многихъ Кавказскихъ народовъ.

У большинства древнихъ писателей сказаніе о Прометеѣ въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе сходно. Прометей за похищеніе съ неба огня и передачу его людямъ былъ прикованъ къ горамъ Кавказа, по приказанію громовержца Зевса. Сюда каждый день прилеталъ орелъ, терзавшій печень Прометея, но то, что пожиралъ орелъ, вновь наростало къ слѣдующему его прилету. Мученія эти Прометей претерпѣвалъ до тѣхъ поръ, пока не явился Геркулесъ, который убилъ орла и освободилъ Прометея отъ оковъ.

Прикованный Прометей.

Два крупныхъ писателя древности, Гезіодъ и Эсхилъ, связали свои имена съ мифомъ о Прометеѣ. Гезіодъ повѣствуетъ, что Прометей былъ посредникомъ между богами и людьми, когда боги уславливались съ людьми о томъ, какія почести должны воздавать имъ люди. Прометей, принося жертву богамъ, разрѣзалъ жертвенное животное на двѣ части и рѣшился надуть боговъ, прикрывши худшія части мяса кусками жира. Зевсъ, знавшій эту плутню, нарочито выбралъ худшую часть жервы и лишилъ за это людей огня. Тогда Прометей укралъ съ неба огонь и передалъ его людямъ, за что и подвергся гнѣву Зевса. По Эсхилу Прометей просто укралъ у небожителей огонь, за что и былъ наказанъ.

Но это не мѣняетъ общей схемы мифа. За этою схемою у разныхъ классическихъ писателей сообщаются

подробности, различнымъ образомъ освѣщающія основную идею мифа. Такъ, древніе писатели расходятся прежде всего въ своихъ показаніяхъ о мѣстѣ, гдѣ былъ прикованъ къ скалѣ Прометей.

По однимъ писателямъ, Прометей былъ прикованъ къ горамъ Кавказа, по другимъ къ Эльбрусу, по третьимъ къ скалѣ Скифіи, т. е. опять таки къ Эльбрусу.

Апполоній Родосскій, жившій между 250 и 200 годами до Р. Хр., такъ описываетъ страданія Прометея и мѣсто, гдѣ онъ находился.

«Странствующимъ грекамъ, говоритъ Апполоній, виднѣлась уже бухта Понта и показались уже высокія вершины Кавказа, гдѣ Прометей, прикованный желѣзными цѣпями къ дикимъ скаламъ, своею печенью кормилъ орла, который постоянно къ нему возвращался. Они видѣли вечеромъ, какъ высоко надъ кораблемъ онъ леталъ съ большимъ шумомъ у самыхъ облаковъ; отъ взмаховъ его крыльевъ раздувались паруса, такъ какъ это не была одна изъ тѣхъ обыкновенныхъ птицъ, которыя летаютъ по воздуху; у нея были крылья на подобіе обтесанныхъ веселъ. Вскорѣ послѣ того они услышали стоны Прометея, у котораго была вырываема печень. Въ воздухѣ раздавались плачевные крики, пока они не увидѣли кровожаднаго орла, возвращавшагося по той же дорогѣ. Ночью же они, благодаря опытности Аргоса, пріѣхали къ широкой рѣкѣ Фазису, къ крайнимъ предѣламъ Понта».

Кто былъ свидѣтелемъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря ужаснаго дѣйствія нордоста или боры, особенно ночью и зимою, когда вѣтеръ стонетъ, реветъ и воетъ, тотъ живо можетъ представить себѣ это описаніе страданій Прометея, полета большого орла и могучихъ взмаховъ крыльями, отъ которыхъ раздувались паруса. Подъ ревъ и завыванья бури отъ нордоста настроенное суевѣрно воображеніе и предвзятыя представленія могутъ принять совершенно реальные образы и формы.

Но сказаніе это въ редакціи Апполонія Родосскаго болѣе другихъ отклоняется отъ большинства сказаній, переданныхъ древними писателями. По описанію Апполонія, Прометей былъ прикованъ къ скаламъ Кавказа и, судя по тому, что въ ту же ночь греки прибыли къ р. Фазису, дѣло происходило гдѣ-то вблизи нынѣшняго Поти, такъ какъ въ древности Фазисомъ назывался Ріонъ. Между тѣмъ всѣ другіе писатели помѣщаютъ Прометея далеко сѣвернѣе этихъ мѣстъ. Надо полагать, что греки, ѣхавшіе по морю, были въ той части Понта, откуда виднѣлась снѣговая вершина Эльбруса.

По мнѣнію софистовъ временъ Нерона, Прометей былъ прикованъ къ вершинѣ горы и «вершина эта была двуглавая»; полубогъ прикрѣпленъ былъ къ горѣ руками «не меньше стадіи разстоянія—такъ громаденъ былъ онъ». Софисты дали характерные признаки великана Эльбруса—его двуглавость и обширные размѣры, хорошо видные на многихъ мѣстахъ съ судовъ, идущихъ вдоль Черноморскаго побережья.

Арріанъ, жившій между 100 и 160 годами по Р. Хр., говоритъ: «видна была даже нѣкоторая вершина Кавказа, называемая Стромбиломъ, къ которой, какъ разсказываютъ, былъ прикованъ Прометей Вулканомъ, по приказанію Юпитера». Въ этомъ случаѣ вершина Кавказа названа уже своимъ именемъ. Стромбилъ—Эльбрусъ, по словамъ Услара.

Апполодоръ, жившій за 140 л. до Р. Хр. разсказываетъ, что «Прометей, сотворивъ людей изъ воды и земли, далъ имъ тайно отъ Зевса огонь, скрывши его въ стебелькѣ растенія» и что «Зевсъ, узнавши объ этомъ, приказалъ Гефесту приковать Прометея къ Кавказу. Это, поясняетъ онъ, есть гора въ Скифіи»,

Точно также древнѣйшіе греческіе писатели Гезіодъ и Эсхилъ указываютъ мѣсто, гдѣ прикованъ былъ Прометей, не на Кавказѣ, а къ какой-то скалѣ, примыкавшей къ Кавказу въ Скифіи.

Таковы важнѣйшія указанія древнихъ писателей о мѣстѣ, гдѣ страдалъ Прометей. Повидимому у грековъ понятія о Прометеѣ и Кавказѣ были неразрывно связаны. Но на самомъ Кавказѣ писатели помѣщали полубога въ опредѣленномъ мѣстѣ. Теоретически необходимо было такое мѣсто, которое бросалось бы въ глаза на ряду съ другими, рѣзко выдѣлялось бы по своимъ очертаніямъ. Это была гора или скала въ Скифіи, виднѣвшаяся далеко съ суши и съ береговъ Понта, какимъ и оказывается Эльбрусъ. Большинство древнихъ писателей, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ помѣщаетъ Прометея въ нынѣшнихъ мѣстахъ Кубанской области, на Сѣверномъ Кавказѣ и сосѣдней съ его величайшей вершиной Скифіи.

Греки и римляне глубоко вѣрили въ мифъ о Прометеѣ, возвели его въ свой культъ. По словамъ Аппіана, жившаго въ первой половинѣ второго по Р. Хр. столѣтія, Помпею, преслѣдовавшему по западной части горнаго Кавказа Митридата Евпатора, царя Босфорскаго, очень хотѣлось увидѣть то мѣсто, гдѣ былъ прикованъ Прометей; но Помпей могъ видѣть это мѣсто лишь чрезъ главный хребетъ въ отдаленіи, гдѣ возвышалась вершина Эльбруса. Цитированный выше Апполодоръ въ тонѣ глубоко вѣрующаго человѣка пишетъ о

страданіяхъ полубога: «Прометей, говоритъ онъ, былъ прикованъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, а орелъ каждый день прилеталъ и поѣдалъ у него часть печени, которая по ночамъ снова выростала. Такимъ образомъ, Прометей за то, что укралъ огонь, былъ наказанъ и страдалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не освободилъ его Геркулесъ». Объясненіе, данное въ духѣ чисто греческихъ міровоззрѣній.

Въ такомъ же духѣ чисто греческихъ міровоззрѣній даетъ свои поясненія къ мифу о Прометеѣ и Ферикидъ, жившій между 430 и 400 годами до Р. Хр. По словамъ этого писателя, орелъ, поѣдавшій печень, былъ необыкновенною птицею. Онъ произошелъ отъ двухъ ужасныхъ существъ — Тифона и Эхидны. Такой богъ, какъ Зевсъ - Громовержецъ, на достояніе котораго огонь посягнулъ Прометей, иначе и не могъ наказать виновнаго, какъ поручивши терзать его печень сверхъестественному орлу.

Освобожденный Прометей.

Даже такой здравомыслящій человѣкъ, какъ Цицеронъ, жившій между 106 и 43 годами до Р. Хр., не чуждъ былъ мистицизма Прометеевой легенды. Вотъ что устами Цицерона говоритъ прикованный къ Кавказу Прометей: „и это горестное страданіе, накопившееся въ продолженіе ужасныхъ вѣковъ, терзаемое тѣло, изъ котораго, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, сочатся растаявшія капли и падаютъ постоянно на Кавказскія горы“. Очевидно, воображенію блестящаго римскаго оратора живо представлялась голая фигура полубога Прометея, палимаго лучами солнца и истекавшаго соками собственнаго тѣла.

Но были древніе писатели, которые пытались установить

болѣе раціональный взглядъ на мифъ о Прометеѣ. Имъ казалось, что за мифомъ скрывается аллегорія.

Дурасъ Самоскій, жившій около 300 года до Р. Хр., даетъ объясненіе мифу, соединенное съ порицаніемъ боговъ за ихъ жестокій поступокъ. По его словамъ, Прометей былъ наказанъ жестоко Зевсомъ не за то, что укралъ у боговъ огонь, а за то, что влюбился въ богиню Афину. Поэтому, поясняетъ онъ, Кавказскіе горцы не приносятъ жертвъ Зевсу и Афинѣ за ихъ жестокую расправу съ Прометеемъ и очень почитаютъ Геркулеса за то, что онъ убилъ орла, мучившаго Прометея. По словамъ софистовъ, кавказскіе варвары преслѣдовали орловъ, сжигали ихъ гнѣзда, ставили западни и проч.

Болѣе реальное толкованіе пытался дать Геродоръ Гераклейскій, жившій за 500 лѣтъ до Р. Хр. По его словамъ, Прометей былъ царь скифскій. Такъ какъ онъ не могъ доставить своимъ подданнымъ скифамъ необходимаго пропитанія, вслѣдствіе разлива рѣки, называвшейся Аэтомъ, т. е. Орломъ, то скифы надѣли на своего царя Прометея оковы. Когда же около того времени прибылъ въ Скифію Геркулесъ, то онъ отвелъ рѣку Аэтъ въ море. Тогда стали возможны сообщенія съ сосѣдними мѣстностями и скифы освободили Прометея отъ оковъ. Объясненіе, имѣющее свой историческій интересъ. Оказывается, что Прометей не только почитался кавказскими народностями, но и происхожденія былъ не греческаго, а варварскаго, скифскаго.

Наконецъ, Аристоксенъ Тарентскій, жившій около 318 года до Р. Хр., видѣлъ въ мифѣ о Прометеѣ явную аллегорію, имѣвшую однако свою сверхъестественную подкладку. Человѣкъ Прометей, разсуждалъ онъ, произошелъ отъ божескаго провидѣнія и отъ Минервы, небесной мудрости. Божескій огонь, который жаждали получить люди, была въ сущности душа человѣческая, вдохнутая въ Прометея Богомъ. Про душу, подтверждаетъ свою мысль Аристоксенъ, и простолюдины говорятъ, что она украдена съ неба. Прометей, слѣдовательно, укралъ у боговъ для людей не огонь, а душу. Объясненіе, достойное по своему смыслу величественнаго мифа о Прометеѣ. Если полубогъ и получеловѣкъ Прометей укралъ у боговъ огонь съ неба, чтобы осчастливить людей, то почему бы этому мощному покровителю людей не украсть у тѣхъ же боговъ съ неба и самую душу человѣческую?

Таковъ въ общихъ чертахъ мифъ о Прометеѣ въ изложеніи и толкованіи древнихъ классическихъ писателей. Въ приведенныхъ выше цитатахъ оказывается цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ историческихъ указаній.

Во первыхъ, Прометей былъ прикованъ къ горамъ и страдалъ въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области, какъ части Кавказа. Стало быть, мифъ о Прометеѣ принадлежитъ къ нашей Кубанской исторіи прежде всего по мѣсту пребыванія во время его, Прометея, страданій.

Во вторыхъ, мифъ о Прометеѣ уже въ очень отдаленныя времена, за пять вѣковъ до Р. Хр., былъ достояніемъ не однихъ грековъ, а и другихъ народностей, окружавшихъ Кавказъ. Въ числѣ этихъ народностей были скифы, часть которыхъ кочевала въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области.

Въ третьихъ, другая народность—горцы или нынѣшніе черкесы, такъ высоко чтили Прометея, что ставили его выше боговъ перваго ранга—Зевса и Афины. Обстоятельство, указывающее на то, что, очевидно, кавказскимъ горцамъ былъ роднѣе мифъ о Прометеѣ, чѣмъ греческіе боги, которымъ горцы не приносили жертвъ или, иначе говоря, безъ которыхъ они обходились, высоко почитая вмѣстѣ съ тѣмъ Прометея.

Въ четвертыхъ, Прометей оказывается даже не грекомъ, а скифскимъ царемъ. Если, такимъ образомъ, греческій полубогъ былъ скифскаго происхожденія, принадлежалъ къ народности, которую греки считали варварскою, то естественно предположить, что и основныя черты мифа могли имѣть подкладку въ отдаленномъ прошломъ скифской народности.

Все это, вмѣстѣ взятое, не исключаетъ однако одной общей всѣмъ редакціямъ мифа черты. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, Прометей пошелъ противъ боговъ изъ-за людей. Онъ похитилъ у божества огонь,—то, что особенно дорого было людямъ, но что по своей важности составляло какъ бы принадлежность однихъ небожителей. Поэтому, въ наказаніе за гордый и неуважительный поступокъ противъ божества, Прометей и былъ такъ жестоко наказанъ Зевсомъ.

Черта эта—гордость и неуваженіе къ божеству, проходитъ красною нитью черезъ нѣкоторыя сказанія кавказскихъ народовъ о Прометеѣ.

Кавказскія легенды не носятъ уже въ себѣ той простоты и законченности, какими отличается мифъ о Прометеѣ. Къ общей идеѣ мифа примѣшаны чисто эпизодическія вставки и осложненія, указывающія на иные взгляды и отношенія людей. Но по основной идеѣ и признакамъ кавказскія сказанія находятся въ полномъ согласіи съ мифомъ о Прометеѣ.

Сказанія о Прометеѣ сохранились у абхазцевъ, черкесовъ, кабардинцевъ, осетинъ и грузиновъ.

Абласкиръ, абхазскій Прометей, былъ прикованъ вмѣстѣ съ лошадью къ скалѣ въ Челової пещерѣ. Онъ былъ

идолопоклонникъ и кара постигла его за то, что по своей гордости онъ не хотѣлъ кланяться даже Богу. Когда онъ проѣзжалъ верхомъ на конѣ и по дорогѣ попадалась ему нависшая съ дерева виноградная лоза, то онъ приказывалъ срубать ее, чтобы не наклоняться и не дать тѣмъ повода подумать другимъ, что онъ будто кланяется Богу. Абласкиръ не выносилъ также рыжихъ людей и папоротника. Поэтому ему и предназначено было быть прикованнымъ къ скалѣ до тѣхъ поръ, пока будутъ жить рыжіе люди и расти папоротникъ.

Такимъ образомъ, въ этой легендѣ сохранилась только основная черта Прометеева мифа—гордость и неуваженіе къ Богу, да наказаніе за это—прикрѣпленіе къ скалѣ цѣпями.

Черкесскій изъ племени натухайцевъ Прометей назывался Джедаль и былъ прикованъ къ скалѣ Кавказа на горѣ Кифидагъ. Это, по объясненію Султана Крымъ-Гирея, сообщившаго легенду о Джедалѣ, былъ Эльбрусъ или Казбекъ. По мнѣнію того же Крымъ-Гирея, натухайское сказаніе не было заимствовано у грековъ, но возникло на мѣстной почвѣ.

У осетинъ Прометей представлялъ собою красиваго юношу, прикованнаго тяжелою цѣпью къ утесу пещеры на Эльбрусѣ. Здѣсь онъ стоналъ и рвался въ мучительныхъ судорогахъ, а черный коршунъ сидѣлъ у него на ребрахъ и безжалостно терзалъ его внутренности. Напрасно мучившійся красавецъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы достать конецъ короткой цѣпи, висѣвшей на противоположной стѣнѣ пещеры. Сотни лѣтъ онъ потратилъ на эти безплодныя усилія. «Найди побольше стараго желѣза, просилъ онъ пастуха Бессо, попавшаго въ пещеру,—и докуй мнѣ цѣпь, чтобы я могъ достать ее руками, тогда я буду свободенъ и задушу этого проклятаго коршуна. Всѣ богатства, какія ты тутъ видишь, будутъ твои»,—предложилъ юноша пастуху Бессо, видѣвшему въ пещерѣ золото, серебро, оружіе и всякое добро, заманчивое для горца. Бессо однако не съумѣлъ сохранить тайны, и когда явился съ товарищами къ дивной пещерѣ, то вдругъ раздался страшный громъ и скала провалилась въ бездну.

У осетинъ, слѣдовательно, оказываются уже на лицо важнѣйшіе признаки, свойственные мифу о Прометеѣ: дѣйствіе происходитъ на Эльбрусѣ—скалѣ Скифіи, страдалецъ прикованъ цѣпью къ скалѣ и черный коршунъ, какъ и у Прометея, терзаетъ его внутренности.

Другая осетинская легенда объ Амиратѣ заимствована у грузинъ. Великанъ Амиратъ, грузинскій Прометей, былъ прикованъ къ Эльбрусу желѣзными цѣпями. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, находилась и его собака, непрерывно лизавшая его цѣпи. Цѣлые вѣка она несла неусыпно эту службу. Отъ постояннаго слизыванія желѣзныхъ цѣпей онѣ давно бы пре-

вратились въ нитки и порвались бы, освободивши Амирата, если бы не являлись на Эльбрусъ кузнецы и не заковывали заново великана.

И здѣсь ярко проглядываютъ черты Прометеева мифа — Эльбрусъ, цѣпи, скала и великанъ.

У кабардинцевъ сохранились двѣ легенды о Прометеѣ. По одной изъ нихъ, къ вершинѣ Эльбруса былъ прикованъ цѣпями старикъ-великанъ, бывшій раньше близкимъ къ Богу, но потомъ наказанный за свою гордость. Великанъ, скованный цѣпями, находился большею частію въ оцѣпененіи и когда просыпался, то спрашивалъ: родятся ли еще ягнята и произростаетъ ли еще тростникъ? Сторожа давали утвердительный отвѣтъ, прибавляя, что его страданіямъ не будетъ конца. Тогда великанъ въ отчаяніи рвалъ свои оковы, стоналъ, кричалъ и плакалъ. Отъ этого происходили землетрясеніе, громъ и дождевыя тучи.

Кромѣ трехъ признаковъ — Эльбруса, великана и цѣпей, здѣсь очень характерною чертою оказываются землетрясенія и громы, порождаемые страданіями старика-великана.

По другой легендѣ, когда-то давнымъ-давно какой-то кабардинскій одноглазый богатырь дерзнулъ проникнуть въ тайны Бога. Съ этой цѣлью онъ пробрался въ сокровенныя мѣста Эльбруса, туда, гдѣ поднималась огромная скала, изъ которой пробивался родникъ съ чистой, какъ слеза, водой. Но когда одноглазый великанъ достигъ этого мѣста, Господь Богъ, въ наказаніе за дерзновенный поступокъ, приковалъ его длинною цѣпью за шею къ скалѣ. Каждый день къ прикованному исполину прилеталъ, по Божьему велѣнію, коршунъ и безжалостно клевалъ его сердце. Когда же терзаемый богатырь наклонялся, чтобы испить воды при этихъ мученіяхъ, коршунъ бросался къ роднику и выпивалъ всю до капли воду Эта вода имѣла чудодѣйственную силу и тотъ, кто пилъ ее, могъ жить до конца свѣта. Такъ прошло безконечно много лѣтъ, богатырь состарился, но хищный коршунъ продолжаетъ изо дня въ день терзать его сердце.

Къ этой послѣдней легендѣ, воспроизводящей основныя черты Прометеева мифа, примѣшаны, однако, еще двѣ новыя черты, изъ которыхъ одна приближаетъ ее къ мифу о циклопахъ, или одноглазыхъ великанахъ, а другая къ извѣстной легендѣ о Танталѣ, мучимомъ жаждой.

Такимъ образомъ, и въ изложенныхъ выше легендахъ заключаются также историческія указанія, имѣющія непосредственное отношеніе къ исторіи Кубанскаго края.

Такъ, самый фактъ существованія у пяти кавказскихъ народностей шести мифовъ, однохарактерныхъ съ мифомъ о Прометеѣ, какъ бы подтверждаетъ свидѣтельство Эсхила

о томъ, что миѳъ о Прометеѣ былъ общимъ достояніемъ народовъ, обитавшихъ на Кавказѣ и у Кавказа.

Во всѣхъ шести легендахъ дѣйствующее лицо оказывается наказаннымъ за дерзость и проступки противъ божества.

Во всѣхъ шести случаяхъ наказаніе состоитъ въ прикрѣпленіи героя къ скалѣ, расчитанномъ на долговременныя страданія.

Мѣстомъ наказанія, за исключеніемъ случая наказанія въ Человой пещерѣ по абхазской легендѣ, въ остальныхъ пяти случаяхъ служитъ Эльбрусъ, скала Скиѳіи.

Наконецъ, дѣйствующими лицами оказываются не греческіе герои или пришельцы, а представители мѣстныхъ народностей.

Попробуемъ теперь нѣсколько разобраться въ приведенныхъ выше подробностяхъ о Прометеѣ и остановимся прежде всего на основныхъ, первоначальныхъ чертахъ миѳа.

Прометей—представитель доисторическаго человѣчества, полубогъ, облагодѣтельствовавшій людей добытымъ имъ огнемъ. Въ этомъ его заслуга передъ человѣчествомъ, и чтобы понять, какъ велика она, нужно имѣть ясныя представленія о томъ отдаленномъ прошломъ, которому принадлежитъ возникновеніе миѳа о Прометеѣ.

Это были доисторическія времена. О нихъ уже шла рѣчь въ предшествующей главѣ. Въ ту пору жилъ самый древній, дилювіальный человѣкъ, который находился въ одной изъ первичныхъ стадій развитія. Своимъ царственнымъ видомъ и духовными силами онъ стоялъ несомнѣнно выше другихъ животныхъ, но ему чужды были самыя несложныя условія культурнаго существованія. Внѣшнюю обстановку его убогой жизни составляла пока одна природа, онъ не имѣлъ искусственныхъ жилищъ и долго обходился даже безъ пещеръ, суровый климатъ заставилъ его потомъ одѣться въ звѣриныя шкуры, орудіями и оружіемъ служили у него дубинка, челюсть страшнаго пещернаго медвѣдя и каменныя, преимущественно изъ кремня, подобія ножей и ручныхъ стилетовъ; но человѣкъ, быть можетъ, владѣлъ уже несложною человѣческою рѣчью и научился пользоваться огнемъ.

Теперь трудно, конечно, вообразить, чѣмъ былъ тогда для человѣка огонь. Представьте, что, при нынѣшней цивилизаціи, нельзя было бы добыть огня. Что сталось бы съ людьми и культурою? Несомнѣнно культура погибла бы, а человѣкъ буквально таки озвѣрѣлъ, если бы только смогъ перенести такую перемѣну. Дилювіальный человѣкъ былъ, конечно, болѣе приспособленъ къ жизни безъ огня, чѣмъ человѣкъ позднѣйшей культуры, но за то огонь почти цѣ-

ликомъ составлялъ всѣ культурныя его пріобрѣтенія. Огонь помогалъ ему ютиться въ естественныхъ пещерахъ при холодѣ и непогодѣ; недостатокъ въ одеждѣ онъ восполнялъ теплотою отъ огня; при помощи огня онъ измѣнилъ условія питанія, и изъ животнаго, пожиравщаго все—и мясо, и кости, и кровь, и жиръ, сырымъ, онъ превратился въ человѣка питавшагося пищей, приготовленной на огнѣ; съ помощью огня дилювіальный человѣкъ, навѣрно, велъ борьбу съ природою, сжигая ненужную ему растительность, и съ дикими животными; физической силы не доставало человѣку, чтобы одолѣть пещернаго медвѣдя, но пукъ зажженныхъ вѣтвей или пылающая головня обращали въ бѣгство этого ужаснаго противника.

Не удивительно, что огонь сталъ впослѣдствіи для людей божествомъ, ибо дилювіальный человѣкъ не имѣлъ даже слабыхъ проблесковъ религіи. Позже на огонь, какъ на божество или божій даръ, смотрѣли всѣ народы на примитивныхъ ступеняхъ своего существованія. Отсюда—происхожденіе Зевсовъ громовержцевъ, Юпитеровъ, Перуновъ, Агни, Прометеевъ и т. п. Вотъ почему мифъ о Преметеѣ имѣетъ такое громадное міровое значеніе. За нимъ скрывается одно изъ величайшихъ открытій, составившее общее достояніе всего человѣчества, въ этомъ именно и надо искать ключъ къ разгадкѣ мифа о Прометеѣ.

Сказаніе о Прометеѣ въ общераспространенной редакціи, конечно, принадлежитъ грекамъ, но изъ ряда приведенныхъ выше фактовъ видно, что мифъ о Прометеѣ въ иныхъ редакціяхъ существовалъ у многихъ другихъ народовъ. Трудно сказать, какія изъ этихъ сказаній заимствованы у грековъ и какія нѣтъ, какія изъ нихъ древнѣйшія и какія болѣе поздняго происхожденія. Одно несомнѣнно, что всѣмъ имъ присуща одна и таже черта: внесеніе въ основной сюжетъ позднѣйшихъ міровоззрѣній человѣка.

Есть еще одно сказаніе о Прометеѣ, имѣющее глубокій историческій интересъ. Въ священныхъ индійскихъ книгахъ „Ведахъ" находится сказаніе объ индійскомъ Прометеѣ—Матаришванѣ. Матарищвана, также какъ и Прометей, похитилъ у божества огонь и передалъ его людямъ. Индійскій богъ огня—Агни, что въ буквальномъ смыслѣ означаетъ огонь, былъ существо невидимое, таинственное. Онъ скрывался отъ обыкновенныхъ смертныхъ въ деревѣ. Но вотъ явился благодѣтель рода человѣческаго Матарищвана. Онъ похитилъ у бога „Агни" секретъ извлеченія огня изъ дерева и передалъ этотъ секретъ «ману», мужчинѣ, человѣку.

Такимъ образомъ, оба мифа о Прометеѣ и Матарицванѣ оказываются поразительно сходственными, почти тождествен-

ными: въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ объ изобрѣтеніи человѣкомъ способа добыванія огня. Мало того. Греческій герой назывался Прометей, а въ индійскихъ «Ведахъ» словомъ Прамата, или короче Мата, обозначается палка, играющая роль огнива, при помощи котораго индійскіе брамины путемъ верченія дерева на деревѣ добывали огонь. Оказывается, слѣдовательно, что полубоги Прометей и священная индійская палка Прамата одноименны.

Простая ли это случайность, или же въ основѣ отмѣченнаго совпаденія кроются историческія обстоятельства?

Какъ извѣстно, нынѣшніе народы, населяющіе Европу, принадлежатъ къ одной общей отрасли арійской. На основаніи лингвистики, изученія языковъ, установлено, что шесть группъ коренныхъ европейскихъ народностей родственны по языку. Схематически это изображается такъ: греки наиболѣе близки по языку латинамъ, латины кельтамъ, кельты германцамъ, германцы литвѣ, литва славянамъ; но между славянами и греками какъ бы выпало и пропало куда-то одно звено. Звено это оказалось далеко на югѣ Азіи—индійцы или индоиранцы, съ ихъ древними Ведами. Индусы близки по языку, съ одной стороны, къ грекамъ, а съ другой—къ славянамъ. Вообще же, всѣ семь народностей—греки, латины, кельты, германцы, литва, славяне и индоиранцы—произошли отъ однихъ и тѣхъ же прародителей—арійцевъ. На это указываетъ общность коренныхъ словъ, характеризующихъ явленія самыхъ примитивныхъ ступеней въ жизни человѣчества.

Раньше существовало да и теперь продолжаетъ существовать мнѣніе, что арійцы пришли изъ Азіи и заселили Европу. Но уже одно то обстоятельство, что въ Европѣ оказалось цѣлыхъ 6 отдѣльныхъ народностей арійскаго происхожденія, а въ Азіи только одна, подрываетъ это мнѣніе Когда же доисторической археологіей было установлено существованіе въ Европѣ первобытныхъ людей въ теченіе всей ледниковой эпохи и даже въ концѣ эпохи третичной и когда между этими аборигенами и современными народами была отыскана связь,—тогда стало яснымъ и неопровержимымъ, что арійцы жили въ Европѣ далеко раньше того времени, какъ предполагалось ихъ переселеніе въ Европу, и что скорѣе индоиранцы перешли изъ Европы въ Азію, а не наоборотъ.

Такимъ образомъ, если признать тотъ фактъ, что арійцы были коренными обитателями Европы, тогда, въ силу логики и исторической постепенности въ развитіи, надо допустить, что былъ моментъ, когда всѣ арійцы были близки между собой и по жизни, и по языку. Это конечно была

одна изъ примитивнѣйшихъ ступеней культуры. Въ ту именно пору арійцы, не разъединенные еще, научились обращаться съ огнемъ. И тогда-то Прометей и Прамата были одно и тоже. Только допустивши это предположеніе, можно объяснить широкое распространеніе мифа о Прометеѣ у разныхъ народностей.

Въ глубокой древности, когда люди стояли на самыхъ низкихъ ступеняхъ культуры и по жизни мало чѣмъ отличались отъ животныхъ, огонь добывался съ помощію тренія или верченія деревянной палки о дерево до тѣхъ поръ, пока оно не воспламенялось. Такъ добывали огонь древніе арійцы и добываютъ его до сихъ поръ по традиціи брамины, считая полученный этимъ способомъ огонь священнымъ. Въ 1867 году два казачьихъ офицера и нѣсколько казаковъ черноморцевъ были свидѣтелями, какъ въ одномъ изъ духоборческихъ селеній, Ахалцыхскаго уѣзда, духоборцы разносили по хатамъ «священный огонь», добытый съ помощью тренія дерева о дерево. По словамъ очевидцевъ, день этотъ называется праздникомъ добыванія священнаго огня. Въ жизни современныхъ намъ полудикихъ племенъ до сихъ поръ еще практикуются такіе же способы добыванія огня съ помощью тренія или верченія деревянныхъ приспособленій. Прамата, палка вертикально вращающаяся на деревянной подставкѣ, и теперь еще заставляетъ скрытый въ деревѣ огонь обнаруживаться сначала въ видѣ дыма, а потомъ огня и пламени. Такой способъ добыванія огня, какъ чего-то сокровеннаго въ деревѣ, дѣйствительно отличается чѣмъ-то таинственнымъ, невѣдомымъ и не такъ доступнымъ пониманію, какъ современная, быстро воспламеняющаяся спичка. Въ отдаленныя времена сѣдой старины скорѣе всего можно было опоэтизировать этотъ способъ добыванія таинственно скрытаго въ деревѣ огня въ образахъ Матаришваны или Прометея, а можетъ быть и другихъ предшествовавшихъ имъ мифовъ. Если поэтому поэтическій мифъ о Прометеѣ свести съ его высокаго божескаго пьедестала на простой способъ добыванія огня съ помощію тренія или верченія, то историческое значеніе мифа приметъ наиболѣе реальное содержаніе. Прометей первый далъ людямъ огонь, научилъ, какъ добывать его и пользоваться имъ. Вотъ основная исходная точка мифа о Прометеѣ, указывающая на то, что если не самый мифъ о Прометеѣ, то его идею надо считать общечеловѣческою.

Не простая случайность—совпаденіе словъ Прамата и Прометей, хотя знатоки санскрита и арійскихъ нарѣчій и утверждаютъ, что совпаденіе словъ Прометей и Прамата выражается въ одномъ лишь созвучіи, но что филологически

эти слова не одного и того же корня, такъ какъ нѣтъ цѣлаго ряда промежуточныхъ и родственныхъ формъ, и слово Прометей можно произвести и не отъ корня Прамата (meth). Но есть вѣдь нѣчто большее, чѣмъ фонетическое совпаденіе. Совпадаютъ собственно не только звуки, а и понятія. У обоихъ словъ одна и таже идейная подкладка о высокой важности для человѣка огня, и не даромъ индійцы даже къ имени своего бога огня прилагали понятіе Прамата и называли этого бога не просто Агни, а Агни Прамата.

Такимъ образомъ, на основаніи совпаденія словъ Прометей и Прамата и лежащихъ въ основѣ ихъ понятій, можно предположить, что арійцы научились добывать огонь раньше, чѣмъ произошло между ними раздѣленіе и откололась индійская вѣтвь. Въ ту пору могъ сложиться и мифъ о Прометеѣ.

Совпаденіе словъ и понятій указываетъ затѣмъ, что идея мифа принадлежала не однимъ грекамъ. Таже идея выражена индійцами въ мифѣ о Матаришванѣ. Послѣ, съ различными наслоеніями, она оказалась въ фольклорѣ кавказскихъ народностей.

Въ виду всего этого, можно предположить, что идея мифа о Прометеѣ-огнеснабдителѣ зародилась въ очень отдаленныя доисторическія времена. Тогда она навѣрное выразилась въ иной, болѣе примитивной формѣ, но послѣ она мѣнялась и осложнялась по мѣрѣ того, какъ осложнялась жизнь у людей и ихъ отношенія. Греки первыми создали разнообразную литературу мифа, но можно положительно утверждать, что не имъ однимъ принадлежала идея его.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, грекамъ, имѣвшимъ свои священныя горы и цѣлый Олимпъ, обиталище боговъ и героевъ, потребовалось переселить величайшаго героя и полубога Прометея на Кавказъ? Вѣдь всѣ другіе греческіе герои—Язонъ, Улисъ и самъ Геркулесъ—имѣли больше связи и общенія съ Греціей, чѣмъ Прометей. Прометей былъ не ниже ихъ по своему божественному происхожденію и роли въ жизни людей. И вотъ этого-то именно героя и полубога греческая фантазія и отправила куда-то далеко на Кавказъ, на скалу Скифіи.

Очевидно, что и это послѣднее обстоятельство не случайное. Разъ Кавказъ и даже не Кавказъ, а когда-то грозный его вулканъ Эльбрусъ оказались мѣстомъ тѣхъ ужасныхъ страданій, которымъ подвергъ Зевсъ—громовержецъ Прометея, то несомнѣнно должно было имѣть извѣстное отношеніе къ столь крупному событію и мѣсто, гдѣ происходило дѣйствіе. Большинство древнихъ писателей и всѣ почти сказанія кавказскихъ народностей отводятъ мѣсто страданій

Прометея на Эльбрусѣ. Можно, слѣдовательно, предположить одно изъ двухъ: или у Эльбруса случилось какое-либо выдающееся происшествіе, подъ вліяніемъ котораго впервые могъ возникнуть миѳъ, или же здѣсь вблизи жили вообще тѣ люди, у которыхъ впервые сложился миѳъ. Въ томъ и другомъ случаяхъ неизмѣнно предполагается наличность людей, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области и вблизи ея.

Сопоставляя внутренній смыслъ всѣхъ сказаній о Прометеѣ съ данными науки о первобытномъ человѣкѣ, у котораго былъ уже огонь, позволительно предположить, что быть можетъ, и самое похищеніе небеснаго огня у небожителей, актъ изобрѣтенія способа добыванія огня, совершилось на Кавказѣ у Эльбруса. Разъ это такъ или хоть нѣсколько приближается къ исторической истинѣ, тогда сама собою выдвигается на первый планъ чисто мѣстная задача по древнѣйшей исторіи края: надо и теперь искать Прометея здѣсь, на Кавказѣ и въ Кубанской области. Такъ какъ имя Прометея связано съ тѣмъ отдаленнымъ прошлымъ человѣка, когда онъ овладѣлъ огнемъ и сталъ пользоваться имъ, и даже дилювіальный человѣкъ пользовался уже огнемъ, а когда онъ началъ пользоваться—на это нѣтъ никакихъ указаній; то, слѣдовательно, исканіе Прометея въ Кубанской области, въ переводѣ на языкъ науки, значитъ обнаруженіе здѣсь слѣдовъ дилювіальнаго человѣка. Доисторическій человѣкъ палеолитическаго періода былъ на Кавказѣ и въ Кубанской области— вотъ то указаніе, какое даетъ миѳъ о Прометеѣ.

Въ этомъ отношеніи оказывается очень важнымъ то, отмѣченное выше, обстоятельство, что важнѣйшія находки, указывающія на присутствіе дилювіальнаго человѣка на Кавказѣ, оказались на Эльбрускомъ контрфорсѣ. Греческіе боги, которыхъ у первобытнаго человѣка, не имѣвшаго религіи, не было, прикрѣпили Прометея къ Эльбрусу, а самый этотъ человѣкъ, научившійся пользоваться огнемъ, оставилъ слѣды своего существованія вблизи Эльбруса, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ продолженіе Эльбруса и которыя раньше другихъ мѣстностей освободились отъ водъ Сарматскаго моря. Эльбрусъ, какъ вулканъ, въ ту пору потухъ уже, но надо полагать, что временами онъ извергалъ огонь, похищенный у боговъ Прометеемъ.

Стало быть, миѳъ о Прометеѣ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился у грековъ и какимъ онъ оказывается у кавказскихъ народовъ, очень далекъ отъ того простѣйшаго доисторическаго событія, которое кроется въ основѣ его. Греки были люди высокой культуры, имѣли сложную и богатую миѳологію, привыкли облекать событія въ поэтическія фор-

мы и на письмѣ. Точно также и кавказскіе горцы пережили очень сложныя формы общественной жизни, хотя многіе изъ нихъ до сихъ поръ не имѣютъ письменности, а довольствуются преданіями и устной поэзіей. Между тѣмъ Прометей палеолитической эпохи былъ истый дикарь, не имѣвшій никакихъ представленій о религіи и успѣвшій только овладѣть огнемъ. Естественно, что греки придали мифическому Прометею свою окраску, а горцы свою, но это лишь поэтическія наслоенія, разукрасившія основную идею о Прометеѣ-огнедобывателѣ. У грековъ эти наслоенія выразились въ сложныхъ формахъ поэзіи, благодаря тому обстоятельству, что мифъ о Прометеѣ передавали въ своихъ произведеніяхъ первоклассные поэты и писатели. У кавказскихъ народностей, за отсутствіемъ письменности, сказанія о Прометеѣ сохранились лишь въ устной формѣ, почему неоднократно подвергались измѣненіямъ и передѣлкамъ. Но, очевидно, и у грековъ, и у кавказцевъ, за поэтическими формами мифа о Прометеѣ, надо искать въ отдаленномъ прошломъ того дикаря титана, который первымъ овладѣлъ огнемъ и научилъ тому же и другихъ людей.

Итакъ, слѣдовательно, сложная и запутанная мифологическая исторія о Прометеѣ, какъ рисуется она въ народныхъ сказаніяхъ, несомнѣнно имѣетъ близкое и непосредственное отношеніе къ Кавказу и частное къ Кубанской области. По этой исторіи можно заключить, что опоэтизированный герой и полубогъ Прометей былъ передовымъ дѣятелемъ въ рядахъ первобытныхъ людей, едва только начавшихъ вести жизнь, отличную отъ жизни животныхъ; что его прикосновенность къ богамъ явилась позднѣйшимъ наслоеніемъ, благодаря воззрѣніямъ людей, имѣвшихъ уже религіозный культъ; что Прометей научилъ, какъ добывать и обращаться съ огнемъ; что имя Прометея издавна было связано съ Кавказомъ и Эльбрусомъ; что мифъ о Прометеѣ-огнедобывателѣ былъ достояніемъ не однихъ грековъ, но и многихъ другихъ народовъ; что подъ поэтическою оболочкою этого мифа кроется въ сущности одно изъ величайшихъ событій въ доисторической жизни людей—овладѣніе огнемъ въ началѣ человѣческой жизни. Самое же пребываніе Прометея на Эльбрусѣ указываетъ на то, что здѣсь, вблизи послѣдняго, на Кавказѣ, должны были жить первобытные люди, представители древняго палеолитическаго періода. То былъ собственно не греческій Прометей, титанъ и полубогъ, а обыкновенный смертный, не знакомый еще съ богами и религіознымъ культомъ, но ознакомившійся уже съ пользованіемъ огня и ознакомившій съ тѣмъ же и другихъ людей.

Вторую серію древнихъ историческихъ памятниковъ народнаго творчества представляютъ легенды о циклопахъ или одноглазыхъ великанахъ. Прототипомъ сказаній этого рода служитъ греческая легенда о Полифемѣ, одноглазомъ пастухѣ-великанѣ, поѣдавшемъ людей. Въ основѣ легенды, какъ и мифа о Прометеѣ, лежатъ отдаленныя историческія событія. Когда-то, гласитъ преданіе, жили одноглазые великаны, пожиравшіе людей, иначе говоря, когда-то существовало людоѣдство, и это зло запечатлѣлось въ народныхъ легендахъ объ одноглазыхъ великанахъ, циклопахъ, песиголовцахъ и пр. Мѣстныя народныя легенды, однохарактерные съ сказаніемъ о Полифемѣ, указываютъ на существованіе людоѣдства и у насъ на Кавказѣ и въ Кубанской области.

Вотъ наиболѣе выдающіяся черты сказанія о Полифемѣ, заимствованныя изъ поэмы Гомера „Одиссей“.

Послѣ того какъ Одиссей увлекъ своихъ спутниковъ отъ лотофаговъ, поѣвши лотоса у которыхъ человѣкъ забывалъ все и оставался навсегда съ ними,—греки „прибыли въ землю сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды циклоповъ“. Циклопы жили беззаботно, „ни руками не сѣяли, ни плугомъ не пахали“, а сама земля, „безъ паханія и сѣва“, въ обиліи давала имъ рожь, пшено, ячмень и виноградъ.

Нѣтъ у циклоповъ „ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ“. Въ темныхъ пещерахъ они иль въ горныхъ вершинахъ высокихъ вольно живутъ“. Надъ женами и и дѣтьми они безотчетно властвовали, „зная себя одного, о другихъ не заботясь“.

Среди этихъ циклоповъ жилъ и Полифемъ.

На одномъ изъ кораблей Одиссей отправился къ циклонамъ, чтобы узнать, что это за народъ. Прибывши къ берегамъ земли циклоповъ и спрятавши въ укромномъ мѣстѣ корабль, Одиссей и его спутники нашли на утесѣ пещеру. „Тамъ великой стѣной изъ огромныхъ грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны“.

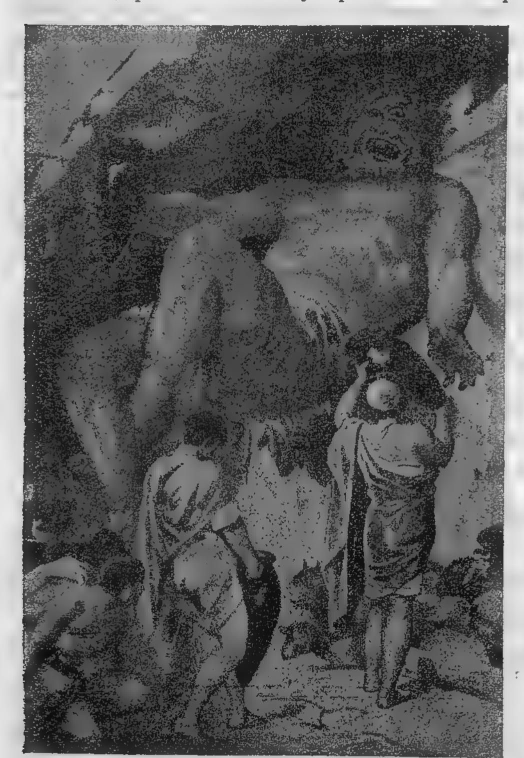
Въ этомъ жилищѣ обиталъ одноглазый Полифемъ. Онъ пасъ скотъ въ то время, когда греки забрались въ пещеру и съ любопытствомъ осматривали, какъ „много было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ“ и какъ по отдѣльнымъ закутамъ Полифемъ размѣстилъ особо козлятъ и барашекъ—старшихъ съ старшими, среднихъ съ средними и младшихъ съ младшими.

Товарищи Одиссея совѣтовали ему захватить побольше сыру, набрать изъ закутъ отборныхъ козлятъ и барашекъ и убѣжать на кораблѣ моремъ къ остальнымъ греческимъ кораблямъ, ожидавшимъ Одиссея вблизи отъ циклоповъ. Но

Одиссей воспротивился этому. Ему хотѣлось видѣть великана, который, по предположенію Одиссея, долженъ былъ угостить ихъ и одарить подарками. Греки подчинились Одиссею, совершили жертву, набрали изъ корзинъ сыру, поѣли и стали ожидать хозяина пещеры.

Скоро „съ ношею дровъ“ явился Полифемъ. Онъ впустилъ въ пещеру „стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ“. Отдѣливши матокъ отъ самцовъ, онъ методически подоилъ всѣхъ козъ и овецъ, половину молока онъ оставилъ для сыра, а остальное разлилъ по сосудамъ. Когда же великанъ разложилъ огонь и, при свѣтѣ его, увидѣлъ пришельцевъ, въ ужасѣ притаившихся въ пещерѣ, то грубо спросилъ: кто они? Начались объясненія.

Вдругъ, въ разгарѣ разговора, Полифемъ „быстро прянулъ, какъ бѣшенный звѣрь“, схватилъ двухъ спутниковъ Одиссея, разбилъ имъ ударомъ оземь черепы и, разсѣкши тѣла на части, „ужасный ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяренный голодомъ, съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробы не оставилъ“, а затѣмъ растянулся между животными и уснулъ. Утромъ, съѣвши еще двухъ грековъ, Полифемъ погналъ стада на пастбище, а плѣнниковъ оставилъ въ пещерѣ, заваливши цѣлымъ утесомъ дверь.



Полифемъ требуетъ вина.

Съ вечера великанъ снова загналъ свои стада въ пещеру, подоилъ ихъ, съѣлъ еще двухъ грековъ и готовился ко сну. Но Одиссей задумалъ месть Съ обольстительною рѣчью, онъ поднесъ Полифему

„полную чашу вина золотого“. Великану понравился напитокъ и онъ потребовалъ еще двѣ чаши его. Подъ дѣйствіемъ опьяненія, циклопъ крѣпко уснулъ, а Одиссей и товарищи разожгли заранѣе заостренный колъ, и когда онъ обуглился и воспламенился, то общими усиліями проткнули имъ глазъ великану.

„Облился людоѣдъ горячей кровью; истлѣли рѣсницы, шершавыя вспыхнули брови; яблоко лопнуло; выбрызгнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши“. И дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воя пещера“. Напрасно онъ пытался изловить своихъ враговъ. Ослѣпнувъ, онъ не могъ найти ихъ.

Поздно утромъ, когда заблеяли козы и овцы, Полифемъ сталъ выпускать стадо изъ ограды, ощупывая каждое животное, чтобы не пропустить вмѣстѣ съ ними своихъ невидимыхъ враговъ. Но Одиссей для своихъ спутниковъ связалъ по три барана вмѣстѣ и внизу подвязалъ подъ ними по одному спутнику, а самъ, выбравши самаго рослаго любимаго барана Полифема, обхватилъ его за спину, запустивши руки въ густую шерсть, и повисъ подъ брюхомъ. Полифемъ, гладя по шерсти животныхъ, не замѣтилъ, какъ ускользнули изъ его рукъ хитрые враги.

Захвативши на корабль стадо козловъ и барановъ, Одиссей и спутники пустились немедленно въ море. Какъ только они отъѣхали отъ берега „на человѣческій голосъ“, Одиссей крикомъ сталъ укорятъ Полифема. Два раза взбѣшенный великанъ бросалъ цѣлыя скалы въ море въ томъ направленіи, откуда слышались крики Одиссея, чуть было не затопилъ корабль, но греки ушли къ остальнымъ своимъ кораблямъ.

Великій поэтъ нарисовалъ поразительную картину обстановки и жизни первобытнаго человѣка въ раннюю пору неолитическаго періода. Дремучій лѣсъ, пещера троглодита, заборъ т. н. циклопической постройки, приносящая сама собою дары земля, отсутствіе земледѣлія и примитивныя формы пастушескаго скотоводства очерчены точно по даннымъ науки. Люди того времени жили одиночками, что хотѣли, то и дѣлали, никому не подчиняясь; не было у нихъ ни собраній, ни общихъ совѣщаній. Семья—жены и дѣти, находилась въ полномъ подчиненіи мужчины.

Таковы были людоѣды. Такими приблизительно они рисуются и въ легендахъ другихъ народовъ.

Профессоръ В. Ф. Миллеръ обстоятельно обслѣдовалъ легенды кавказскихъ народностей о циклопахъ и далъ пять варьяцій по этому предмету—одну мингрельскую, одну дагестанскую, двѣ осетинскія и одну чеченскую.

У мингрельцевъ встрѣчается слѣдующій разсказъ объ Одноглазѣ.

Было 8 братьевъ рыболововъ. Разъ, когда съ своего корабля они закинули въ море удочки, то, къ ужасу своему, замѣтили, что корабль отошелъ отъ берега въ глубь моря. Какая-то сила тащила его все дальше и дальше, не смотря на всѣ старанія братьевъ остановить движеніе корабля. Черезъ нѣсколько недѣль корабль присталъ къ скалистому берегу, откуда вытекалъ ручей меда. Корабль направился къ этому ручью.

И тутъ-то рыбаки замѣтили, что изъ подъ корабля выплыла громадная рыба, у которой былъ ротъ въ сажень, и начала глотать медъ съ такою жадностью, что почти осушила ручей. Здѣсь она пила медъ, а у береговъ Анакліи, откуда были родомъ братья мингрельцы, ѣла кукурузу. Въ плавникахъ рыбы запутались рыболовные крючки братьевъ и рыба, поэтому, притащила ихъ корабль къ скалистому берегу съ медоноснымъ ручьемъ. Братья подкрались къ рыбѣ и обрубили веревки.

Набравши потомъ, когда рыба уплыла, воску и меду, братья рѣшили держиться берега въ направленіи къ родинѣ. Цѣлую недѣлю нагружали они корабль. Въ утро отъѣзда, къ ручью подошло стадо овецъ и козъ. Позади стада шелъ человѣкъ громаднаго роста—Одноглазъ. Въ рукахъ у него была большущая палка толщиною въ дубъ. Братьевъ объялъ ужасъ. Одноглазъ вытащилъ корабль на берегъ, взялъ братьевъ и погналъ ихъ вмѣстѣ со стадомъ къ себѣ домой.

Жилище это представляло изъ себя высокое зданіе, построенное изъ необдѣланныхъ камней, раздѣленное на отдѣленія и между прочемъ на 4 отдѣленія для животныхъ—для козъ, овецъ, ягнятъ и козлятъ. Вокругъ росъ высочайшій лѣсъ и даже камышъ былъ такой, какъ дубы.

Здѣсь Одноглазъ заперъ братьевъ, а самъ ушелъ со стадомъ. Напрасно рыбаки пытались уйти. Они не могли даже отодвинуть двери, которая не была заперта на замокъ.

Къ вечеру Одноглазъ воротился со стадомъ домой. Онъ развелъ громадный кастеръ изъ цѣлыхъ деревьевъ и когда огонь разгорѣлся, взялъ шампуръ, т. е. вертелъ, накололъ на него жирнаго барана и началъ вертѣть на огнѣ, не очистивши даже животнаго. Баранъ жарился до тѣхъ поръ, пока у него не лопнули глаза. Тогда Одноглазъ сожралъ всего барана, растянулся на землѣ и уснулъ.

На другой день утромъ Одноглазъ сожралъ еще двухъ барановъ, а вечеромъ, возвратившись со стадомъ, насадилъ на вертелъ вмѣсто барана одного изъ братьевъ, самаго полнаго. Напрасно несчастный, вертѣвшійся на вертелѣ, кричалъ братьямъ: „спасите!“ Братья ничего не могли сдѣлать. Когда лопнули у страдальца глаза, Одноглазъ оторвалъ одну

ногу и бросилъ ее братьямъ, а самъ съѣлъ всю остальную часть тѣла. Братья похоронили эту ногу въ землю. Такъ Одноглазъ съѣлъ 6 братьевъ.

Тогда два оставшихся брата—старшій и самый младшій, выбравши моментъ, когда Одноглазъ, сожравшій одного изъ братьевъ, захрапѣлъ у огня, подкрались потихоньку къ шампуру, общими усиліями выдернули его изъ земли и положили въ огонь. Когда шампуръ накалился до красна, братья обернули архалуками руки, взяли шампуръ и глубоко всадили его въ глазъ Одноглаза. Раненый великанъ такъ прыгнулъ отъ боли высоко вверхъ, что разбилъ себѣ голову о потолокъ. Съ страшными криками Одноглазъ бѣгалъ по двору, желая поймать братьевъ, но только давилъ козъ и овецъ, а братья ловко ускользали отъ него.

Утромъ стадо своимъ блеяніемъ какъ бы просило великана выпустить его на пастбище. Великанъ началъ выпускать по одиночкѣ животныхъ, ощупывая тщательно каждое въ воротахъ. Къ полдню онъ усталъ и сталъ гладить животныхъ только по хребту.

Братья зарѣзали двухъ барановъ, одѣлись въ шкуры и проскользнули такимъ образомъ наружу изъ двора. Тогда они бросились къ своему судну, нашли его на мѣстѣ, и такъ какъ въ это время подошло туда же и стадо Одноглаза; то они выбрали лучшихъ овецъ и козъ и нагрузили имъ судно.

Едва они двинулись въ море, какъ туда же прибѣжалъ Одноглазъ и сталъ ощупывать мѣсто, гдѣ стояло судно. Отплывши еще нѣсколько въ море, братья стали кричать великану и назвали свои имена. Съ яростнымъ воемъ Одноглазъ швырнулъ въ нихъ по направленію криковъ свою дубину съ такою силою, что поднялось волненіе и едва не погибло судно. Послѣ долгаго странствованія, братья прибыли домой.

По дагестанской легендѣ, съ разбитаго бурею корабля спаслись на обломкѣ доски два человѣка, ихъ выбросили волны на островъ, поросшій лѣсомъ и травою. Здѣсь они встрѣтили стадо барановъ и большого одноглазаго человѣка. Послѣдній повелъ ихъ въ свою землянку, запиравшуюся вмѣсто двери толстымъ чурбаномъ. Одного великанъ послалъ за водою, показавши ему знаками, куда и зачѣмъ идти, а другаго насадилъ на желѣзный колъ и сталъ жарить на огнѣ. Онъ съѣлъ этого человѣка, оставивши одну ногу и руку и предложивши другому доѣсть эти остатки человѣка. Обезумѣвшій отъ ужаса человѣкъ знаками показалъ, что онъ сытъ.

Загнавши во дворъ барановъ, одноглазый великанъ за-

валилъ дверь чурбаномъ и легъ спать. Тогда человѣкъ раскалилъ на огнѣ желѣзный колъ и всунулъ его великану въ глазъ. Глазъ зашипѣлъ, людоѣдъ завылъ отъ боли и, отодвинувши чурбанъ, сталъ у двери и звалъ по своему животныхъ. Бараны стали выходить одинъ за другимъ, а людоѣдъ ощупывалъ ихъ.

Человѣкъ убилъ барана, снялъ съ него кожу и надѣлъ на себя. На четверенькахъ онъ проползъ подъ руками ощупывавшаго барановъ людоѣда. Одноглазый началъ искать человѣка и, не найдя его, сталъ кричать. На его крики прибѣжало еще нѣсколько одноглазыхъ великановъ. Человѣкъ между тѣмъ подошелъ къ берегу, сѣлъ на доску и выплылъ въ море. Попутный вѣтеръ принесъ его къ родному берегу.

У осетинъ встрѣчаются два варіанта объ одноглазыхъ людяхъ. По одному изъ нихъ, трое гаджи, бывшихъ въ Меккѣ, возвращались на караблѣ домой. Корабль потерпѣлъ крушеніе, а гаджи попали на островъ одноглазаго великана. Циклопъ съѣлъ двухъ гаджи, а третій выкололъ глазъ великану и, одѣвшись въ шкуру огромнаго козла, любимца великана, ушелъ отъ людоѣда.

По другому разсказу, съ циклопомъ имѣлъ дѣло извѣстный осетинскій нартъ Урызмагъ. Подъ его предводительствомъ нарты, терпѣвшіе голодъ, поѣхали искать добычи. У одной горы Урызмагъ замѣтилъ стадо овецъ съ великаномъ пастухомъ. Сначала онъ предложилъ младшимъ нартамъ отправиться къ стаду за бараномъ, но когда на его приглашеніе никто не отозвался, онъ отправился самъ.

Въ стадѣ вскачь на лошади онъ поймалъ лучшаго, величиною съ быка, барана; но баранъ поволокъ его за собою и Урызмагъ попалъ въ руки циклопа, который бросилъ его въ свою пастушью сумку и приказалъ сидѣть смирно и не шевелиться нарту. Нартъ, однако, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся въ сумкѣ за провизію великана.

Къ вечеру циклопъ пригналъ стадо въ одну пещеру и завалилъ ее на ночь громадною скалою. Онъ приказалъ Урызмагу принести ему вертелъ, надѣлъ на него Урызмага и поставилъ у огня, а самъ въ ожиданіи шашлыка повалился на землю и уснулъ.

Вертелъ однако прошелъ между тѣломъ и одеждой Урызмага. Нартъ освободился отъ вертела, разжегъ его на огнѣ до красна и проткнулъ имъ глазъ циклопа. Великанъ заревѣлъ отъ боли, но не могъ найти Урызмага.

Утромъ, когда циклопъ сталъ выпускать по одиночкѣ стадо изъ пещеры, Урызмагъ одѣлся въ шкуру заранѣе зарѣзаннаго имъ больнаго козла, любимца великана—Гурчи, и первымъ вышелъ изъ пещеры, при чемъ великанъ гладилъ

мнимаго Гурчи и провожалъ ласковыми словами. Но когда Урызмагъ вышелъ изъ пещеры, то закричалъ циклопу: «а я вѣдь здѣсь, слѣпой оселъ!». Великанъ съ досады околѣлъ, а Урызмагъ погналъ его стадо къ нартамъ.

Иной характеръ носитъ чеченское сказаніе. Нѣкто Батерха разсказываетъ богатырю Лялъ-Султа, что шесть братьевъ отправилось однажды на охоту. Вдали они увидѣли отару овецъ и громаднаго пастуха, у котораго шуба была сдѣлана изъ 60 овчинъ, а шапка изъ 8-ми. Сопровождавшая его собака была ростомъ съ корову.

Когда собака бросилась на братьевъ, они спрятались верхами въ громадный человѣческій черепъ, бывшій вблизи ихъ. Собака начала лаять на черепъ, но пастухъ не обратилъ вниманія и прошелъ мимо. Тогда собака взяла въ зубы черепъ и принесла его къ пастуху. Послѣдній толкнулъ своей палкой черепъ и братья предстали передъ великаномъ.

На ужинъ великанъ зарѣзалъ 60 барановъ и самъ ихъ съѣлъ всѣхъ, не давши ничего братьямъ. На утро онъ порѣзалъ всѣхъ лошадей и сожралъ ихъ, не сваривши. А вечеромъ другого дня онъ насадилъ 6 братьевъ на вертелъ и слегка поджарилъ. Пятерыхъ онъ съѣлъ и уснулъ, а шестой, разсказчикъ, оставленный на утро, ушелъ ползкомъ ночью. На стонъ его пришелъ охотникъ, увезъ домой и здѣсь пострадавшій вылѣчилъ свои поджаренные бока.

Такимъ образомъ, всѣмъ пяти сказаніямъ присущи болѣе или менѣе общія черты и главнѣйшая изъ нихъ людоѣдство. Нѣкоторыя изъ этихъ легендъ отличаются поразительнымъ сходствомъ съ легендою о Полифемѣ въ пересказѣ Гомера. Таковы легенды мингрельцевъ и дагестанцевъ. Знакомясь съ ними, невольно думаешь, не представляютъ ли эти легенды просто пересказъ гомеровскаго сказанія о Полифемѣ. И Полифемъ, и мингрельскій и дагестанскій великаны пастухи дѣйствуютъ въ одной и той же обстановкѣ. Живутъ они одиночками въ незатѣйливыхъ жилищахъ первобытнаго человѣка, не знаютъ общественной жизни, не ведутъ земледѣлія, не имѣютъ оружія, за исключеніемъ бревенъ вмѣсто палокъ и, питаясь отъ скотоводства, пожираютъ и людей. За это люди и лишили ихъ зрѣнія, проткнувши единственный у людоѣдовъ глазъ.

При такомъ сходствѣ, въ каждой легендѣ легко подмѣтить позднѣйшія наслоенія. Мингрельцы оказываются не воинами, какъ греки, а рыболовами; ихъ случайно затащили къ одноглазу-людоѣду и къ медоносному ручью какая-то рыба. Дагестанцы попали къ циклопу, послѣ крушенія корабля, на которомъ они ѣхали. Тоже случилось и съ осетинами. Ко второй легендѣ осетинъ примѣшанъ уже богатырскій

эпосъ и въ ней дѣйствующимъ лицомъ оказывается знаменитый осетинскій герой-богатырь Урызмагъ. А чеченцы въ спутники своему великану даютъ собаку и даже не караютъ его выкалываніемъ глаза. И само собою разумѣется, что всѣ эти измѣненія и прибавки къ основной идеѣ легендъ появились, какъ продуктъ позднѣйшаго времени

Выше уже было отмѣчено существованіе у Кубанскихъ казаковъ легендъ о песиголовцахъ или великанахъ людоѣдахъ. Кубанскіе казаки прожили на Кавказѣ очень немного для того, чтобы приспособить легенду о великанахъ людоѣдахъ къ мѣстнымъ условіямъ и согласить ее съ особенностями края и своей жизни. Но въ извѣстной степени все это отпечатлѣлось на основной идеѣ сказанія.

Въ прежнее время, когда велась еще война казаковъ съ черкесами, легенду о песиголовцахъ можно было услышать въ любой хатѣ казака, особенно по Черноморіи. Быть можетъ, даже навѣрное казаками занесены были легенды изъ прежнихъ мѣстъ жительства, а на новомъ они стали видоизмѣняться, примѣнительно къ новымъ условіямъ жизни казака. Безслѣдное исчезновеніе плѣненныхъ черкесами казаковъ несомнѣнно только способствовало пріуроченію казачьей легенды о песиголовцахъ къ горамъ Кавказа. Вотъ почему казаки заселили песиголовцами исключительно Кавказскія горы и ихъ дебри.

Мало того, казачьи циклопы-люди болѣе современные, чѣмъ циклопы кавказскихъ народовъ. Людей они ѣдятъ, но сами живутъ уже обществами и находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ черкесами, при посредствѣ которыхъ они добываютъ людей на съѣденіе, при чемъ людей откармливаютъ жаренными на меду орѣхами. Все это указываетъ на примѣсь въ старинной легендѣ о людоѣдахъ новѣйшихъ чертъ изъ исторіи борьбы съ горцами, практиковавшихся у горцевъ способовъ обращенія съ плѣнниками, передачу ихъ другимъ народамъ или въ др. мѣста и т. п.

Неизмѣннымъ остается лишь одинъ основной мотивъ легенды—признакъ людоѣдства. На этомъ мотивѣ построены легенды у очень многихъ народовъ. Сказанія о циклопахъ можно найти въ арабскихъ сказкахъ тысячи и одной ночи, у кореловъ, огуцовъ, эстонцевъ, румынъ, нѣмцевъ, французовъ, сербовъ, латышей и русскихъ. И каждая народность налагаетъ на свою легенду о циклопахъ ту или другую національную окраску, какъ сдѣлали это кубанскіе казаки.

Очень характерной является въ этомъ отношеніи легенда малороссовъ о песиголовцахъ, къ которому случайно попали два брата, искавшіе «біды», т. е. горя. Когда одинъ изъ братьевъ былъ брошенъ людоѣдомъ въ кипящій ко-

тель, второй брать, чтобы избѣжать этой участи, предложилъ песиголовцу сдѣлать другой глазъ. Песиголовецъ согласился. Тогда малороссъ положилъ одноглаза на лавку лицомъ вверхъ, насыпалъ ему на лобъ соли, облилъ горячимъ кипяткомъ глазъ, хватилъ по нему со всей силы молоткомъ, такъ что глазъ лопнулъ, а самъ взобрался на перекладину и залѣзъ въ висѣвшую тамъ овечью шкуру. Взбѣшенный людоѣдъ началъ выбрасывать черезъ заборъ все, что попадалось ему подъ руку, въ томъ числѣ живыхъ овецъ и шкуру вмѣстѣ съ завернувшимся въ нее малороссомъ. Спасенный такъ неожиданно малороссъ, убѣгая отъ песиголовца, закричалъ ему: «еге-ге, дядьку!» Въ легендѣ ярко вылился неподражаемый малорусскій юморъ.

Легенды объ одноглазыхъ людоѣдахъ, какъ признакъ канибализма, существовавшаго у многихъ народовъ въ отдаленныя времена варварства, давно привлекали вниманіе ученыхъ излѣдователей первобытнаго человѣка. Существуютъ капитальныя изслѣдованія по этому предмету, какъ напр. Вильгельма Гримма, М. Н. Комарова, В. Ф. Миллера и др. Всѣ эти изслѣдованія сходятся на одномъ общемъ пунктѣ—на существованіи каннибализма на раннихъ ступеняхъ жизни у первобытныхъ народовъ и на историческихъ указаніяхъ на это народныхъ сказаній объ одноглазыхъ людоѣдахъ-великанахъ.

Но у древнихъ грековъ существовали и другія сказанія объ одноглазыхъ людяхъ. Отецъ исторіи Геродотъ серьезно сообщаетъ о людяхъ, о которыхъ знали со словъ исседоновъ скифы, „а отъ скифовъ, говоритъ Геродотъ, знаемъ и мы, почему и именуемъ ихъ по скифски аримаспами: словомъ арима скифы называютъ одинъ, а спу значитъ на ихъ языкѣ глазъ.“

Но повидимому аримаспы были не одно и тоже, что людоѣды. Самъ Геродотъ, а за нимъ цѣлый рядъ другихъ древнихъ писателей, упоминаютъ объ антропофагахъ, людоѣдахъ, которыхъ однако Геродотъ не смѣшиваетъ съ аримаспами или одноглазыми людьми. Нѣкоторыхъ древнихъ писателей положительно смущала эта одноглазость. Одни изъ писателей объясняли ее тѣмъ, что будто бы воины народа, считавшагося одноглазымъ, имѣли обыкновеніе рисовать на лбу одинъ большой глазъ; другіе давали болѣе простое объясненіе: у воиновъ, по ихъ словамъ, было одно только отверстіе для глазъ въ томъ забралѣ, которымъ прикрывалось лицо. По объясненію Евстафія, аримаспы, цѣлясь изъ лука, закрывали одинъ глазъ. Отъ частаго, начиная съ дѣтства, закрытія одного и того же глаза, онъ сдѣлался у нихъ нѣсколько меньше другого, что и послужило поводомъ къ прозвищу аримаспъ, т. е. одноглазый. Объясненія совершенно вѣроятныя,

особенно послѣднія два; они во всякомъ случаѣ не исключаютъ факта существованія людей, которыхъ почему-то считали или прозвали одноглазыми. При томъ же одноглазую народность Геродотъ считалъ своими современниками, а Полифемъ и греческіе циклопы уже тогда признавались древнѣйшими представителями человѣческой расы.

Такимъ образомъ, геродотовскіе аримаспы не имѣли ничего общаго съ циклопами-людоѣдами. Это только еще ярче оттѣняетъ общечеловѣческія сказанія объ одноглазыхъ великанахъ, поѣдавшихъ людей. Чѣмъ объяснить, что всѣ древніе людоѣды считались одноглазыми, неизвѣстно, но сказанія объ этомъ относятся къ глубокой древности и въ нихъ можно нѣсколько разобраться только на основаніи сравнительныхъ данныхъ объ общеисторической культурѣ человѣчества.

Подобно мифу о Прометеѣ, связанному съ одной изъ раннихъ ступеней этой культуры, съ изобрѣтеніемъ способовъ добыванія огня, и сказанія объ одноглазыхъ великанахъ, поѣдавшихъ людей, характеризуютъ также свою стадію развитія человѣчества. Очень многіе писатели полагаютъ, что людоѣдства не было въ раннюю эпоху существованія первобытныхъ людей. Люди сначала питались исключительно растительною пищею—плодами, кореньями и пр. Люисъ Морганъ дѣлитъ исторію первобытныхъ людей на три ступени—на низшую, среднюю и высшую.

Первая ступень была собственно младенчествомъ человѣчества. Дикари не употребляли въ пищу рыбы и животныхъ, а питались плодами, орѣхами и кореньями и привязаны были къ мѣстамъ, гдѣ сама природа давала людямъ эти пищевыя вещества. Люди не знали тогда и употребленія огня и, быть можетъ, лишь начало члено-раздѣльной рѣчи принадлежало этому періоду. Въ настоящее время на всемъ земномъ шарѣ не встрѣчается ни одной народности въ этомъ періодѣ существованія.

Вторая ступень дикаго состоянія людей, аналогичные случаи которой можно найти въ жизни современныхъ намъ дикарей, началась умѣньемъ пользоваться огнемъ и употребленіемъ въ пищу рыбы и продолжалась до тѣхъ поръ, когда человѣкъ пріобрѣлъ лукъ и стрѣлы. Человѣкъ не былъ уже прикрѣпленъ пищевыми продуктами къ опредѣленному мѣсту, какъ на первой ступени. И вотъ въ эту пору, когда человѣкъ владѣлъ огнемъ и ѣлъ рыбу, а слѣдовательно и охотился за нею, каннибализмъ явился ужаснымъ средствомъ поддержанія жизни въ тѣхъ случаяхъ, когда не было рыбы и другихъ пищевыхъ продуктовъ. Люди стали ѣсть людей.

Надо однако полагать, что въ то время не было еще ни Полифема, ни одноглазыхъ людоѣдовъ, ни тѣмъ болѣе ка-

зачьихъ песиголовцевъ. Тогда вѣдь всѣ были людоѣдами, но когда человѣчество двинулось еще дальше впередъ, когда отдѣльныя его части отвыкли отъ каннибальства или совсѣмъ не были причастны къ нему, тогда столкновенія ихъ съ ужасными людоѣдами могло породить миѳъ о великанахъ людоѣдахъ. Это, слѣдовательно, могло быть только въ позднѣйшее время или, слѣдуя дѣленію Моргана человѣческой культуры, въ началѣ второй ступени варварства, когда люди приручили животныхъ и появились попытки воздѣлывать растенія. Не даромъ же всѣ циклопы—людоѣды являются пастухами и, питаясь исключительно животными, не брезгаютъ и людьми.

Такъ или иначе, а фактъ широкаго распространенія людоѣдства у первобытныхъ людей на извѣстныхъ ступеняхъ ихъ развитія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Наши мѣстныя сказанія о циклопахъ людоѣдахъ также свидѣтельствуютъ, что на Кавказѣ вообще и въ Кубанской области въ частности долженъ былъ быть свой періодъ людоѣтства. Это находится въ тѣсной связи съ существованіемъ здѣсь первобытнаго человѣка. Въ Закавказьѣ пока найдено только одно вещественное доказательство того, что пещерный человѣкъ былъ людоѣдъ—раздробленныя человѣкомъ для извлеченія мозга кости людей. Будущія изслѣдованія и находки, быть можетъ, прольютъ болѣе свѣта на этотъ предметъ, и передъ изслѣдователями нашей древней Кубанской исторіи является вторая очень важная задача - отыскать неопровержимыя доказательства слѣдовъ антропофагіи въ Кубанской области, что опять таки тѣсно связано съ изслѣдованіями о первобытномъ человѣкѣ и объ его доисторическомъ существованіи.

Столь же широко, какъ миѳъ о Прометеѣ и циклопахъ, были распространены у древнихъ народовъ, особенно между греками, сказанія объ амазонкахъ. И эти сказанія опять таки тѣсно связаны съ нынѣшнимъ Кубанскимъ краемъ и съ народами, прежде обитавшими въ немъ. Вблизи Кубани, ея степей и горъ и въ самой Кубанской области жили когда-то амазонки.

Легенды объ амазонкахъ имѣютъ такое же историческое значеніе, какъ и миѳы о Прометеѣ и циклопахъ. Онѣ касаются одного изъ архаическихъ человѣческихъ учрежденій и сами по себѣ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ народнаго творчества и не однократно видоизмѣнялись. Извѣстный греческій философъ Платонъ, жившій между 429 и 349 годами до Р. Хр., говоритъ, что про амазонокъ онъ «узналъ изъ древнихъ миѳовъ». Слѣдовательно, еще за четыре вѣка до Р. Хр. сказанія объ амазонкахъ считались уже, древними миѳами». Многіе другіе древніе писатели также относятъ происхожденіе амазонокъ къ миѳическимъ временамъ. Ферикидъ утверждалъ, что амазонки про-

изошли отъ бога войны Арея и нимфы водъ Гармоніи. Лизій, жившій въ одну почти пору съ Ферикидомъ—между 459 и 390 г. до Р. Хр., также считалъ первыхъ по времени, древнихъ амазонокъ дочерями Арея. Діонисій Періегетъ, писатель I столѣтія по Р. Хр., называлъ савроматовъ «благороднымъ поколѣніемъ воинственнаго Арея» на томъ основаніи, что савроматы происходили отъ амазанокъ, а амазонки произошли отъ Арея.

Амазонка.

Тѣ же древніе писатели сообщаютъ дальнѣйшую родословную амазонокъ. Самыми древними представительницами ихъ были амазонки, жившія въ мѣстности, по которой протекла р. Фермидонтъ. Рѣка эта находилась въ Малой Азіи и орошала мѣста, въ которыхъ почиталась богиня Ма. Культъ богини сложился въ Малой Азіи у хиттиновъ, смѣшанной народности эллинскаго происхожденія, а жрицами богини Ма были амазонки, вооруженные, какъ воины. Въ городѣ Ефесѣ эти жрицы, одѣтыя по хиттински, вооружены были двусторонними сѣкирами и, съ щитами и лукомъ въ рукахъ, они совершали пляски въ честь богини-воительницы Ма. Эти же жрицы амазонки считались основательницами городовъ въ Малой Азіи Смирны. Ефеса, Кимы и др. Съ амазонками Фермидонта имѣлъ дѣло Геркулесъ и, разбивши ихъ, взялъ въ плѣнъ царицу ихъ Гипполиту, поясъ который поручилъ ему достать Еврисфей. Позже, во время Троянской войны, какъ передаетъ Діодоръ Сицилійскій, Пенфесилая, дочь Арея и царица амазонокъ, сдѣлалась соперницей Троянъ и, послѣ смерти Гектора, убила множество еллиновъ, а потомъ въ свою очередь была убита Ахиллесомъ. Объ этой царицѣ амазонокъ Виргилій говоритъ, что «яростная Пенфесилая предводительствуетъ амазонками, имѣвшими щи-

ты въ видѣ полумѣсяца, и не истовствуетъ въ своемъ отрядѣ; эта воительница-дѣва, нося золотой поясъ подъ обнаженными грудями, осмѣливается сражаться съ мужчинами». Аммiанъ Мерцелинъ, родившiйся въ 330 году по Р. Хр., упоминаетъ о р. Фермодонтѣ и ея амазонкахъ, предпринявшихъ походъ въ землю афинянъ и пораженныхъ ими.

Фермидонскiя амазонки связали свои имена съ цѣлымъ рядомъ мѣстностей. Арріанъ Никомидiйскiй, жившiй въ царствованiе императора Адрiана, говоритъ: «амазонки занимали прежде много мѣстностей въ Азiи. Доказательствомъ этого служатъ не только нѣкоторые колодцы, называемые по имени амазонокъ, но и многiе города, какъ напр. Эфесъ, Анаiа, Мирина и Эолiйская Кима». Недалеко отъ Никомидiи есть мѣстность Элаiа, получившая названiе отъ амазонки того же имени. У Понта находился городъ Фиба, названный такъ по имени одной изъ убитыхъ Геркулесомъ амазонокъ. Амазонiонъ была мѣстность въ Аттикѣ, а Амазониконъ въ Беотiи.

Происхожденiе и мѣстонахожденiе амазонокъ у древнихъ писателей всегда связывается съ мѣстностью, гдѣ протекала р. Фермодонтъ, былъ мысъ Фемискирскiй и лежали Фемискирскiя поля. Проперцiй, жившiй между 43 и 16 годами до Р. Хр., выразился: „толпа воинственныхъ амазонокъ, съ обнаженными грудями, купается въ волнахъ Фермодонта". Аполлонiй Родоскiй, называя р. Фермодонтъ и бухту у Фемискирскаго мыса, говоритъ, что тамъ находилась долина Доiанта и вблизи три города амазонокъ. Овидiй также упоминаетъ, что рѣка Фермодонтъ «извѣстна женскому войску». Лизiй сообщаетъ, что амазонки, жившiя на берегахъ Фермодонта, «были единственныя изъ всѣхъ окружающихъ ихъ народовъ, которыя носили желѣзное оружiе и первыя стали ѣздить верхомъ. При помощи лошадей брали они въ плѣнъ бѣжавшихъ противниковъ совсѣмъ неожиданно, такъ какъ тѣ не знали еще верховой ѣзды».

Съ полей Фемискирскихъ амазонки появились и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ что занесъ въ свои труды Геродотъ. Когда въ битвѣ при р. Фермодонтѣ еллины одолѣли амазонокъ, то забрали ихъ въ плѣнъ и отплыли съ ними на трехъ суднахъ домой. Дорогою амазонки убили мужчинъ-побѣдителей, воспользовавшись ихъ оплошностью, почему у скифовъ амазонки и называются «ойорпата», т. е мужеубiйцы— отъ словъ «ойоръ» мужъ и «пата» убивать. Такъ какъ амазонки не умѣли управлять судами, то вѣтеромъ принесло ихъ къ Кремнамъ на Азовскомъ морѣ, въ земли свободныхъ скифовъ. Здѣсь амазонки вышли на берегъ и, увидѣвши первое попавшееся имъ на глаза стадо лошадей, завладѣли

имъ, сѣли на лошадей и занялись грабежомъ скифскихъ владѣній. Скифы не могли объяснить себѣ случившагося, такъ какъ не знали ни языка амазонокъ, ни одежды и народности ихъ, и недоумѣвали, откуда онѣ. Когда, послѣ одной изъ стычекъ, скифы обнаружили по трупамъ, что амазонки женщины, то на совѣтѣ порѣшили ни въ какомъ случаѣ не убивать больше амазонокъ.

По мнѣнію скифскихъ старѣйшинъ, отъ воинственныхъ амазонокъ и скифовъ должно было произойти замѣчательно мужественное и храброе потомство. Въ этихъ видахъ они, выбравши молодыхъ людей приблизительно столько, сколько было амазонокъ, поручили имъ не вступать въ битвы съ амазонками, но убѣгать отъ нихъ, и затѣмъ подражать всему тому, что будутъ дѣлать амазонки. Молодые скифы расположились въ подражаніе амазонкамъ лагеремъ рядомъ съ ними и дали понять, что они не желаютъ драться. Амазонки поняли это и въ свою очередь оставили въ покоѣ сосѣдей. Такъ мало по малу молодые скифы и амазонки сошлись другъ съ другомъ и переженились, потомъ, по совѣту амазонокъ, они выселились съ своими мужьями на востокъ отъ Танаиса, т. е. нынѣшняго Дона, заняли здѣсь мѣста подъ именемъ сарматовъ или савроматовъ и имѣли пребываніе и въ кубанскихъ степяхъ.

Древніе писатели очень часто упоминаютъ о сарматахъ или савроматахъ, т. е. скифахъ, смѣшавшихся съ амазонками. Такъ, Гиппократъ, жившій между 470 и 376 годами до Р. Хр., говоритъ: „въ Европѣ есть скифскій народъ, живущій у Меотійского озера, т. е. у Азовскаго моря. Это совроматы. Ихъ женщины ѣздятъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ лука, мечутъ дротики, сидя на лошадяхъ, и борются съ непріятелями, пока еще дѣвственны. Онѣ не выходятъ замужъ, пока не убьютъ трехъ непріятелей, и не живутъ съ мужьями, пока не принесутъ жертвъ, предписанныхъ закономъ". Геродотъ утверждаетъ, что для дѣвушки обязательно убить только одного врага, чтобы имѣть право на замужество. Платонъ, говоритъ: «я узналъ изъ древнихъ мифовъ—и повѣрилъ, а что касается нынѣшняго положенія, то, къ слову сказать, даже знаю, что безчисленное множество женщинъ, называемыхъ савроматидами, живетъ между народами, окружающими Понтъ. Онѣ не только ѣздятъ верхомъ, но носятъ луки и всякое оружіе и упражняются въ ихъ употребленіи въ строѣ такъ же, какъ мужчины".

Сами сарматы, жившіеся на амазонкахъ, получили особое названіе „гинеко-кратуменовъ", т. е. управляемыхъ женщинами. Объ этомъ говорятъ Скимнъ Хіоскій, жившій за 90 лѣтъ до Р. Хр., и Плиній, жившій между 29 и 70 года-

ми по Р. Хр. Названіе въ высшей степени характерное въ томъ отношеніи, что имъ подчеркивается пріоритетъ женщинъ передъ мужчинами.

Такимъ образомъ, амазонки—скифянки, по разсказамъ древнихъ писателей, составляли какъ бы послѣдующее поколѣніе амазонокъ съ Фермидонта. Они перешли изъ Малой Азіи на сѣверъ, на Кавказъ, на прикубанскія степи и на Донъ, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писателей, отмѣтившихъ ту отрасль скифовъ-савроматовъ, которые смѣшались съ амазонками и попали въ положеніе „гинекократу—меновъ“, побѣжденныхъ женщинами. Скилаксъ Коріандинскій, жившій между 521 и 485 годами до Р. Хр., говоритъ, что Азія начинается отъ рѣки Танаиса и первый народъ въ Понтѣ савроматы, которыми „управляютъ женщины“. Діонисій Періегетъ говоритъ, что амазонки, блуждая вдали отъ своей родины у Фермодонта, сошлись съ савроматами, почему и родились мужественные потомки, обитавшіе въ необозримыхъ лѣсахъ по Дону. Амміанъ Мерцеллинъ ясно отграничиваетъ амазонокъ Фермодонта отъ амазонокъ скифскихъ. Упомянувши о первыхъ и о походѣ ихъ въ земли афинянъ, писатель этотъ говоритъ за тѣмъ, что „у Танаиса живутъ амазонки, которыя, вслѣдствіе дальныхъ походовъ, распространились до Каспійскаго моря“. Одинъ лишь Саллюстій, жившій между 86 и 35 годами до Р. Хр., утверждалъ, что „Фемискирскія равнины были населены амазонками, которыя почему-то оставили свое прежнее мѣстожительство у Танаиса“.

Такимъ образомъ, у скифскихъ амазонокъ центральный пунктъ тяготѣнія составлялъ Донъ и прилегающія къ нему мѣстности. Танаисъ, рѣка Скифіи, говоритъ Псевдо—Плутархъ, жившій во время Траяна и Адріана, назывался прежде Амазоній, потому что въ ней купались Амазонки“. Отсюда амазонки и ихъ мужья савроматы кочевали на востокъ по донскимъ степямъ и на югъ по степямъ Кубанскимъ. Отсюда же, какъ изъ Фемискира, амазонки дѣлали походы и далеко распространили свое владычество.

Гелланикъ, писатель, жившій между 486 и 395 годами до Р. Хр., сообщаетъ, что когда замерзъ Киммерійскій Босфоръ или нынѣшній Керченскій проливъ, амазонки перешли его, пришли въ Аттику, оттуда онѣ, послѣ четырехмѣсячной войны, возвратились обратно домой. Діодоръ Сицилійскій пишетъ, что двѣ скифскихъ „царицы—мать и дочь, покорили всѣ народы до Танаиса, а за Танаисомъ до Фракіи, затѣмъ большую часть Азіи до Сиріи. Светоній, жившій между 75 и 160 годами по Р. Хр., утверждаетъ, что „Амазонки занимали нѣкогда большую часть Азіи“. Слѣдователь-

но, скифскія амазонки являются не только воительницами, но и могущественными завоевательницами; хотя древніе писатели и не указываютъ, какую роль въ этихъ завоеваніяхъ играли мужчины и принимали ли они участіе въ нихъ.

Есть затѣмъ цѣлый рядъ сообщеній объ амазонкахъ, связанный съ именемъ Александра Македонскаго и особымъ царствомъ амазонокъ. Діодоръ Сицилійскій разсказываетъ, что когда Александръ Македонскій возвратился въ Гирканію, страну, прилегавшую къ Каспійскому морю,—„Фалестрія, царица амазонокъ, владѣвшая всей землей отъ Фазиса до Фермодонта, постаралась встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ. Эта царица была замѣчательная красавица и имѣла удивительную тѣлесную силу, но еще болѣе прославилась въ странѣ своею необкновенною храбростью.

Оставивъ свое войско на границахъ Гирканіи, она взяла съ собою только 300 амазонокъ, одѣтыхъ въ военные доспѣхи. Александръ удивился приходу и красотѣ этихъ женщинъ и спросилъ Фалестрію, для какой надобности она явилась сюда. Фалестрія не замедлила отвѣтить, что она желаетъ имѣть отъ него ребенка, такъ какъ онъ превзошелъ всѣхъ мужчинъ своими подвигами, сама же она превосходитъ всѣхъ женщинъ силою и храбростью. Такимъ образомъ, она надѣялась, что плодъ ихъ соединенія превзойдетъ достоинствомъ всѣхъ людей въ мірѣ. Царь, согласившись на такое предложеніе, пожертвовать Фалестріи 13 дней, послѣ чего отпустилъ ее съ богатѣйшими подарками.

Квинтъ Курцій Руфъ, жившій немного позже Діодора Сицилійскаго—около 40 и 54 годовъ по Р. Хр., передаетъ этотъ разсказъ въ нѣсколько иной редакціи. Плутархъ, жившій еще позже—между 50 и 120 годами по Р. Хр., опровергаетъ сказаніе о царицѣ амазонской, посѣтившей Александра Великаго. „Самъ Александръ, говоритъ онъ, упоминая въ письмѣ Антипатра о томъ, что скифскій царь хотѣлъ выдать за него дочь, ничего не говоритъ объ амазонкѣ“.

Такія разнорѣчивыя сообщенія древнихъ писателей заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ усомниться въ самомъ существованіи амазонокъ. Такъ Арріанъ, жившій во время Адріана и Антонія Пія, передавая незаслуживающее, по его мнѣнію, сообщеніе о томъ, что Атропатъ, сатрапъ Мидіи, подарилъ Александру 100 женщинъ „изъ племени амазонокъ“, въ заключеніе говоритъ: „вообще мнѣ кажется, что этотъ женскій народъ, который былъ прославленъ многими столь знаменитыми писателями, вовсе не существовалъ“. Атропатъ просто могъ показать Александру женщинъ, ѣздящихъ верхомъ.

Страбонъ также нѣсколько скептически относится къ

сказаніямъ объ амазонкахъ. Однако тотъ же Страбонъ передаетъ самыя любопытныя свѣдѣнія о кавказскихъ амазонкахъ. Согласно Метродору Скепію и Гипсикрату, говоритъ онъ, амазонки жили въ смежности съ Гаргареями у подошвы по сѣверному скату той части Кавказа, которая извѣстна подъ именемъ Кераунскихъ горъ. Тутъ, говорятъ, въ теченіе не менѣе мѣсяца въ году амазонки занимались садоводствомъ, посѣвами, скотоводствомъ, но преимущественно разведеніемъ лошадей. Самыя отважныя изъ нихъ промышляли охотою, отправляясь на нее верхомъ и занимаясь военными упражненіями. «Всѣ они съ мололѣтства выжигали себѣ правую грудь, чтобы свободнѣе дѣйствовать рукою при разныхъ эволюціяхъ, а въ особенности при метаніи копья, Кромѣ этого оружія они употребляли также лукъ, сагарисъ (т. е. двойную боевую сѣкиру) и щитъ, и дѣлали себѣ шлемъ, панцыри и пояса изъ шкуръ дикихъ звѣрей. При наступленіи войны они отправлялись на ближайшую гору, отдѣлявшую ихъ отъ Гаргареевъ, и оставались тутъ два мѣсяца; съ своей стороны, и эти послѣдніе, слѣдуя древнему обычаю, поднимались туда же. Соединившись съ амазонками, они вмѣстѣ приносили богамъ жертвы, послѣ чего, въ тайнѣ ночи, смѣшивались безъ разбора. Коль скоро которая изъ нихъ оказывалась беременною, то она отдѣлялась отъ прочихъ. Происшедшія такимъ образомъ дѣти дѣлились по ихъ полу: дѣвицы оставались при матеряхъ, а мальчики возвращались отцамъ. Каждый принималъ подобнаго младенца въ домъ свой, считая его своимъ, потому что навѣрное не зналъ можетъ быть, онъ и его сынъ».

Передавши всѣ эти подробности, Страбонъ прибавляетъ «что-то странное есть въ преданіи объ амазонкахъ», затѣмъ подвергаетъ сильной критикѣ эти преданія.

Существуетъ однако мнѣніе, что на наличность въ древности амазонокъ у кабардинцевъ и другихъ Кавказскихъ горцевъ указываетъ обычай зашнуровывать грудь у дѣвушекъ. Амазонки значитъ «безгрудыя»; дѣвушки у черкесовъ, съ зашнурованнымъ сильно торсомъ, были то же безгрудыя, амазонки.

Сообщенія объ амазонкахъ продолжаютъ затѣмъ появляться и у позднѣйшихъ писателей. Амміанъ, жившій въ первой половинѣ II вѣка по Р. Хр., передалъ, что, при празднованіи Помпеемъ тріумфа, «въ числѣ заложниковъ и плѣнныхъ было множество женщинъ, которыя имѣли не менѣе ранъ, чѣмъ мужчины. Казалось бы, что это были амазонки, такъ какъ они жили по сосѣдству и были призваны тогда на помощь или, можетъ быть, тамошніе варвары называли нѣсколькихъ женщинъ, въ высшей степени воинственныхъ,

амазонками. Плутархъ, жившій между 50 и 120 годами по Р. Хр., сообщилъ, что въ сраженіи Помпея съ албанцами участвовали буто-бы амазонки. Римляне нашли маленькіе щиты и женскіе полусапожки, но труповъ женщинъ не оказалось».

Другой писатель, жившій нѣсколько позже Плутарха, перечисляя подробно народности, шедшія съ связанными руками въ тріумфальномъ шествіи Авреліана, говоритъ: «вели здѣсь также 10 женщинъ, взятыхъ ими въ плѣнъ въ рядахъ готовъ, которыя сражались, какъ мужчины, послѣ того какъ многія другія были уже убиты. Надпись на тріумфальной аркѣ гласила, что онѣ изъ племени амазонокъ».

Наконецъ, у кабардинцевъ сохранилось преданіе, что предки ихъ, жившіе на берегахъ Чернаго моря, вели войны съ эметшами, народомъ-женщинами. Послѣ упорной борьбы, предводительница эметшевъ устроила тайное свиданіе для совѣщанія съ Тулмомъ, главою кабардинцевъ. Предводительница обладала даромъ предвѣдѣнія, Тулмъ былъ прорицателемъ. Свиданіе состоялось въ особо устроенной палаткѣ. Слѣдствіемъ свиданія было то, что предводительница амазонокъ, признавши себя побѣжденною, взяла себѣ въ мужья Тулма и посовѣтывала сдѣлать то же всѣмъ амазонкамъ. Такъ всѣ амазонки и поступили, выбрали между кабардинцами себѣ супруговъ и отправились съ ними на ихъ родину.

Во время войны Дадіана съ горцами къ востоку отъ Эльбруса, т. е. тамъ, гдѣ жили кабардинцы, между убитыми найдено нѣсколько женщинъ вооруженныхъ и въ панцыряхъ. Объ этомъ фактѣ упоминаетъ Ламберти.

Таковы свѣдѣнія объ амазонкахъ, сообщенныя различными писателями, за различныя времена и о различныхъ амазонкахъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ амазонки привлекали вниманіе лучшихъ представителей древняго цивилизованнаго міра. Сказанія объ амазонкахъ, при несомнѣнныхъ признакахъ глубокой древности, мѣнялись и переиначивались, указывая тѣмъ, какъ бы на пережитокъ явленій, положенныхъ въ основу ихъ. Они, поэтому, имѣютъ и свою мифологію, и свой особый культъ, и свою исторію, и несомнѣнно многіе факты живой дѣйствительности. Чѣмъ объясняется все это? Исключительно характеромъ легшихъ въ основу легенды явленій.

Длинный историческій путь человѣческой культуры слагался, съ самой глубокой древности, подъ вліяніемъ двухъ началъ—матеріальнаго и общественнаго. Результаты перваго выразились даже у дилювіальнаго человѣка въ оставшихся послѣ него кремневыхъ оружіяхъ и жалкой обстановкѣ пещеръ; на слѣды общественнаго начала указываетъ самый

фактъ сожительства даже троглодитовъ или пещерныхъ людей. Мифъ о Прометеѣ относится къ категоріи перваго рода явленій, къ пріобрѣтенію человѣкомъ матеріальныхъ благъ; сказанія объ амазонкахъ связаны съ явленіями второго порядка, съ общественными формами жизни на первыхъ ея ступеняхъ. Слѣдовательно, сложный характеръ сказаній объ амазонкахъ объясняется сложностью соціальныхъ явленій, обнимаемыхъ легендами.

Было время, когда люди вели въ общественномъ отношеніи чисто стадную жизнь. Въ ту пору не существовало ни семьи, ни брачныхъ паръ, никакого либо подобія общественныхъ органовъ въ нашемъ смыслѣ. Объ этомъ можно судить по фактамъ изъ жизни полудикихъ народовъ и по нѣкоторымъ обычаямъ, превратившимся въ пережитокъ. Это была стадія коммунальнаго или общиннаго брака. Люди, какъ выразился Страбонъ, смѣшивались безъ разбора въ тайнѣ ночи и никто не зналъ отца ребенка. Но его хорошо знала мать, потому что она родила его, кормила и воспитывала. Въ ту пору дѣти назывались по имени матери, а не отца, что и теперь еще наблюдается у нѣкоторыхъ современныхъ народовъ. Потомство знало одну мать и зависѣло отъ нея. Естественно, что женщина въ эту пору господства материнскаго права пользовалась своего рода пріоритетомъ передъ мужчиною. Тогда женщина была «амазонкою» въ томъ смыслѣ, что не только не подчинялась мужчинѣ, но и господствовала надъ нимъ въ роли матери.

Скептитически относившійся къ существованію амазонокъ Страбонъ нарисовалъ поразительную картину коммунальныхъ половыхъ отношеній, которыми только и можно объяснить продолжительность существованія амазонокъ, какъ женской дружины или общины. По его словамъ, амазонки, женщины, и гаргареи, сосѣдніе мужчины, ежегодно сходились на два мѣсяца въ опредѣленномъ мѣстѣ, здѣсь они совершали браки въ тайнѣ ночи безъ разбора. Дѣйствительно ли существовали во времена Страбона эти примитивныя проявленія брачныхъ отношеній, или ему передали свѣдѣнія о когда-то существовавшихъ случаяхъ коммунальнаго брака; но въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Можно полагать, что описанныя Страбономъ явленія представляли только одну изъ формъ коммунальнаго брака

Подобныя явленія въ ту пору были не въ рѣдкость. Девять книгъ отца исторіи Геродота переполнены фактами коммунальнаго брака или слѣдовъ его въ формѣ переживающихъ обычаевъ. „Въ кавказскихъ горахъ, говоритъ въ 203 главѣ первой книги Геродотъ, живетъ множество различныхъ народовъ“ и „половыя сношенія у этихъ народовъ соверша-

ются открыто, какъ въ стадахъ животныхъ". Въ главѣ 101 третьей книги Геродотъ тоже повторяетъ объ индійскихъ народахъ: „половыя отправленія у всѣхъ перечисленныхъ мною индійцевъ совершаются открыто, какъ у скотовъ". Безпорядочныя коммунальныя половыя отношенія были потомъ, по сообщенію Геродота, у гиндановъ, авсеевъ, агафирсовъ, лидянъ, насамоновъ и пр. Къ этому надо прибавить, что нѣкоторые изъ этихъ народовъ были въ подчиненіи у скифовъ и что у скифовъ и массагетовъ были также явные слѣды коммунальнаго брака.

Итакъ, отличительная черта сказаній объ амазонкахъ обнимаетъ собою явленія каммунальнаго брака, господствовавшаго у людей въ очень отдаленное время на самыхъ низкихъ ступеняхъ ихъ существованія. Такъ какъ формы этихъ брачныхъ отношеній въ свою очередь мѣнялись, то черта эта относится, очевидно, къ разнымъ стадіямъ ихъ развитія изъ первичной формы. Морганъ, пріурочившій извѣстныя формы брачныхъ отношеній къ опредѣленнымъ ступенямъ культуры, пришелъ къ тому выводу, что первую исторически установленную форму половыхъ отношеній представляла такъ называемая кровнородственная семья, основаніемъ которой служилъ смѣшанный бракъ мужчинъ и женщинъ, составлявшихъ одну группу. Историческое свидѣтельство объ этой формѣ половыхъ отношеній сохранилось въ малайской системѣ кровнаго родства.

На слѣдующей стадіи культурнаго развитія сложилась такъ называемая пуналуальная семья. При этой формѣ брачныхъ отношеній нѣсколько братьевъ, составлявшихъ одну группу, имѣли общихъ женъ, и нѣсколько сестеръ—общихъ мужей; но братьями и сестрами были двоюродные братья и сестры разныхъ степеней первой, второй, третьей и т. д. Слѣды пуналуальной семьи остались въ туранской и ганованской системахъ родства.

Насколько можно судить по приведеннымъ выше даннымъ объ амазонкахъ, первичныя брачныя отношенія, способствовавшія обособленію женщинъ въ группы амазанокъ, не шли дальше отмѣченныхъ выше формъ, установленныхъ Морганомъ. Но коммунальные и групповые браки оставили очень прочные слѣды въ пережиткахъ нѣкоторыхъ обычаевъ.

Такъ, слѣды этихъ браковъ выразились въ материнскомъ пріоритетѣ. Древніе писатели сообщаютъ, что сарматы носили названіе «гинекократуменовъ», т. е. управляемыхъ женщинами, да и на самомъ дѣлѣ находились въ подчиненіи у нихъ. Какая-то царица амазанокъ, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, заставляла мужчинъ прясть и исполнять въ домѣ женскія работы. Она же издала законы, въ силу

которыхъ женщины исполняли обязанности воиновъ, а мужчины несли черную рабскую работу. Въ этихъ видахъ амазонки нарочно уродывали руки и ноги у мальчиковъ, чтобы, придя въ возрастъ, они не могли быть воинами. Если эти свѣдѣнія и преукрашены, то въ основѣ ихъ нѣтъ также и ничего невѣроятнаго. У другихъ народовъ амазонками были женщины въ дѣвичьемъ только возрастѣ. Только выполнивши извѣстныя обязанности на войнѣ, они изъ амазонокъ превращались въ женъ и матерей. Обыкновеніе давать имена по женской, а не мужской линіи до сихъ поръ еще сохранилось у нѣкоторыхъ современныхъ намъ народовъ. Черкескій обычай отдачи мальчиковъ для воспитанія „аталыкамъ", мужчинамъ и безгрудыя дѣвушки-черкешенки могутъ считаться наслѣдіемъ взаимоотношеній между амазонками и гаргареями.

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ вполнѣ твердыя основанія для вывода о томъ, что сказанія объ амазонкахъ обнимали очень многія дѣйствительныя явленія, различно понимаемыя. Въ широкомъ распространеніи примитивныхъ формъ коммунальныхъ и групповыхъ браковъ и оставшихся отъ нихъ переживающихъ обычаевъ несомнѣнно лежитъ ключъ къ разгадкѣ сказаній объ амазонкахъ. Такъ какъ женщины въ ту пору пользовались полною независимостью, то тогда дѣйствительно онѣ могли съорганизовываться въ самозащищающіяся боевыя группы или дружины. Въ качествѣ матери, вынужденной силою обстоятельствъ заботиться о воспитаніи и кормленіи дѣтей, женщина несла уже тяжелую экономическую ношу. Прибавка къ этой ноши обращенія съ оружіемъ была неизбѣжной и естественной. Весьма возможно, что женщина, вскармливая жеребятъ или телятъ, первою приручила и животныхъ, что она же первою сѣла верхомъ на лошадь, какъ гласятъ объ этомъ сказанія объ амазонкахъ. Однимъ словомъ, періодъ коммунальныхъ брачныхъ отношеній болѣе, чѣмъ послѣдующія формы брака, давалъ возможность женщинѣ быть амазонкой, борцомъ за себя и за свои женскія права.

Такимъ образомъ, за легендами объ амазонкахъ въ сущности скрывался цѣлый рядъ соціальныхъ явленій, послѣдовательно одно за другимъ слѣдовавшихъ: древнѣйшія примитивныя формы коммунальныхъ брачныхъ отношеній, браки коммунально-пуналуальные, религіозный культъ женщинъ-амазонокъ на Фермодонтѣ, самостоятельныя общины амазонокъ, періодически, разъ въ году, вступавшія въ брачныя отношенія съ мужчинами, пребываніе женщинъ въ роли какого-то цѣлаго царства амазонокъ, придерживавшагося той-же формы брачныхъ отношеній амазонокъ до замужест-

ва, господство женщинъ надъ мужчинами-скифами въ общественной жизни (гинекократумены) и вообще стремленія женщинъ отстоять свои матеріальныя права.

Какія изъ этихъ явленій имѣли мѣсто въ нынѣшней Кубанской области, объ этомъ можно только догадываться. Несомнѣнно одно, что въ Кубанской области амазонками были «сарматиды», тѣ самыя женщины-воительницы, которыя заправляли мужами-скифами и дали, по свидѣтельству историковъ, имъ могущественное потомство. Они разъѣзжали у р. Дона и на юговостокъ отъ него въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области и въ Ставропольской губерніи съ областью Терскою; заключая браки съ гаргареями, они проникали до Кераунскихъ горъ, находящихся въ Дагестанѣ; амазонки эметчи слились съ кабардинцами, по свидѣтельству Ламберти; послѣднія по времени амазонки были обнаружены также при битвѣ съ кабардинцами, на востокъ отъ Эльбруса.

И такъ, мифологическая исторія Кубанской области обнимаетъ три группы народныхъ сказаній—о Прометеѣ, циклопахъ и амазонкахъ. Три выдающихся момента въ исторіи первобытныхъ людей связаны съ этими сказаніями—эра открытія человѣкомъ способовъ добыванія и пользованія огнемъ, періодъ каннибализма и эпоха коммунальныхъ браковъ или близкихъ къ нимъ формъ. Собственно въ области Кубанской исторіи матеріалы этого рода крайне бѣдны количественно и совершенно не разработаны качественно, но они есть и могутъ быть добыты. Самый вопросъ о мифологической исторіи Кубанской области приходится впервые ставить. Онъ новъ и не затронутъ еще. Вотъ почему, въ силу новизны и необходимости, пришлось отвести болѣе, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало бы, мѣста сравнительнымъ даннымъ изъ фольклора другихъ народностей.

Отъ прошлыхъ доисторическихъ временъ для исторіи Кубанской области во всякомъ случаѣ остались въ мифахъ, выражаясь фигурально, пока три вѣхи, пространство между которыми представляетъ широкое поле для изслѣдованій о первобытномъ человѣкѣ.

У первой вѣхи стоитъ величественная фигура страждущаго за людей титана Прометея, но, во имя науки и ея объективизма, не слѣдуетъ окружать эту фигуру тѣмъ поэтическимъ ореоломъ, который создали ей греческіе писатели. Прометей былъ далекъ отъ небожителей и не отличался ихъ качествами. Если ужъ нужна фантазія для обрисовки этого героя, то это былъ дюжій, плотно сложенный на лонѣ природы дикарь, неуклюжій по фигурѣ, съ сильно развитыми челюстями и надбровными дугами, покрытый густо, какъ шерстью, волосами, съ искривленными, но крѣп-

кими ногами и мощными руками. Онъ навѣрное издавалъ человѣческіе звуки, но въ крайне ограниченномъ количествѣ, не зналъ ни Бога, ни религіи, не имѣлъ прирученныхъ животныхъ, но умѣлъ вѣроятно охотиться за звѣрями и ловить рыбу. Ему чужды были искусственныя жилища и, быть можетъ, одежда. Однако это былъ человѣческій геній. Онъ съумѣлъ овладѣть огнемъ. Какъ это случилось, похитилъ ли онъ его съ Эльбруса или вызвалъ треніемъ и верченіемъ сокровеннаго въ деревѣ бога Агни—это не извѣстно; но фактически достовѣрно, что человѣкъ этотъ овладѣлъ огнемъ и тѣмъ положилъ первую и величественную эпоху въ доисторической жизни человѣчества.

У второй исторической вѣхи мрачно выступаютъ отвратительныя фигуры людоѣдовъ. Народная фантазія не разукрасила ихъ такими привлекательными чертами, какъ благодѣтеля людей Прометея. Людоѣды были великаны съ однимъ большущимъ глазомъ во лбу—и только. Но это были несомнѣнно потомки Прометея и предки послѣдующихъ поколѣній людей. Они приручили уже животныхъ и вели примитивную пастушескую жизнь, мясо и молочные продукты составляли ихъ пищу. И вотъ въ эту пору мясоѣдства, когда не хватало пищи, люди и стали поѣдать людей. Людоѣдство потомъ обратилось въ страсть и облеклось въ мистическія вожделѣнія. Люди стали поѣдать людей, желая усвоить качества этихъ жертвъ. Людоѣдство въ такой формѣ сохранилось у полудикихъ народовъ до нашихъ дней. Отъ нашихъ Кавказскихъ и Кубанскихъ людоѣдовъ находятся въ соотвѣтствующихъ напластываніяхъ земли и въ доисторическихъ памятникахъ одни лишь скелеты и кости, которые предстоитъ еще людямъ науки отыскать.

У третьей вѣхи находится не одинокая женщина въ духѣ русской женщины Поленицы, а красуются цѣлыми группами амазонки. Это—или царство амазонское, или войско ихъ, или община, или вообще союзъ женщинъ. Самая форма мифовъ объ амазонкахъ указываетъ на общественныя формы сожительства и отношенія людей. Женщина, участвовавшая въ общинныхъ бракахъ, съумѣла обособиться, отграничить свои материнскія права и создать, на этихъ началахъ, независимыя отъ мужчинъ союзы. Защищая все это, она стала воиномъ и въ качествѣ такого рисуютъ ее доисторическіе мифы.

ГЛАВА III.

Богатырскіе памятники и древнѣйшіе народы Кавказа.

Сказанія о богатыряхъ также входятъ въ область мифологической исторіи, но это наиболѣе поздній ея отдѣлъ, стоящій почти у границы документальныхъ исторических данныхъ. Мѣстные матеріалы о богатыряхъ носятъ въ Кубанской области ту особенность, что съ ними связаны представленія о древнѣйшихъ сооруженіяхъ жившаго здѣсь неизвѣстнаго народа. Здѣсь не только существуютъ легенды о богатыряхъ, но есть и богатырскія хаты или дольмены. Тѣ и другія неразрывно связаны въ представленіяхъ какъ кавказскихъ народностей, такъ и частію русскаго населенія. По общему мнѣнію горцевъ и казаковъ, въ Кубанской области когда-то жили богатыри, которые оставили послѣ себя изъ громадныхъ камней жилища или богатырскія хаты.

Казачество слишкомъ поздно заселило Кубанскую область, чтобы выработать здѣсь свой мѣстный богатырскій эпосъ. Тѣмъ не менѣе общія понятія и представленія о богатыряхъ, какъ представителяхъ героической эпохи, заимствованныя изъ обращавшихся сказаній о богатыряхъ на старой родинѣ, казаки примѣнили къ явленіямъ, поразившимъ ихъ своею таинственностью и мощностью, и на новомъ мѣстожительствѣ. Увидѣвши мегалитическія, т. е. изъ большихъ камней, сооруженія за Кубанью, у черкесовъ, черноморцы въ лицѣ первыхъ засельщиковъ края сразу порѣшили, что строенія, сложенныя изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, непосильныхъ для человѣка, могли возвести только богатыри и что, слѣдовательно, богатыри здѣсь жили и продолжаютъ жить въ глубинѣ таинственныхъ горъ и ихъ малодоступныхъ дебрей. При такихъ условіяхъ и на такой подкладкѣ возникли у бывшихъ черноморскихъ казаковъ сказанія о богатыряхъ, обитавшихъ въ горахъ Кавказа.

Казачьи мѣстныя сказанія о богатыряхъ не имѣютъ ничего общаго съ русскимъ богатырскимъ эпосомъ. Въ горахъ Кавказа никогда не дѣйствовали ни Илья Муромецъ, ни Добрыня Никитичъ, ни Алеша Поповичъ, ни Святогоръ, ни Микула Селяниновичъ; но несомнѣнно, что въ воображеніи творцовъ мѣстныхъ сказаній витали, такъ сказать, тѣни мощныхъ пред-

ставителей русскаго богатырскаго эпоса и что подъ влiянi-
емъ этихъ тѣней кавказскiя горы населены были своими бо-

Русскiе богатыри.

гатырями. Богатыри были своими потому, что сочувственно относились къ казаку или покрайней мѣрѣ такими казались ему. Но въ то же время ихъ роль въ мѣстной жизни и дѣятельности оставалась очень туманною и неопредѣленною.

По представленіямъ казаковъ, богатыри жили въ горахъ и рѣдко появлялись въ степяхъ. Что дѣлали въ горахъ богатыри—неизвѣстно, но съ степями ихъ связывали или случай или конь. Богатырь безъ коня былъ немыслимъ въ представленіяхъ казака, такъ какъ богатырь и богатырскій конь родились одинъ для другого. Богатырскіе же кони водились въ степяхъ. Они были необыкновенно сильны, быстры и могли летать со скоростью птицы. У такихъ коней впереди подъ лопатками была взъерошенна шерсть на подобіе орлиныхъ крыльевъ, и здѣсь, у основанія крыльевъ, въ кожи лошади были двѣ «дырочки» или «отдушины», по одной съ каждой стороны, чуть замѣтныя для глаза. Лошади, пролетѣвшей сотни верстъ, какъ стрѣла, достаточно было выпустить черезъ эти отдушники «пары», чтобы снова быть годной на самый далекій путь. Вообще богатырь и лошадь построены были, такъ сказать, по типу всадника и въ такомъ видѣ напоминали русскихъ богатырей, разъѣзжавшихъ верхомъ на коняхъ по степямъ, и черкесскихъ нартовъ, у которыхъ конь былъ также неразлучнымъ спутникомъ.

Богатыри наѣзжали изъ горъ въ степи очень рѣдко и случайно. «Можетъ быть, разсказывали казаки, который изъ нихъ въ гости къ другому богатырю на другой край свѣта ѣздилъ, ну по дорогѣ и проѣзжалъ степью черезъ Черноморію, а можетъ быть, дозоромъ проѣзжалъ по нашимъ мѣстамъ». Но если богатырь проѣзжалъ черезъ степи, то послѣ него оставались слѣды. Табунщики и просто казаки, бывшіе въ степи, находили цѣлыя глыбы земли въ сажень по объему, вывороченныя копытами лошади.

Чаще однако богатыри пріѣзжали съ опредѣленнымъ намѣреніемъ въ степи. Когда богатырю нужна была лошадь или, правильнѣе, когда нарождалась богатырская лошадь,—а такія лошади отъ времени до времени появлялись и только старые опытные табунщики подмѣчали ихъ и догадывались, что это были за кони,—тогда являлся и хозяинъ лошади, которому она назначалась, самъ богатырь. Стоило богатырю только свиснуть своимъ «могучимъ посвистомъ»—и крылатый конь летѣлъ къ нему, точно заранѣе къ тому пріученный. Хозяева-коневоды и табунщики замѣчали, что такъ безслѣдно исчезали порою изъ табуна лучшія лошади.

Богатыри были женатые и холостые. Женились они, впрочемъ, рѣдко, чаще это были холостяки, настоящіе рыцари въ духѣ запорожскаго казачества. Жены у богатырей

были изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Понравится какая-нибудь «жиночка», и коли законъ не препятствуетъ, то богатырь и уведетъ ее въ свои мѣста. Но дѣтей у богатырей не было. Сами богатыри рождались отъ обыкновенныхъ смертныхъ, сначала они жили въ обыкновенной средѣ, но когда «приходила пора», они бросали домъ и родину и уходили въ богатырскія мѣста. Богатыри не оставляли потомства. Богатыремъ надо родиться.

Жили богатыри въ кавказскихъ горахъ въ устроенныхъ самими же ими изъ тысячепудовыхъ каменныхъ плитъ хатахъ. Хаты эти казаки за Кубанью, въ черкесскихъ мѣстахъ, подлинно видѣли. Это былъ не подлежавшій никакому сомнѣнію фактъ.

Вотъ и все содержаніе казачьихъ сказаній о богатыряхъ. Не блещутъ эти сказанія ни поэтическими красками, ни стройностью фабулы, ни замысловатостью чудесныхъ происшествій. Какъ не странно, а у богатырей даже именъ нѣтъ. Не оказалось и разсказовъ объ ихъ подвигахъ. Это какія-то таинственныя фигуры, о которыхъ извѣстно только одно, что они богатыри.

Иначе не могло и быть: легенды только начали слагаться, а короткая жизнь казачества на Кавказѣ не дала надлежащаго содержанія. Да и народныя понятія переросли тотъ историческій фазисъ, который необходимъ былъ для народнаго поэтическаго творчества. А главное мотивъ для легендъ былъ слишкомъ ординаренъ и ограниченъ. Болѣе того, что сказали казаки о богатыряхъ, какъ строителяхъ и жителяхъ дольменовъ, и говорить нечего. Только нѣкоторыя чисто внѣшнія черты объединяютъ ихъ съ настоящими русскими богатырями—Ильею Муромцемъ, Добрынею Никитичемъ, Алешою Поповичемъ и др. силачами всадниками. Натурально, что сказанія о кавказскихъ богатыряхъ вышли неопредѣленными и безличными. Все ихъ значеніе сводится къ тому, что народъ установилъ историческую связь между ними и историческими памятниками—дольменами.

У тѣхъ же народностей, которыя обитали на Кавказѣ раньше казаковъ и прожили здѣсь нѣсколько вѣковъ, есть не только сказанія о богатыряхъ, но и свой богатырскій эпосъ. Такъ, легенды о богатыряхъ распространены у осетинъ, кабардинцевъ и натухайцевъ. У каждой изъ этихъ трехъ народностей есть свой богатырскій эпосъ, объясняющій поэтическія сказанія о нартахъ. Не смотря на разбросанность этихъ народностей по Кавказу, на нѣкоторое различие въ языкѣ между осетинами и адыгскими племенами, богатырскія сказанія у всѣхъ сходственны. Во многихъ легендахъ дѣйствующимъ лицомъ оказывается одинъ и тотъ же герой. Такъ,

любимѣйшій герой у осетинъ Сосланъ оказывается такимъ же выдающимся нартомъ у кабардинцевъ подъ именемъ Созирико и у натухайцевъ подъ именемъ Савсорука. Самое названіе богатырей—«нартъ» у всѣхъ трехъ народностей одно и то же.

У кавказскихъ горцевъ нарты, какъ и русскіе богатыри, подраздѣляются на два поколѣнія—старшихъ и младшихъ нартовъ. Первые—представители физической силы, у вторыхъ на первый планъ выдвигается умъ и духовныя способности.

Сказанія о нартахъ или богатыряхъ встрѣчаются у всѣхъ кавказскихъ народностей—у черкесовъ, кабардинцевъ, осетинъ и пр., но для исторіи Кубанской области особенно важны сказанія о богатыряхъ натухайцевъ, черкесскаго племени, жившаго за Кубанью. Именно у натухайцевъ рѣзко дѣлятся нарты на старшихъ и младшихъ. Есть особая легенда, въ которой передано, какъ юноша богатырь, узнавши, что убилъ его отца старый одноглазый нартъ, сражался съ нимъ три дня, былъ плѣненъ, но затѣмъ, при содѣйствіи жены одноглазаго нарта, совсѣмъ не геройски зарѣзалъ старика, когда онъ спалъ. И уже въ данномъ случаѣ различіе между старшими и младшими нартами оказывается очень рѣзкимъ. Старикъ нартъ былъ не просто богатырь, а богатырь-циклопъ, а молодой обыкновенный человѣкъ-богатырь.

Есть двѣ легенды, превосходно характеризующія оба поколѣнія нартовъ.

Въ первой изъ этихъ легендъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Савсорукъ. Вмѣстѣ съ другими богатырями онъ долженъ былъ отправиться въ чужія края за добычей. Простившись съ матерью Сатенай, Савсорукъ пустился на своемъ вѣщемъ конѣ Тхозіи догонять оставившихъ его нартовъ. Скоро онъ догналъ ихъ, и въ отместку за то, что уѣхали безъ него, напустилъ на нихъ жестокій холодъ.

«О черный Савсорукъ съ огненными глазами! возопили нарты. Холодъ губитъ насъ».

Савсорукъ развелъ костеръ, но, не давши нартамъ обогрѣться, опрокинулъ его въ воду. Обиженные нарты яростно, съ обнаженными саблями, бросились къ Савсоруку; а онъ, надѣвши сандалію, съ помощію которой ходилъ по водѣ, сталъ на воду и, принявши видъ очень занятаго человѣка, усердно мѣшалъ саблей воду, какъ бы желая отыскать брошенный въ воду огонь. Но огня не оказалось въ водѣ.

Тогда Савсорукъ, чтобы успокоить нартовъ, предложилъ имъ обождать, пока онъ добудетъ огня на сосѣдней горѣ. Нарты согласились. Савсорукъ взобрался на вершину горы и увидѣлъ вдали небольшой дымъ. Отправившись по на-

правленію къ дыму, онъ наѣхалъ на горѣвшій громадный пень, у котораго грѣясь, дремалъ чудовищный великанъ. По совѣту коня Тхозія, Савсорукъ потихоньку подошелъ къ костру, чтобы набрать огня, но забирая уголья, онъ нечаянно обранилъ часть ихъ на великана. Чудовище проснулось, схватило коня и всадника и сняло послѣдняго на землю.

— „Незванный гость изъ нартовъ, спросилъ великанъ Савсорука, не знаешь ли ты нѣкоего Савсорука, о которомъ такъ много говорятъ?"...

Савсорукъ не подалъ виду, кто онъ, но сказалъ, что слыхалъ о подвигахъ Савсорука и началъ разсказывать о нихъ великану.

Однажды Савсорукъ сорвалъ цѣлую гору, мѣшавшую нартамъ при набѣгахъ, поставилъ ее себѣ на голову, принесъ къ морю и, подбросивши ее раза два вверхъ, низвергнулъ подальше въ глубь моря.

Великанъ немедленно продѣлалъ тоже и замѣтилъ, что ему понравилась эта штука, такъ какъ, благодаря ей, на головѣ его зажила старая неизлѣчимая язва.

Затѣмъ, по указанію Савсорука, великанъ проглотилъ раскаленный до красна желѣзный плугъ. Но и это не подѣйствовало на великана.

Тогда Савсорукъ научилъ великана стать въ воду и заморозить ее. Великанъ вошелъ въ рѣку по грудь и заморозилъ ее. Когда же онъ началъ своею могучею грудью ломать ледъ, то Савсорукъ закричалъ ему, чтобы онъ прибавилъ еще въ рѣку соломы и древесныхъ вѣтвей. Великанъ послѣдовалъ и этому совѣту. Скованная такимъ способомъ рѣка сжала, какъ въ тискахъ, великана. Ледъ не ломался, не смотря на усилія простоватаго нарта. Тогда Савсорукъ отсѣкъ своей саблей голову великану, который, ожидая этой участи, далъ Савсоруку совѣтъ опоясаться его великана внутренностями послѣ смерти. Савсорукъ намѣревался послѣдовать этому совѣту, но конь Тхозій копытомъ удержалъ его отъ того. Нартъ бросилъ внутренности на ближайшее дерево—и оно мгновенно сгорѣло.

Такъ Савсорукъ уничтожилъ великана, который былъ врагомъ его родины, и воспользовался его огнемъ. Набравши горящихъ углей, онъ отправился обратно къ нартамъ; развелъ снова костры для нихъ, обогрѣлъ и повелъ ихъ дальше.

Легенда эта, съ исторической точки зрѣнія, очень характерна. Въ ней совмѣщены черты, общія съ другими, болѣе ранними мифами. Тутъ на лицо оказываются и дѣяніе Прометея – кража огня, и подвиги Геркулеса—сверженіе горы въ море, поглощеніе разскаленнаго плуга и замораживаніе рѣки,

и позднѣйшія черты героя-нарта, побѣждающаго врага не физическою силою, а хитростью. Такимъ образомъ, благодаря отмѣченнымъ особенностямъ, отъ легенды о Савсорукѣ вѣетъ сѣдой стариной. Въ нее включены черты геройскихъ подвиговъ за самыя отдаленныя времена.

Во второй натухайской легендѣ описывается борьба между двумя поколѣніями нартовъ. Легенда пріурочена къ остаткамъ древней крѣпости Гудэнъ-кале, находящейся вблизи Анапы и построенной народомъ Гудэнъ, т. е., надо полагать, готами.

Въ крѣпости Гудэнъ-кале жили нарты старшаго поколѣнія, обладавшіе чудесной плетью самобранкой и башлыкомъ скороходомъ. Стоило только ударить плетью по землѣ—и изъ нея выростало все, чего только желалъ ударившій плетью, а башлыкъ-скороходъ мгновенно переносилъ съ мѣста на мѣсто пожелавшихъ перемѣститься.

Жившіе внѣ крѣпости нарты позднѣйшаго поколѣнія не располагали такими чудодѣйственными вещами и рѣшили силою овладѣть плетью и башлыкомъ. Съ этою цѣлью всѣ нарты, предводительствуемые своимъ царемъ, осадили Гудэнъ-кале. Долго длилась осада крѣпости, но всѣ усилія нартовъ взять ее были безуспѣшны. Тогда самый слабый изъ осаждавшихъ крѣпость нартовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый хитрый, предложилъ царю, чтобы нарты зарядили его, хитреца, въ пушку и выстрѣломъ изъ нея перебросили въ крѣпость черезъ ограду. А тамъ онъ ужъ съумѣетъ захватить чудесныя вещи. Такъ и поступили нарты.

И, дѣйствительно, умница-нартъ, попавши въ крѣпость, завладѣлъ здѣсь плетью самобранкой и башлыкомъ-самолетомъ. Но ни царь, ни другіе нарты ничего отъ того не выиграли. Онъ безслѣдно скрылся съ чудесными вещами.

Въ этой легендѣ, рисующей превосходство ума надъ грубою физическою силою, все характерно—и обиліе нартовъ, и появленіе между ними царя, и наличность пушки, и превращеніе скатерти самобранки въ плеть, а сапоговъ скороходовъ въ башлыкъ. Но все это придаетъ легендѣ иной характеръ, чѣмъ какимъ отличается приведенная выше легенда о Савсорукѣ. Въ основу легенды положены событія позднѣйшей исторіи. Тамъ шла рѣчь о добываніи огня и проявлены были подвиги Геркулеса. Здѣсь отъ старины остались лишь шаблонные въ богатырскихъ сказаніяхъ принадлежности—плеть-самобранка и башлыкъ-самолетъ, изъ за которыхъ и боролись нарты, но и эти волшебныя вещи исчезли безслѣдно вмѣстѣ съ овладѣвшимъ ими нартомъ. На лицо однако оказывается дружина нартовъ, имѣющая уже своего царя, пушки и побѣда ума надъ физическою силою.

признаки, указывающіе на близкій переходъ самыхъ нартовъ въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, сильныхъ своею культурою, изобрѣтеніями и знаніями.

Такимъ образомъ, судя по легендамъ натухайцевъ о нартахъ, ихъ богатырскій эпосъ упирается, съ одной стороны, въ отдаленное прошлое человѣчества, когда огонь считался рѣдкостью и когда подвиги въ духѣ Геркулеса были обычными, по народнымъ понятіямъ, явленіями, а съ другой, почти въ современную и во всякомъ случаѣ ближайшую жизнь, когда была уже пушка и когда нарты заняли позицію обыкновенныхъ регулярныхъ воиновъ, осаждавшихъ крѣпость.

Стало быть, и нарты и легенда о нихъ также эволюціонировали, какъ эволюціонировала сама жизнь. По словамъ султана Крымъ-Гирея, знатока быта своихъ соотчественниковъ натухайцевъ, въ старинныхъ пѣсняхъ натухайцевъ въ образѣ нартовъ и ихъ дѣяній рисуется рядъ подвиговъ въ духѣ героевъ гомеровской Иліады. Подвиги эти могли бы составить героическую поэму натухайскаго народа. Но по позднѣйшимъ легендамъ, большинство нартовъ были христіане и во главѣ ихъ стоялъ Георгій Побѣдоносецъ, Савсорукъ и его рыжій конь Тхозій. Въ то время, когда на Кавказѣ не утверждались еще генуэзцы, т. е. до XIII в., пониже Геленджика жило цѣлое племя чрезвычайно рослыхъ людей и эти люди, по словамъ султана Крымъ-Гирея, поголовно назывались нартами.

Такимъ образомъ, героическія легендарныя лица и ихъ подвиги сливаются съ дѣйствительною исторіею. Характерный фактъ въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстное событіе изъ русской исторіи—борьба и побѣда русскаго князя Мстислава надъ коссожскимъ богатыремъ Редедею. Исторія, по русскимъ источникамъ, занесла этотъ фактъ давнымъ давно на свои страницы, а у кабардинцевъ до сихъ поръ поютъ о подвигахъ Редеди и своихъ предковъ и въ этихъ устныхъ преданіяхъ не только подтверждается фактъ убіенія Мстиславомъ Редеди, но и бросается свѣтъ на послѣдующія историческія событія.

Связывая, такимъ образомъ, героическіе, опоэтизированные подвиги богатырей съ дѣйствительными событіями, народу очень естественнымъ казалось и возведеніе мегалитическихъ сооруженій богатырями. Такое сопоставленіе само собою напрашивалось на вниманіе при взглядѣ на эти мощныя произведенія человѣческихъ рукъ. Но казаки придали этому факту слишкомъ одностороннее и рискованное освѣщеніе, считая богатырей не только строителями дольменовъ, но и обитателями ихъ. Черкесы, ближе стоявшіе къ этимъ

таинственнымъ сооруженіямъ, заставили нартовъ только построить каменные дома.

По сказаніямъ горцевъ, одновременно съ нартами великанами жили крошечные люди, слабые и безпомощные, ѣздившіе верхомъ на зайцахъ—«съсыппъ», т. е. карлики. Изъ жалости къ этому мелкорослому народу, нарты и воздвигли имъ изъ громадныхъ каменныхъ плитъ неприступные, какъ крѣпости, дома, оставивши въ передней части ихъ въ видѣ отверстія столь небольшой проходъ, что черезъ него могъ пролѣзть только маленькій человѣчекъ. Поэтому черкесы и назвали дольмены «съсыппъ-уна», т. е. карликовые дома.

Легенда очень убѣдительная для людей, вѣрящихъ въ чудеса и чудодѣйственную силу богатырей. То обстоятельство, что дольмены сооружались изъ тяжелыхъ плитъ и что эти плиты занесены изъ другихъ, часто отдаленныхъ мѣстъ на гребни горъ и крутыя возвышенности, куда трудно даже всходить, несомнѣнно способствовало образованію легенды о постройкѣ дольменовъ богатырями. Обыкновеннымъ смертнымъ казалась не подъ силу подобная работа, особенно въ тѣ отдаленныя времена старины, когда люди не знали ни современной механики, ни остроумныхъ приспособленій строительной техники.

Многочисленные дольмены станицъ Царской и Абадзехской построены изъ такихъ породъ камня, которыхъ нѣтъ на мѣстахъ расположенія дольменовъ, но которыя находятся вдали отъ нихъ, въ окрестностяхъ. Это дало, по словамъ одного изъ изслѣдователей дольменовъ, поводъ къ вымыслу о томъ, что будто бы на здѣшнихъ дольменахъ была сдѣлана надпись, гласившая: «не удивляйся постройкѣ, а удивляйся, гдѣ камень взятъ». Удивленіе конечно понятное, кто бы не сдѣлалъ надпись или не измыслилъ разсказъ о ней.

Ближайшее знакомство съ дольменами наводитъ однако сразу на мысль, что эти богатырскіе памятники возводились въ ознаменованіе чего-то. Постройки явно были расчитаны на то, чтобы своимъ внѣшнимъ величіемъ они надолго остались въ памяти потомковъ и напоминали бы имъ о своего рода величіи тѣхъ лицъ, съ которыми были связаны памятники. Вполнѣ естественныя стремленія къ увѣковѣчанію памяти о выдающихся лицахъ встрѣчаются у многихъ народовъ. Египтяне, какъ извѣстно, возвели надъ усыпальницами для фараоновъ грандіознѣйшія сооруженія—пирамиды. Скифы насыпали надъ похороненными царями могилы или курганы, которые были тѣмъ выше и значительнѣе, чѣмъ могущественнѣе и знатнѣе оказывался царь. Гробницы христіанскихъ государей или чѣмъ-либо выдающихся дѣятелей также устраиваютъ подъ сводами храмовъ. Когда искусство и строи-

тельная техника достигли значительной степени развитія, люди стали изображать на своихъ памятникахъ извѣстныхъ лицъ. Все это явленія одного и того же порядка, указывающія на естественныя желанія у людей увѣковѣчить внѣшними признаками величія память о предкахъ. Несомнѣнно, что и дольменамъ, какъ изъ ряда выходящимъ постройкамъ, свойственна та же черта.

Такимъ образомъ, между богатырскими легендами и богатырскими памятниками оказалась въ данномъ случаѣ несомнѣнная связь. Тѣ и другіе указываютъ на существованіе у отдаленныхъ предковъ нынѣшнихъ народностей героической эпохи. Народная фантазія въ яркихъ краскахъ изобразила подвиги этихъ героевъ; мощные памятники изъ громадныхъ камней свидѣтельствуютъ, что съ ними должны быть соединены воспоминанія о выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ людяхъ отдаленнаго времени. Представленія народа о богатыряхъ и о богатырскихъ памятникахъ покоятся на одной и той же подкладкѣ: были когда-то времена богатырей.

Теперь изслѣдователи мегалитическихъ памятниковъ даютъ нѣкоторыя указанія на то, какъ строились дольмены и втаскивались на горы тяжелыя плиты. Полагаютъ, что въ залежи камня вколачивались предварительно сухіе деревянные клинья, которые намачивались потомъ водою, отчего они разбухали и разрывали каменныя породы на плиты. Въ горы плиты передвигались на круглыхъ каткахъ изъ бревенъ съ помощью рычаговъ. Поставленныя въ дольменѣ на ребро плиты засыпались до верху землею и по этой насыпной земли поднималась наверхъ тяжелая каменная крыша. Все это не представляло ничего невозможнаго, непреодолимаго. Можно даже усомниться въ томъ, что для втаскиванія камней на крышу строители засыпали землею стѣны дольмена, по крайней мѣрѣ по отношенію къ дольменамъ Сѣвернаго Кавказа и Черноморской губерніи. Здѣсь дольмены съ особенно массивными крышами оказываются и самыми позднѣйшими сооруженіями, когда строительная техника доисторическаго человѣка достигла извѣстной степени развитія и когда люди умѣли повидимому хорошо пользоваться рычагами и другими приспособленіями. Здѣсь же есть указанія на то, что тамъ, гдѣ подходящій камень былъ на мѣстѣ, дольмены вовводились изъ этого матеріала. Сооруженія эти во всякомъ случаѣ были дѣломъ рукъ доисторическаго человѣка, и самое ихъ возникновеніе относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ не сохранилось письменныхъ источниковъ. Древніе писатели не упоминаютъ о дольменахъ.

Дольменъ слово не русское; оно заимствовано изъ старокельтскаго языка и означаетъ: «доль» столъ и «менъ» ка-

мень, т. е. каменный столъ. У разныхъ народовъ существуютъ однако различныя названія для обозначенія этихъ памятниковъ, такъ какъ они встрѣчаются не у одного какого-либо народа, а у многихъ. На это указываетъ распространеніе ихъ по всѣмъ тремъ материкамъ Стараго Свѣта—въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, у разныхъ народовъ и въ различныхъ мѣстностяхъ.

На Кавказѣ дольмены расположены въ Кубанской области слѣва р. Кубани и въ устьяхъ ея на Таманскомъ полуостровѣ, а отсюда идутъ къ югу по сѣверной части Черноморскаго побережья. Затѣмъ небольшими группами дольмены встрѣчаются на Таврическомъ полуостровѣ, концетрируясь въ Байдарской долинѣ, и въ послѣднее время обнаружены въ Екатеринославской губерніи. Въ Крыму какъ бы прекращается одна общая линія расположенія дольменовъ и дальнѣйшее распространеніе ихъ раздѣляется по двумъ направленіямъ. Къ сѣверу дольмены оказались въ Германіи, Швеціи, Даніи, Бельгіи и Великобританіи, а къ югу въ Греціи, Италіи, Сициліи, Испаніи и Португаліи. Крайнія звенья, Испаніи и Бельгіи какъ бы связываетъ Франція, въ которой особенно много дольменовъ.

Такимъ образомъ, дольмены охватили Европу въ видѣ громаднѣйшей петли съ придаткомъ отъ нея у насъ на Кавказѣ. Если бы нѣкоторые ученые археологи обратили вниманіе на такое схематическое распространеніе дольменовъ по Европѣ, то, быть можетъ, нѣсколько удержались бы отъ смѣлаго, но рѣшительнаго предположенія о томъ, что строители дольменовъ вышли съ востока, оставили на Кавказѣ и въ Крыму часть дольменовъ и отсюда, раздѣлившись, одни пошли по сѣверной части Европы, а другіе по южной. Казалось бы, что скорѣе происходило это обратно и отъ петли, центръ тяжести которой несомнѣнно во Франціи, строители должны были отправиться къ намъ на Кавказъ, тѣмъ болѣе, что наши кавказскіе дольмены моложе западно-европейскихъ, да и придатокъ отъ петли оказывается въ сущности лишь короткимъ обрывкомъ. Все это разумѣется, указываетъ лишь на то, что предположенія далеки отъ научныхъ доказательствъ и что перечень распредѣленія дольменовъ въ извѣстномъ направленіи не представляетъ еще собою фактическаго подтвержденія постройки ихъ въ томъ же порядкѣ.

Къ такому же отрицательному выводу приводятъ и факты мѣстонахожденія дольменовъ въ другихъ частяхъ свѣта. Если, въ самомъ дѣлѣ, строители дольменовъ разносили свое искусство по Европѣ въ направленіи съ востока на западъ, то какъ объяснить появленіе дольменовъ во многихъ мѣстахъ Азіи и Африки? Въ Азіи дольмены встрѣчаются въ

Палестинѣ, Персіи, Аравіи и въ Индіи, а въ Африкѣ по верхнему Египту, Тунису и въ Алжирѣ. Между отдѣльными группами дольменовъ получаются огромныя разстоянія, и если замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторая близость въ расположеніи отдѣльныхъ группъ, положимъ, дольменовъ въ Палестинѣ, Аравіи и Персіи; то въ общую фигуру, по одному или двумъ направленіямъ, группы азіатскихъ и африканскихъ дольменовъ свести никакъ нельзя. А между тѣмъ всѣ дольмены,—и европейскіе, и азіатскіе, и африканскіе,—представляютъ собою несомнѣнно однохарактерныя проявленія доисторической жизни людей. Очевидно, въ разныхъ мѣстахъ дольмены строились различными народами, хотя, быть можетъ, народы эти и принадлежали къ одной расѣ.

Итакъ, слѣдовательно, если дольмены оказываются однохарактерными показателями доисторической эпохи человѣчества, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, или если даже они всюду возводились одною и тою же народностью; то наши кавказскіе дольмены могутъ быть разсматриваемы, какъ отдѣльное звено въ общей цѣпи таинственныхъ пока слѣдовъ доисторической старины.

На кавказскіе дольмены давно уже обратили вниманіе люди пытливые и серьезные. Еще П. С. Палласъ, путешествовавшій въ 1793 и 1794 годахъ по Крыму и Таманскому полуострову, отмѣтилъ на послѣднемъ присутствіе мегалитическихъ сооруженій. «Не много далѣе отъ дер. Чокракъ-кой, говоритъ онъ, на высокой площадкѣ находится много гробницъ, состоящихъ изъ большихъ известково-сланцевыхъ и песчанико-сланцевыхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ и образующихъ продолговатый четвероугольникъ. Эти безпорядочно разбросанныя гробницы—не татарскія, но, можетъ быть, черкесскаго происхожденія. Здѣсь также поставлены узкіе надгробные столбы, болѣе сажени вышиною». Это несомнѣнно дольмены и менгиры. Теперь и слѣдовъ не осталось здѣсь отъ нихъ и плиты ихъ давно уже пошли, быть можетъ, на хозяйственныя нужды населенія; но еще въ 1833 году Дюбуа де Монпере мелькомъ видѣлъ таманскіе дольмены, проѣзжая мимо ихъ вечеромъ.

Послѣ Палласа дольмены были описаны въ 1818 году Тетбу де-Марни, затѣмъ послѣдовательно ихъ описывали англичанинъ Белль въ 1830 году, французъ Дюбуа-де-Монпере въ 1833 году и хранитель Тифлисскаго музея Байернъ въ 1865—1870 годахъ. Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, кромѣ археолога В. И. Сизова и профессора Н. И. Веселовскаго, описаніемъ дольменовъ занимались главнымъ образомъ мѣстные изслѣдователи—И. Я. Каменевъ, Е. Д. Фелицынъ, В. В. Сысоевъ и нѣкоторые народные учителя. Особенно

много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Фелицынъ, составившій карту распространенія дольменовъ и снявшій массу этихъ памятниковъ старины. Онъ осмотрѣлъ, по его словамъ, около 700 дольменовъ и въ 113-ти произвелъ раскопки. Общіе результаты всѣхъ этихъ работъ напечатаны въ IX томѣ «Трудовъ по Кавказской археологіи».

Расположены дольмены въ горахъ и только въ одной части Сѣвернаго Кавказа—на западѣ его, исключительно въ Кубанской области и въ смежной съ нею Черноморской губерніи. Большими и малыми группами и въ одиночку они тянутся отъ верхняго бассейна р. Лабы и до береговъ Чернаго моря. Какъ бы главная, основная масса ихъ сконцентрирована выше г. Майкопа въ горахъ. Первая и самая интересная група дольменовъ расположена между станицами Абадзехской и Каменномосткой. Отсюда еще далѣе на югъ въ горы они тянутся вверхъ по красавицѣ р. Бѣлой и ея притокамъ, а другая, двумя многочисленными группами, разбросана въ верховьяхъ р.р. Фарса и Ходзъ, притоковъ Лабы. Въ общемъ получается нѣчто въ родѣ неправильнаго треугольника, узкаго въ началѣ горъ и широкаго по верховьямъ рѣчекъ, проникающихъ высоко въ горы. Отъ этого треугольника, перпендикулярно къ р. Бѣлой, дольмены идутъ на западъ по направленію къ морю. Сначала въ самомъ ограниченномъ количествѣ они встрѣчаются только въ верховьяхъ двухъ рѣкъ Пшиша и Псекупса до Афипса, но отсюда опять таки по верхнему теченію рѣкъ Афипса, Убина, Иля, двухъ Хаблей, Антхыра, Бугундыря и Абина до главнаго хребта Кавказскихъ горъ количество ихъ увеличивается. Здѣсь, противъ Геленджика и Кабардинки, дольмены какъ бы переваливаютъ на южную сторону хребта и расходятся по Черноморскому побережью въ двухъ направленіяхъ—на югъ до Туапсе и пожалуй даже до р. Псезуапе и на сѣверъ къ станицѣ Раевской и до Таманскаго полуострова.

При такомъ географическомъ распредѣленіи кавказскихъ дольменовъ, одни изъ нихъ расположены на возвышенностяхъ и горныхъ вершинахъ, другіе на совершенно ровныхъ мѣстахъ, но главнымъ образомъ въ предѣлахъ горной полосы. Есть извѣстная пограничная черта въ горахъ и предгорьяхъ, ниже которой дольмены не спускаются въ Кубанской области. Выше уже было отмѣчено, что по археологической картѣ кургановъ и дольменовъ, тамъ, гдѣ перестаютъ встрѣчаться земляные курганы степного типа, начинаютъ появляться дольмены. Одни историческіе памятники какъ бы отграничены отъ другихъ. По Черноморскому побережью, обрывающемуся горными крутизнами прямо въ море, дольмены встрѣчаются у самыхъ морскихъ береговъ. Такимъ об-

разомъ, въ этомъ отграниченіи горныхъ мѣстностей отъ степей какъ бы кроется указаніе на то, что та народность, которой принадлежатъ дольмены, обитала въ горахъ. Въ степяхъ дольменовъ совсѣмъ нѣтъ, если не считать нахожденія ихъ на Таманскомъ полуостровѣ, слегка гористомъ.

По свидѣтельству Е. Д. Фелицына, общее количество дольменовъ въ предѣлахъ Кубанской области и Черноморской губерніи едва ли превышаетъ 1200 сооруженій. Надо полагать, однако, что цифра эта значительно ниже дѣйствительной. Самъ Фелицынъ упоминаетъ о 943 дольменахъ только въ предѣлахъ Майкопскаго отдѣла. Не зависимо отъ того г. Сысоевъ осмотрѣлъ и описалъ въ западной части Кубанской области 240 дольменовъ. Получается уже, слѣдовательно, цифра въ 1183 дольмена. Затѣмъ въ учетъ Фелицына не вошли дольмены по р. Сохраю и сопредѣльнымъ съ нимъ мѣстностямъ глухихъ горныхъ ущелій. Нужно прибавить еще по крайней мѣрѣ около 50-ти дольменовъ. Во многихъ мѣстахъ Фелицынъ учитывалъ количество дольменовъ по опросу, а опросъ, безъ надлежащаго осмотра, да еще въ такихъ мѣстахъ, какъ кавказскія дебри, не обошелся безъ пропусковъ и недочетовъ. Такъ, изъ общаго количества пшадскихъ дольменовъ въ перечень Фелицына попала самая ничтожная доля. Между тѣмъ въ одной только мѣстности «Богатырскія хатки» ихъ 25 и еще больше въ другихъ мѣстахъ вокругъ Пшады. И здѣсь въ учетъ не попало не менѣе 50-ти дольменовъ. О таманскихъ дольменахъ съ менгирами, отмѣченныхъ Палласомъ, Фелицынъ совсѣмъ не упоминаетъ, а ихъ было, по выраженію Палласа, «много». Дюбуа де Монпере отмѣтилъ двѣ довольно большія группы дольменовъ, найденныхъ имъ у Геленджика. Фелицынъ не принималъ ихъ въ расчетъ. Вообще учетъ дольменовъ по Черноморскому побережью произведенъ поверхностно и не полно. При раскопкахъ кургановъ въ Лабинскомъ бассейнѣ, профессоръ Н. И. Веселовскій обнаружилъ дольмены, засыпанные землею или, вѣрнѣе, спрятанные въ нѣдра насыпныхъ кургановъ. Такой же засыпанный въ курганѣ дольменъ, по словамъ Фелицына, былъ открытъ въ станицѣ Каменномостской. О подобныхъ же дольменахъ упоминаетъ г. Сысоевъ. Стало быть, къ наружнымъ дольменамъ надо прибавить еще извѣстное количество дольменовъ, находящихся въ курганахъ. Отъ значительнаго количества дольменовъ совсѣмъ не осталось наружныхъ слѣдовъ, благодаря вандальскому разрушенію въ нихъ верхнихъ частей и расхищенію каменныхъ плитъ; но и въ такихъ мѣстахъ раскопки могутъ дать богатый археологическій матеріалъ. Внося всѣ эти поправки,

общее количество кавказскихъ дольменовъ можно повысить безъ натяжки еще на 300 или нѣсколько сотъ сооруженій.

Но, при такомъ чисто количественномъ учетѣ дольменовъ, нельзя смѣшивать одни виды этихъ сооруженій съ другими. Въ трудахъ мѣстныхъ изслѣдователей и въ публикѣ какъ-то невольно проскальзываетъ мнѣніе о дольменахъ, какъ о чемъ-то шаблонномъ и одноформенномъ. У народа это богатырскія хаты; у изслѣдователей—неразгаданный сфинксъ безъ письменнаго вида, своего рода Иванъ, непомнящій родства. Между тѣмъ весь научный интересъ, вызываемый дольменами, сводится къ исторической послѣдовательности въ развитіи этихъ формъ въ связи съ эволюціей той идеи, какую положилъ въ основу ихъ человѣкъ, какъ разумное существо. Съ дольменами несомнѣнно установлено обрядовое погребеніе людей, которое въ свою очередь служило основоначаломъ религіознаго культа.

Съ этой точки зрѣнія, очень важно, конечно, изученіе всѣхъ тѣхъ условій, въ какихъ совершалось погребеніе людей въ дольменахъ. Какъ извѣстно, обрядовое погребеніе обнаружено наукою въ неолитическій періодъ. Дилювіальный человѣкъ не зналъ его. Первоначально люди хоронили мертвецовъ въ тѣхъ каменныхъ пещерахъ и въ тѣхъ устроенныхъ изъ вѣтвей надъ очагами и покрытыхъ кожами шалашахъ, въ которыхъ они жили. Жилища были первыми по времени кладбищами людей. Въ этомъ фактѣ кроются явныя указанія на идею, положенную человѣкомъ въ основу обрядоваго погребенія въ слѣдующей затѣмъ исторической стадіи. Послѣ погребенія людей въ пещерахъ и шалашахъ появились погребенія въ каменныхъ домахъ—въ дольменахъ. Вмѣсто того, чтобы погребать мертвецовъ въ жилищахъ, люди стали устраивать особыя помѣщенія для покойниковъ. Дольменъ—домъ мертвеца. Такимъ образомъ, дольмены, какъ могильники, въ прошломъ тѣсно связаны съ каменными пещерами и шалашами первобытнаго человѣка въ генетическомъ отношеніи.

Нужно представить себѣ особую важность тѣхъ условій, на которыхъ удержалась эта связь дольменовъ съ жилищами. Въ ту отдаленную пору требовались тысячелѣтія и десятки ихъ, чтобы человѣкъ додумался до мысли укрываться въ пещерахъ, какъ постоянномъ жилищѣ, затѣмъ приспособлять пещеры для этой цѣли, устраивать ихъ искуственно, возводить нѣчто новое въ видѣ шалаша надъ очагомъ и т. п. У дикаря не было ни образцовъ для жилищъ, ни орудій для сооруженія ихъ. Нужно было придумать орудія, найти подходящій матеріалъ для строенія, создать самую форму строенія и т. п. Все это дѣлалось ощупью,

по инерціи и цѣлые вѣка должны были уходить на улавливаніе самыхъ ничтожныхъ мелочей. Надо полагать, что устраивая первыя по времени похороны покойниковъ въ пещерахъ неолитическаго періода, человѣкъ, благодаря этой обстановкѣ, остановилъ вниманіе на камняхъ, землѣ и щебнѣ, какъ строительныхъ матеріалахъ. Ими человѣкъ закрывалъ мертвеца. И вотъ эти матеріалы пошли на устройство и обстановку дольменовъ.

Изученіе нашихъ кавказскихъ дольменовъ указываетъ на то, что основнымъ и первоначальнымъ типомъ сооруженій былъ дольменъ о четырехъ углахъ. Несомнѣнно, что строителямъ такая форма сооруженій была доступнѣе другихъ. Четыреугольныя плиты камня чаще всего встрѣчались въ природѣ, ихъ легче, чѣмъ другія формы, было приготовить или подогнать къ извѣстному виду, наконецъ, проще и сподручнѣе было устраивать изъ нихъ и самое сооруженіе. Дольменъ о четырехъ углахъ, стало быть, самъ собою давался въ руки первобытному человѣку. Только потомъ уже, когда у человѣка сложилась своя строительная практика, когда подвинулась впередъ техника по подготовкѣ матеріаловъ, по устройству сооруженій и по отдѣлкѣ ихъ, основная форма о

Пшадскій дольменъ у шоссе. (Фот. Л. П. Гуковскій).

четырехъ углахъ могла быть видоизмѣнена въ частяхъ. Поэтому, и наиболѣе правильныя четыреугольныя формы доль-

меновъ не являются еще прототипомъ всѣхъ остальныхъ формъ. Они сами, какъ увидимъ далѣе, возникли только въ позднѣйшее время.

Пшадскій дольменъ у шоссе. (Фот. Л. П. Гуковскій).

Прилагаемые рисунки даютъ наглядное представленіе объ особенностяхъ четыреугольныхъ дольменовъ, отличающихся правильностью формы. Это постройки изъ четырехъ массивныхъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ на ребро и накрытыхъ крышкою. Передняя и задняя плиты короче, а боковыя длиннѣе. Такимъ образомъ получается громадный удлиненный о четырехъ углахъ ящикъ. Въ этой правильной постройкѣ особенно бросаются въ глаза выступы верхней плиты или крышки. Сзади и спереди крышка обыкновенно надвигается на стѣны. Получается нѣчто въ родѣ прямого двусторонняго козырька, прикрывающаго боковыя плиты. Строители, очевидно, имѣли въ виду защитить и закрыть извѣстныя части строенія. Сравненіе такихъ дольменовъ съ простѣйшими видами показываетъ, что въ этихъ послѣднихъ заднія и переднія плиты не плотно примыкали къ крышамъ, а въ передней плитѣ дѣлались кромѣ того отверстія, закрываемыя втулками. Въ щели и отверстія могли конечно попадать пыль, мусоръ, вода и пр. Такимъ образомъ, строители дольменовъ, надвигая крыши спереди и сзади, надо полагать, имѣли въ виду предохраненіе отъ засориванія внутреннихъ частей строенія. Этимъ защитнымъ частямъ дольменовъ, какъ

наиболѣе бросавшимся въ глаза, они естественно придали и наиболѣе правильный, красивый видъ.

Джубгскій двойной дольменъ.

Симметричные и хорошо устроенные дольмены оказываются и самыми громадными сооруженіями. Они именно своимъ внѣшнимъ видомъ производили на зрителя особенно внушающее впечатлѣніе, невольно уносившее воображеніе къ временамъ богатырей. Но такіе дольмены ни въ коемъ случаѣ нельзи считать основными и древнѣйшими формами сооруженій. Это—позднѣйшія строенія, развившіяся изъ другихъ болѣе примитивныхъ формъ. Примитивною, первоначально формою былъ не правильный четыреугольникъ, а дольменъ о четырехъ углахъ.

Изъ пяти географическихъ райновъ, на которые можно подраздѣлить мѣстности съ кавказскими дольменами, самымъ характернымъ для выясненія вопроса о возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи формъ дольмена оказывается районъ, названный Фелицынымъ Кожжохскимъ, отъ р. Кожжохо. Районъ этотъ находится выше города Майкопа по р. Бѣлой, между Каменомостской и Абадзехской станицами. Въ немъ насчитано отъ 260 до 280 памятниковъ и въ 37 изъ нихъ произведены раскопки. Если изъ общаго количества раскопанныхъ дольменовъ исключить пять по недостаточности строительныхъ признаковъ о нихъ, то 24 дольмена можно отнести къ самымъ примитивнѣйшимъ по устройству памятникамъ, шесть къ дольменамъ болѣе усовершенствованнаго устройства и два къ дольменамъ съ особыми отличительными пристройками. Частнѣе въ первую группу входитъ 9 дольменовъ, погруженыхъ въ землю до крыши, 10 погруженныхъ на $^2/_3$ своей высоты и 5 погруженныхъ на $^1/_2$. Вторая группа состоитъ изъ 5-ти дольменовъ, построенныхъ на поверхности земли и одного на половину углубленнаго. Наконецъ, изъ остальныхъ двухъ дольменовъ одинъ совсѣмъ погруженъ въ землю и одинъ на $^2/_3$.

Такимъ образомъ, наиболѣе примитивными, а значитъ и

раньше другихъ возникшими, оказываются дольмены углубленные въ землю. Большинство разрытыхъ на Кожжохо памятниковъ, построенныхъ изъ камня безъ всякой отдѣлки и съ отдѣльными стѣнами изъ булыжника, а не изъ плитъ, погружены въ землю. Этого мало. Въ частности эти дольмены различаются по строенію въ прямой зависимости отъ того, на сколько они погружены въ землю. Изъ 9-ти дольменовъ полностью погруженныхъ въ землю, только два дольмена сооружены изъ плитъ, а у 4-хъ одна или двѣ стѣны состоятъ изъ булыжника и мелкихъ камней и у 3-хъ дольменовъ нѣтъ отверстій въ передней плитѣ. Далѣе изъ 10-ти дольменовъ, погруженныхъ въ землю на ²/₃ своей высоты, уже 8 имѣютъ всѣ плитныя части и лишь два сложныя стѣнки. Наконецъ, всѣ 5 дольменовъ, погруженныхъ въ землю на половину, состоятъ изъ полнаго количества плитъ и только въ одномъ дольменѣ передняя плита безъ отверстія. Получается, слѣдовательно, своего рода постепенность въ распредѣленіи наиболѣе примитивныхъ дольменовъ въ прямой зависимости отъ степени погруженія въ землю: чѣмъ глубже въ землѣ сидятъ дольмены, тѣмъ больше дольменовъ простѣйшаго примитивнаго устройства, и на оборотъ. Всѣ же дольмены сложены изъ камней, которыхъ совершенно не коснулась отдѣлка, и только въ четырехъ случаяхъ камни оказались съ гладкою естественною поверхностью на одной сторонѣ и этою чистою стороною они положены внутрь дольмена.

Съ другой стороны, 5 дольменовъ, построенныхъ на поверхности земли и одинъ полууглубленный въ землю сложены изъ обычныхъ частей и на всѣхъ дольменахъ остались явственные слѣды обработки камня и усовершенствованія строительной техники. Въ пяти дольменахъ плиты съ внутренней стороны гладко отесаны, а въ шестомъ, сложенномъ изъ раковистаго известняка, не только «отесана довольно гладко» внутренняя поверхность плитъ, но на концахъ ихъ сдѣланы «неглубокіе пазы для вставки поперечныхъ камней»; такіе же пазы высѣчены и съ внутренней стороны верхней плиты или крышки. Все это, конечно, рѣзко отграничиваетъ эту небольшую группу дольменовъ отъ первой болѣе значительной по количеству. Невольно зарождается предположеніе, что шесть дольменовъ второй группы представляютъ собою очевидную попытку людей перейти къ болѣе совершеннымъ по строенію формамъ.

Вся вообще Кожжохская группа состоитъ изъ дольменовъ примитивнаго устройства. Изъ пяти дольменовъ, исключенныхъ выше по недостаточной опредѣленности признаковъ, два дольмена сложены изъ плитъ безъ всякихъ слѣдовъ от-

дѣлки, и два дольмена совершенно погружены въ землю; но особенно интересны дольмены съ специальными особенностями. Одинъ изъ этихъ дольменовъ весь до крышки сидитъ въ землѣ, одна стѣна его состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, а три изъ булыжника; отверстія впереди нѣтъ. Дольменъ несложный и очень примитивный по строенію, но въ немъ оказалась каменная настилка и въ этой настилкѣ четыреугольный ящикъ или углубленіе. Второй дольменъ, хотя и погруженъ на ²/₃ въ землю, но сложенъ изъ плитъ, гладко отесанныхъ съ внутренней стороны, и имѣетъ въ передней плитѣ круглое отверстіе. Отъ боковыхъ плитъ спереди этого дольмена идутъ два ряда камней вертикально поставленныхъ, въ видѣ корридора, который затѣмъ расширяется и образуетъ замкнутый полукругъ. Это такъ называемый кромлехъ, последующая надбавка къ дольменамъ примитивнаго устройства.

Не смотря на отмѣченныя различія въ устройствѣ дольменовъ, всѣмъ имъ свойственна одна общая и въ высшей степени важная черта. За исключеніемъ двухъ сильно разрушенныхъ дольменовъ, въ которыхъ повидимому случайно не оказалось слѣдовъ отъ покойниковъ, въ остальныхъ 35 дольменахъ обнаружено характернѣйшее обрядовое погребеніе. Въ 27 дольменахъ найдено 52 скелета взрослыхъ людей и 5 дѣтскихъ и въ 8 дольменахъ смѣшанныя кости скелетовъ. Въ первомъ случаѣ 52 взрослыхъ особи и 5 малолѣтнихъ были погребены въ сидячемъ положеніи частію съ вытянутыми ногами и частію со скорченными, согнутыми въ колѣняхъ. Во второмъ случаѣ, въ 8 дольменахъ положеніе мертвецовъ нельзя было опредѣлить, такъ какъ кости были перемѣшаны и разбросаны. Кромѣ людей, въ 8 дольменахъ оказались кости домашнихъ животныхъ—собакъ, лошадей, барановъ и свиней, въ 18 дольменахъ мелкіе осколки отъ посуды и болѣе крупные ея фрагменты, по которымъ можно было заключить, что посуда была большею частію примитивнаго характера—грубой ручной обработки и плохого обжиганія, въ 5 затѣмъ дольменахъ найдено десять необдѣланныхъ кремней и въ четырехъ, наконецъ бронзовыя вещицы—бронзовая привѣска и три наконечника стрѣлъ. Слѣдовъ отъ другихъ какихъ-либо металловъ не подмѣчено ни малѣйшихъ. Но всѣ предметы погребенія были засыпаны въ дольменахъ землей, смѣшанной съ камнями, а очень многіе дольмены, кромѣ того ставились на искусственыхъ насыпяхъ изъ земли и щебня.

И такъ, слѣдовательно, Кожжохская группа дольменовъ, если судить по открытымъ въ ней слѣдамъ обрядового погребенія, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ

мегалитической эпохи. Посуда ручного приготовленія и грубой отдѣлки и малое количество бронзовыхъ вещей указываютъ на то, что дольмены на Кожжохо строились въ неолитическій періодъ и во всякомъ случаѣ не позже его конца. Самыя формы сооруженій служатъ характернымъ показателемъ того, какъ строились примитивные, назатѣйливаго устройства, дольмены и какъ первобытный человѣкъ постепенно переходилъ къ возведенію дольменовъ болѣе совершеннаго вида. Въ искусственныя насыпи и въ мягкій грунтъ человѣкъ опускалъ дольмены въ глубину до самой крыши, а потомъ сталъ приподнимать ихъ сначала на треть надъ поверхностью, послѣ на половину, и когда дольмены вылѣзли совсѣмъ наружу, то оказались уже настоящими каменными зданіями съ явными признаками отдѣлки и заботливости строителей не столько о внѣшнѣй красотѣ сооруженій, сколько о внутреннемъ ихъ приличіи. Человѣкъ сначала подбиралъ плиты съ гладкою поверхностью, а затѣмъ сталъ тщательно отесывать ихъ, чтобы придать чистый и, пожалуй, для своего времени изящный видъ внутренней сторонѣ дольмена. Очевидно эти своеобразные дома мертвецовъ сооружались съ явнымъ расчетомъ на ублаготвореніе тѣхъ душъ или тѣней, которыя изъ страха и обожанія чтились строителями, снабжая ихъ на тотъ свѣтъ домашними животными и предметами домашней обстановки. По исторіи дольменовъ выходитъ, что мертвецы постепенно перешли, какъ и живые люди, изъ плохихъ землянокъ въ настоящіе дома.

Этотъ основной мотивъ въ устройствѣ дольменовъ можно подмѣтить и въ слѣдующихъ трехъ группахъ ихъ, расположенныхъ къ югу и юго-востоку отъ кожжохскихъ.

Ближайшую отъ послѣднихъ группу дольменовъ представляетъ Дегуакскій районъ, расположенный къ югу отъ Кожжоха возлѣ станицы Даховской. Въ этой долинѣ находится около 200 дольменовъ и въ 14-ти изъ нихъ произведены раскопки. Три дольмена здѣсь оказались совершенно погруженными въ землю, три на $^2/_3$, пять на $^1/_2$, два на поверхности земли и объ одномъ нѣтъ свѣдѣній. Объ одномъ дольменѣ есть указаніе, что онъ сдѣланъ изъ необдѣланныхъ камней, пять дольменовъ изъ камней, грубо обдѣланныхъ, одинъ дольменъ съ искусно сдѣланной втулкой и о 7-ми дольменахъ нѣтъ указаній. Въ 11-ти дольменахъ обнаружено погребеніе въ сидячемъ положеніи 11 взрослыхъ особей и одной малолѣтней, въ 2 дольменахъ костяки людей, въ одномъ черепки отъ глиняной посуды грубой работы и въ двухъ не найдено ничего. Изъ вещей въ 4-хъ дольменахъ найдены посуда грубаго приготовленія, въ одномъ посуда улучшенная, въ одномъ зубъ лошади и бабка барана, въ

одномъ обоюдоострая пила, въ двухъ бронзовый бубенчикъ и часть бронзоваго колечка и въ одномъ кремневый скре-

Дольменъ съ каменною втулкою на Дегуакской полянѣ. (Фот. Е. Д. Фелицынъ).

бокъ Такимъ образомъ, если сопоставить всѣ отмѣченные признаки—углубленіе дольменовъ въ землю, отсутствіе отдѣлки и плохую отдѣлку каменныхъ плитъ, похороны покойниковъ въ сидячемъ положеніи, прмитивные виды глиняной посуды, кремневый скребокъ и отсутствіе металловъ, за исключеніемъ двухъ вещицъ изъ бронзы, то и дольмены Дегуакской равнины несомнѣнно нужно отнести къ неолитическому періоду каменнаго вѣка. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи кремневый скребокъ, орудіе, во всякомъ случаѣ, каменнаго вѣка, найденное въ совершенно погруженномъ въ землю дольменѣ, въ которомъ одна плита оказалась составною, а остальныя грубо отдѣланными.

Слѣдующій раіонъ представляетъ Царская станица, на земляхъ которой пролегаетъ такъ называемая «Богатырская дорога», застроенная дольменами. Въ этомъ раіонѣ считается около 360 дольменовъ и изъ нихъ 37 раскопанныхъ отличаются разнообразіемъ по формѣ и развитіемъ строительной техники. Дольменовъ совершенно погруженныхъ въ землю не отмѣчено ни одного, но раскопано цѣлыхъ 5 дольменовъ имѣющихъ половую настилку съ ящиками для погребенія. Дольменовъ погруженныхъ на ²/₃ только два и на половину 9, а построенныхъ на поверхности 8. Въ связи съ этимъ

оказывается и больше дольменовъ съ отдѣланными плитами. На три дольмена, сложенныхъ изъ неотесанныхъ камней, и одинъ

Большой дольменъ на Богатырской дорогѣ, близъ ст. Царской (Фот. Е. Д. Фелицынъ).

дольменъ съ грубо отесанными плитами приходится 18 дольменовъ съ тщательною отдѣлкою частей, въ числѣ которыхъ въ плитахъ одного дольмена есть пазы, а въ другомъ дольменѣ гладко отесаны плиты не только съ внутренней стороны, но и снаружи. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ еще разъ подтверждается зависимость между дольменами позднѣйшаго времени и развитіемъ строительной техники. Въ 29 дольменахъ погребено 49 взрослыхъ особей и 2 малолѣтнихъ, въ 7 ми кости отъ неопредѣленнаго количества покойниковъ и только въ одномъ не оказалось никакихъ слѣдовъ погребенія. Изъ другихъ предметовъ, которые положены были съ покойниками въ могильники, найдена въ 7-ми дольменахъ посуда, преимущественно грубаго ручного приготовленія, въ двухъ кости собаки, въ одномъ кости какого-то животнаго, въ двухъ 8 необдѣланныхъ кремней, въ одномъ оселокъ съ дыркой и въ трехъ бронзовыя вещицы—пять небольшихъ колечекъ. Погребеніе въ ящикахъ произведено въ сидячемъ положеніи, покрайней мѣрѣ въ двухъ ящикахъ обнаружены сидячіе скелеты съ вытянутыми ногами. Слѣдовательно, судя по всѣмъ отмѣченнымъ признакамъ погребальнаго обряда и

по отсутствію металловъ, сооруженіе дольменовъ «Богатырской дороги» надо отнести также къ неолетической эпохѣ, хотя дольмены здѣсь совершеннѣе по строительной техникѣ, чѣмъ въ двухъ предшествующихъ районахъ.

Еще болѣе разнообразія и отличительныхъ особенностей даютъ дольмены послѣдняго въ этой мѣстности района, расположеннаго глубоко въ горахъ къ югу на земляхъ станицы Баговской. Здѣсь черты дольменовъ примитивнаго устройства перекрещиваются съ признаками, представляющими особенности и осложненія, свидѣтельствующія о дальнѣйшемъ развитіи дольменныхъ формъ и ихъ строительства. Изъ ста дольменовъ этого района раскопано 25. По положенію въ землѣ раскопанные дольмены ничѣмъ не отличаются отъ дольменовъ трехъ предшествующихъ районовъ. Строители видимо принадлежали къ одной и той же народности. Четыре дольмена совершенно погружены въ землю, 9 погружены на $^2/_3$, два на $^1/_2$, 8 открытыхъ и о двухъ нѣтъ указаній. Но всѣ четыре дольмена погруженныхъ въ землю оказались различныхъ формъ — одинъ съ каменной настилкой и ящикомъ или углубленіемъ въ ней для погребенія, одинъ съ половиной половой плиты, одинъ изсѣченъ изъ монолита и одинъ съ наружными приставками въ видѣ галлереи. Точно также изъ 9-ти дольменовъ погруженныхъ на $^2/_3$ въ землю, два дольмена съ каменными полами и два съ каменными приставками. Съ другой стороны, изъ семи дольменовъ наружныхъ, цѣлыхъ четыре дольмена съ каменною настилкою или поломъ. Изъ двухъ дольменовъ монолитовъ одинъ оказался весь въ землѣ, а другой на поверхности. Такимъ образомъ, строители дольменовъ какъ бы колебались въ рѣшеніи вопроса о томъ, въ какую обстановку поставить новые виды сооруженій. Въ обрядовомъ погребеніи несомнѣнно намѣтились или уже произошли извѣстныя измѣненія.

На это указываетъ и цѣлый рядъ другихъ признаковъ. Такъ, количество дольменовъ сложенныхъ изъ хорошо отдѣланныхъ частей здѣсь значительно больше, чѣмъ въ предыдущихъ районахъ, и самая техника отдѣлки выше, совершеннѣе. На три дольмена изъ грубыхъ необдѣланныхъ плитъ приходится 18 дольменовъ усовершенствованной техники. Кромѣ отески внутреннихъ стѣнъ въ двухъ дольменахъ камни гладко отдѣланы съ обѣихъ сторонъ, есть пазы, а дольмены монолиты не только искусно изсѣчены изъ одной цѣльной скалы, но и отличаются превосходной отдѣлкой и очень правильными закругленіями въ углахъ. По всему видно, что строители имѣли уже долговременный опытъ строительной практики, приведшій ихъ къ усовершенствованіямъ въ отдѣлкѣ камня, и что, слѣдовательно, возведенные ими

дольмены были произведеніями болѣе поздняго времени сравнительно съ тѣмъ, когда строилось большинство дольменовъ въ трехъ остальныхъ районахъ.

Еще характернѣе въ этомъ отношеніи слѣды погребеній. Въ 12 дольменахъ найдено 44 скелета взрослыхъ и 3 малолѣтнихъ, въ 4-хъ смѣшанныя кости и въ цѣлыхъ 9-ти дольменахъ не обнаружено никакихъ признаковъ погребенія. Явное указаніе на измѣненіе обряда. На самомъ дѣлѣ, кромѣ погребеній въ дольменахъ обычнаго типа, слѣды погребенія обнаружены въ дольменахъ съ каменною настилкою и ящикомъ въ ней, затѣмъ въ 5-ти дольменахъ съ каменною настилкою, но безъ ящиковъ, не оказалось никакихъ слѣдовъ существовавшаго обычая; не найдено ни костей, ни вещей тоже и въ двухъ дольменахъ монолитахъ, въ которыхъ, какъ самыхъ совершенныхъ каменныхъ ящикахъ, должны были бы, казалось, сохраниться слѣды погребальнаго обычая въ установившейся формѣ. Очевидно, что измѣненіе въ обрядовомъ ритуалѣ находится въ связи съ появленіемъ въ дольменахъ сплошной каменной настилки или пола и съ новою формою дольменовъ-монолитовъ, которые высѣкались въ одной цѣльной скалѣ и имѣли только одну плиту въ видѣ крышки.

Но особенно характерными являются самые слѣды погребенія, обнаруженные въ 16-ти дольменахъ. Хотя покойники были погребены въ обычномъ сидячемъ положеніи, но въ нѣкоторыхъ дольменахъ ихъ найдено очень большое количество. Между тѣмъ какъ при всѣхъ другихъ раскопкахъ обнаружено по одному, два или три трупа и въ рѣдкихъ случаяхъ не больше пяти, здѣсь, на такъ называемой Зацѣпиной полянѣ, въ одномъ дольменѣ оказалось 6 скелетовъ, въ другомъ 10 взрослыхъ и 1 малолѣтній и въ третьемъ 11 взрослыхъ особей. Получаются крайности: на ряду съ дольменами безъ скелетовъ встрѣчаются дольмены съ особенно большимъ количествомъ ихъ. Признаки, указывающіе на то, что обрядъ погребенія подвергся какимъ-то колебаніямъ или осложненію. Самые предметы, обнаруженные при погребаніяхъ, указываютъ на то, что въ Баговскомъ районѣ производились погребенія позже, чѣмъ въ трехъ предыдущихъ; здѣсь въ первый разъ найдены металлическія издѣлія въ могильникахъ. Вообще же сопровождавшіе покойниковъ предметы отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ. Такъ, въ десяти случаяхъ была найдена грубая глиняная посуда, приготовленная отъ руки, и въ трехъ посуда, приготовленная на гончарномъ кругѣ, и даже въ одномъ случаѣ поливная, въ двухъ случаяхъ бусы, въ двухъ оселки съ сверлинами, въ шести 32 не оббитыхъ кремня, въ шести

кости собакъ, въ четырехъ кости другихъ животныхъ, въ шести бронзовыя вещицы и, наконецъ, въ одномъ случаѣ фибула или застежка, въ одномъ часть серебряной пластинки, въ одномъ желѣзный мечъ и въ одномъ монета Босфорскаго царя Рискупориса IV съ помѣткой 215 года по Р. Хр. На основаніи этихъ признаковъ, вполнѣ позволительно заключить, что какъ дольмены Баговскаго района, такъ и найденные въ нихъ при раскопкахъ слѣды погребеній относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ дольмены и погребенія районовъ Кожжохскаго, Дегуакского и даже Богатырской дороги.

Обнаруженіе монеты Рискупориса привело даже мѣстныхъ изслѣдователей къ мысли о томъ, что дольмены возникли послѣ Р. Хр. Предположеніе, не имѣющее за собою серьезныхъ основаній. По одному дольмену нельзя судить о всѣхъ. Въ доисторической археологіи, какъ и во всякой другой наукѣ, принято судить по большинству фактовъ, а не по единичнымъ явленіямъ, могущимъ представлять исключенія и случайности. Между тѣмъ, кромѣ монеты, въ дольменѣ были найдены 8 необдѣланныхъ кремней, колечко или серьги, кости собаки и жеребенка и очень много фрагментовъ глиняной посуды, часть которой была грубой ручной работы, а часть сработана на гончарномъ кругѣ. Слѣдовательно, по этимъ предметамъ нельзя сказать, чтобы погребеніе было совершено въ столь позднее время, какъ начало III вѣка послѣ Р. Хр. Но монета Рискупориса IV найдена только въ одномъ дольменѣ. Подавляющее же большинство другихъ дольменовъ наполнено было предметами скорѣе неолитической эпохи, чѣмъ послѣдующихъ временъ. Вѣроятно, монета Рискупориса IV попала въ дольменъ случайно. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ дольмены съ самой глубокой древности были доступны, а покрывающій слой земли надъ покойниками не былъ особенно толстъ и плотенъ, чтобы металлическая вещь, случайно попавшая, не могла остаться скрытою въ немъ.

Но такіе предметы, какъ фибула, кусокъ серебряной пластинки и желѣзный мечъ несомнѣно указываютъ на позднѣйшее возникновеніе дольменовъ на земляхъ Баговской станицы. Обстоятельство это находится въ тѣсной связи со всѣми отмѣченными выше признаками. Если дольмены начали распространяться съ сѣвера на юго-востокъ и югъ отъ Кожжохскаго и Дегуакскаго районовъ къ Царской и потомъ къ Баговской станицамъ, какъ это повидимому было, то баговскіе дольмены представляютъ собою послѣднія страницы въ исторіи памятниковъ этого рода, расположенныхъ въ данныхъ мѣстахъ, т. е. въ сѣверной части Майкопскаго отдѣла.

Слѣдующія страницы этой исторіи надо искать въ дольменахъ, тянущихся на западъ отъ четырехъ описанныхъ районовъ по направленію къ Черному морю. Дольмены, здѣсь расположенные, мало изучены. Не достаетъ главнымъ образомъ раскопокъ. Дольмены разбросаны на громаднѣйшемъ сравнительно съ майкопскими пространствѣ. При значительно меньшемъ количествѣ, они то отдѣлены большими промежутками, то вообще встрѣчаются одиночками и очень мелкими группами. Такъ, дольменовъ не оказалось въ верховьяхъ бассейновъ рѣкъ Пшехи и Шебша. Ихъ покрайней мѣрѣ не нашелъ здѣсь г. Сысоевъ, спеціально посланный для разысканія дольменовъ Московскимъ археологическимъ обществомъ. Всѣ же осмотрѣнные г. Сысоевымъ дольмены, включая и нѣкоторое количество дольменовъ Майкопскаго отдѣла, онъ разбилъ на 10 группъ, изъ которыхъ въ одной группѣ оказалось 19 дольменовъ, въ одной 17, въ одной 10, въ одной 9 и въ одной 6, а затѣмъ въ 21 случаѣ въ группахъ было отъ 2 до 5 дольменовъ и въ 27 случаяхъ по одному дольмену. Также изолированно разбросаны дольмены и по южному скату Кавказскаго хребта въ предѣлахъ Черноморской губерніи. Группами здѣсь встрѣтили дольмены Дюбуа де Монпере у Геленджика, а Палласъ на Таманскомъ полуостровѣ. Возлѣ селенія Пшады, въ мѣстности „Богатырскія хатки," по гребню горы въ длинную линію расположено 25 дольменовъ и между ними два дольмена-монолита и остатки третьяго лопнувшаго и недодѣланнаго дольмена-монолита. Всѣ дольмены сооружены здѣсь изъ камня, взятаго на мѣстѣ, и тутъ же на хребтѣ остались слѣды цѣлой мастерской, гдѣ приготовлялись отдѣльныя плиты и высѣкались дольмены изъ монолитовъ. Вообще же по южному скату Кавказскаго хребта и Черноморскому побережью дольмены разбросаны въ одиночку и мелкими группами.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на это коренное различіе въ расположеніи дольменовъ между восточными майкопскими и западными дольменами существуетъ несомнѣнная связь. Тамъ и здѣсь одни и тѣ же формы дольменовъ, но здѣсь преобладаютъ по преимуществу формы позднѣйшаго типа. То, что только намѣтилось въ этомъ отношеніи въ майкопскихъ мѣстахъ, здѣсь вылилось въ опредѣленную систему. Основная примитивная форма дольмена о четырехъ углахъ, въ однихъ случаяхъ приближавшаяся къ прямоугольнику, въ другихъ къ трапеціи и въ третьихъ къ квадрату, приняла здѣсь болѣе правильныя очертанія четыреугольника, колеблющагося между трапеціей и прямоугольникомъ. Сообразно съ этимъ измѣнились какъ внутренняя, такъ и внѣшняя отдѣлка дольменовъ. Западные дольмены не только правильнѣе, но и кра-

сивѣе, лучше сложены сравнительно съ майкопскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь въ большемъ относительно количествѣ встрѣчаются дольмены монолиты, изсѣченные изъ одного цѣльнаго камня, и особенно дольмены съ каменными полами или настилками. Тотъ и другой признаки служатъ показателями поступательнаго развитія въ строительной техникѣ дольменовъ. Такимъ образомъ, западные дольмены представляютъ послѣдующую стадію въ развитіи дольменовъ майкопскихъ.

Это легко прослѣдить по тѣмъ измѣненіямъ, какія замѣчаются въ дольменахъ по мѣрѣ того, какъ приближаются они къ морю. Сначала, въ предѣлахъ Майкопскаго отдѣла и вблизи его, встрѣчаются еще примитивные дольмены типа Кожжохской группы, но на крайнемъ западѣ, по сю и по ту сторону Кавказскаго хребта, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ преобладаютъ дольмены самаго позднѣйшаго времени. Такъ, по р. Курджипсу, вблизи поселека Темнолѣсскаго, по одну сторону его три и по другую одинъ дольменъ совсѣмъ погружены въ землю; по р. Пшишу одинъ дольменъ обнаруженъ въ курганѣ; по р. Псекупсу также найденъ одинъ дольменъ въ землѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ дольмены вообще встрѣчаются только единицами и сильно разрушены, но носятъ всѣ признаки примитивнаго устройства. Но тутъ же начинаютъ появляться и дольмены позднѣйшаго времени. Такъ, по р. Пшишу у сел. Перевальнаго и по р. Псекупсу у пос. Садоваго оказались два круглыхъ дольмена, сложенные довольно искусно изъ отдѣльныхъ плитъ, хорошо приготовленныхъ и подогнатыхъ одна къ другой, съ правильными округленіями внутри и снаружи. Замѣчательно, что какъ здѣсь, такъ и западнѣе, такіе усовершенствованные по формѣ дольмены расположены переднею плитою большею частью на Ю. З, а дольмены болѣе примитивнаго устройства и формъ обращены переднимъ отверстіемъ на В. или Ю.-В. Точно строители указывали въ первомъ случаѣ на связь ихъ сооруженій съ приморскими самыми совершенными дольменами, встрѣчающимися въ Ю. З. полосѣ, а во второмъ—на связь съ дольменами на Кожжохо и ближайшихъ къ нему мѣстностей, лежащихъ къ В. и Ю.-В. Быть можетъ, это простая случайность, хотя повидимому, обращеніе отверстій и передней плиты въ извѣстную сторону имѣло свое религіозное или символическое значеніе. Но постепенное увеличеніе дольменовъ позднѣйшаго времени по мѣрѣ приближенія къ морю представляетъ рѣзко бросающійся въ глаза фактъ. На самомъ крайнемъ западѣ преобладающими оказываются памятники хорошо сложенные и тщательно отдѣланные. Таковы дольмены станицы Шапсугской,

Адербіевки, Береговой, Пшады и Джубги, въ которыхъ строительная техника когда-то обитавшей здѣсь народности выразилась, можно сказать, въ наиболѣе совершенныхъ формахъ. Камни на такихъ дольменахъ тщательно отдѣланы, имѣютъ правильныя формы, по краямъ пазы или углубленія, спереди и сзади красивые выступы, превосходно исполненныя закругленія, очень искусныя выемки въ монолитахъ и, наконецъ, даже украшенія на плитахъ.

Полукруглый дольменъ на р. Жанѣ. (Фот. Л. П. Гуковскій).

Послѣднія встрѣчаются въ двухъ видахъ—въ формѣ чашеобразныхъ углубленій и линій. Такъ, на верхней плитѣ или крышѣ упомянутаго выше круглаго или шестиграннаго дольмена у селенія Перевальнаго оказались двѣ или три чашечки около 2 вершковъ въ діаметрѣ; въ другомъ кругломъ дольменѣ у сел. Садоваго на внутренней сторонѣ плитъ видны слѣды насѣчекъ; на передней плитѣ разрушеннаго у поселка Смоленскаго дольмена, по разсказамъ, имѣлись начертанія въ родѣ буквъ; возлѣ поселка Ильскаго найденъ дольменъ съ верхнею плитою, покрытою чашечками; кромѣ такихъ же чашечекъ, оказались на верхней плитѣ дольмена у станицы Ахтырской черточки, которыя можно было принять за кресты или звѣздообразныя изображенія. Дольмены, на верхней плитѣ которыхъ встрѣчаются чашеобразныя углубленія, встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстахъ. Возлѣ

станицы Шапсугской есть дольменъ, у котораго помимо чашечекъ на верхней плитѣ найдены своеобразныя украшенія на внутреннихъ стѣнкахъ въ видѣ треугольниковъ и волнообразныхъ линій, а рядомъ съ чашечками видны какія-то черточки. Весь дольменъ тщательно отдѣланъ съ наружной стороны. На внутреннихъ стѣнкахъ дольмена, находящагося на вершинѣ горы въ Адербіевскомъ ущельѣ, вырѣзаны зигзагообразныя линіи въ нѣсколько рядовъ. Какое значеніе имѣли эти и другія линіи и черточки, трудно сказать; но чашеобразныя углубленія могли служить для возліяній и въ такомъ случаѣ имѣли религіозное назначеніе.

Наиболѣе же характерную особенность здѣшнихъ дольменовъ представляютъ каменные полы или настилки. Такими полами снабжены, напримѣръ, всѣ дольмены, находящіеся на земляхъ селенія Пшады. Тщательный осмотръ дольменовъ на богатырскихъ хаткахъ показалъ, что всѣ 25 памятниковъ имѣли каменные полы. Произведенною раскопкою одного дольмена обнаружено было, что полъ, состоявшій изъ трехъ искусно пригнатыхъ въ швахъ плитъ, вдѣланъ былъ въ пазы боковыхъ плитъ и вставленъ такъ искусно и прочно, что потребовались большія усилія для того, чтобы вынутъ ихъ, и не прежде какъ были наклонены и подрыты боковыя плиты. Подъ поломъ на полъ-аршина оказалась насыпь изъ глины и щебня, но ни здѣсь, ни въ самомъ дольменѣ не найдено было никакихъ признаковъ погребенія. То же оказалось и по всѣмъ остальнымъ 24 дольменамъ. Были полы и не найдено ни костей, ни предметовъ, оставшихся отъ погребеній. Только въ одномъ дольменѣ уцѣлѣли двѣ тонкія и длинныя косточки какого-то животнаго и въ двухъ дольменахъ обнаружены осколки глиняной посуды довольно удовлетворительно сдѣланной и обожженной, но съ примитивнымъ орнаментомъ изъ вдавленныхъ параллельныхъ линій. Нужно замѣтить, что всѣ дольмены на Богатырскихъ хаткахъ сильно разрушены; чьи-то вандальскія руки развернули крыши и боковыя плиты, превративши ихъ въ части, куски и осколки. Но трудно предположить, чтобы вмѣстѣ съ этимъ были расхищены или безслѣдно уничтожены и слѣды погребеній. Если это и такъ, то значитъ слѣды эти были здѣсь слабы и ничтожны. Можно, поэтому, полагать, что въ дольменахъ съ каменными полами погребались останки отъ сожженныхъ труповъ и что осколки, найденные въ двухъ дольменахъ, были отъ сосудовъ, служившихъ урнами для сожженыхъ останковъ отъ покойниковъ. Такіе слѣды дѣйствительно могли быть уничтожены въ дольменахъ Богатырскихъ хатокъ, подвергшихся сильнѣйшему разрушенію.

Если вѣрно это послѣднее предположеніе, требующее, конечно, положительныхъ, добытыхъ изслѣдованіями, указаній, то тогда ясно, что обычай обрядоваго погребенія измѣнился у строителей западныхъ дольменовъ. По признакамъ дольменовъ Баговскаго района тамъ измѣненія какъ бы только намѣтились; строители точно еще колебались въ выборѣ; на западѣ у моря погребеніе покойниковъ съ домашними животными и предметами обстановки превратилось въ трупосожженіе. Въ баговскихъ дольменахъ въ единичныхъ случаяхъ найдены еще подъ половыми плитами кости людей и предметы домашней обстановки, въ дольменахъ же западныхъ, какъ и въ большинствѣ баговскихъ, не обнаружено никакихъ слѣдовъ въ этомъ отношеніи. Покойники невѣдомо куда исчезли безслѣдно. Такъ какъ въ дольменахъ другихъ странъ установлены слѣды трупосожженія, то и по аналогіи можно, слѣдовательно, заключить объ измѣненіи обычая въ этомъ направленіи. Если, наконецъ, не измѣнился самый обычай обрядоваго погребенія, то несомнѣнно измѣнились чисто въ эволюціонномъ отношеніи формы тѣхъ памятниковъ, съ которыми неразрывно былъ связанъ обычай погребенія.

Но есть другія, болѣе сильныя доказательства эволюціи дольменовъ, которая въ свою очередь не мыслима безъ эволюціи идеи, положенной въ основу видимыхъ формъ ея проявленія. Такія доказательства даютъ близкіе къ дольменамъ и аналогичные съ ними памятники. Два изслѣдователя—археологъ Сизовъ и профессоръ Веселовскій, произвели рядъ раскопокъ, которыми устанавливаются формы могильныхъ памятниковъ, замѣнившихъ дольмены. В. И. Сизовъ, раскапывая дольмены и тутъ же рядомъ съ ними находящіеся могильники другого типа, пришелъ къ тому заключенію, что эти другіе могильники, сложенные изъ мелкихъ камней составляютъ переходную форму дольменовъ и по фигурѣ, и по матеріалу, и по своему назначенію. На самомъ дѣлѣ могилы-склепы, которыми особенно богато Черноморское побережье, поразительно напоминаютъ собою дольмены въ измѣненномъ видѣ. Это тѣже дольмены, сложенные только изъ мелкихъ камней и засыпанные землей. Какъ обнаружено раскопками Сизова и въ имѣніи Джанхотъ, это могильники семейнаго погребенія, въ которыхъ находятся костяки людей вмѣстѣ съ костями прирученныхъ животныхъ и съ предметами домашней обстановки. Профессоръ Веселовскій, раскапывая въ бассейнѣ р. Лабы могильники этого же типа, нашелъ тамъ же, но только сѣвернѣе и ближе къ дольменамъ Кожжохскаго района и Богатырской дороги, и настоящіе дольмены, прикрытые насыпными могилами. Е. Д. Фелицынъ описалъ и сдѣлалъ снимки у станицы Сторожевой съ другихъ

памятниковъ, поразительно напоминающихъ собою дольмены и принятыхъ даже Каменевымъ за дольмены съ двускатными крышами. Памятники эти сложены изъ мелкихъ камней и

Каменныя гробницы по р. Кефаръ, въ 15 верстахъ отъ ст. Сторожевой. (Ѳот. Е. Д. Фелицынъ).

плитокъ, но строители ихъ сохранили обстановку позднѣйшихъ дольменовъ; они поставили ихъ на поверхности земли. Въ бассейнѣ р. Индыша г. Сысоевъ нашелъ болѣе ста подобныхъ же дольменообразныхъ каменныхъ гробницъ съ двухскатными крышами.

Такимъ образомъ, если связь древнихъ и самыхъ примитивныхъ дольменовъ кроется въ обычаѣ предшествующихъ имъ погребеній, въ пещерахъ и шалашахъ съ очагами; то тѣ нити, которыя дольмены пустили отъ себя въ другую сторону, легко найти въ ящикообразныхъ могильникахъ-склепахъ, широко разбросанныхъ по всему Сѣвернону Кавказу и Черноморскому побережью. Только этою послѣднею связью можно объяснить самое исчезновеніе дольменовъ. Они, очевидно, не исчезли, не прекратили безслѣдно свое существованіе, а перешли въ каменные склепы-могильники.

Вотъ тѣ выводы, къ которымъ логически ведетъ изученіе постепеннаго развитія дольменовъ, какъ выразилось оно въ рядѣ переходовъ отъ одныхъ формъ этихъ памятниковъ

къ другимъ путемъ измѣненій въ строительной техникѣ и пріемахъ,

Какіе же народы или какой народъ и когда строилъ дольмены? Были ли это богатыри или обыкновенные смертные помѣщали въ нихъ лицъ, слава о которыхъ превращала ихъ потомъ въ богатырей?

Географическое распредѣленіе кавказскихъ дольменовъ и несомнѣнная связь между ними на всемъ пространствѣ указываютъ на то, что строителями дольменовъ была одна и таже народность. Къ востоку она не двигалась дальше бассейна р. Лабы или, можетъ быть, Кубани и Эльбруса. За этими мѣстами дольменовъ нѣтъ. Къ югу, въ предѣлахъ снѣговой линіи, она проникла до Баговскихъ ущелій, теченій Сохрая и бассейна р. Бѣлой около Хамышковъ и Мезмая, но западнѣе, гдѣ Кавказскій хребетъ былъ ниже и доступнѣе, народъ - строитель дольменовъ оставилъ одну часть памятниковъ по сѣверному склону Кавказскаго хребта, а другую перенесъ на югъ по Черноморскому побережью. Слѣдовательно, съ запада и юго-запада границею предполагаемой доисторической народности служило Черное море, по берегу котораго граница терялась за Туапсе у Псезуапе, Наконецъ, съ сѣвера строители дольменовъ не уходили отъ горъ; тамъ, гдѣ начинаются степи и равнины съ курганами степнаго типа, дольменовъ нѣтъ. Даже дольмены Таманскаго полуострова были на взгорьѣ. Существованіе опредѣленныхъ границъ указываетъ, слѣдовательно, и на существованіе въ предѣлахъ ихъ народа, оставившаго послѣ себя одни и тѣже памятники.

Можно, конечно, предположить, что народъ - строитель дольменовъ не выходилъ на степи или потому, что послѣднія представляли въ хозяйственномъ отношеніи меньше удобствъ, чѣмъ предгорья и горы, или же вслѣдствіе невозможности борьбы съ враждебными народностями, обитаемыми на степяхъ. Только при томъ условіи, когда обнаружено будетъ погребеніе въ степяхъ безъ дольменовъ, но въ аналогичной формѣ,—границъ съ сѣвера не было и строители дольменовъ сливались съ единоплеменными обитателями степей. Надо однако полагать, что строители дольменовъ представляли обособленную или обособившуюся отъ своихъ степныхъ сосѣдей народность. На это указываютъ тѣ направленія, по которымъ они распространялись по Сѣверному Кавказу. Повидиму отъ Кожжохо строители дольменовъ двигались къ станицѣ Даховской и Хамышкамъ и по р. Сохраю, далѣе на востокъ къ станицѣ Царской и затѣмъ снова на югъ къ станицѣ Баговской. Дальше идти было некуда; мѣшали горы. Тогда строители дольменовъ двинулись на западъ и

отсюда черезъ хребетъ перевалили на Черноморское побережье.

Та же обособленность строителей дольменовъ показываетъ далѣе, что они были аборигенами края или во всякомъ случаѣ одними изъ древнѣйшихъ его обитателей. Въ настоящее время доказано, что дольменовъ нѣтъ ни на востокъ отъ Кавказа по всей Сибири, но гдѣ есть однако мегалитическія постройки другого типа, ни на югъ въ Закавказьи. Стало быть, строители дольменовъ ни въ коемъ случаѣ не могли придти на Сѣверный Кавказъ ни съ востока изъ Сибири, ни изъ Закавказья, тѣмъ болѣе, что, упершись въ высокій Кавказскій хребетъ у ст. Баговской, они повернули на западъ и заняли только опредѣленную часть территоріи по восточному берегу Чернаго моря. Но если дольмены служатъ признакомъ связи однихъ народностей съ другими, то такую связь надо искать съ тѣми народностями, которыя строили дольмены въ Крыму, въ Греціи, въ Германіи, Даніи, Франціи, Великобританіи, вообще въ Европѣ. Дальше этого предположенія не могутъ идти, пока наукою не даны будутъ прямыя и фактически обоснованныя указанія.

Надо полагать, что если были такія связи, то они кроются въ глубокой древности. На кавказскіе дольмены нѣкоторые смотрятъ, какъ на памятники позднѣйшаго времени, въ особенности благодаря злополучной монетѣ Рискупориса IV. Едвали однако это справедливо. Подавляющее большинство находокъ, добытыхъ при раскопкахъ Фелицына, указываетъ на существованіе кавказскихъ дольменовъ въ неолитическій періодъ каменнаго вѣка. При раскопкахъ Сизова по Черноморскому побережью, въ Геленджикскомъ и Натухайскомъ дольменахъ обнаружены были предметы неолетической эпохи. Профессоръ Веселовскій въ свою очередь въ дольменахъ - курганахъ нашелъ указанія на существованіе ихъ во времена шлифованнаго камня до металлической эпохи. Если бы даже нѣкоторые изъ дольменовъ, въ силу, такъ сказать, атавизма появились позже даже, во времена Рискупориса IV, то большинство ихъ все таки нужно отнести къ неолиту. Выше были отмѣчены факты перехода однѣхъ простѣйшихъ формъ дольменовъ въ другія болѣе совершенныя.

Надо взвѣсить, при какихъ условіяхъ совершались эти переходы. По свойственной людямъ инерціи даже теперь народныя массы неохотно разстаются со стариной въ области экономической. Строители дольменовъ ни въ коемъ случаѣ не могли быть прогрессивнѣе. Имъ мѣшали несовершенство инструментовъ для каменныхъ работъ и въ особенности отсутствіе образцовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что

могли пройти вѣка и тысячелѣтія прежде, чѣмъ человѣкъ съумѣлъ превратить безформенный камень въ правильную симметрическую плиту, придать ей съ обѣихъ сторонъ гладкую поверхность, смастерить выемки или пазы, округлить изгибы въ углахъ или высѣчь изъ монолита цѣлый ящикъ. Развитіе техники совершалось долго и продолжительно и, слѣдовательно, строители дольменовъ должны были пребывать на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ не въ такіе короткіе промежутки, въ теченіе которыхъ занимали впослѣдствіи степи половцы или татары. И если эти строители были аборигены, то они сидѣли здѣсь съ незапамятныхъ временъ.

Такимъ образомъ, относя кавказскіе дольмены къ концу неолитической эпохи, надо считать, что покрайней мѣрѣ за 1500 или за 1200 лѣтъ до Р. Хр., жили еще строители дольменовъ на указанныхъ мѣстахъ и существовали уже дольмены. Этимъ объясняется, почему стерлись всѣ воспоминанія о народѣ, строившемъ дольмены и о времени построенія ихъ. Древніе писатели греческіе, римскіе и византійскіе сообщаютъ массу свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ и его народахъ и тѣмъ полнѣе, чѣмъ позже писали; о дольменахъ же никто не говоритъ ни изъ древнихъ, ни изъ позднѣйшихъ писателей. Даже у старѣйшихъ засельщиковъ края черкесовъ не оказалось прямыхъ непосредственныхъ воспоминаній о строителяхъ дольменовъ. Если черкесы забыли объ этомъ, то, стало быть, возведеніе дольменовъ относится къ очень отдаленнымъ временамъ. Сказанія объ участіи богатырей въ постройкѣ дольменовъ также мало даютъ указаній. Богатыри младшаго поколѣнія, располагающіе пушками,—явный анахронизмъ. Если же народная фантазія возводитъ дольмены къ старшему поколѣнію нартовъ, то въ числѣ ихъ были одноглазы и представители чуть ли не прометеевской эпохи, когда дольменовъ совсѣмъ не существовало. Остается предположить, что строители кавказскихъ дольменовъ принадлежали къ одной изъ тѣхъ малоизвѣстныхъ народностей Европы, которыя жили за полторы или двѣ тысячи лѣтъ до Р. Хр., во времена, къ которымъ относятъ построеніе дольменовъ. Сложилось даже опредѣленное мнѣніе, что строителями дольменовъ были киммеріяне, одна изъ отраслей арійской расы.

Но прежде, чѣмъ перейти къ киммерійцамъ, первымъ обитателемъ Кубанской области, существованіе которыхъ подтверждается древними писателями, необходимо выяснить общій вопросъ о родоначальникахъ европейцевъ и кавказцевъ—объ арійцахъ.

Еще недавно въ наукѣ и въ средѣ ученыхъ считалось прочно установившимся мнѣніе о томъ, что предки арійцевъ, къ числу которыхъ принадлежатъ славяне и европейцы, вышли

изъ глубины Азіи. Родиной ихъ была Бактріана, расположенная на западномъ склонѣ горныхъ отроговъ Белуртага и Мустага и около истоковъ рѣкъ Оксуса и Яксарта. Азія вообще была колыбелью человѣчества, откуда арійцы и другіе народы двигались въ Европу подъ вліяніемъ какого-то, по выраженію Якова Гримма, «неопреодолимаго побужденія». Этотъ полумистическій мотивъ былъ развитъ и подробно обоснованъ другимъ авторитетомъ науки Максомъ Мюллеромъ.

На такой шаткой догадкѣ были построены потомъ послѣдующія предположенія. Пиктэ выработалъ свою теорію послѣдовательныхъ выселеній арійцевъ изъ Азіи. Сначала двинулись черезъ Малую Азію въ Грецію и Италію греки и итальянцы, за ними пошли кельты мимо южной части Каспійскаго моря, черезъ Кавказъ до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, а отсюда по долинѣ р. Дуная на западъ. Послѣдними прошли славяне и тевтоны къ сѣверу Каспійскаго моря черезъ степныя пространства Россіи. Шлейхеръ предположилъ, что первыми вышли изъ Азіи славяне и тевтоны, за ними греки, италійцы и кельты. Одна затѣмъ часть оставшихся въ Бактріанѣ арійцевъ—индійцы, направилась къ юго-востоку въ нынѣшнюю Индію, а другая—иранцы, къ западу въ нынѣшній Иранъ или Персію.

Такимъ образомъ, благодаря столь крупнымъ ученымъ, какъ Яковъ Гриммъ и Максъ Мюллеръ, а также Потти, Лассенъ, Пиктэ, Шлейхеръ, Линкъ, Юсти, Мистели, Кипертъ, Сейсъ, Мюръ, Рихардъ Моррисъ и Папилльонъ, лишенное фактическихъ доказательствъ предположеніе обратилось въ своего рода теорію, которая вошла, какъ неприложная истина, въ учебники и получила полныя права гражданства въ научной литературѣ.

Основаніемъ для этого послужили данныя сравнительнаго языкознанія. Признавая санкритскій языкъ, на которомъ говорили древніе индійцы и который близокъ къ другимъ арійскимъ языкамъ—славянскому, литовскому, германскому, кельтскому, латинскому и греческому, самымъ первобытнымъ и наименѣе измѣнившимся языкомъ, что такой же характеръ носитъ и близкій къ нему зендъ, языкъ иранцевъ,—индійцы и иранцы, какъ живущіе вблизи Бактріаны, мѣста, гдѣ по утвержденію священной Авесты, былъ сотворенъ Агурамаздой (Ормуздомъ) первый человѣкъ, были признаны основною отраслью арійцевъ, отъ которой когда-то отдѣлились и ушли въ Европу остальные арійцы—славянскіе, германскіе, кельтскіе, романскіе и греческіе народы. Поэтому, чѣмъ дальше удалялись отъ центра своей первоначальной родины представители арійской расы, тѣмъ сильнѣе измѣнился у нихъ языкъ и рѣзче отличается онъ отъ санскрита и зенда. От-

ставивая это положеніе, Сейсъ указалъ, что названія сосны и березы, растущихъ обыкновенно въ холодномъ поясѣ, гдѣ находилась и горная Бактріана, остались сходственными у всѣхъ арійцевъ и въ Азіи и въ Европѣ и что такимъ образомъ европейскіе арійцы занесли эти общія арійскому языку названія и въ Европу.

Ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ же данныхъ языкознанія показало, однако, что главный выводъ былъ обоснованъ на неправильномъ пріемѣ изученія языковъ. Сравненіе санскрита, мертваго, сохранившагося въ древнѣйшихъ документахъ языка, произведено было съ данными новѣйшихъ документовъ, взятыхъ изъ современныхъ живыхъ языковъ. Пріемъ безусловно неправильный. Нельзя сравнивать прошлое съ настоящимъ, какъ одновременныя явленія. Сравненіе современныхъ, происшедшихъ отъ санскрита, индійскихъ нарѣчій съ языкомъ современныхъ литовцевъ и современнаго, происшедшаго отъ зенда, персидскаго языка съ языкомъ иранскаго корня, на которомъ говорятъ исландцы, показало, что языкъ литовскій и діалектъ исландцевъ несравненно архаичнѣе языковъ индійскихъ и персидскихъ. На этомъ основаніи, слѣдуя допущенному языковѣдами, пересилившими изъ Бактріаны въ Европу арійцевъ, пріему, необходимо было бы признать, что индійцы вышли изъ Литвы, а персы изъ Исландіи.

Еще слабѣе оказалось доказательство Сейса, обоснованное на сходствѣ названій сосны и березы у всѣхъ арійцевъ. Кромѣ сосны и березы, всѣ арійцы одинаковыми названіями обозначали росшій тоже въ Европѣ букъ, волка и медвѣдя, и всѣ эти деревья и звѣри съ исконныхъ временъ были свойственны умѣренному поясу Европы; но у азіатскихъ арійцевъ оказались свои особыя названія для пальмы, верблюда, льва и тигра, т. е. для дерева и животныхъ, свойственныхъ Азіи и не встрѣчавшихся въ Европѣ. Выходитъ, слѣдовательно, что до раздѣленія всѣ арійцы жили вмѣстѣ, и одинаково называли сосну, березу, букъ, волка и медвѣдя скорѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи, и что когда часть арійцевъ вышла изъ Европы въ Азію и встрѣтила здѣсь незнакомыхъ животныхъ—верблюда, льва и тигра и новое дерево пальму, то и назвала ихъ такими именами, какихъ не оказалось въ языкѣ арійцевъ европейскихъ.

Но особенно сильное лингвистическое доказательство въ этомъ направленіи представляетъ теорія Латама о взаимной связи семи основныхъ нарѣчій арійскаго языка—шести европейскихъ и одного азіатскаго. Теорія эта, на которую ученые лингвисты долго не обращали никакого вниманія, приняла совершенно законченный и устойчивый характеръ послѣ серь-

езныхъ изысканій. Рядъ ученыхъ — Боппъ, Сейсъ, Шлейхеръ, Фоккъ и Шмидтъ, нашли близкую связь языка славянскаго и литовскаго съ тевтонскимъ, германскимъ; затѣмъ Эбель, Лотнеръ и Рисъ установили близость тевтонскаго нарѣчія съ кельтскимъ, а Ньютонъ, Шлейхеръ и Лоттнеръ кельтскаго съ латинскимъ; далѣе Моммсенъ, Курціусъ, Ферстеменнъ, Фиккъ, Шлейхеръ и Шмидтъ доказали связь между латинскимъ и греческимъ языкомъ; наконецъ, сходство индо-иранскаго языка, съ одной стороны съ греческимъ установили Гросеманъ, Бенфей, Зонне и Кернъ, а съ другой съ славянскими языками Шмидтъ, Асколи, Лескіенъ и Миклошичъ. Въ основу этого сближенія были положены чисто количественные признаки: чѣмъ большое число одинаковыхъ словъ было обнаружено для двухъ языковъ, тѣмъ ближе они становились одинъ къ другому. Такимъ образомъ, связывая одинъ языкъ съ другимъ, установленъ былъ замкнутый кругъ, сотоящій изъ семи звеньевъ. Выражая графически этотъ кругъ особо для Европы и особо для Азіи, можно получить слѣдующую діаграмму.

Въ Европѣ, слѣдовательно, оказывается шесть арійскихъ народностей, а въ Азіи только одна. Если къ этому прибавить, что европейскіе арійцы всегда занимали несравненно большее пространство, чѣмъ азіатскіе, и что они превосходятъ также послѣднихъ обиліемъ расовыхъ разновидностей, высокою культурою и чрезвычайнымъ разнообразіемъ особенностей, тогда какъ азіатскіе арійцы представляютъ собою небольшую, однообразную, малокультурную и съ малымъ географическимъ распространеніемъ группу; то, глядя на вышеприведенную діаграмму, естественно предположить, что скорѣе отъ шести европейскихъ звеньевъ отдѣлилось одно звено — индо-иранцы, попавшіе въ Азію, чѣмъ, наоборотъ, отъ незначительной группы индо-иранцевъ откололось и ушло въ Европу цѣлыхъ шесть народностей, ставшихъ господствующею расою на всемъ земномъ шарѣ.

Таковы выводы сравнительнаго языкознанія. Они показываютъ, что, вопреки укоренившемуся мнѣнію, колыбель арійцевъ, надо искать въ Европѣ, а не въ Азіи.

Но есть другія болѣе сильныя и неопровержимыя доказательства этого вывода. „Самые древніе документы исторіи

человѣчества,»—говоритъ Тэйлоръ,—«исходятъ не изъ Азіи, а изъ западной Европы.» Ихъ дали геологія, антропологія, краніологія и доисторическая археологія. Документы эти отличаются глубокою древностью и необыкновенною силою доказательности.

Геологическія изслѣдованія и добытыя доисторической археологіей данныя свидѣтельствуютъ о столь отдаленной древности существованія въ Европѣ человѣка, что передъ ней блѣднѣютъ указанія лингвистики. Оказывается, что въ Европѣ человѣкъ былъ современникомъ мамонта, длинношерстаго носорога, пещернаго медвѣдя и др. крупныхъ животныхъ, давно уже погребенныхъ здѣсь подъ напластованіями четвертичныхъ отложеній. Во Франціи возлѣ Аббевиля найдены были неопровержимыя доказательства существованія человѣка и предметы его ручныхъ работъ за то отдаленное время, когда рѣка Сомма текла на триста футовъ выше теперешняго своего уровня и когда не существовалъ еще Ламаншскій проливъ и Англія была соединена съ материкомъ въ видѣ полуострова.

Многочисленныя находки человѣческихъ скелетовъ, орудій и произведеній рукъ человѣка за эти отдаленныя времена дали возможность прослѣдить доисторическую жизнь первобытнаго человѣка со временъ ледниковыхъ періодовъ, изъ которыхъ послѣдній окончился, по исчисленіямъ доктора Кролля и профессора Гейки, покрайней мѣрѣ за восемьдесятъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Даказано, что тѣ же расы, которыя живутъ въ настоящее время въ Европѣ, жили здѣсь и въ отдаленныя времена древности, съ начала неолитическаго періода. Самая пылкая фантазія, при наличности этого факта, не можетъ, конечно, дать картину того, какъ и въ какое время арійцы оставили Азію и перешли въ Европу или совершили обратныя движенія. Но ненужны ни малѣйшія усилія ума для того, чтобы понять, что арійцы обитали уже въ Европѣ тогда, когда не существовало еще ни египетской, ни вавилонской, ни индійской цивилизацій и когда самъ Агурамазда не водворялъ еще людей въ Бактріанѣ.

Освѣщенный съ этой точки зрѣнія вопросъ о мѣстожительствѣ арійцевъ придалъ иной характеръ лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Одинъ изъ крупныхъ и наиболѣе объективныхъ изслѣдователей въ этой области, докторъ Шрадеръ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Отвергая прежнее предположеніе объ архаичности санскрита и зенда Шрадеръ нашелъ, что, наоборотъ, европейскіе языки арійцевъ грубѣе и потому примитивнѣе санскритскаго и зендскаго, получившихъ уже въ древности литературную обработку.

На основанiи лингвистической полеонтологiи можно сказать одно, что арiйцы жили первоначально на сѣверѣ, такъ какъ слова, обозначающiя ледъ и снѣгъ, были общи всѣмъ арiйскимъ языкамъ, но гдѣ именно на сѣверѣ—этого нельзя еще указать. По всей вѣроятности, первые по времени арiйцы принадлежали къ типу одной изъ энергичныхъ расъ сѣвера.

До своего раздѣленiя арiйцы занимали уже обширную территорiю, такъ какъ вели пастушески-скотоводческiй образъ жизни, требовавшiй обширныхъ пространствъ для скота.

Нельзя провести какой-либо рѣзкой разграничительной линiи между европейскими и азiатскими отраслями арiйской расы. Наиболѣе близки къ индо-иранцамъ греки, имѣющiе много общихъ словъ и выраженiй, относящихся къ оружiю, земледѣлiю и религiи.

До раздѣленiя арiйцы достигли такой же степени культуры, въ какой находились въ каменномъ вѣкѣ строители свайныхъ построекъ въ Швейцарiи.

Самыя старинныя преданiя и историческiя свѣдѣнiя указываютъ на то, что арiйцы передвигались къ югу и къ востоку. Если это вѣрно, тогда фригiйцы и армяне, какъ ближайшiе родственники по языку европейскихъ арiйцевъ, вышли изъ Европы въ Азiю. Не существуетъ также неоспоримыхъ доказательствъ, что арiйцы двигались съ востока на западъ.

Такимъ образомъ, д-ръ Шрадеръ пришелъ къ тому выходу, что, на основанiи однихъ данныхъ сравнительнаго языкознанiя, нельзя сказать утвердительно, гдѣ была колыбель арiйцевъ—въ Европѣ или въ Азiи, хотя и можно предполагать, что скорѣе въ первой, чѣмъ во второй. Самъ Шрадеръ, признававшiй раньше, что арiйцы вышли изъ Азiи въ Европу, сталъ сторонникомъ европейскаго происхожденiя арiйцевъ. Также поступили и многiе другiе ученые и въ томъ числѣ профессоръ Сейсъ, одинъ изъ крупныхъ представителей азiатской теорiи передвиженiя арiйцевъ.

Какой расы были люди дилювiальнаго перiода, сказать, конечно, трудно да пожалуй и излишне. Для нашей цѣли достаточно остановиться на человѣкѣ неолитическаго перiода. Въ это время уже жило три или четыре типа представителей европейскаго населенiя, потомки которыхъ продолжаютъ занимать тѣ же мѣстности и теперь. Слѣды людей, съ которыми связаны послѣдующiя поколѣнiя европейскихъ арiйцевъ, обнаружены въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ и въ кухонныхъ кучахъ, а тѣ и другiя относятся къ началу неолитическаго перiода. Между тѣмъ Мортилье нача-

ло этого періода относитъ за 10000 или 20000 лѣтъ до нашего времени; профессоръ Стинструпъ, одинъ изъ крупныхъ авторитетовъ, по накопленіямъ въ кухонныхъ кучахъ опредѣлилъ присутствіе неолитическихъ орудій за 10 и 12 тысячъ лѣтъ, а въ отложеніяхъ торфа даже за 16 тысячъ лѣтъ до нашего времени.

По даннымъ доисторической археологіи въ связи съ позднѣйшими филологическими изысканіями, установлено, что до раздѣленія всѣ арійцы говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, указывающимъ на то, что они были кочевыми пастухами и передвигались съ мѣста на мѣсто въ повозкахъ на быкахъ, носили одежду изъ кожъ, не знали земледѣлія и металловъ, добывали огонь съ помощью тренія и кремней, умѣли считать до ста, заключали полигамическіе браки и приносили въ жертву людей. Въ ту пору встрѣчались у нихъ только три слова, обозначающія родство—имена матери (matar), брата (bratar) и свекра (socer). Если послѣднее слово указываетъ на существованіе брака, то первое, при отсутствіи родства по отцу, свидѣтельствуетъ о материнскомъ пріоритетѣ, какъ наслѣдіи коммунальныхъ браковъ.

Съ началомъ дѣленія арійцевъ на отдѣльныя народности, каждая изъ нихъ прошла одна или въ связи съ другими извѣстныя стадіи развитія. Такъ, индусы и иранцы жили сначала вмѣстѣ, называя себя арійцами (arya по санскритски и airya по зендски) и сообща научились земледѣлію и приготовленію священнаго напитка—сомы. У нихъ были въ эту пору общія слова для обозначенія моста, колонны, битвы, шалаша, меча, копья, тетивы и исчисленій до тысячи.

Въ подобномъ же единеніи были славяне и тевтоны или германцы. У нихъ также были одни и тѣже названія для обозначенія золота, серебра, соли, мотыки, песта, пилы, сапогъ, лебедя, семги, селедки, ржи, пшеницы, осины, клена, яблони, дикой вишни, исчисленій до тысячи, а также такихъ понятій, какъ ложь, стыдъ, печаль, тоска, презрѣніе и т. п. Продажность считалась постыдною, а кузнецъ и нѣкоторые виды оружія обозначались однимъ и тѣмъ же названіемъ.

«Славяне до своего раздѣленія воздѣлывали капусту, горохъ, фасоль, чечевицу, порей, макъ, коноплю; они знали дубъ, липу, букъ, березу, иву, ель, яблоню, сливу и орѣхъ; они имѣли общія обозначенія для тканья и одеждъ, для издѣлій изъ дерева и желѣза; они обитали въ деревняхъ, въ шалашахъ или въ домахъ, сдѣланныхъ изъ переплетенныхъ вѣтвей; но всѣ ихъ термины, относящіеся къ каменнымъ работамъ, заимствованы изъ иностранныхъ языковъ. У нихъ были общіе термины для обозначенія закона и правъ, семьи

и племени, но не было таковыхъ для обозначенія наслѣдства или собственности».

Сравнительное изученіе арійскихъ нарѣчій показало, что самымъ примитивнымъ и наиболѣе сохранившимся языкомъ оказывается литовскій. Литовцы въ настоящее время говорятъ такимъ же языкомъ, какимъ говорили ихъ предки назадъ тому тысячу, а можетъ быть, даже три тысячи лѣтъ. Въ немъ уцѣлѣли еще старинныя грамматическія формы, какъ напр. двойственное число и старинныя склоненія. На этомъ основаніи Тэйлоръ полагаетъ, что литовцы имѣютъ наибольше правъ, быть представителями первоначальной арійской расы, такъ какъ ихъ языкъ представляетъ менѣе фонетическихъ потерь, проистекающихъ отъ пріобрѣтенія различными народами чужаго имъ языка».

Такимъ образомъ, признавая извѣстную степень научной доказательности за послѣдними выводами сравнительнаго языкознанія, можно предполагать, что первоначальный арійскій языкъ ближе всего стоялъ къ славянскимъ нарѣчіямъ или къ той отрасли ихъ, какую представляетъ собою языкъ литовской народности, близкій и теперь еще къ малорусскому и великорусскому языкамъ.

Тѣмъ же сравнительнымъ языкознаніемъ установлено, что распространеніе арійскихъ языковъ не совпадаетъ съ распространеніемъ арійской расы. Многіе древнѣйшіе народы, какъ дравиды въ Индіи или иберы и лигуры въ западной Европѣ, были не арійцами, но слились съ ними, какъ съ побѣдителями, и усвоили арійскій языкъ. Кто были эти первые арійцы-завоеватели и какіе изъ современныхъ народовъ являются ихъ непосредственными потомками, вопросы эти не рѣшены и не могутъ быть рѣшены окончательно, при настоящемъ состояніи науки. Существуетъ предположеніе, что первобытные арійцы принадлежали къ одной изъ четырехъ расъ, которыя со временъ неолитической эпохи населяли Европу — 1) къ скандинавской, сѣверной высокорослой и длинноголовой расѣ, представителями которой являются шведы, фризы и сѣверные бѣлокурые германцы, 2) къ иберійской, малорослой и длинноголовой расѣ, отъ которой произошли нынѣшніе жители Уэльса въ Великобританіи, ирландцы, корсиканцы и испанскіе баски, 3) къ кельтической, сѣверной высокорослой и короткоголовый расѣ, съ современными представителями датчанами, славянами и нѣкоторыми ирландцами и 4) къ лигурійской — альпійской, низкорослой и короткоголовой расѣ, давшей потомковъ въ лицѣ представителей оверьятовъ, савояровъ и швейцарцевъ, которымъ сродны финны и лапландцы. Повидимому ни иберы, ни лигуры ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отожде-

ствлены съ первоначальной арійской расой. Такую расу дали или кельты или скандинавы. Ученые раздѣлились въ этомъ отношеніи на два лагеря и вопросъ остается пока открытымъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что въ отдаленныя доисторическія времена въ Европѣ обитали уже арійцы, какъ аборигены, и что эта была одна изъ энергичныхъ расъ человѣчества, слившаяся съ другими народностями и, какъ болѣе культурная, заставившая ихъ усвоить арійскій языкъ. Арійцы—европейцы.

Для насъ весьма важенъ этотъ выводъ, какъ основной пунктъ въ вопросѣ о народностяхъ, населявшихъ и населяющихъ Сѣверный Кавказъ и Кубанскую область.

Не надо смѣшивать вопроса о передвиженіяхъ арійцевъ съ исторически извѣстными фактами переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, каковыми было такъ называемое «великое переселеніе народовъ» и нашествіе на Европу монгольскихъ и тюрскихъ народностей. Это были позднѣйшія передвиженія народовъ, происшедшія тысячелѣтіями позже того времени, къ которому относятся предположенія о выходѣ арійцевъ изъ Азіи въ Европу. Несомнѣнно, что позднѣйшія историческія движенія народовъ изъ Азіи въ Европу мимо Кавказа способствовали укрѣпленію и предположенія о томъ, что аріцы вышли изъ Азіи. Но вопросъ о мѣстожительствѣ арійцевъ есть вопросъ первобытной культуры, относящейся къ доисторическому времени. И наукою прочно установленъ въ этомъ отношеніи неприложный фактъ—пребываніе арійцевъ въ Европѣ въ доисторическую эпоху существованія людей.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія надо смотрѣтъ и на тѣ древніе народы, которые обитали въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа съ незапамятныхъ временъ. Древніе писатели упоминаютъ о двухъ народахъ, имѣвшихъ отношеніе къ Сѣверному Кавказу—о киммерійцахъ и скифахъ. Оба названія служили въ сущности собирательнымъ именемъ для массы отдѣльныхъ родственныхъ народностей, но старѣйшими считались киммерійцы.

Первымъ по времени историкомъ Кубанской области можно считать величайшаго греческаго и мірового поэта Гомера. Въ своей «Одиссеѣ» онъ описываетъ Киммерію съ такими подробностями, по которымъ нельзя не признать нашъ Таманскій полуостровъ. Волшебница Цирцея, дочь Геліоса и Персы, поручила Одиссею найти входъ въ область Аида и узнать тамъ отъ знаменитаго прорицателя Тирезія Фивскаго волю боговъ о судьбѣ своей и блуждавшихъ по Черному морю послѣ паденія Трои грековъ. Одиссей приплылъ на караблѣ къ Босфору Киммерійскому. Какъ описы-

вала Цирцея, здѣсь онъ увидѣлъ низкій берегъ, поросшій дикимъ лѣсомъ изъ ракиты и черныхъ тополей, и нашелъ «печальную область киммеріянъ, покрытою вѣчно влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ», гдѣ не показывались лучи солнца. Отыскавши входъ въ царство тѣней, онъ вызвалъ ихъ изъ преисподней жертвенною кровью, бесѣдовалъ съ греческими героями, осаждавшими вмѣстѣ съ нимъ Трою, и узналъ отъ Тирезія волю боговъ относительно своего и своихъ спутниковъ будущаго.

Рядомъ съ возвышенными берегами Босфора со стороны Керчи, Таманскій полуостровъ и теперь производитъ впечатлѣніе такихъ же приморскихъ низинъ, какъ во времена Одиссея, и хотя лѣсовъ изъ ракитъ и черной тополи на немъ уже нѣтъ, но признаки входа въ область Аида остались на лицо. Это—таманскія грязевыя сопки съ ихъ клокочущими кратерами. Временами, кромѣ грязи, онѣ выбрасываютъ огненныя изверженія, пламя и дымъ, а вѣдь это и была подлинная обстановка ада, вырывавшаяся изъ преисподней на поверхность земли. Тутъ же рядомъ съ отверстіями ада выходила наружу черная, смолистая и ярко горящая нефть, несомнѣнно лучшій матеріалъ для поддержанія адскаго огня. Если все это видѣлъ Одиссей или даже объ этомъ слышали греки и самъ Гомеръ, то конечно аду, царству тѣней греческихъ героевъ, здѣсь и надлежало быть. Не даромъ же казаки кратеръ сопки до сихъ поръ называютъ «пекломъ», т. е. адомъ. Выходитъ, что грекамъ издавна почему-то потребовалось устроить у насъ на Тамани адъ, точно у нихъ дома не было мѣста для него. Вообще сквозь туманные проблески доисторическаго прошлаго кавказскія огненныя стихіи или мѣста, связанныя съ ними, какъ будто бы привязывали древнихъ грековъ какими-то таинственными нитями къ Кавказу. Къ потухшему вулкану Эльбрусу былъ прикованъ прародитель грековъ Прометей, подъ клокочущею грязью таманскихъ сопокъ скрывалось царство Аида, въ которомъ царила вмѣстѣ съ нимъ Персефона и витали тѣни греческихъ героевъ.

Неудивительно, что, при наличности этого обстоятельства, древніе греки имѣли очень смутныя представленія о нашихъ мѣстахъ. Тогда вѣдь нынѣшній «благодатный югъ» Россіи былъ концемъ свѣта, границею, гдѣ оканчивалось царство Нептуна и начинались врата ада, а греки между тѣмъ жили среди богатой южной природы въ жизнерадостной обстановкѣ. Авторитетное свидѣтельство Гомера оココракѣ и холодахъ, окутывавшихъ Киммерію, долго смущало пытливыхъ и предпріимчивыхъ представителей Еллады. Позже, когда греки ближе узнали Черноморское побережье и приморскія мѣста Кубанской области и узнавши, завели здѣсь колоніи,

питавшія хлѣбомъ метрополію, разумными объясненіями они сами пытались выяснить недоразумѣніе, посѣянное Гомеромъ относительно Киммеріи. По этому поводу одинъ изъ древнихъ питателей говоритъ: «Эти киммерійцы или скифы-кочевники, пришедшіи изъ западныхъ областей Океана, разграбили храмъ Апполона въ Дельфахъ, вслѣдствіе чего поэтъ (Гомеръ) поноситъ ихъ какъ живущихъ во мракѣ». Объясненіе довольно натянутое, но Страбонъ проводитъ его нѣсколько дальше. По его словамъ, Гомеръ зналъ, что «киммерійцы поселились въ сѣверныхъ и мрачныхъ мѣстностяхъ у Босфора», почему и помѣстилъ ихъ возлѣ преисподней, быть можетъ даже вслѣдствіе общей іонійцамъ ненависти къ этому племени», такъ какъ во время Гомера или немного раньше произошло вторженіе киммерійцевъ въ Азію до Эолиды и Іоніи. Евстафій также утверждалъ, что іоняне, оскорбленные въ своихъ религіозныхъ чувствахъ разграбленіемъ святилища боговъ, питали къ киммерійцамъ сильную вражду, въ томъ числѣ и самъ Гомеръ. Но тотъ же Евстафій по поводу мрака и холодовъ Киммеріи даетъ свои нелишенныя правдоподобія объясненія, какъ комментаріи къ Одиссеѣ. Во первыхъ, говоритъ онъ, у киммерійцевъ былъ мифъ о многосуточныхъ ночахъ, почему и явилось сказаніе о томъ, что Киммерія пребываетъ во мракѣ ночи. Во вторыхъ, страна эта будто бы, по разсказамъ, была окружена горными высотами съ востока и запада, почему и казалась мрачною, и въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году была окутана туманомъ, подобнымъ ночи.

Надо полагать, что во времена Гомера Таманскій полуостровъ отличался сырымъ, туманнымъ и холоднымъ климатомъ и что для плохо освѣдомленныхъ грековъ, привыкшихъ къ теплу и солнцу юга, эти климатическія условія казались тѣмъ мрачнѣе и ужаснѣе. Самъ Страбонъ даетъ указанія въ этомъ родѣ, навязывая свои представленія о суровыхъ холодахъ въ Киммеріи и Гомеру. Его удивило, что полководецъ Митридата Евпатора выигралъ двѣ битвы при необыкновенной обстановкѣ — сначала онъ побѣдилъ варваровъ въ конной битвѣ на льду Босфора, а потомъ разбилъ тѣхъ же варваровъ и на тѣхъ же водахъ лѣтомъ въ морской битвѣ. Со словъ Эратосфена Страбонъ приводитъ надпись, сдѣланную Асклиніемъ въ Пантикапейскомъ храмѣ на лопнувшемъ отъ мороза мѣдномъ водоносѣ: «Если кто изъ людей не вѣритъ, что у насъ дѣлается, пусть убѣдится, взглянувши на этотъ водоносъ, который поставилъ здѣсь жрецъ Стратій не въ качествѣ приношенія богу, а въ доказательство суровости зимы». Грековъ, не знавшихъ дѣйствія морозовъ на замершую въ сосудахъ воду, поразило, что даже такой крѣп-

ній сосудъ, какъ мѣдный, лопнулъ отъ холода. Очень можетъ быть, что тогда зимы на Босфорѣ Киммерійскомъ были суровѣе и самый Басфоръ, т. е. Керченскій или Таманскій проливъ, замерзалъ на болѣе продолжительное время, чѣмъ теперь.

Но суть историческаго интереса не въ уясненіи климатическихъ условій древней Киммеріи. Ея туманы, мракъ и холода мимоходомъ пристегнуты классическими писателями къ болѣе важному историческому факту—къ глубокой розни между греками и киммерійцами. Греки, утверждаютъ эти писатели, питали вражду, племенную ненависть къ киммерійцамъ. Въ основѣ этой вражды и ненависти лежали двѣ причины—набѣги киммерійцевъ на греческія страны и оскорбленіе киммерійцами греческихъ святынь. Причины глубокія и сильныя, но это значитъ, что очень внушающихъ размѣровъ были и обстоятельства, сопровождавшія ихъ. Такой психическій признакъ, какъ племенная ненависть, указываетъ на борьбу не на животъ, а на смерть между враждовавшими племенами. Такъ можно предполагать.

На то же указываютъ и древніе мифы. Въ этихъ мифахъ переплетаются имена трехъ народностей киммерійцевъ, пелазговъ и грековъ. Пелазгы были въ Греціи аборигенами края, обращеннаго греками въ Елладу. Киммерійцы, по указаніямъ пелазгическихъ мифовъ, были древнѣйшимъ народомъ, утвердившемся на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Крыму и и вокругъ Меотиды. О киммерійцахъ упоминаетъ Орфей тогда еще, когда не былъ извѣстенъ грекамъ Кавказъ. Древнѣйшимъ народомъ считали ихъ Гекатэй Милетскій, Геродотъ, Страбонъ и др. Какъ извѣстно, самый миѳъ о Прометеѣ представляетъ смѣшеніе древнихъ пелазгическихъ преданій съ вымыслами грековъ. По мифологическимъ даннымъ, Прометей былъ прародителемъ грековъ. Девкаліонъ, сынъ Прометея и Гизіоны, переселился съ Кавказа въ Фессалію. Это было во время потопа, истребившаго родъ человѣческій. Но Девкаліонъ и его жена Пирра возобновили его довольно упрощеннымъ способомъ, бросая позади себя камни, которые немедленно превращались въ людей. Обстоятельство, указывающее еще на одну связь грековъ съ Кавказомъ.

Съ другой стороны, тѣ же мифологическія указанія свидѣтельствуютъ, что будто бы дѣти Пелазга населяли берега Тавра и Колхиды, т. е. Крыма и Черноморскаго побережья у нынѣшняго Сухума, и были въ ту пору людоѣдами. Было значитъ нѣкоторое сродство или свойство у киммерійцевъ съ пелазгами. Киммерійци во всякомъ случаѣ, какъ объ этомъ исторически извѣстно, неоднократно ходили войною на грековъ. Объ этомъ разсказываетъ Геродотъ, нѣсколько

разъ упоминаетъ Страбонъ и многіе другіе классическіе писатели.

Такимъ образомъ, въ отдаленныя доисторическія времена у киммерійцевъ, грековъ и пелазговъ существовали какіе-то племенные счеты на горючей подкладкѣ взаимной вражды. Какъ и изъ за чего это произошло—неизвѣстно. Борьба грековъ съ пелазгами понятна. Греки отняли у пелазговъ лучшія мѣста и, побѣдивши ихъ, стали господствующимъ племенемъ. Но почему киммерійцы ходили на грековъ? По мнѣнію доктора Пфафа, между греками, вытѣснившими пелазговъ и киммерійцевъ, и этими послѣдними существовала историческая рознь. Вотъ почему, говоритъ Пфафъ, «Гомеръ, Анакреонъ и другіе поэты, даже хладнокровный Геродотъ вспоминаетъ о киммерійцахъ не иначе, какъ съ глубокою ненавистью». Быть можетъ, это и такъ. Ненависть и вражда единоплеменныхъ отраслей сильнѣе ненависти и вражды побѣжденной народности къ чуждому народу побѣдителю. Киммерійцы знали грековъ и греки киммерійцевъ и, при этомъ взаимномъ знакомствѣ, киммерійцы отправлялись къ грекамъ въ отдаленные края и расправлялись тамъ съ ними. Но не шло ли это знакомство глубже? Когда Девкаліонъ и Пирра уходили изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ страдалъ Прометей, родоначальникъ грековъ, то не бросили ли они по дорогѣ часть камней въ нынѣшней Кубанской области и на Таманскомъ полуостровѣ? Другими словами, не было ли родственно-племенной связи, хотя бы самой отдаленной, между киммеріянами и греками? Если киммерійцы и греки представляли собою двѣ отрасли одной и той же расы арійцевъ, что положительно утверждаютъ языковѣды, тогда это такъ. А если это такъ, то тогда путь грековъ, какъ арійцевъ, былъ путемъ Девкаліона. Пока же ученые лингвисты считаютъ доказаннымъ, что греки пришли къ пелазгамъ съ сѣвера, изъ холодныхъ странъ. Не потому ли киммерійцы и имѣли старинное знакомство съ греками?

О киммерійцахъ, какъ о народѣ существовавшемъ къ сѣверу и востоку отъ грековъ, существуетъ рядъ указаній. По словамъ г. Ф. Бруна, имя гимери, т. е. киммеры встрѣчается въ клинообразныхъ лѣтописяхъ времени Дарія Гистаспа, какъ семитическій переводъ арійскаго имени сака. Народъ гимери состоялъ изъ двухъ племенъ Гомурха и Тихрохуда. Пророкъ Іезекіиль, за 600 л. до Р. Хр., упоминаетъ о народѣ гомеръ или джимеръ, живущемъ на сѣверѣ. По изслѣдованіямъ извѣстнаго кавказскаго лингвиста Услара, народъ этотъ обиталъ въ ту пору въ горахъ Сѣвернаго Кавказа и на равнинахъ, примыкавшихъ къ нему, до р. Дона.

Это были осы, потомки которыхъ подъ именемъ осетинъ и теперь еще живутъ въ Кавказскихъ горахъ. Хотя осетины усвоили семитическую религію, нравы, обычаи и право, но языкъ у нихъ индо-европейскій и, слѣдовательно, принадлежность ихъ къ арійцамъ внѣ всякаго сомнѣнія. Нѣкоторая часть народа осы существовала на Сѣверномъ Кавказѣ во второмъ тысячелѣтіи до Р. Хр., т. е, далеко раньше того времени, какъ упоминаютъ о нихъ греки. Евсевій, придерживаясь Страбона, относитъ первое нашествіе киммерійцевъ на М. Азію къ 1076 г. до Р. Хр. Самъ Страбонъ считаетъ киммерійцевъ древнѣйшими засельщиками Киммеріи, т. е. Таманскаго и Кримскаго полуострововъ. Разъ, говоритъ онъ, Гомеръ зналъ Босфоръ Киммерійскій, онъ долженъ былъ знать и народъ киммерійцевъ, ибо не возможно, чтобы, имѣя представленія о странѣ, онъ ничего не зналъ о томъ ея народѣ, который подъ именемъ киммерійцевъ въ его время или немного раньше его производилъ набѣги на всѣ страны отъ Босфора до Іоніи. Онъ упоминаетъ также о Киммериконѣ, главномъ городѣ киммерійцевъ, построенномъ на Таманскомъ полуостровѣ и замыкавшемъ перешеекъ рвомъ и валомъ.

Киммерійцевъ греки смѣшивали съ трерами, жителями Фракіи. Такую ошибку допустилъ и Страбонъ. «Киммерійцы, которыхъ называютъ и трерами, говоритъ онъ, или какой нибудь изъ ихъ народцевъ часто дѣлалъ набѣги на правую сторону Понта и смежныя съ ними области, вторгаясь то въ Пафлогонію, то даже въ Фригію». Сложилось даже предположеніе, что киммерійцы представляли отрасль фракійскаго племени, которое принадлежало къ группѣ арійскихъ народовъ и обитало въ мѣстности, расположенной между Македоніей и Скифіей. Но происхожденіе киммерійцевъ покрытою такою же непроникаемою пеленою, какъ и грековъ и многихъ другихъ арійскихъ народовъ. Греры не были киммерійцами. Греческій поэтъ Каллинъ говоритъ о киммерійцахъ и трерахъ, какъ о двухъ различныхъ народахъ. Докторъ Пфафъ относитъ треровъ къ славянской отрасли. Киммерійцы же во всякомъ случаѣ были народомъ на столько обособленнымъ, что за ними установилась репутація племени воинственнаго и жившаго грабежами. Геродотъ говоритъ,что вторженіе киммерійцевъ въ Азію и греческія земли «было не покореніемъ государствъ, а лишь хищническимъ набѣгомъ». Какъ хищниковъ, ихъ неоднократно отражали другіе народы. Такъ въ началѣ VII вѣка до Р. Хр. киммерійцы были разбиты ассирійскимъ царемъ Ассагардономъ, а еще нѣсколько лѣтъ спустя подчинилъ своей власти Гигесъ, царь Мидійскій. О внутренней жизни киммерійцевъ ничего

не извѣстно. Только одинъ Аріанъ Никомидійскій упоминаетъ о томъ, что «киммерійцы имѣли старинный обычай ѣсть травы». Затѣмъ, несомнѣнно, что это былъ народъ сильный, имѣвшій своихъ царей или предводителей, съ которыми въ важныхъ случаяхъ совѣщался весь народъ.

Въ VII столѣтіи киммерійцы, по словамъ Геродота, столкнулись со скифами, такими же кочевниками, какъ и они, и результатомъ этого столкновенія было вытѣсненіе изъ лучшихъ мѣстъ Киммеріи первыхъ послѣдними. Геродотъ передаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ событіи. Когда на Киммерійскую страну надвинулись скифы, то на совѣщаніи киммерійцевъ о грозившей отъ скифовъ имъ опасности мнѣнія раздѣлились. Народъ устрашенный многочисленностью скифовъ, предпочелъ оставить страну безъ сопротивленія, Цари же киммерійскіе рѣшили защищать родину до послѣдней возможности. Но сами цари перессорились между собою, завели междуусобіе и перебили другъ друга. Тогда киммерійскій народъ, похоронивъ царей на р. Тирѣ, нынѣшнемъ Днѣстрѣ, гдѣ могила ихъ была видна еще при Геродотѣ, удалился изъ родной земли. «По настоящее время, говоритъ Геродотъ, есть въ Скифіи киммерійскія укрѣпленія, киммерійскія переправы, область съ именемъ Киммеріи и такъ называемый Киммерійскій Босфоръ», т. е. нынѣшній Керченскій или Таманскій проливъ.

Дальнѣйшая участь киммерійцевъ осталась малоизвѣстною, какъ бы затерялась подъ напоромъ другихъ болѣе крупныхъ событій изъ жизни господствовавшихъ народовъ. Сначала, по указанію Геродота, киммеріяне поселились на южномъ берегу Чернаго моря, на полуостровѣ, гдѣ были въ то время Еллинскій городъ Синопа. Самое переселеніе ихъ сюда сопровождалось особыми обстоятельствами. Скифы не только вытѣснили киммеріянъ изъ родной земли, но и погнались за ними въ Азію. Преслѣдованіе это не имѣло худыхъ послѣдствій для киммеріянъ, благодаря простой случайности. Скифы, говоритъ Гердотъ, при преслѣдованіи киммеріянъ заблудились и направились въ погоню по болѣе длинной и кружной дорогѣ, чѣмъ та, по которой пришли киммеріяне. Побѣжденные уходили по восточному берегу Чернаго моря, а побѣдители слѣдовали по Каспійскому побережью черезъ нынѣшній Дербентъ. Благодаря этому, скифы проникли въ Малую Азію. Геродотъ передаетъ, что около 678 года до Р. Хр., въ царствованіе Ардиса, сына Гигеса, «киммеріяне, тѣснимые изъ своей родины кочевыми скифами, пришли въ Азію и овладѣли Сардами, за исключеніемъ Акрополя». И это вполнѣ естественно. Киммерійцы, дѣлавшіе раньше набѣги въ Малую Азію, знали дорогу сюда. Въ

617 году до Р. Хр., т. е. черезъ 61 годъ спустя, киммеріянъ прогналъ изъ Азіи Аліата, внукъ Ардиса. Что сталось потомъ съ ними, Геродотъ ничего не сообщаетъ по этому поводу.

Надо обратить вниманіе на указаніе Геродота о тѣхъ направленіяхъ, по которымъ уходили киммерійцы и преслѣдовали ихъ скифы. Очень страннымъ является то обстоятельство, что одна изъ воюющихъ сторонъ—скифы, прозѣвала, какимъ путемъ бѣжала другая—цѣлый народъ киммерійцы, и ошиблась въ своихъ разсчетахъ о направленіи дорогъ покрайнай мѣрѣ на 1500 верстъ. Очевидно, что за общими указаніями Геродота должны скрываться совершенно иныя подробности. Борьба и вытѣсненіе одной народности другою происходила на громадной площади, не только отъ береговъ Каспійскаго моря до береговъ Чернаго, Азовскаго и Крыма, но и отсюда до р. Днѣстра. Скифы были кочевники, обитавшіе въ степяхъ и на равнинахъ. Стало быть, имъ требовались земли степныя и равнинныя. Киммерійцы же жили не только на равнинахъ Предкавказья, но и въ горахъ. И вотъ, когда скифы начали тѣснить киммерійцевъ, часть послѣднихъ, обитавшая на равнинахъ и степяхъ, уступила эти мѣста побѣдителямъ, но другая часть, жившая въ горахъ, осталась на мѣстѣ. Въ такомъ положеніи очутились осы или нынѣшніе осетины. Скифы, какъ степняки, не пошли въ горы, какъ поступали потомъ въ послѣдствіи и многіе другіе кочевые народы-завоеватели, а двинулись вдоль подножія Кавказскаго хребта къ Каспію и отсюда прошли по Каспійскому побережью просто по тому, что равнины были для нихъ родною стихіею. Можно, поэтому, полагать, что въ горахъ осталась и та неизвѣстная народность, съ котораго связано построеніе дольменовъ на Кавказѣ. Судя по географическому распространенію дольменовъ, съ Сѣвера у этой народности были свои пограничныя мѣстности, куда истому кочевнику двигаться было не за чѣмъ.

Все это тѣмъ вѣроятнѣе, что киммерійцы ушли съ своихъ насиженныхъ мѣстъ не однимъ тѣмъ путемъ, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, и не въ одну Малую Азію. Часть ихъ и, надо полагать, часть очень значительная двинулась на западъ и осѣла въ западной Европѣ подъ именемъ кимровъ, смѣшавшись здѣсь съ другими народностями. У нѣкоторыхъ древнихъ писателей кимры и кельты одно и тоже. Такъ, Аппіанъ отождествляетъ киммеріянъ съ кельтами. Юлій Цезарь нашелъ сѣверную Галлію заселенною кимрскими кельтами. Кимры или киммеріяне, подобно тому, какъ и ихъ предки, дѣлали набѣги на Италію и юж-

ныя страны. И западно-европейскихъ кимровъ, какъ киммерійцевъ, принято также считать арійскою отраслью.

Битва кимромъ съ амазонками.

Мало того, часть киммерійцевъ осталась на старыхъ мѣстахъ, у Таманскаго полуострова. Діонисій говоритъ: «съ савроматами же сосѣдятъ синды, киммерійцы и живущіе вблизи Евксина керкетіи, тореты и сильные ахейцы». Стало быть, далеко послѣ того, какъ скифы вытѣснили, по словамъ Гердота, киммерійцевъ съ Таманскаго полуострова и когда часть скифовъ превратилась въ савроматовъ, киммерійцы жили по лѣвую сторону Кубанской дельты, и сосѣдями ихъ были, съ одной стороны, скифскія племена, а съ другой, племена черкескія. Несомнѣнно, что киммерійцы сливались съ тѣми и другими, такъ какъ всѣ три народности были родственны въ расовомъ отношеніи, принадлежали къ одному и тому же корню арійцевъ. Евстафій такъ прямо и называетъ киммерійцевъ скифскимъ племенемъ. То же смѣшеніе киммерійцевъ со скифами встрѣчается и у другихъ писателей.

На этомъ основаніи и вообще въ виду крайне туманныхъ свѣдѣній о киммерійцахъ, кавказскій языковѣдъ Усларъ заподозриваетъ самое существованіе киммеріянъ. Онъ отождествляетъ киммеріянъ со скифами и полагаетъ, что никакого высселенія киммерійцевъ въ Азію не было, только произошло переименованіе одной и той же народности, чего не зналъ Геродотъ. Найдя на мѣстѣ киммерійцевъ скифскую

народность, онъ просто предположилъ, что послѣдняя вытѣснила въ Азію первыхъ. Едва ли это такъ. Во всякомъ случаѣ, если киммерійцы были развѣтвленіемъ скифовъ, то это не исключаетъ существованія народа подъ тѣмъ или другимъ именемъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. На это есть ясныя указанія. Стало быть, считаясь лишь съ этимъ фактомъ и сводя во едино всѣ отмѣченныя выше указанія о киммерійцахъ, надо во всякомъ случаѣ признать, что киммерійцы были первымъ по времени исторически извѣстнымъ народомъ, обитавшимъ въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области. Это были аборигены края и притомъ арійцы. Они представляли собою совершенно сьорганизованную народность, такъ какъ имѣли царей, народныя совѣщанія, военныхъ вождей, войско, города и укрѣпленія. Все это предполагаетъ извѣстную силу и могущество, которыхъ они достигли, по мнѣнію г. Ф. Бруна, между 800 и 600 годами до Р. Хр. Но далеко ранѣе этого времени киммеріяне дѣлали набѣги на отдаленныя страны и успѣли упрочить за своимъ именемъ цѣлую страну—Киммерію и проливъ Босфоръ Киммерійскій.

Были ли это скифы-киммерійцы или просто киммеріяне, но фактическое ихъ существованіе, на зарѣ нашей мѣстной и міровой исторіи, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Отдѣльные эпизоды изъ этого отдаленнаго прошлаго могутъ даже быть пріурочены къ опредѣленнымъ датамъ. Такъ, киммерійцы уже существовали въ ту пору, когда греки громили Трою, а паденіе Трои историкъ III вѣка по Р. Хр. Дурисъ опредѣлилъ въ 1335 году до Р. Хр. Евсевій, согласно съ Страбономъ, относитъ первый набѣгъ киммерійцевъ на Малую Азію къ 1076 году до Р. Хр. Пророкъ Іезекіиль, жившій за 600 лѣтъ до Р. Х., упоминаетъ о народѣ джимеръ, какъ давнишнихъ обитателяхъ сѣверныхъ странъ. Поэтъ Эсхилъ, жившій между 525 и 456 годами до Р. Хр., влагаетъ однако въ уста Прометея слѣдующія слова, которыми онъ напутствовалъ гонимую оводомъ по лицу земли Іо: «ты дойдешь до Киммерійскаго перешейка, у самаго узкаго прохода внутренняго моря; смѣло оставивъ перешеекъ, ты выплыви черезъ узкій проливъ Меотійскій, и на вѣки у смертныхъ останется память о твоей переправѣ и проливъ будетъ названъ Босфоромъ». Геродотъ посѣтилъ сѣверный берегъ Чернаго моря около 450 г. до Р. Хр., а о киммерійцахъ здѣсь существовали одни лишь смутныя воспоминанія.

Все это позволяетъ заключить, что киммерійцы или какая-либо отрасль древнихъ скифовъ, извѣстная подъ этимъ именемъ, уже обитали въ Кубанской области покрайней мѣ-

рѣ за 1500 или 2000 лѣтъ до Р. Х. Около этой же поры возводились и дольмены на Сѣверномъ Кавказѣ и жилъ неизвѣстный народъ-строитель ихъ. Сопоставленіе этихъ двухъ крупныхъ, хотя и мало пока выясненныхъ исторически, фактовъ невольно наводитъ на мысль, что строителями дольменовъ могли быть киммерійцы. Другого народа въ ту пору на Сѣверномъ Кавказѣ не существовало. Позднѣйшая народность или, можетъ быть, одна и таже народность, но существовавшая въ разныя времена и подъ разными наименованіями—скифы, совершали обрядовое погребаніе въ гробницахъ, представлявшихъ уже видоизмѣненіе дольменовъ.

Можно вполнѣ согласиться съ остроумнымъ предположеніемъ барона Услара, что киммерійцы совсѣмъ не переселялись въ Малую Азію, а остались на мѣстѣ, но это надо сказать только о киммерійцахъ, обитавшихъ въ Кавказскихъ горахъ. Осетины или осы остались въ горныхъ трущобахъ при передвиженіяхъ разныхъ народностей по Сѣверному Кавказу. То же могло случиться и съ строителями дольменовъ на западѣ Сѣвернаго Кавказа. Этому ни мало не противорѣчитъ ихъ разселеніе въ данной мѣстности. Отъ жителей равнинъ и степныхъ кочевниковъ строители дольменовъ явно обособились въ горахъ. По направленію къ главному хребту Кавказскихъ горъ въ неприступной его части и къ морскимъ берегамъ въ доступной его части, т. е. къ предѣламъ дальше которыхъ идти нельзя, эта народность только и разселилась. Слѣдовательно, строители дольменовъ занимали столько лишь мѣста въ мало доступной полосѣ горныхъ твердынь, сколько было его, и сидѣли или укрывались здѣсь въ ту пору, когда привыкшіе къ равнинамъ кочевники сводили свои счеты въ степяхъ Предкавказья и Меотиды. А разъ киммерійцы эти жили далеко раньше, чѣмъ начались перемѣщенія отдѣльныхъ отраслей какого-то великаго въ ту пору арійскаго народа, дольмены были дѣломъ рукъ ихъ и ихъ предковъ.

Къ этой мысли приводитъ и самое распространеніе дольменовъ. Кромѣ нагорной полосы Кавказа, часть дольменовъ оказалась въ сердцѣ Киммеріи—на Таманскомъ полуостровѣ. Другая часть такихъ же точно памятниковъ находится въ Крыму, а здѣсь именно, рядомъ съ Боссоромъ Киммерійскимъ, и по Таврическому полуострову вмѣстѣ съ таврами засельщиками края были все тѣ же таинственные киммерійцы. Наконецъ, дольмены оказались и въ тѣхъ мѣстахъ Западной Европы, гдѣ осѣли кимры. Киммерійцамъ, слѣдовательно, какъ бы сопутствовали всюду дольмены. Послѣдніе служатъ такимъ же связующимъ признакомъ этой народности, какъ и принадлежность ихъ къ арійской расѣ.

Самое сооруженіе киммерійцами дольменовъ надо, разумѣется, отнести къ раннему періоду пребыванія ихъ въ горахъ, по крайней мѣрѣ до столкновенія киммерійцевъ со скифами, а не къ позднѣйшимъ временамъ. Памятники навѣрное ставились только при погребеніи выдающихся чѣмъ-либо лицъ — правителей, вождей, родоначальниковъ, старѣйшинъ и пр. Такія сооруженія, какъ дольмены, даже въ настоящее время дороги и непосильны для рядоваго населенія. Къ тому же и общее количество дольменовъ на Кавказѣ не такъ велико, чтобы въ могильникахъ этихъ могло вмѣститься все населеніе данной народности, вымершее за извѣстный и несомнѣнно весьма продолжительный періодъ времени. Такимъ образомъ, дольмены могли служить памятниками только для знатныхъ киммерійцевъ. Быть можетъ, это были своего рода герои и богатыри того времени, какъ это рисовалось въ народной фантазіи, но, очевидно, въ дольменахъ покоилась только «бѣлая кость» властной части населенія. За этою частью стоялъ цѣлый киммерійскій народъ, погребенный не въ дольменахъ.

Подобно киммерійцамъ, скифы остаются въ исторіи мало выясненною народностью. О нихъ существуетъ масса указаній и свѣдѣній у древнихъ писателей, но свѣдѣнія эти и указанія на столько же разнообразны, на сколько и противорѣчивы. И это понятно. О скифахъ писали греческіе, римскіе, византійскіе и др. писатели въ различныя времена и на основаніи различныхъ источниковъ — и по мифическимъ сказаніямъ, и по народнымъ преданіямъ, и со словъ другихъ, и какъ очевидцы.

Происхожденіе скифовъ покрыто туманною пеленою легендъ и чудесныхъ сказаній. Геродотъ занесъ въ свою исторію двѣ интересныя легенды объ этомъ. По одной изъ нихъ, скифы произошли отъ Таргитая, который былъ сыномъ Зевса и дочери рѣки Борисфена, т. е. Днѣпра. У Таргитая было три сына: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. При жизни ихъ упали съ неба на скифскую землю золотые предметы: плугъ, рало, сѣкира и чаша. Старшій братъ первымъ увидѣлъ ихъ и хотѣлъ взять, но при его приближеніи золото воспламенилось, и онъ отступилъ отъ посланныхъ небомъ предметовъ. То же повторилось и среднимъ братомъ. Но когда къ золоту подошелъ третій братъ, то оно потухло. Колаксаисъ взялъ всѣ четыре предмета и отнесъ ихъ домой. Поэтому, старшіе братья уступили царство младшему, ставшему владыкой скифскаго народа. Тѣмъ не менѣе отъ каждаго изъ братьевъ произошли особые потомки. Первый братъ оставилъ послѣ себя родъ авхатовъ, средній катіаровъ и трапіевъ, а младшій паралатовъ. Общее

же имя скифовъ было сколоты. Скифами прозвали ихъ греки, передѣлавшіе названіе сколоты на свой ладъ.

По другой легендѣ, скифы произошли отъ Геркулеса. Совершая одинъ изъ своихъ подвиговъ, онъ прибылъ съ быками Геріона въ страну, ставшую впослѣдствіи Скифіей. Здѣсь у него, во время сна, исчезли лошади. Разыскивая въ землѣ Гилеей утерянныхъ лошадей, Геркулесъ встрѣтилъ въ пещерѣ „смѣшанной породы существо—на половину дѣвушку, на половину змѣю, такъ что верхняя часть отъ сидѣнья представляла женщину, а нижняя змѣю“. На вопросъ изумленнаго героя, не видѣла ли эта странная дѣвушка его лошадей, послѣдняя отвѣтила, что пропавшія лошади у нея, но что она отдастъ ему при томъ лишь условіи, если Геркулесъ вступитъ съ нею въ супружескую связь. Геркулесъ согласился и когда уходилъ изъ земли Гилеей, то предупредилъ свою временную супругу, что въ опредѣленномъ мѣстѣ онъ оставилъ лукъ съ поясамъ и что царство должно быть вручено тому изъ сыновей, который натянетъ его лукъ и опояшется его поясомъ. У дѣвушки полузмѣи родилось три сына. Двухъ старшихъ сыновей, согласно наказу Геркулеса, она выгнала изъ страны, какъ не осилившихъ отцовскаго лука, а третій сынъ по имени Скифъ, натянувшій лукъ отца и опоясавшійся его поясомъ съ пряжкою украшенною золотою чашею, сталъ родоначальникомъ скифовъ. Отъ него произошли скифскіе цари, носившіе при Геродотѣ на поясахъ чаши въ воспоминаніе о поясной чашѣ Геркулеса. Діодоръ Сицилійскій передаетъ эту легенду въ нѣсколько иномъ видѣ. Дѣйствующимъ лицомъ былъ не Геркулесъ, а самъ Юпитеръ, отъ котораго дочь земли—дѣвушка-полузмѣя, родила скифа.

Легенды Геродота заслуживаютъ вниманія въ двухъ отнешніяхъ—по той связи, которая устанавливается между греками и скифами, и по характеру основныхъ темъ. Первая легенда несомнѣнно болѣе древняго происхожденія, чѣмъ вторая, какъ древнѣе были дѣянія Зевса, главы боговъ, сравнительно съ подвигами Геркулеса, героя впослѣдствіи обоготвореннаго. Но первою и второю легендою одинаково объединяется греческая народность со скифскою. Въ одномъ случаѣ скифы обязаны своимъ существованіемъ греческому богу, а въ другомъ греческому герою-полубогу. Варварамъ скифамъ какъ бы была оказана особая честь представителями цивилизаціи еллинами, тѣмъ болѣе что прародительницы скифовъ не блистала ни красотой Афродиты, ни умомъ Афины, ни животворящими началами Геры, а просто были рядовыми существами сказочнаго происхожденія—одна дочерью рѣки, другая даже полузмѣей. Греки какъ бы снизош-

ли до родства съ скифами. Тѣмъ не менѣе самый фактъ этого снисхожденія запечатлѣнъ въ мифахъ.

Различіе темъ отразилось на содержаніи легендъ. Въ первой легендѣ опоэтизированы чисто культурныя начала—лукъ, ярмо и сѣкира,—орудія труда и творческой силы скифовъ, вмѣстѣ съ чашей, необходимѣйшимъ предметомъ домашней обстановки. Ихъ не могли взять два старшихъ брата, но овладѣлъ ими самый младшій. Другими словами, прошли вѣка и поколѣнія прежде, чѣмъ скифы съумѣли надѣвать ярмо на воловъ, пахать землю плугомъ, рубить сѣкирой деревья или дѣлать свои повозки о четырехъ и шестиколесахъ, и т. п. Мотивъ второй легенды—политическая сила и могущество скифовъ. Имъ вручаетъ величайшій изъ греческихъ героевъ Геркулесъ боевой лукъ. И этимъ лукомъ опять таки не могли воспользоваться два старшихъ брата, а осилилъ его младшій. Иначе говоря, прошли вѣка и поколѣнія прежде, чѣмъ скифы образовали могущественную политическую организацію, которою руководили съумѣвшіе натянуть лукъ Геракла цари или, быть можетъ, царственные скифы, о которыхъ говоритъ Геродотъ.

Такимъ образомъ, уже въ легендарной исторіи скифовъ кроются два весьма важныхъ указанія. Первое указаніе—это связь скифовъ съ греками или точнѣе принадлежность скифовъ къ арійской расѣ. Вторымъ указаніемъ устанавливается прикосновенность скифовъ къ той степени культуры, которая связана съ скотоводствомъ и земледѣліемъ, въ первичныхъ видахъ, и къ тѣмъ формамъ политическаго устройства, которымъ свойственна царская власть.

Геродота не удовлетворила ни одна изъ двухъ легендъ. Онъ считалъ ихъ пустыми баснями. И не удивительно. Были обстоятельства, прямо противорѣчившія греческой мифологіи. По скифскимъ сказаніямъ, Геркулесъ былъ родоначальникомъ скифовъ, а между тѣмъ самъ Геркулесъ получилъ свой знаменитый лукъ, по греческимъ сказаніямъ, отъ скифа Тевтара, пастуха Амфитріонова, научившаго Геркулеса и стрѣлять изъ лука. Скифы не только, слѣдовательно, существовали во времена Геркулеса, но и были уже учителями въ области военнаго искусства. Новое указаніе на связь скифовъ съ греками, принадлежавшими къ одному и тому же арійскому корню.

Не вѣря скифскимъ легендамъ, Геродотъ объясняетъ появленіе скифовъ въ Европѣ просто переселеніемъ. Скифы кочевники жили сначала въ Азіи, но здѣсь во время войны съ массагетами, они были вытѣснены послѣдними изъ Азіи, перешли рѣку Араксъ, двинулись отсюда на сѣверъ, дошли до земель киммеріянъ и въ свою очередь вытѣснили ихъ,

занявши ихъ земли. Выше уже было упомянуто, что Усларъ считаетъ и этотъ разсказъ басней. Опираясь на первую изъ приведенныхъ нами легендъ, по которой прародитель скифовъ Таргитай родился за 1000 лѣтъ до похода Дарія въ Скифію, Усларъ находилъ явное несоотвѣтствіе Геродотовскаго разсказа о вытѣсненіи скифами киммеріянъ съ дѣйствительностью. «Самъ Геродотъ, возражаетъ онъ, говоритъ о походѣ Сезостриса противъ фракійцевъ и скифовъ. Сезострисъ же жилъ за семь вѣковъ до мнимаго удаленія киммеріянъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря». Конечно, Геродотъ, какъ и многіе другіе писатели, писавшіе со словъ другихъ и недостаточно освѣдомленные о скифахъ и ихъ происхожденіи, могъ впасть въ ошибку и смѣшать были съ небылицами. Его разсказы о скифахъ правдивые, быть можетъ, въ отношеніи бытовыхъ особенностей, вызываютъ тѣмъ не менѣе массу недоумѣній.

Вообще о древнихъ скифахъ существовали самыя противорѣчивыя представленія. У однихъ писателей скифы были идеальнымъ народомъ, у другихъ звѣрями и людоѣдами.

Еще Гомеръ выразился, что «скифы-млекоѣды и авіи — «справедливѣйшіе люди». Авіи также были скифскою отраслью. Гомеръ разумѣлъ скифовъ-кочевниковъ, которые пасли скотъ и вели самую несложную и близкую къ природѣ жизнь.

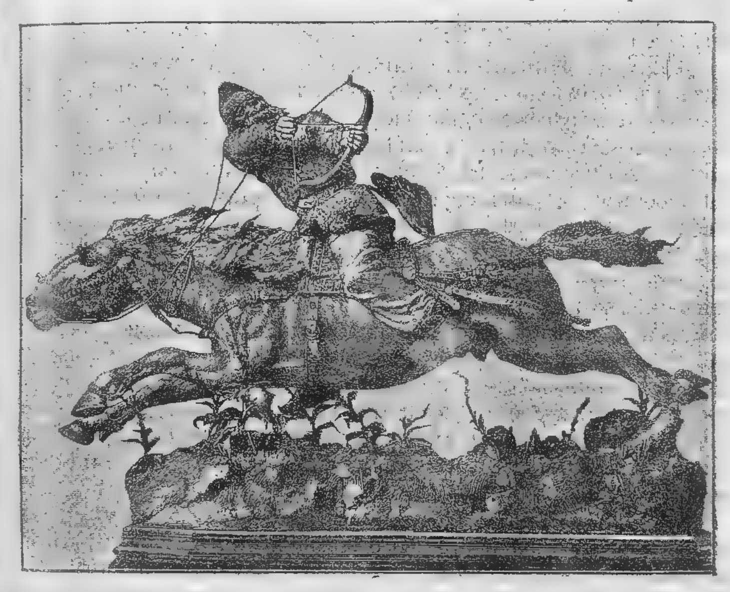
Съ легкой руки Гомера, цѣлый рядъ писателей прилагалъ потомъ къ скифамъ выраженіе поэта о справедливости ихъ. Эфоръ о скифахъ, питавшихся кобыльемъ молокомъ, отзывался, что они «превосходятъ справедливостью» всѣхъ другихъ скифовъ. Объ авіяхъ въ освобожденномъ Прометеѣ Эсхила говорится: «затѣмъ придешь ты къ авіямъ, народу самому справедливому и гостепріимному изъ всѣхъ смертныхъ, гдѣ ни плугъ, ни земляной заступъ не рѣжутъ почвы, но сами собою нивы въ изобиліи приносятъ смертнымъ средства къ жизни». Идеалы въ духѣ истаго кочевника. Современные киргизы и теперь мечтаютъ о старыхъ временахъ золотого вѣка, когда не было ни косы, ни граблей, а зеленую траву можно было рвать руками, сколько угодно.

Николай Дамаскій, родившійся около 64 года до Р. Х., даетъ болѣе полную характеристику кочевыхъ скифовъ. «Млекоѣды, говоритъ онъ, скифскій народъ, не имѣютъ домовъ, какъ и огромное большинство скифовъ, и питаются только кобыльимъ молокомъ, изъ котораго, дѣлая сыры, ѣдятъ и пьютъ, и поэтому съ ними весьма трудно бороться, такъ какъ они повсюду имѣютъ съ собою пищу. Они-то и Дарія обратили въ бѣгство. Они также весьма справедливы, имѣя общее имущество и женщинъ, такъ что старшихъ се-

бя считаютъ отцами, младшихъ сыновьями, а сверстниковъ братьями. Изъ нихъ былъ и Анахорсидъ, признанный однимъ изъ семи мудрецовъ, который прибылъ въ Елладу, чтобы изучить еллинскіе обычаи. У скифовъ, какъ говорятъ, не извѣстны ни завидующій, ни ненавидящій, ни боящійся, благодаря общности жизни и справедливости». Это былъ, слѣдовательно, патріархальный народъ съ коммунальными порядками и самыми мирными наклонностями.

Страбонъ считалъ характерною чертою скифовъ любезность, простоту и справедливость. Черты, тѣсно связанныя съ патріархальнымъ укладомъ жизни. Скифамъ были чужды понятія о прелестяхъ болѣе сложной, чѣмъ пастушество, экономической жизни, и когда одного скифа спросили, считалъ ли бы онъ себя богатымъ и счастливымъ, если бы ему подарили большой и хорошо обставленный домъ, то онъ отвѣтилъ отрицательно, такъ какъ онъ не могъ бы взять домъ на свою повозку и уѣхать съ нимъ въ свои излюбленныя степи.

Ефоръ слѣдующимъ образомъ оттѣнилъ выгодныя стороны несложной жизни кочевника при тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ: «скифы, говоритъ онъ, ведя простой образъ жизни и не зная корыстолюбія, какъ во взаимныхъ отношеніяхъ руководствуются добрыми правилами,



Убѣгающій отъ врага скифъ.

имѣя все общимъ, даже женъ, дѣтей и всѣхъ родственниковъ; такъ и для внѣшнихъ враговъ неодолимы». Какъ извѣстно, знаменитая война персовъ съ скифами, закончившаяся разгромамъ военныхъ полчищъ Дарія, состояла въ томъ, что скифы все время вертѣлись передъ носомъ непріятеля и убѣгали въ степи при малѣйшей попыткѣ персовъ завязать съ ними сраженіе. Эту своеобразную черту древнихъ скифовъ вѣрно подмѣтилъ художникъ Лансере и прекрасно выразилъ ее въ скульптурномъ изображеніи скифа, убѣгающаго отъ врага на лошади и на всемъ скаку пускающаго въ него стрѣлу.

Иными рисуются скифы воинственные и отличавшіеся жестокими нравами. По словамъ Ефора, «скифы и савроматы не одинаковы по образу жизни; первые до того жестоки, что ѣдятъ человѣческое мясо, вторые, напротивъ, воздерживаются отъ употребленія въ пищу даже животныхъ». Какую народность подъ именемъ скифовъ разумѣлъ Ефоръ неизвѣстно, но часть савроматовъ кочевала на степяхъ нынѣшней Кубанской области.

О массагетахъ Страбонъ разсказываетъ, что «наилучшею смертью признается у нихъ такая, когда дожившіе до старости будутъ изрублены вмѣстѣ съ бараньимъ мясомъ и съѣдены въ перемежку съ нимъ». Если это правда, то такой обычай указываетъ на очень низкую степень культурнаго развитія народа.

Исигонъ Никейскій записалъ нѣчно невѣроятное о скифахъ въ этомъ же духѣ. По его словамъ, нѣкоторые скифы разрѣзали мертвецовъ на части, солили и сушили человѣческое мясо на солнцѣ, а затѣмъ нанизавши эти высушенные куски на шнурокъ, вѣшали его себѣ на шею и угощали человѣческимъ мясомъ своихъ друзей. При встрѣчи съ послѣдними, скифы отрѣзали ножемъ кусочки мяса и передавали ихъ пріятелю для ѣды. Шнурокъ оставался на шеѣ скифа до тѣхъ поръ, пока не съѣдено было все мясо. Съ трудомъ какъ-то вѣрится такимъ и подобнымъ имъ разсказамъ о жестокихъ и противочеловѣчныхъ обычаяхъ скифовъ, но ужасная обстановка скифскаго обрядоваго погребенія, полная изувѣрства и ненужныхъ жестокостей, не только подтверждена древними писателями, но и фактически установлена археологическими раскопками скифскихъ кургановъ и могильниковъ. Еще ужаснѣе и безчеловѣчнѣе военные обычаи скифовъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

Конечно, отмѣченные факты плохо вяжутся съ тѣми идиллическими изображеніями скифовъ, которыя дали нѣкоторые писатели; но несомнѣнно также, что на первыхъ ступеняхъ примитивной человѣческой культуры легко уживаются чи-

сто ангельскія обыкновенія съ дьявольскими обычаями. Одни скифы могли радикально отличаться по образу жизни отъ другихъ. Писатели могли вырывать сказанія изъ разныхъ періодовъ продолжительной жизни народа. Могли быть допущены преувеличенія, неточности и просто измышленія или небывальщина. Но если не въ рѣзкихъ формахъ, то въ смягченномъ видѣ могло совмѣщаться добро и зло у одной и той же народности, смотря потому, какой стороны жизни онѣ касаются. Страбонъ, отмѣчая сходство въ образѣ жизни всѣхъ извѣстныхъ ему скифскихъ народовъ, совершенно справедливо говоритъ: «ихъ погребальные обряды, нравы и весь образъ жизни сходны; каждый народъ въ отдѣльности коваренъ, дикъ и воинственъ, въ сношеніяхъ же съ другими простодушенъ и не имѣетъ торгашеской хитрости». Это конечно уже нѣчто среднее пропорціональное изъ того, что выше передано со словъ древнихъ писателей о положительныхъ и отрицательныхъ качествахъ скифовъ.

Надо полагать, что въ писанія древнихъ авторовъ вошло всего понемножку—и вымыслы, и преувеличенія, и смѣшеніе различныхъ по времени и народностямъ этническихъ признаковъ, и невольныя искаженія дѣйствительности, и просто непониманіе описываемыхъ явленій. О народахъ отдаленныхъ и обитавшихъ въ нашихъ мѣстахъ у грековъ обращались невѣроятныя представленія. Сами греки вѣрили въ чудесное и, притомъ, судили по своему о поражавшихъ ихъ явленіяхъ. Стефанъ Византійскій, упоминая объ имикинахъ, т. е. въ переводѣ на русскій языкъ о полупсахъ, народѣ, жившемъ недалеко отъ массагетовъ и гипербореевъ, считавшихся также скифами, приводитъ слѣдующія слова Симмія изъ его произведенія «Апполонъ»: «видѣлъ я страшное племя—мужей имикиновъ: у нихъ на красивыхъ плечахъ собачья голова, снабженная крѣпкими челюстями; лаютъ они, какъ собаки, и не понимаютъ славной рѣчи другихъ смертныхъ». Такія измышленія фантазіи могли быть легко приняты за настоящую монету не только древними греками, но и современной темной массой любой народности.

Тотъ же Стефанъ Византійскій писалъ, что есть городъ Кононій на Меотійскомъ болотѣ, «гдѣ, говорятъ, волки, получая пищу отъ рыбаковъ, стерегутъ ихъ добычу, а если замѣтятъ, что ихъ обижаютъ, то портятъ и сѣти, и рыбу ихъ». И это измышленіе заноситъ въ свои сочиненія геніальный мыслитель и натуристъ древняго міра Аристотель. Вотъ его слова по этому поводу: «у Меотійскаго озера, говорятъ, волки приручены рыболовами; но когда послѣдніе не дадутъ имъ части добычи, волки портятъ имъ сѣти, растянутыя для просушки на землѣ».

Примѣры достаточно характерные, чтобы по нимъ судить о шаткости тѣхъ свѣдѣній, которыя оставили намъ въ наслѣдство древніе писатели.

Существенное препятствіе, мѣшающее правильному выясненію вопроса о скифской народности, заключается въ смѣшеніи древними писателями разныхъ народностей подъ общимъ именемъ скифовъ. Слово скифъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ стало собирательнымъ именемъ. Перечень скифскихъ племенъ представляетъ цѣлую вереницу наименованій. Такъ, Гекатэй Милетскій къ скифамъ отнесъ миргетовъ, матикетовъ, исиновъ, идовъ, іамовъ и иссидоновъ. Стефанъ Византійскій скифами считалъ авіевъ, ахатовъ, будиновъ, елуровъ, евергетовъ, меотовъ, саковъ и тирменіевъ. Страбонъ въ числѣ другихъ скифами признавалъ роксолановъ, сарматовъ, аорсовъ, сираковъ, массагетовъ и даевъ. По словамъ Стефана Византійскаго, нѣкоторые говорили, что и синдское племя есть отрасль меотовъ, т. е. скифовъ. Евстафій называлъ киммерійцевъ скифскимъ племенемъ. Позднѣйшіе писатели братья Исаакій и Іоаннъ Цецъ колховъ считали «индійскими скифами», а халибовъ «народомъ скифскимъ». Если прибавить къ этому перечню скифскія племена, отмѣченныя Геродотомъ и нѣкоторыми другими писателями; то составится довольно обширный списокъ однихъ только названій скифскихъ народностей, правильно и неправильно зачисленныхъ въ ряды скифовъ. Тимонактъ насчитывалъ въ Скифіи пятьдесятъ пять народовъ.

Многіе изъ нихъ представляютъ положительную загадку. Нельзя сказать въ какомъ собственно мѣстѣ жили народности, носившія эти названія. Нѣтъ указаній на какія-либо этническіе ихъ признаки. Нѣкоторыя названія, какъ напр. меоты въ свою очередь представляютъ собирательное имя, къ которому отнесенъ цѣлый рядъ обособленныхъ народностей. Невозможно считать современными одну другой многія народности. Иныя народности могли значиться подъ двумя различными наименованіями.

Вообще приведенный выше перечень народностей важенъ въ томъ отношеніи, что наглядно указываетъ, насколько многочисленный, общеизвѣстный и несомнѣнно сильный народъ представляли собою скифы. Фукидидъ, жившій между 420 и 400 годами до Р. Хр., утверждаетъ, что со скифами не могло сравниться по военной силѣ и количеству войскъ никакое царство. «Въ Азіи, говоритъ онъ, нѣтъ народа, который могъ бы противостоять одинъ на одинъ скифамъ, если они всѣ будутъ единодушны». За этимъ «если» скрывается громадное пространство, отъ устья Дуная и Бессарабіи до

Волги и Каспія и за предѣлами того и другаго пространства, по которому были разбросаны скифскія племена, проникавшія отсюда далеко на сѣверъ до нынѣшнихъ Кіевской, Черниговской, Курской и Воронежской губерній.

По источникамъ древнихъ писателей, существовали собственно двѣ Скифіи—Скифія Геродотова и Скифія остальныхъ писателей.

Какъ извѣстно, предѣлы Геродотовой Скифіи могутъ быть отграничены довольно опредѣленными признаками. По мнѣнію Нибура, Гердотова Скифія охватывала приблизительно земли нынѣшнихъ губерній—Бессарабской, Херсонской, Таврической, Подольской, Кіевской, Екатеринославской, Полтавской и части Черниговской, Курской и Воронежской. Самъ Геродотъ такъ описываетъ свою Скифію: «Скифія представляетъ собою четыреугольникъ, двѣ стороны котораго доходятъ до моря, при чемъ линія, идущая вдоль материка, такой же длины, какъ и та, что тянется вдоль моря». Въ другомъ мѣстѣ своей четвертой книги Геродотъ рѣшительно заявляетъ: «по ту сторону Танаиса нѣтъ болѣе Скифіи». Такимъ образомъ, Танаисъ или Донъ былъ восточною границею скифскаго четыреугольника. Далѣе отъ Дона на востокъ, по понятіямъ грековъ того времени, началась уже Азія. Слѣдовательно, нынѣшняя Кубанская область была внѣ Скифіи.

И это утверждалъ тотъ самый отецъ исторіи Геродотъ, который вывелъ скифовъ изъ глубины Азіи, переправилъ ихъ черезъ р. Араксъ, провелъ черезъ Дербентскія ворота на сѣверъ Кавказа, а отсюда длинною дорогою черезъ Терскую область, Ставропольскую губернію, область Кубанскую, землю войска Донского и Екатеринославскую губернію въ тѣ мѣста, гдѣ дочь старика Днѣпра родила Скифа. Мало того. Тѣхъ же скифовъ и въ одно и тоже время ихъ борьбы съ киммеріянами онъ поворотилъ отъ Днѣстра назадъ и снова заставилъ ихъ пропутешествовать черезъ равнины Сѣвернаго Кавказа на западное побережье Каспійскаго моря. Такія подробности не могутъ не внушить недовѣрія къ повѣствованіямъ Геродота о скифахъ. Надо полагать, что факты борьбы скифовъ съ другими народностями и передвиженія скифовъ имѣли мѣсто въ отдаленномъ прошломъ, но Геродотъ ихъ передалъ не въ томъ видѣ, какъ они происходили. Если это была борьба, то борьба не единовременная, но долгая, длившаяся, какую должны были вести родственныя народности изъ за мѣстъ кочеваній, потому что всѣ три народности скифы, киммеріяне и массагеты, были пастухами-скотоводами и видимо принадлежали къ одной расѣ арійцевъ.

Существенное упущеніе Геродотъ сдѣлалъ въ томъ отношеніи, что совсѣмъ выдворилъ скифовъ изъ предѣловъ нынѣшней Кубанской области. Впрочемъ, какъ правдивый повѣствователь, онъ передалъ о томъ, какъ переправлялись на Кубань скифы таврическіе черезъ Таманскій проливъ. Описывая климатъ Таманскаго полуострова, Геродотъ говоритъ: «замерзаетъ море и весь Киммерійскій Босфоръ, такъ что живущіе по сю сторону рва скифы толпами переходятъ по льду, переѣзжаютъ по немъ въ повозкахъ на другой берегъ къ синдамъ».

Въ дѣйствительности скифы не только временно соприкасались съ народами, находившимися въ нынѣшней Кубанской области, но и сами вмѣстѣ съ ними жили здѣсь же. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе древніе писатели. Самъ Геродотъ считалъ сарматовъ кочевымъ народомъ, происшедшимъ отъ скифовъ и амазонокъ, и указывалъ на мѣстожительство ихъ въ Азіи, по лѣвую сторону р. Дона и на востокъ отъ Меотиды. Стало быть, скифы-сарматы, какъ кочевники неминуемо должны были посѣщать и степи Кубанской области.

Страбонъ дѣлаетъ совершенно опредѣленныя указанія на этотъ счетъ. Сѣверъ страны у Меотиды населяли, по его словамъ, скифы-кочевники, жившіе въ повозкахъ. Южнѣе находились сарматы, аорсы и сираки, спускавшіеся до кавказскихъ горъ. Одни изъ нихъ кочевали, другіе жили въ шатрахъ и занимались земледѣліемъ. Къ самому морю примыкали меоты, которые хотя и занимались земледѣліемъ, но воинственностью не уступали скифамъ-номадамъ. Меоты подраздѣлялись на многія племена, изъ которыхъ жившіе ближе къ Босфору отличались мягкими нравами, а удаленные отъ него и ближайшіе къ Танаису или Дону обнаруживали большую дикость. Другіе писатели именовали меотовъ скифо-меотами, давая этимъ понять, что подъ общимъ именемъ скифовъ разумѣлись и нѣкоторыя нескифскія племена.

Во всякомъ случаѣ по всей Кубанской области кочевали сарматы, одно изъ многочисленныхъ скифскихъ племенъ, и разъѣзжали амазонки-сарматиды, заправлявшія мужскимъ населеніемъ. Кубанскія степи Страбонъ называлъ Сарматскими равнинами. Пребываніе скифовъ въ Кубанской области подтверждается прямыми историческими данными—фактическими подробностями изъ исторіи Босфорскаго царства и археологическими раскопками кубанскихъ скифскихъ памятниковъ. На ряду съ многочисленными скифскими курганами, разсѣянными по области, раскопками обнаружены здѣсь пред-

меты и обстановка скифскихъ погребеній, какъ описаны эти обрядовые обычаи и Геродотомъ.

По роду занятій и отчасти, быть можетъ, по политической организаціи Геродотъ дѣлитъ скифовъ на нѣсколько отраслей. Между Днѣпромъ и его притокомъ Пантикапою, вѣроятно р Конкою, у него жили скифы-земледѣльцы; рѣка Гипакарисъ или, какъ предполагаютъ, Молочная, дѣлила земли кочевниковъ-скифовъ пополамъ; рѣкою Герръ, притокомъ Днѣпра, отграничивались земли царственныхъ скифовъ отъ земель скифовъ-кочевниковъ, наконецъ, Донъ служилъ раздѣльною линіей между царственными скифами и савроматами.

Страбонъ въ свою очередь дѣлилъ нашихъ кубанскихъ и донскихъ скифовъ на земледѣльцевъ и номадовъ. По его словамъ, скифы земледѣльцы не воздерживались отъ грабежей и разбоевъ, а скифы-номады были болѣе миролюбивы и, довольствуясь небольшою данью, наложенною на земледѣльцевъ, воевали лишь тогда, когда не выплачивалась имъ дань.

Гомеръ зналъ скифовъ млекоѣдовъ и доителей кобылицъ, какъ исключительно кочевой народъ. У большинства другихъ писателей съ именемъ скифовъ связывались представленія о непрерывно двигавшихся стадахъ и слѣдовавшихъ за ними повозкахъ съ населеніемъ.

Съ дѣленіемъ Геродота и Страбона скифовъ на земледѣльцевъ и номадовъ нельзя соединять рѣзкой обособленности занятій въ нашемъ смыслѣ, скифы были скотоводами и пастухами. Земледѣліе служило лишь подспорьемъ у однихъ въ большей степени, у другихъ въ меньшей, а положеніе царственныхъ скифовъ, также скотоводовъ и кочевниковъ, опредѣлялось ихъ политическою ролью, какъ захватившаго въ свои руки власть рода. У номадовъ-киргизовъ и теперь еще можно найти такихъ властныхъ родовичей, напр. Аблайхановыхъ. Скифы же земледѣльцы вѣроятно совершали перекочевки на меньшихъ пространствахъ, чѣмъ номады, и имѣли въ опредѣленныхъ мѣстахъ зимовыя стойбища. Въ лѣтнюю пору, весною и осенью всѣ скифы одинаково были кочевниками. Въ этомъ отношеніи имъ были свойственны такія же общія характеристическія черты, какими отличается хозяйственный бытъ современныхъ номадовъ.

Вотъ какое поразительно вѣрное изображеніе конеӧого быта алановъ и массагетовъ, двухъ скифскихъ народовъ, далъ римскій писатель Амміанъ Марцеллинъ, родившійся въ 330 г. по Р. Хр.

„У нихъ, говоритъ Амміанъ, нѣтъ постоянныхъ жилищъ, они не занимаются земледѣліемъ, питаются мясомъ и болѣе

молокомъ, живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ ихъ по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, обросшихъ травой, то располагаютъ свои повозки въ кругъ и питаются, какъ звѣри. Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожится, они отправляютъ дальше на повозкахъ, такъ сказать, свое государство; на этихъ повозкахъ мужчины сходятся съ женщинами; тамъ рождаются и воспитываются дѣти; это ихъ постоянныя жилища, и гдѣ бы они не кочевали, всегда свою повозку они считаютъ своею родиною.

„Они гонятъ передъ собой стада крупнаго и мелкаго скота и такимъ образомъ пасутъ его, но преимущественно они заботятся о лошадяхъ.

„Молодые люди съ ранняго дѣтства привыкаютъ къ верховой ѣздѣ, а ходить пѣшкомъ считается позоромъ.

„У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни святынь".

Кто былъ въ степяхъ и хоть мелькомъ видѣлъ кочевой бытъ номада-скотовода, тотъ найдетъ фотографически вѣрную картину пастушеской обстановки и уклада, изображеннаго Амміаномъ. Нѣкоторые южные роды киргизовъ Атбасарскаго уѣзда до нашихъ дней удержали этотъ вѣками освященный строй пастушеской жизни. Еще зимою эти южане номады снимаются съ становищъ на р. Чу, переходятъ Голодную степь и отсюда перекочевываютъ далеко на сѣверъ къ г. Атбасару и выше его; въ концѣ лѣта они гонятъ впереди себя стада и сами за ними слѣдуютъ въ повозкахъ или двухколесныхъ арбахъ обратно на югъ, къ р. Чу, проходя такимъ образомъ въ теченіе года туда и обратно не менѣе двухъ тысячъ верстъ. Вся длинная тирада Амміана Марцеллина цѣликомъ приложена къ этимъ передвиженіямъ атбасарцевъ. Въ видѣ исключенія можно сдѣлать одно лишь замѣчаніе: у атбасарцевъ нѣтъ храмовъ, но есть святыни. Это— „мазарки", своеобразные дома предковъ, кладбища. Но не понесъ ли въ этомъ отношеніи ошибку Амміанъ Марцеллинъ?

Точно такую же кочевую жизнь вели въ свое время и скифы, обитавшіе въ нашей Кубанской области. Если у насъ на Кубани безвозвратно канулъ въ вѣчность этотъ пастушескій укладъ, то не вымерли еще многіе казаки, которые до начала шестидесятыхъ годовъ во очію видѣли, какъ по Черноморіи перекочевывали съ мѣста на мѣсто казачьи отары овецъ, какъ зимою „тебеневали" лошади, копытами добывавшіе кормъ изъ подъ глубокаго снѣга, какъ доживали свой вѣкъ отдѣльныя звѣнья той великой исторической цѣпи, которою связывались на прикубанскихъ степяхъ кочевники-скотоводы, начиная со скифовъ и оканчивая но-

гайцами, послѣдними могиканами степей, занятыхъ потомъ черноморцами.

Что касается земледѣльческихъ занятій древнихъ скифовъ, то, разумѣется, онѣ не могли по тому времени вылиться въ болѣе совершенныя формы, чѣмъ у современныхъ намъ номадовъ. Кочевники Атбасарскаго уѣзда, уходя съ р. Чу, оставляютъ часть бѣднаго населенія, такъ называемыхъ „джатаковъ",—что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ презрительное „лежачій", не кочующій, - которые воздѣлываютъ землю. Иногда современные кочевники сѣютъ хлѣбъ на своихъ зимовыхъ стойбищахъ („кстау"), оставляютъ здѣсь посѣвы до конца лѣта, когда и высылаютъ часть населенія для уборки хлѣба, а сами со всѣмъ скотомъ и остальнымъ населеніемъ кочуютъ.

Несомнѣнно, что только въ такихъ двухъ формахъ могло вестись земледѣліе и у древнихъ скифовъ, живщихъ по указаніямъ Геродота на Днѣпрѣ, и Страбона—у Азовскаго моря. Здѣсь скифы земледѣльцы, кромѣ воздѣлыванія земли, водили скотъ и производили кочевки на незначительныхъ разстояніяхъ, какъ это ведется и нынѣ у номадовъ киргизскихъ степей и Средней Азіи. Относительно скифовъ, кочевавшихъ въ Кубанской области, Страбонъ положительно говоритъ, что они, „всегда выбирали мѣстность съ хорошими пастбищами—зимою въ болотахъ около Меотиды, а лѣтомъ и на равнинахъ, а у Меотиды вѣдь и жили Страбоновскіе скифы земледѣльцы, и словами „и на равнинахъ" т. е. на востокъ отъ Азовскаго побережья, неопровержимо подтверждается, что скифы-земледѣльцы также кочевали. Со словъ того-же Страбона видно, что скифы не имѣли осѣдлыхъ поселеній, а кочевали въ повозкахъ съ войлочными кибитками. Слѣдовательно, только такихъ номадовъ-земледѣльцевъ, какъ, положимъ, киргизы Актюбинскаго уѣзда, широко ведущіе земледѣліе и не уходящіе далеко отъ своихъ нивъ, въ тѣ отдаленныя времена не могло быть. Древніе скифы не доросли до такой культуры.

Дѣйствительная жизнь номадовъ была однако совсѣмъ не такъ красива и идиллически безобидна, какъ опоэтизировали ее Гомеръ и другіе древніе писатели. Страбоновскіе справедливѣйшіе млекоѣды, по его словамъ, были люди смирные, и тѣмъ не менѣе они облагали данью скифовъ земледѣльцевъ, людей труда и высшей культуры, и когда исправно ими не выплачивалась дань, то они воевали, скифы же земледѣльцы „не воздерживались отъ грабежей и разбоевъ", А гдѣ свивала гнѣздо война, этотъ бичъ человѣчества и культуры, и появлялись неизбѣжимые ея спутники грабежи и раз-

бои, тамъ „даже справедливѣйшіе люди“ становились звѣрями.

И, дѣйствительно, патріархальная простота и идиллическіе нравы древнихъ скифовъ переплетались съ ужасами войнъ, фактами людоѣдства и съ леденящей душу и сердце обстановкой обрядоваго погребенія и религіознаго культа. Выше уже приведены случаи антропофагіи у древнихъ скифовъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличенные или слишкомъ обобщенные, благодаря чему они производятъ впечатлѣніе не переживаемыхъ обычаевъ, а длящагося уклада жизни, характерной для неолитическаго періода. Но и то, что сообщаетъ о военныхъ и погребальныхъ обычаяхъ Геродотъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ писателей древности, свидѣтельствуетъ о примитивнѣйшемъ строѣ человѣческой жизни, близкомъ къ неолитическимъ временамъ людоѣдства и къ послѣдующему періоду соединенныхъ съ ними кровавыхъ обычаевъ религіознаго культа.

Если вѣрить Геродоту, то военные обычаи у древнихъ скифовъ были просто невѣроятны. Вотъ какъ онъ описываетъ ихъ.

„Скифъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ въ сраженіи, относятся къ царю, потому что только подъ условіемъ доставленія головы непріятеля скифъ получаетъ долю добычи. Съ головы онъ снимаетъ кожу слѣдующимъ образомъ: кругомъ головы около ушей дѣлается надрѣзъ, потомъ беретъ голову въ руки и вытряхиваетъ ее изъ кожи, за симъ соскабливаетъ съ нея бычачьимъ ребромъ мясо и выдѣлываетъ кожу въ рукахъ, дѣлая ее такимъ образомъ мягкою, затѣмъ употребляетъ, какъ утиральникъ, привѣшиваетъ ее къ уздечкѣ той лошади, на которой ѣздитъ самъ, и гордится этимъ. Скифъ, располагающій наибольшимъ числомъ такихъ утиральниковъ изъ кожъ непріятеля, почитается доблестнѣйшимъ человѣкомъ. Многіе скифы приготовляютъ себѣ изъ содранныхъ кожъ плащи, въ которые и одѣваются; для этого кожи сшиваются вмѣстѣ, какъ козьи шкурки. Съ другой стороны многіе изъ нихъ снимаютъ кожу до самыхъ ногтей съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ и приготовляютъ изъ этихъ кожъ футляры для колчановъ. Человѣческая кожа действительно толста и блестяща, блескомъ и бѣлизною превосходитъ всѣ другія кожи. Наконецъ, многіе скифи снимаютъ кожу со всего трупа, натягиваютъ ее на палки и возятъ съ собою на лошадяхъ».

Изъ головъ ненавистнѣйшихъ враговъ и враждебныхъ родственниковъ скифы приготовляли чаши, обтягивая ихъ бычачьей кожей. Чаши эти подавались въ торжественныхъ случаяхъ при гостяхъ. Ежегодно каждый скифскій началь-

никъ приготовлялъ чашу вина въ своемъ околоткѣ, изъ которой могли пить только тѣ, которые умертвили враговъ. Не совершившіе этого подвига сидѣли въ сторонѣ, какъ обезчещенные, находившіеся подъ позоромъ. Если кто изъ скифовъ убилъ очень много враговъ, тотъ получалъ двѣ чаши и пилъ вино изъ обѣихъ разомъ.

Столь же дики и возмутительны были у скифовъ погребальные обычаи. Царей своихъ скифы хоронили въ Геррахъ, до которыхъ былъ судоходенъ Днѣпръ. Умершаго и набальзамированнаго царя скифи возили по всѣмъ народамъ, входившимъ въ составъ скифскаго царства Какъ только появлялся трупъ царя у какого-либо народа, «люди, говоритъ Геродотъ, отрѣзываютъ себѣ часть уха, стригутъ кругомъ волосы, дѣлаютъ себѣ на рукахъ порѣзы, расцарапываютъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалываютъ стрѣлами». Все это продѣлывала каждая подвластная скифамъ народность. Когда же, обойдя съ царскимъ трупомъ всѣ народы, скифы являлись въ Герры, гдѣ были гробницы царей, то тутъ производились уже самыя похороны. Здѣсь трупъ клали на соломенную подстилку, по обѣимъ сторонамъ его вбивали колья, на нихъ клали брусья и все покрывали рогожей. Сюда же вмѣстѣ съ царемъ клали одну изъ наложницъ, виночерпія, повара, конюха, приближеннаго слугу и вѣстовщика, предварительно удушивши ихъ, а также лошадей, первенцовъ всякаго скота и золотыя чаши. И надъ всѣмъ этимъ насыпали земляную насыпь, заботясь о томъ, чтобы она вышла возможно больше.

Черезъ годъ надъ царской могилой устраивалась ужасная тризна. Убивали обыкновенно пятьдесятъ скифовъ, угодныхъ царю, и пятьдесятъ наилучшихъ лошадей. Удавивши тѣхъ и другихъ, вынимали изъ нихъ внутренности и, наполнивши отрубями, зашивали. Затѣмъ лошадей укрѣпляли на особыхъ подставкахъ, такъ, что обѣ пары ногъ свѣшивались внизъ и не доставали земли, а на трупы лошадей сажали трупы задушенныхъ пятидесяти юношей, вбивши колъ нижнею частью въ лошадь, а верхнею въ трупъ юноши вдоль спиннаго хребта до шеи. Раставивши вокругъ могилы царя этихъ мертвыхъ всадниковъ, скифы расходились по домамъ.

Какими-то невозможными вымыслами и сказочными аномаліями вѣетъ отъ разсказовъ несомнѣнно правдиваго историка. Хотѣлось бы думать, что Геродотъ былъ введенъ въ заблужденіе другими и наложилъ слишкомъ густыя краски на явленія не столь ужасныя. Но къ стыду человѣчества, надо сказать, что описанные Геродотомъ погребальные обычаи —суровая правда. Раскопками скифскихъ кургановъ подтверждаются разсказы Геродота. Въ кубанскихъ могильникахъ

обнаружена обстановка царственныхъ погребенiй съ убитыми или удушенными лошадями. Въ центрѣ, въ особо устроенномъ деревянномъ сооруженiи, погребались трупы, и внѣ этой гробницы хвостами къ ней расположены лошади. Все это засыпалось землею въ видѣ кургана. Были ли при этомъ убиты и погребены, кромѣ лошадей, и всадники, или же въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто видоизмѣненный, нѣсколько облагороженный обычай, трудно сказать; но въ другихъ мѣстахъ и могильникахъ обнаружены слѣды погребенiй мертвецовъ съ рабами, прислужниками, воинами и вообще заживо погребенными подначальными лицами. Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ царями и господами скифы отправляли на тотъ свѣтъ и живыхъ людей.

Таковы были военные и погребальные обычаи, такова и религiя, которой освящались эти обычаи. Изъ божествъ скифы почитали, по словамъ Геродота, „выше всѣхъ прочихъ божествъ“ Гистiю или по скифски Табити, Зевса или по скифски Папая и Землю или Апи, а также Аполлона, Афродиту Уранiю, Геракла, Посейдона и Арея, называя, разумѣется, первыхъ трехъ своими скифскими именами Гойтосиръ, Аргимпаса и Фагимасара. Ни храмовъ божествамъ, ни кумировъ скифы не сооружали, за исключенiемъ бога войны Арея, кумиромъ котораго служилъ просто старинный желѣзный мечъ, водруженный на курганѣ. Въ жертву богамъ скифы приносили всякихъ домашнихъ животныхъ, преимущественно лошадей.

Тоже приносилось и Арею, но, кромѣ того, для меча Арея воздвигался курганъ изъ хвороста и земли и умерщвлялся каждый сотый мужчина изъ взятыхъ въ плѣнъ. Кровь этихъ плѣнниковъ возливалась на мечь, водруженный на курганѣ. Внизу же у кургана „всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ. Руки остаются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно“. Весьма возможно, что и трупы тѣхъ всадниковъ, о которыхъ шла рѣчь выше, «лежатъ отдѣльно».

По общимъ и неопредѣленнымъ указанiямъ древнихъ писателей, трудно уяснить формы правленiя и государственнаго устройства у скифскаго народа. У скифовъ были войска, военные предводители, цари и даже какiе-то царственные скифы. Скифы предпринимали отдаленные походы и облагали побѣжденныхъ данью. Они покорили малоазiатскiе народы и господствовали здѣсь, по свидѣтельству Геродота, 28 лѣтъ. Самое нашествiе скифовъ на Малую Азiю считалось въ свое время крупнымъ историческимъ событiемъ. Часть скифовъ входила въ составъ Босфорскаго царства, какъ подвластная

босфорскимъ царямъ. Но бывали случаи, когда скифы облагали данью босфоритянъ.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что скифы были многочисленный народъ, но не даетъ никакихъ указаній о формахъ управленія и государственной организаціи. Древніе скифы, по Геродоту, не имѣли ни городовъ, ни укрѣпленій, пропитаніе добывали себѣ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ. И жилища свои устраивали на повозкахъ. На повозкахъ, по образному выраженію Амміана Марцелина, скифы возили свое государство. Такимъ образомъ, при отсутствіи городовъ и укрѣпленій и при безпрерывныхъ коневыхъ передвиженіяхъ, это повозочное государство фактически не могло имѣть сколько-нибудь сложной организаціи и постоянныхъ государственныхъ учрежденій.

Скифскіе цари, надо полагать, сначала были просто военными предводителями. Ктисій Книдскій, современникъ философа Сократа, разсказываетъ, что когда, по приказанію персидскаго царя Дарія его Каппидокійскій сатрапъ захватилъ въ плѣнъ нѣсколько скифскихъ мужчинъ и женщинъ, то скифскій царь Скифавръ въ гнѣвѣ написалъ Дарію очень дерзкое письмо. Дарій отвѣчалъ тѣмъ же и двинулъ 800,000 войска противъ скифовъ. Цари послали другъ другу по луку. Лукъ скифскаго царя оказался крѣпче лука царя персидскаго. Подъ вліяніемъ этой неблагопріятной примѣты, Дарій, будто бы, бѣжалъ въ Азію, растерявши свои войска. Лукъ, очевидно, служилъ въ этомъ случаѣ символомъ военной власти и силы царя.

По разсказу другого писателя Ферикида Лерійскаго, жившаго въ V вѣкѣ до Р. Х., Дарію, двинувшемуся съ войсками на скифовъ, скифскій царь Иданей послалъ вмѣсто письма символическія предостереженія: мышь, лягушку, птицу, стрѣлу и плугъ. Тысяченачальникъ Дарія Оронтопачъ объяснилъ эти знаки въ смыслѣ готовности скифовъ подчиниться Дарію. Но грекъ Ксифодоръ истолковалъ символы такъ: если персы не взлетятъ вверхъ подобно птицамъ, не скроются въ землю подобно мышамъ, не погрузятся въ воду подобно лягушкамъ, то не избѣгнутъ скифскихъ стрѣлъ, потому что не владѣютъ ихъ землей. Въ этомъ случаѣ прерогативы царской власти какъ бы расширяются и царь является выразителемъ народной воли, хотя все тотъ же лукъ и стрѣлы, символы военной силы, должно вершить дѣло.

Скифскіе цари представляли какъ бы своего рода сословіе. Геродотъ говоритъ о цѣлой ихъ отрасли — о царскихъ скифахъ, жившихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ и имѣвшихъ свои земельныя владѣнія. По словамъ Аристотеля, «скифскіе цари отъ природы изнѣжены и отличаются отъ другихъ лю-

дей, какъ женщины отъ мужчинъ». Скифскіе цари въ качествѣ таковыхъ пользовались извѣстнымъ престижемъ у владѣтельныхъ особъ и самъ Митридатъ Великій, въ трудныхъ обстоятельствахъ, послалъ двухъ своихъ дочерей скифскимъ царямъ въ замужество, чтобы добыть себѣ въ лицѣ ихъ сильныхъ союзниковъ. Цари, слѣдовательно, составляли своего рода бѣлую кость въ общей массѣ скифскаго населенія. Это несомнѣнно были выдѣлившіеся въ особую группу, сильные и вліятельные родовичи, что могло произойти естественнымъ путемъ.

Плутархъ передаетъ, что царь Скилуръ оставилъ послѣ себя восемьдесятъ сыновей потомства. Передъ своею смертью онъ созвалъ ихъ всѣхъ, показалъ связку дротиковъ и велѣлъ переломить ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ этого сдѣлать. Тогда Скилуръ взялъ связку и, вынимая изъ нея по дротику, ломалъ ихъ по одиночкѣ. Такъ и васъ, символически пояснилъ царь, всѣхъ сломятъ по одиночкѣ, если вы будете не дружны и враждебны другъ къ другу, при единеніи же, въ одной связкѣ, останетесь сильными и независимыми.

Въ этой легендѣ на лицо всѣ признаки родоваго быта и патріархъ Скилуръ, и многочисленное, въ 80 человѣкъ потомство, у которыхъ также были жены и дѣти, и символическое выраженіе родового начала, и завѣтъ вліятельнаго родоначальника, уходившаго на тотъ свѣтъ. Въ ту пору несомнѣнно вся жизнь держалась на родовомъ началѣ и дѣленіе скифовъ на отдѣльныя народности подъ разными наименованіями въ своей основѣ было дѣленіемъ на обособленные роды. Позже, когда сильно измѣнился родовой бытъ, измѣнилось и положеніе царственнаго рода. Представители рода изъ военоначальниковъ обратились въ царей съ болѣе полною властью.

Точно также и скифское войско не носило характера постояннаго войска въ нашемъ смыслѣ. Воинами въ ту пору были всѣ скифы, способные владѣть оружіемъ и ѣздить на конѣ. Древніе писатели въ одинъ голосъ утверждаютъ, что скифы были превосходные воины и отличные наѣздники.

По словамъ Евстафія, самыми искусными стрѣлками изъ лука между скифами Эсхилъ считалъ Аримасповъ, одноглазое войско. Скифскіе воины не только умѣли удачно убѣгать, отстрѣливаясь изъ луковъ, но и ходили въ отдаленные походы въ союзѣ съ другими народами или самостоятельно. Иногда они помогали въ войнѣ сосѣдямъ и играли роль наемнаго войска. Все это должно было способствовать выработкѣ извѣстной военной организаціи и пріемовъ.

По словамъ Арріана, скифы имѣли военные значки въ видѣ развѣвавшихся на шестахъ драконовъ. Такіе драконы

образные значки они сшивали изъ цвѣтныхъ лоскутковъ, причемъ всему тѣлу дракона отъ головы до хвоста они придавали подобіе змѣя, въ возможно страшномъ видѣ. Когда кони стояли смирно, значки имѣли видъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, свѣшивавшихся съ древка внизъ; при движеніи же лоскутки, надуваемые воздухомъ, становились похожими на драконовъ и наводили ужасъ на противника. По различнымъ значкамъ различались и отряды. Но все это вырабатывалось постепенно и было достояніемъ позднѣйшаго времени. Первоначально же у скифовъ войско и народъ было одно и тоже.

Древніе писатели почти совсѣмъ ничего не говорятъ о гражданскомъ управленіи и внутреннихъ распорядкахъ у скифовъ. Ни того, ни другого какъ бы не было у кочевого народа и, пожалуй, даже не требовалось. Зима или отсутствіе корма для скота и водопоевъ, съ одной стороны, и обиліе пастбищъ и воды, съ другой, двигали и направляли въ ту или другую сторону тѣ повозки, въ которыхъ перевозилось съ мѣста на мѣсто скифское государство. Въ зависимости отъ количества скота и кормовъ для него, повозочное государство дѣлилось на большія или меньшія группы, находившіяся въ различныхъ разстояніяхъ одна отъ другой по временамъ года или, правильнѣе, по пастбищнымъ сезонамъ — весеннему, лѣтнему, осеннему и зимнему. Раннею весною, когда кормовъ было мало, группы были болѣе мелки и дальше одна отъ другой отстояли, лѣтомъ, при обиліи кормовъ, группы соединялись, увеличивались и на лѣтнихъ стоянкахъ превращались въ многолюдныя сборища. Такъ ведутся перекочевки у современныхъ номадовъ. Тоже происходило и у древнихъ скифовъ.

Но какъ дѣленіе группъ, такъ и соединеніе ихъ одинаково регулировалось родовымъ началомъ. Во главѣ родовъ стояли старѣйшины, подобные тѣмъ, какіе встрѣчаются у кочевыхъ киргизъ подъ именемъ «аксакаловъ», т. е. бѣлобородыхъ, старшихъ въ родѣ и уважаемыхъ людей. Они, надо полагать, и вѣдали всѣ распорядки несложной жизни кочевника — назначали время ухода со стойбища, мѣста новыхъ стоянокъ и направленіе кочевого пути. Все остальное дѣлалось само собою, какъ въ разъ заведенной машинѣ — выпасъ скота, доеніе матокъ, приготовленіе молочныхъ скоповъ, добываніе шерсти, обдѣлка кожъ, и т. п. Каждая семья сосредоточивала все это у своей повозки. «У нихъ нѣтъ, говорить Гиппократъ, домовъ, а живутъ они въ кибиткахъ, изъ которыхъ наименьшія бываютъ четыреколесныя, а другія шести колесныя; они закрыты войлоками и устроены подобно домамъ, однѣ съ двумя, а другіе съ тремя отдѣленіями».

Тутъ въ этихъ домахъ—кибиткахъ совершались хозяйственныя операціи и внутренняя интимная жизнь. Что же касается правонарушеній противъ личности и собственности, то вѣдь скифы млекоѣды были справедливѣйшими людьми и недоразумѣнія устранялись старѣйшинами.

Такимъ образомъ, внутреніе порядки у скифовъ опредѣлялись общими условіями кочевой жизни и регулировались началами родового быта. Выше уже были отмѣчены нѣкоторые признаки родового быта. Такъ, у скифовъ всѣ считалися кровными родными—старшіе, какъ отцы, младшіе какъ сыновья и братья. Но такому родству были свойственны очень примитивныя формы семьи. На самомъ дѣлѣ, сарматиды, т. е. амазонки, съ именемъ которыхъ связывались коммунальные браки, были женами и дочерьми скифовъ. Древніе писатели котегорически утверждаютъ, что у скифовъ были общія жены. Каждый массагетъ, по свидѣтельству Страбона, бралъ одну жену, но по обычаю онъ могъ быть мужемъ и другихъ женъ. Для этого стоило только ему повѣсить свой лукъ у любой кибитки, гдѣ были женщины, и этимъ какъ бы освящались его права на супружскія отношенія. Дѣлалось это совершенно открыто. Тоже подтверждаютъ и другіе писатели. На это были несомнѣнныя формы пуналуальнаго брака.

Очень характерный случай, въ которомъ вылилась сила патріархальной власти мужчины въ семьѣ, передаетъ Геродотъ. Въ отсутствіе скифовъ, находившихся около 28 лѣтъ въ Малой Азіи, скифянки сошлись съ рабами и прижили съ ними дѣтей. Это молодое поколѣніе пыталось не пустить возвратившихся изъ Азіи скифовъ въ ихъ семьи и успѣшно противостояло старикамъ. Тогда послѣдніе бросили луки и пики и взяли въ руки кнуты, какъ наглядные признаки своей власти. Молодежъ покорилась. Такіе факты изъ брачныхъ отношеній и семейной жизни свидѣтельствуютъ о томъ, что у древнихъ скифовъ и родовое начало проявлялось въ самыхъ примитивныхъ формахъ.

Къ характернымъ признакамъ внутренняго быта скифской народности слѣдуетъ отнести и институтъ рабства. На ряду съ справедливѣйшими порядками идеальныхъ млекоѣдовъ превосходно уживалось рабство въ самыхъ тяжелыхъ его формахъ. Рабы не только несли тяжелыя работы, но и выполняли обязанности спутниковъ умершихъ скифовъ на тотъ свѣтъ; ихъ закапывали живыми или убитыми въ могильники господъ въ качествѣ прислуги. Раскопками скифскихъ могилъ и погребеній установлено, что вблизи костяковъ, перемѣшанныхъ съ золотыми сосудами, дорогими украшеніями и цѣнными предметами домашней обстановки, всегда находились скелеты безъ цѣнныхъ вещей и украшеній. Первые

были господами, вторые ихъ рабами. Кастовое дѣленіе вносилось и въ мѣста вѣчнаго успокоенія.

Тѣмъ не менѣе скифскіе нравы и обычаи, свойственные всѣмъ народамъ на низкихъ ступеняхъ развитія, отличаются своеобразными чертами патріархальности и коммунальнаго строя. Ихъ не могли затереть и уничтожить ни рабство, ни ужасные военные обычаи, ни мрачная обстановка варварскихъ погребеній. Скифы были единодушны и высоко цѣнили личную дружбу. Скифскій врачъ Таксаридъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, посѣтившій Грецію, какъ и знаменитый Анахорсидъ, съ цѣлью поучиться у грековъ философіи и ихъ наукамъ, такъ характеризовалъ скифское побратимство или дружбу: «Съ того времени, какъ мы, надрѣзавъ пальцы, накаплемъ крови въ чашу и, омочивъ въ ней концы мечей, отвѣдаемъ этой крови, взявшись вмѣстѣ за чашу, никто уже не можетъ разлучить насъ». Въ такіе тѣсные союзы разрѣшалось вступить не болѣе двумъ—тремъ лицамъ, такъ какъ имѣвшій многихъ друзей приравнивался у скифовъ къ публичнымъ женщинамъ. И разъ скифы заключили братскій союзъ, то они жертвовали за побратима или друга имуществомъ и жизнью.

Въ обычное время скифы придерживались слѣдующаго обыкновенія. Каждый скифъ передъ отходомъ ко сну, по разсказу Филарха, жившаго во второй половинѣ III в. до Р. Х., бросалъ въ колчанъ бѣлый камешекъ, если провелъ день безпечно, и черный, когда день былъ для него неудаченъ. При кончинѣ скифа торжественно вынимались камешки изъ колчана и сосчитывались. Если бѣлыхъ камешковъ оказывалось больше, чѣмъ черныхъ, то покойникъ прославлялся, какъ счастливецъ. Отсюда произошла поговорка: добрый день выходитъ изъ колчана.

Но особенно интересенъ былъ обычай обращенія за помощью. Скифъ, нуждавшійся въ помощи, приносилъ въ жертву быка и самъ садился на шкуру, а разрѣзанное на куски и сваренное мясо клалъ тутъ же. При этомъ онъ закладывалъ назадъ руки, точно они были связаны у него по локтямъ. Это считалось самою сильною мольбою. Родственники и друзья просителя подходили къ нему, брали кусокъ мяса и, ставши правою ногою на шкуру, обѣщали сообразно съ своими средствами, одинъ доставить пять всадниковъ на своихъ харчахъ, другой десять, третій еще больше, а бѣднякъ самого себя. Скоро собиралась цѣлая толпа. Изъ этой толпы образовывалась военная дружина, члены которой крѣпко стояли другъ за друга и были непобѣдимы, какъ связанные клятвою—стояніемъ одной ногой на шкурѣ.

Всѣ эти обычаи, оригинальные порядки и своеобразный строй всей жизни скифовъ относятся къ древнѣйшимъ временамъ. Позже, подъ вліяніемъ историческаго развитія, измѣнились условія жизни и сами скифы. Появились города и деревни, военные предводители обратились въ неограниченныхъ монарховъ, исчезли дикіе военные обычаи и ужасный ретуаръ обрядоваго погребенія, ослабѣли родовыя связи и преобразовалась старая патріархальная семья, и пр., пр. въ этомъ родѣ. Но отдѣльные эпизоды этой позднѣйшей исторіи скифскаго народа войдутъ потомъ въ соотвѣтственныя части нашего труда.

Намъ остается въ заключеніе установить общія и наиболѣе характерныя черты скифской народности и опредѣлить ея положеніе въ ряду другихъ историческихъ народовъ.

Скифы, какъ и киммеріяне, принадлежатъ къ самому древнему народу, имѣвшему отношеніе къ Кубанской области и южной Россіи.

Происхожденіе скифовъ и появленіе ихъ на югѣ Россіи и въ Кубанскихъ мѣстахъ точно не выяснено; но близость ихъ къ грекамъ, легендарные связи съ Зевсомъ и Геракломъ, греческія божества въ скифскихъ названіяхъ и пр. даютъ основанія для отнесенія ихъ къ одной родственной съ греками расѣ—къ арійцамъ.

Смѣшеніе положительныхъ и отрицательныхъ чертъ у однихъ и тѣхъ же скифовъ, справедливыхъ коммунальныхъ порядковъ и патріархальныхъ нравовъ съ ужасами войны и кровавыми обычаями погребеній объясняется какъ низкою степенью культуры, такъ и смѣшеніемъ въ общемъ лицѣ скифовъ различныхъ по степени развитія и по времени существованія народностей.

Скифскіе цари были сначала военоначальниками и только впослѣдствіи достигли полноты царской власти. Многочисленность отраслей скифской народности явилась результатомъ разростанія родовыхъ группъ, потомъ отнести смѣшенія ихъ съ другими народностями.

Какъ кочевой народъ, скифы не имѣли строго опредѣленной территоріи, хотя и кочевали въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Геродотова скифія составляла тоже часть этихъ мѣстностей, обнимавшихъ весь югъ Россіи до Волги и Каспійскаго моря и по ту сторону того и другого.

Хотя по роду занятій нѣкоторые писатели и дѣлили скифовъ на земледѣльцевъ и номадовъ, но преобладающимъ хозяйствомъ у всѣхъ скифовъ было кочевое скотоводство, и земледѣліе у отдѣльныхъ отраслей служило лишь подспорьемъ.

Политическое и государственное устройство скифовъ выражалось въ примитивныхъ формахъ и держалось на родовомъ бытѣ.

Скифы не имѣли постоянныхъ войскъ въ нашемъ смыслѣ, но, будучи всѣ воинами, выработали нѣкоторую технику и пріемы.

Внутренняя жизнь и порядки скифовъ регулировались также родовымъ началомъ.

Какъ формы родового быта, такъ и слѣды коммунальнаго и пуналуальнаго браковъ свидѣтельствуютъ о примитивной степени скифской культуры.

Вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдней и историческимъ ходомъ жизни измѣнились впослѣдствіи скифы, ихъ порядки, организація и управленіе.

Какое же однако мѣсто должно быть отведено скифамъ въ мѣстной Кавказской Исторіи?

Баронъ Усларъ посвятилъ нѣсколько блестящихъ страницъ выясненію этого вопроса въ своемъ трудѣ «Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ». По его мнѣнію, скифы—это библейскій народъ Гогъ и Магогъ. Іосифъ Флавій говоритъ, что народъ Магогъ у еллиновъ назывался скифами. Пророкъ Іезикіиль, говоря о нашествіи народа Гогъ на Азію изображаетъ тотъ самый путь, которымъ шли сюда скифы и называетъ бывшіе со скифами народы въ порядкѣ увлеченія ихъ скифами. За гогами шли Мосохъ и Фовелъ—народы кавказскіе, далѣе Фергама—народы араратскіе и малоазіатскіе, Гоммеръ—киммеріяне, Фарсъ—персы и мидяне и т. п. Самое нашествіе носило бурный, стихійный характеръ. Какъ знаменія небесныя или бѣдствія физическія, въ теченіе вѣковъ изъ за Кавказа не разъ врывались въ Азію несмѣтныя ополченія невѣдомыхъ народовъ, Гогъ и Магогъ, которыхъ призывалъ Господь устами пророка: «и поднимешься, какъ буря, пойдешь, какъ туча, чтобы покрыть землю!» Скифы покрывали свой путь ужасами грабежа и насилій.

Скифы были арійцы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего ихъ наружность. По Аристотелю скифы, какъ народъ сѣвера, имѣли гладкіе, мягкіе и длинные волосы, рыжеватые и тонкіе. Будины Геродота были бѣлокурые и голубоглазые Амміанъ Мерцелинъ, описавши видѣнныхъ имъ въ первый разъ гунновъ, какъ людей съ чудовищною наружностью и неслыханнымъ безобразіемъ, отзывается объ аланахъ, какъ о красивомъ, рословъ, бѣлокуромъ народѣ, съ гордымъ, а не свирѣпымъ взглядомъ. Но гунны были монголы, а аланы скифы. Нибуръ, а за нимъ цѣлый рядъ другихъ писателей, впалъ въ ошибку, считая скифовъ монголами. Ни монголами, ни тюрками скифы не могли быть по тому уже, что оби-

тали у насъ на Кавказѣ и въ южной Россіи, по крайней мѣрѣ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Хр. Между тѣмъ положительно доказано, что за два вѣка до Р. Хр. монгольскія и тюркскія племена скитались еще въ глубинѣ восточной Азіи и не доходили не только до Сыръ-Дарьи, но даже и до Иртыша. Стало быть, скифы въ отдаленной древности не только не принадлежали къ монгольскимъ или тюркимъ народностямъ, но и не имѣли никакого соприкосновенія съ ними.

Очевидно, монгольское происхожденіе скифовъ было обосновано не на фактахъ, а на предположеніи о нихъ, какъ о номадахъ. Номадами были монголы, тюрки и татары, къ номадамъ принадлежали и скифы, отсюда выводъ: слѣдовательно, и скифы были монгольскаго или тюркскаго происхожденія. Но номадами были также семиты, всѣ европейскіе народы, въ свое время даже наши казаки, а изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ они были монголы или тюрки. Каждая народность переживаетъ въ извѣстный историческій періодъ пастушескій образъ жизни, и эти историческія фазы пастушескаго строя поразительно однообразны у всѣхъ народовъ, къ какой бы расѣ они не принадлежали. Пережили такую фазу и скифы. Это историческій фактъ, и дальше этого нельзя было идти.

Сцена перевязки ноги, съ Кульобской вазы.

Благодаря археологіи, мы и теперь еще можемъ судить по наружности скифовъ о несомнѣнной принадлежности ихъ къ благородной Кавказской расѣ. Изображенія скифовъ на

Кульобской и другихъ вазахъ поразительно напоминаютъ славянскій типъ или пожалуй даже великорусскія лица. Какъ можно судить по прилагаемымъ рисункамъ, скифы имѣли продолговатое лицо съ чисторусскимъ оваломъ, бородой и длинными волосами. Кожаные штаны и короткій камзолъ, иногда съ подвернутыми полами, какъ двѣ капли воды, похожи на «иршаные» штаны и бешметы черноморскихъ табунщиковъ казаковъ за тѣ недавнія времена, когда существовало еще на Кубани табунное коневодство. Позы и постановки фигуръ совѣщающихся скифовъ и скифа выдергивающаго зубъ, какъ бы взяты изъ обыденной жизни недалекаго прошлаго у русскаго населенія.

Военный совѣтъ, съ Кульобской вазы.

Усларъ вполнѣ основательно находитъ сходство между скифами, съ одной стороны, и славянами и германцами, съ другой. Да и на самомъ дѣлѣ, скифы извѣстны были подъ именемъ кельто-скифовъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Страбонъ и другіе писатели.

Наконецъ, и данными лингвистики подтверждается принадлежность скифовъ къ арійской расѣ. Большая часть скифскихъ названій безъ труда объясняется съ помощію зендскаго и санскритскаго языка, а эти именно языки ближе всего стоятъ къ славянскому и греческому языкамъ. Имена скифскихъ боговъ, богинь, царей и царицъ не заимствованы изъ зендскаго языка, но объясняются съ помощью его.

Принадлежность къ арійской расѣ скифовъ и киммерій-

цевъ, составлявшихъ въ раннюю пору своего существованія одну народность, представляетъ крупный историческій фактъ для мѣстной исторіи. На почвѣ мифовъ и древнихъ преданій скифо-киммеры тѣсно связаны съ Кавказомъ и греками,

Зубной врачъ, съ Кульобской вазы.

также отраслью арійцевъ. Усларъ далъ цѣлый рядъ соображеній, подтверждающихъ эту связь и заставляющихъ думать, что арійцы были вообще аборигенами Кавказа. „Кавказскія горы, говоритъ Усларъ, населялись съ равнинъ и преимущественно съ сѣвера; древнѣйшими обитателями на Кавказѣ были, вѣроятно, доисторическіе аборигены Европы, теперь уже совершенно исчезнувшіе на равнинахъ". Но если арійцы были древнѣйшіе засельщики Кавказа, то извѣстной части ихъ незачѣмъ было подниматься изъ равнинъ въ горы. Они могли быть, если не въ горахъ, то на такихъ склонахъ ихъ, какъ Эльбрусскій контрфорсъ.

Другого рода факты логически ведутъ къ установленію актовъ схода съ Кавказскихъ горъ арійцевъ въ Азію, а не наоборотъ. Девкаліонъ, сынъ Прометея, перебрался съ Кавказа въ Грецію. Народъ Гомеръ или киммеріяне спускался съ Кавказа въ Малую Азію. Народъ Гогъ, какъ ураганъ срывался съ кавказскихъ горъ и производилъ опустошенія на югѣ, въ Малой Азіи. „Есть, по словамъ Услара, много обстоятельствъ, заставляющихъ думать, что еще во времена недоступныя для исторіи, происходили частыя вторженія

сѣверныхъ европейскихъ народовъ въ Азію и что слѣды ихъ не совсѣмъ изгладились тамъ".

И внѣ Кавказа арійцы держались въ своихъ движеніяхъ того же направленія съ сѣвера на югъ. Славяне передвинулись съ сѣвера къ югу на Балканскій полуостровъ. Греки, послѣ того такъ ихъ мифическіе прародители спустились съ Кавказа въ Грецію, подвинулись отсюда еще южнѣе въ Малую Азію. Туда же вторгались и кельты.

Такимъ образомъ, арійцамъ какъ бы свойственна была своего рода тенденція движеній съ сѣвера на югъ, изъ Европы въ Азію. При наличности цѣлаго ряда фактовъ этого рода, Кавказъ служилъ мѣстомъ, откуда эти движенія совершались, такъ сказать, въ силу естественныхъ условій. Арійцамъ, жившимъ на Кавказѣ и знавшимъ его, легче и сподручнѣе было уходить съ него въ Малую Азію, чѣмъ малоазіатскимъ народностямъ восходить и проникать въ малодоступныя и неизвѣстныя его дебри. „Нѣтъ ни малѣйшаго повода, говоритъ Усларъ, думать, будто бы Кавказскій перешеекъ служилъ когда-либо путемъ населенія Европы изъ Азіи. Напротивъ, все въ совокупности дѣлаетъ предположеніе это въ высшей степени не правдоподобнымъ". Кавказъ служилъ препоной для передвиженія народовъ изъ Азіи въ Европу, да и самыя эти передвиженія изъ теплыхъ странъ въ холодныя являются нелѣпостью. „Слѣды прохода кельтовъ, германцевъ и славянъ, разсуждаетъ Усларъ, отпечатлѣлись бы навсегда на почвѣ Закавказья и Анатоліи, если бы племена эти прошли черезъ означенныя страны въ Еропу. Простымъ разселеніемъ невозможно объяснить перехода арійцевъ изъ теплыхъ, щедро одаренныхъ всѣми естественными благами земель въ Европу, гдѣ человѣку предстояла долгая борьба съ непривѣтливой, негостепріимной природой". Однимъ словомъ, арійцамъ не было ни возможности, ни надобности передвигаться изъ Азіи въ Европу. Съ другой стороны, исторически извѣстно, что частыя движенія арійцевъ происходили въ обратномъ направленіи.

Казалось бы, что, при наличности этихъ двухъ обстоятельствъ, Услару оставалось сдѣлать тотъ общій выводъ, что Кавказъ служилъ если не колыбелью арійцевъ, то особенностями своего историческаго прошлаго логически ведетъ къ постановкѣ этого вопроса. Но Усларъ слѣпо вѣрилъ въ ни на чемъ не основанное предположеніе о выходѣ арійцевъ изъ Бактріаны и о разселеніи ихъ отсюда по Еропѣ. Высказавъ цѣлый рядъ приведенныхъ выше сильныхъ доводовъ противъ этого предположенія, Усларъ не замѣтно для себя насилуетъ нѣкоторые другіе факты, служащіе какъ бы до-

полненіемъ къ его доводамъ о Кавказѣ, дававшемъ арійцевъ Азіи, но не принимавшемъ ихъ изъ нея.

Такъ, указывая на то, что Авраамъ, за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Хр., выручивъ вооруженною рукой изъ бѣды своего племянника Лота отъ царей, у которыхъ оказались арійскіе имена,—Усларъ сдѣлалъ предположеніе, что арійцы напали на Лота съ востока, двинувшись отъ Бактріаны къ западу, и какъ бы забывъ при этомъ яркіе факты стремительныхъ набѣговъ арійцевъ съ Кавказа на Малую Азію.

Страбонъ два раза повторилъ старинное преданіе о томъ, что армяне, принадлежавшіе къ арійцамъ, были выходцами изъ Фессаліи и носили даже въ его времена фессалійскую одежду. По мнѣнію древнихъ грековъ, поэтому армяне были европейскаго происхожденія и пришли въ свою страну съ запада. Фактъ однохарактерный съ приведенными выше. Такъ онъ и толкуется нѣкоторыми лингвистами. Но Усларъ нашелъ во мнѣніи древнихъ грековъ одно легкомысліе.

„Характеристическія примѣты Кумеру и Куверы индусовъ, говоритъ Усларъ, равно какъ и греческихъ киммеріянъ совершенно тождественны“. Выводъ отсюда ясенъ: слѣдовательно, индійцы должны были выдти изъ Кавказа, гдѣ они знали киммеріянъ и унести съ собою воспоминанія о нихъ. Но Усларъ предполагаетъ, что подъ Куверой индійцы разумѣли не киммеровъ, а „по всей вѣроятности“ кого либо въ Сибири.

Разъ ставши на ту точку зрѣнія, что индійцы, какъ одна изъ отраслей обширной семьи арійцевъ, вышли изъ Европы въ Индію, легко объяснить многіе другіе факты, не укладывающіеся въ рамки предположенія о выходѣ арійцевъ изъ Бактріаны. Услара поразили древнѣйшія географическія названія окрестностей Меотики изумительнымъ сходствомъ съ такими же названіями, встрѣчающимися въ Индустанѣ. Въ отдаленномъ югѣ Азіи находится страна Индія, а въ устьяхъ Кубани была мѣстность Синдика или Индика. Гипанисомъ на Кавказѣ называлась Кубань, а на азіатскомъ югѣ Гипанисомъ называлcя притокъ Инда. Такія же совпаденія оказались въ названіяхъ Фанагоріи и Короконд амы. Можно сказать, что это случайныя совпаденія, но разъ дѣло идетъ о заимствованіи названій изъ другихъ мѣстъ, то несомнѣнно, что индійскіе арійцы, отдѣлившись отъ европейскихъ, занесли съ собою названія мѣстностей рѣкъ и пр. съ Кавказа въ Индію. Самая Меотика получила свое названіе по имени древне-арійскаго божества Маіа, Великая Матерь или Питательница. Такъ греки и считали Меотійское болото Матерью Понта, питавшей и наполнявшей его своими водами черезъ Босфорскій проливъ. Наконецъ, и самое названіе Кавказъ

арійскаго происхожденія. Первый слогъ въ этомъ словѣ кафъ, кохъ или хохъ означаетъ гору.

Итакъ, Кавказъ—арійская мѣстность. Тутъ сохранился цѣлый рядъ названій древне-арійскаго языка. Здѣсь жили, какъ аборигены, киммеры-арійцы и скифы-арійцы. Сюда изъ Азіи не могли приходить и не приходили арійцы, но съ Кавказа арійцы неоднократно проникали въ Азію. Если съ этимъ сопоставить мифъ о Прометеѣ, прародителѣ грековъ-арійцевъ, находившихся въ свою очередь въ родственныхъ связяхъ съ скифами-арійцами черезъ Геркулеса и самого Зевса, то невольно приходятъ на мысль старыя ходячія представленія о томъ, что Кавказская раса была праматерью всѣхъ народностей, отнесенныхъ въ эту группу, и что Кавказъ былъ колыбелью этой расы. Какъ извѣстно, въ послѣднее время это исторически сложившееся мнѣніе было отвергнуто.

Рудольфъ Вирховъ, а за нимъ, какъ за крупнымъ авторитетомъ, и многіе другіе ученые утверждаютъ, что Кавказъ не былъ колыбелью человѣчества. Мимо него какъ бы просачивалась цѣлая масса народовъ и многіе изъ нихъ давали Кавказу небольшіе осадки. Но это опять таки только мнѣніе, которое нужно фактически доказать.

Между тѣмъ едва-ли можно отрицать, что аборигенами Кавказа были арійцы, что мифъ о Прометеѣ и другія сказанія указываютъ на тяготѣніе къ Кавказу арійцевъ съ самой глубокой древности, что присутствіе на Сѣверномъ Кавказѣ первобытнаго человѣка, оставившаго послѣ себя многочисленные мегалитическіе памятники, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и что изслѣдованія о присутствіи на томъ же Сѣверномъ Кавказѣ дилювіальнаго человѣка не начаты и не производились еще. При такомъ положеніи вопроса объ отдѣльныхъ моментахъ Кавказской предъисторіи, нельзя ни согласиться съ Вирховымъ, ни дѣлать какихъ-либо другихъ рискованныхъ предположеній.

Но задача мѣстной предъисторіи ясна: мифами и всѣмъ комплексомъ доисторическихъ свѣдѣній на первый планъ выдвигаются главнымъ образомъ изслѣдованія по доисторической археологіи Сѣвернаго Кавказа въ связи съ его палеонтологіей, лингвистикой и антропологіей. Только добытыя на почвѣ этихъ научныхъ дисциплинъ данныя укажутъ, правъ ли Р. Вирховъ, или же, если не колыбель арійцевъ, то отдѣленіе ея на Кавказѣ дѣйствительно существовало.

А пока оставаясь на почвѣ предположеній, обоснованныхъ на матеріалахъ трехъ главъ, можно нарисовать слѣдующую общую перспективу Кавказской предъисторіи. Сначала на Сѣверномъ Кавказѣ появились первобытные люди, а по-

томъ, размножившись, они образовали древнѣйшіе народы. Прометей и людоѣды были первобытными представителями человѣчества, строители дольменовъ, киммеріяне и скифы представляютъ собою древнѣйшіе народы. Эти первые засельщики Кубанской области были арійцы, самая энергичная и богатая творческою дѣятельностью раса. Отъ нея произошла и часть тѣхъ народовъ, исторія которыхъ будетъ изложена въ послѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА IV.

Босфорское царство.

Скифы покорили киммерійскія страны въ VII вѣкѣ до Р. Х., а въ слѣдующемъ VI столѣтіи Іонійскіе греки, выходцы изъ г. Милета основали на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря цѣлый рядъ колоній, городовъ и факторій. Полагаютъ, что первые шаги въ этомъ отношеніи были сдѣланы греками около 545 года до Р. Х., спустя 60 лѣтъ послѣ того, какъ возвратились скифы изъ Азіи. Такъ, вблизи нынѣшняго Севастополя возникъ Херсонесъ, въ устьяхъ р.р. Днѣпра и Буга—Ольвія, на Таврическомъ берегу Керченскаго пролива Пантикапея. Въ предѣлахъ Кубанской области основана была на Таманскомъ полуостровѣ: Фанагорія, Кепы, Гермонасса, Горгиппія, Киммеріонъ, Ахилеумъ, Петреусъ и Корокондама. Въ устьяхъ Дона построенъ былъ городъ Танаисъ, вблизи нынѣшней Анапы Синды, на мѣстѣ Новороссійска Баты, а въ бухтѣ Геленджикской Торикъ. Всѣ эти города и колоніи, за исключеніемъ Ольвіи, вошли потомъ въ составъ Босфорскаго царства — одни ранѣе, другіе позже, какъ не одновременно они и возникли.

О Босфорскомъ царствѣ составилась довольно обширная литература. Исторіею этого царства занимались какъ иностранные, такъ и русскіе ученые. Французы, англичане и нѣмцы были нашими учителями въ этомъ отношеніи и, надо сознаться, дали превосходные уроки разумнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Иностранцы первые обратили вниманіе на историческія свѣдѣнія о Босфорскомъ царствѣ, заключавшіяся въ трудахъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей. Иностраннымъ же ученымъ принадлежатъ первыя попытки серьезной разработки матеріаловъ, добытыхъ путемъ изслѣдованія босфорскихъ памятниковъ.

Изслѣдованіе босфорскихъ памятниковъ имѣетъ свою краткую, но поучительную исторію. Первыя раскопки на Таманскомъ полуостровѣ были произведены въ концѣ XVII столѣтія начальникомъ инженеровъ въ Тамани генераломъ Вандервейде. Возлѣ станціи Сѣнной въ курганѣ генералъ открылъ замѣчательную гробницу, съ каменною изъ керченскаго известняка кладкою. Въ превосходно устроенномъ склепѣ видимо хранились богатѣйшіе по цѣнности и научному значенію памятники прошлаго. Потому ли, что нѣмецкій генералъ былъ на русской службѣ и заразился русскою небрежностью, или же по роковой случайности, но результаты раскопки оказались самыми плачевными. Солдаты, производившіе раскопки по распоряженію генерала, покрали все, что признали цѣннымъ, какъ напр. золотыя вещи и издѣлія, и чтобы скрыть слѣды расхищенія богатѣйшей гробницы, варварски уничтожили все то, что сочли неважнымъ. Въ числѣ этихъ неважныхъ вещей оказались мелкія части и черепки отъ великолѣпныхъ греческихъ вазъ. Генералу достался только порученъ или поножа изъ чистаго массивнаго золота, отосланный въ Петербургъ. Были также указанія, что изъ украденныхъ вещей солдаты перепродали нѣсколько черныхъ вазъ съ орнаментами. Превосходно выполненные своды, колонны, пилястры и др. части гробницы указывали на то, что гробница принадлежала какому-то важному лицу или даже царю. Дюбуа полагалъ, что это была гробница времени завоеванія края римлянами.

Вторая археологическая находка была сдѣлана академикомъ Келлеромъ въ 1804 году. Путешествуя по Таманскому полуострову, этотъ ученый археологъ совершенно случайно нашелъ на берегу Ахтанизовскаго лимана, у Рохмановскаго мыса, двѣ статуи безъ головъ изъ песчаника и на нихъ надпись: «Комосарія, дочь Горгиппія и супруга Перисада, воздвигла по обѣту этотъ памятникъ могущественнѣйшимъ божествамъ Санергу и Астартѣ, при архонтѣ Воспора и Феодосіи Перисадѣ, царѣ Синдовъ, всѣхъ Меотовъ и Фатеевъ».

Такимъ образомъ, сама исторія въ видѣ обильно разсѣянныхъ по Таманскому полуострову памятниковъ, такъ сказать, лѣзла въ глаза изслѣдователю. Въ короткой надписи кромѣ династическихъ данныхъ, оказались свѣдѣнія о религіозномъ культѣ босфорскихъ царей, объ отношеніи ихъ, какъ архонтовъ, правителей, къ греческимъ колоніямъ, и какъ монарховъ, царей, къ мѣстнымъ подчиненнымъ народностямъ, а также указанія на племенныя подраздѣленія этихъ послѣднихъ.

Постоянныя раскопки на Тамани начались съ 1836 года. Ихъ вели въ теченіе многихъ лѣтъ А. Б. Ашикъ и Д. В.

Карейша. Первый былъ директоромъ Керченскаго музея, а второй чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находились археологическія изслѣдованія России и Керченскій музей. Оба эти оффиціальные изслѣдователи оставили замѣтные слѣды въ археологіи Таманскаго полуострова, въ особенности Ашикъ, которому принадлежитъ обстоятельный трудъ «Босфорское царство» въ трехъ частяхъ съ массою гравюръ и снимковъ съ керченскихъ и таманскихъ древностей.

Къ сожалѣнію, какъ чиновники, оба производили, по свидѣтельству К. К. Герца, раскопки «небрежно» и поверхностно. Ашикъ самъ въ своемъ сочиненіи «Босфорское царство» упоминаетъ, что многія раскопки онъ началъ и бросилъ неоконченными. Изъ распроса рабочихъ, производившихъ раскопки у Ашика, Герцъ узналъ, что самъ Ашикъ, родомъ грекъ, жилъ въ Керчи, а работы по раскопкамъ велъ какой-то молодой человѣкъ также родомъ грекъ. Раскопки велись кое какъ, гонялись главнымъ образомъ за золотомъ. Одинъ курганъ начали копать сверху, сводъ рухнулъ, при чемъ «деревяный саркофагъ съ позолотою, металлическія вазы, золотыя вещи—все было раздавлено и разбито въ куски». Ашикъ проѣздомъ быстро осматривалъ раскопки и удалялся въ Керчь. При Ашикѣ, говоритъ Герцъ, «иногда найденные предметы направляли свой путь въ заграничные музеи».

«О дѣйствіяхъ Карейши, говоритъ Герцъ, разсказы еще безотраднѣе». Ни Ашикъ, ни Карейша не давали надлежащихъ отчетовъ о своихъ раскопкахъ; первый представилъ лишь одинъ отчетъ, а второй ограничивался самыми краткими.

Болѣе правильныя и систематическія изслѣдованія таманскихъ древностей начались при графѣ Л. А. Перовскомъ, сначала министрѣ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ министрѣ удѣловъ. Будучи самъ археологомъ, графъ тратилъ собственныя средства на раскопки. Послѣ, получивши въ вѣдѣніе археологические памятники по всей Россіи, Перовскій употреблялъ для тѣхъ же цѣлей казенныя средства. Онъ самъ лично посѣщалъ мѣста раскопокъ, велъ переписку и подбиралъ подходящихъ для дѣла людей. Съ этою же цѣлью онъ посѣтилъ Тамань, осмотрѣлъ различныя ея мѣста и намѣтилъ работы, которыя и поручилъ произвести К. Р. Бѣгичеву, помощнику директора Керченскаго музея. Въ 1852 году Перовскій послалъ на Таманскій полуостровъ двухъ специалистовъ археологіи Н. И. Надеждина и нумизмата князя А. А. Сибирскаго. Въ этомъ же году при раскопкахъ были найдены человѣческие скелеты съ костями лошадей и, та-

кимъ образомъ, установленъ былъ погребальный обрядъ скифовъ. Въ одномъ изъ кургановъ княземъ Сибирскимъ найдена была масса статуэтокъ и др. изящныхъ вещей греческой работы за періодъ наибольшаго процвѣтанія греческихъ искусствъ. Въ 1853 г., по желанію графа Перовскаго, были сдѣланы раскопки кургановъ на полуостровѣ Фонтанъ Я. М. Лазаревскимъ.

Позже раскопки на Тамани производились директоромъ Керченскаго музея А. Е. Люценко и археологомъ В. Г. Тизенгаузеномъ. Оба изслѣдователя, особенно второй, добыли массу интересныхъ матеріаловъ изъ прошлаго Босфорскаго царства.

Наконецъ, К. К. Герцъ, написавшій наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе «Археологическая топографія Таманскаго полуострова», также лично и всесторонне ознакомился на мѣстѣ съ топографическими особенностями Таманскаго полуострова и его историческими памятниками.

Всѣми вообще безъ исключенія изслѣдователями установленъ одинъ и тотъ же фактъ возмутительнѣйшаго расхищенія историческихъ памятниковъ. Обворовывали могильники въ древнія времена, нарушали покой мертвецовъ съ тѣми же цѣлями послѣдующія поколѣнія, продолжаютъ расхищать археологическія сокровища въ наше время. Съ глубокой древности сохранились еще траншеи, указывающія на то, что древніе хищники хорошо знали, гдѣ хранились сокровища, и дѣйствовали на вѣрняка, по живымъ слѣдамъ. Едва успѣвали схоронить покойника, какъ воры и обиралы надругались надъ его трупомъ и народною святыней. Позже мусульмане отбивали головы у античныхъ статуй и портили ихъ, въ силу религіознаго долга; то же дѣлали и по тѣмъ же побужденіямъ и христіане. Особенно же усилилось расхищеніе и истребленіе памятниковъ древности въ наше время Алчность и невѣжество вылились въ особый промыселъ тайнаго, воровскаго раскапыванія кургановъ и расхищенія ихъ сокровищъ.

Иногда уничтожались и портились историческіе памятники въ силу просто какого-то безотчетнаго, тупого невѣжества и дикой страсти къ разрушенію. Въ одномъ изъ кургановъ возлѣ станціи Сѣнной найденъ былъ превосходной работы мраморный саркофагъ, но К. Р. Бѣгичевъ, не могъ вытащить его на верхъ через отверстіе вершины раскопаннаго кургана. Пока онъ выжидалъ благопріятной погоды для этого, явились черноморскіе парни и разбили саркофагъ на мелкіе куски.

Бывали, наконецъ, единичные случаи особенно заботливаго отношенія къ обнаруженію памятниковъ старины. Та-

ковы были такъ называемыя пуленцовскія разысканія. Шестьнадцатилѣтнему религіозно-настроенному казаку Тараненко приснился сонъ о кладѣ. Объ этомъ узналъ есаулъ Пуленцовъ и, какъ человѣкъ религіозный, увидѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всю почти свою жизнь онъ посвятилъ на отысканіе этого клада, истративши на это большую часть своего имущества безъ какихъ-либо корыстныхъ цѣлей.

Не смотря, однако, на вѣками сложившійся вандализмъ, расхищеніе и истребленіе лучшихъ памятниковъ древности, Таманскій и Керченскій полуострова дали богатые археологическіе матеріалы главнымъ образомъ по исторіи Босфорскаго царства.

Піонерами были французскіе ученые, занявшіеся этими матеріалами и возсозданіемъ исторіи Босфорскаго царства. Первымъ по времени солиднымъ трудомъ въ этой области были работы Вальяна. Послѣ него занимались исторіею Босфора де-Бозъ, Сусье и Кари. Въ своемъ трудѣ, напечатанномъ въ 1725 году въ VI т. мемуаровъ Королевской Академіи, де-Бозъ сгруппировалъ историческія свидѣтельства древнихъ писателей о Босфорскомъ царствѣ. Въ 1736 году Сусье напечаталъ исторію хронологіи царей Босфора Киммерійскаго. А въ 1752 году Кари далъ свѣдѣнія по нумизматикѣ Босфора. Около того же времени и по тому же предмету вышелъ трудъ Фрелиха. Въ концѣ XVII столѣтія явились труды Сестини и Тодуара по исторіи Босфорскаго царства. Эккель, основатель нумизматики, во второмъ томѣ своего капитальнаго сочиненія Doctrina, изданномъ въ 1794 году, въ числѣ другихъ монетъ описалъ и немногія извѣстныя ему босфорскія монеты.

Въ томъ же XVII столѣтіи и началѣ слѣдующаго, на Таманскомъ полуостровѣ были осмотрѣны и описаны историческіе памятники Босфорскаго царства путешественниками англичаниномъ Кларкъ, англичанкой Гютри, французами Рельи, Любуа-де-Монпере и др. Еще позже появились болѣе обстоятельныя работы по изслѣдованію Босфорскихъ памятниковъ Стемковскаго и Бларамберга, русскихъ ученыхъ. Пользуясь всѣми этими трудами, парижскій археологъ Рауль Рошеттъ написалъ первое ученое сочиненіе о Босфорѣ.

Изъ послѣдующихъ ученыхъ русскій академикъ Келлеръ болѣе критиковалъ другихъ, чѣмъ самъ давалъ изслѣдованія, обнаруживая не столько ученаго изслѣдователя, внесшаго новые вклады въ науку, сколько просто хорошаго знатока нумизматики. Больше далъ въ этомъ отношеніи другой русскій академикъ Кеппенъ. Очень важныя указанія сдѣлали въ своихъ сочиненіяхъ Беккъ, Висконти и Міонне, послѣдній по нумизматикѣ. Одну изъ наиболѣе обстоятельныхъ

работъ по этому предмету далъ Ленорманъ. Въ Россіи, послѣ Келлера, занимались изслѣдованіями Босфорскаго царства Спасскій, Ашикъ и Сабатье, а далеко раньше ихъ академикъ Палласъ. Въ 1853 году «О генеалогіи и монетахъ Спартокидовъ» напечаталъ въ III томѣ «Записокъ» Одесскаго общества исторіи и древностей В. Кене. Въ этомъ же трудѣ Кене далъ общій обзоръ литературныхъ источниковъ о Босфорскомъ царствѣ.

Но особенно выдающіеся труды по Босфорскому царству принадлежатъ русскому ученому К. Герцу. Его «Археологическая топографія Таманскаго полуострова» представляетъ капитальный трудъ по этому предмету. А «историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII столѣтія и до 1859 года» вмѣстѣ съ тремя частями труда Антона Ашика «Босфорское царство» заключаютъ въ себѣ важнѣйшіе источники по исторіи Босфорскаго царства. Изъ мѣстныхъ изслѣдователей обстоятельную работу по географіи Таманскаго полуострова напечаталъ въ т. 11 «Кубанскаго Сборника» М. О. Поночевный. Основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ Страбона и указаніяхъ Герца и Бруна, Поночевный, какъ мѣстный житель, прекрасно знакомый съ роднымъ краемъ, далъ подробную и вѣскую критику предположеній разныхъ ученыхъ относительно древней географіи Таманскаго полуострова.

Босфорское царство состояло изъ двухъ частей—европейской и азіатской. Такъ какъ по тогдашнему дѣленію грековъ, Европою считались земли, граничившія съ Меотидою или Азовскимъ моремъ и Танаисомъ или Дономъ, то все, что лежало съ востока по другую сторону этихъ границъ, считалось уже Азіею. Такимъ образомъ, Таврическій полуостровъ попалъ въ Европу, а нынѣшняя Кубанская область въ Азію, и въ первой мѣстности были европейская часть Босфорскаго царства, а во второй азіатская. Для насъ важны свѣдѣнія главнымъ образомъ о послѣдней, а свѣдѣнія по европейскому Босфору лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для уясненія связи обѣихъ частей.

Установить размѣры и границы Босфорскаго царства не представляется возможнымъ. Во первыхъ границы и размѣры царства мѣнялись въ разныя времена при различныхъ правителяхъ. Во вторыхъ, въ составъ царства входили народы, привыкшіе къ кочевому скотоводческому хозяйству, а у номадовъ границы владѣнія весьма растяжимы. Но такъ какъ всетаки есть указанія на входившіе въ составъ царства города и народы, то можно, слѣдовательно, установить мѣста наибольшаго напряженія государственнаго благоустройства.

По одной надписи, относящейся ко второй половинѣ IV вѣ. до Р. Хр., можно судить отчасти объ общихъ очертаніяхъ границъ Босфорскаго царства. Надпись гласитъ, что Перисадъ I, царь Босфорскій, управлялъ страною, лежавшею между вершинами Тавра и Кавказскихъ горъ. Судя по даннымъ о народахъ, входившихъ въ составъ Босфорскаго царства, границы вершинъ Тавра со стороны нынѣшней Керчи совпадали приблизительно съ Асандровымъ валомъ, сооруженнымъ еще киммерійцами и возобновленнымъ впослѣдствіи архонтомъ Босфора Асандромъ; валъ шелъ отъ нынѣшняго озера Акташъ-Алтчинъ до Азовскаго моря. На Кавказской же сторонѣ границы царства доходили съ юга до нынѣшней Анапы, а съ сѣвера до устьевъ Дона,

Такимъ образомъ, собственно въ Кубанской области Босфорское царство находилось на Таманскомъ полуостровѣ и занимало длинный придатокъ къ нему отъ Анапы до Азова, охватывая части уѣздовъ Темрюкскаго, Ейскаго и Ростовскаго на востокъ отъ Азовскаго моря. На всемъ этомъ протяженіи жили народы, входившіе въ составъ царства, но такими границы Босфорскаго царства были въ извѣстный моментъ. Въ другія времена онѣ мѣнялись, расширялись или съуживались. Неизмѣнную же часть составляли Таманскій полуостровъ и узкая полоса Азовскаго побережья, гдѣ кочевали меоты

Одинъ изъ изслѣдователей Таманскаго полуострова—археологъ К. Герцъ, обратилъ вниманіе на тѣсную связь археологіи полуострова съ геологіей его. Нынѣшній видъ мѣстности не похожъ на прежній, существовавшій на зарѣ исторіи, и чтобы правильно судить о событіяхъ того отдаленнаго времени, надо знать внѣшнюю физическую обстановку страны. По многимъ даннымъ, нынѣшняя Таманская мѣстность претерпѣла рядъ сильнѣйшихъ измѣненій. Измѣнились и рельефъ мѣстности, и очертанія береговъ, и гидрографическія условія, и внѣшнія покровы поверхности, и, быть можетъ, климатическія условія. И на такія измѣненія края вліяли какъ естественные законы, такъ и человѣкъ.

Нынѣшняя Кубанская дельта непохожа на ту, которая существовала во времена Страбона, Геродота и до нихъ. Въ однихъ своихъ частяхъ, гдѣ сложились высокіе крутые берега, область ея съузилась, вслѣдствіе размывки береговъ, въ другихъ, гдѣ преобладаютъ низменныя пространства, расширилась отъ наносовъ. Первое произошло въ проливѣ, второе главнымъ образомъ у Азовскаго побережья. Слѣды размывки моремъ и обвала крутыхъ береговъ можно наблюдать всюду, гдѣ находились раньше прибережные города. Часть площадей, бывшихъ надъ этими городами, давно уже находится

подъ водой, какъ объ этомъ можно судить по толстымъ наслоеніямъ остатковъ отъ жилищъ, обломковъ посуды, отбросовъ отъ кухни и пр., размываемыхъ прибоемъ морскихъ волнъ. Рѣчные наносы образуются въ теченіе ряда вѣковъ, что совершенно доступно для современнаго наблюдателя и о чемъ свидѣтельствуютъ 1) такъ называемые „пересыпы", т. е. низкія ложбины, которыми смыкаются нынѣ когда-то разъединенные водою берега, 2) наносные острова, 3) соленыя озера, бывшія раньше частями моря, 4) заболоченныя мѣста въ видѣ камышевыхъ плавень и т. п. Въ южной части Таманскаго полуострова у Бугазскаго лимана образовалось соленое озеро, имѣющее часть крутаго морского берега, гдѣ, по нѣкоторымъ предположеніямъ, существовала въ свое время Синдская гавань. По отдѣляющему это озеро отъ моря пересыпу и теперь еще, при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ или «морякѣ», перекатываются волны изъ моря въ озеро. Такимъ же путемъ, надо полагать, образовался цѣлый Курчанскій лиманъ. Другіе лиманы, какъ Ахтанизовскій, Бугазскій и пр., измѣнили внѣшнія свои очертанія и береговыя полосы.

Но особенно рѣзкія измѣненія произошли въ истокахъ Кубани. Два рукава Кубани—Шамарданскій и Пересыпскій, въ настоящее время совсѣмъ исчезли, одинъ Бугазскій превратился въ узкое и неглубокое гирло и одинъ у г. Темрюка образовался вновь. Какія измѣненія произошли съ Протокою, трудно сказать; но тотъ фактъ, что одинъ изъ Босфорскихъ царей, по разсказамъ, затопилъ съ помощью канала и этого рукава Кубани всю проточную низменность, указываетъ, что и здѣсь должны были произойти замѣтныя измѣненія. Рядъ ериковъ, т. е. мелкихъ побочныхъ развѣтвленій Кубани, всюду оставилъ слѣды измѣненій въ направленіи и теченіяхъ Кубани.

На нѣкоторыя измѣненія въ физическомъ строеніи бывшаго Босфорскаго царства есть прямыя указанія у древнихъ писателей и въ преданіяхъ о старинѣ. Страбонъ и Амміанъ Мерцелинъ упоминаютъ о каналахъ, устроенныхъ греками—колонистами на Таманскомъ полуостровѣ. Теперь этихъ каналовъ нѣтъ, но слѣды нѣкоторыхъ изъ нихъ явственны еще. Изъ преданій, передаваемыхъ таманскими старожилами, извѣстно, что татары переѣзжали на верблюдахъ Керченскій проливъ съ сѣверной косы или Чушки на ту сторону въ Керчь. Палласъ, путешествовавшій здѣсь въ 1793 году, говоритъ, что проливъ отъ оконечности Чушки такъ съуживается рядомъ островокъ, которыхъ теперь нѣтъ, что разстояніе здѣсь не шире трехъ верстъ. По словамъ Палласа, еще въ его время здѣсь удобно было переправлять скотъ съ Таман-

ской стороны на Таврическую. Объ этихъ же островахъ упоминалъ еще Скимнъ Хіоскій. «Потомъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ Босфоръ Киммерійскій и городъ Киммерисъ. Здѣсь находится пристань для судовъ, западными вѣтрами пригоняемыхъ, на противоположной же сторонѣ моря стоятъ два не очень большихъ каменныхъ острова, въ небольшомъ разстояніи отъ материка». Такъ какъ острова съ Керченской стороны сохранились до позднѣйшаго времени, то, очевидно, о нихъ и говоритъ Скимнъ Хіоскій, а острова, о которыхъ упоминаетъ Палласъ, составляли, быть можетъ, во время Скимна часть Таманскаго материка. Съ другой стороны, изъ указаній древнихъ писателей видно, что въ ихъ время былъ обширнѣе нынѣшній Таманскій или Карокондамскій заливъ, такъ какъ съ юга онъ не отдѣлялся косою Тузлою, образовавшейся впослѣдствіи.

Надо полагать затѣмъ, что и внѣшніе покровы мѣстности значительно измѣнились въ наше время. Несомнѣнно, что площадь солонцеватыхъ, слабо выщелочныхъ почвъ была обширнѣе прежде, чѣмъ теперь. А съ такими почвами неразрывно связанъ былъ и характеръ растительности. Солончаковыя растенія тогда преобладали надъ злаками и другими. На это указываетъ и то, что, по отзывамъ древнихъ писателей, меоты, обитавшіе у самаго Азовскаго побережья, были скотоводами и кочевниками; нѣкоторые же виды скота, какъ верблюды и овцы, въ обиліи истребляютъ солончаковыя растенія, что очень цѣнится кочевниками. Вообще эта часть Таманскаго полуострова, какъ входящая въ область новѣйшихъ послѣтретичныхъ образованій, должна была значительно измѣниться въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ тысячелѣтій и дать новыя образованія поверхности и новые почвенные покровы.

Наконецъ, есть основанія предполагать, что со времени Геродота замѣтно измѣнился и климатъ. Геродотъ описываетъ Таманскій полуостровъ, какъ страну суровыхъ зимъ, обилія снѣга и холоднаго климата. „Вся, осмотрѣнная нами страна, говоритъ онъ, отличается столь суровымъ климатомъ, что въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоитъ нестерпимый холодъ и пролитая въ это время на землю вода не дѣлаетъ грязи, развѣ разведешь огонь. Замерзаетъ море и весь Киммерійскій Босфоръ“. Очень можетъ быть, что Геродотъ, какъ южанинъ, и наложилъ слишкомъ густыя краски на климатъ Босфора. На подобныя же указанія даютъ и пр. писатели. Гелланикъ упомянулъ о томъ, что „когда замерзъ Киммерійскій Босфоръ, амазонки, перешедши его, пришли въ Аттику“. По словамъ Страбона, „зимою при замерзаніи Меотиды, покрывается льдомъ и Босфоръ, такъ что можно переходить пѣшкомъ съ берега на берегъ“. Римскій фило-

софъ Сенека считалъ Азовское море ледянымъ, а Донъ холоднымъ. „Пусть, говоритъ онъ, Меотійское море выливаетъ на меня свои ледяныя воды". Евстафій въ своемъ комментаріи къ сочиненію Діонисія Періэгета упоминаетъ о писателяхъ, утверждавшихъ, что зимою на Босфорѣ лопались отъ мороза мѣдные сосуды. Одинъ изъ такихъ сосудовъ нарочно хранился въ храмѣ Эскулапа въ Пантикапеѣ, чтобы по лопнувшему отъ мороза сосуду путешественники могли судить о суровости здѣшняго климата. Русскій князь Глѣбъ также измѣрялъ разстояніе Керченскаго пролива по льду. Однимъ словомъ, сплошныя замерзанія Керченскаго пролива были въ прежнее время повидимому обычнымъ явленіемъ. Если, съ одной стороны, на замерзанія и могло вліять присутствіе значительнаго количества прѣсныхъ водъ, вливавшихся въ проливъ Кубанью, то, съ другой, вполнѣ вѣроятно также, что и климатъ въ ту пору былъ суровѣе, чѣмъ теперь.

Такимъ образомъ, существуетъ масса указаній на то, что въ древнее время исторія на Таманскомъ полуостровѣ слагалась подъ вліяніемъ естественныхъ условій отличныхъ отъ современныхъ намъ. Въ ту пору была своя географія края, о которой можно судить почти съ безошибочною точностью по оставшимся слѣдамъ древней гидрографіи и топографіи. Несомнѣнно, что холмистая часть полуострова образовалась одновременно съ главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, такъ какъ служитъ связью этого хребта съ таврическими горами. Сопки также древняго образованія. Хотя древніе писатели и не говорятъ ничего о нихъ, но, надо полагать, что онѣ не всегда бездѣйствовали.

По крайней мѣрѣ въ послѣднія два-три столѣтія вулканическая дѣятельность сопокъ временами возобновлялась и ея результаты выразились въ замѣтномъ воздѣйствіи на ближайшія къ нимъ мѣста. Отъ изверженій сопокъ увеличился ихъ объемъ, а мѣстами сопочною лавою были загромождены ближайшія къ нимъ низменности и протокъ водъ.

Какъ и въ данное время, Босфорское царство въ предѣлахъ Таманскаго полуострова состояло изъ отдѣльныхъ частей, рѣзко отграниченныхъ между собою естественными признаками. Объ островномъ характерѣ Таманскаго полуострова говорятъ Гекатэй изъ Милета, Стефанъ Византійскій, Скимнъ Хіосскій, Страбонъ, Діонисій Періэгетъ. Аміанъ Мерцелинъ разсказываетъ, что «торговые греки очищали отъ наносовъ устья рѣкъ, проводили и очищали каналы, о чемъ говоритъ и Страбонъ, и обратили такимъ образомъ Таманскій полуостровъ въ рядъ островов». Такъ какъ и въ ту пору дельта Кубани состояла изъ нѣсколькихъ рукавовъ, то

полуостровъ дѣлился такимъ образомъ на отдѣльные острова. Тому же способствовали и каналы, дробившіе большіе острова на меньшіе. Это представляло, разумѣется, извѣстныя удобства для колонистовъ, занявшихъ первоначально отдѣльныя части Таманскаго полуострова маленькими колонійками. Каждая такая колонія, во первыхъ, ограждена была рукавами Кубани и искусственными каналами, чѣмъ ослаблялись столкновенія съ сосѣдями и вторженія враговъ, во вторыхъ, защищена отъ затопленій мѣстности при разливахъ Кубани и, въ третьихъ, увеличивала и улучшала водныя пути сообщенія, которыми пользовались главнымъ образомъ греки-колонисты.

Въ числѣ этихъ острововъ важнѣйшими считались Фанагорійскій, тянувшійся въ направленіи къ Керченскому проливу и Азовскому морю отъ нынѣшняго Пересыпа и южной части Таманскаго залива; островъ Тирамба, простиравшійся отъ того же Пересыпа въ другую сторону до нынѣшняго поселка Островскаго у Темрюка; затѣмъ Большой Кандауръ, представляющій возвышенность отъ Темрюка на В. къ ст. Славянской, составляющую теперь юртъ главнымъ образомъ ст. Курчанской; островъ Гермонасса, занимавшій южную часть Таманскаго полуострова, вклинявшуюся въ Керченскій проливъ и Черное море. Были, вѣроятно, и другіе острова, но слѣды ихъ не такъ ясны, какъ отмѣченныхъ. Водныя границы этихъ острововъ обратились уже въ глинисто-песчанныя низменности или пересыпы, по которымъ встрѣчаются еще узкія гирла, едва напоминающія собою прежніе проливы и истоки. Это произошло даже съ такими мощными источниками, какъ рукавъ Кубани.

Древніе греки называли Кубань двумя именами Гипанисъ или Ипанисъ, откуда произошло испорченное Кубань, и Антикетесъ, что означало богатая осетрами рѣка. Такимъ же именемъ называли греки и р. Бугъ, и, такъ какъ и въ Бугѣ и въ Кубани водилось много осетровъ, то, очевидно, названіе Антикетесъ или Осетровая служило какъ бы нарицательнымъ признакомъ рѣки. Лучшими въ древности осетровыми балыками считались босфорскіе, вывозимые черезъ Керчь въ Грецію.

Греки имѣли ясное представленіе о Кубанской дельтѣ, примыкавшей къ двумъ морямъ. «Гипанисъ рѣка и городъ между Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ, говоритъ Александръ Полигисторъ, жившій около 160 года до Р. Хр., дѣлится на два рукава, изъ которыхъ одинъ впадаетъ въ Меотиду (Азовское море), а другой въ Понтъ (Черное море)», но ни одинъ древній писатель не даетъ точнаго описанія всѣхъ развѣтвленій Кубанской дельты. Есть лишь указанія на мѣстонахожденіе отдѣльныхъ рукавовъ, и по этимъ указаніямъ

и естественнымъ признакамъ можно судить, гдѣ и въ какомъ направленіи изливались прежде воды Кубани.

Съ Чернымъ моремъ Кубань издавна сообщалась черезъ Бугазскій лиманъ. Издавна она была здѣсь глубока и многоводна. Въ древнее время черезъ Черноморскій рукавъ Кубани входили изъ Чернаго моря торговыя суда, проходили затѣмъ рядъ лимановъ и гирлъ и попадали черезъ другой рукавъ Азовскій прямо въ Азовское море, минуя Керченскій проливъ. Надо полагать, что имъ пользовались съ этою цѣлью греки, генуезцы и пр. Еще недавно, во время Севастопольской войны, Черноморскій рукавъ Кубани отличался глубиною и обиліемъ воды. Такъ какъ по нему могли ходить большія суда, то, для огражденія края отъ непріятеля, были сдѣланы, въ Севастопольскую войну, загражденія русла. Съ тѣхъ поръ началось обмеленіе Кубани и въ настоящее время она настолько засорилась, что по ней совершенно прекратилось судоходство. Вмѣстѣ съ Кубанью стали маловоднѣе и лиманы, перестала даже водиться рыба.

Слѣдующій къ сѣверу отъ Черноморскаго рукавъ впадалъ, по предположенію, въ Шимарданскую бухту Керченскаго пролива. Теперь отъ этого рукава остались только нѣкоторые слѣды. Страбонъ очень опредѣленно указываетъ на этотъ рукавъ. Отмѣчая расположеніе городовъ на Таманскомъ полуостровѣ, онъ говоритъ, что Фанагорія и Кепы лежатъ на лѣвой сторонѣ полуострова (при въѣздѣ въ Корокондамитскій заливъ съ запада на востокъ къ Таманскому берегу), остальные же города (Гермонасса и Апатуронъ) справа по ту сторону Гипаниса, въ странѣ Синдской. Такъ какъ тотъ же Страбонъ упоминаетъ далѣе о столицѣ синдовъ Горгиппіи, лежавшей около моря, и Абораке, находившейся по ту сторону Бугазскаго или Черноморскаго рукава Кубани, то, очевидно, въ первомъ случаѣ Гипанисомъ могъ быть только Шимарданскій рукавъ. Историки Босфорскаго царства не обратили вниманія о какомъ рукавѣ, дѣлившемъ города налѣво и направо, говорилъ Страбонъ, и только непосредственное знакомство съ мѣстностью привело къ мысли, что здѣсь когда-то впадала въ Керченскій проливъ черезъ Шимарданскую его бухту Кубань. Первую догадку сдѣлалъ объ этомъ Дюбуа де-Монпере, его мнѣніе провѣрилъ и подтвердилъ Ф. Жиль, а В. Г. Тизенгаузенъ, какъ на доказательство, указалъ на то обстоятельство, что между тѣмъ какъ въ занесенномъ руслѣ Кубани не было ни одного кургана, по обѣимъ берегамъ его правильно тянулись ряды кургановъ—явный признакъ присутствія между ними русла рѣки. Кавказскій геологъ Абихъ также раздѣлялъ мнѣніе о томъ, что узкая и низменная, поросшая болотными растеніями по-

лоса была когда-то рукавомъ Кубани. По мнѣнію Дюбуа, рукавъ этотъ былъ засоренъ изверженіями группы грязевыхъ сопокъ Ассогорда, а Жиль указываетъ на такую же роль сопки Куку-обо. Къ грязевымъ изверженіямъ сопокъ рѣка прибавила илъ и песокъ, обмелѣвшій рукавъ заболотился и превратился въ ложбину, заросшую въ обиліи болотными травами, но временами, при сильномъ половодьѣ Кубани, пропускающую еще воды изъ Ахтанизовскаго лимана черезъ засоренный рукавъ въ Шимарданскую бухту. Все это такъ, по мнѣнію Поночевнаго, но изверженія сопки могли засорить только въ одномъ мѣстѣ исчезнувшій руковъ Кубани, а между тѣмъ она имѣла шесть верстъ протяженія. Очевидно, засореніе русла произошло главнымъ образомъ на счетъ наносовъ самой рѣки, хотя буровыми изслѣдованіями и это не подтвердилось вполнѣ. Во всякомъ случаѣ полагаютъ, что если произошло засореніе рукава Кубани, впадавшаго въ Шимарданскую бухту, то это случилось уже послѣ Страбона.

Другое засорившееся русло Кубани на мѣстѣ Пересыпа по дорогѣ изъ ст. Ахтанизовской на Темрюкъ. Слѣды этого русла очень явственны и временами при половодьѣ незначительное и часто пересыхающее гирло, соединяющее Ахтанизовскій лиманъ съ Азовскимъ моремъ, превращается въ бурную рѣку.

Вполнѣ опредѣленныя указанія даетъ Страбонъ относительно нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ Босфорскаго царства. Съ сѣвера границъ царства касались устья Дона, разстояніе котораго отъ Керченскаго залива Страбонъ опредѣлилъ въ 2200 стадій или около 440 верстъ нашей мѣры. Далѣе на югъ, на разстояніи 700 стадій или 160 верстъ отъ устьевъ Дона Страбонъ называетъ р. Большой Ромбитъ. На этомъ именно разстояніи находится р. Ея, отдѣляющая Кубанскую область отъ Донской. Еще южнѣе Птоломей называетъ р. Феофаній или нынѣшнюю Челбасы. Слѣдующая въ порядкѣ слѣдованія на югъ по Страбону была р. Малый Ромбитъ или нынѣшній Бейсугъ. Этимъ и ограниваются свѣдѣнія Страбона о рѣкахъ. Несмотря на пропускъ многихъ другихъ рѣкъ, важнѣйшія опредѣлены древними географами съ замѣчательною точностью.

Столицею Босфорскаго царства была Пантикапея, находившаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположена часть Керчи. Въ ту пору подъ городомъ былъ холмъ, населенный на двадцать стадій въ окружности. Въ городѣ былъ акрополь или крѣпость, а на восточной сторонѣ помѣщалась гавань съ верфью, въ которой могло помѣститься до 30 кораблей. Слѣды мола, ограждавшаго гавань, и теперь еще явственны близъ Керченскаго маяка.

О возникновенiи Пантикапеи существовало у грековъ два преданiя—одно историческое, другое мифическое. Она основана была iонянами, выходцами изъ Милета. Впослѣдствiи греки-пантикапейцы изъ тщеславiя и политики, въ видахъ большаго возвышенiя Пантикапеи, придумали легенду о томъ, что Абсиртъ, сынъ Аэта, преслѣдуя аргонавтовъ, похитившихъ Медею и золотое руно, попалъ на берега Босфора Киммерiйскаго, получилъ здѣсь отъ Агаэта, царя скифовъ, участокъ земли и основалъ на немъ Пантикапею.

Въ дѣйствительности возникновенiе Пантикапеи произошло около 515 или 513 года до Р. Х. и было вызвано паденiемъ Милета въ 494 году послѣ неудачнаго возстанiя iонянъ противъ персовъ и похода Дарiя Гистаспа въ Скифiю. По мнѣнiю князя Сибирскаго, основанiе Пантикапеи и самыхъ колонiй было прямымъ послѣдствiемъ этого похода персовъ и зависимости грековъ отъ персовъ. Вмѣстѣ съ персами двинулись въ походъ и милетiйскiе греки. Знакомство послѣднихъ съ богатыми мѣстностями, прилегавшими къ Босфору, было своего рода открытiемъ Америки. Милетiйцы двинулись къ Босфору и заняли вѣроятно мѣсто подъ Пантикапею въ то время, когда теосцы сидѣли уже въ основанной ими колонiи Фанагорiи. Такимъ образомъ, богатство колонизуемой страны и выгоды торговли, съ одной стороны, и усиленiе тиранiи въ Милетѣ, въ связи съ враждебно настроенными противъ грековъ сосѣдями персами, съ другой, вызвали переселенiе грековъ на Босфоръ Киммерiйскiй.

Сначала Пантикапея имѣла торговыя связи съ однимъ Милетомъ, но потомъ, ставши самостоятельною, она вошла въ соприкосновенiе со всей Елладой и главнымъ образомъ съ Афинами. Афины получали черезъ Босфоръ золото, попадавшее сюда изъ Алтая и Урала, въ которомъ афиняне очень нуждались, и взамѣнъ давали босфоритянамъ необходимое имъ серебро. Изъ Пантикапеи греки получали хлѣбъ и примыкавшiя къ ней земли отличались такимъ плодородiемъ, которое Страбонъ приравнивалъ къ чуду. Пантикапея также славилась своими осетровыми балыками, лошадьми и скотомъ.

Развитiе торговли и повышенiе благосостоянiя грековъ-колонистовъ на Босфорѣ вызвали стремленiя къ роскоши и вкусъ къ искусствамъ. «Пантикапея, говоритъ князь Сибирскiй, стала мѣстопребыванiемъ не только богатыхъ и предпрiимчивыхъ гражданъ, но и артистическаго генiя, съ хорошимъ направленiемъ». Однимъ словомъ, Пантикапея сразу же стала крупнымъ торговымъ, промышленнымъ и культурнымъ центромъ.

Но для нашихъ историческихъ цѣлей важна не столько

Пантикапея, сколько города на Таманскомъ полуостровѣ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимала Фанагорія, служившая столицею азіатской части Босфорскаго царства. По словамъ Арріана Фанагорію основалъ Фанагоръ, бѣжавшій отъ персовъ во время Кира, т. е. около того времени, когда была основана Пантикапея. Вмѣстѣ съ Фанагоромъ прибылъ туда Гермонъ, предводитель іонянъ. Онъ основалъ колонію Гермонассу. Фанагорія находилась вблизи нынѣшней почтовой станціи Сѣнной и Шимарданской бухты, и слѣды этого важнѣйшаго изъ городовъ Босфора и теперь еще здѣсь явственны. «Все пространство отъ бухты до станціи, на разстояніи пяти верстъ, говоритъ М. О. Поночовный, представляетъ громадное городище, окруженное сотнями кургановъ, расположенныхъ то правильными рядами, то группами; курганы эти размѣщены какъ бы вдоль нѣсколькихъ дорогъ; такъ одни ряды идутъ на западъ, другіе на востокъ, третьи на сѣверъ. Нигдѣ на всемъ Таманскомъ полуостровѣ нѣтъ такого громаднаго количества кургановъ, какъ здѣсь. У городища въ заливѣ есть остатки мола, сохранившіеся до недавняго еще времени». Моломъ этимъ ограждался портъ при городѣ; другой портъ находился при устьѣ рукава Кубани. Изъ матеріаловъ, взятыхъ съ городища, была построена цѣлая крѣпость Фанагорія близъ Тамани. Впослѣдствіи крѣпость была обращена въ нефтяной заводъ. Такъ знаменитая когда-то столица босфорскихъ царей превратилась сначала въ развалины, а потомъ и самые слѣды этихъ развалинъ были перенесены на другое мѣсто и послужили для прозаическихъ цѣлей заводскаго дѣла.

Въ былое же время, на мѣстѣ нынѣшняго пустыря, въ древней Фанагоріи кипѣла необычайная жизнь и дѣятельность. Фанагорія, Пантикапея и Синды имѣли свои собственныя монеты, что указываетъ на автономію этихъ городовъ. Фанагорія служила торговымъ центромъ для всей Меотиды восточнаго Азовскаго побережья, и народовъ, жившихъ по Кубани. Сюда свозили окрестные народы рыбу, соль, хлѣбъ, лѣсъ, лошадей, скотъ, фрукты. Все это скупалось греками и шло въ Грецію. Греки въ свою очередь давали въ обмѣнъ предметы роскоши, дорогія ткани, изящную посуду, произведенія промышленности, золотыя издѣлія и звонкую монету. Вмѣстѣ съ царями и купцами, въ Фанагоріи жили меотійскіе и скифскіе аристократы и городъ былъ вообще культурнымъ центромъ, изъ котораго греческая культура распространялась и на окрестныхъ жителей. Произведенныя на Таманскомъ полуостровѣ и въ Кубанской области археологическія раскопки дали массу предметовъ и вещей греческой работы. Явное доказательство вліянія греческой культуры на

народы, входившие въ составъ Босфорскаго царства и находившіеся въ сосѣдствѣ съ нимъ.

Упоминаемый городъ Кепы Поночовный считаетъ лишь предмѣстьемъ Фанагоріи и помѣщаетъ его вблизи послѣдней на сѣверъ отъ нея. На это указываетъ самое названіе города Кепы, т. е. сады. Всѣ остальные города называются по именамъ основателей ихъ и только Кепы общимъ нарицательнымъ именемъ. Здѣсь, по мнѣнію Поночовнаго, могли находиться загородныя дачи фанагорійцевъ. Но Кепы были отданы босфорскими архонтами въ даръ и за заслугу бѣжавшему сюда Гилону, предателю афинскаго города Нимфеи, что не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ предположеніемъ, что Кепы были лишь загородныя дачи. Другіе писатели такъ и называютъ городомъ Кепы. Такъ, Аполлодоръ говоритъ: «Гермонаса и Кепосъ, а за этими городами живетъ народъ псессы». Еще опредѣленнѣе выражается Плиній. На берегу Босфора, говоритъ онъ, лежатъ: «Гермонасса при входѣ въ Босфоръ, затѣмъ милетскій городъ Кепы, дальше Стратоклія, Фанагорія» и т. д. А Скимнъ Хіосскій Кепы называетъ даже «колоніей»: «Отплывающему изъ устья (Босфорскаго), говоритъ онъ, встрѣчается городъ Киммерисъ, такъ названный по причинѣ варваровъ киммерійцевъ и Кипосъ — колонія милетянъ». Очевидно загородное мѣсто сады никакъ не могло считаться колоніей.

Къ югозападу отъ Фанагоріи на мѣстѣ нынѣшней Таманской станицы находилась Гермонасса. Страбонъ помѣщаетъ ее у залива. Въ свое время это былъ одинъ изъ видныхъ городовъ, игравшихъ даже роль столицы у Археонактидовъ. У Тамани дѣйствительно находятся слѣды обширнаго городища. Какъ видно по обрывамъ, висящимъ надъ заливомъ, толщина мусора, состоящаго изъ остатковъ отъ построекъ, битой посуды, кирпича и пр., доходитъ мѣстами до пяти саженъ. Такіе слѣды могли образоваться лишь отъ крупнаго населеннаго пункта, существовавшаго въ древности. Мѣстонахожденіе здѣсь Гермонассы не противорѣчитъ показаніямъ Ѳеопомта, Страбона, Плинія и Птоломея.

Еще дальше въ томъ же югозападномъ направленіи отъ Фанагоріи и Гермонассы находилась Корокондама. Отъ точнаго опредѣленія этого пункта зависитъ правильное расположеніе всѣхъ остальныхъ городовъ и селеній, бывшихъ на Таманскомъ полуостровѣ. Поночовный пришелъ къ тому выводу, что „мѣсто Корокондамы должно быть немного южнѣе мыса Тузлы и сѣвернѣе мыса Панагіи. „Здѣсь есть древнія развалины, а въ окрестностяхъ разсѣяны курганы, всегдашніе спутники древнихъ поселеній“. Но главными основаніями здѣшняго мѣстонахожденія Корокондамы послужили точныя

и опредѣленныя указанія Страбона, который говоритъ, что Корокондама лежала въ концѣ Киммерійскаго Босфора, напротивъ Акры, находившейся по ту сторону залива въ Тавризѣ, что разстояніе между Акрой и Корокондамой равнялось 70 стадіямъ, что тотчасъ за Корокондамою плаваніе принимаетъ восточное направленіе и что, наконецъ, выше или по нашему сѣвернѣе Корокондамы расположенъ Корокондамитскій заливъ, въ который вливается рукавъ Антикетеса. Все это съ фотографическою точностью срисовано древнимъ географомъ съ современной ему дѣйствительности. У Корокондамы оканчивается проливъ и далѣе открывается Понтъ, т. е. Черное море; плаваніе отсюда у береговъ, благодаря круто поворачивающемуся къ востоку берегу, принимало восточное направленіе; мѣсто Акры, отселка Пантикапеи, точно опредѣлено также въ концѣ пролива на противоположной Таврической стороны у мыса Такиль-Буруна, откуда разстояніе до Корокондамы дѣйствительно равняется 70-ми стадіямъ; нынѣшней косы Тузлы, образовавшейся всего какихъ-нибудь сто лѣтъ назадъ, во времена Страбона не существовало, и Корокондамитскій заливъ здѣсь оканчивался, а такимъ заливомъ при этомъ условіи могъ быть только нынѣшній Таманскій, въ который впадалъ и Гипанисъ черезъ Шимарданскую бухту.

„Проѣхавъ въ восточномъ направленіи 180 стадій (отъ Корокондамы), говоритъ Страбонъ, встрѣчается городъ Синдика, съ гаванью того же имени“. Въ такомъ разстояніи находится въ юго-восточномъ направленіи отъ Тузлы нынѣшнее Бугазское соляное озеро. Здѣсь есть древнее городище, расположенное у восточнаго берега озера, а самое озеро носитъ явные слѣды морской бухты, сообщеніе которой съ моремъ отъ времени засорилось песчаными наносами, покрывающимися и теперь еще морскими волнами при сильныхъ „морякахъ“, т. е. южныхъ вѣтрахъ; западный же берегъ озера высокъ и обрывистъ и былъ, очевидно, въ прежнее время удобнымъ защитнымъ мѣстомъ стоянки судовъ въ бухтѣ.

Въ 500 стадіяхъ отъ Фанагоріи вблизи моря Страбонъ помѣщаетъ два города Горгиппію, столицу народа Синдовъ, и Абораку; и, южнѣе, въ 400 стадіяхъ отъ Синдики, селеніе Баты или нынѣшній Новороссійскъ, находящійся дѣйствительно въ такомъ разстояніи отъ Бугазскаго озера.

Къ сѣверу отъ Фанагоріи Страбонъ упоминаетъ объ Ахиллеонѣ, селеніи, лежавшемъ, по опредѣленію многихъ ученыхъ, у начала нынѣшней сѣверной косы Чушки напротивъ Парфеніона, расположеннаго на противоположномъ Таврическомъ берегу пролива. Оба эти пункта находились у входа въ Азовское море, подобно тому какъ Акра и Корокондама у входа въ море Черное. Къ сѣверу отъ Ахиллеона въ близ-

комъ разстояніи отъ него на берегу Азовскаго моря лежали Киммериконъ азіатскій, а къ югу, почти въ такомъ же разстояніи, вблизи горы Куко-обо, гдѣ вѣроятно находился и памятникъ Сатира, расположено было селеніе Патрей.

Къ западу отъ этихъ населенныхъ пунктовъ на островѣ Тирамбѣ и устья Кубани, впадавшей въ Азовское море черезъ нынѣшній Пересыпъ, существовалъ одноименный съ островомъ городъ Тирамба.

Наконецъ, далеко на сѣверъ въ устьѣ Танаиса находился городъ Танаисъ, основанный, по словамъ Страбона, греками, населившими Босфоръ. Это былъ важнѣйшій торговый пунктъ, черезъ который греки вели свои сношенія съ варварами. Сюда, говоритъ Страбонъ, греки привозили для мѣны «вино и множество другихъ вещей, необходимыхъ въ обыденной жизни», а варвары доставляли «рабовъ, мѣха и прочіе продукты кочевниковъ». Изъ Танаиса, по словамъ Ашика, отправлялись въ Грецію сибирскіе мѣха, пряности и мануфактуры Индіи, а въ замѣнъ этихъ товаровъ получалось чистое золото».

Таковы важнѣйшіе города и населенные пункты Босфорскаго царства. Все это были дѣла колоніальной политики грековъ, игравшихъ въ торговомъ мірѣ такую же примирующую роль, какую играютъ въ наше время англичане. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю торговлю, греки-колонисты жили главнымъ образомъ въ поименованныхъ выше городахъ и селеніяхъ. Это подтверждается и прямыми археологическими данными.

Для Таманскаго полуострова, говоритъ Герцъ, «можно признать за аксіому, что тамъ, гдѣ въ большомъ количествѣ встрѣчаются монеты, черепки битыхъ греческихъ вазъ, обломки мрамора и кирпича, тамъ находилось древне-греческое поселеніе». Къ такому выводу привели археологовъ раскопки.

Но тутъ же, рядомъ съ греками, находились и мѣстные, подчиненные Босфорскому царству народы, а еще далѣе народы сосѣдніе, имѣвшіе постоянныя сношенія съ греками.

Греки основали свои колоніи на Босфорѣ и по Черноморскому побережью въ VI столѣтіи до Р. Хр. Но надо полагать, что возникновеніе первыхъ греческихъ поселеній было не внезапнымъ актомъ колонизаціи, а подготовлялось исподволь. Не смотря на доисторическій мракъ, царившій въ представленіяхъ древнихъ грековъ о Кавказѣ и о Черноморскомъ и Азовскомъ побережьяхъ, греки чувствовали какую-то отдаленную связь съ этими мѣстами. Здѣсь перетерпѣвалъ мученія ихъ прародитель Прометей; отсюда пришелъ въ Грецію его сынъ Девкаліонъ, возобновившій родъ человѣческій;

въ этихъ мѣстахъ находилось царство Аида и свирѣпой Персефоны; тутъ жили знакомые грекамъ дѣти Пелазга, людоѣды; на берега Понта ѣздили за золотымъ руномъ Язонъ съ аргонавтами; выше отсюда въ горахъ обиталъ суровый богъ вѣтра Борей, существующій и по нынѣ подъ именемъ «боры» или нордоста; изъ этихъ мѣстъ на малоазійскихъ грековъ нападали таинственные киммерiяне и варвары скифы и т. п., и т. п.

Все это указываетъ на давнишнюю прикосновенность грековъ къ мѣстамъ, вошедшимъ впослѣдствіи въ Босфорское царство. Прежде, чѣмъ оно основано было, греки уже имѣли сношенія съ его и Черноморскими побережьями. Слѣды этихъ сношеній остались въ жизни народовъ, здѣсь обитавшихъ. На это указываютъ очень многіе древніе писатели. Діонисій Періэгетъ утверждалъ, что воинственные ахеи, жившіе южнѣе нынѣшняго Геленджика, осѣли на Кавказѣ; сопровождая послѣ троянской войны своего царя, сына Аретія, „Ихъ сосѣди, говоритъ онъ далѣе, геніохи и зиги также пеласгійскаго происхожденія". По словамъ Страбона, ему разсказывали, что Фтіотскіе ахеи, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Язономъ, населили Ахею, а Геніохію населили лакедемоняне подъ предводительствомъ Зекаса и Амфистрата, возницы Діоскуровъ, и что Геніохи получили отсюда свое названіе".

Между тѣмъ тѣ же греки причисляли ахеянъ, геніоховъ и зиговъ къ варварскимъ народностямъ, а ахеевъ и геніоховъ считали даже людоѣдами. „Есть много народовъ, говоритъ величайшій древній философъ и писатель Аристотель, которые склонны убивать людей и съѣдать, какъ напр. ахеи, геніохи и др". А Гераклидъ Понтійскій утверждалъ, что „геніохи—людоѣды, снимавшіе кожу съ людей".

Надо полагать, что въ основѣ отмѣченныхъ Гекатэемъ, Діонисіемъ и др. древними писателями случаевъ поселенія грековъ на Черноморскомъ побережьѣ лежали двоякого рода процессы—или смѣшеніе грековъ съ Кавказскими народностями, или же разъединеніе отъ общаго арійскаго корня. Въ первомъ случаѣ греки, подавляемые численнымъ превосходствомъ той или другой народности, обезличивались ею. Греческая кровь, физическія особенности, языкъ, культура и пр. какъ бы поглощались низшими по развитію народностями. Во второмъ случаѣ къ родственной грекамъ арійской отрасли могли примѣшиваться другіе народы, еще болѣе обособившіе ее. По словамъ классическихъ писателей, греки охотнѣе селились тамъ, гдѣ еще до нихъ были жилища, а между тѣмъ Сенека считалъ 75, Плиній 80 и вообще греки даже 100 однихъ милетскихъ колоній. Факты, указывающіе на то, что греки-колонизаторы въ подавляющемъ

большинствѣ случаевъ должны были примыкать къ мѣстнымъ народностямъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда представители мѣстныхъ народностей входили, какъ подчиненный элементъ, въ греческую массу, результаты получались обратные. Такъ, знатные скифы селились въ Фанагоріи, Пантикапеѣ и въ городахъ, усваивали обычаи и нравы грековъ и сливались съ ними. Греки женились на скифянкахъ и получалось смѣшанное облагороженное потомство. Величайшій древній ораторъ Демосфенъ былъ внукомъ грека и скифянки. Противникъ его ораторъ Эсхинъ разсказываетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что нѣкто Гилонъ, предатель города Нимфеона, бѣжалъ отъ гнѣва преданныхъ согражданъ врагу на Босфоръ, женился здѣсь на богатой женщинѣ скифскаго происхожденія и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла за отца Демосфена. «По матери, говоритъ съ пафосомъ Эсхинъ о Демосфенѣ, онъ скифъ, варваръ, не имѣющій ничего греческаго, кромѣ языка; его сердце такъ развращено, что онъ не можетъ быть афиняниномъ». Демосфенъ, конечно, представлялъ не единичное исключеніе и, какъ установлено въ антропологіи, смѣшеніе близкихъ по физическимъ особенностямъ народностей всегда даетъ здоровое, энергичное и способное потомство. Можно, поэтому, полагать, что примѣсь въ небольшомъ количествѣ варварской крови не портила елинской породы.

Но то, что происходило у грековъ колонистовъ, народа культурнаго и господствующаго, въ сильнѣйшей степени должно было повторяться въ средѣ мѣстныхъ народностей. Смѣшеніе между этими послѣдними совершалось шире и измѣненіе расовыхъ признаковъ происходило глубже. Скифы смѣшались съ киммерійцами, горскія племена съ готами, аланы съ гуннами, гунны и аланы съ половцами и пр. Нѣкоторыя народности смѣшивались по нѣскольку разъ или съ нѣсколькими другими племенами. Естественно, что, при такомъ частомъ и общераспространенномъ смѣшеніи различныхъ народностей, какъ бы терялись отличительные признаки многихъ изъ нихъ. Часто иноземцы принимали однихъ народовъ за другихъ, путались и ошибались не только въ этническихъ признакахъ, но даже въ названіяхъ народовъ, ихъ мѣстожительствѣ, взаимной зависимости, отношеніяхъ и пр. Такія ошибки свойственны и многимъ древнимъ писателямъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые писали о разныхъ народахъ со словъ другихъ.

Тѣмъ не менѣе, сопоставляя различныя указанія древнихъ писателей о племенахъ, населявшихъ когда-то сѣверный Кавказъ, Кубанскую область и Черноморское побережье, можно установить нѣчто въ родѣ географической схемы

расположенія народностей, по крайней мѣрѣ ближайшихъ, тяготѣвшихъ къ главнымъ центрамъ Босфорскаго царства.

Такую схему даетъ Страбонъ. Его показанія обоснованы какъ на личномъ знакомствѣ со многими мѣстами и народами, такъ и на полученіи свѣдѣній, выражаясь его словами, «черезъ Митрадата, по имени Евпатора, и его полководцевъ», т. е. черезъ людей вполнѣ авторитетныхъ потому уже, что долгое время они вели въ тѣхъ мѣстахъ войны, знакомившія ихъ съ мѣстностями и населявшими ихъ народами.

Собственно въ Азіи, которая у Страбона, какъ и у другихъ древнихъ писателей, началась къ востоку отъ Дона и Меотиды, народы расположены были въ такомъ порядкѣ.

Съ сѣвера отъ р. Дона, „первую часть Азіи“, по выраженію Страбона, занимали кочевыя племена скифовъ, жившихъ въ повозкахъ.

Южнѣе ко второй части Азіи отнесены были сарматы, аорсы и сираки, владѣнія которыхъ простирались до Кавказскихъ горъ, частію пастухи-кочевники, частію земледѣльцы, жившіе въ палаткахъ.

По сосѣдству съ ними, вдоль береговъ Азовскаго моря отъ Дона до Кубани, обитали меоты, цѣлый рядъ скифскихъ и смѣшивавшихся съ скифами племенъ. Далѣе къ югу, собственно на Таманскомъ полуостровѣ, составлявшемъ центръ Азіатскаго Босфора, помѣщались греки колонисты и часть меотовъ, и смежно съ ними, по лѣвую сторону устьевъ Кубани, у Понта находились синды.

Отсюда на югъ, вдоль Черноморскаго побережья, тянулся Понтъ, населенный цѣлымъ рядомъ различныхъ племенъ. Мѣняя нѣсколько страбоновскую схему, эти народности можно расположить такъ:

За скифами, занимавшими Черноморское побережье отъ устьевъ Кубани до нынѣшней Анапы, или, быть можетъ, до Абрау и Новороссійска, жили около послѣдняго, до Геленджика и нѣсколько южнѣе отъ него сначала, керкеты, а потомъ тореты, по имени которыхъ и древній Геленджикъ назывался Торикомъ, хотя керкеты и тореты могли также составлять и одну народность.

За торетами южнѣе по побережью помѣщались сначала ахеи, потомъ зиги, далѣе гоніохи и, наконецъ, колхы, послѣдніе уже около нынѣшняго Сухума и въ области р. Ріона.

Во вторую линію по Черноморскому побережью въ устьяхъ Кубани жили аспургіане, занимавшіе земли рядомъ съ синдами, между Фанагоріей и Горгиппіей.

Далѣе на югъ отъ торетовъ надъ колхами и др. фтирофаги, соаны и другія мелкія народности Закавказья.

Таковъ общій характеръ распредѣленія разныхъ народ-

ностей и группъ ихъ по Страбону въ Босфорскомъ царствѣ и по Черноморскому побережью. Большинство другихъ писателей называетъ тѣ же народы и въ томъ же порядкѣ мѣстонахожденія ихъ. Нѣкоторые писатели упоминаютъ о другихъ народностяхъ, жившихъ на Кавказѣ. Такъ, Гекатэй называетъ типаниссовъ—«народъ вдоль Кавказа», иксибатовъ —«народъ у Понта, сосѣдей синдовъ». Плиній говоритъ о валахъ, сербахъ, арехахъ и цингахъ, народахъ также Кавказскихъ. По словамъ Скилакса Коріандинскаго, на югъ отъ геніоховъ жили кораксы. Тоже повторяетъ за нимъ и Геланикъ.

Свѣдѣнія, какъ объ этихъ добавочныхъ въ схемѣ народностяхъ, такъ и вообще о варварахъ, имѣвшихъ отношеніе къ Босфорскому царству, крайне скудны, отрывочны и неопредѣленны.

О наиболѣе распространенномъ и наиболѣе извѣстномъ народѣ—о скифахъ, шла уже рѣчь въ предшествующей главѣ. Въ періодъ существованія Босфорскаго царства дробленіе скифовъ на отдѣльныя отрасли пошло еще дальше. Скифы слились или вѣрнѣе поглотили часть другихъ племенъ мало извѣстныхъ въ исторіи. Нѣкоторыя отрасли скифовъ разрослись и подраздѣлились въ силу естественнаго прироста. Пространство, занимаемое сарматами, въ своемъ землеописаніи безъименный авторъ или, какъ предполагаютъ, Скилаксъ Хіоскій опредѣлилъ въ двѣ тысячи стадій, вѣроятно, въ длину. Геланикъ, въ слѣдъ за Плиніемъ, дѣлитъ сарматовъ «на многія племена», въ числѣ которыхъ онъ упоминаетъ о савроматахъ или гинекократуменахъ, управляемыхъ женщинами. Считая сарматовъ скифами, Страбонъ говоритъ, что отъ нихъ далѣе къ востоку жили восточные скифы, также кочевники, владѣнія которыхъ простирались до Восточнаго моря и Индіи. Древніе греческіе историки называли всѣхъ сѣверныхъ народовъ однимъ общимъ именемъ скифы или кельто-скифы.

Древніе скифы, какъ извѣстно, были кочевники, но по мѣрѣ того, какъ они размножались и сливались съ другими народностями, сокращались мѣста для перекочевокъ,—и скифы, въ силу естественнаго хода вещей, переходили къ земледѣлію и осѣдлому образу жизни. У нихъ начали возникать селенія и города, появилось классовое дѣленіе во времена Босфорскаго царства—на знатныхъ скифовъ, богачей, и на обыкновенныхъ скифовъ, рядовую массу, развились разныя отрасли труда. Но во всѣхъ случаяхъ, соприкасаясь и сливаясь съ другими народами, скифы удерживали свои основныя черты арійцевъ. Самое обобщеніе другихъ народностей подъ общимъ именемъ скифовъ указываетъ на цементирующую, такъ сказать, роль скифовъ. Такою же осталась

ихъ роль и по отношенію къ народамъ, входившимъ въ Босфорское царство или тяготѣвшихъ къ нему.

Ближайшіе сосѣди сарматовъ въ Босфорскомъ царствѣ — меоты назывались многими писателями скифо-меотами. Меоты, какъ и скифы, было собирательное имя, при чемъ преобладающую народность у меотовъ составляли скифы. Къ меотамъ древніе географы относили цѣлый рядъ народностей, изъ которыхъ многія выдѣлялись въ совершенно самостоятельныя отрасли. Меотами считались, съ одной стороны, синды, тореты, дандары, псессіи и пр., а съ другой, доски, темеофы, тирамбы, тарпеты, обидіакены, ситтакены, аспургіане, агры, ареххи, цинги и т. п. Фактъ, указывающій на цементирующую роль скифовъ, какъ господствовавшаго арійскаго народа. Деметрій меотовъ называлъ язаматами, т. е. опять таки скифами. Общимъ связующимъ началомъ у всѣхъ племенъ, входившихъ въ составъ меотовъ, былъ одинъ, общій для всѣхъ языкъ скифскаго корня. У многихъ изъ нихъ одинаковы были нравы, а въ отдаленную старину и однообразныя занятія. Вообще же подъ меотами надо считать оскифившіяся племена, принадлежавшія къ арійской семьѣ народовъ.

Въ числѣ этихъ племенъ были дандары, обитавшіе по нынѣшней Протокѣ у береговъ Азовскаго моря. Подпавши подъ власть босфорскихъ царей, они попытались однажды освободиться отъ этой власти; но босфорскій царь Фарнакъ заставилъ ихъ снова подчиниться ему, затопивши низины, занимаемыя дандарами, искусственымъ наводненіемъ изъ Кубани. Въ числѣ властителей дандаровъ Плутархъ упоминаетъ объ Олфакѣ, служившемъ въ войскѣ Митридата Евпатора. Онъ отличался на войнѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась сила и отвага, обладалъ замѣчательнымъ умомъ, былъ приличнымъ въ обращеніи и услужливъ. Желая отнять первенствующую роль при Митридатѣ у одного изъ соплеменныхъ ему властителей, онъ обѣщалъ Митридату убить его заклятаго врага Лукулла.

Не смотря на то, что синды считались меотами, они представляли совершенно обособленный народъ, имѣвшій свои земельныя владѣнія, своихъ царей и города, и зависѣвшій только отъ босфорскихъ тирановъ. Это единственная народность, мѣстонахожденіе которой болѣе или менѣе точно опредѣлено древними писателями. Синды занимали прибрежное пространство отъ Таманскаго полуострова и до Анапы. Судя потому, что нѣкоторые писатели помѣщаютъ ихъ южнѣе Анапы къ Новороссійску и далѣе, синды временами, быть можетъ, расширяли границы своихъ владѣній, какъ народъ съорганизованный и имѣвшій своихъ правителей.

Относительно происхожденія синдовъ существуетъ предположеніе, тѣсно связанное съ предположеніемъ о колыбели арійцевъ Бактріанѣ. Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ Азіи встрѣчается мѣстность съ именемъ Синдъ или Индъ, то на созвучіи этихъ названій и было обосновано предположеніе о выселеніи синдовъ изъ Бактріаны въ Кубанскую область. Путь довольно длинный и осуществимый только въ обходъ Кавказа. Кавказскій лингвистъ баронъ Усларъ, какъ объ этомъ уже упомянуто разъ, категорически утверждалъ, что нѣтъ даже намека на возможность передвиженія арійцевъ изъ Азіи въ Европу черезъ Кавказскій перешеекъ.

Какимъ же путемъ шли тогда синды изъ Бактріаны къ устьямъ Кубани?

Такъ какъ синдскія названія встрѣчаются въ Индустанѣ, какъ-то Индъ, Гипанисъ, Фанагорія и проч. и даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Бактріанѣ; то правильнѣе предположить, что синды представляли одну изъ тѣхъ арійскихъ отраслей, которыя остались въ Европѣ, азіатскіе же арійцы вышли отсюда въ Индію и унесли туда мѣстныя синдскія названія. Весьма возможно, что синдовъ посѣялъ возлѣ Тамани и Анапы мифическій Девкаліонъ или кто-либо изъ его единокровныхъ; но еще вѣроятнѣе, что такіе единокровные арійцы сами отдѣлились отъ синдовъ и ушли въ другія мѣста. Синды повидимому, принадлежали къ аборигенамъ, такъ какъ съ одной стороны, значились сосѣдями киммеріянъ, а съ другой, относимы были къ меотамъ. Въ обоихъ случаяхъ невольно рождается предположеніе о томъ, что синды находились въ самомъ близкомъ, единокровномъ родствѣ съ киммеріянами и скифами, что въ качествѣ таковыхъ они жили въ этихъ мѣстахъ до отдѣленія азіатскихъ арійцевъ отъ европейскихъ и что, наконецъ, самое дѣленіе произошло если не въ Синдикѣ, то гдѣ-либо на Кавказѣ.

Лингвистикой установлено, что индо-иранцы по языку ближе всѣхъ другихъ арійскихъ отраслей подходятъ, съ одной стороны, къ грекамъ, а съ другой, къ славянамъ, но скифы, къ которымъ относятся киммерійцы и синды, были предками славянъ. Такимъ образомъ, оказывается, что отдѣленіе азіатскихъ отъ европейскихъ синдовъ могло произойти только между указанными тремя народностями. Кромѣ языка, эти народности связаны общностью мифическихъ сказаній. Наконецъ, связь между предками славянъ скифами и греками можетъ быть прослѣжена до извѣстной степени и исторически.

Все это, скажутъ лишь догадки. Совершенно вѣрно. Но догадки, обставленныя въ извѣстной мѣрѣ и фактически. Правда, фактовъ мало. Ими пока выдвигается лишь поста-

новка задачи огромной сложности, которую предстоитъ еще разрѣшить научнымъ путемъ. Но вѣдь и предположенія о родинѣ арійцевъ Бактріанѣ и о выходѣ оттуда синдовъ и также догадки и, притомъ, догадки, совершенно лишенныя фактической подкладки.

Свѣдѣнія о внутренней жизни синдовъ ограничены. Въ ряду другихъ меотійскихъ народностей синды пользовались нѣкоторою самостоятельностью. У нихъ были свои особые цари, которые чеканили монету, заключали союзы и вели даже войны, но были подвластны Босфору. Въ 1829 году Ашикъ купилъ синдскую монету съ изображеніемъ на одной сторонѣ головы Геркулеса съ львиной кожей, а на оборотѣ, въ четыреугольномъ углубленіи, лошадиной головы съ надписью «Синдонъ». Слѣдовательно, и синдовъ, какъ скифовъ, объединялъ съ греками герой послѣднихъ Геркулесъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ монета могла быть чисто греческаго происхожденія. Главный городъ синдовъ Горгиппія или Синдонъ, бывшій на мѣстѣ нынѣшней Анапы, населенъ былъ еллинами, перешедшими сюда изъ сосѣднихъ мѣстностей. Синды населяли страну и въ Горгиппіи были если не своего рода гостями, то во всякомъ случаѣ въ меньшенствѣ; на это указываютъ и археологическія находки.

При рытьѣ фундамента для дома въ Анапѣ найдена большая плита изъ хорошаго бѣлаго мрамора, покрытая съ обѣихъ сторонъ греческими письменами. На этой четыреугольной плитѣ начертано два списка именъ въ количествѣ 225. Это перечень лицъ, одержавшихъ побѣду въ такъ называемомъ «длинномъ бѣгѣ» въ праздникъ Гермеса или Меркурія. По характеру письма видно, что сначала былъ занесенъ на плиту однимъ рѣзчикомъ рядъ именъ, а потомъ продолженіе списка пополнялось другими рѣзчиками.

Такимъ образомъ, надпись эта представляетъ чисто историческій документъ, который В. В. Латышевъ относитъ къ первой половинѣ III вѣка до Р. Х.

Судя по подавляющему преобладанію именъ греческаго происхожденія, можно заключить, что въ играхъ «длиннаго бѣга» участвовали главнымъ образомъ греки, а это въ свою очередь указывало и на преобладаніе ихъ въ населеніи Горгиппіи. Но, быть можетъ, по условіямъ состязаній, многіе изъ полуварваровъ синдовъ не могли принимать участія въ игрѣ, а многіе изъ нихъ носили греческія имена. Несомнѣнно, что найденный на мраморѣ списокъ представлялъ собою цвѣтъ горгиппійскаго населенія въ физическомъ отношеніи.

Частое повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ въ обоихъ спискахъ указываетъ или на особенно выдающіяся качества этихъ лицъ, или же на то, что горгиппійская гражданская

община была не особенно многочисленна, если въ состязаніяхъ выступали и одерживали побѣды одни и тѣ же лица.

Наконецъ, нарицательныя имена «Синдъ» и «Скифъ», встрѣчающіяся на ряду съ греческими, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ играхъ принимали участіе и представители мѣстнаго полуварварскаго населенія. Вѣроятно, имена эти, какъ предполагаетъ г. Латышевъ, «сохранились въ родахъ настоящихъ скифовъ и синдовъ, появившихся въ Горгиппіи и мало по-малу огречившихся».

Все это привело В. В. Латышева къ слѣдующему выводу: «въ III в. до Р. Х., говоритъ онъ, на мѣстѣ нынѣшней Анапы существовало греческое поселеніе, строго соблюдавшее религіозныя вѣрованія и обычаи, вынесенные изъ Еллады; главное ядро населенія составляли греки іоническаго племени, но среди нихъ были нѣкоторая примѣсь дорійцевъ и, быть можетъ, сосѣднихъ скифовъ и синдовъ, которые, переселившись въ городъ, постепенно пріобщались къ греческой культурѣ и сохраняли память о своемъ происхожденіи только въ своихъ племенныхъ именахъ, передававшихся пріемственно въ качествѣ личныхъ». Короче, въ III вѣкѣ до Р. Х. въ атлетическихъ состязаніяхъ Горгиппіи участвовали греки и съ ними синды и скифы.

Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь лишь о синдахъ «огречившихся». Чистокровные синды, по словамъ автора «Перипла Евксинскаго Понта, были варвары, но нравомъ кротки». Характеристика нѣсколько условная. Николай Дамаскій упоминаетъ объ обычаѣ синдовъ бросать на могилу умершаго столько рыбы, сколько покойникъ убилъ враговъ. Если рыбу можно считать признакомъ мирныхъ занятій населенія, то синды изображали этимъ признакомъ явленія совершенно не мирнаго характера—убійство врага.

Изъ политической исторіи синдовъ очень интереснымъ является слѣдующее сообщеніе Поліена, жившаго во второмъ столѣтіи по Р. Х.

За Гекатэемъ, царемъ синдовъ, находилась въ замужествѣ меотянка Таргитао. Свергнутый съ скифскаго престола Гекатэй былъ возстановленъ Сатиромъ, царемъ Босфорскимъ, который выдалъ за Гекатэя дочь и потребовалъ, чтобы онъ умертвилъ свою жену Таргитао. Сильно привязанный къ ней Гекатэй не рѣшился на столь жестокую мѣру, но заключилъ свою первую жену въ замокъ. Таргитао бѣжала къ родственному племени Иксоматовъ, вступила въ бракъ съ ихъ царемъ и склонила ихъ къ войнѣ съ босфорянами. Иксоматы сильно опустошили Синдику и владѣнія Сатира, такъ что Гекатэй и Сатиръ вынуждены были заключить съ Таргитао

миръ и выдали ей заложникомъ Митродора, сына Сатира. Однако, союзники не соблюли принятыхъ условій, подговоривъ друзей Сатира убить Таргитао. Нападеніе не удалось. Раздраженная Таргитао убила нападавшихъ, умертвила заложника Митродора и снова подняла войну противъ Сатира. Подъ вліяніемъ ужасовъ и угнетенія отъ опустошенія, рѣзни и грабежей, причиненныхъ боспоритянамъ войсками Таргитао, Сатиръ умеръ вскорѣ, а его сынъ Горгипъ просьбами и богатѣйшими дарами склонилъ къ миру Таргитао. Энергичная скифянка прекратила бѣдствія войны.

Впослѣдствіи, когда готы заняли Таманскій полуостровъ и часть Черноморскаго побережья, Синдика извѣстна была подъ именемъ Евдусіи.

На ряду съ синдами особый интересъ для мѣстной Кубанской исторіи представляютъ племена керкетовъ и торетовъ. Керкеты несомнѣнно современные намъ черкесы, а тореты, племя очень близкое къ нимъ. Быть можетъ, керкеты и тореты въ прежнее время составляли единый народъ. Нѣкоторые писатели дѣйствительно отождествляютъ ихъ. И керкетовъ и торетовъ древніе писатели помѣщали въ опредѣленныхъ мѣстахъ—сначала по направленію къ югу отъ Кубани слѣдовали керкеты, а за ними далѣе тореты. За Синдскою гаванью, говоритъ Скилаксъ Коріандинскій, слѣдуетъ народъ керкеты, а за керкетами народъ тореты и еллинскій городъ Торикъ съ гаванью, т. е. нынѣшній Геленджикъ. Артемидоръ, на котораго ссылается Страбонъ, нѣсколько иначе располагаетъ по Черноморскому побережью керкетовъ. По его словамъ «берегъ керкетовъ» начинался съ Баты, нынѣшняго Новороссійска, и тянулся на 850 стадій, т. е. около 170 верстъ на югъ. Здѣсь были стоянки для судовъ и населенныя мѣстечки.

У древнихъ керкетовъ существовали довольно своеобразные обычаи. Николай Дамаскій сообщаетъ, что керкеты, совершившіе какое-либо преступленіе, устраняются отъ священно-дѣйствія. «Если, говоритъ онъ, кто, управляя лодкою, ошибается, то всѣ одинъ за другимъ подходятъ къ нему и плюютъ на него».

Далеко позже, въ V вѣкѣ по Р. Хр., неизвѣстный авторъ «Перипла Понта Евксинскаго» сообщаетъ, что отъ Синдской гавани до гавани Пагры, т. е. нынѣшняго Геленджика, прежде жили народы, называемые керкеты или тореты, а нынѣ живутъ такъ называемые евдусіяне, говорящіе на готскомъ или таврскомъ языкѣ». Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ мѣняетъ нѣсколько свое первое показаніе. За синдами, говоритъ онъ, живутъ керкеты называемые также торетами, народъ справедливый, добрый и весьма опытный въ море-

ходствѣ. Очевидно, что керкеты и тореты приняты въ данномъ случаѣ за одинъ народъ и что народъ этотъ жилъ, былъ на лицо и въ V в. по Р. Хр., хотя авторъ въ первомъ случаѣ и выразился «прежде жили керкеты и тореты». Готы или евдусіяне не вытѣснили окончательно изъ страны ни керкетовъ, ни торетовъ, но заняли лишь крайнюю отъ моря линію побережья, а керкеты или тореты отодвинулись выше въ горы. Когда ушли потомъ готы, керкеты и тореты снова придвинулись къ самому морю и заняли свои прежнія мѣста.

Такимъ образомъ, въ теченіе очень продолжительнаго времени, жили на опредѣленныхъ мѣстахъ—одни и тѣ же три или двѣ народности—синды, керкеты и тореты. Въ мифическія времена, когда не существовали еще здѣсь еллинскія колоніи, греки помѣщали тутъ киммеріянъ и дѣтей Пелазга. Эти же мѣста до покоренія ихъ Россіей населены были двумя черкескими племенами—натухайцами и шапсугами. А въ настоящее время все въ тѣхъ же мѣстахъ остались двоякаго рода исторические памятники—мегалитическія сооруженія и замѣнившія ихъ каменныя гробницы такого же типа, въ какомъ хоронили своихъ покойниковъ натухайцы и шапсуги.

Обобщая всѣ эти факты, невольно приходишь къ заключенію, что между ними должна существовать тѣсная и непрерывная связь. Таинственные киммеры и еще болѣе таинственныя дѣти Пелазга жили въ сказаніяхъ и воображеніи грековъ до тѣхъ поръ, пока они не ознакомились съ Черноморскими побережьями и областью, гдѣ когда-то начиналось царство Аида и Персефоны. Когда же часть адской территоріи превратилась въ еллинскія колоніи и греки ознакомились съ занятыми и сосѣдними съ ними мѣстами воочію,—они нашли здѣсь аборигеновъ, которые и были окрещены синдами, черкесами и торетами и часть потомства которыхъ дожила до нашихъ временъ. Такими потомками оказались черкесы или, точнѣе, два племени ихъ—натухайцы, занимавшіе въ послѣднія времена Синдику и небольшую часть Черноморскаго побережья и шапсуги, владѣнія которыхъ шли съ сѣвера черезъ хребетъ къ нынѣшнему Геленджику, древнему Торику, и далѣе отъ него на югъ.

Выходитъ, что черкесы имѣли своихъ родоначальниковъ въ описываемыхъ мѣстахъ въ отдаленныя времена киммерійцевъ и строителей дольменовъ. Логически это такъ. Фактически можетъ быть провѣрено археологическими изслѣдованіями—раскопкою многочисленныхъ древнихъ могильниковъ. Работы археолога Сизова, произведенныя здѣсь, привели этого изслѣдователя къ заключенію о томъ, что какъ мегалитическія сооруженія, такъ и каменныя гробницы позднѣйшаго типа принадлежали одной и той же народности—чер-

кесамъ. Ближе къ морю въ могилахъ находятся предметы греческаго стиля и искусства, но глубже въ горы обнаружены издѣлія самобытной варварской культуры и эти издѣлія могли принадлежать только аборигенамъ страны—черкесамъ. Путь намѣченъ; остается идти дальше въ этомъ направленіи. А пока приходится довольствоваться весьма вѣроятнымъ предположеніемъ, что черкесы были древнимъ арійскимъ народомъ, искони обитавшемъ на Кавказѣ. Къ такому же выводу пришли и языковѣды на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій.

Свѣдѣнія объ остальныхъ народностяхъ, обитавшихъ во времена Босфорскаго царства и имѣвшихъ отношеніе къ нему, на столько скудны, что сводятся исключительно къ однимъ названіямъ.

По нынѣшней Протокѣ обитали когда-то дандары. На это есть прямое историческое указаніе. Когда племя это вышло изъ покорности босфорскимъ царямъ, то одинъ изъ нихъ—Фарнакъ, затопилъ съ помощью какого то канала всю низменность, занятую дандарами. Судя по харатеру мѣстности, это можно было сдѣлать только въ нижнемъ теченіи Протоки или рукава Кубани, впадающаго въ Азовское море.

Южнѣе отъ дандаръ по направленію къ горамъ и Синдикѣ жили псессіи, а еще далѣе отъ нихъ сосѣдями синдовъ были аспургіане, жившіе, по словамъ Страбона, между Фанагоріей и Горгиппіей на пространствѣ 500 стадій или 100 верстъ протяженія. Разстояніе слишкомъ большое для линіи между Фанагоріей и Горгиппіей, но вѣроятно Страбонъ разумѣлъ линію, идущую далѣе въ горы отъ Горгиппіи. Аспургіане извѣстны въ исторіи Босфорскаго царства по своей борьбѣ съ Полемономъ, царемъ босфорскимъ. Послѣдній, подъ предлогомъ дружбы, хотѣлъ напасть внезапно на аспургіанъ и подчинить ихъ себѣ. Но замыслы Полемона были разгаданы аспургіанами. Собравши войска, они не только дали отпоръ босфорскому царю, но плѣнили его и потомъ казнили.

О народахъ южной части Черноморскаго побережья Страбонъ говоритъ, что тамъ на торговомъ пути сходится до 70-ти народностей, а по словамъ другихъ писателей, не заботившихся объ истинѣ, до трехъ сотъ. Они живутъ разбросанно, говорятъ на разныхъ языкахъ, но большая часть принадлежитъ къ сарматскому племени. Послѣднее указаніе имѣетъ особенно важное значеніе. Такъ какъ сарматы были скифы и арійцы, то, слѣдовательно, и большинство населенія въ южной части Черноморскаго побережья принадлежало къ одной общей отрасли арійцевъ.

На югѣ отъ Синдики и Горгиппіи Черноморское побережье, лишенное гаваней, населено было ахеями, зигами и

геніохами. Они жили, по свидѣтельству Страбона, морскими разбоями, для чего сооружали небольшія, узкія и легкія лодки, вмѣщавшія въ себѣ около 25 человѣкъ и рѣдко до 30-ти. Такія лодки греки называли «камарами», а по своему строенію они повидимому напоминали собою запорожскія чайки. Да и самые моряки и ихъ военные пріемы сильно напоминали нашихъ запорожцевъ. По словамъ Страбона, сдѣлавши внезапный набѣгъ и нагрузивши камары награбленнымъ добромъ, горцы вытаскивали лодки на берегъ и прятали ихъ въ густыхъ лѣсахъ, а плѣнныхъ продавали, о чемъ извѣщали ихъ родственниковъ. Тотъ же Страбонъ говоритъ, что ахси, зиги и геніохи управлялись такъ называемыми «скептухами», подчинявшимися царямъ. У геніоховъ было четыре царя, во время бѣгства Митридата Евпатора черезъ ихъ страну въ Босфоръ.

Таковы были тѣ народы, съ которыми пришлось грекамъ колонистамъ сначала войти въ сношеніе, а потомъ частію совершенно покорить ихъ себѣ и частію подчинить своему экономическому и торговому вліянію. Въ этихъ видахъ греки основали свои центры, въ которыхъ они жили и содержали войска. Такими центрами, въ направленіи съ сѣвера на югъ, были Танаисъ, Киммеріонъ, Кепы, Фанагорія, Гермонасса, Синдская гавань или Горгиппія, Баты, Торикъ, Питіусъ и др. Наиболѣе видную роль играли Фанагорія и Танаисъ, въ которыхъ сосредоточивалась политическая и торговая жизнь грековъ. Говоря о меотахъ, Страбонъ замѣчаетъ, что изъ всѣхъ азіатскихъ меотовъ одни подчинялись владѣніямъ торжища на Танаидѣ, другіе босфорянамъ, но иногда то одинъ то другой народъ отпадалъ отъ нихъ. Не рѣдко босфорскіе повелители владѣли землями до Танаида, въ особенности послѣдніе Фарнакъ, Асандръ и Полемонъ. Бывали времена, когда власть босфорскихъ царей простиралась на народы восточнаго побережья Чернаго моря до Малой Азіи и Трапезунта. Но центръ тяжести босфорскаго царства всегда былъ въ двухъ городахъ—въ Пантикапеѣ со стороны тогдашней Европы и въ Фанагоріи со стороны греческой Азіи.

Занимая колоніями Черноморское побережье, греки занесли сюда спервоначала и свои демократическіе порядки управленія изъ метрополіи. Каждая колонія или городъ управлялись своими выборными архонтами. Города и колоніи образовали союзъ. Но потомъ союзъ былъ подчиненъ общей власти тирановъ изъ дома Археонактидовъ. Съ 438 г. до Р. Х. Спартокъ 1-й управлялъ всѣмъ босфорскимъ царствомъ по обоимъ берегамъ Босфора съ титуломъ царя. Онъ былъ остнователемъ династіи Спартокидовъ, которые однако какъ и Спартокъ 1-й, были царями только для варварскихъ

народовъ, входившихъ въ составъ Босфорскаго царства, а въ греческихъ городахъ довольствовались званіемъ архонтовъ. Такъ, Левконъ 1-й, сынъ Сатира 1-го, царствовавшій съ 393 г. до Р. Х., титуловался «архонтомъ Босфора и Феодосіи и царемъ синдовъ, торетовъ, дондаровъ и псесіевъ». Всѣ эти народы, какъ уже замѣчено выше, составляли общую группу меотійцевъ, входившихъ въ составъ Босфорскаго царства. Левконъ 1-й царствовалъ въ теченіе 40 лѣтъ и, по отзывамъ греческихъ писателей, славился у грековъ какъ человѣкъ высокаго ума и государственной мудрости.

Со времени Спартока 1-го Босфорское царство пріобрѣтаетъ характеръ государства, опирающагося на собственныя внушительныя силы и ведущаго широкія торговыя сношенія съ сосѣдними народами. За все время существованія его въ немъ перемѣнились по крайней мѣрѣ четыре, не считая послѣднихъ царей, династіи, именно: 1) Археонактидовъ, 2) Левконидовъ или Спартокидовъ, 3) Ахеменидовъ и 4) Тиверія Юлія Савромата. Самостоятельность Босфорскаго царства въ первые времена была такъ велика, что оно было нѣкоторое время единственнымъ владѣніемъ грековъ-колонизаторовъ, на которыя не распространялась власть Рима. Фактически Босфорскій союзъ былъ независимъ отъ Рима, и въ то время, когда Таврическая часть Босфорскаго союза подчинена было Риму, часть азіатская, т. е. нынѣшняя Кубанская область и Черноморское побережье, долго еще продолжала свои дѣла и торговыя сношенія самостоятельно и независимо. Временами, какъ при Митрадатѣ Великомъ, Босфорскими царями открыто велась борьба съ Римомъ. Однимъ словомъ, Босфорское царство принадлежало въ свое время къ числу крупныхъ государственныхъ единицъ какъ по своей силѣ, такъ и особенно по культурной роли въ средѣ варварскихъ племенъ, населявшихъ нынѣшнюю Кубанскую область и ближайшія къ ней мѣстности.

Но та смѣсь народностей, которою характеризовался составъ населенія въ Босфорскомъ царствѣ, естественно должна была придать извѣстную пестроту и важнѣйшимъ сторонамъ государственной жизни. Разнообразны были хозяйства и торговля у разныхъ народностей, различны языкъ и нравы, отличны по степени развитія формы домашняго быта. На это даютъ нѣкоторыя указанія тѣ археологическія находки, которыя произведены въ разныхъ мѣстахъ бывшаго Босфорскаго царства. Судя по найденнымъ предметамъ, рѣзко разнится прежде всего культура у грековъ-колонистовъ и у мѣстныхъ народностей, а этимъ опредѣлялись и всѣ остальныя различія. Археологамъ предстоитъ еще сказать окончательное слово по этому предмету, но уже теперь одна изъ важ-

нѣйшихъ сторонъ въ жизни босфоритянъ—религіозный культъ, выяснялась въ значительной мѣрѣ и даетъ интересное освѣщеніе духовной жизни босфорскихъ народностей.

Судя по названіямъ чтимыхъ боговъ, религія босфоритянъ была смѣсью вѣрованій нѣсколькихъ народностей—грековъ, скифовъ и вообще меотійцевъ. Населеніе поклонялось и греческой Діанѣ, и Діанѣ финикійской или Астартѣ, и Венерѣ Апатурійской, и Серапису, не извѣстно кѣмъ, откуда и когда позаимствованному. Собственно греки предпочтительно передъ другими чтили Апполона и Діану, а религіозные обряды, соединенные съ этимъ почитаніемъ, занесены были изъ Іоніи милетянами. Судя по археологическимъ памятникамъ, босфоритяне поклонялись Церерѣ, Марсу, Нептуну, Эскулапу Вакху, Геркулесу и Пану. Скифы почитали Арея и поклонялись мечу. У скифовъ Венера Апатурійская называлась Венерою Ураніею. Самое названіе Апатура не существовало въ Афинахъ и означаетъ обманщица. По этому поводу сложился особый мифъ о Венерѣ и Геркулесѣ. Венера, преслѣдуемая титанами, скрылась въ пещеру, гдѣ находился и Геркулесъ. Титаны входили одинъ за другимъ въ пещеру и, не подозрѣвая обмана со стороны Венеры, были всѣ по одиночкѣ перебиты Геркулесомъ. Вотъ это обстоятельство и было причиною того, что Венера названа Апатурійскою или Апатурою. На вазахъ, найденныхъ при раскопкахъ, чаще всего встрѣчается изображеніе Вакха, культъ котораго видимо имѣлъ широкое распространеніе между различными народностями Босфорскаго царства.

Вообще религія, экономическій бытъ и государственное могущество Босфорскаго царства представляли, такъ сказать, сумму тѣхъ слагаемыхъ, которыя давали отдѣльныя народности. Во главѣ этихъ народностей стояли цари для подчиненныхъ народовъ и архонты или правители для грековъ колонизаторовъ. Но опять таки не существуетъ пока даже сколько-нибудь полной исторіи царей Босфора. Есть пробѣлы и промежутки времени, относительно которыхъ не извѣстны ни лица, бывшія Босфорскими царями, ни продолжительность царствованія ихъ предшественниковъ или наслѣдниковъ. Древніе писатели не дали надлежащихъ матеріаловъ по этому основному пункту Босфорской исторіи. Только Діодоръ Сицилійскій сообщилъ имена правителей Босфора въ нѣкоторой хронологической послѣдовательности. Очень многіе цари извѣстны лишь потому, что найдены древнія монеты съ ихъ именами и изображеніями.

Длинный списокъ Босфорскихъ царей начинается династіей Археанактидовъ, состоявшей только изъ двухъ правите

лей и существовавшей всего 42 года, съ 480 по 438 годъ до Р. Хр.

Первымъ по времени правителемъ былъ Археанактъ I, поселившійся въ Гермонассѣ, основанной Іонійскими греками. Онъ овладѣлъ всею азіатскою стороною Босфора Киммерійскаго, почему и считается первымъ босфорскимъ царемъ. Сынъ его, Археанактъ II, покорилъ Пантикапею и перенесъ сюда свою резиденцію. Вообще Археанактиды имѣли въ виду покореніе главнымъ образомъ сосѣднихъ скифскихъ и сарматскихъ племенъ.

По смерти Археанакта II Босфоромъ завладѣлъ Спартокъ I. Онъ былъ основателемъ второй династіи Спартокидовъ или Левконидовъ, самъ себя называлъ „династомъ", т. е. владыкой, и царемъ сосѣднихъ народовъ; для грековъ же онъ былъ лишь архонтомъ, правителемъ, такъ какъ греки не признали бы его царемъ и по обычаю считали лишь правителемъ. Царствовалъ Спартокъ I всего 7 лѣтъ.

Селевкъ, сынъ Спартока I, царствовалъ четыре года и ничѣмъ особенно не ознаменовалъ свое царствованіе.

То же надо сказать и о Спартокѣ II, сынѣ Селевка. По мнѣнію Де-Боза и Казабона, царствованіе его продолжалось въ теченіе 22 лѣтъ. Надо однако замѣтить, что царствованіе обоихъ правителей установлено только приблизительно. Точныхъ данныхъ, сколько царствовали Селевкъ и сколько Спартокъ II, нѣтъ.

Больше извѣстности выпало на долю слѣдующаго царя Сатира I. Онъ считался другомъ афинянъ и, по примѣру Археонактидовъ, старался распространить свою власть на сосѣднихъ варваровъ. Съ этою цѣлью онъ заключилъ союзъ съ Гекатэемъ, царемъ синдовъ. Обстоятельство, указывающее на то, что Синдика пользовалась извѣстнаго рода самостоятельностью и что ея цари или правители были греки.

Заключивши союзъ съ синдами, Сатиръ внесъ въ свои отношенія ненужную настойчивость и отсутствіе такта. Онъ принудилъ Гекатэя вступить въ бракъ съ своею дочерью и настоялъ, чтобы Гекатэй не только устранилъ, но и умертвилъ свою первую жену Таргитао, дочь царя яксаматовъ. Выше, при характеристикѣ синдовъ, приведены подробности этого неудачнаго шага со стороны Сатира, закончившагося несчастною войною съ скифами, вступившимися за честь Таргитао.

Неудаченъ былъ походъ Сатира и противъ греческой колоніи Феодосіи. Онъ не только не могъ взять этого города, но и самъ поплатился жизнью подъ его стѣнами.

Болѣе продуктивна была дѣятельность этого царя на почвѣ мирныхъ отношеній. Находясь въ дружескихъ отно-

шеніяхъ съ афинянами, онъ способствовалъ развитію торговли съ ними, предоставляя имъ льготы. Нѣкто Сопей, молодой босфоритянинъ, въ своей защитительной рѣчи передъ судомъ въ Афинахъ говоритъ: «стоитъ также вспомнить о Сатирѣ и моемъ отцѣ, которые постоянно ставятъ васъ выше всѣхъ еллиновъ и часто, при недостаткѣ хлѣба, отсылали пустыми суда прочихъ купцовъ, а вамъ предоставляли вывозъ. И въ вашихъ частныхъ дѣлахъ, которыя имъ приходится разбирать, вы получаете не только должное, но даже и больше того». Если защитительной рѣчи Сопея свойственны нѣкоторыя преувеличенія, то несомнѣнно, что упомянутыя имъ льготы существовали.

Полагаютъ, что Сатиръ I царствовалъ 14 лѣтъ, съ 407, по 393 г. до Р. Хр. Еще во времена Страбона, на азіатской или кубанской сторонѣ Босфорскаго царства стоялъ въ сѣверо-восточной оконечности Таманскаго полуострова воздвигнутый Сатиру памятникъ. Вѣроятно онъ былъ поставленъ на томъ мѣстѣ, до котораго Сатиръ расширилъ предѣлы своего государства.

Еще большею извѣстностью пользовался у грековъ сынъ Сатира Левконъ I. Онъ царствовалъ, по словамъ Діона Хрисостома съ 393 до 353 года до Р. Хр. и завоевалъ ту самую Феодосію, подъ стѣнами которой погибъ его отецъ и въ которой, по словамъ Демосфена, онъ учредилъ торжище. Древнее названіе Феодоссіи неизвѣстно, настоящее же названіе Левконъ далъ по имени своей жены или сестры, оставивши за собою титулъ архонта Феодосіи. О подчиненіи Феодосіи Левкону есть прямое свидѣтельство. Найдена слѣдующая надпись: «во время управленія Босфоромъ и Феодосіею Левкона и во время царствованія его надъ синдами, торетами, дандарами и псессіями».

У Левкона было два брата, изъ которыхъ одинъ былъ умерщвленъ, какъ заложникъ, царицею Таргитао послѣ неудачнаго покушенія на ея жизнь клевретовъ Сатира, а другой по имени Горгиппъ наслѣдовалъ своему дядѣ Гекатэю въ Синдикѣ и въ качествѣ царя синдовъ заключилъ миръ съ Таргитао. Такъ какъ Левконъ числился и царемъ синдовъ, то, слѣдовательно, Горгиппъ былъ лишь намѣстникомъ своего брата въ Синдикѣ. Онъ расширилъ синдскую гавань, древнюю столицу синдовъ.

По отзывамъ древнихъ писателей—Плутарха и Хрисостома и оратора Демосфена, Левконъ пользовался широкою популярностью во всей Греціи и особенно въ Афинахъ. Будучи самъ грекомъ, Левконъ, послѣ своихъ государственныхъ

интересовъ, на первый планъ ставилъ интересы еллиновъ и прежде всего Афинъ.

Въ одной изъ рѣчей Демосфена ярко очерчены тѣ заслуги, которыя оказалъ Греціи и Афинамъ Левконъ. Возражая противъ закона объ обложеніи пошлинами босфоритянъ, Демосфенъ напоминаетъ своимъ соотечественникамъ, что, благодаря Левкону, въ Афины ввозится больше хлѣба, чѣмъ во всѣ другія мѣста Греціи. «Хлѣбъ, привозимый водою изъ Понта, по количеству равняется всему привозимому изъ прочихъ рынковъ», что зависѣло не столько отъ производительности земель въ Босфорскомъ краѣ, сколько отъ льготъ, дарованныхъ Левкономъ. Предоставивши безпошлинный вывозъ хлѣба въ Афины, онъ издалъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ, чтобы первыми грузились суда, идущія съ хлѣбомъ въ Афины. Съ купцовъ Левконъ взимаетъ пошлины 1/30 стоимости товара. Такъ какъ въ Афины ввозилось 400,000 медимновъ хлѣба, то, слѣдовательно, говоритъ Демосфенъ, Левконъ ежегодно даритъ намъ 10,000 медимновъ, при вывозѣ въ 300,000 медимновъ, что въ переводѣ на пуды составитъ при 600,000 пуд. вывоза 20,000 пудовъ дареннаго, по выраженію Демосфена, хлѣба. Вполнѣ понятно, что при такомъ отношеніи Левкона къ афинянамъ, послѣдніе цѣнили Босфорскаго тирана и почтили его почетнымъ званіемъ афинскаго гражданина. Жители Пелопонеса, подобно афинянамъ, съ своей стороны возвели Левкона въ званіе гражданина. Надо думать, что Левконъ оказалъ какія-либо важныя услуги и преимущества республикѣ аркадійцевъ. Вообще этотъ Босфорскій правитель былъ умнымъ и дальновиднымъ политикомъ, умѣвшимъ ладить со всѣми народами. Собственно греки просто обожали его. И даже не такому великому оратору, какъ Демосфенъ, не составило бы особыхъ затрудненій привлечь симпатіи афинянъ къ Босфорскому царю.

Левконъ, покоривши Гераклею, бывшую съ союзѣ съ феодоссійцами, предался исключительно мирнымъ занятіямъ, расширилъ гавань Феодосіи, очистилъ море отъ пиратовъ, заключилъ союзъ съ афинянами и аркадійцами и умеръ послѣ 40 лѣтняго царствованія. При Левконѣ чеканились мѣдныя монеты съ изображеніемъ Геркулеса въ львиной кожѣ на одной сторонѣ, а на другой лука и палицы.

Спартокъ III, старшій сынъ Левкона, царствовалъ 5 лѣтъ. При немъ вторглись въ Босфоръ тавры, которые вѣроятно платили дань босфоритянамъ.

Перисадъ I, второй сынъ Левкона, принадлежалъ къ числу крупныхъ историческихъ дѣятелей. Онъ былъ современникомъ Филиппа Македонскаго и Александра Великаго,

царствовалъ въ теченіе 37 лѣтъ, съ 348 по 311 г. до Р. Хр. и пользовался громкою славою у грековъ. По настоянію извѣстнаго оратора Демосфена, афиняне, въ знакъ особаго почтенія и дружбы, поставили ему въ Афинахъ бронзовую статую. На самомъ дѣлѣ Перисадъ былъ очень храбрымъ, настойчивымъ и предпріимчивымъ правителемъ. Онъ покорилъ всѣхъ меотовъ, расширивши предѣлы своего царства до Танаиса. Ему подвластны также были часть Тавріи и Кавказа. Перисадъ успѣшно велъ войну со скифами и за храбрость, послѣ смерти, былъ причисленъ къ сонму боговъ.

О Перисадѣ I разсказываютъ, что онъ въ одной одеждѣ строилъ войско, въ другой вступалъ въ битву съ врагами, а въ третьей спасался бѣгствомъ. Ставя войско въ строй, онъ хотѣлъ быть видимымъ для всѣхъ, въ опасности не хотѣлъ, чтобы видѣли его враги, а во время бѣгства не желалъ быть узнаннымъ ни своими, ни врагами.

Перисадъ былъ женатъ на Комосаріи, дочери своего дяди Горгиппа, и пользовался репутаціею настолько сильнаго властелина, что съ нимъ считались представители крупныхъ государствъ. Такъ, Мемнонъ, полководецъ персидскаго царя, нарочито посылалъ Аркибіада изъ Византіи и Артоника изъ Олифанта, чтобы они узнали намѣренія Перисада I и опредѣлили его силы.

Относительно Перисада археологами найденъ цѣлый рядъ надписей весьма интересныхъ и важныхъ по своему историческому значенію. Выше была уже приведена надпись на статуяхъ божествъ Санерга и Астарты, которыя воздвигла по обѣту Комосарія, супруга Перисада. Другая надпись на двухъ известковыхъ камняхъ, найденная въ фундаментѣ древняго строенія, оказавшагося храмомъ Діаны, гласитъ: «Ксеноклидъ, сынъ Посиса, посвятилъ сей храмъ Діанѣ-охотницѣ въ то время, когда Перисадъ, сынъ Левкона, былъ архонгомъ Босфора и Феодосіи и царемъ синдовъ, торетовъ и дандаріевъ». Третья надпись даетъ очень опредѣленныя указанія о границахъ Босфорскаго царства, и это драгоцѣнное указаніе является единственнымъ въ этомъ родѣ. На мраморномъ пьедесталѣ синеватаго цвѣта было начертано: «Антисисъ Фаномахъ, сынъ Сооса, посвящая это изображеніе Фебу (Апполону), воздвигаетъ симъ вѣчный памятникъ своему отцу въ то время, когда Перисадъ управлялъ всею страною, простирающеюся до вершинъ Тавра и граничащею съ Кавказскими горами».

Но особенно интересная надпись была открыта на прекрасномъ мраморѣ, найденномъ на Таманскомъ полуостровѣ. «Месторинъ, сынъ Фанеса, гласитъ эта надпись, посвятилъ эту статую Апполону надъ могилою своего отца послѣ при-

сутствованія на играхъ въ то время, когда Перисадъ былъ архонтомъ Босфора и Феодосіи и царемъ синдовъ и всѣхъ меотовъ». Здѣсь любопытно указаніе на игры. Такія игры назывались у грековъ пятиподвижіемъ и состояли изъ 1) скачки, 2) бѣганья, 3) метанія диска, 4) метанія дротика или бросанія въ цѣль копья и 5) борьбы. Такимъ образомъ, населеніе Босфорскаго царства усвоило и поддерживало военныя и гимнастическія игры еллиновъ.

Послѣ Перисада I-го осталось три сына: Сатиръ, Приганисъ и Евмелъ. Выдающійся государственный дѣятель Перисадъ I не съумѣлъ заранѣе установить опредѣленныя отношенія между дѣтьми и порядокъ престолонаслѣдованія. Изъ за послѣдняго братья затѣяли междоусобную войну.

Діодоръ Сицилійскій подробно разсказываетъ о борьбѣ Евмела съ Сатиромъ и о Пританисѣ. Старшій Сатиръ, занявшій престолъ отца, узнавши о происках Евмела, двинулся противъ него съ войсками. Послѣднія у него состояли изъ 2000 греческихъ наемниковъ, 2000 фракійцевъ, 20000 пѣшихъ и 10000 конныхъ скифовъ. Перейдя р. Фатъ и приблизившись къ непріятелю, Сатиръ окружилъ свой лагерь телѣгами, построилъ войско и самъ сталъ, по скифскому обычаю, въ срединѣ его. На сторонѣ Евмела былъ скифскій царь Арифарнъ съ 20,000 конницы и 22,000 пѣхоты.

Сатиръ сначала разбилъ Арифарна, обративши въ бѣгство бывшіе у послѣдняго войска, потомъ онъ бросился на правое крыло, гдѣ собственныя его войска одолѣвали Евмелъ, разбилъ и обратилъ въ бѣгство и эту часть противниковъ.

Арифарнъ и Евмелъ укрылись въ замкѣ, примыкавшемъ къ рѣкѣ Фатъ и окруженномъ высокими утесами и огромнымъ лѣсомъ. Къ замку вели два хода—съ одной стороны черезъ лѣсъ, съ высокими защитными башнями и укрѣпленіями, а съ другой черезъ болота, огражденныя деревянными палисадами. Сатиръ не сталъ осаждать замокъ, а началъ опустошать страну. Впослѣдствіи онъ пытался взять замокъ, но терпѣлъ массу неудачъ. При одномъ изъ столкновеній съ непріятелемъ, онъ раненъ былъ въ руку и отъ этой раны умеръ. Тѣло его было отвезено къ брату Пританису въ Пантикапею, который устроилъ великолѣпныя похороны погибшаго царя.

Тогда возгорѣлась борьба между Пританисомъ и Евмеломъ. На этотъ разъ побѣдителемъ оказался Евмелъ. Пританисъ сдалъ войска и отказался отъ притязаній на престолъ. Позже однако онъ попробовалъ возвратить власть въ Пантикапеѣ, но потерпѣлъ неудачу и бѣжалъ въ Кепы, гдѣ и былъ умерщвленъ по приказанію побѣдителя-брата.

Но и этимъ не ограничился Евмелъ. Онъ приказалъ также истребить женъ и дѣтей погибшихъ братьевъ. Власть была упрочена этою жестокою расправою, соединенною съ потоками крови и цѣлымъ рядомъ человѣческихъ жертвъ. Отъ рѣзни спасся одинъ Перисадъ, сынъ Сатира, бѣжавшій къ скифскому царю Агару. Такая жестокость возстановила босфоритянъ противъ Евмела. Тогда Евмелъ созвалъ народное собраніе, на которомъ оправдывалъ свои дѣйствія и обѣщалъ править Босфорскимъ царствомъ кротко и справедливо.

И дѣйствительно онъ сдержалъ свое слово. Въ теченіе 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ своего царствованія онъ успѣлъ, благодаря своимъ военнымъ дарованіямъ, расширить предѣлы царства и упрочить власть босфорскихъ царей надъ сосѣдними народами. Онъ прекратилъ морскіе разбои тавровъ, ахеянъ и геніховъ, усмирилъ черкесовъ, обитавшихъ между синдами и ахеянами, и присоединилъ къ Босфорскому царству большую часть сосѣднихъ земель азіатскаго берега. Случайно Евмелъ упалъ съ колесницы, отчего и умеръ. Но смерть настигла его въ то время, когда онъ пользовался славою какъ у своихъ подданныхъ, такъ и у еллиновъ.

Спартокъ IV, сынъ Евмела, царствовалъ 20 лѣтъ, съ 304 по 284 годъ, находился въ дружбѣ съ афинянами и разрѣшилъ имъ безпошлинный торгъ въ Пантикапеѣ. Съ своей стороны и афиняне назвали его благодѣтелемъ и союзникомъ афинскаго народа въ одномъ изъ своихъ постановленій. Объ этомъ царѣ сохранилось прямое свидѣтельство въ надписѣ на мраморномъ пьедесталѣ, найденномъ въ Тамани. «Дочь Димоса и жена Спартока, говорится въ этой надписи, во исполненіе сдѣланнаго обѣта, воздвигнула эту статую Венерѣ въ то время, когда Спартокъ, сынъ Евмела, былъ архонтомъ Босфора и Феодосіи, царемъ синдовъ».

Спартокомъ IV оканчивается хронологическая послѣдовательность Босфорскихъ царей. Часть сочиненій Діодора, въ которой было это продолженіе, потеряна, а у другихъ писателей совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній этого рода. Такимъ образомъ, отъ Спартока IV и до Перисада, при которомъ царство Босфорское было передано Митридату Евпатору, образовался промежутокъ времени, за который нѣтъ ни генеалогическихъ, ни хронологическихъ данныхъ. Извѣстно лишь, что какой то Перисадъ, не имѣвшій силъ и возможности защищаться отъ скифовъ, уступилъ около 94 г. до Р. Хр. свое царство Митридату Великому.

Но до этой передачи Босфорскаго царства Митридату былъ еще цѣлый рядъ другихъ царей. Такъ, Спартоку IV наслѣдовалъ сынъ его Перисадъ II-й, начавшій царствовать

съ 284 г. по Р. Хр., но неизвѣстно когда окончилось его царствованіе. Найденъ прекрасный пантикапейскій золотой статиръ, на лицевой сторонѣ котораго находится изображеніе этого царя, а на оборотной сидящая Минерва.

По надписямъ, обнаруженнымъ археологами, видно, что у Перисада II было два сына: Спартокъ V и Левконъ II, управлявшіе одинъ за другимъ Босфорскимъ царствомъ. По однимъ указаніямъ, Левконъ убилъ брата своего Перисада, подъ вліяніемъ жены послѣдняго, но когда Левконъ пожелалъ вступить въ преступную связь съ женою брата, та въ свою очередь убила Левкона. По другимъ свѣдѣніямъ Спартокъ V оставилъ своему брату, бывшему жрецомъ Аполлона Іатроса, престолъ около 240 г. до Р. Хр. Сохранились монеты съ изображеніемъ Левкона, Минервы и молніи.

Левконъ II считался очень хитрымъ правителемъ, прибѣгавшимъ къ остроумнымъ пріемамъ. Поліенъ, жившій при Маркѣ Авреліѣ и написавшій свое сочиненіе около 162 года по Р. Хр., сообщилъ слѣдующіе случаи изъ жизни Левкона II.

Однажды Левконъ объявилъ, что онъ собирается чеканить новую монету и поэтому каждый долженъ принести свои деньги. Когда деньги были снесены, Левконъ наложилъ на нихъ новый штемпель и на каждой монетѣ обозначилъ двойную противъ прежней стоимость. Такимъ образомъ, онъ сразу оставилъ у себя половину всѣхъ обращавшихся въ его государствѣ денегъ.

Въ другой разъ, узнавши, что многіе изъ его друзей и гражданъ составили противъ него заговоръ, Левконъ собралъ купцовъ и попросилъ въ займы денегъ, сколько было у нихъ. Когда же купцы снабдили его деньгами, онъ сообщилъ имъ о готовящемся противъ него заговорѣ. Чтобы не потерять отданныхъ въ займы денегъ, купцамъ оставалось охранять его. Купцы въ силу необходимости охраняли Левкона: одни лично его, а другіе его дворецъ. При помощи этихъ даровыхъ тѣлохранителей и преданныхъ друзей, Левконъ уничтожилъ заговорщиковъ, послѣ чего отдалъ деньги купцамъ.

Наконецъ, Левконъ побѣдилъ фракійцевъ, напавшихъ на его царство, слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ войска Левкона дѣйствовали вяло и нерадиво, то онъ выставилъ напередъ пѣхоту, оплитовъ, а сзади ихъ поставилъ скифовъ, которымъ велѣлъ стрѣлять въ оплитовъ въ случаѣ, если они будутъ дѣйствовать вяло и нерадиво. Подъ вліяніемъ этой угрозы, оплиты дружно напали на враговъ и отразили ихъ.

Судя по всему вышеизложенному, этотъ жрецъ-царь могъ убить своего брата, но съ этимъ не вяжется дальнѣйшее—убійство его невѣсткой, которое могло случиться толь-

ко вскорѣ по убіеніи брата, а между тѣмъ онъ царствовалъ довольно продолжительно.

Въ генеалогической таблицѣ Спартокидовъ, составленной Кене, наслѣдникомъ Левкона, правившимъ Босфорскимъ царствомъ, значится Спартокъ VI.

Спартоку VI въ свою очередь наслѣдовалъ сынъ его Левконъ III, царствовавшій около 200 года до Р. Хр. У этого Левкона былъ сынъ Левканоръ и побочный братъ послѣдняго Евбіотъ.

Въ своемъ повѣтствованіи о Токсарисѣ, Лукіанъ передаетъ, что Левканора убилъ скифъ Лонхаресъ, другу котораго Асокомасу Левконъ отказалъ въ рукѣ дочери своей Мащеи, такъ какъ, по желанію отца, она должна была вступить въ бракъ съ Адримахомъ, царемъ Махлиновъ. Самъ Левканоръ былъ женатъ на аланской княжнѣ.

Около 175 г. до Р. Хр. Левканора замѣнилъ его братъ Евбіотъ. При немъ скифы напали на Босфорское царство, побѣдили Евбіота и заставили его платить имъ двойную дань.

Послѣ Евбіота, около 160 года до Р. Хр., царствовалъ еще какой-то неизвѣстный царь.

Послѣднимъ Спартокидомъ былъ Перисадъ III-й, правившій Босфорскимъ царствомъ отъ 118 по 115 г. до Р. Хр. и передавшій свое царство Митридату Евпатору, прозванному Великимъ.

Митридатъ Великій по праву носилъ это названіе. Родился онъ въ 135 г. до Р. Хр., а умеръ въ 63 на 72 году своей жизни. Эта долгая жизнь была почти непрерывною военною дѣятельностью. Громадный умъ, крутой до жестокости характеръ, непоколебимая энергія, выдающіяся военныя способности, казалось, не давали ни одной минуты покоя этому авантюристу-царю и несомнѣнно первоклассному полководцу. Онъ жилъ исключительно войною. Съ мыслью о войнѣ онъ вступилъ въ управленіе Босфорскимъ царствомъ и съ тою же мыслью умеръ трагически.

Отъ отца Митридатъ наслѣдовалъ Понтійское царство или Понтъ, заключавшій въ себѣ Колхиду, часть восточнаго побережья Чернаго моря и часть малоазіатскихъ владѣній мальчикомъ 12 лѣтъ отъ роду. При такомъ возрастѣ царя, нашлись охотники замѣстить его. Митридатъ бѣжалъ въ лѣса, спасаясь отъ происковъ своихъ опекуновъ. Въ этомъ побѣгѣ и семилѣтней жизни въ лѣсахъ выразилась уже непреклонная энергія будущаго полководца. На лонѣ природы Митридатъ жилъ исключительно охотою и питался отъ нея. Взявши затѣмъ въ свои руки управленіе царствомъ, онъ началъ съ того, что жестоко поразилъ ближайшихъ своихъ

непріятелей—скифовъ и сразу, такимъ образомъ, упрочилъ за собою военную славу и престолъ, считавшійся въ ту пору лучшей рекомендаціей правителей.

Легко справляясь съ ближайшими сосѣдями, Митридатъ напрягалъ всѣ усилія ума и затрачивалъ громадныя матеріальныя средства на борьбу съ римлянами. То была дерзская попытка сломить желѣзное могущество міровой имперіи. Въ продолженіе 30-ти лѣтъ Митридатъ велъ войну съ римлянами, имѣя попеременно своими противниками такихъ полководцевъ, какъ Сулла, Лукуллъ и Помпей,

Но на этомъ основномъ пунктѣ своей дѣятельности Митридатъ терпѣлъ больше всего неудачъ. Иначе не могло конечно и быть. Въ составъ Понтійскаго государства входила масса народностей разноплеменныхъ и находившихся на различныхъ ступеняхъ культуры, между которыми не было такой господствующей и связующей въ одно цѣлое, какую представляли собою римляне; личными же своими качествами онъ не могъ замѣнить этого основного и самого необходимаго условія для успѣшной государственной дѣятельности

Къ тому же войны съ римлянами отвлекали Митридата отъ собственныхъ его владѣній и текущей въ нихъ жизни. За 94 года до Р. Хр. Митридатъ получилъ въ свое владѣніе Босфорское царство, а 5 лѣтъ спустя, въ 79 г., босфоряне, пользуясь отсутствіемъ Митридата, подняли противъ него бунтъ. Митридатъ однако быстро справился съ бунтовщиками и поставилъ во главѣ Босфорскаго царства старшаго своего сына Махареса, управлявшаго Босфоромъ въ теченіе 14 лѣтъ. Держа въ повиновеніи своихъ сосѣдей скифовъ, Митридатъ, съ одной стороны, проникъ далеко на малоазійскіе берега Чернаго моря, а съ другой, покорилъ также Херсонесъ, обложивши всѣ покоренныя провинціи данью. Аппіанъ разсказываетъ о томъ, какъ Митрадатъ, отправившись на корабляхъ, воевалъ съ колхами и босфорянами, отпавшими отъ него. Для того, чтобы покорить отпавщія провинціи, Митрадатъ привлекъ массу союзниковъ—халибовъ, армянъ, скифовъ, тавровъ, ахеевъ, геніоховъ, левкосировъ и всѣ народы, жившіе по р. Фермодонту въ такъ называемой Амазонской землѣ.

Обширная и разнородная имперія Митридата однако трудно поддавалась управленію. Неудачи въ этомъ отношеніи преслѣдовали Митридата неоднократно. Когда во время войны съ Лукулломъ Митридатъ началъ терпѣрть пораженія, собственный его сынъ Махаресъ, устрашенный успѣхами римлянъ, порѣшилъ заключить мирный трактатъ съ ними. Этимъ онъ страшно вооружилъ противъ себя своего отца, рѣшившаго примѣрно наказать сына за малодушіе. Напрасно

Махаресъ просилъ отца простить ему невольную оплошность. Митридатъ былъ неумолимъ. Доведенный до отчаянія, въ 65 г. до Р. Хр., Махаресъ покончилъ самоубійствомъ, чтобы не имѣть дѣла съ отцомъ.

Митридатъ былъ вообще жестокимъ человѣкомъ, и эта жестокость проявилась по отношенію не къ одному Махаресу, а и къ другимъ членамъ семьи. Аппіанъ передаетъ, что когда Митридатъ началъ расправляться съ колхами и босфоритянами, пытавшимися освободиться отъ его власти, то колхи просили назначить имъ царемъ собственнаго же сына Митридата, и послѣдній дѣйствительно далъ имъ въ правители сына по имени также Митридата. Послѣ однако, заподозрѣвши сына въ проискахъ противъ него, онъ заключилъ его въ золотые оковы, а потомъ, немного спустя, и совсѣмъ велѣлъ умертвить.

Съ другимъ сыномъ онъ поступилъ еще безчеловѣчнѣе. Въ подземныхъ тайникахъ одного изъ укрѣпленій Митридатъ спряталъ очень много денегъ въ мѣдныхъ, окованныхъ желѣзомъ сосудахъ, довѣривъ тайну эту своей женѣ или наложницѣ Стратоникѣ. Когда Митридатъ былъ разбитъ Помпеемъ и когда Помпей сталъ громить его имперію, устрашенная Стратоника передала довѣренныя ей богатства Помпею подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ пощадилъ Ксифара, ея сына отъ Митридата, если Ксифаръ попадетъ въ руки Помпею. Помпей обѣщалъ заботливой матери исполнить условіе. Когда же объ этомъ узналъ Митридатъ, то явился на мѣсто, гдѣ находились Стратоника и Ксифаръ, захватилъ послѣдняго и велѣлъ убить его у пролива на глазахъ матери, смотрѣвшей съ противоположнаго берега на эту ужасную варварскую сцену, и бросилъ трупъ собственнаго своего сына безъ погребенія.

Войну съ Помпеемъ Митридатъ началъ въ Малой Азіи, гдѣ онъ сосредоточилъ противъ римлянъ союзныя войска. Помпей однако разбилъ его на голову. Потерявши на мѣстѣ 10,000 войска, Митридатъ бѣжалъ въ Босфоръ, что бы организовать здѣсь новыя военныя силы противъ римлянъ. Титъ Ливій, передавая объ этой побѣдѣ Помпея, упоминаетъ о бѣгствѣ Митридата черезъ страны колховъ и геніоховъ въ Босфоръ. Веллей Петеркусъ, коснувшись того же событія, говоритъ, что разбитый Помпеемъ Митридатъ бѣжалъ къ зятю своему Тиграну, царю Арменіи.

Послѣдній планъ борьбы Митридата съ римлянами состоялъ въ томъ, чтобы напасть на Римъ со стороны кельтовъ и галовъ, обитавшихъ на западѣ Европы. Въ этихъ видахъ Митридатъ не только успѣлъ ускользнуть отъ римлянъ, но и собрать войска въ Босфорѣ. Разбивши ихъ на двое,

одну часть войскъ онъ оставилъ въ Фанагоріи, а другую въ Пантикапеѣ. Но осуществленію этого плана помѣшали совершенно непредвидѣнныя обстоятельства.

Нѣкто Касторъ, знатный фанагоріецъ, былъ оскорбленъ Трифономъ, евнухомъ Митридата. Въ порывѣ гнѣва Касторъ убилъ оскорбителя, и чтобы избѣжать царскаго гнѣва, онъ поднялъ возстаніе противъ Митридата. На сторону Кастора сталъ народъ. Городъ раздѣлился на два враждебныхъ лагеря—на крѣпость, гдѣ находились семья и сторонники Митридата, и на народъ. Въ крѣпости находились дѣти Митридата—сыновья Артафернъ, Дарій, Ксерксъ, Оксафръ и дочери Евпатра и Клеопатра. Защитой акрополя руководилъ Артафернъ. Противники обложили акрополь дровами и подожгли ихъ. Запершіеся въ акрополѣ вынуждены были сдаться, но Евпатра рѣшила сопротивляться до послѣдней крайности. Митридатъ узналъ объ этомъ и выручилъ свою дочь изъ бѣды, благодаря одному воину, преданному царю.

Когда другіе города—Херсонесъ, Феодосія, Нимфей и проч., начали по примѣру Феодосіи отпадать отъ Митридата, послѣдній обратился за помощью къ скифамъ и послалъ къ ихъ царямъ въ замужество двухъ дочерей, въ сопровожденіи 500 человѣкъ войска. Этотъ охранный отрядъ перебилъ евнуховъ, а дочерей Митридата отвелъ къ Помпею. Не помогла упорному противнику римлянъ и эта чрезвычайная жертва дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, оставленный всѣми, среди враговъ и мятежнаго народа, Митридатъ твердо стоялъ на своемъ излюбленномъ планѣ о нападеніи на римлянъ черезъ Альпы съ сѣвера.

Но тутъ ужъ, въ самую критическую минуту, Митридату измѣнилъ и любимый сынъ его Фарнакъ. Опасаясь окончательнаго разгрома Босфорскаго царства со стороны римлянъ, Фарнакъ рѣшился воспользоваться неудачами отца, чтобы получить отъ римлянъ въ управленіе свое страну, и перешелъ на сторону враговъ отца. Предположенія Фарнака оправдались. Римляне вручили ему власть надъ Босфорскимъ царствомъ. Тогда Митридатъ рѣшилъ окончить счеты съ жизнью и въ 63 г. до Р. Хр. сначала принялъ отраву, но когда ядъ не подѣйствовалъ на него, приказалъ приближенному къ нему лицу убить его.

Трогательную картину кончины Митридата рисуетъ древній писатель Аппіанъ. При Митридатѣ всегда неразлучно съ нимъ находились двѣ любимыхъ его дочери—Митридата, невѣста царя Египетскаго, и Нисса, невѣста царя Кипрскаго. Когда наблюдавшія за отцомъ дѣвушки замѣтили, что онъ пытался развязать узелъ, которымъ прикрѣпленъ былъ ядъ у меча, и когда такимъ образомъ имъ ясно стало, что отецъ

ихъ намѣренъ отравиться,—онѣ рѣшили въ свою очередь умереть вмѣстѣ съ нимъ. Митридатъ растворилъ ядъ въ чашѣ, но дочери вырвали изъ рукъ отца чашу и умоляли его разрѣшить имъ первымъ принять ядъ. Митридатъ долго колебался. Царевны указали отцу на позоръ, который ожидалъ ихъ въ случаѣ его смерти. Митридатъ сдался, дѣвушки приняли ядъ и черезъ минуту два трупа валялись у его ногъ. Тогда принялъ ядъ и Митридатъ, но отрава не подѣйствовала на него. Напрасно онъ усиленною хотьбою пытался вызвать дѣйствіе яда. Смерть какъ бы не желала брать великаго полководца.

Увидѣвши Витита, предводителя галловъ или кельтовъ, Митридатъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «твоя рука оказала мнѣ много услугъ противъ враговъ, но теперь окажетъ наибольшую, если ты сейчасъ же умертвишь меня. Мнѣ, который столько времени былъ неограниченнымъ повелителемъ огромнаго государства, предстоитъ опасность быть веденнымъ въ торжественной процессіи тріумфа. Я не могу умереть отъ яда, потому что по глупости обезопасилъ себя пріемомъ другихъ ядовъ; я не предусмотрѣлъ самаго тяжелаго и обычнаго для царей яда—вѣроломства воиновъ, сыновей и друзей, между тѣмъ какъ принялъ предосторожности противъ всего вреднаго для жизни». Вититъ, тронутый словами царя, оказалъ ему требуемую услугу.

Такъ умеръ Митридатъ Евпаторъ на 68 или 69 году жизни и на 57 году долголѣтняго царствованія.

Помпей, по словамъ Аппіана, выдалъ деньги на погребеніе Митридата и велѣлъ прислужникамъ его совершить обрядъ по царски, а тѣло положить въ Синопѣ въ царскихъ гробницахъ. Римскій полководецъ удивлялся величію Митридата и призналъ его самымъ выдающимся изъ современныхъ царей. Плутархъ съ своей стороны утверждаетъ, что «Помпей получилъ множество даровъ, привезенныхъ отъ Фарнака, много труповъ царедворцевъ и трупъ самого Митридата». При тріумфѣ же Помпея были ведены «сестра, пятеро дѣтей и скифскія жены Митридата».

Когда римляне узнали о смерти Митридата, то устроили, по свидѣтельству Аппіана, празднества. Такъ опасенъ казался для римлянъ великій понтійскій полководецъ. Босфорское царство было отдано римлянами Фарнаку, за его вѣроломные поступки по отношенію къ отцу. Исключеніе было сдѣлано для одной Фанагоріи, которой была дарована полная свобода въ награду за то, что она первою возстала противъ Митридата.

Митридатъ дѣйствительно былъ страшенъ своею непоколебимою энергіею, направленною исключительно на воен-

ныя цѣли. Отъ его организаціи имперіи и гражданскаго управленія не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ управленіе страной не могло обойтись безъ ближайшаго участія въ немъ самого Митридата, онъ назначалъ вмѣсто себя своихъ сыновей. Обыкновенныя же провинціи онъ раздавалъ ближайшимъ своимъ друзьямъ и преданнымъ ему лицамъ. Такъ по словамъ Страбона въ Колхиду былъ посланъ правителемъ Моафернъ, дядя его матери съ отцовской стороны. Лично самъ и при помощи этихъ друзей правителей Митридатъ только въ Колхидѣ, въ земляхъ халибовъ, тибореновъ и въ друг. провинціяхъ построилъ 75 крѣпостей. Но все это направлено было на поддержаніе военныхъ силъ.

Изъ Колхиды Митридатъ получалъ главную помощь для организаціи его морскихъ силъ; по крѣпостямъ и въ сокровенныхъ тайникахъ хранилась большая часть сокровищъ, которыя также составляли средства для военныхъ надобностей.

Не смотря на то, что Митридатъ положилъ начало новой династіи въ Босфорскомъ царствѣ, его огромная имперія сразу же послѣ его смерти распалась на части. Съ 62 г. до Р. Хр. Помпей отдалъ Колхиду въ управленіе Аристарху, а Босфоръ Фарнаку. Скифы и другіе сосѣдніе народы стали свободными въ силу положенія вещей. Такимъ образомъ, не только пала имперія Митридата, но съ этого времени собственно утратило свою самостоятельность и Босфорское царство. За нимъ осталось лишь наименованіе царства, но въ дѣйствительности оно было римскою провинціею, такъ какъ всѣ цари назначились Римомъ и оно платило дань римлянамъ.

Фарнакъ царствовалъ около 14 или 15 л. и именовалъ себя на монетахъ: «великій царь царей». Измѣнивши отцу,—который напрасно просилъ выпустить его изъ Пантикапеи и вынужденъ былъ принять ядъ, находясь въ неволи у сына,—Фарнакъ не измѣнилъ традиціямъ Митридата. Онъ остался противникомъ Рима. Недовольный роздѣломъ Босфора, онъ возсталъ противъ Рима, передалъ начальство надъ Босфоромъ своему военоначальнику Асандру, а самъ завладѣлъ Понтомъ, предавая все опустошенію и мечу. Но скоро на помощь Понту явился Юлій-Цезарь, разбилъ Фарнака и заставилъ его возвратиться въ Босфоръ. Къ побѣдѣ надъ Фарнакомъ относится его знаменитое донесеніе сенату: „veni, vidi, vici,“ т. е. пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Фарнаку же приписываютъ затопленіе цѣлаго края, занятаго дандарійцами, съ помощію отвода р. Кубани въ какой-то старинный каналъ, расчищенный по приказанію Фарнака. За 50 л. до Р. Хр. Фарнакъ былъ умерщвленъ своимъ полководцемъ Асандромъ, который и завладѣлъ потомъ Босфорскимъ царствомъ.

Женившись на Динамисѣ, дочери Фарнака, Асандръ умертвилъ побочнаго сына Митридата Великаго, которому, со смертію его брата Фарнака, Юлій-Цезаръ отдалъ за услуги Риму Босфоръ. Завладѣвъ такимъ образомъ Босфорскимъ царствомъ, Асандръ сначала изъ политики передъ Римомъ и греками назвалъ себя архонтомъ, но впослѣдствіи съ дозволенія Августа онъ сталъ именоваться царемъ. Асандръ царствовалъ 33 года. Онъ укрѣпилъ Босфоръ, усмирилъ непокойныхъ сосѣдей, побѣдилъ враговъ и возобновилъ такъ называемый Асандровъ валъ. По словамъ Ипсикрата, говоритъ Страбонъ, Асандръ отгородилъ стѣною перешеекъ Херсокиса у Меотиды длиною 360 стадій и поставилъ по 10 башенъ на каждой стадіи. Не смотря на свою глубокую старость, Асандръ, ведя войны, самъ лично мужественно сражался какъ пѣшимъ, такъ и коннымъ. Когда Августъ послалъ на Босфоръ Скрибонія для начальствованія надъ войскомъ, оскорбленый этимъ Асандръ, не желая переносить униженія, уморилъ себя голодомъ на 93 году своей жизни, за 14 лѣтъ до Р. Хр. Можно полагать, что при Асандрѣ окончательно было уничтожено въ греческихъ колоніяхъ республиканское правленіе при посредствѣ архонтовъ.

Скрибоній царствовалъ очень короткое время. Женившись на вдовѣ Асандра, онъ выдалъ себя за внука Митридата Великаго, чтобы, выигравши, такимъ образомъ, во мнѣніи народа, закрѣпить за собою Босфоръ. Босфоряне однако не дались въ обманъ и, зная его происхожденіе, подняли противъ него бунтъ и убили его, какъ своего рода самозванца.

Мѣсто Скрибонія занялъ Полемонъ I-й, которому римскій военоначальникъ Маркъ Агриппа поручилъ наказать самозванца Скрибонія за самовольное присвоеніе себѣ царской власти. Порученія этого ему не пришлось исполнить, такъ какъ онъ явился въ Босфоръ послѣ того, какъ босфоритяне убили Скрибонія. Не желая признать царемъ и Полемона, народъ первоначально оказалъ ему сопротивленіе, но когда Агриппа явился изъ Сиріи въ Босфоръ, то установилъ Полемона въ царскомъ званіи, а Августъ утвердилъ этотъ актъ Агриппы.

Полемонъ былъ сыномъ ритора Зенона и владѣлъ частію Понта и малой Арменіи. Чтобы окончательно упрочить за собою Босфоръ, онъ женился на 45-ти лѣтней Динамисѣ, вдовѣ Асандра и Скрибонія. Это имѣло значеніе, такъ какъ видимо Динамиса была на счету у римскихъ императоровъ. Близъ Фанагоріи была найдена на мраморномъ пьедесталѣ надпись: «царица Динамиса посвятила эту статую Цезарю

Августу, божественному, благочестивому повелителю всѣхъ острововъ, всей земли и моря, своему спасителю и благодѣтелю». Динамиса однако была не долго за Полемономъ и умерла бездѣтною. Тогда Полемонъ женился на знаменитой въ свое время Пифодорисѣ, женщинѣ выдающагося ума и большихъ политическихъ способностей. Пифодориса ревностно раздѣляла труды по управленію съ своимъ супругомъ. и по смерти Полемона Августъ подчинилъ ея власти все восточное побережье Чернаго моря, колховъ, жителей Трапезунта, Фарнакіи и варваровъ, жившихъ выше Фарнакіи. Но Полемонъ не довольствовался этимъ и велъ войны со скифами съ завоевательными цѣлями. Такъ, по словамъ Страбона, онъ разрушилъ до основанія городъ Танаисъ, лежавшій въ устьѣ Дона. Но война съ аспургіанами была для него гибельна. Подъ видомъ дружбы онъ вторгся въ земли аспургіанъ, имѣя въ виду завладѣть ими. Аспургіане однако разгадали тайные замыслы Полемона, напали на него въ расплохъ, взяли въ плѣнъ и лишили жизни.

По смерти Полемона Пифодорисѣ достались Понтъ и Колхида.

Царствованіе Тиверія Юлія Савромата І-го совпадаетъ съ началомъ христіанской эры, именно между 2 и 11 годами по Р. Хр. Савроматомъ І-мъ начинается четвертая династія царей босфорскихъ, династія савроматидовъ. Въ это время Босфоръ находился въ полномъ подчиненіи римлянъ, и цари босфорскіе за честь считали прибавлять къ своимъ именамъ имена римскихъ цезарей и правителей. Такимъ образомъ и Савроматъ І-й превратился въ Тиверія Юлія. Черта этого обажанія римлянъ босфорскими царями сохранилась и на двухъ археологическихъ надписяхъ, найденныхъ въ Тамани. На мраморномъ пьедесталѣ, вдѣланномъ въ одну изъ стѣнъ Таманской церкви, оказалась слѣдующая надпись: „Жрецъ Нептуна Макаръ, желая почтить великаго царя царей всего Босфора—Тиверія Юлія Савромата, сына царя Рискупорида, друга Цезарей и римлянъ, счастливый... его спаситель, воздвигнулъ ему эту статую подъ наблюденіемъ Діофанта Пантикапейскаго". На другомъ мраморномъ пьедесталѣ значится: «Благимъ счастіемъ! Царь царей, царствующій по праву наслѣдства отъ своихъ предковъ, Тиверій Юлій Савроматъ, другъ Цезаря и римлянъ, благочестивый Юлій Фанестратъ, Хилліархъ, воздвигнулъ эту статую Цезаря, своего властителя и царя». Смыслъ обѣихъ надписей ясенъ и характеренъ. И цари, и граждане Босфора явно выражали свою зависимость отъ Рима.

Послѣ Савромата I-го, съ 11 по 17 г. по Р. Хр., царствовали одновременно Рискупоридъ I и Савроматъ II-й. О первомъ изъ нихъ ничего неизвѣстно, за исключеніемъ его имени, встрѣчающагося на монетахъ. Относительно второго найдены прямыя историческія указанія въ древнихъ надписяхъ.

Такъ, на одной изъ надписей значится: «Царя Тиверія Юлія Савромата, друга императора и народа римскаго наилучшаго, Кай-Силанъ, сынъ Юлія, въ 60-й годъ жизни царя, сію колону въ даръ богамъ въ храмъ приноситъ». Эта была посвятительная колона и высѣченная на ней надпись относилась къ Савромату II, сыну Рискупорида. Савроматъ II первымъ былъ удостоенъ царскаго достоинства римлянами. Императоръ Тиверій присвоилъ ему знаки царскаго достоинства: золотой вѣнокъ, жезлъ или скипетръ изъ слоновой кости, копье, мечъ, шлемъ и коня. Первымъ изъ босфорскихъ царей Савроматъ сталъ также прибавлять къ титулу царя слово «любо Кесаря, любо римлянина», т. е. друга императора и народа римскаго. Его примѣру слѣдовали Рискупоридъ II Котисъ II и Ремиталкъ. Съ 17 по 38 г. по Р. Х. царствовалъ Рискупоридъ II.

За Рискупоридомъ слѣдовалъ Полемонъ II, сынъ Пифодорисы. Унаслѣдовавши отъ послѣдней Понтъ и Колхиду въ 38 году по Р. Хр., онъ получилъ, по волѣ Калигулы, и Босфоръ. Въ 41 г. Клавдій перевелъ Полемона царемъ въ Киликію, а его царство отдалъ Митридату.

Царствованіе Митридата III и его супруги Гепепиры было не продолжительно,—съ 41 по 46 г.,—но бурно. Подобно Митридату Евпатору, Митридамъ III ненавидѣлъ римлянъ и рѣшилъ свергнуть ихъ иго. Но ему измѣнилъ братъ его Котисъ, которому въ награду за измѣну императоръ Клавдій отдалъ Босфорское царство, велѣлъ носить діадему и прислалъ войска подъ предводительствомъ Авла Дадія.

Кажется, что при Митридатѣ III римскія войска въ первый разъ появились на берегахъ Босфора. Митридатъ съ босфоритянами оказалъ упорное сопротивленіе римлянамъ. Плиній пишетъ о жестокомъ сраженіи, которое римляне имѣли при самомъ входѣ въ Босфоръ. Митридатъ былъ разбитъ, бѣжалъ и болѣе трехъ лѣтъ скитался среди дикихъ народовъ, обитавшихъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Здѣсь нашелъ онъ убѣжище у жителей восточнаго берега Палюса, которыхъ и склонилъ оказать ему помощь. Въ 49 г. по Р. Хр. онъ напалъ съ ними на владѣнія Босфора, гдѣ, по уходѣ Дадія, остались лишь слабые гарнизоны римлянъ, съ которыми легко было справиться. Однако Котисъ съ римлянами, подкрѣпляемые царемъ аорсовъ, одолѣли

Митридата и завладѣли Успе, укрѣпленіемъ, принадлежавшимъ самому сильному его союзнику царю кирасовъ. Тогда Митридатъ передался въ руки врагу своему царю аорсовъ, полагаясь на его великодушіе.

И, дѣйствительно, царь этотъ уговорилъ Клавдія даровать жизнь Митридату и не подвергать его тріумфу при въѣздѣ въ Римъ. Такъ, попавши въ плѣнъ къ римлянамъ, и жилъ онъ потомъ въ Римѣ долгое время. Двадцать лѣтъ спустя въ 68 г. по Р. Хр., онъ выказалъ твердость духа, смѣло принявши смерть, какъ одинъ изъ виновниковъ заговора противъ Гальбы. Разсказываютъ, что старый и дряхлый Гальба велѣлъ умертвить его главнымъ образомъ, за то, что онъ смѣялся надъ его лысою головою.

Жена Митридата Гепепира также видимо раздѣляла власть его въ свое время, когда онъ былъ занятъ военными дѣйствіями; она изображена на нѣкоторыхъ монетахъ и даже одна, безъ мужа.

Котисъ I былъ братомъ Митридата, велъ съ нимъ борьбу и выдалъ его потомъ римлянамъ. Онъ царствовалъ 22 года, съ 46 по 68 г. по Р. Хр. Съ нимъ кончилась династія Ахеменидовъ.

Послѣ Ахеменидовъ царями становятся различныя лица и частью попадаютъ въ это положеніе случайно или, во всякомъ случаѣ, по произволу римлянъ.

Пріемникомъ Котиса I былъ Тиверій Юлій Рискупоридъ III, современникъ Тита и Домиціана. Сколько онъ царствовалъ неизвѣстно, но относительно его, археологами найдены двѣ золотыя монеты, помѣченныя 84 и 85 годами по Р. Хр. Изъ его царствованія сохранилась слѣдующая въ высшей степени интересная надпись:

«Во время правленія Тиверія Юлія Рискупорида, преданнаго императору и римлянамъ, 337 года (по боспорскому лѣтоисчисленію или въ 40 г. по Р. Хр.), 23 числа мѣсяца Перетія, я Христа, бывшая предъ симъ женою Ниція, сына Сотасова, отпускаю на волю въ синагогѣ, воспитанника моего Геракла, однажды навсегда, вслѣдствіе даннаго мною обѣта, причемъ никто со стороны наслѣдниковъ не имѣетъ права возражать, ни противиться. Онъ можетъ идти безпрепятственно, куда пожелаетъ, въ чемъ я дала обѣтъ; но онъ обязанъ присутствовать въ синагогѣ для поклоненія Богу. Переклидъ и Геликоніадъ, мои наслѣдники, согласились, и еврейская синагога утвердила это».

Надпись замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Она указываетъ прежде всего на то, что въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. въ Пантикапеѣ жили уже евреи и что евреи эти имѣли свою синагогу, свободно исповѣдуя вѣру. Слѣдовательно,

боспорскіе цари и боспоритяне были вѣротерпимы. На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію археолога Стемковскаго, послѣ разоренія Титомъ Іерусалима, за 10 лѣтъ до надписи, въ Пантикапею переселилось очень много евреевъ. Интересны также самый фактъ вольноотпущенничества, греческія имена евреевъ и т. п. Очевидно, греческая культура, обычаи и нравы вліяли на разные слои боспорскаго населенія, разъ такія стойкія народности, какъ еврейская, поддались этому вліянію.

Савроматъ III извѣстенъ только по монетамъ его имени, на которыхъ встрѣчаются годы 390 и 395 боспорскаго лѣтоисчисленія или 94 и 99 гг. по Р. Хр. Онъ былъ современникъ Домиціана, Траяна и Адріана. Плиній младшій, бывшій тогда (въ 104 г. по Р. Хр.) начальникомъ Вифиніи и Понта, упоминаетъ о посольствѣ Савромата къ Траяну. Какъ показываютъ монеты съ 400, 406 и 420 годами боспорскаго лѣтоисчисленія, онъ царствовалъ не менѣе 20 лѣтъ.

Котисъ II царствовалъ вслѣдъ за Савроматомъ III. Основываясь на свѣдѣніяхъ Флегонта, Константинъ Багрянородный сообщилъ, что Котисъ II получилъ власть отъ Кесаря, т. е. вѣроятно отъ императора Адріана, который велѣлъ Котису носить діадему и подчинилъ ему города, въ томъ числѣ и Херсонесъ. Географъ Арріанъ, современникъ Адріана, слѣдующимъ образомъ сообщаетъ послѣднему о смерти Котиса: «какъ только я узналъ о смерти Котиса, царя Боспора Киммерійскаго, то поспѣшилъ доставить тебѣ описаніе береговъ этой страны на тотъ конецъ, чтобы тебѣ извѣстны были всѣ мѣста, въ случаѣ если бы ты захотѣлъ сдѣлать какія-либо распоряженія на счетъ Боспорскаго царства». Кончина же Котиса опредѣляется послѣдними монетами годомъ 428 по боспорскому лѣтоисчисленію или 132 по Р. Хр.

Тиверій Юлій Ремиталкъ сдѣлался царемъ непосредственно со смертію Савромата III въ 132 г. по Р. Хр. Котисъ видимо не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ. Царствовалъ Ремиталкъ около 22 или 23 лѣтъ. У него оспаривалъ престолъ Евпаторъ, но Антонинъ рѣшилъ споръ въ пользу Ремиталка.

Тиверій Юлій Евпаторъ вступилъ въ управленіе страною непосредственно по смерти Ремиталка и царствовалъ 16 лѣтъ съ 154 по 170 г. по Р. Хр.

За Евпаторомъ слѣдовали Левканоръ и Эвбіотъ, но они управляли только нѣкоторою частью Боспора.

Савроматъ IV началъ царствовать въ Боспорѣ въ 177 или 178 г., а конецъ его царствованія совпадалъ съ 209 или 210 г. по Р. Х. Изъ одной надписи, сохранившейся изъ времени Савромата IV, видно, что царь этотъ имѣлъ въ Танаисѣ своего

уполномоченнаго, который вѣдалъ торговлей. Изъ другой надписи явствуетъ, что во время войны съ сираками и скифами Савроматъ съ своими полководцами, пользуясь перемиріемъ, взялъ Таврику и сдѣлалъ безопаснымъ для судоходства море.

Тиверій Юлій Рискупоридъ IV извѣстенъ по монетамъ и надписи на мраморѣ. Изъ этихъ данныхъ видно, что онъ царствовалъ въ Босфорѣ съ 210 по 228 или 229 годъ по Р. Хр.

Котисъ III и Савроматъ V, судя по монетамъ съ ихъ именами, царствовали совмѣстно, управляя отдѣльными частями Босфора, а Котисъ III даже соправительствовалъ съ Рискупоридомъ IV въ послѣдніе годы его царствованія.

Рискупоридъ V и Инифемей извѣстны тоже по монетамъ. Первый былъ царемъ кратковременно, съ 234 по 235 г., а второй царствовалъ съ 235 по 239 г.г. по Р. Хр. Это были сыны Скилура, скифскаго царя.

Рискупоридъ VI извѣстенъ также по однимъ монетамъ, судя по которымъ онъ царствовалъ съ 239 по 253 годъ.

Фореанзесъ царствовалъ съ 253 по 257 г. и, кажется, нѣкоторое время совмѣстно съ Рискупоридомъ VI.

Рискупоридъ VII, судя по монетамъ, царствовалъ съ 256 по 268 г., хотя конецъ царствованія его и не извѣстенъ точно.

О Савроматѣ VI свидѣтельствуютъ монеты съ датами 275 и 276 годовъ по Р. Хр., но ни начало ни конецъ его царствованія не извѣстны.

Тиверій Юлій Тейранесъ былъ современникъ Проба, какъ на это указываютъ монеты его имени съ 276 по 279 г. Относительно этого царя сохранились свѣдѣнія и въ надписи на мраморномъ столбѣ, найденномъ въ Керчи. Изъ этой надписи видно, что памятникъ царю Тейранесу и его супругѣ Аеліи соорудила въ честь Юпитера Сотира и Юноны Сотиры цѣлая группа лицъ, а именно: жрецъ, царскій министръ и префектъ г. Феодосіи, хиліархъ и префектъ аспурговъ, главный бухгалтеръ или регистраторъ, старый начальникъ гражданъ, просто начальникъ гражданъ и старый почетный чиновникъ. Такъ по крайней мѣрѣ переведена надпись на памятникѣ. Хотя приведенными выше названіями и не совсѣмъ точно передается роль и служебное положеніе чиновниковъ, но самый фактъ ихъ существованія весьма характеренъ. Онъ указываетъ на извѣстную сложность правительственной организаціи и разнообразіе ролей ея персонала.

Фофорсесъ и Савроматъ VII были соправители; первый управлялъ азіатскою частью Босфора, а второй европейскою. Монеты Фофорсеса помѣчены 279—304 г.г. по Р. Хр. О Савроматѣ VII Константинъ Багрянородный сообщаетъ,

что онъ предпринялъ походъ въ Азію противъ римлянъ и громилъ Лазику, не смотря на сопротивленіе Констанція Хлора, начальствовавшаго войсками Діоклетіана. Чтобы усмирить Савромата, Констанцій Хлоръ приказалъ херсонитянамъ, данникамъ Рима, вторгнуться во владѣнія Савромата. Херсонитяне захватили Пантикапею, полонивши много народа и женъ царскихъ, чѣмъ и вынудили Савромата заключить міръ съ римлянами въ 292 г. по Р. Хр.

Савроматъ VIII, внукъ Савромата VII, продолжалъ войну съ херсонитянами. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, онъ напалъ на херсонитянъ, желая отомстить за пораженіе дѣда; но въ свою очередь былъ разбитъ близъ Кафы Бикусомъ, сыномъ Суполика, протевона херсонитскаго. Вслѣдствіе такого исхода войны установлена была новая граница отъ озера Акташъ-Алчинъ до Азовскаго моря, не переступать которую далъ клятву Савроматъ VIII. Царствовалъ Савроматъ VIII съ 304 по 308 г.

Радамсадіусъ и Рискупоридъ VIII царствовали одновременно, о чемъ свидѣтельствуютъ монеты и надписи; но какою частью Босфорскаго царства каждый изъ нихъ управлялъ — неизвѣстно. Первый царствовалъ съ 308 по 320 годъ и былъ современникомъ Константина Великаго.

Савроматъ IX-й царствовалъ также во времена Константина Великаго. Константинъ Багрянородный сообщаетъ о его борьбѣ съ херсонитянами, кончившейся гибелью на поединкѣ этого царя. Когда сошлись для битвы войска, Фарнакъ, старѣйшина и протевонъ Херсона, предложилъ Савромату окончить борьбу единоборствомъ. Савроматъ былъ выше ростомъ Фарнака, надѣялся на успѣхъ и принялъ вызовъ на поединокъ. Противники при поединкѣ стали спинами къ чужимъ войскамъ. Когда они съ пыломъ набросились другъ на друга, херсонитяне, какъ приказалъ раньше Фарнакъ, подняли мгновенно крикъ. Савроматъ невольно обернулся къ нимъ, подставивши спину противнику. Въ это время Фарнакъ нанесъ ему смертельный ударъ. О событіи этомъ упоминается въ одной надписи, изъ которой видно также, что въ ту пору, т. е. при Діоклетіанѣ и Константинѣ, были уже христіане на Босфорѣ, а въ Таврѣ даже епископская кафедра. Были христіане также и въ Фанагоріи.

Послѣднимъ босфорскимъ царемъ можно считать Асандра II-го. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о немъ, какъ о принадлежащемъ къ роду Савроматовъ. Ни царь, ни босфоритяне не играли уже въ это время самостоятельной роли и совершенно зависѣли отъ херсонитянъ. Въ Римѣ въ то время царствовалъ Маркъ Аврелій, и его время считается временемъ совершеннаго упадка Босфорскаго царства. Херсо-

нитяне впрочемъ только подготовили паденіе этого царства, но затѣмъ появились гунны, которые и сокрушили его окончательно.

Таковы свѣдѣнія о босфорскихъ царяхъ. При крайней своей отрывочности и случайности, онѣ носятъ характеръ лишь общихъ указаній о существованіи того или другого лица и, чаще всего, объ участіи его въ войнахъ, столкновеніяхъ, бунтахъ или мятежахъ. Преобладаютъ свѣдѣнія изъ военной исторіи, исторія гражданская, бытовая, экономическая и культурная почти отсутствуютъ. Тѣмъ не менѣе въ общей своей массѣ свѣдѣнія эти рисуютъ Босфорское царство, какъ оригинальное и могущественное объединеніе цѣлаго ряда національностей подъ главенствомъ самой культурной изъ нихъ греческой. Греки создали Босфорское царство, греками оно держалось до послѣднихъ дней своего существованія.

Въ чемъ состояла сила греков? Главнымъ образомъ въ культурѣ и организаціонныхъ способностяхъ. Въ основу Босфорскаго царства было положено колонизаціонное начало. Греки вдали отъ родины, въ средѣ варварскихъ народностей основали колоніи, принесли съ собою свою культуру и съумѣли подчинить полудикія племена своему цивилизующему вліянію.

Въ основу государственнаго единства положено было два радикально различныхъ начала—демократическое и монархическое. Глава государства для грековъ былъ только архонтъ, начальникъ народнаго управленія, а для варваровъ—царь, неограниченный властитель. Въ надписяхъ на историческихъ памятникахъ такъ и значится всюду, что такой-то былъ архонтомъ Босфора, или же иногда Босфора и Феодосіи, и царемъ синдовъ, торетовъ, дандаровъ и др. мѣстныхъ народностей. Суть заключалась тутъ конечно не въ однихъ только названіяхъ, а въ характерѣ отношеній одного и того же лица къ различнымъ народностямъ, составлявшимъ Босфорское царство. Скромное архонтъ было для грека гарантіей личной свободы и демократическаго правленія. Метрополія—Афины и Спарта, жаловала нѣкоторыхъ архонтовъ только почетнымъ гражданствомъ. Греки колонисты не могли мириться съ самымъ названіемъ царь. Царь Босфорскій былъ архонтомъ не только Босфора, но и другой завоеванной греческой колоніи—Феодосіи, и потому лишь, что Феодосія была греческою колоніею. Но для скифовъ, меотовъ, даже синдовъ, народности съ несомнѣнною примѣсью греческой крови, архонтъ превращался въ властное царь. Въ роли царя онъ велъ войны, подчинялъ новыя народности, рас-

ширялъ предѣлы царства и вообще объединялъ отдѣльные народы въ одно государство.

При такомъ сплоченіи разнородныхъ частей подъ властью одного лица, Босфорское царство принимало въ разныя времена различные территоріальные размѣры. И въ европейской своей части, и въ особенности въ азіатской Босфоръ расширялся на счетъ завоеванія сосѣднихъ провинцій. Такъ, въ первомъ случаѣ къ Пантикапеѣ была присоединена Феодосія, а во-второмъ, Босфоръ расширялся къ сѣверу на счетъ различныхъ представителей меотовъ и далеко къ югу по Черноморскому побережью, гдѣ жили разнаго рода тореты, ахеи, геніохи, колхи и т. п. Но при этомъ, центральныя части, ядра, около которыхъ группировались сосѣднія и вновь присоединенныя народности, въ Европейскомъ Босфорѣ представляли Пантикапея и нынѣшее Керченское побережье, а въ Азіатскомъ Фанагорія и нынѣшній Таманскій полуостровъ. Кромѣ греческихъ городовъ и колоній здѣсь, особенно на Таманскомъ полуостровѣ, всегда къ ядру примыкали ближайшія, сосѣднія народности, какъ напр.: синды и нѣкоторая часть меотійскихъ народностей. Эти сосѣди ближе стояли къ колоніямъ, сильнѣе были подчинены ихъ культурѣ и тѣснѣе связаны единствомъ политическихъ, экономическихъ торговыхъ и, быть можетъ, даже бытовыхъ интересовъ.

Но несомнѣнно, что государственное единство какъ всего Босфора, такъ и наиболѣе сплоченныхъ его частей покоилось не на архонтѣ—царѣ. Одною властью царей нельзя было поддержать государственной связи. Лучшій примѣръ представляютъ въ этомъ отношеніи завоеванія Митридата Великаго. Его обширная имперія распалась на части и при немъ, и послѣ него. А между тѣмъ тѣсно сплоченныя съ греческими колоніями сосѣднія народности жили въ постоянной неразрывной связи съ Босфоромъ. Очевидно, такимъ образомъ, что за спиною босфорскаго архонта и царя существовали другія болѣе сильныя объединяющія начала. Такими началами были греческая культура и экономическіе интересы.

Въ культурномъ отношеніи греки стояли неизмѣримо выше мѣстныхъ народностей, и въ этомъ заключалась ихъ цивилизующая сила и политическое господство. Греки-колонизаторы покоряли варвара-аборигена мирными средствами. Главнѣйшее изъ этихъ средствъ составляла торговля. Съ самаго начала своего существованія греческія колоніи преслѣдовали преимущественно торговыя цѣли. Давая предметы высшей культуры—матеріи, золотыя издѣлія, вообще предметы обрабатывающей промышленности, греки въ замѣнъ

отъ варваровъ получали сырье—хлѣбъ, кожи, медъ и пр. Разумѣется, торговая разница шла въ пользу цивилизованнаго грека, а не полудикаго варвара. За относительно малое количество культурныхъ произведеній грекъ при мѣнѣ бралъ несоизмѣримо большое количество сырья. Экономическая сила была такимъ образомъ на стронѣ грека.

Еще мощнѣе было вліяніе всей жизни и обстановки грека на мѣстныя народности. Греки-колонисты создали города, устроили гавани и пристани, провели дороги, соорудили каналы, установили сообщенія, имѣли цѣлыя торговыя флотиліи, дали образцы высшихъ искусствъ, внесли гуманныя начала во взаимныя отношенія народностей—и все это такъ ново было для варвара, столь рѣзко бросалось въ глаза, что полудикарь невольно подчинялся культурной силѣ пришельца, машинально бралъ примѣры и безсознательно подчинялъ свои интересы торговымъ цѣлямъ грека. Грекъ былъ господствующею силою не только по своимъ матеріальнымъ средствамъ, но и по культурному, облагороженному образу жизни. За греческими деньгами и произведеніями крылось умѣнье устраивать лучше жизнь и искуснѣе организовывать человѣческія взаимоотношенія.

Пока греки стояли на почвѣ культурно-экономическихъ отношеній, вліяніе ихъ было громадно и распространялось далеко за предѣлы Босфорскаго царства. Торговыя сношенія грековъ не ограничивались съ входившими въ составъ Босфора и сосѣдними народностями, но проникали въ самыя отдаленныя страны. Торговля даже съ отдаленною Индіею въ то время велась черезъ среднюю Азію при посредствѣ Босфорскаго царства. Танаисъ, расположенный въ устьяхъ Дона, былъ тѣмъ торговымъ пунктомъ, въ который шли произведенія Индіи въ Европу, а произведенія европейскія въ Индію. И одно уже это обстоятельство показываетъ, какъ широкъ былъ кругъ дѣятельности и вліянія греческихъ колонистовъ на почвѣ культурно-экономическихъ отношеній. На нихъ собственно, а не на архонтахъ-царяхъ все время держалась связь народностей въ предѣлахъ Босфорскаго царства.

Но лишь только греки сходили съ торнаго историческаго пути культурно-экономическихъ отношеній, какъ только они пускались въ рискованныя предпріятія военной политики, Босфорское царство выходило изъ состоянія равновѣсія: отдѣльныя части и народности стремились къ обособленію, происходили взаимныя распри и всесильный Босфоръ слабѣлъ или даже дробился, распадался. Такъ было при Митридатѣ Евпаторѣ, при Фарнакѣ, при Митридатѣ III и др. И это понятно. Сила Босфорскаго царства держалась не столь-

ко на военныхъ средствахъ, сколько на творческихъ началахъ развитія культуры и экономической жизни.

Но Босфорское царство существовало въ ту эпоху, когда война и завоеванія были господствующимъ стимуломъ при взаимоотношеніяхъ народовъ. Сѣверный Кавказъ и южная Россія были населены полудикими и кочевыми народами, проводившими жизнь во взаимныхъ столкновеніяхъ, войнахъ и вытѣсненіяхъ изъ однимъ мѣстностей въ другія. Могущество римлянъ держалось исключительно на завоевательной политикѣ. Мѣстные европейскіе народы—аборигены отстаивали свою самостоятельность военною рукою. Убить врага, плѣнить противника, разорить чуждую народность было международнымъ правиломъ, а пролитая кровь, жертвы войны и открытые грабежи служили обычною принадлежностью военныхъ предпріятій и ремесла. И не одни римляне поэтому посягали на самостоятельность Босфорскаго царства. Цѣлый рядъ другихъ народовъ, особенно азіатскіе кочевники въ концѣ подорвали могущество этого государства. Покорили же или вѣрнѣе разрушили Босфорское царство собственно гунны, вышедшіе въ Европу изъ Азіи.

ГЛАВА V.

Кочевники завоеватели и пришельцы Сѣвернаго Кавказа.

На развалинахъ павшаго Босфорскаго царства не могъ прочно обосноваться ни одинъ изъ народовъ, явившихся на Сѣверный Кавказъ въ роли завоевателей. Они не могли этого сдѣлать частію потому, что исторически не доросли до той степени культуры, какую нашли на мѣстахъ, а частію вслѣдствіе наплыва новыхъ завоевателей. Пришельцы не щадили исторически сложившихся формъ культуры. Все, что дала цѣннаго греческая и греко-меотійская цивилизація, было разграблено, уничтожено и поругано. На мѣсто человѣка, творца культуры, явился человѣкъ, разрушитель ея, надолго задержавшій мирную созидательную жизнь Предкавказья, какъ сложилась она въ періодъ Босфорскаго царства. Грубая сила воинственныхъ кочевниковъ не могла сразу перешагнуть нѣ-

сколько ступеней цивилизацiи и вылиться въ тѣ формы, которыя выроботались у грековъ вѣками и тысячелѣтiями.

Въ самомъ дѣлѣ, маленькая горсть культурныхъ грековъ сумѣла держать въ повиновенiи полудикiя племена варваровъ, населявшихъ Кавказъ и Черноморское побережье во времена Босфорскаго царства. Такъ велика была сила культуры и идей прогрессивнаго общечеловѣческаго развитiя. Можно пожалуй прибавить, что часть этихъ варваровъ, по своему арiйскому происхожденiю, принадлежала къ одному общему съ греками корню европейскихъ народностей, и тѣмъ, конечно, ставила въ благопрiятныя условiя культурную дѣятельность грековъ-колонистовъ. Но этимъ не умаляется значенiе общечеловѣческихъ идей развитiя. За греками, какъ и другими арiйцами, остались въ исторiи слѣды могучаго творчества въ области политики, науки, искуствъ, литературы, экономики и высшихъ формъ народнаго быта.

Не то кочевники-завоеватели, надвинувшiеся изъ Азiи сначала на Сѣверный Кавказъ, а отсюда на Западную Европу. Въ видѣ грубой физической и военной силы, съ слабыми зачатками гражданственности, не вышедшей еще изъ рамокъ примитивныхъ формъ родового быта, дикiя орды кочевниковъ могли установить только фактическое завладѣнiе землей на правахъ сильнаго, оставаясь въ своихъ кочевыхъ кибиткахъ, съ патрiархальными, но убогими въ смыслѣ развитiя нравами и обычаями. Имъ нужны были прежде всего степи въ естественномъ видѣ и мѣшали понятно, люди, пользовавшiеся ими. На этой подкладкѣ и были произведены нашествiя и передвиженiя кочевниковъ-завоевателей изъ Азiи въ Европу. Кубанской области выпала при этомъ печальная участь принимать первые натиски кочевниковъ-завоевателей, стремившихся въ Европу. И навѣрное нигдѣ не было пролито столько человѣческой крови, какъ на Кубанскихъ степяхъ и вообще въ Предкавказьѣ.

Кочевники-завоеватели двигались изъ Азiи въ Европу въ слѣдующемъ порядкѣ: гунны, авары, венгры, печенѣги, торки, половцы, монголы или татары.

Первыми по времени исторически извѣстными пришельцами на Сѣверный Кавказъ были готы. Они явились сюда еще въ ту пору, когда существовало Босфорское царство, и осѣли на Таманскомъ и смежномъ съ нимъ Черноморскомъ побережьяхъ.

По преданiю, передвиженiе готовъ съ сѣвера на югъ относится къ отдаленнымъ временамъ прошлаго. Готы вышли изъ Скандинавiи, изъ тѣхъ мѣстъ суроваго сѣвера, которыя дали грозныхъ норманов и предпрiимчивыхъ, закаленныхъ въ бояхъ, варяговъ. Это были арiйцы, не имѣвшiе ничего

общаго съ кочевыми народами Азіи. Они достигли уже извѣстной степени гражданскаго развитія и исповѣдывали потомъ на югѣ христіанскую религію. Имъ, какъ арійцамъ, не чужды были и кореные обитатели Сѣвернаго Кавказа.

Шафарикъ, отмѣчая то обстоятельство, что древніе писатели называли славянъ виндами и венедами, утверждаетъ, что еще до Р. Хр. готы отняли янтаро-обильные берега Балтійскаго моря у венедовъ и вытѣснили ихъ отсюда внутрь материка. Во II и III столѣтіи по Р. Хр. готы распространили свое владычество отъ устьевъ Вислы и береговъ Балтики надъ равнинами, прилегающими къ Ю. и В. отъ Карпатовъ до устья Дуная и до сѣвернаго берега Чернаго моря.

Начиная съ III вѣка, отсюда воинственные готы дѣлали опустошительные набѣги на Черноморское побережье, Малую Азію и Грецію. Писатель Дескиппъ, жившій въ III вѣкѣ по Р. Х., говоритъ, что «скифы, называемые готами, большою массою, переправившись при Декіи черезъ рѣку Истръ, подвергли между 249 и 251 годами по Р. Хр. опустошенію подвластную римлянамъ страну». Профсесоръ Брунъ подъ 255 и 256 годами по Р. Хр. своего хронологическаго указателя отмѣчаетъ осаду готами и взятіе г. Питіуса, т. е. нынѣшней Пицунды, входившей при Митридатѣ Великомъ въ составъ его обширной имперіи.

Въ предшествующей главѣ уже упомянуто, что готы заняли древнюю Синдику, которая получала вслѣдствіе этого названіе Евдуссіи, и распространились отсюда у береговъ Чернаго моря до нынѣшняго Геленджика и южнѣе его. Здѣсь осѣли готы-тетракситы, названные вѣроятно такъ по тому, что управлялись четырьмя начальниками или топархами. Это было во времена императора Юстиніана, царствовавшаго между 527 и 565 годами по Р. Хр. и присоеднившаго, благодаря побѣдамъ своихъ полководцевъ, Босфорское царство отъ Восточной-Римской имперіи къ западной Византійской. Въ ту пору готы дѣлились на области, носившія названія «климатъ». Во главѣ каждой климаты стоялъ обыкновенно топархъ, нѣчто въ родѣ губернатора, намѣстника или протектора надъ готами. Очень можетъ быть, что Евдуссія представляла одну или четыре такихъ климатъ. Мѣстность, находившуюся вблизи Анапы и занятую тетракситами, Прокопій называлъ Евлисіею. Въ то время Синдика, по словамъ этого писателя, называлась уже Евдуссіею. Все побережье между Синдикой и нынѣшнимъ Геленджикомъ, гдѣ прежде обитали керкеты и тореты, населено было тогда евдуссіанами, которые говорили готскимъ и таврскимъ языками. Очевидно, готы слились въ Крыму съ таврами и, проникнувъ на Черноморское побережье, извѣстную часть кореннаго прибережнаго

населенія—синдовъ, керкетовъ и торетовъ, поглотили, абсорбировали, а большую часть того же населенія оттѣснили въ горы.

На берегахъ Чернаго моря готы были уже христіанами и имѣли своихъ епископовъ. По хронологическому указателю профессора Бруна, въ 547 году готы-тетракситы требовали себѣ епископа изъ Константинополя. Около того же времени имъ пришлось выдержать борьбу съ другими народностями, надвинувшимися на южную Россію и на Кавказъ. Такъ въ 550 году они вмѣстѣ съ утургурами поразили кутургуровъ.

Въ исторіи нѣтъ указаній, что сталось потомъ собственно съ готами-тетракситами. Профессоръ Брунъ предполагаетъ, что русскій князь Изяславъ Мстиславовичъ, женившійся въ 1154 году на царевнѣ изъ Обезъ, взялъ эту царевну изъ среды народа, извѣстнаго подъ именемъ готовъ-тетракситовъ. Предположеніе это не выясняетъ конечно судьбы тетракситовъ. Еще въ 541 году по Р. Хр. Фанагорія и Кепы, лучшіе города царства Босфорскаго, были разрушены варварами утургурами. Послѣдніе въ свою очередь поселились въ окрестностяхъ Геленджика, который, благодаря, кажется, утургурамъ, назывался тогда по-персидски Heptali portus. Въ 580 году утургуры снова напали на Босфоръ. Затѣмъ свѣдѣнія о готахъ-тетракситахъ какъ бы теряются въ водоворотѣ тогдашнихъ историческихъ событій.

Когда то воинственные готы не могли устоять отъ напора болѣе сильныхъ и могущественныхъ кочевниковъ, двинувшихся въ Европу изъ глубины Азіи. Въ концѣ IV столѣтія готы, неоднократно колебавшіе могущество Римской имперіи, принуждены были прибѣгнуть къ покровительству римлянъ. Съ востока въ это время на Европу надвинулись гунны. Хотя готы-тетракситы при этомъ остались какъ бы въ сторонѣ, но главная масса единоплеменныхъ имъ готовъ, обитавшихъ по Истру, была вытѣснена отсюда гуннами, и готы, съ разрѣшенія императора Валента, въ союзѣ съ которымъ они боролись противъ гунновъ, вынуждены были переселиться во Фракію. Во главѣ готовъ тогда стоялъ епископъ Улфила.

Гунны были монголы. По мнѣнію профессоро Ф. Бруна, это былъ, быть можетъ, тотъ народъ, который разгромилъ Манчжурію и покорилъ Китай. Гунны во всякомъ случаѣ напоминали этотъ народъ, извѣстный подъ именемъ Гіангъ-ну. Монголы, носившіе это имя, вышли изъ страны, лежавшей къ сѣверу отъ пустыни Гоби, напали на Манчжурію, подчинили ее своей власти и сначала опустошили сѣверныя части Китая, а затѣмъ покорили всю Поднебесную имперію. Они удержались въ Китаѣ до 90 года по Р. Хр. и, надо

полагать, ихъ скопища впослѣдствіи двинулись въ Европу. Въ IV ст. по Р. Хр. гунны занимали уже среднюю Азію и часть ихъ осѣла на р. Аму-Дарьѣ. Остальная масса гунновъ проникла черезъ Уралъ въ Европу. У Сѣвернаго Кавказа гунны столкнулись съ аланами. Послѣднихъ они разбили въ 372 г. близъ р. Танаисъ подъ предводительствомъ своего вождя Баламбора или Баламира. Тогда побѣжденные аланы въ свою очередь примкнули къ гуннамъ; только часть ихъ ушла въ Кавказскія горы и осталась здѣсь, сохранившись до нашего времени подъ именемъ осетинъ. Подкрѣпленные аланами гуны двинулись затѣмъ еще далѣе къ западу и въ V столѣтіи, предводительствуемые своимъ ужаснымъ полководцемъ Аттилою, извѣстнымъ подъ именемъ «Бича Божьяго», опустошили и покорили значительную часть Западной Европы. Въ ту же пору окончательно пало и Босфорское царство, разгромленное гуннами.

Историческія свѣдѣнія о нашествіи гунновъ на Сѣверный Кавказъ и на Босфорское царство очень скудны. Нашествіе это напоминаетъ собою нѣчто въ родѣ сильнаго и стремительнаго вихря, который, разрушая все въ своемъ круговоротѣ, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Отъ гунновъ въ предѣлахъ Босфорскаго царства и нынѣшней Кубанской области ничего не сохранилась до нашихъ дней, кромѣ общихъ историческихъ указаній о разрушительномъ нападеніи полудикихъ азіатскихъ ордъ. Извѣстно лишь, что въ 528 году по Р. Хр. римляне съ помощью готовъ изгнали гунновъ изъ Босфора.

Покоривши Босфорское царство, гунны двинулись на западъ въ Европу. Въ этомъ движеніи они захватили съ собою аланъ и скифовъ. Съ послѣдними они на столько слились, что нѣкоторые древніе писатели гунновъ называли скифами. Прискъ Панійскій, жившій въ V вѣкѣ по Р. Хр., передаетъ въ высшей степени интересныя подробности о взаимоотношеніяхъ между гуннами и скифами. Римскіе послы, посѣтившіе Аттилу и гуновъ были поражены тою близостью, которая существовала между гуннами и скифами. Скифы играли видную роль въ правленіи Аттилы и его предпріятіяхъ. Самъ Аттила придерживался скифскихъ обычаевъ. Онъ посѣтилъ вмѣстѣ съ римскими послами скифскія деревни и въ одной изъ нихъ, во время этой поѣздки, онъ рѣшилъ жениться на дочери почетнаго скифа Эскама. Хотя у Аттилы было очень много женъ, но онъ хотѣлъ взять еще одну «по скифскому обычаю». Всюду, гдѣ проѣзжалъ Аттила и гунны, скифы принимали ихъ, какъ своего государя и одногосударственниковъ. Правою рукою и любимцемъ у Аттилы былъ всесильный Онигисій, за которымъ ухаживали римскіе

послы, но который слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ дикаго властелина и на каждомъ шагу выказывалъ ему необычайную преданность.

Такимъ образомъ, часть скифовъ, прародителей славянъ, прежде, чѣмъ образовались самостоятельныя государства, слилась съ монгольскимъ племенемъ гуннами. Смѣшеніе арійской и монгольской крови произошло у этой части скифскаго народа далеко прежде, чѣмъ монголы нагрянули на Россію и покорили ее своей власти.

Около VII вѣка хазары, народъ многочисленный и мужественный, овладѣли южными частями Россіи, подчинивши своему владычеству встрѣтившіяся имъ по пути народности. Въ числѣ другихъ были обложены данью славяне и сосѣди ихъ болгары, часть которыхъ въ концѣ V вѣка по Р. Х. обитала по берегамъ Азовскаго моря и по рѣкамъ Кубани, Дону и Волгѣ.

Имя хазаръ становится извѣстнымъ со II вѣка по Р. Х. Хазары въ это время вели войны съ персами. Борьба была прекращена нашествіемъ гунновъ, покорившихъ хазаръ, причемъ Аттила далъ имъ въ правители своего сына. Но по мѣрѣ того какъ слабѣли гунны, росло могущество хазаръ. Въ VI вѣкѣ южныя границы Хазаріи простирались до р.р. Куры и Аракса. Въ ту пору возникла вновь борьба хозаръ съ персами. Въ VII столѣтіи хазары подчинили своей власти берега Азовскаго и Чернаго морей и въ томъ числѣ, слѣдовательно, и наши кубанскія мѣста. Въ томъ же столѣтіи у хозаръ произошла борьба съ арабами, окончившаяся тѣмъ, что хазары потеряли свои Закавказскія провинціи и передвинулись на Сѣверный Кавказъ.

Такимъ образомъ, кромѣ перечисленныхъ въ предшествующей главѣ скифскихъ народностей, въ Кубанской области временно пребывали болгары и хазары. Происхожденіе этихъ двухъ народовъ неизвѣстно, но они не принадлежали къ составу обширной семьи европейскихъ арійцевъ.

Болгары, по мнѣнію однихъ, былъ народъ чудскаго или финско-угрскаго племени, по мнѣнію другихъ, тюрки, а Ибнъ-Фоцланъ называлъ ихъ даже славянами. Послѣднее названіе, надо полагать, присвоено было имъ потому, что болгары издавна обитали въ сосѣдствѣ съ славянами въ бассейнѣ р.р. Камы и Волги.

Опредѣлить границы собственно болгарскаго царства нельзя. Съ X по XIII столѣтіе южныя границы Болгаріи терялись по Уралу, а сѣверныя по Камѣ. Главный городъ Булгаръ лежалъ въ 6 верстахъ отъ впаденія Камы въ Волгу. Отсюда велись обширныя торговыя сношенія съ востокомъ

и славянскими землями. Во главѣ болгаръ стоялъ царь и царская власть была наслѣдственна.

И вотъ эта болгарская народность имѣла часть своихъ засельщиковъ въ нынѣшней Кубанской области и по Азовскому побережью. Гдѣ собственно и какъ жили здѣсь болгары, свѣдѣній нѣтъ; но можно полагать, что болгары проникли въ наши мѣста по торговому пути, шедшему по Волгѣ переваломъ на Донъ и отсюда на Азовское побережье, и что самое пребываніе болгаръ въ Кубанской области было связано съ торговыми интересами этой націи.

Столь же темны и неопредѣлены свѣдѣнія о хазарахъ, обитавшихъ въ Кубанскихъ мѣстахъ. Какъ и болгаръ, одни писатели считаютъ хазаръ тюрками, а другіе фино-уграми. По сообщенію однихъ писателей, языкъ хазаръ былъ сходенъ съ болгарскимъ, по мнѣнію другихъ, онъ не былъ похожъ на языкъ ни тюрковъ, ни персовъ. Хазары были народомъ полукочевымъ и хотя имѣли города, но съ ранней весны откочевывали на поля и въ степи. Главную пищу у нихъ составляли рыба и рисъ, почему они и поселились въ Крыму. Какъ народъ торговый, хазары вели обширныя сношенія съ другими странами. Во главѣ государства стоялъ каганъ или хаканъ, власть котораго была наслѣдственна, а права неограниченныя. Доступъ къ кагану былъ невозможенъ и при встрѣчѣ съ нимъ всѣ падали ницъ. Когда же каганъ умиралъ, то надъ рѣкой строили дворецъ въ 20 комнатъ и въ каждой ставили могилу. Въ одной изъ нихъ спускали въ рѣку гробницу кагана, и всѣмъ погребавшимъ его отсѣкали головы.

Хазары были вѣротерпимы и между ними уживались и язычество, и исламъ, и юдаизмъ, и христіанство. На югѣ хазары особенно усилились въ VIII столѣтіи. Въ это время они находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Византіей. Такъ, свергнутый съ престола Византіи Юстиніанъ Ринотменъ бѣжалъ въ Крымъ и здѣсь выпросилъ у кагана позволеніе поселиться въ его владѣніяхъ—въ Фанагоріи на Таманскомъ полуостровѣ. Въ ту пору, слѣдовательно, Таманскій полуостровъ былъ во власти хазаръ.

Съ IX столѣтія власть хазаръ слабѣетъ. Съ этого времени хазары вступаютъ въ борьбу съ печенѣгами, обитавшими между Волгой и Ураломъ. Сначала хазары въ союзѣ съ торками, родственными печенѣгамъ, вытѣснили печенѣговъ за Волгу. Но послѣдующими набѣгами, печенѣги ослабили болгаръ. Въ 968 году по Р. Х. русскій князь Святославъ страшно опустошилъ владѣнія хазаръ. Съ тѣхъ поръ Хазарія не могла уже оправиться и противостоять кочевникамъ, надвигавшимся изъ Азіи въ Европу. Печенѣги снова напали на хазаръ. Такимъ образомъ, паденіе Хазаріи открыло широкую

дорогу въ Европу для кочевыхъ обитателей средне-азіатскихъ степей. Дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, хазары удерживали свои владѣнія въ Крыму и по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Народъ, замѣнившій въ южно-русскихъ степяхъ хазаръ, русскіе называли печенѣгами. Онъ былъ тюркскаго происхожденія и вышелъ изъ Азіи въ Европу. Къ тюркскому племени относятъ печенѣговъ одинаково и русскіе, и арабскіе, и византійскіе, и западно-европейскіе писатели. Собственно греки называли печенѣговъ патцинаками. Какъ называли себя сами печенѣги—неизвѣстно, но они находились въ самомъ близкомъ кровномъ родствѣ съ торками и половцами.

Когда печенѣги появились въ Европѣ, достовѣрно неизвѣстно, но въ IX вѣкѣ послѣ Р. Х. они кочевали уже на земляхъ, лежавшихъ между Волгою и Ураломъ, куда въ свою очередь перешли изъ Средней Азіи. Въ этой послѣдней они вели совмѣстно жизнь съ единоплеменными имъ торками и половцами, составляя всѣ вмѣстѣ какъ бы три колѣна одного и того же народа.

По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, въ Европѣ печенѣги состояли изъ восьми колѣнъ, которыя въ свою очередь дѣлились на сорокъ частей. Во главѣ народа стоялъ князь. Но въ XI вѣкѣ печенѣги дѣлились на 13 колѣнъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего князя и называлось именемъ послѣдняго. Когда умиралъ князь, то колѣно выбирало новаго князя изъ своего рода, но изъ какой угодно семьи, лишь бы избранный приходился умершему двоюроднымъ братомъ или двоюроднымъ племянникомъ. Такимъ порядкомъ избранія князей нарушался основной принципъ родоваго союза—избраніе старшаго въ родѣ, но народъ желалъ избрать князей изъ большаго количества кандидатовъ. Князь при этомъ не пользовался сильною властью и широкими правами. Въ управленіи краемъ вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе и народныя собранія или коментоны. Коментонами рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время, и князь при этомъ игралъ незначительную роль. Многочисленность и частая смѣна князей у печенѣговъ порождали постоянныя волненія и мелкую племенную борьбу, но это не ослабляло воинственнаго духа кочевниковъ. Печенѣгъ съ дѣтства становился воиномъ и всю жизнь былъ неутомимымъ наѣздникомъ.

Занимая южно-рускія степи, главнымъ образомъ, между р. Дономъ и Дунаемъ, печенѣги въ теченіе полувѣка производили набѣги на Русь и опустошали ее. Ближайшаго отношенія собственно къ Прикубанскимъ мѣстамъ печенѣги не имѣли, но они несомнѣнно были здѣсь. На это указываютъ

двоякого рода обстоятельства. Во первыхъ, когда они переходили изъ-за Волги къ Дону, то не могли миновать Кубанскія степи, а во-вторыхъ были типичными кочевниками скотоводами. Степи, слѣдовательно, имъ были необходимы и такими превосходными степями, какъ Кубанскія, они не могли не интересоваться.

Печенѣги вообще малоизвѣстный въ исторіи народъ, съ недостаточно выясненнымъ прошлымъ и не долгимъ пребываніемъ въ южно-русскихъ степяхъ. Въ началѣ XI вѣка печенѣги приняли магометанскую вѣру и около того же времени торки, народъ еще болѣе малоизвѣстный и единокровный съ печенѣгами, оттѣснили ихъ сначала на Дунай, а отсюда на Балканскій полуостровъ.

Пребываніе торковъ въ южныхъ степяхъ прошло почти безслѣдно въ исторіи. Они не играли даже такой роли, какъ печенѣги, хотя и участвовали въ набѣгахъ и войнахъ того времени. Въ 576 году по Р. Х. торки овладѣли Пантикапеей. Когда въ XI столѣтіи они вмѣстѣ съ печенѣгами были вытѣснены изъ южныхъ степей Руси половцами, хазарскаго царства не существовало уже; однако страна называлась Хазаріею, и ни торки, ни печенѣги не привили къ ней своихъ именъ.

Болѣе рѣзкіе слѣды оставили въ Предкавказьѣ половцы, единоплеменники и сородичи печенѣговъ и торковъ. Половцы, извѣстные подъ именемъ «кумановъ» или «командовъ», были чистокровными тюрками. Помимо другихъ указаній, это подтверждается сохранившимся словаремъ половецкаго языка. Русскіе лѣтописцы производятъ половцевъ отъ Измаила и считаютъ ихъ братьями туркменъ, печенѣговъ и торковъ. Блау производитъ половцевъ отъ турокъ изъ сѣверной окраины Ирана или Парты.

Перебравшись изъ средней Азіи въ Европу, половцы заняли во второй половинѣ XI вѣка южно-русскія степи, когда находились здѣсь же печенѣги и торки; но скоро потомъ они вытѣснили своихъ сородичей и прочно утвердились на крайнемъ югѣ Россіи и въ Предкавказьѣ. Главная масса этого кочевого народа осѣла въ устьяхъ Дона и отсюда громила Русь, производя опустошительные набѣги. Часть половцевъ осѣла на Таманскомъ полуостровѣ. Половцы явились въ Европу настоящими кочевниками. Въ 1170 г. рабби Петахчи писалъ, что половцы жили въ палаткахъ. Въ 1185 г. Евстафій Фессалоникскій утверждалъ, что у половцевъ не было ни селъ, ни городовъ. Въ 1245 году Плано Карпини, говоря о конгитахъ, упоминаетъ, что, подобно команамъ или половцамъ, они питались отъ скотоводства и домовъ не строили.

Какъ и другіе кочевники, половцы дѣлились на родовыя группы. Во главѣ группъ стояли вліятельные родовичи, именами которыхъ обозначались самыя группы. Такъ, въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются названія Улашевичи, Вобургевичи, Бостѣева чадь, Чаргова чадь и пр. Такія родовыя подраздѣленія на части половецкихъ ордъ обусловливались хозяйственнымъ бытомъ кочевника. Хотя у половцевъ и были города—Шаруканъ или Бѣлая Вежа, Сугровъ, Чешуевъ и Суданъ, но города не въ нынѣшнемъ смыслѣ. Половцы были по преимуществу кочевники или скотоводы и въ качествѣ таковыхъ превосходные наѣздники. Религія у нихъ была языческая и только впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ, особенно князья, приняли христіанскую вѣру, а иные исламъ. Вообще въ культурномъ отношеніи они стояли далеко ниже европейскихъ народовъ и русскихъ, но были воспріимчивѣе къ цивилизаціи печенѣговъ и торковъ.

Каменная баба.

У половцевъ, какъ народа первобытнаго, сохранились нѣкоторые оригинальные обычаи, напр. обрядъ побратимства, напоминавшій собою скифскій обычай этого рода. Желая пріобрѣсти себѣ вѣрнаго друга, половецъ прокалывалъ палецъ иглой и выступавшую кровь давалъ сосать избранному въ друзья. Послѣдній послѣ этого становился какъ бы единокровнымъ, одинаковымъ по крови и тѣлу. Въ другихъ случаяхъ желавшіе вступить въ побратимство наполняли напиткомъ мѣдный сосудъ, имѣвшій по внѣшнему виду подобіе человѣческаго лица, и оба пили изъ него, послѣ чего никогда уже не измѣняли другъ другу. На могилахъ умершихъ половцы, по предположенію Бурачкова, ставили изображенія предковъ—каменныя бабы. Эти архаичные обычаи не мѣшали однако половцамъ быть воспріимчивыми къ культурѣ

и политикѣ. Они умѣло заключали союзы и продолжали играть видную роль даже въ тѣхъ странахъ, куда они попали послѣ вытѣсненія ихъ татарами. По свидѣтельству Никифора Грегора, около десяти тысячъ половцевъ привлекъ на свои земли императоръ Іоаннъ, поселивши ихъ во Фракіи, въ Македоніи, во Фригіи и по р. Меандру въ Малой Азіи, и включивши въ составъ греческой арміи. Англійскій путешественникъ XIV в. Мандевиль передаетъ, что часть половцевъ попала въ Египетъ и впослѣдствіи усилилась на столько, что избрала изъ среды половцевъ султана Менека Мандиброна у котораго служилъ и самъ Мандевиль. Георгій Пахимеръ, также упоминаетъ о Египетскомъ султанѣ изъ половцевъ. Арабскій писатель XIV столѣтія Ибнъ-Яхіи говоритъ, что половцы дали султановъ и эмировъ Египту. Но особую память оставили половцы на Руси, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстная поэма «Слово о полку Игоревѣ», о чемъ будетъ идти рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Въ то время, когда всѣ эти кочевники - гунны, авары, печенѣги, торки, и половцы, проходили изъ Азіи въ Европу черезъ крайній югъ Россіи и временно осѣдали на его степяхъ, славяне, искони обитавшіе здѣсь, не переставали быть засельщиками тѣхъ же степей, изъ-за которыхъ боролись кочевники съ ними и другъ съ другомъ.

Первыя извѣстія о славянахъ, обитавшихъ на берегахъ Чернаго моря и въ степяхъ, встрѣчаются у писателей VI вѣка. Іорданъ дѣлилъ славянъ на антовъ и славянъ, занимавшихъ крайній югъ между Днѣстромъ и Дунаемъ, а Прокопій Кесарійскій, бывшій сенаторомъ и префектомъ въ Византіи, разсказываетъ, что къ сѣверу отъ готовъ, обитавшихъ по берегамъ Дона и Азовскаго моря, жили анты. Такъ какъ готы были здѣсь уже въ III вѣкѣ по Р. Хр. и застали на мѣстахъ антовъ и славянъ, то, слѣдовательно, славяне и отрасль ихъ анты занимали крайній югъ раньше этого столѣтія. Гунны вытѣснили съ юга готовъ, но анты при этомъ остались на мѣстахъ. Мало того, анты, какъ народъ осѣдлый и болѣе культурный, чѣмъ гунны, вліяли на бытъ послѣднихъ, какъ объ этомъ можно судить по фактамъ, сообщеннымъ Прискомъ Панійскимъ. Въ сказаніяхъ этого писателя вмѣстѣ съ антами фигурируютъ скифы, также народъ осѣдлый, имѣвшій селенія и стоявшій на одной степени культуры съ антами. Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться, что анты и скифы принадлежали къ одному и тому же славянскому корню и что тѣ и другіе жили здѣсь искони.

Когда въ 554 и 555 г.г. на берегахъ Волги появились авары, обрушившіеся на славянъ, анты попали подъ власть этихъ новыхъ завоевателей. При аварскомъ каганѣ Байанѣ

анты пробовали возстать противъ аваровъ, но снова были покорены послѣдними. Въ 630 году болгары отпали отъ аваровъ, а въ 667 году страной завладѣли хазары. Анты въ это время живутъ на мѣстахъ, какъ осѣдлое населеніе. У нихъ уже были князья или родоначальники. Одинъ изъ нихъ Мезаміръ, явившійся для переговоровъ съ аварами, былъ убитъ ими

Императоръ Маврикій, жившій въ концѣ VI столѣтія, оставилъ яркую характеристику антовъ, какъ славянскаго племени. Подобно новгородцамъ, у нихъ происходили безпрерывныя несогласія между партіями и вражда между правителями. Какъ и другіе славяне, они были гостепріимны, прятали свои жилища въ лѣсахъ и болотахъ и сражались, какъ осѣдлое населеніе, пѣшими съ большими щитами. Позже, когда пала власть аваровъ, какъ бы исчезло названіе антовъ, но это не значитъ, что анты были уничтожены или ушли съ насиженныхъ мѣстъ. Если раньше при первоначальныхъ натискахъ азіатскихъ кочевниковъ-завоевателей они съумѣли удержать за собою заселенныя ими мѣста, то это было для нихъ тѣмъ легче съ паденіемъ могущества гунновъ и аваровъ. У послѣдующихъ писателей просто произошло замалчиваніе этой народности или смѣшеніе ее съ какою нибудь другою народностью. То же случилось со скифами и арійцами Меотиды, также скифами, но носившими особыя родовыя названія.

Судя по такимъ разрозненнымъ фактамъ, можно положительно утверждать, что славяне, какъ арійцы, были коренными обитателями въ странѣ и что отдѣльныя ихъ отрасли, какъ киммерійцы, скифы, разные виды меотовъ, анты и пр., непрерывно слѣдовали одни за другими въ исторической связи вплоть до Тмутараканскаго княжества. Послѣднее было завоевано русскими, надо полагать, при томъ условіи, что завоеватели или нашли здѣсь остатки своихъ сородичей, или имѣли воспоминанія о нихъ, какъ объ отдаленныхъ предкахъ, обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ.

Отдѣльные историческіе эпизоды указываютъ на то, что славяне, подобно киммерійцамъ и скифамъ, проникали въ Закавказье, производя набѣги, и попадали туда по неволѣ, какъ плѣнники. Массуди, арабскій писатель X в., сообщаетъ, что у Танаиса обитали многочисленные славянскіе народы. По другому сказанію, Марванъ, дядя халифа Тшама, увелъ въ первой половинѣ VIII вѣка со славянской рѣки, очевидно, Дона,—20000 человѣкъ славянъ и поселилъ ихъ въ Кахетіи.

Моисей Каханнатуаци, жившій въ концѣ X в. и написавшій «Исторію ахвановъ или албановъ», армянъ, обитавшихъ въ нынѣшней Елизаветпольской губерніи, передаетъ ин-

тересныя свѣдѣнія о набѣгахъ руссовъ, на эту страну: «Изъ сѣверныхъ странъ, говоритъ онъ, отдѣлился съ незнакомыми, непривычными для насъ чертами лица народъ, называемый рузиками. Онъ три раза, какъ ураганъ, налеталъ съ восточной стороны обширнаго Каспійскаго моря на Партавъ, столицу албановъ», гдѣ нынѣ находится деревня Берде. Въ Партавѣ крѣпко засѣли русскіе и пробыли здѣсь шесть мѣсяцевъ, перерѣзавши все населеніе послѣ того, какъ партавскія женщины пытались отравливать ихъ. Ограбивши городъ совершенно, русскіе ушли съ громадною добычею въ свои мѣста.

Нашествіе, напоминающее набѣгъ прародителей русскихъ—народъ Гогъ, древнихъ скифовъ, такъ краснорѣчиво описанный пророкомъ Іезекіилемъ—«и возстанешь, какъ туча, и промчися какъ буря». Рузики, т. е. русы, нападавшіе на Партавъ въ Закавказьѣ, могли быть ближайшими къ Кавказу славянами, жившими въ Предкавказьѣ или въ устьѣ Дона.

Одинъ изъ венгерскихъ монарховъ, посѣтившій Приазовье въ 1237 году, описывая населеніе Тмутаракани, называетъ его христіанскимъ, имѣвшимъ священныя книги и греческихъ священниковъ. Мужчины брили головы и носили бороды, а благородные небольшой клокъ волосъ за лѣвымъ ухомъ. Тмутараканскій князь, по разсказамъ, имѣлъ сто женъ. Явное смѣщеніе славянскихъ нравовъ съ обычаями кочевниковъ.

Венгерскій король Бела IV писалъ папѣ Инокентію въ 1254 году, что на Венгрію напали татары вмѣстѣ съ русскими и бродниками. Тѣ же бродники, жившіе въ восточной части южно-русскихъ степей, и воевода ихъ окаянный Плоскыня предали русскихъ князей татарамъ. Никита Акоминатъ въ своемъ словѣ 1190 года говоритъ, что «бродники, презирающіе смерть, вѣтвь русскихъ». Они жили въ восточной части степей у Дона и по Азовскому побережью, исповѣдывали православную вѣру и участвовали вмѣстѣ съ половцами въ военныхъ набѣгахъ. Въ такомъ видѣ, какъ легкое подвижное войско, бродники напоминали казачью общину. Весьма возможно, что община эта пополнялась русскими выходцами, почему либо не ужившимися въ сѣверныхъ частяхъ Руси. На этомъ основаніи М. А. Максимовичъ видѣлъ въ тмутараканскихъ бродникахъ начало зарожденія Запорожской Сѣчи. Послѣдній разъ названіе «бродникъ» встрѣчается въ 1254 году.

По мнѣнію г. Голубовскаго, пріемственность славянскаго населенія на крайнемъ югѣ не прекращалась съ давнихъ временъ. Вотъ почему, говоритъ онъ, былъ правъ Срезневскій, утверждавшій, что за долго до усиленной колонизаціи юж-

ныхъ степей здѣсь были русско-славянскіе поселенцы. Въ Кубанской области крайнею точкою соприкосновенія русскихъ съ югомъ служили съ незапамятныхъ временъ Таманскій полуостровъ. По мнѣнію Бѣляева, кочевья печенѣговъ и половцевъ не прерывали сообщенія русскихъ съ черноморскими владѣніями. Бурачковъ также утверждаетъ, что хотя владѣнія половцевъ граничили, съ одной стороны, съ Таманскимъ полуостровомъ, а съ другой, съ сѣвера съ землями Руси, но путь изъ Тмутаракани на Черниговъ и Кіевъ оставался свободнымъ. Еще раньше во времена Босфорскаго царства существовали торговыя связи между Босфоромъ и Балтійскимъ побережьемъ.

Все это указываетъ на то, что русское Тмутараканское княжество, существовавшее на Таманскомъ полуостровѣ, было не случайнымъ завоеваніемъ на тогдашней азіатской сторонѣ Босфора Киммерійскаго. Около 900 года Черное море называлось уже «Русскимъ моремъ», и это названіе удержалось за нимъ до 1223 г., т. е. до битвы русскихъ съ татарами при Калкѣ. Въ 944 году заключилъ свой договоръ князь Игорь съ Византіей, свидѣтельствующій о ранней эпохѣ владычества русскихъ на крайнемъ югѣ. Въ 965 году Святославъ предпринялъ походъ на Донъ и Крымскій полуостровъ, откуда вытѣснилъ хазаровъ, побѣдилъ ясовъ и косоговъ, занимавшихъ берега Кубани, и завладѣлъ, по предположенію П. Бѣляева, полуостровомъ Таманью, гдѣ при Владимірѣ образовалось русское княжество Тмутаракань. Княжество это Владиміръ отдалъ, по возвращеніи своемъ изъ Корсуня, который онъ осаждалъ въ 988 г., своему воинственному сыну Мстиславу.

Утвердившись въ Тмутаракани, Мстиславъ расширилъ здѣсь свои владѣнія на счетъ хазаръ и косоговъ. Тамань, бывшая центромъ Босфорскаго царства, стала русскою областью. Но воинственный и предпріимчивый Мстиславъ не довольствовался скромною ролью Тмутараканскаго князя. Въ 1023 г. онъ собралъ войска и двинулся съ ними на Кіевскаго князя Ярослава. Такъ называемая «Лиственская битва» доставила ему почти весь лѣвый берегъ Днѣпра и Мстиславъ остался и умеръ въ Черниговѣ, бросивши Тмутаракань. Такъ она и была потомъ, по смерти Ярослава, причислена къ Черниговскому княжеству, числясь отдаленною русскою провинціею.

Впослѣдствіи вмѣстѣ съ Черниговомъ Тмутаракань досталась Святославу, который посадилъ на княженіе своего сына Глѣба.

О Тмутараканскомъ князѣ Глѣбѣ сохранились прямыя историческія указанія. Когда Черноморскіе казаки переселились

изъ за Буга на Кубань, то въ Тамани нашли они мраморную плиту съ слѣдующею надписью: «Въ лѣто 6576 (1068 г.) индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева 8054 сажени». Тмутараканью называлась въ то время Тамань. Арабскій географъ Эдриси разумѣлъ подъ «русскимъ городомъ» Керчь, а подъ Матрахой городъ Тмутаракань русскихъ лѣтописцевъ, Таматарху Константина Порфироднаго, Метраху по древнему списку греческихъ епископовъ и Матрегу по итальянскимъ картамъ XIV столѣтія. Въ XII ст. городъ этотъ былъ богатъ и многолюденъ, въ него стекались купцы изъ отдаленныхъ странъ. Жители его, постоянно воюя съ жителями русскаго народа, были подъ властью сильныхъ и храбрыхъ князей, тѣхъ «которые, какъ видно изъ надписи на мраморной плитѣ, найденной въ Тамани въ 1792 г., владѣли въ XI ст. не только русскими городами, но и Матригою, гдѣ удержались еще послѣ того, когда Кърчевъ уже былъ отнятъ у нихъ половцами».

Константинъ Багрянородный называлъ въ X столѣтіи Тамань Таматархою и полагалъ, что онъ былъ построенъ на низменномъ островѣ Атехъ. На картѣ Висконти, составленной въ 1318 г., Тамань обозначена именемъ Матрека. Беникаса въ 1480 г. называетъ ее Матрега, а позднѣйшіе географы—Матуга, Матега, Матрага. Наконецъ, турки назвали ее Тамань, подъ какимъ именемъ она осталась до нашихъ дней

Такимъ образомъ, изъ надписи князя Глѣба видно, что онъ не только дѣйствителано княжилъ въ Тмутаракани, но что въ его время, какъ и во времена Геродота, замерзалъ Керченскій проливъ и что разстояніе въ 16 верстъ между Таманью и Керчью близко къ дѣйствительному. На основаніи этой надписи Ашикъ предполагаетъ, что Керчь была построена русскими на развалинахъ Пантикапеи. При Глѣбѣ, надо полагать, былъ также основанъ храмъ Бориса и Глѣба на горѣ того же имени на высокомъ уступѣ, омываемымъ Ахтанизовскимъ лиманомъ, вблизи станицы Ахтанизовской.

Княженіе Глѣба въ Тмутаракани оказалось однако непрочнымъ. Ростиславъ, сынъ Владиміра и внукъ Ярослава, проживавшій безъ княжескаго стола въ Новгородѣ, набравъ дружину, явился въ Тмутаракань и выгналъ оттуда Глѣба. Святославъ вступился за сына и вытѣснилъ въ свою очередь Ростислава; но какъ только онъ удалился, Ростиславъ снова занялъ Тмутаракань и, утвердившись здѣсь, повелъ очень успѣшныя войны съ косогами и хазарами. Можно полагать, что этотъ князь совершенно разрушилъ хазарское царство. Съ того времени, по крайней мѣрѣ, хазары не появляются уже болѣе въ лѣтописяхъ, какъ самостоятельный и сильный народъ, съ которыми приходилось считаться русскимъ. Рос-

тиславу не удалось однако долго наслаждаться плодами своихъ побѣдъ. Испугавшись этого предпріимчиваго князя, черноморскіе греки подослали къ нему нѣкоего Котонака, который и отравилъ довѣрившагося ему Ростислава. Тогда Тмутаркань снова причислена была къ Черниговскому княжеству въ качествѣ зависимой области.

Позже въ Тмутаракани княжилъ сынъ Романа Святославъ, а по смерти его Тмутаракань стала вообще убѣжищемъ младшихъ русскихъ князей, обиженныхъ старшими. Въ 1077 году сюда явился одинъ изъ такихъ князей Борисъ Вячеславичъ, а въ слѣдующемъ году умный и воинственный Олегъ Святославичъ. Оба князя заключили союзъ съ половецкими князьями и при помощи ихъ выгнали Всеволода изъ Чернигова. На Нежатинской нивѣ они однако были разбиты противникомъ, при чемъ въ битвѣ этой палъ князь Борисъ. Разбитый Олегъ не смирился. Поддерживаемый половцами и братомъ своимъ Романомъ, онъ въ слѣдующемъ году снова двинулся на Черниговъ. На этотъ разъ счастіе ему совершенно измѣнило. Подкупленные вѣроятно Всеволодомъ, половцы убили, по совѣту хазаръ, Романа, а Олега отправили въ заточеніе въ Грецію. Тогда Всеволодъ, присоединивши къ своему княжеству Тмутаракань, послалъ для управленія ею своего посадника Ратибора.

Но не прошло и года, какъ въ Тмутаракань явились бѣглецы — Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ. Они вытѣснили Ратибора и овладѣли Тмутараканью. Годомъ позже бѣжалъ изъ Греціи Олегъ Святославичъ и занялъ Тмутаракань на правахъ законнаго ея князя. Прежде всего онъ раздѣлался съ своими врагами. Тѣхъ самыхъ хазаръ, которые посовѣтывали половцамъ убить его брата Романа, а самаго его сослать въ Грецію, Олегъ приказалъ казнить; Давида же и Володаря онъ отправилъ въ русскія области.

Съ этого времени самостоятельное значеніе Тмутаракани, какъ русской области, какъ бы теряется въ исторіи. Только сосѣдніе половцы продолжаютъ играть роль соперниковъ русскихъ князей. Въ 1127 г. они овладѣли Босфорскимъ царствомъ вмѣстѣ съ Керчью. Къ 1184 году относится событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на стремленія русскихъ князей подчинить югъ, гдѣ числилось за ними Тмутараканское княжество. Въ этомъ году князь Игорь Святославичъ Сѣверскій предпринялъ съ своими братьями походъ противъ половцевъ. Желая обмануть русскихъ, половцы, при приближеніи ихъ, бросили свои вежи и бѣжали на лѣвую сторону Дона. Пріемъ половцевъ удался. Введенный въ заблужденіе бѣгствомъ противника, Игорь неосторожно погнался за половцами и дошелъ съ своими войсками до р. Каяла или

нынѣшняго Кагальника, но здѣсь половецкіе князья Кончакъ, Кузубурновичъ, Токсобичъ, Колобичъ, Ешебечъ и Терьтробичъ внезапно нагрянули на русскихъ и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, окружили противниковъ со всѣхъ сторонъ и разбили русскія войска на голову. Русскіе князья попали въ плѣнъ; Игорь достался наѣзднику Чилбуку изъ Тарголовской орды, Всеволодъ Роману Кзечю, Владиміръ Коптію въ Улашевичахъ.

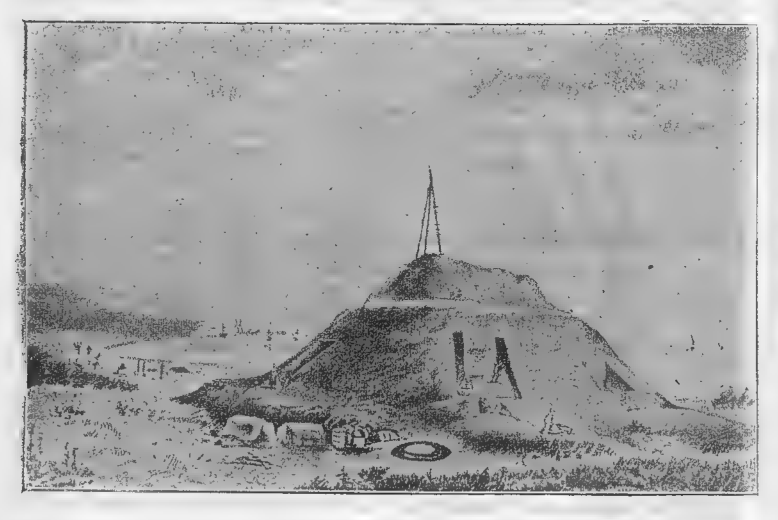
Событіе это послужило предметомъ поэмы, въ которой неизвѣстный поэтъ картинно изобразилъ битву на Каялѣ, ея значеніе и послѣдствія для русскихъ. Въ поэмѣ этой упоминается и Таутараканъ, какъ область, потерянная для русскихъ «Дивъ кличетъ, образно выражается древній поэтъ, връху древа, велитъ послушати землѣ не знаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканьскій блъванъ»! Незнаемыя земли—утраченныя земли и, стало быть, область, гдѣ былъ Тмутараканскій болванъ, считалась въ концѣ XII вѣка утерянною уже землею, которую можно было возвратить не иначе, какъ завоевавши снова. Благодаря каяловской побѣдѣ половцевъ, они остались господствующимъ народомъ въ южной Россіи и въ Кубанской области. По свидѣтельству Рубриквиса, Босфорское царство оставалось подчиненнымъ имъ до 1233 года и выплачивало ежегодно этому кочевому народу опредѣленную дань.

Съ 1224 года половцы перестали быть опасными сосѣдями для русскихъ. Въ этомъ году явились монголы, покорившіе русскія области и почти уничтожившіе половцевъ. Разбившіе всюду половцевъ и стѣснившіе ихъ со всѣхъ сторонъ, монгольскія орды овладѣли южно-русскими степями и въ томъ числѣ прикубанскими равнинами. Оставшіеся въ живыхъ половцы бѣжали въ различныя мѣстности. Одна часть ихъ попала на Балканскій полуостровъ во Фракію и Македонію, другая въ Малую Азію, третья въ Венгрію и четвертая даже въ Египетъ. Въ послѣднемъ половцы составили постоянное войско и въ качествѣ военной силы играли довольно важную роль въ этомъ государствѣ. Какъ упомянуто уже выше, нѣкоторые египетскіе султаны были половецкаго происхожденія.

Такимъ образомъ, первая четверть XIII вѣка закончилась для южной Россіи и Предкавказья началомъ того мрачнаго и чреватаго бѣдствіями періода, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ монгольскаго ига. Въ теченіе двухъ столѣтій русскіе находились подъ тяжелымъ гнетомъ монголовъ и татаръ. Развитіе русской политической жизни и культуры было надолго заторможено дикими ордами азіатскихъ кочевниковъ, терзавшихъ русское населеніе и распо

ряжавшихся русскими князьями. Исторія собственно Кубанскаго края какъ бы тонетъ въ этомъ общемъ горѣ русскаго народа. Нашествія воинственныхъ кочевниковъ подъ предводительствомъ Батыя, опустошительныя войны Тамерлана и другія проявленія грубой силы монголо-татаръ останутся навсегда самыми мрачными страницами исторіи.

Въ мѣстной исторіи не сохранились подробности тѣхъ столкновеній и послѣдующихъ затѣмъ взаимоотношеній, какія несомнѣнно были между побѣдителями татарами и побѣжденными ими народностями, занимавшими Предкавказье и Сѣверный Кавказъ. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ остались историческіе памятники, по которымъ можно судить о присутствіи татаръ. Къ числу такихъ памятниковъ относятся прежде всего курганы или могилы.



Курганъ.

Въ Кубанской области встрѣчаются курганы нѣсколькихъ типовъ. По внѣшнему виду курганы представляютъ собою насыпи изъ земли или изъ земли и песку въ степяхъ и на равнинахъ, а въ горахъ насыпи изъ камня, голышей и щебня съ примѣсью земли и глины. На составъ строительнаго матеріала кургановъ вліяли, очевидно, мѣстныя условія: какого матеріала было больше подъ рукою, тотъ и шелъ въ дѣло.

Археологическія изысканія указываютъ, что различные курганы возводились въ разные эпохи и разными народами. Степи, открытыя и доступныя со всѣхъ сторонъ, всегда слу-

жили мѣстами борьбы для разныхъ народовъ, которые тѣснили другъ друга. Вмѣстѣ съ этою непрерывною смѣною однихъ народовъ другими, возводились въ разныя времена и различные курганы. Это положительно подтверждается тѣми находками вещей и предметовъ, какія были обнаружены при раскопкахъ кургановъ.

Самые древніе курганы представляютъ собою могильники, въ которыхъ обнаружены были скелеты людей и лошадей съ предметами каменнаго вѣка—съ кремневыми орудіями, каменными топорами, молотками и пр. Раскопокъ и находокъ этого рода, впрочемъ, очень мало, и кто были собственно покойники—трудно сказать. Но несомнѣнно, что они обитали на равнинахъ и степяхъ Кубанской области въ очень отдаленное отъ насъ время. На это указываютъ находимые въ курганахъ предметы неолитическаго періода. Каменный вѣкъ закончился, по мнѣнію ученыхъ, для Европы около 1200 или 1500 лѣтъ до Р. Хр. Если допустить, что въ Кубанской области онъ продолжался нѣсколько дольше, благодаря притоку позднѣйшихъ народностей, то и тогда онъ представляетъ все таки очень отдаленную отъ насъ эпоху. Стало быть, эти древніе курганы во всякомъ случаѣ не могли быть возведены монголами.

За древнѣйшими курганами слѣдуютъ скифскія могилы. Очень можетъ быть, что и перваго рода курганы принадлежали также скифамъ или точнѣе кавказскимъ аборигенамъ-арійцамъ. Скифскія могилы встрѣчаются всюду по Кубанской области—въ Ейскомъ отдѣлѣ, на Таманскомъ полуостровѣ, по лѣвую сторону Кубани, справа отъ нея въ бассейнѣ р. Лабы, а также смежно въ Ставропольской губерніи, т. е. во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ есть прямыя историческія указанія.

Далѣе слѣдуютъ греческіе курганы временъ существованія Босфорскаго царства. Они находятся главнымъ образомъ на Таманскомъ полуостровѣ, и раскопки ихъ дали очень много въ высшей степени цѣнныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ и вещей, характеризующихъ лучшую эпоху древней греческой культуры.

Есть затѣмъ курганы съ предметами, свидѣтельствующими объ эпохѣ упадка греческой культуры, курганы алановъ или ясовъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ, и др.

Но смежно со всѣми этими курганами, всюду по области разбросаны могильники совсѣмъ уже поздняго времени, относящіеся къ XIII вѣку и болѣе позднему времени, насыпанные монголами и ногайцами. Монгольскіе курганы служили сторожевыми пунктами и въ нихъ не заключается гробницъ. Ногайскіе курганы отличаются отъ другихъ тѣмъ,

что всегда расположены группой. Есть обыкновенно одинъ большой курганъ и съ нимъ рядомъ два-три меньшихъ. У ногайцевъ они имѣли тоже назначеніе, что и у монголовъ. Здѣсь устраивались ставки предводителей. Большой курганъ, возведенный обыкновенно на возвышенномъ мѣстѣ, господствовавшемъ надъ окрестностями, прикрывалъ стоявшую за нимъ орду и служилъ пикетомъ, наблюдательнымъ пунктомъ.

Въ извѣстной связи съ курганами находились городища, но эта связь для татарскаго періода относится только къ позднѣйшимъ памятникамъ этого рода. Городища служили вообще укрѣпленными пунктами для защиты обитавшихъ возлѣ нихъ народностей. Часть ихъ была воздвигнута въ отдаленныя отъ насъ времена, но потомъ могла переходить и къ послѣдующимъ народностямъ, пользовавшимся ими также, какъ укрѣпленными пунктами. Другая часть возникла позже. Какъ древнія, такъ и позднѣйшія городища прекрасно сохранили свои внѣшнія признаки до нашихъ временъ. Устраивались они большею частію у рѣки, какъ напр. по Кубани или Бейсугамъ, такъ что одною стороною примыкали къ рѣкѣ, часто въ изгибахъ ея, а другая была ограждена валомъ и канавой. Можно сказать навѣрняка, что монголо-татары пользовались такими городищами.

Сами татары, кромѣ кургановъ, повидимому не возводили никакихъ памятниковъ, но съ нѣкоторыми остатками старины связаны легенды, имѣющіе историческое значеніе для исторіи татаро-монгольскаго владычества. Такія легенды пріурочены, напр., къ валамъ и рвамъ, сохранившимся во многихъ мѣстахъ Кубанской области.

Валы и рвы встрѣчаются главнымъ образомъ въ горныхъ частяхъ Сѣвернаго Кавказа и несомнѣнно имѣли чисто защитное назначеніе. Одинъ изъ такихъ валовъ описанъ Е. Д. Фелицынымъ по р. Ходзъ въ 12 верстахъ отъ аула Беноко и въ 9 верстахъ отъ аула Ходзскаго. Это длинный валъ, пересѣкающій всю долину р. Лабы и упирающійся однимъ концомъ въ берегъ р. Ходзъ, при впаденіи ея въ Лабу, а другимъ — въ крутую гору, окаймляющую лѣвую сторону Лабинской долины. Черкесы, издавна здѣсь живущіе, увѣряютъ, что валъ этотъ начинался отъ г. Анапы и оканчивался у Дербента, представляя на всемъ протяженіи Кавказскаго перешейка непрерывную линію. Черкесы называютъ валъ Мальхашагосъ, что на русскомъ языкѣ означаетъ «зять дорогу велъ» (мальха — зять, хаша — велъ и госъ дорога). Съ такимъ названіемъ у горцевъ связано поэтическое сказаніе, записанное Е. Д. Фелицынымъ со словъ князя Берескакова. Я пе-

редамъ это сказаніе, имѣющее связь съ мѣстными историческими памятниками, въ своей редакціи.

Въ городѣ Анапѣ жилъ мудрый и ученый человѣкъ, воспитывавшій мальчика. Между ученымъ и мальчикомъ установились самыя близкія отношенія. Мудрецъ любилъ мальчика, какъ родного сына, а мальчикъ привязанъ былъ къ нему всей душой. Умирая мудрецъ передалъ своему питомцу, ставшему юношей, небольшой запертый на ключъ сундучекъ, предупредивши, что со временемъ сундучекъ пригодится юношѣ. Пораженный горемъ потери любимаго аталыка, воспитателя, юноша не обратилъ сначала совершенно никакого вниманія на подарокъ наставника. Прошло затѣмъ нѣсколько времени. Предполагая, что въ сундучкѣ хранилась мудрость умершаго аталыка, пользовавшагося громкою славою на далекомъ пространствѣ горъ между черкесами, юноша рѣшился въ одно время отпереть замокъ и поглядѣть, что хранилось въ сундучкѣ. Когда онъ поднялъ крышку отпертаго сундучка, то, къ удивленію своему, нашелъ въ немъ одну свѣчку цѣлую и другой половину. Не понимая значенія столь страннаго наслѣдства, юноша попробовалъ зажечь свѣчу. Лишь только вспыхнуло пламя свѣчи, какъ мгновенно передъ юношей явился духъ.

— Зачѣмъ открылъ сундучекъ и что тебѣ нужно? спросилъ юношу духъ.

— Я желалъ бы получить мудрость моего аталыка и хотѣлъ бы непремѣнно повидаться съ нимъ, отвѣтилъ смущенный юноша.

— Умершіе живутъ въ другомъ мірѣ, съ которымъ я не имѣю сношеній, сказалъ на это духъ. Всякія же другія твои желанія я исполню тотъ часъ, какъ только ты зажжешь свѣчу.

Узнавши столь чудесную силу доставшагося ему талисмана, обрадованный юноша быстро сообразилъ, какъ удовлетворить одно изъ своихъ завѣтныхъ желаній. Вызвавши духа, онъ заказалъ ему достать самую красивую на Кавказѣ невѣсту.

Въ городѣ Дербентѣ жилъ могущественный повелитель Аксакъ Темиръ, у котораго была единственная дочь, писанная красавица, стройная, какъ газель, изящная, какъ цвѣтокъ природы, съ черными блестящими, какъ у лани, глазами, съ мелодичнымъ голосомъ, съ чуднымъ, какъ у небесной гуріи, лицомъ и съ взорами умной, скромной и обаятельной женщины И вотъ эта красавица, сама того не подозрѣвая, каждую ночь переносилась духомъ въ Анапу, проводила здѣсь время съ юношей, также прекраснымъ, мужественнымъ и богато одареннымъ духовною силою.

Сначала красавицѣ казалось, что это лишь сонъ. Но когда эти таинственныя посѣщенія невѣдомаго джигита въ незнакомомъ мѣстѣ начали повторяться регулярно каждую ночь, когда между молодыми людьми возникли нѣжныя чувства и заговорило сердце красавицы, она невольно задумалась надъ своимъ положеніемъ. Печаль сковала ея душу, совѣсть уличала ее въ проступкѣ противъ родителей. Рѣшительная дѣвушка поступила такъ, какъ подсказало ей неопороченное нравственное чувство — она открыла свою тайну родителямъ.

Аксакъ Темиръ, узнавши тайну, былъ возмущенъ до глубины души и воспылалъ гнѣвомъ. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, жестоко наказать дерзкаго нарушителя покоя его дочери. Долго онъ раздумывалъ надъ различными средствами для отысканія виновнаго и остановился на одномъ изъ нихъ, посовѣтывавши своей дочери положить на ночь у себя четки и другіе предметы, по которымъ можно было бы уличить обольстителя, если они останутся у него. Однако, эта ловушка не повела ни къ чему. Духъ не трогалъ вещей и онѣ оставались на своихъ мѣстахъ, а красавица по прежнему продолжала ночныя свиданія съ юношей.

Тогда Аксакъ Темиръ собралъ своихъ князей, узденей, большое войско и отправился съ ними искать обольстителя дочери по всему Кавказу. Его сопровождала и дочь. Это было грозное шествіе. Двигаясь отъ Дербента по направленію къ Черному морю, Аксакъ Темиръ покорялъ всѣ встрѣчавшіеся ему по пути народы и племена. Въ такомъ побѣдоносномъ шествіи онъ дошелъ до Анапы.

Жители этой послѣдней, считая немыслимымъ сопротивленіе многочисленному войску Аксакъ Темира, добровольно подчинились и поголовно съ семьями вышли на встрѣчу ему, оставивши городъ совершенно пустымъ. Аксакъ Темиръ съ войскомъ занялъ пустой городъ и велѣлъ тщательно осмотрѣть всѣ дома, не остался ли еще кто нибудь изъ жителей, не пожелавшихъ проявить ему покорности. Стали осматривать дома и нашли въ одномъ юношу. Никто, конечно, и самъ Аксакъ Темиръ не зналъ, кто этотъ смѣльчакъ.

Когда Аксакъ Темиръ потребовалъ юношу къ себѣ и когда юноша не исполнилъ его приказанія, разгнѣванный повелитель рѣшилъ казнить непокорнаго джигита. Сердце красавицы-дочери однако подсказало, кто былъ непокорный джигитъ. Она удержала отца отъ жестокаго поступка. И когда, наконецъ, разъяснилось, кто былъ юноша, и Аксакъ Тамиръ увидѣлъ его, то сталъ упрекать его въ непростительной дерзости, какъ обольстителя невинной и знатной дѣвушки.

—Я ни за что не отдамъ свою дочь дерзкому мальчишкѣ, байгушу, не имѣющему ни княжескаго имени, ни знатнаго происхожденія и не заявившему себя никакими геройскими подвигами, гордо сказалъ Аксакъ Темиръ.

—Но я имѣю такой талисманъ, который не могутъ замѣнить никакія богатства, слава и знатное происхожденіе, скромно и спокойно отвѣтилъ на это юноша.

Аксакъ Темиръ былъ озадаченъ, а юноша, не теряя времени, отперъ свой сундучекъ, зажегъ свѣчку и, когда явился духъ, онъ приказалъ ему показать Аксакъ Темиру всевозможныя чудеса, какія только существуютъ въ мірѣ.

Грозный повелитель былъ подавленъ и пораженъ чудными видѣніями. Онъ долженъ былъ признать силу бѣднаго юноши и охотно согласился выдать за него свою дочь. Вскорѣ затѣмъ въ Анапѣ состоялась блестящая свадьба, послѣ которой счастливая молодая чета отправилась вмѣстѣ съ отцомъ въ Дербентъ.

Въ ознаменованіе столь радостнаго въ своей жизни событія, счастливый зять Аксака Темира повелѣлъ подчиненному ему духу провести канаву по всему пути слѣдованія тестя изъ Анапы въ Дербентъ. Слѣды этой канавы съ валомъ, по словамъ горцевъ, видны повсюду на Сѣверномъ Кавказѣ отъ Анапы до Каспійскаго моря.

Вотъ почему эти слѣды канавы называются Мальхашагосъ—зять дорогу велъ.

Е. Д. Фелицынъ «не придалъ, по его словамъ, никакого серьезнаго значенія» преданію о Мальхашагосъ, какъ противорѣчащему историческимъ фактамъ. Анапа, говоритъ онъ, основана была въ 1778 году турками и съ тѣхъ поръ не было нашествій, подобныхъ описанному въ легендѣ, на Кубанскую область.

Однако изслѣдователь не могъ опровергнуть факты существованія земляныхъ валовъ съ канавами во многихъ мѣстахъ Закубанскаго края. Онъ самъ видѣлъ такіе валы и канавы около станицы Пшехской, въ горномъ майкопскомъ ущельѣ р. Бѣлой, между станицами Баговской и Бисленеевской въ ущельѣ Иризь, на лѣвомъ берегу р. Лабы между станицами Удобной и Отрадной, въ ущельѣ р. Большого Зеленчука около станицы Исправной и по р. Кубани ниже станицы Баталпашинской. Гдѣ еще есть валы и канавы, связаны ли всѣ эти валы и канавы между собою, имѣютъ ли они одно опредѣленное направленіе,—не обслѣдовано пока, но едва ли отсутствіе такого изслѣдованія умаляетъ особенно значеніе легенды.

Народная легенда никогда не можетъ быть точнымъ выраженіемъ дѣйствительности, но она въ громадномъ боль-

шинствѣ случаевъ служитъ ключемъ къ историческимъ событіямъ. Такое же значеніе несомнѣнно имѣетъ и легенда о Мальхашагосъ. Надо полагать, что въ ея содержаніе вошли позднѣйшія наслоенія.

Но интересъ заключается не въ этихъ частичныхъ измѣненіяхъ, а въ общемъ смыслѣ всего содержанія легенды. Легенда несомнѣнно указываетъ на крупное историческое событіе. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней оказывается Аксакъ Темиръ, т. е. старый Темиръ, но такъ назывался у горцевъ никто иной какъ Темиръ-Ленгъ, Желѣзная Нога, знаменитый Тамерланъ. Крупная фигура этой исторической личности сразу даетъ яркое освѣщеніе всей легендѣ. Аксакъ Темиръ громилъ обитателей Сѣвернаго Кавказа и доходилъ до Эльбруса.

Такимъ образомъ, легенда о Мальхашагосъ, т. е. защитныхъ валахъ съ канавами, основанная на сказаніи о побѣдоносномъ шествіи Аксакъ Темира отъ Дербента на Сѣверный Кавказъ, могла послужить лишь канвой для этого историческаго событія. Позднѣйшіе обитатели горъ съ недоумѣніемъ могли остановиться на обиліи валовъ съ канавами, тянувшихся въ одномъ опредѣленномъ направленіи, и фигурально въ поэтическомъ освѣщеніи, изобразить эти сооруженія въ видѣ дороги зятя Тамерлана. То, что раньше устраивалось для защиты населенія отъ войны и набѣговъ врага, стало для послѣдующихъ поколѣній дорогой, по которой яко бы прошелъ одинъ изъ крупныхъ историческихъ завоевателей.

Сама по себѣ Анапа представляетъ мѣсто, съ которымъ соединены историческія событія, послужившія основой и для другихъ легендъ. Когда не было еще на свѣтѣ Аксакъ Темира, событія эти были уже пріурочены къ легендарной исторіи Анапы. Въ 1641 году турецкій путешественникъ Евлія Эфенди, сопровождавшій начальника артиллереи, которому поручено было турецкимъ правительствомъ участвовать въ осадѣ Азова, взятаго въ 1637 году донскими казаками, нашелъ уже Анапу, возводившую свое существованіе къ временамъ Александра Македонскаго. Александръ будто бы, получивши приказаніе отъ Бога построить стѣну Гогъ и Магогъ и прибывши къ этому мѣсту, до такой степени былъ восхищенъ его климатомъ и положеніемъ, что воздвигъ здѣсь пятиугольный замокъ изъ огромной величины камней, зала дивно была вымощена яхонтомъ, изумрудомъ, бирюзою и сердоликомъ, а по сему самому замокъ былъ названъ Каверіай Анапай. Впослѣдствіи имъ овладѣли генуэзцы, и когда Тимуръ разорилъ города Дадіана, Гешленъ и другіе, всего до 700, въ своемъ походѣ противъ Тохтамыша, владѣтеля Крыма, то

разрушилъ также предмѣстье анапскаго замка, но самый замокъ былъ пощаженъ отъ разрушенія.

Такимъ образомъ, почти на полтора столѣтія раньше, какъ возобновлена была Анапа турками въ 1778 г., она уже имѣла репутацію города, на который обратилъ вниманіе Александра Македонскаго самъ Господь Богъ. Въ свое время, по тѣмъ же легендарнымъ свѣдѣніямъ, въ ней побывалъ также и Аксакъ Темиръ, тотъ грозный владыка, у котораго была, противъ первоначальныхъ его намѣреній, похищена дочь его. Стало быть, за легендой горцевъ, сообщенной княземъ Бесскановымъ, существовала своего рода историческая давность.

Что же касается вала, проложеннаго зятемъ Аксака Темира, то въ восточной части Кавказа, ближе къ Дербенту, онъ извѣстенъ подъ именемъ вала Тамерланова. Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ графиня Уварова говоритъ, что въ Чечнѣ по р. Камбелеевкѣ начинается земляной валъ. Идетъ онъ глаголемъ къ сѣверу, какъ бы защищая Чечню, и къ востоку по предгорью, далеко до самаго моря, какъ разсказываютъ туземцы, дающіе ему здѣсь общее названіе Темиръоръ или валъ Тимура. Очень можетъ быть, что тамъ же въ Чечнѣ далеко до самаго моря обращаются въ населеніи легенды объ Аксакъ-Темирѣ въ болѣе яркихъ и рѣзче выраженныхъ образахъ этого всемірнаго завоевателя.

Несомнѣнно, что Тамерланъ оставилъ у кубанскихъ горцевъ воспоминанія, воплощенныя въ легенды, благодаря исключительно тому обстоятельству, что въ восточной части Кавказа горцамъ пришлось имѣть дѣло съ грознымъ завоевателемъ и его ужасными полчищами. Такія событія, какъ нашествіе иноплеменниковъ-завоевателей, не изглаживаются скоро изъ памяти народа и вполнѣ естественно принимаютъ характеръ легендъ.

Когда пало монгольское царство и Золотую орду замѣнили болѣе мелкія и значительно слабосильныя части могущественной имперіи Чингизхана,—въ Крыму, по восточному побережью Чернаго моря, на Таманскомъ полуостровѣ и въ устьяхъ Дона осѣли новые колонисты, но колонисты мирные, не преслѣдовавшіе завоевательныхъ цѣлей, а только торговыя и экономическія. Это были сначала венеціанцы, а потомъ вытѣснившіе ихъ генуэзцы. Плавая по Черному морю, венеціанцы проникли въ Азовское море, вспомнили о быломъ торговомъ значеніи Танаиса, созданнаго греками-колонистами въ устьяхъ Дона и, какъ предполагаютъ, основали, руководясь указаніями Страбона, тамъ же новый городъ Тану. Но венеціанцы скоро встрѣтили въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ по Черному и Азовскому морямъ опасныхъ соперниковъ—генуэзцевъ. Содѣйствуя возстановленію Византійской

имперіи, послѣдніе заключили въ 1260 году съ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ договоръ, въ силу котораго венеціанцамъ былъ воспрещенъ входъ въ Черное море. Чтобы окончательно вытѣснить съ востока своихъ соперниковъ, генуэзцы рѣшили прочно укрѣпиться въ Крыму. Съ этою цѣлью они купили у Татарскаго хана Оранъ-Тимура землю подъ торговую факторію и основали здѣсь въ свое время могущественную Кафу или нынѣшнюю Феодосію. Взявши значительную по тому времени сумму денегъ за урочище Кафу, татары выговорили себѣ право получать пошлину съ ввозимыхъ и вывозимыхъ трваровъ и такимъ образомъ, Кафа съ первыхъ же дней своего существованія стала въ извѣстную зависимость отъ татаръ. Точно неизвѣстно время основанія Кафы, но въ 1289 году она имѣла уже своего консула Паолино Доріа, о которомъ упоминаетъ генуэзкій историкъ Одерико. Кафа сразу же стала центральнымъ пунктомъ управленія торговыми колоніями генуэзцевъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, и въ томъ числѣ тѣхъ, которыя были основаны въ предѣлахъ бывшаго Босфорскаго царства и на земляхъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Кубанской области.

Въ историческихъ документахъ сохранился «Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ», изданный въ Генуѣ въ 1449 году. Уставъ представляетъ собою подробную регламентацію управленія Кафою и отношеній къ ней другихъ черноморско-азовскихъ колоній. Управленіе носило республиканскій характеръ. Во главѣ его стоялъ консулъ, на которомъ лежали обязанности какъ административныя, хозяйственныя, такъ и судебныя съ правомъ пытокъ. Но его дѣйствія раздѣлялись и контролировались цѣлымъ рядомъ колоніальныхъ учрежденій—генеральныхъ синдиковъ, совѣта старѣйшинъ, управляющихъ финансами, комитетовъ попечительнаго, торговаго и совѣта казначейства. Особенно важную роль играли генеральные синдики, вѣдавшіе судебныя дѣла и контролировавшіе консула. Послѣдняго они могли даже предать суду. Всѣ учрежденія были основаны на выборномъ началѣ, причемъ выбиралась половина членовъ изъ кафскихъ жителей, а половина изъ генуэзцовъ, съ предпочтеніемъ дворянскихъ родовъ.

И вотъ при помощи этой сложно-республиканской организаціи управлялись и другія торговыя колоніи. Во главѣ всего стояла, конечно, Генуя или, точнѣе, «свѣтлѣйшій и высокій Дожъ Генуэзскій и достойный совѣтъ Старѣйшинъ общины города Генуи». Но фактически всѣ функціи по управленію колоніями выполнялись въ Кафѣ. Генуя же была главнымъ хозяиномъ и преимущественно защитницей по-

литическаго могущества республики и ея колоній. Такую роль она играла въ борьбѣ генуэзцовъ съ венеціанцами и ея колоній съ татарами. Такъ, когда татарскій ханъ Джанибекъ разгромилъ Тану, то генуэзцы заперли входъ въ Азовское море и въ устья Дона, и тѣмъ двукратно принудили къ миру и уступкамъ татаръ, лишенныхъ торговыхъ сношеній съ другими народами, при чемъ въ 1349 году генуэзцы обложили устье рѣки Танаиса. Въ этотъ второй разъ своего торжества надъ татарами, генуэзцы установили, чтобы въ Танѣ жили одни генуэзцы и чтобы индійскіе товары, привозимые въ Тану на имя иностранныхъ купцовъ, разгружались въ Кафѣ. Это, разумѣется, подняло торговое значеніе Кафы въ ущербъ интересамъ другихъ колоній и торговцевъ не генуэзцовъ. Венеціанцы первыми запротестовали противъ такой мѣры. Открытая борьба венеціанцевъ съ генуэзцами каждый разъ разрѣшалась однако въ пользу послѣднихъ. Въ 1355 году венеціанцы дали обязательство генуэзцамъ прекратить плаваніе въ Тану въ теченіе трехъ лѣтъ.

Руководя, такимъ образомъ, политическими событіями, внутреннее управленіе и распорядки Генуя всецѣло отдала въ руки кафскаго консула и учрежденій. Въ другихъ колоніяхъ не всюду были даже консулы, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время, а тамъ, гдѣ они были, являлись лишь мелкими чиновниками, зависѣвшими отъ кафскихъ властей. Обыкновенно такіе второстепенные консулы посылались въ колоніи изъ Кафы.

Въ Уставѣ генуэзскихъ колоній упоминаются двѣ колоніи, находившіяся въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области. Это — Матрика и Ло-Коппа.

Матригою, Мотархою, Таматархой или русскою Тмутараканью называлась Тамань. Какъ было упомянуто выше, Тмутаркань была столица русскаго княжества съ IX по XII ст. Въ свое время она принадлежала къ числу важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ на Черномъ морѣ. Эдризи характеризуетъ ее, какъ многолюдный и торговый городъ. Изъ него шло главнымъ образомъ сырье-шерсть, кожи, медъ, воскъ и рыба. Въ 1237 году Тмутаракань посѣтилъ миссіонеръ доминиканецъ Юліанъ. По его словамъ, Матрика была тогда христіанскимъ городомъ. Князь и населеніе исповѣдывали православную вѣру, имѣли греческихъ священниковъ и пользовались греческими книгами, жившій здѣсь греческій митрополитъ назывался митрополитомъ Матрики и Зихіи, мѣстности, сосѣдней съ Матрикою. Генуэзцы начали посѣщать Матрику съ XII столѣтія и имѣли здѣсь своихъ консуловъ, подчиненныхъ кафскому консулу. Въ Зихіи первымъ католическимъ епископомъ былъ назначенъ въ 1346 году францискa-

нецъ Іоаннъ, то есть, въ ту пору, когда прочно утвердились уже генуэзцы въ Кафѣ. Изъ населенныхъ пунктовъ, существовавшихъ въ Зихіи въ италіанскихъ актахъ упоминаются Мапаріо или, какъ значится это мѣстечко на италіанскихъ картахъ, Мапа, въ которой можно признать нынѣшнюю Анапу, такъ какъ Мапа находилась не вдалекѣ отъ устья Кубани. Другой населенный пунктъ представляла Баттаріо или Бата, городъ въ Зихіи съ удобною пристанью. Бата или нынѣшній Новороссійскъ былъ также важнымъ торговымъ пунктомъ.

Какъ управлялись Матрика, Мапа и Бата, нѣтъ достаточныхъ историческихъ данныхъ. Въ генуэзскомъ уставѣ сохранилась особая статья «О томъ, что жители Матрики, Мапаріо и Баттаріо не освобождаются отъ платежей». «Постановляемъ и повелѣваемъ, говорится въ этой статьѣ, что люди въ Матрикѣ, Мапаріо, Баттаріо не должны быть освобождаемы отъ платежа повинностей, но напротивъ должны платить подобно прочимъ прежнія, не смотря ни на какія льготы». Изъ дальнѣйшаго этой статьи видно, что во всѣхъ трехъ городахъ были «начальники тѣхъ мѣстъ», которымъ постановлялось въ обязанность не держать у себя должниковъ, но отправлять ихъ въ Кафу, согласно ихъ желанію.

Болѣе подробныя и опредѣленныя указанія о колоніальномъ управленіи находятся въ особой главѣ генуэзскаго устава «О томъ, что долженъ дѣлать консулъ въ Ло-Коппа». Городъ Копа или по-венеціански Коба издавна былъ извѣстенъ какъ венеціанцамъ, такъ и генуэзцамъ. По венеціанскимъ документамъ онъ находился на рѣкѣ Кубани въ 280 итальянскихъ миляхъ отъ ея устья. На этомъ основаніи Канале считаетъ Копу древней Антицирой, Меркаторъ-Мапетой, Примоде нынѣшнимъ Темрюкомъ, а Лелевель и Мурзакевичъ селеніемъ Копылъ. Послѣднее названіе удержалось до нашихъ дней за мѣстомъ, гдѣ дѣлится Кубань на два рукава — Азовскій и Черноморскій, вблизи нынѣшней станицы Славянской. Очевидно, итальянское Копа было передѣлано въ русское Копылъ, который до послѣдняго времени считался лучшимъ рыболовнымъ мѣстомъ, а этою именно чертою отличалась и древняя Копа. Изъ генуэзскаго устава видно, что жители Копы занимались соленіемъ рыбы и приготовленіемъ икры, и весьма возможно, что самое названіе Копа произошло отъ греческаго копто, что значитъ пластовать рыбу.

Какъ видно изъ того же Генуэзскаго устава, греки составляли значительную часть населенія древней Копы. По второму параграфу главы «О томъ, что долженъ дѣлать консулъ въ Ло-Коппа», консулу вмѣняется въ обязанность, что-

бы онъ избралъ предварительно въ Кафѣ двухъ «управляющихъ финансами латинцевъ и одного писмоводителя»; затѣмъ по пріѣздѣ въ Копу консулъ долженъ былъ на мѣстѣ избрать «еще двухъ управляющихъ грековъ изъ лучшихъ, да кромѣ того трехъ совѣтниковъ—двухъ латинцевъ и одного грека». Всѣ эти лица должны были составлять совѣтъ консула и вѣдать мѣстныя дѣла. Такимъ образомъ, половина чиновниковъ въ Копѣ состояла изъ грековъ—обстоятельство прямо указывающее на численное преобладаніе грековъ въ населеніи Копы. Изъ другихъ жителей Копы упоминаются канлюки, т. е. монголы, и генуэзцы. Что же касается прилегавшей къ Копѣ мѣстности Зихіи, то она населена была черкесами.

Повидимому въ самой Копѣ, кромѣ консула и его совѣта, были мѣстныя власти. Изъ третьяго параграфа главы о консулѣ въ Ло-Коппа видно, что «консулъ обязанъ явиться со всѣми купцами, находящимися въ Ло-Коппа, передъ властями того мѣста», чтобы установить пробу монеты для расплатъ за рыбу. По параграфу же 13 консулъ обязывался «поднести подарки владѣтельнымъ особамъ въ Зихіи», причемъ «всякій товаръ или куски бокасина» долженъ былъ предварительно осмотрѣть совѣтъ и передать потомъ для оцѣнки присяжнымъ оцѣнщикамъ. Уставомъ вообще строго регулировались дѣйствія колоніальнаго управленія въ Копѣ, были опредѣлены размѣры пошлинъ и штрафовъ въ пользу консула, установленъ порядокъ выбора четырехъ оцѣнщиковъ—двухъ грековъ и двухъ латинцевъ, и ихъ дѣйствія, и особенно обращалось вниманіе на ввозъ и употребленіе въ дѣло соли. По параграфу 5-му весною и въ сентябрѣ полагалось, чтобы всю соль, которая оставалась послѣ посола рыбы, «купцы и другія лица» привозили обратно въ Кафу или бросали въ море подъ опасеніемъ штрафа отъ 100 до 200 аспровъ съ бочки, т. е. отъ 3 до 6 рублей.

Торговлю съ Коппою генуэзцы вели уже въ XII столѣтіи. Въ 1175 году былъ посланъ изъ Генуи посолъ Грimальди въ Константинополь съ порученіемъ потребовать съ Византійскаго двора вознагражденіе за убытки, причиненные греками разрушеніемъ лавокъ, принадлежавшихъ въ Константинополѣ генуэзцамъ. Въ числѣ этихъ лавокъ былъ рыбный рядъ съ рыбою, привозимою изъ Копы. Копа была преимущественно рыбнымъ рынкомъ.

Но важную также статью отпуска составляли въ ней невольники, которые продавались черкесами и вывозились въ Турцію и особенно въ Египетъ. Въ параграфѣ 12 главы о консулѣ въ Копѣ говорится, «что консулъ въ Ло-Коппа можетъ получать за каждаго невольника, вывозимаго оттуда

по шести аспровъ». Судя по этой пошлинѣ, составляющей на наши деньги около 18 копѣекъ и расчитанной на обиліе случаевъ обложенія, торговля невольниками въ Копѣ носила довольно значительные размѣры, такъ какъ консулъ въ Копѣ не получалъ опредѣленнаго жалованья, а жилъ доходами отъ пошлинъ и штрафовъ.

Вообще колоніи въ ту пору отпускали главнымъ образомъ сырье. Наглядное представленіе объ этомъ даетъ Генуэзскій уставъ для колоній, въ которомъ находятся указанія на предметы рыночной торговли. Такъ, въ Каффѣ пошлинѣ подлежала: всякая зелень, арбузы, огурцы, дыни, каштаны, осетры, мясо, устрицы, вина, хлѣбъ, разные фрукты, лукъ, капуста, чеснокъ, мука, дрова, битые кабаны, свѣжая стерлядь, соленая стерлядь, виноградъ и камбала. Надо полагать, что правила, обязательныя для Каффы, распространялись и на другія колоніи, и что въ послѣднихъ предметы рыночной торговли и отпуска разнообразились въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Ходячею монетою въ Коппѣ и въ другихъ генуэзскихъ колоніяхъ того времени были сонмъ и аспръ. По постановленію попечителей банка святаго Георгія въ Генуѣ за 1459 годъ, сонмъ равнялся 200 аспрамъ, а иногда, въ зависимости отъ курса, 150; одинъ же аспръ по вычисленію Канале равнялся почти двумъ сантимамъ или тремъ копѣйкамъ. Слѣдовательно, сонмъ представлялъ по вѣсу такое количество серебра, цѣна котораго колебалась отъ $4\frac{1}{2}$ до 6 рублей на наши деньги.

Достойно замѣчанія, что консулу Коппы, не въ примѣръ другимъ колоніямъ, было предоставлено право чеканки монеты. Изъ цитированной уже главы о консулѣ въ Коппѣ видно, что по установленію консуломъ съ купцами и мѣстными властями пробы денегъ, параграфомъ 4 главы, воспрещалось покупать рыбу до тѣхъ поръ, пока консуломъ не будетъ сдѣлана монета опредѣленной пробы, подъ опасеніемъ потери всей платы за рыбу. Тѣмъ же параграфомъ воспрещалось «покупать рыбу монетою высшей пробы противъ назначенной консуломъ». Съ тѣхъ поръ у татаръ и черкесовъ сохранилось даже въ измѣненномъ видѣ названіе основной монеты—сонмъ. Татары называли слитки серебра «саумами», а черкесы словомъ «сомъ» означали русскій серебрянный рубль.

Вообще слѣды генуэзской торговли на Кавказѣ до сихъ поръ еще сохранились и долго были памятны его населенію. У черкесовъ до сихъ поръ еще сохранились легенды и преданія на этотъ счетъ. Воспоминанія объ «Игеноасъ», т. е. о генуэзцахъ, долго сохранялись въ средѣ горскаго населенія,

а купленное у генуэзцовъ оружіе черкесы считали фамильною драгоцѣнностью.

Есть основаніе предполагать, что генуэзцы, за своими торговыми и матеріальными выгодами, не забывали и духовныхъ нуждъ населенія. Распространеніе христіанства въ средѣ горцевъ на Кавказѣ, кромѣ грековъ и грузинъ, приписывается и генуэзцамъ. По словамъ Дюбуа де-Монпере, средневѣковыя церкви на Кавказѣ, извѣстныя подъ именемъ генуэзскихъ, построены были большею частію въ византійскомъ или восточномъ стилѣ. И позже, когда горцы стали мусульманами, они продолжали чтить эти памятники христіанства. Проѣзжая мимо древняго христіанскаго храма, черкесъ слѣзалъ съ лошади и твердилъ мусульманскую молитву. Собственно на Сѣверномъ Кавказѣ, кромѣ христіанскихъ церквей, въ горахъ сохранились слѣды древней торговой генуэзской дороги. Она тянется отъ Анапы къ Эльбрусу по Чернымъ горамъ, тамъ, гдѣ ютились когда-то различныя племена горскаго населенія.

Генуэзцы владѣли крымскими и кавказскими факторіями два вѣка до 1475 года, когда владѣнія ихъ были покорены турецкимъ султаномъ Магометомъ II.

Подъ гегемонію турокъ попали и татары. Въ 1479 году, подъ ихъ покровительствомъ, Менгли-Гирей основалъ Крымское ханство. Съ 1584 года крымскіе ханы находились въ зависимости отъ Порты въ теченіе 200 лѣтъ.

17 іюля 1774 года, по Кучукъ-Кайнарджійскому договору, Крымъ и Кубанскія степи, принадлежавшія татарамъ, подъ протекторатомъ Турціи, перешли во владѣніе Россіи.

Здѣсь слѣдовало бы поставить точку по общей исторіи края. Съ этого времени на Кубани начинается собственно русская исторія. Но такъ какъ Россія прежде чѣмъ овладѣла нынѣшнею степною полосою Кубанской области, вела изъза нея упорную борьбу съ черкесами, татарами и турками, то, выдѣляя эту эпизодическую часть Кубанской исторіи въ особую главу, необходимо, въ видахъ лучшаго освѣщенія событій, охарактеризовать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, то состояніе края, въ какомъ онъ находился подъ властью турокъ и татаръ.

Главную массу населенія Кубанскихъ степей составляли татары, потомки монголовъ-завоевателей. Они вели кочевую жизнь и обособленныя части ихъ или «орды» занимали всю равнинную полосу Предкавказья, начиная съ устьевъ Дона и Кубани и оканчивая нѣкоторыми мѣстностями Ставропольской и Астраханской губерній съ Терскою областью. Отдѣльные татарскіе роды проникли также и на лѣвый берегъ Кубани, въ черкескія мѣста, и осѣли здѣсь по Лабѣ и близъ

устьевъ Кубани. У черкесовъ эта часть татаръ носила название «ногай», ногайцевъ.

Занимаясь исключительно скотоводствомъ, татары вели подвижной образъ жизни, способствовавшій развитію наѣздничества, набѣговъ и грабежей. Городовъ и осѣдлыхъ селеній собственно у татаръ не было. Остатки когда-то цвѣтущихъ торговыхъ центровъ и вновь возведенныя укрѣпленія поддерживались турками, и возлѣ этихъ осѣдлыхъ поселеній ютилась и часть татарскаго населенія, наиболѣе склонная къ тому.

Но это было ничтожное меньшинство. Главная масса татарскаго населенія, подобно скифамъ и др. кочевникамъ, жила въ повозкахъ или арбахъ и таскала съ собою все свое. Путешествовавшій въ концѣ XV столѣтія Барбаро сообщалъ, что въ то время татары имѣли свои передвижные дома, представлявшіе собою изогнутыя дуги съ придѣланными къ нимъ стѣнками и крышами. Такіе легкіе и удобные для переноски шалаши перевозились на арбахъ и легко снимались на землю, въ случаѣ нужды. Окутанные съ боковъ собачьими кожами, а сверху войлоками или сукнами, они превращались такимъ образомъ въ крошечные домики и шалаши, въ которыхъ жили татары до тѣхъ поръ, пока пасшійся вблизи скотъ находилъ корма. Съ переходомъ на новую стоянку, шалаши снимались съ земли, ставились на арбы и аулъ путешествовалъ дальше. Такъ велись перекочевки у татаръ искони и остались до позднѣйшихъ временъ.

Во время турецко-татарскаго владычества, въ экономической жизни края, вмѣсто прежней Фанагоріи, главную роль играла Тамань. Тамань, о которой столько разъ упоминалось выше, была основана генуэзцами и по лѣтописи профессора Бруна значится, что въ 1419 году владѣльцемъ Тамани былъ генуэзецъ Симоне-де-Гвизольфи. Столѣтіемъ позже далъ свѣдѣнія о ней доминиканецъ Эмиддіо Дортелли д'Асколи, префектъ Каффы, Татаріи и др., и значитъ человѣкъ, которому по его оффиціальной роли хорошо было извѣстно положеніе края и дѣлъ въ немъ. По описанію Асколи, Тамань или Матрига была главнымъ городомъ Черкессіи, подвластнымъ турецкому падишаху и управляемымъ каффскимъ пашей. Въ Тамани велась довольно дѣятельная торговля. Отсюда вывозилось въ значительномъ количествѣ, бочками коровье масло, получавшееся изъ Скифской татаріи, находившейся между Азовомъ и Черкессіей, т. е. въ нынѣшней степной части Кубанской области и въ Ростовскомъ уѣздѣ Донской области. Изъ Тамани шла въ другія страны икра красной рыбы, приготовленная въ Тумнезѣ или нынѣшнемъ Темрюкѣ. «Продукта этого, говоритъ Асколи, хватаетъ

не только на всѣ мѣста Татаріи и Чернаго моря, но также на Константинополь и на острова Архипелага; хіосцы пріѣзжають закупать ее».

Тамань была въ ту пору не только торговымъ городомъ, но и крѣпостью. Внутри города, по словамъ Асколи, было возведено два замка, взаимно защищавшіеся со стороны материка. Они были такъ искусно устроены и расположены, что не могли обстрѣливать другъ друга, «такъ какъ одинъ глядѣлъ прямо, а другой въ сторону». При этомъ Асколи упоминаетъ объ одной очень интересной подробности. Отъ дождей въ Тамани произошелъ обвалъ, обнаружившій въ землѣ «нѣсколько исполинскихъ тѣлъ», надо полагать, мамонтовъ.

Около того же времени посѣтилъ Тамань Бопланъ, написавшій извѣстную книгу «Описаніе Украины». По словамъ этого писателя, Тамань находилась въ землѣ черкесовъ, но принадлежала туркамъ. Въ городѣ былъ замокъ, худо укрѣпленный и снабженный малочисленнымъ гарнизономъ, состоявшимъ всего изъ 30-ти янычаръ. Такой же гарнизонъ находился и въ Темрюкѣ для охраны прохода къ Азову или Танѣ.

Еще позже, въ 1711 году, Тамань описалъ французскій путешественникъ Ламотре. Онъ нашелъ въ городѣ самое разношерстное населеніе. Большая часть жителей состояла изъ армянъ, грузинъ, мингрельцевъ и черкесовъ. Христіанская религія пустила здѣсь довольно глубокія корни. Вообще Тамань имѣла, очевидно, свои жизненныя преимущества, разъ населеніе ея отличалось разнообразнымъ составомъ, склоннымъ къ торговой дѣятельности. Въ частности черкесы или татары, исповѣдовавшіе христіанскую религію, считались, по словамъ Боплана, «самымъ правовѣрнымъ народомъ».

Кромѣ Тамани, существовали, при турецко-татарскомъ владычествѣ, Анапа, Темрюкъ, Копылъ и Ачуевъ—на Таманскомъ полуостровѣ и вблизи его, а въ устьяхъ Дона процвѣталъ крупный по тому времени торговый центръ—Азовъ или Тана. Анапа, при овладѣніи ею въ 1475 г. турками, населена была христіанами. Христіанами были и черкесы, жившіе какъ на Таманскомъ полуостровѣ, такъ по Черноморскому побережью. Черкесы назывались зихами, а страна ими занятая Зихіею. Въ Зихіи, какъ объ этомъ упомянуто уже выше, была своя епископская каѳедра.

Но ни турки, ни татары не были причислены къ христіанству, и если турки были нѣсколько культурнѣе татаръ, то въ сферѣ международныхъ отношеній всѣ—и турки, и татары, и черкесы, одинаково преслѣдовали военныя или, выражаясь точнѣе, хищническія и разбойничьи цѣли. Татары не вели войнъ, а производили набѣги, расчитанные на

плѣненіе христіанскаго населенія и на расхищеніе его имущества. Сообразно съ этимъ формировались отряды, практиковались особые пріемы военныхъ дѣйствій и приспособлялась вся обстановка кочевой жизни. За татарами и вмѣстѣ съ татарами шли черкесы, а турки подстрекали и натравливали на русскихъ какъ татаръ, такъ и черкесовъ.

Кромѣ угона всѣхъ видовъ скота, главную статью военной добычи составляла «ясырь», т. е. плѣнники. Брали въ плѣнъ мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Особенно цѣнились красивыя дѣвушки, какъ самый цѣнный товаръ. Мужчинъ татары продавали въ невольники, въ рабство, женщинъ и дѣвушекъ сбывали въ гаремы, а изъ мальчиковъ дѣлали впослѣдствіи евнуховъ, ренегатовъ и изъ дѣвочекъ гаремный товаръ. Торговля ясыремъ, поэтому, имѣла первенствующее значеніе въ жизни татаръ. Ясырь осматривался покупщиками и продавался продавцами на базарахъ. Мужчинъ откармливали, женщинъ, такъ сказать, тренировали, наряжали въ лучшую одежду, бѣлили, румянили и пр. прежде, чѣмъ послать на рынокъ для продажи. Центральнымъ невольничьимъ рынкомъ была Кафа или Феодосія. Здѣсь ясырь грузился на корабли и отправлялся для продажи въ самыя отдаленныя страны—къ туркамъ, персамъ, сирійцамъ, арабамъ, индійцамъ и др.

И вотъ на такой-то международной почвѣ, съ сильнѣйшею окраскою религіозной розни, и велась борьба русскихъ войскъ и казачества съ татарами и горцами въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Наиболѣе характерные эпизоды и случаи этой борьбы будутъ изложены въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VI.

Борьба русскихъ войскъ и казачества съ горцами и татарами.

Стремленія славянъ и русскихъ къ Кавказу имѣло за собою глубокія историческія причины. Борьбѣ изъ за Тмутаракани предшествовало пребываніе славянъ въ Предкавказьѣ, а этому періоду болѣе отдаленныя времена единенія славянъ съ аборигенами Кавказа—арійцами. Правда, это предположенія, покоящіяся на ограниченномъ историческомъ матеріалѣ, но только допустивши ихъ, можно понять особенность тѣхъ отношеній къ Кавказу славянно-руссовъ, которыя возникли въ темную доисторическую эпоху и прошли крас-

ною нитью въ послѣдующія времена вплоть до нашихъ дней. Кавказъ или, точнѣе, Предкавказье славяно-руссы всегда считали своимъ. Съ кавказскими народностями у нихъ не только велись войны, но и поддерживались опредѣленныя связи. Чѣмъ отдаленнѣе было историческое время, тѣмъ прочнѣе были повидимому эти связи. Русскіе князья женились на горскихъ княжнахъ, а русская казачья вольница на Терекѣ и отчасти на Дону въ первыя времена своего существованія буквально таки добывала женъ на Кавказѣ. И лишь тогда, когда появились въ Предкавказьѣ народы тюркскаго происхожденія и когда тюрки, принявшіе исламъ, привили его и къ кавказскимъ горцамъ,— возникла глубокая рознь между славяно-руссами и кавказскими горцами. На религіозной враждѣ къ русскимъ черкесы объединились съ турками и татарами.

Впрочемъ много значили въ этомъ отношеніи не только религіозная рознь, но и извѣстныя степени культурнаго состоянія у различныхъ народностей. И горцы, и татары одинаково считали военные грабежи обычнымъ способомъ добыванія матеріальныхъ средствъ. Самую цѣнную добычу для нихъ представлялъ ясырь, русскіе плѣнники и плѣнницы, которыми торговали черкесы, татары и турки. Такимъ образомъ, религіозная ненависть усугублялась чисто экономическими побужденіями. Съ точки зрѣнія религіознаго фанатизма русскій былъ для черкеса, татарина и турка «гяуръ», невѣрный, съ точки зрѣнія экономической—доходная статья и самъ лично, и его скотъ, и имущество.

Если съ своей стороны русскіе платили противникамъ тѣмъ же, то постоянная ихъ заботливость сводилась къ удержанію Предкавказья за собою и къ недопущенію политическаго могущества здѣсь тюркскихъ народностей. Этотъ основной политическій мотивъ неоднократно и ярко отражался потомъ на отдѣльныхъ эпизодахъ продолжительной и упорной борьбы русскихъ не столько съ горцами, сколько съ турками и татарами.

Когда въ 1559 году турецкій султанъ Селимъ, начавши войну съ Персіей, рѣшилъ провести свои войска черезъ Азовъ до Астрахани, а отсюда Каспійскимъ моремъ до Ширвани; то русскій царь Іоаннъ Грозный, не желая имѣть вблизи сильнаго сосѣда въ лицѣ турецкаго султана, въ случаѣ удачи его военнаго плана, приказалъ воспрепятствовать проходу турецкихъ войскъ отъ Азова до Астрахани. И донскіе казаки вмѣстѣ съ русскими войсками «силою отогнали турокъ» съ занятаго ими пути на Астрахань. Этимъ простымъ актомъ опредѣлились дальнѣйшіе планы русскаго правительства на Кавказѣ.

3 ноября 1722 года императоръ Петръ Первый послалъ особую грамоту на Донъ по этому предмету. «Въ видахъ предосторожности отъ прихода кубанцевъ и другихъ ордъ», рѣшено, согласно мнѣнію военной коллегіи, посылать въ степи для развѣдыванія команды «съ добрыми командирами», которымъ поручалось имѣть съ турками и татарами «ласковое обхожденіе по мирнымъ трактатамъ, яко съ пріятелями», слѣдя однако за ними. «Ежели, говорится далѣе въ грамотѣ, случится для лучшихъ всякихъ вѣдомостей посылать шпіоновъ, то посылать какъ на Кубань, такъ и въ Крымъ подъ образомъ купцовъ». Въ особой припискѣ къ этой грамотѣ Донскому войску приказано быть въ готовности къ походу противъ закубанцевъ.

1 января 1723 года войсковой атаманъ Василій Фроловъ доносилъ Петру Великому, что онъ послалъ на ногайскую сторону къ Кубани восемь человѣкъ «бозовыхъ татаръ»—Салтыгана Астаева съ товарищами. Посланные пробрались въ таманскую резеденцію Копылъ и узнали, что Кубанскій Бахты гирей Салтанъ съ служителями своими находился за Кубанью при р. Битлѣ и что тамъ по за Кубанью кочевала и его татарская орда. Султанъ приказалъ татарамъ чтобы они кормили лошадей и были готовы къ походу, но куда—никто не зналъ. Слухи ходили, однако, между копыльскимъ населеніемъ, что походъ кубанской орды подготовлялся противъ русскихъ, на случай, если бы переговоры русскихъ и турецкихъ коммиссаровъ, происходившіе въ ту пору, не привели къ взаимному соглашенію.

Въ средѣ самыхъ татаръ и горскихъ племенъ не было также мира и согласія. Родовыя распри, случайныя столкновенія, взаимное соперничество, притязанія на господство сильныхъ надъ слабыми, набѣги и проч.—все это вело къ розни и ссорамъ между народностями, обитавшими по обѣ стороны Кубани. 31 октября 1723 года Артемій Волынскій донесъ военной коллегіи о цѣломъ рядѣ такихъ фактовъ.

Кабардинскій владѣлецъ Арсланбекъ Татарханъ Кайсымъ Бековъ писалъ Волынскому, что Мусосовы дѣти привели въ Кабарду крымское войско, что войска этого «пришло, яко саранчи» и оно отнимаетъ у нихъ «хлѣбную сторону, и что по этому, «ни скота ни живности у нихъ не стало и остались такъ, какъ сироты и во всемъ голодны».

Самъ Арсланбекъ находился во враждѣ съ Али Мурзыномъ, сыномъ Каншава, такъ какъ послѣдній разорялъ его, «соединясь съ крымскимъ ханомъ, а Арсланбекъ разорялъ Каншава съ калмыцкимъ войскомъ». Волынскій распорядился, чтобы терскій комендантъ черезъ посланныхъ особо нарочныхъ узналъ, на сколько справедливы сообщенія Арсланбека,

о которомъ ходили слухи, что онъ хотѣлъ искоренить всѣхъ кабардинскихъ князей, чтобы быть одному владѣльцемъ. За содѣйствіе Бахты Гирею Салтану Арсланбекъ обѣщалъ по два ясыря со двора.

Въ особомъ доношеніи отъ того же 31 октября Волынскій сообщилъ въ военную коллегію полученное имъ отъ 29 октября извѣстіе, что на Кубани между татарами произошла ссора: былъ убитъ братъ Бахты Гирея Салтана, а этимъ послѣдній въ отместку убилъ четырехъ кипчацкихъ мурзъ, о чемъ Бахты Гирей и сообщилъ крымскому хану. Посланныя ханомъ войска взяли Крымъ, весь кипчацкій улусъ, съ тремя тысячами населенія, и кромѣ того охотою послѣдовало въ Крымъ тысяча кибитокъ этсанцовъ.

Показанія въ этомъ духѣ даны и Моисеемъ Сукочевымъ, бѣжавшимъ изъ плѣна съ Кубани. Для наказанія кипчатцевъ ханъ послалъ одного своего сына Нурадына Салтана, который, отправляя татаръ въ Крымъ, приказалъ грабить ихъ имущество: «лошади и прочее отнимаютъ и хлѣбъ, гдѣ сыщутъ въ ямахъ, берутъ и лошадьми своими травятъ и жилища жгутъ и пустошатъ, а овцы велѣлъ крымскимъ татарамъ отнимать и брать себѣ на пищу».

Разумѣется, отъ взаимной розни татаръ и черкесовъ русскимъ было не лучше. Враждуя между собою, они не упускали случая живиться русскимъ добромъ и захватывать въ плѣнъ русское населеніе.

14 августа 1725 года дали показанія два русскихъ плѣнника, бѣжавшіе съ Кубани на Донъ, казакъ Тимофей Кузнецовъ и нѣкто Никита. За шесть лѣтъ плѣна Кузнецовъ былъ перепроданъ нѣсколько разъ и успѣлъ побывать у тавлинцевъ, кубанскихъ татаръ, перемѣнивши нѣсколько хозяевъ. По словамъ Кузнецова, Бахты Гирей, собравши изъ каждой кибитки по человѣку, пошелъ потомъ съ этимъ войскомъ противъ черкесовъ. Идти же противъ русскихъ войскъ Бахты Гирей не имѣлъ намѣренія и вообще татары россійскихъ войскъ опасались.

Иногда распри татаръ принимали характеръ государственныхъ возмущеній и въ дѣло вмѣшивались турки. Какъ видно изъ грамоты Екатерины II-й Донскому войску отъ 3 ноября 1725 года, въ этомъ году произошли серьезные безпорядки въ Крыму и на Сѣверномъ Кавказѣ, поколебавшіе власть Турціи. Великій визирь извѣщалъ черезъ русскихъ посланниковъ, что „Крымскій Статскій министръ Жантемиръ Ширинбей, согласясь съ Бахты Гиреемъ Дели Салтаномъ, забунтовалъ и ушелъ оный Ширинбей изъ Крымы въ Кубань, гдѣ оба они, противники, Ширинбей и Бахты Гирей Дели Салтанъ собрали себѣ войска и бунтуютъ противу Пор-

ты Оттоманской. «Турецкое правительство, посылая противъ бунтовщиковъ крымскаго хана и Самсончи Агу съ янычарами на Азовъ, предупреждало русскихъ, чтобы они приняли предосторожности противъ бунтовщиковъ и чтобы русскія власти не только не оказывали протекціи бунтовщикамъ, но арестовали ихъ и извѣстили бы о томъ Порту.

Съ своей стороны русскіе стали слѣдить за дѣйствіями бунтовщиковъ на Кубани и есаулъ Донскаго войска Саринъ сообщилъ, что Бахты Гирей съ Ширинбеемъ и съ его партизанами соединились, изъ за Кубани вышли и стали на Кагальникѣ. Хотя истинныя ихъ намѣренія не были извѣстны, но повидимому союзники хотѣли «ударить на Крымъ». Русское правительство, не вмѣшиваясь въ турецко-татарскія распри, предписывало лишь, чтобы донскіе казаки имѣли продосторожности отъ бунтующихъ.

Изъ допроса бѣглаго калмыка Безека войсковымъ атаманомъ 22 марта 1726 года выяснилось, что татарскою ордою на Кубани въ это время заправлялъ Сали Гирей Салтанъ, а бунтовщики Бахты Гирей и Крымскій Джантемиръ Аджи бѣжали въ горы во владѣніе абазинскихъ черкесъ. У послѣднихъ не было войска и въ помощь къ нимъ пошло только человѣкъ триста заволгскихъ калмыковъ, ставшихъ лагеремъ на р. Челбасы близъ Кубани. Калмыки эти ограничились однако тѣмъ, что разбили и ограбили турецкихъ подданныхъ, ѣхавшихъ изъ Азова на Кубань съ товарами, а сами потомъ ушли въ свои улусы къ Волгѣ.

Необезпеченность имущества и личности была характерною чертою того времени. Грабили въ дорогѣ и на мѣстахъ жительства, увозили въ плѣнъ людей и просто продавали ихъ, какъ выгодную статью дохода. Самые набѣги сводились большею частію къ добычѣ «ясыря», и тотъ, кто имѣлъ больше ясыря, считался наиболѣе богатымъ человѣкомъ. Продажа поэтому людей въ неволю составляла зло не только у татаръ, черкесовъ, турокъ и пр., но и у русскихъ.

Въ Московскомъ архивѣ главнаго штаба сохранилось за 1727 годъ очень интересное дѣло, изъ котораго видно, какъ это зло пустило глубокіе корни даже на Дону въ средѣ казаковъ. Въ перепискѣ воронежскаго губернатора генерала Лихарева и генерала фонъ Вейзбаха есть указанія, что въ разныхъ мѣстахъ сидѣли колодники, изобличавшіеся въ цѣломъ рядѣ преступленій—въ уступкѣ непріятелю пороху, свинцу, въ продажѣ въ плѣнъ людей, въ подготовкѣ побѣга донскихъ казаковъ съ Дона къ Некрасову и т. п. Однимъ изъ допросовъ бѣглаго солдата Василія Сѣраго устанавливается цѣлый рядъ возмутительныхъ фактовъ этого рода. Сѣрый былъ „опасно на единѣ спрашиванъ и подыманъ“,

т. е. подвергнутъ пыткѣ, и самъ добровольно поставилъ себя въ это положеніе, а стало быть, едва ли измыслилъ слѣдующій рядъ фактовъ. Казакъ станицы Прибытной Андрей Росторгуй продалъ, по его словамъ, въ 1726 г. до Петрова дня туркамъ въ Азовъ полъ пуда пороху да полъ свиньи свинцу. Той же станицы казакъ Филимонъ Шляпинъ отослалъ изъ Черкаска въ Азовъ туркамъ дѣвку Нелиду Московку въ сообществѣ съ казакомъ Катусынымъ и двумя работниками, взявши за дѣвку сто рублей. Казаки станицы Средней Козловъ, Баранъ и сынъ Петрова подговаривали его, Сѣраго, къ побѣгу къ Некрасову на Кубань. Казакъ Нижней Рыковской станицы Федоръ Слезкинъ продалъ ночью туркамъ русскую дѣвку Анну за 80 рублей. Казакъ станицы Скородумовой Парфенъ Богатырка «продалъ туркамъ лавочнаго своего сидѣльца бурлака воронежца Ивана» и проч., проч.

Одинъ бѣглый солдатъ Сѣрый привелъ въ своихъ показаніяхъ шесть случаевъ продажи пороху и свинцу, семь случаевъ продажи женщинъ, два случая продажи мужчинъ и два случая бросанія въ воду лицъ, которыя могли дать важныя показанія, или всего, слѣдовательно, 17 криминальныхъ случаевъ. И все это разсказано съ такими подробностями и точностью, что не вызываетъ сомнѣній.

Очень интересны показанія Сѣраго относительно побѣга донцовъ къ Некрасову на Кубань. Кромѣ единичныхъ случаевъ этого рода, къ побѣгу готовились цѣлые городки и станицы. По словамъ Сѣраго, верховые тороки всѣ хотѣли идти съ Дону на Кубань къ Некрасову. Причина бѣгства— тяжелая жизнь и стѣснительные порядки, заведенные правительствомъ на Дону—введеніе переписей, паспортовъ и пр. Центръ тяжести въ этомъ отношеніи, какъ и у некрасовцовъ, крылся въ стѣсненіи религіозной свободы. Повидимому казаки, собиравшіеся бѣжать къ Некрасову на Кубань, были старовѣры и ихъ особенно возмущали перепись и паспортъ, какъ видимые признаки антихристовыхъ ухищреній.

Около того же времени въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ судьбахъ народностей, населявшихъ нынѣшнюю Кубанскую область, начинаютъ принимать участіе калмыки, кочевавшіе за Волгой и въ Астраханской губерніи. То самостоятельно, то въ роли союзниковъ они производятъ набѣги на татаръ и на черкесскія племена, угоняя скотъ и уводя населеніе въ плѣнъ.

Какъ видно изъ «доношенія» князя Михаила Голицына въ военную коллегію, калмыкъ Цай-Раши, опрошенный по распоряженію генерала фонъ-Вейзбаха 9 декабря 1727 года, показалъ, что въ улусы намѣстника калмыцкаго ханства Че-

рендондука и матери его ханши Дармы Балы явился извѣстный Бахты Гирей Дели Султанъ и подговорилъ до десяти тысячъ войска для похода на Кубань. Бахты Гирей не имѣлъ намѣренія нападать на Черкаскъ, но его союзники калмыки держали совѣтъ о томъ, чтобы пойти съ войскомъ подъ Чирскій городокъ на черкасскіе юртовые калмыки, такъ раззорить ихъ, чтобы ни одного калмыка при Черкаскѣ не было. Вслѣвствіе этого Донскіе казаки выбрали на войсковомъ кругу старшину Ивана Володимірова, которому и поручили принять предосторожности противъ нападенія калмыковъ.

Изъ другаго, отъ 7 января 1728 г., доношенія князя Голицына, на основаніи сообщенія полковника и воеводы Беклемишева, видно, что Бахты Гирей съ калмыцкими войсками переправился черезъ Кубань, пошелъ по рѣкѣ Лабѣ и въ урочищѣ рѣки Салбы угналъ у этсанскаго мурзы Беркута Султана Мамбетя и у татаръ Эмбулукскаго рода до десяти тысячъ лошадей съ нѣсколькими татарами. Часть калмыковъ отправилась отсюда съ добычей въ свои улусы, а Бахты Гирей съ двумя тысячами калмыкъ остался на рѣкѣ Кумѣ. Отсюда онъ предупредилъ Черендондука и ханшу Дарму Балу, чтобы они ни сами не шли на Кубань, ни войскъ не посылали.

Изъ послѣдующихъ донесеній дворянина Семена Казанцева, капрала Тимофея Зеренинова, казака Максима Бобрикова и калмыка Сатова съ товарищами выясняются нѣкоторыя подробности набѣга Бахты Гирея на своихъ единоплеменниковъ и послѣдствія этого набѣга. Бахты Гирей съ калмыками угнали однѣхъ лошадей и не тронули населенія. Когда калмыки направились въ обратный путь, за ними погнались кубанскіе татары, которые почему-то прошли только до урочища „Желтый Камышъ" въ верховьяхъ рѣки Егорлыка и отсюда повернули назадъ. Глава кубанскихъ татаръ Салатъ-Гирей, услышавши о нападеніи на его подвластныхъ калмыцкаго войска, привелъ изъ Крыма до 20 тысячъ татаръ, но калмыки съ Бахты Гиреемъ благоразумно уклонились отъ открытаго столкновенія, боясь драться въ горахъ и опасаясь русскихъ войскъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Бахты Гирей будто бы просилъ Черендондука прислать ему еще войска.

Съ своей стороны, какъ сообщилъ князю Голицыну подполковникъ и саратовскій воевода Беклемищевъ, кубанскіе татары, въ частности этсанцы и эмбулукцы, находясь между собою въ несогласіи, просили Бахты Гирея взять ихъ подъ свое покровительство и изъявили даже желаніе переселиться къ калмыкамъ. Калмыкамъ пришлось по душѣ это предложеніе, такъ какъ этимъ путемъ они расчитывали уси-

лить свои войска, а Бахты Гирей распредѣлить татаръ по улусамъ между калмыками. Когда Беклемишевъ послалъ къ намѣстнику Черендондуку и матери его ханшѣ Дарма Бала капрала Тимофея Зеренинова для удержанія калмыковъ отъ похода на Кубань, ханша на словахъ передала капралу, что такъ какъ всѣ калмыцкіе улусы выкочевали на нагорную сторону, то калмыцкія войска пошли для охраны ихъ; кубанскіе же татары причиняютъ калмыкамъ много обидъ, бьютъ людей, угоняютъ табуны лошадей, берутъ населеніе въ плѣнъ и проч. Въ такомъ же духѣ были написаны и письма ханши и сына ея Черендондука къ Беклемишеву.

Изъ показанія новокрещена калмыка Шорхота Менко, а поруски Захара, видно, что онъ былъ въ началѣ 1728 года въ отрядѣ калмыковъ въ 40,000 съ Бахты Гиреемъ. Отрядъ въ теченіе мѣсяца стоялъ при рѣкѣ Лабѣ, не производя никакихъ дѣйствій, но калмыки старались помирить Султана Бахты Гирея съ султаномъ Салатъ Гиреемъ, чего и достигли. Султаны помирились и подѣлили между собою владѣнія: Бахты Гирею достались владѣнія внизъ по Кубани отъ ауловъ Этишку-Улу, а вверхъ по Кубани отъ тѣхъ же ауловъ Салатъ Гирею. Калмыки потомъ двинулись къ Волгѣ, но до нихъ дошелъ слухъ, что Бахты Гирей съ сорока человѣками единомышленниковъ оставилъ доставшіяся ему владѣнія и бѣжалъ въ горы, опасаясь Салатъ Гирея.

Тѣ же обстоятельства подтверждаются показаніями русскаго переводчика Андрея Иванова, который былъ посланъ русскими властями къ калмыкамъ для выясненія положенія у нихъ дѣлъ и походовъ на Кубань. Ивановъ сообщилъ, что, проѣзжая отъ Царицына до Чернаго яра нагорною полосою, т. е. правымъ берегомъ Волги, онъ всюду видѣлъ войска калмыцкаго владѣльца Дондукъ-Омбо. Калмыки были въ плачевномъ положеніи. Большая часть ихъ шла пѣшими, а лошади ихъ едва брели безъ всадниковъ, пища же у калмыковъ „была пшеница невѣянная, которую они, въ водѣ разваря и разболтавши, пили“. Калмыки говорили, что хотя простояли на Кубани три мѣсяца и терпѣли нужду, но походомъ своимъ на Кубань довольны, такъ какъ имъ удалось сдѣлать Бахты Гирея „дѣйствительнымъ султаномъ“ да и сами они помирились съ кубанцами, крымцами и турками.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятели калмыки толмача Андрея Иванова передали ему, что хотя Бахты Гирей и Салатъ Гирей и помирились и „черезъ пересылку присягами утвердились“, но Бахты Гирей сообщилъ калмыкамъ, что Салатъ Гирей собралъ до десяти тысячъ войска, съ которымъ и намѣревался напасть на калмыковъ. Такъ какъ лошади у калмыковъ отъ

безкормицы отощали, то Бахты Гирей совѣтывалъ калмыкамъ поскорѣе возвратиться домой и далъ имъ на дорогу по бычку на десять человѣкъ да невѣянной пшеницы. Владѣльцы калмыковъ и Бахты Гирей взаимно присягнули въ вѣрности и калмыцкія войска отправились въ свои улусы.

Другой свидѣтель дворянинъ Яковъ Татариновъ, котораго власти также, какъ и толмача Андрея Иванова, посылали на развѣдки къ калмыкамъ, сообщилъ очень интересный фактъ участія казаковъ въ распряхъ татаръ. По его словамъ, при противникѣ Бахты Гирея султанѣ Салатъ Гиреѣ было этсанцевъ, черкесовъ и „запорожцевъ всего тысячъ десять и вора Игнатки Некрасова сынъ Мишка съ донскими воровскими казаками въ шести стахъ человѣкахъ". Такимъ образомъ, запорожцы и некрасовцы въ 1728 году прошли отъ устьевъ Кубани къ рѣкѣ Лабѣ и, надо полагать, это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе: казаки усилили Салатъ Гирея и поддержали его престижъ. Тотъ же Татариновъ указываетъ на дѣйствительныя причины, подъ вліяніемъ которыхъ калмыки ходили на Кубань и принимали дѣятельное участіе въ распряхъ татаръ.

Когда, сообщилъ Татариновъ, Дондукъ Омбо, игравшій вообше важную роль въ походахъ калмыковъ на Кубань, узналъ о бѣгствѣ Бахты Гирея въ горы, то былъ сильно опечаленъ, такъ какъ Дондукъ Омбо и Бахты Гирей были близкіе друзья и Дондукъ Омбо рѣшилъ совсѣмъ переселиться съ подвластными ему калмыками на Кубань во владѣнія Бахты Гирея, въ чемъ они и дали взаимную клятву. Мало того, самъ намѣстникъ калмыцкаго ханства Черендондукъ „договорился" съ Бахты Гиреемъ, „что ежели онъ, Бахты Гирей, тамъ на Кубани усилится, то всѣмъ калмыцкимъ улусамъ зимовать и лѣтовать между рѣкъ Волги и Кубани и ему, Бахты Гирею, ихъ, калмыкъ, охранять, а имъ, калмыкамъ, съ ними за одно тоже чинить".

Таковы были тѣ совешенно понятныя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ калмыки усердно поддерживали Бахты Гирея. Очевидно, прикубанскія степи и пастбища манили кочевниковъ калмыковъ и въ этомъ крылся секретъ ихъ первыхъ походовъ на Кубань.

8 марта 1729 г. князь Голицынъ донесъ въ Государственную Военную Коллегію, на основаніи сообщеній полковника Бахметева и подполковника Беклемишева, вѣдавшихъ калмыцкія дѣла, что Бахты Гирей побуждалъ Черендондука и другихъ владѣльцевъ калмыковъ идти войною противъ Россіи. Посланные Бахты Гирея заявили калмыкамъ, что турецкій султанъ и крымскій ханъ назначили Бахты Гирея калгою на Кубани и въ знакъ его достоинства прислали

ему золотое знамя. Такъ какъ по указу султана и хана приказано ему Бахты Гирею идти съ весны войною противъ Россіи, то Бахты Гирей приглашалъ и калмыковъ идти съ нимъ. Черендондукъ и другіе владѣльцы отклонили, однако, это предложеніе, указавши своему союзнику, что они клялись помогать ему противъ его враговъ на Кубани, а не противъ русскихъ, подъ протекціей которыхъ находятся калмыки, и что, поэтому, поддерживая дружбу съ Бахты Гиреемъ, они тѣмъ не менѣе не пойдутъ противъ Россіи Теперь они пользуются русскими пастбищами въ Приволжьи, а тогда, когда они поднимутъ оружіе на Россію, русскіе могутъ отнять у нихъ эти пастбища и окончательно обездолить ихъ.

Скоро однако и Бахты Гирей Дели Султанъ сложилъ свою неспокойную голову. Какъ показалъ стрѣлецкій сынъ Степанъ Ивановъ Санниковъ, бѣжавшій изъ плѣна отъ некрасовскихъ казаковъ, весною 1729 г. Бахты Гирей поѣхалъ съ Кубани съ небольшимъ количествомъ людей къ темиргоевскимъ черкесамъ для полученія съ нихъ обычной дани въ тысячу ясырей. Въ ожиданіи дани Бахты Гирей стоялъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ вблизи черкескихъ жилищъ Вдругъ ночью черкесы, собравшіеся въ значительномъ количествѣ, бросились на становище Бахты Гирея, убили его и брата его сераскира и разогнали остальныхъ татаръ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Азова, то азовскій паша послалъ нарочныхъ для выясненія обстоятельствъ дѣла. Возвратившіеся нарочные сообщили, что темиргоевскіе черкесы дѣйствительно убили Бахты Гирея съ братомъ и что мертвыя тѣла ихъ увезены изъ Копыла въ Крымъ.

Въ апрѣлѣ 1733 года бѣжали изъ плѣна отъ татаръ казакъ станицы Манокской Степанъ Чекалинъ и юртовой калмыкъ Беке. Оба они были посланы въ составѣ партіи 55 казаковъ и калмыковъ, подъ командою казака Ларіона Сѣдого, для взятія языка подъ улусы Дондукъ Омбы и въ вершинахъ р. Еи взяли калмыка лѣтъ тридцати; но провѣдавшіе объ этотъ калмыки, нагнали отрядъ, отняли плѣненнаго калмыка, отбитыхъ лошадей и взяли Чекалина съ пятью калмыками въ плѣнъ. По разсказамъ Чекалина и Беке, Дондукъ-Омбо зимовалъ по Кубани. Въ это время къ нему пріѣзжали посланные отъ намѣстника калмыцкаго ханства Черендондука для примиренія, но мировой не состоялось и Дондукъ Омбо съ Черендондукомъ осталиеь противниками. Такимъ образомъ, часть калмыковъ перешла на жительство въ прикубанскія степи и одинъ изъ крупныхъ и вліятельныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ Дондукъ Омбо оказался во

враждебныхъ отношеніяхъ съ намѣстникомъ калмыкскаго ханства Черендондукомъ.

Съ этого времени Дондукъ Омбо началъ повидимому играть видную роль въ средѣ калмыковъ. Онъ завладѣлъ значительнымъ пространствомъ нынѣшней Кубанской области. Въ историческихъ документахъ упоминается, что улусы Дондукъ Омбы кочевали по рѣчкамъ Керпили и Челбасамъ, часть калмыковъ направилъ на Копылу, а заставы были разставлены по р. Еѣ, т. е. по нынѣшней сѣверной границѣ Кубанской области. По другимъ свѣдѣніямъ кочевки калмыковъ производились по всѣмъ вообще степнымъ рѣчкамъ нынѣшней Кубанской области.

Въ 1733 г. произошли обстоятельства, вызвавшія столкновенія между татарами, горцами и русскими войсками. Какъ видно изъ письма ландграфа Людвига Гессенъ-Гомбургскаго князю Барятинскому, крымскіе и кубанскіе татары, соединяясь съ чеченцами, тавлинцами и другизи горскими племенами, имѣли намѣреніе пройти черезъ Дербентъ въ Персію. Этотъ планъ войны съ персами черезъ кавказскія ворота со стороны Каспійскаго моря поддерживался и Турціей. Соединеныя войска двинулись съ запада на востокъ по р. Кубани и прошли до притока ея р. Бѣлой. Здѣсь загородили имъ дорогу русскія войска подъ командою генералъ-маіора Еропкина, въ отрядъ котораго прибылъ и ландграфъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій. 11 іюня произошло столкновеніе. Непріятели, по выраженію ландграфа, „въ великой силѣ" обрушились съ оружіемъ на русскій отрядъ, но получили „храбрый отпоръ" и, оставивши на мѣстѣ около полуторы тысячи убитыми и ранеными, „принуждены были ретироваться въ горы".

Это однако не остановило татаръ и черкесовъ, 15 іюня они напали на русскую команду у Прорвинскаго городка и снова получили отпоръ. Но въ виду малочисленности русскихъ и необходимости отступленія къ крѣпости св. Петра, ландграфъ считалъ возможнымъ прорывъ татаръ и черкесовъ черезъ Дербентъ. Ландграфъ распорядился, поэтому, выслать 25 іюня партію нерегулярныхъ войскъ подъ командою черкесскаго полковника Бековича, который, соединяясь съ войскомъ ханскаго сына Казбулата, слѣдилъ за движеніями союзниковъ, а генералъ-маіору предложено было заградить путь „въ ближнемъ разстояніи" отъ Дербента. Въ заключеніе ландграфъ Людвигъ сообщилъ князю Барятинскому, что гребенскіе казаки вмѣстѣ съ брагунскими владѣльцами напали на татарскія орды, „много ихъ порубили и въ полонъ взяли".

Калмыки однако не принимали никакого участія въ

этомъ предпріятіи татаръ. По показанію бѣжавшаго въ Черкаскъ калмыка Сандука, «противникъ», какъ именуется онъ всюду въ документахъ, Дондукъ Омбо кочевалъ въ это время въ вершинѣ р. Челбасъ, братъ его Бачкурга на Егорлыкѣ, а Четерь ниже ихъ надъ Кубанью по Еланкену, т. е. „на броду“. Бачкурга противился всячески тому, чтобы его калмыки шли на казачьи городки для взятія языка и участвовали въ походѣ противъ русскихъ. „Лучше, говорилъ Бачкурга, ему рыбу таранину ѣсть, нежели на Кубани баранину“. Вообще же между калмыками ходили слухи, что всѣ ихъ владѣльцы—Дондукъ Омбо, Бачкурга и Четерь Тайша съ своими улусами сильно желали по прежнему кочевать при Волгѣ, но опасались репрессій со стороны русскаго правительства.

Около того же времени другой плѣнникъ Иванъ Осиповъ, бѣжавшій съ Кубани, сообщая о задержкѣ „Крымскихъ и Кубанскихъ войскъ“ гребенскими казаками, передалъ со словъ татаръ, что „противникъ калмыцкій“ Дондукъ Омба не кочевалъ уже по Кубани, а отправился на Волгу.

6 сентября 1733 года войсковой атаманъ Донского войска Андрей Лопатинъ доносилъ Императрицѣ Аннѣ Іоновнѣ, что посланный имъ подъ видомъ купца казакъ Иванъ Кульбаковъ на развѣдки въ Азовъ видѣлъ, какъ 29 августа пришли въ Азовъ „два судна съ пушками и прочею артиллеріею“ и съ строевымъ лѣсомъ. Пришедшій на судахъ грекъ передалъ Кульбакову, что привезено было восемьдесятъ пушекъ и 900 мастеровъ сербовъ и что къ осени еще придутъ въ Азовъ изъ Царьграда тридцать судовъ съ людьми и запасами. По слухамъ турки намѣрены были починить Азовскую и Петровскую крѣпости и заново возобновить Каланчинскую башню. Кульбаковъ узналъ также, что бывшій въ Азовѣ некрасовецъ Ивашка Мельникъ съ шестью товарищами и съ рабочими людьми строилъ по тракту отъ Азова на Ачуевъ значительные мосты черезъ рѣки Бейсугъ, Ею, Черную и Кагальникъ съ такимъ расчетомъ, чтобы эти мосты могли выдержать „всякое войско и тягость“.

28 сентября новый бѣглецъ калмыкъ Тугусъ на допросѣ сообщилъ донскимъ казакамъ, что Дондукъ Омбо съ калмыками были еще на Челбасахъ, а Четерь Тайша у Копыла, и что будто бы калмыки непремѣнно перекочуютъ на Волгу. Въ этихъ видахъ Дондукъ Омбо послалъ отъ себя къ хану Черендондуку посла Губана Шарана съ товарищами съ предложеніемъ совмѣстнаго кочеванія, но предварительно ханъ долженъ былъ прислать свою мать Дарму Балу или когонибудь изъ знатныхъ старшинъ къ Дондукъ Омбо, какъ

залогъ примиренія между противниками. Въ то же время, въ виду долгаго невозвращенія пословъ, Дондукъ Омбо въ началѣ августа послалъ своего зайсанга Чуплея къ Крымскому хану, у котораго просилъ разрѣшенія перекочевать, вслѣдствіе безкормицы на Кубанскихъ степяхъ, къ Азову на Крымскую сторону.

Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ возвратиться съ Кубани на прежнія кочевья по Волгѣ побуждали калмыковъ чисто хозяйственыя соображенія: не было кормовъ. Упомянутый выше казакъ-развѣдчикъ Иванъ Кульбаковъ сообщилъ войсковому атаману 19 ноября, что Дондукъ Омбо съ своими улусами продолжалъ еще кочевать по Челбасамъ, прочіе владѣльцы по Еѣ и Бейсугамъ, а Четерь у моря ниже Азова.

Обстоятельства повидимому не благопріятствовали перекочевкѣ калмыковъ съ Кубани на Волгу. Въ 1734 и 1735 годахъ калмыки были на Кубани. 13 августа 1735 году выбѣжалъ съ Кубани на одной лошади въ Черкаскъ татаринъ Оракчи, уроженецъ кубанскій, которому однако татары говорили, что „онъ русской породы", почему, онъ рѣшился бѣжать къ русскимъ. По словамъ Оракчи, крымскіе татары не оставили мысли о походѣ въ Персію черезъ Сѣверный Кавказъ и крымскій ханъ снова собралъ съ этою цѣлью войска. Въ тоже время Дондукъ Омбо съ калмыками и черкесы Большой Кабарды напали на жилища Рosланъ Бека и угнали много овецъ. Дондукъ Омбо остался кочевать вблизи Кабарды и не было слуховъ о томъ, что онъ намѣренъ перекочевать на Волгу.

Въ августѣ того же года стоявшій на Темерницкомъ форпостѣ (вблизи нынѣшняго Ростова) ротмистръ Яковъ Шамшинъ слышалъ отъ русскихъ купецкихъ людей, что крымскій ханъ переправился уже съ войсками изъ Крыма на кубанскую сторону и что онъ послалъ подъ Кабарду для взятія языковъ нѣсколькихъ татаръ и некрасовскихъ казаковъ, которыхъ однако черкесы всѣхъ побили. Дондукъ Омбо и калмыки дѣйствовали за одно съ черкесами да и черкесы были всѣ въ согласіи между собою, а у тѣхъ черкесовъ, которые были „маловѣрны" и уклонялись отъ враждебныхъ дѣйствій противъ крымскихъ татаръ, они брали аманатовъ и силою заставляли ихъ быть въ союзѣ съ ними. Наконецъ 3 октября плѣнникъ яицкій казакъ Иванъ Трондинъ показалъ, что, по слухамъ въ Азовѣ, крымскій ханъ съ войсками не пошелъ въ Персію, а возвратился въ Крымъ къ зимѣ.

Въ 1737 году, во время походовъ графа Миниха, къ Дону были направлены почти всѣ донскіе казаки, такъ что

оставалось по станицамъ по два, по три и въ рѣдкихъ случаяхъ по пяти стариковъ да и тѣ, по словамъ, наказнаго атамана Ивана Фролова, были „весьма страмные и престарѣлые". Отвлеченіе казаковъ дало возможность кубанскимъ горцамъ и калмыкамъ дѣлать набѣги на Донъ. Такъ 4 мая въ четыре часа дня кубанцы напали на станичныхъ рабочихъ людей, бывшихъ на пашняхъ за Дономъ, и забрали ихъ въ плѣнъ. Калмыки изъ улусовъ Дондукъ Омбы, кочевавшіе вблизи Дона и казачьихъ поселеній, также „начали подбѣгать подъ станицы и чинить нападенія". Въ Есауловской станицѣ были убиты ими два казака, а другихъ они били плетьми и грабили.

Такимъ образомъ, отвлеченіе казаковъ въ арміи Миниха и Лассія дало возможность татарамъ и черкесамъ идти на Донъ съ военными цѣлями и отчасти соблазняло и калмыковъ, грабившихъ казачьи станицы и городки малыми шайками.

Между тѣмъ на Дону стало извѣстно, что даже Дондукъ Омбо, услышавши о движеніи татаръ и черкесовъ къ Дону и къ его улусамъ, поспѣшно откочевалъ отъ Дона къ Волгѣ. 5 августа пойманный казаками татаринъ Акъ Мамбетъ Аулу Оргила сообщилъ, что кубанскіе мурзы соединились подъ общимъ начальствомъ сераскира Салимъ Гирея, сына извѣстнаго Бахты Гирея, что къ татарамъ примкнули кубанскіе и горскіе темиргоевцы, часть азовскихъ турокъ и некрасовскіе казаки и что образовавшійся такимъ образомъ отрядъ около шести тысячъ человѣкъ двинулся къ верховьямъ Кубани и отсюда направлялся подъ калмыцкіе урусы Дондукъ Омбо, но калмыковъ не настигъ.

Тогда татары и черкесы поворотили къ Дону и, пройдя между Цымлою и Кумшакомъ ночью, перебрались на другую сторону Дона. Здѣсь они сожгли и разорили Кумшацкій городокъ, при чемъ дѣятельную роль играли при этомъ некрасовскіе казаки. Такіе же показанія далъ и другой плѣнникъ темиргоевскій черкесъ Девлетле.

Дѣла однако были болѣе серьезнаго характера, чѣмъ показали плѣнники, взятые отдѣльно отъ главнаго отряда татаръ и черкесовъ. Изъ донесенія войскового атамана Ивана Фролова императицѣ Аннѣ Іоанновнѣ видно, что татары и черкесы, переправившись черезъ Донъ, прошли вверхъ по этой рѣкѣ 194 версты, и всюду нападали на казачьи станицы. Казачье населеніе очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи. „За крайнимъ малолюдствомъ, говорится въ донесеніи императрицѣ, на казачьихъ женокъ и взрослыхъ дѣвокъ надѣвали платье казачье и выставляли таковыхъ съ ружьями противъ непріятелей". Непріятели захватили очень много насе-

ленія, попалили хлѣба и сѣно, угнали цѣлые табуны скота и вообще причинили массу бѣдъ населенію, и затѣмъ быстро скрылись къ себѣ на Кубань. По точному учету, произведенному впослѣдствіи, оказалось, что нападенію подверглось шесть станицъ и совершенно разоренъ Кумшацкій городокъ, взято было въ плѣнъ 968 душъ населенія, убито и ранено 41 человѣкъ, угнано болѣе 4 тыс. лошадей, 10 тыс. коровъ, 500 телятъ и 21.900 овецъ, сожжено 300 домовъ, 350 базовъ и 12400 копенъ хлѣба.

Набѣгъ этотъ вызвалъ тревогу не только между донскимъ и вообще южнорусскимъ населеніемъ, но и въ средѣ русскаго правительства. Правительствующій Сенатъ, не въ примѣръ военнымъ властямъ, обезлюдившимъ Донскую область, „приказалъ въ Воронежскую и въ Бѣлогородскую губерніи и тѣхъ губерній въ ближайшіе къ Москвѣ Сѣвскую, Орловскую, Шацкую провинцію, въ Азовъ и къ генералу князю Барятинскому, въ генеральную войсковую канцелярію и къ генераламъ - фельдмаршаламъ и кавалерамъ графу фонъ Миниху и фонъ-Лесію послать указы съ крѣпкимъ подтвержденіемъ велѣть отъ показанныхъ кубанскихъ нападеній имѣть крѣпкую предосторожность“. Въ этихъ видахъ Сенатъ распорядился, чтобы, на основаніи имѣющихся данныхъ о расположеніи русскихъ войскъ на югѣ, сорганизовать защиту и написать калмыцкому хану Дондукъ Омбо, чтобы онъ далъ вспоможеніе калмыцкими войсками. Съ своей стороны генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Лесій, назначая казаковъ для защиты ихъ родины, распорядился заднимъ числомъ (13 августа), чтобы назначенные имъ казаки, бывшіе въ его арміи, спѣшно прибыли на Донъ и, соединившись съ мѣстными военными силами, „постарались всѣми мѣрами тѣхъ кубанцевъ догнать и разбить“. Но пока все это такъ краснорѣчиво изображалось на бумагѣ, кубанцевъ и слѣдъ простылъ.

Русское правительство порѣшило, во что бы то ни стало, наказать татаръ и черкесовъ за ихъ набѣги на донскія станицы. Въ этихъ видахъ приказано было донскимъ казачьимъ полкамъ въ соединеніи съ калмыцкимъ войскомъ Дондукъ Омбо двинуться на Кубань и разгромить татаръ и горцевъ. 1 декабря войсковой атамамъ Иванъ Фроловъ съ донскими полками и калмыцкій ханъ Дондукъ Омбо съ калмыками соединились на р. Еѣ и отсюда сдѣлали переходъ до р. Челбасы. Впереди же отряда было пущено 200 казаковъ и 200 калмыковъ о двуконь для развѣдки. Отъ р Челбасъ и до Кубани на разстояніи ста верстъ, татары заранѣе выжгли степи; но русскія и калмыцкія войска перешли ихъ и заняли Мунтанскій островъ, образуемый рукавами Кубани, захва-

тили здѣсь и подъ г. Темрюкомъ до тысячи татарскихъ кибитокъ.

Относительно поисковъ и нападенія русско-калмыцкихъ войскъ на татаръ Мултанскаго острова въ разныхъ оффиціальныхъ документахъ находятся не одинаковыя свѣдѣнія. Войсковой атаманъ Иванъ Фроловъ, упомянувши въ своемъ донесеніи Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ «о разбитіи тысячи кибитокъ» подъ Темрюкомъ, говоритъ далѣе о пушечной стрѣльбѣ и высадкѣ янычаръ изъ Темрюка, окончившейся неудачно для защитниковъ этой крѣпости. Вообще же, по словамъ Донского атамана, много людей изъ упомянутой тысячи побито и потонуло, около тысячи душъ обосго пола взято въ плѣнъ и захвачено двѣ тысячи лошадей, пять тысячъ рогатаго скота, сто верблюдовъ и пять сотъ барановъ. Весь Мултанскій островъ русско калмыцкія войска разорили. Особенно донскіе казаки желали отомстить некрасовцамъ, но «измѣнники некрасовскіе казаки жили по островамъ за водяными заливами и багнами въ крѣпкихъ мѣстахъ», такъ что пробраться къ нимъ оказалось не возможно. Былъ лишь разоренъ и выженъ ихъ лучшій городокъ Ханъ Тюбе, причемъ убито было два некрасовца и захвачено тысячу головъ скота. Атаманъ убѣждалъ калмыцкаго хана Дондукъ Омбу перейти Кубань и напасть на татаръ и черкесъ на лѣвомъ берегу этой рѣки; но Дондукъ Омбо не рѣшился на это предпріятіе, такъ какъ Кубань не замерзла, бродовъ и переправъ не было, по правому же берегу ея всѣ степи были заранѣе татарами выжжены, а въ горахъ, гдѣ засѣли противники, по на слышкѣ, свирѣпствовала моровая язва. Свѣдѣнія эти подтверждались показаніями пойманнаго за Кубанью татарина Чюмали, взятаго въ плѣнъ янычара Муртазы и убѣжавшаго въ русскія войска некрасовца Якова Поляка или Коржихина.

Интересны показанія этого послѣдняго, бросающія нѣкоторый свѣтъ на своеобразную общину бѣглыхъ казаковъ некрасовцевъ. Бѣжавшій показалъ, что зовутъ его Яковомъ Васильевымъ Коржихинымъ, что онъ польскій уроженецъ изъ города Рыхволя и 15 лѣтъ тому назадъ ушелъ съ родины въ Запорожскую Сѣчь, а лѣтъ десять отсюда къ некрасовскимъ казакамъ. Это, слѣдовательно, былъ доброволецъ казакъ, ничего общаго съ донскими бѣглецами не имѣвшій. Три года назадъ онъ женился на дочери некрасовца Степанова и прижилъ съ нею одну дочь. До прихода русскихъ войскъ Яковъ изыскивалъ средства, чтобы бѣжать на Донъ, и бѣжалъ, воспользовавшись приходомъ ихъ на Мултанскій островъ, оставивши жену и дочь. По словамъ бѣглеца, некрасовскіе казаки и татары были заранѣе предупреждены мѣст-

нымъ сераскиромъ о возможности нападенія русскихъ. Некрасовскіе казаки, побросавши свои жилища, перебрались на острова и за болота. Отсюда, въ случаѣ если бы Кубань покрылась льдомъ, они намѣрены были бѣжать далѣе въ горы. Некрасевцевъ было до семисотъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, и они могли выставить до 500 воиновъ. Бѣдняки были склонны бѣжать въ Россію и въ тайнѣ хранили свои помыслы; большинство же и въ томъ числѣ богачи и заправилы были противъ побѣга, такъ какъ увѣрены были, что «россійская государиня никакъ ихъ въ винѣ не проститъ и, по приходу ихъ на Донъ, повелитъ всѣхъ перевѣшать». Поэтому, казаки зорко слѣдили другъ за другомъ и немедленно передавали татарскимъ властямъ тѣхъ, кого заподозрѣвали въ намѣреніи бѣжать къ русскимъ, а татары продавали ихъ въ горы черкесамъ. Въ томъ же году пятнадцать запорожцевъ, бывшихъ у некрасовцевъ, хотѣли уйти на лодкѣ въ море, а отдуда на Донъ, но некрасовцы предали ихъ татарскому султану, а послѣдній продалъ ихъ въ горы и въ Крымъ. Такимъ способомъ некрасовцы держатъ въ страхѣ и повиновеніи сторонниковъ Россіи.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о походѣ русскихъ и калмыцкихъ войскъ на Кубань содержатся въ сообщеніи правительствующаго сената въ государственную военную коллегію отъ 27 декабря 1737 года. Соединенныя войска, придя на Кубань, имѣли дѣло здѣсь съ эдешкульской ордой татаръ, занимавшей Мултанскій полуостровъ отъ Копыла до береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Въ числѣ другихъ жилищъ донцы и калмыки взяли столичный городъ татаръ Копылъ, «который не малой величины и валомъ огражденъ», разорили его «въ конецъ» и захватили много добычи. Съ 26 ноября по 3 декабря весь наличный мужскій полъ, носившій оружіе, былъ побитъ и только немногіе спаслись бѣгствомъ или утонули при переправѣ черезъ Кубань, «при чемъ женъ и дѣтей до десяти тысячъ душъ въ полонъ взято, а еще болѣе того въ рѣкѣ Кубани оныхъ потонуло». Одни калмыки Дондукъ Омбы на свою долю взяли 20,000 лошадей, «скота же и барановъ безчисленное множество», такъ какъ вѣроятно весь скотъ съ Кубани въ тѣ мѣста былъ согнанъ. Точно также казаки и калмыки «другими вещами такое изобильство и богатую добычу достали, что они такого съ давнихъ временъ не помнятъ». Такъ дорого былъ купленъ набѣгъ черкесъ и татаръ на донскія станицы. Дондукъ Омбо добычу отправилъ въ свои жилища, а самъ съ войскомъ и казаками остался у Кубани, выжидая, когда она замерзнетъ.

13 апрѣля слѣдующаго 1738 года бѣжавшій некрасовецъ

показалъ, что Кубанскій сераскиръ собралъ до десяти тысячъ войска и сто пятьдесятъ человѣкъ некрасовцевъ, намѣреваясь идти на донскія казачи станицы. То же подтвердилъ другой некрасовскій казакъ, бѣжавшій изъ упомянутаго Кубанскаго отряда сераскира Салатъ Гирея, находившагося на р. Челбасахъ. Собственно о некрасовцахъ и этотъ бѣглецъ сообщилъ, что многіе желаютъ возвратиться въ Россію, но боятся, что или будутъ казнены, или же отнимутъ у нихъ старую вѣру и заставятъ принять новую. Къ тому же и кубанцы знали о намѣреніи некрасовцевъ перебраться въ Россію и зорко слѣдили за ними. Было даже предположеніе разобрать всѣхъ некрасовцевъ по рукамъ въ виду ихъ неблагонадежности. Наконецъ, бѣжавшій некрасовецъ передалъ русскимъ властямъ, что въ городахъ Темрюкѣ, Тамани и въ Ачуевѣ турки не прибавили войскъ, но, по слухамъ, намѣрены были съ весны строить городъ на Черномъ ерикѣ.

Съ своей стороны и Россія шагъ за шагомъ надвигалась на Крымъ и одновременно не упускала изъ виду Сѣвернаго Кавказа, тѣмъ болѣе, что обѣ эти мѣстности связаны были пребываніемъ одной и той же народности—татаръ, имѣвшихъ одного хана и зависимыхъ отъ него управителей. Русскіе не хотѣли ограничиться походомъ на Кубань 1737 года. 2 августа 1739 года калмыцкій ханъ Дондукъ Омбо писалъ войсковому атаману Данилу Ефремову, что посланными имъ калмыками были взяты четыре закубанца и въ числѣ ихъ одинъ уздень, которые сообщили о присылкѣ крымскимъ ханомъ посланцевъ на Кавказъ съ порученіемъ взять отсюда часть войска. Стали переправляться въ Крымъ и откочевывать къ морю и другіе татары, бросая даже засѣянный хлѣбъ. Въ этихъ видахъ Дондукъ Омбо просилъ поскорѣе отправить казаковъ для соединенія съ калмыками, чтобы напасть на закубанцевъ прежде, чѣмъ они успѣютъ снять хлѣбъ. Съ своей стороны онъ извѣстилъ о томъ же и кабардинцевъ, которые также должны были примкнуть къ отряду и вмѣстѣ идти противъ закубанцевъ.

Въ другомъ письмѣ къ тому же атаману Данилу Ефремову отъ 8 августа Дондукъ Омбо писалъ, что войска его для похода въ Темрюкъ, Тамань и Ачуевъ совершенно готовы, но у кабардинцевъ свирѣпствуетъ моровая язва, почему опасно было бы ихъ присоединить къ отряду. Посланный Дондукъ Омбо на словахъ прибавилъ, что калмыцкія войска находились уже на р. Керпили, въ разстояніи дня ѣзды отъ Ачуева, и чтобы русскія войска поспѣшили соединиться съ калмыками, иначе можно упустить удобный для нападенія моментъ.

Въ то же время пойманный донцами татаринъ Малтабара, хорунжій Кубанскаго сераскира, на допросѣ 14 августа показалъ, что еще въ прошломъ мѣсяцѣ Крымскій ханъ Менгли Гирей присылалъ къ Кубанскому сераскиру нарочнаго съ требованіемъ, чтобы Кубанскіе мурзы и татары переходили въ Крымъ. Здѣсь требовалась ихъ помощь, такъ какъ русскіе войска шли на крымцевъ и стояли уже у Молочныхъ водъ. Сераскиръ успѣлъ собрать тысячу всадниковъ, которые вошли въ Крыму въ тридцатитысячный ханскій отрядъ, отправленный къ Молочнымъ водамъ, гдѣ русскихъ однако не оказалось. Такъ какъ Кубанскій сераскиръ и татары слышали, что на Кубань пошелъ Дондукъ Омбо съ калмыками, то намѣрены были, по прибытіи изъ Крыма, своихъ женъ и дѣтей перевезти въ Крымъ, а «Кубань оставить пустъ», такъ какъ отъ калмыковъ и донскихъ казаковъ стало имъ жить затруднительно; «въ Тамани же, въ Ачуевѣ и въ Темрюкѣ весьма малолюдно, не болѣе какъ человѣкъ по двѣсти». Татары, перебираясь сами съ Кубани въ Крымъ, некрасовскимъ казакамъ назначили для мѣстожительства въ Крыму озеро Сарыкуль, т. е. Желтое озеро, хотя они и просили татаръ оставить ихъ жить на берегу Чернаго моря въ горной его части.

Между тѣмъ Дондукъ Омбо послалъ калмыковъ съ частью казаковъ за Кубань противъ такъ называемыхъ Кундуровскихъ татаръ, жившихъ вблизи черкесовъ «базадакъ и натахани», т. е. бжедуховъ и натухайцевъ, въ количествѣ твухъ тысячъ кибитокъ. Татары, съ приходомъ калмыковъ и русскихъ, ушли въ горы, а начальствовавшій надъ ними Киргинъ-Гирей, сынъ Бахты-Гирея, и родной братъ серескира Селимъ Гирея, бывшаго въ то время въ Крыму, вышелъ противъ калмыковъ и русскихъ, былъ разбитъ и самъ палъ въ сраженіи.

Впереди калмыкамъ и русскимъ предстояло осуществить довольно сложный планъ взятія Темрюка, Тамани и Ачуева, при одновременномъ нападеніи на эти крѣпости съ моря и съ суши. Предположено было, что Дондукъ Омбо съ калмыками и казаками перейдетъ на Мултанскій островъ и двинется оттуда къ названнымъ тремъ пунктамъ. Въ то же время отъ Азова пойдетъ часть казаковъ берегомъ, а часть флотиліей, и всѣ три отряда, долженствовавшіе дѣйстворать совмѣстно по одному плану, одновременно должны напасть на Ачуевъ, Темрюкъ и Тамань, чтобы соединенными силами съ моря и суши овладѣть этими турецкими крѣпостями.

Но при осуществленіи планъ этотъ оказался трудно исполнимымъ по своей сложности и, главное, по отсутствію

сколько-нибудь удобныхъ проходовъ берегомъ вдоль моря. Въ концѣ августа флотилія подъ командою генералъ-лейтенанта Дебриллія двинулась моремъ отъ Азова вдоль побережья, а вмѣстѣ съ нею слѣдовалъ по берегу отрядъ казаковъ и калмыковъ въ 1826 человѣкъ подъ командою наказнаго атамана Петра Еркаширы, подчиненнаго генералу Дебриллію. Еркашира съ казаками и калмыками удачно переправились черезъ р.р. Кагальникъ и Ею, на Долгой косѣ, гдѣ нынѣ станица Должанская, посланный Еркаширою казакъ Никифоръ Камышеватскій нашелъ «на яру въ лещаляхъ» ордеръ Дебриллія, которымъ онъ приказалъ отрядить двѣсти человѣкъ казаковъ, долженствовавшихъ слѣдовать у самаго берега при флотиліи.

Тотъ же Никифоръ Камышеватскій привезъ съ урочища Кучукъ-татаръ, расположеннаго при Бейсугскомъ заливѣ, другой ордеръ Дебриллія, полученный Еркаширою 5 сентября при устьѣ р. Челбасы, а 7 сентября онъ имѣлъ личное свиданіе съ генераломъ въ названномъ урочищѣ Кучукъ-татаръ.

Конный отрядъ, перейдя р.р. Челбасы и Бейсугъ, направленъ былъ въ урочище Актаръ-Бактаръ, надо полагать, въ мѣстность, гдѣ потомъ основанъ былъ Черноморскими казаками Ахтарскій поселокъ или Ахтари. Вслѣдствіе полнаго незнакомства съ мѣстностью, Еркашира съ конницею попалъ въ «непроходимые заливы и соляныя озера и великія грязи». Напрасно Еркашира посылалъ казаковъ и калмыковъ въ камыши и болота,—флотиліи не могли найти. Только есаулъ Григорій Мартыновъ случайно нашелъ ордеръ генерала Дебриллія на берегу протока у большого городища; въ ордерѣ были указанія, гдѣ найти Актаръ-Бактаръ. Конница нашла это урочище и при немъ городище.

Отсюда Дебриллій приказалъ отряду перебраться въ лодкахъ черезъ громадный заливъ къ морскому берегу. Привязавши лошадей къ лодкамъ, казаки 15 сентября начали, благодаря попутному вѣтру, переправу, и потеряли лишь 27 лошадей. Подойти однако къ Ачуеву не позволила мѣстность и переполненіе водою рукава Кубани-Протоки. Посланные казаки и калмыки не могли также сыскать языка, а непріятель между тѣмъ замѣтилъ опасность и принялъ предосторожности.

18 и 19 сентября непріятель имѣлъ уже дѣло съ малыми отрядами нападающихъ. 20 сентября войска стали лагеремъ у Протоки и началась переправа пушекъ и мортиръ; но ночью налетѣлъ сильнѣйшій морской штормъ, которымъ разнесло паромъ, выметало на берегъ и разбило суда, а артиллерійскія вещи и другіе припасы залило водою. Въ вой-

скѣ распространилась паника отъ этого потопа. Гренадеры взгромоздились на пушки, покрытыя водою, и въ помощь Дебриллій потребовалъ конницу. Съ полудня 21 сентября вода начали спадать. Къ городу Ачуеву удалось потомъ подвезти три пушки съ мортирою и зарядами.

Тогда изъ Ачуева открылась пальба изъ пушекъ, а когда стемнѣло, то русскіе, заложивши малые шанцы, начали въ свою очередь бомбардировать Ачуевъ. Отъ бросанія бомбъ загорѣлись строенія въ Ачуевѣ и пожаръ длился цѣлыя сутки. Но въ полночь снова начала повышаться вода, разнесшая мостъ. Полковникъ Бахметевъ, осаждавшій Ачуевъ, вынужденъ былъ на лодкахъ перебраться съ войскомъ и артиллеріею 22 сентября въ русскій лагерь.

Тѣмъ и окончилась попытка взять Ачуевъ. Прибывшіе сюда же посланцы отъ калмыковъ сообщили, что часть калмыковъ расположилась по Кагальнику и Еи, а часть у Ангалахъ, т. е. у нынѣшняго Ангелинскаго ерика. Починившись и оправившись, флотилія отправилась моремъ по прежнему пути назадъ, а донская конница двинулась на Донъ снова вдоль берега также по прежнему пути.

Письмомъ отъ 8 октября 1746 года новый Кубанскій сераскиръ Сеадетъ Гирей увѣрялъ войскового атамана Данилу Ефремова, что произведенный передъ тѣмъ набѣгъ на Донъ, съ явною цѣлью добыть языка, былъ устроенъ не татарами, а кабардинцами, и безъ вѣдома его, Сеадета. Во второмъ письмѣ отъ 30 октября тотъ же сераскиръ употребилъ въ дѣло тонъ оскорбленной невинности, видя въ дѣйствіяхъ атамана Ефремова недовѣріе къ измышленному имъ, Сеадетомъ, боѣ татаръ съ кабардинцами и базадокцами, которыхъ якобы преслѣдовали татары послѣ того, какъ на Дону было два человѣка убито, одинъ умеръ отъ ранъ и одинъ взятъ въ плѣнъ. Сераскиръ честью завѣрялъ, что въ виду дружественныхъ отношеній между Россіею и Портою, онъ, Сеадетъ Гирей, не можетъ говорить неправды. Въ такомъ же духѣ писалъ и Крымскій ханъ войсковому атаману Данилѣ Ефремову на Донъ.

Впослѣдствіи же выяснилось изъ постановленія военной коллегіи отъ 26 декабря 1746 года, что набѣгъ на Донъ произвели татары не безъ участія серескира Сеадетъ Гирея. Дѣло въ томъ, что носились слухи о разрывѣ мира Турціи съ Россіей и о подготовленіяхъ турокъ къ войнѣ. Набѣгъ, надо полагать, произведенъ былъ съ цѣлью добытія языка и плѣненный молодой казакъ вѣроятно былъ препровожденъ въ Турцію для снятія показаній. Но въ данномъ случаѣ дѣло на этомъ и остановилось.

Съ появленіемъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ роли командующаго войсками генералъ-маіора де-Медама, русское правительство или, вѣрнѣе, этотъ дѣятельный генералъ попробовалъ склонить горцевъ къ болѣе мирнымъ отношеніямъ съ русскими путемъ взаимныхъ договоровъ. Въ этихъ видахъ генералъ Медемъ послалъ къ Кубанскимъ черкесамъ кабардинскаго владѣльца Джанхота Сидокова и узденя Шабазъ Гирея, а послѣ присоединилъ къ нимъ дворянина Терскаго войска ротмистра Батырева. Посланные побывали въ числѣ прочихъ у предводителей важнѣйшихъ черкесскихъ племенъ—темиргоевцевъ и бесленеевцевъ, всюду склоняя принять русское подданство, дать присягу и аманатовъ. Переговоры эти длились и затягивались. Черкесы полуизъявляли желаніе войти въ мирныя отношенія съ русскими, но ссылались то на неудобства своего положенія при зависимости отъ турокъ, то на необходимость посовѣтываться съ кабардинцами и другими горскими племенами. Кабардинцы въ это время приняли уже русское подданство и являлись какъ бы посредниками между русскими и черкесами. Самъ Джанхотъ Сидоковъ былъ знатнымъ владѣльцемъ въ Кабардѣ.

Однако, за всѣми этими переговорами и отговорками сквозило явное нежеланіе кубанскихъ черкесовъ принимать русское подданство. Въ концѣ концовъ темиргоевцы и бесленеевцы, какъ главенствующія племена, заявили, что они не согласны ни быть «въ вѣчномъ подданствѣ» у Россіи, ни дать аманатовъ, а склонны дать только присягу и подписку въ томъ, чтобы съ русскими не воевать и воровскихъ набѣговъ на русскія жилища не производить». Но именно этимъ двумъ обѣщаніямъ меньше всего можно было вѣрить. Русскіе собственно и добивались подданства черкесовъ съ цѣлію прекращенія военныхъ дѣйствій и воровскихъ набѣговъ; а черкесы жили войною и военными грабежами и едва ли нашелся бы хоть одинъ владѣлецъ, который могъ бы удержать подвластное ему племя отъ набѣговъ и грабежей, въ чемъ истые горцы видѣли молодечество, удаль и своего рода героизмъ.

Болѣе прямые и откровенные предводители черкесовъ открыто высказывались противъ всякихъ союзовъ съ русскими. «Извѣстный же воръ и злоумышленникъ», выражаясь языкомъ русскихъ оффиціальныхъ бумагъ, Арсламбекъ (онъ же Сокуръ) Аджи и его сынъ Біарсланъ на прямикъ заявили ротмистру Батыреву, чтобы онъ больше на Кубань не ѣздилъ, угрожая въ противномъ случаѣ поймать его и отослать къ Крымскому хану, такъ какъ они считали Батырева не посланникомъ, а шпіономъ, который одинъ прекрасно зналъ всѣ кубанскія и крымскія дороги и, слѣдовательно,

могъ попутно съ мирными переговорами доставлять русскимъ очень важныя свѣдѣнія для военныхъ цѣлей. Отецъ и сынъ не ошиблись. Когда на Кубани собралась партія черкесовъ въ 500 человѣкъ, намѣревавшаяся произвести набѣгъ на русскія поселенія, узнавшій про это Батыревъ успѣлъ извѣстить генерала Медема о готовящемся нападеніи.

Такимъ образомъ, хлопоты посланныхъ генераломъ Медемомъ кабардинцевъ Джанхота Сидокова и Шабазъ Гирея съ ротмистромъ Батыревымъ не привели къ желаннымъ результатамъ. Только ногайцы, какъ ближайшіе сосѣди русскихъ, дали присягу на подданство Россіи. Самъ Батыревъ пришелъ, послѣ неоднократныхъ своихъ поѣздокъ за Кубань, къ тому заключенію, что не было положительно никакой надежды на то, чтобы Кубанскіе черкесы доброю волею согласились вступить въ подданство Россіи. Сообразно съ этимъ, и генералъ Медемъ въ своемъ донощеніи императрицѣ Екатеринѣ II отъ 13-го ноября 1764 года писалъ: «сколько я не старался ласковостію склонить (горцевъ) въ подданство Вашего Императорскаго Величества, но ни что не предъуспѣло, почему не остается иного способа, какъ поступить съ ними употребленіемъ оружія Вашего Императорскаго Величества».

Свои дальнѣйшія намѣренія генералъ Медемъ отложилъ до слѣдующаго года.

По плану генерала Медема, русскія войска должны были весною соединиться съ калмыцкими и вмѣстѣ двинуться за Кубань. Въ это же время кабардинцы должны были послать депутата къ Екатеринѣ II-ой съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Но война съ турками и носившіеся слухи о помощи ихъ горцамъ повидимому поколебали кабардинцевъ. Подъ разными предлогами они начали оттягивать посылку депутата въ Петербургъ, въ дѣйствительности же повѣрили слухамъ, что султанъ турецкій отправилъ на Кавказъ массу золота для горскихъ племенъ, и поэтому, кабардинцы были склонны отложиться отъ Россіи. Вскорѣ они потомъ разбились на двѣ партіи—сторонниковъ Россіи и противниковъ ея. Сторонники рѣшили одни послать депутата отъ себя, извѣстнаго Джанхота Сидокова, который былъ раньше избранъ всѣми кабардинцами. Тогда въ свою очередь и противная Россіи партія выставила своего кандидата въ депутаты Коргока Татарханова, чтобы скрыть такимъ образомъ слѣды своего сочувствія къ Турціи. Все это связывало генерала Медема и мѣшало ему осуществить планъ набѣга на закубанскихъ черкесовъ.

Къ тому же и калмыки дѣйствовали не согласно съ планомъ Медема. Намѣстникъ калмыцкаго ханства Убаша хо-

тѣлъ дѣйствовать самостоятельно и не желалъ соединяться съ русскими войсками. Напрасно Медемъ старался убѣдить его въ томъ, что, дѣйствуя независимо отъ него, онъ можетъ причинить вредъ тѣмъ изъ горцевъ, которые склонны или уже пожелали принять подданство Россіи. Убаша стоялъ на своемъ. Въ то время, когда калыцкіе войска были уже почти на Кубани, новое обстоятельство—набѣги чеченцевъ на русскія владѣнія и на дорогу въ Грузію, заставили на время отложить походъ русскаго корпуса за Кубань.

Когда наконецъ генералъ Медемъ наказалъ примѣрно чеченцевъ, явилась возможность двинуться за Кубань. 8-го іюля Медемъ сообщилъ императрицѣ о покореніи чеченцевъ и объ обращеніи въ подданство Россіи ихъ вмѣстѣ съ Али Султаномъ Казбулатовымъ и о движеніи на Кубань для соединенія съ калмыцкими войсками. Прежде, чѣмъ произошло это соединеніе, кубанскій Казигирей султанъ и очень многіе мурзы просили у калмыцкаго хана содѣйствія для перехода въ подданство Россіи, о чемъ ханъ далъ знать генералу Медему. Калмыки и бывшій при нихъ русскій полковникъ Кишенсковъ еще до пребытія Медема послали полутора тысячную партію калмыковъ для розысковъ и выясненія, въ какомъ состояніи находились города—Копылъ, Темрюкъ и Тамань. Партія эта, слѣдуя вдоль Кубани, на всемъ своемъ пути до Копыла не встрѣтила ни одной души. Стараго Копыла, когда-то сожженнаго русскими и калмыками, неоказалось также на прежнемъ мѣстѣ. Новый Копылъ выстроенъ былъ на островѣ Кубани. Нѣсколько дней калмыки простояли въ скрытомъ мѣстѣ вблизи Копыла, но во все это время ни въ Копылъ, ни изъ него не послѣдовало ни одной души. Тогда калмыки попытались взять крѣпость приступомъ. Не имѣя возможности подойти къ крѣпости на судахъ, они бросились вплавь на лошадяхъ съ одними копьями и саблями, но Копылъ оказался окруженнымъ землянымъ валомъ съ глубокимъ рвомъ и укрѣпленъ рогатинами. Тогда калмыки бросились къ воротамъ и пробовали попавшимися подъ руку камнями разбить ихъ. Проломавъ небольшіе дыры, они не могли проникнуть въ городъ, такъ какъ непріятель поднялъ орудійную и оружейную пальбу. Потерявши одного убитаго и шесть раненныхъ, калмыки отступили отъ Копыла и бросились вплавь черезъ Кубань къ своей стоянкѣ, а оттуда направились къ главнымъ своимъ силамъ.

Генералъ Медемъ выступилъ изъ Моздока 3 августа съ 2163 человѣка войска. 15 августа въ пути онъ получилъ отъ полковника Кишенскова рапортъ о томъ, что калмыки двинулись за Кубань 7 августа, шли всю ночь, 8 переправились черезъ Кубань и продолжали путь безостановочно

днемъ и ночью, а 9 на разсвѣтѣ подошли къ непріятельскимъ жилищамъ. Раздѣливши силы на двѣ части, калмыки произвели наступленіе, и хотя встрѣтили сильный отпоръ со стороны непріятеля, но сломили его и заставили разбѣжаться въ разныя стороны. При этомъ было убито до 100 черкесовъ и 23 человѣка взято въ плѣнъ, калмыки потеряли 12 убитыми и 20 человѣкъ было ранено. А, главное, они захватили массу скота и однихъ барановъ до 500 тысячъ головъ. Захватъ скота навѣрное и былъ тою побудительною причиною, подъ вліяніемъ которой калмыки не хотѣли соединяться съ русскими.

11 августа калмыки снова переправились на правый берегъ Кубани, а 20 августа сталъ вблизи ихъ лагеремъ и генералъ Медемъ. Въ это время къ генералу явился мурза Аталжука Ахловъ, принявшій русское подданство, и просилъ защитить его отъ горцевъ, собравшихъ трехтысячное войско для нападенія на жилища мурзы и его подвластнаго населенія. Медемъ распорядился 21 августа послать въ помощь Ахлову казаковъ и тысячу калмыковъ. Но 28 августа калмыки самовольно ушли изъ охранительнаго отряда.

21 августа посланы были отъ калмыцкаго хана и генерала Медема къ бесленеевцамъ, темироевцамъ и другимъ черкескимъ племенамъ, находившимся подъ властью турокъ, манифесты о призывѣ ихъ въ русское подданство. Горцамъ поставленъ былъ ультиматумъ: или принять русское подданство, или же подвергнуться оружію русскихъ и калмыковъ. Горцы объявили посланнымъ, что они приняли ихъ за шпіоновъ и была даже попытка изрубить ихъ; но потомъ они отпустили посланцевъ, предупредивши, чтобы они больше къ нимъ не являлись и писемъ не возили, такъ какъ всѣ горцы будутъ стоять до послѣдней капли крови за вѣру и отечество. Въ этомъ случаѣ закубанскіе черкесы оказались болѣе несговорчивыми, чѣмъ при мирныхъ переговорахъ. Въ это время къ черкесамъ прибылъ посланникъ турецкаго двора Чухадаръ Сулейманъ Ага съ крымскими мурзами и привезли цѣлую арбу золотой монеты для раздачъ горцамъ. Это, разумѣется, еще болѣе укрѣпило черкесовъ въ намѣреніи идти противъ русскихъ. Турецкіе посланцы обѣщали также черкесамъ прислать въ помощь некрасовскихъ казаковъ и пушки.

Тогда генералъ Медемъ предложилъ намѣстнику калмыцкаго ханства соединиться съ нимъ и двинуться соединенными силами противъ горцевъ. Четыре дня генералъ Медемъ уговаривалъ намѣстника привести въ исполненіе предложенный имъ планъ наступленія на черкесовъ. Убаша остался глухъ къ убѣжденіямъ и рѣшилъ уйти въ свои улусы. 31 августа

калмыки сняли лагерь и отправились къ Волгѣ. А 1 сентября Медемъ получилъ черезъ секундъ-маіора Таганова отъ кабардинскаго владѣльца Касая Атажукина извѣстіе о томъ, что закубанскіе черкесы собрали на присланные турецкимъ правительствомъ деньги до 30 тысячъ войска. Медемъ послалъ гонца просить помощи у Убаши. Но и на этотъ разъ намѣстникъ калмыцкаго ханства не послалъ генералу войска, считая слухи о тридцати-тысячномъ отрядѣ вымысломъ.

Медемъ вынужденъ былъ снять свой лагерь и двинутся къ русскимъ границамъ. Отрядъ Медема занялъ позиціи у Бештовыхъ горъ или Пятигорья. Черкесы въ свою очередь не рѣшились преслѣдовать русскихъ, подозрѣвая, что калмыки ушли не въ свои улусы, а скрылись въ засадѣ. Когда же выяснилось, что калмыки дѣйствительно ушли на Волгу, время для преслѣдованія было упущено. Горцы попытались было напасть на лагерь Медема у Пятигорья, но предупрежденный объ этомъ генералъ выслалъ противъ нихъ два отряда и не смотря на малочисленность русскихъ, обстоятельства такъ сложились, что горцы были разбиты. На зиму генералъ Медемъ ушелъ на линію и самъ возвратился 26 октября въ Моздокъ.

Весну и большую часть лѣта слѣдующаго 1771 года русскія войска, находившіяся подъ командою генерала Медема, провели спокойно. Горцы не предпринимали враждебныхъ дѣйствій; Медемъ не располагалъ надлежащими силами, чтобы двинуться за Кубань, не открывши границы для набѣговъ. Въ началѣ іюня мѣсяца Медемъ получилъ отъ полковника Дондукова извѣстіе о томъ, что партія закубанскихъ черкесовъ въ 700 человѣкъ, подъ предводительствомъ мурзы Сокура Росланъ Бека, отправилась въ Донскія мѣста на грабежи. Кабардинскій владѣлецъ Касай Атажукинъ и секундъ-майоръ Тогановъ увѣдомляли также Медема, что черкесы, начиная съ Копыла и до верховьевъ Кубани, соединились и вмѣстѣ съ некрасовскими казаками, переправились черезъ Кубань и тремя отдѣльными частями пошли къ Донгузлову и по Калаусу. Медемъ съ своей стороны поручилъ полковнику Дондукову встрѣтить съ русскими войсками и калмыками непріятеля въ надлежащихъ мѣстахъ. Поисками однако не были обнаружены слѣды горцевъ. Мѣняя нѣсколько разъ направленіе, войска двигались съ расчетомъ встрѣтить непріятеля. Кабардинцы также находились въ неспокойномъ состояніи и Медемъ опасался, что они соединятся съ закубанскими горцами, почему располагалъ движеніе отрядовъ такъ, чтобы воспрепятствовать этому соединенію.

И въ то время, когда Медемъ, усиливая дѣйствующіе отряды новыми подкрѣпленіями, указывалъ мѣста для пере

движенія ихъ, 19 іюля онъ получилъ отъ майора Криднера извѣстіе, что горцы разбиты за Кубанью русскимъ отрядомъ подъ командою его, Криднера. Оказалось, что извѣстный предводитель горцевъ Сокуръ Арсланбекъ пробрался на Донъ, напалъ здѣсь на Романовскую станицу, ограбилъ ее и, забравши плѣнныхъ, отправился за Кубань. Узнавши объ этомъ отъ русскаго мальчика, взятаго горцами въ плѣнъ въ Романовской станицѣ и бѣжавшаго по дорогѣ изъ за Кубани, мѣсто гдѣ расположился Сокуръ Аджи, полковникъ Дондуковъ, выдѣливши часть войска съ майоромъ Криднеромъ, самъ съ остальными силами двинулся по слѣдамъ успѣвшихъ уже уйти за Кубань черкесовъ. Передовой отрядъ въ сто человѣкъ при поручикѣ Ураховѣ и донскомъ полковникѣ Карпѣ Кирѣевѣ нагналъ непріятеля въ 15 верстахъ отъ Кубани вблизи Лабы. Сокуръ Аджи успѣлъ уже соединиться съ кочевавшимъ здѣсь населеніемъ. Отрядъ атаковалъ черкесовъ и вскорѣ къ нему присоединился съ главными силами и майоръ Криднеръ. Сраженіе произошло вблизи степной рѣчки Джекинли и длилось съ 5 до 12 час. ночи. Несмотря на упорное сопротивленіе, черкесы были разбиты. На мѣстѣ было оставлено 532 трупа, въ томъ числѣ нѣсколько мурзъ, узденей и Біарасланъ, старшій сынъ предводителя Сокури Аджи, разорено было до 1000 кибитокъ, плѣнено до 300 душъ и въ томъ числѣ дочь Казбулата и жена съ дочерью Бекъ Мурзы, вліятельныхъ горскихъ предводителей, отбито двое мужчинъ и четыре женщины, плѣненныхъ въ Романовской станицѣ, и захвачено до 13,000 головъ разнаго рода скота. Разбитые горцы поспѣшно отправились въ горы, а русскія войска двинулись назадъ на линію, опасаясь преслѣдовать дальше непріятеля въ виду свирѣпствовавшей за Кубанью моровой язвы.

Къ обычнымъ неурядицамъ и столкновеніямъ народностей на Сѣверномъ Кавказѣ присоединились новыя обстоятельства, могшія осложнить ходъ дѣлъ. Какъ видно изъ реляціи генералъ-маіора де Медема, Екатерина II разрѣшила четыремъ татарскимъ ордамъ—Едисанской, Буджацкой, Джембулуцкой и Едичкульской, перекочевить изъ Крымскихъ владѣній на Сѣверный Кавказъ. Для татарскихъ кочевокъ были назначены мѣста отъ р. Чубура по р. Еѣ къ ея верховьямъ и отсюда по тремъ Егорлыкамъ и Калаусу и «далѣе, если нужда настоять будетъ, по степямъ къ Астрахани». Орды, какъ сказано въ реляціи, должны были находиться подъ протекціей Россіи. Въ дѣйствительности же отдѣльныя партіи татаръ соединялись съ горцами и дѣлали набѣги на Донъ и русскія владѣнія, и въ важныхъ случаяхъ, когда волненія охватывали подъ вліяніемъ турецкой агитаціи

горскія племена Сѣвернаго Кавказа, въ общемъ движеніи принимали прямое или косвенное участіе и татары. Кочевники эти, съ которыми южно-русское казачество вело столь долгую и упорную борьбу, во всякомъ случаѣ вредили спокойствію русскихъ границъ и пограничнаго населенія.

Волненія въ средѣ кабардинцевъ и закубанскихъ черкесовъ побудили осенью 1771 года генералъ-майора Медема направить русскія войска за Кубань съ карательными и предупредительными цѣлями и майоръ Криднеръ проникъ съ небольшимъ отрядомъ за Кубань далеко въ горы, преслѣдуя одного изъ наиболѣе враждебныхъ русскимъ владѣльцевъ черкесовъ Келемета. Келеметъ съ своимъ ауломъ убрался во время въ недоступныя части горъ. На мѣстѣ стоянки русскіе захватили только 450 штукъ скота. Но когда Криднеръ двинулся обратно къ Кубани, черкесы начали преслѣдовать и тревожить его отрядъ. Ночью черкесы пытались угнать лошадей, принадлежащихъ отряду, и захватить пикетъ, но неудачно. Стычки окончились пораненіемъ одного казака въ отрядѣ и 5 убитыми черкесами.

Движенія русскихъ войскъ за Кубанью, въ предѣлахъ черкескаго мѣстожительства, заставило ихъ подумать о своемъ положеніи. Нѣкоторые изъ владѣльцевъ сами предложили принять русское подданство, чтобы избавиться отъ нашествія русскихъ войскъ и соединенныхъ съ такимъ нашествіемъ реквизицій и разоренія. 15 октября къ премьеръ-майору Фромгольту, дѣйствовавшему, по порученію Медема, съ особымъ отрядомъ по р. Лабѣ, явились представители нѣкоторыхъ горскихъ племенъ, приняли присягу на русское подданство и отъ четырехъ фамилій—Кипчаковой, Манготовой, Наврузовой и Казбулатовой, дали четырехъ аманатовъ.

Въ 1771 году, по мысли графа Румянцева, проектировалась еще одна мѣра, долженствовавшая способствовать болѣе спокойному состоянію племенъ, населявшихъ Сѣверный Кавказъ. Какъ видно изъ ордера графа Румянцева генералъ-маіору Бринку отъ 27 ноября 1771 года, на Кавказѣ предполагалось образовать удѣльное ханство для Шагинъ-Гирея въ случаѣ, если бы этотъ послѣдній не былъ утвержденъ крымскимъ ханомъ.

Проектированная Румянцевымъ мѣра находилась въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время въ нынѣшнюю Кубанскую область передвинуты были ногайскіе татары, кочевавшіе въ Бессарабіи, подъ общимъ именемъ Буджацкихъ татаръ. Попавши подъ покровительство Россіи, татары сами просили русское правительство переселить ихъ на Кубань. Поэтому, четыре орды: Едисанская, Едишкульская, Джамбулукская и Буджацкая въ маѣ 1771 года пере-

шли р. Донъ и заняли степныя части нынѣшней Кубанской области. Примѣнительно къ требованіямъ своего кочеваго быта, татары расположились отдѣльными ордами вдоль степныхъ рѣчекъ Еи, Ясеней, Албашей, Челбасъ, Бейсуговъ, Керпилей, азовскихъ рукавовъ Кубани и проч. Часть ихъ осѣла въ предѣлахъ нынѣшней Донской области по лѣвому берегу р. Кагальника или стариннаго Каяла.

Какъ видно изъ донесенія знаменитаго Суворова князю Потемкину, отдѣльныя орды состояли приблизительно изъ слѣдующаго количества семей: въ Едисанской ордѣ, дѣлившейся на два поколѣнія — правое и лѣвое, считалось около 20,000 казановъ или семействъ, въ Едишкульской, состоявшей изъ четырехъ поколѣній — Минскаго, Бурлацкаго, Кашацкаго и Каракитайскаго — 24000 казановъ, въ Джамбулуцкой 11,000 казановъ и въ Буджацкой 700 казановъ. Далеко раньше до этого переселенія на правомъ берегу Кубани кочевали еще три ногайскія орды — Наврузская до 8000 казановъ, Бестинеевская до 6000 казановъ и Касаевская до 4000 казановъ. Такимъ образомъ, на Кубани въ то время было около 73700 семействъ или до 37 тысячъ душъ обоего пола, считая семью въ 5 душъ об. пола.

При такомъ численномъ составѣ, ногайскія орды были сразу же поставлены въ неблагопріятныя политическія и хозяйственныя условія, благодаря съ одной стороны, близости къ занятой ими мѣстности другихъ народностей, а съ другой, условіямъ кочеваго быта съ примитивнымъ скотоводческимъ хозяйствомъ. Съ сѣвера сидѣли донскіе казаки, занявшіе Маничскую степь и все пространство до р. Кагальника, съ востока кочевали калмыки и возникли русскія поселенія по линіи, соединявшей Донское казачество съ Терскими казаками, съ юга по лѣвому берегу Кубани разбросаны были давнишніе обитатели этой части Кавказа — черкескія племена, а съ запада край отрѣзанъ былъ Азовскимъ моремъ съ его многочисленными лиманами, озерами и болотами. Ногайскія орды очутились такимъ образомъ какъ бы въ тискахъ. Раньше осѣвшія народности вели тоже скотоводческое хозяйство, что и вновь прибывшіе ногаи. Естественно, что старожилы не могли добровольно поступиться смежными степями и пастбищами въ пользу пришельцевъ, и что на этой почвѣ неминуемо должны были происходить столкновенія, недоразумѣнія и кровавыя распри.

Такъ и случилось. Дѣло началось съ того, что кочевавшія раньше по правому берегу р. Кубани три ногайскія орды, какъ только прибыли изъ Бессарабіи ихъ соплеменники, вынуждены были, вслѣдствіе стѣсненія въ пастбищахъ, перейти на лѣвую сторону Кубани. Но осѣвши здѣсь въ со-

сѣдствѣ съ черкесскими племенами и сдружившись съ ними, эти три орды татаръ сразу же стали во враждебныя отношенія къ четыремъ пришедшимъ ордамъ и сдѣлались потомъ непримиримыми ихъ врагами. Калмыки также не могли поступиться своими владѣніями, какъ кочевники, а черкесы были союзниками трехъ старыхъ татарскихъ ордъ. Наконецъ донскіе казаки были исконными врагами татаръ и зорко слѣдили за своими владѣніями, особенно за цѣнною для кочевниковъ Манычскою степью.

Собственно серьезными противниками прибывшихъ татаръ были одни донскіе казаки. Не говоря уже объ исторически сложившейся непріязни казака къ татарину, донцы и свое скотоводческое хозяйство вели въ ту пору подобно татарамъ. Сѣна казаки почти не заготовляли и главная масса скота находилась и лѣтомъ и зимою на подножномъ корму. Поэтому, неурожаи травъ и суровыя, многоснѣжныя съ гололедками зимы также были страшны для казака, какъ и для татарина. Скотъ погибалъ тысячами. Такъ, въ суровую зиму 1780 года на Дону погибло до полумилліона штукъ рогатого скота, лошадей и овецъ. Понятно, что казаки ревностно оберегали свои пастбищныя мѣста и степи и готовы были при малѣйшемъ подходящемъ случаѣ свести свои старинные счеты съ исконными врагами — татарами.

Осѣвшіе прикубанскіе татары считались подданными крымскихъ хановъ сначала Сагибъ-Гирея, а потомъ Шагинъ-Гирея; ханы же въ свою очередь находились подъ покровительствомъ Россіи. Со стороны русскаго правительства представителемъ состоялъ приставъ татарскихъ ордъ, которымъ назначенъ былъ подполковникъ Лешкевичъ. Приставъ имѣлъ пребываніе съ небольшою военною командою въ Ейскомъ укрѣпленіи, въ концѣ косы, прелегающей къ нынѣшнему городу Ейску. Отсюда онъ слѣдилъ за татарами и по своимъ обязанностямъ долженъ былъ не только наблюдать за ними, но и защищать ихъ интересы при столкновеніяхъ съ сосѣдями. Подполковникъ Лешкевичъ видимо такъ и выполнялъ свои обязанности, почему его не долюбливали донскіе казаки, какъ человѣка, лишавшаго ихъ возможности «раздѣлываться» при всякомъ случаѣ съ татарами и державшаго ихъ въ неопредѣленномъ выжидательномъ положеніи разнорѣчивыми сообщеніями о намѣреніяхъ татаръ.

Что касается внутреннихъ распорядковъ въ татарскихъ ордахъ, то въ основѣ взаимоотношеній татаръ лежало родовое начало и семейный союзъ — «казанъ», такъ какъ вокругъ казана, котла для пищи, объединялась татарская семья. Орды же управлялись беями, т. е. князьями — родоначальниками. Вліятельнымъ беемъ, оставившимъ замѣтные слѣды

своей дѣятельности въ татарской исторіи, былъ Джанъ Магометъ-бей, энергичный и умный старикъ, безъ обычной татарской лукавости, на слово котораго можно было положиться.

Первою бѣдою, обрушившеюся на головы ногайскихъ татаръ, были собственныя ихъ неурядицы. Дѣло въ томъ, что въ средѣ татарскихъ представителей ханскаго рода шла борьба изъ за престола. Въ годъ переселенія татаръ изъ Бессарабіи на Кубань крымскимъ ханомъ былъ Сагибъ-Гирей, сторонникъ Россіи. Противникъ его Девлетъ-Гирей, приверженецъ Турціи, пытался съ помощію мятежа свергнуть Сагибъ-Гирея съ престола, но безуспѣшно. Въ 1773 г. турецкій султанъ предоставилъ въ распоряженіе Девлетъ-Гирея цѣлую армію, численность которой по однимъ свѣдѣніямъ доходила до 40,000, а по другимъ даже до 80,000 человѣкъ. Войска эти погружены были въ Синопѣ на 120 галіотахъ, т. е. большихъ турецкихъ судахъ, и во главѣ ихъ стали Девлетъ-Гирей и турецкій паша Хаджи-Али-бекъ. Армія направилась къ Суджуку-кале, нынѣшнему Новороссійску, чтобы здѣсь высадиться. Но вблизи этого города, противъ урочища Карабурунъ, турки неожиданно столкнулись съ русскимъ флотомъ, находившимся подъ начальствомъ вице-адмирала Синявина. Это было 21 августа 1773 г. Бой начался потопленіемъ русскими выстрѣлами непріятельскаго судна, а закончила его ужасная буря, поднявшаяся на морѣ. Турецкія суда были разнесены по морю, изъ 120 галіотовъ уцѣлѣло только 23 съ войскомъ отъ 9 до 12 тысячъ. Вотъ эти остатки турецкой арміи и высажены были Девлетъ-Гиреемъ въ Суджукѣ. Отсюда и началъ свои поиски за ханскимъ престоломъ Девлетъ-Гирей.

Потерянныя на морѣ части войска Девлетъ-Гирей рѣшилъ пополнить черкесами и ногайскими татарами. Съ этою цѣлью онъ повелъ дѣятельную агитацію между горцами за Кубанью и татарами въ степяхъ. Онъ пустилъ въ ходъ подарки и всюду показывалъ султанскій фирманъ, которымъ повелитель «правовѣрныхъ» приказывалъ мусульманамъ стать подъ его знамена для борьбы съ «гяурами», невѣрными. Не столько религіозный фанатизмъ, сколько подарки оказали воздѣйствіе на горцевъ. Кабардинцы, черкесскіе князья, едишкульскіе мурзы и пр. дали согласіе на участіе въ войнѣ противъ русскихъ; въ самомъ Крыму вліятельные ширинскіе мурзы, не благоволившіе къ хану, обѣщали помощь Девлетъ-Гирею. Оставалось склонить къ тому же самого вліятельнаго между татарскими беями Джанъ-Магомета. Но прямой и правдивый старикъ, въ душѣ ненавидѣвшій русскихъ, хорошо помнилъ тотъ ужасный погромъ, который былъ произведенъ русски-

ми войсками у татаръ во время послѣдней турецкой войны, когда великій визирь отказался пропустить черезъ Дунай въ Турцію единовѣрныхъ татаръ, и немедленную помощь со стороны тѣхъ же русскихъ, какъ только татары признали власть Россіи. Поэтому, несмотря ни на какіе подарки и происки Девлетъ-Гирея, Джанъ-Магометъ-бей рѣшительно отказался отъ участія въ его рискованномъ предпріятіи. Горскіе князья, обратившіеся къ Джанъ-Магометъ-бею за совѣтомъ по этому поводу и узнавшіе его мнѣніе, дали слово отказаться отъ даннаго ими обѣщанія Девлетъ-Гирею и не идти противъ Россіи.

Узнавши объ этомъ, Девлетъ-Гирей принялъ выжидательное положеніе, не переставая волновать татаръ и горцевъ. По его совѣтамъ и проискамъ, едишкульскіе татары ворвались внезапно въ Донскую область, напали на Романовскую станицу, перебили часть жителей, разорили жилища и, захвативши скотъ и имущество, двинулись обратно въ степи. Но казаки успѣли догнать татарскую партію, разбили ее на голову, убивши на мѣстѣ до 40 татаръ и отбивши обратно скотъ и имущество.

Такимъ образомъ, искра была брошена въ горючій матеріалъ, вражда между казаками и татарами приняла характеръ взаимной угрозы. Этого только и нужно было Девлетъ-Гирею. Первые союзники хана были найдены. Въ то же время измѣнились и политическія обстоятельства въ пользу Девлетъ-Гирея. Въ Турціи, послѣ умершаго султана Мустафы, взошелъ на престолъ его слабый наслѣникъ Абдулъ-Гамидъ, благоволившій къ Девлетъ-Гирею. Новый султанъ прислалъ ему сильное подкрѣпленіе войскомъ, и Девлетъ Гирей предпринялъ рѣшительныя дѣйствія противъ Россіи и союзныхъ ей татаръ. Въ началѣ марта 1774 года онъ послалъ значительный отрядъ подъ начальствомъ своего брата калги Шабасъ-Гирея для покоренія Джамбулуцкой орды, а самъ съ 10,000 турокъ и татаръ двинулся туда же изъ Тамани другою дорогою. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ соединиться съ братомъ, послѣдній былъ разбитъ русскими войсками и донскими казаками въ верховьяхъ рѣки Еи.

Эта неудача только раздражила Девлетъ-Гирея. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало отомстить русскимъ при первомъ удобномъ къ тому случаѣ. Такой случай скоро представился. Узнавши, что приставъ татаръ полковникъ Стремоуховъ снарядилъ большой обозъ съ провіантомъ для войскъ, расположенныхъ на Кубани, Девлетъ-Гирей вмѣстѣ съ горцами перерѣзалъ путь военому транспорту, сопровождаемому двумя полками донскихъ казаковъ при одной пушкѣ, и сдѣлалъ засаду въ скрытомъ мѣстѣ у рѣки Калалы. Девлетъ

Гирей располагалъ въ 20 разъ большими силами, чѣмъ донцы, и заранѣе былъ убѣжденъ въ побѣдѣ и пріобрѣтеніи большихъ запасовъ хлѣба, служившаго особенно заманчивою приманкою для его войска.

Казаками командовали полковники Ларіоновъ и знаменитый впослѣдствіи Платовъ, которому было въ ту пору всего 23 года. Когда донцы расположились на ночлегъ, къ Платову подошелъ одинъ изъ старыхъ казаковъ и предложилъ ему прилечь ухомъ къ землѣ. На вопросъ казака, что слышитъ молодой полковникъ, послѣдній отвѣтилъ, что слышитъ шумъ, похожій на крикъ птицъ. Опытный казакъ объяснилъ, что это дѣйствительно кричатъ птицы, но птицы кричатъ ночью тогда, когда бываютъ разложены огни и, судя по крику птицъ на большомъ пространствѣ, огней должно быть много. Изъ этого казакъ заключилъ, что вблизи должно находиться много татаръ и что къ утру надо ожидать ихъ нападенія на транспортъ. Платовъ и Ларіоновъ немедленно распорядились устроить вагенбургъ, т. е. родъ загражденія людей повозками и кулями съ хлѣбомъ, и казаки засѣли въ этомъ вагенбургѣ.

Догадки казака оправдались. Раннимъ утромъ татары, предводимые ханомъ, съ ужасными криками: «Алла! Алла!» стали окружать казаковъ. Завязался ожесточенный бой. Казаки усиленной перестрѣлкой не дозволяли татарамъ подойти къ своему нехитрому укрѣпленію, засѣвши за повозками. Въ самомъ началѣ боя Платовъ выбралъ двухъ казаковъ на лучшихъ лошадяхъ и поручилъ имъ прорваться черезъ татарскій строй и перебраться на другую сторону р. Калалы, чтобы извѣстить объ опасности стоявшаго здѣсь съ полкомъ полковника Бухвастова. Окруженные небольшою командою, казаки бросились на татаръ. Татары сразу же разсѣяли нападавшихъ, заставивши казаковъ искать спасенія въ вагенбургѣ. Но мѣткій огонь изъ пушки, ружей и пистолетовъ, произведенный отсюда, заставилъ въ свою очередь отступить и татаръ. Семь разъ съ ужасными гиками татары бросались на казаковъ и семь разъ были отбиты. У казаковъ была перестрѣлена треть лошадей, убито и ранено не мало людей. Казаки пришли въ отчаяніе, полковникъ Ларіоновъ поколебался и сталъ совѣтываться съ Платовымъ, не лучше ли сдаться татарамъ. Но Платовъ рѣшительно возсталъ противъ этого, расчитывая на скорую помощь. И дѣйствительно изъ посланныхъ двухъ казаковъ одинъ былъ убитъ въ первой стычкѣ съ татарами, но другой успѣлъ проскользнуть и извѣстилъ Бухвастова объ отчаянномъ положеніи казаковъ и транспорта.

Скоро Платовъ замѣтилъ вдали поднимавшуюся пыль и

обратилъ на нее вниманіе казаковъ. Казаки различили за пылью скачущихъ всадниковъ. Это скакали донцы съ полковникомъ Уваровымъ. Стремительно бросились они на татаръ, а Платовъ тоже сдѣлалъ въ свою очередь, посадивши на лошадей часть своихъ казаковъ. Татары были опрокинуты. Смѣшавшись, они натолкнулись на гусарскій полкъ, съ которымъ спѣшилъ на помощь Бухвастовъ. И татары въ концѣ концовъ были разбиты. Около пятисотъ татаръ осталось на мѣстѣ убитыми и масса раненыхъ. Впослѣдствіи выяснилось, что Девлетъ Гирей располагалъ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ и что, кромѣ татаръ и черкесовъ, въ отрядъ входили некрасовскіе казаки и какіе то «арапы», по донесенію Бухвастова. Со стороны русскихъ было убито восемь, 15 безъ вѣсти пропало и 54 человѣка ранено, лошадей убито 288 и ранено около трехъ сотъ.

Разбитый при Калалахъ Девлетъ Гирей продолжалъ однако волновать татаръ и черкесовъ, вербуя въ средѣ ихъ сторонниковъ съ помощію подарковъ и разнаго рода обѣщаній. Обстоятельства благопріятствовали ему. Въ это время Пугачевъ громилъ Поволжье и казаки были отвлечены для борьбы съ нимъ; съ востока грозили донскому населенію, лишенному военныхъ силъ, калмыки и киргизы; на русскія войска, стоявшія по Кубани, стали нападать черкесы въ разныхъ мѣстахъ. Произошелъ цѣлый рядъ сраженій, закончившихся однако не въ пользу горцевъ, татаръ и Девлетъ Гирея. Такъ, 20 мая 1774 года донскіе казаки, посланные на развѣдку подъ командою полковника Уварова, встрѣтили партію черкесовъ на р. Лабѣ и разбили ее, плѣнивши 8-мь человѣкъ.

Въ началѣ іюня отрядъ изъ регулярныхъ и казачьихъ полковъ Бухвастова, Уварова, Платова и Данилова въ кровопролитномъ и упорномъ сраженіи разбилъ громадное скопище черкесовъ вблизи татарскаго города Копыла. Въ разгарѣ битвы полки Уварова и Бухвастова, преслѣдуя непріятеля, ворвались въ самый Копылъ и овладѣли имъ. 21 іюня русскія войска, посланныя въ горы противъ натухайцевъ и едисанскихъ татаръ, вновь разбили на голову непріятеля. 7 и 8 іюля русскіе отряды вели жаркую перестрѣлку съ темирогоевцами, а 9 іюля многочисленная толпа горцевъ напала на русскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ бригадира Бринка, но была разбита. Наконецъ, 3 августа произошло еще одно сраженіе между русскими войсками и черкеско-татарскими, въ то время, когда русскій отрядъ подъ командой Бибикова переправлялся черезъ Кубань на степную сторону отъ натухайскихъ владѣній. Горцы устроили засаду и отрядъ очутился въ очень опасномъ положеніи, и только благодаря

тремъ донскимъ казачьимъ полкамъ, переправившимся вплавь через Кубань на лошадяхъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль и оттѣснившимъ татаръ, русскія войска перешли Кубань. Это было послѣднее сраженіе съ черкесами, такъ какъ 21 іюля 1774 года былъ заключенъ Кучукъ Кайнарджійскій миръ съ Турціею и черкесы добровольно прекратили военныя дѣйствія.

Во все это время Девлетъ Гирей принималъ дѣятельное участіе въ организаціи черкескихъ и татарскихъ партій для борьбы съ русскими. Лично онъ расчитывалъ захватить съ помощью чеченцевъ города Моздокъ и Кизляръ, но чеченцы и здѣсь не имѣли успѣха. Когда же былъ заключенъ миръ и обнаружилось, что Девлетъ Гирей все время преслѣдовалъ свои личныя цѣли, пытаясь объединить татаръ и сдѣлаться независимымъ отъ Турціи ханомъ,—турки, по приказанію султана Абдулъ Гамида, схватили Девлетъ Гирея и отправили въ Константинополь.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ не на долго однако обезпечилъ спокойствіе въ Кубанскихъ степяхъ. Уже въ началѣ 1777 года стало извѣстнымъ, что турецкій султанъ Абдулъ Гамидъ далъ тайное повелѣніе горцамъ о нападеніи на русскихъ и обѣщалъ, въ случаѣ успѣха, дать черкесамъ въ подкрѣпленіе турецкія войска. И черкесы заволновались. 6-го іюня, въ 20 верстахъ отъ Темрюка, на одномъ изъ постовъ было замѣчено непріятельское судно, скрывшееся въ камышахъ. Извѣщенный объ этомъ донской полковникъ Кульбаковъ поскакалъ съ казаками и гусарами на этотъ постъ. Хотя здѣсь его и успокоили, что опасности нѣтъ, но, отпустивши гусаръ, онъ распорядился, чтобы казаки не разсѣдлывали лошадей и чтобы караульные зорко слѣдили за окрестностями. Къ вечеру усилился вѣтеръ и мѣстность покрылась густымъ туманомъ. И вотъ подъ покровомъ тумана черкесы ночью подкрались къ посту и начали рѣзать спящихъ казаковъ. Пока казаки разобрали, въ чемъ дѣло, многіе изъ нихъ поплатились жизнью; но скоро они оправились, сѣли на лошадей и разбили въ свою очередь черкесъ. Немного спустя черкесы также ночью напали на донской полкъ Букколова, но были опять отражены. Наконецъ въ декабрѣ того же 1777 года очень значительный по численности отрядъ черкесовъ перешелъ Кубань и напалъ на татарскій городъ Копылъ, въ которомъ были расположены русскія войска, но и здѣсь, послѣ кровопролитнаго сраженія подъ стѣнами города, черкесы ушли за Кубань разбитыми.

Въ 1777 году русскія войска занимали Сѣверный Кавказъ по двумъ линіямъ—отъ Черкасска на Ставрополь и далѣе и отъ Черкасска берегомъ Азовскаго моря до Тамани

и отсюда до Копыла и нѣсколько выше по Кубани пикетами. Собственно же прикубанскія степи—нынѣшнія Ейскій, Кавказскій и части Екатеринодарскаго и Темрюкскаго отдѣловъ, находились подъ кочевьями татарскихъ ордъ.

Въ томъ же 1777 году возникла мысль объ усиленіи кавказскихъ войскъ. Генералъ маіоръ Якобій представилъ 28 сентября князю Петемкину Таврическому проектъ сформированія двухъ казачьихъ полковъ—Хоперскаго и Волгскаго. Хоперскіе казаки жили въ Новохоперской крѣпости, нынѣшнемъ г. Новохоперскѣ, Воронежской губерніи, въ находящихся вблизи нея станицахъ Красной, Пыховкѣ и др. По роду службы хоперцы дѣлились на комплектныхъ и некомплектныхъ. Первые, какъ и другіе казаки, получали жалованье отъ казны, вторые содержались на собственный счетъ. Но тѣ и другія употреблялись исключительно для внутренней службы—«для сыску воровъ и разбойниковъ». Генералъ Якобій предложилъ образовать изъ хоперцевъ опредѣленный по штату казачій полкъ съ обычнымъ для казаковъ жалованьемъ, провіантомъ и фуражемъ. Такъ было положено начало хоперскому полку, который вошелъ частью въ составъ нынѣшней Кубанской области. Какъ видно изъ справки по рапорту генерала Якобія, хоперскій полкъ пришелъ на линію 26 ноября 1777 г., и такъ какъ не извѣстно было, какое и въ какомъ размѣрѣ жалованье и содержаніе будутъ получать казаки, то до разрѣшенія этого вопроса рѣшено было имъ выдавать только мѣсячный провіантъ.

Ордеромъ графа Румянцева отъ 29 ноября 1777 года командующимъ кавказскимъ корпусомъ былъ опредѣленъ знаменитый полководецъ, въ ту пору генералъ-поручикъ Суворовъ. Войска, находившіяся подъ командой Бринка, поступила также въ распоряженіе Суворова. Такимъ образомъ, нынѣшняя прикубанская часть области на нѣкоторое время стала ареною дѣятельности одного изъ выдающихся въ исторіи военныхъ дѣятелей.

Между тѣмъ черкесы продолжали враждебно относиться главнымъ образомъ къ русскимъ войскамъ. Такъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ черкесы переправились на двухъ лодкахъ черезъ Кубань и напали на казачій пикетъ, но своевременно были отражены, оставивши на берегу въ первую ночь двухъ горцевъ убитыми, а во вторую трехъ, при чемъ убитъ былъ также и казакъ.

По донесенію подполковника Лещкевича съ Еи, горцы пробирались также на р. Челбасы. Здѣсь они напали на татаръ Едисанской орды и отбили много лошадей, направясь къ вершинѣ р. Бейсуга. Но капитанъ Пейчъ съ русскимъ отрядомъ и татарами отбилъ лошадей. Русскій отрядъ воз-

вратился потомъ въ Ейскій редутъ, донеся по начальству, что на «Челбасскихъ развалинахъ» было истрачено «семь пушечныхъ зарядовъ и сожжено десять саженъ фитиля».

Около того же времени до начальства стали доходить слухи о скопищахъ черкесовъ выше деревни Заны, о присоединеніи къ этому скопищу Батыръ Гирей султана съ татарами и о прибытіи въ Суджукъкале до тысячи турокъ. Движеніе горцевъ началось съ малыхъ отрядовъ. Сначала переправилась черезъ Кубань около 200 человѣкъ горцевъ въ 70 верстахъ выше деревни Заны. Раздѣлившись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна схватила на посту казака, а другая отбила у татаръ до 40 воловъ и взяла семь татаръ Едисанской орды. Погоня изъ русскихъ и татаръ отбила только однихъ воловъ, но не могла настичь черкесовъ.

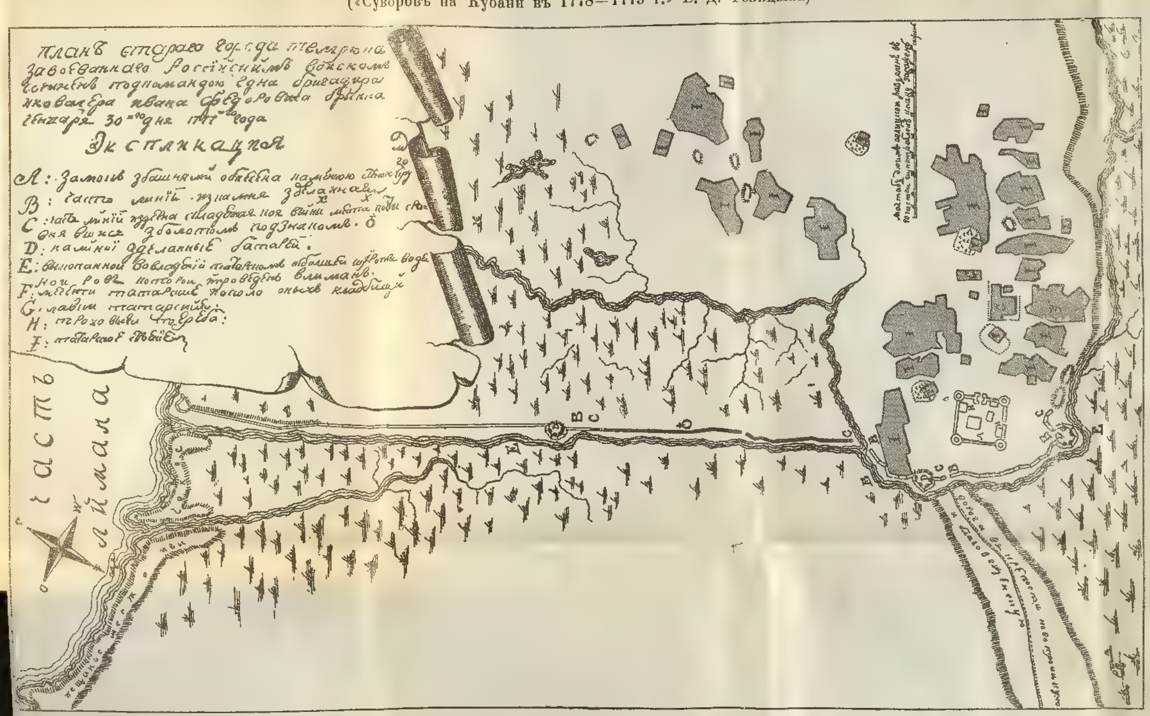
29 ноября генералу Бринку сообщилъ сераскиръ, что черкесы начали переправляться черезъ Кубань въ трехъ мѣстахъ выше и ниже Занъ значительными скопищами. Генералъ-майоръ Бринкъ нарочно допустилъ черкесовъ перейти Кубань, оставшись самъ въ наблюдательномъ положеніи. Горцы имѣли въ виду, разбивши русскихъ, забрать съ собою татаръ за Кубань. Горцы, жившіе въ Занахъ, сразу же стали переправлять свои семьи и имущество за Кубань на черкесскую сторону. Мѣстами двинулись и татары къ Кубани частію по предварительному соглашенію съ черкесами, а частію принужденные къ тому силою. Съ своей стороны, генералъ Бринкъ, выбравши удобный моментъ, приказалъ полковнику Барабанщикову съ донскимъ полковъ двинуться противъ черкесовъ и постараться навести ихъ на засаду. Барабанщиковъ искусно провелъ этотъ маневръ и горцы были разбиты.

Одновременно, т. е. 29 ноября, собравшіяся скопища горцевъ начали переправу и въ другомъ мѣстѣ—на Таманскомъ островѣ. Около шестидесяти парусныхъ лодокъ съ черкесами направились лиманами къ Таманскому берегу, избравши мѣстомъ высадки и нападенія редутъ, расположенный у косы; но командиръ редута капитанъ Зыковъ далъ сильнѣйшій отпоръ врагамъ, вынужденнымъ ретироваться обратно въ горы.

Такимъ образомъ разбиты были обѣ партіи черкесовъ. предположенный ими планъ не осуществился. Татары возвратились на свои мѣста, только нѣкоторая ихъ часть да жители Занъ ушли съ черкесами въ горы. Уходъ черкесовъ изъ Занъ Бринкъ считалъ очень важнымъ, такъ какъ занцы всегда держали себя двухсмысленно, а оставивши со всѣмъ Заны, бывшіе единственнымъ черкесскимъ селеніемъ на правомъ берегу Кубани, они тѣмъ самымъ очистили Кубанское

ПЛАНЪ ТУРЕЦКАГО ГОРОДА ТЕМРЮКА.

(«Суворовъ на Кубани въ 1778—1779 г.» Е. Д. Фелицына).



правобережье и дали возможность для болѣе правильныхъ наблюденій за всѣми черкесами.

Въ началѣ 1778 года прибылъ на Кубань Суворовъ. 17 января онъ донесъ объ этомъ графу Румянцеву, а 28-го изъ лагеря при Копылѣ сообщилъ ему объ осмотрѣ мѣстности по всему Таманскому полуострову. Суворовскій рапортъ по этому поводу даетъ сжатую и интересную характеристику мѣстности и положенія русскихъ войскъ. Изъ русскаго лагеря при Копылѣ, Суворовъ отправился черезъ Темрюкъ въ Тамань, отсюда къ устью Черноморскаго рукава Кубани, а затѣмъ лѣвымъ берегомъ ея до Копыла. Первое, что бросилось въ глаза Суворову, это измѣненія въ географіи края. Не подалеку отъ Темрюка, гдѣ по прежнимъ картамъ значился заливъ, Суворовъ нашелъ свободный «проѣздъ» верхомъ и на возахъ, покрывавшійся только во время весенняго половодья на полтора аршина водою. Ближе къ Темрюку былъ проливъ, соединявшій лиманъ съ моремъ, глубиною отъ трехъ до пяти четвертей, а по сторонамъ дороги прилегала болотистая, поросшая камышами мѣстность. По дорогѣ къ Тамани Суворовъ нашелъ старинную гавань съ укрѣпленіемъ и базаромъ. Въ 12 верстахъ отъ Тамани устье Кубани, «выходящее заливомъ», и отсюда въ десяти верстахъ Кизилташъ, гдѣ остались еще слѣды укрѣпленія. Отъ устья Кубани по Черному морю шла стрѣлка, огибавшая заливъ, а отъ нея къ югу по Черноморскому берегу находилась главная и важная турецкая пристань Суджукъ-кале, т. е. нынѣшній Новороссійскъ. Русло Кубани шло черезъ лиманы разными протоками мимо некрасовскихъ селеній. Кромѣ двухъ удобныхъ пристаней—Таманской и у стараго укрѣпленія между Темрюкомъ и Таманью, Суворовъ считалъ многія мѣста морскаго берега удобными для приставанія мелкихъ судовъ.

Существующія русскія укрѣпленія Суворовъ «нашелъ не безполезными». Чтобы они имѣли большее значеніе, по мнѣнію Суворова, необходимо были возвести новыя укрѣпленія съ правой стороны Кубани отъ переправы къ Копылу. Абазинцы и черкесы, говоритъ Суворовъ, «исполнены непрестанною склонностью къ грабежамъ и воровствамъ», но, при несомнѣнной личной храбрости, не отличаются стойкостью, какъ это показалъ капитанъ Зыковъ, отбившій 31 ноября съ слабо укрѣпленнаго редута одною пушкою значительное полчище горцевъ. Такія укрѣпленія и на указанныхъ мѣстахъ будутъ, поэтому, имѣть значеніе. Но еще лучше было устроить «хорошій шанецъ» по ту сторону Кубани, связавши таковой съ постами правобережной стороны. Такое расположенное «на собственномъ грунтѣ» черкесовъ укрѣпленіе сдерживало бы ихъ порывы къ набѣгамъ. «Некрасовскій

постъ, прозванный Екатериненскою крѣпостью» содержался исправно и служилъ бы, по мнѣнію Суворова, «дальнымъ упоромъ Суджуку».

„Наблюдавшееся здѣсь похвальное нераздробленіе войскъ", говоритъ Суворовъ, „имѣло нѣкоторыя невыгоды". Разъѣзды сильно утомляли людей и истощали лошадей. Въ этихъ видахъ Суворовъ проектировалъ рядъ дополнительныхъ укрѣпленій по Кубани съ такимъ расчетомъ, чтобы отдѣльныя части войскъ находились въ наблюдательномъ положеніи по мѣстамъ, а для лучшаго наблюденія за непріятелемъ, Суворовъ рѣшилъ выжечь всѣ плавни и камыши, по которымъ прятались и пробирались черкесскія шайки, и расположить посты между болѣе крупными укрѣпленіями „на переѣздахъ, чтобы большой нужды въ разъѣздахъ не было".

Татары или ногайцы по характеристикѣ Суворова отличались „всегдашнимъ непостоянствомъ, коихъ нравы сходны съ башкирскими, легкомысленны, лакомы, лживы, не вѣрны и пьяны". Ихъ близкое сосѣдство съ безпокойными абазинцами и черкесами требуетъ наложенія „какой-либо военной узды". Особенно неуживчивы черкесы. Они неоднократно пробовали дѣлать нападенія на пикеты, но большею частію безуспѣшно. А когда проѣзжалъ линію Суворовъ, они стрѣляли въ него и его спутниковъ изъ ружей на разстояніи восьмидесяти саженъ, но стрѣлки они худые, о чемъ Суворовъ судилъ по стрѣльбѣ ихъ съ сошекъ.

Наконецъ, Суворовъ при объѣздѣ позицій, имѣлъ случай встрѣчаться съ некрасовцами и говорить съ ними черезъ рѣку Кубань. По разсказамъ некрасовцевъ, они лишены жилищъ и бродятъ безпріютно въ горахъ. Всего населенія у нихъ около трехъ тысячъ душъ обоего пола и отъ шести до восьми сотъ строевыхъ. Суворову они выражали готовность жить спокойно и желаніе возвратиться на русскую сторону.

Таковы результаты десятидневнаго осмотра Суворовымъ мѣстности и позицій русскихъ войскъ въ нижней части р. Кубани. Съ свойственною этому полководцу быстротою и сообразительностью, Суворовъ создалъ очень простой и практическій планъ, вытекавшій изъ развитія принятой уже системы. Оставивши базисомъ для арміи Копылъ, лежавшій у дѣленія Кубани на два рукава—азовскій и черноморскій, Суворовъ намѣтилъ главныя укрѣпленія и второстепенные посты такъ, чтобы русскія войска по возможности задерживали прорывы горскихъ шаекъ въ степную полосу Прикубанья, не ослабляя людей и лошадей частыми и усиленными разъѣздами.

Но Суворовъ не могъ сразу же приступить къ сооруженію укрѣпленій. Въ январѣ стояли еще холода и Кубань покрывалась настолько толстымъ льдомъ, что черкесы свободно переправлялись на другой берегъ и отходили отъ него версты на двѣ вглубь степей. Съ наступленіемъ теплой погоды, какъ только начнетъ таять земля, Суворовъ расчитывалъ немедленно приступить къ сооруженію укрѣпленій.

Пока же онъ представилъ графу Румянцову второй планъ укрѣпленій вверхъ по Кубани—противъ шапсуговъ, натухайцевъ, бжедуховъ, противъ р.р. Лабы, Урупа и далѣе вплоть до Моздокской линіи. Это могло бы разъединить черкесовъ и татаръ, поставивши русскихъ въ господствующее положеніе. Для осуществленія своего плана Суворовъ считалъ необходимымъ снабженіе укрѣпленій нѣсколькими дюжинами пушекъ, которыя онъ просилъ отпустить изъ Азова, и одинъ пѣхотный полкъ съ тремя егерскими ротами.

Вмѣстѣ съ этимъ соображеніями, Суворовъ доставилъ Румянцеву новыя свѣдѣнія о закубанскихъ горцахъ. По показаніямъ ушедшихъ изъ черкесскаго плѣна, силы горцевъ составляютъ около двадцати тысячъ, изъ которыхъ вооружено ружьями, саблями и луками не болѣе 15000. Пороху и свинцу у черкесовъ мало. За горсть пороху даютъ овцу, а свинецъ такъ высоко цѣнится, что за пять пуль отдаютъ хорошую бурку. Русскихъ черкесы боятся, татаръ считаютъ плохими единовѣрцами и единомышленниками. Пищи и кормовъ у нихъ обиліе. Ближайшими къ Таманскому полуострову племенами управляютъ три султана, изъ которыхъ Батыръ Гирей султанъ считался самымъ сильнымъ, вліятельнымъ и храбрымъ.

Всѣхъ вообще черкесскихъ ордъ восемь: 1) Абаза, 2) Черкесъ, 3) Тукай, 5) Кабарда, 5) Базадукъ, 6) Шапсугъ, 7) Темиргой и 8) Угай. Изъ нихъ самая большая Абазинская. Кабарда и Угай, хотя и находятся въ сношеніи съ другими ордами, но живутъ смирно. Въ горахъ проходы тѣсные и лѣса большіе, а по склонамъ горъ, гдѣ живутъ черкесы, дороги ровныя и рѣки „не топкія, поелику въ нихъ обитаетъ камень".

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Суворовъ уловилъ общія и наиболѣе существенныя черты горскихъ племенъ, и проектированный планъ Кубанской кордонной линіи былъ принятъ и осуществленъ въ силу необходимости.

Осуществленіе суворовскаго плана пришлось не по сердцу горцамъ. Какъ только началось возведеніе укрѣпленій, черкесы стали усиленно нападать на пикеты и тревожить русскія войска. Хотя эти набѣги всегда почти оканчивались отраженіемъ или даже пораженіемъ черкесовъ, но это не оста-

навливало ихъ намѣреній. Такова была стычка горцевъ съ отрядомъ подполковника Фока, какъ сообщилъ объ томъ Суворовъ Румянцеву рапортомъ отъ 27 февраля. Одна партія горцевъ разбита была драгунами и казаками, а другая попавшая въ лѣсу на засаду русской пѣхоты, сильно пострадала отъ пѣхоты и спѣшившихся драгунъ.

Въ маѣ черкесы напали на крѣпость Троицкую и на Славянскій фельдшанецъ, но въ обоихъ случаяхъ они были отражены русскими войсками. Замѣтивши, что горцы снова начали собираться, русскіе сдѣлали засаду и разбили на голову партію ихъ около ста человѣкъ, при чемъ горцы оставили въ рукахъ русскихъ 19 человѣкъ убитыми и трехъ раненыхъ. Въ іюнѣ замѣчено было значительное скопище черкесъ въ пяти верстахъ по Кубани противъ лѣваго фельдшанца. Посланный туда со ста казаками и драгунами прапорщикъ Татаровъ скрылся въ кустарникѣ и, давши переправиться въ теченіе ночи до пяти сотъ горцевъ, напалъ на нихъ на другой день, подкрѣпленный ротою пѣхоты. Горцы не устояли и бросились вплавь въ Кубань, понесши пораженіе и оставивши въ рукахъ русскихъ пять человѣкъ изрубленныхъ гусарами, 11 убитыхъ лошадей, 45 живыхъ и нѣсколько ружей и луковъ съ стрѣлами.

Особенно жестокая расправа съ горцами была произведена отрядомъ полковника графа Соллогуба. Составленный изъ трехъ ротъ гренадерскаго полка и одной мушкатерскаго, двухъ эскадроновъ гусаръ Славянскаго полка и 550 донскихъ казаковъ, при трехъ пушкахъ, отрядъ этотъ переправился на лодкахъ при Благовѣщенской крѣпости и, сопровождаемый опытными проводниками—двумя братьями мурзами Джанъ Мамбетомъ и Килимбетомъ и кузнецомъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка Покотиловымъ, бѣжавшимъ изъ плѣна отъ черкесовъ, ночью 19 іюля внезапно обложилъ натухайскій аулъ Хапай. Атакованный съ четырехъ сторонъ и подожженный Хапай весь выгорѣлъ вмѣстѣ съ населеніемъ. Бывшіе вблизи аула на сѣнокосахъ черкесы убиты и изрублены, по приблизительному расчету въ количествѣ до 400 человѣкъ.

Между горцами поднялась тревога. Абазинцы и черкесы, скопившіеся до 5.000 человѣкъ, пытались при возвращеніи отряда отнять у него плѣнныхъ, взятыхъ въ Хапаѣ въ числѣ сорока душъ обоего пола. Произошло жаркое сраженіе. Плѣнники были перебиты солдатами и казаками, а горцы съ большимъ урономъ отражены. По предположеніямъ русскихъ въ этомъ сраженіи погибло до трехъ сотъ черкесовъ. Русскій же отрядъ во все время дѣйствій потерялъ 13 убитыми и 38 раненными.

Въ сентябрѣ того же года была оказана помощь Гаджи Гирею Султану, въ его борьбѣ съ Дулакъ Султаномъ. Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Гинцеля, двинулся, согласно указаніямъ Гаджи Гирея, къ Лабѣ, 17 сентября перешелъ черезъ Кубань въ бродъ выше Павловской крѣпости и скрывался въ теченіе ночи и слѣдующаго дня. Въ слѣдующую ночь отрядъ двинулся къ р. Лабѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть на разсвѣтѣ къ ауламъ, гдѣ жилъ противникъ Гаджи Гирея Дулакъ Султанъ; въ дѣйствительности же войска подошли въ 10 часовъ дня. Черкесы замѣтили русскихъ и приготовились дать отпоръ. Такой исходъ дѣла заставилъ полковника Гинцеля обратиться за разъясненіями къ Гаджи Гирею. Послѣдній сознался, что онъ ночью послалъ своихъ людей, чтобы они предупредили населеніе о готовящейся опасности, не желая подвергать свои аулы разгромленію.

Между тѣмъ количество черкесовъ росло. Сраженіе становилось неизбѣжнымъ, но когда полковникъ Гинцель обратился къ Гаджи-Гирею съ просьбою, чтобы онъ принялъ съ своими людьми въ немъ участіе, Гаджи Гирей рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ драться съ братьями, и самъ уѣхалъ отъ отряда и сталъ въ пяти верстахъ отъ него на высокомъ курганѣ для наблюденія за предстоявшимъ сраженіемъ. Тогда русскіе, не желая дальнѣйшаго усиленія противниковъ вновь прибывавшими всадниками, стремительно атаковали черкесовъ. Послѣдніе были опрокинуты и обратились въ бѣгство черезъ рѣку Лабу. Черкесы понесли при этомъ большой уронъ. Многіе изъ нихъ были убиты пушечными и ружейными выстрѣлами, а другіе вмѣстѣ съ лошадьми потонули въ Лабѣ. Въ этотъ моментъ Султанъ Гаджи Гирей просилъ болѣе не преслѣдовать бѣгущихъ, надѣясь, что, послѣ такого урока, аулы снова подчинятся ему, а самъ рѣшилъ вступить въ переговоры съ аулами.

Но въ то время показались новыя толпы черкесовъ. Явилась конница отъ ногайскихъ и темиргоевскихъ ордъ и самъ Дулакъ Султанъ съ двумя тысячами войска. Толпы противниковъ приблизились къ русскому отряду на орудійный выстрѣлъ и часть ихъ начала обходить отрядъ, чтобы отнять взятый скотъ. Полковникъ Гинцель попросилъ Гаджи Гирея оставить переговоры съ аулами, и, отдѣливши часть отряда съ двумя пушками, напривилъ его на встрѣчу черкесовъ съ порученіемъ не стрѣлять, пока непріятель не подойдетъ на ружейный выстрѣлъ. Встрѣченные ружейными и картечными выстрѣлами, черкесы пришли въ замѣшательство. Въ ту же пору бросились на непріятеля казаки и конница. Непріятель бѣжалъ вверхъ по Лабѣ. Разразившаяся буря съ сильнымъ

дождемъ и градомъ не позволила закончить сраженіе; но черкесы не пытались уже нападать на русскій отрядъ, начавшій обратный путь. По нѣкоторымъ предположеніямъ, черкесы потеряли въ одномъ только первомъ сраженіи около 300 убитыми. Взято было въ плѣнъ нѣсколько мурзъ, отбиты нѣкоторые русскіе плѣнники, и захвачена масса ружей, сабель, луковъ, колчановъ со стрѣлами, бубновъ и пр., а также около 500 головъ рогатаго скота и до 80 лошадей. Отрядъ при этомъ потерялъ только двухъ убитыми и трехъ тяжело раненными. Столь малый уронъ объяснялся, надо полагать, тѣмъ, что пушечные выстрѣлы не позволяли черкесамъ подступать близко къ русскому отряду. Послѣ Гаджи Гирей сообщилъ полковнику Гинцелю, что Дулакъ Султанъ изъявилъ готовность подчиниться Гаджи Гирею.

Пораженія не останавливали черкесовъ въ ихъ намѣреніяхъ. Въ свою очередь и черкесы дѣлали нападенія на русскихъ и одно изъ такихъ нападеній окончилось полнымъ пораженіемъ русскихъ. 23 сентября ночью значительная партія черкесовъ переправилась удачно незамѣченною черезъ Кубань возлѣ Архангельскаго фельдшанца. Лѣсистая мѣстность и густой туманъ благопріятствовали этому набѣгу. Когда туманъ началъ разсѣиваться, то находившійся въ фельдшанцѣ капитанъ Міоковичъ, распорядился, чтобы въ поле для пастьбы были выгнаты часть лошадей и воловъ. Лишь только скотъ отошелъ нѣсколько отъ фельдшанца, какъ скрывавшіеся въ ближайшемъ лѣсу черкесы бросились на скотъ и на фельдшанецъ. На встрѣчу имъ вышли за ворота фельдшанца или, какъ сказано въ документахъ, „передъ паланку“, гусары и пѣхота. Началась перестрѣлка. Такъ какъ черкесы стали угонять лошадей и воловъ, то капитанъ Міоковичъ, оставивши нѣсколько человѣкъ для защиты „паланки“ самъ съ одною частью гусаръ и пѣхоты рѣшилъ отбить скотъ, а другую часть съ поручикомъ Сабовымъ отправилъ къ броду, чтобы отрѣзать путь къ отступленію непріятеля. Имѣя численное превосходство, черкесы убили капитана и перебили солдатъ, а на поручика Сабова у брода бросилась въ то же время еще большая толпа и его съ солдатами постигла участь капитана. Перебивши и переранивши часть солдатъ, защищавшихъ фельдшанецъ, черкесы свободно переправились потомъ черезъ Кубань, угнавши скотъ и лошадей. Черкесы, конечно, торжествовали свою побѣду и въ исторіи прибавился фактъ, осложнившій дальнѣйшія отношенія между горцами и русскими.

Второй успѣхъ черкесовъ состоялъ въ нападеніи на Всесвятскій фельдшанецъ. Дѣло происходило такимъ образомъ. 24 октября въ 9 часу утра къ Всесвятскому фельдшанцу

подкралась, подъ прикрытіемъ тумана, двухтысячная толпа татаръ. Нападающіе разбились на двѣ части, изъ которыхъ одна часть окружила шанецъ, пытаясь взять его, причемъ тяжело раненъ былъ стрѣлою казакъ, а другая часть бросилась къ колодцамъ, куда въ то время было послано 24 человѣка вооруженныхъ солдатъ съ ефрейторомъ для охраны поившихся лошадей и взятія воды. Татары убили одного изъ солдатъ, а остальныхъ 24 человѣка взяли въ плѣнъ; захвачено также было 20 лошадей и 30 штукъ рогатаго скота. Замѣтивши неудачу нападавшихъ на фельдшанецъ, которымъ причиненъ былъ значительный уронъ пушечными и ружейными выстрѣлами изъ фельдшанца, татары направились съ плѣнными и отбитымъ скотомъ къ Кубани для обратной переправы на ту сторону ея. Подполковникъ Шеинъ, узнавшій о нападеніи татаръ на Всесвятскій фельдшанецъ, бросился въ погоню за татарами, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти къ Кубани, татары ушли. Въ нападающихъ солдаты и казаки узнали знакомыхъ татаръ, изъ которыхъ многіе кочевали возлѣ фельдшанца, какъ подвластные Россіи.

27 ноября полковникъ Штеричъ узналъ, что черкесы готовятся перейти Кубань и напасть на русскія укрѣпленія. Взявши въ свое личное командываніе часть пѣхоты, конницы и одну пушку, Штеричъ отправился вверхъ берегомъ по Кубани между Марьинскою крѣпостью и Архангельскимъ фельдшанцемъ. Въ одномъ изъ закрытыхъ лѣсныхъ мѣстъ онъ наткнулся на значительную толпу начавшихъ уже переправляться чрезъ Кубань черкесовъ. Русскіе немедленно открыли пальбу изъ пушки и ружей. Часть черкесовъ была перебита и потоплена, остальные отступили отъ Кубани и скрылись на томъ берегу ея. Въ русскомъ отрядѣ были ранены двѣ лошади и самъ командиръ отряда полковникъ Штеричъ въ шею.

3 декабря генералъ-маіоръ фонъ-Райзеръ сообщилъ Суворову, что къ бригадиру Макарову обратился таманскій каймаканъ съ просьбою пропустить въ Тамань для переговоровъ посланное отъ Батыръ Гирея лицо. Батыръ Гирей обращался къ брату своему крымскому хану Шагинъ Гирею съ предложеніемъ подчиниться его власти, но не получилъ отъ него отвѣта. Вслѣдствіе этого Батыръ Гирей рѣшилъ послать кого-либо къ таманскому каймакану для переговоровъ по этому вопросу. Генералъ Райзеръ далъ это разрѣшеніе и приказалъ бригадиру Макарову всячески способствовать этимъ переговорамъ.

Того же 3 декабря генералъ Райзеръ донесъ Суворову, что Галжи Гирей султанъ прислалъ ему два письма. Въ первомъ изъ нихъ онъ выражаетъ приверженность свою къ став-

леннику Россіи крымскому хану Шагинъ Гирею и въ доказательство препроводилъ генералу бѣглаго русскаго солдата и захваченную у русскихъ лошадь. Вторымъ письмомъ онъ просилъ генерала отпустить Ильмурзу, захваченнаго въ плѣнъ при сраженіи съ Дулакъ Султаномъ и возвратить захваченный при этомъ рогатый скотъ. Сообщая о проискахъ горцевъ противъ Шагинъ Гирея и объ уходѣ въ горы съ непріязненными цѣлями Дулакъ Султана, Шагинъ Гирей просилъ прислать ему для защиты русскія войска — двѣ тысячи конницы и двадцать тысячъ пѣхоты съ пятнадцатью пушками, поручивши ему и командованіе. Для привлеченія же противниковъ на свою сторону Шагинъ Гирей просилъ снабдить его также и деньгами. Иначе онъ окажется въ невозможномъ положеніи. Гаджи Гирей выразилъ желаніе поѣхать съ этою цѣлью или къ Крымскому хану или къ генералу Райзеру.

Узнавши объ этомъ, Суворовъ приказалъ генералу Райзеру отправить дружественныя письма султанамъ Гаджи Гирею, Казы и Арсланъ Гирею, съ подарками первому 500 р., а двумъ послѣднимъ по 300 р. и разными вещами, обнадеживши, что и впредь они не останутся безъ вознагражденія отъ русскаго правительства за ихъ приверженность.

Все это время турки не переставали волновать черкесовъ и въ началѣ 1778 года они отправили демонстративно многочисленный флотъ къ берегамъ Крыма, какъ бы желая тѣмъ показать татарамъ и горцамъ о своей готовности къ войнѣ съ Россіей. Суворовъ однако не допустилъ даже набрать прѣсной воды на полуостровѣ. Поэтому, Порта, не признававшая татарскимъ ханомъ ставленника Россіи Шагинъ Гирея, іюньскимъ трактатомъ 1779 года вынуждена была сдѣлать и эту уступку.

И не смотря на это, черкесы, подстрекаемые агентами Турціи, продолжали тревожить ногайскія орды и русскія войска на Кубани. Особенно враждебно отнеслись они къ построеннымъ, по распоряженію Суворова, крѣпостямъ, редутамъ и укрѣпленіямъ по правому берегу Кубани. Такъ какъ, послѣ заключенія послѣдняго договора съ Турціей, большая часть Кубанскаго корпуса была передвинута внутрь Россіи — въ Донскую область и Бахмутскую провинцію, и сторожить Кубанскую линію и границы земли войска Донского по Кагальнику остались одни казаки и, при томъ, въ уменьшенномъ количествѣ — три полка по Кубани и два по Манычу и Кагальнику, то еще 30 мая 1779 г. ногайскій приставъ подполковникъ Лешкевичъ доносилъ Донскому атаману, что черкесы намѣреваются произвести нападеніе на русскія вой-

ска и ногайскіе аулы. На слѣдующій день 31 мая онъ сообщилъ, что черкесы перешли Кубань и остановились лагеремъ въ верховьяхъ р. Керпилей и что Ейское укрѣпленіе, гдѣ онъ пребывалъ, находится въ опасномъ положеніи, такъ какъ лишено защиты.

Черкесы составили планъ двойного нападенія на русскія владѣнія. Кабардинцы должны были тревожить моздокскій корпусъ русскихъ войскъ, отвлекая военныя силы въ предѣлахъ нынѣшней Терской области, а закубанскіе черкесы произвести нападеніе на ногайскія орды. Предводитель черкесовъ Дулакъ-султанъ въ концѣ мая перешелъ Кубань, взялъ въ плѣнъ татарскую заставу и послалъ сераскиру Касаевской орды Аслямъ-Гирею приглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи противъ русскихъ. Хотя касаевскіе татары и отвергли это предложеніе подъ предлогомъ мести со стороны русскихъ, но самъ Аслямъ-Гирей обѣщался соединиться съ черкесами въ случаѣ успѣха у черкесовъ. 30 мая черкесы угнали табунъ казачьихъ лошадей, пасшихся близъ Алексѣевскаго фельдшанца, разбили казаковъ подъ командой есаула Михѣева, убивши 18 казаковъ, и ворвались въ самое укрѣпленіе, изрубивши двухъ казаковъ и нѣсколько жителей. Одновременное нападеніе черкесовъ подъ предводительствомъ Дулакъ-Султана на Ставрополь было отражено съ большимъ урономъ у черкесовъ 180 казаками Донского Кутейникова полка.

Отсюда Дулакъ-Султанъ направился на касаевскіе аулы въ вершину р. Егорлыка, умертвилъ трехъ мурзъ, захватилъ много татаръ въ плѣнъ и двинулся вверхъ по Еи на ногайскіе аулы Джамбулукской орды. Джамбулукскіе ногаи успѣли однако собрать до 2000 войска и нанесли столь сильное пораженіе черкесамъ при р. Еѣ, что Дулакъ-Султанъ принужденъ былъ бѣжать за Кубань. Въ то же время касаевскіе татары, прогнавши своего сераскира Аслямъ-Гирея, соединились съ татарами Наврузовской орды и загородили дорогу на Кубань бѣжавшимъ черкесамъ съ Дулакъ-Султаномъ. Здѣсь они напали на черкесовъ съ двухъ сторонъ, разбили ихъ на голову и отняли все награбленное ими имущество. Самъ Дулакъ-Султанъ едва избѣжалъ плѣна и спасся бѣгствомъ въ горы.

Кабардинцы также были разбиты въ трехъ кровопролитныхъ сраженіяхъ при р.р. Малкѣ и Подкумкѣ и за Малкой русскими войсками подъ командой генерала Фабриціана. «Однихъ горскихъ князей, говорится въ донесеніи о послѣдней битвѣ 29 сентябри за Малкою, побито здѣсь до 50, а черни, до нѣсколькихъ сотъ». Но русскіе не ограничились этимъ, а двинулись въ Кабарду. Тогда кабардинцы стали

просить пощады, прясягнули Россіи и дали знатныхъ аманатовъ въ обезпеченіе мира.

Прошло два мѣсяца, и черкесы снова напали на ногайскіе аулы, кочевавшіе по рѣкамъ Бейсугу, Ясени и Еѣ, захватили купеческія татарскія фуры съ товаромъ и забрали въ плѣнъ много людей и скота. Черкесами снова предводительствовалъ Дулакъ Султанъ; съ нимъ былъ и изгнанный татарами Аслямъ-Гирей, прекрасно знавшій беззащитныя мѣста и слабые пункты у татаръ. Тогда вооружились поголовно всѣ татары и подъ начальствомъ мурзы Мамбета Мурзабекова встрѣтились съ черкескими полчищами близь Ейскаго укрѣпленія. Произошлое упорное и кровопролитное сраженіе Черкесы были разбиты ногайцами и прогнаны за Кубань. Съ обѣихъ сторонъ пало много людей.

Но черкесы не успокоились. Какъ только настала весна слѣдующаго года, они собрались въ значительномъ количествѣ, подъ предводительствомъ Дулакъ Султана, Аслямъ-Гирея, Кизилъ бека и Дугузея, и двинулись противъ ногайцевъ. На этотъ разъ черкесы разбились на отдѣльные отряды. Передовой отрядъ подъ начальствомъ Дугузея напалъ на аулы Джамбулукской орды, разгромилъ татаръ, овладѣлъ большимъ транспортомъ съ воинскими принадлежностями, принаддежавшими подрядчику донскому есаулу Шапошникову, и проникъ до самаго Ейскаго укрѣпленія. Однако здѣсь 28 марта напали на черкесъ въ свою очередь татары и поразили ихъ настолько рѣшительно, что немногіе успѣли спастись бѣгствомъ за Кубань, а самъ Догузей былъ убитъ на мѣстѣ битвы. Все, что было въ рукахъ черкесовъ, захватили татары и раздѣлили между собою. Удачнѣе дѣйствовали Дулакъ султанъ и Кизилъ-бекъ, ограбившіе нѣсколько ауловъ Кацшатской орды и угнавшіе до полуторы тысячи татарскихъ лошадей. Отрядъ Аслямъ-Гирея, двинувшійся къ Ставрополю, былъ разбитъ донскими казаками и самъ Аслямъ-Гирей былъ взятъ въ плѣнъ.

Въ январѣ 1779 года татары Касаевской орды обратились съ просьбою къ Крымскому хану Шагинъ Гирею о принятіи ихъ подъ свое покровительство и защиту отъ черкесовъ и русскихъ. Согласно предварительному разрѣшенію хана, они просили назначить имъ сераскиромъ брата хана Арсланъ Гирея. Вмѣстѣ съ писаннымъ прошеніемъ по этому поводу, касаевцы послали особаго уполномоченнаго Али Мурзу, которому поручено было на словахъ дополнить просьбу въ случаѣ какого либо недоразумѣнія. Касаевцы кочевали по р. Ташлѣ. Ярлыкомъ отъ 21 февраля 1779 года Крымскій ханъ выразилъ свое согласіе на принятіе касаевцевъ подъ

свое покровительство и назначеніе имъ сераскиромъ Арсланъ Гирея. Такимъ образомъ, касаевскіе татары, подчинившись Крымскому хану, тѣмъ самымъ поступили въ ряды народностей, подвластныхъ Россіи.

Въ началѣ 1779 года на Кубани было спокойно. Генералъ Райзеръ доносилъ графу Румянцеву отъ 16 февраля, что союзные татары „обитали въ тишинѣ" и даже „закубанскіе черкесы стали нѣсколько спокойнѣе", страшась русскаго оружія. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года полковникъ Штеричъ прислалъ Райзеру армянина Семена Аврамова, которому Султанъ Шагинъ Гирей и мурзы Бей хазы, Шеретлукъ и Девлетъ, принадлежавшіе къ Атукайскому поколѣнію, поручили заявить ихъ желаніе жить въ мирѣ съ русскими и повиноваться Крымскому хану, обѣщая подтвердить это присягою. Русскія власти всячески старались содѣйствовать черкесамъ въ этомъ отношеніи.

Въ томъ же рапортѣ генералъ Райзеръ сообщилъ графу Румянцеву, что сераскиръ Арсланъ Гирей возвратился изъ Крыма, проѣхалъ подъ именемъ находившагося при немъ Аги черезъ Благовѣщенскую крѣпость, не давши о себѣ никакого извѣстія, и сталъ въ не указанномъ ему ханомъ мѣстѣ на Кара Кубани вблизи русскаго поста. Отсюда Арсланъ Гирей послалъ Крымскому хану рядъ доносовъ на доброжелательныхъ Россіи татаръ и въ томъ числѣ на Джанъ-Мамбета мурзу. Послѣдній сообщилъ Райзеру, что Арсланъ Гирей послалъ двухъ человѣкъ—одного къ Батыръ Гирею, а другого въ Темиргой съ предложеніемъ соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Россіи. Генералъ Райзеръ считалъ необходимымъ удалить Арсланъ Гирея къ Азову въ случаѣ, если подтвердятся указанія Джанъ-Мамбета мурзы. Пока Арсланъ Гирей находился въ Крыму, „здѣшніе народы, говоритъ Райзеръ, „въ преизобильномъ удовольствіи и тишинѣ находилися". Съ появленіемъ же сераскира начались волненія и самъ онъ привезъ съ собою Агу изъ персіанъ, человѣка очень сомнительнаго и уличеннаго уже разъ въ намѣреніи организовать вооруженное нападеніе на русскихъ, за что самъ Крымскій ханъ Шагинъ Гирей приказалъ посадить его, Агу, въ крѣпкую тюрьму.

Въ заключеніе генералъ Райзеръ донесъ о продѣлкахъ Батыръ Гирея, жившаго между абазинцами. Прежде выраженное желаніе Батыръ Гирея находиться въ подчиненіи Крымскаго хана и въ мирѣ съ русскими оказалось обманомъ. Какъ только покрылась льдомъ Кубань, черкесы начали производить мелкими шайками набѣги. Напрасно полковникъ Гамбомъ просилъ Батыръ Гирея унять черкесовъ. Султанъ

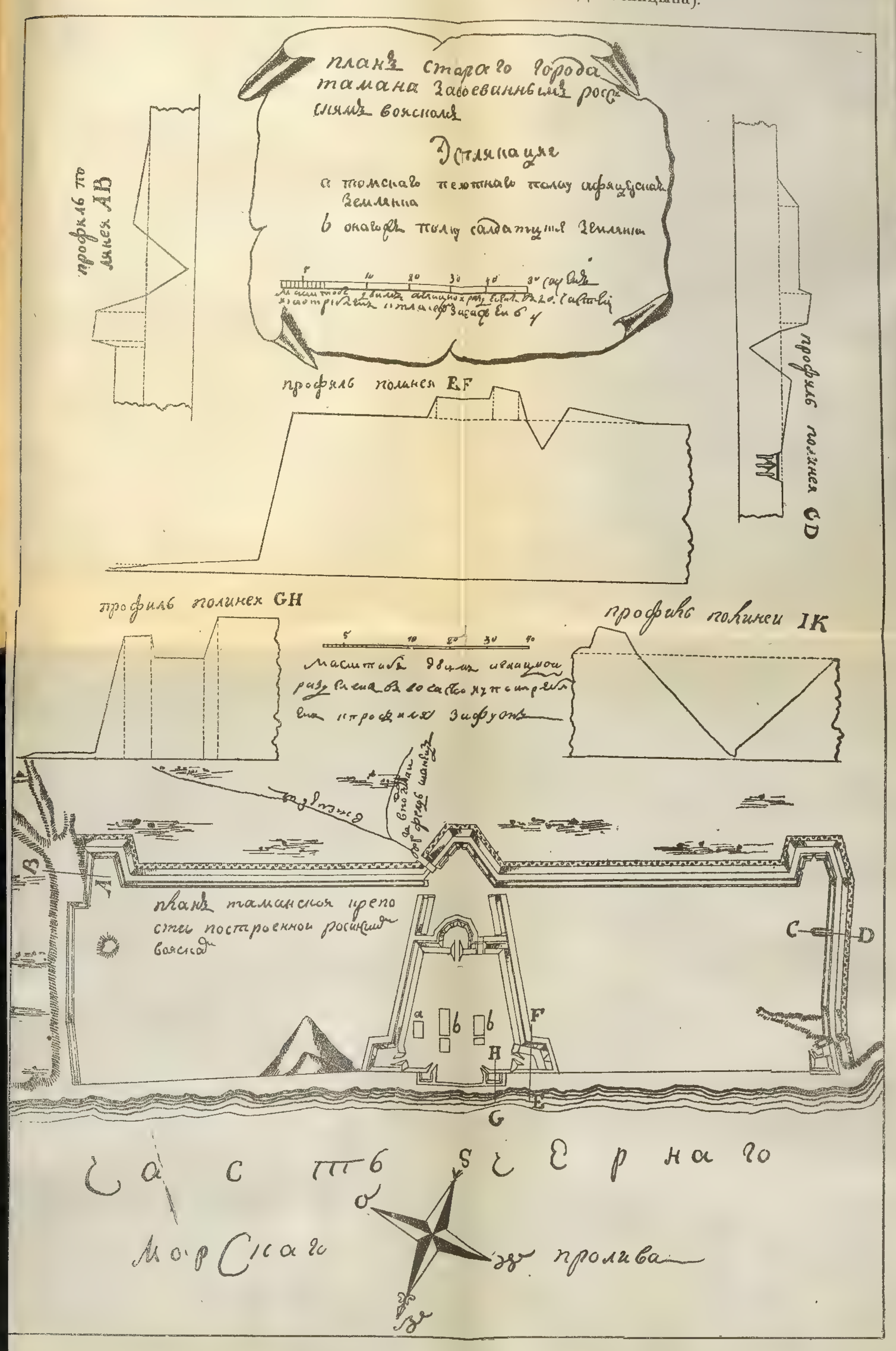
не принималъ никакихъ мѣръ. Мало того. Черезъ бѣжавшихъ изъ черкескаго плѣна русскаго солдата и грузина обнаружено было, что Батыръ Гирей собиралъ черкесовъ, чтобы напасть на Новотроицкую крѣпость. Генералъ Райзеръ принялъ съ своей стороны предупредительныя мѣры. 10-го же февраля, по сообщенію полковника Штерича, въ предѣлахъ Архангельскаго фельдшанца черкесы пробовали переходить Кубань, но не имѣли удачи, такъ какъ были своевременно отражены русскими войсками съ значительнымъ урономъ.

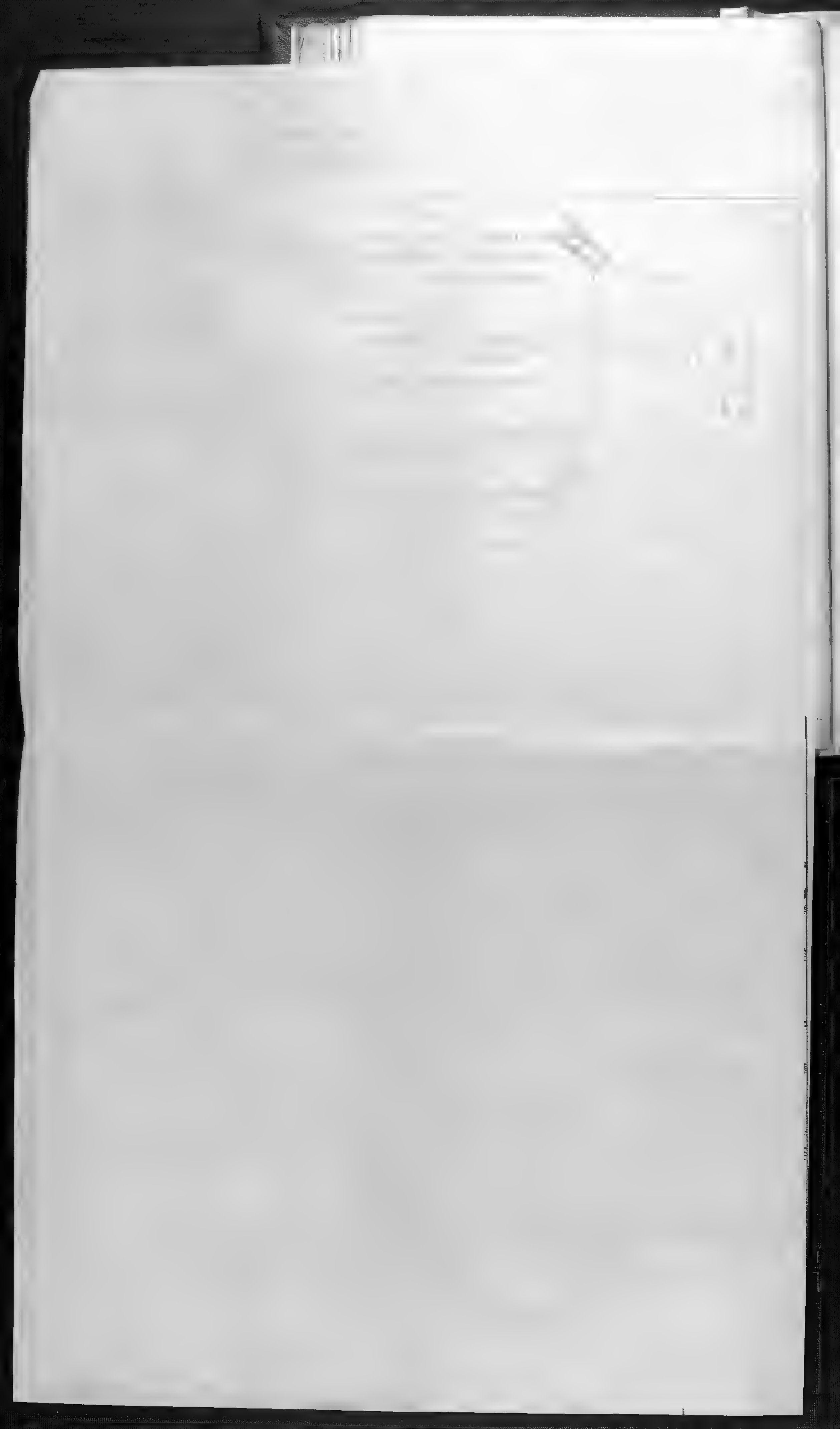
Съ своей стороны Суворовъ нашелъ необходимымъ разослать закубанскимъ народамъ письма съ приглашеніемъ жить въ миролюбіи, о чемъ онъ донесъ графу Румянцеву 17 марта. «Всѣхъ закубанскихъ племенъ черкескихъ и абазинскихъ беямъ, писалъ Суворовъ, узденямъ и всѣмъ вообще надежнымъ пріятелямъ моимъ черезъ сіе объявляю: получаю я извѣстіе, что изъ вашихъ народовъ многіе хищники, скопляясь большими шайками, переправляются воровски черезъ Кубань и какъ пріятелей нашихъ ногайскихъ ордъ скотъ, имѣніе и людей, такъ и россійскихъ лошадей воруютъ, и нападая на наши караулы, оказываютъ часто свое злодѣйство». Это побудило его, Суворова, обратиться съ увѣщательными письмами. Необходимо подчиниться Крымскому хану и жить съ ногайцами и русскими въ дружбѣ. Если же черкесы не прекратятъ своихъ набѣговъ, то Суворовъ грозилъ «переправить черезъ рѣку Кубань войска и наказать огнемъ и мечемъ». Тогда, заключаетъ свое письмо Суворовъ, «вы сами на себя пенять должны будете». Разумѣется, на черкесовъ мало подѣйствовали эти увѣщательныя письма. Но замѣчательно, что величайшій у русскихъ и вообще во всемъ мірѣ полководецъ меньше всего желалъ прибѣгать къ оружію и проливать кровь. Во всей дѣятельности А. В. Суворова на Кубани ярко проглядываетъ эта симпатичная черта.

1779 годъ прошелъ однако безъ особыхъ столкновеній между русскими и черкесами. Этому способствовало впрочемъ спокойное состояніе дѣлъ въ международной политикѣ. Носились слухи что между русскими и турками не предполагалось войны. Французскій посолъ въ Константинополѣ, совѣтывалъ туркамъ поддерживать миръ. То же говорили цезарцы и прусаки. Турецкій султанъ явно ухаживалъ за русскимъ посланникомъ и посылалъ ему кушанья, что считалось у турокъ особымъ знакомъ вниманія. Одновременно посылались изъ Турціи и на Кавказъ приказанія жить въ мирѣ съ русскими. Тѣмъ не менѣе это мирное теченіе жизни на Кубани не обошлось безъ маленькихъ шероховатостей.

Планъ крѣпости Тамани, построенной въ 1778 году А. В. Суворовымъ.

(«Суворовъ на Кубани въ 1778–1779 г.» Е. Д. Фелицына).





Рапортомъ отъ 2 апрѣля 1779 года полковникъ Штеринъ донесъ генералу Рейзеру, что черкесы взяли въ плѣнъ возлѣ укрѣпленія Архангельскаго четырехъ гусаръ, которые поѣхали за дровами не въ указанное мѣсто, гдѣ находилась охрана, а въ лѣсъ, наполненный засѣвшими черкесами. При тогдашнемъ состояніи края, русскихъ войскъ все таки было мало, чтобы можно было избѣжать подобныхъ случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, по росписанію на май 1779 года всѣ войска были расположены по отдѣльнымъ районамъ и укрѣпленіямъ слѣдующимъ образомъ:

1. Курскій пѣхотный полкъ находился на Таманскомъ островѣ. Хотя на этомъ островѣ и было два очень важныхъ укрѣпленія—Тамань и Темрюкъ, но въ нихъ, благодаря отдаленности и изолированности отъ черкесскихъ границъ, можно было ограничиться содержаніемъ однихъ карауловъ. Больше значенія имѣлъ Солнечный фельдшанецъ въ устьѣ Кубани, какъ мѣсто „перелазовъ", почему сюда требовалось и большее количество войска для огражденія границы отъ черкесовъ. На Таманскій постъ назначено было три пушки артиллеріи и пятьдесятъ казаковъ Кубанскаго казачьяго полка для содержанія почтъ и нужнѣйшихъ пикетовъ. Командующимъ здѣсь былъ бригадиръ Макаровъ.

2. Тамбовскій пѣхотный полкъ былъ расположенъ между Духовымъ и Сарскимъ фельдшанцами, обслуживая находившіеся между ними Екатерининскую крѣпость, Спасскій фельдшанецъ, Новотроицкую крѣпость и Славянскій фельдшанецъ. Гренадерскія роты этого полка и батальонъ Астраханскаго драгунскаго полка предназначались для разъѣздовъ на случай усиленія дѣйствующихъ частей. Для почтовыхъ нуждъ и пикетовъ находился здѣсь Донской казачій Кульбакова полкъ; къ артиллеріи Тамбовскаго полка и Астраханскаго драгунскаго батальона добавлены были двѣ пушки и общее начальствованіе надъ двумя полками и батальономъ съ артиллеріею поручено было полковнику Гамбому. Во второй районъ входили, слѣдовательно, мѣста по линіи отъ Темрюка къ Копылу.

3. Благовѣщенская (при Копылѣ) крѣпость служила центромъ слѣдующаго третьяго района охраны. Сюда входили Правый и Лѣвый фельдшанцы, Каракубанскій, Керпильскій и Бейсугскій редуты, Римскій и Ангелинскій фельдшанцы, т. е. главнымъ образомъ укрѣпленія внутреннія. Здѣсь расположены были Низовскій пѣхотный полкъ, Донской казачій Денисова полкъ, батальонъ Астраханскаго драгунскаго полка и батальонъ Бѣлозерскаго мушкатерскаго полка, съ двумя добавочными къ имѣвшимся по частямъ пушками. Охрана Каракубанскаго, Керпильскаго и Бейсугскаго реду-

товъ, какъ внутреннихъ укрѣпленій, ограничивалась содержаніемъ карауловъ; Римскій и Ангелинскій фельдшанцы охранялись гарнизонами батальона Бѣлозерскаго полка, который назначался вмѣстѣ съ тѣмъ для прикрытія артиллерійскаго парка; центръ же тяжести составляли Благовѣщенская крѣпость, Правый и Лѣвый фельдшанцы. Главнымъ начальникомъ былъ полковникъ фонъ-Галль.

4. Особенно усиленно охранялась Марьинская крѣпость, лежавшая выше по Кубани. Здѣсь подъ командою полковника Юзбаши находились гренадерскія роты Бѣлозерскаго и Нижегородскаго полковъ, составлявшія главный резервъ, затѣмъ гусарскій Волынскій полкъ, Донской казачій Грекова полкъ, и на усиленіе обозной при частяхъ артиллеріи назначено было шесть орудій главной полевой артиллеріи.

5. Еще выше по Кубани, для охраны границы въ предѣлахъ Архангельскаго, Новаго и Гавриловскаго фельдшанцевъ, расположены были одинъ батальонъ Бѣлозерскаго мушкатерскаго полка, Иллирійскій гусарскій полкъ, двѣ гренадерскія роты Алексѣевскаго полка и Донской казачій Яновскаго полкъ. Кромѣ обычнаго состава артиллеріи, два орудія назначены были для защиты главнаго пикета, находившагося при бродѣ черезъ Кубань между Архангельскимъ и Гавриловскимъ фельдшанцами, и два орудія для резервовъ. Резервныя роты съ этими добавочными орудіями предназначались для „безпрестаннаго движенія“ между Александровскою и Маріинскою крѣпостями.

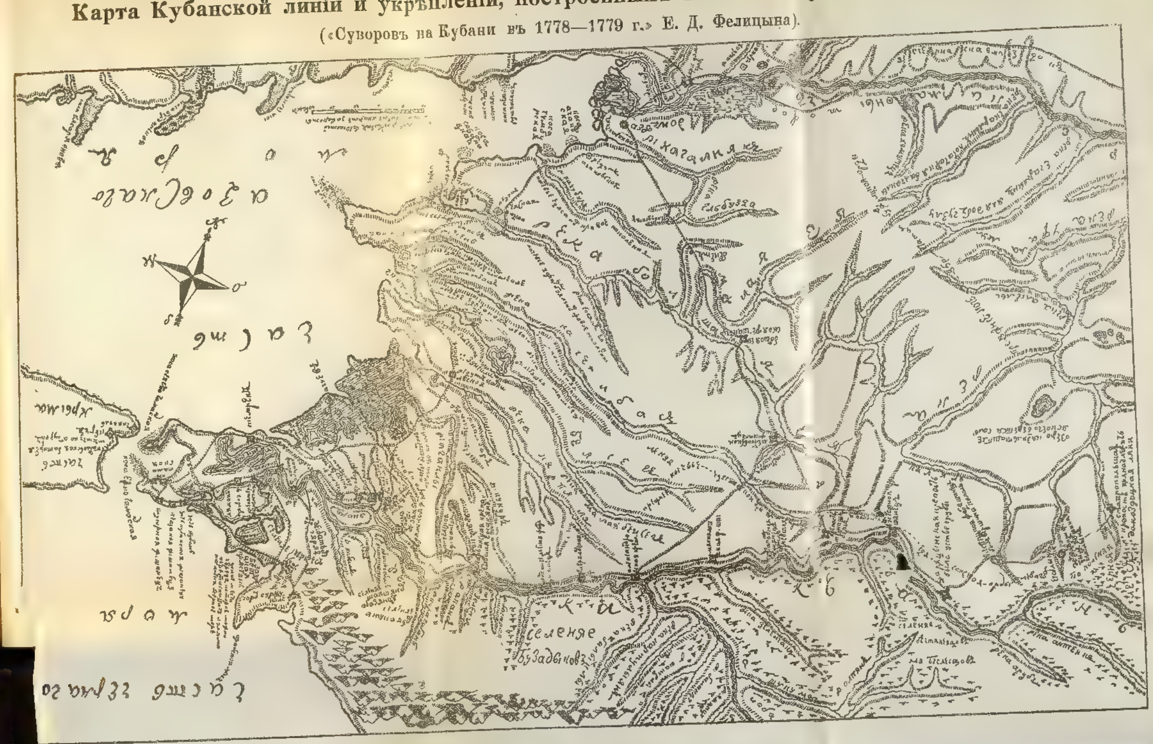
6. Алексѣевскій пѣхотный полкъ занималъ Александровскую крѣпость, Михайловскій и Западный фельдшанцы и предназначался для движеній между Александровскою и Павловскою крѣпостями подъ командою полковника фонъ-Ейгеля.

7. „Нижегородскаго пѣхотнаго полка батальонъ мушкатеровъ занимаетъ Павловскую крѣпость и восточный фельдшанецъ“, сюда же отнесены „три эскадрона гусарскаго Украинскаго полка съ двумя полковыми единорогами и двумя орудіями главной полевой артиллеріи“. Затѣмъ батальонъ Нижегородскаго полка, съ двумя единорогами, двумя орудіями и съ тремя эскадронами Украинскаго гусарскаго полка предназначены были для закрытія Царицынской крѣпости, Всесвятскаго и Державнаго фельдшанцевъ. Наконецъ, для содержанія почтъ и пикетовъ какъ по Азовской дорогѣ, такъ и черезъ Павловскую крѣпость до Ставрополя назначенъ Донской казачій Барабанщикова полкъ.

Располагая такимъ образомъ войска, Суворовъ не назначилъ опредѣленныхъ пунктовъ для корпусной и полковыхъ квартиръ. „Полковыя квартиры“, по распоряженію Суворова, должны быть въ лагеряхъ, а корпусная квартира тамъ, гдѣ

Карта Кубанской линіи и укрѣпленій, построенныхъ въ 1778 году А. В. Суворовымъ.

(«Суворовъ на Кубани въ 1778—1779 г.» Е. Д. Фелицына).



будетъ находиться Суворовъ по требованію обстоятельствъ. Всѣ же начальники, особенно казачьи, должны находиться „въ нужнѣйшихъ мѣстахъ" и зорко слѣдить какъ за непріятелемъ, такъ и за сторожевыми частями русскихъ войскъ. Въ этомъ заключалась гарантія „отъ воровскихъ шаекъ закубанскихъ разбойниковъ".

Такимъ образомъ, при Суворовѣ русскія укрѣпленія на Кубани представляли довольно разбросанную, но тѣсно связанную сѣть пунктовъ, устроенныхъ главнымъ образомъ на мѣстахъ наиболѣе удобныхъ для переправъ черкесъ черезъ Кубань. Главное вниманіе было обращено на Таманскій полуостровъ, защита средней и верхней частей Кубани была болѣе слаба и система укрѣпленій здѣсь должна была развиться еще впослѣдствіи. Вообще же назначеніе русскихъ войскъ сводилось исключительно къ пограничной службѣ. Суворовъ, какъ лучшій авторитетъ и спеціалистъ въ военномъ дѣлѣ, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы, путемъ правильно организованной пограничной службы, предотвратить по возможности кровопролитныя столкновенія русскихъ съ черкесами. Къ черкесамъ этотъ знаменитый полководецъ относился предупредительно и дружелюбно, русскія войска щалилъ, и всѣ его распоряженія сводились къ обезпеченію мира между различными народностями, а не вражды и соединенныхъ съ нею военныхъ дѣйствій. Не войну, а мирное теченіе жизни ставилъ на первый планъ этотъ замѣчательный человѣкъ.

Въ 1781 году началось движеніе въ средѣ татаръ. Татары были недовольны ставленниками хана и жаловались на непосильное обложеніе налогами. Такъ какъ, съ одной стороны, татары не оставляли при этомъ своего намѣренія завладѣть Маныческою степью, а съ другой, волненія татаръ сопровождались сборищами и передвиженіями массами, то русское правительство приняло предупредительныя мѣры, показывавшія готовность войскъ къ борьбѣ. Самъ крымскій ханъ Шагинъ-Гирей просилъ о примѣрномъ наказаніи его подданныхъ. Въ сущности же за этими кажущимися возмущеніями ногайцевъ крылись справедливыя требованія. Налоги были велики, правители безцеремонно обирали массу, а стѣсненія экономическаго характера и близкое сосѣдство горцевъ, не перестававшихъ враждебно относиться къ нѣкоторымъ ногайскимъ ордамъ, естественно толкали ихъ къ переходу на Манычскія степи—подальше отъ черкесъ и въ болѣе благопріятныя пастбищныя условія.

Когда сами мятежные татары передали предводительство Джауму-Аджи, одному изъ вліятельнѣйшихъ мурзъ, лишивши этой власти руководившаго ихъ дѣйствіями мурзу Аму-

ратъ-Султана, то естественно возгорѣлась вражда между этими двумя соперниками. Амуратъ-Султанъ открыто грозилъ убить Джаума-Аджи. Оба имѣли своихъ сторонниковъ. Джаумъ-Аджи, желая передвинуть татаръ ближе къ Кубани, велѣлъ перекочевать имъ съ р. Бейсуга на р. Керпили. Здѣсь онъ собралъ совѣтъ и предложилъ на его разрѣшеніе вопросъ о томъ, остаться ли татарамъ на мѣстѣ и грудью отстаивать свою независимость отъ русскихъ войскъ и хана Шагинъ-Гирея, или же перейти Кубань и предаться черкесамъ. Такая постановка вопроса заставила часть татаръ уйти въ другія мѣста и подъ прикрытіе русскихъ войскъ. Когда затѣмъ Джаумъ-Аджи распорядился, чтобы оставшіеся съ нимъ татары двинулись къ вершинѣ р. Керпили, въ урочище Качалтасъ, отстоявшее всего въ 20 верстахъ отъ Кубани,— татары разбились на двѣ части, изъ которыхъ одна не захотѣла исполнить это распоряженіе. Произошла рѣзня. Не подчинившіеся распоряженію Джаума-Аджи татары направились въ прежнюю сторону къ устьямъ р. Керпили; здѣсь они соединились съ раньше ушедшими татарами и рѣшили соеди ненными силами напасть на своихъ противниковъ, занявшихъ урочище Качалтасъ. 20 августа произошло новое сраженіе между противниками, не приведшее однако къ какому-либо опредѣленному рѣшенію или соглашенію. Джаумъ-Аджи, потерявшій въ этомъ сраженіи старшаго сына, оставивши на Кирпиляхъ заготовленный хлѣбъ и сѣно, перешелъ съ единомышленниками на лѣвую сторону Кубани.

Чтобы прекратить распри между татарами и воспрепятствовать части ихъ переходу къ черкесамъ, по распоряженію князя Потемкина была произведена военная демонстрація: одна часть русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Пиля двинулась отъ Азова, перешла р. Ею и направилась къ р. Керпилямъ, а другая подъ командою генералъ-маіора Фабриціана вышла изъ Ставрополя на встрѣчу. Такъ какъ войскамъ не приказано было пускать въ ходъ оружіе, то встревоженные татары скоро успокоились. Джаумъ-Аджи снова собралъ совѣтъ за Кубанью. Поддерживая свое прежнее предложеніе, онъ совѣтывалъ принять пока выжидательное положеніе. Часть татаръ настаивала на сліяніи съ горцами; едишкульскій мурза Муса предложилъ двинуться къ Суджуку-кале, сѣсть здѣсь на турецкія суда и переѣхать на прежнее жилище въ Бессарабію. Въ половинѣ октября 1781 года, послѣ одного изъ сраженій татаръ съ сторонниками Россіи Безакъ-агою, Шура-мурзою и Топайагою, около 1000 семействъ Едисанской орды и половина орды Буджакской привели въ исполненіе планъ Мусы, отправились въ Суджукъ-кале, откуда и перевезены были тур-

ками въ Бессарабію. Остальные татары по прежнему остались на лѣвой сторонѣ Кубани въ устьяхъ Лабы.

Около этого времени перемѣнилъ политику и крымскій ханъ Шагинъ-Гирей. Онъ устранилъ отъ власти каймакана Османа-Агу, чего собственно и добивались татары, назначилъ на это мѣсто Али-Агу, человѣка болѣе добросовѣстнаго и доброжелательнаго и простилъ всѣхъ бунтовавшихъ противъ него татаръ. Татары на время успокоились, хотя въ ту же пору постигла ихъ новая бѣда,—эпидемія на людяхъ, дороговизна хлѣба и недостатокъ кормовъ для скота. Часть населенія вымерла, масса скота пала.

Въ такихъ исключительныхъ условіяхъ часть татаръ снова пыталась пробраться на Манычскую степь. Тавъ-Султанъ съ девяти-тысячнымъ ауломъ просилъ позволенія перейти на Манычъ, подъ предлогомъ отдѣленія отъ мятежниковъ. Въ дѣйствительности же татаръ гнала сюда необычайно суровая зима, отсутствіе кормовъ и гибель скота. Атаманъ Донского войска Иловайскій всячески противился переходу татаръ на Манычскія степи, въ которыхъ нуждались и казаки, терпѣвшіе также отъ суровой зимы и недостатка кормовъ; но вынужденъ былъ разрѣшить татарамъ кочевать по рѣчкамъ Кагальнику и Егорлыкамъ, не приближаясь ближе 20 верстъ къ р. Манычу. Когда же 12 джамбулукскихъ татаръ напали на казака и изранили его, то Султанъ Шагинъ-Гирей въ угоду донцамъ приказалъ согнать бѣдствовавшихъ татаръ съ Манычской степи. Но ногайцы не слушались ни атамана ни хана, да и не могли слушаться, такъ какъ гибли отъ стужи и голода. Посланнымъ противъ нихъ казакамъ они говорили: «вы видите, что мы сами по нынѣшней зимѣ пропадаемъ, да и скотъ нашъ гибнетъ... Что хотите дѣлайте съ нами, хоть рѣжьте насъ, только не дайте нашему скоту по напрасну гибнуть отъ безкормицы».

Въ 1782 году возмущенія татаръ противъ хана Шагинъ-Гирея приняли крутой оборотъ. Противъ него возстали родные его братья—Батыръ-Гирей, назначенный ханомъ въ сераскири кубанскихъ ордъ, и Арсланъ-Гирей. Сторонникъ братьевъ также родственникъ хана и приближенное къ нему лицо, Мехметъ-Гирей, напалъ на ханскій дворецъ, изъ котораго Шагинъ-Гирей успѣлъ бѣжать въ Керчь, и завладѣлъ ханскою столицей—Бахчисараемъ. Ханскій престолъ занялъ Батыръ-Гирей, назначившій брата своего Арсланъ-Гирея сераскиромъ. Потемкинъ поручилъ Суворову усмирить татаръ и возвратить престолъ русскому ставленнику—Шагинъ-Гирею. Суворовъ быстрыми движеніями заставилъ татаръ покориться Шагинъ-Гирею, а его братьевъ и Мехметъ-Гирея захватилъ въ

плѣнъ. Ханъ простилъ братьевъ, а Мехметъ-Гирея приказалъ побить на площади камнями.

Въ 1783 году,—послѣ того какъ бывшіе за Кубанью татары съ своими вожаками, едисанскими мурзами Джаумъ-Аджи, Катарсою и Арсланомъ и едишкульскимъ мурзою Мусою-Таламбетовымъ направились въ количествѣ 4000 семействъ въ Сухумъ-Кале и отсюда переправились на турецкихъ суднахъ въ Бессарабію,—Потемкинъ убѣдилъ Шагинъ-Гирея отказаться отъ престола въ пользу Россіи. Приведеніе въ подданство татаръ Россіи поручено было Суворову. Первымъ распоряженіемъ этого замѣчательнаго человѣка было приказаніе атаману Донского войска Иловайскому, все время упорно стремившемуся громить татаръ и побуждавшему къ тому же и казаковъ, остановить поголовное ополченіе казаковъ, собранное противъ татаръ. «Покореніе ногайцевъ, писалъ Суворовъ Иловайскому, можетъ быть, обойдется безъ всякаго кровопролитія». Собравши свои войска около Ейскаго укрѣпленія, Суворовъ пригласилъ сюда же татарскихъ мурзъ, обласкалъ ихъ, называя „старинными пріятелями", угостилъ сытнымъ обѣдомъ и водкою; солдатамъ онъ также приказалъ обходиться съ ногайцами возможно деликатнѣе и радушнѣе. Татары выказывали явное расположеніе къ русскимъ. Въ то же время, въ видахъ предосторожности, Суворовъ распорядился занять отдѣльными частями своего корпуса важнѣйшіе татарскіе пункты, особенно города Копылъ и Курки. 28 іюня, въ день восшествія Екатерины II на престолъ, Суворовъ собралъ татаръ для присяги русской царицѣ, обставивши особою торжественностью этотъ актъ. Суворовъ задалъ по этому случаю пиръ татарамъ на славу. На ровномъ мѣстѣ татары были размѣщены небольшими группами и разсажены по старшинству, какъ это велось по ихъ обычаямъ. Сто зарѣзанныхъ быковъ, 800 овецъ и 500 ведеръ водки произвели свое дѣйствіе. Татары пили за здоровье Императрицы, кричали: „ура!" и „Алла!", скакали на лошадяхъ, смѣшавшись съ казаками и русскими. Два дня продолжался пиръ, на третій утромъ 30 іюня ногайцы разъѣхались по степямъ, считая себя „друзьями" русскихъ. Вмѣстѣ съ ними Суворовъ послалъ въ степи офицеровъ, которые, подъ живымъ впечатлѣніемъ торжества въ Суворовскомъ лагерѣ, привели къ присягѣ всѣхъ татаръ на мѣстахъ. Чтобы закрѣпить окончательно за собою татаръ, русское правительство пустило въ ходъ обычный пріемъ, вербуя сторонниковъ въ высшемъ классѣ татаръ между мурзами и вліятельными ногаями. Многимъ изъ нихъ даны были мѣста въ русской службѣ, одни произведены были въ штабъ-офицерскіе, а другіе въ оберъ-офицерскіе чины. Хану Шагинъ-Гирею была назначена пенсія

по 200.000 р. въ годъ. Край сразу былъ умиротворенъ. Въ декабрѣ 1783 года была закончена конвенція съ Турціей, въ силу которой Турція отказалась отъ притязаній на Крымъ и Тамань, и границею между обѣими державами была назначена р. Кубань.

Татары, однако, привыкшіе къ самостоятельности и всю жизнь свою кочевавшіе и передвигавшіеся, не могли сразу стать въ опредѣленныя русскимъ правительствомъ условія прикрѣпленія къ извѣстной мѣстности. Кочевать и передвигаться было еще куда; были еще за Кубанью, рядомъ съ черкесскими владѣніями, свободныя мѣста, существовали и побужденія къ объединенію съ черкесами на почвѣ религіознаго единства и одинаковыхъ воззрѣній на набѣги и «барантачество». Въ слѣдъ за манифестомъ о покореніи Крыма и Тамани, ногайскій приставъ подполковникъ Лешкевичъ доносилъ Суворову, что «едисаны, джамбулуки, касаевцы, капнатцы и каспулатовцы не перестаютъ одинъ другого грабить, скотъ отбивать и, гдѣ кому удача послужитъ, въ свои аулы отгонять». Когда же, по мысли князя Потемкина, ногайскіе татары должны были переселиться еще дальше на востокъ, въ уральскія степи въ сосѣдство съ киргизами, согласившіеся было на это татары въ моментъ выселенія подняли новый бунтъ.

Суворовъ, которому было поручено переселить на Уралъ ногайцевъ, дѣйствуя съ обычнымъ своимъ тактомъ и стремительностью, собралъ ногайцевъ къ Ейскому укрѣпленію, разъяснилъ мурзамъ выгоды переселенія ногайцевъ на вольныя степи и разбилъ для удобства передвиженія каждую орду на отряды или колонны, поручивши сопровождать каждую колонну русскимъ войскамъ. Начальство надъ правымъ флангомъ передвигавшихся колоннъ поручено было Лешкевичу, а надъ лѣвымъ полковнику Телѣгину. Самъ Суворовъ слѣдовалъ съ казаками позади татаръ. Донцы съ своей стороны выставили поголовное ополченіе къ границамъ передвиженія татаръ въ видахъ предосторожности.

Но когда вѣсть о выселеніи татаръ при такой обстановкѣ разнеслась по степямъ, то татары естественно были смущены. Въ массѣ раздался глухой ропотъ и опасеніе, что татаръ ведутъ въ уральскія степи на вѣрную гибель. Татары съ сожалѣніемъ вспоминали о прежней своей независимости, а вѣсть о томъ, что прежній ханъ Шагинъ-Гирей направился въ Тамань и готовъ возстановить прежнее управленіе татарами, послужила поводомъ къ открытому возмущенію. Ночью 31 іюля, отойдя около 100 верстъ отъ Ейскаго укрѣпленія, татары бросили свои кибитки и скотъ, напали на войска подполковника Лешкевича и на орды, сочувствовавшія пересе-

ленію. Вспыхнулъ ожесточенный бой, въ которомъ было убито 1300 татаръ и 20 человѣкъ драгунъ и донскихъ казаковъ, въ томъ числѣ секундъ-маіоръ Прижневскій и Масленыцкій. Суворовъ поспѣшилъ съ казаками на мѣсто сраженія. Напрасно онъ уговаривалъ татаръ подчиниться переселенію и успокоиться. Татары твердили, что они «рабы Императрицы», но имѣютъ и своего хана, идущаго къ нимъ изъ Тамани. Тогда Суворовъ велѣлъ русскимъ войскамъ принять выжидательное положеніе, чтобы выяснить намѣренія татаръ. 1 августа 10000 джамбулуковъ отдѣлились отъ остальныхъ татаръ и повернули назадъ. На р. малой Еѣ они кинулись на роту Бутырскаго полка. Началась битва, въ которой русскому отряду грозило окончательное истребленіе, но тутъ подоспѣли подкрѣпленія изъ русскихъ войскъ, и тогда, по выраженію Суворова, «началась полная рубка татарамъ». Произошло дѣйствительно нѣчто ужасное, неподдающееся ни какому описанію. Опрокинутые драгунами и казаками ногайцы бросились въ болотистую рѣчку, вязли въ ней и поражаемы были пулями и картечью; столпившихся у рѣки татаръ рубили и кололи казаки и драгуны; арбы и имущество съ яростію истребляли сами татары, чтобы не досталось оно русскимъ; собственныхъ женщинъ рѣзали, а грудныхъ дѣтей вырывали у матерей и бросали въ рѣку. Отчаяніе было полное, и татары точно обезумѣли въ этомъ ужасномъ бою. Убиты были предводитель татаръ Канакай-мурза, знатные татары и до 3000 человѣкъ черни. Со стороны русскихъ было убито и ранено около 100 человѣкъ. Сраженіе, начавшееся на разсвѣтѣ, окончилось въ часъ пополудни. Русскія войска преслѣдовали побѣжденныхъ на разстояніи 30 вер. и отняли до 20,000 лошадей и рогатаго скота; татары понесли не вѣроятный уронъ людьми, скотомъ и имуществомъ.

Эта ужасная расправа русскихъ войскъ съ татарами въ сильнѣйшей степени озлобила и остальныхъ ногайцевъ. Во главѣ недовольныхъ сталъ Тавъ-султанъ, считавшійся до того приверженцемъ России. Онъ задумалъ возвести на ханскій престолъ своего воспитанника Арсланъ-Гирея, брата Шагинъ-Гирея. Этимъ планомъ онъ привлекъ на свою сторону бывшихъ его враговъ — едисанскихъ и едишкульскихъ мурзъ и заручился обѣщаніями о помощи черкесовъ. Татары заранѣе условились при крикѣ: «казанка!» броситься на русскую стражу, изрубить ее и направиться къ Кубани и черкесамъ. Такъ они и сдѣлали, напавши на казачью команду у р. Куго-Еи. Извѣщенные объ этомъ донцы подъ начальствомъ походнаго атамана Себрякова бросились въ погоню за татарами, настигли ихъ вечеромъ 10 сентября у р. Куго-Еи, и снова было разбито здѣсь и жестоко поражено сильное ско-

пище татаръ подъ предводительствомъ пяти джамбулукскихъ мурзъ. Не смотря на это, мятежъ однако разгорался. Русская пѣхотная стража, находившаяся при ордахъ, была изрублена татарами, вблизи Ейска. Тавъ-Султанъ нападалъ на малые отряды и громилъ ихъ. Увлеченный этими успѣхами, Тавъ-Султанъ напалъ на Ейское укрѣпленіе, намѣреваясь взять его, но былъ отбитъ съ значительнымъ урономъ русскою пѣхотою и казаками подъ командою Лешкевича. Тогда Тавъ-Султанъ направился за Кубань, усилилъ свой отрядъ черкесами и закубанскими татарами и въ августѣ снова осадилъ Ейскъ. Нѣсколько разъ онъ пытался взять это укрѣпленіе приступомъ, но не имѣлъ успѣха и вынужденъ былъ удалиться навсегда за Кубань, боясь встрѣтиться съ войсками Суворова.

Такъ какъ выяснилось, что при возмущеніи татаръ участвовалъ прежній ханъ Шагинъ-Гирей, то князь Потемкинъ приказалъ его арестовать. Но Шагинъ-Гирей успѣлъ уйти за Кубань изъ Тамани раньше, чѣмъ посланная команда прибыла въ этотъ городъ. Послѣ, когда усмирены были татары, Шагинъ-Гирею Потемкинъ разрѣшилъ возвратиться въ Россію и послѣдній татарскій ханъ былъ посланъ въ Воронежъ. Не смотря на значительную пенсію отъ русскаго правительства и жизненныя удобства, Шагинъ-Гирей подъ вліяніемъ тоски по утраченномъ престолѣ, просилъ разрѣшенія отправиться въ Турцію, разсчитывая, что турки не будутъ ему мстить за прошлое. Ханъ однако жестоко ошибся: лишь только онъ явился къ своимъ единовѣрцамъ, какъ отданъ былъ приказъ сослать его на островъ Родосъ, и здѣсь турки вѣроломно его задушили.

Между тѣмъ бѣгство Шагинъ Гирея изъ Тамани къ черкесамъ побудило Суворова ускорить походъ противъ татаръ, укрывшихся за Кубанью по Лабѣ. Ночами съ предосторожностями Суворовъ, распустивши слухъ о своемъ отъѣздѣ въ Полтаву, пробрался къ устью Лабы. Ночью 1 октября, съ не меньшими предосторожностями, онъ переправилъ отрядъ черезъ Кубань, и на разсвѣтѣ придвинулся къ татарскимъ ауламъ. Здѣсь вблизи урочища Керменчикъ, въ 12 верстахъ отъ Кубани, произошло послѣднее сраженіе съ татарами, самое ужасное по своимъ послѣдствіямъ. Первыми бросились съ пиками на татаръ донцы, за ними драгуны и гренадерскій батальонъ. Черезъ три часа битвы 2000 труповъ усѣяли окружающее войско пространство, аулы были сожжены, а къ концу битвы на полѣ осталось болѣе 5000 однихъ убитыхъ. И казаки и солдаты одинаково не давали никому пощады— убивали, рѣзали и кололи мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей. И здѣсь татары въ отчаяніи убивали своихъ женъ и

дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ плѣна, а имущество уничтожали. Пожаромъ, кровью и трупами были обагрены послѣдніе потомки великой монгольской орды. Немного осталось татаръ на Кубани. Ихъ мѣсто скоро заняли черноморскіе казаки. И только въ треугольникѣ между изгибомъ Кубани и Лабы остались безсильные потомки когда-то страшныхъ татаръ.

Какъ видно изъ рапорта генерала Якобія князю Потемкину отъ 22 февраля 1781 года, въ это время хоперскіе казаки поселены уже были въ Ставропольской и Александровской крѣпостяхъ, но не получали жалованья съ самаго переведенія ихъ на линію. Якобій предполагалъ переселить по сто двадцать семей хоперцевъ въ Московскую и Донскую крѣпости и далъ льготу этимъ переселенцамъ; а для исходатайствованія жалованья хоперцамъ послалъ къ Потемкину полковника Устинова. Слѣдовательно, хоперцы заселили первоначально не тѣ мѣста Кубанской области, т. е. Баталпашинскій уѣздъ, гдѣ живутъ ихъ потомки въ настоящее время, а рядъ селеній, примыкающихъ къ городу Ставрополю и этотъ послѣдній.

Въ слѣдующемъ 1782 году на Линію, т. е. въ восточную часть Сѣвернаго Кавказа, внѣ предѣловъ нынѣшней Кубанской области, прибылъ генералъ-поручикъ Потемкинъ. Въ своемъ рапортѣ отъ 8 ноября онъ сообщаетъ князю Потемкину, что осмотръ имъ крѣпостей Донской, Московской и Ставропольской привелъ его къ мысли о необходимости поправленія здѣшнихъ укрѣпленій. Кабарду новый командующій нашелъ въ спокойномъ состояніи и рѣшительно отказалъ кабардинцамъ, просившимъ его возвратить имъ тѣхъ «казаковъ», т. е. подвластныхъ имъ кабардинцевъ, которые поселились близъ русскихъ крѣпостей, такъ какъ такое возвращеніе повлекло бы къ «порабощенію черни». Въ числѣ различныхъ нуждъ по корпусу, Потемкинъ обращаетъ вниманіе на присутствіе въ арміи «нѣсколькихъ людей, совершенно къ службѣ неспособныхъ». Указомъ Государственной военной коллегіи было запрещено выдавать отставки, а между тѣмъ люди эти были положительно непригодны для несенія службы. Генералъ Потемкинъ просилъ князя Потемкина, не найдетъ ли онъ возможнымъ поселить этихъ инвалидовъ на Линіи.

Рапортомъ отъ 18 ноября 1782 года, генералъ Потемкинъ извѣстилъ князя Потемкина, что онъ принялъ командованіе и надъ полками, принадлежавшими корпусу генерала А. В. Суворова.

Описывая въ другомъ рапортѣ состояніе полковъ, находящихся на службѣ по линіи, генералъ-поручикъ Потемкинъ нашелъ, что «Хоперскій полкъ крайне слабъ и требуетъ мно-

го попеченія». Обусловливалось это, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что, во 1-хъ хоперцы только что переселились на Кубань и во 2-хъ не получали положеннаго для казачьихъ полковъ жалованья. Потемкинъ просилъ о скорѣйшемъ утвержденіи штатовъ полка.

Въ 1782 году, какъ извѣстно, былъ заключенъ миръ Россіи съ Турціей, о чемъ извѣстилъ 1 декабря Шихъ-Али Паша генералъ-поручика Потемкина. Шихъ-Али-Паша назначенъ былъ на Кавказъ султаномъ турецкимъ и прибылъ въ Суджукъ-Кале, такъ какъ, по его словамъ, «всѣ, обрѣтающіеся внутри Кубани, народы препоручены на полное мое распоряженіе». Онъ обѣщалъ принять мѣры, чтобы спокойно жили кавказскіе инородцы и не чинили воровства и набѣговъ на русскую сторону, и просилъ о возобновленіи торговыхъ сношеній и о выдачѣ перебѣжчиковъ.

Рапортомъ отъ 27 ноября 1782 г. изъ крѣпости Ставрополя полковникъ Арщеневскій донесъ генералъ-поручику Потемкину, что на пикетѣ у Темнаго лѣса къ хорунжему Морозову явился посланный отъ паши изъ Суджука-Кале Юзбаша съ письмомъ. Письмо было послано къ генералу Потемкину, а Юзбаша подъ благовиднымъ предлогомъ задержанъ до выясненія содержанія письма. Письмо оказалось отъ упомянутаго выше паши Шихъ-Али, въ которомъ онъ извѣщалъ о своемъ пребываніи на Кавказѣ въ качествѣ главнаго отъ турецкаго султана начальника надъ закубанскими народами и просилъ поддерживать торговыя сношенія съ черкесами и выдать перебѣжчиковъ, обѣщая, съ своей стороны, держать въ покорности черкесовъ.

На словахъ же Юзбаша передавалъ, что всѣ закубанскіе владѣльцы присягнули султану и въ числѣ ихъ многіе татары. Но такъ какъ границею между турецкими и русскими владѣніями служила Кубань, то Аршеневскій указалъ на то обстоятельство, что татары—русскіе подданные, хотя они и бунтуютъ и перекочевываютъ за Кубань. Потемкинъ поручилъ Арщеневскому отвѣтить Юзбашѣ, что письмо отправлено высшему начальству, не входить съ пашей ни въ какіе разговоры о границахъ и стоять на томъ, что татары русскіе подданные. Если же султанъ, помимо подвластнаго Россіи Крымскаго хана, имѣетъ какія-либо права въ этомъ отношеніи, то по этому предмету Суджукскому пашѣ слѣдуетъ снестись съ русскимъ Высочайшимъ дворомъ.

Въ февралѣ 1783 года генералъ Потемкинъ, письмомъ къ извѣстному стороннику Россіи Казы Гирею, указывалъ, что закубанскіе черкесы три раза нападали на русскіе посты. Въ первомъ случаѣ они убили одного казачьяго старшину и трехъ казаковъ, взяли въ плѣнъ четырехъ и угнали 20 ло-

шадей. Во второмъ убили одного казака и четырехъ ранили, и въ третьемъ угнали болѣе ста пятидесяти лошадей. Не желая поднимать оружія противъ закубанцевъ, Потемкинъ просилъ Казы-Гирея, чтобы онъ воспретилъ черкесамъ набѣги и возвратилъ плѣнныхъ и угнанныхъ лошадей. На это письмо Казы-Гирей отвѣтилъ, что у подвластныхъ ему черкесовъ нѣтъ ни плѣнныхъ, ни лошадей. Всѣ же горцы, которые сдѣлали набѣги, не подчинены ему и взять у нихъ плѣнныхъ и лошадей онъ безсиленъ.

Рапортомъ отъ 21 февраля 1783 года генералъ Потемкинъ сообщилъ князю Потемкину Таврическому, что находившійся въ Суджукъ Кале турецкій паша подстрекаетъ къ неповиновенію татаръ, обѣщая выстроить турецкую крѣпость въ устьѣ Лабы. А рапортомъ отъ 17 марта тотъ же генералъ Потемкинъ извѣстилъ князя, что «черкесскіе и ногайскіе народы» вели себя спокойно и что болѣе 40 кибитокъ татаръ Едисанской орды, ушедшихъ въ горы къ черкесамъ, раскаялись и явились обратно въ предѣлы русскихъ владѣній.

Лѣтомъ 1784 года, по распоряженію генералъ-поручика П. С. Потемкина, построено было три крѣпости — Владикавказъ у входа горъ, на устьѣ Борсукловъ и вблизи устьевъ Урупа крѣпость Прочноокопъ. Послѣднія двѣ оказались въ мѣстахъ, вошедшихъ потомъ въ Кубанскую область.

5 февраля 1786 года около 300 человѣкъ черкесовъ напали на редутъ при Овечьемъ Бродѣ на Кубани. Послѣ неудачной конной атаки, горцы спѣшились и сдѣлали еще три приступа пѣшими, стараясь взобраться на стѣны. Казаки дали однако дружный отпоръ и четырехъ человѣкъ изъ нападающихъ убили, многихъ ранили пиками. Изъ защищавшихъ казаковъ раненъ только одинъ.

7 февраля были замѣчены вблизи Прочноокопской крѣпости по дорогѣ на Сингилеевскій постъ четыре конныхъ слѣда. Для преслѣдованія черкесовъ изъ Прочноокопа былъ посланъ отрядъ въ 35 казаковъ. Отрядъ нашелъ еще около 70 конскихъ слѣдовъ на переѣздѣ черезъ Кубань въ устьѣ Урупа, а затѣмъ, подъѣзжая къ рѣкѣ около Сингилеевскаго поста, казаки наѣхали на спѣшившихся и конныхъ закубанцевъ въ лощинѣ. Черкесы бросились къ рѣкѣ и скрылись въ лѣсу на другой ея сторонѣ.

На слѣдующій день тѣхъ же горцевъ настигъ другой отрядъ казаковъ, посланный на развѣдки изъ Володимірскаго редута. Черкесовъ было около ста человѣкъ. Отрядъ изъ Володимірскаго редута поспѣшилъ соединиться съ прочноокопскимъ отрядомъ и далъ знать въ ближайшія укрѣпленія о присутствіи черкесовъ, а черкесы ушли. Но по дорогѣ къ Кубани наскочили на разъѣздъ въ 11 казаковъ, по-

сланный изъ редута при Овечьемъ Бродѣ. Казаки, благодаря «крайней худобѣ лошадей», не могли уйти отъ сильной партiи черкесовъ, спѣшились и начали защищаться. Полъ дня они такъ отстрѣливались и, потерявши лошадей, все таки не позволили черкесамъ взять ихъ въ плѣнъ и горцы воспользовались только худыми и измученными казачьими лошадьми.

Въ особомъ рапортѣ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 31 марта 1786 г., командующiй на Кавказѣ войсками, сообщая «о шалостяхъ злодѣевъ черкесовъ», указывалъ на слабый пунктъ охраны русскими войсками границъ. Черкесы переправлялись черезъ Кубань на русскую сторону у Темижбека на излучинѣ Кубани, гдѣ она дѣлаетъ поворотъ на западъ къ Черному и Азовскому морямъ. Здѣсь, въ промежуткѣ между Линiей и Черкасскомъ, на разстоянiи около трехъ сотъ верстъ, не было никакихъ командъ, кромѣ не большаго количества казаковъ, перевозившихъ почту. Въ виду этого, генералъ-поручикъ Потемкинъ написалъ генералъ-маiору Розену, чтобы онъ передвинулся съ порученными ему полками на р. Ею и къ Карасуну и отсюда соединился бы непрерывною цѣпью съ войсками корпуса генерала Потемкина. Это, по мнѣнiю послѣдняго, поставило бы въ лучшiя условiя защиту края и оборонительныя дѣйствiя. Помощь генерала Розена развязала бы руки командующему корпусомъ по отношенiю къ абазинцамъ, кабардинцамъ, чеченцамъ, кумыкамъ и пр. Такимъ образомъ лучшая защита отъ черкесскихъ набѣговъ прикубанскихъ степей благопрiятно повлiяла бы и на дѣла Моздокской линiи въ предѣлахъ нынѣшней Терской области.

Очень трагическими послѣдствiями окончилось столкновенiе казаковъ съ черкесами 13 марта. На разсвѣтѣ этого дня изъ Болдыревскаго редута дали знать полковнику донского полка Дьячкину о томъ, что многочисленная партiя закубанцевъ перешла Кубань и направилась на русскую сторону. Полковникъ Дьячкинъ, отправивши нарочнаго къ полковнику Муфелю, отрядилъ 80 человѣкъ казаковъ, подъ командою есаула Иштокина, для преслѣдованiя непрiятеля. Въ 20 верстахъ отъ крѣпости Донской, находясь у соляныхъ озеръ, казаки замѣтили въ дали „дымъ и нѣчто темнѣющееся". Отсюда было отряжено 5 казаковъ съ есауломъ Емельяновымъ для развѣдокъ. Подъѣзжая къ подозрительному мѣсту, Емельяновъ, по собственному его показанiю, оставилъ казаковъ и началъ самъ подкрадываться. На четырехверстномъ разстоянiи въ лощинѣ онъ замѣтилъ около 500 спѣшившихся закубанцевъ; но въ то же время замѣтили и его непрiятели. Сѣвши на лошадей, они бросились всею толпаю за

Емельяновымъ. Емельяновъ началъ наводить ихъ на казачій отрядъ, но послѣдній, вмѣсто того, чтобы ждать въ засадѣ непріятеля, двинулся на встрѣчу его.

Есаулъ Емельяновъ, оставшись вдали въ сторонѣ, могъ только наблюдать съ вершины Кургана, какъ трагически завершилось это дѣло. На его глазахъ многочисленный отрядъ закубанцевъ перебилъ и переранилъ почти всѣхъ казаковъ. Емельянову осталось сдѣлать одно—самому уйти, и онъ поспѣшилъ въ свой полкъ. Въ ту пору, когда онъ прибылъ въ полкъ, пришло извѣстіе, что партія закубанцевъ переправилась обратно черезъ Кубань у Темижбека. На другой день есаулъ Емельяновъ съ шестью казаками былъ посланъ для осмотра мѣста битвы. Здѣсь онъ нашелъ 43 казаковъ убитыхъ и 7 раненыхъ; всѣ они были раздѣты до нага. Черкесскихъ тѣлъ не оказалось, но все мѣсто было покрыто кровью. Судя по обилію крови и показаніямъ раненыхъ казаковъ, черкесы купили свою побѣду дорогою цѣною. Было и у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, но они увезли ихъ съ собою, захвативши остальныхъ казаковъ въ плѣнъ. Казаки „дрались съ отчаяніемъ", и черкесы только по собственнымъ трупамъ могли овладѣть всѣмъ отрядомъ.

Вотъ какъ передавалъ потомъ подробности боя казакъ Климъ Голицынъ, участвовавшій въ рѣзнѣ и, будучи сильно израненымъ, кое какъ добравшійся до безопаснаго редута. По словамъ Голицына, стычка казаковъ съ горцами произошла иначе, чѣмъ описалъ ее находившійся въ дали и очевидно, сильно струсившій есаулъ Емельяновъ. Черкесы бросились за казаками развѣдчиками не всею толпою, какъ передавалъ Емельяновъ, а только частью ея, примѣрно около 100 человѣкъ. Когда есаулъ Иштокинъ „ударилъ на нихъ всею командою", черкесы, высрѣливши изъ ружей, направились къ балкѣ. Казаки погнались за ними. Въ это время скрывавшаяся въ балкѣ другая болѣе многочисленная часть горцевъ успѣла забѣжать въ тылъ казачьему отряду. Казаки были окружены. „И мы, разсказывалъ Голицынъ, хотя, видя большое число татаръ и всѣхъ въ панцыряхъ, оборонялись и многихъ изъ нихъ на мѣстѣ убили, а когда они смѣшались съ нами, рубились, и я получилъ въ голову саблею двѣ раны и отъ истекшей крови сшибъ меня обморокъ, и что послѣ онаго происходило, я не знаю. А очувствовался уже въ ночи, услышалъ голосъ лежащихъ возлѣ меня раненыхъ же четырехъ человѣкъ, съ какими и пролежалъ я до свѣту; а 15 числа, вставши по утру, усмотрѣлъ убитыхъ человѣкъ до 30, да еще живыхъ тяжело изрубленныхъ четырехъ. А сколько увезено татарами, я знать не могу. Съ ранеными четырьмя казаками, съ которыми я спалъ, вмѣстѣ пошли къ

сторонѣ Безопаснаго редута, и отошедши версты двѣ, оные четыре казака за тяжелыми ранами отъ меня отстали, и я шелъ одинъ вчерашній день и прошедшую ночь, разстояніемъ отъ того мѣста верстъ 30, и сего числа (16 марта) прибылъ въ Безопасный редутъ".

Послѣдующія потомъ извѣстія, не согласныя въ нѣкоторыхъ частностяхъ, подтверждали одно, что отрядъ съ Иштокинымъ погибъ въ неравномъ бою и что, кромѣ оставшихся на мѣстѣ убитыхъ и израненыхъ казаковъ, о послѣднихъ, и въ томъ числѣ о есаулѣ Иштокинѣ, не было никакихъ вѣстей. Предполагали лишь, что они уведены были черкесами. Вообще въ эту пору черкесы видимо свободно хозяйствовали на русской сторонѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ разъѣздъ изъ четырехъ казаковъ былъ настигнутъ черкесами, при чемъ одинъ казакъ былъ убитъ, двое въ плѣнъ взяты, а третій бѣжалъ. Почти тогда же „близъ Григорьевскаго редута шайка закубанцевъ ранила двухъ разъѣздныхъ казаковъ". На другой день было произведено нападеніе на курьера, сержанта Ладогскаго полка Гоубта, и на двухъ донскихъ казаковъ, ѣхавшихъ изъ Черкасска съ повозками полковника Кутейникова.

Болѣе или менѣе значительными партіями черкесы пробирались далеко въ глубь приейскихъ степей. Полковникъ Лешкевичъ, стоявшій лагеремъ въ Ейскомъ укрѣпленіи, рапортомъ отъ 18 марта 1786 г., донесъ генералъ-поручику Потемкину, что партія черкесовъ въ 55 ч. изъ бжедуховъ, абазинцевъ и хатукаевцевъ ночью напала на постъ, находящійся при устьѣ малой Еи. Есаулъ Гуросъ съ 50 казаками, бывшіе на посту, „дали отпоръ". Предводитель черкесской партіи, мурза, верхомъ на лошади вскочилъ съ нѣсколькими всадниками въ станъ казаковъ, но, получивши двѣ раны пиками и одну пулей, бросился вонъ изъ казачьяго стана. Партія черкесовъ затѣмъ направилась вверхъ по Большой Еѣ.

Повидимому она дѣлала спѣшное отступленіе, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ найдены были прирѣзанными три бывшихъ въ заводу лошади и утерянныя три шапки и два башлыка. Прибывшіе въ то же время жители Лабы, ѣхавшіе съ товарами въ Ейское укрѣпленіе, сообщили, что въ вершинѣ р. Сасыка, притока Еи, на нихъ набросилась партія черкесовъ, ограбила ихъ и угнала 18 лошадей. Торговцы замѣтили между прочимъ, что на буркѣ, приспособленной на дрючкахъ между двумя лошадями, черкесы везли своего предводителя, но былъ ли онъ убитъ или израненъ, не могли замѣтить. За партіею черкесовъ былъ посланъ въ погоню отрядъ донскихъ казаковъ съ полковникомъ Ефремовымъ, но черкесы успѣли уже перебраться за Кубань.

15 марта переѣхавшій изъ за Кубани Мустафа Адобаша открыто заявилъ, что, не смотря на требованіе турецкаго паши Аджи-Али, жившаго въ Суджукѣ, и его каймакана Абдула-Аги, горцы намѣрены производить набѣги на русскія владѣнія. Они рѣшили направляться небольшими партіями и намѣтили для переправъ урочище Кизилташъ въ устьѣ Кубани, и броды: Казачій юртъ, Курки, Елгызагачъ при Копылѣ, Римскій, Анчубульскій, Ерджаганскій, Казы-Тамальскій, Усть-Кизляръ, Киткень Ерсуканскій, Токусъ-Тебельскій, Алмалынскій, Ченакъ-Беркахъ, Алимейскій, Шевкушскій, Кунтемежскій, Тюлькенскій, Яблонскій, Еленкешускій, Самецкій, Итамишъ-Беркейскій, Некійскій, Сандыкейскій, Устенскій, Аджейпарскій, Борсуковскій, Джанъ-Гольдинскій, Усть-Казбынскій, Овечебродскій, Усть-Еланчикинскій, Аджирельскій и Бабинскій, всего 32 брода на пространствѣ 320 верстъ. Вездѣ на этихъ бродахъ горцы умѣли перебираться черезъ Кубань на русскую сторону. Алабаша въ заключеніе добавилъ, что Аджи-Али паша ожидалъ въ свое распоряженіе отъ 6 до 7 тысячъ войска, съ помощію котораго онъ долженъ удерживать черкесовъ отъ набѣговъ, а раньше предполагалось даже будто бы послать сорокатысячную армію для тѣхъ же цѣлей. На сколько откровенны были намѣренія турецкаго правительства, трудно сказать; но все время турецкіе агенты не переставали волновать закубанскихъ горцевъ и натравлять ихъ на русскихъ.

Въ апрѣлѣ въ вверховьяхъ Кубани произошло крупное дѣло между русскими войсками и абазинцами. Подполковникъ Мейндорфъ былъ посланъ съ особымъ отрядомъ, въ составѣ Бутырскаго полка, семи эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка и ста казаками Донского Грекова полка, съ артиллеріею, для удержанія подвластныхъ Россіи абазинцевъ отъ переселенія въ горы. Пройдя Зеленчукъ, отрядъ 6 апрѣля прибылъ къ абазинскимъ селеніямъ и здѣсь къ нему присоединился отрядъ премьеръ-майора Рика. Начались переговоры, во время которыхъ и особенно ночью потомъ абазинцы съ семьями, имуществомъ и скотомъ двинулись въ горы. На другой день около 10 часовъ утра показалось довольно значительное количество горцевъ, разъѣзжавшихъ по горамъ. Русскіе придвинулись ближе къ непріятелю. Началось сраженіе. Въ то-же время съ другой стороны показалась новая около 2000 толпа горцевъ. Непріятель на обѣихъ позиціяхъ не выдержалъ артиллерійскаго огня и отступилъ къ вершинамъ горъ. Но въ этотъ моментъ появилась третья толпа горцевъ, пытавшихся отрѣзать русскому отряду путь къ отступленію въ равнину. И эта часть горцевъ не выдержала пушечнаго и ружейнаго огня и стремительныхъ аттакъ конницы и вынуждена была ретироваться.

Сраженіе продолжалось 7 часовъ, черкесовъ было около 6000 и уронъ съ ихъ стороны оказался значительнымъ. Въ сраженіи участвовали кабардинцы изъ Джантемировыхъ кабаковъ, абазинцы, темиргоевцы, мансуровцы и беслинеевцы, а руководилъ ими Султанъ Гирей, у русскихъ тоже выбыло изъ строя нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Истощаніе отъ безкормицы лошадей и недостатокъ провіанта заставилъ подполковника Мейндорфа отступить на другой день обратно къ постояннымъ своимъ позиціямъ.

Всѣ эти неудачи русскихъ и усиленная дѣятельность за кубанскихъ горцевъ объяснялись въ извѣстной мѣрѣ системой веденія дѣла командовавшаго корпусомъ генерала Потемкина. Послѣдній, какъ командиръ корпуса, жилъ или въ Астрахани или вообще вдали отъ арміи и мѣстъ ея операцій. Изъ прекраснаго далека онъ руководилъ дѣломъ путемъ переписки и канцелярщины. Притомъ же и военными способностями генералъ не могъ похвалиться. Схватывая отдѣльные эпизоды, и такъ сказать, мелочи боевыхъ дѣяній корпуса, и разнося за нихъ начальниковъ частей, самъ Потемкинъ не только уступалъ такимъ генераламъ, какъ Суворовъ, но и положительно лишенъ былъ способности обобщенія мелочей и выработки, на основаніи ихъ, общаго плана. Такимъ образомъ, существо дѣла какъ бы ускользало отъ его вниманія и черкесы, пользуясь этимъ, безпрерывно тревожили населеніе и русскія войска. При томъ же Потемкинъ былъ командующимъ корпусомъ, предназначеннымъ для дѣйствій главнымъ образомъ внѣ Кубанской области, а войска Таманскаго полуострова служили лишь чѣмъ то придаточнымъ, временно присоединеннымъ къ корпусу. Потемкинъ ихъ не видѣлъ и въ тѣхъ мѣстахъ не бывалъ, а одного имени и титуловъ его, даже ордеровъ и предписаній, было недостаточно для такого горячаго и прихотливаго дѣла, какъ военное.

Въ 1787 году для завѣдыванія войсками Кубанской части прибылъ генералъ Текеллій, извѣстный въ русской исторіи незавидною ролью разорителя Запорожской Сичи. 9 сентября онъ донесъ изъ Ростовской крѣпости князю Потемкину Таврическому о снаряженіи порученной ему послѣднимъ экспедиціи за Кубань и объ условіяхъ снабженія войскъ провіантомъ, фуражемъ и подводами.

Пока генералъ Текеллій подготовлялъ войска къ передвиженію, къ нему стали поступать сообщенія о томъ, что въ Закубаньи между горскими племенами идетъ броженіе. Въ средѣ горцевъ ходили слухи о разрывѣ между Россіей и Турціей и ожидаемой войнѣ. Частью по этой причинѣ, а частью по обычной склонности къ грабежамъ, горцы мѣстами

готовились къ набѣгамъ и не скрывали своихъ намѣреній о томъ. Были единичные случаи нарушенія черкесами русскихъ границъ. Однимъ словомъ, черкесы, какъ и всегда, довольно беззаботно строили планы предпріятій, направленныхъ на грабежи, проявленіе удали, захватъ скота и плѣнниковъ, не предчувствуя той грозы, которая вскорѣ потомъ разразилась надъ ихъ головами.

8 октября 1787 года Текеллій сообщалъ князю Потемкину, что онъ предписалъ генераламъ Иловайскому и Розену, чтобы съ 13 октября они направились съ подчиненными имъ войсками къ Кубани по направленію къ Темищбекскому урочищу. Одновременно съ ними должны были двинуться и войска Кавказскаго корпуса четырьмя отрядами — съ праваго фланга долженъ былъ переправиться черезъ Кубань между Прочноокопомъ и Преградныъ станомъ отрядъ генералъ-маіора Елагина, при Кубанскомъ редутѣ отрядъ генералъ-маіора князя Ратіева, между ними самъ Текеллій съ своимъ отрядомъ, а съ лѣвой стороны выше Кубанскаго редута полковникъ Ребиндеръ съ отрядомъ. Всѣ эти отряды снабжены были мѣсячнымъ провіантомъ. Экспедиція предпринималась самая внушительная.

Главными виновниками набѣговъ на русскія владѣнія Текеллій считалъ племена, жившія между Кубанью и Лабой, куда и направлена была экспедиція.

13 октября перешли Кубань три колонны войскъ, а четвертая, состоявшая изъ войскъ генераловъ Иловайскаго и Розена, направлена была особо. 14, 15 и 16 октября войска двигались отъ Кубани въ горы. Непріятель оставилъ множество поселеній, но ни одна душа не осмѣлилась показаться русскому отряду. 17 октября русскія войска подошли къ Черным горамъ, за которыми шли уже снѣговыя горы. Въ то время на высотахъ показались абазинцы. Текеллій, отдѣливши два отряда, послалъ одинъ къ верховью малаго Зеленчука, а другой на рѣчку Аксаутъ. Стѣсненные со всѣхъ сторонъ и почти лишенные имущества, абазинцы первыми послали депутатовъ, прося о помилованіи и изъявляя готовность принять подданство Россіи. Въ то же время узнавши, что мусульманскій пророкъ Мансуръ собираетъ горцевъ, генералъ Текеллій 19 октября перешелъ Большой Зеленчукъ и двинулся въ погоню за пророкомъ. Отрядъ полковника Ребиндера былъ посланъ въ вершину Большого Зеленчука, а самъ Текеллій пошелъ вверхъ по р. Кефару. Непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, побросалъ имущество и арбы и бѣжалъ еще далѣе на востокъ къ р. Урупу. Въ это время одинъ изъ приверженцевъ Мансура Асламбекъ, увидѣвши, что русскія войска въ своихъ преслѣдованіяхъ подошли къ

самымъ снѣговымъ горамъ, перешелъ въ подданство Россіи со всѣмъ подвластнымъ ему населенцемъ. 20 и 21 октября Текеллій преслѣдовалъ горцевъ по Урупу. Узнавши, что Мансуръ съ горцами находятся въ ущельяхъ снѣговыхъ горъ въ вершинѣ Урупа, Текеллій послалъ туда отрядъ подъ начальствомъ генерала князя Ратіева и самъ двинулся также въ верховья Урупа, а отрядъ генерала Елагина загородилъ дорогу со стороны р. Лабы. 22 октября большая часть приверженцевъ Мансура такъ же вынуждена была принять русское подданство, а самъ Мансуръ и братья его съ немногими приверженцами бѣжали пѣшіе черезъ вершины снѣговыхъ горъ въ Закавказье. Повсюду убѣгающій непріятель бросалъ не только имущество, но стариковъ, дѣтей и немощныхъ. 24 и 25 октября войска выводили плѣнныхъ изъ горъ и истребляли жилища бесленеевцевъ и темиргоевцевъ. Часть горцевъ, жившихъ между Тегенями и Лабой, успѣли бѣжать за Лабу, но и туда былъ посланъ отрядъ генерала Розена.

Разгромъ горцевъ былъ полный и ужасный. Всѣми отрядами, доносилъ Текеллій князю Потемкину, „сожжено деревень болѣе трехъсотъ, арбъ, изысканныхъ съ остаткомъ имѣнія разбросаннаго войсками, нашли до четырехъ тысячъ, а также весь хлѣбъ, даже сокрытый въ ямахъ не остался безъ истребленія, а сѣно по полямъ до самой Лабы и гдѣ найдено приготовленнымъ, даже по горамъ и повсемѣстно, гдѣ войска не обращались, преисполнено дыму и огня“. Русскія войска взяли въ плѣнъ ногайскихъ татаръ 717 семей или 1858 душъ мужского и 1622 души женскаго пола, абазинскихъ семей Бибердова владѣнія 200, семей подвластныхъ Батыръ Гирею Султану 30, подданныхъ Кубанскаго мурзы Ислама Мурзина 56 семей, разныхъ другихъ семей 91, а всего слѣдовательно 1075 семей. Вмѣстѣ съ плѣнными было розыскано и отбито около ста человѣкъ русскаго населенія. „Я считаю, доносилъ Потемкину не безъ сознанія своихъ заслугъ Текеллій, что не только закубанцамъ, но и прочимъ горскимъ народамъ, до которыхъ свѣдѣнія о сей экспедиціи достигнетъ, останутся навсегда въ свѣжей памяти дѣйствія нашего въ томъ краю оружія, и будутъ имъ примѣромъ отъ тѣхъ, на кого мечъ нашъ палъ и которые до основанія разорены“.

Урокъ былъ данъ дѣйствительно ужасный. Текеллій съ грубою лестью доложилъ Потемкину: „сія экспедиція Божьею помощью подъ предводительствомъ Вашей Свѣтлости столь счастлива и благоуспѣшна, что непріятель нигдѣ не осмѣлился сдѣлать сильнаго противленія“. Суровый къ обыкновеннымъ смертнымъ и льстивый къ начальству генералъ забылъ, что „предводительствовалъ“, т. е. распоряжался истребленіемъ непріятеля и его убогаго имущества, не По-

темкинъ, бывшій отъ мѣста военныхъ дѣйствій за тысячу верстъ, а самъ онъ, Текеллій, или точнѣе, его сподвижники, направляемые перебѣжчиками изъ горцевъ. Отдѣльно отъ Текеллія дѣйствовали еще два отряда — отрядъ войскового атамана Донского войска генерала Иловайскаго и отрядъ барона Розена.

Отрядъ Иловайскаго въ первый разъ встрѣтилъ горцевъ 22 октября за Лабой. Партія около двухъ сотъ человѣкъ была вытѣснена донскимъ полкомъ Астахова изъ аула, а самый аулъ сожженъ. 23 октября была замѣчена партія черкесовъ до 500 человѣкъ также на лѣвомъ берегу Лабы. Это были махошевцы, жены и дѣти которыхъ выселились пять дней тому назадъ въ горы, а мужское населеніе явилось за хлѣбомъ и для защиты жилищъ. Четыре конныхъ полка и одинъ егерскій батальонъ, переправленные за Лабу, вытѣснили непріятеля изъ аула. Войска преслѣдовали горцевъ на разстояніи 15 верстъ, сожгли аулъ, убили около 30 черкесъ, одного взяли въ плѣнъ и захватили 45 быковъ съ арбами, потерявши только одного тяжело раненаго казака. Того же числа была разбита другая около 200 и 300 человѣкъ партія черкесовъ, потерявшая 4 чел. убитыми. 24 и 25 октября казаки жгли аулы, уничтожали хлѣбъ и сѣно. Горцевъ не было, и только случайно казаки на разсвѣтѣ набрели на скопище горцевъ до 400 человѣкъ подъ начальствомъ узденя Коргока. Непріятель и здѣсь былъ разбитъ, обращенъ въ бѣгство, 25 человѣкъ осталось на мѣстѣ, убитъ былъ и предводитель Коргоко. Тогда же разъѣздъ въ 30 казаковъ былъ замѣченъ черкесами. Около 200 человѣкъ ихъ бросилось на казаковъ, казаки, разсчитывая на помощь, дали дружный отпоръ, и въ перестрѣлкѣ, пока подоспѣла помощь, убили 13 черкесовъ, потерявши съ своей стороны одного убитаго, одного пропавшаго безъ вѣсти и четырехъ раненыхъ. 27 и 28 октября, по сообщенію генерала Иловайскаго, казаки занимались сожженіемъ ауловъ, „отысканіемъ скрытыхъ въ деревняхъ вещей", сжиганіемъ хлѣба и сѣна и „истребленіемъ чрезвычайнаго количества пчельниковъ, что и было производимо съ пагубною непріятелю исправностію". 29 октября часть войскъ проникла въ верховья Лабы до снѣговыхъ горъ, не встрѣтивши нигдѣ черкесовъ.

Отдѣленныя Иловайскимъ части подъ командою генералъ-маіора Загряжскаго и премьеръ маіора Лебедева также сожгли много ауловъ и разбили въ одномъ мѣстѣ партію въ 500 человѣкъ горцевъ, а въ другомъ „толпу".

Отрядъ подполковника Бузина имѣлъ неоднократныя стычки съ горцами, оканчивавшіяся пораженіемъ непріятеля,

„съ довольнымъ числомъ побитыхъ“ и съ потерею четырехъ раненыхъ казаковъ. Отрядъ сжегъ 36 селеній или ауловъ.

Спускаясь съ горъ по бассейну Лабы, отдѣльныя части отряда Иловайскаго продолжали жечь аулы, хлѣбъ и сѣно. 30 октября въ одномъ изъ ущелій было замѣчено большое скопище черкесовъ. Посланныя туда войска разбили непріятеля, положивши на мѣстѣ до 50 человѣкъ, и преслѣдуя бѣгущихъ горцевъ, убили еще 30 горцевъ. Взято было также въ плѣнъ 2 горца и захвачено 200 головъ рогатаго скота и 43 лошади. Русскій отрядъ потерялъ убитыми 4 человѣка и ранеными 15 человѣкъ.

31 октября казаки на обратномъ пути по Лабѣ продолжали жечь селенія и въ одинъ день отрядомъ полковника Иловайскаго сожжено было 60 ауловъ. Почти всѣ аулы горцы пытались защищать, но безуспѣшно. Въ общемъ, при этихъ стычкахъ было убито отрядомъ полковника Иловайскаго до 29 черкесовъ, а казаковъ 7 человѣкъ и 4 ранено.

1 ноября происходили лишь небольшія стычки, при которыхъ горцы несли «чувствительный уронъ», а у казаковъ оказалось 3 раненыхъ. Войска перешли на правый берегъ Лабы, къ мѣсту, съ котораго начались операціи.

Изъ рапорта генерала Розена отъ 6 ноября 1787 года не видно, въ какихъ мѣстахъ дѣйствовалъ отрядъ и противъ какихъ горцевъ. Говорится лишь глухо, что при первомъ же появленіи русскихъ войскъ, «непріятель скрывался бѣгствомъ, гдѣ только могъ сыскать спасеніе, предоставляя въ волю нашу всѣ имущества и селенія, которыя безъ изъятія обращены огнемъ въ пепелъ». На обратномъ пути внизъ по Лабѣ отрядъ Розена былъ соединенъ съ отрядомъ генерала Иловайскаго. Войска Розена жгли селенія, хлѣбъ и сѣно. «Полагаю, говоритъ Розенъ, болѣе 100 (ауловъ) обращено въ пепелъ, со всемъ принадлежащимъ къ ихъ довольствію хлѣбомъ и сѣномъ, но я бы болѣе могъ предуспѣть къ совершенному истребленію непріятеля, если бы слѣдующее впереди Донское войско о томъ не предупреждало».

Наконецъ, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ частей дѣйствовалъ еще особый отрядъ кабардинцевъ. Въ своемъ рапортѣ князю Потемкину Текеллій упоминаетъ, что на желаніе явившихся къ нему кабардинцевъ, подъ предводительствомъ бригадира Большого Горича, онъ «дозволилъ» отправиться кабардинскому отряду за Лабу. Въ свою очередь бригадиръ Иванъ Большой Горичъ, въ рапортѣ Текеллію отъ 3 января 1788 года перечисляетъ слѣдующія дѣянія отряда. Отрядъ, состоявшій изъ сорока кабардинскихъ князей, 2000 панцырной конницы и 3000 рядовыхъ, перейдя Кубань, покорилъ 2000 дворовъ подвластныхъ Бобсхерскимъ владѣль-

цамъ, именно: Устши Кячева, Хамурзѣ, Сулейману Лоовыхъ и узденямъ Трамовымъ, отобралъ у нихъ русскихъ плѣнныхъ и взялъ въ обезпеченіе покорности русскому правительству восемь аманатовъ. Половину покоренныхъ кабардинцевъ переселили на правый берегъ Кубани, смежно съ аулами Большой Кабарды, а другая половина должна была сама переселиться туда же съ весны.

Слѣдуя далѣе къ р. Урупу, кабардинцы покорили 800 дворовъ башилбайцевъ, взяли у нихъ шесть аманатовъ, отобрали своихъ плѣнныхъ и привели къ присягѣ на русское подданство. Еще далѣе кабардинцы покорили кипчаковъ, аульныхъ татарскихъ мурзъ съ 2000 кибитокъ кочевыхъ ногайцевъ, взяли двухъ аманатовъ и подписку на подданство Россіи. Наконецъ, на р. Лабѣ кабардинцы покорили 1500 дворовъ бесленеевцевъ съ подвластными имъ черкесами. Такъ какъ бесленеевцы считались въ сродствѣ съ кабардинцами, то за нихъ поручились послѣдніе, при чемъ бесленеевцы выдали плѣнниковъ и дали письменное за печатями обязательство русскому двору.

Въ заключеніе кабардинскій отрядъ, развѣдавши, что нѣсколько турокъ съ двумя татарскими султанами и тремя стами абазинцевъ повезли въ Суджукъ-Кале двѣ мѣдныхъ пушки, послали въ догоню отрядъ. Нагнавши за Лабою турокъ и абазинцевъ, отрядъ, послѣ короткаго сраженія, отбилъ пушки и представилъ ихъ вмѣстѣ съ 87 плѣнными по начальству.

Такимъ образомъ, кабардинцы, оставшіеся также всюду побѣдителями, дѣйствовали совершенно иначе, чѣмъ русскія войска. Они покоряли и водворяли, а не грабили и разоряли. Впрочемъ, надо прибавить, что кабардинскій отрядъ былъ организованъ тѣми князьями и дворянами, подданные которыхъ бѣжали изъ Кабарды за Кубань, и только въ цѣляхъ возвращенія бѣглецевъ на родину и снаряженъ былъ отрядъ Большого Горича.

Такъ закончилась безпримѣрная даже въ исторіи Кавказа экспедиція. Генералъ Текеллій выдержалъ отъ начала до конца свою роль и характеръ. Черкесы были не просто наказаны, а разорены и приведены въ состояніе нищенства. Грубая сила и непомѣрная жестокость были примѣнены съ неуклонною послѣдовательностью. Незначительный промежутокъ времени отдѣлялъ дѣйствія военнаго кумира Суворова отъ дѣйствій фронтового генерала Текеллія—и какая разница? Въ первомъ случаѣ проявлялась несомнѣнная гуманность при строго военномъ планѣ, а во второмъ громадныя военныя преимущества обращены были исключительно на разрушеніе, на обращеніе имущества «въ пепелъ», въ жертву «огню и мечу».

Однако, карательная экспедиція Теккелія далеко не имѣла тѣхъ устрашающихъ послѣдствій, на которыя расчитывалъ самонадѣянный генералъ. «По свѣжей памяти» о ней горцы не оставили своихъ обычныхъ пріемовъ въ отношеніяхъ къ русскимъ сосѣдямъ, и какъ только открылась весна 1788 года, мелкія партіи горцевъ и татаръ начали переходить Кубань и тревожить своими набѣгами русскихъ. 13 марта партія черкесовъ, пробравшаяся изъ за Кубани на р. Ею, захватила двухъ донскихъ казаковъ, посланныхъ въ разъѣздъ по черкасской дорогѣ изъ редута Песчаныхъ Копаней. Въ тотъ же день черкесы изрубили одного солдата Ладогскаго пѣхотнаго полка изъ числа трехъ, сопровождавшихъ двухъ возчиковъ, перевозившихъ смолу по черкасскому тракту, а остальныхъ двухъ солдатъ и двухъ возниковъ взяли въ плѣнъ. Посланныя въ погоню русскія команды лишь установили тотъ фактъ, что черкесы вышли изъ за Кубани и ушли обратно за Кубань у Темижбека. 17 марта другая партія черкесовъ угнала у казаковъ Донского полка Кутейникова 25 лошадей, находившихся у Скрытнаго реданта. Посланная вновь за черкесами погоня прослѣдила лишь, что черкесы перешли за Кубань въ устьяхъ Малаго Зеленчука.

Согласно распоряженію князя Потемкина, съ апрѣля 1788 года Текеллій вновь началъ подготовлять войска къ походу. Не смотря на категорическое указаніе Потемкина идти на Анапу, Текеллій рѣшилъ, что называется, разомъ двухъ зайцевъ убить. По его плану, главныя части отряда должны были перейти Кубань у р. Лабы, приблизительно у тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ предшествующемъ году закончила дѣйствія первая карательная экспедиція. Отсюда войска, передвигаясь по лѣвому берегу Кубани и громя по пути черкесскіе аулы, направились къ Суджуку и Анапѣ, которую собственно и надлежало взять. Особому отряду, подъ командой генералъ-поручика Талызина, Текеллій приказалъ передвинуться изъ Ейскаго укрѣпленія къ Копылу для соединенія съ главнымъ корпусомъ, прежде, чѣмъ предполагалось обложить Анапу. Для перевозки провіанта и боевыхъ запасовъ, по условіямъ здѣшней мѣстности, требовались волы, и Текеллій распорядился о снаряженіи 1048 воловыхъ фуръ изъ Бахмутской округи.

Между тѣмъ, несмотря на завѣреніе генерала Текеллія, что никто изъ горцевъ «не отважится пролѣзть» на русскую сторону, черкесы не оставляли въ покоѣ русскихъ войскъ. Именно 13 іюня, въ день, которымъ помѣчено упомянутое самонадѣянное донесеніе Текеллія князю Потемкину въ 1787 году черкесы въ значительномъ количествѣ прошли на Ею и здѣсь ночью угнали цѣлый табунъ вьючныхъ лошадей у

четвертаго батальона Кубанскаго егерскаго корпуса и казачьяго Донского Голова полка. Когда черкесы начали угонять лошадей, по тревогѣ на мѣсто дѣйствія поспѣшилъ подполковникъ Ребиндеръ съ батальономъ солдатъ и казачій полковникъ Головъ съ конницей и, хотя по оффиціальному донесенію, черкесы «бросались отъ страха почти безъ памяти, оставя его, Ребиндера, побѣдителемъ», но лошади были угнаны. Мало того, дорогою къ Кубани часть черкесовъ около 250 человѣкъ, захватила въ урочищѣ Чумбуръ табунъ лошадей и рогатый скотъ, у кочевавшихъ здѣсь татаръ Баязетъ-бей мурзы. Послѣдній, собравши татаръ, быстрымъ движеніемъ прогналъ черкесовъ и отнялъ у нихъ весь свой скотъ. Съ своей стороны полковникъ Головъ успѣлъ перерѣзать путь черкесамъ у р. Еи, наказавши здѣсь хищниковъ. Въ общемъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, было убито черкесовъ егерями около ста человѣкъ, казаками 41 человѣкъ и татарами 30 человѣкъ; на мѣстѣ перваго сраженія подобрано 73 трупа и часть черкесовъ потоплена была казаками въ р. Еѣ. При переправѣ горцевъ черезъ эту рѣку, казачій сотникъ Горшечниковъ заколол̀ъ предводителя партіи Алибся мурзу, считавшагося у черкесовъ первымъ наѣздникомъ и храбрѣйшимъ изъ черкесъ. По рапортамъ Ребиндера и Голова и по словамъ плѣненныхъ черкесовъ, было отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, вышедшихъ изъ окрестностей Анапы и Суджукъ-Кале.

Къ выступленію въ походъ въ Закубанскій край предположено было двинуть 15851 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и строевыхъ офицеровъ и 18684 чел. оставалось на мѣстахъ при отрядахъ и по крѣпостямъ. Пятнадцати тысячная армія снабжена была 8-ю двѣнадцати фунтовыми пушками и 9 единорогами полевой артиллеріи, 23 полковыми орудіями и 13 батальонными, а всего, слѣдовательно, 53 пушками. Къ 27 августа всѣ войска были придвинуты къ Кубани, но дальнѣйшее движеніе тормозило отсутствіе погонщиковъ и арбъ, непомѣрные разливы Кубани, Лабы и др. рѣкъ.

Въ сентябрѣ войска были за Кубанью и начали свои дѣйствія. Однако шествіе генерала Текеллія на этотъ разъ было далеко не такимъ торжественнымъ и побѣдоноснымъ, какъ въ походъ 1787 года. Густые лѣса и болотныя мѣста мѣшали движенію арміи, скрывая и защищая непріятеля. Непріятель также не бѣжалъ отъ русскихъ войскъ и не оставался въ бездѣйствіи. Русскіе всюду встрѣчали отпоры и противодѣйствія. 25 Сентября Текеллій съ войсками передвинулся на р. Убинъ.

Въ числѣ другихъ развѣдочныхъ отрядовъ былъ посланъ отрядъ подъ командою полковника Мансурова для осмотра

густого лѣса. Отрядъ подошелъ къ этому лѣсу на разсвѣтѣ 26 октября. Въ это же время начали показываться небольшими партіями горцы. Завязалась перестрѣлка. Количество горцевъ росло быстро и непріятель началъ окружать Мансуровскій отрядъ. Вдругъ появились турки, «наскакивая», по выраженію Текеллія, на русскія войска. На позиціи вывезены были турецкія пушки. Завязался горячій бой, во время котораго количество горцевъ все увеличивалось и увеличивалось. Бой длился съ ранняго утра и до 9 часовъ. Черкесы и турки почти окружили русскій отрядъ.

Мансурову послано было сильное подкрѣпленіе. Войска были присланы во время, и черкесы съ турками отступили. Но и черкесы съ турками выказали свою силу. Особенно ожесточенно дрались горцы. Черкесскіе панцырники, перебѣжали рѣку и бросались на казаковъ у главнаго каре. Послѣ боя русскіе нашли въ разныхъ мѣстахъ болѣе двухъ сотъ пятидесяти непріятельскихъ тѣлъ. Взято было также одно турецкое знамя. По показаніямъ плѣнныхъ въ битвѣ участвовало до 8000 черкесовъ и 2500 турокъ, подъ командою Мустафы паши, недавно пріѣхавшаго изъ Турціи на фрегатѣ въ Анапу. Тѣ же плѣнные показали, что будто бы убитыхъ у непріятеля было 1500 человѣкъ и въ томъ числѣ до 700 однихъ турокъ. То же подтвердилъ потомъ ушедшій изъ плѣна грузинъ. Со стороны русскихъ, по сообщенію генерала Текеллія, было убито только 28 нижнихъ чиновъ и ранено 205 нижнихъ чиновъ и четыре офицера.

Двигаясь къ Черному морю, 8 октября русскія войска были на р. Кодако, а 10 прибыли къ Кубанскому лиману и остановились здѣсь лагеремъ.

14 октября Текеллій отправилъ для рекогносцировки морского берега и окрестностей крѣпости Анапы два отряда —одинъ подъ командою генералъ-маіора Шевича и другой полковника Германа. Вблизи Анапы оба отряда были встрѣчены многочисленными толпами черкесъ, подкрѣпленныхъ войсками анапскаго гарнизона. Канонада открыта была непріятелемъ съ крѣпости, откуда потомъ выведены три батареи. Сраженіе продолжалось съ 9 часовъ утра до 3 часовъ пополудни. Русскимъ посланы были сильныя подкрѣпленія и къ концу боя прибылъ съ своимъ отрядомъ генералъ-поручикъ Талызинъ. Со стороны непріятеля въ дѣлѣ участвовало до 6 тысячъ горцевъ и анапскій турецкій гарнизонъ.

Дѣло окончилось ничѣмъ, но рекогносцировка показала, что Анапа имѣла сильную артиллерію и значительный гарнизонъ. На этотъ разъ самонадѣянный Текеллій попалъ въ просакъ. Не покоривши за Кубанью черкесовъ и, совершивши

крайне трудный и дорого стоившій, по выраженію этого генерала, «маршъ» съ войсками до Чернаго моря, а главное упустивши удобное время для военныхъ дѣйствій, онъ повернулъ назадъ, ограничившись рекогносцированнымъ боемъ, въ которомъ самъ почему то не участвовалъ, и не взявши Анапы.

«Не предвидя пользы сію крѣпость взять штурмомъ», рапортовалъ онъ князю Потемкину, и имѣя въ виду, что взятую крѣпость пришлось бы бросить, тѣмъ болѣе, что „оная крѣпость вовсе не входитъ въ связь Кавказской линіи", за позднимъ временемъ и недостаткомъ провіанта, «простоявъ въ виду Анапы трое сутокъ, истребляя всѣ ногайскія селенія около Чернаго моря и лимана, предпринялъ (я, Текеллій) обратный путь». Гора мышь родила. Князь Потемкинъ, желая ослабить силы турокъ, совершенно вѣрно намѣтилъ блокаду Анапы и Суджука, изъ которыхъ первая, помимо значенія первоклассной турецкой крѣпости, служила связующимъ центромъ для разрозненныхъ черкесскихъ племенъ. Въ этихъ цѣляхъ были собраны всѣ Кавказскія войска въ западной части Кавказа, двинуты были войска, расположенныя по Дону и въ Екатеринославской провинціи, потревожена Воронежская провинція, Бахмутская округа и пр., пр. И все это затѣмъ, чтобы генералъ Текеллій упустилъ, въ безконечныхъ подготовленіяхъ, удобный моментъ для военныхъ дѣйствій, совершилъ не нужный кружный путь къ Анапѣ; испыталъ по пути вмѣсто разгрома черкесовъ рядъ затрудненій и неудачъ и, подойдя къ Анапѣ, отказаться въ рѣшительный моментъ отъ взятія этой крѣпости и совсѣмъ не видѣть даже Суджука! Какъ ни краснорѣчиво объяснялъ Текеллій столь неожиданный исходъ экспедиціи, двухъ фактовъ нельзя было утаить: явной неспособности генерала, создавшаго нелѣпый планъ проведенія безъ нужды арміи по горамъ за Кубанью, и безрезультатныхъ потерь людьми и матеріальными средствами.

Въ сущности вся затѣянная Текелліемъ военная шумиха объяснялась довольно просто. Въ первый свой походъ на Лабу въ 1787 г. Текеллій считалъ себя грознымъ побѣдителемъ и ту же роль хотѣлъ онъ играть, двигаясь за Кубанью по направленію къ Черному морю. Но въ первомъ случаѣ были кабардинцы и горцы предатели, которые въ качествѣ проводниковъ вели всю экспедицію на веревочкѣ, а во второмъ ихъ не оказалось. Въ первомъ случаѣ пришлось имѣть дѣло съ относительно ограниченнымъ райономъ, а во второмъ потребовалось проходить по болѣе обширнымъ и малоизвѣстнымъ пространствамъ. Въ первомъ случаѣ противниками были хотя и горцы, но среди своей хозяйственной

обстановки, при полномъ отсутствіи крѣпостей, во второмъ горцы умѣли пользоваться густыми лѣсами, крутыми берегами рѣкъ, узкими проходами между болотами и пр., чтобы тормозить движеніе войскъ, а главное за спиною у горцевъ была крѣпость Анапа, турки и артиллерія. — И вотъ грозный генералъ, стяжавшій себѣ военную славу на такихъ случайныхъ и сомнительныхъ подвигахъ, какъ разрушеніе Запорожской Сичи и разореніе черкесовъ и татаръ по Лабѣ, на этотъ разъ показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, т. е. бездарностью. На этотъ разъ Текеллію не чѣмъ было бахвалиться, и онъ не рѣшился рапортовать о побѣдахъ, одержанныхъ «подъ предводительствомъ» Потемкина, сидѣвшаго въ Крыму.

Такъ неожиданно обнаружилъ свою дѣйствительную цѣну генералъ-поручикъ Текеллій. И князь Потемкинъ, и Императрица Екатерина остались крайне недовольны его неумѣлыми дѣйствіями. Текеллій былъ удаленъ и на его мѣсто назначенъ графъ Салтыковъ.

Съ назначеніемъ графа Салтыкова на Кавказъ, имѣлось въ виду образовать особую армію, въ составъ который входилъ одинъ четырех-батальонный пѣхотный полкъ, десять двухбатальонныхъ, два егерскихъ корпуса, три конныхъ карабинерныхъ полка, четыре драгунскихъ полка, шесть казачьихъ донскихъ полковъ, одинъ уральскихъ казаковъ, мѣстныя казачьи войска и калмыцкое войско. По дѣламъ хозяйственнымъ Салтыкову предоставлено было право непосредственныхъ сношеній съ Военною Коллегіею, а по военнымъ дѣйствіямъ главнокомандующій долженъ былъ сообразоваться съ указаніями и руководствомъ князя Потемкина. Какъ человѣка независимаго и занимавшаго видное положеніе при дворѣ, графа Салтыкова не соблазняло такое независимое положеніе, и онъ не спѣшилъ къ арміи, не смотря на неоднократныя напоминанія объ этомъ Императрицы.

Въ концѣ мая 1789 года турки высадились на восточномъ берегу Чернаго моря и заняли пятитысячными отрядами крѣпости Анапу и Суджукъ. Опасаясь, чтобы турки не овладѣли Таманскимъ полуостровомъ и не завязали отсюда связей съ крымскими татарами, Потемкинъ Таврическій распорядился, чтобы Кубанскій корпусъ былъ расположенъ на Таманскомъ полуостровѣ, а часть кавказскаго корпуса была придвинута ближе къ Кубани. Вслѣдствіе этого войска были распредѣлены по Кубани слѣдующимъ образомъ:

Въ устьѣ Лабы былъ поставленъ отрядъ изъ 4-хъ батальоновъ, 8 эскадроновъ, 300 казаковъ при двухъ орудіяхъ подъ командою генералъ-майора Булгакова; при Темижбекѣ

нѣсколько меньшаго состава отрядъ бригадира Депрерадовича; у Недреманнаго поста отрядъ генералъ-майора Елагина; у Невиннаго мыса отрядъ бригадира Германа; наконецъ у Песчанаго Брода расположился съ 4 батальонами пѣхоты, 3 эскадронами кавалеріи, 300 казаковъ и 4-мя орудіями самъ Текеллій.

Въ іюлѣ на Кавказъ прибылъ новый главнокомандующій графъ Салтыковъ, но онъ, не успѣвши ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, былъ назначенъ командовать арміею противъ шведовъ. Екатерина Вторая предоставила князю Потемкину назначить на Кавказъ командующимъ войсками кого-либо изъ подчиненныхъ ему генераловъ.

До назначенія новаго командующаго старшимъ лицомъ въ арміи числился генералъ-поручикъ Бибиковъ, заступившій такимъ образомъ фактически мѣсто командира въ концѣ 1789 года. Узнавши, что турецкій султанъ Селимъ III-й отправилъ фирманъ лжепророку Мансуру о возбужденіи горцевъ противъ Россіи, Бибиковъ, подъ вліяніемъ ложныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ ему анапскими армянами, рѣшилъ предпринять экспедицію въ горы и съ этой цѣлью снарядилъ отрядъ въ 7609 человѣкъ. Въ суровое зимнее время, 10 февраля 1790 года, онъ по льду перевелъ войска черезъ Кубань и направилъ ихъ во владѣнія махошевцевъ. Горцы бросили свои жилища и скрылись въ горы. Черкесы, жившіе на Лабѣ, изъявили покорность. Отсюда отрядъ двинулся къ темиргоевцамъ.

Но по мѣрѣ того, какъ войска углублялись въ горы, горцы стали оказывать все большее и большее сопротивленіе. Подъ вліяніемъ Мансура и турокъ, они въ свою очередь перешли въ наступленіе, окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ, появлялись съ тыла, а впереди устраивали завалы и прегражденія изъ срубленнаго лѣса. Отрядъ очутился въ критическомъ положеніи. Сражаясь ежедневно съ многочисленными партіями непріятелей, русскія войска шли безъ дороги и проводниковъ, по снѣгу и въ стужу. Провіантъ и фуражъ были въ недостаткѣ; воду часто приходилось добывать нагрѣваніемъ снѣга въ солдатскихъ котелкахъ. Черкесы угоняли всюду скотъ и истребляли все, что могло служить продовольствіемъ для людей и лошадей. Когда вышли сухари, пришлось рѣзать обозныхъ лошадей и довольствовать солдатъ однимъ лошадинымъ мясомъ. Только въ нѣкоторыхъ аулахъ были найдены запасы проса, не истребленнаго черкесами. 15 марта отрядъ подошелъ къ ущельямъ, которыя выходили на равнину къ Анапѣ, а 16 марта, вблизи р. Шебшъ, турецкій двухбунчужный Мустафа-паша съ 2000 человѣкъ преградилъ русскому отряду дорогу. Послѣ непродолжитель-

наго боя турки отступили, но затѣмъ четыре дня подъ рядъ войска выдерживали безпрерывныя стычки съ непріятелемъ, пока 21 марта отрядъ Бибикова не занялъ село Заны.

Здѣсь отряду былъ данъ двухдневный отдыхъ. 24 марта произведена была рекогносцировка Анапы, въ которой считалось до 40.000 жителей и гарнизона. Русскимъ удалось измѣрить глубину и ширину рва, окружавшаго Анапу, но турки со своей стороны сдѣлали вылазку изъ крѣпости. Завязался бой съ гарнизономъ, которымъ командовалъ Баталъ-паша. Турки не выдержали натиска русскихъ и одна часть ихъ съ Баталъ-пашею заперлась въ Анапѣ, а другая, бывшая подъ командою Мустафы паши, не успѣла попасть въ крѣпость и отступила на Суджукъ-Кале.

Подъ вліяніемъ этой удачи Бибиковъ рѣшилъ взять штурмомъ самую крѣпость, но приведенію въ исполненіе плана помѣшала снѣжная буря. Она разразилась въ ночь на 26 марта такимъ холодомъ, что въ одну ночь пало 150 лошадей. Войска ослабѣли. «Всѣ начальники, кромѣ меня, рапортовалъ Бибиковъ, такую получили простуду и ослабѣли, что ни къ какому дѣйствію уже приступить не могли». 27-го марта отрядъ генерала Бибикова оставилъ Анапу и отступилъ обратно. Начались новыя бѣдствія: разливы горныхъ рѣчекъ мѣшали движенію войска. Цѣлыхъ 15 дней, съ 27-го марта по 11 апрѣля, войска прошли всего 120 верстъ, т. е. по 8 верстъ въ сутки. Провіанта не было. Войска питались кониною, кореньями и травою.

По распоряженію князя Потемкина, до котораго дошли слухи о бѣдствіяхъ экспедиціи Бибикова, командиръ Кубанскаго корпуса баронъ Розенъ послалъ отрядъ изъ 600 драгунъ для розысканія экспедиціи. Наконецъ, 4 мая войска ея въ ужасномъ состояніи появились у Григоріополиса. Офицеры и солдаты, по словамъ генерала Розена, «были изнурены сверхъ человѣческаго терпѣнія стужею и ненастьемъ, отъ которыхъ ничего для укрѣпленія себя не имѣли; босы, безъ рубахъ и безъ всякой нижней, а въ бѣднѣйшей верхней одеждѣ, которая вся сгнила и изодрана. Больные, едва имѣя дыханіе, опухли, да и тѣ, кои считаются здоровыми, немного отъ нихъ рознятся и въ самыхъ слабѣйшихъ силахъ; полки и артиллерія потеряли лошадей, а вообще весь корпусъ крайне разстроенъ».

Произошло, очевидно, колоссальное недоразумѣніе, порожденное легковѣріемъ, недальновидностью и, быть можетъ, тщеславнымъ желаніемъ отличиться такого полководца, какимъ оказался генералъ Бибиковъ. «Сей недостойный офицеръ, писалъ о немъ князь Потемкинъ Императрицѣ Екатеринѣ, для снисканія личной пользы, пренебрегъ все и подвергнулъ ги-

бели людей, изъ которыхъ каждый по истинѣ дороже его». А погибло за все время въ октябрѣ 233 убитыхъ, 618 умершихъ отъ болѣзней, 23 утонувшихъ,—всего 874 человѣка или 12% отряда. Кромѣ того, плѣнено 121 человѣкъ и 111 человѣкъ бѣжало. Но особенно возмущало свѣтлѣйшаго князя Потемкина то обстоятельство, что неумный Бибиковъ своими неумѣлыми дѣйствіями «намѣреніямъ моимъ (Потемкина) положилъ препону. Сколь симъ возгордятся турки!» восклицалъ временщикъ. Великолѣпный князь Тавриды нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе о Бибиковѣ послѣ того, какъ изъ подробнаго донесенія о дѣйствіяхъ экспедиціи узналъ, что безталанный Бибиковъ, повторивши, подъ вліяніемъ ложныхъ и непровѣренныхъ сообщеній о критическомъ положеніи дѣлъ въ Анапѣ, ошибку генерала Текеллія, въ единичныхъ случаяхъ дѣйствовалъ далеко успѣшнѣе этого послѣдняго. Императрица приказала однако отдать подъ судъ Бибикова.

Возвратившіяся изъ экспедиціи войска были размѣщены въ Прочноокопѣ. Въ теченіе мѣсяца люди были освобождены отъ всякой службы; ихъ кормили улучшенною пищею, дали чистое бѣлье и одежду. Благодаря такому отвлеченію боевыхъ силъ, правый флангъ Кавказа оказался слабымъ по оборонѣ. Для защиты его генералъ Розенъ подраздѣлилъ Кубанскій корпусъ на три части. Одна часть войскъ была расположена на Карасу, притокѣ Еи, въ верховьяхъ, другая у Темижбека, а съ третьею Розенъ остался у Ейскаго укрѣпленія. При такомъ положеніи дѣлъ командующимъ всѣми этими войсками назначенъ былъ генералъ-поручикъ графъ де-Бальменъ.

Назначеніе это совпало съ особенно напряженною дѣятельностью турокъ, перешедшихъ въ наступленіе противъ русскихъ. По обыкновенію турки направили свои усилія на то, чтобы вызвать поголовное возбужденіе въ средѣ черкесскихъ племенъ противъ русскихъ. Съ этою цѣлью, въ іюнѣ 1790 года, Баталъ-паша послалъ особаго турецкаго чиновника съ письмами и подарками къ вліятельнымъ представителямъ кабардинскаго народа и закубанскихъ горцевъ. Закубанцы и безъ подарковъ склонны были начать войну съ русскими, а кабардинцы приняли подарки, и свое участіе въ войнѣ противъ Россіи обусловили необходимостью присылки къ нимъ турецкихъ войскъ и достаточнаго количества артиллеріи.

Тогда Баталъ-паша принялся дѣятельно за организацію отряда противъ русскихъ. Снесясь съ аварскимъ ханомъ, дженгутайскими владѣльцами и ахалцыхскимъ пашою, онъ направился въ Кабарду во главѣ 8 тысячъ пѣхоты, 10 тысячъ турецкой конницы и 15 тысячъ закубанскихъ горцевъ при 30 орудіяхъ. Князь Потемкинъ заранѣе былъ оповѣщенъ объ

этомъ и, поэтому, поручилъ графу де-Бальмену идти противъ турокъ, не дожидаясь ихъ наступленія. Графъ находился въ тяжеломъ болѣзненномъ состояніи, но еще при жизни распорядился о сформированіи трехъ отрядовъ генералъ-майоровъ Германа, Булгакова и бригадира Матцена. Командиру же Кубанскаго егерскаго корпуса барону Розену и войсковому атаману Иловайскому приказалъ вести свои отряды противъ горцевъ за Кубань.

Въ это время Баталъ-паша успѣлъ передвинуться съ своимъ отрядомъ отъ Анапы къ верховьямъ Кубани. 28 сентября онъ переправился на правый берегъ Кубани, чтобы двинуться въ Кабарду и занять Георгіевскую крѣпость, долженствующую служить центромъ его операцій. Но стоявшій на р. Кумѣ при Песчаномъ Бродѣ генералъ Германъ съ 3 тысячами отряда рѣшилъ преградить туркамъ путь въ Кабарду. Присоединивши къ своимъ войскамъ незначительный отрядъ бригадира Беервица и пославши за помощью къ генералу Булгакову, съ наличными силами Германъ подошелъ 29 сентября къ лагерю турокъ, расположенному у горы Тохтамышъ и р. того же имени. Хорошо понимая, что каждая минута промедленія грозила для русскихъ потерей бассейна р. Кумы и присоединеніемъ къ туркамъ кабардинцевъ, Германъ на совѣтѣ съ товарищами офицерами рѣшилъ немедленно аттаковать турокъ въ лагерѣ.

Раздѣливши весь отрядъ на пять колоннъ, Германъ въ 8 часовъ утра 30 сентября направилъ авангардъ въ 700 чел. при двухъ орудіяхъ подъ командою маіора князя Орбеліани съ порученіемъ занять одну изъ высотъ, командовавшихъ надъ р. Тохтамышъ. Горцы первыми бросились на цѣпь казаковъ и фланкеровъ, шедшихъ впереди отряда. Аттака эта была отбита, авангардъ занялъ намѣченную высоту надъ р. Тохтамышемъ и удержалъ ее за собою.

Въ то же время средняя колонна бригадира Матцена и егеря бригадира Беервица заняли высоты, къ которымъ одновременно съ противоположной стороны подходили турки. Завязался бой изъ за этихъ высотъ. Послѣ того, какъ черкесы, бросившіеся въ атаку на наши войска съ фланговъ и тыла, были отбиты кавалерійскою бригадою полковника Буткевича, генералъ Германъ повелъ аттаку по всей линіи. Противъ лѣваго крыла турокъ направлена была правая колонна, состоявшая изъ егерей подъ командой Беервица, а на правое крыло турокъ должны были наступать мушкатеры подъ командою полковника Чемоданова. Турки оказали сильнѣйшее сопротивленіе егерямъ, но въ это время понеслись на нихъ драгуны полковника Муханова, разстроившіе ряды турокъ. Непріятель дрогнулъ, и сбитые съ позиціи турки начали по-

спѣшно отступать по всей линіи. Не успѣлъ еще полковникъ Чемодановъ съ егерями напасть на правый флангъ, какъ непріятель показалъ тылъ. Брошены были пушки и турки толпами побѣжали къ Кубани. Двигаясь по пятамъ турокъ, русскія войска ворвались въ лагерь, захватили всѣ 30 орудій, снаряды, припасы и взяли въ плѣнъ самого Баталъ-пашу. Турки понесли огромныя потери убитыми и потонувшими при переправѣ черезъ р. Кубань.

Такъ разгромлена была сорокатысячная армія Баталъ-паши малочисленнымъ отрядомъ генерала Германа.

Въ то же время баронъ Розенъ съ своимъ отрядомъ громилъ горцевъ и жегъ ихъ аулы по рѣкамъ Псекупсу, Пчасу, Мартѣ и Пшишу. Узнавши о пораженіи арміи Баталъ-паши и о плѣненіи его русскими, горцы, не ожидая болѣе помощи отъ турокъ, просили принять ихъ въ подданство Россіи. Розенъ приводилъ ихъ къ присягѣ и бралъ аманатовъ. Ногайскіе татары, кочевавшіе по Лабѣ, перешли, съ разрѣшенія Розена, на правый берегъ Кубани въ количествѣ 2000 семействъ и осѣли временно въ предѣлахъ Кавказской Линіи.

Перейдя съ отрядомъ на Линію, баронъ Розенъ сильно заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Такъ какъ не задолго передъ тѣмъ умеръ и графъ де-Бальменъ, то командующимъ войсками Кубанскаго и Кавказскаго корпусовъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Гудовичъ. Генералу этому Потемкинъ Таврическій далъ спеціальное порученіе взять возможно скорѣе Анапу, «дабы истребить сіе гнѣздо турокъ» и прекратить возбуждаемыя ими волненія между кавказскими горцами.

Въ концѣ января 1791 года Гудовичъ прибылъ на Кавказскую Линію. Начались подготовленія къ походу на Анапу. Но находившійся въ Анапѣ шейхъ Мансуръ вмѣстѣ съ Мустафою-пашей вели дѣятельную агитацію между горцами, побуждая ихъ къ всеобщей войнѣ съ русскими. Самъ султанъ турецкій, по циркулировавшимъ въ массѣ слухамъ, разослалъ фирманъ, грозя въ немъ разлучить съ женами и дѣтьми тѣхъ, кто не приметъ участія въ войнѣ правовѣрныхъ съ гяурами. Горцы и безъ того склонные къ войнѣ шли охотно на этотъ призывъ единовѣрцевъ. Походъ на Анапу осложнялся этими не благопріятными обстоятельствами, а между тѣмъ приготовленія къ нему шли медленно.

Только 4 мая 1791 года у Темишбека собраны были 11 батальоновъ пѣхоты, 1900 человѣкъ егерей и 24 эскадрона кавалеріи съ 20 орудіями. Съ этими силами генералъ Гудовичъ двинулся 9 мая къ Анапѣ. Въ помощь къ нему шелъ выдѣленный изъ Кубанскаго корпуса отрядъ, подъ командою генералъ-майора Загряжскаго, состоявшій изъ 4 батальоновъ пѣхоты, 20 эскадроновъ драгунъ, 2 донскихъ

казачьихъ полковъ и 16 орудій полевой артиллеріи, 24 мая оба отряда соединились у Талызинской переправы чрезъ Кубань, вблизи нынѣшняго Екатеринодара.

Подвигаясь впередъ, генералъ Гудовичъ старался укрѣпить связи и сообщенія съ Кавказскою линіею. По дорогѣ къ Ейскому укрѣпленію устроены были укрѣпленные этапные пункты; на обоихъ берегахъ переправы черезъ Кубань возведены были также два укрѣпленія и для защиты оставлено 422 человѣка пѣхоты съ 4 орудіями подъ начальствомъ полковника Брауна; тутъ же были оставлены больные, обозъ и излишнія тяжести; понтонный мостъ, разорванный большими деревьями, пущенными по водѣ черкесами, былъ снятъ и переправа производилась на паромахъ. Основательно укрѣплены и снабжены необходимыми силами главные опорные пункты Кавказской линіи—редутъ при Темишбекѣ и укрѣпленіе при Ейскомъ городкѣ.

Запасшись провіантомъ на 40 дней, Гудовичъ 29 мая двинулся по лѣвому берегу Кубани по направленію къ Анапѣ. 8 іюня къ главнымъ силамъ Гудовича примкнулъ посланный изъ Крыма черезъ Тамань отрядъ генералъ-майора Шица, состоявшій изъ 10 эскадроновъ кавалеріи, 800 егерей 309 донскихъ казаковъ, 14 орудій полевой артиллеріи и 90 штурмовыхъ лѣстницъ. На слѣдующій день соединенныя войска подошли къ Анапѣ. Въ четырехъ верстахъ отъ нея русскіе были атакованы нѣсколькими тысячами черкесъ. Одними силами авангарда черкесы были отброшены и ретировались въ горы, а русскія войска расположились на виду у Анапы.

Анапа была сильно укрѣплена по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства французскими инженерами. Крѣпость состояла изъ семи бастіоновъ; снаружи на протяженіи 700 саженъ тянулся глубокій и широкій ровъ, выложенный камнемъ, за рвомъ возвышался валъ, а за валомъ слѣдовалъ палисадъ; съ моря Анапу ограждала естественная защита— крутые утесистые берега и морская отмель, мѣшавшая подходу къ городу большихъ судовъ; масса мелкихъ вооруженныхъ судовъ расположена была со стороны моря у стѣнъ Анапы; въ крѣпости было 83 пушки и 19 мортиръ; наконецъ, гарнизонъ Анапы состоялъ изъ 10 тысячъ турокъ и 18 тысячъ татаръ и черкесовъ. Всѣ эти силы находились подъ начальствомъ трехбунчужнаго Мустафы-паши, но душею гарнизона былъ шейхъ Мансуръ, дѣятельно подготовлявшій гарнизонъ и жителей къ упорному сопротивленію противъ русскихъ.

12 іюня начата была закладка трехъ батарей русскими войсками. Тщетно непріятель старался воспрепятствовать возведенію этихъ сооруженій. Вылазки гарнизона отражались

русскими и, несмотря на убійственный огонь изъ крѣпостныхъ орудій, дѣло было доведено до конца и батареи сооружены окончательно. Съ 19 іюня былъ открытъ съ нихъ огонь по крѣпости, а ночью подъ 20 іюня русскими бомбами и брандскугелями зажженъ во многихъ частяхъ городъ. Пожаръ продолжался до разсвѣта и сопровождался взрывами; сгорѣло много домовъ и помѣщеніе коменданта паши. Можно было полагать, что пожаръ этотъ навелъ панику на жителей Анапы и гарнизонъ и, поэтому, Гудовичъ предложилъ въ письмѣ на имя Мустафы паши сдать безъ боя городъ, обѣщая свободный выходъ гарнизону и жителямъ и грозя въ противномъ случаѣ безпощадностью побѣдителей. Паша склоненъ былъ къ такому исходу дѣла, но шейхъ Мансуръ, пользовавшійся сильнѣйшимъ вліяніемъ на войска и населеніе, настоялъ на упорномъ сопротивленіи. Въ отвѣтъ на мирное предложеніе Гудовича турки открыли изъ пушекъ огонь по русскимъ войскамъ.

Не желая длить блокады, при отсутствіи осадной артиллеріи, и подвергать отрядъ съ фланговъ и тыла безпрерывнымъ нападеніямъ горцевъ, Гудовичъ рѣшилъ взять Анапу штурмомъ. На такое рѣшеніе имѣли вліяніе и полученныя командующимъ вѣсти о направленіи турецкаго флота съ устьевъ Днѣстра въ Анапу. Нужно было не допустить серьезной помощи флота съ десантомъ осажденному городу.

21 іюня начались подготовленія къ штурму. Гудовичъ, генералы и начальствующіе сновали по лагерю, подбодряя и одушевляя войска. Ночью лагерь былъ снятъ и войска разведены были по опредѣленнымъ мѣстамъ для аттаки крѣпости. На мѣстѣ оставлены были только 4000 человѣкъ подъ командою генералъ майора Загряжскаго для отраженія горцевъ. Остальные 8000 человѣкъ подраздѣлены были на пять колоннъ, изъ которыхъ 1 и 2 колонны, начиная съ лѣваго фланга, были поручены генералъ-майору Булгакову, 3 и 4 колонны генералъ-майору Депрерадовичу и 5 колонна генералъ-майору Шицу. За каждою колонною оставленъ былъ резервъ и, кромѣ того, общій резервъ подъ командою бригадира Поликарпова.

Въ полночь былъ открытъ огонь съ батарей, подъ прикрытіемъ котораго колонны начали приближаться къ крѣпости. Въ часъ ночи пальба на батареяхъ прекратилась; перестали стрѣлять и турки изъ Анапы. За полчаса до разсвѣта съ русскихъ батарей снова началась усиленная канонада города. Русскія войска двинулись быстро на штурмъ. Турки замѣтили ихъ у крѣпостного рва и, при помощи свѣтящихся ядеръ, брошенныхъ въ ровъ, открыли почти въ упоръ картечный огонь. Это однако не остановило наступленія

войскъ, которыя спустились въ ровъ и стали приставлять осадныя лѣстницы.

Четвертая колонна подъ командою полковника Самарина первою взошла на крѣпостной валъ и утвердилась на немъ, выдержавши отчаянную рукопашную борьбу съ гарнизономъ и жителями города. За четвертою послѣдовала третья колонна, командиръ которой полковникъ Келлеръ и заступающій его мѣсто майоръ Веревкинъ были сильно ранены и выбыли изъ строя. Вторая колонна подъ командою полковника Муханова овладѣла батальономъ. Первая колонна овладѣла валомъ и расположеннымъ за нимъ кавальеромъ только при помощи резерва. Но пятая колонна, долженствовавшая войти въ крѣпость съ берега, въ тылъ гарнизону, встрѣтила самыя серьезныя затрудненія. Замѣченная раньше времени наступленія турками, она была встрѣчена столь убійственнымъ огнемъ, что, не имѣя возможности дойти до контръ-эскарпа, начала отступленіе. Генералъ Шицъ вызвалъ резервъ и самъ лично сталъ впереди колонны и повелъ ее на приступъ. Въ тоже время подошли батальонъ пѣхоты и три эскадрона спѣшенныхъ драгунъ, посланныхъ въ помощь Гудовичемъ изъ главнаго резерва. Наконецъ, Гудовичъ направилъ полковника Поликарпова со всею кавалеріею главнаго резерва. Частью спѣшенные, а частью на лошадяхъ кавалеристы ворвались въ крѣпость и приняли участіе въ общемъ рукопашномъ боѣ.

Въ теченіе пяти часовъ турки дружно и отчаянно защищались. Русскіе по перемѣнно, нѣсколько разъ то овладѣвали передовыми частями укрѣпленій, то отступали отъ нихъ. Исходъ штурма становился сомнительнымъ. Гарнизонъ повидимому рѣшилъ сопротивляться до послѣдней крайности. Тогда Гудовичъ двинулъ на штурмъ остальныя части главнаго резерва—600 человѣкъ мушкатеръ и три эскадрона спѣшенныхъ драгунъ. Свѣжія силы рѣшили бой. 22 іюня въ 8 часовъ утра Анапа была взята русскими войсками.

Въ то время, когда бралась штурмомъ Анапа, 8000 черкесовъ напали съ тыла на отрядъ генералъ-майора Загряжскаго. И здѣсь кипѣлъ серьезный бой, но въ концѣ концовъ черкесы были отброшены и отступили въ горы.

При взятіи Анапы изъ гарнизона убыла громадная цифра убитыхъ и раненыхъ—до 8000 человѣкъ. Русскими взято 95 орудій, 130 знаменъ, значительные запасы боевыхъ снарядовъ и провіанта и плѣнено 5900 мужчинъ и 7588 женщинъ. Попали въ плѣнъ начальникъ гарнизона Мустафа паша, его помощникъ, сынъ Баталъ-паши, и шейхъ Мансуръ. Послѣдній, скрывшись въ погребѣ, не хотѣлъ сдаваться, и только послѣ угрозы генерала Булгакова взорвать погребъ,

онъ отдался въ руки враговъ гяуровъ. Его отправилъ Гудовичъ въ Петербургъ.

Русскіе потеряли подъ Анапой 930 человѣкъ убитыхъ и 1295 раненыхъ.

Съ паденіемъ Анапы турки сами сожгли и разрушили Суджукъ-Кале, бѣжавши изъ этой крѣпости въ горы къ черкесамъ.

Побѣдители были награждены чинами и орденами, а Анапу со всѣми ея укрѣпленіями Гудовичъ приказалъ срыть до основанія. Батареи были взорваны, ровъ и колодцы засыпаны и весь городъ сожженъ. 10 іюля русскія войска отправились изъ Анапы на линію, куда и прибыли 16 сентября. На этотъ разъ сами горцы, встрѣчавшіеся по пути отряду, изъявляли покорность и готовность принять подданство Россіи. Грозный урокъ военной Немезиды не остался безъ послѣдствій.

Этимъ военнымъ дѣяніемъ генерала Гудовича и его отряда и можно закончить исторію борьбы русскихъ съ турками, татарами и горцами. Съ слѣдующаго 1792 года, при томъ же Гудовичѣ, началась колонизація Кубанской области казачествомъ.

ГЛАВА VII.

Исторія казачества.

Раннее и дѣятельное участіе казачества въ борьбѣ русскихъ съ горцами, татарами и турками естественно требуетъ ознакомленія съ оригинальными формами казачьяго быта. Казаки— сторожа и завоеватели окраинъ. Такою была ихъ роль и по отношенію къ Кубанской области.

Вопросъ о происхожденіи казачества принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ задачъ, которыя нельзя считать окончательно рѣшенными. Не уяснены ни процессы образованія первоначальныхъ формъ казачества, ни постепенный ходъ въ ихъ развитіи, не установлены ни ближайшія причины, породившія ихъ, ни степень ихъ самостоятельности, не даны отвѣты на вопросъ: кто были творцы этихъ формъ, ставшіе во главѣ своеобразнаго движенія народной массы къ автономіи и политической свободѣ? Вопросъ о зарожденіи казачества остается, поэтому, открытымъ. Только дальнѣйшая, завѣдомо извѣстная жизнь казаковъ и предшествовавшія ей формы народоправства даютъ опредѣленныя указанія по этому вопросу. Несомнѣнно, что казачество появилось на смѣну вѣчевого уклада народной жизни, хотя, разумѣется, и

подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ. Жажда свободы и стремленія къ народоправству были прямымъ наслѣдіемъ вѣчевыхъ порядковъ, уходъ на сторону съ промысловыми цѣлями и образованіе новыхъ заселеній выражали разомъ и экономическія побужденія массы и осуществленіе желательныхъ формъ жизни въ духѣ народныхъ идеаловъ. При такомъ совпаденіи двойственныхъ условій—политическихъ и экономическихъ, появилось и утвердилось казачество.

Слово «казакъ» не русскаго происхожденія. Оно тюркскаго корня и взято изъ киргизскаго языка. У киргизовъ слово «казакъ» до сихъ поръ употребляется для обозначенія народности. Киргизы также называютъ сами себя «казакъ», какъ называютъ себя русскіе русскими, французы французами, нѣмцы нѣмцами и пр. Казаками называютъ киргизовъ и другіе тюркскіе народы—турки, татары и пр. По преданіямъ киргизовъ, общимъ ихъ родоначальникомъ былъ казакъ, а не киргизъ, считающійся прародителемъ только одного изъ многочисленныхъ родовъ, на которые дѣлятся киргизы. Названіе киргизовъ киргизами, поэтому, не правильно. Сами себя они никогда такъ не называютъ, а говорятъ о себѣ просто «казакъ" или по нашему казаки, въ отличіе отъ русскихъ казаковъ, которыхъ они называютъ „казакъ урусъ". Самое слово казакъ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ молодецъ, удалецъ, и равносильно черкесскому „джигитъ". Такимъ образомъ, въ названіи казакъ остались несомнѣнные слѣды заимствованія русскою народностью отъ народности тюркской чего-то уже готоваго, сложившагося.

Съ этимъ фактомъ приходится мириться. И теперь еще можно найти много общаго между киргизскимъ укладомъ жизни и недавнею жизнью казаковъ, когда они владѣли обширными площадями земли и занимались преимущественно скотоводствомъ. Этого сходства, въ особенности въ области хозяйственныхъ отношеній, придется еще касаться въ исторіи Кубанскаго казачества. У киргизъ сохранились почти неприкосновенными многіе обычаи не только изъ временъ татарскаго владычества на Руси, когда киргизы играли соподчиненную роль у татаръ, но даже изъ скифской эпохи, когда киргизы, или по Геродоту массагеты, считались однимъ изъ сильнѣйшихъ народовъ. Таковы напр., обычаи и хозяйственные пріемы, соединенные съ періодическими перекочевками киргизъ со скотомъ по степямъ, то есть, жизнь въ юртахъ, въ кибиткахъ или, какъ выражались древніе писатели, въ повозкахъ.

Но отмѣченное сходство въ бытовыхъ формахъ киргизовъ и казаковъ скотоводовъ, державшееся на сходствѣ хозяйственныхъ условій и естественной обстановки, не исключаетъ

самостоятельнаго проявленія русской народной жизни, какъ вылилась она исторически въ казачествѣ. Заимствованія касались лишь названія «казакъ» и извѣстныхъ чисто внѣшнихъ формъ казачьяго быта и организаціи. Внутреннее же содержаніе казачьихъ формъ, такъ называемая идейная подкладка ихъ, было чисто русскимъ. Достаточно указать на то, что русскіе казаки всю свою долгую историческую жизнь посвятили борьбѣ съ тюркскими народностями и что на знамени, подъ которымъ велась эта борьба, у русскихъ казаковъ значились крестъ и христіанскія начала, а у турокъ и татаръ полумѣсяцъ и исламъ, чтобы провести рѣзкое различіе между русскимъ казачествомъ и соотвѣтственными ему формами казачества у тюркскихъ народностей. Сходство формъ имѣло мѣсто только въ самый моментъ зарожденія русскаго казачества.

Профессоръ Д. И. Эварницкій, устанавливая фактъ заимствованія слова казакъ у тюркскихъ народностей, указываетъ на то обстоятельство, что, до появленія въ Южной Россіи татаръ, ни въ одномъ спискѣ русскихъ лѣтописей не встрѣчается слова «казакъ». Существуетъ предположеніе о томъ, что названіе казакъ заимствовано русскими у татаръ, которые называли казаками легкіе передовые отряды своихъ воиновъ, состоявшихъ, вѣроятнѣе всего, изъ киргизовъ. Повидимому развѣдчики—казаки были и у другихъ народностей. Половцы еще въ XI столѣтіи по Р. Хр. называли казаками передовую стражу. Позже становятся извѣстны ордынскіе, азовскіе и бѣлгородскіе казаки, всѣ, очевидно, татарскаго происхожденія. У крымскихъ татаръ существовало даже дѣленіе всего народа на три сословія—на уланъ, князей и казаковъ. Казаки составляли низшую и самую многочисленную часть народа, а дѣленіе тѣхъ же казаковъ на перекопскихъ и бѣлгородскихъ велось несомнѣнно по мѣстожительству ихъ – перекопскихъ у Перекопа, а бѣлгородскихъ у Аккермана или по русски Бѣлгорода.

Въ «уставѣ генуэзскихъ колоній», изданномъ въ 1449 году, говорится о казакахъ—оргузіяхъ. «Если случится, гласилъ генуэзскій законъ, что будетъ взята какая нибудь добыча на суднѣ казаками—оргузіями», состоявшая изъ вещей, скота и воловъ татарскихъ, то добычу эту строго воспрещалось отбирать у казаковъ, подъ опасеніемъ штрафа. Татары въ ту пору были врагами генуэзцевъ и законъ поощрялъ, очевидно, борьбу съ ними. Оргузіи составляли въ Каффѣ стражу, состоявшую изъ вооруженныхъ всадниковъ при консулѣ. Они, по уставу, должны были формироваться изъ «хорошихъ, ловкихъ и надежныхъ» лицъ, изъ которыхъ „каждый, по существующему обычаю, долженъ былъ имѣть

лошадь, щитъ, плащъ и свое оружіе. Они получали отъ общины г. Каффы жалованья каждый по 120 аспровъ (3 р. 60 к.) въ мѣсяцъ, и никто изъ нихъ не можетъ быть невольникомъ или чьимъ бы то ни было подданнымъ". Оргузіи казаки были, слѣдовательно, вольными воинами, какъ казаки вообще.

Упоминаніе Герберштейна о цѣлой Кайсацкой ордѣ относится, надо полагать, къ киргизамъ. Киргизъ—кайсаками долго называли киргизовъ русскіе и многіе склонны видѣть въ словахъ «киргизъ—кайсакъ» испорченное „киргизъ—казакъ". Вообще же, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ историческій фактъ, что въ то время, когда у русскихъ появились казаки, у сосѣднихъ татаръ былъ уже этотъ видъ войска. У обѣихъ народностей казакъ былъ одновременно и лучшимъ, легкимъ и подвижнымъ воиномъ, и представителемъ народной вольницы.

Русскіе казаки становятся исторически извѣстными во второй половинѣ XV столѣтія. По мнѣнію Максимовича, казаки были на Украйнѣ уже въ 1471 году, въ ту пору, когда Кіевское княжество было обращено въ простое воеводство. Польскій лѣтописецъ Бѣльскій упоминаетъ подъ 1489 годомъ о казакахъ, какъ передовыхъ вожатыхъ литовскаго войска. Профессоръ Антоновичъ говоритъ, что въ 1491 году казаками назывались въ Червоной Руси крестьяне-повстанцы, защищавшіе народныя права. Наконецъ, въ уставной грамотѣ великаго князя Литовскаго Александра за 1499 годъ уже прямо говорится о взиманіи съ казаковъ, промышлявшихъ по Днѣпру, пошлины въ видѣ десятины или десятой доли съ рыбы и денежнаго налога.

Съ начала XVI столѣтія въ историческихъ актахъ южной Россіи появляются черкасскіе казаки, какъ войско. Такъ какъ въ ту пору казаки набирались старостами и вообще представителями правящихъ властей, то они назывались по ихъ именамъ—казаки князь-Дмитрія, казаки князь-Ружицкаго, казаки Мировицкаго. Казаки, бывшіе подъ командою Предслава Лянскоронскаго, считались казаками Лянскоронскаго. Были казаки и у другого знаменитаго вождя казаковъ—у Евстафія Дашковича. Всѣ эти казаки „промышляютъ" у бусурманъ. Они ходятъ на татаръ и нападаютъ на ихъ крѣпости и поселенія. Особенно отличались казаки партіи Дашковича. Дашковичъ принадлежалъ къ числу крупныхъ народныхъ вождей, за которымъ охотно шла народная масса, какъ за лучшимъ выразителемъ ея настроеній и стремленій. О личности его, какъ и другихъ видныхъ представителяхъ нарождавшагося казачества, осталось въ историческихъ до-

кументахъ очень мало свѣдѣній. Но это была во всякомъ случаѣ крупная фигура, которая и въ настоящее время рисуется суровымъ и неуклоннымъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, что всегда обаятельно дѣйствуетъ на массу.

Евстафій Дашковичъ.

Стало быть, въ порядкѣ исторической послѣдовательности, татарскіе казаки предшествовали русскимъ или точнѣе, южнорусскимъ. Д. И. Эварницкій смотритъ на этихъ первыхъ казаковъ, какъ на пограничную стражу, постепенно охватившую города Черкасы, Каневъ, Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую и южную часть Подольской губерніи. „Однако, говоритъ этотъ историкъ, рядомъ съ казаками пограничниками и ихъ начальниками старостами изрѣдка дѣйствовали и независимыя „купы" казаковъ подъ начальствомъ собственныхъ вожаковъ. Своимъ вожакамъ казаки давали названія гетмановъ (отъ нѣмецкаго hauptmann-капитанъ) и первоначально придавали этому слову значеніе вообще предводителя, не соединяя съ нимъ представленія ни объ административной,

ни судебной власти, какъ было впослѣдствіи. Цѣлью первыхъ движеній малороссійскихъ казаковъ изъ городовъ въ степи, какъ показываютъ свидѣтельства 1489, 1499 и 1552 годовъ, были интересы военные и промышленные. Одни изъ казаковъ уже въ это время воевали у Буга съ татарами; другіе въ качествѣ рыболововъ, звѣролововъ, пасѣчниковъ и мелкихъ торговцевъ, отправлялись къ Днѣпру за разнаго рода добычею.

По мнѣнію Д. И. Эварницкаго, «южно-русское казачество, начавшись небольшими купами, дошло до развитія въ цѣлое сословіе и разлилось по обширной территоріи Малороссіи и Запорожья» подъ вліяніемъ пяти причинъ. Первую изъ этихъ причинъ составляли измѣненія, подъ давленіемъ литовскаго государственнаго строя, въ земельныхъ отношеніяхъ, обратившихъ землю въ государственно-феодальную собственность и лишившихъ крестьянина правъ на землю. Второе мѣсто заняла экономическая причина, сведенная историкомъ лишь къ защитѣ населеніемъ земель отъ татаръ. Къ третьей причинѣ Эварницкій относитъ заразительность живого примѣра татарскихъ казаковъ, съ которыми малороссу по необходимости требовалось бороться равнымъ оружіемъ и «равномѣрными боевыми средствами». Четвертую причину представляли вольныя южно-русскія степи, такъ какъ свободному воину требовался широкій просторъ—«степы та воля—казацька доля». Наконецъ, пятую и послѣднюю причину образованія казачества составляли «этнографическія особенности Малороссіи», въ силу которыхъ казачьему духу была близка и сродна община. Малороссы были воспитаны «на вѣчевомъ строѣ, самосудѣ и самоуправленіи», и эти именно начала вліяли на образованіе самоуправляющихся формъ казачества.

Все это конечно такъ, но въ основѣ первыхъ четырехъ причинъ образованія казачества несомнѣнно лежитъ послѣдняя, пятая—вліяніе вѣчевого строя на организацію казачьихъ общинъ. Не будь вѣчевой Руси, не было бы и казачества или во всякомъ случаѣ тѣхъ своеобразныхъ формъ, въ которыхъ исторически сложилось казачество.

Русскій народъ, находился подъ гнетомъ польскаго правительства, донимавшаго населеніе не однимъ только лишеніемъ правъ на землю: на населеніе и имущество того-же народа посягали татары; у татаръ были уже готовыя формы казачества, технически приспособленныя для быстрыхъ набѣговъ части войскъ, а степи давали возможность содержать такихъ же легкоконныхъ воиновъ и русскому народу. Все это были лишь общія положительныя и отрицательныя условія, въ зависимости отъ которыхъ слагалось

русское казачество, но центръ тяжести этого историческаго движенія крылся въ творчествѣ народа, какъ выражалось оно въ его руководящихъ идеяхъ.

Вѣчевые порядки заключали въ себѣ тотъ запасъ высшихъ идеаловъ народа, изъ котораго этотъ послѣдній, путемъ наведенія и аналогіи, пользовался потомъ живыми примѣрами при дальнѣйшемъ общественномъ строительствѣ въ своей жизни. На вѣчевыхъ порядкахъ, какъ прообразѣ вольнаго казачества, сходились главнѣйшія народности Руси — великороссы и малороссы, для которыхъ эти порядки одинаково послужили точкою отправленія при выработкѣ основъ казачьяго самоуправленія и политической свободы.

Вѣчевое устройство было исконнымъ и общераспространеннымъ укладомъ народной жизни у всѣхъ славянскихъ народностей. Оно составляло первоначальную форму народнаго быта и существовало до Рюрика. Самъ народъ въ ту пору проявлялъ и осуществлялъ свою верховную власть, собираясь на вѣче. Такъ было во времена призванія русскихъ князей и княженія Рюриковичей на всемъ пространствѣ Руси. Гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Профессоръ В. И. Сергѣевичъ называетъ цѣлый рядъ городовъ и мѣстностей, въ которыхъ существовало въ ту пору вѣче, какъ форма непосредственнаго правленія народа. По историческимъ актамъ о вѣчевыхъ порядкахъ упоминается въ Бѣлгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Берестьѣ, Рязани, Муромѣ и Пронскѣ, Смоленскѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Друцкѣ, Черниговѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Стародубѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Ярославлѣ, Костромѣ и Нижнемъ, Брянскѣ, Минскѣ, Луцкѣ, Переяславлѣ южномъ, Изяславлѣ, Ладогѣ, Путивлѣ, Выри, Червенѣ, Дорогобужѣ, Корчевскѣ, Туровѣ, Рымовѣ, Перемышлѣ, Дмитровѣ, Козельскѣ, Возвяглѣ, Изборскѣ, Двинской Землѣ, Устюгѣ, Заволочьѣ, Галичѣ Сѣверномъ, Вяткѣ, и др. Вѣче существовало вообще всюду и въ тѣхъ городахъ, о которыхъ нѣтъ упоминанія въ актахъ; дольше же всего и цѣльнѣе вѣчевое устройство сохранилось въ Новгородѣ и Псковѣ.

Чѣмъ было въ ту пору вѣче для русскаго народа? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ и совершенно опредѣленный: вѣче было политическою формою народоправства. Ему предшествовалъ родовой бытъ, до сихъ поръ сохранившійся у киргизовъ, при которомъ русскіе управлялись и совершали свои дѣла по родовымъ группамъ или такимъ кровнымъ союзамъ, въ составъ которыхъ входили по своему естественному мѣстожительству родственники, имѣвшіе одного общаго родоначальника или главу рода. Когда эти естественно-родовыя группы размножились и

представители разныхъ родовъ смѣшались, образовавъ города и общества, то народъ началъ управлять своими дѣлами съ помощью вѣча. На вѣче начали собираться не одни только родственники, а все населеніе, и вѣча стали такимъ образомъ народными собраніями. Стало быть, вѣче было правомъ народа обсуждать свои дѣла и самоуправляться. Въ этомъ и кроется политическое значеніе вѣча, какъ самостоятельной формы народоправства.

Въ то время существовали собственно два вида власти: вѣче и князь—вѣче было народнымъ собраніемъ, совершавшимъ всѣ народныя дѣла, а князь военачальникомъ, представителемъ военной силы. Въ такомъ видѣ вѣче представляло собою „форму непосредственнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей". Народъ собирался на вѣче поголовно, ставилъ и обсуждалъ вопросы, какіе хотѣлъ и находилъ необходимыми, и самъ приводилъ въ исполненіе рѣшенія вѣча. Самый созывъ вѣча производился въ зависимости отъ потребности въ немъ, по мѣрѣ надобности, какъ указывали жизнь и обстоятельства. Вѣче созывалось по почину какъ народа, такъ и князей, но первымъ чаще, чѣмъ вторымъ. Мѣстами вѣчевыхъ сборищъ были большею частію города, но вѣча собирались и внѣ ихъ. Наконецъ, рѣшенія вѣча постановлялись большею частію единогласно или во всякомъ случаѣ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Такимъ образомъ, право вѣча и кругъ его вѣдѣнія были довольно широки и самостоятельны. Не князь устанавливалъ вѣче, которое функціонировало, какъ постоянное народное учрежденіе, а наоборотъ, вѣче призывало князя „на княжескій столъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ большинствѣ случаевъ. Вѣчемъ устанавливались при этомъ „ряда" или „порядa" съ княземъ, т. е. опредѣлялись тѣ условія, на которыхъ призывался князь на княжій столъ. Князь, поэтому, являлся зависимымъ, въ извѣстной мѣрѣ, представителемъ власти отъ вѣча или народа. Даже такія важныя дѣла, какъ вопросы о войнѣ или мирѣ, рѣшались вѣчемъ. „Характеръ нашего вѣча, говоритъ профессоръ Сергѣевичъ, опредѣлялся двумя условіями—*слабостью* княжеской власти и *всемогуществомъ* личной свободы, столь обыкновенномъ въ первобытномъ обществѣ". Слѣдовательно, личная свобода представителей народа служила однимъ изъ самыхъ крупныхъ и характерныхъ признаковъ вѣчевыхъ порядковъ. На вѣчѣ все исходило отъ личности; личная инпціатива, личное участіе каждаго члена данной группы, обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ участниковъ въ вѣчѣ—все это покоилось на личной свободѣ насе-

ленія. Почему и рѣшенія вѣча проводились единогласно или подавляющимъ большинствомъ, т. е. такъ, какъ думалъ и поступалъ народъ. Въ случаѣ же разногласія, свободные представители вѣча дѣлились на партіи, и каждая партія, какъ носительница извѣстныхъ взглядовъ и требованій, проводила свою программу дѣйствій. По той же причинѣ на вѣче не могъ никто влiять со стороны. Между вѣчемъ и княземъ не было никакихъ посредствующихъ органовъ, не существовало ни полиціи, ни войска, въ составъ котораго входили тѣ же лица, что и въ составъ вѣча.

Таковы были отличительные признаки народоправства, проявлявшагося въ вѣчахъ. Съ теченіемъ времени, когда жизнь осложнилась и появились новыя историческія условія, политическое значеніе вѣча съузилось и стало постепенно падать. Профессоръ Сергѣевичъ указываетъ на три причины, вліявшія на уничтоженіе вѣча. Первою причиною было татарское иго, нарушившее въ корнѣ основныя начала русскаго народоправства. Вторую причину составило усиленіе класса служилыхъ людей, которые, въ силу своихъ отношеній къ князю, какъ военачальнику, стали зависимыми отъ князя, а не отъ народа. Наконецъ, третьею причиною послужило объединеніе отдѣльныхъ княжествъ, чѣмъ парализовалось значеніе вѣча, въ замѣнъ котораго, сообразно съ осложнившимися политическими условіями, не было создано какого-либо другого, общаго для нѣсколькихъ княжествъ, органа народоправства. Постепенное угасаніе вѣча совпадаетъ съ концомъ XV и началомъ XVI вѣковъ. Вѣча имѣли широкое значеніе до XIV вѣка. Въ XIV и XV столѣтіяхъ вѣчевыя собранія составляли уже исключеніе, а не правило. Къ концу XV столѣтія Россія распалась на двѣ части: съ одной стороны, существовали еще Новгородъ и Псковъ съ ихъ вѣчевыми порядками, а съ другой, господствовала уже Москва съ княжескими порядками, объединившая цѣлый рядъ княжествъ. Новгородъ палъ, а съ нимъ и вѣчевые порядки, въ 1478 году; черезъ 32 года, въ 1510 году, уничтожено было вѣчевое устройство и въ Псковѣ.

Но съ уничтоженіемъ вѣчевого строя не угасли окончательно стремленія массы къ народоправству. Напротивъ, отстраненіе народа отъ власти повело къ закабаленію его и масса горькимъ опытомъ познала всѣ невыгоды безправаго положенія. Естественно, что народъ попытался вернуться къ старинѣ и на смѣну вѣча явилось казачество.

Что было общаго между вѣчевымъ укладомъ и казачествомъ?—Народныя собранія—«вѣче» въ древней Руси и «рада» у казаковъ, вершившія свои внутреннія, а отчасти и внѣшнія дѣла. Съ этими, совершенно сходственными органами на-

родоправства, неразрывно были связаны личная свобода и право на участіе въ самоуправленіи. Можно сказать, что казаки лишь возстановили вѣчевую старину. Но въ вѣчевой періодъ были одни времена и люди, а въ эпоху казачества совершенно другіе. Вѣче было органомъ мирнаго устроенія жизни, а казачество выполняло двоякую роль: вело войны и боролось за народныя права. Это весьма существенное различіе двухъ эпохъ народной исторіи связывается однако однимъ и тѣмъ же, общимъ всей массѣ, стремленіемъ народа къ самостоятельному управленію.

Такимъ образомъ, казачьи порядки были лишь продолженіемъ вѣчевыхъ, осложненныхъ иными историческими условіями и обстоятельствами. Казачество возникло въ ту пору, когда на Руси и русскомъ народѣ тяготѣли послѣдствія двоякаго ига—татарскаго и отъ собственныхъ неурядицъ. Разныя части Руси находились однако въ этомъ отношеніи въ различныхъ положеніяхъ. Особенно тяжелая доля досталась Малороссіи. Силою историческихъ обстоятельствъ она очутилась какъ бы между двухъ огней. Съ одной стороны, на нее насѣдали татары и турки, какъ на пограничную область, а съ другой, жали поляки и отчасти Великороссія съ Литвой Несомнѣно, поэтому, что въ силу сопротивленія, въ Малороссіи раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, сложились казачьи общины, и шире, чѣмъ гдѣ-либо охватило народную массу стремленіе къ свободѣ и независимости. На этомъ держится вся многострадальная исторія малороссовъ, съумѣвшихъ, при невѣроятныхъ препятствіяхъ, сохранить свои національныя особенности—языкъ и основныя формы домашняго и хозяйственнаго быта.

Польша, какъ болѣе сильное и сплоченное въ ту пору государство, первою воспользовалась для охраны границъ народившимся малорусскимъ казачествомъ. Повидимому, она видѣла въ казачествѣ лишь пограничные охранительные отряды воиновъ, и такой характеръ дѣйствительно носили первыя казачьи дружины Дашковича, Ляскоронскаго и др. Но когда та же Польша превратилась изъ естественнаго союзника въ давящую и деспотическую силу, казачество повело борьбу на два фронта—противъ татаръ съ турками и противъ поляковъ, и въ общемъ борьба съ послѣдними оказалась продолжительнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ съ первыми. Много поводовъ было къ тому.

Пока Польша, Литва и Малороссія представляли въ извѣстной мѣрѣ обособленныя области, каждая изъ нихъ пользовалась опредѣленною самостоятельностью. Покрайней мѣрѣ религія, языкъ и землепользованіе были неприкосновенны. Но съ теченіемъ времени Польша, какъ сильнѣйшая,

начала постепенно и систематически порабощать двѣ остальныя народности—малорусскую и литовскую. Первоначально Украйна такъ и была соединена съ Польшею на правахъ людей «равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными».

Для управленія тремя народностями, подъ протекціей польскихъ королей, существовало три гетмана — польскій, литовскій и русскій, изъ которыхъ каждый долженъ былъ управлять населеніемъ на началахъ народныхъ учрежденій и порядковъ. Скоро, однако, эти автономно-унитарныя отношенія были упразднены и остались неприкосновенными лишь на одной бумагѣ. Съ объединеніемъ Литвы съ Польшею, подъ властью литовско-польскихъ королей, существенно были измѣнены и нарушены порядки народнаго управленія. Вмѣстѣ съ населеніемъ къ Польшѣ были присоединены малорусскія и литовскія земли, почему и все трудовое населеніе было отдано въ «собственность» польско литовскихъ и малорусскихъ ополяченныхъ пановъ. Власть пановъ и безправіе населенія впослѣдствіи приняли просто невѣроятныя формы. Помѣщики были полноправными владыками крестьянъ; они могли ихъ не только безнаказанно карать, но даже казнить, а между тѣмъ поселяне лишены были даже права жаловаться на пановъ. Особенно же тяжело ложилось на народъ безправіе религіозное. Съ учрежденіемъ такъ называемой религіозной уніи, православное населеніе силою обращалось въ уніатовъ и католиковъ, а, главное, православная религія и обряды были буквально таки отданы въ поруганіе евреевъ—арендаторовъ. Богослуженіе въ церкви, вѣнчаніе, крещеніе, похороны и пр. все это совершалось съ разрѣшенія еврея-арендатора, которому населеніе должно было внести предварительно арендную плату, чтобы совершить извѣстное таинство или церковную требу. Тутъ ужъ безправіе сопровождалось оскорбленіемъ и религіознаго чувства.

Такимъ образомъ, малорусскому народу приходилось бороться за вѣру, землю и свободу одинаково какъ съ татарами, такъ и съ поляками. И вотъ, при наличности этихъ условій, малороссы все время своей кровавой исторіи вели безпрерывную борьбу со своими сосѣдями—татарами и поляками, а передовыми бойцами и защитниками были казаки. Въ казачествѣ крылись не только необходимыя для борьбы силы, но и живое воплощеніе народныхъ стремленій къ свободѣ, самоуправленію и національной зависимости. Въ готовыя внѣшнія формы казачества были воплощены идеалы вѣчевого строя и порядковъ—равноправіе, выборное начало, народныя собранія, народное самоуправленіе и суды, однимъ словомъ, въ свое время казаки были не только храбрыми

воинами, но и самоотверженными поборниками свободы и народоправства.

Польское правительство прекрасно понимало эту двойственную роль казаковъ и, эксплоатируя ихъ, какъ военную силу, всячески подавляло стремленія къ народовластію и свободѣ. Дѣлясь на три сословія—шляхту, хлоповъ и мѣщанъ, Польша отнесла главную часть малорусскаго населенія къ послѣднимъ двумъ сословіямъ, поставивши казачество какъ бы внѣ сословій. По своему положенію казаки должны быть отнесены къ шляхтѣ, но они не допускались ни къ избранію короля, ни къ участію въ сеймахъ, что составляло привиллегію каждаго шляхтича. Самый составъ казачества польское правительство пыталось свести къ minimum'у. Въ этихъ видахъ были заведены особые реестры или списки, и только тѣ, кто попадалъ въ эти реестры, считались казаками, получившими названіе реестровыхъ казаковъ. Но изъ 35000 всѣхъ малорусскихъ какаковъ внесено было въ реестры только 6000; остальные приравнивались къ мѣщанамъ и хлопамъ. Казаковъ только терпѣло польское правительство и, если не низвело ихъ на степень хлоповъ, то только потому, что не могло. Въ 1578 году Стефанъ Баторій писалъ татарамъ: «если казаки нападутъ на татарскіе улусы, то это навѣрное будетъ безъ нашего вѣдома. Мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ того, желали бы истребить, но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько властной силы, чтобы совладать съ ними». Признаніе это относится собственно къ запорожскимъ казакамъ, но въ немъ кроются основныя начала политики польскаго правительства по отношенію вообще къ казакамъ.

Настоящею выразительницею казачьихъ идеаловъ явилась Запорожская Сичь; она же была праматерью и значительной части Кубанскаго войска. Запорожскому казачеству, поэтому, должно быть удѣлено и наибольше вниманія въ интересахъ выясненія той исторической пріемственности, которая перешла на берега Кубани вмѣстѣ съ черноморскимъ войскомъ, возникщемъ изъ призванныхъ къ службѣ казаковъ послѣдней Запорожской Сичи.

Запорожская Сичь представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій народной исторіи. Какъ извѣстно, Запорожскою Сичь названа потому, что главная масса казаковъ жила за порогами Днѣпра; а самое слово Сичь Д. П. Эварницкій производитъ отъ выраженія слова сѣчь или рубить лѣсъ и равносильно великорусскому «засѣка». Первыя мѣста поселенія устраивались на «засѣкахъ» и въ этомъ смыслѣ и запорожская община названа Сичью. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ важно не филологическое значеніе слова

сичь, а то понятіе, которое съ нимъ соединялъ народъ. Народъ же Сичью называлъ казачью общину изъ равноправныхъ членовъ, избиравшихъ сичевое начальство и вѣдавшихъ свои дѣла путемъ самоуправленія.

Князь Мышецкій въ своей «Исторіи о казакахъ запорожскихъ» насчитываетъ десять мѣстъ, гдѣ запорожцы «свои главныя жилища, а по ихъ званію, сѣчи имѣли». Войско переходило съ мѣста на мѣсто и сичи, резиденціи войска, опорные пункты перемѣщались. Фактъ, очевидно, указывающій на сложность причинъ, обусловившихъ возникновеніе и развитіе оригинальной общины малорусскаго народа. Въ немъ выражается, съ одной стороны, жизненность народныхъ идей, а съ другой, цѣлый рядъ довольно сложныхъ условій, начиная съ естественныхъ и оканчивая международными политическими, вліявшихъ на складъ, бытъ и судьбы запорожскаго казачества. Каковы бы ни были эти условія то тормозившія, то способствовавшія развитію казачества, но разъ малорусскій народъ давалъ все новыя и новыя силы для пополненія рядовъ вольницы и разъ самимъ казакамъ, въ силу необходимости, приходилось мѣнять мѣста сичей, народныя стремленія были несомнѣнно глубоки, могучи и всеобщи. Народная вольница не мирилась съ препятствіями, а народъ не уставалъ давать ей своихъ представителей.

Въ числѣ десяти сичей Мышецкій указываетъ на сичи въ Седневѣ, Каневѣ и Переволочнѣ, въ мѣстахъ, находившихся вблизи Чернигова, Кіева и Полтавы. По этому поводу Д. И. Эварницкій совершенно правильно замѣчаетъ, что указаніе князя Мышецкаго интересно исключительно въ томъ отношеніи, что показываетъ мѣста зарожденія Запорожскаго казачества, но онъ однако находитъ невозможнымъ считать указанные Мышецкимъ три пункта, какъ лежавшіе выше днѣпровскихъ пороговъ, «запорожскими сичами». Пусть будетъ такъ. Но вѣдь дѣло не въ названіи, а во внутреннемъ содержаніи факта. Если седневская, каневская и переволоченская сичи были не «за порогами», то ужъ навѣрное онѣ имѣли въ основѣ своей организаціи и быта много общаго съ сичами запорожскими. А это собственно и важно для историка. За внѣшнею формою скрывается внутреннее содержаніе ея, и наличность хотя бы и не «запорожскихъ», т. е. за порогами находившихся сичей, фактъ огромной важности съ точки зрѣнія возникновенія и развитія Запорожскаго казачества. Изъ этого уже видно, что Запорожская Сичь не была, да и не могла быть неизмѣнною, остановившеюся въ своемъ развитіи, закостенѣвшею формою въ различныхъ мѣстахъ своего нахожденія. Первыя по времени сичи несомнѣнно были болѣе примитивны и менѣе сложны,

чѣмъ послѣдующія. Если бы, поэтому, сообщеніе князя Мышецкаго сопровождалось фактическими подробностями о сичевомъ устройствѣ и жизни казаковъ въ Седневѣ, Каневѣ и Переволочнѣ, то это дало бы важный матеріалъ для выясненія того эволюціоннаго пути, по которому шла Запорожская Сичь. Къ сожалѣнію, именно возникновеніе Запорожской Сичи, ея первообразъ съ архаическими чертами и особенностями, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Если вѣрно толкованіе Эварницкаго слова сичь, то въ этомъ обстоятельствѣ кроются нѣкоторыя указанія на организаціонный характеръ первыхъ по времени сичей. Надо полагать, что устройство сичей выше днѣпровскихъ пороговъ производилось именно въ глухихъ лѣсахъ, гдѣ приходилось, быть можетъ, сѣчь или высѣкать лѣсъ. Это не были тѣ грозныя военныя общины, которыя служили потомъ пугаломъ для сосѣдей. Преслѣдуемыя первыми сичами цѣли были болѣе скромны и ближе подходили къ народно бытовымъ условіямъ. Двѣ черты однако были присущи имъ и на этой стадіи развитія—обособленность и вольная жизнь. Сичевики селились хотя и вблизи, но внѣ обычныхъ мѣстъ поселенія, и заводили здѣсь свои порядки. Съ теченіемъ времени порядки эти видоизмѣнялись, осложнялись и приспособлялись къ внутреннимъ требованіямъ и внѣшнимъ условіямъ. Такимъ образомъ, постепенно, путемъ эволюціи и сложилась та Запорожская Сичь, о которой имѣются прямые историческіе матеріалы, оставшіеся отъ сичевыхъ архивовъ, а также мемуары и описанія современниковъ. На ней, какъ имѣющей ближайшее отношеніе къ предмету нашей исторіи, мы и остановимся преимущественно.

О Запорожьѣ и запорожцахъ привыкли обыкновенно судить по внѣшнимъ чертамъ ихъ быта. Все экстравагантное, бьющее въ глаза въ обыденной ихъ жизни, дерзкоотважные военные подвиги, при набѣгахъ и столкновеніяхъ съ врагами, естественно останавливало вниманіе любителей старины и исторіи. Какой-нибудь своеобразный кунтушъ съ откидными рукавами, красные и широкіе, какъ море, шаравары, высокая мерлушковая шапка съ заломленнымъ кармазиннаго цвѣта верхомъ, сафьянные съ серебряными подковами чоботы, неуклюжее старинное ружье или тяжеловѣсный кремневый пистоль, громадная, пузатая, какъ лягушка, люлька, которою по меньшей мѣрѣ можно убить человѣка, старинная картина, изображающая сидящаго въ степи дюжаго запорожца, съ толстымъ оселедцемъ за ухомъ, съ бандурою на колѣняхъ, съ оружіемъ, привѣшеннымъ къ неизвѣстно какъ очутившемуся въ степи дереву, съ пляшкою на землѣ у ногъ и михайликомъ возлѣ нея, изъ котораго одинокій, какъ

палецъ, воинъ тянетъ горилку — все это было любопытно, тѣшило, настраивало на веселый ладъ этихъ любителей старины, распространялось и шло въ обыкновенную публику. Съ другой стороны, подвиги въ духѣ Тараса Бульбы, отчаянные набѣги степныхъ рыцарей и жестокая расправа съ противниками глубоко интересовали любителей сильныхъ ощущеній и поклонниковъ военныхъ подвиговъ и отваги. И вотъ о запорожцахъ сложились ходячія представленія,

Народный пѣвецъ.

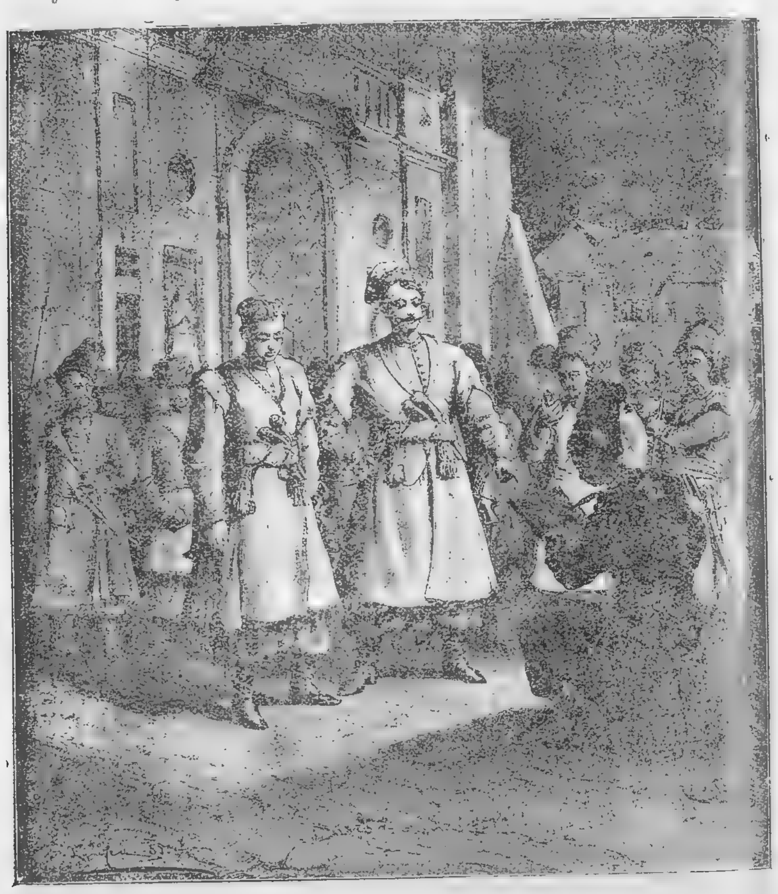
какъ о воинахъ, для которыхъ всюду и дома среди родной обстановки, и въ степи въ поискахъ за врагами, и въ от-

крытомъ бою съ злыми татарами и мстительными ляхами, было по колѣно море

Но если разсматривать Запорожскую Сичь съ той излюбленной точки зрѣнія, какъ сборище отчаянныхъ до самозабвенія головорѣзовъ, любившихъ кровь и битвы, какъ родную стихію, неугомонныхъ наѣздниковъ, которые не только нападали на врага, но и жгли его жилища и обирали до ниточки; то несомнѣнно, что запорожцы были, истыми разбойниками по профессіи и, живя на окраинахъ, не брезгали никакими средствами при своихъ разбояхъ Однако, сами запорожцы и населеніе, видѣвшее въ запорожцѣ идеалъ лучшаго человѣка того времени, иначе смотрѣли на Запорожскую Сичь. Народъ и сами запорожцы называли себя «лыцарями", т. е. своего рода общественными дѣятелями, призванными кого-то и что-то защищать. Тотъ-же народъ и запорожцы кратко формулировали преслѣдуемыя ими цѣли словами „за вѣру и народъ". Христіанская вѣра ругалась татарами, народъ находился въ угнетеніи у ляховъ. Необходимо было стать на защиту ихъ. Выходитъ, слѣдовательно, что военный характеръ Запорожской общины обусловливался необходимостью. Насиліе за насиліе. Таковы суровыя требованія исторической необходимости

Но за фактами упорной и отчаянной борьбы запорожцевъ за вѣру и народъ скрывается нѣчто другое, правда, не громкое, ординарное, на что мало обращаютъ обыкновенно вниманія воинственные историки. Это обыденная жизнь, слагавшаяся изъ массы мелочей и заурядностей. Запорожцы вѣдь жили не исключительно войной. Военные походы и столкновенія, какъ бы часто ни повторялись, были во всякомъ случаѣ лишь эпизодическими явленіями на томъ сѣромъ фонѣ, который представляла собою ихъ мирная повседневная жизнь и занятія. Этого мало. Внимательное отношеніе къ явленіямъ этого рода привело такихъ крупныхъ историковъ, какъ Н. И. Костомаровъ, къ мысли, что самое образованіе Запорожской Сичи совершилось подъ вліяніемъ хозяйственныхъ побужденій массы и на чисто экономической почвѣ. Сначала, по мнѣнію талантливаго историка, украинцы уходили на низы по Днѣпру за рыбой и звѣремъ, какъ рыболовы и охотники. Обиліе рыбы, звѣря и всякой дичи задерживали здѣсь на нѣкоторое время предпріимчивыхъ промышленниковъ, а самыя условія промысловъ, вдали отъ родины и жилищъ, требовали совмѣстной дѣятельности и связи общественной, тѣмъ болѣе, что приходилось не только вести дѣло сообща, на артельныхъ началахъ, но и защищать себя отъ враговъ, татаръ, также сообща. А съ теченіемъ времени эта совмѣстная артельно общинная жизнь вылилась въ болѣе по-

стоянную и устойчивую форму Сичи, то есть коммуны. И вотъ рыбопромышленники и звѣроловы, владѣя обширными землями и богатыми угодьями, будучи никѣмъ нестѣсняемы въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, живо чувствуя свои кровныя связи съ угнетаемымъ украинскимъ народомъ, поставили на своемъ знамени: „за вѣру и народъ"! образовавши могущественную общину.



Поступленіе въ Сичь.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключались отличительныя особенности Запорожской Сичи, какъ организованнаго цѣлаго?

Три черты—равенство, свобода и самоуправленіе проникали весь строй Запорожской Сичи.

Запорожцы были „товарищи", Запорожье—„товариство", и это основный принципъ равноправія. Доступъ въ Сичь былъ свободенъ, никому, при соблюденіи извѣстныхъ условій, не возбранялся. Требовались лишь годность къ службѣ, исповѣдываніе православія да подчиненіе сичевымъ порядкамъ. Въ товарищество поступали люди взрослые, часто „закаленные" и во всякомъ случаѣ способные выносить всѣ невзгоды казачьей жизни и лишенія степной обстановки. Случалось, что, до поступленія въ товарищи, молодежь преимущественно дѣти старшинъ и почетныхъ лицъ, проходила предварительно извѣстную практическую школу въ качествѣ „молодиковъ" при опытныхъ запорожцахъ, но это не исключало у молодика права на товарища, разъ это позволялъ ему возрастъ. Предположеніе нѣкоторыхъ писателей о томъ, что для поступленія въ Сичь обязательно требовалось безбрачіе, знаніе малорусскаго языка, присяга русскому царю, православіе и семилѣтній искусъ, лишено основаній и мало вѣроятно. Женатый могъ назвать себя холостымъ. Едва ли, впрочемъ, это требовалось. Извѣстно, что въ самомъ Запорожьѣ по паланкамъ жили семейные казаки, а многіе со стороны пріѣзжали въ Сичь съ дѣтьми—«молодиками» и «хлопцами» и, стало быть, имѣли семьи на сторонѣ. Требовалось, очевидно, только недопущеніе женщинъ въ Сичь, что обусловливалось навѣрное не столько „обѣтомъ безбрачія", сколько неудобствами, соединенными съ семейною жизнью, для вольнаго казака воина. Противъ обязательности знанія малорусскаго языка говоритъ переполненіе Сичи татарами, турками, волохами, калмыками, евреями, грузинами, братьями славянами и т. п.; въ числѣ запорожцевъ были даже нѣмцы, французы, итальянцы, испанцы и англичане. При такомъ разнообразіи національностей знаніе малорусскаго языка для многихъ было очень условнымъ. Коли инородецъ или иностранецъ могъ мало-мальски объясняться и понималъ господствующій въ Сичи малорусскій языкъ,—ну, значитъ, и запорожцемъ былъ. Еще сомнительнѣе обязанность присяги русскому Царю. Запорожцы долго жили подъ протекторатомъ Польши, а къ татарамъ они со всею Сичью перебрались,—какая же тутъ могла быть присяга русскому Царю? Наконецъ, семилѣтній искусъ могъ быть лишь пустою формальностью. Сичь всегда нуждалась въ притокѣ свѣжихъ силъ, слѣдовательно, стѣсненіе вновь вступающихъ въ товарищество лицъ разными обязательствами было бы просто невыгодно Сичи. Первая же серьезная опасность и тѣмъ болѣе стычка съ врагомъ равняла всѣхъ.

Но какими бы тамъ обязательствами ни обставлялся пріемъ казаковъ въ Запорожье, тотъ, кто становился въ ряды

запорожцевъ, пріобрѣталъ всѣ права члена общины. Ему, какъ и всѣмъ другимъ товарищамъ, принадлежали обширныя земли Запорожья, онъ былъ на равнѣ съ другими хозяиномъ въ войсковыхъ дѣлахъ, имѣлъ право совѣщательнаго и рѣшающаго голоса, могъ избирать другихъ и быть избираемъ самъ на войсковыя должности. Такимъ образомъ, условія полноправія были принадлежностью товарищескаго права. Если обстоятельства благопріятствовали, если новичекъ отличался умомъ, смѣтливостью, хорошо владѣлъ оружіемъ, выказывалъ отвагу, личную храбрость и распорядительность, былъ грамотенъ, пользовался нравственнымъ вліяніемъ на другихъ, то онъ занималъ почетное мѣсто въ Сичи, входилъ въ ряды старшины, несъ различныя должности и пр. Но если всего этого не было, онъ все таки былъ полноправнымъ членомъ общины и проявлялъ свои права во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ указывали ему обычай и обстоятельства.

Въ силу такого равноправнаго положенія въ Сичи, каждый запорожецъ естественно пользовался самою широкою личною свободою. Въ частной жизни онъ былъ полный господинъ своихъ поступковъ, дѣлъ и начинаній. Въ области общественныхъ отношеній ему также всецѣло принадлежало право иниціативы въ дѣлахъ и никто не могъ наложить запретъ на его дѣятельность. Личною свободою запорожецъ рисковалъ лишь тогда, когда переступалъ границы дозволеннаго, нарушалъ установленные въ Сичи порядки, не подчинялся войсковому правительству или отдѣльнымъ представителямъ его, шелъ противъ запорожскихъ обычаевъ и регулы, посягалъ на свободу другихъ лицъ или на ихъ собственность и вообще чинилъ правонарушенія. Такимъ образомъ, личность запорожца, какъ и его нормальные, законные поступки, были неприкосновенны и въ достаточной мѣрѣ гарантировались сичевыми неписанными законами—обычаями. Въ этомъ отношеніи всѣ сичевики были связаны единствомъ интересовъ и общностью правъ, исключавшихъ всякую сословность и классовое подраздѣленіе.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ могущественныхъ стимуловъ—равноправія и широкой личной свободы, были созданы формы сичевого самоуправленія. Всѣ сичевыя должности были выборныя, право на выборъ имѣлъ любой членъ Сичи, разъ онъ удовлетворялъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему товариствомъ, но это уже сводилось къ его личнымъ качествамъ. Въ свою очередь и избранныя лица всецѣло зависѣли отъ контроля и воли общины, какъ верховнаго вершителя внутреннихъ распорядковъ и жизни. Такимъ образомъ, выборное начало, отвѣтственность выбранныхъ лицъ

и контроль всего войска общины лежали въ основѣ народныхъ обычаевъ, которыми регулировалось запорожское самоуправленіе.

Но прежде всего является вопросъ о томъ, что такое была запорожская община—было ли это государство или областная единица въ государствѣ съ широкими автономными правами? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ, очевидно, служить основные признаки Запорожья, какъ организованнаго цѣлаго.

Запорожье, во 1-хъ, имѣло свою опредѣленную территорію съ извѣстными границами. Границы эти измѣнялись, размѣры территоріи увеличивались или уменьшались, вмѣстѣ съ переходами Сичей мѣнялись и самыя площади территоріи, но каждая Сичь владѣла опредѣленною территоріею, отдѣлявшею ее отъ сосѣдей—поляковъ, татаръ и даже малороссовъ.

Во вторыхъ, угодья, входившія въ составъ территоріи, составляли общую принадлежность всего запорожскаго «товарищества» или войска. Земля считалась коллективною собственностью народа или, точнѣе, полноправныхъ членовъ запорожской общины. Отдѣльные представители войска—полноправные и зависимые отъ нихъ имѣли лишь право землепользованія на основаніи господствовавшихъ обычаевъ.

Въ третьихъ, Запорожская Сичь въ отношеніи внутреннихъ распорядковъ и управленія дѣлилась на отдѣльныя части. Сичь въ тѣсномъ смыслѣ или, правильнѣе, Запорожскій Кошъ представлялъ резиденцію войска, нѣчто въ родѣ столицы, гдѣ имѣло мѣстопребываніе Войсковое Правительство и откуда исходили всѣ распоряженія по войску. Собственно же запорожскія земли дѣлились на округа или «паланки», изъ которыхъ въ каждой было «свое начальство до паланки» или «паланковая» администрація.

Въ четвертыхъ, всѣ должностныя мѣста были выборными и, какъ кошевое правительство, такъ и паланочныя власти дѣйствовали на основаніи права представительства отъ войска. На войсковой администраціи лежала лишь исполнительная власть, для осуществленія которой она была снабжена самыми широкими полномочіями, до произнесенія смертныхъ приговоровъ включительно.

Въ пятыхъ, наконецъ, въ Запорожской Сичи не существовало никакихъ писанныхъ законовъ—ни законодательнаго кодекса, ни спеціальнаго органа для его выработки и примѣненія. Судъ, самоуправленіе, административныя распоряженія и пр.—все держалось на обычаѣ и волѣ народа или всего войска, которая проявлялась и осуществлялась на народныхъ собраніяхъ или войсковыхъ радахъ.

Всѣ эти черты—территорія, принадлежность земли всему народу, дѣленіе территоріи на округа, выборное сичевое правительство и верховный органъ правленія—Войсковая Рада, одинаково присущи какъ государственной организаціи съ демократическимъ строемъ, такъ и областнымъ автономнымъ единицамъ. Но, такъ какъ во все время исторической жизни запорожцевъ Сичь тянула къ какому либо сосѣднему государству—или къ Польшѣ, или къ Россіи, или къ Турціи, то, при указанныхъ пяти чертахъ ея организаціи, она являлась автономною единицею, находившеюся подъ вѣдѣніемъ и протекціей болѣе сильныхъ государствъ. Широкія права запорожцевъ и ихъ вольности объяснялись общими условіями того времени, когда военная сила и организованный отпоръ были верховнымъ правомъ въ степяхъ.

Запорожцы шли, однако, нѣсколько далѣе въ своей политической самостоятельности—вели дипломатическія сношенія съ сосѣдями, заключали союзы, объявляли войны, устанавливали миръ и пр., а все это считается обыкновенно прерогативами государственной власти. Такимъ образомъ, эти послѣдніе признаки ставятъ Запорожье на степень государства, проявившаго свою дѣятельность въ области не только внутренняго самоуправленія и распорядковъ, но и внѣшней международной политики. Правда, тѣ государства, въ зависимости отъ которыхъ, хотя бы даже номинальной, находились Запорожскія Сичи, всячески отрицали и старались парализовать дѣйствіе запорожцевъ въ средѣ международной политики. Но запорожцы брали свое и фактически осуществляли свои, отрицаемыя въ большинствѣ случаевъ на бумагѣ, государственныя права.

Смѣшеніемъ того и другого порядка чертъ вносилась извѣстная путаница и въ понятія о Запорожской Сичи. Одни приравнивали ее къ государству, другіе видѣли въ ней просто провинцію. Въ дѣйствительности же, большая или меньшая самостоятельность Запорожья, граничившая съ одной стороны, съ подчиненіемъ Польшѣ или Россіи, а съ другой, съ областью международной политики или сношеній, была результатомъ эволюціи, тѣхъ измѣненій, которымъ въ разное время подвергалась Сичь въ своемъ поступательномъ развитіи и стремленіи къ политической самостоятельности. Запорожское войско и лучшіе его представители, какъ знаменитый Сирко, не скрывали своихъ стремленій къ полной независимости отъ сосѣднихъ государствъ. Больше того, Запорожье часто и фактически осуществляло эти стремленія; не считаясь съ намѣреніями сосѣднихъ монархій. И вотъ противъ этого то государственнаго сепаратизма особенно упор-

но боролась Россія, пока не разрушила послѣднюю Запорожскую Сичь и фактически не завладѣла ея землями.

И такъ, слѣдовательно, въ Запорожьѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, только намѣчались болѣе широкія права и отправленія, чѣмъ областная автономія, но центръ тяжести всегда покоился на его самоуправленіи.

Отличительную особенность запорожскаго самоуправленія составляла широкая власть народнаго собранія или Войсковой Рады. Рада была и высшей правящей инстанціей и инициаторомъ всякихъ начинаній, особенно военныхъ. Разъ зародившійся планъ или предположеніе быстро циркулировали и передавались въ массѣ сичевиковъ. Планъ обсуждался и разрабатывался, мысль зрѣла, желанія росли—и въ концѣ концовъ все это переносилось на Раду, въ кругъ всего това-

Запорожскій казакъ.

риства. Часть подготовленныхъ въ этомъ направленіи казаковъ становилась во главѣ движенія и, смотря по интересу, которое возбуждало дѣло въ сѣрой, рядовой массѣ, приводили въ исполненіе возникшія намѣренія. Это былъ, такъ сказать, естественный ходъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней и политической жизни Запорожья.

Въ составъ Войсковой Рады входили только запорожскіе казаки, т. е. всѣ тѣ, кто съ оружіемъ въ рукахъ, защищалъ Сичь, вѣру и народъ малорусскій и кто участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ Сичи. Это было войско, и къ нему относились какъ бездомовая сирома, жившая въ самой Сичи, такъ и семейные казаки, сидѣвшіе на хозяйствахъ по округамъ или паланкамъ. Ни наймиты, попадавшіе въ Сичь на заработки, ни крамари или торговцы, производившіе торговлю въ Кошѣ и по Запорожью, ни женщины, не имѣли правъ на участіе въ радахъ, не стояли ни въ какихъ отношеніяхъ къ послѣднимъ; женщины даже не имѣли права не только жить, но и временно посѣщать резиденцію войска—Запорожскій Кошъ. Рада, такимъ образомъ, была учрежденіемъ исключительно военной корпораціи.

Рады у войска были очередныя, назначенныя, по Запорожскимъ обычаямъ, въ опредѣленные дни года, и чрезвычайныя, собиравшіяся по мѣрѣ надобности и при исключительныхъ обстоятельствахъ. Первыя составлялись ежегодно на Новый годъ, т. е. 1 января, на храмовой праздникъ въ день Покрова и на второй или на третій день Пасхи. Важнѣйшею считалась Рада на Новый годъ. Вторыя, чрезвычайныя рады правильнѣе, пожалуй, назвать внезапными, потому что онѣ возникали въ большинствѣ случаевъ по мановенію рядового казачества, въ порывахъ возбужденнаго состоянія, и носили бурный характеръ. Такими, по крайней мѣрѣ, были всѣ тѣ рады, которыя собирались не Войсковымъ Правительствомъ, а по волѣ буйной и необузданной сиромы, своего рода запорожскаго пролетаріата.

Очередныя рады производились вообще при торжественной обстановкѣ и особою торжественностью отличалась Рада на Новый годъ. Важность новогодней Рады обусловливалась тѣмъ, что на этой Радѣ выбиралась казачья старшина и распредѣлялись земли и угодья между казаками. На новогоднюю Раду, поэтому, собирались почти всѣ запорожскіе казаки. За нѣсколько дней до праздника они съѣзжались въ Сичь изъ самыхъ отдаленныхъ и укромныхъ уголковъ ея, и распредѣлялись по куренямъ, въ которыхъ они состояли товарищами. Въ самый день Новаго года всѣ наряжались въ лучшіе свои костюмы и шли въ церковь. Здѣсь съ особою торжественностью и церемоніями запорожское духовенство

служило сначала «утреню», а затѣмъ «обѣдню,» по окончаніи которой казаки отправлялись по куренямъ и обѣдали, причемъ готовились лучшія блюда и ставились на столъ напитки.

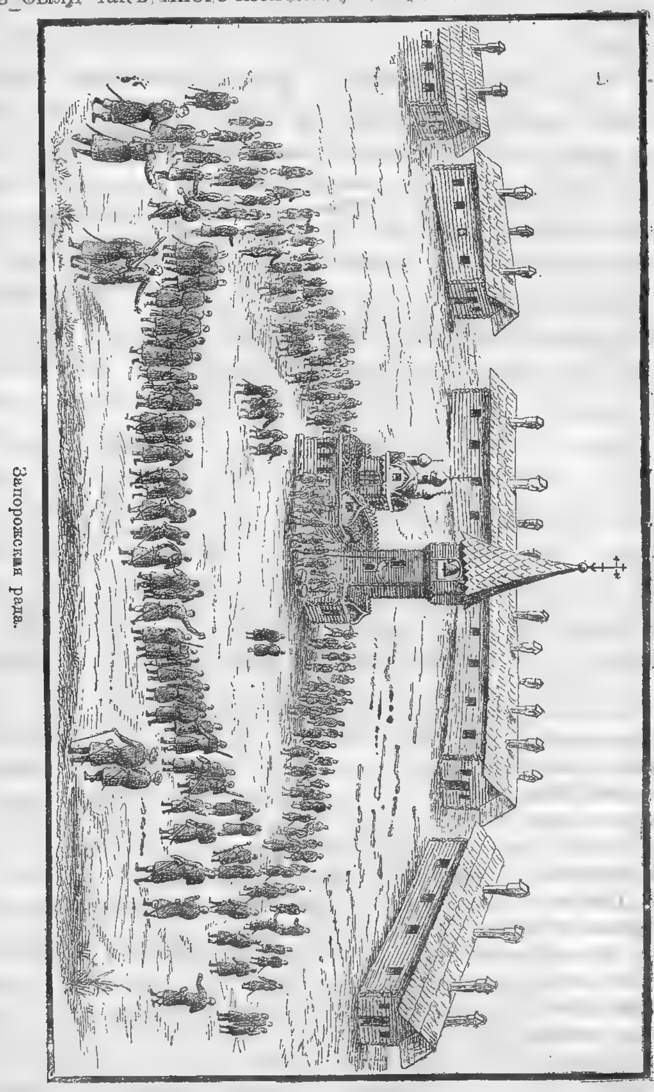
Какъ только оканчивался обѣдъ по куренямъ, на площади производился изъ самой большой пушки выстрѣлъ. Это былъ сигналъ для сбора Рады, раскатистымъ громомъ извѣщавшій всѣхъ о важности наступавшаго момента. Тогда войсковой довбышъ или литаврщикъ выходилъ изъ своего куреня съ литаврскими палками, шелъ въ церковь, гдѣ хранились литавры, выносилъ ихъ на площадь и билъ сборъ «мелкою дробью». На первый зовъ выходилъ войсковой есаулъ, который также шелъ въ церковь, бралъ здѣсь большое войсковое знамя и выносилъ его на площадь. По окончаніи этой церемоніи довбышъ билъ мелкою дробью по литаврамъ двукратно черезъ извѣстный промежутокъ,—и тогда на площадь на Раду шли всѣ казаки въ опредѣленномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ извѣстной субординаціи.

Сичь по своему внѣшнему виду представляла укрѣпленное мѣсто, обнесенное валомъ и рвомъ. Центральную часть укрѣпленія занимала площадь, по срединѣ которой стояла сичевая церковь, а по окружности Сичи расположены были «курени», длинныя, сараеобразныя строенія, въ которыхъ жили запорожцы. Въ Сичи же помѣщались пушки, были также базаръ и лавки. Но собственно площадь не была занята строеніями. Это было исключительно мѣсто сборовъ казачества, гдѣ прямо подъ открытымъ небомъ собирались казачьи рады.

Когда площадь заполнялась рядовыми казаками, въ кругъ ихъ входили на площадь кошевой атаманъ съ атаманскою булавою, войсковой судья съ большою серебряною печатью, войсковой писарь съ перомъ и серебряной чернильницей и войсковой есаулъ съ малою булавою. Вслѣдъ за войсковымъ правительствомъ на площади появлялось тридцать восемь куренныхъ атамановъ, каждый съ своею куренною тростью. Когда показывались на площади войсковая и куренная старшина, довбыши били въ литавры, отдавая честь выборнымъ ставленникамъ. Въ свою очередь старшина, выйдя на середину площади и ставши въ рядъ по служебному рангу, снимала шапки и кланялась на всѣ четыре стороны собравшемуся товариству. Товариство отвѣчало тѣмъ же старшинѣ.

Собравшіеся на Раду казаки располагались обыкновенно огромнымъ кругомъ, начиная съ правой стороны отъ церкви, гдѣ стоялъ кошевой атаманъ, и смыкаясь съ лѣвой стороны той же церкви, гдѣ стоялъ послѣднимъ въ ряду войсковой есаулъ. Казаки группировались по куренямъ, становясь груп-

пами за своими куренными атаманами. Но рады на Новый годъ были такъ многочисленны, что не было никакой возможности соблюсти этотъ порядокъ при размѣщенiи казачества на площади. Площадь не вмѣщала всѣхъ присутствующихъ. Тогда казаки размѣщались по всей Сичи, заполняли


Запорожская рада.

промежутки между куренями, взлѣзали на крыши куреней, на колокольню, занимали валъ, окружавшій Сичь, и располагались даже за стѣнами сичевыхъ укрѣпленій. Это былъ полный сборъ Рады. Всѣ—и старшина и казаки, стояли съ обнаженными головами и прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, слушали торжественный молебенъ, который совершалъ настоятель сичевой церкви.

Торжественность обстановки вполнѣ гармонировала съ капитальностью вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію новогодней рады. Верстаніе земельныхъ угодій было однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ въ жизни Сичи. Скромныя свои потребности запорожцы удовлетворяли средствами, которыя они черпали главнымъ образомъ отъ своего же хозяйства. Земледѣліе, скотоводство, рыболовство, охота, пчеловодство и пр. питали казака. Натурально, что тѣ угодья, съ которыми были соединены всѣ отрасли незатѣйливой экономической дѣятельности запорожца, имѣли для него особую цѣну, какъ главные источники для жизни. И всякій, поэтому, спѣшилъ на новогоднюю раду, чтобы узнать, гдѣ ему придется вести хозяйство или промышлять въ предстоящемъ году.

Обыкновенно всѣ запорожскія земли и угодья распредѣлялись въ войскѣ въ такомъ порядкѣ: сначала надѣлялись курени, потомъ войсковая старшина, за ней духовенство и, наконецъ, женатое населеніе Сичи. Такимъ образомъ, предпочтеніе отдавалось сиромѣ передъ другими представителями Сичи, потому что въ куреняхъ ютились безсемейные и, большею частію, безхозяйные бѣдняки. Но въ основѣ всѣхъ дѣлежей лежалъ демократическій принципъ: въ видахъ разнокачественности угодій онѣ дѣлились ежегодно, чтобы каждый могъ мѣняться хорошими и дурными землями и угодьями при частыхъ дѣлежахъ, а для сохраненія справедливости метался жребій, который и указывалъ кому, чѣмъ и гдѣ пользоваться. Это былъ лучшій порядокъ войскового землепользованія, не допускавшій ни споровъ, ни злоупотребленій. Что и кому указывалъ жребій, тѣмъ каждый и довольствовался изъ земель и угодій, подлежавшихъ ежегоднымъ передѣламъ.

Иными были выборы казачьей старшины. Выборы должностныхъ лицъ, особенно заново, всегда сопровождались борьбою партій, а это придавало имъ шумный характеръ съ усиленною агитаціею и острыми столкновеніями сторонъ. Когда Войсковое Правительство состояло изъ популярныхъ въ войскѣ лицъ, тогда выборы обходились спокойно и мирно. Послѣ того какъ войсковая старшина, напомнивши Радѣ, что предстояли выборы, кланялась войску, благодарила за оказанную ей честь и слагала знаки своего достоинства,—

Рада громогласно заявляла, что товариство довольно своими избранниками и проситъ ихъ остаться на избранныхъ должностяхъ еще на годъ. Войсковое Правительство благодарило казаковъ, и тѣмъ выборы и заканчивались. Но когда прежняя старшина браковалась и на сцену появлялся цѣлый рядъ новыхъ кандидатовъ, тогда рада превращалась въ бушующее море человѣческихъ страстей, и выборы переходили въ борьбу партій, выставлявшихъ кандидатовъ. Каждая партія выкрикивала своего кандидата, возникали споры, налагалась критика на кандидатовъ противной стороны, слышались угрозы и брань и, въ концѣ концовъ, выборы нерѣдко переходили во взаимную потасовку. Побѣжденные отступали и прятались по куренямъ, побѣдители тѣснили наступающихъ, вмѣстѣ съ избіеніемъ противниковъ разрушали даже зданія куреней, а были случаи, когда борьба оканчивалась убійствами.

Такой острый характеръ носили въ большинствѣ случаевъ и чрезвычайныя рады, въ особенности, если онѣ свывались буйною сиромою и касались вопросовъ, въ которыхъ расходилась сирома съ старшиною. Въ такихъ случаяхъ Рада всегда дѣлилась на двѣ части—на сирому и старшину, отдѣльно вела свои совѣщанія казачья старшина и отдѣльно рядовые казаки. Послѣдніе всегда брали верхъ надъ первыми, благодаря своему численному превосходству, и старшинѣ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или избіеніе сильнѣйшею стороною, или вынужденное согласіе.

Въ такомъ видѣ рады поразительно напоминали древнія вѣча. На Радѣ, какъ и на вѣчѣ, были свои партіи, вожаки и кандидаты; на Радѣ, какъ и на вѣчѣ, вопросы рѣшались непосредственнымъ участіемъ въ дѣлѣ всего народа и открытымъ голосованіемъ; на Радѣ, какъ и на вѣчѣ, партійная борьба переходила во взаимную потасовку и кровавыя столкновенія—на Радѣ боролись курени съ куренями, а на вѣчѣ концы съ концами; наконецъ, на Радѣ, какъ и на вѣчѣ, окончательное рѣшеніе или было единогласнымъ, или проходило при такомъ подавляющемъ большинствѣ голосовъ, передъ которымъ по необходимости смирялось побѣжденное меньшинство.

Таковы отличительныя черты Запорожской Рады, высшаго учрежденія, диктовавшаго обычные законы и устанавливавшаго порядки въ войскѣ и на войсковой территоріи.

Высшимъ исполнительнымъ органомъ Запорожской Рады было Войсковое или Кошевое Правительство, въ составъ котораго принято включать четыре лица: кошевого атамана, войскового судью, войскового писаря и войскового есаула.

Во главѣ казачьяго правительства находился кошевой

атаманъ. Онъ соединялъ въ своей особѣ военную, административную, въ извѣстной мѣрѣ духовно административную и судебную власть; въ военное же время пользовался правами диктатора. Такія широкія полномочія опредѣлялись особыми условіями того времени, когда политическая жизнь народовъ не сложилась еще въ болѣе расчлененныя формы, и когда военный произволъ и право сильнаго нарушали основныя требованія гражданскаго развитія. Фактически, однако, кошевой не могъ осуществить лично всѣхъ лежавщихъ на немъ обязанностей и часто тратился на мелочи въ родѣ утвержденія выборныхъ лицъ, выдачи аттестатовъ казакамъ, санкціи установленныхъ уже обычаемъ порядковъ распредѣленія жалованья и т. п. Но когда кошевой становился военачальникомъ товариства при веденіи войны, велъ дипломатическія сношенія съ другими государствами, утверждалъ важнѣйшіе судебные приговоры или самъ, въ исключительныхъ случаяхъ, выполнялъ обязанности верховнаго судьи, наказывалъ виновныхъ или казнилъ даже смертью тяжкихъ преступниковъ, тогда значеніе кошевого въ войскѣ сказывалось въ полной силѣ, товариство безпрекословно повиновалось его волѣ и распоряженіямъ, и кошевой былъ дѣйствительно главою войска, своего рода президентомъ съ широкими полномочіями. Все это не избавляло его отъ отвѣтственности передъ войскомъ. Каждый неосторожный шагъ его въ этомъ отношеніи и, тѣмъ болѣе, ничѣмъ неоправдываемый произволъ могъ стоить ему жизни. Ежегодно кошевой давалъ отчетъ о своей дѣятельности на Войсковой Радѣ, и за проступки противъ войска и его порядковъ Рада наказывала кошевыхъ. Часто бывшій „его вельможность панъ кошевый атаманъ" на собственныхъ бокахъ испытывалъ проявленія народнаго суда и расправы. Бывали даже случаи преданія кошевыхъ смертной казни. По преданію, знаменитый казацкій предводитель Предславъ Ланскоронскій былъ казненъ казаками за свою непомѣрную строгость. Въ 1739 году былъ убитъ казаками кошевой атаманъ Яковъ Тукало.

Но и помимо этой отвѣтственности предъ войскомъ или его Радой, кошевой по обычаю ставился въ такое положеніе, которое ежеминутно напоминало ему, что при своихъ высокихъ служебныхъ обязанностяхъ, онъ былъ лишь членомъ сичевого товариства. Прежде всего, въ важнѣйшихъ случаяхъ кошевой атаманъ не могъ предпринять ничего безъ Войсковой Рады, велъ сношеніе и переписку за подписью «Кошевого атамана со всѣмъ низовымъ запорожскимъ товариствомъ» черезъ писаря; не имѣлъ даже право самолично распечатывать письма и конверты и велъ такую же простую жизнь, какъ и всѣ другіе казаки. Онъ жилъ въ томъ

самомъ куренѣ, въ которомъ числился до своего избранія въ атаманы, ѣлъ пищу за общимъ столомъ съ казаками и получалъ даже изъ войскового скарба платье, какъ и всѣ остальные товариши куреня. Такъ по крайней мѣрѣ было въ первыя времена существованія Запорожской Сичи.

Для поддержанія своего престижа кошевой атаманъ получалъ однако болѣе, значительное содержаніе, чѣмъ другіе представители сичевой власти. При новогоднемъ раздѣлѣ земли ему полагался особый участокъ, изъ общаго царскаго жалованья онъ получалъ 70 р. въ годъ, пользовался частью пошлинъ съ товаровъ и перевозовъ черезъ рѣки, судебною платою за расковані преступниковъ отъ позорнаго столба, частью военной добычи промышлявшихъ малыми партіями казаковъ и небольшими подарками, которые ему подносились по обычаю, какъ «ранецъ», просителями, торговцами и пр., а также нѣкоторою долею приблуднаго скота. Все это шло потомъ у кошевого на угощеніе казаковъ, торговцевъ и пр. при извѣстныхъ случаяхъ. Того требовалъ обычай.

Наконецъ, самый фактъ ежегодной замѣны однихъ кошевыхъ другими служилъ постояннымъ напоминаніемъ атаману держаться обычая и народныхъ желаній. Немногіе кошевые атаманы, какъ Сирко, Гордіенко, Малашевичъ и Калнишевскій, были на столько популярными, любимыми и преданными народнымъ обычаямъ и интересамъ войска дѣятелями, что продолжали быть кошевыми атаманами въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ безсмѣнно.

Вторымъ, послѣ кошевого атамана, въ Запорожьѣ лицомъ былъ войсковой судья. Какъ и кошевой, онъ былъ избранникомъ Рады. Согласно самому названію, на войсковомъ судьѣ лежали спеціально судебныя обязанности, его вѣдѣнію одинаково подлежали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Въ большинствѣ случаевъ судья рѣшалъ дѣла и выносилъ приговоры, справляясь только съ обычаемъ, но судившіеся имѣли право представить свои дѣла на окончательный приговоръ кошевого атамана, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже Войсковой Рады. Но тотъ же судья, подобно атаману, несъ административныя и военныя обязанности. Онъ считался главнымъ помощникомъ кошевого атамана и фактически былъ именно имъ. Когда атаманъ на продолжительное время оставлялъ Сичь, какъ это было при военныхъ походахъ или поѣздкахъ въ Петербургъ, войсковой судья принималъ названіе «наказнаго кошевого атамана», замѣщая такимъ образомъ кошевого, но сносясь при малѣйшей возможности съ нимъ и считаясь съ его указаніями. Судья же выполнялъ обязанности войскового казначея и считался начальникомъ артиллеріи въ Сичи. Вообще наравнѣ съ кошевымъ атаманомъ, судья

вѣдалъ земскія дѣла, заправлялъ войсковымъ хозяйствомъ и объѣзжалъ ради дозора паланки и владѣнія Сичи. Какъ и кошевой атаманъ, судья жилъ въ своемъ куренѣ общею жизнью куренныхъ товарищей и на свое содержаніе получалъ почти столько же средствъ и изъ тѣхъ же источниковъ, что и кошевой атаманъ.

Третьею куренною персоною Запорожскаго Коша былъ войсковой писарь. Казалось бы, что, по обычнымъ понятіямъ о писарѣ, онъ былъ исполнителемъ и зависимымъ отъ атамана и судьи лицомъ. Но въ дѣйствительности войсковой писарь пользовался въ области своей дѣятельности довольно широкою самостоятельностью и своего рода авторитетомъ, какъ «письменный» человѣкъ. Скорѣе онъ несъ, такъ сказать, министерскія обязанности и, въ качествѣ таковаго, имѣлъ непосредственныя отношенія ко многимъ изъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдали кошевой и судья. Тѣмъ не менѣе, дѣятельность войсковаго писаря была болѣе спеціализирована, чѣмъ атамана и судьи. Онъ завѣдывалъ письменными дѣлами Запорожской Сичи, велъ счетоводство, записывалъ войсковые приходы и расходы, составлялъ и разсылалъ указы, ордера, приказы, листы и т. п. Его же знаніями и перомъ пользовалось войско при своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ и перепискѣ съ коронованными особами. Что при этомъ требовались навыкъ и спеціальныя познанія, это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что войсковые писаря, избираемые ежегодно на Войсковой Радѣ вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ и судьей, мѣнялись однако не такъ часто, какъ эти послѣдніе. Съ 1734 по 1775 годъ, т. е. въ теченіе 41 года, обязанности войсковаго писаря несли только четыре лица. Самыя эти обязанности считались на столько важными и отвѣтственными, что за нарушеніе ихъ другимъ лицомъ грозила смертная казнь. Принимать письма и бумаги помимо писаря, и вести переписку отъ Коша, строго воспрещалось всѣмъ, не иключая войсковаго судьи и кошевого атамана. Въ дѣйствительности значеніе писаря въ войскѣ было очень велико и ощутительно. Многіе писаря, стоя близко къ дѣламъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, вліяли на настроеніе казачества и на исходъ важнѣйшихъ его дѣлъ и предпріятій. Особую силу войсковому писарю давало близкое соприкосновеніе съ внутреннею жизнью Сичи и ея политикою. Въ обычной же, повседневной жизни писарь жилъ тою же жизнью куренного товарища и при той же куренной обстановкѣ, что и атаманъ съ судьею. Онъ пользовался тоже тѣми же источниками содержанія, что и эти послѣдніе, но въ меньшемъ размѣрѣ. Такъ, денежнаго жалованья онъ получалъ только 50 рублей въ годъ. Писарю не полагалось

особой канцеляріи, дѣла хранились при куренѣ, но онъ имѣлъ выборнаго помощника—«подписарія» и нѣсколько человѣкъ канцеляристовъ.

Войсковой есаулъ избирался на Войсковой Радѣ вмѣстѣ съ атаманомъ, судьей и писаремъ. Этимъ актомъ онъ какъ бы связанъ былъ съ тремя главными правителями войска, и ставился въ положеніе войсковой старшины. Но въ дѣйствительности онъ былъ зависимымъ и подчиненнымъ, главнымъ образомъ, кошевому атаману лицомъ. По той роли, какую выполнялъ войсковой есаулъ, онъ представлялъ интересное совмѣщеніе самыхъ разнообразныхъ обязанностей. Въ однихъ случаяхъ онъ былъ церемоніймейстеромъ, какъ при открытіи Войсковой Рады, въ другихъ—судебнымъ приставомъ, слѣдя за исполненіемъ судебныхъ приговоровъ, въ третьихъ судебнымъ слѣдователемъ, производя слѣдствія и дознанія по разнымъ криминальнымъ дѣламъ, въ четвертыхъ—полицеймейстеромъ, обязаннымъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и охранять проѣзжающихъ въ Сичи, въ пятыхъ—провіантмейстеромъ, заготовлявшимъ продовольствіе для войска и принимавшимъ и раздававшимъ хлѣбное и денежное жалованье казакамъ, въ шестыхъ—развѣдчикомъ при войскѣ, въ седьмыхъ—пограничнымъ чиновникомъ и т. п. Очевидно, при ростѣ общественныхъ условій, въ особѣ есаула совмѣщались зародыши всевозможныхъ обязанностей, вызвавшихъ въ послѣдствіи, при развитіи общественныхъ отношеній, цѣлый рядъ особыхъ учрежденій и исполнителей. Войсковой асаулъ былъ, такимъ образомъ, носителемъ разнообразныхъ и сложныхъ обязанностей, стоявшихъ пока въ фазисѣ зачаточнаго состоянія. Жалованья есаулъ получалъ 40 рублей въ годъ, а остальныя статьи содержанія были у него тѣ-же, что и у войскового писаря.

Слѣдующій рядъ сичевой старшины въ порядкѣ офиціальнаго чиноначалія составляли куренные атаманы. Они стояли внѣ Войскового Правительства и ихъ положеніе ограничивалось скромною долею старшихъ въ куренѣ, но это были самыя уважаемыя лица въ войскѣ и ихъ вліяніе на товариство было громадное. Каждый курень избиралъ своего атамана независимо отъ другихъ, и такъ какъ въ войскѣ было 38 куреней, то такое число было и куренныхъ атамановъ. Слѣдовательно, прямыя обязанности куренного атамана касались исключительно порядкового куреня, выборнымъ представителемъ котораго онъ состоялъ.

Отъ обязанностей этихъ и самаго положенія куренныхъ атамановъ вѣяло стариной и патріархальностью. Куренной атаманъ былъ собственно «батькомъ» и хозяиномъ куреня и, въ качествѣ таковаго, относился къ казакамъ, какъ

заботливый отецъ къ дѣтямъ. Въ его распоряженіи находилась куренная «скарбница», своего рода казначейство, въ которомъ хранились деньги и имущество куреннаго товариства; куренной атаманъ заботился о продовольствіи куреня, объ отопленіи, освѣщеніи и вообще о порядкахъ въ куренѣ и жизненныхъ удобствахъ его обитателей; наконецъ въ случаѣ нарушенія этихъ порядковъ или проступковъ со стороны куренныхъ товарищей, куренной атаманъ «журилъ» провинившихся, наказывалъ ихъ по домашнему, не спрашиваясь ни высшаго начальства, ни куреннаго товариства. Обсудивши вмѣстѣ съ «кухаремъ», готовившимъ пищу для всѣхъ казаковъ въ куренѣ, проступокъ виновнаго казака, куренной атаманъ и кухарь вооружались «кіями» и учили собственноручно уму-разуму провинившагося.

Такимъ образомъ, за скромною ролью куреннаго атамана и патріархальными пріемами его управленія куренемъ, характерными для тѣхъ отдаленныхъ временъ и грубыхъ нравовъ, ясно сквозили извѣстный авторитетъ и нравственное вліяніе главы куреня.

И дѣйствительно, куренные атаманы были самыя уважаемыя и почетныя лица въ войскѣ. Куреннымъ атаманомъ избирался человѣкъ, хорошо знакомый съ казачьими обычаями, смышленый «въ порядкованіи» куренемъ, храбрый на войнѣ и справедливый въ отношеніяхъ къ людямъ. Лица бывшія раньше войсковыми судьями и кошевыми атаманами, считали за честь быть избранными въ куренные атаманы. Личныя качества такого избранника и особая близость его къ куреннымъ казакамъ, какъ къ однокашникамъ, связывали куреннаго атамана съ казаками его куреня крѣпкими нравственными узами, и поэтому, вліяніе куреннаго атамана на своихъ ближайшихъ товарищей было подавляющимъ. Были популярные въ войскѣ куренные атаманы, которыхъ больше слушались и уважали казаки, чѣмъ кошевого атамана или судью. Нерѣдко войсковыя старшины дѣйствовали на казачество черезъ куренныхъ атамановъ и самъ кошевой прибѣгалъ въ важныхъ случаяхъ къ ихъ помощи.

Куренные атаманы, ничѣмъ не выдѣляясь отъ рядовыхъ казаковъ, жили одною общею съ ними жизнью въ куреняхъ, но, находясь въ положеніи казачьей старшины, получали по 17 рублей денежнаго жалованья; доходы же отъ лавокъ, торговыхъ помѣщеній, съ шинкарей и крамарей, а также сборы отъ котловъ и найма лодокъ, принадлежавшихъ куренямъ, атаманы полностью обращали въ куренную казну и расходовали на потребности и нужды куреня.

За представителями Войскового Правительства и куренными атаманами слѣдовала паланочная старшина. Организація па-

ланочнаго управленія представляла въ миніатюрѣ паланочный кошъ, въ составъ котораго входили полковникъ, есаулъ и писарь; у послѣднихъ двухъ были помощники—подъесаулій и подписарій.

Во главѣ управленія стоялъ полковникъ, который выбирался изъ заслуженныхъ и уважаемыхъ лицъ, какъ и вообще паланочная старшина. Вѣдѣнію паланочнаго управленія подлежали собственно порядокъ и спокойствіе въ паланкѣ. Въ этихъ видахъ полковнику полагалась особая команда казаковъ, изъ числа которыхъ онъ посылалъ сторожевые разъѣзды по границамъ, конвой для сопровожденія проѣзжающихъ черезъ паланку, партіи для преслѣдованія преступниковъ, и т. п. Но за этими чисто охранительными и полицейскими обязанностями, полковникъ пользовался громадною властью и полномочіями. Замѣняя собою въ предѣлахъ паланки особу кошевого атамана, полковникъ по собственному усмотрѣнію расправлялся съ нарушителями спокойствія паланки и бывали случаи, когда паланочные полковники казнили даже преступниковъ. Какъ внѣшній знакъ своего достоинства, полковникъ носилъ всегда за поясомъ металлическій перначъ, которымъ онъ иногда, по выраженію историческихъ документовъ, «билъ смертнымъ боемъ по головѣ провинившагося въ чемъ-либо казака». Таковы ужъ были тогда нравы и такъ легкомысленно дешево цѣнились люди и ихъ жизнь.

Наконецъ, къ послѣдней низшей инстанціи сичевого управленія относились войсковые служители—довбышъ, пушкарь, толмачъ, кантаржей, шафарь, канцеляристы, школьные атаманы, а также войсковые табунщикъ, скотарь и чабанъ. Довбышъ завѣдывалъ войсковыми литаврами, въ которыя били на сборъ и тревогу, и выполнялъ нѣкоторыя полицейскія и фискальныя обязанности—сопровождалъ преступниковъ, приковывалъ ихъ на площади къ позорному столбу, взыскивалъ недоимки, взималъ пошлины на перевозахъ и т. п. Войсковой пушкарь завѣдывалъ запорожскою артиллеріею и исполнялъ обязанности смотрителя тюрьмы. Войсковой толмачъ былъ переводчикомъ. Войсковой кантаржей состоялъ хранителемъ войсковыхъ вѣсовъ и мѣръ и собиралъ пошлины съ товаровъ, подлежавшихъ взвѣшиванію и измѣренію. Войсковыхъ шафарей или сборщиковъ на привозахъ было четыре и, кромѣ того, въ помощь имъ давались подшафаріи. Шафари жили на главныхъ запорожскихъ перевозахъ, собирали здѣсь торговыя пошлины, вели приходорасходныя книги и имѣли въ своемъ распоряженіи казацкія команды для огражденія интересовъ войска. Роли остальныхъ войсковыхъ служителей—канцеляристовъ, школьныхъ атама-

новъ, табунщика, скотаря и чабана, т. е. пастуха овецъ, достаточно характеризуются самими ихъ названіями. Школьныхъ атамановъ было два—для старшаго и младшаго возрастовъ. Атаманы хранили школьныя суммы и заботились о продовольствіи и удобствахъ школьниковъ. Замѣчательно, что сами учащіеся выбирали и свергали своихъ школьныхъ атамановъ.

Собственно въ паланкахъ для наблюденія за порядками населенія слободъ и зимовниковъ выбирались громадскіе атаманы, но кругъ ихъ дѣятельности былъ узокъ и ограниченъ.

Такимъ образомъ, управленіе запорожскимъ войскомъ держалось въ сущности на Войсковой Радѣ, Войсковомъ Правительствѣ, куренныхъ атаманахъ и паланочной старшинѣ. Главнымъ исполнительнымъ органомъ были войсковые правители—кошевой атаманъ, войсконой судья, войсковой писарь съ есауломъ, а также паланочный полковникъ; высшую контролирующую и направляющую инстанцію представляла Войсковая Рада; а куренные атаманы были какъ бы связующимъ звеномъ между правительствомъ и Радой и своимъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ и патріархальною властью сдерживали и умѣряли слишкомъ бурные и вольные порывы „сиромы" или рядовыхъ казаковъ. Обычаемъ были выработаны эти формы правленія и на обычаѣ держались ихъ взаимныя отношенія.

Хотя Запорожье было и военною общиною, но оно имѣло свою земельную территорію, на которой велись разныя хозяйственныя предпріятія. Набѣги на татаръ и угонъ у нихъ скота или захватъ имущества были, въ сущности, обоюдо-острымъ способомъ наживы. Живились у запорожцевъ и татары. Это было неизбѣжное зло военныхъ столкновеній въ то время и при тѣхъ условіяхъ. Обычная же жизнь казачества слагалась изъ промысловыхъ и хозяйственныхъ занятій. Сичевики по роду своей жизни были охотниками и рыболовами по преимуществу, а изъ постоянныхъ формъ тогдашняго хозяйства запорожцы отдавали предпочтеніе скотоводству. Земледѣліе стояло на второмъ планѣ. Были у запорожцевъ также сады, пчельники и огороды. Одни занимались торговлею, другіе «чумачили», т. е. вели торгово-извозныя занятія, третьи добывали соль, а четвертымъ не чужды были ремесла. Все это или находилось въ зачаточномъ состояніи, или же носило примитивный характеръ, сообразно съ степенью развитія и формами тогдашней культуры.

У запорожцевъ не было никакихъ классовыхъ дѣленій по роду дѣятельности, не существовало ни цеховъ, ни подраздѣленій въ правахъ на занятія. Кто чѣмъ хотѣлъ, тѣмъ и занимался. Установлены лишь были общинные порядки для

равномѣрнаго использованія наиболѣе цѣнныхъ угодій. На новый годъ, когда «бросались лясы» на эти угодья, т. е. распредѣлялись по жребію между куренями, старшиною, духовенствомъ и «подданствомъ», дѣлежу подлежали только важнѣйшія угодья, какъ напримѣръ рыболовныя мѣста, охотничьи займища и сѣнокосныя площади. На ряду съ этимъ, былъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ формъ и занятій, существованіе которыхъ было-бы не мыслимо при дѣлежѣ находящихся подъ ними или спеціально культивируемыхъ ими земель. «Подданство» или семейные казаки жили въ селеніяхъ, старшина заводила хутора или зимовники; старые дѣды устраивали пчельники. Земли, находившіяся подъ этими обзаведеніями, не подлежали жеребьевкѣ, какъ навѣрное, и, нѣкоторая часть эксплоатируемыхъ ими угодій, напримѣръ выгонныя.

По степени обезпеченія занятій или точнѣе, по размѣрамъ натуральнаго дохода первыя мѣста несомнѣнно занимали въ Запорожьѣ рыболовство и скотоводство. Это были исконныя казачьи занятія. Тѣ формы, которыя сложились въ области этихъ занятій еще на Запорожьѣ, долго держались потомъ на югѣ Россіи и пріемственно, можно сказать, въ чистомъ своемъ видѣ, перешли потомъ въ Черноморію, вмѣстѣ съ переселившимися сюда черноморцами. А самыя условія, вліявшія на выработку формъ и способствовавшія ихъ развитію, имѣли за собою историческую давность. Таковы издавна были здѣсь естественныя особенности края, изобиловавшія рыбными мѣстами и превосходными степями.

Еще во времена Геродота, по его описанію, на запорожской территоріи обитали скифы—номады. У скифовъ широко было развито коневодство, и лошади разводились табунами, какъ это явствуетъ изъ разсказа Геродота объ амазонкахъ, бросившихся на табуны скифскихъ лошадей. Стало быть, еще во времена Геродота, за 500 лѣтъ до Р. Х., тутъ существовала одна изъ формъ скотоводческаго хозяйства, которой придерживались потомъ и запорожцы. Извѣстно, напримѣръ, что послѣдній кошевой атаманъ Запорожской Сичи Калнишевскій продалъ въ одинъ разъ до 14,000 головъ лошадей, а у его сподвижника полковника Афанасія Колпака татары угнали табунъ лошадей въ 7000 головъ. Табуны по нѣскольку сотъ головъ въ Запорожьѣ были не рѣдкость. Табунное же коневодство составляетъ основу всей жизни кочевника, какъ это теперь еще можно наблюдать въ киргизскихъ степяхъ. При табунномъ коневодствѣ не косили обыкновенно сѣна и не устраивали строеній для лошадей. Лошади круглый годъ были на подножномъ корму и зимою «тебеневали», т. е. сами добывали кормъ, разгребая копытами снѣгъ и

поѣдая оставшуюся подъ нимъ съ осени растительность. Въ такомъ видѣ коневодство велось у скифовъ, татаръ, запорожцевъ; а затѣмъ у черноморцевъ, и теперь еще ведется у киргизовъ. Судя по обилію другихъ видовъ скота, особенно овецъ, въ Запорожьѣ вообще широко велось пастбищное скотоводство, а превосходныя запорожскія лошади и рослый сѣрый, съ длинными рогами, скотъ послужили потомъ племенными разсадниками и для разныхъ мѣстъ южной Россіи.

Еще болѣе любимый родъ занятій составляло у запорожцевъ рыболовство. Благодаря рыболовству и рыболовнымъ ватагамъ, по мнѣнію Н. И. Костомарова, возникла и Запорожская Сичь. Рыбою изобиловали крупныя и мелкія рѣки въ Запорожьѣ—Днѣпръ, Бугъ, Самарь, Орель, Домоткань и пр. озера и лиманы. Но запорожцы не ограничивались одними рыболовными мѣстами, лежавшими на ихъ территоріи, а ходили на рыбную ловлю и за предѣлы своихъ владѣній—на Азовское море съ его косами, на Днѣстръ, на Днѣпровскій и Днѣстровскій лиманы, даже на р. Кубань. Во всѣхъ такихъ случаяхъ рыболовство можно было вести только партіями, сообща. Того требовали какъ необходимость значительныхъ затратъ на предпріятіе, такъ и условія самозащиты въ тѣ неспокойныя времена. И вотъ на этихъ основахъ, въ Запорожьѣ сложились запорожскія ватаги или рыболовныя артели, построенныя по типу Запорожской Сичи. Ватагами, съ ихъ атаманами, писарями и кухарями, производились иногда громадные уловы рыбы и вообще получалась «знатная добыча». А когда у запорожца заводилась лишняя копѣйка, онъ изъ рачительнаго работника превращался въ лихого гуляку, передъ которымъ должны были растворяться лавки и шинки, а гостями были всѣ, кто попадался на глаза и не отказывался отъ участія въ кутежѣ. Это обыкновеніе шумныхъ кутежей занесено было вмѣстѣ съ рыболовными ватагами изъ Запорожья и въ Черноморію. Въ Черноморіи до сихъ поръ еще рыболовныя ватаги удержали свою запорожскую организацію.

Когда же Запорожью или родной Украинѣ грозило нашествіе враговъ, или когда сами запорожцы предпринимали военный походъ, тогда Сичь превращалась въ военный станъ, запорожцы бросали мирныя занятія, брались за оружіе и войско кипѣло готовностью къ отпору или къ бою.

Въ полномъ своемъ составѣ запорожцы всегда представляли внушительную силу, которой боялись и съ которой считались турки, татары, поляки и даже свои единовѣрцы русскіе. Запорожцы умѣли воевать, и ихъ смѣлые набѣги на Турцію и на Крымъ крупными буквами написаны на страницахъ военной исторіи. Набѣгами этими запорожцы платили туркамъ и татарамъ за ихъ грабежи и плѣненіе русскаго

населенія и «христіанскаго люда», и часто томившіеся въ неволѣ плѣнники возвращались запорожцами на родину. Естественно, что среди такихъ условій и подъ вліяніемъ нравственныхъ побужденій—борьбы за вѣру и народъ, въ запорожской средѣ вырабатывались замѣчательные представители военной отваги, храбрости и самоотверженія. Казаки отмѣчали этихъ недюжинныхъ людей и любили выбирать ихъ кошевыми атаманами. Такія имена, какъ Сулима, Наливайко, Сирко, Миклашевичъ, Калнишевскій и др. были извѣстны не въ одномъ Запорожьѣ, но считались народными героями. Особенно громкою извѣстностью пользовался знаменитый Сирко. Въ теченіе своей жизни онъ выдержалъ безчисленное множество сраженій и ни разу не былъ побѣжденъ; поэтому слава о его храбрости и непобѣдимости распространилась не только между запорожцами и малороссами, но и въ Великороссіи, Польшѣ, Литвѣ, въ Крыму, у Турскъ и пр. О Сиркѣ существовала масса сказаній у народа. Одно изъ нихъ, какъ Сирко диктовалъ письмо турецкому султану, послужило сюжетомъ для извѣстной картины Рѣпина. Такими представителями казачества поддерживалась и военная слава Сичи и ея демократическіе устои.

Въ своихъ демократическихъ учрежденіяхъ Сичь не ушла дальше примитивныхъ формъ народоправства и патріархальныхъ обычаевъ, и общія демократическія тенденціи уживались въ ней рядомъ съ суровыми нравами населенія и низменными стремленіями. Война, набѣги, грабежи, и жестокія кары кіями и смертная казнь чередовались съ отвагою, самоотверженіемъ и борьбою за угнетенный народъ, его свободу и вѣру. Въ этой амальгамѣ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ запорожскаго казачества легко запутаться и потерять руководящую нить. Вотъ почему одни не въ мѣру превозносятъ демократическій строй и учрежденія Сичи, а другіе видятъ въ отважныхъ и самоотверженнныхъ запорожцахъ чуть ли не разбойниковъ и грабителей. Чтобы избѣжать этихъ крайностей, на Запорожскую Сичь надо смотрѣть, какъ на явленіе данной эпохи, какъ на одну изъ посредствующихъ эволюціонныхъ формъ въ общемъ стремленіи русскаго народа къ народоправству и свободѣ.

Въ основѣ своихъ важнѣйшихъ учрежденій Запорожская Сичь съ самаго начала существованія носила задатки тѣхъ причинъ и наслоеній, благодаря которымъ пала потомъ знаменитая община и обезличено было казачество, наслѣдовавшее ея формы и традиціи. Одна изъ такихъ причинъ кралось именно въ военномъ началѣ, доминировавшемъ въ жизни и организаціи запорожскихъ казаковъ.

Военное дѣло, обращенное въ ремесло, ужасы смерти и взаимной вражды, служащіе непосредственно цѣлью этого ремесла, подрывъ хозяйства и отрицаніе гражданскихъ

Запорожцы, сочиняющіе отвѣтъ турецкому султану Магомету IV.

началъ, какъ слѣдствіе войны, не совмѣстимы съ идеями творчества и мирной жизнью. Пока, поэтому, запорожцы стояли на почвѣ защиты народа и его правъ, пока они

боролись за угнетенную родину и ея религію, ихъ военныя дѣянія направлялись высшими нравственными побужденіями и преслѣдуемыя ими цѣли вели къ охранѣ гражданскихъ началъ. Военныя дѣянія казачьей общины имѣли свой историческій смыслъ. Когда же постоянные противники малорусской національности—поляки, утеряли первенствующую роль на исторической сценѣ, исконные враги—турки и крымскіе татары, оттѣснены были съ юга Россіи, а послѣдняя съ своими многочисленными войсками и сильною централистическою властью подняла надъ Запорожьемъ свой Дамокловъ мечъ; когда военное начало Запорожской Сичи превратилось въ мертвый капиталъ и въ военныхъ учрежденіяхъ казачества не оказалось творческихъ элементовъ для реорганизаціи общины, сообразно требованіямъ времени и историческихъ обстоятельствъ.

Другую причину того же порядка, хотя и второстепенную по своему значенію, представляла разноплеменность и пестрота состава Запорожья. Выше уже упомянуто было, что въ Сичь шли и малороссы, и великоросы, и литвины, и поляки, и сербы, и болгары, и черногорцы, и другіе славяне, попадали также татары, калмыки, турки, греки, евреи, даже нѣмцы, французы, итальянцы, испанцы и англичане. Всѣхъ влекло въ общину стремленіе къ свободѣ и военнымъ предпріятіямъ, но если свобода была демократическимъ принципомъ, то влеченіе къ военнымъ занятіямъ, соединеннымъ съ убійствами, плѣненіемъ, рабствомъ и грабежами, плохо вязалось съ демократическими основами, и носители этихъ послѣднихъ тенденцій не имѣли ничего общаго съ представителями демократическихъ идеаловъ. Разнообразіе въ составѣ войска не исключало, а неминуемо обусловливало наличность единичныхъ представителей и цѣлыхъ группъ, отличавшихся по національности, по степени политическаго развитія, по хозяйственнымъ навыкамъ, по бытовымъ особенностямъ, по общему міровоззрѣнію и вообще по культурной подготовленности. При такихъ условіяхъ, въ военной общинѣ не могло быть или по крайней мѣрѣ не оказалось гражданскихъ идеаловъ и общихъ руководящихъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ Сичь могла перейти въ чисто гражданскую общину.

Такой же отрицательный характеръ носилъ и институтъ казачьей старшины, людей выдѣлявшихся личными качествами и заслугами, но потомъ образовавшихъ особую корпорацію въ средѣ демократическихъ сичевиковъ. Какъ извѣстно, къ старшинѣ причислялись не только «значные товарищи», т. е. тѣ, которые исполняли по выборамъ извѣстныя обязанности и имѣли знаки своего служебнаго поло-

женя — булаву, печать, чернильницу, перначъ и пр.; но и всѣ тѣ представители войска, которые занимали когда либо мѣста значныхъ товарищей или были во главѣ казачьихъ партій и командъ. Правда, они продолжали жить въ общихъ условіяхъ казачьей массы по куренямъ, но пользовались нѣкоторыми преимуществами. Такъ, напр., старшины первыми занимали хутора или зимовники и обособлялись, слѣдовательно, въ хозяйственномъ отношеніи. За столомъ во время ѣды на самомъ почетномъ мѣстѣ садился куренной атаманъ, а рядомъ съ нимъ старшина; та же старшина занимала мѣста въ первомъ рядѣ за куреннымъ атаманомъ на Войсковой Радѣ; старшинѣ, тѣмъ болѣе, что она состояла большею частію изъ людей старыхъ, уступалось лучшее мѣсто въ церкви и т. п.

Турецкій запорожецъ.

Все это объяснялось, конечно, въ извѣстной мѣрѣ тѣмъ почетомъ и уваженіемъ, которые заслуживали лучшіе дѣя-

тели войска своими личными качествами и службою войску, но, за внѣшними знаками почета и уваженія, явно обнаруживалось и чинопочитаніе, дѣленіе массы на рядовую чернь и на избранный классъ —казачью старшину. Это было чисто классовое дѣленіе войска. При разрушеніи послѣдней Запорожской Сичи старшины представляли уже богатый классъ, проникнутый своими чисто матеріальными интересами и консервативный въ политическомъ отношеніи Поэтому при большей освѣдомленности о положеніи Запорожья и большей осмотрительности, Потемкину не требовалось посылать въ Сичь ограниченнаго фронтовика Текелія. Слѣдовало лишь войти въ соглашеніе съ старшиной и при помощи ея онъ могъ прибрать потомъ Запорожье къ своимъ рукамъ измором Такъ при индифферентности и податливости казачьей старшины, вытравлены были впослѣдствіи въ Черноморскомъ войскѣ остатки запорожскаго демократизма и вольностей.

Запорожскій демократизмъ носилъ настолько примитивный характеръ и въ такой степени осложнялся военнымъ началомъ, что, допуская равенство въ Сичи, исключилъ его для внѣсичевого паланочнаго населенія. «Подданство» не только ограничено было въ правахъ на выборы, на пользованіе землей и пр., но и поставляло для эксплоатаціи рабочія силы. Въ демократической Сичи процвѣтали наемъ и батрачество въ разныхъ видахъ. Старшина устроила хутора и развела громадныя стада лошадей, овецъ и рогатаго скота при помощи «наймитовъ» или батраковъ. Часто эту экономически зависимую роль выполняли даже сичевики. Въ такъ называемыя «тафы», т. е. артели рабочихъ рыболововъ нанималась и попадала въ подчиненное, зависимое положеніе та самая «сирома» и «голота», которой отдавалось предпочтеніе передъ старшиной и духовенствомъ при дѣлежѣ земельныхъ угодій на Новый годъ. Въ Сичи распространены были займы за высокіе лихвенные проценты и своего рода ростовщическая кабала. Все это было естественнымъ слѣдствіемъ преобладанія въ сичевой жизни стихійныхъ началъ демократизма, отсутствія сознательнаго пониманія и выработка массой высшихъ задачъ того же демократизма, необходимыхъ для реорганизаціи Сичи въ прогрессивномъ направленіи. Короче, запорожцы не только не боролись съ классовымъ дѣленіемъ и примитивными формами эксплоатаціи рабочей силы, но и не понимали задачъ этой борьбы.

Особенно же сильнымъ тормозомъ для развитія Сичи въ поступательномъ направленіи служило отсутствіе семьи. Женщины не допускались въ Сичь, брачная и семейная жизнь отрицалась въ принципѣ, и это считалось необходимымъ условіемъ идеальнаго, по запорожскимъ понятіямъ,

казака, но именно это было своего рода самоубійствомъ Сичи. Отсутствіе семьи было невыгодно для Сичи не потому только, что лишало естественнаго прироста населенія и тѣмъ слѣдовательно, обезсиливало Сичь. Нѣтъ, это было только полъ-горя. Настоящее жизненное горе заключалось въ томъ, что въ семьѣ, какъ ячеичной общественной формѣ, всегда и глубоко крылись тѣ творческіе ростки, изъ которыхъ только и развиваются высшія формы человѣческой жизни — тѣсное сотрудничество и чистыя, идеальныя формы защиты слабѣйшаго. Безъ сожительства съ женщиной и дѣтьми запорожецъ не могъ, поэтому, создать истинно демократическихъ гражданскихъ формъ жизни. У него не было ни надлежащихъ побужденій къ тому, ни одухотворяющаго творческую работу присутствія близкихъ по крови людей. При отсутствіи этихъ этическихъ условій онъ не могъ ни выработать, ни провести, ни даже понять идеаловъ широкой гражданской жизни и развитія. Не откуда было все это черпать запорожцу, при отрицаніи семьи и поклоненіи военнымъ началамъ. Вотъ почему въ то время когда пала сильная и знаменитая Запорожская Сичь, продолжали жить и развиваться Донское, Уральское, Терское и др. казачьи войска, положившія въ основу своей жизни семейное начало. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ исторія Донского войска, которое въ свое время выдѣлило засельщиковъ Старой Линіи, обнимающей значительную часть нынѣшней Кубанской области.

Казачья община на Дону была образована первоначально по образцу Запорожской Сичи. Историкъ XVIII столѣтія Ригельманъ утверждаетъ, что „Донскіе казаки отъ украинскихъ черкасскихъ казаковъ дѣйствительно начало свое возъимѣли на Дону». Названіе свое эти казаки, говоритъ Ригельманъ, получили по имени р. Донъ, но основатели Донского казачества выстроенный ими городъ на Дону назвали Черкасскомъ въ память своего прежняго украинскаго города Черкасы. Подтвержденіе тому Ригельманъ видитъ въ «Русской Лѣтописи» Татищева, въ которой упоминается что «въ 16 столѣтіи, въ царствованіе царя и великаго князя Ивана Васильевича, изъ за Днѣпра съ княземъ Вишневецкимъ черкасы на Донъ перешли, и тамъ поселившись, городъ Черкаской построили». Въ «Ядрѣ Россійской исторіи» также констатируется тотъ фактъ, что князь Дмитрій Вишневецкій около того времени перешелъ на службу изъ Литвы къ царю Ивану Васильевичу. А въ примѣчаніи къ «Родословной татарской исторіи» сообщено, что „Донскіе казаки добровольно поддались Россіи въ 1549 году, почти съ такимъ договоромъ, какъ украинскіе казаки потомъ поддались Польшѣ».

Такимъ образомъ, Донское казачество возникло въ то время, когда существовала уже Запорожская Сичь. Тотъ фактъ, что въ 1375 году донскими казаками была поднесена Дмитрію Донскому икона, Ригельменъ объясняетъ возможностью существованія въ эту пору „донскихъ казаковъ, опредѣленныхъ великими князьями изъ «россійскихъ людей». Служилые люди подъ именемъ казаковъ дѣйствительно оставили своихъ потомковъ въ Воронежской губерніи по Дону и Воронежу. Въ пригородной г. Воронежа слободѣ Чижевкѣ земельныя общины извѣстны и теперь еще въ оффиціальныхъ документахъ подъ именемъ казачьихъ чиновъ — конный казачій чинъ", „пѣшій казачій чинъ" и пр. Такія же дѣленія остались и въ др. селеніяхъ, и историческіе акты свидѣтельствуютъ, что на Донъ русскіе князья для охраны отъ татарскихъ набѣговъ посылали служилыхъ людей, именуя ихъ стрѣльцами, казаками и пр.

Очень характернымъ является то обстоятельство, что Черкасскъ основанъ по такому же плану, какъ и Запорожская Сичь. Подобно этой послѣдней, устроенной на островѣ Хортицѣ, и Черкасскъ казаки построили также на островѣ, извѣстномъ подъ именемъ Лисьяго острова или Страбоновской Алопекіи, какъ предполагаетъ Ригельманъ. Далѣе, какъ въ Запорожской Сичи внутри ограды или окопа были расположены курени, такъ и у донцовъ „въ самомъ нутрѣ города находилось шесть станицъ"—первая и вторая Черкасскія, Средняя, Павловская, Прибылянская и Дурновская. Другія станицы устраивались потомъ внѣ города. Но, главное, въ Черкасскѣ подобно тому, какъ и въ Сичи, первоначально были совершенно тождественные обычаи и бытовые порядки — безбрачіе и строго военный режимъ. „Первоначальное же жительство ихъ (донцовъ), говоритъ Ригельманъ, было не отмѣнно подобно низовымъ запорожскимъ казакамъ, потому что избы казачьи и донынѣ называются также куренями и построеніемъ подобны онымъ, ибо находятся безъ дворовъ, курень возлѣ куреня рядомъ". Донцы, сообщаетъ далѣе Ригельманъ, „сперва жительствомъ, нравомъ и поведеніемъ совсѣмъ запорожскимъ казакамъ подобны были. Ибо съ самаго тутъ начала пребыванія своего, какъ сказываютъ сами, такъ какъ сичевскіе, не имѣли женъ и терпѣть ихъ не могли". То же самое было въ Сичи.

Впослѣдствіи, однако, донцы обзавелись женщинами. Дѣлая набѣги на турокъ, крымцевъ, татаръ, кумыковъ, кубанцевъ, черкесовъ и пр., въ числѣ плѣнныхъ они уводили женщинъ, съ которыми потомъ сходились, и затѣмъ данъ былъ свободный доступъ вмѣстѣ съ мужчинами и женщинамъ, добровольно переселявшимся на Донъ. Суровый обычай не от-

мѣненъ былъ радикально и обратился въ пережитокъ. Женщинами донцы не дорожили и продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на обузу. „Если кому жена была уже немила и неугодна или ненадобна, разсказывалъ Ригельманъ, долго проживавшій среди донцовъ, оныхъ (женъ) мѣнять, продавать и даромъ отдавать могъ, водя по улицамъ и вдругъ крича: „кому люба, кому надобна? Она мнѣ гожа была, работяща и домовита. Бери, кому надобна! И если выищется кто оную взять, договаривались цѣною или какою мѣною, по случаю жъ и за попойку, отпустя ее изъ рукъ, отдавали. Когда жъ взять жены никто не выискался, то и такъ на волю отпускали.“ За разные же проступки, къ числу которыхъ относились и „продерзость“, женщинамъ мужья насыпали песку за пазуху, привязывали камень къ шеѣ и топили въ водѣ и вообще казнили, не давая никому въ томъ отвѣта и не неся никакихъ наказаній. Порядки болѣе суровые и варварскіе, чѣмъ недопущеніе женщинъ въ Сичи.

Еще безчеловѣчнѣе поступали донцы съ дѣтьми. Вотъ что сообщилъ по этому поводу Ригельманъ: «сказываютъ же, что когда стали посягать женъ, повѣтствуетъ онъ, то, по общему приговору, младенцевъ, родившихся у нихъ, сперва въ воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцовъ и матерей для промысла ихъ не обременяли. Но потомъ обществомъ же приговорили, дабы мужскаго пола младенцевъ вживъ оставляли, а женскаго роду въ воду метали». Такъ велось нѣсколько времени. Когда же въ войскѣ много женатыхъ набралось, «а паче изъ жалости отцовъ и матерей, общимъ кругомъ своимъ опредѣлили, чтобы дѣтей и женскаго пола уже болѣе не губили, но воспитывали бъ для общей надобности ихъ.»

Свидѣтельство въ высшей степени интересное и важное. Оно указываетъ на то, что безбрачіе первыхъ казачьихъ общинъ вызывалось не столько рыцарскими соображеніями и обѣтами, какъ склонны были многіе думать, сколько довольно эгоистическими побужденіями не имѣть въ лицѣ женщинъ и дѣтей лишней обузы. Какіе ужъ это были рыцари, когда они прекрасный полъ по улицамъ на продажу водили, въ глухой мѣшокъ зашивали, въ воду метали, а дѣтей топили, «какъ щенятъ». И замѣчательно, что также поступали съ дѣтьми и другія казачьи общины на первыхъ порахъ своего существованія. Тотъ же Ригельманъ сообщаетъ, что донцы, устроивши кошъ на Яикѣ или Уралѣ и переженившись на татаркахъ и калмычкахъ, «по тогдащнему ихъ разбойническому обыкновенію или по суевѣрію ихъ, такъ точно какъ и донцы, прижитыхъ дѣтей убивали и въ воду метали что также нѣсколько времени продолжалось.» Этотъ жесто-

кій обычай существовалъ первоначально и у терскихъ казаковъ. «И были, по объявленію терскихъ сторожиловъ, замѣчаетъ Ригельманъ, столь же безчеловѣчны въ погубленіи сперва родившихся дѣтей своихъ, какъ донскіе и яицкіе казаки». Такъ примитивный демократизмъ уживался съ безчеловѣчностью и жестокостью.

Тѣмъ не менѣе, донцы въ концѣ концовъ стали въ надлежащія условія гражданскаго развитія. Естественныя ли потребности были тому причиною, или же внѣшнія условія жизни, но донцы съумѣли оцѣнить «домовитость» женщины и плоды семейнаго сожительства. Въ Черкасскъ, станицы и городки были допущены женщины на правахъ жены и матери. И донская женщина не только съумѣла устроить и скрасить семейный бытъ и обстановку казака, но при случаѣ несла тяжести военнаго быта съ такимъ же самоотверженіемъ и геройствомъ, какъ и мужчины. Во время такъ называемаго «Азовскаго сидѣнія», казачки, осажденныя вмѣстѣ съ мужьями въ Азовѣ турками и татарами, выказали чудеса отваги и храбрости. Въ то время въ Азовѣ, отнятомъ въ 1642 году у турокъ казаками, находилось 1400 вооруженныхъ мужчинъ и 800 женщинъ, «кои, какъ аттестуетъ ихъ генералъ Ригельманъ, достойны къ причисленію въ гарнизонъ, потому что онѣ въ защищеніи города не малую славу заслужили». Между тѣмъ турки, подъ начальствомъ Піали паши, имѣли флотъ, состоявшій «изъ 45 галеръ и великаго числа таліотовъ, фелюковъ, чаекъ и другихъ судовъ», а въ составъ сухопутной арміи, предводимой силистрійскимъ пашею Гусейномъ Дели, входили 50,000 крымскихъ татаръ, 10,000 черкесъ, 20,000 янычаръ и 20,000 спаговъ, кромѣ еще великаго числа молдавцевъ и волохъ». Но не смотря на эти громадныя силы, ничтожное количество казаковъ упорно выдерживало осаду. Казаки производили вылазки, отстрѣливались, дѣлали подкопы и взрывали на воздухъ враговъ. Только отъ взрыва одного наката было взорвано на воздухъ 2,000 янычаръ. «И во время всѣхъ оныхъ приступовъ, говоритъ Ригельманъ, жены не устрашались мужьямъ своимъ приносить не только пищу, порохъ и всякаго снаряду, но сами на приступающихъ бросали зажженныя смоляныя кружки, горячую смолу, кипятокъ и прочія огненныя орудія, и такъ, что сколько того приступа, столько и ядеръ не страшились». И многочисленная турецкая армія, принуждена была отступить, не взявши Азова.

Еще важнѣе, конечно, было участіе женщины въ мирномъ созиданіи жизни. Семья и ея душа—женщина, представляла собою ту основную ячейку, при посредствѣ которой только и мыслимо было поступательное развитіе куль-

туры и гражданственности. Съ семьей были связаны опредѣленныя хозяйственныя формы; въ нѣдрахъ семейныхъ отношеній зарождались и зрѣли гуманныя отношенія людей, исключавшія публичную продажу женщинъ, не справедливыя, жестокія кары матерей и умерщвленіе собственныхъ дѣтей; семейнымъ бытомъ вызваны были и извѣстныя формы казачьихъ поселеній и разселенія. Для семейныхъ казаковъ потребовались станицы и укрѣпленные городки. Заселеніе края шло отъ центра къ окраинамъ. Сначала, какъ было уже упомянуто, въ Черкасскъ было втиснуто шесть станицъ; слѣдующія пять станицъ: Скородумовская, Тетеревская и три Рыковскихъ—верхняя, средняя и нижняя, устроены были внѣ города «за Протокою рѣкою». Когда же на Донъ стали являться добровольцы «цѣлыми шайками, ватагами, артелями и станицами», то разселеніе казакамъ пришлось направить вверхъ по Дону и Сѣверному Донцу. Посланный Петромъ Великимъ адмиралъ Корнилій Прейцъ для промѣра Дона записалъ только по этой рѣкѣ 39 станицъ. Въ самомъ Черкасскѣ адмиралъ нашелъ 80 пушекъ и отъ 7 до 8 тысячъ вооруженныхъ людей. Когда же былъ взятъ Петромъ Азовъ, на Дону считалось до 100 станицъ. Съ тѣхъ поръ заселеніе Донской области шло непрерывно и дѣятельно.

Такимъ образомъ, все Донское войско размѣстилось въ занятомъ краѣ, кромѣ главнаго города Черкасска, въ цѣломъ рядѣ станицъ. Главное войсковое управленіе сосредоточено было въ городѣ, а каждая станица представляла собою самоуправляющуюся общественную единицу, съ выборнымъ атаманомъ и казачьимъ кругомъ или органомъ общиннаго самоуправленія. Казачьи станицы сразу же завоевали себѣ болѣе или менѣе самостоятельное и независимое положеніе.

На Дону, поэтому, въ меньшей степени, чѣмъ въ Запорожской Сичи, чувствалось давленіе центральнаго управленія, и это опять таки зависѣло отъ культивирующаго вліянія на жизнь семьи и женщины, наложившихъ рѣзкія особенности на домашній бытъ и условія мирнаго станичнаго сожительства. Семья и семейные интересы стали предметомъ заботы казачьихъ круговъ и ихъ выборныхъ представителей-атамановъ. И съ этимъ очень рано приходилось считаться какъ мѣстной правящей казачьей власти, такъ и русскому центральному правительству.

Атаманы, какъ представители станицъ, играли рѣшающую роль во всѣхъ казачьихъ движеніяхъ и важнѣйшихъ дѣлахъ. Въ зависимости отъ этого выработалась особая формула, съ которой обращалось русское правительство къ донскимъ казакамъ. «На Донъ, говорится обыкновенно въ правительственномъ обращеніи къ казакамъ, въ верхніе и нижніе юрты (т.

е. общины) нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому наказному атаману и всему нашему Войску Донскому» Предпочтеніе какъ бы отдается станичнымъ общинамъ или ихъ атаманомъ и казакамъ, а затѣмъ уже титулуется наказный атаманъ. Такъ было и въ дѣйствительности. Центръ тяжести всегда покоился въ станицахъ, или точнѣе, на рядовомъ казачествѣ и ихъ общинахъ.

Такія же начала, но пожалуй рѣзче выраженныя въ дѣйствительности, легли въ основу организаціи и разселенія войскъ, образованныхъ выходцами съ Дона. На Волгу, Уралъ и Терекъ донцы шли съ готовымъ укладомъ казачьей жизни и строительства и осуществляли на новыхъ мѣстахъ то, что было уже на Дону и что казалось любо и практически необходимо казаку. Такъ, мелкими казачьими общинами или станицами, осѣли донцы и на Уралѣ или Яикѣ, основавши здѣсь нынѣшнее Уральское войско по типу Донского, съ разселеніемъ по станицамъ и съ семейнымъ бытомъ. Тоже надо сказать объ образованіи Терского казачьяго войска, первыми по времени основателями котораго были донцы. И уральцы и терцы заняли новыя окраины съ явнымъ предпочтеніемъ децентрализаціоннаго способа поселеній образованію сильныхъ и многолюдныхъ центровъ, какими были Запорожскій Кошъ и Черкаскъ.

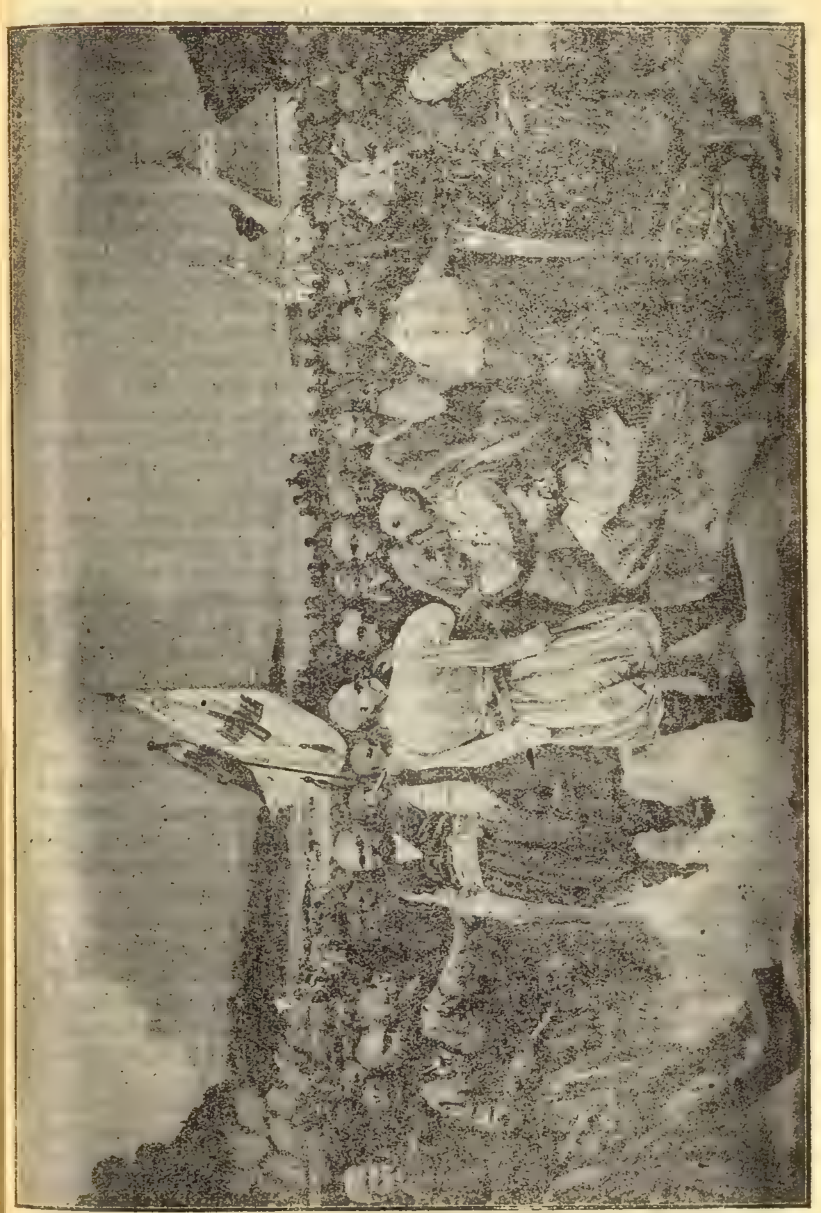
Но особенно рѣзко эта форма разселеній мелкими общинами, державшимися въ свою очередь на семейномъ укладѣ выразилась при поселеніи донцовъ на Кубани. Нынѣшнюю Старую Линію Кубанской области заселили донцы исключительно станицами, не имѣвшими какого-либо одного общаго центра, что конечно обусловливалось главнымъ образомъ насильственнымъ способомъ переселенія казачества. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА VIII.

Возобновленіе Запорожскаго казачества за Бугомъ.

Судьба Запорожья, какъ извѣстно, окончательно была рѣшена въ 1775 году. Въ этомъ году, по проискамъ Екатерининскихъ вельможъ, по приказу Екатерины и по капризу Потемкина Таврическаго, была разрушена Запорожская Сѣчь услужливымъ генераломъ изъ братьевъ славянъ Текелліемъ.

Текеллій принадлежалъ къ типу тѣхъ военачальниковъ, которые тѣмъ свирѣпѣе расправляются обыкновенно съ побѣ-



Послѣдняя Запорожская Рада передъ разрушеніемъ Запорожской Сичи.

жденными, чѣмъ легче дается побѣда. Окруживши Сичь хитростью, Текеллій разрушилъ ее, не смотря на то, что запорожцы сразу положили оружіе и не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. При этой даровой побѣдѣ, по словамъ Скальковскаго, „въ Сичи всѣ укрѣпленія были разрушены, артиллерія взята, пушкарня засыпана, курени были разобраны или отосланы въ Никитино для устройства временныхъ провіантскихъ магазиновъ. Церковь Покровская была пощажена, но могильныя часовни, памятники и кресты на церковной площади или сняты, или уничтожены. Два-три домика кошевыхъ или старшинъ поселяне, бывшіе слуги казачества, купили съ публичнаго торга и перевезли въ другія мѣста. Два года спустя только валы, рвы, могилы и развалины давали знать, что тамъ была нѣкогда столь знаменитая Сичь».

Дѣло въ томъ, что побѣдителямъ не достаточно было описаннаго полуразрушенія; повелѣно было, чтобы отъ Сичи не осталось даже слѣдовъ. Послѣ генерала Текеллія отличались на этомъ поприщѣ полковникъ Звѣревъ, командиръ Молдавскаго полка, и особенно полковникъ Норовъ, которому передана была въ вѣдѣніе, въ цѣляхъ уничтоженія, Сичь и всѣ окрестныя ея поселенія. Норовъ такъ усердствовалъ при уничтоженіи слѣдовъ Сичи, что народъ прозвалъ его за это норою или ямою. Бывшій еще при Елизаветѣ сичевикомъ Рѣшетнякъ разсказывалъ въ 1839 г. историку Запорожской Сичи Скальковскому, что онъ собственными глазами видѣлъ, «какъ калмыки, донцы и солдаты обдирали церковь, топоромъ обрубая царскія врата и срывая золотыя медали и украшенія»

Въ сенатскомъ указѣ отъ 29 іюля 1875 года сказано, что Запорожскій Кошъ «по самодержавной власти за учиненныя имъ буйства, грабежи, и наконецъ, за неповиновеніе, уничтоженъ». Суть, конечно, была не въ грабежахъ. Запорожье представляло собою обособленную автономную область, населенную вольницею и не признававшую въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ иной власти, кромѣ своего казачьяго самоуправленія. Абсолютизмъ, достигшій при Екатеринѣ II крайней степени своего развитія, не могъ ужиться съ такою вольнолюбивою окраиною. И вотъ, въ силу разлада внутренней политики съ казачьими идеалами свободы и самоуправленія, пало вольное казачество и уничтожена была Запорожская Сичь.

Но скоро послѣ того обнаружились всѣ невыгоды столь рѣшительной мѣры. Текеллій и послѣдующіе погромщики разрушили совсѣмъ не то, что особенно тревожило центральную власть. Требовалось уничтожить не укрѣпленія, строенія, церкви, хутора и поселенія—все это пригодилось бы по-

томъ правительству; надо было убить идею казачества, стремленія къ свободѣ и самоуправленію или, что одно и тоже, тѣхъ людей, которые были заражены этими идеями. Но историческіе упрямцы, стоявшіе всегда такъ близко къ цѣли, какъ былъ у нея Текеллій, не понимаютъ этого. Тѣ, кого Текеллій долженъ былъ уничтожить, поэтому, преспокойно ушли у него «изъ подъ самаго носа». Вотъ что передаетъ по этому поводу Скальковскій.

Въ послѣдней Запорожской Сичи въ числѣ полковой старшины былъ нѣкто Ляхъ, по происхожденію польскій шляхтичъ. Ничѣмъ особеннымъ ни въ военныхъ дѣйствіяхъ, ни по службѣ войску онъ не выдѣлялся, но имѣлъ свою партію. И Ляхъ и его партія косо смотрѣли на кошевого Калнишевскаго, въ которомъ они видѣли сторонника русскаго правительства. Партія предполагала даже свергнуть Калнишевскаго, а на его мѣсто избрать престарѣлаго Филиппа Федоровича, одного изъ выдающихся когда то кошевыхъ атамановъ. Но обстоятельства не благопріятствовали тому въ обычное время, да и партія была слаба. Когда же Текеллій взялъ Сичь, буйныя головы сгруппировались около Ляха.

И вотъ, въ одну ночь въ 20 укромныхъ мѣстахъ около 5000 казаковъ сѣли въ припрятанныя заранѣе запорожскія лодки и, провозгласивши походнымъ атаманамъ Ляха, «накивали, по образному выраженію малороссовъ, пятами». Это была, въ полномъ смыслѣ слова, злѣйшая насмѣшка надъ генераломъ Текелліемъ и его войсками. Генералу было приказано, да и самъ онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не выпустить изъ Сичи ни одного запорожца, заранѣе предложивши казакамъ очень тяжелыя условія — перейти въ поселяне. Онъ окружилъ Запорожскій Кошъ съ трехъ сторонъ суши тѣснымъ кольцомъ русскихъ войскъ, всюду была разставлена стража, торчали часовые и сновали разъѣзды. Но недалекій побѣдитель безъ побѣды не додумался до одного, что въ Сичевомъ Кошѣ была еще четвертая сторона — берега Днѣпра и впадавшихъ въ него притоковъ, поросшіе камышемъ и окруженные многочисленными островками. Запорожцы, воспользовавшись ротозѣйствомъ русскаго полководца, сѣли на лодки и уплыли изъ Сичи по Днѣпру въ Турцію. Такъ ушла цѣлая половина бывшаго въ Сичи войска и унесла съ собой тѣ вольныя мысли, противъ которыхъ велся погромъ, но которыхъ навѣрное не понималъ братъ славянинъ Текеллій.

Но если бы Текеллій съумѣлъ удержать убѣжавшихъ въ Турцію запорожцевъ или даже совершенно истребилъ ихъ вмѣстѣ съ гнѣздившимися въ ихъ головахъ вольными мыслями; то и тогда историческія обстоятельства не измѣнились

бы, и то, съ чѣмъ не хотѣла мириться русская власть, осталось бы въ десяткахъ тысячъ головъ малорусскаго народа. За Сичью стояла вся Украина, въ массѣ которой были живы еще идеалы казачества. Послѣдующія историческія обстоятельства подтвердили это многочисленными фактами стремленій народа къ осуществленію излюбленныхъ казачьихъ формъ свободной и независимой жизни. Скоро потомъ возникло вновь цѣлое Черноморское войско изъ такихъ вольнолюбивыхъ представителей народа, а осѣвшие въ Турціи запорожцы долго еще, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, не давали покою русскому правительству. Наиболѣе энергичные представители народа, недовольные закрѣпощеніемъ населенія и гнетущими русскими порядками, то и дѣло бѣгали въ Турцію къ осѣвшимъ на Дунаѣ кошемъ запорожцамъ, пополняли ихъ ряды и усиливали казачью вольницу.

Такимъ образомъ, одновременно съ уничтоженіемъ Запорожской Сичи не уничтожены были причины, побуждавшія населеніе искать выхода изъ житейскихъ невзгодъ въ казачествѣ.

Мало того, запорожцы оказались нужны правительству. Разогнавши ихъ, правительство разогнало вмѣстѣ съ тѣмъ довольно внушительныя военныя силы, которыми оно многократно пользовалось. Не даромъ не только Текеллій, но и самъ Потемкинъ тщательно скрывали уходъ въ Турцію части запорожцевъ. Ушла вѣдь одна часть запорожцевъ, а другая, большая, осталась на мѣстѣ. Стало быть, можно было такъ поступить съ Сичью, что и ея вольности обуздать и, по крайней мѣрѣ, часть ея военныхъ силъ приспособить къ военному дѣлу. И этого не могли сразу сдѣлать не только недалекій Текеллій, но и умный Потемкинъ.

Пришлось исправлять ошибки заднимъ числомъ. Первая попытка въ этомъ отношеніи окончилась полною неудачею. Когда Потемкинъ потребовалъ, чтобы Текеллій представилъ ему списокъ наиболѣе покладистыхъ запорожскихъ старшинъ, не выказавшихъ особенно протестующихъ поступковъ при разрушеніи Запорожскаго Коша, то, несмотря на то, что имъ обѣщаны были отъ казны денежное жалованье и провіантъ, они на отрѣзъ отказались поступить на службу, узнавши, что Потемкинъ имѣлъ въ виду образовать изъ нихъ два пикинерныхъ полка. Казаки не могли быть не казаками. Ихъ нельзя было ни напугать гнѣвомъ грознаго временщика, ни сманить заманчивыми обѣщаніями. Напротивъ, эта попытка приручить къ „московской службѣ“ запорожцевъ была причиною усиленнаго бѣгства ихъ въ Турцію въ Задунайскую Сичь. Выходило, по поговоркѣ, сколько ни корми волка, а онъ все будетъ смотрѣть въ лѣсъ.

Тогда, въ силу необходимости, Потемкинъ перемѣнилъ тактику по отношенію къ упорнымъ представителямъ казачьихъ запорожскихъ вольностей. Онъ попробовалъ приблизить къ себѣ наиболѣе видныхъ запорожскихъ старшинъ, оставшихся на мѣстѣ, т. е. не бѣжавшихъ въ Турцію и не сосланныхъ правительствомъ въ крѣпости и монастыри. Въ числѣ ихъ оказались есаулы: Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощанскій, Ломака, Легкоступъ, полковники: Чепига, Колпакъ, Иванъ Высочинъ, Андрей Бѣлый, полковые старшины: Антонъ Головатый, Тимковскій и др. Всѣмъ имъ были предложены армейскіе чины и жалованье, безъ непремѣннаго условія поступить на службу. Частная собственность также сохранена была за ними, а нѣкоторымъ, какъ Сидору Бѣло-

Полковникъ Афонасій Колпакъ.

му, пожалованы были даже земли. Эти завлекающіе пріемы дали болѣе осязательные результаты. Нѣкоторые изъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ сами поступили на граждан-

скую службу. Были даже единичные случаи поступленія въ Полтавскій и Херсонскій пикинерные полки.

Но запорожскіе старшины нужны были Потемкину не для этихъ цѣлей. Онъ задумалъ сгруппировать около нихъ казачество. Поэтому, онъ окружилъ себя такими представителями казачества, какъ Антонъ Головатый, Захарій Чепига, Сидоръ Бѣлый, даже считавшійся въ опалѣ Афанасій Колпакъ и др., произвелъ ихъ въ армейскіе чины, назначилъ жалованье и держалъ ихъ при себѣ, какъ бы въ видѣ почетнаго конвоя. Надо полагать, что при этомъ и бывшіе запорожцы не упустили случая, чтобы повліять на Грицька Нечосу въ желательномъ для нихъ направленіи. По крайней мѣрѣ уже въ 1783 году, Потемкинъ въ особой «прокламаціи», какъ выразился Скальковскій, на имя Антона Головатаго опредѣленно высказалъ свои намѣренія собрать снова запорожцевъ. «Объявляю, говорилось въ этой прокламаціи отъ 1 іюля 1783 года, чрезъ сіе изъ пребывающихъ въ Азовской губерніи, Славянской и Елизаветской провинціи жителей, кои въ бывшемъ войскѣ Запорожскомъ служили, что полковому старшинѣ и арміи капитану Головатому Антону препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ казачьемъ званіи подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ казаковъ простираться будетъ конныхъ до 500 и пѣшихъ въ лодкахъ то же число, которымъ опредѣляется довольное жалованье и пропитаніе». Такія же порученія съ «листами» были даны полковникамъ Захарію Чепигѣ и Легкоступу. Грицько Нечоса, числившійся когда то въ сичевыхъ товарищахъ, заговорилъ другимъ языкомъ, и казаки его услышали и поняли. Возлѣ Головатаго, Чепиги и Легкоступа, при дѣятельномъ участіи бывшаго въ Запорожьѣ войсковымъ есауломъ Сидора Бѣлаго, начали группироваться сичевики.

Потемкинъ, при всей своей взбалмошности и своенравіи временщика, былъ человѣкомъ умнымъ, умѣвшимъ разбираться въ текущихъ событіяхъ. Взявшись за колонизацію обширныхъ степей юга, онъ, конечно, хорошо понималъ всѣ трудности этого празднаго по тому времени дѣла. Обширный край былъ почти пустъ, а осѣдавшее населеніе не гарантировано отъ разнаго рода случайностей и главной изъ нихъ—отъ грабительскихъ набѣговъ сосѣдей.

Съ разныхъ сторонъ на значительномъ пространствѣ колонизуемый Потемкинымъ Новороссійскій край соприкасался съ владѣніями Польши, крымскаго хана и турецкаго султана, постоянныхъ враговъ и недоброжелателей русскаго населенія. Для сколько нибудь успѣшнаго веденія колонизаціи требовалась, слѣдовательно, значительная армія, съ помощью

которой можно было бы держать въ почтительномъ положеніи неспокойныхъ и дурно настроенныхъ сосѣдей. А войскъ у Потемкина было мало, тѣмъ болѣе, что ему не давалъ покоя его «греческій прожектъ», по которому требовалось смести съ лица земли Турцію и возродить Грецію. Какъ на зло, уничтоженіе Запорожья окончилось полной неудачей. Потемкинъ, повидимому, понялъ свою ошибку и, со свойственною ему стремительностью, принялся за возстановленіе разрушеннаго имъ же казачества. Но возстановлять оказалось труднѣе, чѣмъ разрушать. Часть запорожцевъ, можетъ быть, самая дѣятельная и необходимая, ушла въ Турцію, а часть, укрывшись въ укромныхъ мѣстахъ своей родины и Малороссіи, не съ особою охотою шла на зовъ всесильнаго временщика.

Болѣе успѣшно пошло формированіе запорожцевъ лишь тогда, когда особенно жгуче обнаружилась въ нихъ нужда. Черезъ 12 лѣтъ послѣ разрушенія Запорожской Сичи, въ 1787 году вспыхнула война русскихъ съ турками. Потемкинъ, стоявшій во главѣ русскихъ войскъ, былъ, конечно, плохой полководецъ, но онъ понималъ необходимость въ тогдашней войнѣ и при тогдашнихъ условіяхъ казака-запорожца. И вотъ, этому баловню даже между екатерининскими вельможами суждено было съиграть важную, но несомнѣнно двойственную, или, точнѣй, двусмысленную роль въ судьбахъ одного изъ казачествъ.

Въ русскихъ войскахъ не оказалось той части арміи, которая могла бы замѣнить запорожцевъ. Послѣдніе не только умѣло вели передовую развѣдочную службу, что исполняли въ ту же войну и донцы; но, главное, знали до мельчайшихъ тонкостей мѣста, на которыхъ разыгралась война, а еще болѣе противника—турокъ. Знанія эти были результатомъ многовѣковаго опыта. Запорожцамъ хорошо извѣстны были топографія съ самыми укромными и малодоступными мѣстами, дороги, переправы, прикрытія, воды и броды, пункты для засады и ходы для укрывательства и т. п. Тѣ-же запорожцы превосходно знали пріемы войны и набѣговъ противника, время нападеній, организацію и дробленіе вражскихъ отрядовъ, систему вооруженія и умѣнье владѣть разными видами оружія, военныя хитрости и сноровку. Такіе люди нужны были въ арміи, тѣмъ болѣе, что запорожцы отличались въ свою очередь энергіею, стремительностью, находчивостью, ловкостью, изобрѣтательностью и другими качествами, какъ слѣдствіемъ долголѣтней и умѣлой военной практики. Короче, запорожцы являлись лучшими охранителями границъ государства отъ набѣговъ та-

таръ, и представляли крупную военную силу съ спеціальными назначеніями и ролью.

Весьма возможно, что лично князь Потемкинъ руководился, помимо этихъ соображеній, еще и заботами о своемъ положеніи или, пожалуй вѣрнѣе, своимъ непомѣрнымъ тщеславіемъ. Самолюбію властнаго временщика льстила роль возстановителя казачества. Въ свое время Потемкинъ съ удовольствіемъ записался въ казачью общину и не безъ тщеславія носилъ запорожскую кличку Грицька Нечосы. И вотъ, обстоятельства сложились такъ, что Грицьку Нечосѣ волею судебъ предстояло сыграть роль батька его прежнихъ сичевыхъ товарищей. Надо полагать, что такіе умные и политичные люди, какъ Антонъ Головатый, Сидоръ Бѣлый и другіе, во главѣ желающихъ возстановленія запорожскаго казачества, съумѣли подойти къ Потемкину и подѣйствовать на него именно въ указанномъ направленіи. Роль батька-благодѣтеля могла только усугубить рвеніе Потемкина въ возстановленіи запорожскаго казачества. Такимъ образомъ, на общемъ фонѣ государственной необходимости выступила фигура баловня-вельможи въ роли благодѣтеля казаковъ. Едва ли самъ Потемкинъ вполнѣ понималъ эту роль, такъ какъ его поступки скорѣе свидѣтельствовали объ его капризахъ, причудахъ и порывчатости, чѣмъ о тонкомъ разумѣніи политическихъ условій того времени. Несомнѣнно однако одно, что, благодаря Потемкину, умные вожаки разсѣянныхъ запорожцевъ съумѣли провести планъ организаціи, хотя и далекой отъ своего первообраза—Запорожской Сичи, но во всякомъ случаѣ объединенной и сплоченной казачьей общины.

На самомъ дѣлѣ, цѣли правительства, которыя осуществлялъ князь Потемкинъ и стремленія казачества, выразителями которыхъ были Антонъ Головатый, Сидоръ Бѣлый, Захарій Чепига и ихъ единомышленники, существенно разнились. Правительству нужны были въ данный моментъ только воины, спеціальная часть арміи, а казакамъ—организація войска на правахъ самоуправляющейся общины. Но главная цѣль—образованіе изъ разрозненныхъ сичевиковъ казачества была одна и та же и у Потемкина и у бывшихъ запорожцевъ.

Въ 1787 году, во время путешествія Екатерины II по Новороссіи и предстоящей войны съ Турціей, Антонъ Головатый, Сидоръ Бѣлый и другіе казачьи старшины, можно полагать, при несомнѣнномъ участіи самого Потемкина, поднесли въ Кременчугѣ адресъ Государынѣ, въ которомъ выразили свое желаніе по прежнему служить на военномъ полѣ казаками.

Въ первомъ своемъ обращеніи къ казакамъ отъ 20-го августа 1787 года Потемкинъ имѣлъ въ виду образовать лишь «военныя команды волонтеровъ» изъ казаковъ, «служившихъ въ бывшей Сичи Запорожской". Потемкинъ обѣщалъ охотникамъ жалованье, провіантъ и фуражъ только на время службы, а особо отличившимся особыя награды. Все это было лишь частичнымъ примѣненіямъ общихъ существовавшихъ въ русской арміи порядковъ. Въ слѣдующемъ, помѣченномъ 12-мъ октября 1787 года, документѣ, касающемся желанія капитана Захарія Чепиги собирать волонтеровъ, разрѣшается уже „набирать охотниковъ изъ свободныхъ людей". Организація поставлена шире,—распространялась не только на бывшихъ запорожцевъ, но и на свободныхъ вообще людей. Наконецъ, 31 января 1788 года „высокоповелительный" генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ, объявляя казакамъ о „благоволеніи" Екатерины за службу, сообщаетъ, что Государыня изъявила согласіе на пожалованіе казакамъ земли въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани, по его, фельдмаршальскому, усмотрѣнію, и изъявляетъ съ своей стороны желаніе помочь казакамъ, „стараясь о благѣ сего войска". Волонтерныя команды какъ то сами собою превратились въ „сіе войско".

Такимъ образомъ, на протяженіи всего пяти слишкомъ мѣсяцевъ, отъ 20 августа 1787 года по 31 января 1788 года, „волонтерныя команды" сами собою и силою господствующихъ обстоятельствъ превратились въ казачье войско. Войско не было еще организовано какъ слѣдуетъ, но ему обѣщана уже была опредѣленная територія для устроенія его гражданскаго и хозяйственнаго быта. Какъ относились ко всему этому и держали себя казаки, объ этомъ будетъ еще рѣчь далѣе въ надлежашемъ мѣстѣ; но на первое время, уже въ силу того обстоятельства, что казаки сразу же поступили въ дѣйствующую армію, имъ требовалась прежде всего организація военная. Съ нея и началъ Потемкинъ или, вѣрнѣе, его подручные запорожцы.

Документъ о пожалованіи земли войску былъ препровожденъ кошевому атаману Бѣлому знаменитымъ полководцемъ Суворовымъ, который 27 февраля 1788 года доставилъ вмѣстѣ съ документомъ «знамя войсковое бѣлое, малыя для куреней, которыхъ, по умноженію людей, прибавлять будетъ впередъ, булаву атамана кошевого и другіе перначи». Эти чисто внѣшніе признаки стариннаго сичевого устройства были очень важны для вновь образованнаго войска, какъ наглядные знаки желательной для казаковъ организаціи. Разъ жаловались регаліи особо для всего войска и особо для куреней, стало быть, фактически уже былъ установленъ

общій характеръ сичевой организаціи и ея отличительный признакъ—дѣленіе на курени. Казаки могли расчитывать на лучшее будущее. 13 мая 1788 года Потемкинъ, съ Высочайшаго соизволенія, препроводилъ войску изъ Елисаветграда войсковую печать. На этотъ разъ Потемкинъ въ документѣ употребилъ формулу, аналогичную старинной формулѣ обращенія правительства къ запорожцамъ: «Войска вѣрныхъ казаковъ кошевому атаману, господину подполковнику, старшинамъ и всему войску», гласитъ этотъ важный по тому времени документъ. Признаны войско, какъ опредѣленная организованная единица, кошевой и старшины.

Такимъ образомъ, силою все тѣхъ-же обстоятельствъ и указаній, почерпнутыхъ изъ жизни, «волонтерскія команды», превращенныя въ войско, сложились въ чисто военныхъ цѣляхъ по образцу разрушенной Сичи. По крайней мѣрѣ, формальные признаки, характерные въ этомъ отношеніи для вновь образованнаго войска и несуществовавшей Сичи, были одни и тѣ же. Изъ позднѣйшаго документа, появившагося уже послѣ смерти Потемкина, видно, какую роль играли въ этомъ отношеніи казаки или вѣрнѣе, умные ихъ представители. Въ своей просьбѣ Екатеринѣ Второй «о поселеніи казаковъ на Тамани съ окрестностями оной», они констатировали, какъ наличный и неоспоримый фактъ, существованіе у нихъ казачьяго уряда, установленнаго княземъ Потемкинымъ по образцу порядковъ Запорожской Сичи. Конечно, Потемкинъ тогда не предвидѣлъ истинныхъ послѣдствій столь ничтожнаго изъ своихъ распоряженій, да этотъ тщеславный вельможа въ сущности не замѣчалъ той комической роли, которую онъ выполнялъ, возобновляя, въ видахъ правительства формы Сичи, преданной имъ, также въ видахъ правительства, разрушенію.

Тѣмъ не менѣе, все это были лишь однѣ формы, вызванныя къ жизни военными обстоятельствами; но имъ не доставало души—той широкой автономіи, которой пользовалась Запорожская Сичь. Урокъ же съ Запорожской Сичью былъ еще на лицо, а намѣренія правительства очень опредѣленны въ смыслѣ подавленія всякихъ автономныхъ стремленій. Потемкинъ, по самому своему положенію и почти неограниченнымъ полномочіямъ, воплощалъ въ своей особѣ принципъ сильной централистической власти въ ущербъ областнымъ автономнымъ стремленіямъ.

Что положеніе вновь образованнаго казачества было не прочно и сложившіеся въ немъ порядки далеки отъ идеаловъ казака, подтвержденіемъ тому служило нежеланіе запорожцевъ, бѣжавшихъ въ Турцію, присоединиться къ вновь образованному войску. Напрасно самъ Потемкинъ посылалъ въ ихъ

Черноморскій казакъ конца XVIII столѣтія.

кошъ, находившійся въ Турціи, воззванія, обѣщая прощеніе и защиту вернувшимся на родину запорожцамъ. Запорожцамъ нужны были не прощеніе и защита, а полноправная и самостоятельная община. Ни къ чему не привели и особыя порученія, возложенныя на генералъ-поручика Павла Потемкина о привлеченіи бѣжавшихъ въ Турцію запорожцевъ въ русскія войска. По распоряженію этого генерала, кошевой атаманъ вновь образовавшагося войска Чепига вошелъ въ непосредственнныя сношенія съ турецкими запорожцами. Послѣдніе при встрѣчѣ съ Чепигой заявили, что сами они, безъ вѣдома войска и ихъ кошевого атамана, не могутъ принять предложеніе князя Потемкина о возвращеніи на родину, отослали княжеское воззваніе въ свой кошъ, а Чепигу попросили, во избѣжаніе могущихъ быть непріятныхъ столкновеній, не встрѣчаться болѣе съ ними. Чепига однако не терялъ надежды воздѣйствовать на своихъ прежнихъ по Запорожской Сичи товарищей; онъ нашелъ потомъ возможность войти въ сношенія съ войсковымъ есауломъ коша турецкихъ запорожцевъ, но всѣ эти старанія и переговоры не привели къ желательнымъ результатамъ. Запорожцы съ своимъ кошемъ и автономнымъ самоуправленіемъ, которымъ они очевидно болѣе всего дорожили, остались въ Турціи. Агитація русскаго правительства и кошевого Чепиги повела лишь къ тому, что нашлась незначительная часть перебѣжчиковъ, которые по одиночкѣ и небольшими группами бросили свой кошъ въ Турціи и явились во вновь образованное войско.

При такихъ-то условіяхъ и въ такомъ видѣ вступило въ дѣйствующую армію вновь образованное изъ запорожскихъ казаковъ войско.

Собственно въ военномъ отношеніи казаки-охотники вполнѣ оправдали расчеты правительства на ихъ боевую пригодность въ предстоящей войнѣ Россіи съ Турціей. Въ продолженіе всей войны казаки вели себя и дѣйствовали съ неустанною энергіей, храбростью, отвагой, умѣньемъ и почти всегда съ поразительными успѣхами.

Оправдались въ извѣстной мѣрѣ и ожиданія запорожцевъ. Они не только образовали войско, какъ чисто военную часть, но и осѣли потомъ на особой территоріи. Сначала ихъ штабъ-квартира или кошъ основанъ былъ въ урочищѣ Васильковѣ, а кошевымъ атоманомъ былъ Сидоръ Бѣлый. Во время его атаманства войско дѣлилось на двѣ части—пѣхота находилась подъ командою кошевого, а конницею командовалъ Захарій Чепига, также бывшій сичевикъ, пользовавшійся популярностью между казаками. Указомъ 23-го января 1788 года Екатеринославскаго нижняго земскаго суда сообщено было во всеобщее свѣдѣніе, что «господинъ полков-

никъ Сидоръ Бѣлый нареченъ войсковымъ атаманомъ вѣрныхъ казаковъ и велѣно ему учредить свой кошъ на Збурьевской сторонѣ. Поэтому, приглашались казаки записываться «пѣшіе у войскового атамана Сидора Бѣлаго на Збурьевской сторонѣ, а конные у полковника арміи секундъ-майора Захарія Чепиги на Громоклеѣ.»

Дальнѣйшее дѣленіе той и другой части на болѣе мелкія отрасли, распредѣленіе по отдѣльнымъ разрядамъ казачьей старшины—полковниковъ, есауловъ, хорунжихъ и пр., ихъ военная дисциплина и взаимныя отношенія всецѣло покоились на порядкахъ, сложившихся еще въ старой Запорожской Сичи. Такъ велось военное дѣло видимо въ продолженіе всей войны. Впослѣдствіи, когда въ одномъ изъ сраженій былъ смертельно раненъ и потомъ умеръ кошевой Бѣлый, его мѣсто заступилъ Захарій Чепига, оставившій за собою командованіе конницей. Главное же командованіе надъ пѣшими казаками, особенно при морскихъ сраженіяхъ, перешло къ Антону Головатому, игравшему выдающуюся роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ вновь образованнаго войска. Сначало войско, въ отличіе отъ невѣрныхъ запорожскихъ казаковъ, принявшихъ покровительство Турціи, было названо просто «войскомъ вѣрныхъ казаковъ», а позже оно переименовано было въ «Черноморское войско» по мѣсту своихъ военныхъ дѣйствій и жительства.

Во время турецкой войны черноморскіе казаки не только несли передовую развѣдочную службу, но и участвовали во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ на сушѣ и на морѣ. Ихъ дѣйствія начались занятіемъ сторожевыхъ позицій по р. Бугу. Мѣсяцъ спустя, 21 мая, находившійся въ Кинбургѣ Суворовъ потребовалъ прислать ему три казацкія лодки «съ добрыми молодцами»; туда и отправленъ былъ войсковой полковникъ Савва Бѣлый съ 120 казаками; а на слѣдующій день знаменитый полководецъ приказалъ прислать еще 15 лодокъ въ распоряженіе принца Нассау-Зигена, командовавшаго русскимъ гребнымъ флотомъ, и къ принцу была послана флотилія съ двумя полковниками и 684 казаками. Наконецъ, 28 мая самъ принцъ Нассау потребовалъ, чтобъ къ нему въ устье Буга явился со всей казачей флотиліей кошевой атаманъ Сидоръ Бѣлый. Казаки вмѣстѣ съ русскимъ флотомъ расположились у Кинбургскихъ береговъ, и здѣсь между русскими и турецкими моряками произошло черезъ десять дней 7-го іюня жаркое сраженіе. Турки не выдержали натиска русскихъ и отступили, а какъ дѣйствовали въ этомъ первомъ крупномъ боевомъ дѣлѣ казаки, объ этомъ свидѣтельствуетъ рескриптъ Потемкина казакамъ, въ кото-

ромъ говорится о храбрыхъ ихъ дѣяніяхъ «въ сраженіи» съ турецкимъ флотомъ.

Командующій этимъ флотомъ Гассанъ-паша не считалъ, однако, проиграннымъ дѣло. Собравши у Очакова весь наличный турецкій флотъ, онъ двинулъ его 16 Іюня противъ русской эскадры. Завязался новый и еще болѣе ожесточенный бой. Принцъ Нассау и на этотъ разъ оказался искуснѣе турецкаго паши. Благодаря его умѣлымъ распоряженіямъ, часть турецкихъ судовъ была повреждена, часть посажена на мель, а часть сожжена и взлетѣла отъ взрывовъ на воздухъ. Черноморскіе казаки на своихъ небольшихъ лодкахъ храбро бросались на трехпалубные турецкіе корабли, сѣвшіе на мель, вступали въ рукопашную съ турецкими моряками и жестоко поражали непріятеля. Гассанъ-паша былъ разбитъ и отступилъ съ уцѣлѣвшими судами къ Очакову.

Такимъ образомъ, и въ этотъ второй разъ казаки оказались видными участниками въ крупномъ морскомъ дѣлѣ. Потемкинъ вновь благодарилъ казачье войско за его храброе и самоотверженное участіе въ сраженіи съ турками. На этотъ разъ самоотверженіе черноморскихъ казаковъ было куплено цѣною смерти кошевого атамана Бѣлаго, который былъ смертельно раненъ въ бою и на другой день умеръ отъ ранъ; убитъ былъ также одинъ полковой есаулъ и 14 казаковъ, и въ плѣнъ попало цѣлыхъ 235 человѣкъ.

Въ эту пору величественная роль полководца Потемкина сводилась къ очень скромной задачѣ—передвиженію русскихъ войскъ обоими берегами р. Буга къ Очакову. Сюда, въ свой главный станъ, Потемкинъ потребовалъ 21 Іюля половину казачьей флотиліи. Кошевой Чепига отправилъ къ главнокомандующему 18 лодокъ подъ командой войскового судьи Антона Головатаго, оставивши другую часть казачьей флотиліи въ распоряженіи принца Нассау. До самой осени казаки, да и вся русская армія, не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій противъ турокъ. Казачья конница дѣятельно несла передовую развѣдочную службу, а пѣшіе казаки находились на своихъ лодкахъ въ указанныхъ выше частяхъ арміи.

Но когда осеннія бури вынудили Гассанъ-пашу удалить флотъ изъ подъ Очакова въ болѣе спокойныя и безопасныя мѣста, Потемкинъ приказалъ взять островъ Березань, расположенный на виду у Очакова. Осуществить это предпріятіе поручено было войсковому судьѣ Головатому. Это была очень трудная задача. Прежде, чѣмъ удалиться съ своимъ флотомъ къ Константинополю, Гассанъ-паша сильно укрѣпилъ островъ Березань. Въ томъ мѣстѣ острова, къ которому можно было пристать на лодкахъ, онъ построилъ батареи, а въ самой Березанской крѣпости оставилъ вооруженный гарни-

зонъ. Казакамъ приходилось взять почти неприступныя твердыни, но они съ геройствомъ выполнили возложенное на нихъ порученіе.

Дѣло происходило такимъ образомъ. 7-го ноября рано по утру казаки сѣли на свои лодки и отправились по морю къ Березани. Зрителями предстоящей трагедіи были, съ одной стороны, вся русская армія, расположенная на берегу и на судахъ, а съ другой, засѣвшіе въ крѣпостяхъ Очакова и Березани турки. Нелѣпымъ до чудовищности казалась дерзкая попытка казаковъ подойти къ Березани на своихъ незатѣйливыхъ лодкахъ и взойти на неприступный берегъ, когда изъ крѣпости и батареи направлены были на нихъ пушки и ружья гарнизона. Казаки, однако, поплыли къ острову. Лишь только они приблизились къ нему на выстрѣлъ, какъ на нихъ направленъ былъ убійственный огонь непріятельской артиллеріи. Дымъ и пламя окутали островъ, заряды бороздили море впереди и сзади казачьихъ лодокъ, падали въ лодки и на людей, а впереди предстояло еще худшее—взойти на сильно вооруженный и неприступный по крутизнѣ и мелководью берегъ Березани. Но казаки, точно на смотру, стройно двигались на своихъ лодкахъ къ разъ намѣченному пункту подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Подойдя къ острову на извѣстное разстояніе, они вдругъ произвели залпъ изъ своихъ пушекъ и ружей, бросились изъ лодокъ въ воду и вбродъ стремительно двинулись къ неприступному берегу Березани. Съ такою же стремительностью они взобрались на самый берегъ, дружнымъ натискомъ смяли передовыя части осаждаемыхъ, взяли батарею и погнались за убѣгавшими турками до самой крѣпости; но съ крѣпости нападавшіе были засыпаны картечью. Тогда казаки бросились назадъ къ батареямъ и своимъ лодкамъ. Поворотивши взятыя на батареяхъ турецкія пушки противъ крѣпости и установивши свои пушки, снятыя съ лодокъ, въ томъ же направленіи, они начали громить Березанскую крѣпость. Въ то же время началась канонада Березани съ русскаго флота. Нѣсколько фрегатовъ приблизились къ Березани, стали посылать пушечные заряды въ крѣпость, а канонерскія лодки, подъ командой бригадира де-Рибаса, подошли къ самому острову. Турки сдали Березань.

Такъ была взята Березань казаками, потерявшими въ бою одного полкового старшину, четырехъ куренныхъ атамановъ и 24 рядовыхъ казаковъ. Потеря въ сущности незначительная, казаки взяли въ плѣнъ 320 турокъ, захватили 23 пушки, 150 бочекъ пороха, 1000 ядеръ, 2300 четвертей хлѣба, турецкія знамена, а, главное, завладѣли неприступнымъ островомъ съ сильнѣйшею крѣпостью. Послѣ этой побѣды

казаковъ, Потемкинъ потребовалъ къ себѣ казачьихъ старшинъ, участвовавщихъ въ бою, и лично выразилъ имъ и войску благодарность за взятіе Березани, а военная репутація казаковъ нашла достойную оцѣнку въ арміи.

Березань пала 7 ноября, а 6 декабря штурмомъ былъ взятъ Очаковъ. И здѣсь казаки, участвуя въ штурмовой колоннѣ праваго крыла нападавшей арміи, мужественно дрались съ врагомъ и способствовали взятію замка Гассана-паши. Этимъ и закончили казаки въ 1788 году свое участіе въ турецкой войнѣ. Годъ этотъ прошелъ не безрезультатно для вновь образованнаго войска. Если оно и потеряло своего перваго кошевого атамана Бѣлаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ выказало свои боевыя качества и тѣмъ доказало полную пригодность для военныхъ цѣлей русской арміи. Такъ взглянуло на него и правительство, давши ему особое наименованіе «Черноморскаго войска».

Послѣ взятія Очакова, русская армія была двинута на западъ отъ Днѣпра. Имѣлось въ виду занять Аккерманъ и Бендеры. Въ томъ же направленіи приказано слѣдовать и черноморскимъ казакамъ, на которыхъ лежала передовая развѣдочная служба. Уже 3 января 1789 года Чепига, по распоряженію Потемкина, собралъ пѣхоту, которая съ Кинбургской стороны должна была двинуться къ Очакову и соединиться съ казаками, занимавшими Березань. Расположенная по Громоклеѣ черноморская конница передвинута была въ маѣ къ устью Мертвыхъ водъ, а въ іюнѣ Чепига съ конницею, по распоряженію генералъ-маіора Голенищева-Кутузова, прикрывалъ вмѣстѣ съ донцами и другими частями войскъ отрядъ генерала Богданова, слѣдовавшаго съ плѣнными турками по Егорлыку къ Балтѣ.

18 іюня черноморскіе казаки принимали участіе въ крупномъ дѣлѣ подъ Бендерами подъ командою Кутузова, который очень цѣнилъ военныя качества казаковъ. Черноморцы въ это время расположились на Чичеклеѣ, куда передвинутъ былъ и казачій обозъ съ Мертвыхъ водъ. Въ августѣ черноморцы, по распоряженію генералъ-маіора де-Рибаса, производили разъѣзды и слѣдили за непріятелемъ подъ Хаджибеемъ или нынѣшней Одессой, а 14 октября они, въ составѣ трехъ конныхъ и трехъ пѣшихъ полковъ, подъ начальствомъ кошевого Чепиги, участвовали во взятіи штурмомъ Хаджибейскаго замка. Надо полагать, что и въ этомъ случаѣ казаки выказали свою обычную храбрость и искусство, такъ какъ получили особую благодарность отъ князя Потемкина.

Но главная заслуга ихъ состояла въ развѣдочной и въ извѣстной мѣрѣ въ направляющей, такъ сказать, дѣятельно-

сти. Казаки были превосходно знакомы съ мѣстностью, вели армію по удобнымъ дорогамъ и мѣстамъ, способствовали своевременному доставленію въ назначенные пункты провіанта и боевыхъ припасовъ и давали лучшія свѣдѣнія о расположеніи непріятельскихъ войскъ. Не разъ они снимали пикеты турокъ, брали ихъ въ плѣнъ почти подъ стѣнами сильныхъ крѣпостей, какъ напримѣръ подъ Киліей, захватывали цѣлыя стада рогатаго скота и лошадей и, своею неустанною тревогою, держали въ безпрерывномъ напряженномъ состояніи турецкую армію.

Въ этомъ году черноморцы участвовали во взятіи Бол-града, Аккермана и Бендеръ. Особенно видную роль они играли при штурмѣ послѣдней крѣпости. Бендеры представляли сильную крѣпость, хорошо оборудованную и съ достаточнымъ количествомъ гарнизона. Со стороны Днѣстра Бендеры превосходно защищалъ крутой берегъ этой рѣки, а съ суши солидныя стѣны и сильные бастіоны. Потемкинъ приказалъ подойти къ крѣпости съ рѣки и съ суши. Не смотря на численное превосходство русскихъ войскъ, турки не захотѣли сдать крѣпость безъ бою. И вотъ, когда началось наступленіе на Бендеры, 47 лодокъ съ черноморскою пѣхотою, подъ начальствомъ войскового судьи Головатаго, двинулись съ такою же смѣлостью къ стѣнамъ Бендеръ, какъ шли казаки на Березань. Подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ крѣпости, казачьи лодки подошли вплотную къ стѣнамъ Бендеръ и, можно безъ преувеличенія сказать, рѣшили исходъ боя. Турки сдали русскимъ Бендеры. Это происходило 30 октября, и когда была взята турецкая крѣпость, русскія войска расположены были по зимнимъ квартирамъ. Наступило временное затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ и, вмѣстѣ со всею арміею, получили передышку и казачьи части. Такимъ образомъ, и въ теченіе 1789 года черноморскіе казаки продолжали на дѣлѣ доказывать свою крайнюю необходимость для русской арміи.

1790 годъ начался для русской арміи неблагопріятнымъ обстоятельствомъ. Умеръ союзникъ Россіи Австрійскій Императоръ, совмѣстно съ войсками котораго дѣйствовала противъ турокъ и армія нашего лучшаго полководца Суворова. Австрія заключила съ Турціей перемиріе. Такимъ образомъ, сразу измѣнился планъ кампаніи. На обширномъ протяженіи со стороны Австріи турецкія силы были освобождены и могли быть частями двинуты противъ линіи наступленія русскихъ войскъ, тянувшейся отъ Чернаго моря до Галацъ. Положеніе русскихъ войскъ, наоборотъ, ухудшилось. Поэтому, русскія войска ограничились удержаніемъ занятыхъ уже турецкихъ

пунктовъ, и до поры до времени, въ ожиданіи мира съ Турціей, воздержались отъ наступательныхъ дѣйствій. Вмѣстѣ со всею арміею, и Черноморское казачье войско осталось въ выжидательномъ положеніи.

Такъ въ состояніи затишья отъ военныхъ дѣйствій, продолжалась кампанія до октября мѣсяца. Въ этотъ промежутокъ времени случилось крупное событіе, имѣвшее рѣшающее значеніе для Черноморскаго войска. Прежде всего князь Потемкинъ Таврическій назначенъ былъ великимъ гетманомъ казацкихъ «Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ». Важно, конечно, было не то, что Потемкинъ былъ назначенъ не просто гетманомъ, но *великимъ* гетманомъ, въ сущности, малозначительныхъ казачьихъ войскъ, а то, что назначеніе это возлагало на всесильнаго вельможу извѣстнаго рода обязательства по отношенію къ казакамъ. Въ роли «великаго гетмана» нельзя было облеченному громадными полномочіями князю относиться безучастно къ цѣлому, хотя и крошечному, войску Черноморскому, висѣвшему, такъ сказать, въ воздухѣ временныхъ военныхъ событій, безъ земли и даже опредѣленнаго мѣста для жительства. Казаки и ихъ вожаки, разумѣется, это прекрасно понимали и несомнѣнно дали понять и почувствовать и «высоко повелительному великому гетману». «Поставляя по званію моему непремѣннымъ себѣ долгомъ пещись о доставленіи всего возможнаго блага всемилостивѣйше ввѣренному мнѣ войску вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ», говоритъ Потемкинъ въ своемъ обращеніи къ войску отъ 1 марта 1790 года, я, великій гетманъ, представилъ или, точнѣе, сооообщилъ Екатеринѣ о необходимости дать землю Черноморскому войску для поселенія на самомъ мѣстѣ театра военныхъ дѣйствій между Днѣстромъ и Бугомъ. А ордеромъ отъ 19 апрѣля 1790 года Потемкинъ извѣстилъ войско, что, кромѣ указанныхъ мѣстъ для поселенія, «опредѣляются» земли для Черноморскаго войска еще на Кинбургской сторонѣ, за выключеніемъ помѣщичьихъ, и Еникальскаго округа съ Таманью, «на которой, говоритъ гетманъ, отданныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями, самыми изобильными, любя войско, на всегда оному дарую» Это распоряженіе командующаго арміей сразу упрочивало будущее Черноморскаго войска. Казаки не заставили себя ждать, и свободная отъ службы часть ихъ дружно взялась за дѣло немедленнаго заселенія назначенныхъ Потемкинымъ для войска земель. Тогда же былъ основанъ и Кошъ или резиденція войска въ селеніи Слободзеѣ.

Съ октября 1790 года русская армія, а съ нею и черноморскіе казаки, вышла изъ бездѣйствія. Рѣшено было снова начать наступленіе противъ турокъ. Къ этому времени явил-

ся въ армію и лучшій авторитетъ въ военномъ дѣлѣ Суворовъ, котораго, однако, Потемкинъ старался всячески игнорировать. Предполагалось, по плану Потемкина, взять прежде всего сильную на Дунаѣ крѣпость Измаилъ. Суворовъ же находилъ необходимымъ сначала овладѣть ключемъ со стороны моря къ Дунаю—его устьемъ, для чего требовалось взять важнѣйшіе пунты, защищавшіе эти мѣста,—крѣпость Килію и замокъ Тульчу! Совѣтъ великаго полководца былъ на столько ясенъ и практиченъ, что даже самъ высокоповелительный генералъ-фельдмаршалъ и главнокомандующій князь Потемкинъ подчинился ему. Согласно этому новому плану, казачья флотилія подъ командою войскового судьи Головатаго прошла изъ Днѣпровскихъ лимановъ Чернымъ моремъ въ Дунай и соединилась здѣсь съ гребною флотиліей генерала де-Рибаса. Послѣдній приказалъ казакамъ занять устье рѣки Киліи, и казаки, съ Головатымъ во главѣ, 23 октября вошли въ устье Киліи и придвинулись къ самымъ стѣнамъ крѣпости. При содѣйствіи черноморской флотиліи, русскими войсками взяты были крѣпость Килія и два замка Тульча и Исакча, охранявшіе входъ въ Сулинскій рукавъ Дуная. Въ то же время конный полкъ черноморскихъ казаковъ расположенъ былъ для охраны соединительной линіи между русскою гребною флотиліею у Сулинскаго рукава и войсками, расположенными подъ командою графа Гудовича на островѣ у Старой Киліи. Казакамъ всегда отводилось мѣсто на передовыхъ позиціяхъ.

Съ открытіемъ входа въ Дунай, сильнѣйшая по тому времени крѣпость Измаилъ стала доступною для русскаго флота. Предстояло взять эту крѣпость, и въ исторіи взятія Измаила русскими войсками сохранились любопытныя подробности, характеризующія роли дѣйствовавшихъ лицъ.

Во главѣ арміи стоялъ Потемкинъ. Въ роли „высокоповелительнаго“, какъ титуловался онъ часто въ офиціальныхъ бумагахъ, главнокомандующаго, Потемкинъ съ буквальною точностью какъ бы старался оправдать данный ему витіеватый титулъ,—съ высоты своего положенія онъ именно только «повелѣвалъ». Во первыхъ, приказалъ генералу де-Рибасу истребить турецкій флотъ, находившійся подъ Измаиломъ, а во вторыхъ, опять таки, приказалъ Суворову взять крѣпость Измаилъ. Приказанія были исполнены, но, разумѣется, только потому, что исполнителями явились такія лица, какъ Суворовъ, де-Рибасъ, Головатый и др. Вотъ какъ въ дѣйствительности происходило дѣло.

Русская флотилія, находившаяся подъ командою де-Рибаса, была раздѣлена на двѣ части: съ одною частью судовъ де-Рибасъ расположился выше Измаила, а другая часть, со-

стоявшая изъ казачьихъ лодокъ, подъ командою Головатаго, заняла мѣста ниже крѣпости. 19-го ноября де-Рибасъ занялъ лежавшій вблизи Измаила островъ Читалъ и заложилъ на немъ, подъ прикрытіемъ обѣихъ частей русскаго флота, при усиленномъ обстрѣливаніи турокъ изъ Измаила, батареи. Въ теченіе ночи къ утру 20 ноября были возведены и окончены батареи, изъ которыхъ и началась бомбардировка Измаила, поддержанная обѣими частями флота. Въ то-же время русскіе моряки подошли съ своими баркасами вплотную къ турецкимъ судамъ, расположеннымъ у каменнаго бастіона, и бросились въ аттаку. Смятые турки оставили и свои суда и бастіонъ, при чемъ семь судовъ было сожжено, а 18-ти пушечный корабль взорванъ былъ на воздухъ. На другую часть турецкаго флота напалъ съ черноморцами Головатый, пройдя предварительно линію усиленнаго турецкаго огня. Казаки нанесли здѣсь полное пораженіе туркамъ и потопили около 90 турецкихъ судовъ.

Такъ былъ разбитъ турецкій флотъ. Оставалось взять Измаилъ. Имя Суворова ручалось за успѣхъ дѣла. Войска были увѣрены въ побѣдѣ. 9 декабря Суворовъ отдалъ одинъ изъ знаменитыхъ своихъ приказовъ по войскамъ: „сегодня молиться, завтра—учить войска; послѣ завтра—побѣда, либо славная смерть". 11 декабря начался штурмъ Измаила, окончившійся паденіемъ этой крѣпости. Наступленіе на крѣпость велось съ двухъ сторонъ. Со стороны Дуная аттаку велъ съ черноморцами генералъ де-Рибасъ, а съ суши самъ Суворовъ. Послѣ упорнаго боя русскіе овладѣли Измаиломъ. Дорого однако досталась черноморцамъ эта побѣда. Въ одной изъ наступавшихъ колоннъ были почти поголовно изрублены черноморцы турками и татарами подъ командою Капланъ-Гирея, брата Крымскаго хана. Этимъ актомъ и закончена собственно была кампанія 1790 года.

Взятіе Измаила ознаменовано было цѣлымъ дождемъ наградъ. Конечно, „высокоповелительный" главнокомандующій принялъ на свой счетъ выполненіе изданныхъ имъ приказаній и постарался геройскіе подвиги талантливыхъ людей и скромныя дѣла сѣрой массы рядового воинства, какъ свое дѣло, обставить обиліемъ наградъ въ видѣ чиновъ и орденовъ. При этомъ удобномъ случаѣ не забыты были и казаки Черноморскаго войска: кошевой Чепига, судья Головатый, войсковой есаулъ Сутыка и писарь Котляревскій получили ордена, 500 казачьихъ офицеровъ были повышены въ чинахъ, а всѣмъ нижнимъ чинамъ были розданы особые знаки, съ одной стороны, съ вензелемъ Екатерины, а съ другой съ надписью: „за отличную храбрость при взятіи Изма-

ила декабря 11-го 1790 года". Казачьи старшины заражены уже были страстью къ чиновнымъ наградамъ.

Въ 1791 году черноморскіе казаки исполняли исключительно сторожевую, развѣдочную, пограничную и вообще разъѣздную службу. Участія въ значительныхъ движеніяхъ арміи казачье войско не принимало, да и вообще крупныхъ военныхъ дѣлъ въ этомъ году не было. Поэтому, какъ конная, такъ и пѣшая казачьи части то и дѣло дробились на мелкіе отряды, команды и партіи и направлялись съ мѣста на мѣсто, туда, гдѣ требовались быстрота, сметка, ловкость и другія качества казака-развѣдчика. Такъ, расположенная на зимовку у Старой Киліи казачья флотилія направлена была, по распоряженію Кутузова, Дунаемъ къ Галацу для соединенія съ эскадрою де-Рибаса. Туда же, въ войска генералъ-аншефа князя Репнина, были двинуты казачья конница и обозъ подъ начальствомъ кошевого Чепиги. При взятіи у непріятеля острова вблизи Браилова участвовало два казачьихъ полка. Перевозка войскъ черезъ Дунай на этотъ островъ производилась казачьей флотиліей, и когда турки направили свои суда противъ казачьей флотиліи, чтобы воспрепятствовать переправѣ, то казаки вступили въ бой и заставили уйти турецкія суда. 31 марта двѣ тысячи пѣшихъ черноморскихъ казаковъ участвовали во взятіи одного изъ придунайскихъ турецкихъ укрѣпленій, потерявши 6 человѣкъ убитыми и 16 ранеными. Въ то-же время Кутузовъ отправилъ девять вооруженныхъ казачьихъ лодокъ въ Галацъ, десять для сторожевой службы въ Килійскій рукавъ Дуная, двѣ лодки къ острову Читалу, а остальныя шесть лодокъ прибыли потомъ также въ Галацъ. Точно также конные казаки были распредѣлены частями по различнымъ мѣстамъ и пунктамъ. Двѣ тысячи человѣкъ находилось на Дунайскомъ островѣ, 500 было расположено ниже Галаца на пикетахъ, разъѣздахъ, у перевоза и пр., два казачьихъ полка наблюдали за непріятелемъ противъ Тульчи, остальные казаки были при обозѣ.

Такимъ образомъ, по самому ходу военныхъ дѣйствій, черноморцы были поставлены въ условія мелкихъ стычекъ и борьбы съ непріятелемъ. При этомъ казакамъ приходилось сталкиваться не только съ турками, но и съ своими братьями казаками, бѣжавшими въ Турцію. Въ одномъ случаѣ, черноморцы поѣхали въ гости къ турецкимъ запорожцамъ за Дунай, но угощеніе, видимо, такъ понравилось имъ, что часть казаковъ совсѣмъ осталась за Дунаемъ. Въ другомъ случаѣ на сотника съ казаками, причалившими къ одному изъ острововъ на Дунаѣ для ночлега, напали турецкіе запорожцы, причемъ убили одного казака, трехъ ранили, девять взяли

въ плѣнъ, захвативши ихъ на лодкѣ съ пушкой. Только часть казаковъ съ сотникомъ успѣла уйти и скрыться въ камышахъ. Въ третьемъ случаѣ, когда кошевой Чепига, по приказанію Кутузова, вступилъ 5 іюня въ сраженіе съ передовыми частями турецкой арміи, черноморецъ Павелъ Помело нечаянно столкнулся съ своимъ роднымъ братомъ, запорожцемъ изъ Турціи. Послѣдній, узнавши родного брата, предупредилъ его, что турки хотѣли вовлечь черноморцевъ въ засаду и указалъ мѣсто, гдѣ скрывался ханъ съ татарами и некрасовскими казаками и другое мѣсто, гдѣ поджидали также татары, чтобы напасть на русскихъ съ тылу. Благодаря этимъ предостереженіямъ, черноморцы не дались въ обманъ. Впрочемъ, дѣло приняло потомъ такой оборотъ, что Чепига съ казаками напалъ на самого хана, который едва успѣлъ спастись бѣгствомъ за рѣчку, подальше отъ русскихъ и ближе къ турецкимъ войскамъ.

Стычкою этою однако не кончилось дѣло. Послѣ пораженія казаками татаръ, съ ханомъ во главѣ, начали отступать и турецкія войска. Тогда Кутузовъ приказалъ Чепигѣ съ казаками атаковать и турокъ. И въ этомъ случаѣ казаки остались побѣдителями. Турки были разсѣяны, и казаки захватили у нихъ три пушки, шесть плѣнниковъ и тяжелый турецкій обозъ. 6 Іюня казаки участвовали вмѣстѣ съ другими частями, подъ командою Чепиги и полковника де-Рибаса, въ разореніи города Бабадага, магазиновъ и ближайшихъ селеній. Наконецъ послѣдній разъ черноморскіе казаки съ своимъ кошевымъ атаманомъ участвовали въ пораженіи русскою арміею князя Репнина турецкихъ войскъ подъ Мачиномъ.

Скоро потомъ былъ заключенъ миръ съ Турціей, а до тѣхъ поръ казаки несли кордонную службу по линіи отъ устья р. Прута до Галацъ и отсюда до нижняго Чуленца. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пѣхота на лодкахъ съ Головатымъ стала на зимнія квартиры въ Фальчѣ и Галацѣ, а конница съ Чепигой размѣстилась по селеніямъ своего же Черноморскаго войска на Очаковской степи по лѣвую сторону Днѣстра. Но прежде, чѣмъ это произошло, 5 октября 1791 года неожиданно для всѣхъ умеръ великій гетманъ князь Потемкинъ-Таврическій.

Такъ окончилось участіе Черноморскаго войска въ войнѣ русской арміи съ турками. Общій перечень фактовъ, характеризующихъ это участіе, подтверждаетъ, что расчеты правительства на мѣстное казачество, какъ на необходимую и выгодную часть спеціальнаго войска для арміи, вполнѣ оправдались. Казаки, можетъ быть, дали несравненно больше того, сколько ожидалось. Ихъ передовая развѣдочная служба гарантировала, съ одной стороны, спокойное и регулярное

теченіе дѣлъ въ арміи, а съ другой, держала въ курсѣ предводителей арміи относительно силъ и расположенія ихъ противника. Если прибавить къ этому, что непосредственное участіе казаковъ въ важнѣйшихъ сраженіяхъ имѣло или рѣшающее значеніе, или характеръ своевременно поданной помощи, то, конечно, черноморскіе казаки въ правѣ были сказать: «мы заслужили себѣ имя и землю, дайте намъ мѣста для поселеній, чтобы мы могли съорганизоваться въ гражданскую общину». Такъ оно и произошло на самомъ дѣлѣ.

Можно положительно сказать, что война подсказала русскому правительству нужду въ казакахъ, а народъ и старые сичевики продиктовали ему тотъ путь, которымъ шло формированіе новаго казачьяго войска. Гордый и самовластный Потемкинъ не избѣжалъ въ этомъ отношеніи роли школьника, которому диктовалъ свои требованія народъ и которыя, разумѣется, онъ коверкалъ и портилъ при своей безконтрольности и княжескихъ замашкахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на могущество всесильнаго Потемкина, положеніе черноморцевъ за Бугомъ отличалось крайнею неопредѣленностью. Не было ни надлежаще устроеннаго управленія, ни заранѣе заведенныхъ порядковъ, ни обезпеченія населенія землями. Черноморцы были во всемъ стѣснены, и это стѣсненіе прежде всего отражалось на формированіи войска. 16-го октября 1788 г. войсковой атаманъ Чепига въ прошеніи къ князю Потемкину образно выразился: «безгласный родъ войска вѣрныхъ казаковъ воплитъ о порабощеніи господами помѣщиками ихъ женъ и дѣтей». Порабощеніе это выразилось со стороны помѣщиковъ во всевозможныхъ насиліяхъ и издѣвательствахъ надъ казачьимъ населеніемъ. Такъ, 26 апрѣля 1789 г. подпоручикъ Яновскій донесъ войсковому судьѣ Головатому, что, исполняя его порученія, пригласилъ было болѣе 700 охотниковъ, но дворянскій засѣдатель новомосковскаго земскаго суда, прапорщикъ Линевъ, спросивши Яновскаго почему онъ вызываетъ охотниковъ въ войско, заявилъ ему, что намѣстникъ Коховской прислалъ поручика Туровского для представленія его къ намѣстнику. Самъ Яновскій настаивалъ на этомъ, но Линевъ, вмѣсто того, собралъ записавшихся на службу казаковъ, нанялъ музыкантовъ, велѣлъ имъ играть и, пустившись въ пляску съ Туровскимъ, приказалъ плясать вмѣстѣ съ ними и казакамъ. Затѣмъ онъ отобралъ у Яновскаго саблю, усадилъ его на подводу и отправилъ будто-бы къ намѣстнику. «Вотъ видите, говорилъ онъ казакамъ, что надъ Яновскимъ сдѣлано, то будетъ самое и вамъ, если пойдете въ черноморцы». Въ дѣйствительности, Яновскій вмѣсто намѣстника попалъ къ Ека-

териноcлавскому городничему Шостаку подъ присмотръ, который и освободилъ его. Новомосковскій исправникъ капитанъ Зеленскій, по сообщенію Яновскаго, арестовалъ и неизвѣстно куда за карауломъ отправилъ прапорщика Бѣлаго, старшину Грекова и казака Салотовку, а записавшихся въ Черноморское войско казаковъ и всѣхъ «кто только подбрился подъ чуприну» велѣлъ сотскимъ ловить. Исправникъ Зеленскій также воротилъ изъ сотни болѣе половины казаковъ, отправившихся уже было въ походъ, «держалъ ихъ запертыми въ тюрьмѣ и въ другихъ людскихъ пустыхъ каморахъ и избахъ двое сутокъ, а потомъ престарѣлыхъ палочьемъ въ одной рубашкѣ, а прочихъ, раздѣвши голыхъ, батожьемъ безпощадно наказывалъ.» Сообщая обо всѣхъ этихъ фактахъ графу Голенищеву-Кутузову, Запорожскій Кошъ указывалъ на то обстоятельство, что чинимыя мѣстными властями насилія не только разоряли населеніе, но и мѣшали Кошу исполнить волю Государыни о формированіи войска.

Затѣмъ не было ни подлежащаго управленія, ни такихъ представителей его, которые могли бы защитить населеніе отъ издѣвательствъ и насилій, о которыхъ упомянуто выше. По традиціи, безъ всякаго обезпеченія закономъ, въ войскѣ были войсковой атаманъ, судья и писарь, но въ дѣйствія этихъ лицъ вкрались уже такіе пріемы, которые были совершенно чужды истинно демократическому правленію запорожскаго казачества. Такъ, избранный войсковымъ писаремъ Подлѣсецкій былъ удаленъ войскомъ за плохое веденіе дѣла, за издѣвательство надъ казаками, за подлогъ и взятки, такъ какъ Подлѣсецкій замѣнилъ списокъ казаковъ, представленныхъ къ наградѣ, спискомъ лицъ, совсѣмъ не бывшихъ на службѣ.

Среди низшихъ властей царили самые грубые нравы. 30 апрѣля 1789 г. атаманъ куреня Дядьковскаго Бойко привезъ ордеръ кошевого полковнику Давиду Бѣлому и, не заставши его, передалъ полковому писарю, прапорщику Семену Бурносу, требуя отъ него прочтенія ордера. Когда же Бурносъ отказался читать безъ вѣдома полковника ордеръ, то Бойко «поднялъ самовольный бунтъ, вытащилъ Бурноса изъ палатки и билъ его, сколько ему было угодно».

Интереснѣе всего, что тотъ-же полковникъ Давидъ Бѣлый, въ рапортѣ отъ 30 апрѣля 1790 г. охарактеризовалъ своего писаря Семена Бурноса какъ ужаснаго забіяку и драчуна. По словамъ полковника, Бурносъ напился пьянъ въ Оленештахъ и началъ отнимать у хорунжаго молдаванина, котораго онъ сопровождалъ. Когда-же присутствующій при этомъ казачій есаулъ пытался не дать молдаванина, то Бур-

носъ «три раза заихавъ есаула кулакомъ». За есаула вступился хорунжій, но на хорунжемъ «онъ всю палку побивъ». Его, полковника, писарь не слушался, не хотѣлъ писать бумагъ и совѣтовалъ нанять для того солдата. Бѣлый жаловался, что онъ можетъ только ругать писаря и не въ силахъ его побить. Бурносъ «выкликалъ даже его на поединокъ на шабли», а при проѣздѣ въ Бѣлградъ онъ избилъ капитана ружьемъ, которое отнялъ у купцовъ.

Такъ вели себя представители администраціи. Суда, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не было. Судьями были тѣ-же управители, администраторы, не руководившіеся законами; въ лучшихъ случаяхъ они придерживались обычая, а чаще всего дѣйствовали по произволу. Въ 1789 г. 24 августа сходка атамановъ со старшинами постановила наказать войскового хорунжаго Степана Кошмана кіями, посадивши его на хлѣбъ и на воду въ теченіе мѣсяца за напрасное опороченіе казака Алексѣя Бѣлаго и за кражу у того-же Бѣлаго сорочки. Въ январѣ 1790 г. полковникъ Савва Бѣлый наказалъ тѣлесно старшину своей команды Ивана Огіенко за воровство 5 рублей, отобралъ у него ордеръ на старшинство и отослалъ въ курень Каневскій, замѣнивши его другимъ старшиной. Вообще въ ту пору рѣшенія суда сводились къ наказанію кіями, но бывали болѣе мягкія наказанія, считавшіяся, однако, позорными, какъ наприм., исключеніе изъ войска. Въ декабрѣ 1789 г. Войсковой Кошъ особымъ ордеромъ постановилъ исключить изъ войска или, какъ сказано въ ордерѣ, «выслать изъ войска на собственное пропитаніе» полкового хорунжаго прапорщика Андрея Бѣлаго за воровство, передержательство и «непозволительное шатаніе». Ордеръ этотъ былъ разосланъ всѣмъ властямъ съ предупрежденіемъ, чтобы Бѣлаго не только нигдѣ не принимали въ войско, но чтобы и всѣ честные люди не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній.

Тяжелыя экономическія условія и имущественная необезпеченность казачьяго населенія естественно могли порождать преступленія. Изъ офиціальныхъ документовъ видно, что въ то время широко были распространены убійства, грабежи и воровство. Въ декабрѣ 1789 г. генералъ Кречетниковъ писалъ Головатому, что обнаруженъ былъ грабежъ черноморскихъ казаковъ. У трехъ погонщиковъ, доставлявшихъ казенный провіантъ, грабители отбили 6 воловъ и отняли 7 рублей денегъ. Кречетниковъ требовалъ розысканія виновныхъ. Въ іюлѣ того-же года, полковникъ Малый доносилъ Головатому, что онъ съ командою не обнаружилъ нигдѣ воровъ и грабителей. Въ январѣ 1790 г., по распоряженію Головатаго, за «заграбительство» былъ наказанъ жестоко кіями

казакъ куреня Иркліевскаго Якимъ Товчепига. Полковникъ Порохня доносилъ по начальству, что за грабежи и воровство онъ наказывалъ виновныхъ казаковъ жестоко кіями.

Нерѣдко казаки грабили по нуждѣ. Въ февралѣ 1790 г. казаки Яковъ Лелека съ 8-ю товарищами залегли по дорогѣ изъ Бендеръ на Балту въ камышахъ, „чтобы замѣнить свое худое одѣяніе и обувь на лучшія". Когда на третій день вечеромъ по дорогѣ показались еврей Лейба Евшимовичъ и три ѣхавшихъ съ нимъ мужика, то грабители взяли у нихъ три свиты, 6 шубъ, обмѣняли 5 паръ сапогъ на свои старые и взяли 14 гусей и 2 р. 5 коп. деньгами. Пойманные властями казаки, по распоряженію Кречетникова, были отправлены въ войско, гдѣ и были наказаны „за таковое ихъ бездѣльничество въ страхъ прочимъ" и опредѣленіемъ въ курени по прежнему на службу. Свое начальство повидимому сквозь пальцы смотрѣло на такіе поступки.

Иногда грабежи совершались подъ вліяніемъ слуховъ о томъ, что правительство позволяло грабить евреевъ и поляковъ. Такъ, 9 казаковъ куреня Нижестебліевскаго, ограбившіе польскаго шляхтича, показали, „что они это сдѣлали не съ умысла", а слыхали въ Очаковѣ „публикацію" о позволеніи грабить высланныхъ евреевъ и поляковъ.

Грабежи были настолько распространены, что власти считали необходимымъ возложить отвѣтственность за нихъ на цѣлыя общества. Въ іюлѣ 1789 г. всѣ куренные атаманы войска дали подписку Кошу въ томъ, что если обнаружена будетъ утайка грабителей и воровъ, то они добровольно подвергаютъ себя штрафу и тѣлесному наказанію. Изъ другого дѣла видно, что за грабежи, произведенные казаками, куренные атаманы обязаны были выдавать въ пользу потерпѣвшихъ стоимость награбленнаго имущества. Иногда куренные атаманы просто вступали въ мировыя сдѣлки съ потерпѣвшими. Такъ было съ двумя потерпѣвшими евреями, которые въ прошеніи Кошу заявили, что «гласяща труба Моисея пророка склонила ихъ» уступить атаманамъ 143 р., такъ какъ остальные 250 руб. куренные атаманы обязались уплатить. Надо полагать, что дѣло было рѣшено не гласящей трубой Моисея, а просто давленіемъ на евреевъ атамановъ и казачества.

Въ оправданіе казачества, кромѣ отмѣченныхъ выше причинъ, можно указать на то обстоятельство, что исторически сложившіяся отношенія къ сосѣдямъ — татарамъ, туркамъ и полякамъ, тѣсно были связаны съ военными грабежами и реквизиціями. Казаки, какъ и ихъ противники, находили въ порядкѣ вещей уводъ плѣнниковъ и захватъ

скота и имущества у побѣжденной стороны. На этой почвѣ развилось между прочимъ и гайдамачество. Судья Головатый оставилъ въ бумагахъ 2 интересныхъ факта. Въ ордерѣ полковнику Давиду Бѣлому онъ упоминаетъ, какъ казаки захватили одну лодку отпущенныхъ русскими изъ Килiи турокъ, убили и изранили нѣсколько человѣкъ, а самую лодку съ женами и ихъ дѣтьми и имуществомъ увезли съ собой невѣдомо куда. Очевидно, казаки, въ силу традицiи, считали такой способъ грабежа, по меньшей мѣрѣ, полудозволеннымъ. А 23-го марта Головатый донесъ Чепигѣ, что партiя казаковъ изъ 61 человѣка, отлучившись отъ работъ, при постройкѣ судовъ ограбила польское мѣстечко Егорлыкъ. Въ этомъ случаѣ грабежъ напоминаетъ собой дѣянiя гайдамаковъ.

Еще болѣе оправданiя находятъ болѣе крупные случаи правонарушенiй на почвѣ массовыхъ движенiй населенiя. Такой именно характеръ носятъ такъ называемые казачьи бунты. Такъ, полковники Малый и Порохня въ октябрѣ 1789 г. доносили кошевому Чепигѣ, что въ ихъ полкахъ казаки взбунтовались и что самый бунтъ выразился въ отобранiи двухъ прапоровъ у наряженнаго отряда. При этомъ бунтовщики объявили, что безъ полученiя жалованья и провiанта они служить не будутъ и что артиллеристы побросаютъ пушки. Нужда, очевидно, была такъ велика, что полковники не предприняли никакихъ мѣръ для усмиренiя бунта, а только просили кошевого о томъ, чтобы имъ безвинно не пострадать. Въ историческихъ матерiалахъ есть нѣсколько аналогичныхъ случаевъ этого рода. Въ одномъ случаѣ казаки бунтовали при нагруженiи лѣсомъ судовъ, такъ какъ въ такой тяжелой работѣ никогда не были и не хотѣли быть. Въ другомъ случаѣ бунтъ вызванъ былъ плохой пищей, гнилой пшеницей и непосильными работами безъ всякаго вознагражденiя.

Такiе вполнѣ естественные бунты, такъ сказать, усугублялись чисто формальными обстоятельствами. По традицiи, казаки выражали свое недовольство тѣмъ, что отбирали обыкновенно внѣшнiе знаки казачьяго уряда — прапоры, оружiе и пр. За этимъ конечно скрывалось часто недовольство начальствомъ, которое, къ тому же, не всегда отличалось надлежащей тактичностью. Полковникъ Давидъ Бѣлый, наприм., по собственному усмотрѣнiю наказывалъ казаковъ тѣлесно. Съ войсковымъ судьей Антономъ Головатымъ произошелъ просто курьезъ на этой почвѣ. По распоряженiю Давида Бѣлаго, полковому старшинѣ Ивану Бѣликову поручено было доставить рыбу къ столу судьѣ Головатаго. Когда Бѣликовъ взялъ десятую часть улова у казаковъ, то послѣд-

ніе, по его выраженію, взбунтовались и отняли обратно рыбу. Рьяный старшина просилъ полковника Бѣлаго отобрать рыбу у казаковъ; если же казаки и при этомъ не отдадутъ, то «я, говоритъ Бѣликовъ въ рапортѣ, за бунтъ донесть имѣю командѣ».

Подъ вліяніемъ такихъ условій, неудовлетворительно складывалась не только казачья жизнь, но и хозяйство. Казаки были настолько бѣдны, что не могли надлежащимъ образомъ нести военную службу. Въ декабрѣ 1788 г. полковникъ Мокій Гуликъ доносилъ Головатому, что въ его командѣ не было провіанта, дровъ и сѣна, такъ что люди голодали, варить пищу нечѣмъ было и лошади страшно исхудали. Гуликъ опасался, что вся команда его разойдется. Такое положеніе усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство не во время выдавало жалованье и фуражъ.

Самое хозяйство казаковъ было несложно и отличалось примитивнымъ характеромъ. Земледѣліемъ казаки занимались слабо; скотомъ также были не особенно богаты; пользованіе естественными богатствами, повидимому, было хищническимъ. Въ архивныхъ документахъ есть указанія, что казачье населеніе хищнически относилось къ садамъ и лѣснымъ богатствамъ. 16 февраля 1790 года секундъ-маіоръ Мокій Гуликъ извѣщалъ полкового старшину Лубьянова о томъ, чтобы не рубили садовъ и строевыхъ деревьевъ подъ угрозою тѣлеснаго наказанія. Въ мартѣ того же года, самъ кошевой Чепига, ссылаясь на то, что онъ полный хозяинъ войсковой земли, предписывалъ всѣмъ полковникамъ, чтобы они слѣдили за порубками лѣса и плодовыхъ деревьевъ подъ опасеніемъ строгаго наказанія.

Наиболѣе обезпеченный заработокъ населенію давало рыболовство,—излюбленный промыселъ казачества. Рыболовствомъ занимались всѣ свободно, гдѣ хотѣли; но такъ какъ оно было самой доходной статьей, то войско имѣло также свое особое рыболовство. Въ ордерѣ Коша полковому хорунжему Григорію Дубчаку отъ 5 марта 1797 года преподаны были правила войскового рыболовства на такъ называемыхъ дунайскихъ гардахъ, смотрителемъ которыхъ назначенъ былъ Дубчакъ. Въ октябрѣ 1791 года Дубчакъ донесъ Чепигѣ, что войсковое рыболовство дало 8097 руб. 55 коп. дохода.

Соляные промыслы войско имѣло на Кинбургской сторонѣ, куда посылало свои команды и надсмотрщиковъ.

Подъ конецъ пребыванія черноморцевъ за Бугомъ, въ войскѣ начали устанавливаться тѣ хозяйственные порядки,

которые сложились потомъ окончательно на Черноморіи. Такъ, полковникъ Яковъ Мокрый просилъ 20 августа 1790 года судью Головатаго указать ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ устроить заводъ для рыбы и хуторъ для скота. Головатый далъ разрѣшеніе.

Была даже попытка завести войсковую отару. Въ декабрѣ 1790 года старшина Сербинъ доносилъ кошевому Чепигѣ, что на земляхъ войска выкармливается много овецъ, принадлежащихъ татарамъ и разнымъ другимъ владѣльцамъ, и что, поэтому, не разрѣшитъ ли кошевой собрать съ нихъ хотя по двѣ овцы и завести войсковую отару.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на безпорядки въ жизни, незавидное экономическое состояніе и необезпеченное гражданское положеніе, черноморскіе казаки сразу поставили на первый планъ удовлетвореніе своихъ религіозныхъ потребностей. Еще въ 1788 году Кошъ просилъ Суворова опредѣлить въ Запорожское войско священникомъ Ивана Ковалевскаго, а также снабдить церковью, церковными книгами и утварью. Но въ ноябрѣ того-же года Ковалевскій просилъ его уволить отъ должности вслѣдствіе слабаго здоровья и болѣзненныхъ припадковъ, разрѣшивши ему перейти на жительство въ мѣстечко Новоселицы. Повидимому, въ войскѣ былъ не одинъ священникъ Ковалевскій, такъ какъ были и другія церкви. Въ 1790 году Кошъ просилъ Амвросія, архіепископа Екатеринославскаго, возвести въ санъ протоіерея священника села Панчева Стефана Ушацкаго и перевести его въ село Чобурчи. Въ августѣ того-же года Кошъ назначилъ дьячкомъ казака куреня Деревянковскаго, Тита Багрея, въ церковь слободъ Слободзеи и Руфы.

Само собой понятно, что, при такомъ вербованіи духовенства, не всегда могли быть удачны назначенія Коша. Въ октябрѣ 1790 года архіепископъ Екатеринославскій Амвросій писалъ Чепигѣ, что онъ прислалъ негоднаго священника въ село Чобурчи, такъ какъ онъ не умѣетъ отправлять службы и плохо читаетъ, и что взамѣнъ его онъ назначитъ на дняхъ другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ владыка сообщалъ кошевому, что какой-то писарь взялъ съ его ставленника голову сахара и назвалъ подложной его грамоту. Архіепископъ просилъ кошевого побранить писаря за непризнаніе его грамоты и воспретить ему «лакомиться взятками».

Въ ту пору, при заселеніи края и передвиженіяхъ народонаселенія выработался особый видъ духовенства странствующаго. Въ письмѣ архіепископа Екатеринославскаго Амвросія кошевому Чепигѣ отмѣченъ тотъ фактъ, что на югѣ Россіи въ большомъ количествѣ встрѣчались праздно-

шатающіеся представители какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства. Владыка предостерегалъ кошевого отъ самозванцевъ и разстриженныхъ или запрещенныхъ священно-служителей, рекомендовалъ спрашивать у такихъ сомнительныхъ лицъ паспорты и письменные виды.

Такъ складывалась жизнь у черноморцевъ за Бугомъ послѣ смерти ихъ покровителя Потемкина.

Смерть Потемкина черноморцы считали крупною и невозвратимою ничѣмъ потерею. Потеря эта была тѣмъ чувствительнѣе, что князь, повидимому, принималъ къ сердцу интересы черноморцевъ все ближе и ближе, по мѣрѣ того, какъ тѣснѣе становились его связи съ возобновленнымъ имъ казачествомъ. Нѣсколько утрированный титулъ «великаго гетмана» заставлялъ его однако чувствовать свою близость къ казакамъ. Широкая натура временщика не могла помириться на полумѣрахъ и недодѣлкахъ въ естественно слагавшемся планѣ возстановленія Запорожскаго войска подъ именемъ Черноморскаго. Правда, онъ влагалъ въ дѣло и свои личныя воззрѣнія. Еще въ 1783 году, когда Потемкинъ поручилъ Головатому, Чепигѣ и Легкоступу набрать лично для него 500 человѣкъ конницы и 500 человѣкъ пѣхоты, онъ рѣшилъ измѣнить основы казачьей организаціи, введя въ войско, по примѣру донскихъ, уральскихъ и терскихъ казаковъ, семейное начало. Но, во первыхъ, сами бывшіе запорожцы стремились, какъ увидимъ далѣе, къ насажденію въ войскѣ «семейственнаго бытія», и весьма возможно, что эту мысль, вмѣстѣ съ проектомъ образованія при князѣ 500 конницы и 500 пѣхоты изъ казаковъ, подсказали князю Антонъ Головатый или вообще близко стоявшіе къ нему запорожцы. А во вторыхъ, Потемкинъ отличался щедростью и широкими замашками, что конечно прекрасно знали бывшіе сичевики и на что несомнѣнно расчитывали при систематическомъ осуществленіи возобновленія казачества въ духѣ запорожской организаціи.

Волонтеры уже съумѣли превратиться въ войско, провести въ это войско куренное устройство, оставить за собою фактически право не только внутренняго самоуправленія, но и самостоятельной организаціи военныхъ частей войска, и хотя кошевые атаманы утверждались, но вѣдь это было уже тогда и у донскихъ казаковъ. Оставалось совершить самое важное — укрѣпить за собою опредѣленную казачью территорію. И въ этомъ отношеніи, Потемкинъ успѣлъ уже пообѣщать и отчасти осуществить планъ широкаго обезпеченія казаковъ землей, но именно въ этотъ важный моментъ онъ и умеръ. Было отчего приходить въ смущеніе и жаловаться

на судьбу черноморцамъ. Не даромъ Антонъ Головатый въ своей извѣстной пѣснѣ патетически восклицалъ:

Встань, батьку, великій гетмане,
Милостивый нашъ великій пане,
Встань Грицьку, промовъ за насъ слово,
Проси Цариці—все буде готово!

Со смертію Потемкина черноморцы, въ самомъ дѣлѣ, очутились въ критическомъ положеніи. Разгромъ Запорожской Сичи былъ еще у всѣхъ на памяти. Подавленіемъ казачьей свободы, какъ пугаломъ, пользовались всѣ—и военные чины, и гражданскія власти, и нарождавшаяся каста помѣщиковъ. Особенно опасны были для запорожцевъ эти послѣдніе.

Въ дѣйствительности, положеніе черноморцевъ было таково. Черноморцы уже осѣли и фактически завладѣли землями между Бугомъ и Днѣпромъ «границею по бендерьску дорогу», какъ поется въ пѣснѣ Головатаго. Сдѣлали они это на основаніи письменнаго распоряженія князя Потемкина отъ 1 марта 1790 года. Хотя распоряженіе это и носило форму жалованнаго, такъ сказать, указа и въ концѣ его стояло обычное для монарха „данъ въ главной квартирѣ въ Яссахъ“, но въ документѣ говорилось лишь, что Потемкинъ «всеподданнѣйше представилъ Ея Императорскому Величеству о поселеніи войска на привольныхъ мѣстахъ на берегу Чернаго моря, между Днѣстра и Буга“. На языкѣ всесильнаго временщика это значило, что то, что рѣшилъ онъ сдѣлать, подтвердитъ и Екатерина II. Такъ велось все въ Новороссіи, а въ документѣ дальше говорится уже объ «отводѣ черезъ землемѣровъ достаточнаго количества земли».

Но все это было такъ, пока живъ былъ «Графъ Григорій Потемкинъ-Таврическій, священныя Римскія имперіи князь и великій гетманъ императорскихъ казацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ», какъ значилось въ заголовкѣ упомянутаго выше документа-указа. Въ сущности же, кромѣ громкой формы документа-указа, Черноморцы не имѣли въ рукахъ ничего, чѣмъ обезпечивались бы ихъ права на земли между Бугомъ и Днѣстромъ. Представленіе Потемкина Государынѣ объ этомъ осталось не утвержденнымъ.

Правда, казаки не теряли времени и въ короткій срокъ успѣли фактически завладѣть всѣмъ указаннымъ пространсвомъ земель. Пока на службѣ въ войнѣ съ Турціей были всѣ строевые казаки Черноморскаго войска, ихъ отцы, дѣти, жены и вообще весь нестроевой составъ сразу же и дѣятельно взялись за заселеніе земель. Имъ помогали присоединенные къ войску выходцы изъ придунайскихъ княжествъ.

Тогда же сразу была основана и резиденція кошевого съ старшиной въ Слободзеѣ.

Еще дѣятельнѣе взялись за дѣло заселенія земли черноморцы послѣ окончанія войны съ турками. Въ теченіе двухъ лѣтъ черноморцы основали, кромѣ Слободзеи, еще 24 крупныхъ поселенія—шесть по р. Бугу, пять по Днѣстру, три по р. Телигулу, по одному при р. Березани и при Очаковскомъ лиманѣ и десять въ разныхъ урочищахъ. Въ казачьей географіи звучали уже названія Солониха, Гнила, Терновка, Песчанка, Оники, Журавка, Сасички, Головкивка, Чичаклей, Карагашъ, Незавертай и т. п. На ряду съ крупными поселеніями, устроена была цѣлая масса хуторовъ, зимовниковъ, заимокъ, помѣщеній для рыболовныхъ ватагъ и т. п. «Завели себѣ, говорили послѣ казаки въ прошеніи Царицѣ, хозяйство порядочно, яко-то: домостроительство, водяныя и вѣтряныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣса, сады, винограды, пасѣки, рыболовные заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству». Казаки закрѣпляли за собою землю крѣпко и по тому времени юридически основательно — жилыми строеніями и хозяйственными обзаведеніями. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, осѣло въ Забужьѣ 1759 семействъ Черноморскаго войска съ 5068 душами мужск. и 4414 душами женскаго пола.

Но уже въ эту пору черноморцы чувствовали всѣ невыгоды занимаемаго ими въ Новороссіи положенія и шаткость права на забужскія земли. Мѣстное начальство всячески препятствовало по Екатеринославскому намѣстничеству переселенію казаковъ на ихъ новую территорію, дозволяя переходить только тѣмъ изъ нихъ, которые участвовали въ послѣдней турецкой войнѣ, а не бывшимъ запорожцамъ, продолжавшимъ пополнять ряды Черноморскаго войска. Затѣмъ мѣстныя власти своеобразно понимали семейный составъ. Разрѣшая выселяться только женамъ и дѣтямъ черноморскихъ казаковъ, они удерживали на мѣстахъ состоявшихъ въ ихъ семьяхъ отцовъ, матерей, братьевъ, племянниковъ, вообще родственниковъ и домочадцевъ. За спинами властей дѣйствовали конечно помѣщики. Эти послѣдніе и ихъ приказчики просто ужъ задерживали казачье населеніе на мѣстахъ и отнимали у задержанныхъ и выселявшихся скотъ и имущество. Картина насилій надъ казачьимъ населеніемъ была внушительная, и черноморцамъ невольно приходило въ голову, что и съ ихъ забужскими землями впослѣдствіи власти и помѣщики могутъ поступить такъ, какъ съ запорожскими маетностями. Своей земли у казаковъ не было, а окружающія условія и обстановка указывали на то, что многимъ и многимъ

казакамъ не избѣгнуть въ ближайшемъ будущемъ цѣпкихъ рукъ новороссійскихъ помѣщиковъ.

Тогда казаки сразу перемѣнили фронтъ и образъ дѣйствій. Они рѣшили искать землю въ Петербургѣ.

Историческіе матеріалы свидѣтельствуютъ, что въ выработкѣ плана похода черноморцевъ въ Петербургъ за землями принимало участіе все войско. Въ силу обычая и не угасшихъ еще порядковъ Запорожской Сичи, черноморцы собирались въ важныхъ случаяхъ на общую Войсковую Раду. Такъ, въ 1789 году, во время военныхъ дѣйствій съ турками, когда казачество фактически было разъединено на двѣ части, были собраны и двѣ казачьихъ рады по земельному вопросу и по вопросу о служебныхъ преимуществахъ казаковъ—одна кошевымъ атаманомъ Чепигою изъ конныхъ казаковъ, а другая войсковымъ судьею Антономъ Головатымъ изъ казаковъ пѣшихъ. Когда сдѣланы были постановленія на первой радѣ, то Чепига просилъ Головатаго «приложить стараніе привесть и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе». И, разбитая даже на двѣ части, Рада пришла къ «единомыслію» по земельному вопросу. Въ историческихъ матеріалахъ не осталось подробностей относительно той Войсковой Рады, на которой рѣшено было послать депутацію за землей въ Петербургъ, но изъ послѣдующихъ документовъ ясно видно господствовавшее на Радѣ настроеніе по ея рѣшеніямъ.

Казаки, видимо, сразу же рѣшили отказаться отъ земель за Бугомъ и идти на Тамань, т. е. въ нынѣшнюю Черноморію или сѣверозападную часть Кубанской области. Въ извѣстной пѣснѣ Антона Головатаго ясно выражена тревога за шаткость правъ черноморцевъ на забужскія земли. «Прежню» землю, т. е. запорожскую, говорится въ пѣснѣ «взяли да и сю, т. е. забугскую, отбираютъ, а намъ даты Тамань обѣщаютъ». Если бы даже не было явныхъ покушеній на забужскія земли казаковъ, то обстоятельства указывали на возможность подобнаго исхода. И казаки отказались отъ цѣлой территоріи, расположенной между Днѣстромъ и Бугомъ. Основываясь на томъ, что покойный гетманъ Потемкинъ часть земель подарилъ уже имъ на Тамани, а остальныя обѣщалъ выхлопотать, черноморцы предпочли эти послѣднія, казалось, неизвѣстныя земли, тѣмъ, на которыхъ они уже сидѣли. Много причинъ способствовало принятію такого рѣшенія.

Прежде всего, часть этихъ земель, именно: округу Еникальскую съ Таманью, на которой были мѣста, отданныя Потемкину «съ рыбными ловлями, самыми обильными», покойный гетманъ подарилъ черноморцамъ, «любя войско». У Екатерины II еще свѣжа была память о самомъ крупномъ

ея фаворитѣ, въ которомъ она видѣла незауряднаго государственнаго дѣятеля, а званіе казачьяго гетмана, признаннаго за покойнымъ тою же Государынею, было еще не пустымъ звукомъ у казаковъ и современниковъ. Черноморцы, слѣдовательно, въ правѣ были расчитывать, что «Еникальская округа съ Таманомъ» и богатѣйшія рыбныя ловли, какъ владѣнія гетмана, во всякомъ случаѣ будутъ оставлены за ними. А это, въ свою очередь, давало точку опоры для того, чтобы просить войску «Тамань съ окрестностями оной». Въ сущности, въ этой скромной добавкѣ заключались тайныя и самыя завѣтныя желанія черноморцевъ. Двумя годами раньше, чѣмъ Потемкинъ подарилъ Еникальскую округу съ Таманью, еще 31 января 1788 года, онъ извѣстилъ черноморцевъ, что Императрица «изволила снизойти на пожалованіе (имъ) земли для поселенія въ Керченскомъ Кутѣ или на Тамани». Выходило, что одна и таже Тамань и подарена была казакамъ Потемкинымъ, и пожалована Высочайшею властью. Черноморцамъ оставалось добыть «окрестности оной».

Затѣмъ, самую важную побудительную причину для черноморцевъ составляло то обстоятельство, что Тамань и окрестности оной представляли совершенно пустующую и никѣмъ не занятую мѣстность, на которую собственно и претендентовъ не было. Съ одной стороны къ этой мѣстности прилегали владѣнія воинственныхъ черкесовъ, съ другой омывало ее море, съ третьей проходилъ лишь правительственный трактъ изъ Россіи на Кавказъ и только съ четвертой, сѣверной стороны отъ Россіи и на нѣкоторомъ разстояніи отъ границъ таманскихъ окрестностей, находились владѣнія Донского казачества. Мѣстность, слѣдовательно, была обособленная, изолированная, и едва ли были охотники поселиться въ сосѣдствѣ съ черкесами; о нашествіи жадныхъ помѣщиковъ не могло быть и рѣчи, а донцы имѣли свои земли и даже заслоняли, такъ сказать могущія быть покушенія, со стороны русскихъ областей, на Тамань съ окрестностями оной. Естественно, что тѣснимые со всѣхъ сторонъ въ Забужьѣ черноморцы видѣли въ Тамани самое укромное и спокойное для себя мѣсто.

Наконецъ, Черноморская обѣтованная земля ни въ коемъ случаѣ не уступаетъ по своимъ естественнымъ условіямъ не только забужской территоріи, но пожалуй и самой Запорожской Сичи. Многіе изъ черноморцевъ посѣщали эти благословенныя мѣста еще и въ прежнія времена. Еще запорожцы ходили на Азовское побережье съ промысловыми цѣлями. На этотъ счетъ существуетъ цѣлый рядъ историческихъ указаній. По словамъ Скальковскаго, запорожцы и донцы имѣли одновременно притязанія на край, обоимъ войскамъ вовсе не

принадлежавшій — на берега и косы Кубанской стороны Азовскаго моря, находившіеся во владѣніи Крымскаго хана и составлявшіе кочевье ногайскихъ Кубанскихъ ордъ. Построивши дубы на устьяхъ Берды, или Кальмеуса, т. е. тамъ, гдѣ теперь находятся Маріуполь и Бердянскъ, запорожцы цѣлыми ватагами безъ вѣдома кошевого начальства спускались по Азовскому морю къ Ейскому лиману и здѣсь, избравъ себѣ полковника, старшинъ и атамановъ, строили шалаши и притоны, занимаясь рыболовствомъ и звѣриной охотой все лѣто. Неоднократно поэтому и турецкое, и русское правительства дѣлали распоряженія объ удаленіи запорожцевъ съ восточныхъ береговъ Азовскаго моря. Такъ, указомъ 10 октября 1793 года повелѣно было выслать запорожцевъ изъ Кубанскаго края. Грамотою на имя кошевого Василія Григорьева отъ 11-го іюля 1745 г. приказано сжечь всѣ построенные на Ейскихъ косахъ запорожцами «шиши» и воспрещено сюда отправляться. Въ 1744 г. генералъ Леонтьевъ писалъ кошевому атаману Якиму Игнатовичу, что на Кубанскихъ земляхъ находятся запорожцы и что ачуевскій ага Измаилъ жалуется на запорожцевъ и требуетъ удовлетворенія. Такимъ образомъ, часть Черноморіи служила запретнымъ плодомъ для запорожцевъ и потому уже она служила приманкой для ихъ наслѣдниковъ черноморцевъ.

Итакъ, слѣдовательно, на общей Войсковой Радѣ черноморцы рѣшили отказаться отъ забужской территоріи и идти отсюда на Кубань и прилегающія къ ней земли.

Первымъ дѣломъ черноморцевъ, въ этихъ видахъ, была посылка лицъ для осмотра Тамани съ окрестностями оной. Съ этою цѣлью на Кубань былъ отправленъ войсковой есаулъ Мокій Гуликъ съ командою казаковъ; но прежде, чѣмъ Гуликъ доставилъ въ войско вѣдомость о положеніи Таманской и Кубанской земли, помѣченную 8 іюня 1792 года, въ инструкціи депутатамъ въ Петербургъ отъ 27 февраля того же 1792 года, уже подробно были перечислены пограничные пункты окрестностей Тамани, начиная отъ р. Кагальника чрезъ Ставрополь и до Овечьяго брода въ верхней части Кубани, которые значатся и въ вѣдомости Гулика.

Болѣе серьезную заботу войска составляла посылка такой депутаціи въ Петербургъ, которая съумѣла бы уладить данныя ей порученія и осуществить желанія войска о полученіи Тамани съ окрестностями оной. Для этого потребовались знанія канцелярско-бюрократическихъ путей, умѣнье найти ходы ко двору, извѣстный тактъ при сношеніяхъ съ петербургскимъ чиновнымъ міромъ, знакомства, находчивость и многое другое. Такимъ знающимъ и дипломатически тонкимъ человѣкомъ въ войскѣ считался войсковой су-

дья Антонъ Головатый, уже бывшій въ качествѣ депутата еще отъ Запорожской Сичи въ Петербургѣ. Этотъ то умный и дальновидный представитель войска и поставленъ былъ въ главѣ казачьей депутаціи изъ старшинъ.

Въ высшей степени интересными являются тѣ документы, которыми была снабжена петербургская депутація. Въ нихъ выражены были желанія войска и, надо полагать, сгруппированы были положенія, выработанныя на Войсковой Радѣ. Оба документа—прошеніе на имя Екатерины II и инструкція Головатому съ старшинами, помѣчены однимъ и тѣмъ же 29 февраля 1792 года. Депутація была отправлена въ Петербургъ въ началѣ года.

Прошеніе было написано отъ имени кошевого атамана Чепиги, войсковыхъ старшинъ и всего войска, и въ началѣ же было установлено, что запорожцы, собранные въ видѣ конныхъ и пѣшихъ, казаковъ, служили во время войны съ Турціей въ количествѣ 12822 человѣкъ. Покойный гетманъ Потемкинъ-Таврическій создалъ казачій урядъ, ввелъ войсковую старщину: кошевого, судью, писаря и есаула, полковниковъ, сотниковъ, полковыхъ есауловъ и хорунжихъ, пушкаря, довбыша и куренныхъ атамановъ, далъ булаву, 17 перначей, знамя большое бѣлое, 14 малыхъ прапоровъ, войсковую печать и часть артиллеріи, а подъ поселеніе казаковъ обѣщалъ исходатайствовать земли. Такимъ образомъ, черноморцы въ этой части прошенія доводили до свѣдѣнія Государыни о существованіи цѣлаго войска, запорожско-сичевая организація котораго устанавливалась перечнемъ служебнаго въ войскѣ персонала и такъ называемыхъ войсковыхъ клейнодовъ. Булава не могла у войска существовать безъ кошевого атамана, какъ остальныя регаліи безъ соотвѣтственныхъ казачьихъ чиновъ.

Далѣе, въ прошеніи говорится, что Потемкинъ временно поселилъ войско между Днѣстромъ и Бугомъ, гдѣ черноморцы завели поселенія и хозяйство, и гдѣ осѣло уже 1759 семействъ съ 5068 душами муж. и 4414 душ. жен. пола; но что помѣщики и ихъ приказчики угнетаютъ казачье населеніе и препятствуютъ его выселенію на казачьи земли. Если бы же этихъ стѣсненій не было, то войска собралось бы до 25 тысячъ душъ одного мужскаго пола.

Наконецъ, изъ двухъ первыхъ посылокъ просители логически выводятъ третью—взять Черноморское войско подъ Высочайшее покровительство, для чего отвести подъ поселеніе его «Тамань съ окрестностями оной,» «на вѣчно спокойное потомственное оною владѣніе», и взять подъ защиту старшинъ и казаковъ съ ихъ семействами, выселяющихся изъ разныхъ мѣстъ въ войско.

Сжатый и превосходно въ прошенiи формулированный перечень нуждъ войска сопровождался подробною инструкцiею, составленною въ руководство депутатамъ. Депутатамъ вмѣнено было въ обязанность, явившись въ Петербургъ, «гдѣ надлежитъ» добиться представленiя депутацiи съ прошенiемъ Государынѣ, а самую Государыню просить объ удовлетворенiи войска по слѣдующимъ пунктамъ.

1. Окрестности Тамани отвести въ границахъ отъ Азовскаго моря по р. Кагальнику до урочища Хомутицкаго, а отсюда черезъ балку Терновую, впадающую въ Манычъ, до р. Егорлыка и по р. Егорлыку на редуты Лѣтницкiй, Вѣстославскiй, Калалы, Медвѣжекурганскiй, Преградный, Безопасный, Донской, Московскiй, по за русскимъ лѣсомъ на гор. Ставрополь, а отъ него на редуты Недреманный и Овечiй бродъ до р. Кубани и затѣмъ внизъ по Кубани до Чернаго моря. Такимъ образомъ, окрестности незначительнаго по площади полуострова Тамани или Фанагорiи оказались удаленными отъ нея на сотни верстъ и заключали въ себѣ пространство примѣрно до 6 мил. десятинъ. Въ эти границы должны были войти почти вся правобережная отъ Кубани часть нынѣшней Кубанской области, за исключенiемъ возвышенной полосы Эльбрусскаго контрфорса, огромный клинъ земли, принадлежащiй теперь Донскому войску, значительная доля Ростовскаго уѣзда и обширныя площади двухъ — Медвѣженскаго и Ставропольскаго уѣздовъ, нынѣшней Ставропольской губернiи.

2. Свободнаго выхода изъ разныхъ губернiй въ войско старшинъ и казаковъ съ семьями.

3. Удовлетворенiя этихъ старшинъ и казаковъ «заграбленнымъ» у нихъ помѣщиками и ихъ приказчиками имуществомъ.

4. Выдачи бѣднымъ казакамъ и вдовамъ при переселенiи на Тамань казеннаго вспоможенiя.

5. Выдачи войску провiанта и денегъ въ теченiе 2-хъ лѣтъ со дня переселенiя.

6. Вольную, безъ пошлинъ и откуповъ, торговлю по границамъ и внутри войсковой территорiи.

7. Представленiя войску перевоза и пристани на Керченскомъ берегу Крыма.

8. Окладъ жалованья и провiанта по примѣру Запорожской Сичи.

9. Возмѣщенiя за хозяйственныя обзаведенiя на земляхъ за Бугомъ со стороны мѣстныхъ жителей.

10. Выдачу, по пути переселенiя, провiанта войску, свободную переправу черезъ рѣки и, въ случаѣ необходимости, вспоможенiе.

11. Испрошеніе патентовъ на армейскіе чины, полученные старшинами по распоряженію Потемкина.

Такимъ образомъ, и прошеніе черноморцевъ, и инструкція ихъ депутатамъ били въ одну и ту же точку—полученія земли на Кубани въ возможно большемъ количествѣ.

По формулѣ дать войску Тамань «съ окрестностями оной», черноморцы просили по крайней мѣрѣ вдвое больше того, что получили потомъ, причемъ и на полученной территоріи площадь Тамань все таки оказалась лишь небольшимъ придаткомъ. А, главное, ни въ прошеніи, ни въ инструкціи черноморцы не дѣлали никакихъ указаній на внутреннее управленіе и организацію войска.

Констатированъ лишь заведенный при Потемкинѣ урядъ, въ сущности означавшій, что Черноморское войско было лишь сколкомъ съ Запорожской Сичи.

На четвертомъ мѣсяцѣ пребыванія своего въ Петербургѣ Головатый съ депутаціей успѣли осуществить основную часть просьбы войска. Двумя грамотами отъ 30 іюня и іюля 1792 года были удовлетворены важнѣйшія требованія казаковъ.

Въ вѣчное владѣніе правительство пожаловало войску Тамань или, какъ сказано въ грамотѣ, „островъ Фанагорію, со всей землею, лежащей на правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ, чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка служили границею войсковой земли". Такимъ образомъ, размѣры «окрестностей» Тамани были урѣзаны по крайней мѣрѣ на половину, сравнительно съ планировкою черноморцевъ. Отъ устья Лабы до Овечьяго брода вверхъ по Кубани посланный для осмотра земель войсковой есаулъ Мокій Гуликъ насчиталъ 198 верстъ, и на всемъ этомъ протяженіи, къ востоку вверхъ по Кубани и къ сѣверу отъ нея по направленію къ рѣкѣ Еѣ, земли не вошли въ окрестности Тамани.

Такъ удовлетворенъ былъ пунктъ первый прошенія войска.

По второму пункту губернатору Таврическому, въ вѣдѣніе котораго поступало войско, поручено было отыскать и доставить старшинамъ и казакамъ Черноморскаго войска законно принадлежавшія имъ имущества, а также истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и казаковъ, служившихъ въ Запорожьѣ, которые по разрушеніи Сичи удерживались въ разныхъ мѣстахъ помѣщиками.

Оставленные за Бугомъ старшинами и казаками дома и другія строенія разрѣшено продать и оказать казакамъ въ этомъ отношеніи «всякое способствованіе».

Въ пособіе переселяющимся неимущимъ казакамъ и особенно вдовамъ съ дѣтьми отпущено 30000 руб.

При переходѣ войска продовольствовать его провіантомъ изъ находившихся по пути слѣдованія магазиновъ и оказывать «всевозможныя вспоможенія» при переправахъ черезъ рѣки.

Всему войску приказано было выдавать провіантъ по сентябрь 1793 года.

Войску положено было денежное жалованье, съ росписью его по чинамъ, а казакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войска, кромѣ провіанта и фуражъ.

Войску предоставлено было пользоваться не только свободною внутреннею торговлею, но и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ.

Наконецъ, военной коллегіи приказано было выдавать казачьимъ старшинамъ патенты на чины.

Такимъ образомъ, были удовлетворены, въ большинствѣ случаевъ полностью, почти всѣ требованія войска, изложенныя въ прошеніи и инструкціи депутатамъ. Только провіантъ, по переселеніи войска на мѣсто, разрѣшено было выдавать въ теченіе года, а не двухъ, какъ просили казаки. Затѣмъ обойденъ молчаніемъ пунктъ 7-й инструкціи о предоставленіи войску перевоза и пристани на Керченскомъ берегу, но это были мелочи сравнительно съ тѣмъ, что получили черноморскіе казаки, въ особенности по упроченіи за войскомъ цѣлой территоріи. Одного, однако, они совсѣмъ не получили, о чемъ боялись просить, но что, быть можетъ, расчитывали взять путемъ недомолвокъ въ предъявленныхъ ими требованіяхъ. Черноморцамъ не дали полнаго казачьяго самоуправленія, казачьей свободы.

«Желаемъ мы, сказала имъ Царица въ своей грамотѣ, чтобы земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, сообразаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній». Въ этихъ видахъ Черноморское войско было подчинено Таврическому губернатору, чрезъ котораго шли въ войско всѣ правительственныя узаконенія, предложенія о нарядахъ на службу, по распоряженіямъ военнаго начальства, и всякія вообще «способствованія» войску. Особымъ пунктомъ грамоты Войсковому Правительству предоставлена «расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ, но важныхъ преступниковъ» повелѣвалось «отсылать, для сужденія по законамъ, къ губернатору Таврическому». Тому же губернатору Войсковое Правительство обязано было «черезъ каждыя двѣ недѣли присылать свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ». Проще говоря, цѣлое Чер-

номорское войско, въ полномъ своемъ составѣ, съ Войсковымъ Правительствомъ и всѣми военными частями, не только было отдано подъ надзоръ Таврическому губернатору, но и полчинено ему въ своихъ важнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Любое распоряженіе или широкую практическую мѣру можно было найти согласными или несогласными съ учрежденіями о управленіи губерній", и, или затормозить дѣйствія войска, или совсѣмъ пресѣчь ихъ.

Но были и свои выгодныя стороны для войска въ правительственной постановкѣ вопроса о земскомъ управленіи.

Во первыхъ, за черноморцами не просто оставленъ былъ ихъ казачій урядъ, т. е. организація частей по образцу Запорожской Сичи, а грамотой подтвержденъ. Такъ какъ съ существованіемъ войскового уряда тѣсно была связана, такъ сказать, его обрядовая сторона—употребленіе соотвѣтствующихъ казачьихъ регалій, то для Черноморскаго войска имѣетъ важное значеніе слѣдующій пунктъ грамоты:— «Всемилостивѣйше жалуемъ Войску Черноморскому, говорится въ этомъ пунктѣ, знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которые оному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, по волѣ нашей, доставлены». «Употребленіе» войсковыхъ регалій не мыслимо было безъ соотвѣтственныхъ лицъ — кошевого атамана, войскового судьи, войскового писаря, войскового есаула, куренныхъ атамановъ и т. п. Невольно кажется, что рукою лица, составлявшаго грамоту, водила умная голова Антона Головатаго. Подъ формальной оболочкой пожалованія регалій крылась скрытая мысль объ оставленіи за войскомъ фактически сложившагося казачьяго уряда въ духѣ самоуправляющейся областной единицы.

Во вторыхъ, въ видѣ Войскового Правительства, казаки имѣли свой собственный органъ управленія. Что сталось съ этимъ органомъ впослѣдствіи и какіе недостатки были присущи ему,—объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди. Въ моментъ же переселенія Черноморскаго войска на свои собственныя земли, наличность своего Войскового Правительства несомнѣнно составляла важную выгоду для войска.

Въ третьихъ, наконецъ, не смотря на полную зависимость войска отъ Таврическаго губернатора, фактически войско находилось, если не за тридевять земель отъ этой надзирающей власти, то во всякомъ случаѣ вдали отъ нея. Канцелярскія бумаги, да еще казачьи, не имѣли ни глазъ, ни ушей губернатора, а отдаленность надзирающей власти

была прикрыта туманомъ неизвѣстности. При этомъ дѣйствительная жизнь могла сложиться у казака такъ, какъ желалъ и понималъ онъ свои интересы.

Всѣ эти выгоды, надо полагать, прекрасно понимали, если не всѣ черноморцы, то лучшіе представители войска. До извѣстной степени казаки взяли все, что только мыслимо было взять при тогдашней правительственной системѣ и общихъ условіяхъ политической жизни. Быть можетъ, черноморцы дѣйствительно съ чувствомъ удовлетворенныхъ желаній пѣли: «ой годі намъ журитися, пора перестати». Жизнь на Кубани, въ обособленной, изолированной территоріи, не могла не улыбаться казаку. И казаки спѣшили бросить полунасиженныя мѣста за Бугомъ и двинуться на Кубань.

ГЛАВА IX.

Переселеніе черноморцевъ изъ за Буга на Кубань.

Переселеніе черноморскихъ казаковъ въ сѣверо-западную часть нынѣшней Кубанской области совпало съ такимъ состояніемъ этой мѣстности, которое особенно соотвѣтствовало хозяйственному укладу и занятіямъ бывшихъ запорожцевъ. Край въ это время представлялъ собою неначатый запасъ естественныхъ богатствъ, которыми можно было пользоваться при помощи самыхъ скромныхъ затратъ труда и капитала. Воды и земли сулили казаку матеріальное довольство, а общія естественныя условія и обстановка, какъ нельзя болѣе, подходили къ привычкамъ степняка. Небольшой участокъ Чернаго моря съ юга, Керченскій проливъ со стороны Таманскаго полуострова, Азовское море на всемъ протяженіи отъ Тамани до Ейскаго лимана, разбросанные по этому побережью въ обиліи сладкіе лиманы, Кубань и цѣлый рядъ степныхъ рѣчекъ изобиловали разными породами красной и бѣлой рыбы. На тѣхъ же водныхъ пространствахъ, по болотамъ, обширнымъ камышамъ, вокругъ соляныхъ озеръ кишѣла всевозможная птица—гуси, утки, лебеди, журавли, колпицы, каравайки, кулики и другіе виды болотной дичи. Въ степяхъ въ несмѣтномъ количествѣ водились благородная дрофа, изящный стрепетъ, многочисленныя стаи сѣрой куропатки, въ тернахъ и кустарникахъ ютились тетерева-косачи и масса красавцевъ-фазановъ, всюду вообще по степи было много дикаго звѣря—козъ, лисицъ, зайцевъ, свиней и даже «турпановъ», настоящихъ представителей дикой лоша-

ди. Соляныя озера на всемъ протяженіи Азовскаго побережья давали самосадочную поваренную соль. Умѣренный, съ легкими зимами, климатъ позволялъ поселенцу обзаводиться, безъ особыхъ заботъ и затратъ, жилищами и содержать большую часть года на подножномъ корму разные виды домашняго скота. Пустующая земля покрыта была роскошными травами и тучными пастбищами. Глубокій степной черноземъ, превосходныя суглинистыя и супесчаныя почвы были не тронуты еще плугомъ и обѣщали обильные урожаи хлѣба. Рѣчки и балки въ своихъ изгибахъ изобиловали удобными мѣстами для хуторскихъ заимокъ, а рослые и густые камыши, окаймлявшие степныя рѣчки, балки и низины, всюду давали тотъ матеріалъ, изъ котораго казакъ привыкъ и умѣлъ устраивать для себя и своего скота защиту отъ вѣтровъ и burановъ. Обширныя степи могли помѣстить массу скота и обезпечить всѣмъ самаго завзятаго номада. Однимъ словомъ, во вновь заселяемомъ краѣ были самыя благопріятныя условія для охотника, рыболова и скотовода, а такимъ всегда былъ запорожскій казакъ. Его наслѣдникамъ, черноморцамъ, оставалось лишь примѣнить на дѣлѣ пріемы степняка и рыбопромышленника, выработанные и сложившіеся на Днѣпрѣ и на обширной когда то территоріи Запорожья.

Къ тому же, на этотъ богатый край не было серьезныхъ претендентовъ со стороны другихъ народностей. Ногайцы, пользовавшіеся передъ тѣмъ степными пастбищами Прикубанья до р. Еи, оставили уже эти мѣста. Черкесы, выросшіе въ лѣсахъ и привыкшіе къ горной обстановкѣ Кавказа, также не выказывали стремленія завладѣть степями. Съ другихъ сторонъ Прикубанья жили уже русскіе. Съ востока населялась Ставропольская губернія, но здѣсь была также масса удобныхъ и свободныхъ земель для поселенца. Къ сѣверу тянулись обширныя владѣнія донскихъ казаковъ, но и Донщина была такъ слабо заселена, что донскому казаку не было надобности идти въ чужіе края съ родины. Однимъ словомъ, Прикубанье, принимавшее на своихъ пространствахъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, толпы разныхъ народностей, свободно было отъ историческаго постоя. Только остатки древнихъ городищъ, разрушенныхъ крѣпостей и поселеній, да разбросанныхъ всюду въ безчисленномъ множествѣ степныхъ кургановъ свидѣтельствовали о томъ, что въ прежнія времена край этотъ безъ людей не застаивался.

Но черноморцы имѣли уже представленія о томъ, куда шли. Многіе изъ нихъ, еще во времена существованія Запорожской Сичи, ходили на рыбные промыслы по Азовскому побережью и проникали на Кубань. А войско до своего вы-

селенія нарочито послало войскового есаула Мокія Гулика съ командой для осмотра края. Изъ вѣдомости, представленной Гуликомъ 8 іюля 1792 года, видно, что посланные казаки объѣхали край по тѣмъ границамъ, въ предѣлахъ которыхъ войско просило отвести «окрестности» Тамани, заѣзжая отъ нѣкоторыхъ пунктовъ и въ стороны. Тѣмъ не менѣе, доставленныя свѣдѣнія и при этомъ условіи имѣютъ интересъ. Вѣдомость Гулика, въ сущности, представляетъ собою первую попытку статистическаго описанія края. Документъ этотъ и составленъ въ формѣ таблицы, по пяти вертикальнымъ графамъ которой сгруппированы различныя свѣдѣнія. Въ первой и самой широкой графѣ отмѣчены мѣста стоянокъ, названія рѣкъ, лимановъ, озеръ и разстояніе между ними, и встрѣчавшіеся остатки городовъ, крѣпостей, редутовъ и пр.; во второй—приблизительная величина площадей подъ степями, лиманами и т. п.; въ третьей—качество водъ; въ четвертой—слѣды древесной растительности; и въ пятой графѣ—хозяйственная пригодность степей и отмѣтки о присутствіи камышей.

Этими пятью отдѣлами, пожалуй, и исчерпывались наиболѣе интересныя для казака переселенца свѣдѣнія. На основаніи этихъ свѣдѣній, можно уже было до нѣкоторой степени оріентироваться во вновь заселенномъ краѣ. Вотъ что, на самомъ дѣлѣ, представлялъ въ ту пору край по описанію Гулика.

Поселеній въ будущей Черноморіи почти не было. Изъ Керчи казаки переправились на южную косу Тузлу, отъ которой направились направо по берегу Чернаго моря къ устью Кубани. Здѣсь у солянаго озера Гуликъ почему то отмѣчаетъ городъ Фанагорію и карабельную пристань, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, находятся слѣды древней Синдики и ея гавани. За Цокуровымъ лиманомъ, въ верстѣ разстоянія надъ лиманомъ Кубанскимъ, на горѣ казаки нашли ханскую крѣпость, ниже которой съ горы идетъ деготь, т. е. нефть. Отсюда въ 20 верстахъ на востокъ, надъ Кубанскимъ же лиманомъ, находилось пустое Некрасовское селеніе и редутъ Каракольникъ. Далѣе отъ Каракольника, на полъ пути у лимана, по направленію къ урочищу Дубовый рынокъ, находящемуся вблизи нынѣшней ст. Старотитаровской, отмѣчено селеніе Дуникаевское. Въ окрестностяхъ нынѣшняго Темрюка Гуликъ упоминаетъ о расположенномъ вблизи песчанаго ерика пустомъ городѣ Старомъ Темрюкѣ, съ земляною крѣпостью, а въ пяти верстахъ отъ него на косѣ, о каменной пустой крѣпости, называемой Новый Темрюкъ, и о двухъ земляныхъ батареяхъ около него. На востокъ отъ Темрюка,

въ 30 верстахъ, находился редутъ Куркай, а еще далѣе въ томъ же направленіи тамъ, гдѣ Кубань дѣлится на два рукава, между Чернымъ протокомъ и казачьимъ ерикомъ, большая земляная крѣпость Копылъ, остатки генуэзской Копы или Локопо. Отсюда Гуликъ съ казаками направился вдоль по Кубани, и въ 30 верстахъ отъ Копыла отмѣчено урочище Заны, мѣсто, гдѣ жили раньше черкесы, ушедшіе за Кубань, и затѣмъ послѣдовательно перечисляетъ редуты Марьинскій въ 60 верстахъ отъ Зановъ, Талызинскую переправу въ 75 верстахъ выше отъ редута Марьинскаго, и еще выше, въ 80 верстахъ отъ переправы, устья р. Лабы. Такъ бѣдна была Кубанская Линія не только остатками поселеній, но даже укрѣпленіями, не смотря на то, что тутъ уже давно были расположены русскія войска для охраны границъ Россіи по Кубани.

Съ другой стороны края, съ сѣвера по берегу Азовскаго моря, въ описаніи упоминается Ейское укрѣпленіе, лежавшее въ 4 верстахъ отъ устья р. Еи, съ земляною крѣпостью, затѣмъ большая земляная крѣпость, называвшаяся Ханской, съ ханскимъ домомъ, и находившаяся вблизи гавани на концѣ Ейской косы, въ 7 верстахъ отъ нынѣшняго города Ейска; далѣе редутъ Бринской въ устьяхъ р. Бейсуга, на мѣстѣ нынѣшней Бриньковской станицы, и наконецъ, тамъ, гдѣ теперь находится Ахтарская станица, редутъ Ахтарь-Бахтарь. Отсюда казаки повернули къ востоку, внутрь края, и отмѣчаютъ въ 40 верстахъ отъ р. Сингали пустое Некрасовское селеніе Золникъ. Болѣе подробно Гуликъ описываетъ городъ Ачуевъ, лежавшій въ устьѣ Черной Протоки т. е. Азовскаго рукава Кубани. Земляная крѣпость Ачуева хотя и была нѣсколько разорена, но окопана наполненными водою канавами и ограждена вырубленными палисадниками. Внутри города было два запасныхъ погреба, а на батареяхъ крѣпости 19 большихъ пушекъ. Переѣхавъ снова на Таманскій полуостровъ, казаки упоминаютъ, что на срединѣ Сѣверной или Еникальской косы, какъ называютъ они нынѣшнюю косу Чушку, было много пустыхъ татарскихъ селеній и колодезей. Отсюда казаки проѣхали въ г. Тамань, гдѣ они нашли еще каменную крѣпость, превращенную русскими войсками въ земляную, въ 150 турецкихъ домахъ которой былъ расположенъ батальонъ егерей. Въ 12 верстахъ отъ Тамани Гуликъ съ казаками выѣхалъ на южную косу Тузлу, съ которой онъ началъ объѣздъ края.

Этимъ и ограничиваются указанія Гулика о тѣхъ поселочныхъ мѣстахъ, которыя встрѣтили черноморцы въ краѣ въ годъ заселенія его. Тамъ, гдѣ процвѣтало когда-то, въ теченіе тысячи лѣтъ, Босфорское царство, послѣ турецкаго

владычества и татарскаго хозяйничанья осталось лишь небольшое число полуразрушенныхъ укрѣпленій, а единственными обитателями на мѣстахъ древней тысячелѣтней культуры оказался батальонъ русскихъ егерей. Описывать казакамъ было нечего.

Тѣмъ съ большею обстоятельностью сообщены были казаками свѣдѣнія объ естественныхъ особенностяхъ края, поименованы всѣ встрѣчавшіеся по пути рѣки, лиманы, озера, ерики и даже балки, опредѣлены или занимаемыя ими площади, или разстоянія отъ нихъ и до противуположныхъ границъ края; охарактеризованы почвы; тщательно всюду отмѣчены слѣды древесной растительности и качества воды. Не упущены изъ виду такія данныя, какъ замѣчанія о мѣстахъ выхода нефти

Мѣста для поселеній признаны были вообще очень удобными. По всему Таманскому полуострову вверхъ по Кубани и отъ него до нынѣшняго Екатеринодара и выше сдѣлана одна и та же замѣтка: «степъ ко всему способной». Даже камыши и плавни имѣли свои выгоды, такъ какъ изобиловали птицей, звѣремъ и рыбою.

Переселеніе черноморцевъ изъ за Буга на новыя мѣста произведено было двумя путями — моремъ на судахъ и сухопутьемъ на лошадяхъ и подводахъ. Передвиженія въ обоихъ случаяхъ носили массовый характеръ, и въ русской исторіи, строго говоря, не было еще случая подобныхъ массовыхъ переселеній. Въ свое время массами переселялись на окраины новгородскіе ушкуйники, позже уходили отрядами служилые люди, собиралась въ таборы и ватаги вольница, пополнявшая ряды казачества, передвигались въ другія мѣста цѣлыми общинами раскольники, бросали толпами родину бѣглые крѣпостные крестьяне и т. п.; но все это были лишь незначительныя группы населенія, оторванныя отъ цѣлаго части. Не то представляло собою Черноморское войско какъ по численности, доходившей до 17 тысячъ душъ одного мужскаго пола, такъ и въ особенности по своей организаціи. Это была не случайно возникшая дружина или скопище вольницы, искавшія новыхъ мѣстъ, а цѣлое казачье войско. Хотя оно образовалось и съ разрѣшенія русскаго правительства, но было скомпановано самими казаками по образцу Запорожской Сичи, со всѣми отличительными особенностями ея организаціи, и несло уже въ такомъ видѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ военную службу во время послѣдней русско-турецкой войны. У Черноморскаго войска, поэтому, оказались своя гребная флотилія, своя артиллерія, свои полки, пѣшія команды, свое духовенство съ походною церковью, свой архивъ, своя администрація и

вообще много такого, что свойственно цѣлымъ организованнымъ частямъ государства, обособленнымъ въ самостоятельныя единицы провинціямъ. Разумѣется, пересилить такую организованную массу людей было не легко, и Войсковое Правительство черноморцевъ естественно должно было выработать цѣлый планъ переселенія.

Въ этихъ видахъ Войсковымъ Правительствомъ рѣшено было перевести войско на Кубань нѣсколькими частями или партіями.

Первымъ на новую родину выступилъ казачій флотъ съ артиллеріей и морскими командами. Войско привело въ порядокъ для этого всѣ свои 51 лодку, на которыхъ вмѣстѣ съ артиллеріею и отправлено было подъ командою войскового полковника Саввы Бѣлаго 3847 пѣшихъ казаковъ. Казачью флотилію сопровождала, кромѣ того, яхта и бригадиръ Пустошкинъ, откомандированный для этой цѣли къ казакамъ правительствомъ. Черноморцы двинулись морскимъ путемъ ранѣе, чѣмъ прибыла изъ Петербурга казачья депутація, выхлопотавшая жалованную грамоту на земли, и 25 августа 1792 года, черезъ 10 дней, послѣ того, какъ прибылъ съ депутаціей изъ Петербурга Головатый и войско праздновало полученіе земель на Кубани, морскія силы черноморцевъ пристали къ берегамъ Таманскаго полуострова, и казаки немедленно же начали устраиваться на новой родинѣ. Суда были разгружены, пушки и артиллерійскіе припасы оставлены на время въ крѣпости Фанагоріи, главныя силы, казаковъ расположены были въ Тамани, а часть казаковъ и лодокъ отправлены были въ лиманы около устья Кубани, какъ сторожевой отрядъ для наблюденія за черкесами.

«Вслѣдъ (за флотиліей)—говоритъ первый по времени историкъ черноморцевъ А. М. Туренко, навѣрное хорошо помнившій всѣ обстоятельства переселеній, такъ какъ въ 1808 году онъ уже жилъ самостоятельнымъ хозяиномъ въ куренѣ Титаровскомъ, — полковникъ Кордовскій съ двумя пѣшими полками и частію семействъ прибылъ сухимъ путемъ на сію землю и, ставъ при старомъ Тюрюкѣ, учредилъ наблюдательный постъ и устроилъ курени на зиму». Партія Кордовскаго, слѣдовательно, перешла на Черноморію черезъ Крымъ. Въ ордерѣ Головатаго отъ 4-го сентября 1790 года приказано было Кордовскому двинуться на пожалованную въ Фанагоріи землю и даны потребныя инструкціи о порядкѣ передвиженія партіи и водворенія ея въ Черноморскомъ краѣ.

На третью недѣлю послѣ войскового праздника, 2 сентября, выступилъ на Кубань и кошевой Чепига съ конницей, пѣхотой и войсковымъ обозомъ. Этой части черноморцевъ

предстоялъ болѣе длинный и болѣе долгій путь, чѣмъ казачьей флотиліи и партіи Кордовскаго. Переселенцы должны были переправиться черезъ Бугъ и Днѣпръ, пройти нынѣшними Херсонской и Таврической губерніями и, обогнувши Азовское море по Екатеринославской губерніи и землю войска Донского, переправиться черезъ Донъ и подойти къ своимъ землямъ съ сѣвера. Кромѣ Буга, Днѣпра и Дона, на всемъ этомъ пути встрѣчались и другія значительныя въ то время степныя рѣки. Помимо задержекъ на переправахъ, при наличности пѣхоты и обоза, требовалось дѣлать короткіе переходы и частыя остановки. Къ тому же войско поздно двинулось съ мѣста. Сентябрская и октябрская погода не благопріятствовала сухопутному передвиженію. Только на второй мѣсяцъ, въ концѣ октября, черноморцы пришли къ р. Еѣ, границѣ своихъ земель. Наступившая непогода и утомленіе войска заставили кошевого атамана Чепигу остановить дальнѣйшее движеніе казаковъ.

Казаки съ обозомъ расположились на зимнюю стоянку въ той самой Ханской крѣпости, съ ханскимъ домомъ на Ейской косѣ, которая отмѣчена была въ вѣдомости Гулика. Это, глухое въ то время и удаленное отъ черкесской границы, мѣсто было удобно въ томъ отношеніи, что, помимо строеній, казаки имѣли вблизи хорошія зимнія пастбища для лошадей, достаточно камыша для топлива и превосходныя рыбныя мѣста на Ейской косѣ и вблизи по р. Еѣ, на Долгой и Камышеватской косахъ. Къ тому же, въ Ейскомъ укрѣпленіи былъ достаточный запасъ провіанта и въ окрестностяхъ легко было доставать фуражъ для лошадей.

Раннею весною черноморцы двинулись съ Ейской косы на Кубань, къ Талызинской переправѣ. Здѣсь въ Карасунскомъ кутѣ, на изгибѣ Кубани при впаденіи въ нее Карасуна, стараго ея протока, водворены были главныя боевыя части войска и основанъ впослѣдствіи Екатеринодаръ.

Между тѣмъ, оставшійся за Бугомъ Головатый дѣятельно подготовлялъ, въ теченіе осени 1792 года и зимы, остальныя части войска и семейное его населеніе къ передвиженію на Кубань. Черноморцы должны были ликвидировать свои хозяйственныя дѣла и имущество. Покупщиковъ казачьяго добра, которое нельзя было тащить съ собою на Кубань, было мало, а охотниковъ взять это добро даромъ, насиліемъ и грабежомъ, на оборотъ, очень много. Во многихъ мѣстахъ помѣщики и мѣстныя власти открыто препятствовали выселенію черноморцевъ и задерживали на мѣстахъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя семьи. Головатый сносился по этому поводу съ Суворовымъ, Екатеринославскимъ, Херсонскимъ и Таврическимъ губернаторами, а для огражденія населенія отъ на-

силій на мѣстахъ оставилъ есаула Черненко. Оставались еще за Бугомъ тѣ, кто не успѣлъ окончить своихъ важнѣйшихъ дѣлъ, и люди малоимущіе.

Головатый раздѣлилъ переселяющихся черноморцевъ на двѣ части. Одну часть онъ поручилъ вести полковнику Тиховскому и велѣлъ первыми готовиться къ переселенію жителямъ Кинбургской и Березанской паланокъ. 18 марта 1793 года была отправлена съ секундъ-майоромъ Шульгою и капитаномъ Григорьевскимъ первая колонна семейныхъ казаковъ. Остальное населеніе предполагалось разбить на 20 колоннъ. Часть переселенцевъ была направлена черезъ Бугъ на Соколы, а часть черезъ Днѣпръ на Береславъ. Начальниками колоннъ были назначены полковникъ Бѣлый, бунчуковые товарищи секундъ-майоръ Бурносъ, капитаны Танскій, Лисица, поручики Маленскій, Дрига, Никопольскій, Брунько, Миргородскій, Куцій, Иваненко, Верисъ, Сташковъ, Малый, Толмачевскій, Семенко, прапорщики Лозовой, Голубицкій, Щербина и полковой хорунжій Мазуренко. Колонны, подъ командою этихъ лицъ, разновременно приходили на пожалованныя земли и занимали указанныя мѣста.

15 іюля выступилъ съ остальнымъ войскомъ и тяжестями самъ войсковой судья Головатый, но направился въ Черноморію совершенно другимъ путемъ—отъ Днѣстра черезъ Крымъ на Фанагорію. Мѣсяцъ спустя, 15 августа, эта часть переселенцевъ была уже на Тамани.

Но партіей Головатаго не закончились массовыя переселенія черноморцевъ. Кромѣ семейныхъ казаковъ, въ Черноморскомъ войскѣ была масса одиночекъ—«сиромы», и между ними не мало бездомовыхъ и безхозяйныхъ. Послѣ окончанія турецкой войны, «сирома» разбрелась на заработки по разнымъ мѣстамъ юга и продолжала жить вдали отъ войска или внѣ его контроля въ то время, когда производились массовыя переселенія войска на Кубань съ Саввою Бѣлымъ, Кордовскимъ, Захаромъ Чепигой, Антономъ Головатымъ, Тиховскимъ и др. Такихъ одиночекъ были цѣлыя сотни.

Поэтому, вице-адмиралъ де-Рибасъ, всегда близко принимавшій къ сердцу интересы Черноморскаго войска, поручилъ бывшему за Бугомъ полковому есаулу Черненко, собрать одиночекъ вмѣстѣ. На призывъ Черненка явилось до семи сотъ черноморскихъ казаковъ. Все это были люди неимущіе, бѣдняки, которымъ не на что было переселиться на Кубань. Чтобы не поставить ихъ въ безвыходное положеніе, другой сторонникъ Черноморскаго войска Суворовъ распорядился, съ согласія графа Румянцева-Задунайскаго, отправить отрядъ есаула Черненка на работы въ Хаджибей или нынѣшнюю Одессу. Здѣсь черноморцы на лодкахъ и

по льду, за извѣстное вознагражденіе, вбивали сваи въ гавани и выполняли разныя другія портовыя работы, пока не были потомъ отправлены на Кубань. Это было послѣднее массовое переселеніе черноморскихъ казаковъ. Послѣ являлись въ войско то одиночки, то отдѣльные члены семей, застрявшіе или задержанные на сторонѣ отъ войска.

Не смотря на такое организованное переселеніе черноморцевъ въ теченіе двухъ лѣтъ, на новое мѣстожительство перешло даже не все войсковое населеніе. Одни изъ казаковъ, осѣвши прочно за Бугомъ и въ южной Россіи, сами не пошли на Кубань; другіе были такъ бѣдны, что имъ не на что было передвинуться; а третьихъ, при сильнѣйшей поддержкѣ мѣстной администраціи, не пустили помѣщики. Эти послѣдніе, закрѣпленные за помѣщиками, казаки составляли большинство. Помѣщики и мелкія власти всячески задерживали тѣхъ, кто намѣревался или пробовалъ перейти въ Черноморское войско—силою возвращали съ пути слѣдованія въ войско, сажали подъ арестъ, били плетьми, кіями и истязали всячески, отрѣзали чуприны, отнимали женъ, дѣтей, скотъ и имущество, а нѣкоторыхъ довели даже до могилы. Доставалось при этомъ всѣмъ—и рядовымъ казакамъ, и старшинѣ, и даже получившимъ армейскіе чины офицерамъ. Утѣснители ни съ кѣмъ не церемонились. При обиліи свободныхъ, пустующихъ земель, колонизаторы Новороссійскаго края просто охотились за людьми, обращая ихъ въ «подданныхъ», а потомъ и въ крѣпостныхъ. Тому же способствовала предпринятая по отношенію къ запорожцамъ правительственная мѣра. Послѣ разрушенія Запорожской Сичи, ея населенію приказано было перейти въ поселяне. Только по тремъ уѣздамъ Екатеринославскаго намѣстничества—Екатеринославскому, Александровскому и Царичанскому, въ 1783 году значилось обращенныхъ въ поселяне 4065 муж. и 2452 жен. пола бывшихъ запорожскихъ казаковъ, затѣмъ 3157 муж. и 2487 жен. пола запорожскаго подданства, а всего, слѣдовательно, 12.161 душъ обоего пола. Цифры, по которымъ можно отчасти судить, какъ велико было то количество казачьяго населенія, которое, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не попало въ составъ Черноморскаго войска. Не смотря, поэтому, на то, что въ Черноморское войско записалось много лицъ, не имѣвшихъ никакой связи съ Сичью, составъ его оказался меньше состава казачества за Бугомъ.

Казалось бы, что послѣ того, какъ отдѣльныя части войска передвинуты были изъ за Буга на Кубань, Войсковому Правительству предстояло разрѣшить простую задачу разселенія прибывшихъ на новыхъ земляхъ. У самого населенія и у властей былъ уже подобный опытъ за Бугомъ. Но по-

слѣдующее показало, что разселеніе войска по территоріи было соединено съ большими трудностями и неизбѣжными ошибками. Нужно было размѣстить населеніе на обширномъ пространствѣ, отдѣльныя части котораго въ хозяйственномъ отношеніи не были еще извѣданы. Рядомъ, по границѣ вдоль Кубани, жили воинственные черкесы, противъ набѣговъ которыхъ заранѣе требовалось принять мѣры, пріурочивъ къ нимъ и разселеніе. Въ довершеніе ко всему, внутренее управленіе войска не было ни съорганизовано, ни даже намѣчено. Приходилось вести все сразу и разселяться по территоріи, и обезопасить войско по границѣ, и вводить порядки внутренняго управленія краемъ. Затрудненія и ошибки были неизбѣжны.

При такихъ условіяхъ, послѣдняя треть 1792 года, зима, весна и часть лѣта 1793 года пошли на передвиженія казачества изъ за Буга на Кубань и на зимнія стоянки. Пока населеніе осѣдало во временныхъ селеніяхъ, наступила осень 1793 года и зима. Размѣстить куренныя селенія на войсковой территоріи возможно было только съ весны 1794 года. Къ тому времени слѣдовало выработать формы мѣстнаго управленія и установить основанія земельныхъ порядковъ. Безъ этого нельзя было производить и разселенія войска.

И вотъ, въ январѣ 1794 года Войсковое Правительство опубликовало на имя «господъ полковниковъ, бунчуковаго товарищества, полковыхъ старшинъ, куренныхъ атамановъ и всего войска» актъ, озаглавленный «Порядокъ общей пользы» и заключавшій въ себѣ организаціонныя начала по управленію войска, землепользованію и разселенію. Этотъ оригинальный документъ подписали кошевой атаманъ Закарій Чепига, войсковой судья Антонъ Головатый и войсковой писарь Тимофей Котляревскій. Выходило, что свои мѣстные законы составляли и устанавливали только члены Войскового Правительства—кошевой, судья и писарь, безъ всякаго участія войска. Это была уже своего рода узурпація народныхъ правъ и узурпація двойная—не было ни Рады, ни казачьихъ совѣщаній, не существовало и правительственныхъ распоряженій на этотъ счетъ. Задумалъ войсковой тріумвиратъ установить порядки мѣстнаго управленія—и далъ, никого не спрашиваясь, «Порядокъ общей пользы». Прежде, чѣмъ разсматривать этотъ въ высшей степени важный историческій документъ, необходимо дать извѣстную оцѣнку и освѣщеніе тѣхъ лицъ, которыя приняли на себя столь отвѣтственную роль.

Чепига, Головатый и Котляревскій—крупные представители Запорожской Сичи и Черноморскаго войска. Каждый изъ нихъ оставилъ въ казачьей исторіи замѣтные слѣды.

Но несомнѣнно, что изъ трехъ ихъ центральную фигуру представлялъ собою Головатый.

Головатый, войсковой судья и второе послѣ кошевого атамана въ Чернсморскомъ войскѣ лицо, былъ въ глазахъ казаковъ „Антонъ Андреевичъ“, а Захарій Чепига, кошевой атаманъ и первая по своему высоко положенію въ войскѣ особа, просто „Харько“. Такое впечатлѣніе получается при чтеніи и внимательномъ изученіи документовъ, характеризующихъ положеніе обоихъ этихъ дѣятелей, съ именами которыхъ тѣсно связана исторія возникновенія черноморскаго казачества и поселенія его на Кубани. Головатый былъ панъ «себѣ на умѣ», умѣвшій пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ для войска и лично для себя; Чепига же—прямой человѣкъ, простота, добрая душа. Головатый велъ сношенія съ массою лицъ, занимавшихъ видное государственное положеніе; къ Чепигѣ тѣ же лица обращались не всегда и какъ бы для приличія. Головатый былъ грамотный и образованый по своему времени человѣкъ; Чепига не могъ подписать даже собственной фамиліи. Важнѣйшія распоряженія высшей администраціи шли черезъ Головатаго къ Чепигѣ. И не удивительно, что при такомъ порядкѣ дѣлъ, войсковой судья былъ Антонъ Андреевичъ, а батько кошевой просто Харько. Въ этомъ, впрочемъ, не было ничего оскорбительнаго для послѣдняго. Напротивъ, казаки несомнѣнно больше любили Чепигу, чѣмъ Головатаго, и въ самомъ названіи Харько, которымъ черноморцы запросто честили кошевого, звучали несомнѣнныя ноты задушевности, привязанности и нравственной, такъ сказать, близости. За этимъ душевнымъ отношеніемъ какъ-бы подразумѣвались завѣтныя желанія народа о томъ, чтобы всякій Харько могъ быть кошевымъ атаманомъ и всякій кошевой атаманъ могъ превратиться въ рядового Хорька, по волѣ товариства. Къ Головатому казаки не питали такихъ чувствъ. Дѣятельность старшины-доки въ войскѣ и особенно въ Петербургѣ, по порученію войска, клала рѣзкую грань между Головатымъ и казачествомъ,—и Головатый, какъ бы по привеллегіи, былъ Антонъ Андреевичъ.

Антонъ Андреевичъ дѣйствительно былъ незаурядный человѣкъ и прошелъ широкую и разностороннюю школу жизненной практики. Родился онъ въ 1732 году, былъ по происхожденію сынъ малороссійскаго казачьяго старшины. Слѣдовательно, получилъ первыя впечатлѣнія дѣтства и росъ въ привиллегированной казачьей средѣ и, несомнѣнно, въ достаточной матеріальной обстановкѣ. По крайней мѣрѣ, есть указанія, что родители отдали его для образованія въ кіевскую академію, а это дѣлали только люди состоятельные и чинов-

ные. Изъ письма священника Сочивца видно, что родители Головатаго жили въ селеніи Новыхъ-Санжарахъ, Полтавской губерніи, были записаны на поминовеніе въ мѣстную церковь, въ которой старикъ Головатый «положилъ начала къ сооруженію новаго иконостаса», и что въ 1794 г., какъ писалъ Сочивецъ, былъ еще въ живыхъ какой-то дядя Головатаго Алексѣй Федоровичъ. По наведеннымъ однако справкамъ П. П. Короленко, фамиліи Головатыхъ въ Санжарахъ не оказалось, чѣмъ, по мнѣнію Короленко, подтверждается устное свидѣтельство родственницы Головатаго о перемѣнѣ имъ своей фамиліи въ Запорожской Сичи. Самъ Головатый впослѣдствіи энергично отыскивалъ свои дворянскія права и утвержденъ былъ въ потомственномъ дворянствѣ 21 ноября 1791 года. Въ 1794 г. онъ просилъ извѣстнаго министра поэта Р. Г. Державина, «приложить стараніе въ доставленіи грамоты», а генерала Н. П. Высоцкаго, отъ котораго повидимому зависѣло разрѣшеніе дѣла, извѣщалъ о передачѣ Державину довѣренности на полученіе дворянской грамоты. Все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на то, что родители Головатаго принадлежали къ среднему классу господствовавшей въ Малороссіи казачьей старшины.

Неизвѣстно почему, но Головатый не окончилъ курса въ академіи и, по преданію, бѣжалъ изъ бурсы прямо въ Запорожскую Сичь. Эсли побѣгъ могъ быть вызванъ какими-либо случайными причинами, то мѣсто, куда бѣжалъ молодой бурсакъ, указывало на стремленіе въ бѣглецѣ къ господствующимъ идеаламъ того времени, воплощавшимся въ казачествѣ и его боевой дѣятельности. Въ Сичь Головатый поступилъ въ 1757 году и, видимо, не сидѣлъ здѣсь сложа руки. По словамъ историка Запорожской Сичи Скальковскаго, Головатый считался отличнымъ казакомъ Кущовскаго куреня, «грамотнымъ и письменнымъ», и служилъ первоначально въ командѣ молодиковъ при боку кошевого находящейся. Но уже въ 1762 году, пять лѣтъ спустя, онъ былъ избранъ куреннымъ атаманомъ, т. е. занялъ самое почетное и самое отвѣтственное мѣсто въ Сичи. Куренной атаманъ былъ «батькомъ» въ куренѣ, пользовался широкою патріархальною властью, «журилъ» и наказывалъ собственноручно провинившихся, давалъ порядокъ товариству и дѣйствовалъ вообще независимо отъ высшихъ сичевыхъ властей — кошевого, судьи, писаря и есаула. Понятно что такую роль могли нести только люди почетные и преклоннаго возраста, и куренными атаманами были преимущественно "сідоусыє діды". Если же Антонъ Головатый былъ сдѣланъ куреннымъ батькомъ въ 30 лѣтнемъ возрастѣ, то это указывало на его незаурядныя способности и выдающуюся въ войскѣ дѣя-

тельность. Еще черезъ два года, въ 1764 году, 32 лѣтѣ онъ, въ качествѣ полкового старшины, былъ поставленъ во главѣ тысячнаго отряда и громилъ съ запорожцами взбунтовавшихся противъ хана татаръ на р. Бердѣ.

Антонъ Андреевичъ Головатый принадлежалъ къ числу столь крупныхъ дѣятелей въ рядахъ казаковъ, что его личностью интересовались не одни казаки. Въ 1792 году генералъ В. С. Поповъ, игравшій очень важную роль у временщика графа Платона Зубова, писалъ Головатому: «Платонъ Александровичъ посылаетъ вамъ портретъ, съ присутствія вашего и описаніе, которое при семъ препровождаю». У потомковъ Головатаго не оказалось однако ни портрета ихъ знаменитаго предка, ни описанія къ портрету. Отзывы современниковъ о наружности Головатаго даютъ тоже очень мало. Сынъ пріятеля Головатаго, извѣстный малорусскій писатель Квитка, говоритъ, что Антонъ Андреевичъ былъ небольшого роста и смуглъ лицомъ, а другой пріятель Головатаго, нѣкто Годлевскій, въ письмѣ къ нему рисуетъ себя плѣшивымъ и „худо тѣлеснымъ" „противъ здороваго велико и жирнаго тѣла и противъ краснаго рябоватаго лица" батька судьи. Письмо Годлевскаго, въ шутку желающаго затѣять драку съ Головатымъ, и, быть можетъ, подъ вліяніемъ этого тона нѣсколько утрировавшаго наружные признаки пріятеля, въ сущности представляетъ собою единственный документъ, изображающій физическія особенности Головатаго. Судя по нему, Антонъ Андреевичъ былъ дюжій, пышущій здоровьемъ мужчина, тучный, съ краснымъ рябоватымъ лицомъ и съ бритою огромною головою. Воображеніе невольно къ этому прибавляетъ большую чуприну или оселедецъ и роскошные казачьи усы. Поставьте такого батька — судью во главѣ казачьяго отряда, и онъ, однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ и мощною фигурою, съумѣетъ повести за собою и воодушевить такихъ молодцовъ, какими были запорожцы. Иначе нельзя себѣ и представить А. А. Головатаго въ его военныхъ походахъ и дѣяніяхъ.

Головатый, участвовавшій въ двухъ турецкихъ войнахъ и въ цѣломъ рядѣ сраженій, дѣйствовалъ всегда въ пѣшемъ строю — то съ пѣшими казаками, то на казачьей флотиліи. Выходя въ мелкихъ стычкахъ и крупныхъ сраженіяхъ побѣдителемъ, онъ исполнялъ свою начальническую роль несомнѣнно по строго обдуманнымъ планамъ и, рядомъ съ острой шашкой, пускалъ всегда въ дѣло и не менѣе острый умъ. Уму, находчивости, энергіи и такту онъ обязанъ былъ своими успѣхами. Замѣчательно, что, участвуя въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ, неоднократно сжигая турецкія суда и не разъ водя казаковъ на приступы, при взятіи крѣпостей, Го-

ловатый какъ бы застрахованъ былъ отъ смерти и возвращался послѣ сраженія съ мощною своею фигурою, точно ничего смертоноснаго въ бояхъ не происходило. Особенно отличился Головатый при взятіи неприступной турецкой крѣпости на островѣ Березани, о чемъ подробно сказано уже въ своемъ мѣстѣ. Островъ Березань, съ крутыми скалистыми берегами, имѣлъ сильную крѣпость съ достаточнымъ турецкимъ гарнизономъ и артиллеріею. И вотъ, это укрѣпленіе поручено было взять приступомъ казачьей гребной флотиліи подъ командою Головатаго. Головатый съ казаками блестяще выполнилъ данное ему порученіе, высоко поднялъ казачій военный престижъ въ русскихъ войскахъ. Казаками восхищались русскіе солдаты, офицеры и генералы. Головатый былъ «у всѣхъ на устахъ». Когда, по преданію, Головатый вошелъ съ докладомъ о взятіи Березани къ главнокомандующему русскими войсками, всесильному временщику, князю Потемкину Таврическому, то, низко кланяясь ему, запѣлъ громкимъ басомъ: «кресту твоему покланяемся, владыко.» Княжескимъ отвѣтомъ на это было пожалованіе поклоняющемуся офицерскаго ордена Св. Георгія, рѣдкой въ войскахъ награды.

Въ этомъ дѣйствительномъ или анеклотическомъ случаѣ еще полнѣе обрисовывается личность Головатаго, какъ историческаго дѣятеля, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ. Несмотря на свои успѣхи на военномъ поприщѣ, Головатый былъ не столько военнымъ человѣкомъ, сколько замѣчательнымъ дѣятелемъ въ мирной гражданской жизни. И именно этотъ послѣдній родъ дѣятельности даетъ А. А. Головатому видное мѣсто въ казачьей исторіи вообще и въ исторіи Черноморскаго войска въ особенности.

Уже запорожцы вполнѣ оцѣнили Головатаго съ этой стороны. Въ 1768 году они отправили его писаремъ при старшинѣ и казакахъ, ѣздившихъ по обыкновенію въ Петербургъ за жалованьемъ. Головатый въ первую же свою поѣздку успѣлъ познакомиться и завязать связи съ столичною знатью. Въ 1771 году молодого казака, за отличныя способности и знаніе грамоты, сичевики выбрали писаремъ. Самарской паланки. Въ послѣдующіе затѣмъ два года Головатый состоялъ то при войсковомъ судьѣ въ Сичи, то при кошевомъ въ походѣ, какъ знающій и нужный человѣкъ. Наконецъ, въ 1774 году запорожская старшина на тайной сходкѣ, безъ участія рядовыхъ казаковъ, выбрала его посланцемъ въ Петербургъ. Въ это время Сичь уже сильно нажимало русское правительство. За ея вольности и будущее боялись наиболѣе дальновидные изъ запорожскихъ старшинъ, и на Головатаго была возложена довольно важная миссія. Ему по-

ручено было отстоять передъ дворомъ старинныя права войска на принадлежащія казакамъ земли, возвратить часть захваченныхъ уже русскою администраціею земель и дать на владѣніе ими и другими запорожскими землями грамоту, какъ это исконе водилось при протекторатѣ Россіи и подъ польскою короною.

Съ этимъ порученіемъ Головатый выѣхалъ раннею весною 1774 года, въ сопровожденіи одного казака, съ челобитными Коша, копіями съ универсала Богдана Хмельницкаго 1655 года, съ царскою грамотою 1688 года и съ выписками изъ договора между Россіей и Польшей за 1686 годъ и съ Варшавской конституціей 1717 года. Головатый съумѣлъ найти надлежащіе ходы и повести дѣло какъ слѣдуетъ въ интересахъ войска. Его приняли въ Петербургѣ милостиво. Екатерина II обѣщала простить вины запорожскому войску и препроводила даже черезъ Новороссійскаго генералъ-губернатора князя Потемкина грамоту войску, помѣченную 22 мая 1774 года. Въ этой грамотѣ войску предложено было выбрать двухъ или трехъ депутатовъ и прислать ихъ съ документами ко двору для разсмотрѣнія претензій запорожцевъ. А Потемкину, вмѣстѣ съ грамотой, посланъ былъ указъ, въ которомъ приказано было пока «не занимать вновь» поселеній. Это былъ ударъ всесильному временщику, рѣшившему уже прибрать Сичь къ своимъ рукамъ. Такою постановкою дѣла запорожцы какъ бы вызывали на борьбу Потемкина, по планамъ котораго администрація забирала запорожскія земли и возводила на нихъ поселенія. Нужно было ожидать, что Запорожской Сичи не устоять въ этой борьбѣ. Тактичный Головатый не забылъ конечно побывать у Потемкина и попросить его о содѣйствіи войску. Потемкинъ отвѣчалъ Головатому любезностями и такое же, наполненное любезностями, письмо послалъ онъ съ нимъ кошевому Калнишевскому.

Дни Запорожской Сичи, однако, были сочтены, чего ни какъ не допускали запорожцы. Въ это время была окончена война съ турками. Запорожцы не требовались болѣе Потемкину, и онъ круто поворотилъ въ своихъ отношеніяхъ къ Кошу. 8 декабря 1774 года онъ послалъ низовому войску грозное письмо, въ которомъ, хотя и упоминалъ о посылкѣ депутатовъ въ столицу, но обвинялъ запорожцевъ въ отнятіи у поселянъ земель и прозрачно намекалъ, что онъ попроситъ „правосуднаго защищенія“ у Государыни. Войско, еще 24 сентября 1774 года, избрало на Войсковой Радѣ депутатами ко двору бывшихъ войсковыхъ есауловъ, Сидора Бѣлаго и Логина Мощенскаго и полкового старшину — писаря Антона Головатаго. Въ октябрѣ депутаты, несмотря на ужасную слякоть и снѣжныя мятели, выѣхали въ Петер-

бургъ въ сопровожденіи 21 казака, съ письмами и гостинцами. Въ Москву депутаты явились только 7 декабря, куда ожидали прибытія двора съ Государыней.

И на этотъ разъ Головатому, благодаря его уму и выдающимся способностямъ, пришлось играть главную, но неблагодарную роль. Первыя же встрѣчи съ придворными сильно встревожили Головатаго и, вопреки установившемуся въ Запорожскомъ Кошѣ обычаю, онъ послалъ лично отъ себя, а не отъ депутаціи, предупредительное письмо кошевому. «Мы уже вступили, писалъ онъ, въ дѣло, только не весьма весело кажется». Потемкинъ, Вяземскій и Стрекаловъ «сердятся», Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ и др. съ депутатами «ласково обходятся». Головатый иронизируетъ, что почти ежедневно депутаты получаютъ «новую радость, а просителей на насъ, вокругъ нашей запорожской земли живущихъ, у Григорія Александровича Потемкина въ комнатахъ не продути, такъ густо—только отдымайсь да отдымайсь. И самъ тутъ Потемкинъ чрезмѣрно пужаетъ ва все».

Но запорожцы слишкомъ вѣрили въ свои права и не дозволяли на ихъ земляхъ вольничать русской администраціи, покровительствуемой Потемкинымъ или даже выполнявшей его порученія. Между тѣмъ, Потемкинъ рѣшилъ округлить предѣлы Новороссійскаго генералъ-губернаторства и прибрать къ своимъ рукамъ запорожскія земли. Чтобы лучше осуществить свой планъ и не встрѣтить въ правящей средѣ екатерининскихъ вельможъ противниковъ уничтоженія запорожскаго казачества, онъ вошелъ въ соглашеніе съ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, съ княземъ Прозоровскимъ и другими, изъ которыхъ первый получилъ потомъ изъ запорожскихъ земель 100,000 десятинъ и второй почти столько же. Когда запорожскіе депутаты явились къ вельможамъ по земельному вопросу, выяснить который они были вызваны по Высочайшей грамотѣ, то вельможи только тормозили дѣло. Трудно сказать, понималъ ли Головатый грозившую Сичи опасность, или же онъ, не желая слишкомъ крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, слѣпо выполнялъ приказанія Запорожскаго Коша, упорно требовавшаго не идти ни на какія уступки; но только пока депутаты сидѣли въ Петербургѣ, оспаривая свои права, Потемкинъ послалъ генерала Текеллія, который, по его приказанію, разрушилъ Запорожскую Сичь. На этотъ разъ не помогъ войску Головатый и, быть можетъ, благодаря тому, что онъ былъ въ Петербургѣ тогда, когда Текеллій разорялъ Сичь, самъ онъ не попалъ въ ссылку вмѣстѣ съ другими запорожскими старшинами.

Время и обстоятельства, казалось сохранили Головатаго для другой дѣятельности въ роли уже возобновителя разру-

шенной казачьей общины на Днѣпрѣ. Съ этого момента Головатый является дѣятелемъ, тѣсно соединившимъ свое имя съ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ. Долго и упорно онъ «велъ свою линію» въ этомъ направленіи, пока не достигъ намѣченной цѣли, выказавъ поразительную изворотливость, много такта, громадную энергію. Этотъ упорный казакъ не зналъ, повидимому, устали и упадка духа. Преданіе сохранило характерный для Головатаго разсказъ о томъ, какъ старикъ Сидоръ Бѣлый и, молодой еще тогда, Головатый рѣшили съ отчаянія на возвратномъ пути изъ Петербурга, когда разрушена уже была Сичь, «пострѣляться». Отмѣтивъ комическую сторону залуманнаго самоубійства, которое сторонніе люди могли принять за глупость напившихся до пьяна и побившихъ въ такомъ видѣ другъ друга запорожцевъ, Головатый сказалъ своему почтенному товарищу: «ни, цуръ ему! Не треба, батьку, стріляться; будемъ лучше жить!» Но жить на языкѣ Головатаго значило служить казачеству и его интересамъ. И тутъ же, будто бы, Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый задумали возобновить Запорожское войско.

Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ,—несомнѣнно однако, что мысль о возобновленіи казачества крѣпко сидѣла въ головахъ Бѣлаго и Головатаго. Обоимъ имъ Черноморское войско обязано было своимъ существованіемъ и организацiей, но не въ одинаковой мѣрѣ. Головатому, по его вылающимся способностямъ и по болѣе продолжительному періоду дѣятельности, выпала болѣе широкая роль, чѣмъ Бѣлому.

Помыкавшись нѣсколько на гражданской службѣ, Головатый скоро появился въ свитѣ князя Потемкина въ числѣ другихъ запорожцевъ. Можно полагать, что по своимъ петербургскимъ связямъ и по хлопотамъ Запорожскаго войска онъ былъ давно намѣченъ Потемкинымъ, какъ не заурядный казакъ.

Въ 1787 году Потемкинъ сдѣлалъ воззваніе къ запорожцамъ, приглашая ихъ являться къ Сидору Бѣлому и Антону Головатому. Въ томъ же году Головатый добился черезъ Потемкина возможности конвоировать Императрицу Екатерину, посѣтившую Новороссію, и представилъ ей отъ себя и другихъ запорожскихъ старшинѣ адресъ съ выраженіемъ въ немъ желанія образовать казачье войско и служить въ русской арміи. И Черноморское войско было потомъ образовано.

Когда же внезапно умеръ князь Потемкинъ, и черноморскіе казаки не успѣли осуществить свои завѣтныя желанія о закрѣпленіи земли за войскомъ, тогда хлопоты по этому предмету были возложены войскомъ на Головатаго, и онъ

снова отправился въ Петербургъ. На этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали казачьему посланцу, имѣвшему большой успѣхъ въ придворныхъ кругахъ и у чиновной аристократіи блестящаго двора Екатерины. Теперь казакъ-оригиналъ былъ у всѣхъ желаннымъ гостемъ и интереснымъ уцѣлѣвшимъ экземпляромъ грознаго когда-то Запорожья. Самъ Головатый умѣло пользовался установившеюся за нимъ репутаціею. Подъ видомъ оригинала и чудака онъ занималъ вельможъ казачьими разсказами, смѣшилъ малорусскими анекдотами и удивлялъ находчивостью и тактомъ, рекрутируя всюду сторонниковъ и благопріятелей. Съ бандурою черезъ плечо онъ появлялся въ роскошныхъ гостинныхъ придворной знати и здѣсь пѣлъ то малорусскія грустныя думы, полныя чудной мелодіи и высокаго народнаго драматизма то веселыя, исполненныя удали и юмора казачьи пѣсни, то пѣсни собственнаго сочиненія, изображавшія тяжелое, безвыходное положеніе черноморцевъ. Головатый умѣлъ трогать у нужныхъ ему людей чувства, играть на самолюбіи тщеславныхъ вельможъ и убѣдительно обставлять свои доводы людямъ умнымъ и дѣловымъ. Можно навѣрняка сказать, что при случаѣ дѣло не обходилось „безъ подарунків“; „посуловъ“ и обѣщаній, на которые всегда падокъ былъ петербургскій чиновникъ и въ которыхъ войсковой судья былъ опытенъ до виртуозности. Сохранился разсказъ о томъ, какъ Головатый увеличилъ порученную ему казачью казну. Пробравшись рано утромъ съ депутатами на извозчикахъ къ лѣсу у Царскаго села, гдѣ должно было происходить царское торжество, и расположившись здѣсь для отдыха на виду проѣзжавшихъ въ каретахъ вельможъ, Головатый на вопросъ эитхъ послѣднихъ о причинѣ пребыванія казаковъ въ царскосельскомъ лѣсу, пояснилъ, что запорожцы здѣсь отдыхали послѣ того, какъ цѣлую ночь шли сюда пѣшими. Объясненіе это переходило изъ устъ въ уста между придворными и было передано Екатеринѣ, и Царица приказала назначить опредѣленную денежную сумму на нужды депутаціи. Головатый давая отчетъ объ издержанныхъ войсковыхъ деньгахъ, писалъ потомъ въ Кошъ, что онъ съ товарищами не только не израсходовалъ всей выданной ему войскомъ суммы, но «еще и пріумножилъ ее».

Разсказываютъ также, что многихъ изъ вельможъ особенно интересовало представленіе казачьей депутаціи императрицѣ. Всѣ добивались возможности увидѣть это интересное зрѣлище, такъ какъ заранѣе были увѣрены, что пріемъ неотесанныхъ казаковъ не обойдется безъ комическихъ сценъ и курьезовъ. Полагали, что казаки будутъ поражены великолѣпіемъ придворной обстановки, необыкновенною торже-

ственностью пріема, растеряются, не найдутся, что сказать, и вообще потѣшатъ чѣмъ нибудь присутствующихъ при этомъ екатерининскихъ вельможъ. И когда депутаты введены были въ обширные царскіе покои, когда ихъ стали представлять стоявшей величественно Екатеринѣ, взоры вельможъ впились въ мощныя и оригинальныя фигуры казаковъ. Что-то они скажутъ? Какъ они будутъ себя держать? И вдругъ, къ удивленію всѣхъ, Головатый, выдѣлившись нѣсколько изъ группы депутатовъ, громко, съ полнымъ самообладаніемъ и умѣньемъ оратора, произноситъ на чистомъ великорусскомъ языкѣ короткую, но блестящую по тому времени рѣчь. Всѣ были поражены. Когда же Головатый, окончивши рѣчь, въ заключеніе прибавилъ малорусское: „тай годі!“ и повалился въ ноги Екатеринѣ, рыдая, какъ ребенокъ, сцена потрясла всѣхъ и оставила глубокое впечатлѣніе у присутствующихъ. И еще шире упрочилъ Головатый за собою репутацію оригинала-казака.

Такъ добывалъ землю на Кубани черноморцамъ А. А. Головатый. Какъ извѣстно, его хлопоты увѣнчались блестящими результатами. И вотъ этому защитнику казачьихъ интересовъ, съумѣвшему выиграть рискованное казачье дѣло въ кляузной и мѣняющейся, какъ хамелеонъ, придворной чиновной средѣ, суждено было, переселивши войско на новыя земли, размѣстить его по войсковой территоріи и установить порядки внутренняго самоуправленія. Несомнѣнно, что опубликованный по этому предмету документъ «Порядокъ общей пользы» принадлежалъ, главнымъ образомъ, уму и даже перу Головатаго. Два другихъ его товарища — кошевой Чепига и писарь Котляревскій — также принимали, конечно, участіе въ выработкѣ и оформленіи порядковъ казачьяго черноморскаго управленія, но имъ принадлежали второстепенныя роли. Душею дѣла былъ судья Головатый.

Казалось бы, поэтому, что здѣсь административный талантъ Головатаго долженъ выступить съ особою силою и выразительностью. До извѣстной степени такъ и было, но не къ «вящей пользѣ войска». Съ этой поры на дѣятельность войскового судьи Антона Андреевича Головатаго набѣгаетъ мрачная тѣнь, заслонившая свѣтлые идеалы казачьяго самоуправленія и свободы. Головатый съ товарищами забылъ или не хотѣлъ знать Войсковой Рады, какъ бы намѣренно исключивши ее, какъ органъ высшаго казачьяго самоуправленія; Головатый съ товарищами ввелъ въ «Порядокъ общей пользы» пункты о привиллегіяхъ старшинъ, «яко вождей-наставниковъ и попечителей общихъ благъ» войска, въ землепользованіи и закабаленіи „вольножелающихъ людей“; Головатый съ товарищами сдѣлалъ первый и крупный шагъ въ

насажденіи частной собственности на счетъ земель, отданныхъ по грамотѣ „въ вѣчно-спокойное владѣніе“ всему войску; Головатый съ товарищами, наконецъ, составилъ и провелъ важный для войска актъ о внутреннихъ порядкахъ не только безъ Войсковой Рады, но и безъ всякаго участія въ дѣлѣ рядового казачества. Уже однихъ этихъ четырехъ грѣховъ достаточно, чтобы сказать, что крупный въ исторіи кубанскаго казачества дѣятель сдѣлалъ и самыя крупныя ошибки при устроеніи черноморцевъ на Кубани.

Отчего это произошло? Какъ это случилось?

Въ силу естественнаго хода вещей, Головатый былъ сыномъ своего времени, не всегда умѣвшимъ отдѣлять общественные интересы отъ сословныхъ и личныхъ. Историческіе документы даютъ массу матеріаловъ, характеризующихъ эту своеобразную личность съ отмѣченной стороны. Въ семейномъ кругу, въ собственномъ хозяйствѣ, въ отношеніяхъ къ пріятелямъ и къ одноранговымъ сослуживцамъ, въ сношеніяхъ съ ближайшей правящей администраціей и съ высшими представителями правительства умный и дѣятельный войсковой судья неуклонно преслѣдуетъ насажденіе въ казачествѣ двухъ началъ—сословныхъ привилегій казачьей старшины и накопленія собственнаго, личнаго богатства. Но вѣдь отъ скрещенія интересовъ казачьей старшины съ интересами рядового казачества пошатнулись и обезличились исконные казачьи идеалы, и Головатый, слѣдовательно, слѣпо способствовалъ тому.

Головатый былъ человѣкъ многосемейный. Женатый на Ульянѣ Григорьевнѣ, изъ семьи также казачьяго старшины Порохни, онъ имѣлъ отъ нея шесть сыновей и одну дочь. Жена его умерла въ маѣ 1794 года послѣ родовъ. Двумя годами ранѣе умерла или, вѣрнѣе, была отравлена его дочь Марія. Со смертью жены веденіе домашняго хозяйства и воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей было поручено А. А. его сестрѣ по матери Агафіи Бойко. Но и при женѣ, и послѣ смерти ея въ семьѣ Головатаго неизмѣнно царили одни и тѣ же порядки. Головатый былъ искренне религіознымъ сыномъ церкви и убѣжденнымъ приверженцемъ сложившихся въ его время у малорусской казачьей старшины порядковъ патріархальнаго семейнаго быта, съ неограниченнымъ главенствомъ въ семьѣ отца и умирающимъ женскимъ сотрудничествомъ матери. Религіозный судья построилъ нѣсколько церквей на собственный счетъ и въ томъ числѣ надъ могилою любимой дочери Маріи, а также дѣлалъ щедрые вклады и пожертвованія въ церкви и монастыри. Какъ семьянинъ, онъ былъ типичнымъ домовладыкой семьи, умѣвшимъ заставить

уважать себя и находившимъ время вникать во всѣ частности семейныхъ отношеній и хозяйственныхъ дѣлъ.

Съ членами семьи онъ былъ ласковъ, но сдержанъ, остальную же родню видимо держалъ въ почтительномъ отдаленіи. 11 іюня 1794 г. сестра Головатаго, Пелагея Бѣлая, писала ему изъ Новоселицъ, чтобы онъ отпустилъ изъ Тамани въ Новосельцы мужа ея, такъ какъ и домъ Головатаго, который, повидимому, былъ на ея попеченіи, «пришелъ въ опустошеніе» и сама она терпитъ во всемъ нужду. «Припадая къ стопамъ вашимъ, пишетъ она, нижайше прошу оказать надъ нимъ и мною съ дѣтьми ваше милосердіе, отпустить мужа моего въ домъ, ибо онъ, проживая тамъ безприбыльно, а я здѣсь безъ помощи, прійдемъ въ крайнее несостояніе къ платежу должныхъ вамъ денегъ, а какъ скоро отпущенъ будетъ мужъ мой, то неусыпное стараніе приложимъ о томъ». Богатый братъ давалъ деньги въ займы убогой сестрѣ. Головатый былъ вообще расчетливый и бережливый человѣкъ даже въ собственной семьѣ, хотя, конечно, къ членамъ ея относился иначе, чѣмъ къ роднѣ.

Письма Ульяны Григорьевны къ мужу отличаются неподдѣльною почтительностью; она обращается къ нему на вы. «Желательность моя есть, пишетъ она въ одномъ своемъ письмѣ, хотя при послѣднемъ своемъ издыханіи съ вами повидаться и разстаться». Такимъ же почтительнымъ тономъ обращается въ письмѣ къ зятю теща Головатаго, Пороxня. Въ письмахъ дѣтей къ отцу и матери также проглядываютъ искреннія, неподдѣльныя чувства любви и почтенія. Сынъ Юрій пишетъ матери изъ Екатеринодара: «посылаю вамъ, матушка, въ гостинецъ платковъ два, которые я выбояриновалъ на свадьбѣ у пріятеля». Дочь Марія, поздравляя отца съ полученіемъ ордена Владиміра 3-й степени, прибавляетъ: «вседушно радуюсь и желаю вамъ сердечно получить всѣ ордена кавалерскіе, при чемъ покорно прошу прислать Степана Николаевича Перехрестика, который будетъ меня обучать играть на гусли». Если отъ перваго, сыновняго письма о выбояринованныхъ платкахъ вѣетъ патріархальными обычаями Малороссіи, то во второмъ, дочернемъ письмѣ о высылкѣ учителя игры на гусляхъ явно сказалось вліяніе моды и обыкновеній, внѣдрявшихся въ панско-казачью среду.

Самъ Головатый несомнѣнно высоко цѣнилъ обычаи, тонъ, пріемы обращенія и вообще ту мишурно-искусственную обстановку, которою успѣла уже отгородить себя казачья ранговая старшина отъ народа, рядового казачества. Это ярко проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ такихъ поступковъ войскового судьи, какъ пристрастіе къ чинамъ и орденамъ, на-

стойчивое исканіе дворянскихъ правъ, назойливая просьба о пожалованіи, неизвѣстно за какія заслуги, его женѣ перстня Царицей, даже самыя хлопоты по воспитанію дѣтей. Въ письмѣ двумъ старшимъ сыновьямъ, обучавшимся въ Петербургѣ, необходимость обученія наукамъ Головатый мотивируетъ дѣтямъ не пользою знанія и просвѣщенія, а тѣмъ шаблоннымъ соображеніемъ, «дабы онъ могъ хвалиться». Явное тщеславіе вельможнаго пана.

Такимъ образомъ, какъ семьянинъ А. А. Головатый является истиннымъ сыномъ привиллегированнаго класса, забравшаго уже въ свои руки казачью массу и умѣвшаго ковать личное благосостояніе на покладистыхъ спинахъ подчиненнаго ему казачества. Покрайней мѣрѣ имущественныя дѣла войскового судьи носятъ такую именно окраску.

Головатый былъ человѣкъ стяжательный, и это худшая черта въ его характерѣ и дѣятельности. На ряду съ скопидомствомъ и скупою расчетливостью, онъ не брезгалъ эксплоатаціей младшаго брата казака. Есть масса фактовъ, указывающихъ на то, что самъ Головатый, его жена и служащіе ревниво заботились о приращеніи имущества и точномъ учетѣ всякихъ поступленій въ хозяйствѣ натурою. Нѣкто Федоръ Тесля писалъ въ сентябрѣ 1791 года, что онъ посылаетъ черезъ старшину Жвачку мѣшочекъ борошня, т. е. муки, коновку соленаго укропу и двѣсти волошскихъ орѣховъ. Тесля спрашивалъ Головатаго, что дѣлать съ виноградомъ, начавшимъ спѣть, и сообщалъ, что у него осталось еще 1400 орѣховъ и мѣшокъ ячменя. И такими мелочами, показывающими, что самъ Головатый придавалъ имъ значеніе, испещрены историческіе документы.

Головатый широко пользовался услугами зависѣвшихъ отъ него лицъ. Одному онъ поручалъ продать земли, другому домъ въ Новосельцахъ, третьему произвести постройки, четвертому присматривать за хозяйствомъ и т. п. Конечно, отношенія этого рода не считались въ ту пору предосудительными и выражались въ формѣ взаимныхъ услугъ и услужливости со стороны младшихъ передъ старшими. Но за ними стоялъ фактъ наживы чиновнаго и самаго вліятельнаго въ войскѣ лица.

Головатый оставилъ дѣтямъ громадное по тому времени состояніе, нажить которое безгрѣшными, въ общепринятомъ смыслѣ способами нельзя было. Изъ наслѣдственнаго дѣла войскового судьи видно, что многіе акты благопріобрѣтенія считались даже современниками не безукоризненными. Войсковой писарь, а впослѣдствіи атаманъ, Котляревскій прямо обвинялъ Головатаго въ томъ, что онъ пользовался безвозмезднымъ трудомъ служащихъ казаковъ для своего хозяйства

и, на правахъ сильнаго, эксплоатировалъ массу и нарушалъ обще казачьи интересы. Еще болѣе тяжелое обвиненіе падаетъ на Головатаго по дѣлу о такъ называемомъ персидскомъ бунтѣ. Взбунтовавшіеся казаки обвиняли войскового судью и другихъ казачьихъ старшинъ въ присвоеніи принадлежащихъ казакамъ денегъ. Вообще Головатый несомнѣнно считался у казаковъ человѣкомъ богатымъ, стяжательнымъ и переступавшимъ границы дозволенныхъ отношеній съ точки зрѣнія казачьяго общественнаго блага.

Неумѣренное преслѣдованіе личныхъ выгодъ въ ущербъ общественнымъ, естественно толкало виднаго казачьяго дѣятеля на путь проведенія въ жизнь сословнаго начала и ранговыхъ преимуществъ. Сносясь съ представителями высшей правящей бюрократіи, Головатый не забывалъ и себя лично, устраивая свои личныя дѣла и упрочивая видное вліятельное положеніе въ войскѣ. Такъ онъ съумѣлъ пристроить дѣтей въ лучшихъ военныхъ заведеніяхъ и поставить ихъ даже тамъ въ привиллегированное положеніе. 17 октября 1792 г. Головатый, посылая къ Высочайшему двору двухъ своихъ сыновей, Александра и Афанасія, командируетъ съ ними бунчуковаго товарища Ивана Юзбашу, пишетъ ему инструкцію и снабжаетъ 1500 рублями денегъ, а 13 декабря того же года самъ Зубовъ пишетъ Головатому, что дѣти его будутъ отданы въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ и что, согласно желанію Головатаго, онъ, Зубовъ, испросилъ у Государыни жалованный перстень для его супруги. 13 февраля 1794 г. старшій сынъ судьи Александръ писалъ отцу, что, благодаря попеченіямъ Государыни, онъ и его братъ поставлены были въ кадетскомъ корпусѣ въ привиллегированное положеніе— имъ отведены были «два покоя, кушанье и деньщикъ». 2 марта того же 1794 г. всесильный Платонъ Зубовъ, извѣщая въ подробномъ письмѣ Головатаго о важнѣйшихъ распоряженіяхъ по войску, прибавляетъ: «сына жъ вашего меньшого пришлите сюда, чтобы отдать его для обученія съ другими вашими дѣтьми». Въ заключеніе фаворитъ Екатерины II благодаритъ войскового судью «за балыки таманскаго лова, за чубуки и трубки».

Головатый умѣлъ, что называется, угодить начальству и широко практиковалъ «поднесеніе» такъ называемыхъ подарковъ, мѣшая «свое добро» съ «войсковымъ достояніемъ». Зубовскому письму предшествовало письмо Головатаго, который въ маѣ 1794 г. просилъ всесильнаго вельможу принять сына его Юрія „подъ отеческое покровительство“ и «усчастливить» этого самаго Юрія «принятіемъ отъ него турецкаго кинжала, подъ Мачиномъ въ добычу отъ турокъ полученнаго“. Весьма возможно, что за кинжалъ, которымъ купилъ

Головатый «благорасположеніе» къ себѣ и сыну Юрію временщика Зубова, сложилъ въ свое время голову какой либо удалый запорожецъ. Но таковы ужъ были въ ту пору пріемы служебной политики, которыми умѣлъ превосходно пользоваться Головатый.

17 іюня 1794 г. таврическій губернаторъ Жегулинъ, которому подчинено было Черноморское казачье войско, любезно извѣщалъ Головатаго «объ отмѣнномъ удовольствіи служить» съ нимъ, Головатымъ. А 5 сентября того же 1794 г. Жегулинъ запросто писалъ Головатому изъ Симферополя: «съ симъ нарочнымъ посылаю вамъ, моему другу, оки; а завтра непремѣнно отправлю землемѣра съ планомъ Екатеринодара». Сухія письма вице-губернатора Карла Габлица съ распоряженіями по войску скоро замѣнились пріятельской перепиской. 14 іюля 1794 г. Габлицъ благодарилъ Головатаго за пріязнь и извѣщалъ, что «письмо отъ 29 мая и славная черноморская икра» имъ получена и что въ Тавриду на жительство переѣзжалъ П. С. Колласъ. «Онъ будетъ сюда въ августѣ, писалъ вице-губернаторъ, и съ нимъ пріѣдетъ и рыбочка ваша, которая безъ фазановъ не позволитъ себя въ лобочекъ поцѣловать». Габлицъ, поэтому, просилъ войскового судью „приказать наловить фазановъ“, такъ какъ „изъ тѣхъ, коихъ прошедшею зимою изволили ко мнѣ прислать, довезена сюда только пара, и тѣ подохли у меня“.

Такъ Головатый умѣлъ завязывать связи съ людьми нужными ему. Въ этомъ отношеніи онъ не пренебрегалъ ничѣмъ. 1 іюля 1794 года онъ писалъ почтительное письмо Роману Степановичу Соколову, камердинеру Екатерины II. Благодаря его и жену за пріязнь къ дѣтямъ, судья политично сообщаетъ камердинеру извѣстіе чисто политическаго характера—объ успокоеніи горцевъ и объ установленіи съ ними добрыхъ отношеній, съ явнымъ, повидимому, расчетомъ на то, что камердинеръ доложитъ объ этомъ, кому слѣдуетъ. Балыки и икру для подарковъ Головатый приказывалъ приготовлять на общественный счетъ и дѣлалъ распоряженія по этому поводу въ чисто служебномъ порядкѣ. Также посылались фазаны, ослики и пр.

Неудивительно, поэтому, что, ратуя за войско, Головатый съумѣлъ на этой почвѣ упрочить собственное положеніе. Головатаго знали всѣ сильные міра Петербургскаго, включительно до Екатерины II. 7 апрѣля 1792 года Головатый не безъ самодовольства извѣщалъ Чепигу, что 2-го марта онъ выѣхалъ изъ Слободзеи, 30 марта былъ въ Петербургѣ и остановился у генерала В. С. Попова, бывшаго правою рукою у Зубова; на другой же день онъ представленъ былъ П. А. Зубову и Н. И. Салтыкову, а 1-го апрѣля «къ ручкѣ

Ея Величества». Все было какъ бы настроено по заранѣе намѣченному плану, и эти преимущества за собою такъ хорошо понималъ войсковой судья, что давалъ ихъ чувствовать непосредственному своему начальству — батьку кошевому, не церемонясь зачастую съ нимъ. «Извольте, пишетъ онъ ему 9 сентября 1791 г., для совмѣстнаго отъѣзду къ Свѣтлѣйшему ожидать прибытія моего къ вамъ». Вообще, рѣшающую роль игралъ войсковой судья, а кошевой атаманъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, лишь руку прилагать. 21 октября 1791 г. Головатый такъ прямо и пишетъ Чепигѣ: «когда вы будете отсылать въ Ясы казначея, то не оставьте приказать ему заѣхать сюда для наставленія». Такія наставленія онъ неоднократно давалъ подъ благовидными предлогами и самому кошевому.

По тѣмъ временамъ вліятельное положеніе обусловливалось извѣстными связями, а въ этомъ отношеніи Головатый не имѣлъ равнаго себѣ въ войскѣ. Чепига былъ простой и безхитростный человѣкъ, Котляревскій, Савва Бѣлый, Юзбаша и др.—мелкія сошки, и одинъ лишь Головатый умѣлъ поддерживать связи съ людьми вліятельными на пользу себѣ 13 іюня 1793 г. есаулъ Черненко писалъ Головатому, что какой-то молдованинъ хотѣлъ присвоить себѣ домъ кошевого атамана Чепиги, и подалъ при этомъ князю Волконскому прошеніе о «какъ то вами взятыхъ 94 левъ и золотого кольца, однако князь того прошенія взять отъ него не похотѣлъ». Изъ другихъ документовъ отчасти видно, почему князь Волконскій такъ охранялъ честь и интересы Головатаго. Онъ самъ нуждался въ одолженіи богатаго судьи и просилъ его уступить ему за 1500 рублей, сумму ничтожную, домъ въ Слободзеѣ, хуторъ и неводъ. Меня Федоръ Яковлевичъ увѣрялъ, писалъ Волконскій, что вы, мой благодѣтель, по взаимному нашему дружеству не откажетесь сдѣлать сію уступку и я столько надѣюсь, что буду ожидать вашего о томъ повелѣнія».

Головатый умѣлъ поддерживать связи съ своимъ начальствомъ не одними служебными качествами и дѣловитостью, но и матеріальными одолженіями. Особенно широко практиковалъ онъ посылку подарковъ, которые ежегодно отсылались въ видѣ икры, балыковъ, оружія, рѣдкихъ вещей, осликовъ, фазановъ и пр. — и губернатору, и вице-губернатору, и архіерею, и генералу Попову, и графу Платону Зубову и мн. др. Такъ поступали тогда всѣ; таковы были въ то время жизнь и отношенія. Головатый угождалъ сильнымъ міра, а Головатому угождали пріятели и чиновная мелюзга. Получались двоякаго рода связи — съ высшимъ, правящимъ классомъ и съ мѣстными представителями чиновничества,

помѣщиковъ и старшины, но этимъ именно путемъ видный казачій дѣятель если и не насадилъ «панское сословіе» у казаковъ, ибо насаждала его сама жизнь, то укрѣпилъ и оградилъ его интересы такъ крѣпко и умѣло, какъ никто.

Такимъ образомъ, А. А. Головатый родился и выросъ въ привиллегированной казачьей средѣ, очень рано попалъ въ панскую привиллегированную среду запорожской старшины, успѣлъ въ достаточной мѣрѣ заразиться чиновничьими замашками петербургскихъ вельможъ и, занявши мѣсто самого вліятельнаго правителя въ Черноморскомъ войскѣ, самъ сталъ завзятымъ паномъ. Вотъ почему и рядовые казаки видѣли въ немъ Антона Андреевича, войскового судью, и не находили демократическихъ чертъ простоты и и истинно-товарищескаго отношенія. Головатый слишкомъ усердно поклонялся кресту, но не тому кресту равноправія и взаимно братскихъ отношеній, который былъ символомъ страданій Христа за счастіе всего человѣчества, а просто знаку отличія, отдѣлявщему чиновную старшину отъ рядовыхъ казаковъ. И не удивительно, что Головатый устраивалъ какъ свою личную жизнь, такъ и общественные порядки скозь косыя очки пана и панской обособленности, игнорируя интересы рядовой казачьей массы. При выдающемся умѣ и талантливости, Головатый былъ сыномъ своего вѣка и, въ погонѣ за панскимъ блескомъ и матеріальными благами, продалъ подъ конецъ своей жизни за чечевичную похлебку исконные казачьи идеалы. Пока онъ былъ борцомъ за угасавшее, тронутое уже собственнымъ разложеніемъ, Запорожское казачество, пока всѣ усилія напрягалъ онъ на возстановленіе казачества въ видѣ Черноморскаго войска, — онъ обнаруживалъ лучшія стороны своей дѣятельности и обнаруживалъ ихъ умѣло, ярко, блестяще. То была положительная творческая волна въ его исторической дѣятельности. Но когда прошелъ періодъ борьбы за общественные, хотя и узко понимаемые казачьи интересы, въ крупномъ историческомъ дѣятелѣ сказались черты классовой обособленности, такого же древняго, какъ и человѣческія общества, врага всякаго демократизма.

Подъ конецъ жизни А. А. Головатаго, счастье, повидимому, отвернулось отъ него. Въ 1796 году Головатый во главѣ тысячнаго отряда казаковъ выступилъ, по распоряженію высшаго правительства, въ персидскій походъ. Съ самаго начала и до возвращенія по домамъ неудачи преслѣдовали казаковъ. Казаки терпѣли во всемъ нужду и болѣзни. Самъ Головатый, неоднократно заболѣвавшій, умеръ изнуренный лихорадками 27 января 1797 года. Нѣсколько раньше умеръ и кошевой атаманъ Чепига. Войско избрало Головатаго коше-

вымъ атаманомъ, но новаго кошевого не застала уже въ живыхъ эта пріятная для него вѣсть.

Со смертью А. А. Головатаго какъ-то расползлось, разрушилось, стушевалось то, что больше всего онъ принималъ къ сердцу—члены семьи разъединились и вымерли, громадное имущество растаяло, угасла даже память о немъ въ тѣхъ храмахъ, которые усердно строилъ онъ, какъ религіозный человѣкъ. Но не угасли и не угаснутъ никогда лишь однѣ историческія заслуги этого дѣятеля. Въ народѣ до сихъ поръ еще живы двѣ пѣсни Головатаго, имѣющія историческій интересъ, изъ которыхъ въ одной онъ нарисовалъ тяжелое, безвыходное положеніе Черноморскаго войска, не имѣвшаго земли, а въ другой благодарилъ Царицу за землю и пѣлъ о томъ, какъ будутъ казаки въ Тамани служить, рыбу ловить, горілку пить, какъ они поженятся и станутъ «хлібъ робить». Это были идеалы задавленнаго нуждой неимущаго люда и бездомной, оказавшейся ненужною на окраинахъ южной Россіи, «сиромы». Жива до сихъ поръ и память о Головатомъ, какъ о главномъ дѣятелѣ по сформированію Черноморскаго войска и по добыванію для него земель на Кубани. Потомство не должно быть строго къ ошибкамъ этого крупнаго человѣка. За ними все таки рисуется незаурядный представитель казачьей демократіи, крѣпко и умѣло державшій боевое знамя въ тѣ историческіе моменты, когда онъ боролся за общественные казачьи интересы и нужды народа. Если, вслѣдъ за этою борьбою, онъ не понялъ и не съумѣлъ отрѣшиться отъ классовыхъ выгодъ и панской обстановки, то для этого у него просто не хватило духовныхъ силъ—онъ не смогъ подняться выше своего вѣка.

Другою, менѣе крупною историческою, но болѣе популярною между казаками, фигурою былъ Чепига.

Судя по историческимъ даннымъ, Захарій Алексѣевичъ Чепига, или Харько Чепига, какъ любили называть его казаки, былъ типичнымъ малорусскимъ паномъ, за суровою внѣшностью котораго сквозили простота и радушіе доброй души человѣка. Исторія не оставила описанія наружности, или портрета этого предводителя казачества, но передъ глазами тѣхъ, кто вдумывался въ жизнь, дѣятельность и поступки Харька Чепиги, невольно рисуется сильная, приземистая фигура человѣка, внушительнаго по корпусу и выдержаннаго, степеннаго по пріемамъ обращенія, съ круглымъ малорусскимъ, гладко выбритымъ лицомъ, и крупными, но мягкими очертаніями носа, губъ и рта, съ сѣрыми ласковыми глазами, съ толстыми усами, висѣвшими внизъ, еще съ болѣе толстою чуприною и съ добродушною улыбкою, какъ бы всѣмъ говорившею: «добре, братики, добре». Когда этотъ

приземистый панъ-казакъ садился на лошадь, то точно срос- тался съ нею и сжималъ ее своими короткими, но сильными ногами, какъ въ тискахъ. Это былъ казакъ-вояка отъ рожденія, и когда онъ становился лицомъ къ лицу противъ врага съ своими братиками-казаками, тогда онъ сразу превращался весь въ энергію, зорко слѣдилъ за своими и чужими, громко отдавалъ приказанія и въ жаркой схваткѣ подавалъ всѣмъ примѣръ беззавѣтной храбрости и отваги. Тогда Харько былъ герой и рыцарь. Несомнѣнно, что въ Захаріи Алексѣевичѣ современная ему рядовая масса видѣла именно своего героя, безупречнаго въ военномъ дѣлѣ рыцаря, къ которому она льнула подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства привязанности, котораго она чтила не столько за его административныя способности и дѣятельность, сколько за личныя качества. За суровою внѣшностью батька-атамана казаки видѣли добрую душу, и простота главы войска сближала съ нимъ рядовое казачество.

По разсказамъ, переданнымъ старыми казаками П. П. Короленкѣ, Чепига былъ низкаго роста, но плотнаго сложенія, съ широкими плечами, большимъ чубомъ и усами. Съ виду онъ былъ суровъ и важенъ, какъ держали себя вообще видные старшины и степенные казаки. Жилъ среди простой и незатѣйливой обстановки одиноко, въ небольшой хатѣ, выстроенной надъ р. Карасуномъ въ дубовой рощѣ, ничѣмъ особеннымъ не выдѣляясь отъ обыкновенныхъ казаковъ. Внѣшняго лоска и модныхъ причудъ спѣсиваго панства онъ, повидимому, не признавалъ. Даже къ положительнымъ сторонамъ культуры, соединенной съ личными потребностями высшаго круга людей, относился отрицательно. Когда, по разсказамъ, какой-то художникъ хотѣлъ написать портретъ съ З. А. Чепиги, то суровый атаманъ отказался отъ этой чести, коротко замѣтивши: «тілько богівъ малюютъ». Онъ не былъ даже грамотенъ. Въ ордерѣ Коша отъ 11 мая 1788 года прямо сказано: «хотя вы и не умѣете грамотѣ, однако только по повелѣнію вашему долженъ подписать вашъ чинъ, имя и прозваніе, кому вы прикажете». Если къ этому прибавить, что Чепига всю свою жизнь провелъ холостякомъ, «сиромой», то въ кошевомъ атаманѣ не трудно отгадать угасавшій типъ истаго запорожца, дорожившаго ратнымъ полемъ да казацкой славой.

Въ дѣлахъ Кубанскаго войскового архива сохранился черновикъ письма кошевого какому-то знакомому генералу, предложившему атаману свою дочь въ невѣсты. Письмо, надо полагать, писано подъ диктовку Чепиги, и отличается неподражаемымъ малорусскимъ юморомъ. «Дочку мнѣ вы рекомендуете въ невѣсты, говорится въ письмѣ. Благодарствую вамъ.

Пусть буде здорова и премноголѣтня. Жаль, що изъ Польши пришовъ та и доси не ожинився, все тышъ нема счастья; особливо въ Польшѣ хотѣлось полячку забрать, такъ никого було въ старосты взяты. Не знаю, якъ далѣ уже буде; я и тутъ пидциляюсь сватать княгинь черкесскихъ у горскихъ князей». И затѣмъ Чепига, какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ, что на обратномъ пути онъ былъ у матери генерала, «гдѣ ею и любезнымъ шуриномъ вашимъ угощенъ былъ отмѣнно, и не только мы всею компаніей, но и кони наши булы довольны». Если бестактный генералъ рѣшился старику-запорожцу, смотрѣвшему уже въ гробъ, предложить родную дочь въ невѣсты; то старый казакъ-вояка, отказавшійся разъ и на всегда отъ брака и удобствъ мирной семейной жизни, чтобы посвятить себя рыцарскимъ, по понятіямъ запорожцевъ, занятіямъ въ борьбѣ съ врагами, нашелся какъ отвѣтить.

Таковъ былъ Харько Чепига, по немногимъ воспоминаніямъ о немъ и по общимъ чертамъ изъ дѣятельности его, занесенной въ оффиціальные документы.

Историческіе матеріалы скудны, чтобы, на основаніи ихъ, можно было надлежащимъ образомъ охарактеризовать личность и дѣятельность перваго въ Черноморіи кошевого атамана. Нѣтъ, прежде всего, прямыхъ и точныхъ указаній относительно происхожденія Чепиги. Неизвѣстно также, какъ и когда онъ появился въ Запорожской Сичи.

На страницы казачьей исторіи Чепига попадаетъ уже въ роли запорожца. Такъ, имя Чепиги упоминается въ приказѣ главнокомандующаго арміей въ турецкую войну графа Панина 20 октября 1769 года. «Знатная партія» Запорожскаго войска была отправлена Панинымъ „въ поиски надъ непріятелемъ»со стороны моря къ р. Днѣстру. Казаки разбили турокъ и татаръ, взяли два знамени, булаву, литавры, 18 плѣнниковъ, 20.000 лошадей, 4.000 овецъ, 180 верблюдовъ и пр. Въ казачьей партіи и сраженіи съ непріятелемъ въ числѣ отличившихся значился полковникъ Харько Чепига. Нѣсколько раньше, въ августѣ того-же 1769 г. Чепига, вмѣстѣ съ полковниками Колпакомъ и Носомъ разгромилъ съ 500 отрядомъ казаковъ село Аджи-Гасанъ, турокъ, ихъ женъ и дѣтей «выстрѣляли и вырѣзали», бросившихся въ лодки потопили, а село сожгли. Такіе, на языкѣ того времени и военныхъ людей, подвиги ставились запорожцамъ въ личныя заслуги отличившихся; надо полагать, поэтому, что Харько Чепига былъ въ кошѣ на хорошемъ счету, разъ онъ состоялъ въ отрядѣ въ числѣ трехъ полковниковъ и притомъ въ компаніи полковника Афанасія Колпака, бывшаго грозою татаръ.

Изъ послѣдующей службы Чепиги въ Черноморскомъ войскѣ видно, что Харько отличался личною храбростью и дѣйствовалъ на казаковъ ободряще въ бою, гдѣ онъ не терялся, не отступалъ, съ неутомимостью «гналъ, какъ зайца», врага и былъ, что называется, вѣрнымъ товарищемъ, готовымъ въ схваткѣ своею грудью защитить всякаго. Но когда проходили порывы этого воодушевленія, Харько становился скромнымъ казакомъ и суровымъ съ виду, но добродушнымъ, какъ всѣ силачи, человѣкомъ. Частію, благодаря такимъ чертамъ характера, частію, вѣроятно, вслѣдствіе своей неграмотности, Захарій Чепига не игралъ никакой роли въ той оживленной борьбѣ, которую Сичь вела изъ за земель съ русскимъ правительствомъ въ послѣдніе годы своего существованія. Застрѣльщиками, депутатами вожаками, были люди «письменные», а Харько никогда къ нимъ не принадлежалъ. Когда онъ былъ впослѣдствіи кошевымъ атаманомъ самостоятельнаго Черноморскаго войска, бригадиромъ, генераломъ,—онъ всетаки не умѣлъ подписать своей фамиліи, и на всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ за него подписывался обыкновенно писарь, которому онъ разъ на всегда давалъ на то общую довѣренность. По тѣмъ же причинамъ, надо полагать, Харько не попалъ въ число войсковыхъ старшинъ, бывшихъ въ послѣдней Запорожской Сичи большею частію людьми грамотными и по характеру непокладистыми, а остался только полковникомъ, которому, какъ отличному воякѣ, Сичь всегда могла поручить отрядъ добрыхъ казаковъ, съ полною увѣренностью, что Харько въ военномъ дѣлѣ охулки на руку не положитъ.

Во время разрушенія Текелліемъ Сичи, Чепига остался въ рядахъ нетронутыхъ запорожцевъ. Русское правительство не включило его въ число тѣхъ неспокойныхъ вожаковъ, которые были разосланы и заточены по крѣпостямъ въ Россіи. Самъ Захарій Алексѣевичъ не присталъ и къ тѣмъ неуступчивымъ запорожцамъ, которые не захотѣли помириться ни съ уничтоженіемъ Сичи, ни съ русскими правителями, а бѣжали въ Турцію, чтобы основать здѣсь Сичь и продолжать казачье дѣло. Когда, поэтому, послѣ разрушенія Сичи, одумался князь Потемкинъ и перемѣнилъ гнѣвъ на милость по отношенію къ запорожскимъ казакамъ, то Чепига вмѣстѣ съ Антономъ Головатымъ, Сидоромъ Бѣлымъ и другими сразу попалъ въ почетную команду, окружавшую князя, и, вмѣстѣ съ другими, получилъ армейскій чинъ и жалованье. Какъ человѣку, любившему военное дѣло и службу на конѣ, Захарію Чепигѣ, надо полагать, было на руку занятое имъ при Потемкинѣ положеніе. Тѣмъ не менѣе, послѣдующее показываетъ, что храбрый запорожскій полковникъ дѣятельно, вмѣстѣ съ другими запорожцами, работалъ въ дѣлѣ возста-

новленія казачества. Вмѣстѣ съ Головатымъ онъ участвовалъ въ образованіи тѣхъ командъ волонтеровъ, которыя превратились потомъ въ Черноморское войско, имѣвшее своимъ кошевымъ атаманомъ Чепигу. И если, можетъ быть, въ первоначальной организаціи войска Чепига и не игралъ такой руководящей роли, какъ Головатый и Бѣлый, то во время самой войны съ турками онъ несомнѣнно высоко поднялъ престижъ казачьей конницы своими умѣлыми и удачными дѣйствіями, а такой престижъ для возобновленнаго войска служилъ необходимымъ условіемъ существованія послѣдняго.

Чепига былъ въ арміи съ начала открытія военныхъ дѣйствій съ турками. Первый кошевой атаманъ черноморцевъ, Сидоръ Бѣлый, 27 мая 1788 года предложилъ «явиться коннымъ въ конницу полководца господина майора Чепиги», а пѣшимъ въ урочище Васильково, гдѣ находился казачій кошъ и кошевой Бѣлый. Чепига, слѣдовательно, въ это время командовалъ уже казачьей конницей, и это командованіе осталось за нимъ потомъ на все время войны. Иной службы, какъ на конѣ, онъ никогда не несъ. Согласно запорожскимъ обычаямъ, Потемкинъ послалъ особо Чепигѣ перначъ, какъ обычный у казаковъ знакъ командованія. Въ сраженіи русскаго флота съ турецкимъ 17 іюня, умеръ смертельно раненый Бѣлый, а 3 іюля Потемкинъ объявилъ, что «по храбрости» на службѣ и по желанію войска вѣрныхъ казаковъ «опредѣляется кошевымъ атаманомъ» Захарій Чепига. П. П. Короленко, не указывая источниковъ, передаетъ, что послѣ смерти кошевого Бѣлаго между черноморцами образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала избрать кошевымъ Антона Головатаго, а другая Захарія Чепигу. Каждый кандидатъ имѣлъ шансы на выборъ, а Головатый еще и преимущество, какъ войсковой судья, т. е. второе, послѣ умершаго кошевого, лицо въ войскѣ. Тѣмъ не менѣе, казаки предпочли Головатому Чепигу, котораго они выбрали кошевымъ вслѣдствіи его личной храбрости и военныхъ способностей. Потемкинъ же только утвердилъ кошевымъ Чепигу. Со времени смерти Бѣлаго (17 іюня) и утвержденія Чепиги кошевымъ (3 іюля) прошло всего двѣ недѣли, казаки по роду службы были разобщены—Чепига съ конницей находился въ однихъ мѣстахъ, а Головатый съ пѣхотой въ другихъ. Потемкинъ въ своемъ распоряженіи говоритъ о желаніи войска, а не о выборѣ войскомъ—все это придаетъ нѣсколько иной характеръ подробностямъ, переданнымъ г. Короленко. Надо полагать, что, во первыхъ, общая Войсковая Рада не была собрана, по условіямъ распредѣленія частями казаковъ по различнымъ мѣстамъ военныхъ дѣйствій, но что дѣленіе на двѣ партіи было уже потому, что пѣшіе

казаки и конница были разъединены и находились подъ командою различныхъ кандидатовъ въ кошевые. Во вторыхъ, и при невозможности собрать общую Войсковую Раду, тѣ и другіе казаки могли заявить свои желанія такимъ лишь путемъ. А, въ третьихъ, помимо оцѣнки военныхъ качествъ Чепиги казаками, на его сторонѣ былъ, видимо, и Потемкинъ, который не только утвердилъ Чепигу кошевымъ атаманомъ, но и подарилъ ему дорогую саблю, какъ знакъ особаго вниманія къ военнымъ заслугамъ атамана. Не подлежитъ, наконецъ, никакому сомнѣнію, что симпатіи большинства казаковъ были на сторонѣ Чепиги. Харько былъ популярнѣе Антона Андреевича, благодаря своему личному обаянію на казаковъ, своей простотѣ и доступности для рядовыхъ товарищей. Къ тому-же, Антонъ Андреевичъ Головатый не заявилъ себя въ то время еще никакимъ военнымъ подвигомъ и неприступную Березань взялъ съ пѣшими казаками только спустя четыре мѣсяца, 7 ноября.

Такимъ образомъ, З. А. Чепига, попавши въ положеніе кошевого атамана Черноморскаго войска, несомнѣнно былъ популярнымъ между казаками лицомъ. Съ своимъ конкурентомъ Головатымъ онъ былъ въ отличныхъ товарищескихъ отношеніяхъ. Начальство также благоволило къ нему. Все это было весьма важно для неокрѣпшаго, только формировавшагося еще войска. Требовалось, чтобы и свои уважали кошевого и довѣряли ему, и чтобы самъ кошевой могъ при случаѣ постоять за войско. Надо отдать честь З. А. Чепигѣ: онъ съумѣлъ удержать это почетное отвѣтственное положеніе во все время войны съ турками.

Когда извѣстный впослѣдствіи генералъ-майоръ Кутузовъ, не выказавшій вообще въ отношеніяхъ своихъ къ казакамъ ни ума, ни такта, издалъ приказъ, чтобы Чепига отправился съ конными полками на соединеніе съ бригадою походнаго атамана, донского полковника Исаева, то Чепига отвѣтилъ Кутузову, что войско и самъ онъ, какъ кошевой атаманъ, считаютъ обиднымъ подчиненіе ихъ донскому полковнику. Тѣмъ не менѣе, Чепига двинулся въ назначенное ему мѣсто. Тогда Кутузовъ поднялъ цѣлую исторію, обвиняя Чепигу въ неповиновеніи, о чемъ и донесъ Потемкину. Когда же выяснилось, что Чепига все таки исполнилъ распоряженіе Кутузова и указалъ ему лишь его ошибку, тогда Потемкинъ увидѣлъ, а Кутузовъ понялъ, что самъ онъ попалъ въ просакъ. Этотъ, въ сущности ничтожный, служебнаго порядка случай только, понятно, поднялъ репутацію Харька въ глазахъ казаковъ и кошевого атамана бригадира Чепиги въ глазахъ военнаго люда. Чепига, въ сущности, былъ не честолюбивый человѣкъ, и когда въ отрядѣ

того-же Кутузова у Тульчи въ авангардѣ къ Чепигѣ попалъ случайно полковникъ Дерибасъ и явился къ нему, какъ командующему, то Харько тактично отклонилъ это подчиненіе вѣжливаго француза и предложилъ ему совмѣстно дѣйствовать противъ непріятеля. Кошевой атаманъ дорожилъ, главнымъ образомъ, честью и славою войска, и это цѣнили въ своемъ батькѣ казаки, попадавшіе обыкновенно съ пеленокъ въ военную обстановку.

Въ теченіе всей турецкой войны Чепига командовалъ конницей и распоряжался всѣмъ войскомъ, направляя пѣхоту, куда требовалось. Онъ участвовалъ съ своими казаками въ цѣломъ рядѣ стычекъ, крупныхъ и мелкихъ сраженій, и несъ, главнымъ образомъ, передовую развѣдочную службу, отличаясь храбростью, опытностью и распорядительностью. Самъ Кутузовъ въ дѣлѣ подъ Бендерами отдалъ должное черноморскимъ казакамъ съ ихъ кошевымъ Чепигою за стойкость, мужество и храбрость. Когда Суворовъ бралъ Измаилъ, то поручилъ Чепигѣ вести на крѣпость вторую центральную штурмовую колонну. Подъ конецъ военныхъ дѣйствій Чепига съ казаками разбилъ значительный турецкій отрядъ и разстроилъ планы противниковъ, уничтоживши засаду хана съ татарами. Самъ ханъ едва избѣжалъ плѣна. Впрочемъ, Чепигѣ и казакамъ помогъ тутъ слѣдующій интересный случай.

При первой же стычкѣ съ непріятелемъ казакъ Помело, изъ отряда Чепиги, столкнулся съ своимъ братомъ, казакомъ Запорожской Сичи, осѣвшей въ Турціи. Турецкій запорожецъ предупредилъ брата, что турки и татары устроили засаду на казаковъ и указалъ мѣсто засады татаръ. Чепига воспользовался этимъ указаніемъ и не только не попалъ въ засаду, но пошелъ въ аттаку на ханскія силы, разбилъ ханскія войска и гналъ ихъ до рѣки, за которою укрылся ханъ съ уцѣлѣвшими татарами и некрасовцами.

Участвуя лично въ переселеніи казаковъ изъ за Буга на Кубань, Чепига собственнымъ примѣромъ подавалъ утомленнымъ казакамъ уроки выдержки. Болѣзни и лишенія вовремя пути такъ подѣйствовали на нѣкоторыхъ казаковъ, что они рѣшили возвратиться обратно за Бугъ. Кошевой батько убѣдилъ отказаться отъ этой мысли колебавшихся казаковъ и, улучшая по возможности ихъ положеніе, съумѣлъ довести на мѣсто переселенія все войско. Передъ тѣмъ, какъ разселить войско куренями по территоріи, Чепига вызвалъ въ Екатеринодаръ всѣхъ атамановъ и объѣхалъ съ ними тѣ мѣста, гдѣ предполагалось расположить курени. Но сколько можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ историческимъ матеріаламъ, Чепига въ такихъ случаяхъ любилъ примѣнять старинные запорожскіе порядки, при которыхъ исполни-

тельныя дѣйствія производились или при помощи избранныхъ войскомъ лицъ или при участіи казачества и Войсковой Рады. Когда въ 1789 году, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, Чепига узналъ, что «по извѣстіямъ, пѣхотная Черноморскаго войска команда служить по донскому не желаетъ и сотниковъ у себя избирать не хочетъ»; то убѣдивши у себя на радѣ конныхъ казаковъ принять порядки донцовъ съ расчетомъ на прибавку войску земли по Днѣпръ и по Азовское море, просилъ и Головатаго «привесть и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе», для чего и послалъ отъ конницы пять атамановъ съ казаками на раду пѣхоты. Соглашеніе состоялось, какъ желалъ Чепига, «за подписаніемъ общихъ рукъ».

Въ 1794 году, по распоряженію новаго временщика, графа Платона Зубова, Чепигѣ приказано было двинуться въ Польшу съ двумя пятисотенными полками Черноморскаго войска. Пока поляки шли обычными переходами въ Польшу, Чепига успѣлъ побывать въ Петербургѣ и представился Екатеринѣ II. «Государыня, по словамъ П. П. Короленко, лаская стараго и суроваго воина, сама угощала его на обѣдѣ виномъ, виноградомъ и персиками». Такіе люди, какъ Чепига, очень нужны были въ ту пору, чтобы прижать вольнолюбивыхъ поляковъ, хотя въ свое время тотъ-же Чепига вмѣстѣ съ запорожскимъ кошемъ были сданы въ бракъ. На мѣстѣ дѣйствій командующій русскою арміею Суворовъ назначилъ Чепигу съ казаками въ корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена. Въ числѣ другихъ сраженій Чепига участвовалъ въ штурмѣ Праги, произведенъ былъ въ чинъ генерала и получилъ орденъ Владиміра II степени. На этомъ и кончилась боевая карьера Чепиги. Въ 1795 году онъ возвратился съ казаками обратно въ Черноморію, а 15 ноября 1797 года умеръ отъ старости и болѣзней.

Какъ возобновитель казачества и устроитель Черноморскаго войска, отличавшійся къ тому-же несомнѣнными военными дарованіями и симпатичными чертами характера, Чепига надолго оставилъ по себѣ самыя хорошія воспоминанія въ войскѣ. Но и солнце не безъ пятенъ. Популярный казачій атаманъ унесъ съ собою въ могилу лично для него не крупные грѣхи, но характерные для тогдашней казачьей старшины. Слѣдуя тогдашнимъ обыкновеніямъ и господствующему теченію въ правящей казачьей средѣ, Чепига не чуждался ни подарковъ отъ зависящихъ отъ него лицъ, ни обще-распространенныхъ пріемовъ наживы на счетъ младшаго брата казака. Въ историческихъ матеріалахъ сохранились прямыя указанія на этотъ счетъ. Батько кошевой не умѣлъ разобраться въ слагавшихся экономическихъ взаимоотношеніяхъ двухъ

классовъ казачества—старшинъ, или пановъ и казаковъ, или рядовой массы. Собственное его положеніе, какъ атамана, чины, ордена и вообще то обаяніе, которымъ онъ былъ окруженъ, затемнили передъ его умственнымъ взоромъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Чепига скорѣе не понималъ, что самъ дѣлалъ и что творилось вокругъ него, чѣмъ былъ податливымъ противникомъ интересовъ массы.

Гораздо серьезнѣе были грѣхи Чепиги по отношенію къ казачьему самоуправленію. Исключивъ, вмѣстѣ съ Головатымъ и Котляревскимъ, изъ органовъ казачьяго самоуправленія Войсковую Раду, создавъ безъ вѣдома и участія казачества основной актъ казачьяго самоуправленія «Порядокъ общей пользы», Чепига тѣмъ самымъ нарушилъ основныя начала казачьяго самоуправленія, подрубилъ, такъ сказать, тотъ самый сукъ, на которомъ самъ сидѣлъ. Но тутъ Чепигу не грѣхъ уже попуталъ, а отсутствіе развитія и болѣе широкихъ воззрѣній на желательныя формы казачьей жизни. Изъ казачьей исторіи нельзя вычеркнуть этой крупной ошибки кошевого Чепиги, но онъ, какъ и Головатый, былъ сыномъ своего вѣка.

Третьимъ членомъ Войскового Правительства, подписавшимъ «Порядокъ общей пользы» былъ войсковой писарь Котляревскій.

Пока живы были кошевой атаманъ Чепига и войсковой судья Головатый, войсковой писарь Котляревскій какъ-то скрадывался за этими двумя крупными представителями Черноморскаго войска. Его точно не было или, если онъ и былъ, то какъ будто самъ старался, чтобы его никто не замѣтилъ. Казалось, что онъ только пишетъ и пишетъ своимъ до нельзя неразборчивымъ почеркомъ или подписываетъ бумаги, а до жизни и людей ему нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, получалось впечатлѣніе, что Котляревскій замкнутый въ себя, нелюдимый человѣкъ. На самомъ дѣлѣ, онъ не отличался ни простотой и доступностью кошевого батька Чепиги, ни импонирующимъ авторитетомъ судьи Головатаго.

Котляревскій началъ свою служебную карьеру въ Запорожской Сичи. Онъ поступилъ въ нее въ 1760 году и ничѣмъ, повидимому, не выдѣлялся изъ общей массы рядовыхъ запорожцевъ. Точно также, когда была разрушена Сичь и Потемкинъ началъ приближать къ себѣ бывшихъ запорожцевъ, Котляревскій не попалъ въ число старшинъ, составившихъ почетную команду при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ. По крайней мѣрѣ въ историческихъ документахъ не сохранилось указаній на этотъ счетъ. Онъ не участвовалъ также въ формированіи казачьихъ командъ и возстановленіи Запорожскаго казачества въ иной формѣ. Въ то время, когда

занимались этимъ другіе — Бѣлый, Головатый и Чепига, Котляревскій несъ скромныя обязанности по администраціи. Такъ, въ 1777 году онъ служилъ въ Самарскомъ земскомъ правленіи, въ 1783 году находился въ распоряженіи генералъ-губернатора Азовской губерніи Черткова. И лишь когда началась война съ турками, Котляревскій сталъ въ ряды возобновленнаго Запорожскаго казачества. Въ продолженіе всей войны онъ оставался на мѣстѣ военныхъ дѣйствій и участвовалъ въ важнѣйшихъ сраженіяхъ русскихъ войскъ съ турецкими — при взятіи Очакова, Гаджибея, Аккермана и Бендеръ, въ сраженіи подъ Киліей, при истребленіи турецкаго флота подъ Измаиломъ, въ штурмѣ и взятіи этой крѣпости. Когда русскія войска перешли черезъ Дунай, то съ ними былъ и Котляревскій, участвовавшій въ 1791 году въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками и пораженіи ихъ. За взятіе Измаила Котляревскій былъ произведенъ въ чинъ подполковника.

Послѣдніе два года Котляревскій несъ военную службу, будучи войсковымъ писаремъ. Когда въ 1789 году было обнаружено небрежное и неумѣлое веденіе дѣла войсковымъ писаремъ Подлѣсецкимъ, то Черноморское войско «скинуло его съ должности» и избрало на его мѣсто Котляревскаго. 2 іюля 1790 года Потемкинъ утвердилъ войсковымъ писаремъ Котляревскаго. Писаремъ онъ былъ за Бугомъ, писаремъ перешелъ на Кубань и въ роли писаря былъ однимъ изъ помощниковъ Головатаго и Чепиги при водвореніи Черноморскаго войска на мѣстахъ. Навѣрное, его дѣятельность въ этомъ отношеніи обнаружилась бы ярче и опредѣленнѣе, если бы во главѣ правительства не стоялъ судья Головатый, вліявшій на всѣ важнѣйшія дѣла войска и затѣнявшій своимъ авторитетомъ не только войскового писаря, но и кошевого атамана. Къ тому же, Головатый и Чепига были близки другъ съ другомъ, и не даромъ Котляревскій впослѣдств и жаловался на нихъ, выдѣляя себя изъ ихъ компаніи, не смотря на то, что Войсковое Правительство состояло изъ трехъ лицъ, и этимъ третьимъ лицомъ былъ самъ онъ.

На обязанности войскового писаря, какъ извѣстно, лежала вся переписка войска съ правительственными учрежденіями и лицами, а также съ мѣстными низшими органами управленія. Между тѣмъ, часто въ этой перепискѣ фигурировалъ одинъ Головатый. Въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ также или инспирировалъ, или же самъ составлялъ документы. Столь важный актъ, какъ «Порядокъ общей пользы», несомнѣнно принадлежитъ перу Головатаго или во всякомъ случаѣ онъ составленъ подъ его диктовку и по его указаніямъ. Слогъ, которымъ написанъ «Порядокъ общей пользы» напоминаетъ

дѣловыя произведенія Головатаго и рѣзко отличается отъ витіеватыхъ писаній Котляревскаго.

Такимъ образомъ, дѣятельность Котляревскаго, какъ войскового писаря, въ значительной мѣрѣ подавлялась и затѣнялась энергичнымъ и авторитетнымъ вліяніемъ Головатаго на важнѣйшія, а часто и второстепенныя дѣла войска. Вотъ почему, пока живы были Чепига и Головатый, Котляревскій стоялъ какъ бы въ сторонѣ, особнякомъ.

Фигура и личность Т. Т. Котляревскаго ясно и опредѣленно выяснилась лишь тогда, когда онъ былъ назначенъ кошевымъ атаманомъ. Произошло это такимъ образомъ. Когда умерла Екатерина II, то на коронацію Павла войску предстояло послать своего представителя. Въ этомъ моментъ умеръ и кошевой Чепига, а войсковой судья Головатый, слѣдующее по рангу за кошевымъ атаманомъ лицо, былъ въ персидскомъ походѣ. Поэтому, въ качествѣ старшаго въ войскѣ, на коронацію Императора Павла представителемъ отъ черноморцевъ поѣхалъ Котляревскій, третій членъ Войскового Правительства. Это обстоятельство рѣшило дальнѣйшую судьбу войскового писаря. Повидимому, Котляревскій понравился Павлу. Пока онъ былъ въ Петербургѣ, умеръ избранный кошевымъ атаманомъ Головатый, и 27 іюля 1797 года Павелъ назначилъ войсковымъ атаманомъ въ Черноморское войско Котляревскаго. Это былъ первый случай въ войскѣ, когда высшее правительство не считалось ни съ выборомъ кошевого войскомъ, ни съ желаніями послѣдняго. Съ этого времени не кошевые, а войсковые, какъ окрестилъ ихъ Павелъ въ рескриптѣ отъ 21 марта 1797 года, атаманы всегда назначались Высочайшею властью и казачество навсегда потеряло право на выборы батька-кошевого.

Послѣ коронаціи Павла въ Москвѣ, Котляревскій возвратился въ Черноморію войсковымъ атаманомъ. Его назначеніе атаманомъ, видимо, было встрѣчено недружелюбно казачествомъ, хотя, можетъ быть, только потому, что онъ былъ назначенъ, а не избранъ. Въ это время возвратились изъ персидскаго похода казаки, бывшіе тамъ съ Головатымъ. Котляревскій не съумѣлъ ни самъ встрѣтить, какъ это водилось въ войскѣ, измученныхъ и изстрадавшихся въ походѣ казаковъ, ни поручить другимъ это сдѣлать. Казаки были непріятно поражены и возмущены. Когда же они заявили претензіи на начальниковъ, худо обращавшихся съ ними въ походѣ и потребовали, чтобы имъ выданы были деньги, обѣщанныя за выполненныя ими для казны частныя работы, и недоданное жалованье, а Котляревскій отказался удовлетворить эти просьбы, ссылаясь на то, что это было дѣло прежняго начальства; то казаки заявили, что онъ не ихъ кошевой

атаманъ, такъ какъ войско не избирало его, и подняли ропотъ противъ начальства и существовавшихъ казачьихъ порядковъ. И здѣсь Котляревскій не нашелся, что сдѣлать, чтобы успокоить войско. Мало того. Какъ только обострились отношенія между Котляревскимъ и казаками, онъ постыдно бѣжалъ изъ Екатеринодара въ Усть-Лабу, а затѣмъ искусственно раздулъ обыкновенное недовольство обездоленныхъ казаковъ въ возстаніе и бунтъ. Это самый тяжелый грѣхъ Котляревскаго, какъ войскового атамана.

Съ назначеніемъ его войсковымъ атаманомъ и пріѣздомъ изъ Петербурга онъ вообще сильно измѣнился. Если раньше онъ былъ замкнутымъ и нелюдимымъ человѣкомъ, то теперь сталъ прямо недоступнымъ и надутымъ вельможнымъ паномъ. Попавши, по собственной винѣ, въ невыгодное положеніе по отношенію къ войску и казакамъ, Котляревскій сдѣлалъ новую ошибку: 16 августа онъ двинулся съ жалобами на казаковъ въ Петербургъ.

На этотъ разъ Котляревскій на долго остался въ Петербургѣ. Несмотря на то, что на черноморцевъ стали дѣлать частыя и жестокія нападенія черкесы и что, слѣдовательно, личное присутствіе атамана настоятельно требовалось, Котляревскій оставался въ Петербургѣ и посылалъ лишь оттуда грозныя, наполненныя укорами письма въ войско. Двѣ причины, повидимому, удерживали его въ Петербургѣ. Съ одной стороны, онъ возбудилъ рядъ важныхъ, по его мнѣнію, ходатайствъ предъ Павломъ I-мъ и ждалъ ихъ разрѣшенія, а съ другой, находясь вблизи благоволившаго къ нему Императора, честолюбивый атаманъ навѣрное расчитывалъ на повышеніе, и дѣйствительно, онъ произведенъ былъ въ чины сначала полковника, а потомъ генералъ-маіора. Можетъ быть даже, второе обстоятельство имѣло большее значеніе, чѣмъ первое. 12 декабря 1798 года Котляревскій воротился изъ Петербурга въ Екатеринодаръ, не дождавшись отвѣта на свои представленія Императору Павлу. Но ставить въ особую вину атаману его погоню за чинами едва ли можно. Тогда заражена была этою погонею вся казачья старшина, погребавшая казачье демократическое равенство подъ грудою дипломовъ на чины и ордена.

Немедленно по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ, Котляревскій обратился съ чѣмъ то въ родѣ циркуляра или посланія къ войсковымъ и полковымъ старшинамъ, къ куреннымъ атаманамъ и всему войску. Этотъ длинный и до нельзя витіеватый документъ наполненъ былъ упреками старшинѣ и казакамъ. Вообще съ того момента, какъ Котляревскій былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ, онъ лично отъ себя сталъ писать и писать, точно въ немъ съ удвоенною силою воскресъ духъ

войскового писаря. Этими писаніями онъ какъ бы нарочно устранялъ личныя, непосредственныя отношенія къ войску и его представителямъ. Что было тутъ главною причиною, личныя ли свойства войскового атамана, его замкнутый характеръ, гордость и недоступность, или нежеланіе выслушивать упреки въ глаза, но Котляревскій, видимо, любилъ и предпочиталъ этотъ способъ управленія войскомъ всѣмъ остальнымъ.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ этихъ писаніяхъ было очень много горькой правды, и въ этомъ отношеніи личность Котляревскаго становится болѣе симпатичною и его взгляды получаютъ историческій интересъ. Если своихъ крупныхъ предшественниковъ — Чепигу и Головатаго, Котляревскому было въ чемъ упрекнуть, то тѣмъ болѣе второстепенную казачью старшину, которая къ грѣхамъ видныхъ дѣятелей присовокупляла самыя низменныя побужденія. Когда до Котляревскаго дошли въ Петербургъ вѣсти о нападеніяхъ черкесъ на черноморцевъ, онъ писалъ «панамъ атаманамъ и всему куренному товариству», что причины слабаго содержанія границъ заключаются въ томъ, что, при маломъ числѣ высылаемыхъ на границу войскъ, казаки «почти всѣ наемные, нездоровіе, малолѣтніе». И дѣйствительно, въ это время курени и старшина были грѣшны тѣмъ, что посылали вмѣсто себя „границу держати» подставныхъ и неопытныхъ наемниковъ. Войсковой старшинѣ онъ прямо ставилъ на видъ, что она облѣнилась, ничего для общества не дѣлаетъ и только расхищаетъ войсковыя земли. «Зная совершенно, говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ обращеніи къ старшинамъ и войску, колико за жизни покойныхъ начальниковъ войско претерпѣло угнетенія и разоренія разными образы, по умертвіи оныхъ», я «переселенія казаковъ съ мѣста на мѣсто пріостановилъ, раздѣленіе земель и лѣсовъ уничтожилъ, рубить порядкомъ лѣсъ каждому позволилъ, казаковъ употреблять въ партикулярныя работы запретилъ, винный откупъ упразднилъ». Все это было вѣрно, и со многими изъ неустройствъ можно было бороться путемъ улучшенія выборнаго состава лицъ, несшихъ общественную службу въ войскѣ. Поэтому, войсковой атаманъ имѣлъ твердую подъ своими ногами почву, когда обратился къ войску съ слѣдующими словами: «для заведенія жъ съ новаго года должнаго порядка, для всего войска полезнаго, всѣ господа старшины и казаки соберитеся къ своимъ куренямъ или въ куренныя селенія и изберите изъ себя въ куренные атаманы самыхъ достойнѣйшихъ людей изъ старшихъ и знаменитыхъ казаковъ, таковыхъ, кои разумѣютъ страхъ Божій, службу и хозяйственное распоряженіе, съ

каковыми бы я возмогъ въ войскѣ устроить совершенный порядокъ». Этимъ путемъ войсковой атаманъ дѣйствительно могъ устроить образцовый порядокъ. Значеніе выборнаго начала въ этомъ отношеніи велико и могущественно. Къ сожалѣнію, этой простой истины Котляревскій или не хотѣлъ знать, или не понималъ.

Справедливо указывая въ представленіяхъ Императору Павлу на крупныя ошибки своихъ предшественниковъ или, правильнѣе, товарищей по Войсковому Правительству, Котляревскій даже намекомъ не обнаружилъ отрицательнаго отношенія къ коренной изъ нихъ—къ произвольному уничтоженію Войсковымъ Правительствомъ Войсковой Рады. Такъ какъ документъ объ этомъ—«Порядокъ общей пользы», онъ подписалъ съ Чепигой и Головатымъ, то, слѣдовательно, тутъ онъ является совершенно солидарнымъ съ ними. Всѣ остальные грѣхи «Порядка общей пользы»—усиленіе привиллегій казачьей старшины, введеніе частной собственности на нѣкоторые виды угодій и эксплоатація рабочихъ силъ казака были естественнымъ слѣдствіемъ уничтоженія этого органа самоуправленія. Казаки ничего подобнаго не допустили бы на Войсковой Радѣ да сама старшина не рѣшилась бы на Радѣ устанавливать подобные порядки. Слѣдовательно, казалось бы, что свои заботы объ улучшеніи положенія Черноморскаго войска Котляревскій долженъ былъ начать съ возстановленія Войсковой Рады, какъ лучшаго контрольнаго и творчески-хозяйственнаго органа. Это было тѣмъ проще и легче сдѣлать, что по этому поводу не требовалось входить съ представленіемъ къ высшему правительству или Государю. Нужно было обращеніе къ войску о выборахъ лучшихъ куренныхъ атамановъ превратить въ обращеніе о созывѣ Войсковой Рады, выработать соотвѣтственную форму, и фактически на дѣлѣ установить созывы Рады.

Но у Котляревскаго или не хватало творческихъ способностей, необходимыхъ на это, или, вѣрнѣе всего, ему не по нраву приходились формы самоуправленія, представители котораго могли бы критически относиться къ его дѣятельности и контролировать ее. Скромный панъ-писарь войсковой превратился въ генерала, вкусилъ обаянія власти и обращался въ своихъ посланіяхъ къ войску въ такомъ высокомѣрномъ тонѣ, который не допускалъ и мысли о какомъ-либо контролѣ его дѣйствій. «Я васъ всѣхъ воскрешаю, обращался онъ къ войску, а вы меня умерщвляете. Видите, какая разница между вами и мною!» восклицалъ онъ по поводу допущеннаго казаками персидскаго возмущенія, въ которомъ съ особою силою выступили стремленія казачества

къ возвращенію старинныхъ порядковъ самоуправленія и вольностей.

На сколько вообще далекъ былъ Котляревскій отъ мыслей о возвратѣ къ той запорожской старинѣ, при которой онъ началъ свою дѣятельность, объ этомъ можно судить по первому пункту мѣропріятій, которыя онъ просилъ Императора Павла осуществить для блага войска. Прежніе начальники, говоритъ онъ, названіе Войсковое Управленіе « неизвѣстно почему перемѣнили на Войсковое Правительство». Вслѣдствіе этого, Котляревскій просилъ Государя Всемилостивѣйше повелѣть въ особой грамотѣ: «именовать войско по прежнему Кошемъ войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ, а начальникамъ онаго именоваться, одинъ по другому, кошевыми атаманами, яко таковое званіе издревле сего рода казакамъ присвоенное и обольщающее ихъ при напоминаніи древности достигать славныхъ заслугъ предковъ своихъ». Можно было бы принять эту, положенную Котляревскимъ въ основу своихъ ходатайствъ передъ престоломъ, просьбу за насмѣшку надъ Черноморскимъ войскомъ, если бы изъ за нея не обнаружился ярко формалистъ-писарь и тщеславіе бывшаго запорожца повеличаться въ «древнемъ званіи».

Быть можетъ, въ свое время и Котляревскій мечталъ, живя въ Запорожьѣ, о томъ, что онъ, по избранію товарства, будетъ именоваться Кошевымъ атаманомъ Коша низоваго войска Запорожскаго. Тогда это имѣло еще свой смыслъ. Но теперь, какъ мѣтко выразился самъ Котляревскій, это только «было обольщающее его напоминаніе древности». У настоящаго представителя казачьихъ идеаловъ должны были быть иныя представленія и желанія. Очевидно, войску Черноморскому требовались не обольстительныя названія, а право на созывъ Войсковой Рады, какъ высшаго разумнаго органа казачьяго самоуправленія, и на широкое проведеніе въ казачьей жизни выборнаго начала, какъ на основной принципъ казачьяго демократизма. Котляревскій этого или не понималъ, или, вѣрнѣе, не могъ понять въ положеніи генерала и атамана по назначенію, при своихъ примитивныхъ политическихъ воззрѣніяхъ. А, главное, онъ, какъ Головатый и Чепига, слишкомъ ужъ были заражены поклоненіемъ формѣ, чинамъ и ранговымъ отличіямъ. Все это не позволяло Котляревскому быть виднымъ историческимъ дѣятелемъ, сознательно понимавшимъ истинные интересы демократическаго казачества и неуклонно дѣйствовавшимъ въ этомъ направленіи.

Одно вѣрно понялъ и истолковалъ Котляревскій. Онъ правильно оцѣнилъ и опредѣлилъ тѣ нежелательныя послѣд-

ствія, къ которымъ должно было привести нарушеніе «Порядкомъ общей пользы» принципа войскового землевладѣнія и распространеніе на нѣкоторые виды земельныхъ угодій «вѣчно спокойнаго владѣнія», т. е. частной собственности. Бывшіе начальники, т. е. Чепига и Головатый, говоритъ Котляревскій въ шестомъ пунктѣ своихъ представленій Императору Павлу, вмѣсто того, чтобы оставить разъ навсегда всѣ земли и угодья общественными, войсковымъ фондомъ, «напротивъ того, взявъ они за себя выгоднѣйшими по частямъ лѣсъ и самую лучшую землю, послѣднюю роздали было по куренямъ и войсковымъ старшинамъ, предоставивъ право себѣ и каждому на собственное и потомственное владѣніе. Таковымъ постановленіемъ войско чувствительно утѣснено, посѣяно между нимъ разномысліе и несогласіе и отнято средство къ обзаведенію себя хозяйствомъ». Картина характерная для людей временъ Котляревскаго и не далекая отъ послѣдующей дѣйствительности. Позже, конечно, утѣсненія стали еще чувствительнѣе, а посѣянное отцами войска разномысліе и разногласіе охватили казачество еще шире и «къ отнятію средствъ обзаведенія хозяйствомъ» дѣйствительнѣе. Надо отдать справедливость Т. Т. Котляревскому: въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ по этому кардинальному вопросу трудящейся массы, онъ пошелъ дальше Антона Головатаго, не смотря на явное по уму и способностямъ превосходство послѣдняго. Но такова ужъ сила народныхъ идеаловъ и идей. Она дѣлаетъ и слабыхъ людей людьми мощными и выдающимися.

Въ послѣдній свой пріѣздъ на Кубань, Котляревскій дѣятельно занялся вопросомъ объ улаженіи непріязненныхъ отношеній между казаками и черкесами. Конечно, и въ этомъ случаѣ онъ пустилъ въ ходъ свою страсть къ писанію 15 февраля 1799 года онъ написалъ анапскому коменданту Осману-пашѣ, поставленному надъ черкесскими народами султаномъ правителю, чтобы онъ «непріятельскія отъ черкесъ на войско Черноморское набѣги и грабительства строжайше запретилъ и похищенныхъ у казаковъ рогатый скотъ и лошадей повелѣлъ возвратить, а за убитыхъ казаковъ родственникамъ доставить справедливое удовольствіе». Къ довольно убѣдительнымъ письменнымъ доводамъ Котляревскій прибавилъ угрозы разорвать дружественныя отношенія съ черкесами по границѣ. На этотъ разъ письма и переписка возъимѣли свое дѣйствіе. Османъ-паша принялъ съ своей стороны мѣры. Черкесы перестали на время производить хищническіе набѣги на казачьи курени и укрѣпленія, и населеніе нѣсколько вздохнуло отъ тревогъ и военныхъ столкновеній.

Въ этомъ же 1799 году Т. Т. Котляревскій обнаружилъ благородную черту въ своей дѣятельности. Признавши себя больнымъ и устарѣвшимъ, онъ рѣшилъ предоставить мѣсто войскового атамана болѣе молодому и дѣятельному представителю войска, о чемъ и просилъ Императора Павла. Послѣдній, рескриптомъ 15-го ноября 1799 года, уволилъ старика-атамана отъ должности и предоставилъ ему выбрать пріемника. Но и въ заключительномъ актѣ своей дѣятельности Котляревскій не возвысился до пониманія идейныхъ нуждъ войска, не указалъ на необходимость предоставить выборъ атамана всему войску и не спросилъ даже мнѣнія у послѣдняго, но по личному своему желанію рекомендовалъ Царю, какъ лучшаго своего пріемника, подполковника Бурсака. Правда, этотъ бывшій запорожецъ оказался энергичнымъ и дѣятельнымъ наказнымъ атаманомъ, но все таки не избранникомъ народа, всего войска.

Если А. А. Головатый, при блестящемъ своемъ умѣ и способностяхъ, не только не поддержалъ лучшаго демократическаго учрежденія въ казачествѣ—Войсковой Рады, но и нанесъ, подъ вліяніемъ классовыхъ интересовъ казачьей старшины, основному принципу казачьяго самоуправленія послѣдній ударъ; то не такъ богато одаренному духовными силами Т. Т. Котляревскому естественно было не замѣтить этой крупной и несправедливой исторической ошибки и принять на себя отвѣтственную роль, свойственную лишь Войсковой Радѣ. Но въ Котляревскомъ, во всякомъ случаѣ, до самыхъ послѣднихъ шаговъ его дѣятельности тлѣли еще искры исконныхъ казачьихъ идеаловъ по основному народному вопросу—землевладѣнію, и то немногое, что онъ сдѣлалъ по этому вопросу остается свѣтлою страницею въ казачьей исторіи.

Таковы-то были тѣ три главныхъ въ Черноморскомъ войскѣ лица — кошевой атаманъ З. А. Чепига, войсковой судья А. А. Головатый и войсковой писарь Т. Т. Котляревскій, которые установили, безъ Войсковой Рады, основной актъ по разселенію черноморцевъ на войсковой территоріи, землеустройству и управленію. По смерти двухъ первыхъ, третій—Котляревскій отрекся отъ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ пунктовъ этого акта, но въ общемъ и по основному пункту—по выработкѣ столь важнаго акта безъ Войсковой Рады и участія казачества, онъ остался солидарнымъ съ ними.

Каковы же отличительныя черты названнаго акта—«Порядка общей пользы»?

Актъ начинается установленіемъ того факта, что составители его «избраны и утверждены» Царицей и княземъ Потемкинымъ «для управленія» Черноморскимъ войскомъ.

Въ качествѣ таковыхъ они, «вспоминая первобытное сего войска подъ названіемъ запорожцевъ состояніе» и примѣняясь къ закону объ управленіи въ губерніяхъ, «постановили отнынѣ навсегда» рядъ положеній, опредѣляющихъ порядки управленія войскомъ. Такимъ образомъ, первое, что напрашивается на вниманіе—это, такъ сказать, самозванный характеръ акта. Ни правительство, ни войско не поручали кошевому атаману, войсковому судьѣ и войсковому писарю составить какой-то безъапелляціонный актъ — «Порядокъ общей пользы». Сдѣлалъ это казачій тріумвиратъ самъ и право на это основалъ, по собственному разумѣнію, на своемъ избраніи и утвержденіи высшею властію въ должностяхъ. Но избраніе предполагаетъ собою избирательный органъ—Войсковую Раду. Куда же она исчезла изъ воспоминаній казачьихъ властей? О ней въ «Порядкѣ общей пользы» ни слова. Мало того. Казалось бы, что само «воспоминаніе» о первобытномъ Запорожскомъ войскѣ должно было напомнить имъ о Войсковой Радѣ, составлявшей «душу живу» всего запорожскаго быта и всѣхъ запорожскихъ порядковъ. Однако, и это обстоятельство не удержало казачій тріумвиратъ отъ чисто дискредиціоннаго поступка—установленія новыхъ порядковъ «отнынѣ на всегда». Точно этой гиперболой Чепига, Головатый и Котляревскій хотѣли застраховать составленный ими документъ отъ всякой критики, зажать заранѣе всѣмъ рты.

Взявши, такимъ образомъ, на себя роль законодателей и утвердивши себя параграфомъ первымъ наказа, въ этой роли «на всегда», войсковые правители установили слѣдующіе порядки управленія войскомъ.

Войсковую резиденцію, какъ центральный пунктъ управленія, рѣшено устроить въ Карасунскомъ Кутѣ на Кубани и назвать ее «градомъ Екатеринодаромъ». Здѣсь войско должно возвести сорокъ куреней для прибѣжища бездомовыхъ казаковъ, а остальное населеніе разселить по жребію куренными селеніями на войсковыхъ земляхъ. Ежегодно, 29 іюня, въ день Петра и Павла, въ куреняхъ избираются атаманы, принимающіе присягу «на вѣрность должности». Куренные атаманы находятся безотлучно при куреняхъ, дѣлаютъ наряды по службѣ, примиряютъ тяжущихся и разбираютъ «голословно», т. е. на словахъ, въ порядкѣ состязательнаго процесса, маловажныя ссоры и драки», а важныхъ преступниковъ представляютъ Войсковому Правительству. Всѣ «старшины, какого бы ранга они ни были и казаки», составляющіе вмѣстѣ курень, „да повинуются атаману и товариществу", а товарищество и атаманы, съ своей стороны, должны почитать старшинъ и заслуженныхъ казаковъ.

Въ видахъ большихъ удобствъ управленія рѣшено всѣ земли войска разбить на пять округовъ: 1) Екатеринодарскій для мѣстностей, тяготѣющихъ къ Екатеринодару, 2) Фанагорійскій въ Тамани для Фанагорійскаго острова, 3) Бейсугскій въ районѣ Бейсуга и Челбасъ до Ачуева, 4) Ейскій по р. Еѣ и сопредѣльнымъ мѣстамъ и 5) Григорьевскій со стороны Кавказскаго намѣстничества. Кромѣ Екатеринодара, поэтому, предположено было выстроить еще четыре города—Фанагорію, Бейсу, Ейскій и Григорьевскій. Въ каждомъ округѣ учреждалось окружное правленіе изъ полковника, писаря, есаула и хорунжаго. Окружнымъ правленіямъ присвоены печати съ особыми изображеніями: Екатеринодарскому—казакъ, водружавшій ратище въ землю, вмѣсто присошекъ, и стрѣляющій врага, Фанагорійскому—лодка, Бейсугскому—рыба, Ейскому—казакъ, стоящій съ ружьемъ на караулѣ и Григорьевскому—казакъ, сидящій на конѣ.

Въ наказѣ не упомянуто, какимъ способомъ должны были формироваться окружныя правленія,—выборнымъ или по назначенію, но должностныя лица обязаны были присягать на службу и немедленно исполнять приказанія кошевого атамана и Войскового Правительства. Смѣна состава правленія происходила ежегодно 29 іюня. Въ частности, на окружныя правленія были возложены обязанности «попеченія о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ". А также „ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, свирѣпыхъ укрощать, злонравныхъ исправлять, сиротъ и вдовъ заступать и во всемъ имъ помогать, лѣнивыхъ понуждать къ трудолюбію, для распространенія семейственнаго житія холостыхъ къ женитьбѣ побуждать, непокоряющихся власти и непочитающихъ старѣйшихъ, по мѣрѣ преступленія, штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному сужденію послать въ Войсковое Правленіе".

Окружныя правленія обязаны были посылать кошевому атаману и Войсковому Правительству еженедѣльные рапорты о состояніи округа, а въ важныхъ случаяхъ, экстренныя донесенія. Окружныя правленія должны были слѣдить за исправностью вооруженія и готовностью къ военнымъ дѣйствіямъ. «И чтобы на войсковой землѣ, за всякимъ дѣломъ, ѣздить, ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить, скотъ на пастьбу гонять безъ военнаго оружія никто не дерзалъ, а и кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ же мѣстѣ штрафовать». Окружныя правленія слѣдятъ за исправностью переправъ, мостовъ и гатей, за пожарнымъ дѣломъ, за ворами,

разбойниками и передержателями, за эпидеміями и эпизоотіями или скотскими падежами.

Этимъ и ограничиваются обязанности служебнаго персонала по отношенію къ войску. О Войсковомъ Правительствѣ не говорится ни слова. Дальнѣйшая часть наказа посвящена вопросамъ общаго характера, преимущественно формамъ владѣнія. «Старшинамъ и казакамъ, гласитъ наказъ, позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы; при тѣхъ дворахъ, хуторахъ и мельницахъ заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и др. удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы». Если бы наказъ ограничился однимъ этимъ пунктомъ, тогда можно было бы говорить о томъ, что въ основу земельныхъ порядковъ войска положенъ былъ обычай вольной заимки. Каждому дозволялось вести тотъ или другой видъ хозяйства на войсковыхъ земляхъ и угодьяхъ. Но уже въ слѣдующемъ пунктѣ наказа изъ ряда казачества выдѣляется казачья старшина. «Въ отмѣнное воздаяніе, говорится въ этомъ пунктѣ, старшинамъ, яко вождямъ-наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселять дозволяется и опредѣлять имъ земли по штатной росписи». Присельщики эти считались „не подданными“ старшинъ, а вольноживущими, могущими во всякое время оставить хозяевъ, «за исключеніемъ долговъ», до уплаты которыхъ они обязаны жить у хозяевъ. Но старшинамъ и казакамъ должны быть выданы открытые листы на «вѣчноспокойное владѣніе» дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, виноградами и рыболовными заводами, съ тѣмъ, чтобы на ихъ владѣнія никто не посягалъ и въ землепользованіи не утѣснялъ. Иначе говоря, открытыми листами Войсковое Правительство сразу же попыталось ввести частную собственность на земли, принадлежавшія всему войску. Послѣ, какъ это видно изъ представленія Котляревскаго, на этихъ частныхъ земляхъ началось и закрѣпощеніе вольноживущихъ людей.

Въ заключительной части наказа установлены обязанности населенія по отраженію «закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ», воровскихъ шаекъ. А на войскового есаула возложено наблюденіе за всѣмъ этимъ и за правильнымъ выполненіемъ подлежащими властями повелѣній атамана кошевого и Войскового Правительства.

Таковы основныя черты «Порядка общей пользы». Составители наказа какъ бы расчленили исторически сложившееся казачье самоуправленіе. Совсѣмъ вычеркнули и замолчали основы этого самоуправленія въ видѣ Войсковой Рады,

или вообще участія народа въ распорядкахъ внутренней жизни, и оставили самоуправленіе для мелкой казачьей общины — куреня, взгромоздивши на него властную старшину.

А между тѣмъ сама жизнь выдвигала на первый планъ необходимость такихъ общественныхъ формъ, какъ Войсковая Рада и значеніе такихъ жизненныхъ началъ, какъ избирательное право. Само правительство не сразу наложило руку на послѣднее. Бѣлый и Чепига были избраны войскомъ и утверждены въ должностяхъ Потемкинымъ. Въ грамотѣ отъ 19 апрѣля 1790 г. Потемкинъ писалъ: «утверждая въ званіи войсковаго атамана господина бригадира Чепигу и судьею господина полковника и кавалера Головатаго, ожидаю представленія и о прочихъ старшинахъ войсковыхъ". Такимъ образомъ, всесильный временщикъ признавалъ практически необходимымъ выборное начало для избранія не только высшихъ правителей войска, но и второстепенныхъ властей. Когда оставилъ должность войсковой есаулъ Сутыка, то новые выборы назначены были на 15-е августа. Потемкинъ въ такихъ случаяхъ давалъ только открытый листъ на утвержденіе въ должности избраннаго. Третій войсковой атаманъ, Головатый, избранъ былъ хотя и не въ порядкѣ всеобщаго избирательнаго права, но это уже было во времена Императора Павла, который, однако, приказалъ избрать не одного, а четырехъ кандидатовъ на атамана и утвердилъ въ этомъ званіи Головатаго.

Еще чаще къ выборному началу обращались какъ Войсковое Правительство, такъ и отдѣльные его представители. Когда Войсковое Правительство обратилось къ Чепигѣ, бывшему въ польскомъ походѣ, съ просьбой прислать ему голоса по выбору войскового есаула, то Чепига отвѣтилъ, что выборъ онъ предоставляетъ всѣмъ старшинамъ и обществу на мѣстѣ, съ непремѣннымъ условіемъ выборнаго срока на 2 или 3 года. Ордеромъ войскового атамана отъ 19 ноября 1793 г. на имя полковника Бѣлаго предписано было, чтобы кордонные старшины не мѣшались во внутреннія дѣла сельскаго управленія, а чтобы для этого избраны были сельскіе атаманы и писаря. Когда Головатому потребовалось въ персидскомъ походѣ передать въ надежныя руки войсковыхъ воловъ и перевозку провіанта и казачьихъ вещей, то онъ распорядился, чтобы казаки выбрали для этого особыхъ артельщиковъ.

Все это, казалось бы, должно было дать точку опоры авторамъ „Порядка общей пользы“ для иной постановки управленія войскомъ. Безъ особаго риска учредители новыхъ порядковъ могли, если не удержать Войсковую Раду

Черноморцы, участвовавшіе въ Войсковой Радѣ 1906 г.

то установить какой нибудь посредствующій органъ, въ основѣ котораго лежало бы выборное начало. Пренебреженіе этимъ обстоятельствомъ могло повести, какъ заранѣе объ этомъ можно было сказать, къ осложненіямъ и недоразумѣніямъ въ массѣ. Это именно, какъ увидимъ ниже, и случилось впослѣдствіи.

Нѣкоторымъ оправданіемъ для Чепиги, Головатаго и Котляревскаго могли послужить чисто политическія соображенія. Главари войска могли думать, что удержаніе Войсковой Рады, чисто демократическаго органа, должно было побудить правительство уничтожить и остальныя казачьи вольности. Быть можетъ, правителямъ и приходили въ голову эти соображенія; но несомнѣнно также, что и сами правители были заражены своего рода своевластьемъ. Имъ не хотѣлось выпускать изъ рукъ преимущество своего служебнаго положенія, тѣмъ болѣе, что живой примѣръ такого порядка дѣлъ былъ у нихъ на лицо. Повидимому, главари Черноморскаго войска приспособляли порядки управленія къ порядкамъ, существовавшимъ у донскихъ казаковъ. Самое названіе Войсковое Правительство заимствовано у донцовъ или, можетъ быть, изъ грамоты Екатерины Второй отъ 30 іюня 1792 г., куда несомнѣнно попало это выраженіе, какъ заимствованное у донцовъ. Но даже въ скромныхъ рамкахъ куренной общины казачье самоуправленіе было съужено, низведено чуть ли не до одного права выбора атамана. Земельные порядки, наряды на службу, судебная часть и пр. отняты у общины и переданы казачьей администраціи. А, главное, надъ сложившимися формами казачьей жизни сдѣлана надстройка для высшаго сословія казаковъ—для старшины, а для окончательнаго закрѣпленія этой надстройки сдѣлана попытка обращенія лучшихъ угодій изъ войсковой собственности въ собственность частную.

Вполнѣ естественно, что, вмѣстѣ съ установленіемъ новыхъ порядковъ управленія, съ безконтрольно дирижирующимъ панствомъ во главѣ, сразу же обнаружились серьезныя осложненія въ столь важномъ дѣлѣ, какъ разселеніе. Войсковое Правительство, взявши на свою отвѣтственность установленіе формъ управленія и соединенныхъ съ ними порядковъ, не съумѣло сразу же размѣстить, какъ слѣдовало бы, населеніе по территоріи. Можно положительно утверждать, что Войсковая Рада иначе поставила бы дѣло и удовлетворительнѣе разрѣшила бы его. Само населеніе, въ лицѣ своихъ представителей, на Радѣ рѣшило бы чисто практическій вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ своемъ размѣщеніи въ новомъ краѣ.

Судя по историческимъ даннымъ и указаніямъ А. М.

Туренко, черноморцы, послѣ того какъ передвинуты были изъ за Буга на Кубань частями, организованными по пути слѣдованія въ духѣ строго военной дисциплины, первоначально и поселены были по военному. Войсковые правители пріурочили мѣстожительство населенія не къ краю, а къ 24 кордонамъ, расположеннымъ большею частію у Кубани близъ черкесъ. Въ двѣнадцати кордонахъ—Александровскомъ, Елинскомъ, Ольгинскомъ, Славянскомъ, Протоцкомъ, Копыльскомъ, Петровскомъ, Андреевскомъ, Фанагорійскомъ, при Сладкомъ лиманѣ, у колодцевъ р. Сасыкъ и въ устьѣ Кугоеи, поселено было отъ 34 до 95 дворовъ въ каждомъ или всего 674 двора, 1718 д. муж. п. и 1345 жен. п. Въ семи затѣмъ кордонахъ—Константиновскомъ, Александриномъ, Павловскомъ, Марьянскомъ, Григорьевскомъ, Платоногорскомъ и у Бурлацкаго брода, помѣщено отъ 107 до 195 дворовъ на каждый или всего 882 двора, 2417 м. п. и 1994 ж. п. Наконецъ, при четырехъ кордонахъ—Воронежскомъ, Великомарьевскомъ, Екатеринодарскомъ, Елизаветинскомъ и Новоекатериновскомъ, поселено отъ 226 до 365 дворовъ на каждый или всего 1380 дворовъ съ 3725 д. м. п. и 3175 д. ж. п. А всего, слѣдовательно, зачислено было по кордонамъ 2936 дв., съ 7860 д. м. п. и 6514 д. ж. п. или 14374 душъ обоего пола.

Неудобства такого пріуроченія жителей къ кордонамъ сказались сразу. Казачье населеніе, искони привыкшее къ хуторскимъ заимкамъ, естественно, направилось въ разныя стороны края и старалось, понятно, уйти въ глубь степей подальше отъ Кубани и черкесовъ. Появились хутора и мелкія селенія. Возникли разнаго рода Андреевки, Константиновки, Стояновки, Алексѣевки, Захарьевки, Онуфріевки, Тимофеевки, Антоновки и другія, названія которыхъ утратились потомъ безслѣдно. Черноморцы явно вышли изъ повиновенія начальству и вели себя на перекоръ распоряженіямъ Войскового Правительства.

Тогда Войсковое Правительство, опираясь на созданный имъ «Порядокъ общей пользы», попыталось размѣстить населеніе по куренямъ, намѣченнымъ въ разныхъ мѣстахъ жеребьевкой. Картина разселенія замѣтно измѣнилась. Появилось какъ бы нѣкоторое приспособленіе поселеній къ мѣстнымъ условіямъ. Границы поселочныхъ районовъ были вдвинуты глубже въ степи. Мѣстами, для водворенія куреней, избраны были большею частію берега и излучины степныхъ рѣчекъ и степныя урочища. Изъ 40 куреней оставлено у Кубани было только 8—Васюринскій, Корсунскій, Пластуновскій, Динской, Пашковскій, Величковскій, Тимошевскій и Рогивскій. Съ противоположной, сѣверной стороны Черно-

моріи по р. Еѣ намѣчено было также 8 мѣстъ для куреней Щербиновскаго, Деревянковскаго, Конеловскаго, Шкуринскаго, Кисляковскаго, Екатериновскаго, Незамаевскаго и Калниболотскаго, у Кугоеи, притока той же рѣки для куреня Кущевскаго и при Сасыкѣ, другомъ притокѣ Еи, для куреней Минскаго, Переясловскаго и Уманскаго. Вблизи, въ вершинѣ р. Албаши намѣчены были мѣста для Ирклiевскаго и Брюховецкаго куреней, по р. Тихенской для Крыловского и у р. Челбасы для Леушковскаго куреня.

Такимъ образомъ, цѣлыхъ 16 куреней поселены были въ самой удаленной отъ Кубани и укромной части Черноморiи, вблизи Донской области.

Остальные 16 куреней также были болѣе или менѣе удалены отъ Кубани и черкесовъ внутрь края. По р. Большому Бейсугу намѣчены были мѣста для куреней Березанскаго и Батуринскаго, по Малому Бейсугу для Кореновскаго и Дядьковскаго и по р. Кирпилямъ для Платнировскаго и Сергiевскаго. И эти рѣки также болѣе или менѣе удалены отъ Кубани. Наконецъ, десять куреней размѣщены были въ треугольникѣ между Кубанью, Азовскимъ моремъ и перечисленными выше куренями. Въ урочище Сачи попали курени Поповичевскiй и Мышастовскiй, къ Сухому лиману Ивановскiй, Нижестеблiевскiй и Вышестеблiевскiй, на Сухую Ангелику курень Полтавскiй, на Курки Джерелiевскiй, Каневскiй и Медвѣдовскiй и при постахъ Новогригорьевскомъ и Широчанскомъ Титаровскiй курень.

Такое, болѣе цѣлесообразное, съ точки зрѣнiя хозяйственной колонизацiи края, размѣщенiе куренныхъ селенiй было результатомъ предварительнаго объѣзда и знакомства съ краемъ нѣсколькихъ старшинъ, во главѣ съ кошевымъ батькомъ Чепигою. Но и на этотъ разъ Войсковое Правительство потерпѣло неудачу. Очень многiе курени оказались въ топкихъ и неудобныхъ для веденiя хозяйства мѣстахъ. Потребовалось немедленное же перенесенiе цѣлыхъ куренныхъ поселенiй въ другiя мѣста. Началась та безконечно долгая неурядица передвиженiй населенiя съ мѣста на мѣсто цѣлыми поселенiями, на которую справедливо потомъ жаловался Котляревскiй; но и когда умеръ Котляревскiй, многiе изъ куреней все таки находились не на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ; были курени, мѣнявшiе по нѣскольку разъ мѣста. Судя по современной картѣ, большинство куреней, какъ Деревянковскiй, Переясловскiй, Ирклiевскiй, Брюховецкiй, Тимошевскiй, Джерелiевскiй, Каневскiй, Медвѣдовскiй и пр., очутились потомъ за десятки и даже сотни верстъ отъ мѣста своего первоначальнаго поселенiя. Разумѣется, населенiе при этомъ разорялось и край плохо устраивался. Богатыя

черноморскія земли и угодья на первое время пошли «не въ руку казаку».

Одновременно съ размѣщеніемъ населенія въ куренныхъ селеніяхъ на всей территоріи, Войсковое Правительство позаботилось устроить и резиденцію войска—городъ Екатеринодаръ.

По разсказамъ одного изъ интеллигентныхъ представителей современныхъ адыхейцевъ, султана Девлетъ Гирея, на томъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ находится Кругликъ, былъ аулъ Кушьмезуко-уй, т. е. Кушьмезукова роща. Здѣсь жили бжедухи, главой которыхъ былъ Кушьмезуко. Каждый разъ, когда онъ переѣжалъ на лѣвый берегъ Кубани и посѣщалъ здѣшніе лѣса, то осенью онъ набиралъ обыкновенно полный башлыкъ желудей и, пріѣхавши домой, разбрасывалъ ихъ вокругъ аула. Такимъ образомъ, была выращена цѣлая дубовая роща, превратившаяся современемъ въ лѣсъ, который русскіе назвали Кругликомъ, когда заняли вблизи мѣсто подъ Екатеринодаръ. Съ устройствомъ этого послѣдняго, черкесы вынуждены были выселиться изъ своего аула. Часть ихъ перешла на лѣвую сторону Кубани и разселилась между существовавшими здѣсь аулами. Потомки этихъ выходцевъ и теперь еще помнятъ, что когда то ихъ предки жили возлѣ Круглика въ аулѣ Кушьмезуко-уй. Другая часть горцевъ выселилась въ Кабарду и образовала тамъ аулъ Кушьмезуко, подъ каковымъ названіемъ онъ и теперь существуетъ.

То же мѣсто черноморцы назвали Карасунскимъ Кутомъ, и основали здѣсь городъ Екатеринодаръ. Для этого былъ присланъ землемѣръ, придавшій тотъ правильный, съ прямыми улицами и кварталами планъ городу, который остался не измѣненнымъ и въ наше время. Для возведенія построекъ и занятія усадебныхъ мѣстъ Войсковое Правительство установило извѣстные порядки и правила. На занятіе мѣстъ подъ усадьбы подавались заявленія по начальству и, только по полученіи разрѣшенія, производились постройки. Тотъ же порядокъ практиковался по отношенію къ лавкамъ и торговымъ заведеніямъ. Въ короткое время Екатеринодаръ застроился жилыми строеніями, но это были большею частью землянки и домовъ или „хатъ на верси“, какъ значится въ первомъ, статистическомъ описаніи Екатеринодара, было очень мало.

Въ передней части города, къ югу противъ излучины Кубани, была устроена крѣпость, напоминавшая своею фигурою Запорожскую Сичь. Въ центрѣ огромнаго четыреугольника оставлено было мѣсто для церкви, а по окраинамъ въ четырехъ направленіяхъ устроено было 40 куреней для бездомовой сиромы и служившихъ въ строю казаковъ.

Одною этою частью только и напоминалъ Екатеринодаръ старую Запорожскую Сичь. Въ самомъ же городѣ старшина съумѣла захватить лучшія мѣста, предоставивъ рядовому казачеству довольствоваться глухими закоулками и топкими окраинами.

Такъ перешли и осѣли на свои обѣтованныя земли черноморцы.

ГЛАВА X.

Хозяйственный бытъ и внутренняя жизнь Черноморцевъ.

Обѣтованныя земли на Кубани представляли для черноморца выгоды въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, онѣ отличались естественными богатствами, разнообразіемъ и обиліемъ угодій, а во вторыхъ, были обширны и свободны отъ заселенія. Перваго рода условія обѣщали хорошій отъ хозяйства доходъ или, по тогдашней терминологіи, добрую добычу, вторыя гарантировали широкое распространеніе излюбленныхъ формъ хозяйства.

Какъ извѣстно, черноморцы, вмѣстѣ съ организаціей и традиціями Запорожья, несли на новыя мѣста и хозяйственныя формы съ прежней своей родины. Это были примитивные виды хозяйства—пастушеское скотоводство, съ слабымъ развитіемъ земледѣлія, рыболовство и охотничьи и звѣроловные промыслы. Судя по этимъ формамъ, отличительную особенность казачьяго хозяйства составлялъ ихъ натуральный характеръ. Всѣ виды занятій сводились къ добыванію предметовъ для непосредственныхъ нуждъ хозяйства и семьи, какъ пища, одежда, корма для скота, строительный матеріалъ и пр. Накопленіе богатства выражалось въ живомъ товарѣ и естественныхъ продуктахъ—въ скотѣ, пищевыхъ запасахъ, одеждѣ и предметахъ незатѣйливой домашней обстановки. Богатство народное было богатствомъ мѣстной природы.

«Видѣлъ я прекрасное положеніе мѣстъ, порядочное заселеніе куренныхъ слободъ, изобиліе скотоводства, въ поляхъ травъ и хорошій на посѣвахъ всходъ хлѣбовъ», говоритъ Головатый въ письмѣ 4 мая 1795 г. таврическому губернатору Жегулину. Тонъ и характеристика, вполнѣ соотвѣтствующіе тогдашнему экономическому укладу. Позже, въ іюнѣ, Головатый сообщалъ графу Платону Зубову объ удовлетворительномъ урожаѣ хлѣбовъ и травъ и своевременныхъ по-

левыхъ работахъ осѣвшихъ переселенцевъ. Природа щедрою рукою разсыпала свои богатства. Въ этомъ году былъ особенно сильный разливъ Кубани, покрывшей своими водами прибрежныя низменности и степи на огромныхъ пространствахъ. Вмѣстѣ съ разливомъ водъ всюду зашла рыба, и «коропа было такъ довольно, что, по свидѣтельству Головатаго, казаки, содержащіе стражу, во время разъѣздовъ, пиками и кіями били эту рыбу и употребляли въ пищу, совмѣстно съ тетерею казацкою, да и не голодны».

1795 г. былъ третьимъ годомъ заселенія Черноморіи и, слѣдовательно, годомъ хозяйственнаго опыта, на основаніи котораго можно было уже отчасти судить объ экономическихъ особенностяхъ края. Въ Кубанскомъ архивѣ сохранились очень интересные матеріалы по этому предмету. Таврическій областной инженеръ, Василій Колчигинъ, посланный въ Черноморію для межевыхъ работъ и разбивки плановъ подъ окружные города, долженъ былъ представить въ Правительствующій Сенатъ карту Черноморіи и экономическія примѣчанія къ ней. Набросавъ планъ послѣднихъ, онъ послалъ ихъ на просмотръ Головатому, котораго просилъ,—«по знанію его въ экономіи,»—сдѣлать свои замѣчанія и пополнить упущенное. Получилось, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ программы и описанія по ней края.

Въ пунктѣ первомъ этого описанія, по вопросу «О хлѣбопашествѣ, на основаніи испытанія», говорится, что на зиму озимая пшеница и рожь, а весною яровая рожь, пшеница, ячмень, овесъ, гречиха, просо, горохъ, конопля и ленъ сѣются на Фанагорійскомъ островѣ, при Копылѣ, за Черною Протокою по Кубани, при рѣчкахъ Понурѣ, Керпиляхъ, Бейсугѣ и Еѣ «съ ихъ отдѣльностями», и что всѣ эти хлѣба, если бываютъ весенніе дожди, даютъ «чрезвычайный плодъ».

Въ рубрикѣ о птицахъ отмѣчено до 53 названій птицъ или видовъ ихъ. Въ то время въ обиліи водились еще тетерева, фазаны, стрепеты, лебеди, дрофы и другія цѣнныя породы дичи.

Въ третьей рубрикѣ подробно описаны породы рыбъ, время лова и цѣны на рыбу и ея продукты. Порода красной рыбы—осетръ, севрюга, стерлядь и бѣлуга, въ огромномъ количествѣ добывались въ разныхъ мѣстахъ Чернаго и Азовскаго морей—на Фанагоріи, у Тамани, въ лиманахъ, на косахъ, въ Кубани и даже въ такихъ степныхъ рѣчкахъ, какъ Бейсугъ, Челбасы и Ея. Бѣлая же рыба—судакъ, тарань, лещъ и коропъ, ловилась казаками въ достаточномъ количествѣ всюду, гдѣ только была вода—и въ моряхъ, и въ Кубани, и въ степныхъ рѣчкахъ, и въ лиманахъ, и въ озерахъ, и

во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда проникала вода во время разлива рѣкъ.

Изъ бѣлуги и осетра приготовлялись превосходные балыки, которые сбывались въ Константинополь, въ Еникале и въ Россію по 5 р. 50 коп. ассигнаціями за пудъ, т. е. по 4 коп. серебромъ за фунтъ на наши деньги. Икра продавалась тогда по 4 р. 50 коп. ассигнаціями за пудъ или, слѣдовательно, по 3 слишкомъ коп. за фунтъ. По такимъ же соотвѣтственно низкимъ цѣнамъ продавали казаки и всѣ другіе виды рыбы. Тысяча тарани стоила 1 р. 50 коп. ассигнаціями или 43 коп. серебромъ. Пудъ бѣлуги стоилъ на наши деньги 20 коп., пудъ севрюги 23 коп., а пудъ осетра около 35 коп., т. е. менѣе копѣйки фунтъ. Тысяча короповъ въ аршинъ размѣромъ продавалась по 21 руб., а, такъ какъ коропъ въ аршинъ размѣромъ вѣсилъ не менѣе 20 ф., то, слѣдовательно, фунтъ этой жирной и вкусной рыбы стоилъ около 1/10 копѣйки.

Такимъ образомъ, рыба, повидимому, составляла какъ главнѣйшій пищевой предметъ населенія, такъ и видную статью въ денежныхъ доходахъ казака.

На ряду съ рыбопромышленностью казаки занимались и охотою на звѣря. Волкъ, лисица и заяцъ давали казаку мѣха; кабаны, олени и козы—мясо. Но въ матеріалахъ есть свѣдѣнія, что, помимо этихъ обычныхъ звѣрей охотничьяго промысла, въ то время водились, какъ сказано въ описаніи, водяные звѣри: въ морѣ тюлени, а въ Кубани видніхи и боберъ». Можно сомнѣваться, чтобы въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ встрѣчался тюлень. Вѣроятно, тюленемъ ошибочно названъ дельфинъ или морская свинья. Но наличность бобра на Кубани не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ матеріалахъ не только упоминается названіе этого звѣря, но проставлена и цѣна на шкуру его. Шкура бобра и видніхи, т. е. выдры, продавалась по 7 руб. ассигнаціями или по 2 р серебромъ на наши деньги, «въ разсужденіи, какъ сказано въ описаніи, блѣдной на нихъ шерсти»; мѣхъ же волчій цѣнился около 6 руб. на наши деньги, а лисій 10 руб., но мѣха сшивались изъ нѣсколькихъ шкуръ.

Казаки водили «россійскихъ, турецкихъ и татарскихъ заводовъ» лошадей, рогатый скотъ «россійской, венгерской, и волошской» породы и овецъ «русскихъ, татарскихъ и волошскихъ».

Въ матеріалахъ подробно перечислены названія лѣсныхъ породъ и плодовыхъ деревьевъ, но эти названія не даютъ никакихъ представленій какъ о лѣсахъ Черноморіи, такъ и о садоводствѣ. Судя по другимъ даннымъ, степной край черно-

морцевъ скорѣе былъ бѣденъ лѣсными и древесными насажденіями, чѣмъ богатъ ими. Казаки, во всякомъ случаѣ, терпѣли нужду въ лѣсѣ.

Болѣе серьезную статью промышленности составляла для казака соль. Добыча соли производилась казаками какъ для собственнаго потребленія, такъ и для мѣны съ горцами. Соль давали Ачуевскія, Ахтарскія и Керпильскія озера, а также озера на Фанагоріи и въ Ейской округѣ. Мѣна же ея черкесамъ производилась на трехъ мѣновыхъ дворахъ: при Екатеринодарѣ, Ольгинскомъ кордонѣ, на Гудовичевской переправѣ и при кордонѣ Андреевскомъ на островѣ противъ Курокъ. Здѣсь казаки мѣняли «четверичекъ соли за два ржи, за четверикъ пшена или пшеницы». Мѣна же соли на груши, кислицы, орѣхи, каштаны, лукъ, чеснокъ, медъ, ленчики для сѣделъ, бурки, циновки, сукно черное, бѣлое и сѣрое, черкески черныя и сѣрыя, ратовища, пистолеты и ружья велась «по договорамъ». Замѣчательно, что черкесы, не имѣвшіе пикъ или ратишъ, поставляли, однако, казакамъ деревянныя части этого оружія—ратовища. Черкесы привозили на мѣну также шкуры медвѣжьи, волчьи, лисьи, овечьи и дикихъ кошекъ, стрѣляныхъ дикихъ свиней, пестрый кумачъ и бумажное полотно.

Приведенныя изъ описанія данныя представляютъ общую характеристику экономическихъ особенностей того времени и заключаютъ въ себѣ характерные признаки состоянія тогдашней культуры. Низкія цѣны на продукты указываютъ на натуральныя формы хозяйства, а виды занятій свидѣтельствуютъ о зачаточномъ состояніи промышленности. Это—общая точка зрѣнія на преобладающіе виды хозяйства. Въ частности отдѣльные виды хозяйства носили свои особенности.

Казалось бы, что земледѣліе должно было составлять основное занятіе населенія. Земель удобныхъ было много, потребность въ хлѣбѣ велика, изолированное положеніе края ставило населеніе въ тяжелыя условія полученія продовольственныхъ средствъ со стороны. Но хозяйственныя формы были на столько примитивны, что земледѣліе не составляло еще преобладающаго занятія. Земля была нужна казаку, но больше для другихъ занятій, чѣмъ для земледѣлія. Поэтому, и самые земельные порядки слагались подъ давленіемъ этихъ преобладающихъ занятій.

Для казаковъ важна была прежде всего полная свобода въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ и въ соединенномъ съ ними обычаѣ вольной заимки. На заимочномъ правѣ казакъ устраивалъ свои хутора, коши и зимовники, заимочнымъ способомъ онъ ставилъ рыбные заводы, косилъ траву или камышъ, выпасывалъ скотъ и т. п. Въ этомъ отношеніи поряд-

ки, установленные Войсковымъ Правительствомъ, не были тяжелы для земледѣльца. Пустующихъ земель было много, и казакъ могъ производить запашки, гдѣ хотѣлъ. Обыкновенно распашки велись небольшими полосами или нивами; посѣвы производились большею частью съ весны; размѣры посѣвовъ были не велики. Послѣднее отчасти объяснялось тѣмъ, что заселеніе края только начиналось; но казакъ вообще не любилъ въ то время земледѣлія. Историческіе акты свидѣтельствуютъ, что казаки, какъ въ первые годы заселенія края, такъ и впослѣдствіи, нуждались въ полученіи продовольственныхъ средствъ со стороны. Въ первый годъ своего пребыванія въ краѣ казачье населеніе такъ нуждалось въ продовольствіи, что правительство вынуждено было продолжать отпускъ провіанта изъ казны. Распоряженіемъ графа Платона Зубова приказано было, въ виду недостатка и дороговизны хлѣба въ Черноморіи, продолжить отпускъ населенію провіанта по 1-е сентября 1794 г. и взять для этого средства изъ доходовъ Таврической области. Помимо казны, черноморцы добывали продовольственныя средства и у своихъ сосѣдей черкесовъ. На первыхъ порахъ черкесы дарили даже казакамъ зерно для продовольствія и на посѣвы, но затѣмъ между ними и казаками установились постоянныя торговыя сношенія въ чисто натуральныхъ формахъ, и казаки вымѣнивали большею частью на соль черкесскій хлѣбъ. Однимъ словомъ, земледѣліе служило у черноморцевъ лишь подспорьемъ къ другимъ отраслямъ хозяйства.

Въ болѣе стѣснительныхъ условіяхъ оказался черноморскій казакъ при обзаведеніи тѣми формами хозяйственной жизни, которыя были до извѣстной степени связаны съ земледѣліемъ. Устройство хуторовъ и мельницъ уже обставлено было нѣкоторыми требованіями. Мѣста подъ нихъ давались по заявленіямъ и на опредѣленныхъ условіяхъ. Обыкновенно предприниматель дѣлалъ письменное заявленіе въ Войсковое Правительство объ отводѣ мѣста. Войсковое Правительство наводило справки о возможности такого отвода, т. е. не было ли занято кѣмъ нибудь другимъ это мѣсто, принадлежалъ ли предприниматель къ тому куреню, которому указаны были земли, не грозила ли рѣка подтопомъ сосѣднимъ землямъ, если устраивалась плотина для мельницъ и т. п. Разъ получались удовлетворительныя справки, Войсковое Правительство разрѣшало устроить хуторъ или мельницу и выдавало, на основаніи «Порядка общей пользы», патентъ на «вѣчно спокойное и потомственное владѣніе». Все это было, конечно, очень разумно и цѣлесообразно, но, къ сожалѣнію, почти недоступно для массы. Подавляющее большинство населенія состояло изъ бѣдняковъ, которые не

имѣли средствъ для устройства хутора или водяной мельницы, требовавшихъ большихъ затратъ. Выгодами заимочнаго права пользовались, такимъ образомъ, одни богачи и казачьи старшины. Особенно много хуторовъ и мельницъ устроили послѣдніе. Матеріалы войсковаго архива переполнены актами выдачи разрѣшеній старшинамъ на устройство хуторовъ и мельницъ. Рядовымъ казакамъ власти не рѣдко отказывали въ разрѣшеніяхъ подъ предлогомъ принадлежности ихъ не къ надлежащему куреню, близости другихъ хуторовъ и пр. Но для старшинъ не существовало этихъ препятствій, и они устраивали хутора и мельницы на самыхъ лучшихъ мѣстахъ. Нѣкоторымъ старшинамъ выдавались акты на устройство хуторовъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Однимъ словомъ, старшинамъ отдавались преимущества передъ массой, «яко вождямъ наставникамъ и попечителямъ общественныхъ благъ».

Хотя Котляревскій впослѣдствіи и утверждалъ, что онъ уничтожилъ расхищеніе войсковыхъ земель подъ хутора, но зерно было брошено въ землю и для развитія его нашлись благопріятныя условія. Дѣло было не въ параграфѣ «Порядка общей пользы», допускавшемъ выдѣленіе земель подъ хутора на условіяхъ частной собственности, а въ томъ, что образовался уже цѣлый классъ, преслѣдовавшій опредѣленныя задачи въ этомъ направленіи. Послѣдствія показали, что стремленія этого класса сводились къ обезпеченію излюбленной у казаковъ формы хозяйства—скотоводства.

Въ то время скотоводческое хозяйство представляло самый выгодный промыселъ, благодаря обилію пустующихъ земель и превосходнымъ пастбищамъ. Скотоводство тогда отличалось крайне примитивнымъ характеромъ. Главная масса животныхъ выкармливалась на подножномъ корму. Не было ни капитальныхъ хозяйственныхъ обзаведеній для содержанія скота, ни искусственнаго кормленія заранѣе заготовленными зерномъ и кормами. Зерно и сѣно давалось только упряжнымъ животнымъ; табунныя же лошади, рогатый скотъ и отары овецъ круглый годъ ходили по пастбищамъ. Въ этомъ отношеніи веденіе скотоводства у черноморцевъ ничѣмъ не отличалось отъ обычныхъ формъ у номадовъ. Тѣ-же табуны и стада, тѣ-же перекочевки, тотъ же надзоръ за животными, что и у номадовъ. Всѣ усилія скотоводовъ направлялись на полученіе возможно большаго количества приплода при наименьшихъ затратахъ на дѣло. Скоту и скотоводу должна была помогать природа. Требовалось возможное разнообразіе угодій и обширныя, никѣмъ не занятыя пространства. И вотъ эти то условія и стремилась закрѣпить за собой казачья старшина.

Изъ документовъ видно, что подъ хутора чиновныхъ казаковъ отводились пространства въ 8, 10 и 12 верстъ въ длину, при нѣсколькихъ верстахъ въ ширину. Впослѣдствіе эти, и безъ того громадныя площади, обращались въ десятки тысячъ десятинъ запретной для массы земли. Черноморскіе паны всегда славились, какъ богатые и замѣчательные скотоводы. Они разводили тысячами головъ лошадей и рогатый скотъ и десятками тысячъ овецъ. А на ряду съ этимъ, куренныя селенія стѣснены были въ угодьяхъ и масса бѣдняковъ совсѣмъ не имѣла скота.

На первыхъ порахъ, при заселеніи Черноморіи, эти явленія не выдѣлялись еще такъ рѣзко. И это понятно. Войско осѣдало на новыхъ мѣстахъ, и самые богатые хозяева и предпріимчивые скотоводы не успѣли еще поставить скотоводческое хозяйство на должную высоту. Скота было еще мало. Но уже въ то время, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ приведенный выше документъ, казаки успѣли обзавестись разными породами скота, какъ-то россійскаго, венгерскаго, волошскаго, турецкаго, татарскаго и пр. Очевидно, имѣлось въ виду вывести наилучшую породу. Впослѣдствіи это удалось черноморскимъ панамъ, а въ описываемый нами періодъ они лишь заботились о захватѣ возможно большаго количества пустующихъ земель, заводя подвижныя формы скотоводческаго хозяйства.

Инымъ характеромъ отличались отношенія властей и населенія къ тѣмъ угодьямъ, которыя имѣлись у войска въ ограниченномъ количествѣ. Къ числу такихъ угодій принадлежали лѣса. Черноморія была чисто степнымъ краемъ; лѣсовъ въ ней почти не было и, очевидно, и населеніе, и начальство должно было дорожить этимъ видомъ угодій. Еще запорожцы охраняли особенно заботливо лѣса. За самовольныя порубки они назначали даже смертную казнь. За Бугомъ Кошъ неоднократно дѣлалъ распоряженія о сбереженіи лѣсовъ, грозя ослушникамъ тяжкими наказаньями. Такъ же заботливо къ охранѣ лѣсовъ отнеслось Войсковое Правительство и на Черноморіи, организовавъ охрану. 2-го марта 1794 г. войсковой атаманъ Чепига, послѣ объѣзда края по Кубани, нашелъ войсковые лѣса крайне опустошенными. Въ видахъ сбереженія ихъ, правительство назначило валдмейстеромъ поручика Веремѣевскаго, на строго приказавъ ему, чтобы онъ не допускалъ никого рубить лѣса и забирать даже нарубленный лѣсъ, а также охранять какъ отъ пожара, такъ и отъ скотскаго опустошенія. Въ помощь ему назначено было 4 человѣка исправныхъ верховыхъ лѣсничихъ. Веремѣевскій и лѣсничіе были приведены къ присягѣ, при чемъ на валдмейстера возложена была обязанность дѣ-

лать подробныя сообщенія о размѣрахъ вырубки лѣса по распоряженію правительства, рапортуя о состояніи лѣсовъ правительству каждые 7 дней. Съ тѣхъ поръ были заведены такіе завѣдующіе лѣсами чиновники, подъ именемъ лѣсмейстеровъ.

Но и на эти запретныя угодья наложила свою тяжелую руку старшина. Часть лѣсовъ была захвачена ею въ исключительное пользованіе. Въ мартѣ 1794 г. Войсковое Правительство извѣщало кошевого Чепигу, что оно послало ему открытый указъ на отводъ лѣса въ Черкасскомъ кутѣ «на вѣчно спокойное и потомственное владѣніе». Получилъ въ такое же пользованіе лѣсъ Головатый и другіе старшины.

Чаще, впрочемъ, лѣсъ отводился старшинамъ въ количествѣ 300 деревъ «по положенію», какъ значилось въ постановленіи на этотъ предметъ. Казакамъ же позволялось рубить или по 35 пней, или же совсѣмъ не отводился лѣсъ для вырубки. Преимущество въ этомъ отношеніи старшинъ предъ казаками опредѣлялось служебными признаками. Такъ, полковникъ Юзбаша для полученія 300 пней лѣса представилъ 5 аттестатовъ о службѣ. Войсковое Правительство, какъ бы ограждало себя этимъ отъ нареканій въ потворствѣ панамъ. Но фактъ расхищенія лѣсовъ старшиной оставался, тѣмъ не менѣе, на лицо, и его прочно установилъ такой авторитетъ въ этомъ отношеніи, какъ войсковой атаманъ Котляревскій.

Въ историческихъ матеріалахъ нѣтъ указаній на искусственное разведеніе лѣсовъ. Лѣсонасажденія, даже въ такомъ видѣ, какъ это сдѣлалъ Кушьмезуко вблизи Екатеринодара, не практиковалось казаками. Казаки застали остатки садовъ и виноградниковъ отъ прежнихъ засельщиковъ края. Затѣмъ Войсковое Правительство, по примѣру Запорожья, приказало «всякое родючее дерево» не рубить и строго охранять. Есть указанія, что казаковъ снабжали садовыми саженцами черкесы. Головатый просилъ графа Платона Зубова исходатайствовать у Императрицы для казаковъ разрѣшеніе получать виноградныя лозы изъ Судака. Все это были, конечно, лишь однѣ начинанія. Слишкомъ малъ былъ еще промежутокъ времени со дня заселенія края для того, чтобы казаки смогли обзавестись такими капитальными предпріятіями, какъ садоводство и виноградарство.

Изъ минеральныхъ богатствъ казаки сразу обратили вниманіе на нефть. Мѣсто нахожденія отмѣчено въ нѣсколькихъ пунктахъ еще Мокіемъ Гуликомъ при предварительномъ осмотрѣ имъ края. Казаки называли нефть дегтемъ и пользовались ею только какъ смазочнымъ веществомъ. Разработка же источниковъ нефти на первыхъ порахъ совсѣмъ

не производилась. Только морское вѣдомство посылало нижнихъ чиновъ на добычу нефти. Въ архивныхъ дѣлахъ сохранились указанія на то, какъ въ одномъ случаѣ казаки отняли у матроса Федора Фомина до 8 ведеръ собранной имъ, по порученію начальства, нефти, и какъ потомъ представитель морского вѣдомства Мордвиновъ просилъ Войсковое Правительство оградить посылаемыхъ для добычи нефти матросовъ отъ подобныхъ насилій и разрѣшить добывать на Тамани нефть для нуждъ флота.

Болѣе серьезную статью дохода въ хозяйствѣ представлялъ другой минеральный продуктъ—соль. Соль въ ту пору служила и предметомъ потребленія для населенія и скота, и мѣновою единицею. Благодаря такому двойственному назначенію, въ урожаяхъ и добычѣ соли одинаково были заинтересованы и населеніе, и правительство. Для послѣдняго соль составляла довольно крупную статью войскового дохода.

Развитіе солепромышленности началось съ заселенія черноморцами края. Это было дѣло не новое для тѣхъ изъ нихъ, которые ранѣе проникали на берега Азовскаго моря и ловили здѣсь рыбу, такъ какъ рыболовный промыселъ безъ соли не могъ существовать. Къ тому-же солепромышленность велась раньше татарами. Черноморцы застали еще на соляныхъ озерахъ валы и канавы отъ редутовъ, въ которыхъ татары держали ясыръ, т. е. плѣнниковъ, для выволочки соли, и имѣли складъ послѣдней.

Какъ видно изъ дѣлъ Кубанскаго войскового архива, соляныя озера считались войсковымъ достояніемъ и никакихъ пожалованій ими старшинъ и рядовыхъ казаковъ не практиковалось.

Само войско распоряжалось соляными озерами, извлекая изъ нихъ доходы. Солепромышленники платили натурою въ доходъ войска за выволоченную соль. Обыкновенно дѣло велось такимъ образомъ. Войсковое Правительство дѣлало постановленіе о посылкѣ въ окружныя правленія указа, чтобы правленія оповѣстили населеніе о «собраніи» соли. Населеніе отправлялось на озера за солью. Туда же каждое окружное правленіе посылало старшину, который и взималъ въ доходъ войска положенное количество соли съ добычи на озерахъ. Въ первое время размѣръ этого сбора опредѣлялся въ 25 пудовъ «со всѣхъ, кто бы не собиралъ соль», т. е. съ каждаго солепромышленника, независимо отъ количества добытой имъ соли. Послѣ неравномѣрность этого обложенія и слабыя поступленія соли въ войско заставили Войсковое Правительство нѣсколько измѣнить принятую систему сбора соляной пошлины натурой, перенеся обложе-

ніе съ лица на количество выволоченной соли. Такъ, постановленіемъ Войскового Правительства 1796 года опредѣлено брать съ солепромышленниковъ 1/5 долю съ добычи соли. Доходы войска сразу повысились.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, новый способъ обложенія солепромышленниковъ вызвалъ неудовольствія въ ихъ средѣ. Старшины и казаки Фанагорійскаго округа заявили смотрителю соляныхъ озеръ Васюринскому, что они не согласны давать съ Бугазскихъ озеръ 1/5 долю собранной соли, такъ какъ урожай соли плохъ и имъ придется давать поденщикамъ за выволочку соли по 60 коп. въ день. Потому они просили Войсковое Правительство взимать пошлину по 25 пудовъ съ каждаго солепромышленника, какъ это велось раньше. Позже, во время персидскаго бунта, казаки жаловались Государю на высокую соляную пошлину.

Полученную, въ видѣ пошлины, соль Войсковое Правительство отправляло обыкновенно на мѣновые дворы, гдѣ она особенно усиленно требовалась горцами. Здѣсь соль обмѣнивалась, главнымъ образомъ, на хлѣба, и правители этимъ путемъ успѣли образовать довольно значительные запасы продовольственныхъ средствъ. Такъ, напримѣръ, въ 1797 г. только на двухъ мѣновыхъ дворахъ и въ теченіе короткаго времени было получено отъ черкесовъ въ обмѣнъ на соль 31707 пудовъ разнаго рода хлѣба, преимущественно пшеницы (21879 пуд.) и пшена (7005 пуд.), 20 пудовъ меду, 34 пуда воску, 63 бурки, 41100 штукъ частокола, 25 пинсвокъ, 2 ружья и пр.

Въ матеріалахъ войскового архива сохранились цифровыя данныя о количествѣ поступившей въ войско, въ видѣ пошлины, соли въ періодъ съ 1795 по 1799 г. Всего поступило 112764 пуда, изъ которыхъ на мѣновые дворы было пущено 93141 пудъ. Такъ какъ черкесы въ обмѣнъ на соль давали столько же хлѣба или даже двойное его количество, то Войсковое Правительство добыло этимъ путемъ свыше 100000 пудовъ хлѣба.

Само собою разумѣется, что мѣну и продажу соли войско и населеніе могли производить только въ предѣлахъ Черноморіи. Внѣ предѣловъ ея, эти операціи воспрещались, такъ какъ соль подлежала и правительственному обложенію.

Еще болѣе цѣнный видъ промышленности составляло рыболовство. Казакъ искони былъ рыболовомъ. Еще запорожцы пробирались къ берегамъ восточной части Азовскаго моря и на Кубань съ цѣлями рыбопромышленности. Когда Чепига остановился зимовать на Ейской косѣ съ партіей переселенцевъ, то онъ нашелъ здѣсь ватаги рыбопромышлен-

никовъ и забродчиковъ. Такъ какъ здѣсь же были казенныя строенья, то капитанъ Войнау просилъ Жегулина приказать Чепигѣ, чтобы онъ позаботился объ охранѣ этихъ строеній, потому что «рыбопромышленники и забродчики вышли изъ послушанія» и могли испортить или разрушить казенныя строенія.

Обстоятельство это служило уже для войска предостереженіемъ на счетъ того, что, при занятіяхъ рыболовствомъ, войско и казаки неминуемо столкнутся съ тѣми лицами, которыя ловили здѣсь рыбу до того. На самомъ дѣлѣ, въ первый же годъ существованія Черноморіи агентами Войскового Правительства обнаружено было присутствіе рыбопромышленниковъ и вообще пришлыхъ людей на косахъ и Азовскомъ побережьѣ. Здѣсь были устроены не только притоны для рыболовства, но и хорошо обставленные рыбные заводы, загоны и даже хутора для скота. Мало того, всѣ лучшія рыболовныя угодья у Ачуева и по всему Азовскому побережью оказались въ арендѣ у казака Донского войска Селиверстова. Изъ за это возникла обширная переписка Войскового Правительства съ атаманомъ войска Донского—Иловайскимъ и съ другими лицами и учрежденіями.

Наказный атаманъ Донского войска Иловайскій извѣстилъ Чепигу и правительство, что онъ отдалъ въ аренду на 3 года рыболовныя мѣста, принадлежавшія раньше Потемкину и просилъ не нарушать этого контракта. Войсковое Правительство нашло, однако, что эти рыболовныя мѣста принадлежатъ, на основаніи Высочайшихъ грамотъ, исключительно Черноморскому войску и никто, кромѣ его, не имѣетъ права ими пользоваться. На этомъ основаніи Войсковое Правительство постановило: согнать съ войсковыхъ земель всѣ рыболовные и скотоводческіе заводы, принадлежащіе пришлымъ жителямъ, а съ казака Селиверстова взыскать аренду за вторую половину года со дня опубликованія Высочайшей грамоты 1792 года. Требованіе это было предъявлено донскому атаману Иловайскому. Послѣдній, съ своей стороны, находилъ, что такимъ путемъ совершенно будетъ разоренъ Селиверстовъ, а контракты, какъ законные акты, будутъ нарушены. Поэтому, онъ просилъ Войсковое Правительство пріостановить рѣшеніе относительно Селиверстова, пока онъ не получитъ изъ Государственной Военной Коллегіи отъ графа Салтыкова распоряженія.

Дѣло заключалось въ томъ, что Потемкинъ, прежде чѣмъ подарить азовскіе рыболовные промыслы Черноморскому войску, поручилъ Иловайскому сдавать ихъ въ аренду, а получаемыя арендныя деньги отправлять въ Москву для приращенія университетскаго капитала. Въ дѣло вмѣшался таври-

ческій губернаторъ Жегулинъ, на которомъ лежало попеченіе о Черноморскомъ войскѣ. Жегулинъ указалъ Иловайскому, что онъ ставитъ частные контракты выше грамоты Императрицы и что, въ случаѣ настоянія Иловайскаго на своихъ требованіяхъ, онъ, Жегулинъ, вынужденъ будетъ «утрудить Высочайшую Особу.» Иловайскій сразу сдался. Извѣщая Жегулина и Черноморское Войсковое Правительство о томъ, что онъ распорядился, чтобы немедленно были снесены Селиверстовымъ и другими донскими казаками рыболовные заводы и иныя хозяйственныя заведенія, онъ просилъ только, чтобы Войсковое Правительство разрѣшило рыбопромышленникамъ жить въ заводахъ до весны, такъ какъ зимою ломать постройки и хозяйство было неудобно. Въ то-же время Салтыковъ извѣстилъ Иловайскаго, что, въ силу Высочайше пожалованной грамоты на землю, черноморцы были полными и единственными хозяевами послѣдней. Поэтому, и Селиверстовъ долженъ былъ внести войску арендную плату за рыболовныя угодья со дня пожалованія ихъ Высочайшей грамотой. Иловайскій представилъ въ свое время эту часть арендной платы, причитавшейся съ Селиверстова Черноморскому войску.

Иловайскій вообще энергично отстаивалъ интересы Селиверстова и въ аренду ему сдалъ не одинъ Ачуевскій заводъ, принадлежавшій Потемкину, но даже рыбныя ловли и соляныя озера на всемъ протяженіи Азовскаго побережья, а также рѣки Ею, Бейсугъ и Челбасъ. Съ своей стороны, и Войсковое Правительство не стало нажимать арендатора Селиверстова и купило у него въ 1792 г. Чернопротоцкій рыбный заводъ за 8000 руб.

Войско предпочитало вести рыболовное дѣло на лучшихъ рыболовныхъ заводахъ самостоятельно, безъ отдачи въ аренду, и учредило постоянную должность шапаря, т. е. чиновника, завѣдывавшаго рыболовнымъ заводомъ. Послѣдній получалъ деньги за проданную рыбу, велъ отчетность по заводу и представлялъ ее и деньги въ Войсковое Правительство. Такъ, въ 1794 г. шапарь Дубчакъ донесъ правительству, что онъ получилъ съ рыболовнаго завода 17790 руб. дохода.

Въ единичныхъ случаяхъ, впрочемъ, сдавались съ торговъ или отдѣльныя рыболовныя мѣста, или покупка рыбы съ заводовъ по заранѣе установленной цѣнѣ. Въ 1795 г., по контракту съ Войсковымъ Правительствомъ, есаулъ Гусельщиковъ платилъ войску за пудъ красной рыбы—80 коп., сома—40 коп., за тысячу судака въ 9 вершковъ длиною—20 руб., за ведро жира рыбьяго—90 коп. Въ томъ же, 1795 г., рыболовныя мѣста на двухъ косахъ Таманскаго про-

лива отданы были Керченскимъ рыболовамъ за плату 60 руб. съ сѣтной лодки.

На ряду съ войсковымъ рыболовствомъ, рыбнымъ промысломъ широко занималось и войсковое населеніе. Рыба всюду добывалась въ обиліи и въ лиманахъ, и въ озерахъ, и въ рѣчкахъ, и въ морѣ; ловили ее всевозможными снастями; устраивались постоянные заводы и временныя пристанища. Такъ, только въ 14 мѣстахъ Азовскаго побережья, главнымъ образомъ на косахъ, числилось 60 частныхъ заводовъ съ 2013 забродчиками или бурлаками. Заготовленная въ прокъ рыба шла въ продовольствіе мѣстному населенію и сбывалась на сторону, далеко за предѣлы Черноморіи.

Въ связи съ рыболовствомъ, въ войскѣ сложилось обыкновеніе посылать подарки рыбой къ Высочайшему Двору. Посылки эти производились на войсковой счетъ и принимали иногда очень внушительные размѣры. Въ 1799 г. Войсковымъ Правительствомъ былъ заключенъ контрактъ съ есауломъ Перекрестовымъ о доставкѣ въ Петербургъ 84 пудовъ балыка и 140 пудовъ икры по 3 руб. съ пуда, считая въ томъ числѣ нарочнаго офицера и его помощника, какъ сказано въ контрактѣ. Посылки эти, слѣдовательно, не только дорого стоили, но и обслуживались чиновнымъ персоналомъ.

Съ рыболовствомъ всегда тѣсно связанъ былъ звѣроловный или охотничій промыселъ. Промыселъ этотъ давалъ населенію пищевые продукты, въ видѣ мяса и кожи или мѣха для одежды и хозяйственныхъ нуждъ. Въ архивныхъ документахъ встрѣчается мало указаній относительно этого промысла, но онъ имѣлъ, несомнѣнно, широкое экономическое значеніе. Когда Чепига шелъ съ первою партіею переселенцевъ черезъ Донскую область, то войсковой атаманъ Иловайскій пригласилъ Чепигу къ себѣ на обѣдъ для знакомства, а потомъ просилъ его не стѣснять донскихъ казаковъ, занимавшихся охотой на Черноморіи. И на самомъ дѣлѣ, черноморцы, заселяя край, сразу-же столкнулись въ укромныхъ охотничьихъ мѣстахъ и на рыболовныхъ косахъ съ донскими казаками. У послѣднихъ были облюбованы извѣстныя займища, устроены притоны, шалаши и землянки, которые Войсковое Правительство велѣло потомъ снести.

Третью, послѣ соли и рыбопромышленности, статью войсковыхъ доходовъ составляла винная монополія, предоставленная войску грамотою 1792 г. Казаки такъ недолго еще жили на Черноморіи и настолько слабо устроили хозяйство, что собственнаго винокуренія здѣсь не было. Водку войско добывало со стороны. Но самая продажа водки представляла очень значительныя выгоды для войска. Пользуясь

«свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ», первые правители войска—Чепига и Головатый, отдали виноторговлю въ откупъ. Обыкновенно откупщику предоставлялось исключительное право продажи вина по заранѣе условленнымъ цѣнамъ и съ извѣстнымъ сборомъ въ пользу войска. Въ контрактѣ съ откупщикомъ Яншинымъ за 1794 г. назначены были слѣдующія цѣны: за ведро «пѣннаго горячаго вина и наливного вина на фруктъ»—5 руб., за «водку передвоенную» и спиртъ—7 руб. ведро, за «сладкую водку»—1 р. 75 к. кварта; пошлина-же въ пользу войска была опредѣлена въ 1 руб. съ каждаго проданнаго ведра.

Надо полагать, что виноторговля на такихъ условіяхъ считалась въ то время очень выгоднымъ предпріятіемъ. Охотниковъ на откупа было много, и видные откупщики имѣли за спиной сильныхъ покровителей. Войскового откупщика Яншина рекомендовалъ Головатому таврическій вице-губернаторъ Габлицъ, очень прозрачно намекая на то, что сдавши въ откупъ виноторговлю Яншину, войско «сдѣлаетъ очень хорошо»; это избавитъ правителей отъ многихъ хлопотъ и переписокъ, которыхъ у войска всегда было достаточно, почему и совѣтовалъ Головатому «сойтись съ господиномъ Яншинымъ». Едва-ли можно сомнѣваться, что таврическій вице-губернаторъ, отъ котораго въ извѣстной мѣрѣ зависѣли интересы войска, хлопоталъ о Яншинѣ не безкорыстно. Разумѣется, Войсковое Правительство предпочло Яншина всѣмъ другимъ откупщикамъ.

Но откупа не пользовались популярностью среди казачьяго населенія, особенно у старшины. Люди богатые и старшины въ то время любили заниматься виноторговлей, какъ самымъ выгоднымъ промысломъ, и понятно, что откупщики были большою помѣхою имъ въ этомъ отношеніи. Торговать виномъ тайно было рискованно, такъ какъ, при томъ-же откупщикѣ Яншинѣ, за одинъ безпошлинный провозъ вина со стороны въ Черноморію, полагался довольно тяжелый штрафъ—первый разъ 10 р., второй разъ 25 р., третій—50 руб., а въ четвертый и больше. Старшины неоднократно требовали уничтоженія виннаго откупа. Котляревскій поставилъ себѣ въ заслугу отмѣну винныхъ откуповъ въ Черноморіи.

Повидимому, и все населеніе стояло на сторонѣ вольной продажи вина. И это, отчасти, понятно. Упоминаніе въ грамотѣ о вольной продажѣ вина какъ о дарованной войску льготѣ, указывало на несомнѣнныя выгоды послѣдней. Очевидно, тѣ барыши, которые клали въ свои карманы

откупщики, были настолько значительны, что ихъ хватило бы на удовлетвореніе нуждъ старшины и казаковъ.

Такимъ образомъ, виноторговля послужила на первое время тѣмъ фондомъ, изъ котораго, вмѣстѣ съ пошлинами на соль и доходами отъ рыбопромышленности, образовалась «войсковая казна». По примѣру Запорожья, черноморцы обратили серьезное вниманіе на образованіе войскового капитала, своей казны. Собственныя средства развязывали руки войсковымъ правителямъ во многихъ отношеніяхъ и обезпечивали имъ независимость отъ центральнаго правительства. Это хорошо понимали казаки. И, поэтому, первые представители Войскового Правительства такъ заботливо отнеслись къ образованію войсковыхъ капиталовъ.

За три года—1794, 1795 и 1796, въ дѣлахъ Войскового Архива сохранились интересныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, поступившихъ въ войсковые доходы. Остатокъ съ отданными въ кредитъ деньгами на 1794 годъ былъ равенъ 35,660 р.; съ Чернопротоцкаго рыболовнаго завода поступило дохода 4280 р. и 1907 р. возврата отъ старшинъ и изъ др. источниковъ. Въ слѣдующемъ 1795 г. Чернопротоцкій заводъ далъ войску 6293 р. дохода, винный откупъ 19,559 р. и 27 р. штрафа съ солепромышленника. Наконецъ, въ 1796 году отмѣчены только двѣ статьи дохода—за соль съ мѣновыхъ дворовъ 4141 р. и 5000 рублей какихъ-то «хранившихся у подполковника Котляревскаго» денегъ. Надо полагать, что въ вѣдомости попали не всѣ войсковые доходы; доходы натурою во всякомъ случаѣ не вносились въ эти вѣдомости. Въ жалобѣ на Высочайшее имя, перехваченной войсковыми правителями во время персидскаго бунта, говорится, что казакамъ неизвѣстно, куда дѣлись доходы по винному откупу за первые два года существованія его. Но и приведенными данными въ достаточной степени оттѣняется значеніе поступленій въ войско отъ солепромышленности, рыболовства и виноторговли. На этихъ статьяхъ исключительно держались финансы войска въ первые годы его существованія.

Данныя о войсковыхъ расходахъ показываютъ, что, во первыхъ, войсковые правители относились съ крайнею осторожностью къ тратамъ войсковыхъ денегъ и что, во вторыхъ, они широкою рукою тратили тѣ-же войсковыя средства въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовала казачья политика. Такъ, въ 1794 г. израсходовано было всего 33 р. на газеты, календари и почтовые расходы. Въ 1795 г. израсходована самая большая сумма—7052 р. Но сюда вошли 5051 р. издержанныхъ на разграниченіе войсковой земли, 600 р.—на депутатовъ, посланныхъ въ Екатеринославъ по дѣламъ, и 800 р.

выданы «отправленному въ Петербургъ капитану Езучевскому съ будущими при немъ балыками и икрою на прогоны». Въ поясненіе этихъ расходовъ надо прибавить, что представителямъ отъ войска, при отграниченіи войсковыхъ земель, дана была инструкція — не жалѣть средствъ на угощеніе землемѣровъ и пограничныхъ депутатовъ. По письму одного изъ землемѣровъ Головатому можно безошибочно сказать, что въ составъ отмѣченныхъ выше 5000 р. вошла приличная сумма, въ видѣ благодарности господамъ землемѣрамъ. Однимъ словомъ, финансовыя вѣдомости войска свидѣтельствуютъ о томъ, что первые представители Войскового Правительства, если и были скопидомами, въ смыслѣ сбереженія войсковыхъ средствъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, были людьми, умѣвшими добывать эти средства и пускать ихъ въ такіе обороты, которыми сторицей возмѣщались сдѣланныя затраты.

Что касается казачьяго населенія, то оно не несло никакихъ денежныхъ повинностей. Это, конечно, не освобождало его отъ тягостей натуральныхъ налоговъ. Военную службу казаки несли на свой счетъ и расходы по снаряженію на службу требовали значительныхъ издержекъ. Казаки не избавлены были также отъ постойной, дорожной и нѣкоторыхъ другихъ повинностей. Въ дѣлахъ архива сохранились документальныя данныя о затратахъ населенія по доставкѣ 16-му Егерскому полку топлива. Такъ, напримѣръ, годичная пропорція въ топливѣ опредѣлена была въ 120,548 пудовъ бурьяна на отапливаніе казармъ, печеніе хлѣба, вареніе пищи и отапливаніе лазарета съ кордегардіей, а это стоило свыше 6000 р. при оцѣнкѣ бурьяна по 5 коп. съ пуда, что считалось низкой цѣной. Но особенно тяжела была самая обстановка при отправленіи этой натуральной повинности. Не осѣвшіе еще совсѣмъ на землю казаки принуждены были наряжать цѣлые отряды рабочихъ рукъ и десятки подводъ на значительныя разстоянія, чтобы добыть такой громоздкій видъ топлива какъ бурьянъ. Не удивительно, что и населеніе роптало на тяжелыя требованья, соединенныя съ этой повинностью, и войсковая администрація просила начальство избавить войско отъ поставки населеніемъ топлива регулярнымъ войскамъ.

Натурою отбывались дорожная и почтовая повинности, но обѣ эти повинности тѣсно соприкасались уже съ нуждами самого населенія. Дорогъ при заселеніи края не было, и, чтобы хоть сколько нибудь обезпечить удовлетворительный проѣздъ черезъ казачьи земли, кошевой Чепига распорядился, чтобы проведена была дорога отъ Донской области по направленію къ Екатеринодару и учреждено 20 станцій между Екатеринодаромъ и Таманью, съ одной стороны, и

Екатеринодаромъ и Ейскимъ городкомъ, съ другой. Проведеніе дороги поручено было инженеръ-капитану Бутину и поручику Волкорѣзу. При дѣлѣ осталось нѣчто въ родѣ маршрутной карты, съ нанесеніемъ на нее урочищъ, по которымъ можно судить, что дорога очень кстати пришлась къ хуторамъ кошевого на Керпиляхъ, войскового протопопа, старшинъ Кухаренко, Калмыка, и проч. При проведеніи дороги Войсковое Правительство распорядилось, чтобы ближайшія куренныя селенія и хутора выставляли подводы и рабочихъ людей, сколько потребуется, а также вспомоществованіе при переправахъ черезъ рѣки. На почтовыхъ станціяхъ лошади содержались населеніемъ, но съ проѣзжихъ взымались прогоны. Для завѣдыванія почтовыми станціями былъ назначенъ поручикъ Толмачевскій. Подводы и рабочіе люди выставлялись селеніями и хуторами вообще при перевозкѣ тяжестей для общественныхъ надобностей, какъ напримѣръ, лѣса для войскового собора, матеріаловъ для мостовъ и пр.

Какъ ни тяжелы были дорожная и подводная повинности, но самыя плохія дороги и сообщенія были все-же крайне необходимы для вновь колонизуемаго края. Безъ нихъ немыслимо было развитіе ни экономической жизни, ни сколько нибудь удовлетворительныхъ сношеній по управленію краемъ. Перевозка провіанта, фуража, тяжестей при отрядахъ и пр. возможна была лишь по мало мальски устроенной дорогѣ. Но особенно важны были дороги и почтовыя сообщенія для торговли.

Несмотря на то, что войску была дарована свободная внутренняя торговля, торговая дѣятельность въ первое время у черноморцевъ была слаба. Торговля только налаживалась. Торговцы были пришлые и къ составу казачества не принадлежали, потребности населенія въ предметахъ ввоза были ограничены и преобладающія формы торговли отличались натуральнымъ характеромъ. Велась, собственно, не торговля, а мѣна. Особенно развиты мѣновыя сношенія были на границѣ войска съ черкесами. Съ появленіемъ черноморцевъ на пожалованныя земли, сами горцы первыми завязали торговыя сношенія съ ними. Предлагая въ обмѣнъ на соль хлѣбъ и разныя произведенія своего убогаго хозяйства, они заставили правителей войска, въ силу необходимости, обратить на это вниманіе. Учреждены были пункты для торгово-мѣновыхъ сношеній съ горцами, а позже — мѣновые дворы. Въ 1799 г. Войсковое Правительство обратилось съ просьбой къ Государю объ открытіи трехъ мѣновыхъ дворовъ: одного въ Екатеринодарѣ для торговли съ бжедухами, одного на Гудовичевой переправѣ для торговыхъ сношеній съ хатукайцами и третьяго въ Куркахъ для торговли съ шапсугами.

Просьба мотивировалась обоюдными выгодами казаковъ и черкесовъ. Послѣдніе говорили казакамъ: „давайте намъ въ обмѣнъ соль, намъ безъ соли жить нельзя и мы по необходимости будемъ воровать у васъ, чтобы покупать на добытыя такимъ путемъ средства дорогую соль въ Анапѣ". Въ первое время эти мѣновыя сношенія только зарождались, но впослѣдствіи они превратились въ обширное торговое дѣло, при посредствѣ котораго велись мирныя сношенія русскихъ съ горцами.

Выгоды такой мѣновой торговли съ горцами были на столько очевидны и велики, что ни Войсковое Правительство, ни отдѣльные представители власти не пытались обложить этотъ видъ торговли пошлиною. Если и возникали въ этомъ отношеніи предположенія, то онѣ касались торговыхъ операцій внутри войска. Такъ, въ Екатеринодарѣ были учреждены войсковые вѣсы или „тереза". Въ 1800 г. аренда ихъ была отдана съ торговъ сотнику Кіяшко за 350 руб. въ годъ. Одинъ изъ второстепенныхъ представителей войсковой администраціи, полковникъ Савва Бѣлый, просилъ въ 1793 г. начальство разрѣшить ему обложить небольшимъ сборомъ грековъ торговцевъ, чтобы получить „самую малую пошлину для покупки бумаги, сургуча и прочихъ необходимостей". Въ дѣлахъ не осталось указаній, какъ удовлетворена была эта просьба. Но вообще въ то время войсковая администрація не стѣсняла торговлю и никакихъ обложеній торговли сборами не практиковалось.

Что касается трудового населенія, то оно болѣе всего заинтересовано было въ устройствѣ ярмарокъ. Въ архивныхъ документахъ сохранилось по этому предмету довольно значительное количество ходатайствъ объ открытіи ярмарокъ въ куренныхъ селеніяхъ.

Но ярмарки, и, въ особенности, мѣновые дворы считались въ ту пору очень опасными въ санитарномъ отношеніи. При каждомъ мѣновомъ дворѣ устраивался и карантинъ. Войсковое начальство ревностно слѣдило за тѣмъ, чтобы отъ черкесовъ черезъ мѣновые дворы не заносилась зараза. Общественная медицина и врачебная помощь были слабо развиты въ то время и организація медицинской помощи сводилась исключительно къ предупредительнымъ мѣрамъ противъ занесенія въ край чумы, холеры и другихъ эпидемическихъ заболѣваній. На всю Черноморію былъ одинъ только врачъ. Когда въ Черноморіи появилась чума, то войско должно было обратиться за медицинскими силами въ другія мѣста.

Первыя свѣдѣнія о появленіи чумы были получены въ мартѣ 1796 г. отъ шапаря Ачуевскаго завода, Дубчака. По тогдашнимъ обыкновеніямъ онъ секретно донесъ начальству,

что на рыболовныхъ заводахъ полковника Бурноса и поручика Паливоды появилась чума, и что появленіе этой болѣзни произвело потрясающее впечатлѣніе на забродчиковъ, которые разбѣжались съ заводовъ.

Для разслѣдованія появленія болѣзни войсковое начальство послало полковника Гулика и подлѣкаря Третьякова. На мѣстѣ появленія болѣзни Гуликъ и Третьяковъ нашли только одинъ трупъ. Другихъ умершихъ отъ чумы не удалось отыскать. Оказались также больные съ бубонами рабочіе. Гуликъ сжегъ хату и невода. Въ это время въ Черноморіи явилась, по распоряженію Жегулина, начальникъ карантиновъ Гохфельдтъ. Были учреждены карантины въ Керчи и Темрюкѣ. Тутъ же установлено было, что заболѣванія чумой начались на заводѣ войскового судьи Головатаго. Еще на четвертой недѣлѣ поста проходили черезъ заводъ съ Бугаза три забродчика, переночевавшіе у казака Волошина. Одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ. На вербной недѣлѣ скоропостижно умерла жена Волошина, затѣмъ еще четверо въ ея семьѣ. А на самомъ заводѣ Головатаго умерло 6 человѣкъ.

Гохфельдтъ и врачъ Шмидтъ посѣщали эти мѣста и принимали энергичныя мѣры для прекращенія чумы. Но 27 апрѣля снова умеръ отъ чумы солдатъ въ Тамани. Далѣе чума перебрасывается въ селеніе Вышестебліевское и городъ Темрюкъ. Такъ, мало по малу, распространилась болѣзнь по всей Черноморіи, причинивъ громадный уронъ населенію. Вообще борьба съ чумой была непосильной. Врачебныхъ силъ было мало; населеніе относилось къ принимаемымъ мѣрамъ враждебно, скрывало больныхъ и случаи смерти, продовольственныхъ средствъ не доставало.

Въ общемъ, чума 1799 г. на Черноморіи унесла значительное количество человѣческихъ жертвъ и борьба съ нею стоила большихъ средствъ. Только у разныхъ старшинъ и казаковъ было сожжено 75 домовъ съ строеніями и имуществомъ на 30575 руб., 10 рыболовныхъ заводовъ на 17531 р. Если прибавить къ этому содержаніе карантиновъ, разъѣзды медицинскаго персонала и лицъ, командированныхъ для борьбы съ чумой, расходы на медикаменты, громаднѣйшіе убытки отъ стѣсненій, соединенныхъ съ предупредительными мѣрами, то въ результатѣ должны оказаться очень большія, и, въ высшей степени, обременительныя затраты на борьбу съ чумой и ея прекращеніе.

Понятно, что и безъ того бѣдное населеніе неминуемо должно было еще больше обѣднѣть, переживъ всѣ ужасы этого страшнаго народнаго бѣдствія.

Конечно, тяжелое экономическое положеніе казачьяго населенія зависѣло не отъ однихъ бѣдствій чумной эпи-

деміи. Собранное изъ разныхъ мѣстъ, разрозненное и, отчасти, разноплеменное войско достаточно бѣднымъ перешло на новыя земли. Короткій промежутокъ времени при заселеніи края, неудачи самаго заселенія, намѣтившаяся классовая рознь, еще болѣе неблагопріятно вліяли на экономическій бытъ черноморцевъ.

На первыхъ страницахъ исторіи этого войска, съ точки зрѣнія чисто экономической, нельзя не отмѣтить послѣдняго рода явленій—классовой розни. Процессы внутренней реорганизаціи войска, въ связи съ національнымъ составомъ его и положеніемъ въ общемъ государственномъ строѣ, имѣли рѣшающее значеніе на дальнѣйшую судьбу войска. Какъ извѣстно, преобладающимъ элементомъ въ войскѣ были малороссы. Хотя въ войско вошли также великороссы, поляки, литва, молдаване, татары, греки, нѣмцы, евреи и другія національности, но представители ихъ оставались въ меньшинствѣ, какъ бы тонули въ общей массѣ чисто малорусскаго населенія. Въ зависимости отъ преобладанія малорусскихъ элементовъ, малорусскимъ характеромъ отличался и складъ всего внутренняго быта населенія. Черноморцы были православные, говорили всѣ на единомъ малорусскомъ языкѣ, придерживались малорусскихъ обычаевъ; праздники, увеселенія, семейный укладъ, свадебные обряды, бытовыя отношенія и обстановка—все это носило строго малорусскія особенности. Представители другихъ національностей, въ силу необходимости, должны были приспособляться къ малорусскому укладу жизни.

Но, независимо отъ такого вліянія на внутренній бытъ войска малорусской національности, въ войскѣ складывались классовая рознь и стремленіе къ образованію сословій. Всѣ были казаки, но между панами или старшиной, и рядовыми казаками или народомъ, лежала уже глубокая пропасть. Собственно говоря, старшина родилась, выросла и воспиталась на чисто служебной почвѣ. Уже въ Запорожской Сичи служебныя отличія старшины выдѣляли ее въ особый классъ. Когда же въ Черноморскомъ войскѣ старшинамъ были пожалованы военные чины, когда и служебнымъ положеніемъ, и внѣшними, наружными признаками русское правительство рѣзко отграничило старшинъ отъ рядовыхъ казаковъ; тогда это обособленіе перешло въ образованіе особаго сословія въ войскѣ, которое сами казаки стали называть уже не старшиною, а панствомъ.

Благодаря пополненію старшины выдающимися рядовыми казаками, хозяйственный и домашній бытъ казачьихъ пановъ мало чѣмъ отличался отъ быта рядового казачества. Паны были богаче казаковъ, носили мундиры, и, при слу-

чаѣ, умѣли выказывать свои преимущества правящаго сословія; но ни образованіемъ, ни образомъ жизни, ни особенностями хозяйственнаго быта они не отличались отъ казаковъ. Грубость и жестокіе нравы также свойственны были нѣкоторымъ панамъ, какъ и нѣкоторымъ казакамъ. Архивные документы свидѣтельствуютъ, что паны также пьянствовали и дебоширили, какъ и казаки, расправлялись другъ съ другомъ кіями, скандалили и вообще вели жизнь людей, не привыкшихъ къ культурнымъ требованіямъ.

По архивнымъ матеріаламъ легко прослѣдить, какъ у черноморцевъ формировалось и усиливалось панское сословіе. Выше уже указано было, что это совершалось на служебной почвѣ. Крупные представители войска—Головатый, Чепига, Котляревскій и другіе, укрѣпляли свое положеніе связями съ видными представителями высшей правительственной администраціи, а болѣе мелкія сошки вели себя такъ же по отношенію къ этимъ виднымъ казачьимъ представителямъ. Связи завязывались обыкновенно на посылкѣ подарковъ и рѣдкихъ вещей. Казачьи батьки безцеремонно пользовались или даровыми услугами казаковъ, или войсковыми средствами, чтобы заручиться вниманіемъ со стороны крупныхъ правительственныхъ чиновниковъ. На войсковой счетъ въ обиліи посылались икра, балыки и рыба; сотнями пудовъ этого рода продукты отправлялись въ Петербургъ, Симферополь, въ Варшаву и пр. Въ 1793 г. нѣкто Францъ фонъ Бринъ просилъ кошевого Чепигу выслать генералу Розенбергу можарскихъ куръ, и куры были высланы. Въ томъ же году самъ Розенбергъ благодарилъ Чепигу за присылку ему фазановъ. Головатый посылалъ въ Симферополь губернатору, вице-губернатору и другимъ лицамъ икру, балыки, рыбу, фазановъ, осликовъ и пр., а самому Зубову, кромѣ рыбы и балыковъ, кинжалы, пистолеты и другія рѣдкости по тому времени. Результатомъ посылки всѣхъ этихъ подарковъ всегда была не одна любезная благодарность, но и исполненіе тѣхъ или другихъ просьбъ. Въ отвѣтъ на подарки изъ войска Петербургъ сыпалъ чинами, орденами, жалованными перстнями и пр. Сами войсковые правители не стѣснялись въ этомъ отношеніи и щедрою рукою заносили въ наградные списки всѣхъ, кого имъ было угодно. Въ 1790 г. Головатый писалъ кошевому Чепигѣ, что казакъ куреня Рогивского, Трофимъ Малый, представилъ ему серебряный съ позолотою ронзыкъ, который Головатый предназначилъ въ подарокъ великому гетману Потемкину. За этотъ ронзыкъ Головатый далъ Малому 60 руб. деньгами и наградилъ его чиномъ хорунжаго, о чемъ и извѣстилъ полковниковъ и начальство Малаго.

За подарками шли болѣе серьезныя одолженія. Добрыя отношенія между представителями Войскового Правительства и непосредственнымъ ихъ начальникомъ, таврическимъ губернаторомъ Жегулинымъ, держались на томъ, что первые дали второму взаймы 15000 руб. изъ войсковыхъ суммъ. Надо полагать, что этимъ одолженіемъ войсковые правители умѣли держать въ рукахъ свое начальство. Въ 1796 г. Жегулинъ благодарилъ Чепигу за то, что въ обезпеченіе его долга онъ принялъ его вексель, переданный Антономъ Андреевичемъ Головатымъ. «Вашему превосходительству повторяю здѣсь, писалъ Жегулинъ, мое увѣреніе, что, коль скоро Господь Богъ благословитъ мнѣ съ вами свидѣться, то тотчасъ и деньги по оному вручу самолично съ признательнѣйшею моею благодарностью». Послѣ, однако, оказалось, что Жегулинъ не внесъ войску 15000 руб. Таврическій губернаторъ Селецкій, замѣстившій Жегулина, который въ то время былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и губернаторомъ бѣлорусскимъ, извѣстилъ въ 1798 г. войскового атамана Котляревскаго, что на требованіе его о взысканіи съ господина бѣлорусскаго губернатора и кавалера Жегулина по векселю долга войска 15000 руб., Жегулинъ отвѣтилъ, что наличныхъ денегъ онъ не имѣетъ, и обратился въ вспомогательный банкъ о выдачѣ ссуды подъ пожалованное ему въ Минской губ. имѣніе.

Сразу же первые войсковые правители, какъ объ этомъ уже говорилось раньше, пытались закрѣпить въ войскѣ народившееся сословіе обращеніемъ части войсковой собственности въ сословную. Такъ пожаловали сами себѣ Чепига—лѣсной участокъ, а Головатый—Берестовый островъ. Такъ жаловались Войсковымъ Правительствомъ старшинамъ хутора и мѣста подъ мельницы. Но такой крутой поворотъ въ казачьихъ демократическихъ порядкахъ въ сторону исключительныхъ выгодъ старшины нашелъ отпоръ не только между казаками, но и въ средѣ самой старшины. Противъ обращенія войсковыхъ земель въ частную собственность возсталъ войсковой атаманъ Котляревскій, «уничтожившій, по его выраженію, раздѣленіе земли и лѣсовъ». Не смотря, однако, на это уничтоженіе, заведенные первыми правителями порядки не угасли окончательно, а только видоизмѣнились. Старшины захватывали впослѣдствіи земельныя угодья не въ собственность, а въ исключительное пользованіе.

Другимъ, укрѣпляющимъ панское сословіе, пріемомъ служилъ самый способъ обезпеченія старшинъ за нѣкоторые виды службы. Благодаря натуральному характеру хозяйства и крайне примитивной формѣ экономической жизни, нѣкоторые виды службы по войску оплачивались натурой. Такъ,

чиновники окружныхъ правленій убѣдили Войсковое Правительство разрѣшить имъ взимать съ солепромышленниковъ извѣстное количество соли «по доброй волѣ». Смотрители рыболовныхъ и соляныхъ промысловъ получали соль и рыбу отъ промышленниковъ въ видѣ подарковъ. Это несомнѣнно былъ чистѣйшій видъ древне русскаго «кормленія», которое на долго потомъ осталось въ войскѣ и основою котораго служило служебное положеніе кормившихся.

Кормленіе, впрочемъ, было еще приличнымъ видомъ обиранія массы и имѣло за собой хоть какое нибудь оправданіе. Когда усилилась казачья старшина, то участились случаи открытыхъ насилій и завладѣній имуществомъ населенія. Въ архивныхъ документахъ встрѣчается характерный для такихъ случаевъ терминъ—«заграбилъ». Паны, по этимъ документамъ, грабили у казаковъ лѣсъ, сѣно, хлѣбъ, скотъ и даже предметы домашняго обихода. Еще чаще этого рода насилія обнаруживались въ болѣе скрытыхъ формахъ. Паны заставляли строевыхъ казаковъ работать на нихъ. Работали на пановъ казачьи команды, состоявшія на соляныхъ промыслахъ, при кордонахъ и пр. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Котляревскій, который, по его словамъ, «казаковъ употреблять въ партикулярныя работы запретилъ».

Такимъ образомъ, зарожденіе и развитіе панскаго сословія на Черноморіи находилось въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ служебнымъ положеніемъ пановъ, а съ другой, съ выгодами экономическими. Паны старались отвоевать себѣ не только сословныя преимущества, но и имущественный цензъ.

Другимъ сословіемъ, выдѣлившимся въ казачествѣ, было духовенство. Казачье духовенство обособилось въ самостоятельный классъ подъ вліяніемъ иныхъ, однако, причинъ, чѣмъ панство. Въ основу его выдѣленія легли чисто духовныя потребности массы. Казачеству такъ же необходимо было духовенство, какъ и религія, безъ которой оно не могло жить.

Запорожцы и ихъ наслѣдники, черноморцы, отличались особенною религіозностью и приверженностью къ православной религіи. И это понятно. Въ девизѣ Запорожья стояла борьба за вѣру. Черноморцы наслѣдовали этотъ девизъ, идя на Кубань оберегать русскія границы отъ людей иной, не христіанской, вѣры. Если при этомъ Черноморскому войску и не предстояла такая, какъ Запорожскому, борьба за православіе и крестъ Христовъ съ иновѣрными сосѣдями, то духовныя потребности казака всецѣло сводились къ дѣламъ вѣры и церкви, какъ къ одному изъ коренныхъ условій народнаго быта, сложившагося исторически. Короче,

религіозность черноморцевъ была закрѣплена казачьей исторіей.

Но прежде, чѣмъ черноморцы принесли свѣтъ Христовъ въ новый край, здѣсь существовали уже въ древнія времена христіанство, церкви, обители и христіанское населеніе.

Первыми вѣстниками христіанства на Кавказѣ были апостолы Андрей Первозванный и Симонъ Зилотъ или Кананитъ. О посѣщеніи этими проповѣдниками Кавказа, а Андреемъ и нынѣшней Кубанской области, есть прямыя указанія. По грузинской хроникѣ Вахтанга V, Андрей и Симонъ были въ Абхазіи въ 40 году по Р. Хр. Симонъ былъ убитъ народомъ соанъ, а Андрей проповѣдывалъ Евангеліе у мингрельцевъ. Трудно сказать, какія мѣста и въ какомъ порядкѣ посѣщены были этимъ апостоломъ; но есть указанія, что Андрей былъ между прочимъ у зиховъ, у босфоритянъ, у скифовъ и доходилъ до нынѣшняго Кіева. Позднѣйшая Зихія входила сѣверною своею частью въ Кубанскую область, босфоритяне занимали западную ея часть, а скифы также обитали въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области. Скифскіе епископы участвовали въ III, IV, V вселенскихъ соборахъ, и весьма вѣроятно, что къ христіанской религіи были причастны и скифы Кубанской области. Позже, какъ объ этомъ упомянуто уже въ своемъ мѣстѣ, существовали епископскія кафедры въ Зихіи и Таматархѣ. Генуэзцы дѣятельно распространяли христіанство и строили церкви во многихъ мѣстахъ нынѣшней Кубанской области. Была также епископская кафедра въ Аканіи, а подъ именемъ Аканіи извѣстны были страны отъ устьевъ Кубани до устьевъ Терека. Однимъ словомъ, далеко раньше, чѣмъ русскіе стали заселять Сѣверный Кавказъ, между здѣшними народами уже были посѣяны сѣмена христіанства, а въ русской Тмутаракани христіанство и христіанскіе храмы были уже обычнымъ явленіемъ.

Лучшими свидѣтелями прошлаго мѣстной церковной исторіи служатъ многочисленные историческіе памятники древняго христіанства, разбросанные по Кубанской области. Въ ущельяхъ р.р. Зеленчука и Тиберды и близъ Хуманинскаго укрѣпленія сохранились до нашего времени древніе христіанскіе храмы и развалины отъ нихъ. Близъ ст. Бѣлорѣченской случайно были открыты въ 1869 году развалины древняго храма. Встрѣчаются также часовни, христіанскія гробницы, описанныя Е. Д. Фелицинымъ и похожія на дольмены, каменные кресты, плиты съ христіанскими надписями, фигурами людей и животныхъ, пещеры съ христіанскими погребеніями и т. п. На Таманскомъ полуостровѣ

открыты слѣды древняго христіанскаго монастыря и храмъ Бориса и Глѣба.

Древній храмъ въ Зеленчукскомъ ущельѣ.

Особенно много христіанскихъ памятниковъ встрѣчается на пространствѣ отъ р. Бѣлой до верховьевъ Кубани. Пространство съ этими памятниками представляетъ длинную полосу, тянущуюся съ запада на востокъ на протяженіи 200 верстъ при колеблящейся ширинѣ отъ нѣсколькихъ десятинъ до 80 верстъ. Оно находится въ глубинѣ горъ, какъ бы защищенное мало доступными ихъ твердынями. Такое близкое расположеніе христіанскихъ памятниковъ къ главному Кавказскому хребту, по ту сторону котораго находится Абхазія, а со стороны Кубанской области мѣстами обитали абхазцы подъ именемъ абазинцевъ, наводитъ на мысль о связи христіанскихъ памятниковъ Кубанской области съ распространеніемъ христіанства въ Абхазіи со времени I вѣка по Р. Хр. и съ вліяніемъ, быть можетъ, Грузіи на нѣкоторыхъ народовъ. Предположеніе весьма вѣроятное, но ничего не дающее для выясненія вопроса о томъ, когда и какъ угасла христіанская религія въ описываемой мѣстности. Извѣстно лишь, что на смѣну христіанства явился сюда исламъ, распространенный въ средѣ горскихъ народностей турками.

Такимъ образомъ, между древнимъ христіанствомъ, имѣвшимъ несомнѣнно мѣсто въ Кубанской области, и послѣдую-

шимъ его появленіемъ, вмѣстѣ съ появленіемъ здѣсь русскаго населенія, не было ничего общаго и какой-либо связи. Черноморскіе казаки, занявшіе край, принесли съ собою христіанскую религію и обычаи и должны были заново строить храмы, обители и обзаводиться духовенствомъ.

Въ то время, когда формировалось Черноморское войско за Бугомъ, стоя въ рядахъ русской арміи, сражавшейся съ Турціей, казакамъ было не до религіи и духовенства. Сторожевая служба поглощала всю энергію казака, и только въ минуты битвъ, когда казакъ ложился костьми, являлась необходимость въ напутствіи духовника умиравшимъ воинамъ.

Войску была пожалована княземъ Потемкинымъ походная церковь, къ которой Амвросій, архіепископъ Екатеринославскій, посвятилъ іеромонаха Антонія. Судя по письмамъ Головатаго къ епископу Іову и графу Платону Зубову, Антоній все время турецкой войны находился при казакахъ, участвуя во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ и штурмахъ. Болѣзнь не позволила Антонію переселиться вмѣстѣ съ казаками въ Черноморію, и Головатый просилъ одновременно епископа Іова и графа Зубова наградить достойнымъ образомъ казачьяго іеромонаха за его прежнюю службу.

Такимъ образомъ, въ моментъ переселенія черноморцевъ на Кубань, войско было безъ духовенства. Нужда въ духовныхъ пастыряхъ была тѣмъ настоятельнѣе, что войску предстояло разселиться на обширной территоріи и раздѣлиться по мѣстожительству на многія части. Когда черноморцы торжественно праздновали возвращеніе депутатовъ отъ Царицы съ жалованными грамотами на земли, Екатеринославскій архіепископъ Амвросій, въ витіеватой рѣчи на тему о милостяхъ Екатерины, въ заключеніе пожелалъ: «да тишина, согласіе, довольство на всегда по среди васъ обитаютъ»; но при переселеніи казаковъ на Кубань онъ не далъ, въ залогъ этихъ пожеланій, духовныхъ руководителей.

Такъ какъ существовавшія за Бугомъ духовенство и церковь остались на мѣстѣ, то главари войска—Чепига и Головатый, поэтому, съ первыхъ же шаговъ самостоятельнаго существованія войска на Кубани приложили всѣ усилія къ тому, чтобы организовать свое казачье духовенство и построить церкви. 8 октября 1793 года священникъ Солоневскій писалъ Чепигѣ изъ Черкасска, о посылкѣ въ войско священника, который, по выраженію Солоневскаго, „не окажется вамъ отвратителенъ“.

Въ ноябрѣ того же 1793 года епископъ Іовъ, въ свою очередь, извѣщалъ Чепигу и Головатаго, что онъ посылаетъ въ войско іеромонаха Исаію, и совѣтывалъ имъ обратиться съ

просьбою о высылкѣ священниковъ въ Синодъ, такъ какъ у самого епископа «есть недостатокъ въ священствѣ».

Очень своеобразною оказалась эта попытка главарей войска обзавестись своимъ духовенствомъ. Войсковое Правительство задумало вербовать духовенство изъ своей же казачьей среды. 20 октября 1793 года, письмомъ изъ Тамани, Головатый совѣтывалъ кошевому Чепигѣ воспользоваться пребываніемъ въ Тавріи, вблизи Черноморіи, преосвященнаго Іова и послать ему присланные на просмотръ Головатому списки кандидатовъ изъ казаковъ въ священники. При этомъ случаѣ, писалъ войсковой судья, «за однимъ разомъ просите антиминсовъ въ каждомъ селеніи, назнача храмамъ Божьимъ названіе». Какъ бы поддерживая этимъ Головатаго, жители Константиновки или Стараго Копыла—четыре старшины, ктиторъ, атаманъ, писарь и 17 казаковъ, собравши 280 рублей для построенія церкви во имя архистратига Михаила, просили Войсковое Правительство о разрѣшеніи постройки церкви, о рукоположеніи къ ней во священника мѣстнаго жителя—войскового канцеляриста Михаила Саввича Костенка, 31 года, женатаго первымъ бракомъ на дѣвицѣ и «добраго состоянія человѣка». Хотя просьба эта и была удовлетворена впослѣдствіи, но епископъ Іовъ не выказалъ готовности дѣйствовать въ томъ направленіи, какое намѣтилъ Головатый.

Тогда Войсковое Правительство перенесло свои требованія въ Святѣйшій Синодъ. Въ яркихъ краскахъ оно изобразило безпомощность населенія въ его религіозныхъ нуждахъ. На островѣ Фанагоріи, Высочайше пожалованномъ казакамъ Императрицей Екатериной, писало оно Синоду въ 1794 году, возникъ цѣлый рядъ селеній до 1000 душъ въ каждомъ, но за отсутствіемъ церквей и священниковъ, многіе умираютъ безъ исповѣди и причастія, а младенцы безъ крещенія и гробы ихъ остаются не запечатанными; остающіеся же въ живыхъ младенцы ждутъ крещенія по семи мѣсяцевъ. Народъ лишенъ храмовъ и богослуженія, престарѣлые жители не могутъ «закончить жизнь свою» такъ, какъ они желали бы «по своей набожности». Войсковое Правительство обратилось къ епископу Феодосійскому и Маріупольскому Іову съ просьбою рукоположить на первый случай шестерыхъ казаковъ во священники и седьмого во діаконы, а также разрѣшить постройку церквей и выдавать антиминсы; но епископъ Іовъ письменно отозвался, что сдѣлать этого безъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода онъ не можетъ. Такъ какъ другіе архіереи—въ Воронежѣ и Полтавѣ, находились въ разстояніи 1000 верстъ отъ Черноморскаго войска, а Феодосійскій епископъ вблизи его, то Войсковое Правительство про-

сило Синодъ «повелѣть епископу Феодосійскому» давать разрѣшенія на постройку церквей и рукополагать къ нимъ священниковъ изъ достойныхъ людей въ казачествѣ. Въ отвѣтъ на эту просьбу Синодъ, по приказанію Императрицы Екатерины II, указомъ 4 марта 1794 года, постановилъ причислить Черноморію къ Феодосійской епархіи и далъ общія указанія объ устройствѣ церквей и организаціи духовенства, сводившіяся къ слѣдующимъ условіямъ.

Возводить во священники позволялось лицъ не обязанныхъ воинскою службою и государственными податями, православныхъ по вѣрѣ и надлежаще подготовленныхъ для служенія въ храмахъ.

Согласно просьбѣ казаковъ, разрѣшалось посвятить „на первый разъ безъ излишества", сколько потребуется въ священники и одного въ діаконы.

Тамъ, гдѣ не имѣлось еще построенныхъ церквей, ставить походныя церкви, но при условіи постройки для духовенства „выгодныхъ домовъ непремѣнно".

О количествѣ церквей и опредѣляемыхъ къ нимъ священниковъ епископъ обязанъ былъ доносить синоду.

Епископу поручено было „смотрѣть, чтобы не было излишества" въ количествѣ церквей. Церковный приходъ опредѣлялся наименьшее во сто дворовъ по 4 души муж. пола въ каждомъ.

Архіерею вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы въ каждомъ приходѣ, согласно межевой инструкціи 1766 г., февраля 13, пунк. 69, было отведено причту не менѣе 33 десят. земли, „въ церковное владѣніе надлежаще отъ Войскового Правительства утвержденныхъ".

И уже 30 апрѣля того же 1794 г. іеромонахъ Коментарій изъ Феодосійской духовной консисторіи извѣстилъ Войсковое Правительство, что присланные отъ войска бывшіе казаки Яковъ Дьячевскій, Андрей Коломіецъ и Петръ Письменный посвящены преосвященнымъ Іовомъ во стихари — первые два причетниками, а послѣдній пономаремъ къ походной войсковой Троицкой церкви.

Такимъ образомъ, Войсковое Правительство добилось того, чего желало. Головатый, зорко слѣдившій за выгодами войска, пошелъ далѣе въ проведеніи намѣченныхъ мѣръ. На ряду съ своимъ казачьимъ духовенствомъ, онъ рѣшилъ обзавестись и своимъ казачьимъ ближайшимъ духовнымъ начальствомъ.

Въ мѣстечкѣ Новоселицы служилъ священникъ Романъ Порохня, родственникъ Головатаго. Вотъ этотъ родственникъ судьи и поставленъ былъ во главѣ казачьяго духовенства. 17 марта 1794 г. екатеринославская духовная консисторія извѣсти-

ла Войсковое Правительство, что Гавріилъ, митрополитъ Екатеринславскій и Херсонеса Таврическаго, возвелъ по Высочайшему повелѣнію въ санъ протоіерея священника м. Новоселицы Романа Порохню и отправилъ его въ Черноморское войско въ качествѣ войскового протоіерея.

Протоіерей Порохня былъ не только родственникомъ Головатаго, но и челоѣкомъ сильно привязаннымъ къ войску и энергично дѣйствовавшимъ въ его интересахъ по вербовкѣ казачества. Въ 1794 г. какой-то пріятель Головатаго, который „похорунживъ“ сына его Павла, учившагося въ Харьковскомъ пансіонѣ, просилъ и „поасаулить“ его—„нехай, пояснялъ пріятель судьи, и мое ледащо людиною буде!“, Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣстилъ Головатаго, что еще въ Слободзеѣ отецъ Романъ Порохня и попъ Емельянъ выдали приказчику Очеретоватой и какому-то маляру паспорты отъ войска, какъ казакамъ; но оба эти лица были подставныя, пожелавшія вывести на свѣжую воду тѣхъ, кто вербсвалъ въ черноморскіе казаки жителей Очеретоватой. Паспорты были посланы въ Петербургъ какому то Ларіону Спиридоновичу (вѣроятно, владѣльцу Очеретоватой). «Дѣло пошло не на шутку, писалъ пріятель Головатому. Отцы святые подъ отвѣтъ попались и во всемъ сознались“. Имъ грозитъ кара Синода. Пріятель совѣтовалъ потушить дѣло и предпринять мѣры „къ неспроверженію зла“. Что сдѣлалъ Головатый, неизвѣстно, но Порохня остался въ войскѣ и занялъ самостоятельное и почетное положеніе войскового протоіерея.

Въ ноябрѣ 1794 года Войсковое Правительство просило у архіерея разрѣшенія поставить походныя церкви въ Копылѣ, на Бейсугѣ, Челбасахъ и Еѣ, выдать антиминсы и рукоположить во священники дьяковъ Ивана Андріевскаго и Кондрата Бѣлаго. Архіерей Іовъ разрѣшилъ поставить только двѣ церкви —въ Копылѣ и въ устѣ Еи въ куренѣ Щербиновскомъ, Постановку же церквей на Бейсугѣ и Челбасахъ отложить до того времени, когда дьяки Андреевскій и Бѣлый, оказавшіеся совершенно не подготовленными къ священническому сану, подготовятся. Затѣмъ Іовъ просилъ Войсковое Правительство направлять ходотайства о новыхъ священникахъ чрезъ войскового протоірея, которому онъ дастъ свои инструкціи.

Вообще въ эту пору особенно рѣзко обнаруживаются стремленія войска обзавестись собственнымъ духовенствомъ и устроить церкви въ важнѣйшихъ пунктахъ казачьихъ поселеній. Войсковое Правительство не препятствовало уходу изъ военныхъ рядовъ тѣмъ изъ грамотныхъ казаковъ, которые имѣли желаніе принять духовный санъ. Въ средѣ казаковъ было также не мало лицъ, которыхъ манила „духовная служба“ своимъ почетнымъ положеніемъ и спокойстві-

емъ. Создались и упрочились извѣстныя отношенія между властями и населеніемъ, выработались обычаи образованія духовенства изъ своей среды, напоминавшіе порядки временъ перваго христіанства. Въ основу этихъ обычаевъ положено было выборное начало, а избирателями были міряне, состовлявшіе приходъ. Казаки выбирали обыкновенно по куренямъ священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, давали имъ одобрительные приговоры и посылали этихъ кандидатовъ къ владыкѣ для посвященія. Архивы Кубанскій войсковой и церковный при Войсковомъ соборѣ переполнены приговорами этого рода, составленными по однообразной формѣ. Вотъ образецъ такого приговора.

Въ 1796 году жители куреней Ирклiевскаго и Брюховецкаго просили у Гервасія, Епископа Феодосійскаго и Маріупольскаго, разрѣшенія построить церьковь и рукоположить къ ней священникомъ казака куреня Выщестебліевскаго Гавріила Куса, исправлявшаго обязанности дьячка при войсковой Троицкой церкви. „Свидѣтельствуемъ“, говорится въ ходотайствѣ казаковъ, „что отъ роду Кусу 30 лѣтъ, состоянія добраго, не пьяница, не бійца, не мшелоимецъ, въ домостроительствѣ своемъ исправенъ и рачителенъ, не клеветникъ, не сварливъ, въ воровствѣ и обманствѣ не обличенъ, женатъ первымъ бракомъ на дѣвицѣ“. Таковы были качества, которыя требовались отъ лица, желавшаго принять санъ священника и быть духовнымъ учителемъ прихожанъ. Очевидно, священниками должны были быть лучшіе люди изъ прихожанъ. Такъ оно въ большинствѣ случаевъ и было дѣйствительно, судя по историческимъ даннымъ.

Казачество вообще старалось использовать людей непригодныхъ для военной службы, но достойныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, въ журналѣ отъ 16 ноября 1797 г. значится, что въ духовное вѣдомство былъ причисленъ дьячкомъ казакъ „въ разсужденіи приключившейся внутренней болѣзни и имѣнія на обоихъ рукахъ изъ природы по три пальца“.

Но нѣтъ правила безъ исключеній. Положеніе духовенства было не только заманчивымъ для людей религіозныхъ и цѣнившихъ мирную жизнь, но и соблазнительнымъ для разнаго рода проходимцевъ и искателей легкой наживы по части обиранія ближнихъ. Въ средѣ казачьяго населенія вращались духовныя лица безъ мѣста, монашествующія, странники и святоши. 8 мая 1904 года епископъ Іовъ просилъ Войсковое Правительство выслать изъ войска „шатающихся безъ письменнаго вида священниковъ и манашествующихъ“. Позже въ 1799 г. въ письмѣ къ епископу Феодосійскому Христофору митрополитъ Новороссійскій Гавріилъ писалъ,

что по Черноморіи и въ другихъ мѣстахъ обиралъ населеніе бродяга, странствовавшій подъ именемъ архимандрита Діонисія. Бродяга этотъ имѣлъ отъ Одесской греческой церкви книгу для сбора подаяній. „Когда я прибылъ въ митрополію, сообщалъ Гавріилъ, то такихъ бродягъ было нѣсколько, а теперь, сколько мнѣ извѣстно, только одинъ. Бродяги эксплоатировали довѣрчивое, религіозно настроенное населеніе, совершали требы, какъ духовныя лица, и часто творили безобразія, но этимъ и ограничивалась ихъ роль.

Казачество чутко относилось къ дѣламъ собственной казачьей церкви и давало одобрительные приговоры на поступленіе въ духовное званіе только своимъ жителямъ, которыхъ оно близко знало. Но и въ семьѣ не безъ урода. Послѣдствія показали, что слишкомъ поспѣшное формированіе казачьяго духовенства не обошлось безъ допущенія въ духовную среду людей неподготовленныхъ и недостойныхъ. Были случаи, когда представители духовенства предъявляли непомѣрныя требованія къ прихожанамъ, брали за требы большую мзду, отправляли свои обязанности «не въ достойномъ сану видѣ», предавались пьянству, производили насилія и т. п. Яблоко не далеко падаетъ отъ яблони, и тѣ нравы, грубыя и жестокія взаимоотношенія, какія царили тогда въ средѣ казаковъ, свойственны были, въ болѣе слабой конечно степени, и казачьему духовенству.

Въ самые порядки обращенія казака въ духовнаго отца внѣдрились также произволъ и злоупотребленія. На сколько безукоризненны были въ этомъ отношеніи куренныя общества, дававшія одобрительные приговоры только лицамъ, по мнѣнію жителей, достойнымъ духовнаго званія, на столько безцеремонно и своекорыстно дѣйствовали всѣ тѣ, кто занималъ извѣстное мѣсто въ бюрократической лѣстницѣ духовныхъ учрежденій. Представленія и одобрительные приговоры шли черезъ войскового протопопа въ консисторію и восходили до владыки. На этомъ пути кандидату въ духовный санъ предстояло преодолѣть цѣлый рядъ трудностей—нужно было надлежаще подготовиться и угодить всѣмъ, начиная съ войскового протопопа и оканчивая владыкой.

Сами архіереи относились къ этому различно. Первый епископъ Іовъ былъ человѣкъ строгій и съ разборомъ относился къ ставленникамъ кандидатамъ. Лицъ, не подготовившихся къ служенію въ церкви, онъ просто не посвящалъ въ санъ, а заставлялъ подготовиться, какъ слѣдуетъ. Чтобы получить нѣсколькихъ священниковъ и діакона, Войсковому Правительству пришлось обратиться къ Святѣйшему Синоду для воздѣйствія на епископа Іова, но и при этомъ условіи Іовъ не измѣнялъ своихъ отношеній къ дѣлу. Болѣе уступчивымъ

былъ епископъ Гервасій, замѣстившій Іова. Онъ посвящалъ обыкновенно въ санъ всѣхъ представленныхъ ему кандидатовъ, но только отсылалъ потомъ ставленниковъ для обученія къ войсковому протопопу Порохнѣ. Но и при Іовѣ, и при Гервасіѣ на исходъ дѣлъ ставленниковъ, видимо, имѣли вліяніе подарки или, по просту, взятки. Сами архіереи не брезгали подарками. Подарки эти посылались архіереямъ отъ Войскового Правительства черезъ кандидатовъ – ставленниковъ, и, надо полагать, дѣло не обходилось безъ участія въ подаркахъ послѣднихъ. 2 ноября 1796 года кошевой Чепига писалъ епископу Гервасію: «для стола Вашего Преосвященства икры свѣжей два боченка, балыковъ паръ десять и часть визиги посылаю». И тутъ же атаманъ просилъ владыку рукоположить во священниковъ посланныхъ кандидатовъ: діакона Григорія Стрѣшенко, Алексѣя Волынскаго, Гавріила Куса, Ивана Суиму и Федора Соболя. Немедленно, въ ноябрѣ же полученъ былъ отвѣтъ отъ Гервасія, что онъ получилъ подарки—коверъ, балыки, визигу и пр. и посвятилъ во іереи всѣхъ пять кандидатовъ. Но въ письмѣ кошевого Чепиги не значился въ числѣ подарковъ коверъ, а епископъ Гервасій упомянулъ о немъ. Не была ли это добавка къ подаркамъ кошевого со стороны ставленниковъ?

Что подарки тяжело ложились на карманъ ставленниковъ, относительно этого сохранились прямыя указанія въ историческихъ матеріалахъ. Сами ставленники неоднократно жаловались на это. Въ то время возлѣ архіереевъ несомнѣнно царили тѣ порядки обиранія зависимыхъ духовныхъ лицъ, какими искони славились такія учрежденія, какъ духовныя консисторіи.

Такими то путями шло образованіе черноморскаго духовнаго сословія. Немногія тѣневыя стороны въ этомъ процессѣ формированія духовныхъ руководителей казачества были, конечно, продуктомъ времени и обусловливались степенью казачьей культуры; но онѣ не убили живого начала, легшаго въ основаніе своеобразнаго казачьяго института. И само населеніе, и Войсковое Правительство, и духовныя власти заботились о томъ, чтобы пастыри и церковный клиръ состояли изъ лицъ избранныхъ населеніемъ изъ своей среды, людей излюбленныхъ по приходамъ и «добраго состоянія» по своимъ нравственнымъ качествамъ. Выборное начало служило тѣмъ связующимъ звеномъ, которое прикрѣпляло пастыря духовнаго, члена общества, къ пасомымъ—приходу. Духовенство, избранное изъ казачьей среды, на всегда оставалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ казачьемъ сословіи, получало земли наравнѣ съ другими общинниками, а дѣти его числились въ посемейныхъ спискахъ въ казачьемъ званіи и несли военную

службу, разъ не причислены были, по тѣмъ или другимъ причинамъ, къ службѣ духовной.

Уже въ первые годы существованія войска образовался на такихъ началахъ довольно значительный контингентъ казачьяго духовенства. Такъ, въ спискѣ протоіерея Порохни за декабрь 1797 года значатся чисто казачьи фамиліи—по куреню Таманскому—священникъ Демешко, Полтавскому—священникъ Стрѣшенко, Сергіевскому—Говоруцкій, Величковскому—Суима, Коневскому—Соболь, Ирклієвскому—Кусъ, Березанскому—Косогонъ, Дядьковскому—Трофименко, Незамаевскому—Левченко и т. д. Въ это время въ войскѣ были уже 1 протоіерей, одинъ діаконъ, 22 священника и одинъ кандидатъ на священника. А по списку 2 января 1799 года значилось 16 отстроенныхъ церквей, строилось 9 въ девяти куреняхъ и предполагалось къ постройкѣ 2, всего, слѣдовательно, 27 приходовъ. Кромѣ священниковъ и кандидатовъ во священники къ этимъ церквамъ, состояло 43 дьячка и пономарей, уволенныхъ и неуволенныхъ еще изъ военной службы. 29 августа 1799 года протоіерей Порохня сообщилъ Войсковому Правительству, что епископъ Феодосійскій Христофоръ, посѣтившій Черноморію, лично приказалъ ему укомплектовать церковный клиръ уволенными въ духовное званіе и избранными по куреннымъ обществамъ казаками. Порохня представилъ Войсковому Правительству списокъ церковнослужителей, изъ котораго видно, что, кромѣ г. Екатеринодара, состояло уже въ войскѣ 1 діаконъ, 38 дьячковъ и пономарей, изъ которыхъ 9 предстояло еще уволить въ духовное званіе, а два сверхъ того—Яковъ Тирса и Яковъ Лебединскій, оказались „неспособными и нерадивыми по должности“. На пополненіе недостающаго количества церковнослужителей, протоіерей Порохня, по указаніямъ куренныхъ обществъ, внесъ въ списки еще 18 лицъ. Этимъ какъ бы заканчивалось то спѣшное формированіе казачьяго духовенства, въ которомъ принимали такое дѣятельное участіе Войсковое Правительство, куренныя общества и все вообще войско.

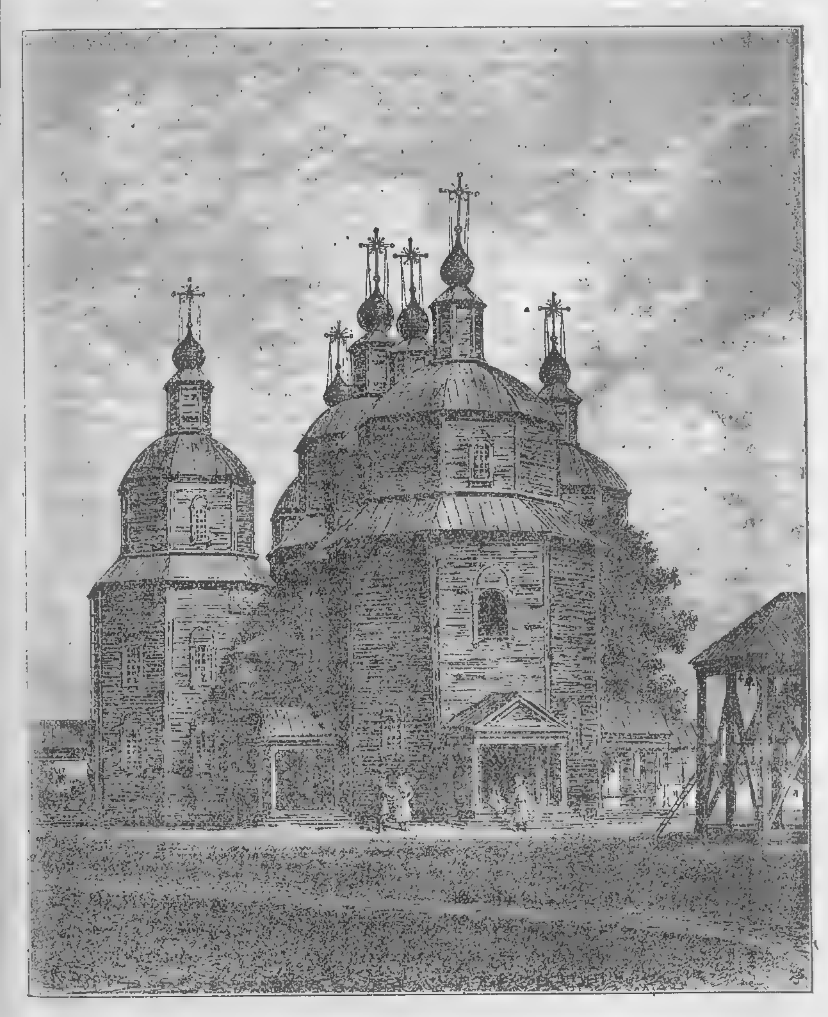
Если въ устройствѣ церквей по куреняхъ и въ избраніи къ нимъ священниковъ и причетниковъ особенно сильно заинтересовано было рядовое казачье населеніе, разбросанное по разнымъ мѣстамъ заселеннаго края, то излюбленнымъ дѣломъ Войскового Правительства и чиновной старшины была постройка войскового собора въ Екатеринодарѣ. Соборъ предполагалось построить по образцу существовавшаго въ Запорожскомъ Кошѣ храма, но въ болѣе громадныхъ размѣрахъ. Черноморцы хотѣли разомъ и помянуть старину и удивить людей. За религіозными нуждами ярко выступало своего рода

тщеславіе. Главарямъ войска нужно было создать что либо особенное, выдающееся. Начало этому, можно сказать, предпріятію положено было Екатериной II. Письмомъ 2 марта 1794 г. на имя кошевого Чепиги графъ Платонъ Зубовъ извѣстилъ, что Государыня пожертвовала на построеніе храма въ Екатеринодарѣ 3000 рублей и ризы». Казачье начальство использовало этотъ даръ. Съ 1799 года оно начало подготовляться къ постройкѣ собора въ Екатеринодарѣ. Были сдѣланы распоряженія о заготовкѣ лѣса, употреблено 6000 р. пожертвованныхъ денегъ и заключенъ контрактъ съ подрядчиками—Гусельщиковымъ и Николаевымъ. Подрядчикъ обязался выстроить деревянную церковь съ колокольней своими рабочими и на своихъ харчахъ. «Церковь должна быть пятиглавой, съ желѣзной крышей, въ длину, ширину крестообразно и въ вышину 50 арш., а колокольня въ вышину по пропорціи съ церковью». Постройку собора подрядчикъ обязался начать съ декабря 1799 года и окончить въ теченіе года. Плата за работы опредѣлена въ 10000 руб. —1000 р. задатка, 4000 при закладкѣ церкви и 5000 «по усмотрѣнію работъ».

Постройка храма однако задержалась. Только на 29 іюля 1800 года назначена была закладка въ Екатеринодарѣ церкви Воскресенія Христова, при чемъ требовалось еще отыскать мастеровъ для высѣченія камня и отливки оловянной тарелки подъ фундаментъ зданія. Войсковое Правительство распорядилось вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить изъ куреней стариковъ и казаковъ для участія въ этомъ торжественномъ войсковомъ актѣ. Но уже въ слѣдующемъ 1801 году раскриты были обстоятельства, бросившія неблаговидную тѣнь на строителей и обнаружившія крупные недостатки въ строительствѣ. Посланный въ войско генералъ Кираевъ донесъ генералъ-прокурору Святѣйшаго Синода о злоупотребленіяхъ и ошибкахъ при постройкѣ Екатеринодарской церкви. Строилась, по словамъ Кираева, «преогромная деревянная церковь архитектурою подобная той, какова была въ старой Запорожской Сичи». Постройка была задумана не разумно и нерасчетливо. Благодаря дороговизнѣ лѣса, получаемаго съ Волги и обходившагося по 6 р. за бревно, на тѣ средства, которыя были затрачены на церковь, давно уже можно было бы построить превосходный каменный изъ жженаго кирпича храмъ. На церковь Войсковымъ Правительствомъ было отпущено 30000 рублей, а издержано было уже болѣе 60000 рублей—церковь при этомъ не достроена. Въ результатѣ приказано было мѣстному архіерею разслѣдовать дѣло.

Изъ рапорта подрядчика сотника Плетневича въ войсковую канцелярію отъ 13-го февраля 1807 г. видно, что въ

этомъ году иконостасъ въ Екатеринодарскомъ соборѣ былъ оконченъ.



Старый войсковой соборъ въ городѣ Екатеринодарѣ.

Болѣе серьезную задачу въ дѣлѣ церковнаго строительства и религiозныхъ установленiй представляло устройство обители войскомъ. Запорожцы имѣли свой монастырь—Самарскую Николаевскую пустынь, которую поддерживали

щедрыми пожертвованьями и въ которой наиболѣе религіозные представители казачества оканчивали свои дни, принимая монашество и схиму. Черноморцы пожелали имѣть такую-же свою собственную обитель, мотивируя необходимость ея тѣмъ, что многіе престарѣлые и раненые казаки желали окончить жизнь свою въ монашескомъ чинѣ. Мѣстомъ для нея было избрано красивѣйшее урочище у такъ называемаго Лебяжьяго лимана, напоминавшаго своей фигурой лябедя и изобиловавшаго лебедями. Поэтому, и самый монастырь былъ названъ Екатеринолебяжинской пустынью. Черноморцы пожелали устроить свой монастырь по образцу Саровской пустыни. Изъ указа Синода отъ 7-го августа 1794 г. видно, что прежде чѣмъ Войсковое Правительство обратилось въ Синодъ съ просьбой о разрѣшеніи устроить обитель, оно просило о томъ-же и Государыню Екатерину II, которая и дала разрѣшеніе на это указомъ на имя Святѣйшаго Синода. Синодъ слѣдовательно, только исполнилъ волю Царицы. На основаніи этого указа было предписано Іову, епископу Феодосійскому и Маріупольскому, выяснить: 1) что и гдѣ представляло собою мѣсто для устройства обители на строителя, 30 монахсвъ и 10 больничной братіи и 2) какое лицо желало Войсковое Правительство представить въ настоятели. Въ слѣдующемъ году отношеніемъ Феодосійской консисторіи за подписью іеромонаха Коментарія, было сообщено Войсковому Правительству, что, согласно просьбѣ войска, возведенъ въ санъ архимандрита избранный войскомъ іеромонахъ Феофанъ, бывшій настоятелемъ Самарскаго Николаевскаго монастыря, и назначенный настоятелемъ Черноморской монашеской пустыни. 26-го мая 1796 г. епископъ Іовъ извѣстилъ Чепигу, что онъ согласенъ наименовать казачій монастырь Екатерино-Лебяженскою Свято-Николаевскою пустынью и велѣлъ архимандриту Феофану приступить къ постройкѣ въ ней третьей церкви во имя великомученицы Екатерины. Въ томъ же, 1796 г., епископъ Гервасій послалъ въ помощь архимандриту Феофану іеромонаха Іосифа и іеродіакона Галактіона. Въ ноябрѣ того же года войсковой атаманъ Чепига просилъ епископа Гервасія назначить, вмѣсто одряхлѣвшаго и больного Феофана, другого настоятеля.

Съ своей стороны и войско старалось пополнить ряды монашествующихъ мѣстными представителями. Такъ 5 февраля 1797 г. шесть престарѣлыхъ казаковъ изъ куреней Джереліевскаго, Васюринскаго, Ивановскаго, Незамаевскаго и Каневскаго были освобождены Войсковымъ Правительствомъ отъ военной службы и зачислены въ составъ монашествующей братіи Екатерино-Лебяженской пустыни, гдѣ до того они несли обязанности послушниковъ.

Въ своемъ прошеніи отъ 17 сентября 1798 г. войсковой атаманъ Котляревскій сообщаетъ синоду, что архимандритъ Феофанъ построилъ церковь, трапезную, поварню, пекарню, келарню, амбаръ, погребъ, ледникъ, келіи и конюшни. Но богослуженіе отправлялось «съ трудностью», такъ какъ, кромѣ престарѣлаго архимандрита были только одинъ іеромонахъ и одинъ іеродіаконъ. Изъ числа казаковъ 15 человѣкъ выдержали монашескій искусъ и могли быть посвящены въ монашескій санъ. Котляревскій просилъ синодъ разрѣшить архимандриту Феофану постричь престарѣлыхъ казаковъ въ монахи, а дряхлыхъ, больныхъ и близкихъ къ смерти не въ очередь, чтобы исполнить передъ смертью ихъ желаніе. Вообще и обитель устраивалась для престарѣлыхъ и больныхъ казаковъ. Въ октябрѣ 1799 г. казакъ куреня Леушковскаго, Матвѣй Поповъ, просилъ зачислить его въ Екатерино-Лебяжинскую пустынь «по случаю отмороженія ногъ». Тогда же зачисленъ былъ въ монастырь казакъ куреня Полтавскаго Ефимъ Гомѣлка, „больной чахоточною болѣзнью отъ разбитія лошадьми груди». Подобныхъ случаевъ было много. При такомъ формированіи монашествующей братіи, монастырь терпѣлъ недостатокъ въ землѣ. Не смотря на обѣщаніе войскового атамана Котляревскаго, къ которому по этому поводу обращался архимандритъ Феофанъ, монастырь нуждался въ земельныхъ угодьяхъ, особенно въ пастбищахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, архимандритъ жаловался на утѣсненія монастыря казачьими старшинами. Такъ, четыре старшины— Максимъ Леда, Харитонъ Магренко, Остапъ Сверкунъ и Иванъ Знакъ открыли вблизи монастыря шинковыя лавки.

Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что неустройство манастыря обусловливалось не столько недостаточнымъ обезпеченіемъ его матеріальными средствами со стороны войска, сколько безпорядочнымъ веденіемъ монастырскаго хозяйства. Генералъ Кираевъ нашелъ, что на монастырь было истрачено архимандритомъ Феофаномъ болѣе 20000 рублей, но «по плану не выстроено и половины. Построенное разрушается и довольнаго пристанища для помѣщенія престарѣлыхъ и раненыхъ на войнѣ казаковъ нѣтъ». Денежныхъ счетовъ архимандритъ не имѣлъ и не терпѣлъ. Только съ назначеніемъ отъ войска экономомъ монастыря капитана Ерко, счетоводство было нѣсколько упорядочено. Позже и престарѣлый Феофанъ былъ замѣненъ другимъ болѣе дѣятельнымъ настоятелемъ, Товіею Курганскимъ. Но это уже относится къ послѣдующему періоду въ исторіи Екатерино-Лебяжинскаго монастыря.

Такъ удовлетворяло свои религіозно-духовныя потребности казачество. Но черноморцы были дѣтьми своего вѣка Между религіей и суевѣріемъ у нихъ не было рѣзкихъ границъ. Нравы и обычаи всегда служатъ вѣрнымъ отраженіемъ воззрѣній массы, а воззрѣнія того времени не выходили изъ рамокъ примитивнаго развитія. Естественныя явленія мѣшались въ ихъ представленіи съ чудеснымъ и сверхъ-естественнымъ, на нравственныхъ понятіяхъ лежала печать примитивныхъ отношеній, обычно-правовая область отличалась признаками средневѣковаго строя.

Исторія не оставила детальныхъ данныхъ относительно всѣхъ этихъ явленій; но жизнь казачества выражалась въ такихъ формахъ, по которымъ можно судить о народномъ интеллектѣ и этикѣ. Одну изъ характернѣйшихъ формъ въ этомъ отношеніи представляла у казаковъ семья.

Какъ извѣстно, въ числѣ основныхъ задачъ выселявшагося на Кубань казачества стояло заведеніе «семейственнаго бытія». Въ Запорожской Сичи совсѣмъ не было семьи. Въ основу же народнаго быта въ Черноморіи положено было семейное начало. Казаки переселялись на новыя земли семейными—съ женами, дѣтьми и родней. Но было также и много сиромы, т. е. бездомовыхъ одиночекъ. Это были отчасти, носители запорожскихъ традицій, а отчасти люди настолько бѣдные, что не имѣли средствъ на обзаведеніе семьей. Первые не дорожили семейнымъ бытомъ, и эта черта отразилась въ самой жизни, въ особенности въ отношеніяхъ къ женщинѣ. Женщина, по ихъ понятіямъ, была зависимымъ, низшимъ существомъ. Въ историческихъ матеріалахъ сохранился въ высшей степени характерный случай воззрѣній того времени на женщину, жену и бракъ.

22-го декабря 1794 г. архіепископъ Феодосійскій Іовъ писалъ Головатому, что въ апрѣлѣ этого года казаку Самойлѣ Голованченко отдана была, по его просьбѣ, его законная жена Авдотья Юрьева, находившаяся три года замужемъ въ Керчи за босфорскимъ купцомъ—Пантелеемъ Востропловымъ и прижившая съ нимъ мальчика и дѣвочку. Впослѣдствіи оказалось, что Голованченко продалъ свою жену второму мужу за 250 руб. «и далъ тому, второму мужу, Востроплову, уступчую, засвидѣтельствованную войска Черноморскаго полковымъ старшиною Иваномъ Станкевичемъ и босфорскимъ городовымъ магистратомъ, такую, что онъ, Востроплову, сію Авдотью сыщетъ, то должна быть за нимъ вѣчно и на него онъ, Голованченко, нигдѣ искать не будетъ».

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ первыя времена существованія Черноморіи были еще казаки, продовав-

шіе своихъ женъ. На Дону, какъ извѣстно,—правда въ болѣе отдаленныя времена,—продажа женъ была обычнымъ явленіемъ. Интересно, что и высшая духовная власть, видимо, мирилась съ этимъ фактомъ. «Я не желаю сего Голованченка поступокъ выводить наружу, писалъ архіепископъ Феодосій Головатому, единственно для того, что не только онъ, Голованченко, подвергъ себя бы законному сужденію, но и навелъ на цѣлое войско порокъ, что черноморцы зачали женъ своихъ продавать». Судя по этимъ словамъ, случай былъ все таки исключительный. Тѣмъ не менѣе, владыка просилъ Головатаго наказать Голованченко «и подтвердить ему, чтобы онъ, такъ какъ уступилъ свою жену письмомъ, отъ нея отрекся, никакого дѣла не имѣлъ». Въ противномъ случаѣ архіерей грозилъ неуступчивому казаку судомъ и слѣдствіемъ. Стало быть, и сама высшая духовная власть раздѣляла преобладавшія въ массѣ воззрѣнія на женщину. Женщину продавали и укрѣпляли за мужчиной, а у нея самой объ этомъ даже не спрашивали.

По этому факту можно отчасти судить и о внутреннихъ отношеніяхъ членовъ семьи. Очевидно, что, если суровыя правила «Домостроя» и не примѣнялись вполнѣ, то и не потеряли еще своего значенія.

По крайней мѣрѣ воспитаніе юношества держалось всецѣло на страхѣ и послушаніи. Собственно образованія въ ту пору не существовало. Школъ еще не было; онѣ возникли позже; грамотность была распространена слабо; по подписямъ подъ историческими актами можно судить, что на сотню неграмотныхъ приходился одинъ или два грамотныхъ; газеты, за исключеніемъ «Сенатскихъ вѣдомостей», получаемыхъ правительствомъ, и литературныя произведенія не выписывались населеніемъ. Какъ воспитательный кодексъ оставались, слѣдовательно, нравы и обычаи, соединенные съ семейнымъ бытомъ. Но они именно и были пропитаны началами «Домостроя».

Лучшимъ показателемъ въ этомъ отношеніи были случаи судебной практики, въ которыхъ ярче, чѣмъ гдѣ либо, отражалось состояніе внутренней жизни и особенностей народнаго быта. Но и въ казачьемъ народномъ судѣ произошелъ въ это время серьезный переломъ. На смѣну стариннымъ народнымъ формамъ суда шли новѣйшія теченія въ видѣ объединительныхъ стремленій государственной власти.

Судъ и судебныя отправленія у черноморскихъ казаковъ сложились подъ вліяніемъ двоякаго рода условій—съ одной стороны, обычая, традицій и судебной практики въ Запорожской Сичи и у малорусскаго населенія, а съ другой, подъ вліяніемъ установленій центральнаго правительства. Въ осно-

въ перваго рода условій лежали чисто демократическія начала, какъ результатъ народныхъ міровоззрѣній; второго рода условія вытекали изъ общихъ объединяющихъ началъ государственной власти.

Судебныя формы, унаслѣдованныя черноморцами отъ Запорожской Сичи, были продуктомъ народнаго быта. Сичь, какъ военная община, наложила свой отпечатокъ на формы суда въ двухъ отношеніяхъ: со стороны судопроизводства и системы наказаній. Собственно же народная жизнь дала основное начало, къ которому были пріурочены судопроизводство и наказанія. Началомъ этимъ былъ семейный институтъ. Въ то время въ семьѣ господствовалъ патріархатъ. Главой и вершителемъ семейныхъ судебъ былъ отецъ. Въ Запорожской Сичи патріархальная власть выразилась въ особой формѣ, въ зависимости отъ условій быта. Семьи, какъ извѣстно, въ Запорожьѣ не было, но «батекъ-отцовъ» было много. Кошевой былъ батькомъ, куренные атаманы также считались батьками, начальники паланокъ, полковники тоже играли роль батьковъ, вообще старый заслуженный сичевикъ былъ батькомъ для начинающаго служить «молодика». И вотъ эти батьки, въ случаяхъ правонарушеній и провинностей запорожца, были судьями и исполнителями судебныхъ приговоровъ. Это была первая судебная инстанція, вѣдавшая мелкіе проступки—драки, воровство, ослушаніе и проч. Въ такихъ случаяхъ судъ и расправа скоро слѣдовали одинъ за другимъ. Разъ преступленіе было совершено, куренной атаманъ бралъ кій и самъ лично или же при помощи кухаря училъ уму разуму провинившагося. Но такъ обыкновенно наказывали за провинности и отцы своихъ дѣтей.

Вторую, высшую инстанцію, представлялъ судъ кошевого судьи или вообще кошевого начальства. Въ такихъ случаяхъ судопроизводство усложнялось—были зачаточныя формы слѣдствія и судоговоренія, а, главное, исполненіе приговора поручалось другимъ лицамъ. Наказывалъ кіями уже не судья, а есаулъ.

Въ высшей степени интересную форму наказаній представляло въ Сичи участіе всего казачества. Въ важныхъ случаяхъ преступникъ привязывался къ столбу, возлѣ преступника клали кій и каждый изъ братьевъ запорожцевъ подходилъ къ столбу, бралъ кій и отсчитывалъ на виновномъ столько ударовъ, сколько находилъ нужнымъ. Часто несчастнаго забивали до смерти, но иногда дѣло оканчивалось пустяками. Очень многіе въ такихъ случаяхъ совсѣмъ не брали въ руки кія, а другіе наказывали для виду. Однимъ словомъ, судъ шелъ своимъ обычнымъ путемъ, а осуществленіе рѣшеній суда принадлежало всему войску.

Оба эти момента — патріархальный, родительскій судъ и судъ по приговору, замѣчались и въ судебныхъ актахъ вновь поселившихся черноморцевъ. Низшіе представители власти и начальники округовъ исполняли также судейскія обязанности, какъ это дѣлали куренные атаманы въ Сичи. Въ наказахъ и инструкціяхъ Войскового Правительства этимъ представителямъ власти поручалось судить «голословно» въ маловажныхъ случаяхъ. Это значило, что судья разбиралъ дѣло на словахъ, не занося его на бумагу и тутъ же постановлялъ рѣшеніе, а нерѣдко и самъ наказывалъ. Въ 1794 году старшина Владиміръ Григорьевскій сообщалъ Головатому: «Бакабана позавчера Иванъ (Юзбаша, начальникъ Таманскаго округа) зѣло кіями добре выбилъ и содержитъ подъ арестомъ, а какъ я слѣдилъ, по маловажности ради». Случай, напоминающій всецѣло сичевую судебную практику. На лицо оказываются и судья-исполнитель приговора, и чисто запорожская расправа, и запорожскіе кіи.

Въ болѣе сложныхъ формахъ судебной практики, на ряду съ «голословнымъ» разбирательствомъ, практиковалось и письменное судопроизводство. Подавались прошенія, заносились на бумагу рѣшенія, дѣлались предписанія и т. п. Было даже нѣчто въ родѣ адвокатуры. Такъ, опредѣленіемъ суда, за подписями Головатаго, Котляревскаго, Тиховского и Красули, былъ допущенъ казакъ куреня Васюринскаго Телевой «къ хожденію» по дѣлу прапорщика Кошмана противъ поручика Матяшевскаго, оскорбившаго Кошмана «ругательствомъ и прочими пороки и безчестіе». «Хожденіе» выразилось въ томъ, что Кошманъ поручилъ Телевому «просьбы подавать, судныя рѣчи за него говорить въ удовольствіе или неудовольствіе и, гдѣ слѣдуетъ, подписывать».

На случаяхъ письменнаго судопроизводства несомнѣнно сказалось вліяніе и писаннаго закона. Письменное судопроизводство, какъ это уже выше отмѣчено, существовало и въ Запорожьѣ; но въ грамотѣ Екатерины II вмѣнена уже въ обязанность войску эта форма судопроизводства. По этому акту Войсковому Правительству представлены были «расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности», но вмѣстѣ съ тѣмъ Войсковое Правительство должно было сообразоваться съ законами объ управленіи губерніями, и въ важныхъ случаяхъ предписывалось отсылать преступниковъ таврическому губернатору «для осужденія по законамъ». Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ безъ письменнаго дѣлопроизводства суду уже нельзя было обойтись. Въ этихъ видахъ въ войсковой канцеляріи велись судебные журналы и регистры.

Но, вводя письменное судопроизводство въ черноморскіе суды, въ грамотѣ не было точно указано, какія же преступ-

ленія нужно считать важными. Допускалось усмотрѣніе. Судебныя власти черноморцевъ могли различно толковать важные и неважные случаи правонарушеній. Заранѣе можно было сказать, что войсковые правители будутъ руководиться при этомъ обычнымъ правомъ и практикою прежнихъ казачьихъ судовъ.

Въ высшей степени характернымъ оказываются тѣ именно дѣла, въ которыхъ Войсковое Правительство, подъ вліяніемъ обычая, превращало важныя дѣла по закону въ неважныя по здравому смыслу. Казалось бы, что случаи такихъ правонарушеній, которыя карались смертною казнью, были дѣлами важными. Между тѣмъ, въ судебныхъ дѣлахъ Черноморскаго войска встрѣчается цѣлый рядъ случаевъ, когда казачьи власти не только разсматривали такія дѣла, съ которыми было связано наказаніе смертной казнью, но и замѣняли ее болѣе легкимъ наказаніемъ.

Въ 1798 г. казакъ куреня Каневскаго Федоръ Верещака бѣжалъ съ военнаго поста. По военнымъ законамъ того времени назначалась за проступки этого рода смертная казнь. Но Войсковое Правительство, принимая во вниманіе молодость и неиспорченность казака, постановило наказать его 200 ударовъ плетей публично въ Екатеринодарѣ.

Въ другомъ случаѣ четыре молодыхъ парня, поставленные на Кубани для охраны границъ войска отъ черкесъ, уснули, а въ это время черкесы угнали у нихъ лошадей. За это по закону грозила имъ смертная казнь. Но Войсковое Правительство, принимая опять таки во вниманіе молодость неисправныхъ охранителей и, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что это были даже не черноморскіе казаки, а нанятые казаками батраки, которыхъ взамѣнъ себя хозяева послали для охраны границъ, постановило замѣнить смертную казнь 25-ти ударами кіевъ. При этомъ приказано было возить провинившихся съ кордона на кордонъ и на каждомъ посту наказывать публично «въ примѣръ прочимъ».

Таково было вліяніе обычнаго права и здравыхъ понятій суда на случаи несоотвѣтствія между маловажными преступленіями и наказаніемъ за нихъ смертной казнью. Войсковое Правительство проводило болѣе гуманныя мѣры возмездія съ явнымъ нарушеніемъ законовъ о смертной казни...

Трудно вообще было удержаться обычному праву предъ напоромъ закона писанаго. Казакамъ предписано было руководиться этими законами, а они наполнены были суровыми наказаніями, какъ за крупныя, такъ и за мелкія правонарушенія. Многочисленные судебные акты черноморцевъ испещрены преимущественно дѣлами уголовнаго характера, и всюду фигурируютъ шпицрутены, плети, кнутъ, вырыванье

ноздрей, клейменіе, какъ заурядные виды судебнаго возмездія. Такъ, бѣжавшій отъ помѣщика и выдававшій себя за казака крестьянинъ Середа былъ наказанъ 50 ударами плетей за кражу двухъ квартъ горячаго вина, послѣ чего Войсковое Правительство распорядилось отправить наказаннаго крестьянина черезъ Бѣлгородскій земскій судъ къ его помѣщику Шереметеву. Интересно, что къ этому уголовному дѣлу были примѣшаны и обстоятельства имущественнаго характера. Потерпѣвшій полковой есаулъ Стояновскій, вмѣсто того, чтобы получить вознагражденіе за украденныя у него двѣ кварты вина, долженъ былъ оплатить расходы по продовольствію вора во время пребыванія его подъ стражей. Другой крестьянинъ «малороссійской породы» за шатательство и воровство разныхъ вещей подлежалъ наказанію 200 плетей. Но войсковая канцелярія, принявъ во вниманіе, что украденныя вещи были полностью возвращены, постановила: вмѣсто наказанія причислить его казакомъ въ курень Брюховецкій, на основаніи указа отъ 21 августа 1799 г.

Раньше за воровство казаки наказывались обыкновенно кіями. Въ 1799 г. малороссіянинъ Степанъ Халикъ за кражу на сумму 280 руб. 70 коп. приговоренъ былъ Войсковымъ Правительствомъ къ наказанію 100 ударами кіевъ, взамѣнъ наказанія кнутомъ, считавшагося, повидимому, у казаковъ болѣе тяжкимъ и позорнымъ. При этомъ, атаманъ куреня Кисляковскаго, поручикъ Шанька и казакъ Нявецкій, приписавшіе самовольно Халика въ Кисляковскій курень, присуждены были къ уплатѣ 52 руб. для удовлетворенія лицъ, потерпѣвшихъ отъ казака Халика.

Дѣла по преступленіямъ противъ религіи передавались обыкновенно духовнымъ властямъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда правонарушенія производились лицами духовными въ обычной области уголовнаго права, дѣла этого рода вѣдало Войсковое Правительство. Въ судебныя рѣшенія внесено интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло о священникѣ Канюкѣ. Священникъ этотъ, помимо личныхъ безнравственныхъ поступковъ, обвинялся въ колдовствѣ совмѣстно съ казачкой Лаврушихой и нѣкоторыми другими лицами. Колдовство же выразилось въ томъ, что Канюка, для смягченія архіерейскаго гнѣва, посыпалъ доставленнымъ ему Лаврушихой макомъ входъ въ ограду церкви и въ царскія врата съ заклинаніями. Канюка былъ за это лишенъ сана, а Лаврушиха съ сообщниками были наказаны тѣлесно.

Вообще, судебныя формы и судебное производство у черноморцевъ, въ періодъ заселенія ими края, только слагались и вырабатывались, какъ и все въ тогдашней жизни. Такъ какъ, съ одной стороны, судебныя дѣла велись самими

черноморцами, а съ другой, часть дѣлъ передавалась таврическому губернатору и властямъ военнымъ, то черноморскіе казаки поставлены были на первыхъ порахъ своей самостоятельной жизни, какъ бы на распутьи между излюбленными народными обычаями и требованіями центральнаго правительства. Только къ концу этого періода центральное правительство издало рядъ узаконеній по упорядоченію судебнаго и административнаго дѣлопроизводства. Съ того времени и суды у черноморцевъ приняли болѣе опредѣленныя формы.

Охватывая общимъ взглядомъ хозяйственный бытъ и внутреннюю жизнь черноморцевъ, можно установить тотъ общій выводъ, что всѣмъ разнообразнымъ сторонамъ этого быта и жизни присущи были однѣ и тѣ-же общія черты. На всемъ лежала печать зарожденія, примитивности и несложныхъ отношеній.

Земледѣліе, заимочно-поселочныя формы, скотоводство, эксплоатація лѣсныхъ и минеральныхъ богатствъ, рыбопромышленность, вообще хозяйственная жизнь и экономическія взаимоотношенія находились въ зачаточномъ состояніи.

По примѣру Запорожской Сичи, черноморцы сразу создали войсковыя предпріятія, но въ этомъ отношеніи было положено только начало войсковымъ финансамъ или войсковому капиталу путемъ извлеченія доходовъ отъ солепромышленности, рыболовства и виннаго откупа.

Денежныхъ повинностей въ войскѣ не существовало еще, а были лишь натуральныя—постойная, дорожная, почтовая и по обезпеченію регулярныхъ войскъ топливомъ; всѣ онѣ были въ высшей степени тяжелы и отличались крайнею примитивностью.

Главнѣйшіе виды торговли выражались въ простѣйшихъ видахъ мѣны и натуральныхъ отношеній. На пограничныхъ мѣновыхъ дворахъ, на ярмаркахъ и даже въ куреняхъ по лавкамъ торговля велась не столько на деньги, сколько путемъ натуральнаго обмѣна однихъ предметовъ на другіе.

Широкихъ общественныхъ потребностей и учрежденій въ войскѣ не было еще. Только въ области медицинскихъ нуждъ явились первыя попытки общественнаго дѣла, въ видѣ назначенія войскового врача и инструкцій для борьбы съ эпидеміями. Тѣмъ не менѣе, борьба съ чумой 1796 года началась безъ надлежащей подготовки и окончилась всеобщимъ бѣдствіемъ, сопровождавшимся огромными матеріальными потерями, смертностью, бѣгствомъ населенія и т. п.

Такое же несложное явленіе, какъ и всѣ остальныя стороны казачьей жизни, представляло собой дѣленіе населенія на сословія. Образованіе сословій лишь началось и сводилось, главнымъ образомъ, къ интересамъ матеріальнымъ.

Но между тѣмъ, какъ казачья старшина или панство формировалось подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ матеріальнаго начала, духовное сословіе создано было народною массою подъ вліяніемъ религіозныхъ потребностей. Для этого сословія мелкія казачьи общины сами выдѣляли изъ среды своей лучшихъ, излюбленныхъ людей

Тою же заботою о духовныхъ нуждахъ обусловливалось устройство церквей и монастырской обители. Безъ первыхъ не могло жить все населеніе, а монастырь, кромѣ удовлетворенія нуждъ духовныхъ, долженъ былъ служить убѣжищемъ для престарѣлыхъ и больныхъ казаковъ.

Такія учрежденія дѣйствовали въ то время смягчающимъ образомъ на суровые нравы населенія. «Семейственное житіе» находилось въ періодѣ формированія и выработки семейныхъ устоевъ; на смѣну дикаго разгула «сиромы» шло умягчающее вліяніе жены и матери, но положеніе женщины было крайне тяжелымъ и дѣти росли, какъ трава въ полѣ, безъ гуманизурующаго вліянія образованія; все, однимъ словомъ, регулировалось въ этой области господствовавшими обычаями, а обычай, этотъ «деспотъ людей», тогда былъ зачастую дикъ и жестокъ, носилъ явные слѣды первобытныхъ отношеній людей.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ отрицательныхъ сторонъ казачьей жизни служилъ судъ. Область криминальныхъ отношеній у черноморцевъ изобиловала и воровствомъ, и грабежами, и членовредительствомъ, и убійствами, и всякими другими насиліями, отражавшими темныя стороны народной жизни. Но самый судъ и судебныя формы отличались крайне примитивнымъ характеромъ, и если суровыя судебныя дѣла вершились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ суровыхъ обычаевъ, то на ряду съ этимъ существовали и случаи смягченія этихъ обычаевъ

Такъ зародилась казачья жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ на обѣтованныхъ земляхъ Черноморіи.

ГЛАВА XI.

Сосѣди черноморцевъ, военная служба, походы и волненія казаковъ.

Знакомство съ внутреннею жизнею черноморцевъ безъ военной обстановки было бы не полно. Черноморцы шли изъ за Буга на Кубань «гряныцю держаты». Въ жалованной войску грамотѣ такъ категорически и указано: «войску Чер-

номорскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ». Казаки, слѣдовательно, заранѣе были освѣдомлены о томъ положеніи, какое они должны были занять въ новомъ краѣ. Для нихъ, поэтому, въ высшей степени было важно, кто окажется у нихъ сосѣдями и какъ эти сосѣди отнесутся къ нимъ, какъ къ пришельцамъ.

Пограничными сосѣдями черноморцевъ оказались русскіе и черкесы. Русскими были такъ называемые некрасовскіе казаки, водворившіеся на Кавказѣ далеко раньше, нѣмъ возникла у бывшихъ запорожцевъ даже мысль о переселеніи на Кубань.

Некрасовцами или игнатъ-казаками назывались на Кавказѣ бѣглые казаки-раскольники съ Дона. Съ появленіемъ раскола на Дону начались усиленныя гоненія на раскольниковъ со стороны русскаго правительства. Особенно упорно преслѣдовалъ раскольниковъ Петръ Великій. Казаки раскольники силою историческихъ обстоятельствъ вынуждены были, поэтому, бѣжать съ Дона на Кавказъ. Борьба русскаго правительства съ этими бѣглецами запечатлѣна была казнями двухъ видныхъ представителей раскола—донского казака Костюка и атамана Манацкого. Это были предворители партій раскольниковъ-казаковъ, бѣжавшихъ съ Дона на Кавказъ. Третьимъ крупнымъ предводителемъ раскольниковъ былъ Игнатъ Некрасовъ, по имени котораго были названы и самые бѣглецы.

Некрасовцы вышли съ Дона при Петрѣ Великомъ, много позже послѣ того, какъ сложили свои головы Костюкъ и Манацкой, и образовали на Кавказѣ самую устойчивую группу вольнаго казачества, искавшаго внѣ родины условій для осуществленія религіозной свободы и учрежденій въ духѣ исконныхъ казачьихъ идеаловъ.

Послѣ подавленія Булавинскаго бунта, говоритъ историкъ Донского войска Ригельманъ, «Игнашка Некрасовъ прибѣжалъ въ свою Есауловскую станицу и, взявши жену и дѣтей, ушелъ со всѣми товарищами на Кубань, и тамъ, съ сообщниками и со всею ихъ шайкою, въ подданство Крымскому хану отдался». Самъ по себѣ Булавинскій бунтъ представлялъ яркое проявленіе народной силы и мощи, а Булавинъ былъ однимъ изъ крупныхъ борцовъ за казачьи идеалы. Булавинское возстаніе вызвано было запрещеніемъ центральнаго правительства принимать въ казачество бѣглыхъ помѣщичьихъ людей. Казаки не могли помириться съ этимъ запретомъ, и во главѣ народнаго движенія сталъ Булавинъ, сложившій свою голову за казачью свободу и автономныя права. Некрасовъ былъ правой рукой Булавина въ

этой борьбѣ съ правительственными войсками. Булавинъ сразу же поставилъ его полковникомъ и поручалъ потомъ командованіе тысячными отрядами. Когда разбитый всюду Булавинъ въ отчаяніи застрѣлился, его мѣсто занялъ Некрасовъ. Пробравшись въ верховыя станицы, Некрасовъ собралъ новую толпу вольницы и пришелъ съ нею на Волгу. Здѣсь онъ ограбилъ города Саратовъ и Царицынъ, а оказавшую ему упорное сопротивленіе Камышенку разорилъ до тла. Такъ какъ со смертію Булавина казаки мало по малу стали приносить повинную, то Некрасовъ нашелъ невозможною дальнѣйшую борьбу съ правительственными войсками. Желая избѣжать плѣна и казни, онъ пробрался въ 1708 году съ своими сообщниками на Кубань. Сюда же послѣ къ нему прибыли и два другихъ булавинскихъ предводителя: Гаврюшка Чернецъ и Ивашка Драной.

На Кубани некрасовцы заняли мѣсто въ центрѣ бывшаго царства Босфорскаго. По указанію Крымскаго хана, они осѣли тремя городками—Блудиловскимъ, Голубинскимъ и Чирянскимъ, на Таманскомъ полуостровѣ между Копыломъ и Темрюкомъ. Городки эти, названные такъ по именамъ тѣхъ станицъ, изъ которыхъ прибыла на Кубань главная масса бѣглецовъ, были укрѣплены земляными валами и увезенными съ Дона шестью мѣдными и одною чугонную пушками. Впослѣдствіи община некрасовскихъ казаковъ возрасла численно и окрѣпла экономически. Надо полагать, что некрасовцы застали уже на Кубани часть казаковъ-раскольниковъ, ушедшихъ съ Дона и что съ ними слились какъ аграханскіе казаки-раскольники, такъ и казаки-раскольники, поселившіеся въ устьяхъ р. Лабы. По крайней мѣрѣ, позже тѣ и другіе выходцы исчезли съ прежнихъ мѣстъ поселенія. Но главный притокъ въ некрасовской общинѣ давали новые бѣглецы съ Дона, селившіеся слободами между тремя названными станицами. Некрасовцы, выражаясь язвительнымъ языкомъ Ригельмана, «пріумножили себя казаками, такими же ворами, каковы были сами». Въ переводѣ на болѣе деликатный языкъ это означаетъ, что къ некрасовцамъ льнула казачья вольница, не желавшая мириться съ порядками на родинѣ или бѣжавшая изъ подъ кнута и ссылки. Всякіе люди конечно сюда попадали; но основную окраску некрасовскому казачьему войску придавало религіозное отщепенство, возведенное въ подвигъ и дышавшее непримиримымъ фанатизмомъ.

Крымскій ханъ и татары съумѣли использовать эти качества «игнатъ-казаковъ». Въ лицѣ ихъ они нашли стойкихъ и озлобленныхъ противниковъ русскихъ войскъ и тѣхъ казаковъ, которые были на сторонѣ православія противъ рас-

кола. Вражда бѣглецовъ, зародившаяся на Дону, перенесена была на Кубань, и здѣсь не только не угасла, но безпрерывно тлѣла, какъ искра, могущая во всякое время разгорѣться въ огромный пожаръ. Некрасовцы превратились не только въ подданныхъ татаръ, но и въ ихъ союзниковъ. Приверженность ихъ къ ханамъ была такъ велика, что послѣдніе употребляли часть некрасовцевъ противъ внутреннихъ смутъ и для подавленія волненій среди татаръ. При набѣгахъ же и войнахъ съ русскими некрасовцы становились въ ряды враговъ Россіи и несли месть и опустошенія въ мѣста прежней своей родины.

Татары, давши некрасовцамъ убѣжище, предоставили имъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры и внутреннихъ распорядковъ. У казаковъ осталось свое управленіе, свои выборныя власти. Завися отъ ханской администраціи, въ своей внутренней жизни казаки руководились вѣковыми обычаями и исторически сложившимися установленіями. Во главѣ казачьей общины стоялъ выборный войсковой атаманъ и «казачій кругъ» или сходъ полноправныхъ представителей общины. Эти высшіе органы управленія были одинаково присущи и всему некрасовскому войску и тѣмъ мелкимъ единицамъ, на которыя оно дѣлилось. Пока живъ былъ самъ Некрасовъ, онъ былъ и войсковымъ атаманомъ въ силу уже того высокаго авторитета, которымъ онъ пользовался у казаковъ, татаръ и черкесовъ. Послѣ войсковыми атаманами избирались несомнѣнно самыя видныя въ войскѣ по дѣятельности лица.

Вмѣстѣ съ самоуправленіемъ некрасовцы пользовались самою широкою религіозною свободою, живя среди мусульманъ. Татары не посягали ни на ихъ вѣру, ни даже на народные обычаи; некрасовцы совершенно свободно строили церкви, молельни и отправляли въ нихъ по своимъ обрядамъ богослуженіе. Мало того, они устраивали скиты и монастыри, и татары не только не препятствовали имъ, но и относились съ должнымъ уваженіемъ къ этимъ религіознымъ учрежденіямъ. Вѣра отцовъ, «старая вѣра» находилась у татаръ подъ защитою властей, какъ неприкосновенная народная святыня.

Далѣе татары предоставили въ распоряженіе некрасовскихъ казаковъ достаточное количество земли и разнаго рода угодій. Надо полагать, что выборъ мѣста поселеній и окружающихъ эти поселенія угодій произведенъ самими казаками, а крымскій ханъ и его агенты только выразили согласіе на то. Раскольники поселились, въ самомъ дѣлѣ, въ мѣстности богатой рыбными ловлями и удобной для охоты за звѣрями и болотной птицей. Въ ту пору прикубанскіе камыши и плавни изобиловали дикими свиньями, козами, оленями,

фазанами, гусями, утками и т. п. живностью, а казаки были искони рыболовами и звѣроловами. Такъ какъ татары были по преимуществу скотоводами и самое скотоводство велось съ помощью перекочевокъ, то весьма возможно, что выборъ мѣстъ поселенія казаками-раскольниками ни мало не нарушалъ интересовъ кочующихъ татаръ, нуждавшихся болѣе въ степяхъ, чѣмъ въ водныхъ и болотныхъ угодьяхъ. Некрасовцы же не вели широкаго скотоводства, хотя и разводили превосходныхъ лошадей. Главныя отрасли хозяйственныхъ занятій всегда составляли у нихъ рыболовство и охота.

Наконецъ, и въ воззрѣніяхъ на собственность, на международныя отношенія и на способы веденія войны и военныхъ дѣйствій, казаки и татары совершенно сходились по существеннымъ пунктамъ. Угонъ скота, добыча ясыря, разореніе жилищъ противника, жестокая расправа съ нимъ производились точно также некрасовскими казаками, какъ и татарами. Тѣ и другіе были не временными союзниками на военномъ полѣ, а объединенными представителями одной и той же системы отношеній, чуждыхъ гуманности и уваженія къ человѣческой личности. Союзники шли за добычей, что бы взять въ плѣнъ возможно больше населенія и угнать побольше скота. Населеніе обращалось потомъ въ рабовъ и предметъ цѣнной торговли, а скотъ поступалъ въ хозяйственный оборотъ.

И такъ, слѣдовательно, четыре связывавшихъ некрасовцевъ съ татарами звена лежали въ основѣ взаимоотношеній: широкое самоуправленіе, полная религіозная свобода, постановка въ благопріятныя условія хозяйства казаковъ и общность воззрѣній по главнѣйшимъ вопросамъ имущественнаго и международнаго права.

Вотъ тѣ общія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась своеобразная казачья община некрасовцевъ на Кубани. Исторія этой общины имѣетъ прямое отношеніе къ Кубанскому краю и нѣкоторое отношеніе къ исторіи Черноморскаго войска, занявшаго тѣ самыя мѣста, на которыхъ раньше жили некрасовцы.

Находясь въ постоянномъ союзѣ съ горцами, турками и татарами, некрасовцы участвовали послѣдовательно во всѣхъ войнахъ Россіи съ турками и зависящими отъ нихъ татарами и горцами. Въ 1708 году они осѣли на Кубани, а въ 1711 году, во время неудачнаго похода Петра Великаго на Прутъ, они опустошали вмѣстѣ съ татарами русскія селенія въ Саратовской и Пензенской провинціяхъ. Петръ Великій приказалъ наказать некрасовцевъ и ихъ союзниковъ за набѣгъ. Казанскому и Астраханскому губернатору Апраксину приказано было двинуть на Кубань отрядъ изъ русскихъ

регулярныхъ войскъ, яицкихъ казаковъ и калмыковъ. Около того времени, когда былъ заключенъ миръ съ турками на Прутѣ, отрядъ этотъ разорилъ цѣлый рядъ непріятельскихъ поселеній, расположенныхъ по правому берегу Кубани, и въ томъ числѣ некрасовскія селенія. Это была первая кара, постигшая некрасовцевъ на новомъ ихъ мѣстожительствѣ.

Два года спустя самъ Некрасовъ, его сподвижники Сенька Кобыльскій и Сенька Ворычъ съ казаками, участвовали въ опустошительномъ набѣгѣ крымскаго хана Батыръ Гирея на Харьковскую губернію, а въ 1715 году Некрасовъ организовалъ цѣлый отрядъ шпіоновъ, посланныхъ на Донщину и въ украинскіе города. Около 40 человѣкъ некрасовцевъ, подъ предводительствомъ бѣглаго монастырскаго крестьянина Сокина, проникли въ верховья Хопра и въ Шацкую провинцію, Тамбовской губерніи. Подъ видомъ нищихъ и монашествующей братіи они высматривали расположеніе русскихъ войскъ и подговаривали населеніе къ побѣгу на Кубань. Но скоро дѣйствія этихъ шпіоновъ были обнаружены и многіе изъ нихъ поплатились головами за свою дерзкую попытку.

Еще два года спустя, въ 1717 г., некрасовцы въ составѣ отряда кубанскихъ горцевъ подъ предводительствомъ султана Бахты-Гирея громили селенія по Волгѣ, Медвѣлицѣ и Хопру. Самъ Некрасовъ съ своими казаками не щадилъ никого и жестоко вымѣщалъ свою злобу противъ гонителей раскола на мирномъ населеніи. Только соединенными силами войсковаго атамана Фролова и Воронежскаго губернатора Колычева были разбиты татарскія войска и вмѣстѣ съ ними потерпѣли пораженіе и свирѣпые некрасовцы.

Въ 1727 году въ числѣ колодниковъ были подговорщики къ побѣгу донскихъ казаковъ на Кубань къ Некрасову. По показаніямъ бѣглаго солдата Сѣраго, къ побѣгу къ Некрасову на Кубань готовились цѣлые городки и станицы. Верховые городки склонны были бѣжать всѣ, подъ вліяніемъ общаго недовольства порядками—введеніемъ переписи, паспортовъ и пр. Въ 1733 году некрасовецъ Иванъ Мельниковъ строилъ съ шестью товарищами мосты по тракту отъ Азова на Ачуевъ. Въ 1736 г. Крымскій ханъ посылалъ въ Кабарду татаръ и некрасовцевъ «для взятія языка». Въ 1737 году некрасовцы вмѣстѣ съ татарами и черкесами разорили и сожгли Кумшацкій городокъ на Дону. И т. д., и т. д.

Въ послѣдующее время некрасовцы не упускали ни одного случая въ набѣгахъ горцевъ и татаръ на русскія владѣнія. Выше, при описаніи борьбы русскихъ войскъ и казаковъ съ кавказскими народностями, отмѣчены уже эти случаи и участіе некрасовцевъ въ войнахъ Турціи съ Россіей

въ 1737, 1769, 1774, 1787 и 1791 г.г. Однимъ словомъ, некрасовскіе казаки были врагами русскихъ вплоть до самаго переселенія черноморцевъ на Кубань и въ качествѣ таковыхъ встрѣтили своихъ новыхъ сосѣдей.

Но долгъ платежемъ красенъ. Въ отместку некрасовцамъ донцы и русскія войска, совмѣстно съ калмыками, въ походахъ за Кубань неоднократно нападали на некрасовцевъ и опустошали ихъ жилища. Въ 1736 г., по показанію некрасовца Наума Гусека, донскіе казаки съ калмыками сожгли три некрасовскихъ станицы, взяли въ плѣнъ нѣсколько некрасовцевъ съ женами и дѣтьми и еще больше потопили ихъ въ рѣкѣ. Въ слѣдующемъ 1737 г. казаки и калмыки, громя татаръ и черкесовъ, сожгли некрасовскій городокъ Ханъ-тюбе, убили нѣсколькихъ некрасовцевъ и угнали скотъ ихъ. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ возмездій взаимная вражда между некрасовцами и донцами росла. Некрасовцы еще съ большею свирѣпостью относились вообще къ русскимъ.

Были, однако, моменты въ исторіи некрасовцевъ, когда и русское правительство, и сами некрасовцы склонны были къ мировой: русское правительство неоднократно приглашало некрасовцевъ вернуться на родину, и некрасовцы съ своей стороны просили русское правительство о томъ же. Соглашенію мѣшали различныя условія, выставленныя для переселенія обѣими сторонами, а иногда и условія прикрѣпленія некрасовцевъ за Кубанью. Во время войны русскихъ съ турками Императрица Анна Ивановна согласна была простить некрасовцевъ и предоставить имъ для жительства прежнія мѣста на Дону; но некрасовцы не могли воспользоваться этимъ, такъ какъ ихъ удерживали закубанцы, стращавшіе казаковъ московской висѣлицей. Въ 1762 году Императрица Екатерина II разрѣшила переселиться въ Россію бѣжавшимъ изъ нея раскольникамъ и въ томъ числѣ некрасовцамъ. Некрасовцы не пошли на этотъ вызовъ, такъ какъ русское правительство ничего не упомянуло о тѣхъ правахъ, какія предоставлялись возвратившимся на родину бѣглецамъ. Въ 1769 г. генералъ де-Медемъ обратился къ некрасовцамъ съ письменнымъ предложеніемъ переселиться на Терекъ, но некрасовцы даже не дали отвѣта на это письмо. Въ 1772 г. сами некрасовцы просили позволенія у русскихъ властей возвратиться на Донъ; но Государственный Совѣтъ, которому поручено было Екатериной II высказаться по этому поводу, не нашелъ возможнымъ отдать некрасовцамъ прежнія земли и предлагалъ имъ занять свободныя земли по Волгѣ. Некрасовцы не согласились на таковое переселеніе. Въ 1775 г. некрасовцы, при посредствѣ графа

Румянцева, снова стали проситься на Донъ; Государственный же Совѣтъ находилъ возможнымъ переселять некрасовцевъ мелкими партіями, которыя должны были селиться въ разныхъ мѣстахъ Россіи, по указаніямъ властей. Некрасовцы не приняли этихъ условій. Въ 1778 году некрасовцевъ пытался возвратить въ Россію Суворовъ. По свѣдѣніямъ знаменитаго полководца, некрасовцы въ то время расположились куренями въ двухъ стахъ шаговъ отъ морского берега въ устьяхъ Кубани на мысу, между горами въ лѣсу. Они имѣли здѣсь въ своемъ распоряженіи сто лодокъ, четыре думбаса, вытянутые на сушу для предохраненія отъ крейсирующей русской эскадры. На этихъ судахъ некрасовцы намѣревались отправиться, при благопріятной погодѣ, въ Анатолію. Суворовъ самъ лично переговаривался съ нѣкоторыми некрасовцами черезъ Кубань, а для приглашенія ихъ на родину послалъ двухъ донскихъ казаковъ. Некрасовцы не приняли предложеній Суворова и казаковъ задержали у себя. Такъ какъ некрасовцы, очевидно, не довѣряли русскимъ властямъ, то Суворовъ считалъ необходимымъ издать Высочайшій манифестъ о прощеніи бѣглецовъ.

Некрасовцы не шли обратно въ Россію, боясь главнымъ образомъ безправія. Два обстоятельства — лишеніе въ Россіи казачьяго самоуправленія и гоненіе на расколъ, удерживали бѣглецовъ отъ возвращенія на родину. Злоба же на русскихъ росла и развивалась на почвѣ обоюдныхъ военныхъ набѣговъ и реквизицій.

Некрасовцы, занимавшіе раньше Таманскій полуостровъ, перешли на лѣвый берегъ рѣки Кубани. Въ царствованіе Анны Ивановны они были такъ стѣснены, что Крымскій ханъ, подъ властью котораго они находились, пытался переселить ихъ въ Крымъ къ Балаклавѣ. Попытка не удалась и некрасовцы снова осѣли на Кубани. Съ Таманскаго полуострова на лѣвый берегъ р. Кубани некрасовцы передвинулись въ 1777 г., во время занятія Таманскаго края русскими войсками. Въ 1778 г. самъ Крымскій ханъ съ татарами выгналъ ихъ съ Фанагоріи. Въ 1780 г. некрасовцы вошли въ соглашеніе съ турками и приняли турецкое подданство. Около этого времени часть некрасовцевъ выселилась съ Кавказа въ Болгарію — въ Добруджу на Дунай. До 100 семей ихъ, однако, остались на лѣвой сторонѣ Кубани, живя въ горахъ вмѣстѣ съ черкесами.

Съ этими оставшимися на Кавказѣ некрасовцами вошли въ соприкосновеніе черноморцы, переселившись на Кубань. Черноморцевъ некрасовцы приняли враждебно и относились къ нимъ предательски. Зимою 1792 г. казакъ куреня Дядьковскаго Петръ Малый, занимаясь рыболовствомъ, перепра-

вился, по приглашенію некрасовцевъ, на лѣвую сторону Кубани. Некрасовцы, перевозившіе черезъ Кубань Малаго въ своей лодкѣ, поступили съ нимъ вѣроломно. Когда Малый, замѣтивши опасность, пытался бѣжать на правый берегъ Кубани, они схватили его, слегка ранили кинжаломъ, отняли ружье, сняли одежду и связавши ременнымъ поясомъ, увезли въ горы и продали въ рабство черкесскому мурзѣ Деменко за 4 коровы съ телятами, одного вола, ружье и 6 штукъ барановъ. Вслѣдствіи Малый убѣжалъ изъ плѣна, а одинъ изъ плѣнившихъ его некрасовцевъ Мазанъ, пойманный близъ Кубани, сознался на допросѣ въ убійствѣ и потопленіи русскихъ и въ продажѣ 11 человѣкъ черкесамъ въ неволю. Самъ Малый видѣлъ у черкесовъ въ плѣну 7 человѣкъ солдатъ изъ русскихъ легкоконныхъ полковъ.

Въ 1793 году Головатый донесъ Суворову, что на казачій пикетъ подъ командою войскового полковника Чернышева, стоявшій у Темрюкскаго гирла, ночью 9 апрѣля напали 20 человѣкъ, переѣхавшіе съ противуположной стороны Кубани на лодкахъ. Чернышевъ, быстро соединивши два пикета въ одну команду, вступилъ въ перестрѣлку съ нападавшими. Изъ черноморцевъ раненъ былъ старшина Чернолѣсъ и слегка три казака. На другой день утромъ найдены были въ камышахъ 4 умершихъ отъ ранъ человѣка, «которые по одѣянію и другимъ признакамъ», оказались некрасовцами.

Иногда черноморцы, принимая некрасовцевъ по одеждѣ за своихъ, сами попадали къ нимъ въ плѣнъ. Въ 1795 г. казакъ куреня Медвѣдовскаго Романъ Руденченко, принявши, въ туманную погоду на берегу Бугазскаго лимана, двухъ некрасовцевъ за своихъ казаковъ, былъ ограбленъ ими и уведенъ въ горы. Здѣсь, въ разныхъ мѣстахъ, Руденченко видѣлъ до 60 человѣкъ «разнаго званія русскихъ людей,» плѣненныхъ черкесами и некрасовцами. Самъ Руденченко былъ проданъ въ Анапѣ турецкому чиновнику, откуда и бѣжалъ въ Черноморію.

Этими единичными случаями столкновеній и исчерпываются отношенія черноморцевъ къ своимъ русскимъ сосѣдямъ. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій некрасовцы частію перешли къ своимъ единовѣрцамъ на Дунай и выселились въ Анатолію, а частію, въ единичныхъ случаяхъ, какъ бы растворились въ черкесской массѣ, слившись съ нею. Слѣдовательно, русскіе сосѣди черноморцевъ — некрасовцы не имѣли сколько нибудь замѣтнаго вліянія на военный бытъ и служебное положеніе черноморскихъ казаковъ и тѣмъ болѣе на цѣлое войско. Исторія некрасовцевъ представляетъ лишь эпизодическій отдѣлъ мѣстной Кубанской

исторіи, который, поэтому, не могъ быть обойденъ молчаніемъ.

Иными были отношенія у черноморцевъ съ ихъ постоянными сосѣдями—черкесами. Исторія связала эти народности узами не родства и братства, а тяжелою цѣпью вражды и кровавой распри. На этой почвѣ завязалась между черноморцами и черкесами борьба не на животъ, а на смерть, длившаяся затѣмъ цѣлыя десятилѣтія, пока не сломлена была окончательно слабѣйшая народность—черкесы.

Черкесы занимали длинную полосу сѣверныхъ предгорій Кавказа по лѣвую сторону рѣки Кубани, начиная отъ ея устьевъ и оканчивая верховьями. Здѣсь жили главнѣйшія племена—натухайцы, шапсуги, бжедухи, беслинеевцы, темергоевцы, абазинцы и др. Всѣ эти племена были извѣстны подъ именемъ черкесовъ или адиге; одни только абазинцы составляли отрасль многочисленнаго и отличнаго отъ черкесовъ племени—абхазцевъ. Мѣстами жили татары, а по ту сторону Эльбруса основное племя адигейцевъ—кабардинцы. Со всѣми этими племенами имѣли соприкосновеніе черноморцы.

Первоначально, при заселеніи Черноморіи, между черкесами и черноморцами не существовало никакой вражды. Черкесы встрѣчали своихъ сосѣдей дружелюбно. Черноморцы съ своей стороны старались жить съ горцами въ мирѣ и согласіи. Черкесскіе князья говорили черноморцамъ: «мы никогда не думали съ вами въ сосѣдствѣ жить, но теперь Богъ привелъ, то и надобно жить намъ хорошо». Въ первое время черкесы дѣлились съ черноморцами хлѣбомъ, сѣменами, саженцами и пр. Часть продуктовъ они мѣняли на соль и разные предметы, а часть просто дарили. Мѣстами черкесы производили даже посѣвы на казачьей сторонѣ и выпасывали скотъ. Казаки съ своей стороны позволяли черкесамъ убирать хлѣбъ и сѣно на земляхъ черноморцевъ.

Однимъ изъ первыхъ сторонниковъ Россіи былъ бжедуховскій князь Батыръ Гирей. Онъ не только сталъ въ самыя близкія отношенія съ войсковымъ судьею Головатымъ и другими старшинами, пріѣзжалъ къ черноморцамъ въ гости, посылалъ табунъ своихъ лошадей на выпасъ въ Черноморію и открыто признавалъ себя и подвластныхъ ему горцевъ подданными Россіи; но даже просилъ разрѣшенія явиться въ Петербургъ къ Высочайшему двору и когда было дано это разрѣшеніе, то немедленно съ братомъ отправился въ русскую столицу и здѣсь лично выразилъ Государынѣ свои вѣрноподданическія чувства.

Въ 1795 г. Головатый доносилъ Жегулину, что натухайскій князь Асланъ-Гирей, оказавшій неоднократно помощь

казакамъ, склонилъ черкесовъ принять подданство Россіи. Онъ обѣщалъ, что черкесы будутъ приведены къ присягѣ, въ обезпеченіе ихъ вѣрности Россіи; что, въ случаѣ войны съ турками, черкесы не только не будутъ предпринимать враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ, но еще будутъ помогать имъ въ борьбѣ съ турками. Черкесы просили разрѣшенія отдавать свои табуны для пасьбы черноморцамъ. Низшіе же классы натухайцевъ хлопотали даже о переселеніи на правую, т. е. русскую сторону Кубани, чего, однако, не желали князья и мурзы.

Впослѣдствіи часть князей и черкесовъ приняли дѣйствительно присягу. Когда черкесы украли у казаковъ 4 вола, то присягнувшій Россіи князь Калабатъ поймалъ одного изъ этихъ воровъ и представилъ русскимъ властямъ, прося принемъ убить или повѣсить вора. Русскіе отклонились сдѣлать это, въ виду маловажности проступка. Тогда князь поручилъ казнить вора самимъ черкесамъ, которые, связавши вору руки и ноги, бросили съ кручи въ Кубань, гдѣ онъ и утонулъ на глазахъ черкесовъ и русскаго кордоннаго старшины.

Были даже попытки со стороны черкесовъ принять христіанство. Есть также указанія, что черкесы и черноморцы хотѣли родниться: черкешенки не прочь были выходить за русскихъ, а казачьи старшины мечтали о женитьбѣ на черкесскихъ княжнахъ.

Однимъ словомъ, казалось, что мирныя отношенія между черкесами и черноморцами, разъ возникши, должны были упрочиться навсегда. Къ сожалѣнію этого не случилось. Порча взаимныхъ отношеній началась съ мелкихъ случаевъ воровства; воровство перешло затѣмъ въ грабежи; за грабежами послѣдовало плѣненіе людей; все это закончилось мелкими боевыми стычками. Въ январѣ 1797 г. возлѣ селенія Васюринскаго черкесы украли пару воловъ. Въ томъ-же году черкесы напали на табунъ лошадей Стародеренскаго кордона и хотѣли угнать его, но казаки отразили нападеніе, убили 4-хъ черкесовъ и потеряли убитыми одного казака и 6 человѣкъ ранеными. На Ольгинскомъ кордонѣ черкесы сражались съ казаками подъ командой есаула Слѣпухи, потерявши двоихъ. Такихъ случаевъ, въ теченіе первыхъ 8-ми лѣтъ пребыванія черноморцевъ на Кубани, набралось не мало.

Особенно интересный случай представляло плѣненіе черкесами войскового хорунжаго Безкровнаго, бывшаго впослѣдствіи войсковымъ атаманомъ и нанесшаго потомъ много вреда горцамъ.

Въ ноябрѣ 1792 г. хорунжій Безкровный отправился изъ Тамани на охоту вмѣстѣ съ тремя казаками. Въ то вре-

мя, когда Безкровный, отставши отъ товарищей у Черной Протоки, догонялъ ихъ, къ нему подъѣхало 5 черкесовъ, которые предательски схватили его за руки, отобрали у него ружье и ножъ и, посадивши его на собственную лошадь со связанными руками, увели въ плѣнъ. Безкровный водворенъ былъ въ черкесскомъ селеніи въ 12 верстахъ отъ Кубани, гдѣ у него были отобраны лошадь, оружіе, деньги и одежда. Такъ какъ Безкровный былъ боленъ, то черкесы напоивши его коровьимъ молокомъ съ перцемъ, кормили пшеничными коржиками и кашей и приставили караулъ къ той саклѣ, гдѣ онъ сидѣлъ. На третій день своего плѣна хорунжій, воспользовавшись уходомъ изъ сакли стражей, вылѣзъ въ окно и бѣжалъ къ жившему въ аулѣ бѣглому солдату, женатому на черкешенкѣ. Солдатъ принялъ горячее участіе въ плѣнникѣ, но черкесы, побивши солдата, отняли у него Безкровнаго и снова отвели въ ту саклю, гдѣ онъ сидѣлъ. Вечеромъ черкесы отправили его въ другой аулъ, а оттуда повели потомъ къ абазинцамъ. Три дня водили они его по абазинскимъ ауламъ, предлагая купить, но абазинцы, указывая на его чуприну, отказывались покупать въ виду того, что онъ былъ «баткалъ», т. е. запорожецъ, который непремѣнно убѣжитъ черезъ недѣлю-двѣ изъ плѣна. Тогда черкесы отрѣзали ему чуприну, обрили голову и продали турку Магомету за «8 штучекъ шелковой аладжи, 10 бумажной выбейки и одинъ синій бумажный большой платокъ». Безкровный оставленъ былъ въ одной рубашкѣ и штанахъ. Для предохраненія его отъ холода Магометъ далъ ему одни нарукавники изъ войлока; но черкешенка служанка изъ жалости дала еще одинъ коверъ, въ который онъ кутался. Черезъ двѣ недѣли, 26 ноября, Безкровный все таки бѣжалъ. На другой день онъ уже былъ у Кубани, черезъ которую переправился на сколоченномъ имъ самимъ плоту. Но въ камышахъ онъ заблудился и скитался до 15 декабря. Такъ плутая, онъ попалъ на Ачуевскую косу, и здѣсь пришелъ въ такое изнеможеніе, что не могъ ни двигаться, ни говорить даже. Пять дней пролежалъ онъ въ камышахъ безъ пищи. Случайно нашли его рыболовы и отправили въ ближайшій Чернопротоцкій рыбный заводъ.

Случаи, подобные случаю съ Безкровнымъ, стали впослѣдствіи обычнымъ явленіемъ у казаковъ. Черкесы захватывали въ плѣнъ черноморцевъ, а черноморцы или убѣгали съ такими же препятствіями, какъ Безкровный, домой, или же слагали головы гдѣ нибудь въ черкесскихъ лѣсахъ и кубанскихъ плавняхъ. Въ вѣдомости Войскового Правительства за 1798 г. подробно перечислены случаи плѣненія черкесами казаковъ, убійствъ и смертей отъ ранъ. Въ 1792 г. были убиты 3 казака.

Въ 1793 г. захваченъ былъ одинъ казакъ въ плѣнъ. Въ 1795 г. черкесы плѣнили 31 казака на рыбныхъ заводахъ, двухъ въ другихъ мѣстахъ, ранили тяжело жену старшины Крутофала, умершую потомъ, и убили казака, бывшаго въ разъѣздѣ. Въ 1796 г. въ 12 случаяхъ было убито черкесами 6 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ старшина, умеръ отъ ранъ одинъ казакъ и взято въ плѣнъ 9 казаковъ, одна женщина и 5 татаръ работниковъ. Въ 1797 г. было 8 случаевъ убійствъ и плѣненія, при чемъ 3 казака были убиты черкесами, 2 умерли отъ ранъ и 11 человѣкъ взято въ плѣнъ. Наконецъ, въ 1798 г. съ января по октябрь, черкесами было плѣнено 5 человѣкъ, одинъ казакъ убитъ и одинъ умеръ отъ ранъ. Такимъ образомъ, въ теченіе только первыхъ 7 лѣтъ пребыванія черноморцевъ на Кубани черкесами было убито 14 человѣкъ, смертельно ранено 5 человѣкъ и плѣнено 59 человѣкъ.

Но это были все случаи рѣзкихъ, обостренныхъ отношеній между черкесами и черноморцами. Чаще черкесы просто воровали скотъ и имущество у казаковъ. Черкесы, въ особенности бѣдняки, были ворами по природѣ, и ловкое воровство считалось своего рода удалью. Только за 5 лѣтъ — съ 1792 по 1796 г., русское правительство предъявило Портѣ требованіе уплатить за похищенное у черноморцевъ имущество 20312 піастровъ, что на наши деньги, по курсу около 62 коп. за піастръ, равнялось 12594 руб. Сумма по тому времени значительная, но разумѣется, она лишь въ слабой степени выражала тѣ убытки и лишенія, которые причиняли въ дѣйствительности черкесы черноморцамъ.

На этой почвѣ возникали неоднократно, какъ дипломатическія сношенія русскаго правительства съ Турціей, такъ и постоянные переговоры съ представителемъ Турціи — анапскимъ пашей. Со стороны войска назначались даже особыя лица, жившія въ Анапѣ, для сношеній съ пашей и розысковъ украденнаго горцами имущества. Эти обязанности несъ большею частью подпоручикъ Лозинскій, а послѣ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ войска, находился въ Анапѣ есаулъ Гаджановъ.

Таковы были на первыхъ порахъ взаимныя отношенія черноморцевъ съ сосѣдями ихъ черкесами на почвѣ столкновеній и зарождавшейся вражды. Въ теченіе первыхъ 8 лѣтъ не было ни войнъ, ни тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыми впослѣдствіи были испещрены страницы военной исторіи Черноморскаго казачества. Въ этотъ періодъ черноморцы только приспособлялись еще къ сосѣдямъ и намѣчавшимся военнымъ условіямъ. Разселеніе куреней, въ зависимости отъ военныхъ условій, организація пограничной службы, система

защиты края и способъ преслѣдованія непріятеля только слагались еще. Тутъ также все было примитивно и зачаточно, какъ и во всей остальной жизни переселившихся на Кубань казаковъ.

Какъ извѣстно изъ прошенія черноморцевъ Екатеринѣ II, было собрано бывшихъ запорожцевъ 12622. Это былъ боевой составъ войска, куда входили конница, пѣхота и гребная флотилія. Такимъ образомъ, черноморцы шли на Кубань съ сформированными уже частями войскъ, которыми только слѣдовало воспользоваться для охраны границъ отъ черкесовъ и въ случаяхъ военныхъ столкновеній съ ними. Составныя части войска были однако раздроблены при переселеніи и пришли на Кубань въ разное время и съ разныхъ сторонъ.

Служившіе въ гребной флотиліи казаки явились первыми на Кубань и заняли Таманскій полуостровъ. Тогда-же началась и военная служба этой части войскъ. Командовавшій флотиліей полковникъ Савва Бѣлый отрядилъ въ ноябрѣ 1792 г. 12 лодокъ подъ командою полковника Чернышева «для стражи со стороны черкесъ и сбереженія рыбныхъ ловлей» на Кизилташскій и Сокуровъ лиманы. Это была первая пограничная сторожевая служба черноморской флотиліи.

Около того-же времени другой полковникъ Кордовскій, занявшій пѣшими казаками Темрюкъ, разставилъ по Кубани казачьи пикеты также въ видахъ охраны границъ отъ горцевъ. Хотя горцы не обнаруживали въ это время никакихъ враждебныхъ намѣреній, но Кордовскій, какъ Савва Бѣлый и Чернышевъ, несли военную службу по разъ заведенному порядку.

Когда-же въ краѣ появился самъ кошевой атаманъ Чепига, то, послѣ бѣглаго осмотра Кубанской линіи, онъ отправился къ командующему кавказскими войсками Гудовичу за полученіемъ общихъ указаній по организаціи военно-охранной службы Черноморскаго войска. Результатомъ этого свиданія было назначеніе опредѣленныхъ пунктовъ для устройства кордоновъ и кордонной линіи. На протяженіи 212 верстъ отъ такъ называемаго Воронежскаго реданта, обращеннаго въ Воронежскій кордонъ и находившагося ниже впаденія Лабы въ Кубань, было устроено по направленію къ устьямъ Кубани 20 кордоновъ. Большинство кордоновъ было расположено въ разстояніи 7, 8 и 9 верстъ одинъ отъ другого, одинъ—въ двухъ верстахъ, четыре—въ 10, 12, 18 и 19 верстахъ и 3—въ 20, 21 и 22 верстахъ. Такимъ образомъ, получалась почти правильная сѣть загражденія казачьихъ границъ отъ горцевъ. Два первыхъ, самыхъ верхнихъ кордона были устроены на границѣ съ землями темиргоевцевъ, слѣдующіе три—противъ земель чичинеевцевъ, два затѣмъ

смежно съ землями бжедуховъ, далѣе слѣдовали 7 кордоновъ по границѣ съ владѣніями шапсуговъ и, наконецъ, остальные 7 кордоновъ расположены были вблизи земель натухайцевъ.

Первоначально по этимъ кардонамъ было расчислено и все населеніе въ количествѣ 2936 хозяйствъ, 7860 душъ мужскаго пола и 6514 душъ женскаго пола. Но впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ пришлое населеніе занимало край, пришлось совершенно измѣнить это распредѣленіе, размѣстивши населеніе не по кордонамъ, а по куренямъ, селеніямъ и хуторамъ, разбросаннымъ по всему краю. Въ кордонахъ же остались разъ на всегда одни служилые казаки, несшіе военно-сторожевую службу. Вначалѣ кошевой атаманъ на каждый кардонъ назначилъ по 100 казаковъ съ извѣстнымъ количествомъ старшины. Позже составъ командъ по кордонамъ мѣнялся.

Интересно, что вначалѣ Черноморское войско не придерживалось на кордонной службѣ строго военныхъ системы и правилъ. Часто казаки, бывшіе на очереди, совсѣмъ не являлись на кордонную линію, а посылали вмѣсто себя другихъ, обыкновенно наймитовъ или батраковъ. Благодаря этому, нерѣдко получались нарушенія дисциплины и военныхъ порядковъ. Только съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ развитіемъ военно-кордонной системы охраны границъ, былъ отмѣненъ и этотъ не военный обычай посылки вольнонаемныхъ рабочихъ, въ замѣнъ строевого состава войска.

Сама жизнь и слагавшіяся обстоятельства заставляли войсковое начальство мѣнять и приспособлять кордонную систему охраны границъ. По мѣрѣ надобности, назначалось обыкновенно большее или меньшее количество казаковъ въ извѣстныя мѣста. Въ 1793 г. поручено было полковнику Кузьмѣ Бѣлому разставить по кордонамъ отъ Воронежскаго реданта и до Казачьяго ерика на 10 верстномъ разстояніи одинъ отъ другого по 10 казаковъ съ однимъ старшиной въ каждомъ кордонѣ. Стража эта должна была наблюдать за тѣмъ, чтобы не переходили Кубань съ обѣихъ сторонъ ни черкесы, ни казаки. Черкесовъ, не исполнявшихъ этого требованія, было приказано арестовывать и доставлять по начальству, а нарушителей границъ изъ среды казачества— просто арестовывать въ видѣ наказанія. Немного позже, въ 1793 г., другому полковнику Захарію Малому поручено было размѣстить отрядъ въ 500 казаковъ, начиная съ городища у Копыла, гдѣ долженъ былъ находиться самъ полковникъ, и до устья Кубани въ 8 кордонахъ: 1) въ вершинѣ Кара Кубани, 2) при Казачьемъ ерикѣ, 3) при Черной Протокѣ, 4) на Калаусѣ, 5) у Куркайскаго гирла, 6) у Некрасовскаго

селенія, 7) надъ лиманами Кизилташскимъ и Сокуровымъ и 8) у Бугаза.

Такія распоряженія повторялись неоднократно за первые 8 лѣтъ существованія на Кубани Черноморскаго войска. Къ 1-му мая 1795 г. снова было учреждено 20 кордоновъ по границѣ съ черкесами, но на этотъ разъ назначено было только 1053 казаковъ и старшинъ для охраны границъ. Казаки мѣнялись по очередямъ. Кромѣ того, на 35 лодкахъ гребной флотиліи состояло 25 старшинъ и 375 казаковъ, въ резервѣ на переправахъ—228 казаковъ, при войсковыхъ цейхгаузахъ—75 казаковъ и въ куреняхъ для караула въ Екатеринодарѣ—240 человѣкъ. А весь штатный строевой составъ войска, слѣдовательно, равнялся 1971 чел.

Такимъ образомъ, кордонною службою и исчерпывались преимущественно военныя обязанности казачества. По границѣ на кордонахъ служили и пѣшіе, и конные казаки, и состоявшіе въ гребной флотиліи; у казаковъ была артиллерія, но и она была размѣщена по кордонамъ и въ Екатеринодарѣ, представлявшемъ главную крѣпость на Кубани; не было еще ни правильнаго дѣленія на полки, ни обособленныхъ артиллерійскихъ командъ; по традиціи была выдѣлена лишь одна гребная флотилія.

Трудно вообще судить о численномъ составѣ всѣхъ этихъ частей. Хотя онѣ и были уже намѣчены, но находились частью въ зачаточномъ состояніи, а частью въ періодѣ упадка. Судя по статистическимъ даннымъ, въ 1792 г. составъ Черноморскаго войска слагался изъ 3-хъ частей. По вѣдомости отъ 25 іюля 1792 г., отправленной въ государственную военную коллегію, конная команда, т. е. казачья кавалерія, исчислена въ 2183 чел., при чемъ на 2049 рядовыхъ казаковъ приходилось 134 старшинъ, считая въ томъ числѣ кошевого атамана, войскового писаря и священника. По такой же вѣдомости отъ 13 іюля 1792 г., составъ пѣшихъ полковъ и гребной флотиліи равнялся 7239 чел., въ число которыхъ входило 242 старшины, 189 канонировъ и 6808 казаковъ, а также войсковой судья. Но въ эту вѣдомость внесено только 90 старшинъ и 207 казаковъ гребной флотиліи; между тѣмъ, по вѣдомости 2 октября 1792 г. составъ этой части равнялся 3247 чел. Очевидно, въ предыдущую вѣдомость внесена только незначительная часть казаковъ, служившихъ въ гребной флотиліи. Если сложить цифровыя данныя всѣхъ трехъ вѣдомостей, то въ итогѣ получится 12669 чел., т. е. почти та же цифра, какая значилась и въ прошеніи войска Екатеринѣ II.

При извѣстной специализаціи военнаго дѣла, Черноморское войско состояло изъ такихъ военныхъ элементовъ, ко-

торые умѣли приспособляться къ несенію разныхъ видовъ военной службы. Черноморецъ въ одно и то же время могъ быть и пѣхотинцемъ, и кавалеристомъ, и морякомъ, и артиллеристомъ. Часто одни и тѣ же казаки фактически несли два или три вида военной службы, смотря по требованіямъ мѣстности и обстоятельствъ. Когда графъ Платонъ Зубовъ придумалъ персидскій походъ для своего юнца-брата Валеріана, поставленнаго во главѣ направленныхъ въ Персію русскихъ войскъ, тогда онъ прямо такъ и написалъ кошевому атаману черноморцевъ, чтобы тотъ отправилъ къ персидскимъ берегамъ добрихъ молодцовъ, годныхъ въ одномъ мѣстѣ для пѣшаго строя, въ другомъ—для конной службы, а въ третьемъ—для службы на лодкахъ. Ни тогда, ни позже ни одно казачье войско, даже нынѣшнее Кубанское, не располагало воинами, подготовленными къ такой разносторонности въ военномъ дѣлѣ. Казакъ искони былъ только кавалеристомъ; пѣшій строй и морская служба были чужды ему. Но запорожцы, отчасти донцы и, наслѣдники запорожцевъ, черноморцы представляли въ этомъ отношеніи исключеніе своего рода. Въ Запорожьѣ, временами на Дону и особенно въ Забужьѣ казаки-наѣздники были вмѣстѣ съ тѣмъ отличными моряками и превосходными пѣхотинцами. Тому способствовали особыя условія—близость моря и необходимость морскихъ набѣговъ.

Перейдя изъ за Буга на Кубань, черноморцы занесли въ новый край и разностороннюю приспособляемость къ различнымъ видамъ военной службы. Но тутъ ужъ оказались условія не тѣ. Охрана границы вдоль Кубани должна была наложить свой отпечатокъ на военный строй черноморцевъ. Она сразу спеціализировала военное дѣло казака, прикрѣпляя черноморца къ опредѣленнымъ пунктамъ исключительно сторожевой службы. Самое историческое названіе черноморецъ потеряло свое прежнее значеніе. Черноморцу приходилось имѣть дѣло не съ моремъ, а со степью и горами, и силою мѣстныхъ военныхъ условій онъ изъ черно-морца долженъ былъ превратиться во вражеской странѣ въ казака горца. Въ военномъ дѣлѣ тутъ нужны были искусные наѣздники и еще болѣе искусные пѣхотинцы лазутчики, выработавшіе потомъ замѣчательно оригинальный типъ воина-пластуна. Черноморской гребной флотиліи, поэтому, заранѣе можно было предсказать полное крушеніе, но не на морѣ, а на сушѣ. Такъ именно и случилось впослѣдствіи, когда военный строй Черноморскаго войска принялъ окончательныя формы.

Первыми прибыли на Кубань, какъ извѣстно, моряки-черноморцы на своей гребной флотиліи. Тогда гребная фло-

тилія состояла изъ пятидесяти лодокъ и одной яхты. Начальникъ флотиліи Савва Бѣлый расположилъ 38 лодокъ и яхту въ Таманскомъ проливѣ, а 12 лодокъ поставилъ въ лиманахъ устья Кубани для охраны границы отъ черкесовъ. И сразу же получилось нѣчто въ высшей степени несообразное. Цѣлая флотилія и три слишкомъ тысячи казаковъ принуждены были, можно сказать, сторожить одинъ лишь пунктъ на той длинной линіи, которая тянулась вдоль Кубани отъ морскихъ береговъ и до впаденія въ нее Лабы. Да и тутъ казаки-моряки очутились въ нѣсколько комическомъ положеніи: съ моря имъ никто не грозилъ, и сторожить здѣсь было некого, а плавать вверхъ по быстротекущей Кубани на гребныхъ судахъ, преслѣдуя непріятеля, было положительно не возможно. И морякамъ черноморцамъ, съ первыхъ же шаговъ ихъ военной дѣятельности на Кубани, пришлось заботиться объ одномъ—объ удобномъ мѣстѣ для стоянки гребной флотиліи, гдѣ бы она могла быть укрыта отъ непогоды, бурь и различныхъ случайностей. Но именно въ этой скромной области военно-морского дѣла и начался мартирологъ черноморской гребной флотиліи.

Серьезно пострадала черноморская гребная флотилія въ первый разъ не отъ непріятеля, а отъ бури. Налетѣвшимъ въ концѣ декабря 1792 года ураганомъ одна часть лодокъ была разбита, другая въ сильнѣйшей степени повреждена, а третья просила обновленія. Мало того, отъ стужи и льда пострадали и казаки: трое утонуло, а 16 старшинъ и 46 казаковъ отморозили руки и ноги. Суда вообще были ветхія, износившіяся. Часть ихъ потомъ была передѣлана изъ черноморскихъ быстрокрылыхъ чаекъ на неуклюжіе кубанскіе байдаки-черепахи. Чтобы сохранить остатки черноморской гребной флотиліи, войсковой судья Головатый устроилъ въ 1795 году для нея гавань въ Кизильташскомъ лиманѣ. Были сдѣланы изъ бревенъ загражденія отъ напиравшаго изъ Кубани въ гавань льда, устроены помѣщенія для казаковъ и для храненія такелажа, пороха, боевыхъ припасовъ и пр., и даже возведена батарея для защиты гавани и судовъ. Но въ 1796 году снова разразилась надъ флотиліей бѣда: въ одну бурную ночь волны разбили всѣ приспособленія въ гавани на водѣ, разрушивши даже строенія и батареи на сушѣ. Пострадала снова и флотилія. Черезъ три года потомъ войсковой атаманъ Котляревскій, пользуясь особымъ расположеніемъ Императора Павла, выхлопоталъ крупную по тому времени сумму въ 620103 рубля, для постройки новыхъ 50-ти лодокъ, яхты и пяти баркасовъ. Благожелательный атаманъ, усердно заботившійся о сохраненіи былой славы черноморцевъ на морѣ, очевидно, плохо понималъ мѣстныя условія и

требованія боевой жизни и службы казака. Послѣдствія показали, что прежняго казачьяго крошки-флота, такъ страшившаго турокъ, нельзя было возродить.

Но между тѣмъ какъ таяла и вымирала по частямъ черноморская гребная флотилія, въ средѣ ея живыхъ подвижниковъ продолжала сохраняться боевая отвага старыхъ казачьихъ моряковъ. Черноморцы и безъ своей гребной флотиліи съумѣли проявить воинственный духъ моряковъ вдали отъ Черноморіи, на Каспійскомъ морѣ, во время персидскаго похода.

Но прежде, чѣмъ черноморцы, моряки и пѣхотинцы, направлены были на персидскіе берега, русское правительство приказало послать особый отрядъ подъ командою войскового атамана Чепиги въ Польшу. Сюда назначены были 2 пятисотенныхъ конныхъ полка. Въ іюнѣ 1794 г. Чепига получилъ отъ Суворова предписаніе слѣдовать изъ Черноморіи черезъ Кременчугъ и Ольвіополь на Балту Брацлавской губерніи до Днѣстра. Здѣсь были временно расположены полки, передвинутые потомъ къ Брестъ-Литовску. Въ августѣ Репнинъ направилъ черноморцевъ къ Пинску, въ сентябрѣ черноморцы были соеденены съ украинскимъ легкоконнымъ полкомъ и поступили въ корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена.

Послѣ участія въ цѣломъ рядѣ мелкихъ сраженій при мѣстечкахъ: Берестовицахъ, Колотовизязнѣ, Цопикахъ, Соколкахъ, Бракахъ, Поповкѣ и Остроленкѣ, черноморцы вмѣстѣ съ другими войскамъ взяли штурмомъ батарею Праги. Какъ и всюду при военныхъ дѣйствіяхъ, они несли передовую и развѣдочную службу. Въ этомъ отношеніи они почти не имѣли соперниковъ. Производя разъѣзды и рекогносцировки, они нерѣдко захватывали непріятеля цѣлыми партіями и всегда встрѣчали врага съ особымъ мужествомъ и храбростью. Послѣ того, какъ взяты были Прага и Варшава, гдѣ черноморцы и ихъ начальники особенно отличились, оба полка, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ, отправлены были въ концѣ 1795 г. обратно на родину. Батько атаманъ возвращался въ Черноморію генераломъ, а главнѣйшіе его помощники были также награждены чинами и орденами.

Въ началѣ 1796 г. черноморцы снова были двинуты противъ непріятеля—на этотъ разъ противъ персовъ.

Война съ персами была однимъ изъ тѣхъ легкомысленно задуманныхъ предпріятій, за которыя обыкновенно народъ напрасно платится громадными матеріальными средствами и обильными жертвами человѣческихъ жизней въ войскахъ. Факты и вся обстановка этой войны невольно наводятъ на мысль, что она была затѣяна фаворитомъ Екатерины II, гра-

фомъ Платономъ Зубовымъ, съ тою цѣлью, чтобы дать ходъ и выдвинуть на видное мѣсто брата своего Валеріана. Двадцатидвухлѣтнему юнцу Валеріану Зубову, ничѣмъ до того о себѣ не заявившемъ, было вручено командованіе русской арміею въ борьбѣ съ персами. А чтобы обезпечить успѣхъ этому новоиспеченному полководцу, въ помощь къ нему были подобраны умные и опытные въ военномъ дѣлѣ люди.

Архіепископъ армянскій Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ указывалъ прямо на Суворова, какъ на полководца, могущаго освободить Грузію отъ персовъ. Дѣло было серьезное и нуженъ былъ крупный военный дѣятель, если не Суворовъ, то во всякомъ случаѣ графъ Гудовичъ, командовавшій войсками на Кавказѣ. Между тѣмъ Гудовичъ былъ поставленъ въ положеніе лица, обязаннаго подготовлять дѣло и пособлять Зубову. Гудовичъ, изнемогшій въ этой роли, подалъ въ отставку, но когда, съ восшествіемъ на престолъ Павла 1-го, ему приказано было остаться на Кавказѣ, то онъ не вытерпѣлъ и жаловался графу Салтыкову, что Зубовъ «всѣ награжденія получилъ за мои (Гудовича) труды; не освобождалъ онъ никогда Грузіи, а освободили оную два баталіона», раньше его туда посланные. Походы къ Деребенту и взятіе этой крѣпости подготовилъ Гудовичъ; Зубовъ же только дѣлалъ ошибки.

Въ число подставныхъ помощниковъ Зубова попалъ и Головатый съ тысячью черномоскихъ испытанныхъ казаковъ.

Января 2-го 1796 года Грибовскій, личный секретарь Зубова, писалъ Головатому, что графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ приглашаетъ Головатаго взять команду надъ персидскимъ отрядомъ казаковъ. Это, поясняетъ Грибовскій, предоставляется «собственно въ волю вашу и отнюдь вамъ въ вину не поставится, если вы останетесь дома». Января 9-го самъ Зубовъ написалъ письмо кошевому Чепигѣ и ордеръ на его же имя. И въ частномъ письмѣ и въ оффиціальномъ документѣ временщикъ проситъ нарядить въ персидскій походъ «самыхъ отборныхъ молодцовъ съ добрыми старшинами», которые будутъ служить съ братомъ всесильнаго вельможи. «Надѣюсь, писалъ онъ, что казаки, зная, что будутъ имѣть себѣ такого товарища, пойдутъ въ походъ съ охотою, и этимъ сдѣлаютъ и мнѣ большое удовольствіе». Этихъ отборныхъ молодцовъ слѣдовало такъ подобрать, чтобы они могли нести морскую службу на лодкахъ и, при случаѣ, стать въ ряды кавалеріи.

Одновременно Зубовъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія командующему войсками на Кавказѣ Гудовичу и Таврическому губернатору Жегулину. Съ своей стороны Жегулинъ въ письмѣ къ Головатому 6 февраля 1796 года

писалъ, что, вслѣдствіе сдѣланнаго ему графомъ Платономъ Зубовымъ, порученія о призывѣ казаковъ «для поиска на берегахъ персидскихъ», предоставляетъ самому Головатому выбрать для отряда «самыхъ исправныхъ и надежныхъ казаковъ и усердныхъ старшинъ». А Гудовичъ въ письмѣ къ Чепигѣ распорядился, чтобы отрядъ изъ двухъ пѣшихъ полковъ по 500 человѣкъ въ каждомъ выступилъ съ расчетомъ быть 15 апрѣля въ Астрахани. Для слѣдованія отряда былъ приложенъ маршрутъ отъ Усть-Лабинской крѣпости до Астрахани на протяженіи 757 верстъ съ обозначеніемъ 33 стоянокъ. Жалованье казакамъ за два мѣсяца Гудовичъ выслалъ сразу же, а провіантъ отрядъ долженъ былъ получить на мѣсяцъ въ Усть-Лабѣ и на мѣсяцъ въ Александринѣ. Порохъ и свинецъ предписано было выдать казакамъ въ Астрахани, но провіантъ и багажъ отряда они обязаны были провести на собственныхъ фурахъ, такъ какъ Гудовичъ «денегъ или иного какого способа» на это не имѣлъ.

Днемъ выступленія отряда въ походъ назначено было 26 февраля. До Усть-Лабы казаки довольствовались войсковымъ провіантомъ. Войсковое Правительство выдало 2 тысячи рублей на покупку 20 паръ съ фурами воловъ, а Головатый распорядился распредѣлить фуры по сотнямъ — по четыре на каждую, поручивши каждую фуру особо избранному изъ 25 человѣкъ «артельщику». Такъ прослѣдовалъ отрядъ до Усть-Лабы, откуда казаки вынуждены были нанимать уже на собственный счетъ подводы для перевозки багажа. Обстоятельство, послужившее впослѣдствіи поводомъ къ неудовольствію казаковъ. Полученіе провіанта и продовольствованіе имъ казаковъ Головатый поручилъ полковнику Великому. Назначивши полковниковъ, писарей и квартирмейстеровъ по полкамъ и есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ по сотнямъ, Головатый приказалъ старшинѣ блюсти въ пути строгую дисциплину, слѣдить, чтобы, «по обряду воинскому», держались въ чистотѣ ружья и пики и чтобы каждый казакъ имѣлъ ложку «въ ложечникахъ у лѣваго боку».

Выступивши изъ Екатеринодара 26 февраля, черноморцы прибыли въ Астрахань 10 апрѣля и, переправившись черезъ Волгу, расположились лагеремъ на лѣвомъ ея берегу. Въ письмѣ къ Чепигѣ полковникъ Великій, извѣщая о томъ же кошевого атамана, прибавляетъ, что начальство и граждане были довольны приходомъ черноморцевъ, какъ «рѣдкою новостью», а «персіане и индѣйцы, не безъ удивленія, съ торопливостью смотрятъ и распрашиваютъ, что за воины». Но тогда же обнаружилась и оборотная сторона въ положеніи этихъ достойныхъ удивленія воиновъ. Черноморцы начали болѣть. Въ началѣ мая Головатый отослалъ обратно въ вой-

ско 17 человѣкъ, «впавшихъ отъ понесенныхъ трудовъ и холода въ слабость» и просилъ Войсковое Правительство освободить ихъ отъ нарядовъ.

Въ теченіе мая казаки партіями по 60 и болѣе человѣкъ перевезены были на судахъ Каспійской флотиліи въ Баку. Туда же и Головатый, по его донесенію, «съ 8 по 28 іюня вояжъ имѣлъ». Часть черноморскихъ казаковъ оставлена была въ Астрахани подъ командою полковника Чернышева, который въ свою очередь переправлялъ ихъ на судахъ частями и самъ съ остальными отправился 12 сентября.

Какъ изъ Астрахани, первыя вѣсти отъ казаковъ изъ Баку въ войско были успокоительнаго характера. Баку и ключи отъ него жители отдали русскимъ войскамъ безъ кровопролитія. Бакинскій ханъ пригласилъ контръ-адмирала Федорова, генерала Рахманова, Головатаго съ черноморскими и регулярными офицерами на обѣдъ. Головатый подробно описываетъ это пирщество: какъ играла персидская музыка «объ одной балалайкѣ и рожку да двухъ котликахъ», какъ «персіанинъ танцевалъ на головѣ, держа руками къ глазамъ два кинжала, перекидывался ими съ очень хорошими и удивленія достойными оборотами» и съ какимъ удовольствіемъ и благодарностью ханъ слушалъ казацкую музыку «о двухъ скрипицахъ, одномъ басѣ и цинбалахъ». Войны, писалъ въ другомъ рапортѣ Головатый, нѣтъ». Многіе ханы являются къ русскимъ за сто и болѣе верстъ и «съ покорностью отдаютъ себя въ подданство Россіи». «Бунтующійся же въ Персіи и разорившій Грузію Ага Магометъ ханъ только славится пребываніемъ своимъ съ арміею внутри Персіи за триста верстъ, а съ нимъ войны ни какой не было».

Но уже эти удовольствія и отсутствіе войны были омрачены худыми послѣдствіями персидскаго похода. Тотъ же Головатый сообщилъ Чепигѣ, что, во время переѣзда казаковъ изъ Астрахани въ Баку, «отъ сильныхъ морскихъ штурмъ умерли казаки куреней Васюринскаго Велегицкій, Тимошевскаго Маляренко и Каневскаго Таранъ, а хорунжій Ефимъ Котляревскій при проходѣ Волгою упалъ изъ судна и утонулъ». Въ самомъ Баку умерло отъ болѣзни три казака, а больныхъ сразу умножилось до 60 человѣкъ.

Но это было только началомъ казачьихъ бѣдъ: къ концу іюля умерло еще 17 казаковъ и многіе переболѣли. Умеръ также 19 августа начальникъ одного изъ отрядовъ капитанъ 2-го ранга Аклечеевъ, а 18 сентября скончался командиръ Каспійской флотиліи и войскъ контръ-адмиралъ Федоровъ. Старшимъ по чину послѣ него остался Головатый, который и вступилъ во временное командованіе морскими и сухопутными войсками.

Около того-же времени начались мелкія стычки съ персіанами. Бригадиру Головатому поручено было занять съ десантомъ островъ Сару. Капитанъ Головатый, сынъ войскового судьи, занялъ Зензелинскій заливъ. Казаки приступили къ поднятію со дна затопленныхъ персіанами судовъ и, при этихъ работахъ, имѣли неоднократныя столкновенія съ своими противниками. Особенно отличились черноморцы при освобожденіи армянъ на Зензелинскомъ берегу. Согнавши съ этого берега артиллерійскимъ огнемъ персіанъ, часть казаковъ забрала въ лодку армянъ съ имуществомъ. Когда персіане, желая овладѣть лодкою, направили семь вооруженныхъ киржимовъ противъ казаковъ и когда командовавшій казаками лейтенантъ Епанчинъ на просьбу казаковъ поддержать ихъ «только шляпою махнувъ» и самъ убѣжалъ на ботъ «Орелъ» съ мѣста сраженія, то черноморцы, выбравши начальникомъ казака Сову, рѣшили вступить въ бой съ персіанами, заранѣе условившись бить непріятеля «безъ промаху». Лишь только персіане подплыли къ казачьей лодкѣ на ружейный выстрѣлъ, какъ черноморцы на выборъ убили 8 человѣкъ повидимому «первоначальниковъ». Персіане, встрѣтивши такой отпоръ, «попадали на дно киржимовъ» и находились въ такомъ положеніи, слабо отстрѣливаясь изъ за бортовъ, до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не отнесъ ихъ подальше отъ казаковъ, соединившихся съ остальными судами флотиліи.

Между тѣмъ, въ началѣ ноября утонулъ подковникъ Великій, плывшій съ командою на баркасѣ во время «большой штурмы» у Камышеватскаго полуострова на островъ Сару. Около того-же времени 14 ноября умеръ, заступившій мѣсто контръ-адмирала Федорова, графъ Апраксинъ, и команду снова принялъ войсковой судья Головатый. Болѣзни и смертность между казаками и войсками усилились. Военныя же дѣйствія сводились къ переѣздамъ съ мѣста на мѣсто, къ охранѣ занятыхъ мѣстъ и къ непомѣрнымъ работамъ казаковъ на пристаняхъ по разгрузкѣ и нагрузкѣ судовъ провіантомъ, при рубкѣ лѣса и т. п.

Января 28 1797 года умеръ и войсковой судья Головатый. Весь отрядъ черноморцевъ, бывшій подъ его командою, значительно порѣдѣлъ отъ болѣзней и смертности. Казаки точно попали въ заколдованное мѣсто; военныхъ дѣйствій не было; тратились силы напрасно на ненужныя передвиженія и часто на непосильныя работы. Самъ главнокомандующій графъ Валеріанъ Зубовъ только переписывался изъ прекраснаго далеко съ ближайшими начальниками казаковъ и регулярныхъ войскъ. Все предпріятіе казалось до крайности неопредѣленнымъ и непонятнымъ. Черноморцы дѣлали побѣ-

ги въ надеждѣ найти какое-то казачье войско и военное дѣло. И персидскій походъ также безтолково былъ законченъ, какъ и начатъ. Въ маѣ 1797 года черноморцы, подъ командою полковника Чернышева, были направлены обратно на родину. Начались новыя мытарства и неурядицы. Потерявши на персидскихъ берегахъ почти половину своихъ товарищей, изнуренные и переболѣвшіе казаки шли домой въ Черноморію съ чувствами нравственной обиды и неудовлетворенныхъ справедливыхъ требованій.

Такимъ образомъ, персидскій походъ показалъ, что черноморцы, какъ и за Бугомъ, оказались пригодными «на персидскихъ берегахъ» и для морской, и для пѣшей, и для кавалерійской службы и что, при такой разносторонности, они выполнили массу чисто хозяйственныхъ работъ, а въ нужныхъ случаяхъ выказали замѣчательную отвагу, храбрость и самоотверженность. Но все это было куплено дорогою цѣною на половину вымершаго отряда и смертью самаго виднаго дѣятеля въ Черноморскомъ войскѣ судьи А. А. Головатаго.

Злоключенія черноморцевъ, однако, не окончились съ приходомъ казаковъ на Кубань. Черноморцы не могли помириться съ тяжелыми лишеніями, перенесенными ими въ персидскомъ походѣ и выразили это въ открытой жалобѣ на имя всего войска.

На первыхъ страницахъ исторіи Черноморскаго войска рѣзко напрашивается на вниманіе этотъ эпизодъ изъ жизни казачества, извѣстный подъ именемъ персидскаго бунта. Черноморскіе казаки, преимущественно рядовая масса, возвратившись изъ персидскаго похода, открыто протестовали противъ произвола правящей партіи—чиновной старшины, и искали вознагражденія за матеріальныя лишенія, происшедшія по винѣ начальства. Этотъ совершенно естественный протестъ и былъ обращенъ правящей старшиной въ бунтъ. Персидскій бунтъ, поэтому, интересенъ не столько самъ по себѣ, сколько по тѣмъ обстоятельствамъ, которыми онъ былъ вызванъ, сопровождался и обусловливался.

Причины персидскаго бунта крылись глубоко въ общественномъ переустройствѣ черноморскаго казачества, въ тѣхъ коренныхъ измѣненіяхъ, которыми были поколеблены вѣковые устои казачьяго демократическаго строя. Первые признаки этого бунта проявились еще во время персидской войны, въ рядахъ персидскаго отряда черноморцевъ.

24 августа 1796 г. полковникъ Великій сообщилъ съ острова Сары Головатому, что изъ ста человѣкъ казаковъ, рубившихъ лѣсъ подъ командой полкового квартирмейстера Симона Порохни на Талышенскихъ берегахъ, скрылись неиз-

вѣстно куда, въ ночь съ 19 на 20-е августа, 39 человѣкъ команды. Отыскалъ былъ лишь одинъ казакъ куреня Леушковскаго Савва Орленко, который показалъ, что бѣжавшіе казаки направились по р. Курѣ въ Грузію. Неизвѣстное Орленкѣ лицо увѣрило казаковъ, что въ Грузіи будто бы «собирается казачье войско во главѣ съ кошевымъ Растрепою.» Казаки и ушли въ это войско.

Изъ другого сообщенія того же полковника Великаго отъ 24 августа видно, что побѣгъ совершили казаки изъ двухъ командъ—Семена Чернолѣса и Симона Порохни. Чернолѣсъ, по его словамъ, лично развелъ часовыхъ въ караульныя мѣста и, провѣряя караулъ за два часа до разсвѣта, обнаружилъ побѣгъ казаковъ. На другую ночь самъ Чернолѣсъ наблюдалъ за командой, но ночью былъ сильный ливень, заставившій всю команду переходить съ мѣста на мѣсто. И опять не досчитались нѣсколькихъ казаковъ. Другой старшина Порохня, «былъ одержимъ» столь сильною болѣзнью, что не въ состояніи былъ даже дать показанія, какъ бѣжали у него казаки.

Впослѣдствіи, въ рапортѣ 27 сентября 1796 г. кошевому Чепигѣ, Головатый далъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Происшествію на островѣ Сарѣ предшествовалъ другой побѣгъ казаковъ. Когда черноморцы стояли въ Баку, то привозившіе въ армію провіантъ чумаки сообщили имъ, что въ Грузіи находилось до восьмисотъ казаковъ подъ главенствомъ кошевого Растрепы и что грузинскій царь платилъ имъ за службу отличное жалованье. Тогда же шесть человѣкъ изъ разныхъ куреней пробовали бѣжать въ Грузію, но всѣ были пойманы. Къ Головатому былъ доставленъ только одинъ бѣглецъ—казакъ Левко Малый, а остальные пять были задержаны властями за ограбленіе какого-то купца.

Съ переходомъ казаковъ изъ Баку на островъ Сару дѣятельную агитацію о побѣгѣ въ Грузію къ кошевому Растрепѣ повелъ казакъ куреня Сергіевскаго Онисько Козырь. Подъ его именно вліяніемъ бѣжало 39 человѣкъ въ Грузію. Онисько Козырь увѣрилъ казаковъ, что о существованіи казаковъ въ Грузіи онъ лично слышалъ отъ донского казака, пріѣзжавшаго курьеромъ изъ арміи къ Талышенскому хану.

Не зная дороги въ Грузію, казаки раздѣлились на двѣ партіи, направившіяся разными путями. Объ этомъ увѣдомилъ Головатаго Талышенскій ханъ Мустафа. Для поимки бѣжавшихъ казаковъ, Головатый отправилъ отрядъ подъ командою полковника Великаго и полкового есаула Коротняка. Эти старшины поймали 10 бѣглецовъ, «отощавшихъ безъ пищи и раскаивающихся въ своемъ побѣгѣ». Остальные 28 человѣкъ скрылись неизвѣстно куда. Прошелъ слухъ, что

они перебрались черезъ горы въ Муганскую степь. Но Головатый предполагалъ, что бѣжавшие казаки, по незнанію дороги и трудности „прохода въ Грузію“, не попадутъ въ нее, но и «стыда ради» не вернутся обратно въ армію, а вѣроятно попытаются пробраться на Кубань. Что сталось съ этими казаками, объ этомъ свѣдѣній въ историческихъ матеріалахъ не оказалось.

Такимъ образомъ, персидскому бунту на мѣстѣ въ Черноморіи предшествовали попытки казаковъ отыскать желательный строй казачьяго уряда и отношеній съ кошевымъ Растрепою во главѣ. Начался же онъ самымъ обыкновеннымъ образомъ и на законныхъ, такъ сказать, основаніяхъ. Недовольные казаки заявили притензію на свое начальство и подали прошеніе по этому предмету въ „Черноморское войсковое общество», какъ означено въ прошеніи. Видно, что сами казаки или, покрайней мѣрѣ, тѣ, кто руководилъ ими, желали стоять на почвѣ неоспоримыхъ фактовъ, облеченныхъ въ юридическую форму. Въ прошеніи «отъ атамановъ и казаковъ» двухъ пѣшихъ полковъ, бывшихъ въ персидскомъ походѣ, подробно изложены претензіи рядового казачества къ чиновной старшинѣ.

Неудовольствія первыхъ на вторыхъ начались современи отправленія отряда въ походъ. До Усть-Лабы багажъ цѣлой тысячи пѣхоты доставленъ былъ на войсковыхъ волахъ. Отсюда же и до Астрахани наняты были вольные чумаки и за провозъ ими казачьяго багажа удержано было по 50 коп. изъ жалованья каждаго казака, всего 500 рублей. Казаки покупали также на свой счетъ сѣно и деготь.

Изъ лагеря близъ Болдинскаго монастыря у Астрахани казачья старшина посылала казаковъ на частныя работы къ графу Валеріану Зубову, Ахматову и другимъ безъ платы за трудъ.

На персидскомъ берегу вблизи Баку казаковъ заставили складывать въ бунты казенный провіантъ, „съ отдышкой по два часа въ день“. За выполненіе этой работы имъ назначено было по 5 коп. съ четверти. Но команда въ 300 человѣкъ ничего не получила.

Остальные 200 человѣкъ поставлены были сначала на Китный Бугоръ для нагрузки и выгрузки провіанта съ купеческихъ судовъ до октября мѣсяца.

Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Персію, казаки выполняли такія же работы на Сарѣ и въ Сальянахъ. За все это должна была заплатить имъ казна. Но только сто человѣкъ получили часть вознагражденія по 4 р. 50 к. на казака и сто человѣкъ по 1 р. 50 коп.

Отрядъ казаковъ за рубку лѣса для дровъ, фашинъ и возведеніе батарей получилъ только 40 рублей, а 110 рублей были удержаны.

Запасъ казачьяго провіанта въ 64 четверти, хранившійся въ Баку, проданъ казачьей старшиной по 11 р. за четверть на 660 рублей, которыхъ казаки также не получили.

За возведеніе батарей казакамъ выдано было двѣ бочки горячаго вина, но казаки выпили только по три порціи, а остальное вино осталось у командующаго.

При отправленіи казаковъ изъ Баку въ Россію на судахъ до Кизляра, на больныхъ казаковъ было отпущено горячее вино, но вино получали только казаки бывшіе на одномъ суднѣ съ полковникомъ (Чернышевымъ), а на остальныхъ суднахъ вина «вовсе не видали».

380 казаковъ, слѣдовавшихъ сухимъ путемъ, получили только по 4 порціи горячаго вина; провіантъ же получали отъ казны вѣсомъ, а казакамъ раздавали «несправедливою мѣрою», отчего казаки терпѣли «дороговизну и голодъ» и истратили собственныхъ денегъ по 1 рублю 20 коп. на человѣка.

Когда весь казачій отрядъ остановился на обратномъ пути въ Екатериноградѣ, то въ лагерѣ завели ссору двое старшинъ, изъ которыхъ одинъ уличалъ другого въ утайкѣ порціонной дачи, при чемъ обвиняемый «сталъ бить по щекамъ» обвинителя, а полковникъ (вѣроятно Чернышевъ) приказалъ послѣдняго арестовать. Въ лагерѣ же при Павловской крѣпости полковникъ и всѣ собранные старшины начали упрашивать обвинителя потушить дѣло, «а тотъ, который билъ по щекамъ, просилъ прощенія, падая до ногъ съ тѣмъ, чтобы не заносили жалобы». Потерпѣвшій простилъ обидчика.

Во флотѣ казаки не получали порціи и провизію натурою и деньгами на равнѣ съ матросами.

Все это казаки просили «общество» принять къ разсмотрѣнію и «повелѣть наградить ихъ законнымъ удовольствіемъ». Въ заключеніе своего прошенія казаки прибавили, что такую же просьбу они подали и командующему войсками на Кавказѣ графу Гудовичу.

Прошенію этому предшествовали слѣдующія обстоятельства.

Полковникъ Кордовскій сообщилъ уѣхавшему въ Тамань Котляревскому въ письмѣ, что въ 8 часовъ утра, 22 іюля 1797 года, въ г. Екатеринодаръ прибыли пѣшіе полки подъ начальствомъ Чернышева изъ похода въ Персію. Кордовскій съ старшинами и атаманами встрѣтилъ возвратившихся у крѣпостной башни, а протопопъ съ духовенствомъ близъ церкви;

отслужена была литургія и благодарственный молебенъ. Когда послѣ окончанія богослуженія, полковникъ Чернышевъ вышелъ къ казакамъ и, поблагодаривши войско за службу, сдалъ знамена, то Кордовскій замѣтивши, что казаки чего-то ожидаютъ, приказалъ имъ: «расходиться по куренямъ». При этихъ словахъ, казаки обоихъ полковъ, окружили Кордовскаго и Чернышева со старшинами, закричали свирѣпымъ образомъ: „не идемъ мы въ курени, пока не удовольствуете насъ за всѣ обиды, претерпѣнныя нами въ персидскомъ походѣ". На уговариванія Кордовскаго и старшинъ оставить обиды и искать удовлетворенія послѣ, казаки отвѣчали усилившимися криками и требовали скорѣйшаго рѣшенія ихъ претензій. На предложеніе Кордовскаго идти въ курени, они отвѣтили, что не пойдутъ въ «пустые и заросшіе бурьянами» курени, а остались у церкви, раставивши ратища и мушкеты въ линію и учредивши караулы. Такъ простояли они здѣсь весь день и ночь. А 23 іюля въ 10 часовъ дня въ Войсковое Правительство пришли около 15 челов. казаковъ и подали прошеніе, содержаніе котораго изложено выше.

Кордовскій вмѣстѣ со старшинами отправились въ лагерь къ казакамъ и начали уговаривать ихъ, чтобы они не бунтовали и не дѣлали тѣмъ всему войску порока и безславія. Тогда, по словамъ Кордовскаго, они всѣ единогласно сказали: «мы не бунтуемся и въ курени не пойдемъ, а будемъ дожидаться пріѣзда войскового писаря, пусть тотъ намъ доставитъ удовольствіе». Кордовскій, поэтому, просилъ Котляревскаго поспѣшить пріѣздомъ «для прекращенія злого сихъ развратныхъ и нарушающихъ общее спокойствіе казаковъ намѣреній».

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ дѣло стояло такъ, что, казалось бы, достаточно было сколько нибудь справедливаго отношенія старшины къ казакамъ, чтобы оно закончилось самымъ миролюбивымъ образомъ. Казаки не намѣрены были бунтовать, а искали законнаго удовлетворенія ихъ справедливыхъ претензій. Однако, сами по себѣ требованія казаковъ были поставлены въ такія условія, которыя не допускали мирнаго исхода. Жаловался одинъ классъ на другой и представителямъ этого другого класса—рядовые казаки предъявили претензіи на старшинъ къ старшинѣ же. Въ сущности, это былъ прямой отвѣтъ на ту часть «Порядка общей пользы», которою положено было столь рѣзкое отграниченіе казаковъ отъ старшины. И вотъ самыя обыкновенныя въ казачьей жизни осложненія превращены были старшиною въ бунтъ. Бунтъ этотъ умышленно раздула и культивировала казачья старшина.

Тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ приходится судить

о персидскомъ бунтѣ, нѣсколько односторонни и не полны. Подавляющее большинство документовъ писалось старшинами, которые въ однихъ случаяхъ искажали или утрировали факты, въ другихъ скрашивали или смягчали ихъ. Тѣмъ не менѣе, и въ такихъ матеріалахъ, при сопоставленіи ихъ, легко найти настоящую подкладку событія.

Въ рапортѣ Войсковому Правительству отъ 30 іюля 1797 года, полковникъ Чернышевъ даетъ въ десяти пунктахъ объясненія на предъявленныя казаками въ прошеніи претензіи, оправдывая всячески себя и старшину. Одни изъ этихъ объясненій сводятся къ тому, что старшина былъ ни при чемъ въ предъявленныхъ ей претензіяхъ. Такъ, удержано было за провозъ казачьей клади отъ Усть-Лабы до Астрахани по 50 коп. съ человѣка, по распоряженію командующаго на Кавказѣ графа Гудовича. Другія претензіи опровергаются совершенно бездоказательными указаніями старшины. А третьи, по выраженію полковника Чернышева „совѣстью" того или другого отвѣтственнаго старшины. Но за этимъ канцелярскимъ опроверженіемъ жалобы казаковъ невольно обнаруживается ея справедливость.

Гудовичъ дѣйствительно сообщилъ Войсковому Правительству о томъ, что пѣшіе казаки должны сами доставить до Астрахани свои вещи, такъ какъ онъ не располагалъ для того казенными средствами. Но разъ до Усть-Лабы казачьи вещи были доставлены на войсковой счетъ, то почему было бы не сдѣлать того-же и дальше? Казаки имѣли много поводовъ къ тому, чтобы не вѣрить старшинамъ и сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности.

Когда Войсковое Правительство потребовало, въ дополненіе къ поданному казаками прошенію, болѣе реальныхъ доказательствъ ихъ жалобы, то казаки въ своемъ рапортѣ отъ 2 августа, по ихъ выраженію, «съ покорностью представили» эти доказательства. Такъ, на Камышеватскомъ полуостровѣ казакъ Яцко Мовчанъ слышалъ въ квартирѣ Головатаго разговоры о 30000 рубляхъ, принадлежащихъ казакамъ и подлежащихъ къ раздачѣ имъ. Прапорщикъ Семенъ Авксентьевъ продалъ 10 ведеръ порціонной горѣлки и деньги въ свою пользу получилъ. Прапорщикъ Мусей Рева говорилъ, что на казаковъ приходилось по 75 рублей порціонныхъ, чего они однако не получили. Старшина Павленко, котораго билъ по щекамъ старшина Кравецъ, уличилъ послѣдняго въ явномъ мошенничествѣ и пока Павленка не посадили подъ арестъ, онъ говорилъ казакамъ объ утайкѣ 16000 рублей денегъ, слѣдовавшихъ казакамъ за ихъ казенныя работы. Старшина Собакарь утверждалъ, что за проданный казачій провіантъ получено было въ Баку отъ персіанъ

1700 рублей, а за проданную на Житномъ Бугрѣ порціонную водку старшина Иванъ Холявка взялъ 700 рублей. Тотъ же Собакарь говорилъ объ утайкѣ 16000 рублей, принадлежавшихъ казакамъ за ихъ работы. На рѣкѣ Егорлыкъ, когда былъ арестованъ старшина Герасимъ Татаринъ, казаки слышали, что за проданный казачій провіантъ старшины подѣлили между собою выручку; при немъ на каждаго сотеннаго старшину пришлось по три червонца. Въ лагеряхъ вблизи крѣпости Кавказской, когда были арестованы прапорщикъ Авксентьевъ и др. старшины, старшина Петро Криворучка укорялъ другихъ старшинъ словами: «пейте казацкую кровь» и грозилъ обнаружить плутни, если онъ останется обиженнымъ.

На этотъ разъ ни полковникъ Чернышевъ, ни кто либо другой изъ старшинъ, бывшихъ въ персидскомъ походѣ, не дали своихъ разъясненій или, быть можетъ, въ дѣлахъ Кубанскаго архива не оказалось такихъ бумагъ. Но 5 августа Котляревскій сдѣлалъ Войсковому Правительству предложеніе «взять подъ арестъ возмутителей», грозя, въ противномъ случаѣ, донести обо всемъ начальству. Побудительною причиною къ тому было то обстоятельство, что возвратившіеся изъ персидскаго похода казаки, водрузивъ въ землю свои пики, стояли три дня на одномъ мѣстѣ. Котляревскаго тревожили слухи о томъ, что часть волновавшихся разошлась по войсковой землѣ, чтобы собрать всѣхъ казаковъ въ Екатеринодаръ, и что оставшіеся въ Екатеринодарѣ казаки «провіантъ ѣдятъ въ крайнюю куреннымъ обществамъ обиду», толпою ходятъ по улицамъ, возводятъ на избранную старшину «нѣкоторые пороки» и намѣреваются избрать атаманами такихъ, «которые ихъ сектѣ присягали». Котляревскій неоднократно приказывалъ куреннымъ атаманамъ «усмирить возмутителей», но атаманы не слушались его.

Того же 5 августа Войсковое Правительство, занеся въ журналъ это предложеніе Котляревскаго и упомянувъ, что жалоба казаковъ о неудовлетвореніи ихъ порціонными и заработанными деньгами «окончилась, по изслѣдованію законнымъ порядкомъ, разными вымыслами и неправильными наставленіями», постановило «запретить толпѣ собираться» и обязать куренныхъ атамановъ «каждому усмирить своихъ» и однихъ послать на заработки, а другихъ на службу. Если же возмутители ослушаются атамановъ, то атаманы, собравши сходы, должны силою ихъ понудить къ тому, а зачинщиковъ взять подъ караулъ, а также и тѣхъ, которые «отъ той секты отправились по войсковой землѣ присоглашать казаковъ»; въ противномъ случаѣ обо всемъ будетъ донесено высшему начальству и не только возмутители, но и курен-

ные атаманы будутъ судимы по всей строгости законовъ. Волнующихся же казаковъ «завѣрить», что они, по окончаніи дѣла, будутъ вызваны въ Войсковое Правительство указами и тогда узнаютъ, по какимъ пунктамъ ихъ жалобы они будутъ удовлетворены.

Наконецъ, письмомъ отъ 5 августа Котляревскій поручилъ войсковому есаулу Мокію Гулику, производившему «объѣздъ» по войсковой землѣ, «дѣлать вездѣ примѣчанія» о настроеніи населенія и однихъ стараться благоразумными мѣрами отвращать отъ возникшихъ безпорядковъ, а другихъ, «возмутителей», ловить и представлять подъ надежнымъ карауломъ въ Войсковое Правительство.

Что сдѣлалъ войсковой есаулъ, не извѣстно; но 7 августа случилось обстоятельство, придавшее острый характеръ дѣлу. Этого числа рапортомъ генералъ-маіору фонъ-Спету Котляревскій донесъ, что въ Екатеринодарѣ произошелъ бунтъ, произведенный пришедшими изъ персидскаго похода и присоединившимися къ нимъ городскими и пріѣхавшими изъ куреней казаками, что бунтовщики «били до полусмерти» двухъ маіоровъ, поручика и прапорщика да «и меня, добавляетъ Котляревскій, намѣревались въ смерть убить». Вслѣдствіе этого Котляревскій, «спасая свою жизнь, удалился въ Усть-Лабинскую крѣпость». Здѣсь онъ просилъ начальника крѣпости подполковника Бѣлецкаго дать ему помощь для усмиренія бунтующихъ казаковъ. Такъ какъ находившійся въ распоряженіи послѣдняго Суздальскій мушкатерскій полкъ былъ весь распредѣленъ по Кубанской линіи отъ Изряднаго источника до Казанскаго редута и Бѣлецкій, поэтому, не могъ отдѣлить изъ этого полка нужныхъ для усмиренія бунта людей; то Котляревскій обратился къ генералъ-маіору фонъ-Спету съ просьбой оказать ему помощь, тѣмъ болѣе, что полкъ фонъ-Спета долженъ былъ проходить черезъ черноморскія селенія.

7 августа, въ 10 часовъ утра, войсковой есаулъ Мокій Гуликъ въ сопровожденіи 9 куренныхъ атамановъ, посѣтилъ волнующихся казаковъ, расположенныхъ лагеремъ за городомъ близъ кладбища и пытался урезонить ихъ, совѣтуя смириться и просить прощенія у Котляревскаго. Чтобы подѣйствовать на непокорныхъ казаковъ, онъ прочелъ имъ распоряженіе Котляревскаго объ отводѣ тысячи квартиръ для регулярныхъ войскъ, долженствующихъ усмирить казаковъ, и снаряженіи по 60 подводъ отъ селенія. Казаки на это замѣтили Гулику, что они «съ охотою будутъ дожидаться москаля», такъ какъ «они не возмутители, не бунтовщики», а лишь «своего заслуженнаго домогаются»; просить же «прощенія отнюдь не согласны». Кордовскій, сообщившій объ

этомъ Котляревскому, прибавилъ, что, по мнѣнію Гулика, волнующіеся казаки не склонны ни къ побѣгу за Кубань, ни къ разграбленію Екатеринодара, «поелику они безпечны» и утверждаютъ, что «никакой вины за собою не чувствуютъ».

Такъ дѣло стояло съ утра. Днемъ 7 августа, какъ сообщали Котляревскому Кордовскій и Бѣлый, количество волнующихся казаковъ возросло съ 300 до 500. Вечеромъ около 50 человѣкъ изъ нихъ ходили по базару и брали отъ всѣхъ какія-то подписки. Послѣ отъѣзда Котляревскаго изъ Екатеринодара, „ярмарковые казаки" начали расправляться съ старшиною. Евтихію Чепѣгѣ проломили голову, а Еремѣеву нанесли рану въ спину; избиты были также поручикъ Шелестъ, пушкарь Галеновскій и прапорщикъ Авксентьевъ, котораго едва не закололи пикою, „да и прочихъ старшинъ довольно побили".

Виновниками этого были не одни возвратившіеся изъ персидскаго похода казаки, но городскіе жители и пріѣзжіе изъ слободъ казаки. Въ припискѣ сказано: возмутитель Дикунъ вербовалъ единомышленниковъ по городу.

Такимъ образомъ, дѣло стало постепенно обостряться. Правда, Войсковое Правительство и старшина рисовали все въ преувеличенномъ видѣ, придавали ничтожнымъ обстоятельствамъ несоотвѣтствующее значеніе. Несомнѣнно, однако было одно: это вражда и глубокая разнь между старшиной и казаками, господствовавшая въ самой жизни.

Тѣмъ неменѣе бунтовщики держали себя тактично и съ достоинствомъ. Самъ Гуликъ, бывшій два раза въ лагерѣ казаковъ и собиравшійся еще разъ посѣтить ихъ («я еще ихъ ласкать сегодня поѣду»), категорически заявлялъ, что казаки ни побѣга заграницу, ни какого либо разграбленія города не учинятъ, что ихъ легко забрать съ тремя ротами солдатъ и что они не пойдутъ противъ регулярныхъ войскъ и вполнѣ увѣрены въ законности своихъ поступковъ. Что касается избіенія казаками старшинъ, то Гуликъ не только ни словомъ объ этомъ не заикнулся, а на оборотъ, сообщалъ, что ему казаки жаловались на то, что ихъ лишали причастія и что, по словамъ казаковъ, за ними гонялись старшины съ обнаженными саблями и «съ пушки хотѣли ихъ бить».

Справедливость требуетъ сказать, что М. С. Гуликъ былъ единственнымъ представителемъ старшины, не растерявшимся и лично сносившимся съ казаками. Самъ Котляревскій несомнѣнно струсилъ, малодушно бѣжалъ изъ Екатеринодара и свалилъ на другихъ лежавшія на немъ обязанности по успокоенію казаковъ, которые къ нему собственно и обращались. Чины Войскового Правительства, Кордовскій и Бѣлый, от-

крыто заявили, что они опасаются за свою жизнь. И лишь Гуликъ свободно посѣщалъ казаковъ и склонялъ ихъ смириться и просить прощенія у Котляревскаго. Правда и Гуликъ держался нѣсколько двумысленно по отношенію къ казакамъ— «ласкалъ» ихъ, по его выраженію; но онъ имѣлъ достаточно мужества и вѣроятно авторитета, чтобы стать лицомъ къ лицу съ противниками и обвинителями казачьей старшины.

Около этого времени въ Черноморію прибылъ посланный Императоромъ Павломъ инспекторъ кавалерійскихъ полковъ кавказской дивизіи Пузыревскій. И вотъ Котляревскій и старшина обращаются къ нему съ жалобами на казаковъ. Очень характерными для правящей старшины являются эти именно жалобы. Котляревскій, чувствовавшій повидимому неловкость положенія главнаго начальника войска, бѣжавшаго отъ него, позволилъ себѣ явныя передержки и преувеличенія тѣхъ сообщеній, какія ему были сдѣланы Гуликомъ, Кордовскимъ и Бѣлымъ. По словамъ этого канцеляриста-атамана, выходило такъ, что въ основѣ казачьихъ волненій лежали будто-бы ничтожныя причины—«нѣкоторыя неудовольствія», но волнующіеся казаки «причиняли нѣкоторымъ штабъ и оберъ-офицерамъ бой и искали убить» его, Котляревскаго. Онъ совершенно извратилъ нѣкоторые факты. Били старшинъ городовые казаки, а Котляревскій приписалъ это казакамъ пришедшимъ изъ персидскаго похода. Сборище казаковъ у кладбища опредѣляется, по донесеніямъ Котляревскому, въ 300, въ 400 и наиболѣе въ 500 человѣкъ, а у Котляревскаго оказалось уже «до тысячи человѣкъ». Сообщивши о своихъ мудрыхъ мѣропріятіяхъ по успокоенію казаковъ, т. е. о переписке съ подполковникомъ Бѣлецкимъ, генералъ-маіоромъ фонъ-Спетъ и Новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ Бердяевымъ, Котляревскій, во избѣжаній могущихъ послѣдовать осложненій, просилъ Пузыревскаго «показанныхъ бунтовщиковъ своимъ благоразуміемъ и кротостью усмирить». Въ сущности это обращеніе Котляревскаго къ Пузыревскому было явнымъ признаніемъ безсилія войскового атамана. Котляревскій просилъ совершенно сторонняго войску человѣка сдѣлать то, съ чего долженъ былъ начать самъ, вмѣсто постыднаго бѣгства изъ войска и призванія регулярныхъ частей для усмиренія волнующихся казаковъ.

Съ своей стороны, и старшина, въ количествѣ 57 человѣкъ, обратились 11 августа къ Пузыревскому съ обвиненіемъ казаковъ въ бунтѣ и неповиновеніи. Самъ Пузыревскій, по ихъ словамъ, имѣлъ случай «видѣть», какъ казаки оказали «грубость и неповиновеніе» начальству. Неповиновеніе это выразилось въ томъ, что казаки, взамѣнъ

избранныхъ «по силѣ Высочайшей грамоты» изъ штабъ и оберъ офицеровъ и куренныхъ атамановъ въ войсковые есаулы Мокія Гулика и въ пушкари прапорщика Галеновскаго, избрали есауломъ казака куреня Васюринскаго Федора Дикуна и пушкаремъ казака куреня Незамаевскаго Осипа Шмалька.

Поэтому, старшины просили полковника Пузыревскаго уничтожить стремленія казаковъ «къ разоренію на войсковой землѣ законнаго порядка», поступить съ бунтовщиками по законамъ, а если этого онъ не сможетъ, то довести до свѣдѣнія Государя о невинности старшины и о произведенной ей обидѣ казаками.

Рапортомъ 15 августа Котляревскій сообщилъ новороссійскому губернатору Бердяеву, что въ то время, когда для усмиренія волнующихся казаковъ шелъ полкъ генерала фонъ-Спета, прибылъ полковникъ Пузыревскій, Высочайше назначенный для инспекціи кавказскихъ кавалерійскихъ полковъ, и что, не имѣя возможности успокоить казаковъ, Котляревскій просилъ Пузыревскаго подѣйствовать на нихъ своимъ авторитетомъ, какъ лицо уполномоченное Государемъ. Пузыревскій отнесся сочувственно къ этому предложенію и принялся за дѣло. Августа 9-го онъ отправился въ лагерь казаковъ и «благоразумными своими совѣтами ихъ смирилъ». Казаки оставили лагерь и разошлись по куренямъ. Когда на другой день, 10 августа, Пузыревскій объявилъ казакамъ о назначеніи войсковымъ атаманомъ Котляревскаго, то толпа единогласно и многократно кричала: «не хотимъ, чтобы онъ Котляревскій, былъ намъ атаманомъ». Но Пузыревскій „опять ихъ смирилъ“, и казаки присягнули въ томъ, что они не будутъ бунтовать. По настоянію казаковъ, присягнулъ на вѣрность службы и самъ Котляревскій. На другой день собрались самовольно казаки, которые наличныхъ начальниковъ замѣнили выборными лицами, „глупѣйшими людьми и первыми бунтовщиками“, по словамъ старшинъ. Котляревскій просилъ Пузыревскаго не допустить въ войскѣ „разстройства установившагося порядка“. Пузыревскій, по словамъ Котляревскаго, „хотя и былъ въ опасности отъ тѣхъ казаковъ о своей жизни, однакожъ вздумалъ премудрую хитрость“: вошелъ въ толпу, разспросилъ ее о нуждахъ, сочинилъ на имя Государя прошеніе по этому предмету отъ казаковъ и велѣлъ послать въ Петербургъ бумагу съ пятнадцатью избранными депутатами. Бумага была вручена Пузыревскимъ „первому зачинщику“ Федору Дикуну, который, въ свою очередь, передалъ ее для прочтенія вслухъ всѣмъ казакамъ капитану Мигрину. Мигринъ прочиталъ и, согласно сдѣланнымъ раньше внушеніямъ Котляревскаго, „растолковалъ

хитростно“ въ желательномъ для казаковъ духѣ: „Отъ за сіе спасибо“, громко благодарили „довольные“ казаки „и избрали изъ себя самыхъ первѣйшихъ начальниковъ бунта и единомышленниковъ четырнадцать человѣкъ казаковъ“. Ловушка была устроена. Пузыревскій отправилъ въ Петербургъ зачинщиковъ, а самъ „сдѣлалъ Его Императорскому Величеству о ихъ продерзскихъ поступкахъ другое представленіе“, пославши въ Петербургъ своего адъютанта, Котляревскаго и обманутыхъ депутатовъ.

Трудно повѣрить даже, но войсковой атаманъ Черноморскихъ казаковъ и облеченный довѣріемъ Государя Императора инспекторъ кавалерійскихъ полковъ дозволили себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ самую непозволительную провокацію,—«премудрую хитрость», по выраженію Котляревскаго. Казаки всецѣло довѣрявшіе Монарху и исполнявшіе совѣты Пузыревскаго, какъ лица, облеченнаго Высочайшимъ довѣріемъ, именемъ того-же Государя были обмануты. Могли-ли они послѣ этого довѣрять начальству, назначаемому помимо ихъ желаній? и не вправѣ-ли они были требовать по одному этому своей выборной старшины, какъ это водилось въ старину? Какъ бы тамъ ни было, а обездоленные казаки повѣрили провокаціи, возвратились на мѣста по куренямъ и въ пограничные сторожевые пункты, свободные отъ службы разошлись по домамъ, отрѣшенныхъ ими же отъ должностей атамановъ допустили снова на мѣста и «тѣмъ прежніе тишина, покой и повиновеніе казаковъ своему начальству въ войско возвратились». Котляревскій отправился въ Петербургъ, а Пузыревскій возвратился въ Ставропольскую крѣпость.

Такъ неожиданно разрѣшился персидскій бунтъ.

Когда успокоились волновавшіеся казаки, Котляревскій перемѣнилъ свой взлядъ на этотъ бунтъ. Прежде онъ видѣлъ въ претензіяхъ казаковъ на старшину колебаніе основъ и и разрушеніе установленныхъ Высочайшею властью порядковъ, а въ своемъ рапортѣ Бердяеву отъ 15 августа онъ всю вину свалилъ на умершихъ начальниковъ генералъ-маіора Чепигу и бригадира Головатаго. По его словамъ, начальники эти, «живши между собою не о добромъ согласіи», не установили сразу надлежащихъ порядковъ; переселяли неразумно въ теченіе четырехъ лѣтъ казаковъ съ мѣста на мѣсто; строили гавань для казачьей флотиліи, не выдавая казакамъ ни жалованья, ни провіанта; запродали продажу вина откупщику до 1800 года; несправедливо распредѣлили войсковую землю и лѣса между старшиною и куренями; употребляли служащихъ казаковъ на работы въ собственныхъ хозяйствахъ и не выдавали жалованья и провіанта казакамъ, служившимъ

на пограничной съ черкесами линiи, а заставляли ихъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Все это, конечно, были очень важныя злоупотребленiя и упущенiя, влiявшiя неблагопрiятно на экономическое положенiе населенiя и, слѣдовательно, усилившiя его недовольство. Но замѣчательно, что Котляревскiй ни словомъ не обмолвился о претензiяхъ казаковъ, возвратившихся изъ персидскаго похода.

Произошло нѣчто ужасное. Изъ тысячи человѣкъ казаковъ, отправленныхъ въ персидскiй походъ, возвратилось только пятьсотъ, а 500 человѣкъ или 50% были жертвою главнымъ образомъ необычайной смертности, злокачественныхъ болѣзней и лишенiй. Казаки находились все время въ невозможныхъ условiяхъ; ихъ несомнѣнно обирали и не стѣснялись въ назначенiи на самыя трудныя работы. И вотъ, когда уцѣлѣвшiе отъ персидскаго похода и испившiе до дна чашу лишенiй черноморцы заявили свои претензiи на все это, старшина, прикосновенная большею частью къ несчастiямъ своихъ рядовыхъ сотоварищей, возвела эти претензiи въ бунтъ, а войсковой атаманъ поддержалъ это, хотя лично былъ увѣренъ, что главные виновники бунта были Чепига и Головатый, допустившiе рядъ нарушенiй исконныхъ правъ казачьей массы.

Но рапортъ Котляревскаго ясно говоритъ самъ за себя. Очевидно, Котляревскому потребовалось потревожить кости Чепиги и Головатаго только для того, чтобы выгоднѣе оттѣнить свою собственную персону. Отмѣтивши свои дѣянiя «по облегченiю» войска, по устраненiю «угнетенiя и разоренiя его» прежними начальниками, Котляревскiй съ лицемѣрнымъ смиренiемъ заключаетъ: «всему войску я пользу открылъ, за чтожъ они намѣревались не принять меня начальникомъ, а стремилися убить—я знать не могу». И это говорилъ войсковой атаманъ, ѣхавшiй, послѣ самой безцеремонной провокацiи, въ Петербургъ добивать демократическiя стремленiя родного казачества.

Послѣ того, какъ были арестованы въ Петербургѣ вожаки волновавшихся казаковъ, назначенъ былъ судъ надъ казаками. Съ этою цѣлью была образована военно-судная комиссiя при Вятскомъ мушкатерскомъ полку 27 января 1797 года изъ презуса, командира полка генералъ-маiора Михайлова, ассесоровъ—маiоровъ того же полка Казаринова, Балла и Гвоздева, а отъ Черноморскаго войска—Григорьевскаго, Бурсака, капитана Кифы и аудитора поручика Похитонова, вскорѣ впрочемъ заявившаго о невозможности исполнять обязанности по болѣзни. Но разслѣдованiе дѣла началось далеко раньше, еще въ Петербургѣ. 14 октября 1797 года Котляревскiй далъ письменное возраженiе «противъ несправедли-

выхъ отвѣтовъ бунтовщиковъ на пункты Дикуна, Шмалька, Собакаря, Половаго и пр.».

Дикунъ, Шмалько, Собакарь и Половой показали, что неповиновеній противъ Войскового Правительства и атамана они не дѣлали; что Дикунъ и др. дѣйствительно подали просьбу атаману, но удовлетворенія не получили и разошлись по куренямъ, но потомъ 6 августа ихъ выгнали за городъ въ присутствіи вооруженныхъ командъ; что никого изъ старшинъ они не били, къ бунту не призывали и за городомъ никто изъ другихъ казаковъ къ нимъ не присоединялся. Но атаманъ Котляревскій, выгнавшій казаковъ изъ города и уѣхавшій въ Усть-лабинскую крѣпость, написалъ съ дороги полковнику Высочину и войсковому судьѣ, чтобы они собрали съ кардоновъ команду и велѣли ей перевязать казаковъ, а въ случаѣ бѣгства послѣднихъ, стрѣлять изъ пушекъ; письмо это дѣйствительно перехватили казаки и съ своею просьбою послали инспектору. Убить Котляревскаго никто не хотѣлъ и намѣренія не имѣлъ. Когда пріѣхалъ въ Екатеринодаръ инспекторъ кавалерійскихъ полковъ Пузыревскій, то они ему заявили, что ихъ выгнали изъ города, и подали ему просьбу. Котляревскій при инспекторѣ предъявилъ казакамъ записку о выборѣ Высочина и другихъ и сказалъ, что если эти лица намъ не угодны, то мы можемъ избрать другихъ, что мы и сдѣлали; стоящихъ на кардонахъ старшинъ и куренныхъ атамановъ мы не перемѣняли. Противъ регулярныхъ войскъ никакихъ угрозъ не дѣлали, не кричали, что не желаемъ Котляревскаго допустить въ атаманы, а депутатами мы выбраны по приказанію инспектора для подачи просьбы объ обидахъ Государю и очень можетъ быть, что всего этого не дѣлали четыре лица, хотя они и стояли во главѣ движенія.

Остальные девять депутатовъ — казаки, не бывшіе въ персидскимъ походѣ, отозвались незнаніемъ обстоятельствъ дѣла, такъ какъ не были въ то время въ городѣ.

Таковы были показанія избранныхъ премудрою хитростью депутатовъ. Къ нимъ казаки прибавили тѣ претензіи служившихъ въ Персіи, которыя изложены были въ прошеніи, т. е. относительно вычета платы за провозъ вещей, удержанія части жалованья, невыдачи заработанныхъ у казны денегъ, провіанта, винной порціи и пр.

Съ своей стороны казаки, не участвовавшіе въ походѣ въ Персію, сдѣлали рядъ слѣдующихъ заявленій.

Около тысячи человѣкъ, служившихъ во время послѣдней турецкой войны въ сухопутныхъ войскахъ и флотиліи, не получили отъ Чепиги и Головатаго ни жалованья, ни морской порціи.

Не смотря на жалованную грамоту Царицы о предоставленіи земли всему войску для поселенія, Чепига и Головатый отняли пустующія мѣста у казаковъ и предоставили ихъ штабъ и оберъ-офицерамъ.

Рядовому казачеству воспрещено рубить лѣсъ, а старшины рубятъ его и строютъ мельницы и дома.

Съ рыбныхъ ловель собирается до 40000 р. въ годъ пошлины по р. Протокѣ, а по остальнымъ мѣстамъ берутъ рыбою, что тяжело для казаковъ.

Съ добываемой соли взимаютъ пятую долю, большой для казака налогъ.

Винаградныя и хлѣбныя вина отданы на откупъ по 1 р. съ ведра Яншину, но куда дѣвались эти деньги—войску не извѣстно.

Предъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, Котляревскій приказалъ согнать часть жителей съ занятыхъ ими удобныхъ мѣстъ и поселить въ городѣ Екатеринодарѣ, Тамани и Ейскѣ.

Выданыя казною въ пособіе вдовамъ и сиротамъ, при переселеніи изъ за Буга на Кубань, 30000 руб. не розданы.

Не отдано также казакамъ 16000 р. за починку судовъ.

Съ особою силою и обстоятельностью претензіи казаковъ были изложены впослѣдствіи въ 29 пунктахъ прошенія казаковъ Заколоденка и Волги, поданнаго на Высочайшее имя іюня 1799 года.

Интересна судьба этого прошенія. Не надѣясь на справедливость суда, въ составъ котораго вошли трое старшинъ Черноморскаго войска, казакъ Каневскаго куреня Симеонъ Волга, «испросивши, по выраженію Котляревскаго, обманнымъ образомъ» у него 19 мая 1799 года билетъ на себя и работника съ тремя подводами и верховою лошадью, до города Георгіевска «подъ видомъ продажи рыбы», подалъ это прошеніе черезъ Ставропольскую почтовую контору, о чемъ сообщилъ Котляревскому сотникъ Черкащенко, бывшій случайно въ Ставрополѣ. Упоминая объ этомъ случаѣ въ своемъ донесеніи генералу фонъ-Кинооррингу 2-му, Котляревскій, прошеніе называетъ, писаннымъ отъ неблагомыслящаго общества». Очевидно, совершено естественному и законному поступку казака Волги войсковой атаманъ придалъ характеръ политическаго преступленія.

Какъ видно изъ рапорта есаула Кухаренка Котляревскому, случай съ казакомъ Волгою вызвалъ особое распоряженіе войскового атамана по этому поводу. Секретнымъ ордеромъ отъ 4 іюля, окружнымъ правленіямъ, Котляревскій учредилъ «изъ благомыслящихъ старшинъ и казаковъ денные и ночные пикеты и разъѣзды», которые обязаны были

по всей границѣ на переправахъ и проселочныхъ дорогахъ осматривать у проѣзжающихъ, нѣтъ ли у нихъ «представленій и сумнительныхъ бумагъ отъ бунтовщиковъ къ Высочайшему двору». Казаки и самъ Кухаренко просили Котляревскаго освободить населеніе «отъ этой службы для приготовленія себя къ походу».

Въ дѣлахъ не осталось слѣдовъ отъ полицейскаго распоряженія атамана, но прошеніе Волги, случай съ нимъ и предпринятая войсковымъ атаманомъ мѣра ярко характеризуютъ положеніе сторонъ—обиженныхъ рядовыхъ казаковъ и виновной старшины. Между тѣмъ, какъ первымъ воспрещалось даже подавать жалобы, вторые позволяли себѣ предпринимать репрессивныя мѣры, чтобы устранить подаваемыя на Высочайшее имя жалобы, изобличавшія грѣхи старшинъ.

Основные пункты претензій казаковъ на правящую старшину, изложенные сжато въ прощеніи Волги и Заколоденка, проведены хронологически, начиная съ возстановленія бывшаго Запорожскаго войска и оканчивая поселеніемъ его въ Черноморіи и персидскимъ бунтомъ. «Много обиженными находимся», пишутъ казаки, «отъ господъ командировъ войска».

Коннымъ казакамъ командиры не давали во время войны съ турками въ 1788 году «ни одному жалованья и фуражныхъ денегъ»; то же было и во флотиліи; «въ пѣхотныхъ же полкахъ иному казаку за два года, а иному и за три жалованья не давалось».

При водвореніи на пожалованной землѣ, казаки служили по пограничной линіи «на собственныхъ лошадяхъ и провіантѣ», жалованья получали около 4 рублей и менѣе, но никто не получалъ положенныхъ 12 рублей.

Казакамъ, служившимъ во флотиліи, было отпущено 120 воловъ для продовольствія, они же получили только 20, «а послѣдними командиры между собою подѣлились».

По окончаніи войны съ турками, казаки на собственныхъ фурахъ перевезли отъ Днѣпра въ крѣпость Одессу семь тысячъ четвертей войскового провіанта; но они не только не получили провіанта, но и платы за провозъ, а «господа командиры» ухитрились потомъ казачій провіантъ казакамъ же продать.

Въ лагеряхъ у Березани также накопилось 1800 четвертей казачьяго провіанта, но командиры его продали и деньги удержали у себя.

Затѣмъ, въ самый моментъ переселенія казаковъ изъ за Буга въ Черноморію, отпущено было войску 7000 четвертей провіанта, который и перевезенъ былъ изъ Еникаля въ Тамань на казачьихъ судахъ, но „главные начальники и стар-

шины подѣлились между собою тѣмъ провіантомъ, а «казаки претерпѣвали великій голодъ», вынуждены были покупать у командировъ и старшины свою же муку по 10 руб. за четверть и многіе «въ Россію и разныя мѣста разошлись» отъ голодовки, *а другіе съ голоду померли*.

Казаки починили 25 военныхъ лодокъ и сдѣлали къ нимъ новые баркасы, выстроили казармы и устроили гавань для казачьей флотиліи; за все это начальники установили плату по 25 коп. на казака въ день, но «рабочихъ денегъ» никто не получилъ.

Во время польскаго похода «ни одинъ казакъ не получилъ» ни фуражныхъ на лошадей денегъ сполна, ни назначенныхъ «по Высочайшему указу» въ награду.

При урожаѣ соли на войсковыхъ озерахъ казаки «съ трудомъ» добываютъ ее, при чемъ старшины берутъ въ свою пользу пятую часть добычи, вольно промѣниваютъ эту соль черкесамъ за хлѣбъ и др. предметы и продукты, а казакамъ запретили производить такую же мѣну соли съ черкесами.

Лѣсъ казакамъ совершенно воспрещено рубить и «безъ взятки лѣсъмейстеру» казакъ не можетъ добыть ни одного бревна, а старшины сколько хотятъ, столько и рубятъ лѣса для постройки себѣ домовъ, мельницъ и пр.

Лучшія угодья на войсковыхъ земляхъ для скотоводства, степи, рѣчки и «добрыя рыбныя мѣста» старшины забрали въ свое пользованіе и не дозволяли казакамъ устраивать хутора для скотоводства.

Въ силу жалованной грамоты казакамъ предоставлена вольная продажа горячаго вина и др. товаровъ, но старшины отдали на откупъ продажу вина, брали по 1 руб. съ проданнаго ведра въ теченіе двухъ лѣтъ и пяти мѣсяцевъ, а собранныя за это время за вино деньги у себя удержали.

За уворованный у казаковъ скотъ и лошадей черкесами выплачены были деньги, но старшины удержали эти деньги у себя, а потерпѣвшіе казаки ничего не получили.

Въ 14 пунктѣ прошенія кратко отмѣчены претензіи казаковъ, бывшихъ въ Персіи.

Казаки затѣмъ категорически заявили, что сообщенія войскового атамана Котляревскаго Государю о томъ, что около 1000 вооруженныхъ казаковъ сдѣлали нападеніе въ Екатеринодарѣ на войсковую церковь и желали разорить ее, какъ это предъявилъ имъ умершій предсѣдатель военно-судной комиссіи генералъ Горемыкинъ, не вѣрно. Если бы это была правда, говорится въ прошеніи, «то не только мы смерти повинны, но даже жены, дѣти и родъ нашъ до девятаго колѣна смерти предаемся».

Августа 6-го, въ день Преображенія Господня, Котляревскій приказалъ старшинамъ и казакамъ „сдѣлать нападеніе“ на казаковъ, пришедшихъ изъ персидскаго похода, которыхъ было всего въ двухъ куреняхъ семьдесятъ.

Тогда же, во время ярмарки въ Екатеринодарѣ, были свидѣтелями жители города, пріѣхавшіе изъ куреней казаки и купцы изъ разныхъ россійскихъ городовъ, какъ штабъ и оберъ-офицеры гонялись за казаками съ обнаженными саблями.

Вывезены были также изъ крѣпости заряженныя пушки, но изъ нихъ не стрѣляли, благодаря «многолюдствію ярмарки».

Казаки приняли съ хлѣбомъ и солью инспектора Пузыревскаго и подали ему, по его же предложенію, жалобы.

Въ тотъ же день Пузыревскій привелъ Котляревскаго къ присягѣ на службу войскового атамана, казаки также присягали Государю, но Котляревскому присягать не пожелали.

Инспекторъ Пузыревскій нашелъ виновнымъ Котляревскаго, намѣревавшагося сдѣлать нападеніе на казаковъ, и Котляревскій просилъ у казаковъ прощенія. Надо полагать, что и это была «премудрая хитрость», продѣланная Пузыревскимъ и Котляревскимъ.

По приказанію инспектора Пузыревскаго, казаки избрали изъ своей среды 14 представителей, которые, вмѣстѣ съ капитаномъ Мигринымъ, составили прошеніе Государю о причиненныхъ казакамъ обидахъ.

Командиры разъѣзжали потомъ по селеніямъ и принуждали казаковъ давать имъ подписки въ томъ, что казаки всѣмъ довольны, при чемъ нѣкоторыхъ казаковъ „били до полусмерти“.

Казачье начальство предало военно-судной комиссіи 140 казаковъ, но въ числѣ обвиняемыхъ оказались многіе изъ казаковъ, не участвовавшіе въ персидскомъ походѣ и не бывшіе даже въ Екатеринодарѣ во время волненій, а лишь присутствовавшіе въ куреняхъ при сочиненіи на общественныхъ сходахъ жалобъ на обиды казакамъ.

Жалобщики категорически отвергали фактъ избіенія казаками старшины. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что когда кордонный командиръ приказалъ своимъ казакамъ бить и взять подъ караулъ казаковъ, возратившихся изъ персидскаго похода, то одинъ изъ казаковъ ударилъ старшину за такое распоряженіе, за что и состоитъ подъ судомъ.

Послѣ смерти презуса военно-судной комиссіи генерала

Горемыкина, асессоры комиссіи, до рѣшенія дѣла, „наказывали до полусмерти" опрашиваемыхъ казаковъ.

Атаманъ Котляревскій «самопроизвольно безъ малѣйшей виновности кузнеца Андрея Юхима своими руками оглоблею билъ, а потомъ въ кузницѣ, разшегши довольно желѣзную шину, своеручно оного кузнеца пекъ, отъ чего оный до сутокъ и померъ". Объ этомъ свидѣтельствовали въ комиссіи два казака и жена кузнеца также утверждала, что „кузнеца испекъ Котляревскій".

Когда 12 декабря 1798 года прибылъ въ Екатеринодаръ войсковой атаманъ Котляревскій, то «старшины семь разъ палили изъ пушки и встрѣтили его съ пиками, знаменами, церковными и войсковыми знаками, съ духовенствомъ, а священникъ велѣлъ войсковымъ дьячкамъ пѣть воскресный тропарь Котляревскому: „днесь спасенія міру бысть".

Послѣ этого Котляревскій смѣнилъ всѣхъ прежнихъ присяжныхъ куренныхъ атамановъ, а о каждомъ новомъ атаманѣ требовалъ отъ куренныхъ обществъ подписку въ томъ, что избранный атаманъ «неподозрительный». Войсковой атаманъ, отбирая эти подписки, полагалъ, «яко бы войско имъ довольно». Казаковъ же тѣхъ селеній, которыя не мѣняли атамановъ и не дали подписки, „разосланные отъ Котляревскаго старшины принуждаютъ, бьютъ до полусмерти и въ яму кидаютъ, гдѣ морятъ голодомъ, дабы подписки дали".

Казаки не однократно посылали презусу военно-судной комиссіи генералу Глазову жалобы на то, что командиры принуждаютъ и требуютъ отъ казаковъ подписки въ томъ, что казаки яко бы „всѣмъ довольны и ничего не ищутъ". Глазовъ не только не оказывалъ защиты, но «еще гауптвахтнымъ карауломъ, яко законопреступниковъ, публично безъ пощаденія плетьми наказывалъ, дабы казаки не представляли за свои обиды ничего, ибо онъ имѣлъ съ войсковымъ атаманомъ Котляревскимъ, тоже и съ старшинами, сообщеніе".

Казаки Заколоденко и Волга просили Государя принять ихъ прошеніе и по разсмотрѣніи „всевысочайшее рѣшеніе учинить".

Такимъ образомъ, рядомъ жалобъ и заявленій казаковъ довольно опредѣленно выясняется характеръ того движенія, которое было вызвано возвратившимися изъ персидскаго похода казаками. Казаки были не довольны старшиной; она ихъ обижала и тѣснила, и при этомъ они не имѣли возможности бороться съ причиняемыми имъ „обидами", такъ какъ лишены были старинныхъ правъ на выборъ старшины и на контроль ея дѣйствій.

Началась эта глухая борьба съ самаго возникновенія войска и перенесена была въ Черноморію и за предѣлы ея, куда ходили черноморскіе казаки — въ Польшу и Персію. „Много обижены были казаки командирами". Счеты сводились одного класса съ другимъ — казачества съ правящей старшиной. „Обиды" массы были ясны и очевидны и ея представители являлись страдательнымъ элементомъ, въ силу господствующаго порядка вещей.

Котляревскій, возражая „противъ несправедливыхъ отвѣтовъ бунтовщиковъ", всюду держится за этотъ порядокъ вещей. Онъ обвиняетъ казаковъ въ томъ, что они, возвратившись изъ похода, «остались по среди крѣпости» и не послушались начальниковъ, велѣвшихъ имъ „расходиться", что затѣмъ, когда они разошлись, то все таки ходили по городу „толпами" и приглашали «всѣхъ къ своему единомыслію»; что ночью они охраняли себя «караулами»; что просьба была написана „безъ основанія", т. е. употреблено вмѣсто названія въ „Войсковое Правительство" выраженіе въ „Войсковое Общество"; что когда Котляревскій, увидѣвшій въ дѣйствіяхъ вожаковъ — Дикуна и Шмалька, «грубости» или, иначе говоря, своихъ конкуррентовъ, приказалъ, въ силу своего положенія, посадить ихъ на гауптвахту подъ караулъ, то «единомышленники» толпою до 100 человѣкъ освободили изъ подъ ареста Дикуна и Шмалька и «торжественнымъ образомъ возвратились до куреней»; что Дикунъ не исполнилъ указаній правительства на счетъ приложенія къ жалобамъ копій съ какихъ то бумагъ; что тѣ-же Дикунъ и Шмалько, узнавши о приводѣ къ присягѣ «нѣкоторыхъ старшинъ и казаковъ», очевидно, однихъ сторонниковъ старшины, не допустили присяги, такъ какъ такимъ порядкомъ паны «за панами дѣлаютъ поноровку»; что казаки затѣмъ отставили «присяжныхъ», куренныхъ атамановъ и избрали своихъ «новыхъ»; что когда войсковое начальство велѣло казакамъ идти изъ города по селеніямъ на заработки, казаки не послушались его и ѣли по куренямъ хлѣбъ не для нихъ заготовленный; что 6 августа, когда, по распоряженію Котляревскаго, войсковой пушкарь съ десятью канонерами хотѣли взять Дикуна и Шмалька въ правительство, то они «не повиновались власти», — «не пошли въ правительство»; что тѣ же казаки, соединившись съ городскими и пріѣхавшими изъ селеній на ярмарку казаками въ одну толпу, «подняли престрашный крикъ» и когда старшины пытались «уговорить ихъ къ повиновенію начальству», то гонялись за ними «съ пиками и, кто чѣмъ могъ, били»; что въ томъ крикѣ явственно слышались угрозы убить даже его, Котляревскаго, войскового атамана.

Однимъ словомъ, всѣ возраженія войскового атамана были нанизаны на одну и ту же нитку — «потрясанія казачьихъ основъ», хотя эти потрясанія не выходили изъ рамокъ обычныхъ въ Запорожьѣ пріемовъ избирательной борьбы и выраженія недовольства старшиною.

Въ отвѣтахъ на другіе пункты Котляревскій частію пытался оправдать свои дѣйствія, а частію занимался собственной особой. Такъ, по словамъ Котляревскаго, хотя казаки и обвиняютъ его въ вооруженномъ преслѣдованіи ихъ, но онъ вооружилъ двѣ команды съ кордоновъ «только для виду, не заряжая ружьевъ», для острастки, «какъ предупрежденія бунтовъ и спасенія жизни моей и жизни членовъ правительства».

Точно также, говоритъ Котляревскій, «спасая жизнь мою бѣгствомъ», я приказалъ Кордовскому, чтобы онъ снарядилъ команду подъ начальствомъ полковника Высочина, поручивши ему дать, въ случаѣ нужды, «имъ страхъ пушечнымъ выстрѣломъ».

Кто грозилъ смертью Котляревскому, онъ не могъ показать, но въ «страшномъ крикѣ бунтовщиковъ» были слышны угрозы такого рода по его адресу.

Записку съ именами избранныхъ въ войсковые члены старшинъ Котляревскій дѣйствительно показывалъ казакамъ, по ихъ просьбѣ, но выбирать другихъ не приказывалъ.

Казаки терпѣли притѣсненія и обиды при Чепигѣ и Головатомъ, «но уже ихъ на свѣтѣ нѣтъ».

Войсковымъ атаманомъ не желали признать Котляревскаго казаки по причинѣ не какихъ либо обидъ, а просто потому, что бунтовали. Когда инспекторъ Пузыревскій заявилъ имъ, что Котляревскій назначенъ атаманомъ по волѣ Государя, казаки всѣ единогласно нѣсколько разъ кричали: «не хотимъ Котляревскаго атаманомъ».

Были также слышны, доноситъ атаманъ, рѣчи: «какъ Государь можетъ безъ нашего выбора жаловать намъ атамана?».

Когда, послѣ присяги Котляревскаго на вѣрность службы, предложено было присягнуть и казакамъ, они многократно кричали: «Государю присягаемъ, а панамъ присягать и повиноваться не будемъ».

Присягнувши же Государю по обычной формулѣ, казаки кричали: «когда Государь Котляревскаго атаманомъ жаловалъ, то мы другихъ пановъ, присяжныхъ атамановъ перемѣнимъ другими».

И дѣйствительно, на другой день, они замѣнили всѣхъ

атамановъ «другими бездомовными сиромахами и недостойными иного званія людьми», бунтовщика Дикуна избрали войсковымъ есауломъ, Шмалька — пушкаремъ, и Собакаря полковникомъ въ мѣновой соляной дворъ; а, главное, всѣхъ старшинъ хотѣли перемѣнить и говорили: «пущай де уже Котляревскій пануе, покуда мы его кой какъ избудемъ, ибо онъ у насъ не будетъ долго пановать».

Все это заставило Котляревскаго просить инспектора Пузыревскаго о принятии рѣшительныхъ мѣръ, но Пузыревскій, какъ извѣстно, придумалъ «премудрую хитрость», т. е. сплавилъ, путемъ провокаціи, 14 вожаковъ въ Петербургъ.

Особенно же возмутилъ Котляревскаго бунтовщикъ Дикунъ. Когда Пузыревскій, по просьбѣ Котляревскаго, приказалъ Дикуну распорядиться, чтобы до возвращенія Дикуна изъ Петербурга все оставалось по старому и всѣ старые начальники остались на мѣстахъ; то Дикунъ, «при отъѣздѣ своемъ, — почти съ ужасомъ говоритъ войсковой атаманъ, — «при большомъ собраніи всѣмъ мятежникамъ, распоряжаясь, начальнически троекратно приказъ отдалъ». И казаки повиновались, присяжные атаманы снова вступили въ свои обязанности, все успокоилось.

Возраженія Котляревскаго противъ показаній остальныхъ десяти депутатовъ, не бывшихъ въ персидскомъ походѣ — Калины, Панасенка, Шугайла и другихъ, сводились къ тому, что они неправильно показали о своемъ отсутствіи въ Екатеринодарѣ во время волненій. Они главные бунтовщики потому уже, что ихъ избрали депутатами въ Петербургъ. Вмѣстѣ со всѣми другими они «совѣтъ и заговоры чинили», уговаривали всѣхъ «стоять непоколебимо» и подъ церковью кричали: «не хотимъ Котляревскаго атаманомъ».

Слабѣе оказались объясненія Войскового Правительства въ военно-судную коммиссію. Это была чисто канцелярская стряпня, направленная на затемненіе дѣла и выгораживаніе сильно грѣшившей старшины. Правительство дало подробныя свѣдѣнія о выдачѣ жалованья казакамъ на мѣстѣ въ Черноморіи въ 1794, 1795, 1796 и въ 1797 годахъ. Но лишь только дѣло касалось жалобы казаковъ на утѣсненія ихъ во все остальное время существованія войска, Войсковое Правительство заявляло, что этого оно «знать не можетъ», такъ какъ «Войсковое Правительство существа своего тогда не имѣло, а командовали войскомъ Черноморскимъ умершіе атаманы кошевой Чепига и судья Головатый». Всѣ непріятныя для старшины обвиненія казаковъ сваливались на этихъ двухъ историческихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи мелкая казачья старшина вела себя крайне неблагородно и недо-

стойно. Жадная въ обираніи казаковъ и необузданная въ хищеніяхъ общественнаго достоянія, она не щадила людей, если и грѣшившихъ общимъ недугомъ старшины—непомѣрнымъ стяжаніемъ, то все же много сдѣлавшихъ для войска и края. Батько кошевой Чепига и всесильный судья Головатый послужили для мелкихъ душенокъ, выражаясь вульгарно, «козломъ отпущенія». Самъ надутый и безъ мѣры честолюбивый войсковой атаманъ Котляревскій давалъ въ этомъ отношеніи старшинѣ примѣръ этого лягания умершихъ дѣятелей. «Было ли выдано во время турецкаго похода отъ князя Потемкина Таврическаго 120 воловъ, а равно и данный сему войску провіантъ до 700 четвертей и точно ли оное поступило къ бывшему въ походѣ покойному войсковому судьѣ Головатому, Правительство Войсковое, такъ какъ существа своего въ тѣ поры не имѣло, знать не можетъ». Но у войска былъ свой архивъ и навѣрное въ немъ были слѣды о 120 волахъ. Еще вѣроятнѣе, что и старшина и казаки прекрасно знали, кто и сколько изъ этой громадной порціи мяса живьемъ въ свое хозяйство утащилъ.

Но какъ ни прятали старшины концы въ воду, обѣлить себя они все таки не могли. Во время переселенія казаковъ въ Черноморію въ 1792 году, остался провіантъ, выданный казною на отсутствовавшихъ казаковъ. Чепига и Головатый приказали хранить этотъ провіантъ въ войсковомъ магазинѣ. Ясно, что провіантъ принадлежалъ войску или точнѣе казакамъ, которые его не получили, находясь въ отсутствіи. «А съ того провіанта, говорило въ своемъ объясненіи Войсковое Правительство, не только маіорамъ Кордовскому, Чернышеву, капитанамъ Кулику и Данильченку, поручикамъ Яновскому, Порохнѣ, Паливодѣ и прапорщику Кіяницѣ, но и прочимъ старшинамъ и многимъ казакамъ» заимообразно въ ссуду выдавался хлѣбъ. Часть этого хлѣба была употреблена на общевойсковыя—на кордонахъ и карантинахъ—нужды, «а нѣкоторая часть онаго и по нынѣ на старшинахъ и казакахъ въ долгахъ состоитъ». Маіоръ Кордовскій былъ членомъ Войскового Правительства и давалъ изложенныя выше объясненія, а Чернышевъ обвинялся казаками въ обидахъ, какъ главный начальникъ персидскаго отряда, и если бы они не причастны были къ расхищенію продовольствія, то навѣрное дали бы вѣскія доказательства своей правоты.

Очень можетъ быть, что въ обвиненія волновавшихся казаковъ попали не совсѣмъ точные факты въ примѣненіи къ тому или другому частному лицу, но общій характеръ казачьихъ претензій не могъ быть инымъ. То, на что жаловались казаки, подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ историческихъ данныхъ относительно внутренней жизни и от-

ношеній между двумя классами войска—чиновной старшиной и рядовыми казаками.

Сторонній свидѣтель происходившихъ событій генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, посланный по распоряженію Императора Павла для инспекціи укрѣпленій войска, донесъ Государю въ апрѣлѣ 1798 г., что происходившія въ Екатеринодарѣ волненія, «по обстоятельствамъ дѣла не оказываются бунтомъ, а только слѣдствіемъ частнаго неудовольствія прибывшихъ изъ персидскаго похода казаковъ на прежнихъ своихъ начальниковъ», и что «неудовольствія казаковъ могли бы безъ дальнѣйшихъ безпорядковъ быть удовлетворены и казаки успокоены, если бы, по приходѣ ихъ въ Екатеринодаръ, начальники ихъ, по давнишнимъ обычаямъ, приласкали ихъ и дали бы имъ хоть малое вознагражденіе за ихъ претензіи подчиваніемъ хлѣбомъ и виномъ». Такъ какъ атаманъ, полковникъ Котляревскій, этого не сдѣлалъ, то оттого, по мнѣнію Маркова, «произошелъ весь безпорядокъ, названный тогда бунтомъ».

Какъ видно изъ документовъ, волненія, перешедшія въ персидскій бунтъ, охватили потомъ все казачье населеніе. Въ журналѣ Войскового Правительства отъ 10-го іюня 1799 г. постановлено вызвать куренныхъ атамановъ и поручить имъ отыскать 111 казаковъ, требуемыхъ военно-судной комиссіей, при чемъ бѣглецы поименованы почти по всѣмъ куреннымъ селеніямъ, находившимся въ краѣ. Персидскій бунтъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, массовымъ движеніемъ. На одной сторонѣ были казачьи власти, старшина, такъ называемые благомыслящіе казаки и вообще лица привиллегированныя и укрѣплявшія свое личное благосостояніе, въ зависимости отъ новыхъ порядковъ; а на другой—масса обездоленнаго населенія, у которой, кромѣ личныхъ обидъ и лишеній, сохранились еще представленія о казачьемъ самоуправленіи и демократическихъ порядкахъ. Защитники новаго казачьяго строя—Котляревскій, Кордовскій, Чернышевъ и другіе, въ достаточной степени охарактеризованы приведенными выше историческими матеріалами. Для характеристики болѣе видныхъ представителей народнаго движенія очень мало данныхъ, но такія крупныя фигуры, какъ Дикунъ, невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе.

Казакъ куреня Васюринскаго, Федоръ Дикунъ, несомнѣнно былъ человѣкомъ выдающимся по характеру, выдержкѣ и громадному авторитету въ средѣ рядового казачества. Какъ и когда онъ пріобрѣлъ этотъ авторитетъ, чѣмъ онъ выдвинулся въ массѣ—въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ указаній. Дикунъ появляется на казачьей исторической сценѣ сразу, неожи-

данно, какъ это вообще бываетъ съ вожаками при массовыхъ народныхъ движеніяхъ. Во главѣ народнаго движенія въ Черноморіи Дикунъ несомнѣнно сталъ въ силу извѣстныхъ качествъ, цѣнимыхъ массою, толпою.

Прежде всего, Дикунъ былъ рядовымъ казакомъ. При сильно обострившихся отношеніяхъ между рядовыми казаками и чиновной старшиной такое положеніе было уже преимуществомъ для народнаго вожака. Вожакъ былъ своимъ человѣкомъ.

Затѣмъ Дикунъ не занималъ никакой чиновной должности. Такъ какъ старшина въ ту пору составляла уже сплоченный классъ, отдѣльные представители котораго усиленно поддерживали другъ друга; то Дикунъ, очевидно, не принадлежалъ къ числу тѣхъ услужливыхъ и заискивающихъ у начальства служакъ, которыми пополнялась старшина. Это также говорило въ пользу Дикуна, какъ народнаго вожака.

Наконецъ, Дикунъ былъ молодой казакъ. Въ прошеніи въ Войсковое Правительство штабъ и оберъ-офицеры Черноморскаго войска говорятъ, что избранные въ войсковые есаулы Дикунъ и въ пушкари Шмалько были «изъ числа первыхъ бунтовщиковъ, нигдѣ, кромѣ персидскаго похода, не служившихъ и порядковъ войска не знавшихъ». Эти отрицательные, въ представленіяхъ старшины, качества служили положительными признаками для народнаго вожака. Дикунъ не зналъ канцелярскихъ хитросплетеній и служебныхъ, чиновныхъ отношеній старшины, но хорошо понималъ выгоды избирательнаго казачьяго права и началъ казачьяго самоуправленія. Какъ человѣкъ молодой, Дикунъ былъ, конечно, воспріимчивѣе и энергичнѣе людей пожилыхъ, послужившихъ, и его молодость, не смотря на которую ему подчинялась масса и въ числѣ ея старики, служила признакомъ его силы и обаянія.

Повидимому Дикунъ былъ человѣкомъ въ высшей степени тактичнымъ и выдержаннымъ. Въ документахъ нѣтъ ни одного указанія на допущенныя имъ правонарушенія; иначе враждебная ему старшина не замедлила бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Нѣтъ также указаній на то, чтобы онъ самолично приказывалъ или распоряжался толпой. Противники его, старшины, говорятъ лишь о томъ, что Дикунъ пользовался громаднымъ вліяніемъ среди казаковъ, что «онъ склонилъ на свою сторону почти всѣхъ казаковъ», что его выбрали войсковымъ есауломъ и что его слушалась толпа. Въ дѣлахъ не находится прямыхъ свидѣтельствъ о какой либо винѣ собственно Дикуна; неизвѣстно даже, въ чемъ онъ

лично обвинялся. Вся вина его заключалась въ томъ, что онъ считался вожакомъ. Но вражда, которую обнаружили по отношенію къ нему старшины и, въ особенности, Котляревскій, свидѣтельствуетъ о выдающихся способностяхъ этого народнаго вожака. Для Котляревскаго онъ просто былъ опаснымъ соперникомъ и, если бы въ Черноморіи существовали сичевые порядки, то несомнѣнно, что батькомъ кошевымъ былъ бы не старикъ Котляревскій, а молодой казакъ Дикунъ.

Еще меньше оказывается историческихъ свѣдѣній объ остальныхъ вожакахъ движенія. На ряду съ Дикуномъ, видную роль игралъ Шмалько, о которомъ было извѣстно лишь одно, что онъ также былъ молодымъ казакомъ и ничѣмъ не выдѣлялся въ обычное время среди своихъ товарищей. Относительно старшины Собакаря сохранилось указаніе, что онъ былъ разжалованъ въ персидскомъ походѣ за какую-то вольную торговлю. Дѣйствительно ли Собакаремъ былъ сдѣланъ противозаконный поступокъ, или же въ этомъ выразилась месть старшины, трудно сказать. Несомнѣнно одно, что Собакарь стоялъ на сторонѣ рядовой массы.

Очень характернымъ является вообще то обстоятельство, что волнующіеся казаки находили единомышленниковъ, правда очень немногихъ, даже въ средѣ самой старшины и духовенства. Несомнѣнно, что кромѣ Собакаря и Романовскаго, были и другіе старшины, причастные къ народному движенію. Изъ духовныхъ лицъ сторонникомъ движенія оказался старикъ священникъ селенія Джереліевскаго Дубицкій. Онъ обвинялся въ томъ, что не только «не отвращалъ» казаковъ отъ участія въ движеніи, но еще давалъ имъ совѣтъ и наставленія, какъ вести дѣла съ начальствомъ, благословлялъ тѣхъ казаковъ, которые отправились къ начальству въ Екатеринодаръ, и самъ поѣхалъ туда, съ цѣлью выясненія положенія дѣлъ.

А положеніе подсудимыхъ было въ высшей степени тяжелое. Сначала арестованные казаки сидѣли въ Екатеринодарѣ. Здѣсь, по разсказамъ очевидцевъ, казаки томились въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ. Изъ одной такой ямы, находившейся на берегу Карасуна, казаки ушли черезъ сдѣланный ими подкопъ въ рѣку. Потомъ арестованныхъ перевели въ Усть-Лабинскую тюрьму; но и тутъ положеніе ихъ оказалось не лучшимъ. Арестованные казаки были помѣщены въ открытыхъ сараяхъ или загонахъ, не защищавшихъ ихъ ни отъ солнца, ни отъ дождя. Въ іюнѣ 1799 г. предсѣдатель военно-судной комиссіи потребовалъ, чтобы Войсковое Правительство распорядилось сдѣлать щиты для предохраненія заключенныхъ отъ солн-

ца и дождя, а также зимнія помѣщенія. Казаки терпѣли нужду въ одеждѣ, въ пищѣ и, въ особенности, въ водѣ. Но когда предсѣдатель военно-судной комиссіи потребовалъ отъ Войскового Правительства, чтобы оно прислало воловъ и бочки для доставленія арестованнымъ воды, а также наняло не изъ казаковъ, по распоряженію генерала Кнорринга, кашеваровъ, хлѣбопековъ и прислугу; то войсковой атаманъ Котляревскій, съ своей стороны, предложилъ, чтобы работы и, въ особенности доставка воды, производились самими арестованными казаками. Онъ просилъ комиссію избавить войско отъ расходовъ на бунтовщиковъ, видимо всячески стараясь досадить имъ.

Комиссія, въ свою очередь, относилась различно къ арестованнымъ, что зависѣло отъ перемѣны предсѣдателей. Къ первымъ двумъ предсѣдателямъ генераламъ Михайлову и Горемыкину казаки относились съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ генералъ-маіору Глазову. Послѣдній былъ не безпристрастнымъ судьей и явнымъ сторонникомъ старшины. Комиссія потревожила массу народа—забирала подъ караулъ очень многихъ казаковъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣлу, и выпускала потомъ. Куренныя общества, съ своей стороны, посылали не тѣхъ, кого требовали, какъ бы выгораживая лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу. Въ журналѣ Войскового Правительства 10 іюня 1798 года значится, что въ комиссію было представлено 36 казаковъ, совсѣмъ незначившихся въ судебныхъ спискахъ, и на оборотъ, не доставлено 111 человѣкъ, значившихся въ требовательныхъ спискахъ военно-судной комиссіи. Журнальнымъ постановленіемъ 17 іюня 1798 года Войсковое Правительство установило, что 76 бунтовщиковъ, по донесенію куренныхъ атамановъ, не оказалось—одни скрылись, другіе раньше образованія суда ушли на заработки изъ войска. Во многихъ случаяхъ и куренныя общества и атаманы скрывали и выгораживали причастныхъ къ бунту лицъ. Въ февралѣ 1799 года Войсковое Правительство предписало Екатеринодарскому окружному начальнику, чтобы онъ заставилъ Джерелiевское и Полтавское куренныя общества и атамановъ непремѣнно доставить требуемыхъ въ военно-судную комиссію казаковъ, подъ угрозою вызвать въ противномъ случаѣ роту солдатъ, которую должны будутъ продовольствовать общества на свой счетъ. Въ общемъ, въ Усть-Лабѣ содержалось отъ 147 до 168 арестованныхъ казаковъ. Всѣхъ обвиняемыхъ было 222, но 55 человѣкъ умерло до рѣшенія суда.

Депутаты же волнующихся казаковъ были арестованы въ Петербургѣ. Относительно этого передаетъ очень интересныя подробности служившій при дворѣ Императора Пав-

ла Саблуковъ. «По возвращеніи изъ персидскаго похода, говоритъ онъ, черноморскіе казаки дѣйствительно были въ самомъ крайнемъ положеніи: они оставались вовсе безъ хлѣба и безъ всякихъ средствъ къ продолженію существованія своего». Возникъ ропотъ. Казаки потребовали, «чтобы отправили ихъ къ Государю и ему они принесутъ жалобы свои». Когда же казачьи депутаты явились въ Гатчино, то встрѣтилъ ихъ адъютантъ Растопчинъ, сказавшій, что Государь поѣхалъ гулять и велѣлъ дожидаться его. Казаки ждали до двухъ часовъ дня. Вышелъ снова Растопчинъ въ сопровожденіи караула и объявилъ Высочайшую волю казакамъ, что ихъ приказано арестовать и отправить въ Петропавловскую крѣпость. Саблукову при этомъ адъютантъ добавилъ, что «если бы кто изъ казаковъ вздумалъ сопротивляться, то велѣно приколоть таковыхъ». Никто, разумѣется, не сопротивлялся.

Четыре года тянулся судъ надъ волновавшимися черноморцами. Часть подсудимыхъ, избранныхъ депутатами къ Государю—Дикунъ, Шмалько, Собакарь, Калина, Панасенко, Швидкій, Христофоровъ, Чуприна, Маковецкій, Половой, Малиновскій, Любарскій, Келебердянъ и Шугайло были преданы суду при Санктъ-Петербургскомъ ордонансгаузѣ. Для суда надъ остальными 222 казаками была учреждена военно-судная коммиссія при мушкатерскомъ полку въ крѣпости Усть-Лабинской. Тому же суду въ Усть-Лабѣ подлежали пять старшинъ по особымъ дѣламъ. Длительность суда отразилась крайне неблагопріятно на подсудимыхъ. Изъ 14 депутатовъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, въ теченіе перваго же года умеръ одинъ — Келебердянъ, изъ 222 казаковъ, попавшихъ въ Усть-Лабинскую тюрьму, умерло 55 человѣкъ, т. е. почти 25%. Цифра смертности ужасающая. Очевидно, положеніе несчастныхъ узниковъ было выше всякой мѣры тяжелымъ.

Различныя инстанціи суда отнеслись различно къ степени виновности подсудимыхъ—низшія суровѣе высшихъ. Судъ при Санктъ-Петербургскомъ ордонансгаузѣ установилъ прежде всего тотъ въ высшей степени важный фактъ, что казаки первую жалобу на притѣсненія и несправедливыя отношенія къ нимъ старшинъ подали главнокомандующему на Кавказѣ графу Гудовичу и что графъ Гудовичъ предложилъ имъ направить жалобу въ Войсковое Правительство. Вину же казаковъ судъ нашелъ въ томъ, что, при подачѣ жалобы войсковому начальству, они ослушались его и не разошлись по домамъ, совершивши потомъ рядъ другихъ правонарушеній. На этомъ основаніи, Дикунъ и Шмалько признаны были виновными въ томъ, что, участвуя вмѣстѣ съ

другими въ безпорядкахъ, «склонили въ свою сторону почти всѣхъ живущихъ въ войскѣ казаковъ» и были избраны казаками первый войсковымъ есауломъ, а второй пушкаремъ; Собакарь же, избранный также полковникомъ на мѣновой дворъ, и Половой были главными пособниками двухъ первыхъ. Почему, Дикуна и Шмалько, «яко начинщиковъ смятенія», а Собакаря и Полового, «вѣдавшихъ о томъ и недонесшихъ», приговорено повѣсить, остальныхъ 11 сообщниковъ „бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную работу на галеры“.

Приговоръ этотъ 23 декабря 1797 года былъ представленъ Государю Павлу, который приказалъ оставить его безъ исполненія до окончанія дѣла объ остальныхъ участникахъ въ персидскомъ бунтѣ.

Еще суровѣе отнеслась къ казакамъ военно-судная комиссія въ Усть-Лабѣ. Изъ 167 казаковъ 87 поставлены были въ вину: подача просьбы, неповиновеніе начальству, освобожденіе изъ подъ ареста Дикуна и Шмалька, произнесеніе словъ о неповиновеніи войсковому атаману Котляревскому, разсылка по селеніямъ возмутительныхъ писемъ, бунтъ противъ караула и упорство противъ суда, выразившееся въ нежеланіи давать показанія, являться въ судъ и подписывать бумаги; затѣмъ 15 человѣкъ найдены виновными, какъ соучастники съ 87 обвиняемыми въ неповиновеніи начальству, 16 казаковъ—въ отказѣ усмирять бунтовщиковъ и присоединеніи къ нимъ, 18 казаковъ—въ проступкахъ во время нахожденія ихъ подъ судомъ противъ караула и суда, еще 15 казаковъ—въ разсылкѣ возмутительныхъ писемъ, и, наконецъ, 14 человѣкъ въ подачѣ просьбы и въ упрямствѣ противъ караула и суда. И не смотря на это разграниченіе проступковъ, судъ приговорилъ всѣхъ 165 казаковъ „казнить смертію: повѣсить“. Двухъ казаковъ, бывшихъ въ возрастѣ 14 лѣтъ, судъ, въ видахъ смягченія наказанія, постановилъ „прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ одного 8, а другого 10 разъ“.

Независимо отъ этого, подполковника Чернышева, бывшаго послѣ смерти Головатаго начальникомъ персидскаго отряда,—за невыдачу казакамъ заработанныхъ денегъ, за продажу при посредствѣ сотника Черкащенка и хорунжаго Холявки водки въ то время, когда выдавалась казакамъ казенная порція, и, наконецъ, за отлучку отъ команды безъ нужды,—судъ приговорилъ лишить чиновъ и сослать на поселеніе въ Сибирь, а Черкащенка и Холявку—по лишеніи чиновъ—на поселеніе въ отдаленныя губерніи. Понесли, слѣдовательно, наказанія три старшины изъ числа тѣхъ, на ко-

торыхъ жаловались казаки. На ряду съ относительно легкимъ наказанiемъ ихъ, судъ постановилъ повѣсить подпоручика Кравца и сотника Романовскаго—перваго за произнесенiе неприличныхъ словъ подъ знаменами и неохотное исполненiе приказанiя командира, а второго за пьянство съ бунтовавшими казаками, прiемъ ихъ на дому и угрозы прапорщику, которому поручено было его арестовать.

Таковы были приговоры первыхъ двухъ инстанцiй суда. При условiи присужденiя самыхъ жестокихъ каръ, въ основу постановленiй суда вкрались явныя противорѣчiя. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ обвиненiя служила подача жалобы казаками на старшинъ, а между тѣмъ подать жалобу въ Войсковое Правительсто распорядился самъ главнокомандующiй графъ Гудовичъ, и жалоба если не по всѣмъ пунктамъ, то по нѣкоторымъ, не только найдена справедливою, но трое старшинъ по этой жалобѣ преданы были суду и приговорены къ наказанiямъ за проступки противъ жаловавшихся казаковъ. Выходитъ, что судъ находилъ нужнымъ повѣсить людей, между прочимъ, за исполненiе распоряженiя главнокомандующаго и справедливыя претензiи на старшинъ.

Той же точки зрѣнiя, какую установили на общiй характеръ преступленiй казаковъ двѣ первыя инстанцiи суда, держался и генералъ-аудиторъ, на заключенiе котораго поступили приговоры судовъ. Онъ измѣнилъ лишь степени наказанiй и исключилъ изъ наказанiй смертную казнь. Взамѣнъ послѣдней, однихъ генералъ-аудиторъ постановилъ бить кнутомъ нещадно, вырѣзать ноздри, наложить клейма и сослать на вѣчныя каторжныя работы въ Сибирь, другимъ вмѣсто кнута назначено сѣченiе розгами съ ссылкою на каторгу, третьимъ—шпицрутены, четвертымъ—плети и поселенiе и пятымъ—шпицрутены и поселенiе въ Сибири. Чернышевъ, Черкащенко и Холявка приговорены были къ лишенiю чиновъ и къ поселенiю въ Тобольскѣ, а подпоручикъ Кравецъ къ поселенiю въ Сибири.

Приговоры судовъ и свое заключенiе генералъ-аудиторъ представилъ на Высочайшее усмотрѣнiе, и 28 августа 1800 года, Императоръ Павелъ приказалъ: «Дикуна, Шмалька, Собакаря и Полового высѣчь кнутомъ, поставить знаки и послать въ крѣпостную работу въ Сибирь, а прочихъ оставить безъ наказанiя свободными». Такимъ образомъ, Высочайшею конфирмацiею былъ разрубленъ, наконецъ, Гордiевъ узелъ Черноморскаго войска, завязанный Котляревскимъ съ старшиною. Судьбѣ, однако, угодно было распорядиться иначе. Дикунъ умеръ въ Бериславѣ на пути изъ Петербурга на родину, гдѣ борецъ за казачьи права подлежалъ позорному

наказанію, Шмалько попалъ снова въ Екатеринодаръ, но умеръ здѣсь въ тюрьмѣ, и лишь Собакарь и Половой явились козлами отпущенія за несомнѣнныя вины злоупотреблявшей старшины и напрасныя чаянія казачества. Для Собакаря и Полового нарочито былъ присланъ изъ Акмечети палачъ Крюковъ, и 4 ноября они наказаны были по 71 удару кнутомъ, съ вырываніемъ ноздрей и клейменіемъ, а 27 декабря Собакарь и 30 декабря Половой отправлены были въ Омскъ въ крѣпостныя работы.

Такъ закончился персидскій бунтъ. Это былъ послѣдній актъ изъ исторіи славнаго Запорожья, лебединая пѣсня его сыновъ черноморцевъ о казачьей волѣ и демократическихъ порядкахъ.

Иная исторія начиналась. Около этого времени радикально измѣнился весь югъ нынѣшней Россіи: перемѣнились международныя отношенія, перемѣстились отдѣльныя народности, Россія придвинула свои границы къ Черному морю и Кубани, короче, историческая арена, на которой дѣйствовалъ рыцарь степей запорожецъ, канула въ вѣчность. Его наслѣднику черноморцу, пришлось почти заново все начинать: селиться въ новомъ краѣ, обзаводиться заново хозяйствомъ, устраивать новые порядки внутренней жизни, насаждать семейственное житіе, мѣнять формы военной службы и способы борьбы, сторожить сосѣдей горцевъ, обѣщавшихъ въ ближайшемъ будущемъ непрерывныя кровавыя драмы, и совершить многое другое. Понятно, что при такихъ условіяхъ народному движенію, извѣстному подъ именемъ персидскаго бунта, не суждено было вызвать къ жизни формы казачьяго демократическаго уклада. На смѣну широкимъ потокомъ шли иныя жизненныя теченія подъ вліяніемъ централизирующей и все объединяющей государственности. Въ нѣдрахъ самаго казачества нашлись сильные союзники этой централистической политики правительства—казачьи старшины. Надъ казачьимъ самоуправленіемъ и вольностями поставленъ былъ крестъ. Умерли стихійныя демократическія теченія казачества, умерло выборное начало, умерла Войсковая Рада. И потребовалось цѣлое столѣтіе для того, чтобы современное уже казачество могло собраться на Войсковую Раду при иныхъ условіяхъ и обстановкѣ.

Таковы судьбы исторіи.

Войсковая Рада Кубанскихъ казаковъ въ 1906 г.

ГЛАВА XII.

Заселеніе Старой Линіи.

Слѣдующими за черноморцами засельщиками Кубанской области были донскіе казаки. Когда занята была Черноморскимъ войскомъ Кубанская Линія въ нижней ея части, естественно явилась необходимость въ заселеніи этой военной полосы и на остальномъ ея протяженіи. Трактатомъ съ Турціей 28 декабря 1783 г. рѣка Кубань была признана границею русскихъ владѣній. По лѣвую сторону ея обитали черкесскія племена и часть оставшихся здѣсь ногайцевъ. Тѣ и другіе представляли собою крайне безпокойныхъ и неуживчивыхъ сосѣдей, склонныхъ къ набѣгамъ и грабежамъ. Прилегающіе къ правой сторонѣ Кубани пространства, послѣ ухода ногайцевъ, были не заселены. Оставалось, слѣдовательно, продолжать далѣе вверхъ по Кубани принятую для Черноморскаго войска систему военной колонизаціи.

Донской казакъ (по Ригельману).

Такимъ образомъ, господствовавшими здѣсь условіями заранѣе опредѣлялся характеръ этой колонизаціи. Требовались военные люди, которыхъ можно было бы противопоставить безпокойнымъ сосѣдямъ. Такими засельщиками Кубанской Линіи правительство считало донскихъ казаковъ.

Въ своемъ мѣстѣ уже отмѣчены условія, при которыхъ сложилось Донское казачество. Организованное первоначально по типу Запорожской Сичи, оно осѣло на Дону такимъ же военнымъ станомъ, какъ и Сичь, но очень скоро потомъ приняло

свои собственныя оригинальныя формы: расселилось по Дону и его притокамъ городками или станицами, а станичную жизнь построило на семейномъ началѣ. Обѣ эти особенности—станичные порядки и семейный укладъ, имѣли рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу войска. Войско развилось и окрѣпло семьями въ станичныхъ общинахъ; выборные представители этихъ общинъ—атаманы, были представителями патріархальнаго начала; ихъ слушались, какъ старшихъ въ семьѣ, казачьихъ отцовъ - атамановъ, приводившихъ въ исполненіе распоряженія казачьяго круга или схода; съ ними, какъ таковыми, считалось какъ центральное русское правительство, такъ и мѣстное начальство; атаманами, наконецъ, поддерживались военныя предпріятія и усиливались или ослаблялись народныя волненія. Послѣднія, какъ общее выраженіе народныхъ настроеній, особенно характерны для исторіи Донского войска.

Казакъ верхнихъ донскихъ станицъ (по Ригельману).

Казачьи волненія на Дону носили въ разное время различный характеръ. Они, можно сказать, шли рука объ руку съ развитіемъ войска и съ измѣненіями въ его организаціи.

Первые по времени казачьи вожаки—Ермакъ Тимофеевичъ и Стенька Разинъ, отличались широкою казачьею удалью, неразлучной съ боевыми набѣгами и наживой на счетъ врага. Это была общая мѣрка международныхъ отношеній южнорусскихъ кочевниковъ и засельщиковъ того времени, обнимавшая какъ чисто военныя столкновенія, такъ и удалые набѣги съ грабежами. Ермакъ, однако, съумѣлъ во время заглушить въ себѣ и въ товарищахъ буйные порывы къ

набѣгамъ и грабежамъ и, завоевавши Сибирское царство, занялъ въ исторіи почетное мѣсто завоевателя, усилившаго и расширившаго возобновлявшуюся, послѣ сверженія татарскаго ига, Русь. Разинъ остался до гробовой доски безстрашною, широкою натурою повольника, «тѣшившагося кровавыми боями». Казалось, этотъ звѣрь-человѣкъ не признавалъ иной жизни, кромѣ кровавыхъ похожденій по Волгѣ и Каспію. Такимъ Стенька Разинъ остался и въ мирной обстановкѣ казака, замѣнивши разбой борьбой съ правительствомъ. Давши, послѣ первыхъ своихъ разбойничьихъ подвиговъ, русскому правительству обѣщаніе прекратить набѣги казачьей вольницы на Волгу и Каспійское море,— Разинъ сразу сталъ на сторону раскольниковъ. Подъ флагомъ защитника казачьихъ правъ и вольностей, онъ запретилъ строить православныя церкви, «выгналъ, по словамъ Ригельмана, поповъ и велѣлъ вѣнчать людей къ браку около вербовыхъ деревъ». Жестоко потомъ расправившись съ правительственными агентами, Разинъ поднялъ народную массу на защиту ея правъ и раскола, безчеловѣчно поражая противниковъ до тѣхъ поръ, пока самъ не былъ пойманъ и четвертованъ.

Донская казачка верхнихъ станицъ. [По рисунку Ригельмана].

Слѣдующіе затѣмъ вожаки казачьихъ волненій — Булавинъ и Пугачевъ, дѣйствовали исключительно подъ вліяніемъ защиты правъ угнетенной массы, и Пугачевъ даже вышелъ изъ рамокъ чисто казачьихъ интересовъ. Булавинъ поднялъ бунтъ за право казачества принимать въ свою среду помѣщичьихъ крестьянъ, а Пугачевъ, обѣщая въ положеніи самозванца

народу землю и волю, повелъ борьбу противъ помѣщиковъ и закрѣпощенія крестьянъ.

Лились потоки крови, совершались невѣроятныя жестокости, звѣрствовала масса, звѣрствовали войска, вообще борьба обѣихъ сторонъ—народа и его противниковъ, проявлялась въ ужасныхъ формахъ взаимнаго истребленія; но всѣми этими ужасами, даже въ слабой степени, не окупались тѣ скромныя пріобрѣтенья, которыя удавалось удержать массѣ въ области своихъ интересовъ и правъ. Булавинъ боролся за расколъ, а никогда еще раскольники не испытывали такихъ утѣсненій, какъ послѣ Булавинскаго бунта, и Некрасову все таки пришлось бѣжать со своими единомышленниками на Кубань. Пугачевъ истреблялъ помѣщиковъ и давалъ волю крѣпостнымъ, а именно послѣ подавленія Пугачевскаго бунта наиболѣе усилилось помѣстное право и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, стѣснены были помѣщичьи крестьяне. Такъ всегда поступаютъ побѣдители съ побѣжденными.

Забунтовали и тѣ донцы, которыхъ правительство предназначило къ переселенію на Кубань, но это былъ чисто колонизаціонный бунтъ.

Въ это время уже были отчасти сдѣланы подготовленія къ колонизаціи Кубанской Линіи. Начиная съ 1788 и по 1891 годъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кубанскаго правобережья были устроены крѣпости, редуты и ретраншементы въ направленіи кордонной линіи. Къ началу 1792 года здѣсь числилась крѣпость Прочноокопская, укрѣпленіе Преградный станъ, ретраншементъ Темнолѣсскій и 17 редутовъ: Барсукловскій, Кубанскій, Надзорный, Недреманный, Убѣжный, Державный, Григориполисскій, Западный, Царицынскій, Терновскій, Темишбекскій, Кавказскій, Казанскій, Тифлисскій, Ладожскій, Усть-Лабинскій и Воронежскій. Названія нѣкоторыхъ редутовъ были даны по именамъ тѣхъ полковъ, которые здѣсь были расположены; но никакихъ поселеній на Кубани тогда еще не существовало. Самыя укрѣпленія отличались примитивнымъ устройствомъ. Редуты, напр., представляли собою временныя лѣтнія помѣщенія для мелкихъ частей войскъ. На зиму редуты оставались пустыми, такъ какъ войска выходили на зимнія квартиры въ Ейское укрѣпленіе, Азовъ, Таганрогъ, въ Бахмутскій округъ и въ ближайшія къ Черкаску донскія станицы.

Въ концѣ 1791 года, до заключенія 29 декабря того же года мира съ Турціей въ Яссахъ, главнокомандующему войсками на Кавказѣ и Кубани Гудовичу предложено было высказать свои соображенія объ укрѣпленіи Кавказской Линіи на всемъ протяженіи отъ Каспійскаго до Чернаго

моря. Россіи необходимъ былъ твердый оплотъ противъ безпокойныхъ горскихъ племенъ. И Гудовичъ 16 января 1792 года представилъ правительству подробныя свѣдѣнія о состояніи, какъ всѣхъ укрѣпленій по линіи, такъ городовъ и селеній, находившихся въ окружности тѣхъ мѣстъ. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, онъ съ своей стороны находилъ необходимымъ, во первыхъ, соорудить болѣе фундаментальныя и сильныя крѣпости, редуты и др. укрѣпленія взамѣнъ существующихъ, и во вторыхъ, образовать новую линію изъ 12 станицъ между Бѣлою Мечетью и Усть-Лабой. Рядъ новыхъ станичныхъ поселеній Гудовичъ проектировалъ въ такомъ порядкѣ: первую станицу между Соленымъ бродомъ и Бѣлою Мечетью, вторую при Константиногорской крѣпости, третью при Кумскомъ фельдшанцѣ, четвертую при Воровсколѣсскомъ редутѣ, пятую при Невинномысскомъ редутѣ, шестую при Темнолѣсскомъ ретраншементѣ, седьмую при Недреманномъ редутѣ, восьмую при Прочноокопской крѣпости, девятую при Григориполисскомъ укрѣпленіи, десятую при Кавказской крѣпости, одинадцатую при Тифлисскомъ редутѣ и двѣнадцатую при Усть-Лабинской крѣпости. Только двѣ первыя изъ двѣнадцати станицъ проектировались въ нынѣшней Терской области, остальныя десять станицъ находились въ предѣлахъ Кубанской области. Первыя четыре станицы Гудовичъ находилъ возможнымъ заселить казаками Волгскаго полка, слѣдующія три казаками Хоперскаго полка и остальныя пять станицъ донскими казаками въ количествѣ трехъ переведенныхъ съ Дона полковъ. Указомъ 28 февраля 1792 года приказано было привести въ исполненіе предположенія Гудовича по устройству линіи отъ устья р. Терека и до Екатеринограда и по возведенію крѣпостей и редутовъ между Екатериноградомъ и Воронежскимъ редутомъ. Тогда же для этой цѣли назначенъ былъ изъ Оренбурга инженеръ Фере. Тѣмъ же указомъ одобренъ былъ планъ расположенія войскъ по Кавказу и переселеніе оставшихся, послѣ Суворовскаго выселенія, ногайскихъ татаръ на Молочныя Воды, по р. Кумѣ и къ трухменцамъ. Но правительство не имѣло въ виду тревожить Волгскій и Хоперскій полки, сидѣвшіе уже осѣдло на Кавказѣ. Взамѣнъ этого Высочайше повелѣно было заселить новую линію донскими казаками въ количествѣ 3000 семействъ, для чего оставить 6 донскихъ полковъ, служившихъ на линіи. Съ весны казакамъ приказано было начать постройки во вновь заселяемыхъ станицахъ, а для ускоренія строительныхъ работъ назначены были расположенныя по линіи регулярныя войска. Переселяемыхъ казаковъ рѣшено было снабдить всѣмъ необходимымъ для житья въ станицахъ и продолжать выдачу жалованья, про-

віанта и фуража, пока они не обзаведутся хозяйствомъ. На каждую семью назначено по 20 р. денежной субсидіи и для постройки церквей по 500 рублей на станицу. Казакамъ предоставлялось посылать взамѣнъ себя охотниковъ съ Дона, а самое переселеніе начать осенью на подводахъ отъ донскихъ станицъ, обезпечивъ переселенцевъ всѣмъ необходимымъ въ пути. Поселеніе новыхъ станицъ поручено было командиру Моздокскаго казачьяго полка генералъ-маіору Савельеву, подъ руководствомъ Гудовича. Въ положеніи командующаго пограничными войсками генералъ Гудовичъ долженъ былъ согласовать двоякаго рода цѣли: выгоды наилучшей защиты края отъ набѣговъ черкесовъ и удобства новыхъ поселенцевъ. Такъ какъ эти послѣдніе были военными людьми, то Гудовичъ долженъ былъ ввести ихъ въ свой общій планъ военныхъ предначертаній.

На обширномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря и до границы Черноморскаго войска, Гудовичъ располагалъ 4-мя драгунскими полками, 3-мя карабинерными, однимъ пѣхотнымъ мушкатерскимъ четырехъ-баталіоннаго состава и 6-ю полками двухъ-баталіоннаго состава, 2-мя егерскими полками и 5-ю казачьими полками, а всего, слѣдовательно, 21 полкомъ. Въ вѣдѣніи же Гудовича находились Хоперское, Волгское, Терское, Семейное и Гребенское казачьи войска. Предстоящая задача состояла въ томъ, чтобы расположенныя по кордонной линіи войска смогли и черкесовъ удержать въ предѣлахъ ихъ владѣній и возвести рядъ предполагаемыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Работы эти начались съ постройки Кумской крѣпости на Песчаномъ Бродѣ, вблизи нынѣшней Суворовской станицы. Іюля 26 сюда прибылъ инженеръ капитанъ Брюзгинъ, назначившій мѣсто какъ для Кумской крѣпости, такъ и для Тамлыкскаго редута близъ Воровскаго лѣса, а 19 іюня начались и работы. Особенное значеніе Гудовичъ придавалъ Усть-Лабинской и Кавказской крѣпостямъ, какъ главнымъ оплотамъ противъ набѣговъ горцевъ. Послѣдняя, какъ расположенная въ крайнемъ пунктѣ излучины Кубани, должна была закрывать правый флангъ Кубанской Линіи и преградить главную, наиболѣе проторенную дорогу, по которой направлялись горцы въ набѣги. Поэтому, еще 26 іюня генералъ Булгаковъ, распологавшій тремя мушкатерскими и однимъ драгунскимъ полками, назначилъ отрядъ для заготовленія лѣса на казармы. Къ этому числу заготовлено уже было 1200 бревенъ и 500 деревянныхъ лопатъ. 9 іюля прибылъ сюда инженеръ майоръ Грызловъ и приступилъ къ планировкѣ Кавказской крѣпости на мѣстѣ бывшей Павловской, которая была построена Суворовымъ въ 1778 году, но въ слѣдующемъ же году была срыта, вслѣд-

ствіе заключенія мира съ Турціей. Знаменитый полководецъ сразу же нашелъ наиболѣе важный пунктъ для прегражденія набѣговъ черкесъ, и графу Гудовичу оставалось только осуществить это указаніе проницательнаго полководца. Тогда же избраны были мѣста для четырехъ редутовъ—первое у Сухого дуба на бродѣ черезъ Кубань, второе въ четырехъ верстахъ выше Темишбека, третье на Копаняхъ и четвертое на Егорлыкѣ близъ нынѣшняго Вѣстославскаго селенія Ставропольской губ. 6 августа инженеръ Грызловъ представилъ графу Гудовичу окончательно разработанный планъ Кавказской крѣпости и въ томъ же мѣсяцѣ войска приступили къ вырытію рва и насыпкѣ вала. Когда прибылъ изъ Оренбурга главный инженеръ генералъ Фере, то 8 сентября онъ нашелъ работы по сооруженію Кавказской крѣпости въ полномъ ходу и, какъ онъ выразился въ рапортѣ графу Гудовичу, «въ неожиданномъ успѣхѣ», почему и просилъ главнокомандующаго «великодушно наградить солдатъ заработанными деньгами». Инженеру Грызлову и поручику Радину Фере приказалъ строить редуты у Сухого дуба и выше Темишбека, обозначивъ на избранныхъ мѣстахъ главными линіями размѣры редутовъ. Отсюда Фере отправился внизъ по Кубани и избралъ мѣсто для Усть-Лабинской крѣпости. Постройка крѣпости велась по всѣмъ правиламъ тогдашняго военно-инженернаго искусства. Земля для валовъ просѣивалась черезъ грохоты, просѣянная земля смачивалась водою, перекладывалась при насыпкѣ на валу кореньями травъ и утрамбовывалась ручными колотушками. Уклоны и покатости выравнивались по градусной доскѣ и обрѣзывались подъ рейку. Работы вообще велись аккуратно и о ходѣ ихъ представлялась графу Гудовичу подробная отчетность черезъ каждые 6 дней.

Но другому плану правительства о переселеніи донскихъ казаковъ на Кубань, плану быстрому и скороспѣлому, не суждено было также быстро и безпрепятственно осуществиться. И это понятно. Тутъ пришлось имѣть дѣло не съ бревнами и просѣянной землей, а съ живыми людьми и цѣлымъ укладомъ народной жизни. Нужно было переселить на Кубань донцовъ, которые не хотѣли этого. Между тѣмъ, правительство, послѣ разрушенія Запорожской Сичи и подавленія пугачевщины, привыкло къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ казачества и не считалось съ его интересами. На казаковъ смотрѣли, какъ на безпокойный государственный элементъ, и не стѣснялись съ ними. При переселеніи донцовъ на Кубань, помимо явной несправедливости поселенія на Кавказѣ казаковъ, отбывшихъ здѣсь очередную службу, какъ тяжелую повинность, правительство не захотѣло счи-

таться съ обычными порядками казаковъ по наряду ихъ на службу и на переселенiе; оно даже не извѣстило, кажется, атамана Донского войска о проектируемомъ выселенiи донскихъ казаковъ на Кубань. По сложившимся у Донского войска обычаямъ, какъ отправленiе казаками службы, такъ и, въ особенности, выселенiя съ родины производились по очередямъ и по жребiю. Наряды правильной и регулярной службы велись поочередно извѣстными частями войскъ и въ конечномъ результатѣ получалось, что каждая часть войска участвовала въ болѣе или менѣе равномѣрномъ отбыванiи военной повинности. Когда же казаку приходилось жертвовать болѣе серьезными и трудно поддающимися очередной системѣ интересами, какъ напр. при переселенiи на другiя мѣста, тогда казаки бросали жребiй. Въ описываемомъ случаѣ колонизацiи Кубанской области донскими казаками правительство безцеремонно нарушало эти именно порядки, безъ всякой нужды въ томъ. Оканчивая службу на Кубани, казаки съ нетерпѣнiемъ ожидали того дня, когда распустятъ ихъ по домамъ, а на смѣну имъ придутъ другiе очередные полки. И вдругъ получается распоряженiе на всегда оставить на Кавказѣ этихъ чающихъ возвращенiя домой донцовъ. Вполнѣ понятно, что казаки взволновались.

Въ эту именно пору три донскихъ полка Поздѣева, Луковкина и Кошкина, отбывшiе свою трехлѣтнюю очередную службу на Линiи, должны были смѣниться новыми тремя полками Давыдова, Реброва и Алексѣя Поздѣева. Мелкими командами служившiе полки занимали кордонные посты по Кубани и распредѣлены были частями при отрядахъ регулярныхъ войскъ. Полкъ Поздѣева или атаманскiй въ началѣ мая 1792 года стоялъ лагеремъ около Григориполисскаго укрѣпленiя, а части этого полка находились при редутахъ Ладожскомъ, Казанскомъ, Царицынскомъ, на р. Егорлыкѣ, Терновскомъ и Расшеватскомъ. Штабъ полка Кошкина расположенъ былъ при Недреманномъ ретраншементѣ, а отдѣльныя части Кошкина и Луковкина полковъ занимали посты при редутахъ Скрытномъ, Кубанскомъ, Державномъ, Убѣжномъ и при Недреманномъ ретраншементѣ. Изъ шедшихъ на смѣну полковъ прибылъ только полкъ Давыдова, расположенный у Темишбека; полки же Реброва и Алексѣя Поздѣева были задержаны на Дону въ моментъ казачьихъ волненiй. Вообще же, слѣдовательно, донцы стояли не цѣлыми полками въ опредѣленныхъ мѣстахъ, а были разбиты на части и разбросаны на огромныхъ пространствахъ. Это однако не помѣшало ихъ объединенiю на почвѣ возникшихъ волненiй.

Общее недовольство казачества выразилось въ наиболѣе острой формѣ прежде всего въ атаманскомъ полку Поздѣева. Получивши отъ генералъ-маіора Савельева распоряженіе о назначеніи полкомъ извѣстнаго количества рабочихъ для рубки лѣса и постройки домовъ, казаки отказались исполнить это распоряженіе. Напрасно мѣстныя власти и казачьи офицеры уговаривали ихъ подчиниться начальству. Казаки не послушались, и волненія, охватившія атаманскій полкъ, быстро распространились и на другіе полки. Казаки стали устраивать тайныя сходки и остановились на мысли объ уходѣ на Донъ. Во главѣ недовольныхъ сталъ казакъ Поздѣева полка Екатерининской станицы Никита Ивановичъ Бѣлогороховъ. Это былъ человѣкъ энергичный, рѣшительный, готовый грудью стать за казачьи порядки и умѣвшій влiять на массы. У администраціи онъ былъ уже мѣченнымъ человѣкомъ. Въ архивныхъ документахъ были глухія указанія на то, что Бѣлогороховъ, родившійся въ Пятиизбянской станицѣ, былъ высланъ на временное поселеніе къ Таганрогу или Азову вмѣстѣ съ другими семействами за какое-то «дурное поведеніе». Отсюда его переселили во вновь устраивавшуюся станицу Екатерининскую, въ которой онъ, по словамъ архивнаго документа «и по нынѣ дурного поведенія». Въ это время Бѣлогорохову было около 40 лѣтъ. Это былъ мужчина высокаго роста, «лицомъ и корпусомъ сухъ, собою русъ, борода русая-же, не великая, глаза сѣрые», какъ описанъ онъ въ одномъ изъ историческихъ документовъ.

Бѣлогороховъ высказалъ товарищамъ соображеніе, что вѣроятно ихъ приказали поселить на Кубани не по царской волѣ, а по желанію войскового атамана, считая послѣдняго виновникомъ нарушенія казачьихъ порядковъ. Поэтому, онъ совѣтовалъ казакамъ обратиться за разъясненіями къ войсковому атаману, настаивать на отмѣнѣ состоявшагося распоряженія о поселеніи на Кубани служившихъ здѣсь полковъ, а, въ крайнемъ случаѣ, взяться даже за оружіе. Казаки, горѣвшіе естественнымъ желаніемъ возвратиться поскорѣе домой, раздѣляли соображенія своего вожака и сочувствовали его намѣреніямъ. Въ атаманскомъ полку, поэтому, Бѣлогороховъ сразу же избранъ былъ предводителемъ, и полкъ безпрекословно подчинился его распоряженіямъ. Помощникомъ его считался казакъ Фока Сухоруковъ. Въ полку Кошкина главою протестующихъ казаковъ избранъ былъ казакъ Трофимъ Штукаревъ. Позже, когда объединились казаки всѣхъ трехъ полковъ—Поздѣева, Кошкина и Луковкина, главенство единогласно признано было за однимъ Бѣлогороховымъ. Объединенные донцы рѣшили прежде всего узнать на мѣстѣ, дѣйствительно-ли прислана на Донъ Высочайшая грамота о

переселеніи ихъ на Кубань. Тремъ избранникамъ — Фокѣ Сухорукову, Степану Моисееву и Данилѣ Елисѣеву поручено было отправиться тайно въ Черкасскъ. 22 мая явились они неожиданно къ войсковому атаману Иловайскому. Но прежде, чѣмъ возвратились посланцы изъ Черкасска, казаки, около 19 или 20 мая, захвативши съ собою 15 знаменъ и бунчуковъ, двинулись въ количествѣ около 400 человѣкъ на Донъ, оставивши на мѣстѣ своихъ офицеровъ. Едва ли къ этому было подготовлено начальство. До того казаки только явно не хотѣли выходить на работы для рубки лѣса.

Извѣщенный объ уходѣ казаковъ на Донъ Гудовичъ послалъ 22 мая съ курьеромъ предписанія войсковому атаману Иловайскому въ Черкасскъ и князю Щербатову въ Ростовскую крѣпость о недопущеніи бѣглецовъ на Донъ. Мѣрою этою главнокомандующій имѣлъ въ виду не допустить волненія въ донскихъ станицахъ. Но было уже поздно. Хотя въ тотъ же день, т. е. 22 мая, посланцы казаковъ получили отъ Иловайскаго на руки приказы въ полки Поздѣева, Луковкина и Кошкина и личное распоряженіе атамана немедленно возвратиться въ свои полки, но казаки взбунтовавшихся полковъ были уже далеко за предѣлами Кубанской Линіи. Дѣла сразу приняли совершенно неожиданный оборотъ.

Какъ видно изъ приказовъ войскового атамана, послѣдній былъ совершенно не подготовленъ къ текущимъ событіямъ. Видимо, онъ или совершенно не зналъ о задуманномъ правительствомъ выселеніи на Донъ казаковъ, или же былъ слабо посвященъ въ обстоятельства дѣла. Въ своемъ приказѣ онъ сначала констатируетъ фактъ прибытія къ нему Сухорукова, Моисеева и Елисѣева, которые письменно и устно донесли, что 150 казаковъ атаманскаго полка не исполнили распоряженія генерала Савельева и не вышли на рубку лѣса для домовъ вновь учрежденныхъ станицъ, опасаясь, что если они, не справясь съ войскомъ, станутъ на работы, то тогда, самымъ этимъ фактомъ, они оставлены будутъ «на вѣчное поселеніе», не въ очередь и безъ установленныхъ въ войскѣ жеребьевокъ. Извѣщенный еще 17 мая главнокомандующимъ Гудовичемъ о непослушаніи казаковъ, Иловайскій тогда-же послалъ приказы въ полки о безпрекословномъ повиновеніи начальству и о выходѣ на работу. Въ своемъ приказѣ по этому поводу Иловайскій успокаивалъ казаковъ увѣреніемъ, что онъ лично будетъ ходатайствовать въ Петербургѣ передъ Государемъ относительно оставленія за казаками прежнихъ привиллегій и установившихся обычныхъ порядковъ.

А порядки эти были таковы. Обыкновенно выселялись казаки на новыя мѣста добровольно. Государи посылали при-

гласительныя грамоты на выселеніе въ извѣстныя мѣста; а казаки собирали круги, «вычитывали» на нихъ царскія грамоты и вызывали охотниковъ на переселеніе. Такимъ образомъ, съ согласія войска формировались цѣлые отряды охотниковъ, пополнявшие старыя войска или образовывавщіе новыя. Такъ было при Петрѣ Великомъ, когда казаки вышли съ Дона на Терекъ, и при Аннѣ Ивановнѣ, когда донцы заняли Волгу.

И вотъ эти-то старинные порядки не были соблюдены при переселеніи донскихъ казаковъ на Кубанскую Линію. Объ этомъ переселеніи не только казаки не были извѣщены грамотами на казачьихъ кругахъ, но и самъ войсковой атаманъ былъ плохо освѣдомленъ.

Дѣло въ сущности было серьезнѣе, чѣмъ какимъ оно представляется на основаніи приказа, явно ослабившаго рѣзкія и густыя краски событія. По тогдашнимъ законамъ поступокъ казаковъ карался смертью, а только что улегшіяся послѣ пугачевщины волненія должны были служить зловѣщимъ признакомъ надвигающагося событія. Власти едва-ли склонны были гладить по головкѣ казаковъ за такіе проступки, какъ неповиновеніе начальству и своевольный уходъ съ военныхъ постовъ и линій. Нужны были серьезныя побужденія, чтобы самъ войсковой атаманъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ и хлопотать тамъ объ отмѣнѣ встревожившей казаковъ мѣры. И эти побужденія несомнѣнно крылись «въ нарушеніи казачьихъ привиллегій». На протестѣ противъ этого пункта могло объединиться все донское казачество.

Между тѣмъ, оставившіе Кубанскую Линію казаки 30 мая прибыли къ рѣкѣ Дону и расположились лагеремъ на противоположномъ отъ Черкасска берегу этой рѣки. Въ это время Донъ необычайно разлился, и цѣлое море воды отдѣляло взбунтовавшихся казаковъ отъ города. Послѣ короткаго отдыха, казаки по обычаю составили войсковой кругъ. Въ центрѣ были помѣщены полковые знамена и бунчуки, а во кругъ ихъ, на извѣстномъ разстояніи, выстроились казаки. Древній обычай и серьезность момента должны были внушающе дѣйствовать на казаковъ. При наступившей тишинѣ предводитель толпы Бѣлогороховъ торжественно спросилъ казаковъ: «знаете ли вы, отчего мы ушли съ Линіи и зачѣмъ пришли сюда?»—«знаемъ!» коротко и дружно загудѣлъ отвѣтъ толпы. Тогда Бѣлогороховъ предложилъ всѣмъ сѣсть, какъ дѣлается это обыкновенно у народа въ случаяхъ серьезнаго шага въ какомъ либо крупномъ дѣлѣ. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе вожака «помолиться Богу». Казаки встали и помолились Богу. И когда закончены были всѣ эти церемоніи, Бѣлогороховъ властно приказалъ дать торжественную клятву

другъ передъ другомъ стоять твердо и положить животы за предпринятое дѣло. Казаки клялись, и въ подтвержденіе своей клятвы цѣловали преклоненныя передъ ними знамена. Въ концѣ концовъ толпа рѣшила переправиться въ Черкасскъ и потребовать отъ войскового атамана, чтобы онъ показалъ грамоту о переселеніи казаковъ на Кубанскія мѣста, въ существованіи которой они сомнѣвались.

Разлившійся на громадное пространство Донъ воспрепятствовалъ однако казакамъ привести немедленно въ исполненіе свое намѣреніе. У казаковъ не было лодокъ для переправы. Но такъ какъ при разливѣ рѣки часть казачьяго скота осталась за Дономъ и казачье населеніе пріѣзжало на пастбища на небольшихъ лодкахъ, то казаки, захвативши нѣсколько такихъ лодокъ, ночью незамѣтно подплыли на нихъ къ пристани, устроенной у Черкасска на правомъ берегу Дона, и забрали отсюда необходимое имъ количество судовъ.

На другой день, рано утромъ, вся казачья толпа переправилась на правый берегъ Дона и, распустивши знамена, торжественно вступила въ Черкасскъ во главѣ съ Бѣлогоровымъ. Остановившись у дома войскового атамана, казаки, «съ превеликимъ крикомъ», потребовали выхода къ нимъ войскового атамана для объясненій. Атаманъ, послѣ нѣкотораго колебанія вышелъ къ толпѣ и спросилъ бунтовщиковъ, чего они хотятъ. Въ отвѣтъ на это посыпался цѣлый градъ упрековъ и угрозъ изъ бушевавшей толпы. Казаки обвиняли атамана въ томъ, что онъ ихъ «не защищалъ, а погублялъ», и по обыкновенію вычитали ему и собственные его грѣхи, и грѣхи его отца, бывшаго также атаманомъ. Иловайскій объявилъ, что на переселеніе донскихъ казаковъ на Кубань дѣйствительно есть Высочайшее повелѣніе. Казаки закричали: «покажи его намъ!» Чтобы успокоить толпу, атаманъ приказалъ войсковому дьяку Мелентьеву, стоявшему на крыльцѣ атаманскаго дома, сойти внизъ и прочитать грамоту о переселеніи. Когда же Мелентьевъ началъ читать грамоту, то казаки неожиданно заявили, что они ничего еще не ѣли и что, поѣвши, опять придутъ. На базарѣ, куда отправилась толпа, казаки вели себя чинно и платили за все деньги.

Появленіе въ Черкасскѣ толпы вооруженныхъ казаковъ, ушедшихъ съ Кубани, взволновало городское населеніе. Атаманскій домъ окружили любопытные горожане и казаки ближайшихъ къ городу станицъ. Въ виду распространившихся слуховъ о возможности покушенія на жизнь Иловайскаго, къ атаманскому дому былъ приставленъ караулъ изъ вооруженныхъ казаковъ. Толпа бунтовщиковъ не нашла однако поддержки въ массѣ городского населенія. Нѣкоторые горо-

жане пытались уговорить казаковъ подчиниться начальству, но казаки не обратили вниманія на увѣщанія.

Поѣвши, казаки вновь собрались у дома войскового атамана. Здѣсь войсковой дьякъ, по требованію казаковъ, прочелъ имъ копію съ именного Высочайшаго повелѣнія о переселеніи и когда, окончивши чтеніе, онъ произнесъ: «на подлинномъ написано такъ: Екатерина», изъ толпы раздалось грозное: „вы насъ обманываете!“ Въ толпѣ поднялся невообразимый шумъ. Казаки бросились на дьяка, нанесли ему нѣсколько ударовъ и отняли бумагу, дьяку, однако, удалось вырваться изъ рукъ толпы. Дѣло приняло такой оборотъ, что приставленный къ дому атамана караулъ приготовился дать залпъ по толпѣ, но въ это время Бѣлогороховъ поднялъ вверхъ свою шапку и толпа, по одному этому мановенію своего вожака, сразу смолкла и успокоилась. Пользуясь этимъ затишьемъ «почтенные люди и старики» попытались было уговорить казаковъ, но они не хотѣли ничего и никого слушать. Толпа съ криками отправилась къ генераламъ Мартынову и Луковкину и спрашивала ихъ: «что вы съ нами дѣлаете»? Мартыновъ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, а Луковкинъ пытался было успокоить казаковъ, но окончилъ также отговоркой о незнаніи.

Послѣ этого, толпа снова отправилась къ войсковому атаману, и когда послѣдній сталъ уговаривать бунтовщиковъ и увѣрять, что ради защиты казачьихъ интересовъ онъ самъ ѣдетъ въ Петербургъ, казаки кричали: «безъ резону не ѣзди и мы тебя не пустимъ, а назадъ ѣхать не хотимъ, хотя сейчасъ насъ всѣхъ велите побить». Результатомъ объясненій съ Иловайскимъ явилось требованіе казаковъ выдать имъ такіе билеты, по которымъ въ станицахъ ихъ приняли бы не какъ бѣглецовъ, а какъ бы возвратившихся съ очередной службы домой. Войсковой атаманъ пошелъ и на это, объявивши казакамъ, что онъ пошлетъ по станицамъ соотвѣтственные приказы, а имъ велѣлъ разойтись по домамъ. Казаки, видимо, нѣсколько успокоились. Часть ихъ снова переправилась на лѣвый берегъ Дона къ мѣсту своей стоянки, а часть осталась у дома атамана, боясь что онъ выѣдетъ, не давши имъ обѣщанныхъ билетовъ.

По донесенію князя Щербатова, находившагося съ войсками въ Ростовской крѣпости и зорко слѣдившаго за волненіями въ Черкасскѣ, взбунтовавшіеся казаки въ дальнѣйшемъ вели себя слѣдующимъ образомъ. Казаки, заручившись обѣщаніемъ войскового атамана о зачетѣ имъ службы на Линіи и о признаніи ихъ въ приказахъ не бунтовщиками, изъявили желаніе выдать начальству захваченныя ими на Кубанской Линіи полковыя знамена. Іюля 1-го они перепра-

вились на лѣвую сторону Дона, а 2-го іюля въ 6 часовъ вечера, около 200 человѣкъ размѣстились въ семи лодкахъ и приплыли съ распущенными знаменами къ городу. Бѣлогороховъ съ тремя товарищами явился къ войсковому атаману, у котораго собралась казачья старшина, атаманы, «старики» отъ всѣхъ городскихъ станицъ, и доложилъ атаману о «прибытіи знаменъ». Послѣдній приказалъ ему сдать знамена, что и было исполнено. Послѣ этого Бѣлогороховъ сталъ требовать грамотъ въ станицы отъ войскового атамана и, будучи недоволенъ одними его приказами, потребовалъ, чтобы такіе же документы были посланы въ станицы и «за подписями судей отъ гражданскаго правительства». И войсковая администрація была вынуждена исполнить эти требованія.

Тогда и отъ Бѣлогорохова, въ свою очередь, было потребовано возвратить бумаги, захваченныя казаками у дьяка Мелентьева. Сопровождавшіе Бѣлогорохова казаки вынули изъ за пазухъ эти бумаги и передали войсковому начальству.

Наконецъ, войсковой атаманъ спросилъ вожака бунтовавшихся казаковъ, помѣстили ли они въ свою жалобу тѣ обиды, какія были чинимы имъ на Линіи, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Присутствовавшій при этомъ генералъ Мартыновъ замѣтилъ, что, быть можетъ, жалоба составлена неудовлетворительно; надо бы просмотрѣть ее и исправить. На это другой генералъ Луковкинъ возразилъ, что «поправлять дѣло не наше, а пусть лучше останется по просту». Бѣлогороховъ вынулъ изъ за пазухи жалобу и, молча, передалъ войсковому атаману. Послѣдній взялъ жалобу, «не смотря ее», и обѣщалъ ходатайствовать у Государыни, посовѣтовавши казакамъ быть спокойными и отправиться по домамъ. Бѣлогороховъ и его товарищи поклонились начальству и отправились къ казакамъ. Казаки сняли караулы, раздѣлились на двѣ части, и одна ихъ нихъ отправилась въ станицы лѣвымъ берегомъ Дона, а другая правымъ.

Съ своей стороны, войсковой атаманъ Иловайскій послалъ Гудовичу письмо, въ которомъ явно выгораживаетъ изъ этой непріятной исторіи себя и всячески старается сгладить рѣзкія черты въ поведеніи взбунтовавшихся казаковъ. По его словамъ, продолжавшееся въ теченіе цѣлаго дня 31 мая „волнованіе" казаковъ „привело всѣхъ согражданъ въ ужасный страхъ". „Казаки, пишетъ Иловайскій, искали собственно моей головы", обвиняя одного его въ томъ, что ихъ выселяли безъ очереди и жребія на Кубань. Если бы атаманъ поступилъ съ своей стороны строго, то дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія и невинныхъ жертвъ,

Атаманъ прибѣгнулъ, поэтому, не къ оружію, „а къ единой ласковости и увѣщаніямъ» и усмирилъ, наконецъ, тѣмъ, что склонился на ихъ требованія къ роспуску ихъ по домамъ, обнадеживши, что будетъ ходатайствовать „о прощеніи ихъ поступка и объ избавленіи ихъ отъ поселенія". Другими словами, войсковой атаманъ далъ полное удовлетвореніе взволнованнымъ казакамъ и выполнилъ всѣ требованія ихъ, и въ довершеніе всего лично отправился въ Петербургъ отстаивать интересы казачества.

Такое нетактичное и несогласное съ правилами военной дисциплины поведеніе атамана было несомнѣнно самою разумною мѣрою успокоенія взволнованныхъ казаковъ. И войсковой атаманъ, и другіе казачьи генералы хорошо понимали, на какой горючей подкладкѣ разыгрались волненія казачества. Были нарушены исконные казачьи обычаи и права. Волненія, заставившія 400 казаковъ Поздѣева, Луковкина и Кошкина полковъ уйти съ Линіи, могли охватить все донское казачество. Да и сами казачьи генералы Иловайскій, Мартыновъ и Луковкинъ въ душѣ считали справедливыми требованія казаковъ, какъ это видно изъ ихъ нерѣшительныхъ и полусочувственныхъ дѣйствій.

Въ сущности, плохо и поверхностно задуманной мѣрою заселенія Кубанской Линіи отбывшими очередную казачью службу полками нарушались такіе обычаи и порядки, на которыхъ строилась и покоилась вся жизнь донского казака. И петербургская военная бюрократія, и командующій на Кавказѣ войсками генералъ-аншефъ Гудовичъ не понимали, что творили, и навѣрное были не знакомы съ бытовыми условіями казака или считали излишнимъ входить въ разсмотрѣніе ихъ. Привыкши произвольно распоряжаться на военномъ полѣ не отдѣльными лицами, а цѣлыми полками и отрядами, и передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто, какъ пѣшки, они, не стѣсняясь, распорядились зачислить въ переселенцы цѣлыхъ шесть донскихъ полковъ, отбывшихъ очередную службу на Линіи. Это было такъ удобно и легко. Стоило только распредѣлить отдѣльные полки по разнымъ частямъ Линіи и переправить къ нимъ женъ, дѣтей, стариковъ, старухъ, скотъ, имущество и разнаго рода домашнюю рухлядь,—и переселеніе готово. Появится живой оплотъ по Кубани отъ безпокойныхъ горцевъ. Но у живого оплота грубо были затронуты самые чувствительныя струны общественной жизни.

Всѣ донскіе казаки строили свою личную, семейную и хозяйственную жизнь по однимъ и тѣмъ же общимъ для всего войска порядкамъ: однѣ части казаковъ оставались на дому, а другія отправлялись по очередямъ на службу, напр.,

на три года или на время похода, кампаніи. Дома въ такихъ случаяхъ семья жила и вела хозяйство съ расчетомъ на возвратъ рабочей силы черезъ опредѣленный срокъ, а самъ казакъ, состоя на службѣ, запасался скотомъ и имуществомъ у черкесовъ, при набѣгахъ на нихъ.

Такимъ образомъ, и дома, и внѣ его у казака все приправливалось къ опредѣленной очередной службѣ. И вотъ эти то расчеты казаковъ нарушены были начальствомъ. Тутъ казаку обидны были конечно не столько матеріальные убытки и потери, сколько нарушеніе всего строя его бытовой и обычно-правовой жизни. Казаковъ лишали вѣками освященной самостоятельности во внутреннихъ ихъ порядкахъ и взаимоотношеніяхъ. Вотъ почему рядового казака поддерживалъ и казакъ чиновный, и даже самъ войсковой атаманъ, категорически указавшій въ своемъ приказѣ на нарушеніе казачьихъ „привиллегій". Иловайскій хорошо понималъ, что заваренную Бѣлогороховымъ и его товарищами кашу придется расхлебывать всему войску. Такъ и случилось.

Побѣги съ Кубани не прекратились съ приходомъ партіи Бѣлогорохова въ Черкасскъ. Казаки небольшими партіями продолжали уходить съ Линіи до половины іюня. Такъ, капитанъ 2-го егерскаго баталіона Асѣевъ донесъ полковнику Тараканову, что казаки Кошкина и Луковкина полковъ оставили самовольно посты при редантахъ Скрытномъ, Кубанскомъ, Державномъ, Убѣжномъ, и Недреманномъ и „бѣжали" за Донъ, и что посты Кубанскій и Скрытный, поэтому, пришлось занять карабинерами Каргопольскаго эскадрона. Въ остальныя укрѣпленія, какъ въ Темнолѣсскій ретраншементъ, приходилось производить разъѣзды за неимѣніемъ казаковъ. Взамѣнъ донцовъ были присланы въ небольшомъ количествѣ уральцы.

Начальникъ гарнизона на Вѣстославскомъ редутѣ секундъ-майоръ Тетюнинъ 1-го іюня донесъ графу Гудовичу, что въ погоню за шестью бѣжавшими донскими казаками онъ послалъ прапорщика Есипова съ семью казаками; но безуспѣшно проскакавъ за бѣглецами 22 версты до редута Верхне-Егорлыцкаго, Есиповъ принужденъ былъ возвратиться обратно, такъ какъ сопровождавшіе его донцы нарочно сдерживали лошадей, чтобы дать время своимъ землякамъ скрыться отъ преслѣдованія.

Тотъ же Тетюнинъ задержалъ 3-го іюня съ помощью эскадрона Нарвскаго карабинернаго полка 20 казаковъ, намѣревавшихся бѣжать изъ полка Поздѣева.

Въ Прочномъ-Окопѣ побѣгъ 30 казаковъ Кошкина полка предотвращенъ былъ отобраніемъ у нихъ лошадей. Чтобы удержать отъ побѣга казаковъ Поздѣева полка,

расположенныхъ у Григориполиса, присланъ былъ пикетъ изъ 24 егерей, но около полуночи семь казаковъ убѣжало и ихъ не удалось поймать за темнотою ночи.

Около того же времени бѣжало на Донъ изъ Царицынскаго редута 20 казаковъ и изъ Ладогскаго редута 9-ть казаковъ. Для поимки бѣжавшихъ были посланы цѣлыхъ два эскадрона Таганрогскаго полка съ орудіемъ и 15 хоперскими казаками. Отрядъ этотъ не нашелъ однако „слѣда“ бѣжавшихъ казаковъ, а направился къ Григориполису, намѣреваясь здѣсь отобрать у казаковъ лошадей.

Изъ Терновскаго редута бѣжало 7 казаковъ, но ихъ нагнала команда карабинеровъ майора Кауфмана, и „тѣ казаки, не давшись въ руки, сами поворотили къ Григориполису въ полкъ.» Здѣсь у нихъ было отобрано оружіе и сами они взяты подъ караулъ.

Іюня 16-го ротмистръ Фишеръ, посланный съ командой карабинеровъ для преслѣдованія бѣжавшихъ казаковъ, замѣтилъ партію казаковъ у рѣки Егорлыкъ и окружилъ ее карабинерами послѣ переправы черезъ эту рѣку. Сначала Фишеръ попробовалъ уговорить казаковъ, но это привело ихъ въ такое раздраженіе, что они начали стрѣлять въ него. Тогда, по командѣ Фишера, карабинеры дружно бросились на казаковъ, смяли ихъ и захватили всю партію въ 37 человѣкъ; ночью, однако, два казака успѣли уйти и скрыться. Партія была арестована, и генералъ-майоръ Булгаковъ, признавши ихъ виновными въ покушеніи къ побѣгу, приказалъ «въ страхъ другимъ, а имъ къ воздержанію», наказать плетьми передъ полкомъ. Также въ «страхъ другимъ, а имъ къ воздержанію» тотъ же генералъ Булгаковъ велѣлъ наказать плетьми передъ полкомъ 7 казаковъ, бѣжавшихъ съ редута Терновскаго.

Общее число бѣжавшихъ изъ трехъ полковъ, расположенныхъ на Линіи, по спискамъ, доставленнымъ графу Гудовичу, простиралось до 784 человѣкъ, въ томъ числѣ полка Поздѣева 330, полка Луковкина 241 и полка Кошкина 213 человѣкъ.

Уходъ съ Линіи казаковъ въ сильнѣйшей степени ослабилъ военные резервы по Кубани. Помимо недостатка въ людяхъ, трудно было положиться на оставшихся на Линіи донцовъ, явно раздѣлявшихъ взгляды Бѣлогорохова и его партіи. Охрана передовыхъ постовъ по Кубани, поэтому, поручена была регулярной кавалеріи, но послѣдняя была не подготовлена къ этому роду службы, составлявшему спеціальность казаковъ. Можно полагать, что черкесы не знали о побѣгѣ донскихъ казаковъ и временномъ ослабленіи Линіи и потому только не воспользовались этимъ обстоятельствомъ для

своихъ набѣговъ. Командующій войсками Гудовичъ продолжалъ постройку крѣпостей и укрѣпленій по всей линіи. Кубанская Линія подготовлялась къ заселенію и ждала своихъ переселенцевъ.

Между тѣмъ, волненія, вызванныя казаками полковъ Поздѣева, Луковкина и Кошкина, не угасли окончательно, отразившись въ другихъ мѣстахъ въ другихъ формахъ.

Послѣ отъѣзда въ Петербургъ войскового атамана Иловайскаго, его мѣсто заступилъ генералъ-маіоръ Мартыновъ. Другой генералъ, князь Щербатовъ, находившійся съ регулярными войсками въ крѣпости Ростовской, имѣлъ непосредственное отношеніе къ казачьему возмущенію, въ качествѣ командира кубанскаго корпуса, въ составъ котораго входили волновавшіеся донскіе полки. Все время князь Щербатовъ внимательно слѣдилъ за событіями, имѣвшими мѣсто въ Донской области, и явно негодовалъ на казачью администрацію за ея медлительныя и нерѣшительныя по отношенію къ бунтовщикамъ дѣйствія.

Очень интересная переписка завязалась по этому поводу у Щербатова съ Мартыновымъ. Первый взялъ на себя руководящую роль, не смотря на старшинство Мартынова, и безцеремонно позволялъ себѣ обвинять исполнявшаго обязанности войскового атамана въ упущеніяхъ. Такъ, князя Щербатова возмущали прежде всего тѣ слухи, которые циркулировали между казаками въ видѣ легендъ, волновавшихъ свободолюбивое казачество. Сообщая Мартынову, что Черкасскъ, въ которомъ находился этотъ послѣдній, посѣщается мелкими партіями бунтовщиковъ, Щербатовъ иронически спрашиваетъ Мартынова, извѣстно-ли ему о «неистовомъ возмутителѣ», который грозитъ взбунтовать всю Донщину, взять Таганрогъ и крѣпость Азовскую и Св. Дмитрія и натворить вообще всевозможныхъ бѣдъ. Въ этомъ сообщеніи регулярнаго генерала къ казачьему сквозитъ явное недовѣріе къ представителю казачества, котораго онъ, между прочимъ, проситъ ничего не скрывать отъ него.

Черезъ 8 дней послѣ того князь Щербатовъ послалъ Мартынову длинный и дерзкій рапортъ, доходящій до обвиненія въ бездѣятельности казачьяго генерала. По розыскамъ Щербатова выяснилось, что бѣжавшіе въ Подпольное казаки изъ полка Поздѣева, въ количествѣ 16 человѣкъ, хотѣли ѣхать прямо въ Аксай, но Мартыновъ потребовалъ, чтобы они явились къ нему. Казаки не послушали наказнаго атамана, и когда за ними была послана команда, то они, зарядивши ружья и пистолеты, угрожали стрѣлять въ команду. «Хотя вы и извѣщаете меня, рапортуетъ далѣе въ видѣ выговора по начальству князь Щербатовъ, что никакихъ нару-

шающихъ спокойствіе слуховъ до васъ не доходило; но мнѣ донесли, что въ станицѣ Михалковской и въ другихъ застарѣлые невѣжды и гнусные отступники отъ церкви читаютъ темной толпѣ какія-то книги и одну изъ нихъ называютъ книгой Святого Кириллы. По толкованіямъ этихъ начетчиковъ, въ половинѣ восьмой тысячи,—не знаю по какому исчисленію, прибавляетъ князь Щербатовъ,—опустѣетъ Донъ на семь лѣтъ и тогда будетъ конецъ вѣка». Легенду эту князь связываетъ съ волненіями казачества. Такимъ образомъ, судя по этой перепискѣ двухъ генераловъ, во взглядахъ ихъ на текущія событія и въ образѣ дѣйствій, связанныхъ съ этими событіями, замѣчалась существенная разница. Князь Щербатовъ стоялъ на точкѣ сыска и дѣятельно занимался имъ, а генералъ Мартыновъ находился на стражѣ казачьихъ интересовъ, нарушенныхъ непопулярною правительственною мѣрою о выселеніи донцовъ на Кубань.

Вообще, казачьи генералы старались всячески успокоить высшее начальство, дѣйствуя съ своими казаками по своему. Войсковой атаманъ Иловайскій поскакалъ въ Петербургъ, чтобы защитить «казачьи привиллегіи» и отвратить переселеніе донцовъ на Кубань. Мартыновъ заботится, чтобы въ прошеніе бунтовщика Бѣлогорохова съ товарищами попала вѣская аргументація въ пользу претензій взволновавшагося казачества, Луковкинъ политично отговаривается передъ казаками незнаніемъ того, что творитъ съ ними высшее начальство. Испытаніе на этомъ пути поставлено было и бригадиру Платову.

Платовъ въ это время уже пользовался широкою популярностью у донскихъ казаковъ. При первыхъ же вѣстяхъ о волненіяхъ казаковъ на Кубани, графъ Гудовичъ немедленно вызвалъ къ себѣ изъ Черкасска Платова и поручилъ ему объѣхать всѣ донскіе полки, расположенные на Кавказской Линіи, и повліять на казаковъ увѣщаніями о повиновеніи начальству и о поддержаніи воинскихъ порядковъ въ полкахъ. Съ своей стороны, предсѣдатель военной коллегіи, графъ Салтыковъ, поручилъ Платову сообщить казакамъ, что тѣ изъ нихъ, которые не участвовали въ волненіяхъ и остались на Линіи, могутъ расчитывать на освобожденіе отъ переселенія и возвращеніе на Донъ. Платовъ исполнилъ возложенныя на него порученія и донесъ, что все у донцовъ обстоитъ благополучно, казаки, по его словамъ, «признали себя весьма довольными» обѣщаніемъ правительства «и увѣрили меня, что другихъ мыслей никакихъ не имѣютъ, какъ только выполнять все должное по службѣ и повиноваться начальству.»

Тогда же и Мартыновъ доносилъ Гудовичу, что оставшіеся на Линіи казаки навѣрняка не уйдутъ на Донъ, а находящихся на Дону бѣглецовъ старожилы и „порядочнаго состоянія люди“ всячески склоняютъ къ тому, чтобы они возвратились въ полки на Линію.

А между тѣмъ, не смотря на заботливое охраненіе донскихъ казаковъ ихъ высшими представителями, Донщина въ глубинѣ своихъ бытовыхъ тайниковъ глухо волновалась, обнаруживая два противоположныхъ теченія: одни стояли за открытый протестъ вмѣстѣ съ Бѣлогороховымъ и его единомышленниками, другіе за подчиненіе требованіямъ правительства, сулившаго прощеніе за казачью покорность. Само правительство всячески старалось склонить казаковъ къ возврату на мѣста по Кубанской Линіи. Графъ Салтыковъ приказалъ заранѣе объявить бѣжавшимъ казакамъ, что если они сами возвратятся обратно въ свои полки, то будутъ прощены за побѣгъ и освобождены отъ переселенія на Кубань. Но бѣглецы не поддавались никакимъ увѣщаніямъ. Одни подъ разными предлогами остались дома, другіе опирались на приказы Иловайскаго, въ силу которыхъ они считали себя отбывшими на Линіи службу, а третьи ожидали результатовъ поѣздки войскового атамана въ Петербургъ.

Мартыновъ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы убѣдить казаковъ возвратиться добровольно на Линію. Съ этой цѣлью собирались сходы, посылались на нихъ и по станицамъ особыя лица отъ войска для увѣщанія. Съ этою же цѣлью есаулу Кондакову поручено было объѣхать рядъ станицъ. Кондаковъ побывалъ по Дону въ станицахъ: Раздорской, Цымлянской, Быстрянской, Нижне-Каргалинской, Кумшацкой и по Донцу въ Екатерининской, Быстрянской, Верхней и Нижней Кундрюченской и на хуторѣ, гдѣ жилъ Бѣлогороховъ. Казаки, по выраженію Кондакова, „единогласно отказываются отъ возвращенія“. Были колеблющіеся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одни ссылались на другихъ, давая тѣмъ понять, что за другими готовы были бы послѣдовать и они. Но всѣ безусловно боялись нарушить клятву, данную Бѣлогорохову передъ знаменами, которыя они цѣловали. Сила клятвы была велика, а авторитетъ Бѣлогорохова безграниченъ.

Въ частности, о Платовѣ ходили слухи, что начальство отрѣшило его отъ командованія прежними казаками и что, поэтому, онъ будто бы старается вызвать ихъ на Линію и сдѣлаться надъ ними атаманомъ. Остальные же казаки, не причастные къ волненіямъ, боялись появленія въ станицахъ регулярныхъ войскъ и, поэтому, многіе изъявляли готовность выслать силою бѣглецовъ на Линію, если прикажетъ

Донское войско. Между бѣглецами и другими станичниками нерѣдко возникали ссоры, бѣглецовъ упрекали въ побѣгѣ, а бѣглецы, ссылаясь на атаманскіе приказы, не прочь были выйти изъ станицъ, чтобы избавиться отъ утѣсненій.

Самъ Бѣлогороховъ выѣхалъ 28 іюня изъ дома для сбора денегъ на поѣздку въ Петербургъ. Онъ дѣйствительно, собравши деньги, отправился въ скорости въ Петербургъ, чтобы подать тамъ Императрицѣ прошеніе; но его схватили на дорогѣ, по распоряженію высшей петербургской администраціи, и посадили подъ арестъ. Оставшійся на мѣстѣ руководителемъ Фока Сухоруковъ сгруппировалъ около себя около 150 человѣкъ и съ ними переходилъ изъ станицы въ станицу, всюду поддерживая энергично необходимость открытаго протеста противъ выселенія казаковъ на Линію. Когда же изъ Черкасска выслана была противъ него команда, то онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе, былъ арестованъ и отправленъ вмѣстѣ съ другими вожаками—Трофимомъ Штукаревымъ, Саввою Садчиковымъ, Иваномъ Подливалинымъ и Дмитріемъ Поповымъ въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, главные виновники казачьихъ волненій находились въ рукахъ правительства подъ стражей и, въ слѣдующемъ 1793 году были преданы суду особой комиссіи, учрежденной при Государственной Военной Коллегіи.

Бѣлогороховъ обвиненъ былъ въ томъ, что онъ первымъ убѣдилъ казаковъ въ незаконности выселенія ихъ безъ очереди, принялъ на себя главное начальство надъ бунтовщиками сначала въ полку Поздѣева, а потомъ надъ объединенной группой казачества трехъ полковъ, забралъ знамена этихъ полковъ и отправился съ взбунтовавшимися казаками къ Черкасску, не подчиняясь никакимъ распоряженіямъ начальства. Въ самомъ Черкасскѣ онъ «вынудилъ отъ войскового атамана приказы, а отъ гражданскаго правительства грамоты», обезпечившія за бѣглецами роспускъ по домамъ и освобожденіе отъ службы. Затѣмъ по станицамъ онъ велъ агитацію, собиралъ деньги и отправился на нихъ въ Петербургъ. Въ комиссіи военнаго суда Бѣлогороховъ не только не раскаялся ни въ чемъ, но, не смотря ни на какія увѣщанія, онъ не отвѣчалъ и на вопросы.

Фока Сухоруковъ изобличался въ большинствѣ тѣхъ же проступковъ, что и Бѣлогороховъ, у котораго онъ былъ главнымъ помощникомъ, а также въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ.

Остальные подсудимые Штукаревъ, Садчиковъ, Подливалинъ и Поповъ обвинялись въ томъ, что были старшими между бѣжавшими казаками, при чемъ Штукаревъ былъ

избранъ начальникомъ въ полку Поздѣева, Садчиковъ состоялъ главнымъ помощникомъ у Сухорукова, предводителя толпы, а Поповъ способствовалъ посылкѣ въ Петербургъ Бѣлогорохова. Но всѣ они изъявили чистосердечное раскаяніе.

Въ особую вину Бѣлогорохову поставлено было то, что онъ не хотѣлъ подвергнуть себя „никакому суду, кромѣ Ея Императорскаго Величества", не захотѣлъ отвѣчать на вопросные пункты и остался непреклоннымъ, не смотря на всѣ увѣщанія священника.

На этомъ основаніи комиссія военнаго суда признавала главныхъ виновниковъ мятежа подлежащими смертной казни, но ограничилась тѣмъ, что постановила, исключивши изъ войска Донского, наказать кнутомъ въ крѣпости Святого Дмитрія въ присутствіи казаковъ, собранныхъ отъ станицъ, Бѣлогорохова пятьюдесятью ударами, а Сухорукова тридцатью, вырѣзать имъ обѣ ноздри, наложить знаки и сослать въ Нерчинскъ въ каторжныя работы. Остальныхъ подсудимыхъ, раскаявшихся и дѣйствовавшихъ по легкомыслію, постановлено было наказать въ той же крѣпости плетьми и назначить, по распоряженію Войскового Гражданскаго Правительства, на службу не въ очередь.

Самое наказаніе осужденныхъ было обставлено предосторожностями. Графъ Салтыковъ въ письмѣ къ Гудовичу отъ 26 іюня 1793 года предложилъ, чтобы войска Кубанскаго егерскаго корпуса остались въ Ростовской крѣпости до окончанія экзекуціи и чтобы, въ случаѣ отозванія ихъ изъ крѣпости, остался хотя бы одинъ батальонъ, «въ виду могущихъ быть безпорядковъ». Но опасенія Салтыкова не оправдались. Экзекуція прошла при молчаливомъ отношеніи къ ней казаковъ. Предводители и народные герои были низведены на степень преступниковъ. Сила осталась силою, а народныя права—пустымъ звукомъ.

Офиціальные архивные документы ничего конечно не говорятъ о томъ, какъ въ глубинѣ души относились казаки къ суду и наказанію людей, отстаивавшихъ ихъ казачьи интересы. Но самый приговоръ достаточно характеренъ, чтобы можно было судить объ этомъ отрицательномъ отношеніи къ нему массы. Вина Бѣлогорохова и его товарищей, искавшихъ у правительства защиты казачьихъ правъ, была виною всего Донского войска.

Казалось бы, что съ наказаніемъ вожаковъ должны были бы совершенно прекратиться и самыя волненія. Наиболѣе стойкіе защитники казачьихъ привиллегій были позорно посрамлены, масса казачества не протествовала. Самъ Гудовичъ считалъ общественное спокойствіе на Дону на столько

установившимся и непоколебимымъ, что находилъ возможнымъ немедленно приступить къ выселенію донскихъ казаковъ на Кубань. 12 августа была совершена позорная экзекуція надъ Бѣлогороховымъ и его товарищами, и въ августѣ же Гудовичъ одновременно сообщилъ свои соображенія о немедленомъ заселеніи донцами Прикубанья предсѣдателю Военной Коллегіи графу Салтыкову и войсковому атаману Иловайскому.

Иловайскій нашелъ, однако, невозможнымъ переселить казаковъ съ желательной для Гудовича быстротой. Обсудивши этотъ вопросъ коллегіально, вмѣстѣ съ членами Войскового Правительства, онъ отвѣтилъ главнокомандующему, что въ данномъ случаѣ надо считаться «съ древнимъ Донского войска обрядомъ».

Въ нарядъ на переселеніе попадали изъ всего наличнаго числа казаковъ лишь тѣ, которые назначались станичными сходами. Требовалось бы собрать всѣ станичные сходы, чтобы получить ихъ рѣшенія и скомплектовать необходимое количество переселяющихся семей. Стояла уже осень, переселеніе должно было затянуться до зимы, а зимою переселять казаковъ съ ихъ женами, дѣтьми, скарбомъ и скотомъ по обширнымъ и пустыннымъ степямъ Сѣвернаго Кавказа было бы крайне тяжело и затруднительно. «А посему, доносилъ атаманъ войска Донского главнокомандующему, исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія не иначе со стороны Донского войска, какъ къ будущему за симъ лѣту, послѣдовать имѣетъ».

Можно было ожидать и другихъ осложненій при переселеніи. Ни для кого не было секретомъ, какъ донцы относились къ выселенію. Казаки могли всячески тормозить организацію выселенія. Наконецъ, и само центральное правительство нашло на этотъ разъ слишкомъ спѣшнымъ распоряженіе Гудовича. Салтыковъ писалъ послѣднему, что онъ желалъ бы предварительно знать всѣ подробности въ организаціи переселенія и просилъ сообщить ему, въ какомъ положеніи находилась постройка жилищъ для переселенцевъ и размѣщеніе ихъ. Къ тому же, по сообщенію Салтыкова въ другомъ письмѣ, Государыня желала, чтобы жилища для переселенцевъ были приготовлены прежде ихъ прибытія. Такимъ образомъ, переселеніе донскихъ казаковъ на Кубань, силою обстоятельствъ пришлось оставить до слѣдующаго 1794 года.

Между тѣмъ, начальству Донского войска предстояла трудная задача не только подготовить переселеніе, но убѣдить казаковъ выселиться. Въ этихъ видахъ Войсковое Правительство избрало особыхъ старшинъ, и въ сентябрѣ мѣся-

цѣ отправило ихъ по всѣмъ станицамъ съ особыми «извѣстительными грамотами». Старшины эти должны были подготовить населеніе къ такой непопулярной мѣрѣ, какъ насильственное выселеніе казачьихъ семей на чужую, обѣщавшую однѣ военныя тревоги и мрачное будущее, сторону.

Какъ и слѣдовало ожидать, начатое Бѣлогороховымъ дѣло не заглохло. Уже 24 сентября Иловайскій доносилъ Гудовичу, что въ трехъ станицахъ—въ Бесергеневской, Мелиховской и Раздорской, казаки посланнаго къ нимъ войскового старшину Алексѣя Макарова не приняли, извѣстительныхъ грамотъ не послушали и о переселеніи и слушать не хотѣли; въ двухъ станицахъ—Маноцкой и Богаевской, оказано было подобное же упрямство, но потомъ станицы эти согласились принять извѣстныя грамоты. Иловайскій, въ виду этихъ обстоятельствъ, остановилъ шедшій на Линію третій Кубанскій егерскій баталіонъ, а князю Щербатову сообщилъ, чтобы онъ оставилъ и четвертый баталіонъ. Войска эти удержалъ на Дону Иловайскій на всякій случай, чтобы были на глазахъ у «слабомыслящихъ людей,» а самъ Иловайскій рѣшилъ испробовать предварительно всѣ мирныя средства, что бы убѣдить упорствующія станицы въ необходимости дать переселенцевъ.

Иного мнѣнія былъ на этотъ счетъ князь Щербатовъ, находившій совершенно излишнею предосторожность казачьяго атамана. Дѣло, по его мнѣнію, было совсѣмъ не такого остраго характера, чтобы предпринимать столь серьезныя мѣры, какъ угроза казакамъ регулярными войсками. Можно было ограничиться одними увѣщаніями населенія.

Но обстоятельства показали, что казачій атаманъ зналъ настроеніе казаковъ лучше, чѣмъ князь Щербатовъ. Въ то время, когда Гудовичъ, раздѣляя мнѣніе Щербатова, сдѣлалъ распоряженіе о дальнѣйшемъ слѣдованіи на Линію пріостановленныхъ баталіоновъ, получилось изъ Петербурга отъ Салтыкова письмо, въ которомъ онъ приказалъ князю Щербатову пріостановить движеніе Кубанскаго егерскаго корпуса и расположить баталіоны вблизи донскихъ станицъ. Мѣра эта, соединенная съ пріостановкою не двухъ баталіоновъ, а цѣлаго корпуса, была вызвана обнаруженіемъ новыхъ волненій въ станицахъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки выразили явное нежеланіе переселяться на Кубань, опираясь на Высочайшія грамоты и законъ. Декабря 22 казаки Пятиизбянской, Верхней и Нижней Чирской, Кобылянской и Есауловской станицъ послали по этому вопросу войсковому атаману очень характерное прошеніе.

Хотя, говорится въ прошеніи, Войсковое Правительство особыми грамотами и запретило просить объ отмѣнѣ пересе-

ленія на Кубань и хотя самое переселеніе чинится по повелѣнію Государыни, но казаки пяти станицъ находятъ переселеніе на Кубань невозможнымъ. Царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Дономъ казаковъ за службу, и казаки готовы «до скончанія жизни» служить Государынѣ, оставаясь на Дону. Въ этихъ видахъ они просятъ войскового атамана, ходатайствовать предъ Государыней объ отмѣнѣ переселенія донскихъ казаковъ на Кубань. Къ прошенію всѣ пять станицъ приложили печати.

Иловайскій, потерпѣвшій уже разъ отказъ на такое ходатайство въ Петербургѣ, 22 декабря послалъ въ отвѣтъ на прошеніе увѣщевательные приказы, въ которыхъ онъ укорялъ казаковъ въ предосудительномъ образѣ дѣйствій. Казаки не остались въ долгу и послали войсковому атаману коллективный отъ пяти станицъ рапортъ. Относительно «вашего сожалѣнія и любви къ намъ, отвѣчаютъ казаки, мы не находимся ни въ какомъ заблужденіи. Намъ прискорбно было слышать въ «увѣщевательномъ приказѣ,» что мы считаемся «важнѣе варваровъ, которые всегда тщатся вредить всю имперію,» и приравнены къ бунтовщикамъ—Стенькѣ Разину, Гришкѣ Отрепьеву, Булавину, Емелькѣ Пугачеву, Бѣлогорохову и Фокѣ Сухорукову. Мы же, подчеркиваютъ свою позицію казаки, не бунтовщики и желаемъ только одного— жить на Дону.

Вы говорите въ своихъ увѣщевательныхъ грамотахъ «о прекрасныхъ и выгодныхъ кубанскихъ земляхъ, но не благоволено-ль будетъ вашему высокопревосходительству съ Войсковымъ Гражданскимъ Правительствомъ» просить о Высочайшемъ повелѣніи заселить тѣ «угодныя мѣста» крестьянами, которые господами донскими владѣльцами поселены слободами «по разнымъ рѣчкамъ на заслуженныхъ войсковыхъ земляхъ». Съ своей стороны мы, казаки, обязуемся охранять и защищать отъ непріятеля крестьянъ, какъ не военныхъ, и регулярно посылать для этого отъ войска казачьи полки. И также, какъ на прошеніи, всѣ пять станицъ приложили къ рапорту печати.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ казаки выказали явное намѣреніе стоять въ своихъ требованіяхъ на строго легальной почвѣ. Не отказываясь отъ службы, они просили оставить за ними только то, что принадлежало имъ по закону и исторически сложившемуся укладу. Злою ироніею звучитъ предложеніе Войсковому Правительству, состоявшему изъ помѣщиковъ, захватившихъ войсковыя земли и поселившихъ на нихъ крѣпостныхъ крестьянъ, переселить вмѣсто казаковъ этихъ крестьянъ, которыхъ казаки обязывались охранять. Это именно предложеніе меньше всего могло

послужить на пользу донцамъ. Въ сущности, оно являлось оскорбленіемъ начальства, усмотрѣвшаго въ подачѣ прошенія серьезный проступокъ противъ существующихъ порядковъ. Самъ князь Щербатовъ нашелъ необходимымъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ вольнодумствующихъ пяти станицъ.

Вотъ какъ представлялъ себѣ положеніе дѣлъ на Дону этотъ генералъ. Изъ донесенія посланнаго имъ въ волнующіяся станицы есаула Кутейникова выяснилось, что въ станицахъ не было полнаго единодушія. Хотя всѣ казаки обязались взаимно подпискою не исполнять требованій начальства по выселенію на Кубань, но многіе изъ нихъ такъ поступили страха ради передъ товарищами. Сборищъ въ станицахъ не было. Только одна Есауловская станица, наиболѣе безпокойная, содержала небольшіе караулы и разъѣзды. Волнующіеся казаки были убѣждены, что переселеніе на Кубань производится не по Высочайшему повелѣнію, а по указу Государственной Военной Коллегіи. Въ этомъ ихъ увѣрилъ одинъ писарь Михайловской станицы, высланный за какіе-то проступки изъ Войскового Правительства подъ военнымъ карауломъ въ станицу. Къ тому же назначенные для увѣщанія волновавшихся казаковъ бригадиръ Иловайскій и полковникъ Манковъ не имѣли смѣлости въѣхать въ станицы бунтовщиковъ. И бунтовщики зазнались. Ходили слухи, будто бы есауловскіе и кобылянскіе казаки, соединившись съ единомышленниками другихъ станицъ, намѣрены идти къ Черкасску, чтобы атамановъ, чиновниковъ и старшинъ перерѣзать, а чернь забрать съ собою.

Щербатовъ не придавалъ, однако, значенія этимъ слухамъ. Главное зло заключалось, по его мнѣнію, «въ медленной нерѣшительности» по отношенію къ волновавшимся казакамъ. Когда, поэтому, Щербатовъ былъ приглашенъ войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ 7 января въ Черкасскъ, то онъ, въ свою очередь, потребовалъ созвать полное собраніе высшихъ чиновниковъ. На этомъ собраніи онъ предложилъ, чтобы въ Есауловскую станицу немедленно поѣхалъ генералъ Мартыновъ съ нѣсколькими штабъ и оберъ-офицерами, объявилъ бы на полномъ сборѣ подлинное Высочайшее повелѣніе о нарядѣ казаковъ на переселеніе и употребилъ бы всѣ средства къ возстановленію спокойствія, не прибѣгая къ демонстративнымъ передвиженіямъ регулярныхъ войскъ. Но и самъ Щербатовъ плохо вѣрилъ въ эту мѣру, потому что станицы Есауловская, Кобылянская, Верхняя и Нижняя Чирскія и Пятиизбянская были самыя многолюдныя на Дону, состояли изъ лучшихъ казаковъ, при чемъ казаки эти держались раскола, были упорны, какъ и всѣ раскольники, въ

своихъ требованіяхъ и навѣрное имѣли во главѣ людей вліятельныхъ и рѣшительныхъ. Щербатовъ считалъ поѣздку генерала Мартынова въ волнующіяся станицы послѣднимъ мирнымъ средствомъ успокоенія населенія. Если бы это средство осталось безрезультатнымъ, то Щербатовъ рѣшилъ употребить въ дѣло военныя диверсіи. По его плану, необходимо было окружить тѣснымъ кольцомъ регулярныхъ войскъ всѣ пять станицъ, чтобы произвести на населеніе надлежащее, внушающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что и казаки спокойныхъ станицъ находились въ выжидательномъ положеніи. Такъ какъ два егерскіе баталіона не могли, по мнѣнію Щербатова, внушить населенію надлежащій страхъ, то онъ послалъ генералъ-маіору Беервицу извѣщеніе, чтобы онъ придвинулъ Каргопольскій полкъ изъ Ломова и Ростовскій изъ Саратова къ донскимъ границамъ и расположилъ одинъ въ Новохоперскомъ уѣздѣ, а другой по р. Медвѣдицѣ въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Съ теченіемъ времени выяснилось, что казаки пяти станицъ, стоявшіе сначала на чисто юридической почвѣ, перешли на почву явнаго неповиновенія и враждебныхъ отношеній, какъ къ начальству, такъ и къ противникамъ ихъ взглядовъ и образа дѣйствій. Такъ, въ Есауловской станицѣ казака Ивана Чаусова станичный сборъ приказалъ посадить въ колоду, а капитана Кирьякова взяли подъ караулъ, какъ представителей противной стороны. Когда нижне-чирскіе и кобылянскіе казаки рѣшили отправиться въ походъ вверхъ по Дону и внизъ по станицамъ и когда атаманъ Загудаевъ началъ отговаривать ихъ отъ этого, то два казака бросились на него съ ножами. Въ той же Есауловской станицѣ били плетьми полкового есаула Клима Кондратова, а съ есаула Григорія Морозова взяли денегъ тридцать рублей и два ведра вина. Въ станицѣ Пятиизбянской около семидесяти старшинъ и стариковъ собрались на дому у подполковника Василія Денисова для выясненія вопроса о томъ, кого слѣдовало помѣстить въ переселенческіе списки. Когда эти старики шли на сборъ, то на нихъ напали мятежники и двухъ стариковъ «прибили въ полусмерть», а подполковникъ и премьеръ майоръ Денисовъ, станичный атаманъ, писарь и есаулъ, неизвѣстно куда, скрылись. Тогда же мятежники били плетьми двухъ стариковъ Верхнечирской станицы, полковыхъ старшинъ посадили подъ караулъ, при чемъ атаманомъ, писаремъ и есауломъ избрали другихъ.

Генералъ Мартыновъ, посланный для увѣщанія пяти волновавшихся станицъ, доѣхалъ только до Нижней Курмоярской станицы. Здѣсь ему сообщили, что въ Есауловкую станицу собрались казаки всѣхъ пяти станицъ, гдѣ и рѣшили

убить Мартынова и его спутниковъ. Станичный атаманъ и степенные люди, сообщившіе это Мартынову, убѣдительно просили его не выѣзжать изъ Нижне-Курмоярской станицы. Оставшись здѣсь, Мартыновъ рѣшилъ отправить въ мятежныя станицы пятьдесятъ пять степенныхъ людей, собранныхъ въ нижнихъ станицахъ. Посланные должны были остаться какъ бы заложниками, пока представители мятежниковъ будутъ знакомиться въ Нижне-Курмоярской станицѣ съ подлинными Высочайшими рескриптами о переселеніи казаковъ. Но мятежники не согласились на это.

Когда посланные Мартыновымъ старики и степенные люди прибыли въ Потемкинскую станицу, то мятежники туда же послали съ письмомъ своего казака, который бросивши письмо на улицѣ, самъ ускакалъ. Посланіе начиналось словами: «письмо почтенному господину, имя и прозванія не знаемъ, слѣдующему съ командою въ нашу станицу». Въ письмѣ этомъ казаки просили не ѣздить къ нимъ, чтобы избѣжать столкновенія. Ни квартиръ, ни подводъ вамъ съ командою не будетъ, заявляли казаки, а внизу значилась подпись: «Есауловской станицы станичный атаманъ, старики и всей станицы казаки». Когда же одинъ изъ стариковъ майоръ Орѣховъ отъ лица всѣхъ написалъ, что они ѣдутъ съ единственною цѣлью дать возможность осмотрѣть подлинные именные Высочайшіе рескрипты о переселеніи казаковъ, то получилъ отвѣтъ, что они не желаютъ ни принимать у себя посланныхъ къ нимъ стариковъ, ни посылать своихъ для осмотра рескриптовъ. Тѣмъ не менѣе, Мартыновъ настоялъ, чтобы избранные старики непремѣнно отправились въ Есауловскую станицу.

Старики поѣхали, но лишь только они подъѣхали къ Есауловской станицѣ, какъ къ нимъ на встрѣчу послано было пять человѣкъ казаковъ, которые, по порученію сбора всѣхъ пяти станицъ, совѣтовали имъ не только не въѣзжать въ Есауловскую станицу, но убраться и изъ станицы Потемкинской, откуда они пріѣхали, если хотятъ остаться живыми. По ихъ словамъ, сборъ постановилъ: «ни письменнаго, ни словеснаго—ничего не принимать»; на переселеніе казаки не пойдутъ, свои земли будутъ защищать кровью и развѣ однихъ малыхъ дѣтей сошлютъ на Кубань послѣ ихъ смерти.

Въ виду всего этого Мартыновъ рѣшилъ, что осталось одно средство—употребить въ дѣло оружіе. По мнѣнію этого генерала, такая мѣра была тѣмъ необходимѣе, что нельзя было положиться и на казаковъ, внесенныхъ въ переселенческіе списки по другимъ станицамъ, такъ какъ они легко могли пристать къ мятежникамъ. Самому Мартынову въ ра-

портѣ отъ 17 января 1794 года казаки пяти станицъ категорически заявили, что на переселеніе они не пойдутъ.

Особенно же пострадали два казака, посланные Мартыновымъ съ приказами въ Верхне-Чирскую и Пятиизбянскую станицы.

17 января казаки Нижней Курмоярской станицы Фролъ Исаевъ и Кудинъ Варфоломеевъ дали слѣдующія показанія. Когда они подъѣхали къ Нижне-Чирской станицѣ, то ихъ встрѣтила застава отъ Кобылянской станицы изъ четырехъ казаковъ, которые арестовали ихъ, отобрали дѣла и связанныхъ повели въ Кобылянскую станицу. Здѣсь станичный атаманъ приказалъ посадить ихъ въ колоду, и когда ихъ сажали въ колоду, то казаки били ихъ кулаками. На другой день былъ станичный сборъ, который, по докладу атамана, приказалъ предварительно высѣчь ихъ плетьми, а потомъ отправить въ Есауловскую станицу. Тутъ ихъ «сѣкли въ четыре плети, а нѣкоторые пиночьями и коблучьями, а атаманъ насѣкою, сколько кому угодно было, и прибили до полусмерти; а по окончаніи боя, потащили насъ за волосы и посадили паки въ колоду, и тутъ мучили тирански, наступая намъ на ноги, а другіе валятъ на сторону колоду и ломаютъ намъ ноги». Въ Есауловской станицѣ посланцы снова были посажены въ колоду съ жестокимъ боемъ. Затѣмъ вывели ихъ на сборъ и произвели допросъ, послѣ чего сборъ еще разъ постановилъ высѣчь ихъ плетьми и отправить обратно домой. «И тутъ насъ, разсказывали несчастные, такъ жестоко сѣкли, что клали по три раза на голомъ льду». При этомъ Исаевъ и Варфоломеевъ слышали, что бунтовщики намѣрены были убить посланныхъ къ нимъ стариковъ и войскового атамана Иловайскаго, замѣнивши его другимъ лицомъ.

Все это привело казачью администрацію и князя Щербатова къ мысли о необходимости скораго передвиженія усиленнаго количества регулярныхъ войскъ на Донъ. На казаковъ нигдѣ нельзя было положиться. Въ рапортѣ отъ 23 января 1794 г., князь Щербатовъ сообщалъ Гудовичу, что двухъ егерскихъ баталіоновъ, которые онъ для виду передвигалъ частями съ мѣста на мѣсто, и ожидаемыхъ двухъ карабинерныхъ полковъ было мало даже для того, чтобы окружить пять наиболѣе упорствующихъ станицъ. Почему онъ расчитываетъ двинуться съ этими силами на одну Есауловскую станицу. 28 января войсковой атаманъ Иловайскій писалъ Щербатову, что на его сообщеніе Гудовичу о недостаточномъ количествѣ регулярныхъ войскъ, назначенныхъ на Донщину, главнокомандующій ему отвѣтилъ, что князь Щербатовъ можетъ просить князя Прозоровскаго передви-

нуть на Донъ еще два полка, Шлиссельбургскій пѣхотный и Павлоградскій конный. Иловайскій просилъ ускорить передвиженіе этихъ войскъ и не отдалять отъ Черкасска егерскихъ баталіоновъ, такъ какъ, по слухамъ, мятежники ожидаютъ момента, когда регулярныя войска будутъ удалены изъ Черкасска, чтобы напасть на городъ, увеличить здѣсь число своихъ единомышленниковъ, произвести грабежи и убійство чиновниковъ, забрать регаліи и выбрать другого войскового атамана.

На другой день, 29 января, сообщая тѣ же соображенія графу Гудовичу, Иловайскій добавилъ, что бунтовщики послали двухъ стариковъ для возмущенія другихъ станицъ и что старики эти открылись казаку Сиволобову во всемъ. Такъ, они говорили, что пять бунтующихъ станицъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи до трехъ тысячъ казаковъ и что къ пяти станицамъ пристанетъ еще 38 станицъ, и если регулярныхъ войскъ больше не будетъ, то казаки легко справятся съ егерскими баталіонами. Необходимость военныхъ мѣръ противъ донскихъ казаковъ была санкціонирована и Высочайшею властью. Въ именномъ указѣ Екатерины II, перечислявшемъ безпорядки, творившіеся на Дону, установлена была необходимость передвиженія войскъ на Донщину подъ командою князя Щербатова и въ случаѣ нужды, неотложность быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, но въ заключеніе высказывалась надежда, что войсковой атаманъ Иловайскій, Войсковое Правительство и князь Щербатовъ возстановятъ спокойствіе на Дону внушеніемъ непослушнымъ одного страха.

Не смотря на этотъ спокойный тонъ указа, высшія сферы Петербурга были встревожены положеніемъ дѣлъ въ Донскомъ войскѣ. Февраля 4 1794 г. предсѣдатель Государственной Военной Коллегіи графъ Салтыковъ писалъ Гудовичу, что, такъ какъ волненія на Дону не прекращаются, то въ случаѣ нужды Гудовичу необходимо будетъ спѣшно передвинуть съ Кавказской Линіи еще одинъ пѣхотный полкъ, или сколько понадобится, подъ команду князя Щербатова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Салтыкова, нужно было слѣдить за полками, находившимися въ Кавказскомъ корпусѣ, которые, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, сносятся съ бунтовщиками.

Того же, 4 января, графъ Салтыковъ, въ секретномъ ордерѣ князю Щербатову, извѣщалъ его о распоряженіяхъ, посланныхъ въ передвигаемыя къ Дону части войскъ, и совѣтовалъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Весьма важно было, по его мнѣнію, занять войсками станицы только тогда, когда въ распоряженіи Щербатова будетъ достаточно

силъ для подавленія бунта. Мѣсяцъ спустя, Салтыковъ писалъ Гудовичу о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе этого плана. А особенно важно охранить Царицынъ, какъ ближайшее сосѣднее мѣсто съ казачьими станицами. Сюда необходимо послать конный полкъ и одинъ или два баталіона пѣхоты съ знающимъ и расторопнымъ начальникомъ, съ наказомъ, чтобы онъ секретно слѣдилъ за происшествіями въ Донской Области и не допускалъ бы мятежниковъ проникать въ Царицынъ и окрестныя мѣста.

17 февраля князь Щербатовъ извѣстилъ Гудовича, что посланный имъ отрядъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и одного эскадрона конницы, 12 февраля прибылъ въ Черкасскъ подъ командою полковника Кривцова. Изъ этого отряда казанскій баталіонъ оставленъ генераломъ Иловайскимъ въ Черкасскѣ, для соблюденія порядка, а остальныя части отправлены для соединенія съ егерскими баталіонами. Два драгунскихъ эскадрона, посланные также Гудовичемъ, еще не пришли. Павлоградскій легкоконный полкъ долженъ былъ прибыть 18 февраля въ станицу Казанскую, а Шлиссельбургскій пѣхотный и карабинерные полки 16 февраля заняли опредѣленное мѣсто вблизи волнующихся пяти станицъ. Туда же двинулъ Щербатовъ и другія части войскъ, находившіяся въ его распоряженіи. 23 февраля должны были соединиться у станицы Есауловской оба фланга передвигающихся войскъ при четырехъ орудіяхъ полевой артиллеріи. Отъ Салтыкова Щербатовъ получилъ извѣщеніе о направленіи на Донъ Брянскаго пѣхотнаго полка изъ Калуги. Отданный въ распоряженіе Иловайскаго Павлоградскій легкоконный полкъ былъ посланъ временно въ Глазуновскую станицу, въ которой былъ избитъ станичный атаманъ и произведены безпорядки. Хотя отвлеченіемъ этого полка и были нѣсколько ослаблены силы князя Щербатова, но онъ надѣялся вскорѣ измѣнить къ лучшему положеніе дѣлъ.

Вмѣстѣ съ этимъ общимъ планомъ оцѣпленія регулярными войсками волнующихся станицъ, Щербатовъ въ особомъ приложеніи къ своему рапорту, сообщилъ Гудовичу рядъ слѣдующихъ свѣдѣній о происшествіяхъ.

31 января, по сообщенію старшины Пимонова и сотника Небыкова, сборище въ Есауловской станицѣ, по сто человѣкъ отъ каждой изъ пяти станицъ, было распущено и только одна Есауловская станица оставила свою сотню для карауловъ и разъѣздовъ. Казакъ Басакинъ собралъ партію, которую намѣревался пополнить единомышленниками изъ другихъ станицъ и произвести нападеніе на Черкасскъ.

2 февраля, узнавши о движеніи регулярныхъ войскъ, мятежники собрали всѣхъ своихъ казаковъ, дѣлали разъѣзды

и намѣревались встрѣтить войско на рубежѣ, чтобы не пустить въ станицу.

Подъ 6 февраля въ полночь, въ Есауловскую станицу съѣхались атаманы со стариками и рѣшили идти по станицамъ, отъ Потемкинской до Черкасска, при чемъ всѣхъ чиновниковъ и несогласныхъ съ народомъ казаковъ убивать, а остальныхъ забирать съ собою. Тогда же прибыли двѣсти изъ Чирской и сто вооруженныхъ казаковъ изъ Кобылянской станицъ. Есаулъ Григорьевъ сообщилъ, что нельзя положиться на казаковъ станицы Нагавской. Когда до бунтующихъ станицъ дошли слухи о приближеніи двухъ баталіоновъ егерей и пятнадцати тысячъ конницы, то мятежники, хотя и встревожились, но сдѣлали сборъ и приказали справлять дротики и кинжалы. Казаки полагали встрѣтить регулярныя войска на своемъ рубежѣ, если войскъ мало или у Нагавской и Верхней Курмоярской станицы, въ случаѣ значительнаго количества войскъ. Для развѣдокъ были посланы изъ Есауловской станицы два казака. Если бы обнаружено было движеніе войскъ на станицы, то рѣшено было идти противъ нихъ, въ противномъ случаѣ направиться къ Черкасску. Изъ полковъ Верхне-Чирской и Пятиизбянской станицъ, находившихся въ Таврической области, прибѣжали казаки, съ которыми бунтовщики отправили въ полки письма съ станичными печатями черезъ Тамань, чтобы весною казаки вышли изъ Тавріи и соединились съ бунтовщиками.

Февраля 7 казаки Есауловской станицы приказали священнику служить молебенъ объ успѣшномъ отраженіи правительственныхъ войскъ, и когда священникъ не согласился служить, то отыскали старообрядческаго попа, а священнику ослушнику пригрозили, что, въ случаѣ столкновенія съ войсками, заставятъ его идти впереди войска съ крестомъ; чиновниковъ же размѣстить въ серединѣ полковъ и убѣгающихъ колоть. Бывшія въ станицѣ пушки были вытащены и поставлены на сани, ядра приготовлены изъ желѣза; «а дабы успѣхъ былъ въ ихъ намѣреніяхъ, велѣно раздать изъ станичныхъ денегъ убогимъ старухамъ двадцать рублей». Есаулъ Рубцовъ привезъ въ Есауловскую станицу и читалъ на сборѣ письмо, писанное яко бы отъ Царицынскаго коменданта, что переселеніе казаковъ на Кубань чинится не по Высочайшему повелѣнію и что Императрица не знаетъ этого.

8 февраля въ Верхнечирской станицѣ взято было сто два человѣка, изъ которыхъ шестнадцать чиновниковъ и 24 казака были раздѣты до нага, связаны и посажены въ ледникъ.

11 февраля, боясь подобной участи, бѣжали изъ Есауловской станицы 30 человѣкъ «благонамѣренныхъ казаковъ».

Казаки отложили походъ въ нижнія станицы и Черкасскъ до весны, чтобы зимою не обременять станичниковъ фуражемъ.

Общую же и весьма интересную характеристику положенія дѣлъ въ бунтующихъ станицахъ далъ 15 февраля сотникъ Есауловской станицы Чаусовъ. По его показанію, когда премьеръ-майоръ Иванъ Севастьяновъ передалъ грамоту о нарядѣ на переселеніе казаковъ есауловскому станичному атаману поручику Козьмѣ Севастьянову; то онъ, Севастьяновъ, принять ее согласился безъ созыва сбора. Но когда былъ собранъ сборъ, то казакъ Антонъ Клягинъ съ единомышленниками возмутили станицу и приказали отнести и отдать обратно премьеръ-майору Севастьянову грамоту, иначе грозили избіеніемъ. Станичный атаманъ и старики вынуждены были исполнить это требованіе. Недѣлю спустя, опасаясь, что въ станицѣ найдутся казаки, которыхъ впишутъ въ переселенческіе списки помимо сбора, сходъ принудилъ станичнаго атамана Севастьянова сложить съ себя должность, отобралъ у него насѣку, печать и сундукъ съ дѣлами и выбралъ станичнымъ атаманомъ отставного казака Загудаева.

Въ сентябрѣ 1793 года изъ Потемкинской въ Есауловскую станицу пріѣхали на собственныхъ лошадяхъ «два человѣка въ платьѣ нѣмецкомъ и въ бѣлыхъ суконныхъ плащахъ и волосы зачесаны назадъ, по тому же обыкновенію съ бритыми бородами, съ запущенными усами, говорятъ по российски не чисто». Пробыли здѣсь эти таинственные посѣтители дней шесть, стояли на квартирѣ у казака Кулговаго и Чаусовъ видѣлъ ихъ, когда они купили четыре листа писчей бумаги въ лавкѣ. Казаки называли ихъ французами и лекарями. Атаманъ Загудаевъ говорилъ Чаусову, что онъ намѣренъ пойти къ французамъ, чтобы пустить кровь изъ отяжелѣвшей руки; но ходили-ли къ иностранцамъ атаманъ и старики—Чаусову неизвѣстно. Французы уѣхали потомъ въ Кобылянскую станицу и куда дѣлись, Чаусовъ не знаетъ.

Какъ только уѣхали французы, казаки стали волноваться еще больше; начались пріѣзды въ Есауловскую станицу единомышленниковъ изъ Кобылянской и Нижне-Чирской станицъ; броженіе все усиливалось. Очевидно, въ таинственныхъ посѣтителяхъ, если не самъ сотникъ Чаусовъ, то тѣ лица, которыя снимали съ него допросъ, видѣли французскихъ эмисаровъ, сѣявшихъ сѣмена великой французской революціи по казачьимъ станицамъ. Съ выѣздомъ французовъ участилъ свои пріѣзды изъ Кобылянской въ Есауловскую станицу чиновникъ Самохинъ, волновавшій казаковъ, а изъ Нижне-Чирской станицы наѣзжалъ сотникъ Рубцовъ, пользовав-

шійся особымъ уваженіемъ у казаковъ. Рубцовъ продавалъ хлѣбъ 8 февраля 1794 года въ Царицынѣ и оттуда привезъ хорунжему Чуденцову отъ знакомаго его, сержанта Петра Лебедева, письмо. Сержантъ извѣщалъ, что указа о выселеніи казаковъ на Кубань нѣтъ, и совѣтовалъ упорно сопротивляться. Копіи съ этого письма были отправлены изъ Нижне-Чирской въ Кобылянскую и Есауловскую станицы.

Узнавши о движеніи регулярныхъ войскъ на Саратовъ, казаки волнующихся станицъ рѣшили соединиться, вооружась поголовно, и предварительно спросить у регулярныхъ командировъ, куда войска слѣдуютъ. Если выяснится, что они направляются дѣйствительно въ Саратовъ, то отпустить имъ потребное количество фуража и провіанта; если же окажется, что войска посланы противъ казаковъ, то вступить съ ними въ борьбу. Въ случаѣ если казаки будутъ побѣждены, заранѣе рѣшено отступить къ Высокому Яру, находившемуся въ семи верстахъ ниже Есауловской станицы и представлявшему превосходное естественное укрѣпленіе. Пушекъ у казаковъ было шесть, но изъ нихъ на лафетахъ только двѣ полковыя; пороху было очень мало. Февраля 8 на сборѣ Есауловской станицы читано было привезенное изъ станицы Скурышенской письмо, чтобы казаки пяти волнующихся станицъ, въ случаѣ выступленія противъ регулярныхъ войскъ, дали знать въ Скурышенскую станицу, которая, а также смежныя съ нею медвѣдицкія станицы Глазуновская и Кепенская, готовы идти имъ на помощь. Пять бунтующихъ станицъ находились подъ общею командою есауловскаго атамана казака Загудаева.

Между тѣмъ, осуществленіе плана князя Щербатова о подавленіи мятежа въ пяти объединенныхъ станицахъ близилось къ концу. Сверху шли полки Шлиссельбургскій, Ростовскій и Каргопольскій подъ командою полковниковъ Буткевича и Ребиндера, снизу отъ Черкасска двигался самъ князь Щербатовъ съ своими егерскими баталіонами, баталіономъ Воронежскимъ, съ эскадрономъ драгунъ, съ генералъ-маіоромъ Мартыновымъ, семьюдесятью штабъ и оберъ-офицеровъ и съ тысячью казаковъ. Въ своемъ рапортѣ отъ 17 марта 1794 года графу Гудовичу Щербатовъ такъ характеризировалъ противниковъ: по ежедневно поступавшимъ свѣдѣніямъ, казаки предавались пьянству по случаю масляницы, и въ пьяномъ видѣ по нѣсколько разъ дѣлились на части, избирали начальниковъ, приготовляли оружіе и строили планы о встрѣчѣ съ войсками. Очень можетъ быть, что краски были сгущены подъ вліяніемъ сообщеній перебѣжчиковъ, и князь былъ менѣе освѣдомленъ въ томъ, что въ дѣйствительности творилось въ волнующихся станицахъ; но

несомнѣнно, что широкая масляница и соединенный съ нею разгулъ ослабляли казачью дисциплину. Казаки, по увѣренію Щербатова, не знали, что къ нимъ придвигаются войска. А регулярныя войска, между тѣмъ, всячески спѣшили, несмотря на дурную погоду. Января 20 войска находились въ 112 верстахъ отъ Есауловской станицы. Черезъ день о движеніи регулярныхъ войскъ узнали казаки этой станицы. Есауловцы забили тревогу и дали знать въ другія станицы о приближеніи войскъ, передовые отряды которыхъ находились въ 68 верстахъ отъ Есауловской станицы.

Въ то время стали появляться въ войскахъ перебѣжчики. Не проходило часа безъ того, чтобы не явился кто либо въ регулярные отряды и не приносилъ вѣстей о положеніи дѣлъ у волнующихся казаковъ. Казаки растерялись и находились въ нерѣшительности. На ряду съ людьми, готовыми взяться за оружіе, было много колеблющихся. Въ виду надвигавшихся грозныхъ силъ, казаки, чтобы пріободрить другъ друга, прибѣгали къ вину.

Когда 23 февраля князь Щербатовъ былъ у Потемкинской станицы, ему донесли, что въ Есауловской станицѣ, 600 человѣкъ съ оружіемъ ждали товарищей изъ Кобылянской и Нижне-Чирской станицъ и намѣрены были встрѣтить войска на рубежѣ. Въ 3 часа дня войска вошли въ Потемкинскую станицу. Вблизи ея виднѣлась партія около ста вооруженныхъ казаковъ. Двое изъ нихъ подъѣхали къ станицѣ и стали звать потемкинскихъ казаковъ соединиться съ ними, но, увидя солдатъ, поскакали обратно и ушли отъ посланной за ними погони. Въ 6 часовъ утра, 24 февраля, отрядивши генерала Мартынова съ казаками и Воронежскимъ батальономъ съ правой стороны Есауловской станицы, чтобы не пропустить бѣглецовъ за Донъ, и заградивши однимъ батальономъ пѣхоты и эскадрономъ драгунъ путь на хутора съ лѣвой стороны, князь Щербатовъ съ остальными частями войскъ двинулся въ станицу Есауловскую. При самомъ вступленіи въ станицу прискакали четыре человѣка и, прося себѣ прощенія, объявили, что товарищи ихъ ожидаютъ на границѣ. Щербатовъ послалъ чиновника Есауловской станицы къ бунтовщикамъ съ приказомъ немедленно сложить оружіе безъ сопротивленія.

При вступленіи регулярныхъ войскъ въ станицу, бунтовщики, по словамъ Щербатова, встрѣтили его на колѣняхъ съ выраженіемъ раскаянія и съ просьбами о помилованіи ихъ Царицей.

Дѣло, однако, этимъ не закончилось. Наиболѣе волновавшаяся Есауловская станица оказала наименьшее сопротивленіе. Кобылянская и Нижне-Чирская станицы продолжали

упорствовать, не смотря на присутствіе войскъ и артиллеріи. Казаки Пятиизбянской и Верхне-Чирской станицъ встрѣтили съ хлѣбомъ и солью полковниковъ Буткевича и Ребиндера. Но когда въ станицы вошли войска, то около тысячи вооруженныхъ казаковъ столпились передъ войсками въ кучу и, не употребляя въ дѣло оружія, препятствовали нѣсколько часовъ вступить войскамъ въ станицы. Когда же они узнали о прибытіи снизу отъ Черкасска войскъ и о занятіи ими Есауловской и другихъ станицъ, то возвратились въ свои дома, побросали оружіе и старались скрыться.

Такимъ образомъ, по сообщенію Щербатова, всѣ пять бунтующихъ станицъ были заняты безъ кровопролитія. Виновные взяты подъ стражу и никто изъ бунтовщиковъ не скрылся. По всему краю было возстановлено спокойствіе и войска расположены на зимнія квартиры.

Такъ разрѣшился бунтъ пяти станицъ, но, въ дѣйствительности, онъ охватилъ не пять станицъ, а большую половину Донского войска.

По даннымъ Воинской экспедиціи объ отношеніяхъ разныхъ станицъ къ выселенію, оказывается, что указы— первый извѣстительный и второй подтвердительный, приняли безпрекословно и списки о выселяемыхъ казакахъ составили только 17 станицъ: Залотовская, Губская, Траилинская, Нижне-Михайловская, Качалинская, Иловлинская, Казанская, Нижне-Кондрюченская, Усть-Быстрянская, Екатерининская, Усть-Бѣлокалитвенская, Гундоровская, Митякинская, Луганская, Букановская, Остроуховская, и Островская. Затѣмъ приняли указы и списки переселенцевъ составили послѣ колебаній 19 станицъ: Маноцкая, Багаевская, Голубинская, Старо-Григорьевская, Ново-Григорьевская, Кремянская, Перекопская, Клецкая, Распопинская, Усть-Медвѣдовская, Усть-Хоперская, Еланская, Вышенская, Мигулинская, Верхне-Кондрюченская, Калитвенская, Каменская, Глазуновская и Скурышенская. Далѣе, указы приняли и списки обѣщали дать, если это сдѣлаютъ другія станицы, 7 станицъ: Потемкинская, Ведерниковская, Кагальницкая, Верхне-Михайловская, Камышенская, Кумшацкая и Нижне-Курмоярская. Двѣ станицы—Романовская и Цымлянская, не приняли указовъ и списковъ о переселенцахъ не дали, но ходатайствовали объ избавленіи ихъ отъ переселенія. Указы приняли, но списковъ о переселенцахъ не дали 7 станицъ: Кумылженская, Слащовская, Зотовская, Бузулуцкая, Ярыженская, Черновская и Березовская. Наконецъ, ни указовъ не приняли, ни списковъ о переселенцахъ не дали и открыто бунтовали 49 станицъ: Бесергеневская, Мелеховская, Раздорская, Семи-Каракорская, Кочетовская, Ниже-Каргальская,

Быстрянская, Верхне-Каргальская, Терновская, Филипповская, Гугнинская, Нагавская, Верхне-Курмоярская, Трехъ-Островянская, Сиротинская, Федосѣевская, Арженовская, Акишевская, Тишанская, Бурацкая, Правоторовская, Луковская, Тепикинская, Безплеменовская, Левикинская, Урюпинская, Катовская, Добринская, Михайловская, Кепенская, Арчадинская, Етеревская, Раздольская, Арсовская, Заполянская, Малодѣлская, Березовская, Алексѣевская, Яменская, Лукьяновская, Карповская, Мартыновская, Дурновская, Филоновская, Есауловская, Кобылянская, Нижне-Чирская, Верхне-Чирская и Пятиизбянская.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ станицъ явно противилась выселенію казаковъ на Кубань, часть обусловливала свое нежеланіе дать переселенцевъ разными оговорками, часть станицъ, хотя и подчинилась требованіямъ начальства, но съ колебаніями, и только 17 станицъ изъ 103 или $16^1/_2$% безпрекословно послали переселенцевъ на Кубань.

5 марта 1794 года Войсковое Гражданское Правительство войска Донского донесло графу Гудовичу, что повсюду въ войскѣ наступила тишина и спокойствіе и что, поэтому, Войсковое Правительство приступило къ подготовленію переселенія казаковъ на Кавказскую Линію.

Донская область была успокоена, но волненія казаковъ не ограничились донскими станицами, а отразились на казачьихъ полкахъ, расположенныхъ далеко за предѣлами Дона. Въ то время, когда казаки, назначенные уже къ переселенію, готовились къ передвиженію на Кубань, въ далекой Тавріи обнаружилось движеніе, замершее на Дону.

12 мая полковникъ Кумшацкій черезъ нарочнаго донесъ войсковому атаману Иловайскому, что поручикъ Сабовъ, преслѣдовавшій бѣжавшихъ изъ полка Денисова казаковъ, настигъ ихъ 11 мая при слободѣ Хвощовкѣ, Екатеринославскаго намѣстничества. Съ помощію мѣстныхъ жителей и своего отряда онъ, выстрѣлами картечью изъ пушки и пулями изъ пистолетовъ, разбилъ казаковъ и захватилъ 90 человѣкъ съ двумя знаменами. Сколько казаковъ при этомъ было убито, не извѣстно, но часть ихъ бѣжала и изъ нихъ три было изловлено. О поимкѣ остальныхъ, болѣе 15 человѣкъ, сообщено было Чугуевскимъ полкомъ, занявшимъ позицію около донецкихъ станицъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ 14 мая Иловайскій доносилъ Гудовичу, что секундъ маоръ Фоминъ настигъ бѣглецовъ на ночлегѣ вблизи станицы Луганской, захватилъ изъ 25 человѣкъ 15 и отобралъ у нихъ трое знаменъ. 12 мая къ нему явились сами два бѣглеца, затѣмъ доставлены еще три казака, бѣжавшихъ

послѣ стычки у слободы Хвощовки и при этой слободѣ, какъ установлено было впослѣдствіи, убито три казака. Отъ генерала Розенберга получено было въ то же время сообщеніе, что подъ 5 мая бѣжало изъ полка Грекова 28 казаковъ, разставленныхъ по почтовымъ пунктамъ. По послѣдующимъ свѣдѣніямъ, число бѣжавшихъ доходило до 45 человѣкъ. О поимкѣ этихъ бѣжавшихъ было сообщено полковникамъ Кумшацкому и Кошкину, донскимъ сыскнымъ начальникамъ, а также генералу Платову и князю Щербатову.

25 мая Щербатовъ сообщилъ изъ станицы Нижнечирской Гудовичу, что для задержанія 55 бѣглецовъ изъ полковъ Денисова и Грекова, расположенныхъ въ Тавріи, учрежденъ между Дономъ и Донцомъ кордонъ. Около этого времени поймано было уже 12 человѣкъ, немного осталось еще отыскать, какъ сообщалъ Щербатовъ. Между тѣмъ, изъ рапорта отъ 27 мая Иловайскаго Гудовичу видно, что, кромѣ бѣжавшихъ вначалѣ изъ Тавріи 160 казаковъ, генералъ Розенбергъ увѣдомилъ Иловайскаго о побѣгѣ еще болѣе 60 человѣкъ. И дѣйствительно, 22 мая эта вторая партія была настигнута въ предѣлахъ уже Донского войска командою старшины Гнилозубова, посланною Суворовымъ изъ полка Екатеринославскаго войска Петра Платова. Бѣглецы, въ количествѣ 65 человѣкъ, сдались командѣ безъ сопротивленія. Не розыскано было только 19 казаковъ, списокъ которыхъ войсковой атаманъ послалъ главнокомандующему Гудовичу, предполагая, что бѣглецы могутъ проникнуть въ казачьи полки, расположенные по Кавказской Линіи. Въ числѣ этихъ не розысканныхъ бѣглецовъ скрывались и главные зачинщики побѣга—казаки станицы Цымлянской Елисей Саранчинъ и Федоръ Ворковъ.

Съ поимкою бѣглецовъ изъ Тавріи были закончены и мѣры по успокоенію казачьяго населенія въ Донской области. Волненія, вышедшія наружу изъ казачьей жизни, повидимому, снова скрылись въ глубинѣ тайниковъ казачьяго быта.

Таковы были тѣ волненія, которыми сопровождалось переселеніе донскихъ казаковъ на Кубань.

По времени волненій и по ихъ характеру, ихъ можно разбить на три періода—на періодъ побѣга казаковъ съ Кубани подъ предводительствомъ Бѣлогорохова, на волненія, охватившія, главнымъ образомъ, пять крупныхъ раскольничьихъ станицъ и на побѣги изъ Тавріи. Послѣдній періодъ, впрочемъ, малозначителенъ и недостаточно характеренъ, но за то въ первыхъ двухъ періодахъ казачій духъ волненій вылился въ довольно яркой и опредѣленной формѣ.

На первыхъ по времени волненіяхъ ярче, чѣмъ на послѣднихъ, отразились казачьи архаическіе порядки и стремленія массы къ возстановленію ихъ. Казаки въ уходѣ съ Кубани видѣли не нарушеніе военной дисциплины и тѣмъ болѣе не дезертирство, а свое естественное право, вытекавшее изъ казачьихъ обычаевъ. Какъ и въ прежнія времена, казаки выбрали себѣ начальниковъ и предводителей, унесли съ собою полковыя знамена и бунчуки, рѣшали дѣла только въ войсковомъ кругу и требовали отъ войскового атамана офиціальныхъ распоряженій, которыми ихъ уходъ съ Кубани признанъ былъ бы роспускомъ по домамъ. Крупная и энергичная фигура Бѣлогорохова дышетъ проникновеннымъ убѣжденіемъ важности принятой на себя роли казачьяго предводителя. Такъ держалъ онъ себя, когда сдавалъ знамена войсковому атаману, когда отстаивалъ казачьи интересы, когда, наконецъ, встрѣтился лицомъ къ лицу съ грозными представителями военнаго суда. Никакому суду я не подчиняюсь, кромѣ суда Государыни Императрицы, заявляетъ Бѣлогороховъ, и отказывается давать какія либо показанія.

Такъ, какъ Бѣлогороховъ, смотрѣли на свой протестъ и всѣ казаки. Не желали идти снова на Кубанскую Линію, потому что считали себя распущенными по домамъ войсковымъ атаманомъ послѣ выполненія очередной службы. Точно также въ волненіяхъ пяти станицъ красною нитью проходили убѣжденія въ правотѣ казачьихъ требованій. Мы не идемъ противъ высшей государственной власти, заявляли станичники, и готовы на военной службѣ головы сложить за Государство и Царицу, но не отрывайте насъ отъ родной земли, которая заслужена кровью нашею и нашихъ предковъ и указана намъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Мы будемъ до послѣдней крайности отстаивать свои законныя права.

Наконецъ, казаки, ушедшіе домой изъ Тавріи, просто «потянули» за войскомъ, шли, чтобы объединенные общими казачьими интересами отстоять ихъ сообща, цѣлымъ войскомъ.

Вотъ та основная подкладка, на которой разыгрались казачьи волненія на Дону въ 1792—1794 годахъ.

Разладъ и несоотвѣтствіе между исконными казачьими порядками и охватившей уже казачество общею военно-государственною системой сказался сразу. Требованія казаковъ и, въ особенности, ихъ активные поступки были уже нарушеніемъ основного начала этой системы. Правительство, однако, колебалось. Изъ Петербурга посылались бумаги, въ которыхъ власти чуть не просили повліять на казаковъ, чтобы они, хоть на время и для виду, вернулись на Кубан-

скую Линію, за что имъ сулилось полное прощеніе. Сила народной идеи и требованій казалась еще мощной и живучей, не смотря на разрушеніе Запорожской Сичи и подавленіе пугачевщины.

Преимущества бытового казачьяго уклада на Дону также выразились рельефно. Запорожскую Сичь, концентрировавшую свои силы въ одномъ мѣстѣ, было легко взять и окружить многочисленными войсками; но справиться съ пятью казачьими станицами представлялось князю Щербатову на мѣстѣ и графу Салтыкову въ Петербургѣ уже дѣломъ въ высшей степени сложнымъ и труднымъ.

Но было одно, чрезвычайно важное обстоятельство, помогшее довольно легко справиться съ волновавшимися казаками. Это—разслоеніе казачества на двѣ группы: на казачью старшину и на рядовое казачество. Только въ первый моментъ казачья старшина, въ лицѣ войскового атамана и двухъ генераловъ, попавшихъ въ оффиціальные документы, склонна была дѣйствовать за одно съ рядовою массою. И въ началѣ движенія и впослѣдствіи, къ этой массѣ примкнуло очень немного чиновныхъ казаковъ, да и то только хорунжіе, сотники и есаулы—все мелкая сошка. Но очень скоро сами казаки хорошо поняли, что разъединяло ихъ съ казачьей старшиной. Послѣдняя отдѣлилась уже отъ массы не только своимъ ранговымъ положеніемъ, но и матеріальными преимуществами. Старшина захватила часть земель и поселила на нихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ, какъ объ этомъ уже упоминалось, казаки предлагали переселить, вмѣсто себя, на Кубань.

Итакъ, слѣдовательно, переселеніе донскихъ казаковъ въ нынѣшнюю Кубанскую область совершилось въ ту пору, когда на Дону фактически сложились уже два класса казачества и когда интересы этихъ классовъ уже рѣзко расходились. Обстоятельство очень важное для уясненія тѣхъ формъ, въ которыя должна была вылиться казачья жизнь въ новомъ краѣ—на Кубани.

Не успѣли еще окончательно улечься казачьи волненія, какъ военная администрація дѣятельно принялась за переселеніе донскихъ казаковъ на Кубань. Апрѣля 3-го 1794 года графъ Салтыковъ писалъ главнокомандующему на Кавказѣ Гудовичу, что, съ возстановленіемъ порядка на Дону, слѣдуетъ переселить три тысячи казачьихъ семей на Кавказскую Линію. Въ виду отсутствія строеній и трудности вообще переселенія столь значительной массы людей, Салтыковъ считалъ возможнымъ ограничиться пока переселеніемъ одной тысячи семей исключительно изъ тѣхъ пяти станицъ, которыя стали во главѣ казачьихъ волненій. Чтобы не отягощать

излишними работами людей, графъ совѣтовалъ уменьшить работы по постройкѣ крѣпостей и укрѣпленій. Въ маѣ 1794 года Войсковое Гражданское Правительство войска Донского сообщило графу Гудовичу, что уже 12 апрѣля состоялось назначеніе тысячи семей на переселеніе по станицамъ Кобылянской, Нижне-Чирской, Верхне-Чирской, Пятиизбянской и Есауловской, оказавшимъ наибольшее упорство при волненіяхъ. Къ этимъ же станицамъ присоединена была еще Глазуновская, для усмиренія которой посылался особый отрядъ. Однимъ словомъ, къ выселенію на Кубань назначены были исключительно «бунтовщики», но и изъ нихъ были выдѣлены зачинщики, преданные суду.

Нарядъ казаковъ на переселеніе и самое отправленіе ихъ на Кавказъ частями поручено было генералу Мартынову, а размѣщеніе ихъ на новыхъ мѣстахъ—главнокомандующему Гудовичу. Объ этомъ же просилъ Гудовича и генералъ Мартыновъ, выѣхавшій въ крамольныя станицы и пославшій надежныхъ старшинъ въ станицы верховыя. Для сопровожденія переселяющихся казаковъ генералъ Мартыновъ, кромѣ регулярныхъ войскъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи одинъ Донской казачій полкъ. Начальство повидимому опасалось, что казаки выкажутъ еще разъ нежеланіе идти на Кубань и осложнятъ дѣло переселенія новыми безпорядками. До 30 іюня Мартыновъ отправилъ первыя три партіи переселенцевъ въ Темнолѣсскій ретраншементъ, въ Кавказскую и въ Усть-Лабинскую крѣпости, подъ начальствомъ войскового старшины Кумшацкаго. Партіи эти сопровождались казаками Мартынова, Воронежскимъ батальономъ и эскадрономъ драгунъ. Въ концѣ іюля было отправлено еще 200 семей къ Прочноокопу при сотникѣ Чимигуковѣ, 28 іюня 100 семей къ Воровскому лѣсу при есаулѣ Сучилинѣ и 30 іюня 150 семей къ Григориполису при войсковомъ старшинѣ Кирѣевѣ. Къ этому послѣднему пункту направлены были казаки станицъ Хоперской, Умылженской, Слащевской, Федосѣевской, Зотовской, Арженовской, Усть-Бузулуцкой, Акишеевской, Тишанской, Бурлацкой, Раваторовской и Теникинской. Надо полагать, что остальные пять пунктовъ заняты были казаками преимущественно пяти крамольныхъ станицъ. Образованныя на Кубани селенія названы были станицами—Темнолѣсской, Воровсколѣсской, Прочноокопской, Григориполисской и Усть-Лабинской, и составили одинъ Кубанскій полкъ.

Такимъ образомъ, этимъ способомъ заселенія заранѣе опредѣлялся и характеръ организаціи казачьяго управленія. Основной формой этого управленія осталась станица, какъ это искони велось на Дону. Казаки были переселены не всѣмъ войскомъ, какъ черноморцы, а только частью его,

соотвѣтствующей дѣленію войска на полки, и всѣ шесть станицъ были объединены въ одинъ казачій полкъ.

Но все это были однѣ внѣшнія формы казачьяго уклада. Въ какомъ видѣ могло выразиться собственно казачье самоуправленіе?. Тѣмъ обстоятельствомъ, что переселены были на новое мѣстожительство крамольные казаки и что самое переселеніе было произведено подъ эскортомъ военныхъ частей арміи, какъ бы въ корнѣ подрывались основы казачьяго самоуправленія. О выборномъ началѣ и выборныхъ лицахъ не могло быть и рѣчи. Но казаки видимо хорошо это понимали и ожидали худшаго. Они боялись, что ихъ отдадутъ подъ команду чуждаго имъ военнаго начальства регулярной арміи. Первою заботою переселенцевъ, поэтому, было оставить своихъ донскихъ начальниковъ. Въ этомъ смыслѣ они и возбудили ходатайство передъ правительствомъ. Очевидно, для отрѣзанныхъ на всегда отъ Дона донцовъ очень важно было удержать у себя, если не самого Мартынова, то, по крайней мѣрѣ, своихъ казачьихъ офицеровъ. Въ сущности, конечно, это былъ такой пустякъ сравнительно съ тѣми требованіями самостоятельности, какія были предъявлены донскими казаками правительству при послѣднихъ волненіяхъ, что на просьбу донцовъ охотно пошло и правительство.

Военная Коллегія, по просьбѣ казаковъ, поручила Гудовичу выбрать надежнѣйшаго начальника изъ казачьяго сословія и подчинить ему всѣхъ прочихъ, которыхъ, въ свою очередь, Гудовичъ долженъ былъ размѣстить по отдѣльнымъ станицамъ, сообразно съ мѣстными условіями. Если бы этихъ второстепенныхъ чиновниковъ оказалось не достаточно, то Гудовичъ могъ потребовать отъ донской администраціи большаго числа старшинъ. На Гудовича возлагалось, вмѣстѣ съ распредѣленіемъ казачьей старшины по станицамъ, выработать соображенія о служебномъ положеніи старшинъ и опредѣлить сферу ихъ дѣятельности и компетенціи. Сдѣлать это рекомендовалось, сообразно съ особенностями казачьяго управленія, въ тѣхъ станицахъ, которыя были уже поселены въ нынѣшней Ставропольской губерніи и Терской области. Сообщая о просьбѣ переселенцевъ оставить съ ними казачьихъ офицеровъ, та же Военная Коллегія предложила Гражданскому Правительству войска Донского комадировать въ каждыя двѣ станицы по одному полковнику съ достаточнымъ числомъ полковыхъ старшинъ и выбрать вообще людей добросовѣстныхъ, благонамѣренныхъ, знающихъ и попечительныхъ, дабы они ни малѣйшихъ притѣсненій казакамъ не чинили и соблюдали, какъ служебные, такъ и станичные порядки.

Въ число трехъ полковниковъ Военная Коллегія заранѣе назначила войскового старшину Илью Кумшацкаго, сопро-

вождавшаго переселенческія партіи и особенно аттестованнаго генераломъ Мартыновымъ. Въ заключеніе Военная Коллегія подтверждала 4-й пунктъ указа 12 апрѣля, въ силу котораго Войсковое Правительство должно было пріостановить дальнѣйшій нарядъ на переселеніе еще двухъ тысячъ казаковъ. Такъ какъ по представленнымъ въ Коллегію Мартыновымъ спискамъ переселенцевъ значилось всего 4700 душъ обоего пола, то Коллегія полагала, что этого количества, быть можетъ, будетъ достаточно и въ увеличеніи его не окажется надобности.

Указомъ Военной Коллегіи отъ 23 октября 1794 года на имя Гудовича, на Кубань назначены были донскіе старшины, какъ просили о томъ переселенцы, а всѣ вновь поселенныя станицы были подчинены генералу Савельеву.

Каковъ былъ составъ Кубанскаго казачьяго полка въ 1794 г. неизвѣстно, но изъ данныхъ за 1802 годъ видно, что въ Кубанскомъ казачьемъ полку числилось въ то время одинъ полковой командиръ, 4 есаула, 4 сотника, 5 хорунжихъ, полковой квартирмейстеръ, писарь и 500 пятидесятниковъ и казаковъ. Отставныхъ было старшинъ 6, 239 казаковъ, могущихъ защищать станицу, 184 престарѣлыхъ и безсильныхъ, 216 дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ и 1048 отъ 1 г. до 12 лѣтъ.

Но и съ поселеніемъ донцовъ на Старой Линіи, не прекратились сразу недовольство казаковъ и нежеланіе селиться на Кубани. Большая часть казаковъ была уже водворена станицами на Линію, а на Дону продолжалась еще расправа съ казаками. По приказу генерала Мартынова, въ 1795 г. были наказаны въ станицѣ Тишанской казаки, сопротивлявшіеся наряду переселенцевъ на Кубань, и избраны взамѣнъ старыхъ новые атаманъ, судьи и помощники. Были случаи побѣга казаковъ съ Кубани. Въ маѣ 1794 г. сдѣлана была донскимъ начальствомъ публикація о ссылкѣ на каторгу въ Нерчинскъ казака Артемова и другихъ бѣжавшихъ изъ полковъ съ Линіи на Донъ. Съ Кубани бѣгали не только казаки, но и казачьи жены. Въ октябрѣ 1794 г. сдѣлано было распоряженіе о розыскѣ 4-хъ казачьихъ женъ, бѣжавшихъ изъ станицъ—Усть-Лабинской, Темнолѣсской и Григориполисской. Впрочемъ, случаи побѣговъ поселенныхъ на Кубани донцовъ были рѣдки. Волей неволей донцамъ пришлось мириться съ положеніемъ своимъ на Кубани.

Впослѣдствіи, когда на Дону узнали о зажиточности линейцевъ, о богатствѣ природы и привольной жизни, донцы подъ предлогомъ родственныхъ и другихъ связей съ переселенцами, стали уходить съ Дона цѣлыми семьями и селиться на Кубани. Этихъ вольныхъ переселенцевъ оказа-

лось такъ много, что были приняты особыя мѣры къ прекращенію дальнѣйшихъ переселеній донцовъ на Кубань.

Общія представленія о положеніи и состояніи Кубанскаго казачьяго полка можно составить по характеристикѣ и указаніямъ самихъ казаковъ, сообщеннымъ инспектору Кавказской Линіи генералъ-лейтенанту Кноррингу 2-му, по его требованію, 11 мая 1799 года. Свѣдѣнія эти характеризуютъ, слѣдовательно, Кубанскій полкъ послѣ четырехлѣтняго пребыванія его на Линіи, но они заключаютъ въ себѣ отчасти и исторію полка. Полкъ окончательно поселеннымъ на Линіи считался съ 30 іюня 1794 года. При переселеніи было отпущено изъ казны на каждую семью по 24 рубля деньгами и по 4 четверти ржаной муки—всего 23000 рублей и 3900 четвертей хлѣба, въ томъ числѣ на сооруженіе церквей по 500 рублей на станицу.

Съ 1-го марта 1796 года, по распоряженію Гудовича, было командировано на службу 500 казаковъ при 16 старшинахъ, безъ штатнаго содержанія, но по окладу служившихъ на Линіи Донскихъ полковъ, при чемъ жалованье казаки получали отъ комиссіи казанскаго комиссаріатскаго депо, находившагося въ городѣ Екатериноградѣ, фуражъ отъ ростовскихъ провіантскихъ комиссіонеровъ, а провіантъ изъ находящихся на Линіи при крѣпостяхъ магазиновъ. Съ 1-го сентября 1798 г., по распоряженію графа Маркова, поступили изъ неслужащихъ казаковъ 165 человѣка въ канонерскіе ученики, которымъ выдавался отъ казны одинъ только провіантъ.

Такимъ образомъ, на службѣ отъ полка состояло всего 681 человѣкъ. Затѣмъ остальные престарѣлые и малолѣтніе 1945 душъ «продовольствовались отъ землелѣлія.» Но во всѣ эти исчисленія входилъ лишь одинъ мужской полъ, о количествѣ женскаго пола въ документахъ не упоминается.

Сообщая эти свѣдѣнія Кноррингу, полковое начальство указывало при этомъ, что переселенцы, какъ донскіе казаки, на прежнихъ мѣстахъ жительства пользовались всѣми выгодами и привиллегіями войска Донского, а именно: землями, лѣсами, вольною продажею вина, рыбными ловлями, безпошлинною солью и четырьмя четвертями на семью казенной ржаной муки. Съ переселеніемъ на Кубань казаки лишились всѣхъ этихъ выгодъ и привиллегій. Земли и лѣса, находившіеся въ ихъ пользованіи, принадлежали казнѣ, а соль и вино получали черезъ казенныя вѣдомства. Въ этихъ видахъ, казачье начальство Кубанскаго полка просило генерала Кнорринга выхлопотать полку такія же права и привиллегіи, какими пользовалось Донское войско.

На первое мѣсто казаки поставили нужду въ землѣ. Желая получить казенныя земли въ свое владѣніе, они про-

сили отмежевать имъ мѣста, примыкавшія къ Кубанской Линіи, начиная отъ лѣваго берега рѣки Егорлыка до границъ войскъ Донского и Черноморскаго и по Кубанскую Линію. Всѣ эти земли находились, по словамъ казачьяго начальства, въ районѣ казачьихъ станицъ, а между тѣмъ, казаки были стѣснены ограниченнымъ количествомъ мѣстъ, годныхъ подъ хутора и имѣли мало лѣса.

Затѣмъ казаки просили разрѣшенія получать безпошлинно соль съ Маныча и другихъ „обракованныхъ" озеръ, такъ какъ, при существовавшихъ способахъ пріобрѣтенія соли изъ магазиновъ гор. Ставрополя, казаки одиночки терпѣли большую нужду и лишенія.

Далѣе, казаки хлопотали о вольной продажѣ въ станицахъ горячаго вина, купленнаго на сторонѣ, и о дозволеніи винокуренія въ полку для собственныхъ нуждъ, а не для кормчества.

Такъ какъ полкъ не имѣлъ утвержденныхъ штатовъ, то казаки ходатайствовали о пожалованіи имъ штата и знаменъ, а также о приравненіи офицерской службы къ службѣ Донского войска.

Наконецъ, казаки просили о возвращеніи въ полкъ для конной службы 164 канонерскихъ учениковъ, служившихъ безъ жалованья, или, въ крайнемъ случаѣ, назначить имъ опредѣленные оклады содержанія.

Этими скромными пожеланьями и ограничивались требованія казаковъ Кубанскаго полка или, точнѣе, ихъ начальства.

Обревизовавъ Кубанскій казачій полкъ, генералъ Кноррингъ донесъ 26 мая 1799 г. Императору Павлу, что онъ нашелъ полкъ въ удовлетворительномъ состояніи. Не смотря на короткій періодъ пребыванія на Кубани, казаки успѣли уже обзавестись надлежащей обстановкой: станицы были устроены прочно и хозяйственно, военная охрана границы велась новоселами исправно и безъ особаго для нихъ отягощенія. Кноррингъ хвалилъ дѣятельную службу усерднаго и расторопнаго есаула Потапова, временно командовавшаго полкомъ, вмѣсто Чернозубова, отданнаго подъ военный судъ за перегонъ изъ за Кубани 5000 барановъ, и просилъ назначить Потапова полковымъ командиромъ.

Пока осуществлялись эти пожеланія казаковъ, сама жизнь заставила ихъ намѣтить тѣ поселочныя и хозяйственныя формы, которыя впослѣдствіи легли въ основу колонизаціи всей Старой Линіи. Почти одновременно съ станицами возникли хутора, которые устраивали казаки вдали отъ Кубани во избѣжаніе черкесскихъ набѣговъ. При слабыхъ запашкахъ линейцы обратили исключительное вниманіе на развитіе скотоводства. Тому благопріятствовали обширныя и богатыя пастбища и степи и отсутствіе такихъ угодій, какъ рыбо-

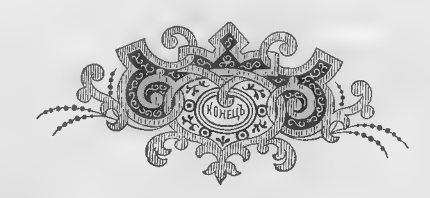
ловныя мѣста и соляныя озера. Въ сущности, при зачаточномъ состояніи экономической жизни, казаку, обремененному военной службой, трудно было заняться какимъ нибудь другимъ промысломъ, кромѣ скотоводства.

Внутренняя жизнь линейныхъ казаковъ сложилась подъ вліяніемъ тѣхъ началъ, которыя выработаны были исторически на Дону. Линейцы, какъ и донцы, крѣпки были семейнымъ бытомъ. Семья въ то время приняла уже тѣ формы, при которыхъ женщина являлась полноправной хозяйкой въ домѣ. Все—и хозяйственные распорядки, и семейный урядъ, всецѣло лежали на ней, когда мужъ былъ въ отсутствіи на военной службѣ, а служба это отнимала почти все время у казака. Естественно, что женщина казака линейца отвоевала себѣ почетное положеніе не только дома, въ семьѣ, но и на міру, въ станицѣ.

Общественной жизни у линейныхъ казаковъ въ первое время пребыванія на Кубани почти не было. Молодцы атаманы, избиравшіеся на Дону изъ лучшихъ людей, назначались на Линіи начальствомъ и почти безконтрольно распоряжались въ станицахъ. Единоличной своей властью они часто дѣлали то, что по праву принадлежало въ однихъ случаяхъ сходу, а въ другихъ—суду.

Сословное дѣленіе казаковъ—на старшинъ и рядовое казачество, слабо проявлялось въ станичной жизни. Старшины, назначенные съ Дона на Линію, занимались исключительно военною службою. Духовнаго сословія, какъ бы не было совсѣмъ у казаковъ. Послѣднее объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что на Кубань переведены были исключительно раскольники, а расколъ, какъ нежелательная правительству секта, преслѣдовался. Духовныя потребности массы, поэтому, удовлетворялись скрытно и тщательно охранялись отъ постороннихъ глазъ.

Въ болѣе широкое русло вошла жизнь линейнаго казачества въ то время, когда на Линіи были поселены новые пришлецы казаки, но это составляетъ уже послѣдующій періодъ мѣстной казачьей исторіи.



Источники.

И. Я Акинфіевъ. „Сѣверн. Кавк. Ботанич. изслѣд.“ Зап. Кавк. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. т. XVI. *Гл. I.* *)
А. Л. «Абхазія». Изд. 1894 г. *Гл. X.*
И. И. Андрусовъ. «Предв. отч. объ участ. въ Черном. глубокомѣрной эксп.» 1890 г. *Гл. I.*
Д. И. Анучинъ. «Городища». Энц. слов. Брокгауза. *Гл. I, V.*
Л. Я. Апостоловъ. «Геогр. оч. Куб. Обл.». *Гл. I.*
А. Ашикъ. «Воспорское царство». Изд. 1848 г. *Гл. I, III, IV.*

Д. И Багалѣй. «Оч. по ист. колониз. и быта степн. окр. Московск. Государства». Изд. 1887 г. *Гл VII.*
Ф. Байернъ. „Сборн. свѣд. о Кавказѣ“. Т I. *Гл. I.*
П. Беккеръ. «Къ рукописи „Малыхъ географовъ“. Зап. Одесск. Общ. Ист. и древн. т. I. 1884 г *Гл IV.*
А. П. Берже. «Кавк. въ археол. отнош.». Зап. Общ. любит. Кавк. археол., кн. I. 1875 г. *Гл. I.*
В. И. Битнеръ. «Доисторич человѣкъ». *Гл I.*
М. Н. Богдановичъ. „Походы Румянцева, Потемкина и Суворова“. *Гл. VIII.*
Д. З. Бокрадзе. «О доисторич. археол. вообще и Кавказск. въ особен.“. Изд. 1877 г. *Гл III, IV.*
Бопланъ. «Описаніе Украины“. 1832 г. *Гл. VII.*
А. Бордонъ. «Образов. древн. народ.» Изд. 1795 г. *Гл. II.*
С. Броневскій. «Извѣстія о Кавказѣ». *Гл I.*
Ф. Брунъ. 1) „Черном. готы и слѣды долг. пребыв. ихъ въ южной Россіи“. Зап. Имп Ак. Н. Т. XXIV, изд. 1874 г. кн. I *Гл. V.*
„ 2) «О киммеріянахъ Геродота». Перев. ст. Раулинсона. *Гл. III.*
„ 3) Путешеств. турецк. туриста по восточн. бер. Черн моря“. Зап. Од. Общ. Истор. и Древн. Т. IX *Гл. IV, V.*
П. Бурачковъ. «Опытъ изслѣд. о куманахъ или половцахъ». Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. X. *Гл. V.*
И. Бѣляевъ. «О сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря». Зап. Од. Общ. Ист. и древн. Т. III. 1853 г. *Гл. V.*

de Boze. „Mêmoires dé l'Acad Royale“. VI 1725 г. *Гл. IV.*
И. Владимировъ. «Древн. христіанск. храмъ бл. аула Сенты Куб. обл.» Изв. археол. ком вып. IV 1902 г. *Гл. I, X.*
Военный сборникъ за 1867 г. № 3. *Гл XI.*
Волковъ. «О сопернич. Венеціи съ Генуей въ XIV вѣкѣ“. *Гл. VI.*
Воеводскій «Каннибализмъ въ греческ. миф.» Изд. 1874 г. *Гл. I.*
Ф. Врангель. «Черном. глубокомѣрн. эксп. 1890 г.» Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. т. XXVI, вып. V. *Гл. I.*

К Ганъ. «Извѣст. древне греческ. и римск. писат. о Кавказѣ». *Гл. II, III, IV, V.*
Гельвальдъ. «Исторія культуры». *Гл. I.*
Бар. Герберштейнъ. „Записки о Московіи». *Гл. IV, V.*
М. Гернесъ. „Истор. первобытн. челов.» *Гл. I.*

*) Противъ каждаго источника обозначены главы „Исторіи Кубанскаго казачьяго войска“, для которыхъ взяты свѣдѣнія этого источника.

К. Герцъ. 1) «Истор. обз. археол. изслѣд. и открытій на Таманскомъ полуостр. съ конца XVIII ст. до 1859 г.» Изд. 1876 г. *Гл. IV.*
» 2) „Археол. топогр. Таманск. полуостр.» Изд. 1870 г. *Гл. IV.*
Гомеръ. «Иліада». Пер. Минскаго. *Гл II.*
» «Одиссея». Пер. Жуковскаго. *Гл II.*
Голубовскій. 1) „Печенѣги, торки и половцы до наш. татаръ". Изданіе 1884 г. *Гл. V.*
» 2) „Болгары и хозары", изд. 1888 г *Гл. V.*

І. Дебу. «О Кавказской Линіи». Изд. 1829 г. *Гл. XI, XII.*
М. Джанашвили. «Извѣстія грузинск. лѣтоп.» *Гл. X.*
Н Динникъ. «Горы и ущелья Куб. Обл.» Зап. Кавк. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. Кн. 13, вып. I, изд. 1884 г. *Гл. I.*
Докучаевъ. «Русск. черноземъ». *Гл. I.*
Э Дортелли д'Аскалли. «Описан. Черн. моря и Татаріи 1634 г.». Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. XXIV *Гл. V.*
И. Дмитренко. «Сборн. матер. по ист. Куб. Каз. войска». Т. I, II, III, IV. *Гл. VIII, IX, X, XI, XII.*
Н. Дубровинъ. «Истор. войны и владыч. русск. на Кавк.» Т. II и III. *Гл. XI, XII.*
F. Dubois de Montpereux «Voyage autour du Caucase» 1839 г. Т. I. *Гл. IV.*

Жаринцевъ. «Археол. топогр. Таманск. полуостр.». *Гл. IV.*

Заборовскій. «Доисторическ. человѣкъ». *Гл. I.*
Л. Загурскій. „Замѣтка объ изслѣдов. кавказск. языковъ". Изд. 1880 года. *Гл. III.*

Д. Иловайскій. «Нѣсколько соображеній о Тмутараканск. Руси и Тмутар. болванѣ». Тр. Моск. Арх. Общ. Т. IV вып. II. 1874 года. *Гл. V.*
Cary. „Histoire des rois de Thrace et de ceux die Bosphore cimmérien". 1752 г. *Гл. IV.*
А. Кельсіевъ. «О каменныхъ бабахъ». Журн. V археолог. съѣзда въ Тифлисѣ. *Гл. V.*
В. Кене. «О генеалогіи и монетахъ Спартокидовъ». Зап. Од. Общ. Ист. и древн. Т. II. *Гл. IV.*
П Кеппенъ. „Древности сѣверн. бер. Понта". Изд. 1826 г. *Гл. IV.*
Э. Клоддъ «Истор. первобытн. людей». *Гл I, III.*
Книга большому чертежу. Изд. 1838 г. *Гл. IX.*
П. Короленко 1) «Черноморцы». Изд. 1874 г. *Гл. VIII. IX.*
„ 2) „Некрасовскіе казаки". Изв. Общ. Люб. Изуч. Куб. обл. вып II 1900 г *Гл. XI.*
„ 3) «Головатый, кошевой атаманъ Черном. казачьяго войска». Куб. Сб. Т XI. *Гл. IX.*
Кубанскія Областныя Вѣдости 1865 г. *Гл III.*
Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1870 г. *Гл III.*
А. Куникъ «Записки готскаго топарха». Зап. Имп. Ак. Н. Т. XXIV, кн. 1. *Гл V.*

Э. Лассота. „Путевыя записки за 1594 г." *Гл. VII.*
В. А. Латышевъ «Извѣст. древн. писат. греческ. и латинск. о Скифіи и Кавказѣ». Т. 1. *Гл. II, III, IV, V.*
В. В. Латышевъ. «Надп. Воспорск.» Матеріалы по археол. Рос. № 23. 1899 годъ. *Гл. IV.*
А. Лебединцевъ. „Предв. отч. о химич. изслѣд. Черн. и Азовск. морей лѣтомъ 1891 г." Изв Имп. Р. Геогр. Общ. Т. XXVIII, вып. 1. 1892. г. *Гл. I.*

Леббокъ. «Доисторическ. времена» изд. 1876 г. *Гл. I.*
Lenorman. «Trésors de numismatique et de glyptique». *Гл. IV.*
И. Лихачевъ. «Легенда объ Абласкирѣ. Прометеѣ». Журн. V археол. съѣзда въ Тифлисѣ. *Гл. II.*
Ляйелль «Геологическ доказат. древн. человѣка». Изд. 1864 г. *Гл. I.*

Е Марковъ «Кавказъ». Живопис Россія. Т. IX. *Гл. I.*
Е. Мельникъ. «Мегалитическ. памятн. въ Новороссійскомъ краѣ». Журн 12 арх. съѣзда въ Харьковѣ, *гл. V.*
И. Мигринъ. „Похожд. или ист. жизни каз. Ив. Мигрина" (1770—1856 г.). Рус. Ст. 1878 г. *Гл. XI.*
В. Миллеръ. 1) «Кавказск. сказан. о циклопахъ». Этнограф. обозр. 1890 г. № 1. *Гл. II.*
„ „ 2) „Изв. общ. люб. изуч. Куб. обл."
„ „ 3) «Кавказск. мифы о Прометеѣ». Журн. V археологич. съѣзда въ Тифлисѣ. *Гл II.*
Ф. Мищенко. «Торгов. снош. афинск. республики съ царями Воспора». *Гл. IV.*
Л. Морганъ «Первобытн. общ.» *Гл. II.*
Н. Мурзакевичъ. 1) «Латинск. надп. Савромата II». Зап. Од. Общ. Ист и древн Т. I. 1884 г. *Гл. IV.*
„ „ 2 «Афанасій Федоров. Колпакъ» Зап. Од. Общ. Ист. и древн. Т. XI. *Гл. VII.*
Мушкетовъ. «Физическая геологія». *Гл. I.*

М. Неймайръ. «Исторія земли». *Гл. I.*
Л. Нидерле. «Человѣчество въ доист. врем» 1898 г. *Гл. I.*

А. Орѣшниковъ. «Босфоръ Киммер. въ эпоху Спартокидовъ». 1884 г. *Гл. IV.*
А. Остроумовъ. «Предв. отч объ участіи въ Черном. глубоководной экспед. 1891 г. Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. Т. XXVIII. Вып I. 1892 г. *Гл. I.*

П. Палласъ. «Путеш. по разн. провинц. Рос. Имп.» Ч I. *Гл. III.*
И. Пантюховъ. «О пещерахъ и позднѣйш. жилищ. на Кавк.» Издан. 1896 г. *Гл. I.*
Пастуховъ. «Восхожденіе на Эльбрусъ». Изв. Имп. Рос. Геогр. Общ. Т. VIII. *Гл. I.*
Б. Передольскій. «Бытов. остатки насельниковъ Ильменско-Волховск. побережья». Изд 1893 г. *Гл. I, III.*
А. Подберезскій. „Киммерійск. памятники». Зап. Од. Общ. Ист. и др. Т. VIII. Ч. II. *Гл. III.*
А. Подшиваловъ. «Монеты царей Босфорскаго царства». Зап. Од. Общ. Ист и древн. Т. XV. *Гл. IV.*
М. Поночевный „Геогр. очеркъ Боспорск. царства". Куб. сборн. Т. II. *Гл. IV.*
В. Пфафъ. «Этнолог. изслѣдов. объ осетинахъ». Сборн. свѣд о Кавказѣ Т. II 1872 г., *гл. III.*
Радде. Докладъ о пещерахъ. Проток. подготов. колоніи V археол. съѣзда въ Тифлисѣ за 1878 г. *Гл. I.*
I. Ранке „Человѣкъ". *Гл 1, II.*
Ратцель. „Народовѣдѣніе". Т. II. *Гл V.*
А. Ригельманъ „Ист. донск. казаковъ". *Гл. VII. XI, XII.*
R. Rochette. «Antiquitées grecques du Bosphore cimmérien». *Гл. IV.*
Русская старина. 1878 г. Т. IX. *Гл. XI.*
В. Рубашкинъ. Дневникъ. *Гл. XI, XII.*

П. Сабуровъ. „Торговые пути древнихъ грековъ". Изданіе 1855 года. *Гл. I, IV.*
М. Сенюткинъ. „Донцы". Изд. 1866 г. *Гл. VI.*
В. Сергѣевичъ. „Вѣче и князь". Изд. 1867 г. *Гл. VII.*
Кн. Сибирскій. 1) „Серебрян. и мѣдн. деньги цар. Фарнака" Зап. Од. Общ. Ист. и древн. Т. X. *Гл IV.*
„ 2) Зап. Од. Общ. Ист. и древн. Т. VI. *Гл. IV.*
В. Сизовъ. „Матер. по археолог. Кавказа". Вып. II, *гл. I III.*
А. Скальковскій. „Истор. Новой Сѣчи или послѣдн. Коша Запорожск." I, II, III т. *Гл. VII, VIII, IX.*
Скимнъ Хіосскій. Зап. Од. Общ. Ист. и древн. Т. III. Изд. 1853 года, *гл. IV.*
В. Скиндеръ. „Протоевропеецъ и протоаріецъ", *гл. I.*
Г. Спасскій „Босфоръ киммерійскій". 1846 г., *гл. IV*
И. Срезневскій. «Запорож к старина». 1833 г., *гл. VII.*
Статковскій. «Задачи климатологіи Кавказа». Изд. 1878 г., *гл. I.*
Souciet. «Histoire chronologique des rois du Bosphore». 1836 г., *гл. IV.*
В Сысоевъ. «Поѣздки на р. р. Зеленчукъ, Кубань и Теберду лѣтомъ 1895 г.» Матер. по арх Кавк. Вып. VII, *гл. III. X.*
2) „Труды по Кавк. археол.", т. X. *гл. III.*
И. Тейлоръ. «Происхожденіе арійцевъ и доистор. человѣка», *гл. III.*
В. Тепцовъ. „По исток. Кубани и Терека". Сб. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа". Вып. XIV 1892 г., *гл. I.*
В. Тизенгаузенъ. „Новѣйшія археолог. раскопки на Таманск. полуостр.", Тр. Моск. археол. общ. 1869 г., *гл. IV.*
А. Туренко. „Историческ. записки о войскѣ Черноморск." Кіевск. старина. Т. XVII 1887 г., *гл. IX.*
Гр. Уварова. „Кавказъ. Путевыя замѣтки", *гл. V.*
Гр. Уваровъ. „Археолог. Россіи". 1881 г., *гл. I.*
„Мегалитическ. памятн. въ Россіи" Тр. Московск. археол. общ., Т. VI, VII. *гл III.*
П. Усларъ. „Древнѣйш. сказан. о Кавказѣ". Сборн. свѣдѣн. о Кавказск. горцахъ. Вып. X 1881 г., *гл. III, V.*
Е. Фелицинъ. 1) „Труды по Кавказск. археол." Т. IX, *гл. III.*
„ 2) „Дольмены Баговск. стан.", *гл. III.*
„ 3) „Сборн. архивн. документ." 1904 г., *гл. XI.*
„ 4) „Нѣкотор. свѣдѣн. о генуэзск. поселен. въ Кубанск. обл." Куб. сб., т. V, *гл V.*
С. Чернявскій. „Журн. V археол съѣзда въ Тифлисѣ", *гл. I.*
Д. Чубиновъ. „Рефератъ о понтійской эрѣ по грузинск. источн." Журн. V археол. съѣзда въ Тифлисѣ, *гл. IV.*
В. Шамрай. „Кубанск. сборникъ. Т. VIII," *гл. X.*
П. Шафарикъ. „Славянск. древности". 1837 г. Ч. III, *гл. VIII.*
Ф. Шишкевичъ. „Исторіо-географическ. зап." Изд. 1810 г, *гл. II, VI,*
И. Шопенъ. „Новыя замѣтки по древн.: истор. Кавк. и его обитател., 1866 г., *гл. II, V.*
I. Шпиндлеръ. „Предварит. отч. о работ. и результ. Черном. эксп. 1891 г." Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. Т. XXVIII. Вып. I, 1892 г., *гл. I.*
Д. Эварницкій. „Истор. Запорожск. казаковъ", т. I, II, *гл. VII.*
Н. Эминъ. „О памятн. древности въ русск. Арменіи и походахъ руссовъ на Партавъ". Журн. III засѣд. подготов. комитет. Тифлисск. арх. съѣзда, *гл. V.*

Юркевичъ. „Уставъ генуэзскихъ колоній". Зап. Од. Общ. Истор. и древ., *гл. V.*

Кромѣ печатныхъ источниковъ, главную массу историческихъ матеріаловъ дали слѣд. архивы.

1) Областной архивъ Кубанскаго казачьяго войска, *гл. I, IV, VI, VIII, IX, X, XI, XII.*

2) Архивъ духовнаго правленія при войсковомъ соборѣ, *гл. X.*

3) Ставропольскій губернскій архивъ, *гл. IX, X, XI.*

4) Архивъ ген. Попки въ г. Ставрополѣ, *гл. IX, X, XI.*

5) Архивъ кавказскаго военнаго штаба въ Тифлисѣ, *гл. IX, XI, XII.*

6) Архивъ канцеляріи Намѣстника въ Тифлисѣ, *гл. X, XI.*

7) Архивъ Новочеркасскаго музея, *гл. XII.*

8) Архивъ Новороссійскаго военнаго генералъ губернаторства, *гл. VIII, IX.*

9) Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба, *гл. VI, XI.*

Подробное цитированіе архивныхъ матеріаловъ въ значительной мѣрѣ увеличило бы размѣры свѣдѣній объ источникахъ. въ виду ихъ многочисленности и различныхъ способовъ нумераціи документовъ по архивамъ. Въ этихъ видахъ изъ изданія исключенъ подробный перечень цитатъ архивныхъ документовъ, къ чему пришлось бы, ради удобства правильной свѣрки, прибавить длинный перечень соотвѣтствующихъ страницъ и строкъ по тексту исторіи

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Страница.	Строка.
съ сѣворо-запада	съ сѣверо-запада	5	5 св.
оказывются	оказываются	9	18 „
надъ всемъ	надъ всѣмъ	9	11 сн.
оттѣдьныя	отдѣльныя	13	22 „
конусообраныя	конусообразныя	13	16 „
плямя	пламя	13	1 „
фотовъ	футовъ	16	21 „
„Волъчи ворота“	„Волчьи ворота“	16	7 „
покрывавшіе	покрывающіе	21	10 св.
раскидаются	раскидываются	22	8 „
тля	для	24	6 „
почворазрушеніе	почворазрушеніе	24	14 „
распространеія	распространенія	26	1 „
съ глубины	изъ глубины	29	21 „
около 800	отъ 800	30	22 сн.
насколько	настолько	36	15 св.
Большая лаба	Большая Лаба	47	9 „
Малой лабы	Малой Лабы	47	12 „
наступленіе весны	наступленіемъ весны.	48	10 „
отъ 48906 кв. верстъ	въ 48906 кв. верстъ.	48	20 сн.
при уклоѣ	при уклонѣ	48	13 „
фотовъ	футовъ	48	9 „
собственнаго русла	собственно русла	52	4 „
значитено	значительно	54	10 „
Въ друхъ	Въ другихъ	56	20 „
обѣихъ истоковъ	обоихъ истоковъ	58	18 „
каскадомъ	каскадовъ	58	14 „
....волнами, какъ бы нарочито....	....волнами кто-то какъ бы нарочито....	58	4 „
дѣсятковъ саженей	десятковъ саженей	59	12 св.
крейне	крайне	60	22 „
обильой зелени	обильной зелени	61	3 „
Кохтъ	Котхъ	61	13 сн.
правильно	правильными	63	3 „
работы колоссальной	работы колоссальныя	66	12 „
....зависимости съ періодическими колебаніями	....зависимости отъ періодическихъ колебаній	69	12 „
....помимо общности....	....помимо различія	72	1 св.
....общность и нѣкоторыхъ другихъ....	....различіе и нѣкоторыхъ другихъ....	72	3 „
....не спускается ниже 0,°....	....не поднимается выше 0,°....	72	14 сн.
....въ горооѣ....	....въ городѣ	76	4 св.
....не спускается ниже нуля....	....не поднимается выше нуля	77	3 „
въ несравнимо долгіе періоды	въ несравнимо болѣе долгіе періоды	80	16 „
здѣть	здѣсь	85	12 сн.
до 7090 футовъ высоты	до 7000 футовъ высоты	87	11 „
между 4000 и 70 0....	между 4000 и 7000...	88	7 „
....овечью овсяникою....	....овечьею овсянкою	92	14 св.
ристительность	растительность	93	19 сн.
Въ меньшемъ видѣ	Въ меньшемъ количествѣ	95	11 „
....казаки загоняла сотнями	....казаки загоняли сотнями	96	10 „
базконечно	безконечно	104	19 „
корни	кости	106	8 св.
кьеккенмедиги	кьеккенмединги	107	7 „
одудіями	орудіями	108	17 св.
Но указанію	По указанія	109	20 сн.
въ западкой Европѣ	въ западной Европѣ	110	10 св.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Страница	Строка.
изъ песчанина	изъ песчаника	112	16 св.
Фіалъ-дона	Фіалъ-Дога	113	18 сн.
у аула Секты	у аула Сенты	113	13 „
Амчаты	Амгаты	113	12 „
не отдѣльны	не отдѣлены	115	20 „
Żos-Tera	Zostera	116	11 св.
....составленной 1882 году,	....составленной въ 1882 году,	117	10 сн.
усключительно	исключительно	120	10 „
ноздиѣйшаго времени	позднѣйшаго времени	121	10 св.
молокъ	молотокъ	121	4 сн.
Европейскаго материки	Европейскаго материка	123	20 св.
Этб	Это	126	18 „
фантанзія	фантазія	127	6 „
на достояніе котораго огонь....	на достояніе котораго,—огонь,	131	22 „
ягната	ягнята	135	11 „
отправился къ циклонамъ	отправился къ циклопамъ	143	17 сн.
больнаго козла	большого козла	148	2 „
и согласить ее....	и согласовать ее....	150	11 св.
амазанокъ	амазонокъ	154	7 „
протекла р. Фермидонтъ	протекала р. Фермодонтъ	154	15 „
....поясъ который	....поясъ которой	154	8 сн.
амаяонки	амазонки	155	14 св.
....сарматы, жившіеся	....сарматы, женившіеся	156	4 сн.
Скилаксъ Коріандинскій	Скилаксъ Коріанденскій	157	11 св.
необкновенною храбростью	необыкновенною храбростью	158	14 „
пожертвовать Фалестріи	пожертвовалъ Фалестріи	158	22 сн.
около 40 и 54 годовъ по Р. Хр.	около 41 и 54 годовъ по Р. Хр.	158	19 „
съ мололѣтства	съ малолѣтства	159	11 св.
два мѣсяда	два мѣсяца	159	18 „
дѣвицы	дѣвочки	159	22 сн.
кремневыхъ оружіяхъ	кремневыхъ орудіяхъ	160	2 „
группы амазанокъ	группы амазонокъ	162	11 „
свои матеріальныя права	свои матримоніальныя права	164	3 св
напластываніяхъ земли	напластованіяхъ земли	165	14 сн.
въ качествѣ такого	въ качествѣ таковаго	165	2 „
частно русскаго населенія	чисто русскаго населенія	166	10 св.
эти отдушники	эти отдушины	168	18 „
своихъ соотчественниковъ	своихъ соотечественниковъ	173	15 „
Георгій Побѣдоносецъ, Савсорукъ....	Георгій Побѣдоносецъ—Савсорукъ....	173	21 „
надъ усыпательницами	надъ усыпальницами	174	7 сн.
Каменномосткой	Каменномостской	178	14 св.
чельзи	нельзя	183	8 „
первоначально формою	первоначальною формою	183	11 „
райновъ	районовъ	183	13 „
Частнѣе	Въ частности	183	8 сн.
въ обрядовомъ ратуалѣ	въ обрядовомъ ритуалѣ	190	18 св
при погребаніяхъ	при погребеніяхъ	190	10 сн.
вблизи поселека Темнолѣсскаго	вблизи поселка Темнолѣсскаго	193	17 св.
подогнатыхъ	подогнаныхъ	193	19 сн.
Повидиму	Повидимому	198	5 „
первымъ обитателемъ	первымъ обитателямъ	200	6 „
Потти	Поттъ	201	23 „
измѣнился	измѣнялся	201	2 „
пересилившими изъ Бактріаны	переселившими изъ Бактріаны	202	21 св.
чѣмъ большое число	чѣмъ большее число	203	13 „
къ тому выходу	къ тому выводу	205	19 сн.
съ другами	съ другими	206	22 св.
остаетея	остается	208	3 „
тюрскихъ народностей	тюркскихъ народностей	208	17 „
аріцы	арійцы	208	23 „
покрытою	покрытую	209	3 св
питателей	писателей	210	4 „
утвердившемся	утвердившимся	211	22 сн.
покрытою	покрыто	213	15 „

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Страница.	Строка.
Герпотъ	Геродотъ	214	12 сн
т. е. черезъ 61 годъ спустя	т. е. 61 годъ спустя	215	1 св.
по крайнай мѣрѣ	по крайней мѣрѣ	215	11 „
какъ поступали потомъ въ послѣдствіи и многіе другіе	какъ поступали потомъ и многіе другіе	215	21 сн.
съ котораго связано	съ которою связано	215	16 „
Гердота	Геродота	216	18 „
рядомъ съ Боссоромъ	рядомъ съ Босфоромъ	218	8 „
О нихъ существуемъ	О нихъ существуетъ	219	21 св.
который быля сыномъ	который былъ сыномъ	219	15 „
рало	ярмо	219	11 „
То же повторилось и среднимъ братомъ	То же повторилось и съ среднимъ братомъ	219	8 сн.
лукъ съ поясамъ	лукъ съ поясомъ	220	17 св.
въ двухъ отнешніяхъ	въ двухъ отношеніяхъ	220	15 сн.
не блистала	не блистали	220	4 „
лукъ	плугъ	221	4 св.
закончившаяся разгромамъ	закончившаяся разгромомъ	224	4 „
нѣчно невѣроятное	нѣчто невѣроятное	224	21 сн.
натуристъ	натуралистъ	225	5 „
между 420 и 400 годами до Р. Хр.	между 470 и 400 годами до Р. Хр.	226	6 „
Гердотова Скифія	Геродотова Скифія	227	10 сн.
проишедшимъ	происшедшимъ	228	15 „
приложена	приложима	230	16 сн.
Слѣдовательно, только такихъ номадовъ земледѣльцевъ	Слѣдовательно такихъ номадовъ земледѣльцевъ	231	15 „
ими	имъ	231	4 „
веизбѣжимые	неизбѣжные	231	1 „
Дарія Оронтопачъ	Дарія Оронтопагъ	235	15 „
должно вершить	должны вершить	235	6 „
военоначальниковъ	военачальниковъ	236	17
супружскія отношенія	супружескія отношенія	238	20 св.
На это...	Но это....	238	22 „
чащу	чашу	239	16 „
не болѣе двумъ-тремъ	не болѣе какъ двумъ-тремъ	239	17 „
заключили	заключали	239	20 „
ретуаръ	ритуалъ	240	7 „
...родовыхъ группъ потомъ отнести смѣшенія ихъ	....родовыхъ группъ и отчасти смѣшенія ихъ	240	12 сн.
Іезикіиль	Іезекіиль	241	22 св.
Фергама	Форгама	241	21 сн.
тюрскимъ народностямъ	тюркскимъ народностямъ	242	3 св
тюрскимъ народностямъ	тюркскимъ народностямъ	242	7 „
тюрскаго происхожденія	тюркскаго происхожденія	242	13 „
въ Еропу	въ Европу	245	19 св.
по Еропѣ	по Европѣ	245	4 „
выручивъ	выручилъ	246	4 св.
Въ отдаленномъ югѣ	На отдаленномъ югѣ	246	14 сн.
Родуара	Шодуара	252	22 „
выщелочныхъ почвъ	выщелоченныхъ почвъ	256	18 св.
руковъ Кубани	рукавъ Кубани	260	12 „
700 стадій	800 стадій	260	18 сн
Другіе писатели	Многіе писатели	263	13 св.
въ Тавризѣ	въ Тавридѣ	264	3 „
Таврической стороны	Таврической сторонѣ	264	16 „
и устья Кубани	и отъ устья Кубани	265	6 „
народодами	народами	268	5 „
о выходѣ оттуда синдовъ и также догадки	о выходѣ оттуда синдовъ также догадки	272	3 „
были нѣкоторая примѣсь	была нѣкоторая примѣсь	273	15 „
съ Черноморскими побережьями	съ Черноморскимъ побережьемъ	275	21 сн.
и частью подчинить	и частью подчинить	277	18 сн
основателемъ династіи	основателемъ династіи	277	2 сн.
выяснялась въ значительной	выяснилась въ значительной		

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Страница.	Строка.
мѣрѣ	мѣрѣ	279	2 св.
Левконъ взимаетъ пошлины	Левконъ взималъ пошлины	282	15 "
войска одолѣвали Евмелъ	войска одолѣвалъ Евмелъ	284	21 сн.
геніховъ	геніоховъ	285	16 св.
отъ 118 до 115 г. до Р. Хр.	отъ 118 по 94 г. до Р. Хр.	287	23 "
условія	условія	288	19 "
терпѣрть	терпѣть	288	5 сн.
поттійскій полководецъ	понтійскій полководецъ	291	8 "
военоначальнику Асандру	военачальнику Асандру	292	11 "
военоначальникъ Маркъ	военачальникъ Маркъ	293	16 "
Митридамъ III	Митридатъ III	295	18 "
заключить міръ	заключить миръ	299	7 св.
на строронѣ	на сторонѣ	302	6 "
и другили арійцами	и другими арійцами	304	14 "
которая получала	которая получила	305	22 сн.
присоеднившаго	присоединившаго	305	16 "
по персидски Heptali portus	у персовъ Heptali portus	306	21 св.
ничего не сохранилась	ничего не сохранилось	307	23 "
Явное смѣщеніе	Явное смѣшеніе	315	23 сн.
съ югомъ служили....	съ югомъ служилъ....	316	3 св.
дѣйствителано	дѣйствительно	317	21 сн.
княжескаго стола	княжаго стола	317	10 "
съ которыми приходилось	съ которымъ приходилось	3.7	1 "
Тмутарканъ	Тмутараканъ	318	5 св.
Таутараканъ	Тмутараканъ	319	12 "
опровергнуть факты	опровергнуть факта	325	15 сн.
Тмутарканью	Тмутараканью	329	17 "
Тмутарканъ	Тмутараканъ	329	15 "
и твердилъ	и творилъ	333	13 св.
на Таманскомъ полуостровѣ, такъ по Черноморскому побережью	на Таманскомъ полуостровѣ, такъ и по Черноморскому побережью	335	10 сн.
тюрскихъ народностей	тюркскихъ народностей	337	16 "
съ Али Мурзыномъ	съ Али Мурзинымъ	338	6 "
а этимъ послѣдній	а этотъ послѣдній	339	8 св.
продосторожности	предосторожности	340	15 "
горокн	городки	341	20 сн.
Вслѣвствіе	Вслѣдствіе	342	8 св.
осталиесь	остались	345	4 сн.
и другизи	и другими	346	17 св.
по Еланкену	по Еланкечу	347	5 "
Дондуктъ Омба	Дондукъ-Омбо	347	19 "
Аннѣ Іонновнѣ	Аннѣ Іоанновнѣ	347	22 "
наказнаго атаманана	наказнаго атамана	349	3 "
двиилуся	двинулся	349	20 сн.
отсюда направлялся	отсюда направился	349	19 "
императицѣ	Императрицѣ	349	8 "
атамамъ	атаманъ	350	8 "
Мунтанскій островъ	Мултанскій островъ	350	1 "
вспользовавшись	воспользовавшись	351	3 "
Некрасевцевъ было....	Некрасовцевъ было....	352	5 св.
а отдуда на Донъ	а оттуда на Донъ	352	17 "
держатъ въ страхѣ	держали въ страхѣ	352	19 "
казачи станилы	казачьи станицы	353	3 "
Данилу Ефремову	Данилѣ Ефремову	353	22 сн.
Данилу Ефремову	Данилѣ Ефремову	353	10 "
серескира	сераскира	354	18 "
дѣйстворать	дѣйствовать	354	6 "
отсутсвію	отсутствію	354	1 "
вымѣтало на берегъ	вымело на берегъ	355	2 сн.
вода начали спадать	вода начала спадать	356	4 св.
серескира	сераскира	356	7 сн.
де-Медама	де-Медема	357	2 св.
1764 года	1769 года	358	17 "
калыцкие войска	калмыцкія войска	359	6 "

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Страница.	Строка.
съ 2163 человѣка войска	съ 2163 человѣкъ войска	359	4 сн.
на жилища мурзы	на жилище мурзы	360	17 св
темироевцамъ	темиргоевцамъ	360	22 „
изъ за Кубани, мѣсто гдѣ расположился Сокуръ-Аджи	изъ за Кубани, съ мѣста, гдѣ расположился Сокуръ Аджи	362	9 „
перекочевить	перекочевать	362	10 сн.
около 7370 семействъ	около 73700 семействъ	364	20 св.
до 37 тысячъ душъ	до 370 тысячъ душъ	364	20 „
непримирыми ихъ врагами	непримиримыми ихъ врагами	365	4 „
наслѣникъ Абдулъ-Гамидъ	наслѣдникъ Абдулъ-Гамидъ	367	20 сн.
съ темирогоевцами	съ темиргоевцами	369	8 „
военный дѣйствія	военныя дѣйствія	370	6 св.
Петемкину	Потемкину	371	7 „
Но тѣ и другія	Но тѣ и другіе	371	15 „
покловодепъ	полководецъ	371	18 сн.
поступила	поступили	371	17 „
отдрядовъ	отрядовъ	372	8 св.
Сначала переправилась	Сначала переправилось	372	9 „
Раздѣлившись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна схватила...	Раздѣлившись на двѣ партіи, одна схватила....	372	11 „
съ донскимъ полковъ	съ донскимъ полкомъ	372	20 сн.
предположенный ими планъ	Предположенный ими планъ	372	7 „
двухсмысленно	двусмысленно	372	3 „
напривилъ его на встрѣчу	направилъ его на встрѣчу	377	6 „
двадцать тысячъ пѣхоты	десять тысячъ пѣхоты	380	10 св.
обнадеждивши	обнадеживши	380	21 „
о своей готовности къ войнѣ	свою готовность къ войнѣ	380	20 сн.
Произошлое упорное ...	Произошло упорное....	382	12 св.
на Таманскомъ островѣ	на Таманскомъ полуостровѣ	385	12 „
Хотя на этомъ островѣ	Хотя на этомъ полуостровѣ	385	12 „
была закончена конвенція	была заключена конвенція	391	2 „
съ самаго перведенія ихъ	съ самаго переведенія ихъ	394	10 „
всею толпаю	всею толпою	397	1 сн.
высрѣливши изъ ружей	выстрѣливши изъ ружей	398	16 „
А очувствовался уже въ ночи	А очувствовавшись уже въ ночи	398	7 „
15-го марта переѣхавшій изъ за Кубани	15 марта пріѣхавшій изъ за Кубани	400	1 св.
Мейндорфа	Мейендорфа	401	8 „
титуловъ его	чиновъ его	401	16 сн.
но ни одна душа	и ни одна душа	402	18 „
1075 семей	1094 семьи	403	16 „
достигнетъ	достигнуть	403	12 „
200 и 300 человѣкъ	200 или 300 человѣкъ	404	20 св.
съ ранняго утра и до 9 часовъ.	съ ранняго утра и до 9 часовъ вечера.	409	9 „
рекогносцированнымъ боемъ	рекогносцировочнымъ боемъ	410	4 „
отказаться	отказался	410	20 сн.
и совсѣмъ не увидѣть даже Суджука.	совсѣмъ не увидѣвъ даже Суджука	410	18 „
такое независимое положеніе	такое зависимое положеніе	411	15 „
въ октябрѣ 233 убитыхъ	въ отрядѣ 233 убитыхъ	414	2 св.
309 донскихъ казаковъ	300 донскихъ казаковъ	417	22 „
овладѣла батальономъ	овладѣла бастіономъ	419	10 „
1295 раненыхъ	1995 раненыхъ	420	4 „
во первымъ чаще, чѣмъ вторымъ	но первымъ чаще, чѣмъ вторыми	427	21 „
суровымъ и	суровымъ воиномъ, твердымъ и	424	3 св.
національной зависимости	національной независимости	430	5 сн.
какаковъ	казаковъ	431	17 св.
для которыхъ всюду и дома среди родной обстановки....	для которыхъ всюду—и дома среди родной обстановки....	434	2 сн.
товарищество	товариство	437	6 „
по краней мѣрѣ	по крайней мѣрѣ	448	4 св.
не иключая	не исключая	449	13 сн.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Страница.	Строка
войсконой судья	войсковой судья	453	15 св.
кралось	крыласъ	456	2 сн.
непосредственно цѣлью	непосредственною цѣлью	457	2 св.
свой Дамокловъ мечъ; когда военное начало....	свой Дамокловъ мечъ—тогда военное начало....	458	11 „
носилъ	носилъ	460	17 „
и выработка	и выработки	460	11 сн.
повѣтствуетъ онъ ,	повѣствуетъ онъ	463	20 св.
Тѣмъ же менѣе	Тѣмъ не менѣе	464	7 „
чувствалось давленіе	чувствовалось давленіе	465	15 сн.
передъ раразушеніемъ	передъ разрушеніемъ	467	—
29 іюля 1875 года	29 іюля 1775 года	468	18 сн.
вражскихъ отрядовъ	вражескихъ отрядовъ	473	8 „
частичнымъ примѣненіямъ	частичнымъ примѣненіемъ	475	7 св.
Запорожскій Кошъ	Войсковой Кошъ	489	14 „
30 апрѣля 1789 г.	30 августа 1789 г.	489	14 сн.
не уступаетъ	не уступала	499	8 „
8 іюня 1792 г.	8 іюля 1792 г	500	15 „
27 февраля того же, 1792 года	29 февраля того же, 1792 г.	500	14 „
1702 года	1792 года	503	18 св.
по опиписанію Гулика	по описанію Гулика	508	22 сн.
пересилить	переселить	511	3 св.
4-го сентября 1790 года	4-го сентября 1792 года	511	8 сн.
даже не все...	далеко не все...	514	9 св.
высоко положенію	высокому положенію	516	6 „
своей фамили	своей фамиліи	517	11 „
Эсли побѣгъ....	Если побѣгъ...	517	23 сн.
гребной флотилін	гребной флотиліи	519	11 св.
эитхъ послѣднихъ	этихъ послѣднихъ	523	17 сн.
умирающимъ женскимъ сотрудничествомъ матери	умѣряющимъ женскимъ сотрудничествомъ матери	525	6 „
въ ванскую....	въ панскую ...	531	7 св.
Но сколько	Насколько	538	4 сн.
15 ноября 1797 года	15 ноября 1796 года	539	15 „
27 іюля 1797 года	27 іюня 1797 года	542	22 св.
водружавшій ратище	водрузившій ратище	550	13 „
по р. Тихенской	по р. Тихенькой	555	8 „
Изъ миниральныхъ богатствъ	Изъ минеральныхъ богатствъ	564	6 сн.
Мѣсто нахожденія отмѣчено	Мѣсто нахожденія ея отмѣчено	564	5 „
явилась по распоряженію	явился по распоряженію	575	11 св.
чума 1799 г.	чума 1796 г,	575	17 сн.
на нѣкоторыхъ народовъ	на нѣкоторые народы	581	8 „
20 октября 1793 г.	20 сентября 1793 г.	583	6 св.
челоѣкомъ	человѣкомъ	585	7 „
въ ходотайствѣ	въ ходатайствѣ	586	19 „
по куреняхъ	по куренямъ	589	10 сн.
громадныхъ размѣрахъ	грандіозныхъ размѣрахъ	589	3 „
лябядя	лебедя	592	9 св.
іеромонаха Іосифа	іеромонаха Іосафа	592	12 сн.
характернымъ оказываются	характерными оказываются	598	7 св.
Сенька Ворычъ	Сенька Ворочъ	606	8 „
Вслѣдствіи Малый...	Впослѣдствіи Малый....	609	9 „
Староредускаго кордона	Староредутскаго кордона	611	13 сн.
откразили напаленіе	отразили нападеніе	611	12 „
можно сказать сторожить сдинъ лишь пунктъ....	сторожить, можно сказать, одинъ лишь пунктъ	618	7 св.
отъ морскнхъ береговъ	отъ морскихъ береговъ	618	9 „
Колотвизянѣ	Колотовщизнѣ	619	22 сн
Бракахъ	Брокахъ	619	21 „
къ Деребенту	къ Дербенту	620	21 сн.
глубокая разнь	глубокая рознь	632	22 сн.
двумысленно	двусмысленно	633	4 сн.
о преписвѣ	о перепискѣ	632	18 сн.
фонъ-Кинноррингу	фонъ-Кноррингу	638	11 „
не допустили присяги	не допустили къ присягѣ	643	16 „